ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

9.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

И. С. Бѣляевъ. Купеческія родословныя, какъ историческій источникъ. Чухломскіе посадскіе люди Юдины. Москва, 1900.

Современное изученіе исторіи отводитъ широкое мѣсто наблюденію надъ бытомъ народа. Внѣшнія политическія сношенія, прежде исключительно занимавшія историковъ, нынѣ разсматриваются только какъ показатели того состоянія, въ какомъ находилась народная жизнь своего времени. Вниманіе историковъ перешло отъ лицъ, стоявшихъ на виду у всѣхъ, отъ государей, полководцевъ, политиковъ—къ толпѣ обыкновенныхъ людей, къ ихъ воззрѣніямъ и интересамъ.

Той же цѣли можетъ служить и исторія отдѣльныхъ родовъ. Родъ есть нѣчто опредѣленное, стойкое, сохраняющее свои особенныя черты на протяженіи столѣтій. Онъ входитъ, какъ дѣятель, въ общеисторическую жизнь. Наука давно оцѣнила значеніе матеріаловъ которые обычно хранились и собирались семьями, вышедшими изъ служилой знати, предки которыхъ занимали первенствующія мѣста въ государственной жизни. Но въ настоящее время начинается изученіе родовъ незамѣтныхъ, напр. купеческихъ, въ теченіе столѣтій дѣлавшихъ свое дѣло въ родномъ посадѣ. Прослѣдить исторію такихъ родовъ—значитъ уяснить себѣ тѣ силы, изъ которыхъ слагался историческій строй посадской жизни.

Въ купеческихъ семьяхъ, кромѣ немногихъ документовъ, имѣвшихъ когда-то дѣловое значеніе, обыкновенно не сохраняется старинныхъ бумагъ; устныя же воспоминанія, рѣдко восходятъ дальше прадѣда. Когда Генн. Вас. Юдинъ обратился къ И. С. Бѣляеву съ просьбой помочь ему въ собираніи матеріаловъ по исторіи своего рода,—онъ могъ указать изъ своихъ предковъ только прадѣда Михаила, жившаго въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Кромѣ этого онъ могъ сдѣлать только общее указаніе, что мѣстомъ пребыванія его предковъ была Костромская губернія и преимущественно городъ Чухлома. Г. Бѣляеву пришлось поэтому вести свои разысканія почти ощупью.

Работалъ г. Бѣляевъ въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, куда сданы на храненіе документы присутственныхъ мѣстъ, упраздненныхъ реформою 1864 г.: какъ-то уѣздныхъ судовъ, нижнихъ и верхнихъ расправъ, магистратовъ, ратушъ, воеводскихъ канцелярій и т. под. Первымъ источникомъ, къ которому онъ обратился, были писцовыя и переписныя книги, которыя и дали свѣдѣнія о членахъ рода „Июдиныхъ“ въ XVII в. Исторію рода въ XVIII в. можно было возстановить по ревизскимъ сказкамъ. Пробѣлъ между писцовыми книгами и ландратскими ревизіями удалось пополнить разысканіями по столбцамъ разныхъ столовъ разряда. Очень любопытные матеріалы были извлечены изъ документовъ собственно Чухломскихъ: т. е. изъ дѣлъ воеводской канцеляріи, уѣзднаго суда и городового магистрата. Кромѣ служебныхъ дѣлъ здѣсь были „крѣпостныя книги“, содержащія въ себѣ акты о продажѣ и о разныхъ сдѣлкахъ, и „журналы“ присутственныхъ мѣстъ, излагающія всѣ дѣла, которыя въ нихъ слушались, исполненныя драгоцѣнными чертами быта. Имя Июдиныхъ часто встрѣчалось въ этихъ дѣлахъ въ видѣ подписи, то какъ писцовъ, „вольныхъ подъячихъ“, писавшихъ со словъ разныя прошенія, то какъ свидѣтелей у разныхъ актовъ, то въ качествѣ поставщиковъ канцелярскихъ принадлежностей. Съ конца же XVIII в. число документовъ, въ которыхъ возможны разысканія, такъ умножается, что г. Бѣляевъ возстановляетъ не только имена членовъ рода, но и ихъ личныя особенности.

Явилась возможность довести родъ Юдиныхъ въ непрерывной связи до начала XVII в., *именно до 1613 года*, и составить соотвѣтствующую поколѣнную роспись. Попутно разобранъ цѣлый рядъ документовъ, очень харак-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

1900.

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Листьямъ въ дубровахъ подобны сыны человѣковъ.

(*Иліада*, VI, 146).

1900.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

НЕИЗДАННЫЯ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО *).

(Съ примѣчаніями И. А. Бычкова).

Къ Д. Н. Блудову [1]).

(Въ Іюнѣ 1807, Москва) [2]).

Пишу къ тебѣ, любезный странникъ [3]), наканунѣ своего отъѣзда въ деревню. Завтра рано поутру ѣду. Проживу два мѣсяца въ деревнѣ и, можетъ быть, напишу кое-что. На будущій годъ непремѣнно беру *Вѣстника* [4]); товарищей у меня не будетъ: Мерзлякову [5]) нельзя, другихъ не возьму, потому что это товарищество можетъ легко обратиться въ несогласіе. Молись Аполлону, чтобы онъ меня помиловалъ; но уже мы не поѣдемъ вмѣстѣ въ Петербургъ: я долженъ остаться и готовиться къ изданію, въ которомъ и ты (надѣюсь на дружбу твою) будешь иногда участвовать. Пора приняться за дѣятельность; теперь я буду принужденъ не лѣниться, и тѣмъ лучше! Реляція о твоемъ путешествіи не очень забавна: ты тонешь [6]) и скучаешь; сверхъ того безпокоишься, о чемъ неизвѣстно, и по сію пору безъ причины. Дай Богъ, чтобы ты никогда не имѣлъ причины, и я какъ-то увѣренъ, что

---

*) Печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[1]) Писемъ Жуковскаго къ Д. Н. Блудову въ печати не появлялось, за исключеніемъ одного (отъ 1815 года), изданнаго въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1887 годъ, стр. 216—219.

[2]) Письмо даты не имѣетъ. Время написанія опредѣлено изъ сравненія настоящаго письма съ письмомъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, писаннымъ изъ Бѣлева въ началѣ Іюля 1807 года (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, въ приложеніи къ „Русскому Архиву“ 1895 года, стр. 34—37).

[3]) Д. Н. Блудовъ ѣздилъ въ это время въ Казанскую свою деревню для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ послѣ кончины матери (тамъ же, стр. 45).

[4]) Въ 1808 и 1809 гг. Вѣстникъ Европы издавался подъ редакціею Жуковскаго; въ 1810 подъ редакціею Жуковскаго и профессора М. Т. Каченовскаго; съ 1811 же года Жуковскій отказался отъ редакторства.

[5]) Алексѣю Ѳедоровичу († 1830), извѣстному профессору Московскаго Университета, пріятелю Жуковскаго.

[6]) Еще на первыхъ порахъ путешествія, съ Блудовымъ приключилась бѣда: въ верстахъ двадцати отъ Москвы коляска, въ которой ѣхалъ онъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, опрокинулась. Жуковскій ушибъ себѣ руку, а Блудовъ продолжалъ путешествіе одинъ (см. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 37).

ты никогда не будешь имѣть ее. Оставь ребячество и надѣйся *лучшаго*; освяти свою церковь и поспѣши въ Петербургъ; только ради Бога не утони опять и сохрани себя для *любви* [1]) и дружбы. Твое порученіе беру на себя съ радостію, готовъ быть твоимъ повѣреннымъ по части *благихъ* дѣлъ, и письмо твое, въ которомъ говоришь объ этой матеріи, читалъ съ искреннимъ удовольствіемъ. Назначь сумму и пришли ее ко мнѣ: я буду искать и *дѣйствовать*, а вамъ отдавать во всемъ подробнѣйшій отчетъ. Нѣмцу нашелъ квартиру, и онъ уже ее занимаетъ, а я ему присовѣтовалъ вымѣнять образъ святой Анны [2]), какой— не знаю.

Заключу это письмо новостями: Данцигъ освобожденъ отъ Французовъ [3]), и Англичане высадили свою армію на берегъ; при отраженіи Французовъ отъ Данцига убито ихъ 6000 и въ плѣнъ взято 1800; Щербатовъ [4]) сдѣлалъ вылазку, а Каменскій [5]) ударилъ въ тылъ. Бонапарте предлагалъ Государю перемиріе, обѣщаясь отступить за Вислу; Государь отвѣчалъ только: *За Рейнъ.* Вотъ все. Посылаю тебѣ письмо отъ Александра Тургенева [6]) изъ Бартенштейна. Ты долженъ быть мнѣ благодаренъ за это письмо; пишу его тогда, когда принужденъ хлопотать и убираться: вотъ прямой героизмъ дружбы. Прости. Пиши ко мнѣ въ Бѣлевъ.

Къ А. М. Соковниной [7]).

(Въ Іюлѣ-Августѣ 1807, Бѣлевъ) [8]).

Je vous envoye le reste de ma dette et je n'ai pas d'instant libre pour vous dire encore quelque chose de plus. Je ne puis que vous re-

---

[1]) Д. Н. Блудовъ влюбился въ фрейлину княжну Анну Андреевну Щербатову, на которой позднѣе и женился.

[2]) Намекъ на увлеченіе Блудова княжною Анною Андреевною Щербатовой.

[3]) Извѣстіе это было невѣрное: въ Маѣ 1807 г. Данцигъ сдался Французамъ на капитуляцію, но гарнизонъ былъ выпущенъ съ военными почестями.

[4]) Князь Алексѣй Григорьевичъ (впослѣдствіи Московскій генералъ-губернаторъ, † 1848), находившійся въ то время въ Данцигѣ съ тремя батальонами Русскихъ войскъ.

[5]) Графъ Николай Михайловичъ († 1811), сынъ фельдмаршала гр. М. Ѳ. Каменскаго, шедшій съ своимъ отрядомъ на выручку Данцига.

[6]) Александръ Ивановичъ Тургеневъ находился въ свитѣ императора Александра I въ его заграничномъ путешествіи 1807 года. Государь выѣхалъ изъ Петербурга 16 Марта; въ главную квартиру арміи, находившуюся въ Бартенштейнѣ, онъ прибылъ 5 Апрѣля, а въ Тильзитъ, для свиданія съ Наполеономъ, 13 Іюня.

[7]) Анна Михайловна Соковнина (р. 1784 † 1873), сестра пріятеля Жуковскаго, Сергѣя Михайловича Соковнина, была потомъ замужемъ за Васильемъ Никитичемъ Павловымъ. До сихъ поръ было напечатано лишь одно небольшое письмо къ ней Жуковскаго, относящееся къ началу 1800-хъ годовъ (въ Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ, стр. 122—123). Тамъ же (стр. 122) напечатаны стихи къ ней Жуковскаго 1804 или 1805 года. *И. Б.*—Это бабка извѣстнаго піаниста Зилотти. *П. Б.*

[8]) Письмо безъ даты; отнесено къ Іюлю—Августу 1807 года по соображенію съ

mercier bien sincérement pour votre dernière lettre et vous dire que vous pourrez m'être d'un grand secours, si vous êtes toujours les mêmes, c'est à dire telles que vous avez été jadis, dans le temps où on chantait: *Puisque l'orgueil pour jamais te sépare.* Nous pourrons encore être heureux, non pas moi, mais nous, et cela dépend de nous, et nous devons absolument faire en sorte que cela soit. Adieu. Bientôt nous nous reverrons. Je me presse seulement d'expédier l'argent pour ne pas faire languir notre malheureux traducteur. Ne m'oubliez pas cependant, et Dieu vous bénisse; pour moi je passe ma vie en voyages, bien solitaires et ennuyeux par eux-mêmes, mais qui ont pour moi un côté charmant [1]). Adieu. Напишите къ Тургеневу [2]), и напишите на слѣдующей же почтѣ; вы знаете его адресъ, попросите его отъ меня. Самому мнѣ писать теперь некогда: ѣду и спѣшу; попросите, чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ на мое послѣднее письмо, далъ бы знать, что̀ онъ и гдѣ существуетъ. Онъ меня забылъ. Это и натурально; онъ бѣжитъ за честью и чинами, или нѣтъ: онъ только разсѣянъ, и въ тѣ часы, когда остается свободенъ отъ своихъ честолюбивыхъ хлопотъ, вѣрно съ удовольствіемъ думаетъ обо мнѣ и старомъ времени. Но главное и самое важное есть то, чтобы узнать отъ него, провѣдалъ ли онъ о Протащинскомъ, который служитъ въ гвардіи, въ Измайловскомъ полку. Что̀ съ нимъ сдѣлалось, гдѣ онъ и нѣтъ ли ему въ чемъ нужды? [3]) Пожалоста поспѣшите объ этомъ написать къ нему и, такъ какъ ваши слова для него важнѣе моихъ [4]), то заставьте, попросите, убѣдите и прочее его постараться о Протащинскомъ и написать ко мнѣ пообстоятельнѣе объ немъ. Поспѣшите исполнить эту комиссію, чѣмъ одолжите меня совершенно.

письмомъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ начала Іюля 1807 года (см. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 34—37).

[1]) Переводъ. Посылаю вамъ остальную часть моего долга; у меня нѣтъ свободной минуты, чтобы сказать вамъ еще что-либо. Могу только принести вамъ искреннѣйшую благодарность за послѣднее ваше письмо и сказать вамъ, что вы сможете оказать мнѣ большую помощь, если вы все тѣ же, то-есть тѣ же, какими вы были прежде, въ тѣ времена, когда пѣли: „Такъ какъ гордость навсегда разлучаетъ тебя“. Мы еще можемъ быть счастливы; не я, а мы, и это зависитъ отъ насъ, и мы рѣшительно должны этого достигнуть. Прощайте. Скоро мы увидимся. Я тороплюсь только отправить деньги, чтобы не томить ожиданіемъ нашего бѣднаго переводчика. Однако не забывайте меня, и да благословитъ васъ Господь! Что касается меня, то я провожу время въ разъѣздахъ, которые сами по себѣ скучны, но которые для меня имѣютъ свою восхитительную сторону. Прощайте.

[2]) Къ Александру Ивановичу Тургеневу.

[3]) Съ этою просьбою о Протащинскомъ Жуковскій обращался къ Тургеневу въ письмѣ отъ начала Іюля 1807 г. О самомъ Протащинскомъ и родственныхъ его отношеніяхъ къ семьѣ Протасовыхъ см. тамъ же, примѣч. 9, и стр. 114.

[4]) Ср. то, что̀ говоритъ Жуковскій объ А. М. Соковниной, въ письмѣ къ Тургеневу отъ Декабря 1807 года (Письма, стр. 41—42).

Adieu, adieu. Если М(ихаилъ) Дмитріевичъ [1]) здѣсь, то поклонитесь ему отъ меня по дружески; надѣюсь, что онъ не оставилъ литературы и будетъ мнѣ иногда помогать своими переводами [2]). Когда будете писать къ моему любезному А. Өедоровичу [3]), то скажите ему, что я мысленно его обнимаю.

Къ И. И. Дмитріеву [4].)

Москва, Марта 10-го 1810.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Я теперь вдвое благодарю васъ за то, что вы поручили мнѣ быть корректоромъ вашихъ сочиненій [5]): эта пріятная обязанность доставила мнѣ выгоду получить отъ вашего превосходительства письмо, которое было чрезвычайно для меня лестно и которое подтвердило мое увѣреніе, что вы расположены ко мнѣ и въ Петербургѣ такъ же благопріятно, какъ и прежде въ Москвѣ. Проведя цѣлый день въ важнѣйшихъ государственныхъ заботахъ [6]), вы засыпаете каждый вечеръ съ пріятною мыслію о своемъ уединенномъ Московскомъ домикѣ [7]), о своемъ садѣ, о своей люлькѣ добраго эгоиста [8]), о своихъ Московскихъ знакомыхъ; это я слышалъ отъ нашего почтеннаго, возвратившагося

---

[1]) Костогоровъ, товарищъ Жуковскаго и С. М. Соковнина по Московскому Университетскому Благородному Пансіону.

[2]) Для Вѣстника Европы.

[3]) Вѣроятно, Андрею Өедоровичу Сухотину (ср. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 43, 130 и 199).

[4]) Это самое раннее изъ доселѣ извѣстныхъ писемъ Жуковскаго къ Дмитріеву. Напечатанныя письма Жуковскаго къ Дмитріеву начинаются съ 1816 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 425).

[5]) Дмитріевъ былъ въ это время министромъ юстиціи.

[6]) Третье изданіе Сочиненій И. И. Дмитріева вышло въ Москвѣ въ 1810 году.

[7]) Домъ И. И. Дмитріева находился у Харитонія въ Огородникахъ; онъ сгорѣлъ въ Московскій пожаръ 1812 года. Объ этомъ домѣ и садѣ около него см. воспоминанія Жуковскаго въ отрывкѣ изъ стихотворнаго письма къ И. И. Дмитріеву, относящагося къ 1813 году (Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, стр. 311—314).

[8]) Ср. въ томъ же отрывкѣ изъ письма слѣдующіе стихи:

Пожаръ не пощадилъ
Ни добраго Сократа,
Которому грозилъ
Амуръ въ тѣни акацій,
Ни скромной урны Грацій,
Ни тѣсной люльки той,
Гдѣ эгоистъ спокойный,
Подъ тѣнью въ полдень знойный,
Съ подругою-мечтой
Дѣлилъ уединенье.

изъ царства мертвыхъ, исторіографа [1]). И я желалъ бы, чтобы эта черта была извѣстна вашему будущему біографу, хотя (со многими вмѣстѣ) желаю, чтобы дѣло дошло до вашей біографіи какъ можно позже.

О себѣ имѣю честь доложить вамъ, что я, вашъ молодой счастливецъ во всѣхъ отношеніяхъ, и по сію пору еще перехожу мыслію отъ одного понятія о счастіи къ другому и не знаю еще на которомъ остановиться; самыми счастливѣйшими минутами были для меня по сіе время минуты стихотворныхъ родовъ. Иногда, вообразивъ, что счастіе въ Петербургѣ, готовъ уже взять подорожную; то вздумается, что оно на какихъ-нибудь Швейцарскихъ горахъ, и я мечтаю о путешестіи въ Швейцарію, о двухъ-трехъ годахъ, проведенныхъ у Песталоція [2]), для того чтобы завести что-нибудь подобное его институту въ Россіи и быть черезъ то истинно полезнымъ. Часто останавливаюсь мыслію въ томъ идеальномъ домѣ, въ которомъ живетъ моя жена, и въ эти минуты обыкновенно досадно, что вы не исполнили своего намѣренія женить меня на миловидной Нѣмкѣ изъ Нѣмецкой Слободы. Однимъ словомъ, дай Богъ здоровья моему воображенію: оно любитъ разгуливать попрежнему.

Но позвольте возвратиться къ существенному. Первый томъ стихотвореній вашихъ совсѣмъ отпечатанъ. Я снова взялъ его перечитывать и замѣтилъ уже ошибокъ съ пять; заставляю читать и своего сожителя Соковнина [3]); Плат(онъ) Петро(вичъ) Бекетовъ [4]) также читаетъ и обѣщалъ со мною снестись. Однимъ словомъ, мы ведемъ съ большою дѣятельностію наступательную и оборонительную войну съ наборщиками и опечатками. Желалъ бы я, чтобы и Дмитр(ій) Петр(овичъ) [5]) прислалъ мнѣ записку о томъ, что̀ онъ замѣтитъ. По всему этому сдѣланы будутъ поправки; для важныхъ ошибокъ вставятся но-

---

[1]) Въ своемъ письмѣ отъ 3 Марта 1810 года Н. М. Карамзинъ сообщалъ Дмитріеву, что онъ уже поправляется отъ постигшей его болѣзни (см. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 125).

[2]) Знаменитый Швейцарскій педагогъ Песталоцци († 1827).

[3]) О Сергѣѣ Михайловичѣ Соковнинѣ, товарищѣ Жуковскаго по Университетскому благородному пансіону, и его литературной дѣятельности см. Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 444—445, и Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 735—736.

[4]) О Платонѣ Петровичѣ Бекетовѣ (р. 1761 † 1836), бывшемъ потомъ президентомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, см. Русскій Архивъ 1880 г., книга третья, стр. 329—334.

[5]) Сѣверинъ († 1865), тоже воспитанникъ Московск. Университ. благородн. пансіона, принадлежавшій къ членамъ „Арзамаса“, гдѣ онъ носилъ прозваніе „Рѣзваго Кота“, впослѣдствіи посвятившій себя исключительно дипломатической дѣятельности; съ 1837 г. онъ состоялъ посланникомъ въ Мюнхенѣ. Въ это время онъ служилъ въ Министерствѣ Юстиціи, подъ начальствомъ И. И. Дмитріева, называвшаго его своимъ „пюпилемъ“.

выя перепечатанныя страницы, и менѣе важныя внесены будутъ въ концѣ въ эррату. Въ письменномъ оригиналѣ (перев(одъ) Горац(еевой) оды къ Гросфу) находятся слѣдующіе стихи:

Мать-родину свою покинешь,
Но отъ себя не убѣжишь;
Сердечной власти не отринешь,
Ничѣмъ ее не *заслужишь* [1]).

Заслужишь есть ошибка г-на секретаря Сѣверина; должно, если не обманываюсь, *заглушишь*. Но отринуть и заглушить *власть* едва ли это ясно. Не разсудите ли этого поправить? Я, между прочимъ, придумалъ слѣдующее:

Сердечныхъ жалобъ не отринешь,
И укоризнъ не заглушишь.

Или:

Мать-родину свою оставишь,
Но отъ себя не убѣжишь,
Умолкнуть сердце не заставишь
И мукъ его не утолишь (усмиришь, заглушишь).

И мукъ его не утолишь (усмиришь, заглушишь) [2]). Смѣю надѣяться, что вы простите мнѣ мою дерзость. И прочія части буду просматривать съ возможнымъ стараніемъ.

Имѣю честь быть съ совершенною преданностью вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга В. Жуковскій [3]).

Къ С. С. Уварову.

I.

Москва, Мая 4-го 1811.

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо [4]) и спѣшу на него отвѣчать. На предлагаемое вами перепечатаніе моего перевода [5]) соглашаюсь съ большимъ удовольствіемъ; желалъ бы только, чтобы вы или

---

[1]) Такъ читаются эти стихи и въ печатномъ изданіи (см. Соч. Дмитріева, 3-е изд., М. 1810, ч. I, стр. 45).

[2]) Въ послѣдующихъ же изданіяхъ Дмитріевъ принялъ предложенную Жуковскимъ редакцію и приведенные стихи читаются такъ:

Мать-родину свою оставишь,
Но отъ себя не убѣжишь,
Умолкнуть сердце не заставишь
И мукъ его не усмиришь.

[3]) Это письмо сохранилось въ современномъ спискѣ.

[4]) Письмо отъ 21 Апрѣля 1811 года, напеч. въ Русскомъ Архивѣ 1871 г., стр. 0157—0158.

[5]) Какъ видно изъ письма Уварова, онъ просилъ у Жуковскаго разрѣшенія перепечатать сдѣланный имъ переводъ книги Уварова „Projet d'une Académie Asiatique“, вы-

Тургеневъ [1]) взяли на себя трудъ его пересмотрѣть и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправить: я переводилъ поспѣшно, ибо долженъ былъ кончить въ срокъ, для напечатанія въ первыхъ №№ Вѣстника; я увѣренъ, что въ немъ довольно найдется ошибокъ или худыхъ оборотовъ. Я самъ охотно взялъ бы на себя эту поправку, но не знаю, къ которому времени нужно ее кончить; если время терпитъ, то прошу васъ покорно меня увѣдомить: я поспѣшу доставить вамъ экземпляръ, сколько можно исправленный, и этотъ трудъ возьму на себя съ большимъ удовольствіемъ, ибо онъ даетъ мнѣ случай сдѣлать что-нибудь вамъ пріятное; назначьте только срокъ, къ которому все надобно изготовить.

На сихъ дняхъ я былъ у Николая Михайловича [2]) и исполнилъ ваше препорученіе, то-есть сказалъ ему о новой Шлегелевой книгѣ, которую вы намѣрены со временемъ ему прислать [3]).

Онъ скоро ѣдетъ въ деревню. Я также собираюсь проститься съ Москвою и желалъ бы надолго, дабы безъ всякаго помѣшательства заняться дѣломъ и наконецъ что-нибудь сдѣлать.

Здѣсь позвольте [4]) мнѣ упомянуть о томъ, что̀ вы предлагали мнѣ въ Москвѣ [5]). Предложеніе это почитаю отмѣнно для себя выгоднымъ, но также почитаю необходимымъ объясниться съ вами искренно; можетъ быть, искренность моя покажется вамъ странной—такъ и быть. Я совершенно *неготовъ* къ тому званію, на которое вы меня опредѣляете; мои свѣдѣнія всѣ вообще весьма еще несовершенны и не приведены въ порядокъ. Для того, чтобы ихъ нѣсколько усовершенствовать, нужна свобода; занявшись должностію, для меня важною и по моей *неготовности* весьма для меня трудною, я не буду имѣть возможности исполнить это намѣреніе: одно исключительное занятіе отвлечетъ меня отъ другихъ необходимыхъ для меня занятій, которыхъ я ни за что не хотѣлъ бы оставить....

шедшей въ свѣтъ въ 1810 году. Этотъ переводъ Жуковскаго, подъ заглавіемъ „Мысли о заведеніи въ Россіи Академіи Азіатской", былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1811 года, № 1, стр. 27—52, и № 2, стр. 96—120.

[1]) Александръ Ивановичъ.

[2]) Карамзина.

[3]) Въ письмѣ отъ 21 Апрѣля Уваровъ просилъ Жуковскаго сообщить Карамзину о томъ, что онъ намѣренъ доставить ему недавно вышедшую въ свѣтъ „Новѣйшую Исторію" Шлегеля.

[4]) Начиная отсюда, отрывокъ изъ этого письма былъ напечатанъ мною въ „Письмахъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу" стр. 95 (прим. 2-е).

[5]) Во время свиданія съ Жуковскимъ въ Москвѣ въ началѣ 1811 года С. С. Уваровъ (бывшій въ то время попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа) предлагалъ Жуковскому мѣсто профессора въ Педагогическомъ Институтѣ (который уже съ 1805 года правительство имѣло намѣреніе преобразовать въ Спб. университетъ).

Хотите ли мнѣ сдѣлать истинное добро? Дайте мнѣ время, нужное для приготовительнаго, ученическаго труда и между тѣмъ позвольте мнѣ имѣть надежду, что я, по совершеніи своего курса, на который по крайней мѣрѣ употребить надобно года два, найду въ васъ вѣрное прибѣжище и что вы тогда не откажетесь доставить мнѣ средство употребить способности мои на общую пользу. Эта надежда меня совершенно успокоитъ: безъ всякой заботы о будущемъ посвящу себя упражненію и стану заранѣе наслаждаться мыслію, что выгодами жизни обязанъ буду тѣмъ людямъ, къ которымъ прилѣпленъ чувствами дружбы. Такая мысль и самый трудъ сдѣлаетъ для меня сладкимъ. Напротивъ, если теперь возьму на себя такую должность, къ которой я совсѣмъ не готовъ, то она будетъ для меня только источникомъ самыхъ непріятныхъ ощущеній: безпрестанно буду воображать себя не на своемъ мѣстѣ, и съ выгодами *состоянія* не получу того, что̀ дѣлаетъ всякое состояніе пріятнымъ, то-есть спокойствія внутренняго и довольства самимъ собою. Однимъ словомъ, прошу отъ васъ только одной надежды, то-есть позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что я въ свое время найду въ васъ нужную мнѣ помощь. Болѣе ничего теперь не требую и не имѣю права требовать.

Желалъ бы, еслибы это было возможно, быть теперь просто привязаннымъ къ С.-Петербургскому университету, не получая никакого жалованья, а только при немъ *считаться.* Также весьма бы желалъ знать заранѣе, къ какой особенной должности надлежитъ мнѣ особенно себя приготовить [1]). Я говорилъ съ вами искренно, ибо говорилъ не съ такимъ человѣкомъ, отъ котораго ожидаю однѣхъ только выгодъ, но съ человѣкомъ, къ которому хочу быть привязанъ чувствомъ дружбы безъ всякихъ постороннихъ видовъ. Хотя нѣсколько пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною съ вами въ Москвѣ, и не даютъ мнѣ на это полнаго права, но ваше давнишнее знакомство съ Тургеневымъ и меня сдѣлало вашимъ давнишнимъ знакомцемъ.

Возвращаю съ благодарностію вашего Гёте. Позвольте вамъ напомнить, что вы обѣщали мнѣ прислать Французскіе ваши стихи: «Sur l'avantage de mourir jeune» [2]). Эта идея меня плѣняетъ; мнѣ самому

---

[1]) „Тургеневу поручилъ я,—писалъ Уваровъ Жуковскому въ своемъ отвѣтномъ письмѣ отъ 15 Мая 1811,—доказать вамъ, что ваше желаніе не согласно ни съ ходомъ вещей, ни съ вашими выгодами, ни съ моими. Я надѣюсь, что онъ васъ убѣдитъ. Самая скромность ваша увѣряетъ меня, что вамъ приготовляться не нужно. Что же касается до занятій вашихъ, то не только вы будете имѣть нужное на оныя время, но еще всѣ способы болѣе и болѣе распространять опытность и свѣдѣнія ваши" (Русскій Архивъ 1871 г., ст. 0159).

[2]) Т. е. о выгодѣ умереть въ молодости. „Въ скоромъ времени, отвѣчалъ Уваровъ въ письмѣ отъ 15 Мая (тамъ же, ст. 0159), получите вы мои стихи „Sur l'avantage

хотѣлось бы ее обработать на нашемъ Гиперборейскомъ языкѣ, укравши у васъ нѣсколько мыслей. Вы обѣщали мнѣ и другіе ваши стихи, и еще Гердерову книгу: Geist der Hebraischen Poesie [1]).

Простите, почтенный Сергѣй Семеновичъ. Прошу васъ не забывать искренно преданнаго вамъ Жуковскаго [2]).

2.

5 Декабря, (sic; читай: Января). (1815) Долбино.

Я получилъ ваше ободрительное, дружеское письмо [3]), на которое отвѣтъ въ трехъ словахъ, чтобы поблагодарить васъ отъ всего сердца. Весело быть стихотворцемъ, имѣя такихъ друзей, какъ Уваровъ, Тургеневъ, Блудовъ и Батюшковъ. Ихъ критика наслажденіе, а выше ихъ одобренія ничего быть не можетъ. Пишу къ вамъ отъ того такъ мало, что меня бѣсъ попуталъ писать отвѣтъ на замѣчанія Батюшкова стихами [4]). Какъ ни будь стихи-проза, все надобно болѣе надъ ними возиться, и я боюсь опоздать на почту и, вѣроятно, опоздалъ. Для васъ именно перевелъ я недавно большой отрывокъ изъ Мессіады, эпизодъ Аббадоны, гекзаметромъ [5]). Стихи помѣшали мнѣ по сю пору [5]) его вамъ доставить, но я не замедлю; хочется еще что-нибудь сказать въ прозѣ защитнику древнихъ. Чѣмъ болѣе знакомлюсь съ нашимъ языкомъ, тѣмъ болѣе удивляюсь этому Протею. Но простите; почта не

---

de mourir jeune". Не судите строго о ихъ достоинствѣ, не иначе какъ о изліяніи чувствъ душевныхъ; участь ихъ должна бы быть—умереть тамъ, гдѣ они родились".

[1]) Сочиненіе знаменитаго Гердера (р. 1744 † 1803) Vom Geist der Hebräischen Poesie вышло первымъ изданіемъ въ 1782 г.; второе изданіе появилось въ 1787 г.

[2]) Настоящее письмо сохранилось въ копіи, сдѣланной рукою А. И. Тургенева.

[3]) Отъ 20 Декабря 1814 года (см. въ Русск. Архивѣ 1871 г., ст. 0163) по поводу посланнаго Жуковскимъ 1 Декабря того же года на судъ Тургенева, Батюшкова, Блудова, Уварова и Дашкова „Посланія къ Императору Александру" (см. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 130—131). „Jo, triumphe (писалъ Уваровъ Жуковскому). Прекрасно! Прекрасно! Чувства возвышенныя, мысли глубокія и сильныя; похвала благородная и смѣлая; языкъ поэта. Еще разъ: прекрасно! Примите, любезный Василій Андреевичъ, истинную мою благодарность за тѣ пріятныя минуты, которыми я вамъ одолженъ. Мы читали посланіе съ предубѣжденіемъ, но вмѣстѣ и съ разборчивостью дружбы, и кромѣ малаго числа словъ и двухъ или трехъ незначущихъ стиховъ, мы все одобрили".

[4]) Жуковскій подразумѣваетъ здѣсь свое стихотвореніе „Къ Ареопагу". Изъ настоящаго письма къ Уварову можно съ точностью опредѣлить, что письмо Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, напечатанное въ „Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу" подъ № LIX и отнесенное мною къ первымъ числамъ Января 1815 года, писано именно 5 Января.

[5]) Аббадона (изъ „Мессіады" Клопштока) впервыя напеч. въ „Сынѣ Отечества" 1815 г., № 22. „Прекрасный вашъ переводъ Аббадоны съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ, писалъ Уваровъ Жуковскому 15 Марта 1815 года (см. Русскій Архивъ 1871 г., ст. 0164), въ формѣ стиха нашелъ я нѣсколько вольности; но стихи прелестны. Я не надѣюсь, впрочемъ, чтобъ можно было похитить у Грековъ ихъ *экзаметръ* со всею строгостью правилъ, ими наблюдаемыхъ. Тутъ и эхо пріятно".

терпитъ. Повѣрьте, что я за счастіе почитаю право считать васъ въ числѣ моихъ друзей, если только не слишкомъ рано называю это *своимъ* правомъ. Что вы на это скажете? Вашъ Жуковскій.

III.

Дерптъ, Апрѣля 1-го 1815.

Я получилъ ваше дружеское письмо [1]) и приложенный при немъ высочайшій рескриптъ ея императорскаго величества [2]). Благодарю васъ за доставленіе; весело было получить его черезъ васъ. Чтеніе его чрезвычайно меня тронуло; выраженія государыни на мой счетъ необыкновенно милостивы.

Я послалъ Тургеневу [3]) вчернѣ мой отвѣтъ [4]), прося его вамъ показать, вмѣстѣ съ вами что нужно поправить и, переписавъ, отдать вамъ для врученія ея величеству. Не откажитесь отъ исполненія сихъ порученій, которыя сдѣлать вамъ даетъ та дружба, которую вы ко мнѣ такъ явно показываете, не ставя въ счетъ того, что я иногда поступаю съ вами, какъ безпечной стихотворецъ и какъ человѣкъ, весьма уже съ вами короткой. Но причина всему этому Тургеневъ: я увѣренъ, что тотъ, кто съ нимъ другъ, долженъ любить и Жуковскаго и даже многое прощать ему.

Радуюсь, что мой переводъ [5]) вамъ понравился. Надѣюсь, что вы вмѣстѣ съ Гнѣдичемъ [6]) поправили замѣченныя вами ошибки. Замѣчанія же ваши надѣюсь скоро *слышать*.

---

[1]) Отъ 15 Марта 1815 г., напеч. въ Русскомъ Архивѣ 1871 г., ст. 0164—0165.

[2]) Съ изъявленіемъ благоволенія за „Посланіе къ императору Александру".

[3]) См. письмо Жуковскаго къ Тургеневу отъ 1 Апрѣля 1815 г. въ „Письмахъ Жуковскаго къ А. И. Тургеневу", стр. 144.

[4]) Въ бумагахъ В. А. Жуковскаго сохранилось тщательно переписанное рукою писца отвѣтное благодарственное письмо Жуковскаго къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Оно помѣщается вслѣдъ за настоящимъ письмомъ.

[5]) Аббадона. См. предыдущее письмо.

[6]) Въ письмѣ къ Н. И. Гнѣдичу (безъ даты, но относящемся къ послѣднимъ числамъ Декабря 1814 или первымъ числамъ Января 1815 года) Жуковскій, между прочимъ, писалъ: „Вы выбрали себѣ славную работу. Россія будетъ вамъ благодарна за старика Гомера, котораго вы ей усыновляете; я радуюсь, между прочимъ, и старому гекзаметру, который, вопреки нашимъ почетнымъ любимцамъ Феба, ближе къ гармоніи вдохновенныхъ лиръ, чѣмъ сухой и прозаическій ямбъ, освященный привычкой. Я самъ осмѣлился сдѣлать опытъ перевода гекзаметромъ Аббадоны, извѣстный вамъ эпизодъ изъ Клопштоковой Мессіады. На слѣдующей почтѣ пошлю этотъ отрывокъ къ Сергѣю Семеновичу, а васъ прошу сдѣлать замѣчанія, такъ какъ и всегда прошу не отказывать мнѣ въ своихъ *братскихъ* совѣтахъ. Нигдѣ такъ братства не нужно, какъ на Парнасѣ. Ни отъ кого такъ одобреніе не пріятно, какъ отъ товарищей." (См. „Книжки Недѣли" 1896, Январь, стр. 8—9. Въ этомъ нумерѣ напечатано А. Ѳ. Онѣгинымъ семь, бывшихъ дотолѣ неизданными, писемъ Жуковскаго къ Гнѣдичу. Подлинники этихъ писемъ въ 1895 году были пріобрѣтены Императорскою Публичною Библіотекою. Въ печатномъ ихъ изданіи

Я надѣялся быть непремѣнно въ концѣ четвертой недѣли поста въ Петербургѣ; но дорога, говорятъ, непроходимая. Итакъ, въ половинѣ шестой я вѣрно у васъ.

Благодарю васъ за присылку 500 рублей [1]).

Въ ожиданіи пріятнаго свиданія съ вами, остаюсь съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ вамъ душевно преданный Жуковскій.

Къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Апрѣль 1815.

Всемилостивѣйшая государыня!

Я имѣлъ счастіе получить недавно всемилостивѣйшій рескриптъ вашего императорскаго величества. Приношу чувства пламенной благодарности ко стопамъ моей государыни.

Вашему величеству угодно было сказать мнѣ, что мои стихи, внушенные малымъ дарованіемъ, но великимъ удивленіемъ къ характеру лучшаго изъ царей, тронули ваше сердце. Могу ли вообразить что-нибудь выше такой награды?

Вашему величеству угодно было еще сказать, что сіи стихи свидѣтельствуютъ мою любовь къ государю и отечеству. Съ восхищеніемъ благодарю ваше величество за такое выраженіе. Слышать его изъ устъ вашихъ есть счастіе неизъяснимое.

Въ сію минуту, когда Провидѣніе посылаетъ новые опыты человѣчеству [2]), всѣ, не только мы, Русскіе, но и чужіе народы, съ твердостію мыслятъ, что сильнѣйшій между царями, управляющими ихъ судьбою, соединяетъ съ могуществомъ и прекрасную душу, вѣрную человѣческому благу. На него устремлены всѣ надежды, подтвержденныя уже опытомъ. Благо народовъ твердо, пока Александръ на тронѣ.

Счастливѣйшая минута жизни моей будетъ та, въ которую удостоюсь быть представленъ вашему императорскому величеству [3]). Хотя

встрѣчается нѣсколько невѣрно прочтенныхъ мѣстъ. Такъ, въ приведенной только-что выпискѣ въ „Книжкахъ Недѣли" напечатано: *вотще* нашимъ и т. д., вмѣсто: *вопреки* нашимъ и т. д.; *эпилогъ* изъ Клопштоковой Мессіады, вмѣсто: *эпизодъ* изъ Клопштоковой Мессіады). (См. Отчетъ Импер. Публичн. Библіотеки за 1895 годъ, стр. 236, примѣч.).

[1]) Вырученные продажею „Посланія къ императору Александру", какъ видно изъ письма Уварова къ Жуковскому отъ 15 Марта 1815 года (см. Русскій Архивъ 1871 г., ст. 0164—0165.)

[2]) Жуковскій имѣлъ въ виду бѣгство Наполеона съ острова Эльбы и прибытіе его 8 (20) Марта 1815 года въ Парижъ. „Каковы революціи нашего вѣка? писалъ по этому поводу Жуковскій Тургеневу 1 Апрѣля 1815 года. Но что̀ отчаяваться? Есть твердость, есть сила, есть благородный характеръ Александра! Надобно драться не на животъ, а на смерть. Въ борьбѣ за свободу народы усиливаются духомъ. По крайней мѣрѣ для Русскихъ теперь ничто не должно быть страшно". (Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 144).

[3]) О представленіи Жуковскаго императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ см. отрывокъ изъ

и не осмѣливаюсь ласкать себя такимъ счастіемъ, но благодарность, которою сердце мое къ вашему императорскому величеству исполнено, даетъ мнѣ право желать сего.

Вашего императорскаго величества вѣрноподданнѣйшій Жуковскій.

Къ А. Ѳ. Воейкову.

I.

(Сентябрь 1813, Муратово) [1].

Коротко да ясно. Братъ, я получилъ твое маленькое письмо изъ Сарепты [1]) и получилъ его въ то время, когда писалъ къ Тургеневу посланіе [2]), касающееся и до тебя, ибо въ немъ говорится о прошломъ времени, о нашемъ лучшемъ времени; я доставлю его и къ тебѣ, ибо ты имѣешь на него такое же право, какъ и Тургеневъ. Ты одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ той прекрасной комедіи, которую мы играли во время оно и которая называется *счастіе*. Многіе изъ актеровъ сошли со сцены, а для остальныхъ піеса кончилась; они раздѣлись, устали и просятъ, чтобы ихъ скорѣе отпустили по домамъ. Въ отвѣтъ на твое письмо скажу, что я никуда не располагаю ѣхать и (если что-нибудь неожиданное не пихнетъ меня къ чорту), буду все жить въ Болховѣ. Пріѣзжай [3]). Увѣряю тебя, что ты не раскаешься въ своемъ путешествіи. *Первое:* проживешь нѣсколько времени вмѣстѣ со мною. Попишемъ, поговоримъ о прошломъ, поплюемъ на настоящее и еще тѣснѣе сдружимся, что̀ главное. *Второе:* познакомишься съ двумя милыми семействами [4]), съ которыми время пролетитъ для тебя скоро. *Третье:* получишь отъ меня посланіе въ отвѣтъ на твое прекрасное и слишкомъ уже для меня обольстительное [5]). Напишу его при тебѣ [6]) и, вѣрно, отъ того напишу лучше, и отдамъ тебѣ изъ рукъ въ руки. Прі-

---

письма его къ роднымъ, отъ 11 Іюня 1815 года, напеч. въ Русскомъ Архивѣ 1865 года стр. 803—805.

[1]) Для опредѣленія времени написанія этого письма см. письмо Жуковскаго къ А. И. Тургеневу отъ 2 Сентября 1813 года (Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 103).

[2]) А. Ѳ. Воейковъ путешествовалъ по нѣкоторымъ южнымъ губерніямъ Россіи. О посѣщеніи имъ Сарепты Жуковскій говоритъ въ своемъ Посланіи къ Воейкову „Добро пожаловать, пѣвецъ“ (см. Стихотвор. Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 328—329).

[3]) Рѣчь идетъ о Посланіи къ Тургеневу, начинающемся словами: „Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“

[4]) Въ Муратово (имѣніе Протасовыхъ) близь Орла Воейковъ пріѣхалъ въ концѣ 1813 года (см. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, Спб. 1883, стр. 58).

[5]) Протасовыхъ и Плещеевыхъ.

[6]) Это Посланіе Воейкова къ Жуковскому было напечатано (подъ заглавіемъ: Къ Ж.) въ Вѣстникѣ Европы 1813 года, № 5 и 6, стр. 26—29).

[7]) Это и есть посланіе Жуковскаго къ Воейкову, начинающееся словами: „Добро пожаловать, пѣвецъ“; написано оно 29 Января 1814 года (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 320—329).

ѣзжай въ Болховъ (Орловской губерніи); спроси Александра Алексѣевича Плещеева [1]), который готовъ отъ всего сердца съ тобою познакомиться и рѣдко доброй и милой малой. Онъ живетъ близъ Болхова [2]) и будетъ тебѣ проводникомъ ко мнѣ. Пріѣзжай, ради Бога. Я воображаю, что мы проведемъ другъ съ другомъ самыя сладостныя минуты. Знаешь ли, что̀ дѣлаю въ эту минуту? Перечитываю письма Андрея Ивановича [3]). Какъ они все живо напоминаютъ! И какая досада рветъ сердце, когда подумаешь, что уже этого воротить нельзя!

Весь твой Жуковскій.

Мой самый вѣрный адресъ: въ *Бѣлевъ*, откуда ко мнѣ пересылаетъ письма самъ почтмейстеръ.

На 2-мъ полулистѣ слѣдующій адресъ: „Его высокоблагородію Александру Ѳедоровичу Воейкову. Въ Балашевъ".

II.

Пятница, Февраля 13 (1814).

Я бѣлой книги не страшуся [4]).

Вчера получилъ твое письмо изъ Мценска и жалѣлъ, читая его, что ты, мой милой изгнанникъ на время изъ міра ангеловъ [5]) (но получившій изъ онаго подорожную въ міръ человѣковъ съ надписью: *обратно*), коптишься на постояломъ дворѣ вмѣсто того, чтобы пить чай въ зеленомъ кабинетѣ изъ рукъ Александрины [6]), слушаешь явную ложь изъ пасти Ржевскаго, вмѣсто того, чтобы видѣть скрытую истину на миломъ лицѣ кошечьяго брадобрѣя [7]). Мой припѣвъ: пріѣзжай, пріѣзжай; наши дѣла идутъ сильно къ развязкѣ [8]). Сатана, на котораго я въ прошедшемъ письмѣ жаловался, былъ, напротивъ, такъ сказать ангелъ; ничто не испорчено, хотя и могло бы испортиться, стру-

---

[1]) Объ Александрѣ Алексѣевичѣ Плещеевѣ († 1827), бывшемъ въ родствѣ съ семьею Протасовыхъ и въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Жуковскому, см. Сочиненія К. Н. Батюшкова. т. III, стр. 751—752, и Остафьевскій Архивъ, т. I, стр. 439—440.

[2]) Въ своемъ имѣніи Черни.

[3]) Тургенева († 1803), друга Жуковскаго.

[4]) Подъ „бѣлою книгою", какъ видно изъ конца Посланія Жуковскаго къ Воейкову отъ 29 Января 1814 года и подстрочнаго примѣчанія къ нему Воейкова, Жуковскій разумѣлъ тетрадь, въ которой онъ думалъ писать свою поэму „Владиміръ". Если бы страницы въ этой книгѣ остались пустыми, это должно было бы служить, по словамъ Жуковскаго, знакомъ, что „милѣйшія души его не совершилися желанья", т. е. что надеждамъ его на возможность брака съ М. А. Протасовою не суждено было сбыться. Слѣдовательно, въ это время Жуковскій еще мечталъ о возможности этого брака.

[5]) Т. е. семьи Протасовыхъ.

[6]) Александры Андреевны Протасовой, на которой А. Ѳ. Воейковъ въ томъ же году и женился.

[7]) Кто разумѣется подъ „кошачьимъ брадобрѣемъ"—неизвѣстно.

[8]) Т. е. полученіе согласія Е. А. Протасовой на бракъ ея дочери Марьи Андреевны съ Жуковскимъ.

ны только болѣе натянуты; или онѣ лопнуть, или будетъ совершенная гармонія. При всей своей трусости вѣрю болѣе послѣднему. Другъ милой, твое возвращеніе ускорено должно быть цѣлымъ мѣсяцемъ. Арбенева [1]) будетъ въ концѣ Февраля въ Москву и въ началѣ Марта въ Муратово: ты самъ долженъ чувствовать, что твое присутстіе тогда будетъ необходимо. Я увѣренъ, что по пріѣздѣ Арбеневой тотчасъ послѣдуетъ и объясненіе. *Она одна* совсѣмъ не то, что *она и ты*. Одною батареею будетъ менѣе. Я завтра ѣду въ Орелъ, а послѣ завтра къ Ив(ану) Владимировичу [2]). Надобно его приготовить, дабы можно было его употребить навѣрное въ пору и во́-время.

Твои дѣла идутъ хорошо; говорятъ объ тебѣ какъ о *своемъ*; списываютъ твои стихи въ нѣсколько рукъ; за обѣдомъ поятъ кошку цимлянскимъ виномъ и увѣщеваютъ ее пить за здоровье *чернаго негра*. А я увѣряю, что всѣ кошки отъ Муратова до Саратова будутъ тобою обстрижены и что ты привезешь къ намъ съ собою большой пукъ кошачьихъ усовъ

Въ святой залогъ воспоминанья
И въ вѣрный знакъ, что въ жизни сей
Малѣйшія души твоей
Свершаются желанья [3]).

Было слово и объ Иванѣ Владимировичѣ. Онъ здѣсь болѣе силенъ, нежели какъ я думалъ. Это открылось мнѣ вчера. Онъ крестный отецъ Ванички Кирѣевскаго [4]), а Екатерина Аѳан(асьевна) [5]) его кума. Но онъ самъ объ этомъ не знаетъ, и его только имя упоминалось при крещеніи. Кирѣевскій [6]), чудакъ, который всегда вѣрилъ примѣтамъ, хотѣлъ имѣть крестнымъ отцомъ своего сына истиннаго христіанина, и они вмѣстѣ съ Екатериною Аѳан(асьевною) выбрали Иван(а)

---

[1]) Авдотья Николаевна; она приходилась родною племянницею Е. А. Протасовой (была дочерью ея сестры Н. А. Вельяминовой). Жуковскій возлагалъ большія надежды на ея предстательство за него предъ Е. А. Протасовою, но онѣ были напрасны (см. Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 111—113 и 115).

[2]) Лопухину, извѣстному масону и автору „Записокъ“.

[3]) Ср. въ Посланіи Жуковскаго къ Воейкову слѣдующіе стихи, относящіеся къ самому Жуковскому:

Въ святой залогъ воспоминанья,
Увы, и въ знакъ, что жизни сей
Милѣйшія души моей
Не совершилися желанья.

[4]) Извѣстнаго впослѣдствіи славянофила Ивана Васильевича Кирѣевскаго.

[5]) Протасова.

[6]) Василій Ивановичъ Кирѣевскій († 1812), женатый на племянницѣ Е. А. Протасовой, извѣстной Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой (во второмъ бракѣ Елагиной), былъ человѣкъ весьма образованный и религіозный, но доходившій иногда до крайностей (напр. онъ скупалъ сочиненія Вольтера и сжигалъ ихъ, о чемъ см. біографич. очеркъ А. П. Елагиной, написанный К. Д. Кавелинымъ).

Владимировича, но его объ этомъ не увѣдомляли. Послѣ этого какъ сильно будетъ его покровительство! О! надежда меня дѣлаетъ счастливымъ. Братъ, подумай, что̀ если устроится наша Аркадія? Вообрази это себѣ какъ можно живѣе, и пускай сердце твое обольется радостію. Я вчера съ восхищеніемъ смотрѣлъ на ясное свѣтлое небо, и благодарность къ *Создателю этого неба и надежда* наполняли мою душу. Я говорилъ Отцу, который скрывался за этимъ свѣтлымъ небомъ: «Ты готовишь мнѣ счастіе, Тебя достойное, и я клянусь сохранить его, какъ залогъ милости, и не унизиться, чтобы не потерять на него право». Въ эту минуту жизнь и земля совсѣмъ казались мнѣ иными. И я не могъ усидѣть въ кибиткѣ (я ѣхалъ въ Чернь) *); надобно было выйти и подышать на свободѣ. Какъ бы мы жили вмѣстѣ: согласіе во всемъ, одинакія занятія и стремленія къ одному не по пустой скучной дорогѣ, но вмѣстѣ съ вѣрными товарищами, которыхъ цѣль не особенная, но общая, и которые не могли бы желать дойти къ этой цѣли одни. И все это возможно,—возможно потому, что мы созданы быть добрыми и знаемъ то, что достойно искать въ жизни. Знаемъ, что это достойное вблизи насъ и въ насъ самихъ. Братъ, и то еще меня успокоиваетъ: такое счастіе было бы невѣрно, когда бы оно достигалось легко. Но оно будетъ куплено дорогою цѣною, и прошедшее порука за будущее. Я готовъ даже благодарить Создателя и за несчастіе, и вѣрно теперь настоящее огорченіе не будетъ для меня такъ горько, какъ было. Я буду въ немъ видѣть одну только надбавку цѣны: тѣмъ прочнѣе покупка, чѣмъ выше цѣна. Лишь бы сохранить надежду! И знаешь ли, что̀ наиболѣе меня радуетъ въ будущемъ? Я самого себя вижу лучшимъ: я самъ для себя теперь только надежда. Мнѣ кажется, что тотъ *я*, который долженъ еще жить на семъ свѣтѣ, вдали, и что я иду за нимъ; и что онъ ужъ мнѣ показывается на дорогѣ, и что я уже подымаю руку, дабы отдать ему свою жизнь и потомъ, сказавъ: «Наслаждайся», исчезнуть, уступивъ ему свою дорогу. Самая неопытность кажется для меня теперь счастіемъ. Я теперь, какъ Бюффоновъ человѣкъ, одаренный всѣмъ совершенствомъ жизни и вдругъ пробуждающійся: такъ, какъ для него открылась вдругъ вся вселенная со всѣми ея красотами, такъ и я долженъ буду получить вдругъ *всѣ* радости: семейственныя, дружба, дѣятельность, самая религія, все для меня еще надежда. Сонъ начинаетъ меня покидать, я готовъ открыть глаза, чувствую *сквозь сонъ* всю прелесть того, что увижу.... Молись же судьбѣ, чтобы вдругъ меня не ослѣпило. Это значитъ: пріѣзжай; и въ бѣлой книгѣ наполнятся страницы. О, какъ мы опять будемъ торжествовать,

---

*) Имѣніе друга Жуковскаго А. А. Плещеева (въ Болховскомъ уѣздѣ Орловской губ.).

ты, я и мой негръ [1]) (*нашъ* негръ, который *плачетъ* отъ радости при каждой *моей* надеждѣ) въ ту минуту, въ которую подамъ тебѣ *дописаннаго* Владимира [2]). Какъ бы ни учрежденъ былъ этотъ праздникъ, но въ вечеру наканунѣ этого дня мы должны трое, безъ штановъ, на полу, пить рейнвейнъ въ кабинетѣ негра и кричать: Э! взяла, бѣлая книга! Прости. Обнимаю тебя.

Ж.

Посылаю тебѣ письмо Каченовскаго [3]); поразжуй на досугѣ предложеніе Ширяева [4]). *Намъ* со временемъ нельзя будетъ обойтись безъ изданія журнала. Надобно будетъ приняться безъ всякихъ шутокъ за ковку денегъ.

Положись на тебя! Ты совсѣмъ забылъ о Морò. Вотъ объ немъ записка: толстый, добрый, съ хорошими свѣдѣніями и правилами Французъ Морò, учащій языку Франц(узскому), географіи, исторіи и особенно математикѣ, и жена его, знающая Нѣмецк(ій), Франц(узскій) и Итальянскій языки, большая музыкантша, мастерица пѣть, да къ тому же и литтераторъ [5]). Если нельзя помѣстить обѣихъ, то одну жену, ибо мужъ имѣетъ уже мѣсто.

Таже Пятница, въ вечеру.

Хотѣлъ печатать это письмо,—глядь на столъ, вижу пакетъ. Что же? Отъ тебя. И откуда? Изъ Москвы. И ты пишешь, что надѣешься найти кипу писемъ отъ меня у Тургенева; а я и не воображалъ, чтобы ты былъ на дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Одно мое письмо, правда маленькое, будетъ очень смиренно ожидать тебя въ смиренномъ Балашевѣ. И это за нимъ послѣдовало бы туда же, если бы твое письмо нечаянно не попалось мнѣ прежде въ руки. Вѣтреный оселъ! Я тебя, право, не постигаю. Ты точно изъ ослинаго упрямства лѣзешь на профессорскую каѳедру [6]). Ради Бога, скажи мнѣ, на что

---

[1]) Подъ „моимъ негромъ“ Жуковскій разумѣетъ здѣсь А. А. Плещеева (ср. Русскую Старину 1883 года, т. XXXVIII, стр. 99 и 106, и т. XXXIX, стр. 235).

[2]) Поэма эта, какъ извѣстно, осталась ненаписанною; о ней см. замѣтку въ Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 65—68.

[3]) Извѣстнаго профессора и редактора „Вѣстника Европы“ М. Т. Каченовскаго.

[4]) Московскаго книгопродавца и издателя.

[5]) Съ Шарлоттой Моро де ла Мелтіеръ († 1854 въ Москвѣ) Жуковскій познакомился въ Муратовѣ; она, между прочимъ, перевела повѣсть Основьяненки Оксану и издала Французскій переводъ Нибелунговъ (о ней см. Русскій Архивъ 1875 года, № 11, стр. 320; Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 512 и 684; Отчетъ Императ. Публ. Библіотеки за 1884 годъ, стр. 48—49). Въ Русскомъ Архивѣ 1875 г., № 11, стр. 318—319, напечатано письмо къ ней Жуковскаго, относящееся къ 1827 году (отсюда перепеч. въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 512—513).

[6]) А. Ѳ. Воейковъ хлопоталъ о полученіи мѣста профессора Русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ, которое оставалось свободнымъ послѣ смерти

можетъ быть тебѣ нужно теперь твое профессорство? Ты не хотѣлъ бросать надежды на него единственно для того, что другая твоя надежда [1]) казалась тебѣ невѣрною, но она теперь вѣрна, а ты скачешь Богъ знаетъ куда и Богъ знаетъ за чѣмъ. Признаюсь, я думалъ, что въ Рязань отзывали тебя нужныя дѣла, и не противурѣчилъ; но если бы могъ вообразить, что ты ѣдешь въ Москву и въ Петербургъ единственно для профессорства, то не пустилъ бы тебя и не сталъ бы дожидаться почты, чтобы сказать тебѣ, что ты вѣтеръ и.... оселъ. Отъ профессорства же ты долженъ отказаться, совсѣмъ отказаться. Другого и думать нечего. Я думалъ, что ты, передѣлавъ свои Рязанскія дѣла, воротишься въ Муратово и потомъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать за профессорствомъ, останешься въ Муратовѣ. Нѣтъ! ты скачешь въ Петербургъ и еще надѣешься имѣть отъ меня въ Петербургѣ письма, думая, что я объ этомъ знаю, что и въ моей головѣ твои планы такъ же мѣняются, какъ въ твоей. Право, никакъ не понимаю, чего тебѣ хочется. Сдѣлавшись профессоромъ, надобно *быть* профессоромъ, и быть имъ не недѣлю, а цѣлый годъ по крайней мѣрѣ [2]), дабы послѣ имѣть неизреченное счастіе быть отставнымъ надворнымъ совѣтникомъ! А время? А жизнь-измѣнница? Все къ чорту! Сдѣлай милость, желай рѣшительно, и желай *одного*, и будь немного попонятнѣе,—ты для меня загадка. Въ одномъ письмѣ говоришь дѣло, а въ другомъ дичь, въ одномъ желаешь *берега*, въ другомъ *открытаго моря*. Но такъ и быть! По крайней мѣрѣ пиши обстоятельнѣе. Замѣчу тебѣ одно: на *небѣ* очень хмурятся на твой Дерптъ и говорятъ: или Дерптъ, или Муратово. Да я и самъ тоже говорю, перенося самого себя на твое мѣсто. Вотъ все [3]).

III.

20 Февраля (1814) [4]).

15-го числа отправился я къ Ивану Владимировичу. Онъ пробудетъ еще здѣсь до конца Мая. Это расположеніе для *насъ* всѣхъ прекрасное. Вѣроятно, что онъ и для меня пригодится. Я пробылъ у него двое сутокъ и 17 послѣ обѣда отъ него поѣхалъ. Онъ *нашъ* и готовъ

А. С. Кайсарова. Профессорскую каѳедру въ Дерптѣ Воейковъ занималъ съ 1814 по 1820 годъ.

[1]) На бракъ съ А. А. Протасовою.

[2]) 14 Мая 1814 года Воейковъ, въ рапортѣ Совѣту Дерптскаго университета, далъ обязательство прослужить въ университетѣ не менѣе шести лѣтъ (см. Е. В. Пѣтуховъ, Каѳедра Русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ, Юрьевъ. 1900, стр. 43).

[3]) Ср. съ настоящимъ письмомъ выдержку изъ дневника Жуковскаго отъ 22 Февраля 1814 года, напечатанную въ „Русской Старинѣ“ 1883 года, т. XXXVII, стр. 206—209.

[4]) Лопухину.

намъ содѣйствовать. Я увѣренъ, что его слово будетъ имѣть наибольшее вліяніе. Онъ здѣсь въ силѣ болѣе, нежели я себѣ то воображалъ. Но если бы и ты былъ здѣсь, то все шло бы гораздо лучше. На письмѣ не стану разсказывать того, что случилось. Одно только то скажу, что дѣло приближается къ развязкѣ. Безъ тебя большой шагъ къ ней сдѣланъ. Всему бы надлежало испортиться, но не испортилось ничто, и едва ли не сдѣлалось лучше, хотя были и жосткія минуты. Ив(анъ) Вл(адимировичъ) смотритъ на эти обстоятельства [1]), какъ просвѣщенный христіанинъ, и не видитъ препятствія. Какъ сладостна для меня мысль ему быть обязаннымъ своимъ счастіемъ. Мой благодѣтель и другъ И(вана) Петровича Тургенева будетъ моимъ отцомъ,—настоящимъ отцомъ, не случайнымъ, но выбраннымъ по душѣ и утвержденнымъ благодарностію. Все это меня къ нему приблизило, и я намѣренъ болѣе утвердить мою съ нимъ связь. Оставя все то, въ чемъ его обвиняютъ, буду видѣть въ немъ человѣка необыкновеннаго по добротѣ души, необыкновеннаго по твердости характера въ государственномъ дѣлѣ. Все то, что могутъ въ немъ опорочивать, объясняется мягкостію характера, можетъ быть, безпечностію, нерадѣніемъ *о собственномъ;* но душа въ немъ прекрасная, источникъ его дѣлъ чистый; онъ можетъ быть въ затменіи для тѣхъ, которые судятъ объ немъ издали, предубѣжденные стеченіемъ обвиняющихъ обстоятельствъ; но тотъ, кто къ нему близокъ, кто видитъ въ немъ моральнаго человѣка, тотъ не долженъ повторять подобострастно мнѣнія другихъ; *мы всѣ* должны въ немъ видѣть добраго, нѣжнаго, исполненнаго высокихъ чувствъ человѣка; на остальное пускай благодарность и любовь накроютъ покровъ! По крайней мѣрѣ для меня нужно теперь видѣть его только съ этой стороны. Я увѣренъ, что тѣсное, искреннее съ нимъ сообщество, даже при несогласіи въ понятіяхъ, будетъ для *насъ* благотворительно. Прочитавъ его Записки [2]), скажешь: *вотъ человѣкъ, который старается возстановить себя въ мнѣніи людей;* но въ тоже время какъ не скажешь: *вотъ человѣкъ, какихъ мало!* По обыкновенію своему былъ онъ довольно говорливъ, много разсказывалъ мнѣ любопытныхъ вещей; жалѣлъ, что ты его не посѣтилъ; я извинялъ тебя необходимостію и сказалъ, что ты для того не поѣхалъ *теперь*, что надѣялся скоро возвратиться, и тогда къ первому къ нему. (Далъ ему почувствовать, что возвратишься за дѣломъ важнымъ). Онъ тебя очень любитъ. Прощаясь съ нимъ, я просилъ, чтобы онъ далъ мнѣ благословеніе. Теперь жду тебя съ

[1]) На близкія родственныя отношенія Жуковскаго къ М. А. Протасовой.

[2]) Были напечатаны въ Чтеніяхъ Московск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ 1860 года; новое ихъ изданіе появилось въ 1884 году въ Русскомъ Архивѣ.

Арбеневой [1]). Вы здѣсь крайне нужны. Стараюсь какъ можно не имѣть до тѣхъ поръ объясненія. *Одинъ я* безсиленъ, хотя уже замѣтно, что мысли въ той головѣ, которая должна рѣшить нашу участь [2]), въ большомъ броженіи. Это предвѣщаетъ кризисъ, и мнѣ самому вѣрится, что этотъ кризисъ возвратитъ намъ всѣмъ здоровье.

Теперь отвѣтъ на твои два послѣднія письма: одно изъ Рязани отъ 5-го числа, полученное послѣ перваго Московскаго, другое изъ Москвы отъ 12—13. Прежде маленькое N. B.: ты ничего не пишешь о племянникѣ Букильона [3]), что ты сдѣлалъ съ ввѣренными тебѣ деньгами. По крайней мѣрѣ не забудь похлопотать объ немъ въ Петербургѣ, то-есть о перемѣщеніи его въ Орелъ, а насъ увѣдомь о пересылкѣ денегъ. Также и о Фріофѣ [4]) постарайся. Эти оба письма получены 18 Февраля, въ день моего возвращенія. Мы всѣ сидѣли въ гостиной. Докторъ [5]) съ нами. Загадывали другъ другу загадки. Я выставилъ № и число полученія на письмахъ (единственная моя должность и единственный признакъ моего на нихъ права: они же сами отдаются Е(катеринѣ) Аѳанасьевнѣ [6]); потомъ началъ читать ихъ вслухъ. О двухъ предпослѣднихъ скажу, что они здѣсь всѣхъ тронули, и Маша [7]) благодаритъ тебя (какъ мать) за чашку. Она переписываетъ всѣ твои стихи для Е(катерины) Аѳан(асьевны). А Саша [8]) по ея просьбѣ нарисовала твой портретъ съ Фріофова для помѣщенія въ фронтисписѣ. Счастливецъ! Другому бы я сталъ завидовать. Но ты поддѣвичевской [9]): наше счастіе общее. Худо бы ты меня зналъ, когда бы могъ подумать, чтобы твое не было мнѣ утѣшеніемъ даже и при уничтоженіи *моего*. (Но *мы* будемъ счастливы; по крайней мѣрѣ, во всякомъ случаѣ постараюсь не быть несчастнымъ). Впрочемъ теперь въ моихъ мысляхъ чувствительная перемѣна: вѣра къ Провидѣнію и надежда на него сдѣлалась для меня необходимостію. Возможность

---

[1]) О ней см. предъидущее письмо.

[2]) Т. е. у Е. А. Протасовой.

[3]) Букильонъ, родомъ Французъ, былъ управителемъ у Плещеевыхъ. О немъ упоминается въ нѣкоторыхъ Русскихъ и Французскихъ стихахъ Жуковскаго.

[4]) О докторѣ Фріофѣ упоминается въ Письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу (стр 108 и 113) и въ нижепомѣщаемомъ письмѣ Жуковскаго къ Д. А. Кавелину отъ 14 Іюля 1814 года.

[5]) Или Фріофъ или Форъ, о которомъ см. Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 121—123; по скорѣе первый.

[6]) Протасовой.

[7]) М. А. Протасова.

[8]) А. А. Протасова.

[9]) Мѣстность въ Москвѣ „подъ Дѣвичьимъ“ (монастыремъ). Слово „поддѣвическій“ Жуковскій употреблялъ для означенія близкихъ дружескихъ отношеній (ср. Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 100).

имѣть то счастіе, которое единственно меня удовлетворитъ въ этой жизни, располагаетъ душу и къ вѣрѣ. Я вижу въ ней большое наслажденіе. Сердце бьется, когда подумаю о той жизни, которую *мы* можемъ еще вести въ этомъ свѣтѣ: жизнь, обращенная на внутреннее наслажденіе собою, наслажденіе вѣрное, для другихъ невидимое, но тѣмъ болѣе драгоцѣнное. Братъ, несмотря на твое буйное прошедшее, я увѣренъ, что ты способенъ чувствовать цѣну такой жизни. А для насъ двухъ, взаимно помогающихъ другъ другу въ достиженіи прямого счастія, такая жизнь будетъ легка, и желать ея совсѣмъ не есть мечта воображенія. Благодарю судьбу, что она привела меня къ этой цѣли дорогою печали: она должна быть довольна испытаніемъ и вѣрно въ будущемъ приготовила мнѣ удовлетворительную замѣну. Но перо увело меня отъ моего предмета. Я хотѣлъ было затопать ногами, прочитавъ въ твоемъ письмѣ: *скачу въ Петербургъ*; но твои слова: *увижусь съ Тургеневымъ* удержали на воздухѣ правую мою ногу; она тихо опустилась, а лѣвая и не подумала пошевелиться. Я даже не завидовалъ. Обними его за *двухъ*, скажи ему все, что дружба внушитъ твоему сердцу, скажи ему, что онъ мой братъ, что я чту память его отца, какъ святыню, и что онъ почти замѣна для меня Андрея[1]). Это *почти* не можетъ быть для него оскорбительно. Объ Дерптѣ *подумай*— и только. Здѣсь *всѣ* противъ Дерпта и ждутъ *тебя*, а не надворнаго совѣтника; желаютъ, чтобы ты думалъ объ *одномъ* рѣшительно, а не колебался, какъ ты дѣлаешь. Профессорство для тебя теперь не нужно. Колтовская другое дѣло, бери съ нея деньги въ часъ добрый! Но съ деньгами къ намъ, а не въ Дерптъ! Здѣсь маленькое N. B.: будь осторожнѣе въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ; не говори, напримѣръ, что ты хочешь въ случаѣ неудачи ускакать на тотъ свѣтъ на пулѣ и тому подобное. Здѣсь это и въ шутку деретъ уши. Скажу еще: въ твоихъ письмахъ ни слова обо мнѣ. Эта матерія до свиданія. Тургеневу скажи обо всемъ, но чтобы это *все* осталось у него въ душѣ; къ дѣлу не приступать безъ моего побужденія!

Отвѣтъ на второе письмо. *1 пунктъ*, здоровье. У Ек(атерины) Аѳ(анасьевны) [2]) была дважды безъ тебя сильная мигрень съ своею жестокою спутницею рвотою. За послѣднюю можно поблагодарить, кажется, первой недѣлѣ поста, которая comme de raison снабжала желудокъ ея грибами, пустыми щами, капустою и тому подобнымъ; эта *недѣля*, по несчастію, выговоренная; но порадуйся: она постничала не всю недѣ-

---

[1]) Андрея Ивановича Тургенева (ум. 1803), друга Жуковскаго.

[2]) Протасовой.

лю. Слава тебѣ. Саша [1]) была во все время здорова. Маша [2]) здорова, но слаба (слѣдствіе не физическаго, но моральнаго разстройства). Видишь ли, какъ ты здѣсь нуженъ и какъ не нужно профессорство. *2 пунктъ и прочіе.* Плещеевы были у насъ одинъ только разъ, а мы у нихъ ни разу, и не думаю, чтобы скоро собрались. Изъ этого *мы* исключаюся *я.* Шахматы отложены до свиданія, и въ нихъ играть не *хотятъ.* На учтивость Кутузова [3]) сдѣлаю одно замѣчаніе: онъ не можетъ быть *добрымъ* кстати. Здѣсь истинное добро было бы не давать тебѣ аттестатовъ [4]). И ты еще требуешь, чтобы я переводилъ отрывокъ изъ Виргилія [5]). На что̀ онъ тебѣ? Ради Бога, будь посогласнѣе съ самимъ собою! Чего ты хочешь? Профессорство и Муратово исключаютъ одно другое,—а ты желаешь и того и другого! Непонятно. Въ отвѣтѣ твоемъ Антонскому [6]) есть погрѣшность: я не имѣю еще чина счастливаго! Я только еще кандидатъ и нахожусь въ Герольдіи Надежды въ спискѣ Терпѣнія. Обвиненіе Антонскаго насчетъ забывчивости его воспитанника и прочаго тронуло меня за живое: я виноватъ передъ нимъ [7]). Жду съ нетерпѣніемъ и, признаюсь, съ недовѣрчивостію той минуты, въ которую упаду на колѣна и воскликну: *Виноватъ! Я не понимаю тебя.* Чтобы избавить меня отъ несчастія *не понимать,* лучше бы всего было объясниться. Твоя таинственность не есть ли доказательство, что ты не имѣешь способа сдѣлаться понятнымъ и самъ еще не понимаешь себя, а слѣдуешь какому-то темному влеченію? Смотри, чтобы не увело это влеченіе тебя въ тину. Натал(ья) Андр(еевна) [8]) благодаритъ тебя очень за дружескія твои заботы о ея братѣ.

Очень любопытенъ знать сужденіе *братіи* о Пѣвцѣ [9]). Отсюда вижу Иванова [10]), который вретъ матерщину и думаетъ, что дѣлаетъ острое заключеніе; Кокошкина [11]), который топорщится и всякому хо-

---

[1]) Александра Андреевна Протасова.

[2]) Марья Андреевна Протасова.

[3]) Павла Ивановича Голенищева-Кутузова (ум. 1829).

[4]) Воейковъ былъ воспитанникомъ Московскаго университ. благороднаго пансіона.

[5]) Переводъ Жуковскимъ отрывка изъ Виргиліевой Энеиды (Разрушеніе Трои) относится уже, какъ извѣстно, къ 1822 году.

[6]) А. А. Прокоповичу-Антонскому.

[7]) См. письмо Жуковскаго къ Прокоповичу-Антонскому отъ 30 Марта 1814 года въ Русскомъ Архивѣ 1883 года, кн. первая, стр. 324—325.

[8]) Азбукина; ея братъ, Василій Андреевичъ Азбукинъ, былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго, Екатеринѣ Петровнѣ Юшковой.

[9]) О „Пѣвцѣ въ станѣ Русскихъ воиновъ“.

[10]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ивановъ (р. 1777, ум. 1816), драматическій писатель, театралъ и членъ Общества любителей Россійской словесности.

[11]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (р. 1773 ум. 1838), большой любитель театра, съ

рошему стиху даетъ, какъ министръ, одобренiе, а при дурномъ смотритъ на Мерзлякова, читаетъ на его лицѣ мысль, которую ловитъ на полетѣ и выдаетъ важно за свою; Мерзлякова, который сердится и дуется и рѣшительно громитъ меня правилами, неясно имъ предлагаемыми; Каченовскаго, который цитуетъ Ломоносова и судитъ съ пренебреженiемъ. Несмотря на то, желаю знать приговоръ священнаго ареопага и увѣренъ, что будутъ справедливыя замѣчанiя, хотя и съ предубѣжденiемъ сдѣланныя, ибо, что ни говори, а у этихъ господъ муза моя не въ кредитѣ. Простота кажется имъ прозою. Я очень пеняю (на) тебя за то, что ты не видалъ лучшаго изъ нашей братiи, *Вяземскаго*; могу извинить это развѣ одною твоею *дикостiю*; но Вяземскаго тебѣ любить должно: онъ добрый и благородный дѣтина, а стихотворецъ будетъ прекрасный, и вкусъ его самый вѣрный. Не заводя партiй, мы должны быть стѣснены въ маленькой кружокъ: Вяземской, Батюшковъ, я, ты, Уваровъ, Плещеевъ, Тургеневъ должны быть. подъ однимъ знаменемъ: *простоты и здраваго вкуса*. Забылъ важнаго и весьма важнаго человѣка: *Дашкова* [1]). Обними его за меня по-братски. Министрами просвѣщенiя въ нашей республикѣ пусть будутъ *Карамзинъ и Дмитрiевъ*, а папою нашимъ *Филаретъ. Мы* съ тобою будемъ трудиться тамъ, въ Суринамскомъ уголкѣ [2]), и вѣрно, вѣрно отдадимъ со временемъ святой долгъ отечеству; *остальные* на открытой сценѣ свѣта будутъ нашими ободрителями, сотрудниками и судiями. Ихъ мнѣнiе будетъ и наградою нашею, и нашимъ закономъ.

О прочихъ здѣсь останемся безпечны! [3]).

Братъ, братъ! вообрази нашу Суринамскую жизнь, вообрази нашъ тѣсный союзъ, наше спокойствiе, основанное на душевной тишинѣ и озаренное душевными радостями, вообрази трудъ постоянный и полезный, не разсѣянный свѣтскимъ шумомъ, но дѣлимый и награждаемый въ тѣсномъ кругѣ самыми лучшими людьми; вообрази, что у насъ сверхъ того будутъ и вѣрные друзья, одобрители и сообщники, Тургеневъ, Ува-

---

1823 по 1831 г. бывшiй директоромъ Московскаго театра, переводчикъ Мольерова Мизантропа.

[1]) Дмитрiя Васильевича, впослѣдствiи министра юстицiи, тоже члена Арзамасскаго Общества, гдѣ онъ носилъ прозванiе „Чу“. Всѣ перечисленныя выше лица, кромѣ Воейкова, были впослѣдствiи членами Арзамаса.

[2]) Суринамомъ (Souris—намъ, nous) Е. А. Протасова въ шутку называла купленное сю сельцо Сурьянинова, въ 25 верстахъ отъ Муратова. Молодежь думала, что въ Сурьяниновѣ будетъ жить Жуковскiй въ случаѣ женитьбы его на М. А. Протасовой (см Русская Старина 1883 года, т. XXXVII, стр. 446, примѣч.).

[3]) Это предпослѣднiй стихъ изъ Посланiя Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, начинающагося словами: „Другъ, отчего печаленъ голосъ твой?“

розъ, Кавелинъ [1]), хотя и вдали, но все наши; вообрази, что мы будемъ имѣть всѣ наслажденія чести, безъ малѣйшихъ ея невыгодъ, вообрази, что мы трудимся вмѣстѣ, вмѣстѣ располагаемъ, утверждаемъ свое счастіе, служимъ другъ другу подпорою и въ горѣ. Сообрази все это и благодари Провидѣніе, которое внушило тебѣ мысль посѣтить Жуковскаго.

IV.

Приписка въ письмѣ Д. А. Кавелина къ А. Ѳ. Воейкову.

Письмо Кавелина было слѣдующаго содержанія:

20 Марта 1814. С.-Петербургъ.

Обнимаю тебя отъ всего сердца, сердечный другъ мой. Вотъ тебѣ пукъ писемъ и записочекъ, съ краткимъ журналомъ событій, относящихся до твоего профессорства. Въ Понедѣльникъ вечеромъ Тур(геневъ) прислалъ мнѣ записку № 1. Вторникъ и Середу не удалось мнѣ съ нимъ видѣться. Въ Четвергъ поутру засталъ я его дома, и положили на совѣтѣ, чтобы не отказываться отъ профессорства; ибо, сверхъ существенной тебѣ выгоды отъ исполненія того, каково было бы тебѣ и Тургеневу въ глазахъ г(рафа) Разумовскаго [2]), Уварова, Мартынова [3]) и пр. Возвратясь отъ Тургенева, я нашелъ три письма на твое имя. Оставя два, которыя не могли имѣть связи съ нашимъ дѣломъ, я открылъ письмо Жуковскаго; но какъ оно не заключаетъ ничего убѣдительнаго противъ тебя, то, не сообщая о немъ ничего Тургеневу (тѣмъ болѣе, что и права не имѣю), я рѣшился отправить его къ тебѣ. Черезъ часъ получилъ отъ Тургенева записку, которая меня не такъ утѣшаетъ теперь, какъ бы утѣшила недѣли полторы назадъ. Мундиръ твой будетъ скоро готовъ. Забылъ было сказать, что вчера графъ Сиверсъ [4]) показывалъ мнѣ письмо отъ сестры своей изъ Дерпта; оно живописуетъ восхищеніе ученыхъ мужей, твоихъ будущихъ сотоварищей, отъ глубокой твоей учености и особенно отъ сильнаго краснорѣчія твоего на Нѣмецкомъ языкѣ!!! Онъ обѣщалъ прислать для доставленія къ тебѣ переводъ съ письма сего, подаря пол-

---

[1]) Дмитрій Александровичъ (р. 1777, ум. 1851), тоже воспитанникъ Университетскаго благороднагѣ пансіона, занимавшій въ это время должность директора Медицинскаго департамента. Жуковскій ввелъ Кавелина въ „Арзамасъ“, гдѣ онъ носилъ прозваніе „Пустынникъ“.

[2]) Графа Алексѣя Кирилловича, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія.

[3]) Ивана Ивановича, директора департамента народнаго просвѣщенія.

[4]) Вѣроятно, графъ Егоръ Петровичъ Сиверсъ, бывшій въ то время начальникомъ отдѣленія въ Департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

часа. Начавъ писать къ тебѣ, безцѣнный другъ мой, я не хотѣлъ дѣлать никакихъ *комментарій;* но, расписавшись, не могу вытерпѣть, и молвлю нѣсколько словъ. Я охотно вѣрю, что въ Муратовѣ, Суриковѣ [1]) и вообще въ Болховѣ у васъ о счастьѣ имѣютъ лучшее понятіе, нежели у насъ здѣсь; но, по моему мнѣнію, разсудительность и постоянство, по крайней мѣрѣ въ главныхъ планахъ жизни, суть главнѣйшія принадлежности счастья. Зачѣмъ было поднимать небо и землю для достиженія къ профессорству мѣсяцъ назадъ, если оно перечитъ счастью? Или лучше: какъ могло оно обратиться черезъ мѣсяцъ изъ средства въ преграду? Ты самъ знаешь, другъ мой, что (въ) этомъ случаѣ я лично меньше всѣхъ страдаю, и потому нельзя относить мнѣнія моего къ эгоизму (котораго и вообще у меня немного въ запасѣ). Увѣренъ также, что, если бы доказано было Тургеневу, какъ дважды два четыре, что отреченіе отъ профессорства необходимо нужно для твоего счастія, то и онъ перенесъ бы, по безпредѣльной добротѣ сердца своего, непріятности. Но опять повторю: какъ могло въ такое короткое время надежнѣйшее средство обратиться въ препятствіе! Разсуждайте, взвѣшивайте, *рѣшайтесь* и поскорѣе *разрѣшите* насъ; только *разрѣшите рѣшительно.* Между тѣмъ дѣло идетъ своимъ чередомъ. Пришли мнѣ свой маршрутъ обстоятельный, чтобы зналъ, куда когда писать къ тебѣ. Бѣдная жена моя [2]) кашляетъ опять больше. Она усердно тебѣ кланяется. Софинька и Саша [3]) помнятъ тебя. Кланяйся Жуковскому и скажи, чтобы поспѣшилъ выхлопотать представленіе о Фріофѣ [4]). Обнимаю тебя отъ всего сердца.

Затѣмъ идетъ *приписка В. А. Жуковскаго,* безъ даты, но относящаяся къ концу Апрѣля 1814 г. [5]):

И я приписываю къ тебѣ въ этомъ миломъ письмѣ, другъ, братъ, товарищъ. Дѣло наше не испорчено; профессорство тебѣ остается, итакъ не сердись на меня. Ты самъ виноватъ, что мнѣ не открылъ надлежащей причины, для чего этого мѣста желаешь. Наши добрые дру-

---

[1]) Т. е. Сурьяниновѣ (см. выше).

[2]) Д. А. Кавелинъ былъ женатъ на дочери придворнаго архитектора Шарлоттѣ Ивановнѣ Белли.

[3]) Дѣти Д. А. Кавелина; изъ нихъ Софья Дмитріевна впослѣдствіи была замужемъ за ген.-маіоромъ Александромъ Львовичемъ Корсаковымъ, отцомъ профессора Д. А. Корсакова. Сынъ же Александръ умеръ въ 1880 году.

[4]) О докторѣ Фріофѣ см. выше.

[5]) 30 Марта Воейковъ былъ еще въ Муратовѣ (см. Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 111). 23 Апрѣля онъ уѣхалъ изъ Муратова въ Рязань для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ передъ женитьбою (см. тамъ же, стр. 113 и 117, а также помѣщаемое далѣе письмо Воейкова къ Кавелину отъ 23 Апрѣля). Предыдущее письмо Кавелина къ Воейкову отъ 20 Марта уже не застало его въ Муратовѣ, было распечатано Жуковскимъ, сдѣлавшимъ въ немъ приписку, и послано вслѣдъ Воейкову.

зья за насъ хлоночутъ. Смотри, не хотѣть моего Тургенева. Отошли къ нему мои письма—а я буду передъ нимъ самъ виниться и передъ Кавелинымъ на слѣдующей почтѣ. Изнини, что прочиталъ письмо Тургенева и Кавелина; я думалъ найти въ немъ что-нибудь, касающееся до меня. Твой Жуковскій.

И дай Богъ, чтобы навсегда остался твоимъ—это слово все для меня заключаетъ въ себѣ. Кавелинъ прислалъ тебѣ и то письмо, о которомъ я тебѣ говорилъ; я не разсудилъ его къ тебѣ посылать. Мы прочтемъ его вмѣстѣ.

Къ Д. А. Кавелину.

1.

(23-го Апрѣля 1814. Муратово).

Письму Жуковскаго предшествуетъ слѣдующее письмо А. Ѳ. Воейкова къ Кавелину:

Въ дополненіе къ тому, что я написалъ къ тебѣ *объ моемъ отпускѣ до перваго Сентября,* за необходимое считаю прибавить слѣдующее: ты можешь увѣрить за меня всѣхъ, кому объ томъ вѣдать надлежитъ и до кого сіе касается, особенно же Александра Ивановича [1]) (которому я обязанъ симъ мѣстомъ [2]), который рекомендовалъ меня и божился за меня, и на котораго слѣдовательно упадетъ и доброе, и худое, и лѣность, и прилежаніе, и печность, и безпечность моя—по должности профессора), что я честію Саши [3]), своею, Жуковскаго, Тургенева и твоею клянусь, послѣ перваго Сентября [4]), или лучше и яснѣе сказать, послѣ лѣтней ваканціи, быть самымъ трудолюбивымъ и ревностнымъ профессоромъ и не посрамить чести великаго Русскаго народа передъ Нѣмцами. Ты можешь ручаться за меня, что я одного дня не промедлю далѣе 1-го Сентября, зная, какъ славно теперь иностранцамъ говорить языкомъ освободителей вселенной, и что стыдно будетъ мнѣ обманывать правительство и добрыхъ людей, которые обо мнѣ хлопотали, что я не на то взялъ важный санъ профессора, дабы утучнѣть и забыть Бога: *ниже возжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, и свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть* [5]). Только сдѣлай одолженіе, нѣтъ! *благодѣяніе,* если только

---

[1]) Тургенева.

[2]) Профессора Русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ.

[3]) Александры Андреевны Протасовой.

[4]) На дѣлѣ же Воейковъ пріѣхалъ въ Дерптъ лишь въ Февралѣ 1815 года и 15 Февраля принялъ обычную присягу въ присутствіи членовъ Совѣта университета (см. Е. В. Пѣтуховъ, Каѳедра Русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ, Юрьевъ. 1900, стр. 43).

[5]) О характерѣ профессорской дѣятельности Воейкова въ Дерптскомъ университетѣ,

дозволишь внести сіе слово въ лексиконъ нашъ, постарайся, чтобы мнѣ дали отпускъ, мною требуемый, и чтобы, узнавъ объ томъ, какъ долго не могу я по моимъ обстоятельствамъ явиться къ должности, министерство просвѣщенія не разстригло меня изъ поповъ во дьяконы. Братъ, ты такъ благородно всегда за меня подличалъ, что вѣрно и теперь не откажешься! Ты все будешь львомъ, который лижетъ у осла копыта, а оселъ дрожитъ, чтобы левъ не погладилъ его величаво лапою. Наши Муратовскія политическія дѣла въ такомъ ходу, что *всѣ мы* уѣдемъ жить въ Дерптъ, пока будутъ перестроивать домъ, флигели, и прочая, и прочая. Стой крѣпко за профессора, и за профессоршу, и за профессорство, и присылай поскорѣй мой мундиръ, и мой фракъ, и оффиціальное постановленіе объ моемъ чинѣ и мѣстѣ, съ утвержденіемъ попечителя и министра—въ Рязань, куда я сегодня выѣзжаю. Прощай, дорогой Димитрій! Хлопочи, хлопочи *за насъ*. Твой весь Воейковъ.

С. Муратово.
18IV/23 14.

Александрина моя проситъ тебѣ сказать ея уваженіе и преданность милостивой государынѣ Шарлоттѣ Ивановнѣ *) и расцѣловать за нее и за меня своихъ безподобныхъ малютокъ, безъ лести безподобныхъ! Помнятъ ли они меня? Ходятъ ли внизъ? Спрашиваютъ ли обо мнѣ?

И я, нижеподписавшійся, подтверждаю брату Кавелину—брату по сердцу, брату по подлости, брату по всему хорошему, даже по всему дурному, ибо и въ дурномъ не откажусь быть его братомъ, подтверждаю, что отпускъ нашему претенденту на педантство весьма нуженъ. Нуженъ для *счастія*—законная причина, когда говоришь съ другомъ; когда же надобно будетъ говорить передъ министромъ, то просто сказать для *женитьбы*. И я, какъ крестный отецъ профессорши будущей, который принималъ ее отъ купели, клялся Богу, что она будетъ лучшимъ въ мірѣ твореніемъ, и сдержалъ клятву. Клянусь и за будущаго профессора, что онъ, добившись счастія, будетъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ и достойнѣйшихъ шпанскаго парика педантомъ; то-есть будетъ въ условленный часъ ходить на лекціи; разбирать Русскихъ стихотворцевъ; хвалить свои стихи безстыдно; поправлять вкусъ Нѣмцевъ

оставшейся вообще безъ замѣтныхъ послѣдствій, и объявлявшихся имъ курсахъ см. тамъ же, стр. 44—45. Въ продолженіе своей службы въ университетѣ Воейковъ, сверхъ того, часто бралъ отпуски во время учебнаго времени и нерѣдко опаздывалъ явиться къ опредѣленному сроку (тамъ же, стр. 43).

*) Женѣ Д. А. Кавелина; о ней см. въ примѣч. къ предыдущему письму.

и пр. и пр. Клятва эта вѣрно исполнится. Хлопочите, милой, доброй *нашъ* другъ—говорю это по праву. Отпускъ нашему негру очень нуженъ, и думаю, что не могутъ и отказать въ немъ, ибо *женитьба причина законная*: для этого и изъ арміи отпускаютъ. Простите, милой, почтенной Дмитрій Александровичъ. При нашихъ планахъ о счастіи, которые мы иногда дѣлаемъ съ Воейковымъ,—а ему какъ ихъ и не дѣлать: онъ видитъ счастіе лицомъ къ лицу,—вы всегда присутствуете. Хоть васъ и нѣтъ съ нами, но мысль о друзьяхъ всегда добрый товарищъ. Простите. Будьте счастливы вашимъ семействомъ,—лучшаго пожелать на семъ свѣтѣ нечего. Даже и въ Петербургѣ такое желаніе есть самое лучшее. Вашъ Жуковскій.

2.

1814, 18-го Іюля.

Любезнѣйшій Дмитрій Александровичъ, посылаю вамъ письмо ко мнѣ Фріофа [1]), въ которомъ *изражаетъ* онъ все, что по его дѣлу сдѣлано въ Орлѣ. Прошу васъ опять принять его подъ свое покровительство. Этотъ чудакъ Нѣмецъ долго промедлилъ исполнить по вашему совѣту: его удерживала обыкновенная Нѣмецкая раздумчивость, которая и добро самому себѣ дѣлать мѣшаетъ. О планѣ новаго изданія прозы и стиховъ [2]) будетъ къ вамъ подробно писать Воейковъ, а меня простите, что пишу мало. Много хлопотъ, и самыхъ скучныхъ. Отъ всего этого и письмо не пишется. Но во всякое время, и въ вёдро, и въ ненастье, и въ тюрьмѣ, и въ раю, скажу вамъ и буду въ состояніи написать вамъ твердою рукою, что васъ душевно люблю и почитаю. Вашъ Жуковскій.

Письмо къ Е. А. Протасовой.

(Въ послѣдней трети 1814 года) [3]).

Сердце у меня рвется, когда подумаю, что вы теперь грустите. Мое письмо вѣрно васъ разстроило. Нѣтъ! мнѣ не надобно бы было его отдавать; оно написано было въ огорченіи. Въ послѣдніе два дня,

---

[1]) О докторѣ Фріофѣ см. выше.

[2]) Собраніе образцовыхъ Русскихъ сочиненій и переводовъ, изданныхъ Обществомъ любителей отечественной словесности, вышло въ Петербургѣ, въ 12 частяхъ, въ 1815—1817 гг. Въ этомъ предпріятіи принимали участіе, кромѣ Жуковскаго и Кавелина, А. И. Тургеневъ, Воейковъ, Дашковъ, Батюшковъ, Блудовъ и М. Д. Костогоровъ.

[3]) По всему вѣроятію, письмо писано послѣ того, какъ попытка Жуковскаго еще разъ склонить Е. А. Протасову дать согласіе на бракъ его съ Марьею Андреевною потерпѣла рѣшительную неудачу, но до полученія имъ разрѣшенія сопровождать семью Протасовыхъ въ Дерптъ; объ этомъ разрѣшеніи Жуковскій сообщалъ Тургеневу въ письмѣ отъ 1 Декабря 1814 года (см. Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 133).

видя, что и вамъ грустно, я сильно колебался: отдавать ли его, или нѣтъ? Не отдавать—значило для меня рѣшиться оставить вамъ добровольно то мнѣніе обо мнѣ, которое было для меня несносно; отдавать—значило огорчить васъ. Вчера ввечеру я поручилъ его Воейкову; а нынче поутру, не имѣя власти рѣшиться ни на то, ни на другое, написалъ къ Воейкову записочку, въ которой оставилъ ему на волю поступить какъ хочетъ. Если вы его читали, то вамъ должно быть очень грустно, а это меня мучитъ. И эта мысль, что мое письмо у васъ въ рукахъ, еще при выѣздѣ изъ Муратова, совсѣмъ преобразовала самыя мои къ вамъ чувства. Я нахожу въ себѣ всю прежнюю мою въ вамъ привязанность и вижу теперь *только себя* виноватымъ. Безъ меня были бы вы спокойны. А невозможность сдѣлать меня счастливымъ развѣ не есть и для васъ несчастіе? Нѣтъ! нѣтъ! Сохрани меня Богъ обвинять васъ! Будьте на этотъ счетъ спокойны. Въ прошедшемъ вижу и буду помнить только то, что вы для меня были, въ чемъ я былъ увѣренъ и что всегда было такъ нужно для моего счастія. Разставшись съ вами, буду помнить одну только вашу ко мнѣ любовь. Ваша горесть, которую теперь воображаю, все заглаживаетъ. Ахъ! гораздо лучше любить и вѣрить, чѣмъ упрекать! Возвратите мнѣ свою прежнюю, давнишнюю привязанность; я имѣю на нее нѣкоторое право, хотя потому, что отъ васъ ожидалъ счастія жизни и не получилъ его. Будучи розно, мы будемъ только любить другъ друга. Избавьте меня отъ мысли, что я для Муратова мертвый. Эта мысль ужасная. Быть съ вами мнѣ невозможно, вы не будете при мнѣ спокойны и не можете на меня глядѣть глазами дружбы. Какъ же мнѣ желать быть нарушителемъ вашего семейственнаго счастія? А принужденность несносна. Разставшись съ вами, эта принужденность исчезнетъ, не будетъ причинъ меня не любить, и вы свободно можете мнѣ отдать справедливость. Нѣтъ! для собственнаго спокойствія не хочу думать, чтобы мое мѣсто между вами было забыто, чтобы мы ничего уже не могли сдѣлать другъ для друга въ жизни. Вы много можете для меня сдѣлать,—можете меня любить и помнить! А я могу жить такъ, чтобы моя жизнь была васъ достойна. Всегда останусь увѣренъ, что счастіе, котораго я желалъ *) не можетъ быть никогда противно Богу; но оно противно вашему, слѣдовательно невозможно, и желать его перестаю; но оно никакимъ замѣнено быть не можетъ. Привязанность мою къ Машѣ сохраню вѣчно: она для меня необходима; она всегда будетъ моимъ лучшимъ и самымъ благодѣтельнымъ для меня чувствомъ. Эта привязанность дастъ мнѣ силу и бодрость пользоваться жизнію. Съ нею найду

*) Женитьба на М. А. Протасовой.

еще много хорошаго въ жизни. Будьте же на мой счетъ спокойны и чтобы мысль обо мнѣ никогда не нарушала вашего счастія! Я отъ васъ требую только одного—любить меня и уважать. Болѣе вамъ нечего для меня сдѣлать. Намъ нельзя дѣлиться счастьемъ, за то можно дѣлиться жизнію. Мы все въ одномъ свѣтѣ; все Муратово будетъ моимъ раемъ, изъ котораго я не выгнанъ, гдѣ все *мое*, и теперь болѣе, нежели когда-нибудь,—наша разлука все согласила; теперь все осталось для одной дружбы! Воспоминаніе одному только счастію, однимъ добрымъ, вмѣстѣ проведеннымъ минутамъ; благодарность за всѣ взаимныя благодѣянія! И совершенное забвеніе всему, что̀ дѣлало насъ взаимно несчастными! Съ такимъ воспоминаніемъ смѣло смотрю на будущее. Оно ничего у меня не отыметъ. Мое мѣсто въ сердцахъ моихъ друзей сохранено; все остальное Провидѣнію! Ахъ! Какъ утѣшительна для меня мысль, что у васъ, въ моемъ раю, все будетъ тихо и весело, что я не буду никогда въ немъ ни чужой, ни забытый, и что я *могу розно съ вами* жить—такъ, какъ бы и *вмѣстѣ*. А когда-нибудь и *вѣчно вмѣстѣ*. Теперь смѣло, при васъ, называю Машу моимъ другомъ; она мнѣ благодѣтельница на цѣлую жизнь. Моя привязанность къ ней самая чистая, и вы не должны ею оскорбляться. Благословите же меня *прежнимъ* благословеніемъ и будьте увѣрены, что я моею жизнію сохраню спокойствіе ваше. Это теперь святѣйшая для меня обязанность. Пришлите мужа Машиной кормилицы. Здѣсь [1]) есть ему мѣсто, и Форъ [2]) будетъ лѣчить.

Я перечиталъ это письмо. Оно васъ огорчитъ, и мнѣ тяжело быть причиной этого огорченія. Но какъ же разстаться съ вами и оставить вамъ то несправедливое обо мнѣ понятіе, какое вы имѣете? Надобно же когда-нибудь *все* сказать, что̀ на душѣ. Даю вамъ слово, что это огорченіе будетъ послѣднее. Я былъ причиною многихъ печалей для васъ въ жизни; но, право, никогда мое сердце не было передъ вами виновато. Всему причиною то, что мнѣ жаль было разстаться съ своимъ счастьемъ. Что же дѣлать, что на мою часть выпало такое, которое не можетъ быть согласно съ вашимъ! Пожалѣйте обо мнѣ и забудьте все. Новаго безпокойства отъ меня не будетъ для васъ никакого. Я буду вести тотъ родъ жизни, который наиболѣе мнѣ приличенъ,—буду писать, и ничего болѣе искать не буду. Не воображайте, чтобы я когда-нибудь могъ быть въ недостаткѣ: умѣренность будетъ мой экономъ, а на немногое всегда у меня деньги будутъ. Что же касается до спокойствія душевнаго, то я теперь гораздо спокойнѣе. Пе-

---

[1]) Въ Черни или Долбинѣ.

[2]) О докторѣ Форѣ см. выше.

рестать жалѣть о потерянномъ, но думать, что я потерялъ его *напрасно*, я никогда не смогу. Того, въ чемъ полагаю истинное счастіе, для меня никогда не будетъ. Это рѣшено на всю жизнь. *Хуже быть для меня ничего не можетъ.* Для меня собственно будущее не страшно. Но я почитаю обязанностію пользоваться сколько возможно своею жизнію и найти въ ней все возможное добро. А добра въ ней много и безъ счастія. Я еще много, много имѣю. Я вѣрю, что все хорошее придетъ само собою къ намъ на встрѣчу, когда пойдемъ къ нему прямою дорогою и, вмѣсто излишней заботливости, будемъ имѣть надежду на своего Путеводителя. И горе бываетъ полезно. Я это знаю по собственному опыту. Оно насъ дружитъ съ самими собою и открываетъ намъ въ насъ самихъ множество такихъ способовъ, какихъ мы и не подозрѣвали. Болѣе всего даетъ оно надежду и вѣру. Итакъ прошу васъ нимало обо мнѣ не безпокоиться. Я не хочу имѣть на душѣ этого несчастія. Вамъ остается быть счастливою въ своей семьѣ: счастіе ваше не разрушено, а напротивъ устроено. Въ вашей волѣ его сохранить. И на это одно средство: довѣренность.

Я не могъ съ вами проститься. Это было бы тяжело. Съ вами, можетъ быть, и скоро увижусь. Но съ вашею семьею, съ Муратовымъ, съ моимъ настоящимъ отечествомъ разстаюсь навсегда. Можно ли прощаться? Благослови васъ Богъ спокойствіемъ и радостію. Это всегда будетъ моимъ сильнѣйшимъ желаніемъ.

11.

1 Ноября 1820, Берлинъ [1]).

Ни я, ни вы не исправились: мы лѣнимся писать другъ къ другу по старому и самымъ непростительнымъ образомъ; не знаю, каково вамъ отъ этой лѣни, а мнѣ приходитъ плохо. Вижу, что другіе получаютъ письма отъ *своихъ*, завидую имъ и чувствую, что не имѣю права завидовать. Такое одиночество хуже всякаго; оно кажется заслуженнымъ; да вы же и платите мнѣ по заслугѣ очень совѣстно; безъ всякаго великодушія пользуетесь своимъ правомъ и забываете, что ваше молчаніе для меня можетъ быть и страшнымъ, и мучительнымъ; надѣюсь увѣриться и хочу быть непремѣнно увѣреннымъ, что мое безпокойство напрасное, но не могу отъ него отвязаться. Напишите же, ради Бога, что̀ Маша [2]) и какъ пожаловалъ на свѣтъ Андрей? Во-

---

[1]) Печатается по современной копіи. Въ первое заграничное путешествіе Жуковскій, какъ видно изъ его дорожнаго дневника, выѣхалъ изъ Дерпта 3 Октября 1820 года.

[2]) Марья Андреевна Протасова въ 1817 году вышла замужъ за профессора Дерптскаго университета Ивана Филипповича Мойера (ум. 1860). Андрей—ихъ новорожденный сынъ.

бразите, что я никакого объ этомъ слуха не имѣю. Одно только оборяетъ: объ дурномъ вы бы написали скорѣе, ибо объ немъ написать *необходимо* надобно; хорошее можно отложить; тутъ лѣнь беретъ всегда свое. Итакъ вѣрю, вѣрю, что у васъ все счастливо, что Маша сидитъ подлѣ колыбели своего малютки, что Мойеръ няньчитъ его, что Саша *) еще съ вами; но вѣрю этому съ невольнымъ страхомъ. Прошу васъ, ради Бога, напишите нѣсколько строкъ. Какой будетъ для меня праздникъ получить письмо ваше!

Что вамъ сказать о себѣ? Я какъ будто не выѣзжалъ изъ Петербурга или, лучше сказать, я какъ будто переѣхалъ съ одной квартиры на другую: такъ мало перемѣнилось въ моемъ образѣ жизни; и если бы я видѣлъ кого-нибудь изъ своихъ, то мнѣ казалось бы, что я и не выѣзжалъ за границу. Отъ границы до Берлина ѣхалъ я въ клѣткѣ; вы видѣли, какъ мы были законопачены въ своей коляскѣ: открыть ее было невозможно, только двѣ спины нашихъ людей, изъ-за которыхъ по бокамъ выглядывало небо, вотъ все, что мы видѣли, въ продолженіе десяти дней дороги; да и видѣть было почти нечего. Дорога до Берлина самая неживописная. Кромѣ Мемеля и Кенигсберга нѣтъ городовъ, достойныхъ примѣчанія. Самымъ пріятнымъ зрѣлищемъ было для меня то, что̀ всѣ, которые обыкновенно ѣздятъ по здѣшней дорогѣ, называютъ скучнымъ и несноснымъ, это такъ-называемый *штрандъ*, или дорога ужасными песками отъ Мемеля до Кенигсберга. Чтобъ легче было лошадямъ, ѣздятъ обыкновенно по самому краю песчанаго берега, такъ что одно колесо всегда въ морѣ. Въ жаркое время, когда песокъ раскаленъ и море спокойно, эта дорога должна быть несносна и утомительна; мы, напротивъ, ѣхали послѣ бури; небо было ясно, но вѣтеръ страшно дулъ съ моря; огромныя волны бѣжали по пескамъ, какъ будто для того, чтобы насъ задавить, а по настоящему только для того, чтобы съ покорностію и съ ужасною пѣною разбиться подъ нашими колесами и подъ ногами нашихъ лошадей. Песокъ былъ взмоченъ, и мы ѣхали скоро; и, благодаря бурѣ, дорога штрандомъ, самая худшая во всякое время, была для насъ лучшею, ибо за Кенигсбергомъ была или грязь или песокъ, и мы тащились какъ черепахи. Берлинъ прекрасный городъ, но онъ не можетъ сравниться съ Петербургомъ; правда, я его вижу въ такое время, когда всякой городъ покажется непріятнымъ: здѣшняя зима (которая нынѣ началась довольно рано и хорошими морозами) есть не иное что, какъ безпрестанная оттепель; она только мараетъ землю и вмѣсто пріятной Русской свѣжести приноситъ съ собой насморкъ и кашель; я нашелъ

*) Александра Андреевна Воейкова, рожд. Протасова.

много деревьевъ покрытыхъ еще полузелеными листьями и успѣлъ сдѣлать пріятную прогулку въ Шарлотенбургъ гдѣ прекрасный садъ, гдѣ удивительно прекрасный, трогательный памятникъ королевы Луизы, матери моей великой княгини[1]). Въ самый день пріѣзда[2]) мы были представлены королю [3]), у котораго и обѣдали. Семейство королевское имѣетъ для меня особенную прелесть тою искреннею дружбою, какою всѣ въ немъ соединены другъ съ другомъ; они вмѣстѣ веселы и счастливы; обхожденіе ихъ самое простое. Здѣшній дворъ не имѣетъ того блеска, какой имѣетъ нашъ. Король живетъ въ небольшомъ дворцѣ, въ которомъ горницы убраны прекрасно, но просто; онъ жилъ въ этомъ дворцѣ вмѣстѣ съ королевою (которой комнаты точно такъ оставлены, какъ онѣ были при ней); съ нимъ двѣ дочери и меньшой сынъ. Прочія дѣти, великій князь [4]) и мы всѣ въ большомъ дворцѣ, который не такъ пространенъ, какъ нашъ Зимній, но выше и лучше архитектурою наружною. Но я вамъ не буду описывать ничего; я видѣлъ Берлинъ мелькомъ и отложилъ свое обозрѣніе до времени болѣе способнаго, а теперь я въ Берлинѣ, какъ въ Петербургѣ, сижу въ своей горницѣ и готовлюсь къ своему путешествію, читая и выписывая. Эта мысль оживотворяетъ меня, и надѣюсь, что путешествіе будетъ для меня лѣкарствомъ и возрожденіемъ нравственнымъ и физическимъ. Зимнее время употреблю на чтеніе; въ Мартѣ буду бродить по городу и окрестностямъ (которыя немного, думаю, лучше Петербургскихъ), а въ Апрѣлѣ пущусь странствовать. Итакъ до этого времени не ожидайте отъ меня никакихъ описаній. До сихъ поръ я очень съ немногими познакомился; но между этими немногими есть одинъ, который плѣнилъ мою душу; это старикъ Гуфландъ [5]); я провелъ у него вечеръ прелестный. Я познакомился еще съ Ансильономъ [6]), который довольно пріятенъ, имѣетъ характеръ почтенный и говоритъ, какъ книга, и написалъ нѣсколько хорошихъ книгъ. Но главное мое знакомство: театръ; бываю каждый вечеръ въ театрѣ. Для насъ, прі-

---

[1]) Великой княгини Александры Ѳеодоровны, впослѣдствіи императрицы, которой Жуковскій преподавалъ Русскій языкъ.

[2]) Въ Берлинъ Жуковскій пріѣхалъ 14 Октября (см. выдержки изъ его Дневниковъ, напечатанныя мною въ Русскомъ Вѣстникѣ 1889 года, т. 203, стр. 361).

[3]) Прусскому королю Фридриху-Вильгельму III.

[4]) Великій князь Николай Павловичъ.

[5]) Извѣстный врачъ, профессоръ и писатель Христофоръ-Вильгельмъ Гуфландъ (р. 1762, ум. 1836). Жуковскій провелъ у него вечеръ 2 Ноября (см. описаніе этого вечера въ выдержкахъ изъ Дневника Жуковскаго въ Русскомъ Вѣстникѣ 1889 г., т. 203, стр. 369—370).

[6]) Объ Ансильонѣ, извѣстномъ Прусскомъ министрѣ и писателѣ, см. замѣчанія Жуковскаго тамъ же, стр. 367—368.

ѣзжихъ, есть безденежное мѣсто въ королевской ложѣ; меня же и балуютъ. Главный директоръ—Тюфякинъ [1]), но только умный, просвѣщенный и любящій искусство Тюфякинъ здѣшняго театра—графъ Брюль взялъ у меня записку тѣхъ піесъ, которыя мнѣ видѣть хочется, и съ большимъ усердіемъ исполняетъ по этой запискѣ. Я назначилъ ему всего Глука, Моцарта, всего Шиллера и почти всего Шекспира, и роскошничаю. Нѣкоторыя части театра здѣсь въ большомъ совершенствѣ: декораціи и оркестръ. Здѣсь даютъ лучшія оперы съ величайшею пышностью. Я видѣлъ: Алцесту, Армиду, Донъ-Жуана и Весталку. Но двѣ послѣднія хуже удались, нежели двѣ первыя. Изъ трагедій видѣлъ: Марію Стюартъ, Валленштейна, Ahnfrau, Hamlet. Въ Ahnfrau, которая не можетъ назваться хорошею піесою, поражаетъ совершенство декорацій, особенно явленіе тѣни. Лучшая трагическая актриса М..... [2]) теперь въ Вѣнѣ, прочіе всѣ вообще только недурны; превосходнаго нѣтъ, кромѣ одного, который точно чудо: это Devrient [3]), настоящій хамелеонъ, для всякаго раза беретъ новое ему только приличное лицо; я его видѣлъ и въ фарсахъ, и въ комедіяхъ; вездѣ равно хорошъ. Нельзя лучше играть *Фальстафа*. Надобно замѣтить, что онъ худъ, какъ спичка, а въ роли Фальстафа онъ выходитъ на сцену съ ужаснѣйшимъ пузомъ и съ раздутыми щеками: это не мѣшаетъ ему имѣть совершенную непринужденность въ игрѣ своей. Дня черезъ четыре даютъ Jungfrau von Orlean; но жаль, что нѣтъ М....., которая, играя Іоанну, говоритъ прекрасно; теперь эту роль будетъ играть молодая, прекрасная собою актриса (въ первый разъ) m-lle Franz; жду съ нетерпѣніемъ.

Въ будущую Среду, 24, поздравлю васъ, милая именинница; буду заочно пить за ваше здоровье, а вы меня вѣрно вспомните за своимъ столомъ. Посылаю вамъ подарокъ.

Маша, милый другъ, напиши мнѣ о своемъ малюткѣ. За неимѣніемъ твоихъ писемъ перечитываю твою книжку и, кажется, слышу тебя: это безцѣнный подарокъ! Тутъ вся ты, мой милый другъ и благодѣтельный товарищъ. Въ твоемъ сердцѣ ничто не пропало; еще, кажется, ты стала лучше; настоящая твоя жизнь, исполненіе твоихъ должностей усовершенствовали тебя, и ничто не пропало въ пустотѣ разсѣянія. Читать твою книжку есть для меня оживать. *И много милыхъ тѣней возстаетъ.*

---

[1]) Директоромъ императорскихъ театровъ былъ князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ (ум. 1845).

[2]) Фамилія написана неразборчиво.

[3]) О знаменитомъ трагикѣ Лудвигѣ Девріенѣ (р. 1784, ум. 1832) см. восторженный отзывъ Жуковскаго въ вышеназванныхъ выдержкахъ изъ его Дневника (Русскій Вѣстникъ, т. 203, стр. 369).

Но простите; дорогою буду писать къ вамъ много; теперь я занятъ однимъ приготовленіемъ къ вояжу и живу мечтою. Теперь заранѣе хочу приготовиться, пока окруженъ скучнымъ Берлиномъ; во время же путешествія хочу быть свободенъ, хочу думать только о томъ, что будетъ передъ глазами; однимъ словомъ, хочу провесть беззаботно нѣсколько мѣсяцевъ посреди прекраснаго Божьяго свѣта, не строя ничего въ будущемъ, но вспоминая о прошедшемъ; итакъ, мы будемъ неразлучны! Изъ Берлина не ждите отъ меня богатыхъ писемъ. Отсюда могу писать къ вамъ только о политикѣ,—я съ нею не очень знакомъ и не намѣренъ угощать васъ полуидеально; не могу описывать здѣшнее общество, я мало съ нимъ бываю и не очень хочу быть, ибо не хочу терять своего времени. Берлинъ для меня только перепутье. Простите, другъ.

Къ Н. М. Карамзину.

8 Ноября (1817), Москва.

Завтра, почтеннѣйшій другъ Николай Михайловичъ, ѣду съ нашимъ бѣднымъ княземъ [1]) въ Остафьево: отвозимъ туда гробъ его сына. Митеньки нѣтъ на свѣтѣ. 18 Октября перевезли его было изъ Остафьева съ легкою болѣзнію, которая никого не пугала; онъ долго былъ *только нездоровъ*; но третьяго Ноября вдругъ сдѣлался опасенъ, жаръ и безпамятство; доктора увѣряютъ, что вода бросилась къ нему въ голову; пятаго числа послѣ обѣда сдѣлалось было ему лучше; на другой день надежда усилилась; мы почитали его уже спасеннымъ,—но ввечеру все кончилось! Что вамъ сказать объ отцѣ и матери? Къ несчастію, вамъ слишкомъ знакомо теперешнее ихъ положеніе. Эта горестная потеря подтверждаетъ ваши всегдашнія мысли о жизни. Кто скажетъ: *счастіе цѣль ея*, тотъ ничего не скажетъ, а только смутитъ настоящее понятіе о жизни. *Дѣйствіе нравственное, сколько можно чистое*, вотъ цѣль! Богъ даетъ намъ одни матеріалы; нашъ долгъ употреблять ихъ добрымъ образомъ къ лучшему. Что̀ бы ни было этотъ матеріалъ, горе или радость, это знаетъ Тотъ, Кто выдаетъ его. А намъ только принимать и обработывать. Все въ жизни *къ прекрасному* средство! Но *прекрасное* и *счастіе* не одно и тоже. Этотъ печальный день (6 Ноября) былъ для меня памятнымъ урокомъ жизни [2]). Утро началось для меня прекрасно: наканунѣ былъ я у Вяземскаго, видѣлъ всѣхъ успокоенныхъ насчетъ больного; и въ этотъ день поутру ви-

---

[1]) Княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ.

[2]) Описаніе кончины сына кн. Вяземскаго, Дмитрія, почти дословно сходное съ настоящимъ письмомъ, помѣщено и въ Дневникѣ Жуковскаго подъ 6 Ноября (см. Русскій Вѣстникъ 1889 г., т. 203, стр. 359).

дѣлъ тоже. Вечеръ провелъ у И(вана) Ивановича[1]) очень весело и поѣхалъ домой, не считая и нужнымъ заѣзжать къ Вяземскому. Подъѣзжаю къ Кремлю: ночь прекрасная, весь Кремль сіяетъ. Зрѣлище тихое и величественное. Подъѣзжаю къ крыльцу своему, хочу выходить изъ саней; скачетъ Вяземскаго человѣкъ и зоветъ къ нему. Милый младенецъ умиралъ, и я засталъ немного минутъ его жизни. Когда я возвращался домой опять, въ три часа ночи, совсѣмъ уже не тотъ, какъ за нѣсколько часовъ, то все уже было темно, луна зашла, и что прежде свѣтило, то было покрыто туманомъ, но *звѣзды на чистомъ небѣ сдѣлались ярче.* Это урокъ безъ словъ, и нельзя было его сильно не почувствовать. Меня онъ поразилъ, и я не могу не сообщить вамъ этого впечатлѣнія.

И Вяземскій, и жена его здоровы. Они много плакали, и это ихъ облегчило. Тотчасъ по кончинѣ Митеньки, они переѣхали къ Рябининымъ, у которыхъ ночевали, а вчера переселились къ Кологривовымъ [2]); тутъ пробудутъ съ недѣлю, по тѣхъ поръ, пока не отопятъ новаго, нанятаго имъ дома (домъ к(нязя) Д. И. Лобанова, на Малой Дмитровкѣ). Тяжело мнѣ, почтеннѣйшій Николай Михайловичъ, на ваше дружеское и *веселое* письмо отвѣчать такимъ печальнымъ; но дѣлать нечего. Простите. О своемъ положеніи говорить вамъ не стану; оно прекрасное, но должно говорить объ немъ въ веселомъ или, по крайней мѣрѣ, въ спокойномъ расположеніи духа. Прошедшее не туманитъ нисколько моего настоящаго; я люблю свою должность [3])—это большое счастіе. Цѣль моя—быть въ ладу *съ самимъ собою;* постараюсь, до нея достигнувъ, отъ нея не удаляться. Вы уже меня благословили на все доброе: постараюсь не измѣнить благословенію безцѣннаго друга. У Екатерины Андреевны [4]) цѣлую ручки. Государыня получила письмо ваше,—это я отъ нея самой слышалъ,—и *радуется имъ*, какъ сама говоритъ.

Адресъ: Его высокородію Николаю Михайловичу Карамзину.

Къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

(Вѣроятно, въ концѣ 1817 или въ началѣ 1818 года).

Я имѣлъ честь представлять вашему императорскому высочеству о своемъ жалованьи [5]); предоставляя его совершенно на произволъ ва-

---

[1]) Дмитріева.

[2]) Теща князя П. А. Вяземскаго, княгиня П. Ю. Гагарина (рожд. княжна Трубецкая), во второмъ бракѣ была за П. А. Кологривовымъ.

[3]) Преподавателя Русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Ср. выдержку изъ Дневника Жуковскаго подъ 27 Октября 1817 г. (Русскій Вѣстникъ 1889 г., т. 203, стр. 356—357).

[4]) Жены исторіографа.

[5]) Въ запискѣ къ А. И. Тургеневу, относящейся къ концу 1817 года, Жуковскій,

шего высочества, въ полномъ увѣреніи, что вы примете на себя милостивую заботу въ разсужденіи обезпеченія меня насчетъ необходимаго, почитаю также необходимымъ къ прежней просьбѣ моей прибавить другую, которой не успѣлъ или, лучше сказать, не умѣлъ представить вашему высочеству при личномъ моемъ съ вами разговорѣ. Я теперь въ отставкѣ. Осмѣливаюсь просить, чтобы ваше высочество разрѣшили, долженъ ли я считаться въ дѣйствительной службѣ, или нѣтъ. Если вашему высочеству покажется это излишнимъ, то соблаговолите сказать мнѣ ваше мнѣніе: оставить на этотъ счетъ всякую заботу не будетъ для меня пожертвованіемъ? Если же, напротивъ, ваше высочество найдете справедливымъ, чтобы служба моя имѣла тотъ же ходъ, какой она имѣетъ для всякаго, отправляющаго какую-нибудь должность, то смѣю надѣяться, что вы доведете это до свѣдѣнія Государя Императора. И въ такомъ случаѣ почитаю за нужное объяснить слѣдующее: я вступилъ въ Московское ополченіе 1812 года изъ отставныхъ титулярныхъ совѣтниковъ поручикомъ; въ томъ же году получилъ отъ свѣтлѣйшаго князя [1]) за отличіе чинъ штабсъ-капитана; потомъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-го класса. Съ чиномъ штабсъ-капитана я и отставленъ. Имѣя почетный дипломъ на званіе доктора философіи [2]), полагаю, что я вправѣ считаться въ осьмомъ классѣ [3]). Наконецъ, прошу, чтобы ваше высочество позволили мнѣ объяснить все это лично ея императорскому величеству[4]). Будучи ею опредѣленъ въ настоящую мою должность[5]), считаю обязанностію узнать и ея волю относительно ко мнѣ; но долженъ напередъ имѣть на это соизволеніе вашего высочества.

Въ заключеніе прошу ваше высочество простить мнѣ мою докучливость. Я не могъ избѣжать непріятности говорить вамъ о самомъ себѣ; но этотъ первый разъ есть и послѣдній. Имѣя необходимое, буду имѣть все. Заботиться о выгодахъ не мое дѣло; къ тому же нѣтъ выгоды, которую можно было бы сравнить съ тѣмъ счастіемъ, какое даетъ мнѣ исполненіе моей драгоцѣнной должности, а этимъ счастіемъ я обязанъ вамъ, и повѣрьте, что главною моею цѣлію будетъ заслужить не награды отъ васъ, но уваженіе. Это узнаете вы на опытѣ.

между прочимъ, сообщалъ, что ему назначено жалованье въ 4.000 р. (см. Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 185).

[1]) Князя М. И. Голенищева-Кутузова.

[2]) Отъ Дерптскаго университета.

[3]) Относительно полученія Жуковскимъ чина коллежскаго асессора упоминается въ нѣсколькихъ письмахъ Жуковскаго къ Тургеневу, относящихся къ Январю и Февралю 1818 года (см. Письма Жуковскаго къ Тургеневу, стр. 186—187).

[4]) Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

[5]) Преподавателя Русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Къ князю А. Н. Голицыну (?).

Павловскъ. 1820, Мая 22.

Милостивый государь!

Съ крайнимъ прискорбіемъ увѣдомился я, что напечатаніе той книжки, о которой я имѣлъ честь просить ваше сіятельство, подвергло непріятности ту типографію, въ которой она напечатана. Спѣшу обратиться къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею моею просьбою не обвинять другихъ въ томъ, что̀ должно быть единственно моею виною; но и себя осмѣливаюсь оправдать предъ вашимъ сіятельствомъ.

Я просилъ Александра Ивановича Тургенева исходатайствовать мнѣ у вашего сіятельства позволеніе напечатать эту книжку безъ цензуры, поручивъ ему объяснить вамъ словесно причины этого желанія. И онъ обнадежилъ меня вашимъ именемъ, что позволеніе будетъ дано, если только представлю мою просьбу вашему сіятельству письменно. Я исполнилъ ваше приказаніе и въ тоже время, въ надеждѣ на обѣщанное позволеніе, и будучи обязанъ немедленно ѣхать въ Павловскъ, просилъ, дабы успѣть кончить напечатаніе до моего отъѣзда, чтобы начали набирать въ типографіи, обязавшись доставить прежде отпечатанія или позволеніе вашего сіятельства, или одобреніе цензуры. Не получивъ вашего позволенія, отъ котораго я долженъ былъ отказаться самъ, дабы не объяснять *письменно* тѣхъ причинъ, о которыхъ вашему сіятельству долженъ былъ объявить Тургеневъ, я получилъ одобреніе отъ цензуры, и оно находилось въ типографіи въ тоже время, въ которое и отпечатаніе кончилось. Безъ сего одобренія я не могъ взять экземпляровъ печатныхъ, которые, само по себѣ разумѣется, были бы уничтожены, если бы (чего никакъ предполагать было невозможно), цензура не одобрила оригинала. Шесть же экземпляровъ, принадлежащіе комитету, доставлены цензору.

Представляя вашему сіятельству всѣ обстоятельства такъ, какъ они были, смѣю думать, что вы не найдете въ этомъ дѣлѣ никакого намѣренія уклониться отъ постановленій. Что же касается до ненапечатанія цензурнаго одобренія, то это случилось уже безъ всякаго намѣренія, и не можетъ быть свидѣтельствомъ того, чтобы книгу хотѣли напечатать мимо цензуры, ибо главная обязанность, то-есть представленіе оригинала въ цензуру, была исполнена. Представленъ же онъ былъ въ цензуру не *послѣ* напечатанія, а *во время* печатанія. Прежде же не былъ онъ представленъ потому, что я, по словамъ Тургенева, имѣлъ надежду на ваше позволеніе; будучи же обязанъ немедленно ѣхать изъ Петербурга, я не счелъ противузаконнымъ того, что книга

отпечатается въ тотъ самый день, въ который дано будетъ это позволеніе или въ который цензура ее пропуститъ.

Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство обратить на это обстоятельство ваше благосклонное вниманіе; осмѣливаюсь просить васъ избавить меня отъ бо́льшей еще огласки, и въ тоже время избавить отъ несчастія быть причиною непріятности для тѣхъ людей, которые, ни сколько не преступивъ закона, были виноваты только въ томъ, что повѣрили моему слову, которое и не нарушено. Ввѣряю себя въ этомъ случаѣ вашему благорасположенію. Если и есть здѣсь какая-нибудь вина, то вся она падаетъ на меня, и я безпрекословно отдаю себя на судъ вашего сіятельства.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и искреннею преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Василій Жуковскій.

Къ Д. П. Сѣверину [1].

1.

17 (29) Ноября (1848). Баденъ-Баденъ.

Милый Котъ [2], благодарствую за письмо твое, на которое давно сбираюсь отвѣчать, но все не попаду на перо: это моя давнишняя болѣзнь откладывать письма донельзя, какъ бы ни хотѣлось ихъ написать. На твой вопросъ: *гдѣ ты, милый?*—отвѣчаю: *въ Баденѣ*. На вопросъ: *что́ съ тобою?*—отвѣчаю: слава Богу, ничего пока. Холера остановила меня на мази ѣхать въ Россію; и какъ ни разсердился я на холеру, которая, оттолкнувъ меня отъ нашей мирной, пріютной Россіи, отбросила въ глубь Германскаго клокочущаго лавою кратера, но теперь я вижу, что, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ко мнѣ, холера сдѣлала доброе дѣло. Она толкнула меня въ Баденъ и натолкнула на Гугерта [3], которому я сдалъ на руки больную жену мою и который, уже сдѣлалъ ей добро и надѣется поставить ее совсѣмъ на ноги къ будущему Іюню, то-есть къ предполагаемому нами отъѣзду въ Россію. Когда бы я повезъ ее туда нынѣшнимъ лѣтомъ изъ Эмса, то если бы и не попалъ въ лапы къ холерѣ, все ея болѣзнь, которой Эмсъ не помогъ, принудила бы насъ на слѣдующій годъ возвратиться или была бы усилена до крайности нашимъ жестокимъ климатомъ. Теперь

[1] Въ Русской Старинѣ 1896 года, Іюль, стр. 83—98, были напечатаны, по имѣвшимся въ распоряженіи редакціи этого журнала подлинникамъ, двадцать два письма Жуковскаго къ Сѣверину за 1830, 1832 и 1833 годы.

[2] Какъ извѣстно, Д. П. Сѣверинъ носилъ въ „Арзамасѣ“ прозвище „Рѣзвый Котъ“.

[3] Докторъ.

я веселю себя надеждою на выздоровленіе жены, которое начинало уже казаться мнѣ весьма проблематическимъ; а сколько эта женская болѣзнь, продолжающаяся уже третій годъ, надѣлала ломки въ семейной моей жизни—этого пересказать не могу. Болѣзнь есть самое тяжкое изъ испытаній, посылаемыхъ намъ Богомъ; но противъ Его воли мы не должны возставать и нашею мыслію: безпрестанно опытъ доказываетъ, что всякая бѣда, не отъ насъ происходящая, есть благо.

Теперь, какъ слѣдуетъ, надлежало бы мнѣ заговорить съ тобою о политикѣ; но отъ нея приходится тошно; всякой разъ чувствую позывъ къ рвотѣ, когда приносятъ мнѣ газеты; а я читаю только такія, въ которыхъ есть выраженіе честности и правды. Дай Богъ королю Прусскому, который, наконецъ, сталъ на ноги посреди грязи, въ которую загнало его наше безбожное время, устоять твердо и не потерять своего достоинства, у него такъ мученически похищеннаго ненавистнымъ предательствомъ и бѣшено-развратнымъ бунтомъ. Настоящая минута благопріятна для возстановленія—не скажу *прежняго порядка*: прежнее навсегда утрачено, но власти, которая можетъ зажать ротъ анархіи. Если и эта минута будетъ упущена, бѣда Германіи и всему Европейскому обществу. Нашъ утесъ усидитъ. Но дай Богъ, чтобы онъ не былъ только твердымъ безжизненно-гранитнымъ утесомъ; но чтобы онъ былъ живымъ, зрячимъ, могучимъ Русскимъ великаномъ, представителемъ Русскаго самодержавія, то-есть высшей правды.... Но вотъ я и заболтался. Прошу не прогнѣваться. Вотъ двѣ просьбы: получаешь ли ты Русскія газеты, Инвалидъ, Пчелу? Въ одной изъ послѣднихъ должно быть напечатано письмо мое къ великому князю,—я не знаю какое [1]; но онъ мнѣ объ этомъ пишетъ. Я бы желалъ прочитать его. Пришли мнѣ этотъ №. Я возвращу по прочтеніи, если того потребуешь. Другая просьба: увѣдомить Стурдзу [2] о томъ, что ему доставленъ будетъ изъ Петербурга экземпляръ Одиссеи, и что я прошу его сказать мнѣ свое мнѣніе о моемъ переводѣ. А ты прощай и будь здоровъ. Женочкѣ своей мой дружескій поклонъ. Жена и тебѣ, и ей сердечно кланяется. Свѣтлана [3].

---

[1]) Въ Сѣверной Пчелѣ 1848 г. (№ 57, отъ 12 Марта) былъ напечатанъ, безъ подписи Жуковскаго, подъ заглавіемъ „Письмо Русскаго изъ Франкфурта" отрывокъ письма Жуковскаго къ цесаревичу Александру Николаевичу (все письмо напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1885 г., книга первая, стр. 16—18; помѣщенный въ Сѣверной Пчелѣ отрывокъ составляетъ первую половину письма).

[2]) Александра Скарлатовича (ум. 1854), извѣстнаго писателя и дипломата.

[3]) Арзамасское прозвище Жуковскаго.

2.

20 Января (4 Февраля н. ст.) 1849. (Баденъ [1]).

Котъ.

Сейчасъ получилъ твое письмо. Много отвѣчать не могу: ѣду въ Франкфуртъ президировать въ . . . . . [2]) парламента. Вотъ короткій отвѣтъ:

VI-й томъ [3]), который ты считаешь не достающимъ, уже тобою полученъ; онъ есть тотъ, въ которомъ ты самъ находишься въ сапогахъ [4]).

I, II, III, IV, V. Старыя стихотворенія.

VI. Новыя стихотворенія.

VII. Проза.

VIII и IX—Одиссея. IX-й уже печатается. Прости. Обнимаю тебя и жену отъ себя и жены. Свѣтлана.

3.

11 Марта (н. ст.) 1849, Баденъ [5]).

Благодарствую, Котикъ, за доставленіе письма Стурдзы. Оно меня весьма, весьма порадовало. Приложенная виньетка изобразитъ для твоихъ очей *видимо* и для твоихъ бархатныхъ лапокъ *пальпабельно*, что значитъ для меня мнѣніе Стурдзы о моемъ переводѣ Одиссеи.

(Затѣмъ нарисованы вѣсы; на одной ихъ чашкѣ, которая перетягиваетъ, написано: „Выписка изъ письма Стурдзы къ Сѣверину", а на другой: „Мнѣнія о переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскаго литераторовъ Германіи. Англіи, Франціи, Италіи и пр., и пр., и пр., и даже Россіи").

Видишь, какъ оно для меня увѣсисто. И было бы мнѣ грустно, если бы въ письмѣ, тобою мнѣ сообщенномъ, было сказано противное тому, что я съ такимъ удовольствіемъ въ немъ прочиталъ, не съ

---

[1]) Въ подлинникѣ дата письма самимъ Жуковскимъ выставлена ошибочная: 4 Января 1849 г. На письмѣ, имѣющемъ адресъ: „Son excellence monsieur de Sewerine, ministre de S. M. l'Empereur à Munich", сохранились почтовые штемпели о времени его отправленія (Baden, 4 Feb. 49) и полученія (München. 6 Feb. 1849), что́ и даетъ возможность исправить ошибку въ датѣ самаго письма.

[2]) Одно слово при печати опущено.

[3]) Дѣло идетъ о послѣднемъ, сдѣланномъ самимъ Жуковскимъ, изданіи его сочиненій, вышедшемъ въ 1849 году; печаталось оно въ Карлсруэ, въ придворной типографіи Гаспера.

[4]) Т. е. сказка „Котъ въ сапогахъ".

[5]) Письмо писано 11 Марта *новаго стиля* (т. е. 27 Февраля стараго стиля), какъ это видно изъ письма Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ отъ 10 Марта новаго стиля (см. въ Соч. Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 540).

удовольствіемъ самолюбія, а точно въ утѣшеніе души, которая, поживъ столько времени такъ насладительно съ Гомеромъ, не заплатила ему зломъ за добро, а пересказала его чудные разсказы Россіи языкомъ вѣрнымъ и тѣмъ отвела ему теплую квартиру на всѣ времена посреди снѣговъ Гиперборейскихъ. Вслѣдствіе сего душа моя покойна. Гомероубійство не тревожитъ ея совѣсти; на это имѣю я дипломъ отъ полномочнаго министра Гомеровой музы, господина Стурдзы.

Вяземскій прислалъ мнѣ описаніе торжества въ его домѣ, котораго заочнымъ предметомъ былъ я [1]), а главнымъ гостемъ мой милый великій князь [2]), отъ котораго я еще прежде, нежели отъ Вяземскаго, получилъ увѣдомленіе. И это меня сердечно порадовало. Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ, отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ. Здѣсь былъ не дымъ, а ѳиміамъ дружбы, который принятъ былъ не гордымъ носомъ самолюбія, а смиреннымъ сердцемъ благодарности. Кто описалъ тебѣ этотъ (пропущено слово: праздникъ)? Многихъ изъ нашего круга на немъ не могло быть. Между именами подписавшихъ на листу [3]), который мнѣ былъ присланъ Вяземскимъ, я не нашелъ имени Очаровательнаго Челнока [4]). На другой день получилъ письмо отъ Вигеля [5]), который, между прочимъ, пишетъ: «Вяземскій послалъ билетъ пригласительный къ Полетикѣ, но посланный нашелъ его уже на столѣ» [6]). Присталъ къ берегу нашъ Челнокъ. Его введутъ прямо въ пристань, безъ досмотра. На немъ контрабанды нѣтъ; все чистой, позволенный товаръ. Замѣчательно, что онъ, когда мы пировали юбилей Крылова [7]), подошедши ко мнѣ, сказалъ: «Погоди, братъ Василій сынъ Андреевъ (такъ онъ всегда величалъ меня), и твой юбилей мы отпразднуемъ». Вотъ онъ и отпразднованъ, а тотъ, кто его предсказалъ, былъ позванъ, да не пришелъ. Ну, прости же, мой милый. A propos. Нѣтъ ли у тебя Иліады, переведенной Гнѣди(чемъ)? Очень меня одолжишь, если ее немедленно пришлешь. Я возвращу съ точностію. Твой Жуковскій.

---

[1]) 29 Января 1849 года былъ отпразднованъ въ домѣ князя П. А. Вяземскаго пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности Жуковскаго. Описаніе его вышло отдѣльною книжкою.

[2]) Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

[3]) Жуковскому былъ посланъ листъ, на которомъ написали свои имена всѣ лица, бывшія на этомъ празднествѣ.

[4]) Т. е. Петра Ивановича Полетики, носившаго въ „Арзамасѣ" прозвище „Очарованный Челнъ".

[5]) Филиппа Филипповича, автора извѣстныхъ „Записокъ".

[6]) П. И. Полетика скончался 26 Января 1849 года.

[7]) Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности И. А. Крылова праздновался 2 Февраля 1838 года.

P. S. Прошу тебя переслать Стурдзѣ въ своемъ пакетѣ приложенное письмо [1]). Я посылаю его не запечатаннымъ для того, чтобы ты, прочитавъ его, изъ него увидѣлъ, что теперь *я* дѣлаю. Вотъ что съ *нами* дѣлается; жена моя тебѣ и твоей женѣ (и я) посылаетъ дружескій поклонъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пировали вмѣстѣ въ Гофѣ и Нюрнбергѣ, она провела три года въ самомъ тяжкомъ нервическомъ страданіи, которое было почти непрерывное. Баденъ ей теперь помогъ. Слава Гугерту. Доверши Богъ начатое. Дѣти здоровы. Саша [2]) мила и умна. Не знаю, знакомъ ли ты съ моимъ Павломъ: онъ совершенно я; здоровый мальчишка, румяный, густоволосый; короче, первый встрѣтившійся тебѣ откормленный бычокъ можетъ дать довольно вѣрное понятіе о Павлѣ Васильевичѣ. Прощай.

4.

1 (13) Апрѣля (1849, Баденъ).

Благодарствую, мой милый Котъ, за твое стихотворное мяуканье. Стихи твои очень милы; одно мнѣ хотѣлось бы поправить.

Ты воск(р)есилъ для сыновей,
Чѣмъ восхищалися ихъ дѣды.

Необходимо надобно поставить вмѣсто *сыновей—внуковъ*. Я ломалъ, ломалъ голову, какъ бы произвести это превращеніе, не повредивъ стихамъ, и по сію пору ничто не приходитъ въ память. Нельзя ли такъ:

Радецкій [3]), радость нашихъ лѣтъ!
Не чужды намъ твои побѣды.
Ты внукамъ далъ вѣнецъ побѣдъ,
Которымъ радовались дѣды?

Здѣсь повтореніе слова *побѣда* можетъ быть, кажется, позволено. Но все какъ-то не совсѣмъ клеится. Подумай самъ. *Въ подножіи* нельзя; надобно *у подножья*. Нельзя ли такъ:

На высотахъ гремѣлъ Альпійскихъ.

Вотъ тебѣ мои вербные сѣкаторы. А ты прости мнѣ мои противъ тебя прегрѣшенія. Завтра исповѣдаюсь и причащаюсь. Заключаю братскимъ словомъ: Христосъ Воскресе!

---

[1]) Это письмо къ А. С. Стурдзѣ было отъ 10 Марта н. ст. 1849 г. (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 540—542).

[2]) Александра Васильевна, бывшая впослѣдствіи замужемъ за барономъ Верманомъ. Скончалась въ Баденъ-Баденѣ, 14 Сентября 1899 г.

[3]) Австрійскій фельдмаршалъ графъ Радецкій (ум. 1858), командовавшій Австрійскою арміею въ Италіи, гдѣ онъ подавилъ революціонное движеніе.

Поздравь отъ меня жену и скажи ей за меня тоже слово и твоей милой племянницѣ также.

Жена васъ поздравляетъ и дружески вамъ кланяется. Жуковскій).

5.

Страсбургъ, 12 (24) Мая (1849).

Благодарю тебя, мой милый Котъ, за твое дружеское обо мнѣ безпокойство. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, говорятъ у насъ на Руси. Тутъ былъ и страшный, и глупый сонъ; но намъ отъ него бѣды не было[2]). Я вмигъ рѣшился и перевезъ жену и дѣтей въ Страсбургъ. Я здѣсь въ полномъ цвѣтѣ, то-есть въ трактирѣ La Fleur, который полнехонекъ. Пережидаю, чтобы жена встала, и, вѣроятно, въ Субботу будущую или въ Воскресенье (нынче Четвергъ) отправлюсь черезъ Базель въ Бернъ, гдѣ и поселюсь провизуарно. Что послѣ будетъ, рѣшатъ обстоятельства, то-есть воля Божія. Можетъ случиться, что мы воротимся въ Баденъ къ Гугерту и что женѣ надобно будетъ еще провести зиму для довершенія лѣченія въ Баденѣ; можетъ случиться, что надобно будетъ остаться въ Бернѣ. Въ обоихъ случаяхъ, покинувъ здѣсь жену и дѣтей, я отправлюсь въ Россію [3]) и въ послѣднемъ случаѣ черезъ Мюнхенъ; тогда увидимся и побесѣдуемъ сладко и о хорошемъ прошломъ и о глупомъ настоящемъ. Прости, другъ. Я писалъ къ Вяземскому, но отвѣта отъ него не имѣю.

Цѣлую руку у Кошечки. Жена вамъ дружески кланяется. Жуковскій.

А главный третій случай тотъ, что, можетъ быть, если здоровье жены уладится, отправимся изъ Швейцаріи прямо въ Россію; тогда черезъ Мюнхенъ всею толпою [4]).

6.

12 (24) Мая (1849), Страсбургъ.

Пишу къ тебѣ нынче во второй разъ, Котъ. Забылъ сказать въ первомъ письмѣ своемъ главное. Я давно уже получилъ отъ брата Стурдзы милое письмо; не отвѣчалъ ему тотчасъ, потому что хотѣлъ

---

[1]) Письмо имѣетъ адресъ: „Son excellence monsieur de Sewerine, ministre de S. M. l'Empereur de Russie. A Munich" и почтовые штемпели: 1) Baden, 13 Apr. 49 и 2) München 15 Apr. 1849, XI.

[2]) Въ Баденѣ въ это время вспыхнула революція.

[3]) Какъ извѣстно, въ 1849 году далѣе Варшавы Жуковскому не удалось побывать въ Россіи, и онъ, вслѣдствіе болѣзни жены, снова вернулся въ Баденъ-Баденъ. Въ Варшавѣ онъ былъ нѣсколько дней въ Августѣ мѣсяцѣ и ѣздилъ туда, чтобы представиться императору Николаю Павловичу и получить разрѣшеніе на дальнѣйшее пребываніе за границею для лѣченія жены.

[4]) Письмо, кромѣ адреса, имѣетъ почтовые штемпели: 1) Strassbourg 24 Mai 49; 2) München, 27 Mai 1849.

сказать: *Одиссея кончена.* Но еще тогда она не была кончена. Я ее однако уже кончилъ еще 23 Апрѣля, но мнѣ хотѣлось прибавить: *и напечатана.* И уже посланъ былъ въ типографію послѣдній листъ, какъ вдругъ буря [1]) перебросила меня въ Страсбургъ. Но это однако не помѣшало ничему. Въ тоже время переброшенъ былъ изъ Карлсру въ Страсбургъ и Рейфъ [2]), опекунъ печатанія Одиссеи. Сію минуту я отправилъ корректуру послѣдняго листа въ типографію. Дѣло съ концомъ. Богъ поможетъ остальному. Такимъ образомъ мой монументальный трудъ совершился. Увѣдомь объ этомъ Стурдзу; онъ принимаетъ живое участіе въ моей работѣ. Это былъ tour de force [3]). Я началъ переводить XIII-ую пѣснь въ концѣ Октября; XXIV-я была кончена 23 Апрѣля. Но всего-на-все работалъ я менѣе 100 дней. Быстрота работы ничему не повредила, ибо я поправлялъ въ печатной корректурѣ, и поправлялъ съ величайшею строгостію, такъ что иной листъ до пяти разъ былъ ко мнѣ присылаемъ. А въ корректурѣ поправляется лучше. И думаю, что послѣдняя половина, хотя и труднѣе первой, переведена вообще лучше. D'un seul jet [4]). Перешли это моему Аристарху [5]). Самъ буду писать къ нему изъ Швейцаріи. Ж. [6]).

7.

Базель, 17 (29) Мая (1849).

Вотъ тебѣ толстый пакетъ, мой милый Котъ; все весьма нужныя письма. Адресую ихъ на твое имя по той причинѣ, что не вѣрю тракту черезъ Франкфуртъ. Получивъ эти письма, немедленно отправь ихъ по почтѣ (если нѣтъ курьера, теперь же отправляемаго). Отправивъ же, увѣдомь меня двумя словами. Тогда буду знать, что письма пошли своимъ путемъ и дойдутъ. Необходимо надобно, чтобы они дошли.

Обнимаю тебя. Жуковскій.

Завтра ѣду въ Бернъ. Напиши туда немедленно poste restante.

8.

4 (16) Іюня 1849 (Тунъ).

Я намѣренъ, мой милой Котъ, направлять всю мою корреспонденцію черезъ тебя. Не погнѣвайся за это на твою Свѣтлану. До Мюнхена изъ Туна путь прямой и не захваченный легіонами дьявола:

---

[1]) Революція въ Баденѣ.

[2]) Составитель извѣстныхъ словарей.

[3]) Т. е. фокусъ.

[4]) Т. е. за одинъ присѣстъ.

[5]) Т. е. Стурдзѣ.

[6]) На письмѣ, кромѣ адреса, имѣются почтовые штемпели: 1) Strasbourg 24 Mai 1849; 2) München, 27 Mai 1849.

письма этимъ путемъ могутъ доходить вѣрнѣе до своего назначенія. А тебѣ случай оказать добрую услугу Свѣтланѣ. Скажи вопервыхъ о себѣ. Потомъ отвѣчай на этотъ вопросъ: почему твоя Баварія ведетъ себя такъ свински въ дѣлѣ спасенія Германіи? Потомъ (это для меня важнѣе) увѣдомь о нашей Святой Руси; ко мнѣ нѣтъ ни отъ кого писемъ. Можетъ быть, письма пропадаютъ. Правда ли, что герцогъ Лейхтенбергскій боленъ опасно [1]? Прости, другъ. Я поселился въ Тунѣ. Сижу у озера и жду погоды. Что скажетъ завтрашній день, не знаю; а далѣ завтрашняго дня въ наше время ни заглядывать, ни видѣть невозможно. Наше время имѣетъ ту хорошую сторону, что оно врѣзываетъ глубоко въ сердце Русскую пословицу: *безъ Бога ни до порога.* Перешли приложенное письмецо, а самъ отвѣчай въ двухъ словахъ и скорѣе.

Твой Жуковскій.

Мой адресъ: A Berne, poste restante [2].

9.

7 (19) Іюня (1849), Тунъ.

Вотъ тебѣ, душа моя, письмецо нужное къ моему Петербургскому корреспонденту и душеприкащику [3]; отправь его немедленно по почтѣ. Я писалъ къ нему, чтобы адресовалъ свои письма на твое имя въ Мюнхенъ, а ты доставляй ко мнѣ. Франкфуртскій трактъ совсѣмъ невѣренъ. Теперь Frankfurth сталъ Frankfurz. Скоро къ тебѣ явится второй томъ моей Одиссеи, или IX полнаго собранія. Ошибкою переплетчика въ этомъ томѣ помѣщено мое посвятительное письмо Наслѣднику: его мѣсто во главѣ всего изданія, то-есть перваго тома. Совѣтую тебѣ велѣть переплести, какъ то изображено въ приложенномъ рисункѣ. Прощай. Обнимаю васъ. Жуковскій [4].

10.

11 (23)—13 (25) Іюня (1849, Тунъ .

На сей почтѣ посылается тебѣ второй томъ Одиссеи. Можетъ быть твой экземпляръ уже посланъ тебѣ Рейфомъ. Если ты его получилъ, то отошли этотъ отъ меня Стурдзѣ. Если же не получилъ, то и

---

[1] Герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, супругъ великой княгини Маріи Николаевны.

[2] На письмѣ, кромѣ адреса, имѣются почтовые штемпели: 1) Thun, 17 Juin; 2) Zurich 18 Juin 1849 Nachmittag; 3) München (далѣе стерлось).

[3] Р. Р. Родіонову, служившему старшимъ чиновникомъ въ собственной канцеляріи императрицы Александры Ѳеодоровны.

[4] На письмѣ, кромѣ адреса, имѣются почтовые штемпели: 1) Thun 20 Juin; 2) Zurich 21 Juin 1849 Nachmittag; 3) München 22 Juin. 1849. XI.

не получишь, ибо я предувѣдомилъ Рейфа, что пошлю отъ себя. Тогда оставь у себя этотъ. Прошу принять съ любовью младшую дочку старика Жуковскаго. Она лучше всѣхъ прежнихъ поэтическихъ дочекъ его и повеселила крѣпко душу его на старости. Теперь прости, поэзія; милости просимъ, святая проза. Уже много есть у меня дѣтокъ и отъ этой второй жены. Я намѣренъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, если успѣю, послать къ тебѣ для доставленія Стурдзѣ, ибо они такого рода, что имъ не только нужно его одобреніе, но и его строгой экзаменъ, его выправка [1]). Объ этомъ послѣ. При твоемъ экземплярѣ посылаются еще два. Одинъ для Фарнгагена [2]) въ Берлинъ, а другой для священника Базарова [3]) въ Висбаденѣ. Прошу тебя позаботиться о вѣрномъ доставлении Фарнгагену; у тебя въ Берлинѣ есть, конечно, знакомые. Можешь, напримѣръ, адресовать Ольферсу (M-r Olfers, intendant général des Musées. Excellenz); ты его вѣрно знаешь: твой прежній содипломатъ въ Швейцаріи. Однимъ словомъ сдѣлай, какъ хочешь, лишь только доставь экземпляры. По прежнему тракту черезъ Франкфуртъ посылать нѣтъ средства. Прости. Отвѣчай. Мнѣ на тебя завидно: какъ тебѣ весело будетъ читать Одиссею!

Объятіе Кошечкѣ отъ меня и отъ моей собственной кошурки. Увѣдомь, что̀ дѣлается у васъ. Жуковскій.

Меня тревожатъ слухи Петербургскіе: правда ли, что герцогъ Лейхтенбергскій такъ опасно боленъ? Какіе у васъ слухи? Всѣ сообщи мнѣ. Ко мнѣ никто не пишетъ. Одинъ Булгаковъ [4]); но онъ только знаетъ свою старуху Москву. Онъ увѣдомилъ меня, что ждетъ Вяземскаго, который отправляется съ женою къ сыну въ Константинополь [5]).

11 (23) Іюня.

A Berne, poste restante.

Пакеты вели на книги сдѣлать какъ слѣдуетъ; цѣну назначь, если по достоинству, 1.000.000 гульденовъ, а по матеріальному вѣсу 1 гульденъ.

25 Іюня.

Я получилъ письмо отъ доктора Гугерта, который зоветъ жену въ Баденъ, для продолженія начатаго лѣченія. Мы отправляемся въ будущее Воскресенье, 1 Іюля н. ст., если Богъ позволитъ. Ты же, пока не получишь отъ меня письма изъ Бадена, продолжай адресо-

---

[1]) Рѣчь идетъ о статьяхъ Жуковскаго „О внутренней христіанской жизни“ и другихъ его размышленіяхъ нравственно-религіознаго содержанія.

[2]) Для извѣстнаго писателя Карла-Августа Фарнгагена фонъ-Энзе (ум. 1858).

[3]) Для священника Ив. Ив. Базарова.

[4]) Александръ Яковлевичъ, Московскій почтъ-директоръ, другъ Жуковскаго.

[5]) Сынъ князя Петра Андреевича Вяземскаго, князь Павелъ Петровичъ, былъ въ это время младшимъ секретаремъ посольства въ Константинополѣ.

вать: à Berne, poste restante. А Одиссея! Hélas! Hélas! Чуть ли она не разлетѣлась дымомъ. Всѣ экземпляры IX-го тома, или 2-го Одиссеи, были отправлены изъ Карлсру по Рейну; ихъ остановили въ Мангеймѣ; а Мангеймъ, говорятъ газеты, бомбардированъ [1]); и во всѣхъ газетахъ повторенія, что пакгаузъ съ товарами сгорѣлъ; еще я не имѣю извѣстія; но кажется, что мнѣ придется пѣть панихиду [2]).

11.

1 (13) Іюля (1849), Интерлакенъ.

Что же это такое, мой милый Котъ? Въ старые годы бывалъ ты воплощенная точность, а теперь вдругъ оплошалъ. Почти три недѣли тому, какъ я писалъ къ тебѣ изъ Туна [3]). При моемъ письмѣ были письма къ Мальтицу [4]) въ Веймаръ и къ Фарнгагену въ Берлинъ. При этомъ же письмѣ посланы книги, 2-й томъ Одиссеи: одинъ экземпляръ для тебя, другой для Фарнгагена, третій для священника Базарова. По сію пору нѣтъ отъ тебя отзыва: получено ли все это? Жаль, если будетъ потеряно; кажется, впрочемъ, потеря дѣло невозможное. Скорѣе можно подумать, что ты залѣнился или молчишь, досадуя на меня за твою Бавардію. Не говори мнѣ объ ней ни слова; а просто напиши, получилъ ли посылку и отправилъ ли то, что̀ назначено мною къ отправкѣ? А адресъ все тотъ же: à Berne, poste restante.

Главная просьба моя состоитъ въ томъ, чтобы ты скорѣе и, если можно, подробно написалъ мнѣ о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ. Оттуда никто не пишетъ ко мнѣ. Я изъ газетъ узналъ о кончинѣ великой княжны и о горѣ моего милаго в(еликаго) князя [5]). Но болѣе ничего не знаю. Сердце болитъ за него. Напиши, что̀ знаешь. Въ приложенномъ письмѣ, адресованномъ къ Олсуфьеву [6]), находится и письмо къ Наслѣднику [7]). Поручаю его твоему промыслу. Я еще не вѣрю прежней почтовой дорогѣ черезъ Франкфуртъ и Берлинъ. Самъ я скоро

---

[1]) Пруссаками, которые заняли этотъ городъ 10 (22) Іюня.

[2]) Это предчувствіе Жуковскаго не оправдалось. Экземпляры Одиссеи благополучно дошли изъ Мангейма, черезъ Кельнъ и Штетинъ, въ Петербургъ, о чемъ Жуковскій писалъ П. А. Плетневу 11 Октября стар. стиля 1849 года.

[3]) См. предыдущее письмо.

[4]) Баронъ Аполлонъ Петровичъ Мальтицъ (р. 1795, ум. 1870) долгое время (съ 1841 по 1868 г.) былъ Русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ.

[5]) 16 Іюня 1849 года скончалась, на седьмомъ году, старшая дочь цесаревича, великая княжна Александра Александровна.

[6]) Василію Дмитріевичу, гофмаршалу двора наслѣдника цесаревича.

[7]) Письмо Жуковскаго къ цесаревичу Александру Николаевичу, писанное по поводу кончины великой княжны Александры Александровны, было отъ 3 (15) Іюля; оно напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1885, книга первая, стр. 534—536.

перевезу жену въ Баденъ. Отдавъ ее на руки Гугерту, потащу старыя кости свои въ Петербургъ [1]). Отвѣчай немедленно. Жуковскій.

Только что хотѣлъ отправлять къ тебѣ это письмо, какъ мнѣ принесли съ почты твое. Благодарю, милый другъ. Итакъ, нѣтъ уже никакого сомнѣнія: ангелъ улетѣлъ. Посылаю письмо прямо на имя в(еликаго) к(нязя). Я хотѣлъ переслать его черезъ Олсуфьева, еще имѣя какую-то полунадежду, что читанное въ газетахъ можетъ быть ложною вѣстію. Отправь письмо. Да поможетъ Богъ молодому отцу причаститься этому горю, какъ тѣмъ тайнамъ, къ которымъ мы со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступаемъ. Въ такихъ печаляхъ Богъ налицо; онѣ святятъ душу; онѣ даютъ нашей жизни ея настоящій смыслъ и ея глубокую значительность. Прости, другъ.

Я просилъ Уварова [2]), чтобы переслалъ свой мнѣ отвѣтъ черезъ тебя.

Ты вѣрно получаешь какія нибудь Русскія газеты; пришли мнѣ прочитать тѣ нумера, въ которыхъ помѣщено извѣщеніе о кончинѣ великой княжны. Напиши, что знаешь о герцогѣ Лейхтенбергскомъ и о путешествіи въ Мадеру.

12.

3 (15) Ноября (1849, Баденъ).

Любезнѣйшій Котъ, ты несказанно меня одолжишь, если мнѣ немедленно доставишь книгу Стурдзы о Православной Церкви, давно имъ написанную [3]), и если къ ней приложишь и его переводъ нашей Греческой литургіи. Эти книги были у меня; но я всѣ свои пожитки переслалъ въ Россію, въ надеждѣ, что самъ туда поѣду. А теперь въ этихъ книгахъ мнѣ кровная нужда; онѣ, конечно, у тебя находятся, и я увѣренъ, что ты не замедлишь ими ссудить меня: онѣ у меня не пропадутъ. Одолжи, пришли поскорѣе. Вчера ввечеру изумило меня явленіе Киля [4]); онъ ближнею дорогою отправился въ Мюнхенъ изъ Рима черезъ Базель, Страсбургъ, Бременъ, Ольденбургъ, Дрезденъ, Теплицъ и пр. Теперь онъ самъ черезъ нѣсколько времени явится передъ очами твоими; но я предпочитаю послать письмо мое черезъ почту, иначе оно можетъ съ нимъ по дорогѣ завернуть въ Аѳины и Константинополь. Прошу тебя переслать приложенное письмо. Обнимаю тебя. Дружеское лапкожатіе и тебѣ и кошечкѣ отъ меня и отъ моей жены. Свѣтлана.

---

[1]) Это не могло исполниться, вслѣдствіе продолжавшейся болѣзни жены поэта.

[2]) Графа Сергѣя Семеновича.

[3]) Сочиненіе Стурдзы „Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe“ вышло въ 1817 году.

[4]) Вѣроятно, Левъ Ивановичъ Киль (ум. 1851), бывшій съ 1845 года начальникомъ Русскихъ художниковъ въ Римѣ.

13.

3-го Декабря (1849, Баденъ).

Милый Котъ, я получилъ книги и приношу тебѣ сердечную благодарность. Уже книга Стурдзы о нашей Церкви прочтена и съ великимъ наслажденіемъ: есть чудныя страницы. Что если бы къ этому благоуханному букету цвѣтовъ, собранныхъ на лугѣ молодости, нашъ Платонъ христіанскій присоединилъ нѣсколько лавровыхъ вѣтокъ съ древа, осѣняющаго его старость? Вышла бы чудная книга, книга необходимая нашему вѣку. Въ наше время болѣе, нежели въ какое другое, надобно выставить несказанную святыню нашей Церкви на поклоненіе христіанскаго міра: изъ нея должно выйти общее преобразованіе. И чья рука выше подыметъ ея знамя и чей голосъ звучнѣе прославитъ ее, какъ не рука и не голосъ Стурдзы! Пошли ему отъ меня этотъ клочекъ бумаги. А твою книгу оставлю пока у себя. Не страшись пропажи, возвращу въ свое время. Теперь она мнѣ нужна. Объ Иліадѣ не заботься; возвращу въ цѣлости; а если потеряю, то самъ ее переведу, чтобы вознаградить твой убытокъ. Прости, другъ; кланяйся женѣ и Килю отъ меня и отъ жены, которая тебѣ особенно кланяется дружески, но все хвораетъ. Ж.

Записки къ князю В. Ѳ. Одоевскому.

1.

(1837) [1].

Пришлите мнѣ, дядюшка, мою статью (не въ листъ, а въ четвертку); мнѣ она надобна нынче до обѣда. Возвращу вамъ немедленно. Будете ли нынче у меня? Стихи Пушкина всѣ отобраны и почти всѣ переписаны. Надобно приняться за отобраніе прозы и за разборъ книгъ его рукописныхъ. Вотъ вамъ Пѣвецъ [2]; я поправилъ, гдѣ глупый переписчикъ навралъ въ смыслѣ; велите переписать орѳографически, ибо ошибокъ бездна и такъ печатать нельзя. Да пришлите корректуру. Ж.

Вѣдь вы взяли статью Карамзина [3]? И отдали ее переписывать? То-есть конецъ? Доставьте Вяземскому.

2.

13-го Іюля (1839, Петергофъ) [4].

Здравствуйте, дядюшка, ваше сіятельство! Я не отвѣчалъ вамъ на письмо ваше письменно потому, что надѣялся увидѣться съ вами

[1]) Записка писана послѣ смерти А. С. Пушкина, когда Жуковскій былъ занятъ разборомъ его бумагъ и когда приготовлялось посмертное изданіе сочиненій Пушкина.

[2]) Стихотвореніе Пушкина.

[3]) Вѣроятно статью Карамзина о древней и новой Россіи; отрывокъ этой статьи былъ помѣщенъ въ „Современникѣ" 1837 года, который, по смерти Пушкина, издавали Жуковскій, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій, Плетневъ и А. А. Краевскій.

[4]) Годъ на письмѣ не выставленъ; отнесено къ 1839 году по соображенію съ дан-

лично. До сихъ поръ былъ въ Петербургѣ. 11-го пріѣхалъ въ Петергофъ; вчера, то-есть 12-го, хотѣлъ съѣздить къ вамъ въ Ораніенбаумъ, но не удалось; нынче ѣду опять въ Петербургъ дня на три или на четыре; итакъ, не прежде увижусь съ вами, какъ по возвращеніи. На главный пунктъ вашего письма предпочитаю отвѣчать однакоже письменно, ибо не могу ничего добраго отвѣчать словесно; *нѣтъ*, легче пишется, чѣмъ говорится. Помочь вашему журналу не могу ничѣмъ, и менѣе всего деньгами. Путешествіе опустошило мой карманъ. Я долженъ былъ при возвращеніи въ Петербургъ занять у великаго князя. И то, что занялъ, не будетъ достаточно, ибо случилась нужда въ деньгахъ на совсѣмъ непредвидѣнныя издержки. Итакъ, дядюшка, не взыщите на мое *нѣтъ*. А съ вами весьма, весьма желаю увидѣться.

Дружескій поклонъ княгинѣ. Жуковскій.

3 [1]).

Я буду къ Озену въ два часа или въ половинѣ третьяго. Погодите меня у себя до часа. Заѣду къ вамъ, чтобы ѣхать къ Глинкѣ [2]). Оттуда къ Озену. А васъ прошу послать къ Вьельгорскому: у меня некого теперь послать. Жуковскій.

4.

Мауреръ уже прислалъ мнѣ билетъ, за который посылаю 20 рублей и прошу ихъ Мауреру отъ меня отдать. Этотъ билетъ отдамъ Мойеру; самому же мнѣ быть нельзя. Ж.

Посылаю статью Тургенева.

5.

Пришлите мнѣ адресъ князя Трубецкого. Въ которомъ часу надобно къ нему быть? Не заѣхать ли мнѣ за вами? Отвѣчайте. Жуковскій.

Теперь ѣду въ Патріотическій Институтъ. Буду дома не прежде, какъ въ ½ четвертаго часу. Къ Всеволожскому можно будетъ поѣхать вмѣстѣ. Прошу меня подождать.

ными, имѣющимися въ дневникѣ Жуковскаго за этотъ годъ. Изъ дневника видно, что 23 Іюня 1839 Жуковскій вернулся въ Петергофъ изъ заграничнаго путешествія, въ которомъ онъ сопровождалъ цесаревича Александра Николаевича, и затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ; 11 Іюля пріѣхалъ въ Петергофъ, а съ 14 по 18 Іюля пробылъ въ Петербургѣ.

[1]) Записочки изъ №№ 3—5 не имѣютъ датъ, но, вѣроятно, писаны тоже въ концѣ тридцатыхъ годовъ.

[2]) Къ знаменитому композитору М. И. Глинкѣ.

[3]) Ивану Филипповичу (ум. 1860), который былъ женатъ на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КАСТОРА НИКИФОРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА [1]).

1859.

Я опять былъ въ деревнѣ, побывавъ въ Калугѣ, Орлѣ и Тулѣ и наконецъ привезъ семейство сюда послѣ 15 мѣсячнаго пребыванія его въ деревнѣ[2]).

Запишу мои хозяйственныя замѣтки по крѣпостному вопросу.

Вопросъ этотъ идетъ все попрежнему плохо. Владѣльцы опасаются за собственность, крестьяне боятся подчиненія. Безъ этихъ двухъ причинъ дѣло давно бы уладилось. Помѣщики готовы отказаться отъ крѣпостного права,—безвозмездно, даже безропотно: такъ оно не естественно по понятіямъ современнаго образованнаго общества. Крестьяне, уже мало повинующіеся и очень дурно и лѣниво обрабатывающіе землю, совершенно отказались бы отъ повиновенія, если бы знали, чтó ихъ ожидаетъ. Иногда и призывъ станового пристава не помогаетъ: поселяне не довѣряютъ ему. Въ имѣніи сосѣдей нашихъ, Елагиныхъ, послѣ явнаго неповиновенія помѣщику, когда начинщиковъ сковали и хотѣли везти въ станъ, крестьяне разбили подводы и отняли арестантовъ. Къ сожалѣнію, владѣлецъ, Славянофилъ, братъ Кирѣевскихъ, во уваженіе къ учрежденію «міра» (крестьяне дѣйствовали скопомъ) пожелалъ замять дѣло. Помѣщики вообще лавируютъ.

Обработка у насъ всегда была небрежная. Теперь еще хуже. Запоздалые посѣвы на плохой пахотѣ, запоздалая уборка при большой засухѣ, варварская молотьба—все это удесятерилось при крѣпостномъ вопросѣ и опасливомъ управленіи сплошнаго хозяйства. «Я далъ по копѣйкѣ за снопъ», говорилъ священникъ, «а они, помощные работники, сдѣлали мнѣ убытка по 4. Птицы небесныя воспользуются зернышками».

---

[1]) См. „Русскій Архивъ" 1897. II, 633.

[2]) Селѣ Рябинкахъ Орловскаго уѣзда, принадлежавшихъ брату супруги К. Н. Лебедева.

Я выѣхалъ изъ деревни 6 Августа и видѣлъ еще множество неубраннаго озимаго. Для выручки небольшой суммы братъ продалъ 100 четвертей въ Карачевъ по 3 р. 60 к. Цѣна роскошная, какъ бы въ Декабрѣ неурожайнаго года, а многіе урожаемъ недовольны.

Не могу я понять обширнаго фермскаго хозяйства на обширныхъ господскихъ запашкахъ, ни значенія ничтожнаго хозяйства крестьянскаго при соперничествѣ господскаго, выдающагося монополіей. Прежнее отношеніе исчезнетъ, и нуждающійся крестьянинъ будетъ въ большей зависимости отъ освобожденнаго арендатора; онъ будетъ спекулировать на дорогую продажу тому же крестьянину, котораго по *закону* онъ питалъ своимъ хлѣбомъ, сберегая его силы къ рабочей порѣ.

Въ деревнѣ я занимался: работою сенатора Капгера о военно-уголовномъ уставѣ, работою вице-директора Рудницкаго о пожалованіи земель. Дѣло важное въ томъ отношеніи, что если Русскіе государи, по словамъ И. А. Остермана (Отеч. Записки 1825 г. ч. 25, стр. 236), «охотнѣе жаловали своихъ вельможъ 1000 крестьянами нежели 10 т. рублями», то при такой малоцѣнности недвижимой собственности степной Имперіи пожалованіе имѣній и земель представляется расточеніемъ государственныхъ имуществъ. Съ первыхъ вѣковъ государства земли отдавались или въ помѣстья, въ кормленіе людямъ служилымъ, или въ оброкъ людямъ тяглымъ. Независимо отъ помѣстныхъ верстаній земли продавались: въ 1572 г. Іоанномъ IV-мъ, съ однимъ условіемъ не отдавать ихъ въ монастыри; въ 1628 г. царемъ Михаиломъ, безъ всякаго ограниченія, что̀ подтверждено и Уложеніемъ Алексія,—по рублю за двѣ четверти, но съ запрещеніемъ, въ 1644 г., продажи въ Московскомъ уѣздѣ. По Уложенію продажа сравнивается съ отдачею въ помѣстье. Помѣстья продавались въ вотчину. Въ 1676 г. излишнія земли продавались, какъ и примѣрныя по писцовымъ книгамъ, владѣльцамъ, у которыхъ открывались.

Петръ Великій соединилъ помѣстья съ вотчинами, и съ того времени начались пожалованья имѣніями, достигшія при Екатеринѣ II-й колоссальныхъ размѣровъ, послужившихъ основаніемъ великихъ современныхъ владѣній. Екатерина, независимо отъ этихъ пожалованій, начала, сперва̀ при межеваніи, а потомъ въ финансовыхъ видахъ, продавать казенныя земли еще въ 1762 г. Продажа пріостановилась въ 1778 г. по мѣрѣ обмежеванія земель, началась снова въ 1794 г., сопровождаемая большими злоупотребленіями, и прекращена Павломъ, 1796 г., при которомъ, вмѣсто продажи, начало правительство раздавать земли: въ надѣлъ крестьянамъ, подъ хозяйственныя заведенія, и *служащимъ людямъ*. Въ нужное время, въ 1810 году, продажа земель

обращена на погашеніе долговъ. Продано (Ж. М. Г. И. въ статьѣ, составленной по Неволину и дѣловымъ свѣдѣніямъ) 107.566 десятинъ, оцѣненныхъ въ 2.304.342 р. за 3.896.635 р. (противъ оцѣнки на 1.592.342 р. болѣе), преимущественно въ губерніяхъ: Воронежской на 677 т. р., Казанской на 175 т. р., Калужской—557 т. р., Московской—134 т. р., Саратовской—205 т. р., Симбирской—370 т. р., Смоленской—266 т. р., Тульской—38 т. р.

Пожалованіе земель служащимъ началось съ 1797 г. По изысканіямъ г. Рудницкаго, до 1857 г. *) всего пожалованій было 980.

Пожаловано	2.398.400	дес.	27 саж.
Изъ нихъ отведено	1.999.348	»	1.510 »
Выкуплено выдачею денегъ или арендъ	153.715	»	» »
Потеряли право по закону давности	74.765	»	» »
Затѣмъ подлежитъ отводу	170.723	»	» »
Скуплено правъ скупщиками	241.650	»	» » и

изъ нихъ отведено 194.381, слѣдуетъ отвести 47.268 дес.

Безпорядки по этой части давно извѣстны, и давно принимались мѣры къ ихъ устраненію. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что вся эта операція сама по себѣ существенно недостаточна. Недостатки эти заключаются въ томъ: 1) что пожалованный чиновникъ не знаетъ, что̀ дѣлать съ землями. Казна вѣроятно предполагала, что онъ, чиновникъ, живя въ Петербургѣ, заведетъ хозяйство, фермерство въ Астраханскихъ степяхъ или Вятскихъ лѣсахъ, или, не имѣя ни души, переселитъ туда своихъ крестьянъ. 2) Казна сама не знала и не знаетъ своихъ земель и даетъ жалованнымъ на выборъ, т. е. вмѣсто награды осуждаетъ чиновника на расходы при отысканіи, весьма часто невознаградимые, и на мытарство по округамъ и палатамъ, въ которыхъ хожденія, безъ денегъ, покроются давностію. 3) Ограничивъ выборъ въ четырехъ сѣверныхъ губерніяхъ, казна постановила при этомъ такія условія о лѣсахъ и рѣкахъ,—столь въ нихъ обильныхъ,—что дозволеніе равняется запрещенію. Чиновнику оставалось одно: продать право, и онъ продавалъ его, и скупщики (Дубенскій, Нарышкинъ и тесть его кн. Долгорукій, Бенардаки, гр. Коновницынъ, Дурасовъ и проч.), округляя свои дачи, дѣйствовали совокупно. Генералъ Бибиковъ продалъ назначенныя ему дачи прежде отвода, а онѣ съ 1844 понынѣ ему не назначены; д. с. с. Ушаковъ продалъ дачи прежде пожалованія и, взявъ деньги съ купца

*) Свѣдѣнія эти очевидно недостаточны. Такъ я помню пожалованіе кн. Куракинымъ 20 т. дес., генералу Задонскому 3 т. дес., а этихъ пожалованій здѣсь нѣтъ. Количество скупленыхъ земель совершенно не точно. Скуплено болѣе половины, и скупъ сдѣлался промысломъ.

въ 1844 г. удостоенъ пожалованія, и то по ходатайству сослуживца, гофмейстера Хрущова, въ 1857 г.

Я надѣюсь обозрѣть и представить это дѣло въ видахъ огражденія царской милости, сколько возможно, не подводя его подъ давность, и частной пользы, освободя ее отъ зависимости выбора и мытарствъ по инстанціямъ.

Третья работа, занимавшая меня въ деревнѣ, были проекты крестьянскихъ комитетовъ, изъ которыхъ многіе замѣчательны. Я дамъ объ нихъ подробный отчетъ.

Итальянскія дѣла переведены въ Цюрихъ. Францъ - Іосифъ опять обѣщаетъ преобразованіе тѣхъ преобразованій, которыми такъ восхищались Вѣнскіе чиновники. Наполеонъ, сознавшись, что для продолженія войны нужно бы было открыто (franchement), а не тихомолкомъ, какъ онъ сдѣлалъ, соединиться съ революціей, открыто обнародываетъ общую и полную амнистію всѣмъ, кого съ 1848 г. постигли изгнаніе и проскрипція. Средне-италійскія державы вырабатываютъ и выражаютъ Наполеоновское начало народнаго избранія, низлагая своихъ князей и платя Австрійскому вліянію самыми смѣлыми порицаніями. Поддержаніе умирающаго короля въ Пруссіи истощаетъ науку. Во всей Германіи умы подвигнуты къ образованію народной центральной власти. Войска и опасенія не уменьшаются, а съ ними продолжатся и займы и чрезвычайныя смѣты. Наполеону никто не вѣритъ, и съ того времени, какъ баринъ этотъ сумѣлъ расположиться на волканѣ, никто не считаетъ себя покойнымъ.

Демократія напираетъ и открыто требуетъ признанія народнаго права. Гарибальди прямо отвергаетъ содѣйствіе дипломатовъ, какъ Фокшанское собраніе постановленія конгресса. И пора. Династическія начала не уважаются самими династами и, при развитіи общества, имъ нельзя искать другой опоры, кромѣ общности народа, а эта опора исключаетъ всѣ тѣ условія, которыми жило и живетъ династическое начало,—и кабинетъ, и дворъ, и майоратъ, и привилегіи. Парижскій баринъ все это удерживаетъ; но за то и достается ему, даже въ Русскихъ журналахъ. За статью (Іюль) С.-Пб. Академическихъ Вѣдомостей, вслѣдствіе требованія Французскаго посольства, именной редакторъ Очкинъ посаженъ на гауптвахту, а цензоръ уволенъ. Статья Русскаго Вѣстника (Май) ходитъ по рукамъ, и потому только остается безъ взысканія, какъ выразился Государь, что требованія нѣтъ. Демократія подняла голову вездѣ. Да и какъ иначе? На ней зиждется все зданіе, всякій считаетъ себя человѣкомъ, и безсмертіе души и евангельское братство требуетъ внести въ Сводъ Законовъ, въ главу о равноправіи и полноправіи.

Комиссіи Ростовцова двигаются, и если ихъ можно обвинять, то не въ медленности. Ихъ можно обвинять въ излишнемъ преобладаніи систематики, по которой члены отдѣленій выкраиваютъ проекты губернскихъ комитетовъ. Не дождавшись всѣхъ проектовъ, комиссіи въ настоящее время ограничились разсмотрѣніемъ 21, и разсматриваютъ ихъ всѣ совокупно, допуская, конечно, нѣкоторыя особенности, по особеннымъ условіямъ нѣкоторыхъ мѣстностей, въ общихъ своихъ выводахъ или положеніяхъ. Изученіе поверхностное, довольно одностороннее и ни въ какомъ случаѣ не окончательное. Надобно опасаться, чтобы, и при желаніи угодить помѣщикамъ, комиссіи не возстановили противъ себя и крестьянъ, и помѣщиковъ. Хотя преобладающіе дѣятели пріѣхали изъ Москвы (Юрій Самаринъ и кн. Влад. Черкасскій), но Петербургская централизація беретъ верхъ, и положенія—раціональное, какъ Кіевское, строго-помѣщичье, какъ Черниговское, и малограмотное, какъ Пензенское,—готовы вылиться въ одну форму, для удобства столоначальника, и 100 т. владѣльцевъ получатъ законъ о достояніи и участи ихъ въ такомъ же видѣ, какъ приходитъ положеніе о разбивкѣ дорогъ или о моделяхъ фасадовъ.

Великая мѣра и начата, и продолжается, и вѣрно должна совершиться принудительно.

Засѣданія комиссій начались въ Мартѣ (4-го) и, послѣ предварительныхъ занятій, къ концу Мая окончили всѣ приготовительныя работы, такъ что предсѣдатель, въ чаду удовольствія отъ такого успѣха, размахался и разметался по Русской натурѣ во всѣ стороны, задавъ усерднымъ сотрудникамъ едва ли не цѣлое новое законодательство. Какъ будто у насъ нѣтъ законовъ о собственности, о цѣнахъ и обязательствахъ; какъ будто 150 лѣтъ государство не работаетъ надъ образованіемъ сословія казенныхъ крестьянъ; какъ будто, согнавъ дворянъ въ совѣщанія и въ комитеты, правительство нашло въ членахъ комиссій—людей, понимающихъ интересы помѣщиковъ лучше самихъ помѣщиковъ.

Очевидно, комиссіямъ надлежало, изучивъ управленіе государственными крестьянами, въ которомъ либерализмъ гр. Киселева разрѣшился опекунскимъ управленіемъ чиновниковъ и заканчивается такими мѣрами генерала Муравьева въ видахъ порядка и благоустройства (ссылка распорядительная, межеваніе безъ согласія крестьянъ, увеличеніе подати и общественнаго сбора, доктрина о необщественной собственности, обложеніе сборомъ запасныхъ земель и крестьянскихъ лѣсовъ, продажа имуществъ дворянству и т. п.),—изучивъ эту часть, постановить общія начала, начала государственныя, и подъ вліяніемъ ихъ разсматривать каждый проектъ отдѣльно, стараясь сколь возмож-

но менѣе измѣнять его, дабы соблюсти интересы существеннаго помѣщичьяго устройства въ полицейскомъ, распорядительномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ, не обѣщая слишкомъ много, какъ теперь, въ журналахъ Ростовцова, получающихъ большую гласность здѣсь и по всей Россіи чрезъ начальствующихъ лицъ и предводителей дворянства, и не застращивая помѣщиковъ, для обузданія которыхъ, если бы утвержденныя положенія давали имъ много воли, можно бы поставить въ виду свободу перехода крестьянъ законную, послѣдовательную по прошествіи извѣстнаго времени. Состояніе, бытъ крестьянъ немедленно бы улучшились, хозяйство удержалось бы въ порядкѣ, и отношенія установились бы въ такомъ видѣ, что и овцы были бы цѣлы и волки сыты.

Вотъ въ чемъ заключаются спѣшныя работы и завоеванія нашихъ регламентаторовъ:

Юридическое отдѣленіе (въ которомъ засѣдаютъ д. с. с., членъ нашего совѣта, Булыгинъ, ст.-секр. Жуковскій съ ст. сов. Соловьевымъ, какъ непремѣнные члены, первый отъ главнаго комитета, а второй отъ земскаго отдѣла М-ва Вн. Д.; наконецъ, оберъ-прокуроръ Любощинскій и бывшій профессоръ Калачевъ, на которыхъ лежитъ вся работа; къ нимъ впослѣдствіи присоединился Орловскій предводитель Апраксинъ), въ докладѣ 6-го Іюня заключило: 1) Крѣпостное право, согласно выраженному желанію дворянства всѣхъ губерній *), отмѣняется при обнародованіи положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. 2) Вслѣдствіе сего, по обнародованіи положенія, прекращаются слѣдующія права помѣщиковъ (слѣдуютъ шесть пунктовъ, съ указаніемъ 1045 по 1085 ст. IX т.). 3) Вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождаются помѣщики отъ обязанностей, означенныхъ въ 1103—1126 ст. IX т.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, «дозволяется крестьянамъ просить помѣщиковъ ходатайствовать за нихъ по дѣламъ».

Здѣсь нельзя не замѣтить: 1) что помѣщики согласились отмѣнить право не иначе, какъ на основаніи составленныхъ ими положеній;

*) Комитеты, дѣйствительно, постановили: „личное крѣпостное право прекращается“, или съ прибавкою „на дѣлѣ и въ актахъ“, или „дворяне (Витебскіе) отрекаются навсегда на личную крѣпостную принадлежность къ нимъ крестьянъ съ ихъ потомствомъ“, или „по собственному единодушному желанію всего (Полтавскаго) дворянства прекращается“, или „дворянство (Харьковское) даруетъ своимъ крестьянамъ право личной свободы безвозмездно на вѣчныя времена“. С.-Петерб. и Псковск. прибавляютъ о сохраненіи вотчиннаго права. Судя по этимъ постановленіямъ, крѣпостное право можно бы считать отмѣненнымъ, но въ юридическомъ смыслѣ едва ли это такъ. Всѣ дворянства отказываются, но не иначе, какъ на основаніи составленныхъ ими положеній, а въ положеніяхъ этихъ фраза эта выражена для огражденія другихъ, болѣе существенныхъ, правъ вотчинниковъ.

2) что прекращая дѣйствіе правъ и обязанностей немножко преждевременно; не лучше ли было юристу сказать о правахъ освобождаемыхъ и, отмѣняя 1126 ст., не предоставлять крестьянамъ смѣшное «дозволеніе просить помѣщиковъ» о возникновеніи ихъ права ходатайства? И что̀ значитъ это дозволеніе и это факультативное право? Помѣщикъ возмется и не исполнитъ. Съ постановленіемъ отвѣтственности ни одинъ не возьмется, развѣ отъ нечего дѣлать. Во всѣхъ отношеніяхъ отчуждая, законодатель не долженъ въ тоже время присвоять.

Второй докладъ неблагоразумно названъ «о правѣ собственности помѣщиковъ на земли», какъ будто и объ этомъ нужно возбуждать вопросъ и пугать боязливыхъ. 1) Помѣщики сохраняютъ право собственности на всѣ земли до выкупа усадьбы и пріобрѣтенія крестьянами земель, поступающихъ въ надѣлъ. 2) На эти усадьбы и земли помѣщики сохраняютъ право неполной собственности, ограничиваемое правомъ крестьянъ безсрочнаго и постояннаго пользованія усадьбами и землями, и правомъ выкупа усадебной осѣдлости. 3) На остальныя земли помѣщики имѣютъ право полной собственности. 4) Крестьянамъ предоставляется право пользованія и право собственности на усадьбы, и отведенныя въ надѣлъ земли крестьяне пріобрѣтаютъ только способами, опредѣленными общими законами и Положеніемъ.

Есть ли тутъ хотя одно слово, котораго бы не было въ законахъ, кромѣ «Положенія», для котораго пишутся эти статьи, на него ссылающіяся? А лѣса, общія угодья?

Третій докладъ—о хозяйственномъ устройствѣ имѣній и отдачѣ ихъ въ арендное содержаніе—подтверждаетъ: 1) что помѣщики имѣютъ право хозяйственнаго устройства по своему усмотрѣнію на земляхъ и угодьяхъ, состоящихъ въ ихъ владѣніи на правѣ полной собственности. (Нужно ли было это подтверждать? И, послѣ этого подтвержденія, дозволяется ли помѣщику устроивать, напр., пороховой заводъ?). 2) Усадьбами и землями крестьяне распоряжаются и пользуются въ предѣлахъ, установленныхъ Положеніемъ, а помѣщики, до выкупа ихъ, получаютъ опредѣленныя повинности. (Опредѣленныя—т.-е. по Положенію?). 3) Помѣщику предоставляется, для исполненія своихъ хозяйственныхъ предпріятій, требовать отъ крестьянъ уступки участковъ изъ состоящихъ въ пользованіи ихъ земель, съ отводомъ равноцѣнныхъ и вознагражденіемъ убытковъ, но не иначе, какъ по взаимному соглашенію, или по третейскому суду, или, наконецъ, съ разрѣшенія уѣздной расправы. (Но почему же *крестьяне* не могутъ имѣть такой же нужды?) 4) «Владѣльцы барщинныхъ имѣній могутъ отдавать безпрепятственно, по своему усмотрѣнію, въ арендное содержаніе, отдѣльно отъ барщинной повинности, принадлежащія имъ

земли и угодья, разныя заведенія и статьи—съ тѣмъ, чтобы арендаторы не имѣли права, ни по довѣренности, ни въ качествѣ управляющихъ, ни подъ другими, какими бы то ни было предлогами, распоряжаться барщинными работами, или употреблять ихъ въ свою пользу». (Что̀ это за *барщина?* И гдѣ же будетъ эта барщина подвизаться, если земли и угодья отдадутся въ аренду? Если запрещается распоряжаться арендатору, то есть кто-нибудь, который имѣетъ право?). 5) «При отдачѣ барщинныхъ имѣній въ аренду, барщинныя повинности обращаются въ денежные оброки по Положенію, и арендаторъ можетъ быть уполномочиваемъ на полученіе съ крестьянъ оброка». Опять барщина? Что значитъ аренда оброка? Это будетъ наше западное арендаторство. 6) «Аренды заключаются отъ 1 до 36 лѣтъ, но имѣнія малолѣтнихъ до 17-лѣтняго ихъ возраста. Явку договоровъ, безъ различія суммъ, дѣлать у маклеровъ и въ надлежащихъ уѣздныхъ и губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, по усмотрѣнію. Условія по найму крестьянами участковъ на время до трехъ лѣтъ можно свидѣтельствовать въ волостныхъ правленіяхъ, и такой наемъ крестьянами и другими лицами участковъ (не свыше трехъ лѣтъ) можетъ быть совершенъ и словесно». Почему и *другія лица* не могутъ являть въ волостномъ правленіи, когда они могутъ совершить даже словесно? И къ чему тутъ различіе: помѣщиковъ и лицъ другихъ сословій? 7) При срокахъ аренды свыше 12 лѣтъ цѣну бумаги и пошлины опредѣлять по сложности 12 лѣтъ. 8) Предоставить лицамъ всѣхъ сословій и иностранцамъ брать имѣнія въ арендное содержаніе. 9) Платежи аренды болѣе чѣмъ за два года до публичной продажи имѣнія, или отчужденія его для заимодавцевъ и новаго владѣльца, признаются недѣйствительными. Арендаторъ взыскиваетъ ихъ съ владѣльца.

Мнѣ кажется въ настоящее время предполагаемая аренда слишкомъ широка, а послѣднее правило, пахнущее казуистикой, противорѣчитъ цѣли доклада, принадлежащаго скорѣе хозяйственному, нежели юридическому отдѣленію.

Четвертый докладъ—о предоставленіи крестьянамъ правъ личныхъ (по состоянію) и семейственныхъ—есть терпѣливая выписка статей III, IX, XIV и др. томовъ, кромѣ 29 §, въ которомъ опредѣляется, что къ круглымъ сиротамъ опекуны назначаются и опредѣляются обществомъ, по совѣщанію съ родственниками. Я послалъ бы юридическое отдѣленіе *совѣщаться* съ этимъ обществомъ, такъ-называемымъ міромъ. Легко писать.

Пятый докладъ,—о правахъ крестьянъ по договорамъ и обязательствамъ—есть такое же изложеніе статей Свода.

Шестой докладъ, объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ помѣщичьихъ имѣній и порядкѣ наслѣдованія въ сихъ имѣніяхъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Состоящія при населенныхъ имѣніяхъ земли и угодья, не вошедшія въ надѣлъ, могутъ быть отчуждаемы, завѣщаемы и закладываемы, какъ вмѣстѣ съ землями, находящимися въ пользованіи крестьянъ, такъ и отдѣльно отъ сихъ земель, въ цѣломъ составѣ и по частямъ. 1107 ст. IX тома о 4½ надѣлѣ отмѣняется.

2) Земля, отведенная однимъ общимъ надѣломъ одному крестьянскому или цѣлому мірскому обществу въ пользованіе, за опредѣленныя повинности, представляетъ собою нераздѣльное имущество и подчиняется въ отношеніи залога, раздѣла, продажи и вообще отчужденія, распоряженія имъ и полученія съ него доходовъ—постановленіямъ о нераздѣльныхъ имуществахъ. Какъ исключеніе изъ сего правила, допускается раздробленіе участковъ земли при наслѣдствѣ и отдачѣ въ залогъ по добровольному и обоюдному согласію крестьянъ, пользующихся сими участками, и владѣльцевъ, которымъ участки принадлежатъ въ собственность.

3) «Не населенныя земли и угодья вообще, не исключая и тѣхъ, которыя состоятъ при населенныхъ имѣніяхъ, но не вошли въ крестьянскій надѣлъ, могутъ пріобрѣтать лица всѣхъ сословій. Земли же, на которыхъ водворены срочно-обязанные крестьяне, могутъ пріобрѣтать также и не имѣющіе права владѣнія населенными имѣніями, но съ тѣмъ, чтобы при самомъ пріобрѣтеніи имѣнія, одновременно съ совершеніемъ акта, крестьяне, въ имѣніи водворенные, получили въ собственность усадьбы, пахатныя земли и прочія угодья за выкупъ, по полюбовному соглашенію». Здѣсь нельзя не сдѣлать замѣчанія, что если для помѣщичьей земли нужны крестьяне, то не менѣе нужна и имъ эта земля, если надѣлъ ограниченъ.

Здѣсь смѣшивается постоянное положеніе съ срочнымъ.

Раздробленіе участковъ произведетъ недоразумѣніе и запутанность.

Выкупъ усадебъ и участковъ при куплѣ не-дворяниномъ, «по полюбовному соглашенію», приведетъ къ барщинѣ на разночинца.

Гораздо щеголеватѣе и шире доклады хозяйственнаго отдѣленія (въ которомъ засѣдаютъ Арапетовъ, академикъ Желѣзновъ, Милютинъ, Юрій Самаринъ, Соловьевъ, Татариновъ, кн. Серг. Голицынъ, Жуковскій, Павловъ, Петръ Семеновъ, Тарновскій и кн. Влад. Черкасскій). Въ *первомъ* докладѣ—объ основаніяхъ и размѣрѣ надѣла крестьянъ землею—отдѣленіе пришло къ убѣжденію: 1) что размѣръ надѣла

долженъ оставаться нынѣ существующій *), съ опредѣленіемъ для каждой мѣстности наибольшаго и наименьшаго размѣра. 2) Излишекъ противъ наибольшаго размѣра предоставляется помѣщику отрѣзать въ свое владѣніе, а крестьянамъ отказаться, если бы онъ былъ имъ предложенъ за новыя повинности. 3) Недостающая противъ наименьшаго размѣра земля прирѣзывается изъ угодій помѣщика, если крестьяне согласятся принять ее за повинность, и если у помѣщика за отрѣзкою останется не менѣе $1/3$ владѣнія. 4) «Когда у помѣщика нѣтъ трети владѣнія, то ему до этого количества нарѣзывается изъ крестьянскихъ, съ соразмѣрнымъ уменьшеніемъ повинностей, не преступая однако при семъ ни въ какомъ случаѣ наименьшаго размѣра надѣла и разрѣшая отрѣзку только при соразмѣрномъ уменьшеніи числа поселенныхъ въ имѣніи крестьянъ».

Въ этой игрѣ словъ о трети владѣнія и размѣрѣ надѣла важны цифры, которыя еще опредѣляются. Я не знаю, дали ли гг. Самаринъ и кн. Черкасскій себѣ отчетъ въ существѣ и послѣдствіяхъ надѣла. Опредѣленіе размѣра надѣла юридически не оправдывается и ведетъ къ укрѣпленію крестьянъ къ землѣ, иногда весьма неблагодарной.

Мысль Государя, чтобы крестьяне немедленно почувствовали улучшеніе своего быта никакъ лучше осуществлена быть не можетъ, какъ 1) увеличеніемъ надѣла земли и 2) уменьшеніемъ оброка. Назначеніе размѣровъ надѣла и соразмѣреніе съ нимъ повинностей могутъ вести къ этой цѣли, но не вездѣ, и именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало земель и положеніе крестьянъ требовало бы улучшенія, правила эти едва ли примѣнимы. Помѣщики будутъ очень недовольны вынужденнымъ распоряженіемъ ихъ землею. Существенно полезно было бы распространить и облегчить переходы, обмѣны на земли казенныя и общественныя и предоставить способы переселенія. Крѣпостное право весьма неправильно распредѣляло населеніе.

Второй докладъ—объ опредѣленіи и размѣрѣ усадьбъ—въ существѣ «оставляетъ усадьбы въ нынѣшнемъ размѣрѣ, а при перенесеніи, по даннымъ правиламъ, на новомъ мѣстѣ нарѣзывается такое же пространство, но не менѣе принятаго нормальнаго размѣра, примѣрно, около 450 саж. на душу». Не совсѣмъ понятно «на душу» усадьба.

Третій докладъ—«объ угодьяхъ, поступающихъ въ надѣлъ»—опредѣляетъ statu quo о лѣсахъ.

---

*) Нельзя понять, какимъ образомъ основаніемъ раціональнаго порядка, который вводятъ наши регламентаторы, можетъ служить настоящій надѣлъ, введенный при домашнемъ господствѣ самаго нераціональнаго произвола, соображавшаго надѣлъ исключительно съ своими выгодами.

Четвертый,—объ основаніи оцѣнки и выкупѣ усадебъ,—предоставляетъ крестьянамъ «право на пріобрѣтеніе своихъ усадебъ въ собственность посредствомъ выкупа». Выраженія «пріобрѣтать, свое» невольно доказываютъ, что усадьба, при повинностяхъ, не подлежитъ выкупу. 2) Продажа усадебъ отдѣльно отъ прочихъ угодій обязательна для помѣщика въ опредѣленныхъ случаяхъ. 3) Строенія не включаются въ оцѣнку. 4) Цѣнность усадебной осѣдлости опредѣляется капитализаціей изъ 6% исчисленной для него денежной повинности крестьянъ за означенную землю. 5) Оцѣняются всѣ усадьбы въ совокупности, и при дальнѣйшей разцѣнкѣ каждой и разверстки цѣнности на крестьянъ, предоставленныхъ міру, высшій размѣръ цѣны не долженъ превышать болѣе чѣмъ втрое среднюю цѣнность усадебъ селенія. 6) Право выкупа не распространяется на улицы, дороги, площади, общіе выпуски, прогоны. 7) Земли, внѣ усадьбы, занятыя промышленными заведеніями крестьянъ, цѣнятся вдвое противъ высшей оцѣнки усадебной земли. 8) Каждый крестьянинъ имѣетъ право на выкупъ своей усадьбы по мірской разцѣнкѣ, но никакъ не ниже средней цѣны усадьбы въ селеніи (здѣсь потерпятъ бѣдные). Пріобрѣтеніе въ собственность передѣляемыхъ частей усадьбы допускается не иначе какъ съ согласія міра. 9) Выкупная сумма вносится вполнѣ и единовременно. 10) Право выкупа усадебъ предоставляется безсрочно на условіяхъ 2 пункта, и 11) независимо отъ обязательнаго выкупа онъ можетъ быть совершаемъ и по добровольнымъ соглашеніямъ.

Оцѣнка эта дорога. Предоставляя такъ много міру, законъ долженъ обезпечить его непогрѣшительность.

Въ *пятомъ* докладѣ изъясняются основанія и способы опредѣленія повинностей, и отдѣленіе «принимаетъ за исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ предположеній нынѣ отбываемыя крестьянами повинности какъ существующій фактъ, отнюдь не придавая ему, при предстоящемъ опредѣленіи сихъ повинностей, значенія обязательной нормы». Къ чему же онъ послужитъ? Надобно было сказать: допуская въ нихъ только уменьшеніе.

2. «Облегчить лежащія на крестьянахъ повинности въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для существеннаго улучшенія ихъ быта, съ наименьшимъ по возможности ущербомъ для помѣщичьяго хозяйства».

Очень опредѣленно!

3. Установить высшій размѣръ повинностей, соотвѣтствующій высшему надѣлу для каждой мѣстности и опредѣлить правила постепеннаго уменьшенія повинностей при уменьшеніи крестьянскихъ угодій до нисшаго его предѣла.

Въ этомъ соотвѣтствіи и задача. Увеличьте надѣлъ, повинности уменьшатся, и бытъ улучшится.

Въ *шестомъ* докладѣ опредѣляется отводъ надѣла и обмѣнъ земель. Это самый практическій предметъ, по которому надобно ожидать сильныхъ возраженій со стороны депутатовъ, и здѣсь измѣненіе statu quo, даже съ надбавкою, весьма опасно.

Административное отдѣленіе, въ докладѣ «объ общемъ составѣ сельскаго управленія» «считаетъ необходимымъ положить въ основаніе своихъ предположеній дѣйствительное и полное самоуправленіе общественное», съ «возможно бо́льшимъ устраненіемъ вліянія правительственной администраціи и сельскихъ канцелярій, сосредоточеніе власти въ лицѣ избраннаго волостію, съ придачею ему для совѣщанія прочихъ лицъ управленія, возможное отдѣленіе суда и его независимость».

Эти pia desideria нашихъ Англомановъ, приправленныя Славянофильскимъ довѣріемъ къ общинному владѣнію и міру, отдѣленіе развиваетъ въ *другомъ* докладѣ «о сельскихъ сводахъ, составѣ ихъ, предметѣ и порядкѣ рѣшенія дѣлъ».

Все это мы слышали въ 1837 г. при сужденіяхъ объ учрежденіи Министерства Государственныхъ Имуществъ. «Долговременная практика» показала, что безъ правительства дѣло это не пойдетъ. Съ такими широкими размѣрами самоуправія, широкая аренда такъ улучшитъ бытъ крестьянъ, что по примѣру возстановленія арендъ въ западныхъ губерніяхъ придется возстановлять крѣпостное право. Я нахожу, что и при такихъ предположеніяхъ положеніе и степень власти помѣщика слѣдовало бы поставить тверже и выше. Это имѣло бы вліяніе и на порядокъ, и на нравственную сторону отношеній.

Депутаты по 21 губерніямъ почти всѣ съѣхались, и на дняхъ соберутся въ залѣ 1-го Кадетскаго Корпуса. Это будетъ важнѣйшій періодъ совѣщаній, отъ котораго зависятъ и рѣшеніе главнаго комитета, и самое высочайшее утвержденіе.

*

Въ контрольномъ нашемъ мірѣ, весьма у насъ многочисленномъ, вообще весьма бѣдномъ мыслію и словомъ, очень заняты «сообщенною» въ Морск. Сборн. № 6 статьею о преобразованіяхъ государ. контроля и нѣкоторыхъ частей финансовой администраціи въ Россіи. Статья эта написана, по офиціальнымъ источникамъ, подъ руководствомъ статсъ-секретаря Татаринова, производителемъ дѣлъ Островскимъ и напечатана для того, какъ сказано въ заключеніи, «чтобы послужила поводомъ къ гласному и всестороннему обсужденію вопросовъ, касающихся примѣненія къ дѣлу высочайше утвержденныхъ началъ преобразованія, обсужденіе которыхъ одно можетъ внести истин-

ный свѣтъ въ многочисленныя и темныя стороны задачъ административныхъ».

Мы уже привыкли къ сознанію правительства о его несостоятельности при разрѣшеніи задачъ государственныхъ. Послѣ Парижскаго трактата и дарованія нѣкоторыхъ льготъ печатанію обращеніе къ гласности дѣлается безпрестанно. Но мы почти привыкли и къ несостоятельности этой гласности по той простой причинѣ, что сознаніе неискренно и неполно, а гласность, по произвольности дарованныхъ льготъ, ограничена и въ своихъ представителяхъ, и въ своемъ кругѣ дѣйствія. Конечно, утративъ Черное море и Бессарабію, мы сдѣлали обширныя завоеванія въ печати, газеты и журналы наши выросли съ скоростію паровой силы, въ особенности въ Москвѣ; но улучшеніямъ государственнымъ собственно по управленію недостаетъ существенныхъ пунктовъ опоры. До актовъ правительства касаться нельзя. Возбужденія отвѣтственности не существуетъ. Такой произволъ въ гласности, не принеся существенной пользы, только вредитъ власти, подмывая довѣріе къ ея авторитету и изъ порядка, нарушаемаго въ самомъ правительствѣ безчисленными комитетами, дѣлаетъ какое-то временное, неопредѣленное положеніе, въ которомъ замѣтно и растетъ одно стремленіе къ уновленіямъ. У министровъ голова кружится. Они болятъ. Журналисты и компанейцы лѣзутъ изъ кожи для прибытка. Общество ждетъ и терпитъ. Внѣшнее довѣріе пугается. Нѣтъ головы.

Чего вы хотите? Преобразованія контроля, счетоводства, смѣтъ?

По мысли великаго князя Константина, посланный въ Пруссію, Бельгію, Австрію и Францію (статъ-секретарь) Татариновъ въ 1858 г. возвратился въ Россію и представилъ о необходимости: 1) однообразнаго для всѣхъ управленій систематическаго составленія, исполненія и заключенія финансовыхъ смѣтъ, которыя представляли бы полныя данныя для повѣрки назначеній и для послѣдующей ревизіи оборотовъ; 2) единства кассы и 3) установленія одной ревизіонной инстанціи, которая производила бы ревизію по подлиннымъ документамъ, повѣряя при этомъ предписанія по распоряженію капиталами, предварительно уплаты денегъ. Особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ гр. Гурьева, признала необходимость этихъ преобразованій, и по высочайшему утвержденію назначена, подъ предсѣдательствомъ Татаринова, спеціальная комиссія для составленія положеній.

Изучивъ порядокъ смѣты въ другихъ государствахъ, комиссія склоняется, кажется, въ пользу Бельгіи и, обращаясь къ нашему бюджету, находитъ его во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнымъ, отдавая справедливость улучшеніямъ, введеннымъ по морскому вѣдомству, частію въ военномъ и особенно въ городскихъ смѣтахъ.

Къ сожалѣнію свѣдѣнія эти скудны и очень напоминаютъ канцелярскую формальность. Мы знаемъ, что огромное морское управленіе, подкрѣпленное Высочествомъ, завѣдуютъ весьма небольшимъ кругомъ дѣйствія и стоитъ десятки милліоновъ, допуская молодыхъ дѣятелей къ большой безотчетности на честное слово и безъ честнаго слова *). Мы знаемъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ злоупотребленій въ распоряженіи суммами, какъ въ министерствѣ военномъ. А бѣдные наши города могли бы отличаться не одною точностію смѣтъ, позаботясь немного и о мостовыхъ, и о водѣ, которыхъ нѣтъ даже въ Петербургѣ, и о пожарныхъ способахъ, и о призрѣніи, и о полиціи, и проч. и проч.

Если этого желаетъ г. Татариновъ, то мы желали бы скорѣе безпорядка въ счетахъ и уменьшенія потребностей расхода.

Вотъ коренныя начала комиссіи, высочайше утвержденныя, о смѣтахъ.

1. Составленіе смѣтъ по системѣ однообразной для всѣхъ управленій съ приведеніемъ всѣхъ данныхъ, потребныхъ для удостовѣренія въ необходимости назначенія.

Да развѣ этого нѣтъ? Ужъ конечно не въ отсутствіи единообразія можно упрекнуть управленіе Николая I. Данныя представляются подробныя и если Совѣтъ не требуетъ болѣе подробныхъ каждый годъ, то только потому, что не нуждается. Это не вина закона.

2. Тщательное въ смѣтѣ отдѣленіе расходовъ по взиманію доходовъ (для усмотрѣнія чистой производимости послѣднихъ) отъ общихъ расходовъ государственныхъ.

Не знаю, къ чему приведетъ это канцелярское отдѣленіе, имѣющее значеніе при процентномъ вознагражденіи службы и относящееся собственно къ отчетамъ управленія, обсуживаемаго по производимости доходовъ, а не по бюджету. Да и къ какому управленію это примѣнимо?

3. Классификація расходовъ и доходовъ постоянныхъ отъ временныхъ.

Неужели и это не исполнилось и требуетъ новаго закона?

4. Одновременность разсмотрѣнія и утвержденія смѣтъ съ разсмотрѣніемъ послѣдняго отчета по государству, какъ матеріала, представляющаго для всѣхъ расходовъ постоянныхъ лучшее мѣрило назначеній послѣдующихъ.

Это заимствуется изъ Пруссіи, гдѣ отчеты отъ смѣты отдѣляются двумя годами. Я думаю, у насъ и пяти лѣтъ, даже съ сокращеніемъ нынѣшнихъ сроковъ, недостаточно.

---

*) Не мѣшало бы управленію прочесть страницу въ Полномъ Собраніи Русск. Зак. 1804 г., т. XXVIII, стр. 940.

5. Обращеніе смѣтныхъ сбереженій на недостатки по однимъ лишь второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣты, съ сохраненіемъ неизмѣняемою нормою всѣхъ главныхъ ея по предметамъ подраздѣленій.

Слѣдовало, при 3 п. о классификаціи, требовать точнѣйшаго дѣленія и подраздѣленія на категоріи доходовъ и расходовъ. Раздѣленіе на главные и второстепенные иногда совершенно невозможно, напр., по статьѣ о жалованьѣ. Да не это должно служить основаніемъ обращенія сбереженій по одной статьѣ на другую. Здѣсь свойство расхода, а не подчиненность его.

Практически мнѣ извѣстно, что раздѣленіе расходовъ на этомъ основаніи весьма затруднительно и всегда даетъ возможность произволу. Я думаю, что, воспретя рѣшительно всякій зачетъ, разрѣшить министру, подъ отвѣтственностію на особенномъ основаніи, имѣть экстраординарную сумму.

И 6. Заключеніе смѣтъ въ срокъ опредѣленный, послѣ котораго министерскіе по смѣтѣ кредиты должны быть уничтожаемы.

Безъ дополнительныхъ мѣсяцевъ къ отчетному году назначеніе срока спутаетъ и управленіе, и контроль.

Не говоря объ учрежденіи общей кассы, съ которой соединятся капиталы всѣхъ вѣдомствъ, ни о ревизіонной инстанціи (такъ какъ развитія этихъ предположеній въ статьѣ нѣтъ), я не могу не замѣтить, что г. Татариновъ и вся комиссія смотрятъ на бюджетъ немножко близоруко и не даютъ ему подобающаго значенія, какъ основанія налоговъ. Желательно бы было поболѣе обѣщаній гласности и поискреннѣе разоблаченія настоящихъ недостатковъ, подтверждаемыхъ фактами.

Наши банки преобразовываются. Сохранныя казны закрываются. Коммерческій банкъ становится на банкирскую ногу. Новые три Нормàна, Габеръ, Ганземанъ и Мильнсъ (по выраженію четвертаго Нормàна, Бабста) открываютъ въ 50 милліон. рубл. частный банкъ или лучше торговый домъ для устройства порядковъ въ Россіи. Неудавшіяся ренты выходятъ снова съ надбавкою 1%, итого 5. Иностранстранный заемъ совершился. Все хорошо; но нехорошо то, что все дорого, хлѣбъ по 3 к. фунтъ, и иностранный курсъ не поднимается. Отчего это? Ужъ не оттого ли, что предпріятія, усовершенствія, преобразованія, оставаясь при однихъ обѣщаніяхъ, внушаютъ опытнымъ опасеніе, а намъ неопытнымъ напряженное стремленіе, и, поглощая непроизводительно капиталы, возвышаютъ цѣнности? Или оттого, что всѣ эти Нормàны, пользуясь этимъ напряженнымъ посулами стремленіемъ, налетѣли и налетаютъ къ намъ только для эксплуатаціи Россіи, отлетая по полученіи денегъ и оставляя намъ на память свои

посулы съ надбавкою премій, возвышающихъ цѣнности до 100 милліоновъ. Эту, по добросовѣстному выраженію науки, ссуду Европейскаго капитала бѣдной Россіи, можно назвать финансовымъ грабежомъ. Оно можетъ привести правительство къ банкроству, а націю — къ обнищанію.

Возвышеніе ренты будетъ имѣть всѣ послѣдствія принудительной мѣры и поставитъ правительство въ открытое противорѣчіе съ начатыми и имъ гарантированными предпріятіями. Можно ожидать, что возвышенная рента остановитъ лихорадку акцій и спекуляцій; но переданныя Норманами на Русскіе капиталы всѣ эти предпріятія не ослабнутъ ли отъ недостатка этихъ капиталовъ?

Къ этому присоединяется крестьянскій вопросъ, который, съ закрытіемъ ссудныхъ кассъ, дѣлается главнымъ участникомъ предстоящей ликвидаціи поземельныхъ долговъ (около 500 милліон. рубл.); а изъ нихъ уже и теперь болѣе 100 мил. р. несостоятельны.

Къ этому присоединяется общее предположеніе, утвержденное 10 Іюля, о продажѣ всѣхъ государственныхъ имуществъ.

Чтò, если при обращеніи наличныхъ капиталовъ на огромныя предпріятія и при безденежьи владѣльцевъ земель, такъ дурно обрабатываемыхъ будущими вольными работниками, такая масса частныхъ и казенныхъ имуществъ, вся Россія, предлагается въ продажу; чтò, говорю, если Европейскій капиталъ явится на этотъ рынокъ и купитъ эти имущества? Не будетъ ли это второе, горшее, нашествіе Нормановъ?

Не думаю. Насъ спасетъ наша молодость, наше не-Европейское устройство. Революція совершается и знаменуется недугами. Мы ихъ вытерпимъ и переживемъ. Но грустно смотрѣть на такой порядокъ вещей, и тяжка должна быть отвѣтственность тѣхъ лицъ, которыя незрѣлыми своими распоряженіями даютъ поводы къ такимъ, положимъ даже преувеличеннымъ, опасеніямъ.

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

Велика была радость во всей семьѣ, когда я пріѣхалъ въ Москву! Я засталъ мать мою, только-что вернувшуюся послѣ второго ея путешествія за границу, къ Карлсбадскимъ водамъ, весьма бодрую и помолодѣвшую. Отрадно было мнѣ свидѣться съ ней послѣ этой первой продолжительной разлуки. Она такъ подробно и съ такимъ нѣжнымъ участіемъ распрашивала меня обо всемъ, и такъ радовалась моему возмужалому виду. Я нашелъ сестру Елену еще болѣе похорошѣвшую, а дорогого моего брата Бориса Васильевича, сдѣлавшагося правою рукою отца, болѣе прежняго поглощеннымъ въ массѣ добровольно принятыхъ на себя хозяйственныхъ и другихъ дѣлъ. Отецъ, кромѣ подмосковнаго имѣнія Покровскаго, купленнаго имъ у Анатолія Демидова и доставшагося впослѣдствіи мнѣ по раздѣлу, взялъ на себя, какъ старшій сынъ, выплатить своимъ тремъ братьямъ ихъ части изъ большого родового имѣнія Лотошина, по добровольному съ ними соглашенію, чтобы сохранить это старинное имѣніе въ нашемъ родѣ недѣлимымъ и неотчуждаемымъ.

По этому поводу я долженъ сказать, что уже тогда, т.-е. 60 лѣтъ тому назадъ, хотя и не существовало такой неотложной государственной необходимости, какъ это оказалось въ настоящее время, останавливать дробленіе дворянскихъ имѣній и переходъ ихъ въ другія руки, чувствовалась потребность въ удобопримѣнимомъ и доступномъ законѣ о заповѣдныхъ имѣніяхъ, для учрежденія которыхъ не требовалось бы всякій разъ испрашивать высочайшихъ повелѣній, тратиться на ходатайство во всевозможныхъ инстанціяхъ и терять напрасно время, чтобы часто получать отказъ.

Я помню, что, видя моего отца и брата въ такихъ хлопотахъ, я, не смотря на мои молодые годы, подумалъ о томъ: къ какимъ именно намъ, въ свою очередь, придется прибѣгнуть средствамъ, чтобы мой

*) См. 8-й выпускъ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 477.

старшій братъ Борисъ при раздѣлѣ получилъ наше родовое село Лотошино недѣлимымъ и неотчуждаемымъ? Считая это дѣломъ первостепенной важности, я хорошо помню, что для достиженія этой цѣли я чувствовалъ себя готовымъ на всякія жертвы, даже на то, чтобы отказаться отъ всякаго наслѣдства въ пользу старшаго брата, если бы это понадобилось.

Поучительно для лицъ, интересующихся вопросомъ о правѣ заповѣдности имѣній, въ которомъ такъ давно нуждается наше дворянство, прослѣдить въ нашей семейной хроникѣ исторію села Лотошина.

Послѣ того, какъ отецъ съ большимъ трудомъ спасъ Лотошино отъ дробленія и вѣроятной его продажи по частямъ, спустя 20 лѣтъ, онъ оставилъ его по раздѣльному акту брату Борису, какъ старшему и болѣе всѣхъ насъ свѣдующему въ сельскомъ хозяйствѣ. Братъ мой, получивъ это имѣніе, бодро принялся за дѣло усовершенствованія вѣкового хозяйства, улучшеніемъ котораго занималось до того уже нѣсколько поколѣній. Освобожденіе крестьянъ, со всѣми неурядицами и всѣми непреодолимыми препятствіями, послѣдовавшими повсюду послѣ введенія дурно соображенныхъ способовъ осуществленія великой реформы, вскорѣ застало моего брата среди разгара его сельскохозяйственной дѣятельности и его усовершенствованій. Спустя еще нѣсколько времени, когда начался сельскохозяйственный кризисъ, положеніе его дѣлъ еще ухудшилось. Словомъ, въ продолженіе 40 лѣтъ братъ мой, ведя со своимъ семействомъ самую скромную жизнь, боролся со всѣми препятствіями и умеръ настоящимъ труженикомъ, оставивъ дѣтямъ село Лотошино неприкосновеннымъ, недѣлимымъ и неотчужденнымъ.

По смерти его, дѣти его, собравшись въ семейный совѣтъ, порѣшили послѣдовать примѣру предковъ, т.-е. не губить имѣнія, а всецѣло передать его одному изъ братьевъ. Но при свирѣпствовавшемъ тогда сельскохозяйственномъ кризисѣ, этого уже оказывалось недостаточнымъ, чтобы сохранить старинное имѣніе въ нашемъ родѣ. Тогда эти примѣрные братья рѣшились на самоотверженный поступокъ, а именно: всѣ отказались безмездно отъ причитающейся на каждаго изъ нихъ части наслѣдства въ пользу одного, и не старшаго, а второго брата, именно князя Сергѣя Борисовича, нынѣшняго владѣльца села Лотошина.

Подобнымъ распорядкомъ изъ прошлаго дворянской семейной жизни опровергается ложное мнѣніе Комиссіи, обсуждавшей ходатайства предъ государемъ 20 дворянскихъ обществъ о правѣ завѣщанія запо-

вѣдныхъ имѣній, мнѣніе, состоящее въ томъ, будто законъ о завѣщаніи заповѣдныхъ имѣній претитъ Русскому народному духу и противорѣчитъ обычаямъ и семейнымъ нашимъ преданіямъ.

По всей вѣроятности, именно полнѣйшимъ незнакомствомъ съ дворянскими семейными хрониками порождено подобное заблужденіе. Только такое невѣрное пониманіе нашего дворянскаго быта могло заставить Комиссію пренебречь мудрыми указаніями Петра Великаго, которыя онъ такъ ясно и краснорѣчиво выразилъ въ своемъ введеніи къ закону о заповѣдныхъ имѣніяхъ. Вмѣсто того, чтобы проникнуться великою пользою для Россіи предначертаннаго геніемъ Петра закона, Комиссія какъ будто хотѣла превзойти его геній: измыслила и предложила законъ о правѣ завѣщанія какихъ-то недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ участковъ для землевладѣльцевъ всѣхъ сословій, съ правомъ завѣщать ихъ *на срокъ*, становясь тѣмъ въ прямое противорѣчіе со смысломъ и понятіемъ самаго слова «заповѣдность».

Говоря о нашемъ родовомъ имѣніи, по поводу котораго я коснулся вопроса о заповѣдныхъ имѣніяхъ, не могу не вспомнить съ умиленіемъ трогательную сцену, происходившую у смертнаго одра покойнаго моего любимаго брата, князя Бориса Васильевича. Когда онъ прощался со своей семьей и каждому изъ дѣтей говорилъ поучительное слово, то, обращаясь къ сыновьямъ, сказалъ имъ: «Я всю жизнь трудился, чтобы оставить вамъ состояніе; но мои труды не увѣнчались должнымъ успѣхомъ. На мою долю палъ жребій бороться всю жизнь съ постигшими насъ всѣхъ тяжелыми обстоятельствами. Не смотря на все, я сохранилъ вамъ Лотошино. Не знаю, хорошо ли я сдѣлалъ. Не ошибся ли я, потративъ на это всю свою жизнь? Это укажетъ будущее; будущее отъ насъ скрыто, оно въ рукахъ Божіихъ!.. Я исполнилъ свой долгъ. Теперь вы исполните свой: трудитесь въ свою очередь, и все, что̀ вы сдѣлаете и порѣшите между собою относительно Лотошина въ полномъ мирѣ и согласіи, то будетъ правильно и хорошо».

Придерживаясь хронологическаго порядка въ моемъ разсказѣ, я долженъ вернуться къ проведенной мною зимѣ 1839 года въ Москвѣ, послѣ моего производства въ офицеры.

Хотя Москва уже въ то время утрачивала часть своего значенія, какъ главнаго общественнаго средоточія оживленной, беззаботной и веселой жизни, потому что Петербургъ начиналъ уже значительно опережать и затмѣвать свою соперницу, но все еще она сохраняла за собою славу разсадника красивыхъ, хорошо воспитанныхъ и даже богатыхъ невѣстъ. Онѣ постоянно служили магнитомъ и притягатель-

ной силой для Петербургской молодежи, и въ особенности для гвардейскихъ офицеровъ, наѣзжавшихъ въ Москву. Нѣкоторые изъ нихъ появлялись съ серьезными брачными намѣреніями, а другіе, чтобы просто повеселиться въ этой завѣдомо-гостепріимной столицѣ. Эти послѣдніе веселились отъ души, точно про нихъ были сложены извѣстные стихи:

Пусть пошалятъ,
На свѣтъ поглядятъ,
Повертятъ дѣвчонкамъ головки!..

Благодаря моему назначенію полковымъ ремонтёромъ, я могъ пробыть всю зиму въ Москвѣ и воспользоваться полной свободой и всѣми удовольствіями, которыя сулили мнѣ мои молодые годы. Москва мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я ее оставилъ. Генералъ-губернаторомъ былъ въ ней все тотъ же почтенный, всѣми любимый, престарѣлый герой Отечественной войны, обновитель Москвы послѣ 12-го года, свѣтлѣйшій князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ. Къ прискорбію всѣхъ его почитателей, а въ томъ числѣ и моего отца, слухи носились, что по кончинѣ его супруги онъ подъ старость подпалъ вліянію нѣкой г-жи Пѣвцовой, которая во зло употребляла добротою почтеннаго князя, чтобы раздавать мѣста за деньги.

У князя было два сына: князь Владиміръ и князь Борисъ. Они въ то время были въ отпуску и находились въ Москвѣ при больномъ ихъ отцѣ.

Со старшимъ сыномъ свѣтлѣйшаго, съ княземъ Владиміромъ Дмитріевичемъ, я очень сблизился, и дружба наша просуществовала неизмѣнной 55 лѣтъ, т.-е. до его смерти. Это былъ человѣкъ рѣдкой доброты и честности. Мы сразу сошлись и подружились. Будучи страстнымъ охотникомъ до лошадей, онъ позже создалъ у себя, въ своемъ большомъ Орловскомъ имѣніи тотъ знаменитый конный заводъ, который пріобрѣлъ Всероссійскую извѣстность и кровь котораго до сихъ поръ совершенно заслуженно цѣнится дороже другихъ, такъ какъ начало его происходитъ отъ знаменитаго жеребца «Непобѣдимаго-Молодца 2-го». Его же завода была извѣстная «Зима», проданная за границу за сто тысячъ франковъ. Свою любовь къ лошадямъ онъ доводилъ до крайнихъ предѣловъ. Въ продолженіе болѣе 15 лѣтъ послѣ основанія коннаго завода, онъ всѣмъ желающимъ отказывалъ продавать лошадей за какую бы то ни было цѣну, не смотря на настойчивыя просьбы окружающихъ, и въ особенности его управляющаго, который постоянно жаловался ему на причиняемые имѣнію заводомъ громадные убытки. Но князь отказывался слѣдовать его совѣту, говоря,

что для него лучше пожертвовать доходомъ съ имѣнія, чѣмъ отдать за ничтожныя деньги своихъ дорогихъ лошадей Богъ знаетъ въ какія руки. Князю случалось часто дарить лошадей симпатичнымъ ему людямъ, въ рукахъ которыхъ онъ зналъ, что лошади будутъ оцѣнены по достоинству и что онѣ будутъ пользоваться хорошимъ уходомъ; но продавать ихъ онъ почему-то считалъ для себя и для своихъ лошадей зазорнымъ.

Къ слову, я отмѣчу довольно оригинальный случай, какъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, нежданно и негаданно для меня, возникъ мой собственный конный заводъ, который хотя просуществовалъ только около тридцати лѣтъ, но далъ довольно рѣзвыхъ лошадей, въ родѣ извѣстнаго на Московскомъ и Петербургскомъ ипподромахъ «Чикаго» и другихъ, доказавшихъ рѣзвостію превосходство своей породы.

Я неожиданно встрѣтилъ князя Владимира Дмитріевича за границей, на Карлсбадскихъ водахъ. Оба мы, среди массы этой чуждой намъ толпы иностранцевъ, разумѣется, очень обрадовались увидѣться послѣ долгой разлуки. Мы пили воды изъ одного источника и совершали обязательныя на этихъ водахъ прогулки почти всегда вмѣстѣ. Какъ-то разъ, придя къ источнику по обыкновенію очень рано, я неожиданно засталъ тамъ своего обычнаго товарища, уже выпивавшаго второй стаканъ Марксъ-Бруна. Онъ показался мнѣ весьма озабоченнымъ и грустнымъ; когда же я освѣдомился у него о причинѣ такого печальнаго настроенія, то онъ мнѣ сказалъ, что наканунѣ получилъ очень непріятное письмо изъ деревни отъ управляющаго. Я сталъ допытываться у него подробностей; онъ мнѣ признался, что управляющій въ сотый разъ пристаетъ къ нему все съ тѣмъ же, въ высшей степени для него непріятнымъ заявленіемъ, что конный заводъ такъ размножился, что окончательно онъ отказывается его удовлетворить кормами, какъ слѣдуетъ, и поэтому проситъ его уволить, если князь не рѣшится на значительную продажу лошадей, въ особенности кобылицъ. «Чтò онъ ко мнѣ пристаетъ, этотъ человѣкъ?» прибавилъ князь, развѣ я самъ ве знаю, что число головъ въ заводѣ убавить слѣдуетъ; но что же, на ярмарку что ли ихъ посылать, или продать первому встрѣчному? Одна мысль, что онѣ попадутъ Богъ вѣсть въ какія руки мнѣ невыносима. Я ему двадцать разъ это повторялъ, а онъ все свое». Чтобы перемѣнить разговоръ, я сталъ у него освѣдомляться о его управляющемъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что управляющій его рѣдкій человѣкъ по честности, и по опытности, и что по этой-то именно причинѣ онъ такъ встревоженъ столь категорическимъ письмомъ его. Тогда я съ убѣжденіемъ сталъ доказывать ему, что если это такъ, то я, будучи на его мѣстѣ, не колеблясь поступилъ бы согласно тому,

что̀ совѣтуетъ ему управляющій и что̀ указываетъ ему его собственный разсудокъ. Пока онъ на эти слова раскрывалъ мнѣ чувства наболѣвшаго сердца, у меня блеснула мысль предложить ему купить у него десятокъ кобылъ и завести мнѣ самому маленькій заводъ. «Какъ, сказалъ онъ, ты въ самомъ дѣлѣ хочешь купить моихъ лошадей?» и лицо его просіяло.—«Тебѣ, мой другъ, другое дѣло: тебѣ я продамъ съ радостью!» Въ два слова тутъ же дѣло было кончено, и лошади прибыли благополучно ко мнѣ въ Москву. Вотъ какимъ неожиданнымъ образомъ я очутился въ числѣ коннозаводчиковъ и даже не изъ послѣднихъ!..

Замѣчательно симпатичный былъ человѣкъ покойный князь Владимиръ Дмитріевичъ. Онъ прямотой своей и честностью привлекалъ къ себѣ друзей и заставлялъ постороннихъ себя уважать, не гордясь ни своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, ни самымъ положеніемъ въ свѣтѣ, ни огромнымъ состояніемъ. Всегда простой, добрый и щедрый, онъ напоминалъ стихи Пушкина:

Онъ свѣтской черни не чуждался,
Онъ страннымъ снамъ не предавался,
О немъ твердили цѣлый вѣкъ:
NN прекрасный человѣкъ!..

Когда я съ нимъ сошелся, онъ былъ поручикомъ Конногвардейскаго полка, гдѣ началъ службу и его отецъ. Вскорѣ онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ государя Николая Павловича. Затѣмъ, въ чинѣ полковника, онъ получилъ кирасирскій Орденскій полкъ, которымъ командовалъ его отецъ во время народной войны и съ которымъ онъ былъ подъ Парижемъ; затѣмъ князь Владимиръ Дмитріевичъ получилъ Конногвардейскій полкъ. Пожалованный генералъ-адъютантомъ, онъ былъ потомъ назначенъ оберъ-шталмейстеромъ.

Въ жизни странно какъ-то иногда слагаются обстоятельства. Послѣ довольно долгаго промежутка времени, что̀ мы не видались другъ съ другомъ (князь постоянно жилъ въ Петербургѣ, а я почти безвыѣздно по службѣ жилъ въ Москвѣ), мы неожиданно встрѣтились незадолго до его кончины, при исполненіи нашихъ придворныхъ служебныхъ обязанностей, никогда прежде того не служивши вмѣстѣ, хотя и прожили полвѣка на истинно-товарищеской ногѣ. Это случилось на коронаціи императора Александра III-го. На церемоніальномъ въѣздѣ въ Москвѣ мы свидѣлись въ послѣдній разъ верхомъ, сопровождая карету Государыни Маріи Θеодоровны: онъ съ правой руки, какъ оберъ-шталмейстеръ, а я съ лѣвой, какъ одинъ изъ старшихъ шталмейстеровъ. Увы, я не зналъ тогда, что я больше не увижу этого ста-

раго друга моей юности!.. Миръ праху твоему добрѣйшій изъ людей и одинъ изъ послѣднихъ нашихъ Русскихъ бояръ!..

Въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, гражданскимъ губернаторомъ въ Москвѣ былъ г-нъ Синявинъ, извѣстный тогда въ служебномъ мірѣ своей необыкновенной памятью и знаніемъ законовъ. Онъ былъ огромнаго роста и довольно симпатичной наружности. Какъ замѣчательнаго юриста, его вызвали въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ получилъ очень видное мѣсто, но, къ сожалѣнію, вскорѣ кончилъ трагически, лишивъ себя жизни, какъ говорили, по поводу какихъ-то денежныхъ затрудненій, что̀ немало тогда надѣлало шуму въ Петербургскомъ и Московскомъ обществахъ.

Я, будучи тогда еще молодымъ офицеромъ, разумѣется, быть къ нему близокъ не могъ, но его супругу, г-жу Синявину, я часто встрѣчалъ у моей тетушки, княжны Софьи Ивановны Мещерской. Этихъ двухъ пріятельницъ соединяла такая дружба, что онѣ не только безпрестанно видались, но и переписывались чуть ли не ежедневно, проживая въ одномъ и томъ же городѣ.

Г-жа Синявина была урожденная Доге́ръ, Голландка по происхожденію, отличавшаяся поразительной красотой: довольно полная, высокаго роста, съ яркимъ цвѣтомъ лица на свѣжей матовой кожѣ, придающимъ необыкновенный блескъ ея чернымъ глазамъ, окаймленнымъ длинными рѣсницами; волосы цвѣта вороноваго крыла; все вмѣстѣ дѣлало неотразимое впечатлѣніе. Она была такая же изящная, какъ и ея записочки на Французскомъ языкѣ, которыми она такъ любила награждать своихъ знакомыхъ.

Столь распространенная тогда въ нашемъ обществѣ (не только между дамами, но и мужчинами) страсть писать записочки особенно тщательно обработаннымъ слогомъ, съ чисто-Французскимъ остроуміемъ и изяществомъ, существовала еще у насъ, какъ остатокъ подражанія Французскому двору Людовика XVIII-го и Карла X-го. Особенность подобныхъ переписокъ на Французскомъ языкѣ, можно сказать, неподражаема; онѣ составляютъ во Франціи цѣлую литературу, которая была еще въ большой модѣ во Франціи въ высшемъ обществѣ во время министерства Гизо и позже. У насъ существовало даже нѣкотораго рода соревнованіе въ этомъ искусствѣ между нашими дамами, и нечего говорить о томъ, что моя тетушка и г-жа Синявина не уступали изящностью своего стиля знаменитой писательницѣ m-me de-Sévigné.

Одна изъ дочерей г-жи Синявиной, тоже, какъ и ея мать, замѣчательной красоты, была замужемъ за княземъ Александромъ Илларіоновичемъ Васильчиковымъ, нашимъ публицистомъ, земскимъ ораторомъ и моимъ большимъ пріятелемъ, о которомъ я буду говорить позже и въ своемъ мѣстѣ; а здѣсь упомяну только, что одна изъ дочерей этого князя Васильчикова впослѣдствіи была съ нами въ родствѣ, вышедши замужъ за моего племянника по первой моей женѣ, графа Сергія Александровича Строганова, нынѣшняго владѣльца Строгановскаго маіората.

По пріѣздѣ въ Москву офицеромъ, мой образъ жизни въ домѣ родителей нѣсколько измѣнился, но, не смотря на всякія удовольствія, балы, вечера и моего довольно обширнаго круга знакомства, я оставался вѣренъ патріархальному складу семейной нашей жизни: обѣдалъ я всегда дома и всѣ вечера, когда не былъ куда-нибудь отозванъ, проводилъ въ семействѣ.

Въ это время я еще болѣе сблизился съ моей примѣрной матерью и еще больше могъ оцѣнить качества ея ума и сердца. Она обращалась уже со мною какъ съ равнымъ себѣ, давала мнѣ добрые совѣты относительно чтенія, и нерѣдко проводила съ нами вечера въ чтеніи и бесѣдахъ. Никогда не забуду я этихъ милыхъ вечеровъ. Помнится мнѣ, что въ это самое время родились и окрѣпли во мнѣ тѣ идеалы, которые я сохранилъ всю жизнь и въ которыхъ не разочаровался и до сего времени.

Отецъ мой, постоянно занятый утомительными расчетами и дѣлами, любилъ послѣ того имѣть свою партію, и поэтому вечера проводилъ бо́льшею частію внѣ дома. Это развлеченіе составляло для него настоящую потребность, которую онъ удовлетворялъ, посѣщая Англійскій клубъ, но пріятнѣе и удобнѣе для него было играть въ карты съ нашей сосѣдкой, почтенной Марьей Аполлоновной Волковой (обзываемой дурными шутниками Марьей Панталоновной), проживавшей въ собственномъ домикѣ рядомъ съ нами.

Эта почтенная дама была извѣстна во всей Москвѣ и всѣми уважаема. Она была когда-то любимой фрейлиной императрицы Марьи Ѳеодоровны, и по ея кончинѣ, оставивъ дворъ, поселилась въ Москвѣ. Повидимому, дружба между моимъ отцомъ и этой умной старушкой такъ была искренна, что Марья Аполлоновна переносила безъ малѣйшаго ропота за картами всѣ гнѣвныя вспышки моего отца. Я помню, напримѣръ, какъ разъ отецъ, будучи партнёромъ Марьи Аполлоновны и по ходу игры ожидая, что она выйдетъ съ дамы пикъ, былъ до та-

кой степени пораженъ тѣмъ, что Марья Аполлоновна вышла съ другой карты, что не выдержалъ своего негодованія. Такъ какъ въ этотъ вечеръ онъ уже нѣсколько разъ громко сердился и бранилъ Марью Аполлоновну за ея разсѣянность и ошибки то на этотъ разъ онъ съ отчаянія положилъ карты на столъ, скрестилъ руки и серьезно, съ упрекомъ, обращаясь къ ней запальчиво и возвышая голосъ, спросилъ: «скажите мнѣ, наконецъ, зачѣмъ вы эту шлюху бережете?!»....

Марья Аполлоновна никогда на него не сердилась, зная до какой степени въ сущности онъ былъ необыкновенно добръ, и что эти вспышки не оставляли никакихъ слѣдовъ въ ихъ дружескихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, вспыльчивость моего отца во время игры была извѣстна въ кругу его партнеровъ, и повторяющіяся часто сцены, подобно вышеупомянутой, оканчивались обыкновенно громкимъ смѣхомъ присутствующихъ.

Со времени моего пріѣзда въ Москву, родители наши, желая старшаго брата моего Бориса и меня пріучить къ нѣкоторой самостоятельности, рѣшили помѣстить насъ вмѣстѣ въ весьма удобномъ верхнемъ этажѣ флигеля дома, гдѣ наши знакомые молодые люди могли безъ стѣсненія посѣщать насъ. Каждый изъ насъ имѣлъ щегольской выѣздъ. Въ этомъ случаѣ поистинѣ баловство нашихъ родителей, знавшихъ нашу любовь къ лошадямъ, выразилось въ покупкѣ каждому изъ насъ по превосходному кровному рысаку, выписанному изъ Тамбова, извѣстнаго завода Н. Н. Миллера.

Кромѣ товарищей моего брата по университету, да сверстниковъ и друзей нашей юности, о которыхъ было говорено, и съ которыми я продолжалъ часто видѣться, я пріобрѣлъ тогда много новыхъ знакомыхъ, преимущественно съ пріѣзжими изъ Петербурга, въ числѣ которыхъ, между прочими былъ Лермонтовъ.

Замѣчательно, какъ глаза и ихъ выраженіе могутъ изобличать геніальныя способности въ человѣкѣ. Я, напримѣръ, испыталъ на себѣ это вліяніе при слѣдующемъ случаѣ. Войдя въ многолюдную гостиную дома, принимавшаго всегда только одно самое высшее общество, я съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтилъ среди гостей какого-то небольшого роста пѣхотнаго армейскаго офицера, въ весьма нещегольской армейской формѣ, съ краснымъ воротникомъ безъ всякаго шитья. Мое любопытство не распространилось далѣе этого минутнаго впечатлѣнія: до такой степени я былъ увѣренъ, что этотъ бѣдненькій армейскій офицеръ, попавшій, вѣроятно, случайно въ чуждое ему общество, долженъ обязательно быть человѣкомъ весьма мало интереснымъ. Я уже

было совсѣмъ забылъ о существованіи этого маленькаго офицера, когда случилось такъ, что онъ подошелъ къ кружку тѣхъ дамъ, съ которыми я разговаривалъ. Тогда я пристально посмотрѣлъ на него и такъ былъ пораженъ яснымъ и умнымъ его взглядомъ, что съ большимъ любопытствомъ спросилъ объ имени незнакомца. Оказалось, что этотъ скромный армейскій офицеръ былъ никто иной, какъ поэтъ Лермонтовъ.

Происшедшая съ Лермонтовымъ метаморфоза, состоявшая въ томъ, что онъ изъ блестящаго офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка преобразился въ скромнаго армейскаго офицера, послѣдовала отъ перехода его изъ Петербурга на службу на Кавказъ, гдѣ онъ и оставался на службѣ до своей преждевременной и горькой кончины.

Я съ нимъ познакомился въ семействѣ Мартыновыхъ, гдѣ были три незамужнія дочери, изъ которыхъ одна, повидимому, занимала собою нашего поэта. Ихъ старшій братъ былъ тотъ самый Мартыновъ, который впослѣдствіи убилъ Лермонтова на дуэли. Мартыновъ въ то время перешелъ изъ гвардіи въ Нижегородскій драгунскій полкъ (на Кавказъ), какъ кажется, потому, что мундиръ этого полка славился тогда, совершенно справедливо, какъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ въ нашей кавалеріи. Я видѣлъ Мартынова въ этой формѣ; она шла ему превосходно. Онъ очень былъ занятъ своей красотой и, повидимому, эта слабость, подмѣченная въ немъ Лермонтовымъ, послужила ему постояннымъ предметомъ довольно злыхъ остротъ надъ Мартыновымъ. Лермонтовъ, къ сожалѣнію, имѣлъ непреодолимую страсть дразнить и насмѣхаться, что̀ именно и было причиной его злосчастной дуэли.

Въ другой разъ была серьезная бесѣда объ интенсивномъ хозяйствѣ, о которомъ въ настоящее время такъ много пишутъ въ журналахъ и о чемъ тогда уже заботились. Лермонтовъ, который питалъ полное недовѣріе и обнаруживалъ даже нѣкоторое пренебреженіе къ сельскому хозяйству, называя его ковыряніемъ земли, сказалъ намъ при этомъ, что онъ самъ недавно былъ въ своемъ маленькомъ имѣніи въ Малороссіи, откуда не получалось никакого дохода. Его долготерпѣніе, наконецъ, истощилось, и онъ поѣхалъ туда, чтобы лично убѣдиться въ причинѣ бездоходности имѣнія. «Пріѣзжаю, говоритъ Лермонтовъ, въ деревню, призываю къ себѣ хохла-приказчика, спрашиваю, отчего нѣтъ никакого дохода? Онъ говоритъ, что урожай былъ плохой, что пшеницу червь попортилъ, а гречиху солнце спалило. Ну, я спрашиваю, а скотина что́?—Скотина, говоритъ приказчикъ, ничего, благополушно.—Ну, я спрашиваю, куда же молоко дѣвали?—

На масло били, отвѣчаетъ онъ. — А масло куда дѣвали?—Продавали, говоритъ.—А деньги куда дѣвали?—Соль, говоритъ, куповали.—А соль куда дѣвали?—Масло солили.—Ну, а масло куда дѣвали?—Продавали.— Ну, а деньги гдѣ? — Соль куповали!... И такъ далѣе, и такъ далѣе. «Не истинный ли это прототипъ всѣхъ нашихъ Русскихъ хозяйствъ?» сказалъ Лермонтовъ и прибавилъ: «Вотъ вамъ при этихъ условіяхъ не угодно ли завести интенсивное хозяйство!...»

Лермонтовъ хорошо говорилъ по-малороссійски и неподражаемо умѣлъ разсказывать Малороссійскіе анекдоты. Имъ, напримѣръ, былъ пущенъ извѣстный анекдотъ (который я послѣ слышалъ и отъ другихъ) о томъ Хохлѣ, который ѣхалъ одинъ по непомѣрно широкой почтовой Малороссійской дорогѣ саженей во сто ширины. По обыкновенію хохолъ заснулъ на своемъ возѣ глубокимъ сномъ, волы его выбились изъ колеи и, наконецъ, осью зацѣпили за поверстный столбъ, отчего остановились. Отъ толчка хохолъ вдругъ проснулся, спросонья осмотрѣлся, увидѣлъ поверстный столбъ, плюнулъ и, слѣзая съ своего воза, сказалъ: «Що за бісова тиснота, не можно и возомъ розминутця!»

По поводу лѣности и невозмутимости Хохла Лермонтовъ мнѣ разсказалъ, какъ, оставляя Петербургъ и лейбъ-гусарскій полкъ, чтобы перейти на службу на Кавказъ, онъ оставилъ свою тысячную верховую лошадь на попеченіи все того же своего денщика Сердюка, поручивъ своему товарищу по полку, князю Меншикову, въ возможно скорѣйшее время ее продать. Очень долго не находилось покупщиковъ. Наконецъ Меншиковъ нашелъ покупателя и съ нимъ отправился въ полковой манежъ, чтобы показать ему продажную Лермонтовскую лошадь. Немало времени они ожидали въ манежѣ Сердюка съ его лошадью. Наконецъ, показался за барьеромъ манежа какой-то человѣкъ, который, съ веревкой на плечѣ тащилъ съ трудомъ что-то, должно быть, очень тяжелое; черезъ нѣсколько времени показалась голова лошади, которая, фыркая и упираясь, медленно подвигалась впередъ и озиралась на всѣ стороны. Когда Сердюкъ съ трудомъ втащилъ ее на средину манежа, то издали она не похожа была на лошадь, а на какого-то допотопнаго звѣря: до такой степени она обросла длинной шерстью; уши, которыми она двигала то взадъ, то впередъ, такъ заросли, что похожи были на огромные вѣера, которыми она махала. Князь Меншиковъ, возмущенный этой картиной, спросилъ у Сердюка, что̀ за звѣря онъ привелъ, но Сердюкъ отвѣчалъ очень хладнокровно: «Это лошадь, ваше высокоблагородіе!»— «Да что ты съ ней сдѣлалъ, Сердюкъ, съ этой лошадью?»—«Да что же, ваше высокоблагородіе, съ

ней сдѣлается? Она себѣ кормъ ѣстъ, пьетъ, никто ея не трогаетъ; помилуйте, что̀ съ ней сдѣлается?»

Оказывается, что Сердюкъ цѣлый годъ лошадь не чистилъ и не выводилъ изъ денника, такъ что она совершенно одичала и обросла.

Пробывъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Лермонтовъ уѣхалъ на Кавказъ, и я болѣе его никогда не видалъ. Позже, когда я былъ въ Пятигорскѣ, гдѣ лѣчился отъ раны, полученной мною въ Даргинскую экспедицію 1845 года, я почелъ нравственнымъ долгомъ посѣтить на Машукѣ то мѣсто, гдѣ происходила дуэль и гдѣ былъ убитъ незабвенный нашъ геніальный поэтъ. Какой величественный видъ съ этого мѣста на широкую долину, окружающую Пятигорскъ, на величавый Эльборусъ, покрытый вѣчными снѣгами, и на цѣпь Кавказскихъ горъ!... Эта чудная картина, мнѣ показалось, была въ соотвѣтствіи съ геніемъ и талантомъ покойнаго поэта, который такъ любилъ Кавказъ.

Нѣтъ! Не такъ желалось тебѣ умереть, милый нашъ Лермонтовъ, думалъ я, сидя подъ зеленымъ дубомъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ простился съ жизнью.

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бъ желалъ навѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь.
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Впослѣдствіи, сблизившись съ Лермонтовымъ, я убѣдился, что изощрять свой умъ въ насмѣшкахъ и остротахъ постоянно надъ намѣченной имъ въ обществѣ жертвой, составляло одну изъ рѣзкихъ особенностей его характера. Я помню, что разъ я засталъ у него одного гвардейскаго толстаго кирасирскаго полковника З., служившаго въ то время жертвой всѣхъ его сарказмовъ, и, хотя я не могъ не смѣяться отъ души остроумію и неистощимому запасу юмора нашего поэта, но не могъ также въ душѣ не сострадать его жертвѣ и не удивляться ея долготерпѣнію.

Онъ мнѣ самъ разсказывалъ, напримѣръ, какъ во время лагеря, лежа на постели въ своей палаткѣ, онъ, скуки ради, кликалъ къ себѣ своего денщика и начиналъ его дразнить. «Презабавный былъ,—говорилъ онъ,—мой денщикъ Малороссъ Сердюкъ. Бывало, позову его и спрашиваю: «Ну, что, Сердюкъ, скажи мнѣ, что̀ ты больше всего на свѣтѣ любишь?» Сердюкъ, зная, что должны начаться надъ нимъ обык-

новенныя насмѣшки, сначала почтительно пробовалъ уговаривать барина не начинать вновь ежедневныхъ надъ нимъ испытаній, говоря: «Ну, що, ваше благородіе... оставьте, ваше благородіе... я ничого не люблю....» Но Лермонтовъ продолжалъ: «Ну, что̀, Сердюкъ, отчего ты не хочешь сказать?»—«Да не помню, ваше благородіе.» Но Лермонтовъ не унимался: «Скажи, говоритъ, что̀ тебѣ стоитъ? Я у тебя спрашиваю, что̀ ты больше всего на свѣтѣ любишь?» Сердюкъ все отговаривался незнаніемъ. Лермонтовъ продолжалъ его пилить и, наконецъ, черезъ четверть часа, Сердюкъ, убѣдившись, что отъ барина своего никакъ не отдѣлается, добродушно дѣлалъ признаніе: «Ну, що, ваше благородіе, говорилъ онъ, ну, пожалуй медъ, ваше благородіе.» Но и послѣ этого признанія Лермонтовъ отъ него не отставалъ. «Нѣтъ, говорилъ онъ, ты, Сердюкъ, хорошенько подумай: неужели ты въ самомъ дѣлѣ медъ всего больше на свѣтѣ любишь?» Лермонтовъ начиналъ снова докучливые вопросы и на разные лады. Это опять продолжалось четверть часа, если не болѣе и, наконецъ, когда истощался весь запасъ хладнокровія и терпѣнія у бѣднаго Сердюка, на послѣдній вопросъ Лермонтова о томъ, чтобы Сердюкъ подумалъ хорошенько, не любитъ ли онъ что-нибудь другое на свѣтѣ лучше меда, Сердюкъ съ крикомъ выбѣгалъ изъ палатки, говоря: «терпѣть его не могу, ваше благородіе!...»

Вообще Лермонтовъ былъ препріятный собесѣдникъ и неподражаемо разсказывалъ анекдоты.

Среди множества сохранившихся въ моей памяти анекдотовъ, слышанныхъ мною отъ него, хотя и очень затруднителенъ будетъ выборъ, но я не могу лишить себя удовольствія упомянуть здѣсь хотя о нѣкоторыхъ, попадающихся мнѣ случайно болѣе свѣжими въ эту минуту на память. Вѣдь въ сущности всякая мелочь, которая касается такого любимаго всѣми поэта, какимъ былъ Лермонтовъ, дорога̀, а мнѣ несомнѣнно больше другихъ, потому что я его лично хорошо зналъ, и что для меня память о немъ связана съ воспоминаніями о моей молодости; а кому они не дороги, эти воспоминанія?...

Вообще въ холостой компаніи Лермонтовъ особенно оживлялся и любилъ разсказы, перерывая очень часто самый серьезный разговоръ какой-нибудь шуткой, а нерѣдко и нецензурными анекдотами, о которыхъ я не буду говорить, хотя они были остроумны и смѣшны донельзя.

Такъ, какъ-то разъ, среди серьезной бесѣды объ искусствѣ и поэзіи, Лермонтовъ сталъ комично разсказывать что-то о неизданныхъ

6*

поэтахъ и объ ихъ сношеніяхъ съ издателями и книгопродавцами. «А вотъ что, сказалъ Лермонтовъ, говорилъ мнѣ приказчикъ одного книгопродавца, мальчикъ лѣтъ шестнадцати. Приходитъ на дняхъ въ лавку какой-то господинъ (хозяина не было), обращается ко мнѣ и спрашиваетъ: что̀, говоритъ, стихотворенія мои проданы? (Тутъ я его узналъ, говоритъ мальчикъ, онъ къ намъ уже мѣсяцевъ шесть ходитъ). Никакъ нѣтъ, отвѣчаю ему, еще не проданы.—Какъ, говоритъ онъ, не проданы?—Отчего не проданы? Вы, говоритъ, все мошенничаете! Подошелъ ко мнѣ, да бацъ, говоритъ мальчикъ, мнѣ въ ухо!... Вотъ тебѣ разъ, думаю себѣ, что̀ изъ этого будетъ?—Отчего, говоритъ, не проданы? Я говорю: никто не спрашивалъ.—Какъ, говоритъ, никто не спрашивалъ? Бацъ, говоритъ, мнѣ въ другое ухо! Я думаю себѣ, что̀ изъ этого будетъ?—Гдѣ, говоритъ, мои стихотворенія? Подай, говоритъ, мнѣ ихъ всѣ сюда! А самъ ругается.—Вы, говоритъ, всѣ кровопійцы! Я побѣжалъ, принесъ связку его сочиненій. Думаю себѣ: Господи, что̀ изъ этого будетъ? Господинъ подошелъ ко мнѣ.—Всѣ-ли они, говоритъ, тутъ?—Я говорю: извольте видѣть, какъ были связаны, такъ и есть! Онъ тутъ схватилъ меня за волосы и началъ таскать по лавкѣ; таскалъ, таскалъ, да какъ броситъ, плюнулъ и ушелъ! Такъ, говоритъ мальчикъ, я ничего и не дождался отъ него! Такой, говоритъ, чудакъ этотъ господинъ стихотворецъ! Я и фамиліи-то его не упомню».

(Продолженіе будетъ).

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ АРХИВНЫХЪ КОМИССІЙ.

(По поводу книги профес. Д. Я. Самоквасова: „Централизація государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи". М. 1899 г.)

Не такъ давно было время, когда въ большинствѣ образованнаго общества на архивы и на занятія архивными работами смотрѣли, какъ на дѣло мертвое, чуждое всякаго жизненнаго практическаго значенія; на архивныхъ чиновниковъ, какъ на сѣдыхъ, жалкихъ крысъ, роящихся на чердакахъ и въ подвалахъ зданій, среди пыли, гнили и моли, въ отжившемъ хламѣ бумажнаго дѣлопроизводства; на громадные тюки и связки старыхъ дѣлъ, какъ на ненужный хламъ, годный только на обертку лавочныхъ товаровъ или на подклейку стѣнъ обоями. Съ постепеннымъ развитіемъ историческаго образованія и уясненіемъ понятія, что современная жизнь народовъ составляетъ результатъ прошлаго, сложнаго процесса предыдущихъ вліяній, что самая эта жизнь можетъ быть понята только посредствомъ изученія этого прошлаго, явилось сознаніе необходимости охраны историческихъ памятниковъ, тщательнаго ихъ описанія и разработки, какъ въ цѣляхъ практическихъ, такъ и научныхъ. Одновременно съ этимъ и на архивы, хранившіе въ своихъ нѣдрахъ сокровища вѣками накоплявшихся историческихъ матеріаловъ, стали смотрѣть, какъ на цѣнное достояніе. Въ пожелтѣвшихъ отъ долгаго времени сверткахъ и столбцахъ бумагъ начали видѣть не только интересныя данныя для науки, но и документальныя основы существующаго порядка жизни и охрану существующихъ юридическихъ отношеній народонаселенія; въ громадныхъ кипахъ запыленныхъ и изъѣденныхъ временемъ старыхъ дѣлъ увидѣли не только свѣтъ вѣковъ, тлѣющій подъ грудами часто негоднаго мусора, но и выраженіе дѣятельности государственныхъ учрежденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непремѣнное условіе ихъ совершенствованія на основаніи изученія, по сохранившимся документамъ, исторической жизни этихъ учрежденій.

Въ наши дни измѣнились и условія состоянія архивовъ: на нихъ начали смотрѣть, какъ на учрежденія, имѣющія научное и практическое значеніе. Явились археологическіе институты, школы хартій и рукописей. Изъ подваловъ и съ чердаковъ стали извлекать бумаги отжившаго дѣлопроизводства, разбирать, описывать, ненужное отбрасывать, а цѣнное хранить въ особо приспособленныхъ для этого помѣщеніяхъ. За разработку архивовъ взялись образованныя, подготовленныя лица. Явились цѣлые штаты чиновни-

ковъ, архивистовъ, права и обязанности которыхъ регламентируются особыми уставами, положеніе которыхъ матеріально обезпечивается. Явилось сознаніе, что архивная служба есть „великая общественная служба“ (Рамбо) и что „безпорядокъ въ архивахъ есть внутренняя болѣзнь государства“.

Этотъ новый взглядъ на архивы сталъ развиваться въ западной Европѣ, главнымъ образомъ съ начала текущаго столѣтія, что совпадаетъ и со временемъ подъема историческихъ работъ послѣ эпохи Французской революціи. Въ большинствѣ Европейскихъ государствъ въ наши дни архивное дѣло поставлено на степень, соотвѣтствующую его значенію.

Но нельзя сказать, чтобы идея о научно-практическомъ значеніи архивовъ, какъ результатъ историческаго образованія, составляла въ настоящее время принадлежность большинства Русскаго образованнаго общества: слишкомъ замѣтно равнодушное отношеніе этого большинства къ судьбѣ отечественныхъ архивовъ, чтобы можно было утверждать противоположное. Тѣмъ не менѣе вторая половина текущаго столѣтія и въ Русскомъ обществѣ характеризуется стремленіемъ, хоть и одиночныхъ дѣятелей, вывести архивное дѣло изъ того печальнаго состоянія, въ которомъ оно находилось прежде.

Однимъ изъ такихъ дѣятелей былъ устроитель Петербургскаго Археологическаго Института, Н. В. Калачовъ. Его почину принадлежитъ и учрежденіе провинціальныхъ ученыхъ архивныхъ комиссій, этихъ въ высшей степени симпатичныхъ по идеѣ, мѣстныхъ историческихъ обществъ, но, къ сожалѣнію, частію доселѣ слабо устроенныхъ, частію взявшихъ на себя осуществленіе задачъ, лежащихъ внѣ ихъ области. Въ IV т. „Сборника государственныхъ знаній“ Н. В. Калачовъ писалъ, что въ Русской землѣ, какъ на Западѣ, слѣдуетъ устроить центральные историческіе архивы, что съ устройствомъ ихъ появятся, по крайней мѣрѣ въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, историческія и археологическія общества, въ средѣ которыхъ историческіе матеріалы подвергнутся той тщательной разработкѣ, которая вполнѣ возможна и мыслима лишь на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія, получившія историческое значеніе. Заботясь объ устройствѣ такихъ обществъ, Н. В. Калачовъ достигъ того, что въ 13 день Апрѣля 1884 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе „Положенія о губернскихъ историческихъ архивахъ и ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ“.

Это „положеніе“ гласитъ:

1. Для сосредоточенія и вѣрнаго храненія архивныхъ дѣлъ и документовъ, не требующихся для текущаго дѣлопроизводства, но болѣе или менѣе важныхъ въ историческомъ отношеніи—учреждаются въ губерніяхъ историческіе архивы.

2. Собираніе и приведеніе въ порядокъ означенныхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ возлагается на учреждаемую для сего въ губерніи ученую архивную комиссію.

3. Ученыя губернскія архивныя комиссіи составляются по взаимному соглашенію директора Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ съ мѣстнымъ губернаторомъ,

какъ изъ служащихъ, такъ и несостоящихъ на службѣ въ губерніяхъ лицъ, могущихъ быть полезными комиссіи своими познаніями и усердіемъ къ дѣлу. Губернаторъ есть непремѣнный попечитель такой комиссіи.

4. Предсѣдатель и правитель дѣлъ ученой комиссіи, а въ случаѣ надобности помощникъ предсѣдателя, избираются самою комиссіей, въ первое ся засѣданіе.

5. На обязанности ученой комиссіи лежатъ:

а) Разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи, подлежатъ передачѣ на храненіе въ историческій архивъ.

б) Составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей.

в) Расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій.

6. Копіи съ упомянутыхъ выше описей и указателей и годовые отчеты о своихъ занятіяхъ ученыя комиссіи представляютъ въ концѣ года (не позже Декабря) директору Археологическаго Института, который доводитъ о нихъ до свѣдѣнія Императорской Академіи Наукъ, въ видѣ отчета о трудахъ за истекшій годъ по архивному дѣлу въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ учреждены такія комиссіи.

7. Ученыя комиссіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, включить въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины.

8. Расходы, необходимые на содержаніе и занятія ученыхъ губернскихъ архивныхъ комиссій, покрываются изъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи Археологическаго Института и изъ мѣстныхъ пожертвованій на пользу науки. О лицахъ же, оказывающихъ комиссіи особыя услуги своимъ усердіемъ, директоръ Института представляетъ на усмотрѣніе президента Императорской Академіи Наукъ.

9. Означенные историческіе архивы и ученыя комиссіи учреждаются на первый разъ, въ видѣ опыта, въ губерніяхъ Тверской, Тамбовской и Рязанской, съ тѣмъ, что министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется, по мѣрѣ надобности и имѣющихся средствъ открывать таковые и въ другихъ губерніяхъ.

Такимъ образомъ архивныя комиссіи имѣютъ главною своею цѣлію организовать центральные губернскіе историческіе архивы, въ которые сливались бы дѣла всякаго рода правительственныхъ и общественныхъ учрежденій губерніи, не требующіяся для текущаго дѣлопроизводства и заслуживающія описанія и храненія. Вмѣстѣ съ этимъ комиссіямъ дается и вообще право отысканія, храненія и разработки памятниковъ областной старины, представляющихъ историко-археологическій интересъ, что отчасти достигается устройствомъ провинціальныхъ музеевъ.

Горячія желанія Н. В. Калачова осуществились и на дѣлѣ: въ Рязани, Твери, Саратовѣ, Тамбовѣ, Симбирскѣ, Орлѣ, Калугѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Владимірѣ и другихъ городахъ (числомъ до 20-ти), появились ученыя архивныя комиссіи, собирающія, описывающія и разрабатывающія матеріалы мѣстной старины. Этимъ же цѣлямъ удовлетворяютъ до нѣкоторой степени и другія провинціальныя историческія общества, возникшія одновре-

менно или ранѣе архивныхъ комиссій, но носящія другія наименованія, съ одинаково широкою программою дѣятельности, каковы—Тульское книгохранилище, Петровское общество изслѣдователей мѣстнаго края въ Астрахани и др. Чтó до первыхъ, то положеніе 1884 г., не опредѣляетъ точно и подробно устройства комиссій, круга ихъ дѣятельности и условій развитія: оно намѣчаетъ только главныя основанія, предоставляя комиссіямъ широкую свободу въ дальнѣйшемъ развитіи. Раздвигая рамки этихъ основаній, мы легко замѣтимъ, что область полномочій этихъ комиссій безгранична. Онѣ представляютъ собою ученыя общества, развивающіяся вполнѣ самостоятельно. Находясь подъ непосредственнымъ надзоромъ непремѣннаго попечителя, начальника губерніи, комиссіи свободно избираютъ членовъ. Судья, прокуроръ, редакторъ мѣстнаго листка, губернскій землемѣръ, архитекторъ, начальникъ школы, учитель, присяжный повѣренный, книгопродавецъ, чиновникъ, докторъ, священникъ, офицеръ мѣстнаго баталіона, городской голова, гласный думы, предводитель дворянства, помѣщикъ, купецъ, мѣщанинъ и пр. и пр.,— избираются въ составы комиссій. При этомъ не требуется непремѣнно со стороны избираемыхъ историко-археологическаго образованія. Хорошо, если среди членовъ комиссій найдутся люди, знакомые съ методомъ и развитіемъ исторической науки. Законъ не опредѣляетъ избирательнаго ценза.

Члены комиссій изъ своей среды избираютъ предсѣдателя и правителя дѣлъ, и опять совершенно свободно, по личнымъ взглядамъ и побужденіямъ: предсѣдателемъ, а равно и правителемъ дѣлъ могутъ быть избраны люди безо всякаго историческаго образованія. Помимо той дѣятельности, какую ведетъ всякій предсѣдательствующій въ совѣтахъ разныхъ коллегіальныхъ учрежденій, предсѣдатель архивныхъ комиссій руководитъ и направляетъ ихъ работу техническаго свойства; просвѣщенное и энергичное отношеніе предсѣдателя къ дѣлу можетъ сообщить жизнь и движеніе комиссіи. Не менѣе важна и личность правителя дѣлъ. Онъ получаетъ бумаги, документы, дѣлаетъ доклады собраніямъ, составляетъ протоколы ихъ засѣданій и годовые отчеты, исполняетъ порученія общихъ собраній и предсѣдателя, ведетъ книги входящія и исходящія, гдѣ таковыя имѣются, получаетъ старыя дѣла и вещи, распредѣляетъ ихъ по мѣстамъ, раздаетъ для описей, завѣдуетъ библіотекой, печатаетъ „Труды“ комиссій, устраиваетъ историческій архивъ и музей и слѣдитъ за ними, если таковые находятся при комиссіи, выдаетъ справки, завѣдуетъ хозяйственною частію комиссіи, получаетъ, хранитъ и расходуетъ денежныя суммы. Никакихъ особыхъ ревизіонныхъ комиссій, провѣряющихъ всякаго рода полученія правителемъ дѣлъ, распорядительную и экономическую его дѣятельность—нѣтъ; по крайней мѣрѣ положеніе не требуетъ непремѣнно, чтобы они были. Стоитъ представить себѣ, какъ громадна и сложна дѣйствующая на обширныхъ пространствахъ работа архивныхъ комиссій, чтобы понять все значеніе должности правителя дѣлъ, поставленной въ тоже время такъ шатко и безотвѣтственно, какъ она намѣчена въ „положеніи“.

Что касается самой дѣятельности комиссій, то, слѣдуетъ сказать, что она не ограничивается даже обширнѣйшими пространствами губерніи. Уставомъ комиссій не возбраняется на Югѣ разслѣдованіе и храненіе древностей Сѣвера, если послѣднія какимъ-либо путемъ оказались бы занесенными на Югъ. Съ другой стороны, при недостаточномъ въ настоящее время количествѣ комиссій, губерніи, сосѣднія съ той, въ которой открыта комиссія, поручаютъ, случается, этой послѣдней производить архивныя работы, имѣющія то или другое отношеніе къ губерніи съ комиссіей. На этихъ обширныхъ пространствахъ комиссіямъ дозволяется, почти безконтрольно, прежде всего разслѣдовать, собирать и хранить памятники вещественныя; комиссіи закапываются въ землю, разрываютъ курганы, разслѣдуютъ пещеры, клады, геологическіе разрѣзы и обнаженія. Они могутъ разрыть какой угодно могильникъ, зданіе, даже цѣлый городъ, погребенный подъ лавою вѣковыхъ наслоеній, раскопать фундаменты старыхъ зданій, валы и насыпи разныхъ наименованій. Всякая постройка археологическаго характера: крѣпость, домъ, дворецъ, старая колокольня—комиссіями можетъ быть обслѣдована, описана, объяснена, при чемъ отъ заключительнаго сужденія комиссіи можетъ зависѣть иногда и дальнѣйшая судьба историческаго памятника. Онѣ могутъ, по усмотрѣнію, опредѣлять въ этихъ памятникахъ цѣнное, судить о памятникѣ съ какой угодно точки зрѣнія, откидывать, раскидывать и закапывать все, почему-либо кажущееся неважнымъ. Съ цѣлью храненія вещественныхъ памятниковъ они могутъ образовывать археологическіе музеи, опредѣлять, распредѣлять, систематизировать, объяснять, описывать хранимыя сокровища по усмотрѣнію.

Памятники письменные собираютъ комиссіи въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ, частныхъ, въ подвалахъ и на чердакахъ, въ избѣ простолюдина и во дворцѣ вельможи. Для того, главнымъ образомъ, и созданы архивныя комиссіи, чтобы старыя дѣла всякаго рода они просматривали, опредѣляли ихъ цѣнность, откидывали, по усмотрѣнію ненужное и сохраняли полезное. Вслѣдствіе этого члены комиссій имѣютъ преимущественное право, хотя и съ надлежащаго разрѣшенія, проникать въ любой правительственный и общественный архивъ, а иногда, по любезности хозяина, и въ частный: отношеніе архивовъ учрежденій губернской администраціи къ архивнымъ комиссіямъ неопредѣлено. Проникая въ архивы, члены комиссій имѣютъ право читать документы чрезвычайной важности и цѣнности государственной, юридической, общественной и фамильной, дѣлать съ нихъ копіи, калькировать, выбирать цѣнное и хранить. Членъ ученой архивной комиссіи можетъ такимъ образомъ просматривать, читать, комментировать документъ, съ которымъ связаны громадныя права на родство, честь и достоинство потомковъ, очень часто не отвѣчающихъ за дѣянія своихъ предковъ; имѣетъ право разслѣдовать документъ, облагораживающій и позорящій классъ, учрежденіе, лицо. Словомъ, члены комиссій имѣютъ право всякіе документы,

не требующіеся для текущаго дѣлопроизводства, выбирать, уничтожать, систематизировать, сохранять, по совѣсти, разумѣнію, усмотрѣнію.

Изъ отобранныхъ документовъ и старыхъ дѣлъ всякаго рода комиссіи устраиваютъ историческіе архивы, представляющіе собою архи-архивы, архивы надъ всѣми губернскими архивами, центральные, объединяющіе. Въ этихъ губернскихъ историческихъ архивахъ комиссіи классифицируютъ дѣла по содержанію, эпохамъ, описываютъ ихъ, составляютъ каталоги, заботятся о сохранности дѣлъ, наконецъ, сообщаютъ нужныя справки и свѣдѣнія. При архивахъ комиссіи учреждаютъ библіотеки. Все это и всякую свою дѣятельность комиссіи могутъ публиковать, въ формѣ мѣсячныхъ или иныхъ отчетовъ, читать лекціи, устраивать временныя выставки.

Такова въ общихъ чертахъ громадная дѣятельность архивныхъ комиссій, какъ ученыхъ обществъ, призванныхъ заботиться о сохраненіи и изслѣдованіи мѣстной старины. Что̀ до условій развитія этой дѣятельности, то послѣднія совсѣмъ не отвѣчаютъ широтѣ и значенію предполагаемыхъ работъ комиссій. Прежде всего всѣ комиссіи до крайности стѣснены въ матеріальныхъ средствахъ. Въ высшей степени сложныя задачи устройства центральныхъ губернскихъ архивовъ, музеевъ и библіотекъ могутъ быть выполнены только при достаткѣ въ деньгахъ. Онѣ необходимы для найма помѣщеній. Дѣла поступаютъ въ архивныя комиссіи тысячами связокъ; въ музеи поступаютъ всякаго рода предметы. Невозможно разбирать всѣ эти дѣла и предметы на улицѣ или въ сараяхъ, среди пыли и грязи. Для разбора и храненія дѣлъ нужны, по возможности, свѣтлыя, обширныя, сухія комнаты, безопасныя отъ пожаровъ и вывѣтриванія; нужны такія же комнаты для библіотеки и музеевъ, для канцеляріи, собранія членовъ комиссій. Комнаты надо отопить, освѣтить, наблюсти въ нихъ чистоту и порядокъ. Большія суммы нужны на доставку и перевозку дѣлъ, которыя надо доставить въ сохранности, неразрозненными, не подмоченными. Какія затраты необходимы на эту доставку, видно изъ слѣдующаго. Года два тому назадъ одно уѣздное полицейское управленіе (Кузнецкое) обратилось въ свою губернскую архивную комиссію (Саратовскую) съ предложеніемъ взять архивныя дѣла этого управленія, такъ какъ помѣщеніе архива полиціи крайне переполнилось ими и вещественными доказательствами. Въ архивѣ полиціи такихъ дѣлъ, обнимавшихъ собою цѣлый вѣкъ (съ 1782 по 1888 г.), хранилось вѣсомъ, приблизительно, до 400 пудовъ. Архивная комиссія просила переслать эти дѣла; но полицейское управленіе, отстоящее отъ губернскаго города на 422 в., увѣдомило, что эта пересылка обойдется по меньшей мѣрѣ 200 р., на что оно, управленіе, денегъ не имѣетъ. За недостаткомъ средствъ у комиссіи, дѣла̀ полицейскаго управленія остались на своемъ мѣстѣ.

Значительныя средства нужны комиссіямъ и на почтовые расходы, и на печатаніе своихъ трудовъ. Нужны далѣе средства на устройство библіотеки, на пріобрѣтеніе вещей, старыхъ монетъ, утвари, одеждъ, предметовъ этнографической обстановки, быстро исчезающей подъ вліяніемъ цивилизую-

щихъ условій города и его моды. Нужны средства на фотографированіе или снятіе рисунковъ съ предметовъ, имѣющихъ важное археологическое значеніе. Нужны средства на производство раскопокъ, охрану на мѣстѣ памятниковъ старины, командировку членовъ по нуждамъ комиссіи и пр. т. под. Если, такимъ образомъ, сосчитать, сколько нужно каждой комиссіи самыхъ минимальныхъ, но существенно необходимыхъ средствъ для порядочнаго веденія дѣла, то выйдетъ сумма, по сравненію съ которой годовые бюджеты комиссій, показываемые въ отчетахъ отъ 200—1000 р., явятся горькою насмѣшкою. Источники же содержанія комиссій—невозможныя. Согласно 8 пункту „положенія" объ архивныхъ комиссіяхъ онѣ добываютъ средства частію изъ мѣстныхъ источниковъ, частію отъ субсидій Археологическаго Института. Но что касается первыхъ, то мѣстные бюджеты всюду и вездѣ, едва удовлетворяя нужды *необходимыя*, не въ состояніи удовлетворить нужды *полезныя*, къ какимъ относятся историко-археологическія, архивныя и вообще научныя, и если удовлетворяютъ, то вообще въ ничтожной степени; Археологическій же Институтъ доселѣ лишенъ возможности матеріально заботиться о благосостояніи архивныхъ комиссій по скудости собственныхъ средствъ. Такъ называемое меценатство отклоняется въ наши дни на удовлетвореніе вопіющихъ нуждъ бѣдности, нищеты, и во всякомъ случаѣ составляетъ источникъ случайный, а посему и ненадежный. Нужно замѣтить, что комиссіи еще пользуются безвозмезднымъ трудомъ своихъ членовъ. Но этотъ трудъ не можетъ быть достаточно производителенъ. Комиссіи составляются преимущественно изъ людей средняго достатка, занятыхъ профессіональными работами, которые едва-едва могутъ удѣлять частички свободнаго времени на работу, хотя и полезную, но матеріально непроизводительную. При скудости средствъ комиссій еще надо удивляться, какъ онѣ сумѣли сдѣлать и дать то, что сдѣлали и дали.

Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ результатамъ работъ и усердію комиссій, по скольку то и другое обнаружено въ ихъ „Трудахъ", нельзя, однако, не сознаться, что при наличномъ устройствѣ комиссій не можетъ быть твердаго убѣжденія въ томъ, что дѣло архивовѣдѣнія и сохраненія мѣстныхъ памятниковъ старины комиссіями достаточно обезпечено отъ истребленія, что остатки исторической жизни Русской земли болѣе сохраняются, чѣмъ уничтожаются. Дѣло въ томъ, что указанная обширная дѣятельность комиссій, соединенная съ обширными полномочіями, матеріально слабо обезпеченная, въ тоже время, а) не имѣетъ надлежащаго, объединяющаго руководства и болѣе: стоитъ почти внѣ всякаго контроля и наблюденія. Руководитъ дѣятельностью комиссій и контролируетъ ихъ—Археологическій Институтъ. Но этотъ послѣдній не имѣетъ возможности фактически руководить и провѣрять комиссіи и по недостатку лицъ, и по недостатку средствъ, а главное потому, что de jure такой контроль не составляетъ его прямой обязанности. Здѣсь все дѣло сводится къ тому, что архивныя комиссіи представляютъ свои годовые отчеты Институту, который сливаетъ ихъ въ одинъ общій. Этотъ общій от-

четъ изображаетъ годовые итоги дѣятельности въ томъ видѣ какъ ихъ представляютъ комиссіи, и указываетъ на то, что̀ сдѣлано комиссіями, а не на то, какъ сдѣлано, или что́ можно бы сдѣлать. Сравнивая дѣятельность комиссій и публикуя имена дѣятелей, общій отчетъ тѣмъ самымъ развиваетъ среди нихъ благородное соревнованіе, возбуждая энергію и поддерживая усердіе къ архивному дѣлу. Опредѣленныхъ работъ отъ комиссій и не требуется; онѣ даютъ то, что̀ могутъ и сумѣютъ дать. Работаетъ комиссія, общій отчетъ Археологическаго Института отмѣтитъ это обстоятельство, какъ выдающееся; нѣтъ—ограничится заявленіемъ о томъ. Въ этомъ главнымъ образомъ и состоитъ контролирующее вліяніе Института.

Что̀ до мѣстнаго контроля, то онъ, сколько можно судить по отчетамъ комиссій, совсѣмъ почти неорганизованъ, или слабо организованъ въ нѣкоторыхъ комиссіяхъ. Какіе документы и вещи получаетъ комиссія, кѣмъ они принимаются, какой порядокъ ихъ записи, всѣ ли изъ поступившихъ разслѣдуются, описываются и хранятся; какая существуетъ отвѣтственность въ случаѣ пропажи, при раскопкахъ всѣ ли вещи поступаютъ въ музеи комиссій, или нѣкоторые остаются на рукахъ членовъ; какъ организованы канцеляріи комиссій; устроены ли ревизіонные комитеты и какъ опредѣлена дѣятельность ихъ членовъ; какъ и гдѣ читаютъ дѣла различныхъ архивовъ члены комиссій; какъ распредѣляются между ними поступающія дѣла; чѣмъ и какъ отвѣчаетъ членъ комиссіи въ случаѣ порчи документа, неправильно произведенной раскопки, нанесенія вреда памятнику; чѣмъ руководятся члены комиссій, предлагающіе одно дѣло къ уничтоженію, другое къ сохраненію; читаютъ ли все дѣло, или опредѣленіе о его пригодности основываютъ исключительно на описи учрежденія, изъ котораго поступаетъ архивъ и пр. Все это не опредѣлено правилами относительно устройства архивныхъ комиссій. При указанной безотвѣтственности сихъ послѣднихъ можетъ случиться, что самый лучшій памятникъ, самое цѣнное въ какомъ-либо отношеніи дѣло можетъ быть предано уничтоженію, даже сознательно, и наоборотъ, худшее можетъ сохраниться: все зависитъ отъ степени историческаго образованія и ревности лица, опредѣляющаго историческую пригодность памятника, отъ личной точки зрѣнія разслѣдующаго. Несомнѣнно, что для того, чтобы судить о исторической цѣнности какого-либо древняго акта или памятника, мало имѣть одно общее образованіе, а надо быть знакомымъ хотя отчасти съ основаніями науки объ архивахъ, съ Русскими древностями по частному, общественному и юридическому быту, съ палеографіей, хронологіей, или по меньшей мѣрѣ имѣть достаточное историческое образованіе. Какъ ни гостепріимна историческая наука, широко открывающая двери своего храма всякому желающему ею заниматься, тѣмъ не менѣе и она имѣетъ свои техническія особенности, знаніе которыхъ безусловно необходимо архивисту. Между тѣмъ въ составъ членовъ архивныхъ комиссій иногда избираются люди съ образованіемъ даже ниже средняго; большинство членовъ—люди средняго образованія; рѣдко встрѣчаются члены съ высшимъ образованіемъ, а

рѣже съ историческимъ. Такъ, случайно устроеннымъ комиссіямъ поручается дѣло высокой важности, которое ведется ими на личный страхъ и совѣсть.

Печальное состояніе архивныхъ комиссій, ихъ недостроенность, и отсутствіе матеріальныхъ средствъ давно сознавались. Почти на каждомъ археологическомъ съѣздѣ, въ особенности на послѣднихъ, Рижскомъ и Кіевскомъ, докладывалось о нуждахъ комиссій, и принимались мѣры къ устраненію этихъ нуждъ. Предъ послѣднимъ XI-мъ Кіевскимъ съѣздомъ управляющій архивомъ Министерства Юстиціи, проф. Д. Я. Самоквасовъ, по высочайшему повелѣнію, въ Генварѣ и Февраля 1899 г., предпринималъ путешествіе въ З. Европу для осмотра государственныхъ архивовъ З. Европейскихъ странъ и ознакомленія съ узаконеніями по современному состоянію этихъ архивовъ. Плодомъ этой командировки явилась книга, заглавіе которой означено выше. Въ ней проф. Самоквасовъ прежде всего означаетъ проекты архивныхъ реформъ въ Россіи 1873 и 1892 годахъ, по разнымъ обстоятельствамъ доселѣ неосуществившіеся. Состоя горячимъ сторонникомъ централизаціи архивныхъ матеріаловъ и архивнаго управленія въ Россіи, профессоръ въ Генварѣ 1899 г. предлагалъ въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ учрежденіи центральнаго органа управленія архивами государственныхъ и общественныхъ учрежденій Русской имперіи, которому были бы подчинены областные—въ центральныхъ городахъ учебныхъ округовъ—и губернскіе мѣстные архивы, снабдивъ ихъ надлежащими помѣщеніями и штатами, и соединивъ съ проектируемыми губернскими архивами мѣстныя ученыя архивныя комиссіи. При этомъ г. Самоквасовъ настаивалъ на необходимости сдѣлать губернскіе архивы древнихъ и новыхъ актовъ правительственными учрежденіями, „организація и дѣятельность которыхъ, подобно центральнымъ архивамъ государствъ З. Европы, опредѣлялась бы законами и инструкціями, выработанными центральнымъ архивнымъ управленіемъ и утвержденными законодательною властію“; что́ же касается архивныхъ комиссій, то „дѣятельность ихъ по отношенію къ архивнымъ государственнымъ матеріаламъ должна быть подчинена, какъ въ другихъ государствахъ, строгому контролю правительственной администраціи государственныхъ архивовъ.“ Текущую дѣятельность архивныхъ комиссій по уничтоженію документовъ профессоръ считаетъ противозаконной. „Мы не сомнѣваемся, говоритъ онъ, въ энергіи и наилучшихъ стремленіяхъ г.г. членовъ нынѣ существующихъ губернскихъ архивныхъ комиссій; но мы не сомнѣваемся также, что ихъ дѣятельность не всегда законна и цѣлесообразна; именно, по отношенію къ архивамъ государственныхъ учрежденій она кажется намъ противозаконной. Высочайше учрежденная архивная комиссія 1873 г., состоявшая изъ 28 ученыхъ и представителей министерствъ, единогласно высказалась противъ уничтоженія какихъ бы то ни было актовъ дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій *по описямъ*, составляемымъ служащими въ этихъ учрежденіяхъ. Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ 13 Апрѣля 1884 г. воз-

ложило на обязанности ученой губернской комиссіи *разборъ дѣлъ и документовъ*, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, *для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые*, по представляемому интересу въ научномъ отношеніи, *подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ* (§ 5). Архивное законодательство Западной Европы нашего времени строго воспрещаетъ всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ уничтожать акты дѣлопроизводства, *безъ участія въ ихъ разборѣ* образованныхъ архивистовъ, *служащихъ въ государственныхъ архивахъ, и безъ представленія* составленной этими чиновниками описи документовъ, проектируемыхъ къ уничтоженію, *на усмотрѣніе главнаго архивнаго управленія*. Наши губернскія архивныя комиссіи, не имѣющія никакихъ инструкцій и правилъ для уничтоженія документовъ, утвержденныхъ законодателемъ, уничтожаютъ множество актовъ дѣлопроизводства государственныхъ учрежденій безъ разбора дѣлъ, *по описямъ*, составляемымъ канцеляристами дѣйствующихъ учрежденій. Это *уничтоженіе документальнаго государственнаго имущества по описямъ*, какъ это видно изъ тѣхъ же отчетовъ губернскихъ архивныхъ комиссій, *поручается дѣлопроизводителямъ и членамъ* комиссій, *не имѣющимъ* не только спеціальной архивной подготовки, но даже *высшаго образованія* *). Правительственныя дѣйствующія учрежденія пользуются практикою губернскихъ архивныхъ комиссій, чтобы очистить свои помѣщенія отъ древнихъ и новыхъ актовъ дѣлопроизводства, высылаютъ имъ описи своихъ архивовъ, часто хранящихъ древніе акты упраздненныхъ учрежденій и, получивъ эти описи обратно, съ отмѣтками немногихъ дѣлъ, подлежащихъ храненію, считаютъ своимъ правомъ уничтожать свои архивы посредствомъ продажи на бумажныя фабрики, на макулатуру. Что до сихъ поръ хранилось подъ опасеніемъ отвѣтственности за растрату, то, теперь, подъ прикрытіемъ губернскихъ архивныхъ комиссій, смѣло черкающихъ описи архивовъ всѣхъ губерній, уничтожается безъ всякаго страха отвѣтственности, якобы по высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ отъ 13 Апрѣля 1884 г.

„Нынѣ существующія губернскія архивныя комиссіи, лишенныя средствъ, помѣщеній, руководителя и контроля, по нашему убѣжденію, нельзя признать цѣлесообразнымъ средствомъ упорядоченія архивовъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Наши ученыя губернскія архивныя комиссіи сами нуждаются въ компетентномъ руководителѣ и контролерѣ“ (стр. 27—29).

Нельзя не согласиться съ этими мыслями г. профессора относительно современнаго устройства архивныхъ комиссій. Даже при предположеніи, что въ разборѣ старыхъ дѣлъ архивныхъ комиссій принимаютъ участіе люди свѣдующіе, безупречные, одушевленные любовію къ дѣлу, съ похвальною ревностію относящіеся къ сохраненію каждой исторической строчки документа, всегда останется мѣсто убѣжденію, что въ дѣятельности комиссій существуютъ случайность и произволъ, зависящіе отъ личныхъ взглядовъ и настроеній. Но

*) Курсивъ въ текстѣ книги.

кто далѣе можетъ поручиться за то, что въ составѣ комиссій не найдется лицъ, преслѣдующихъ цѣли, ничего общаго съ наукою не имѣющія? При безотвѣтственности комиссій, чѣмъ обезпечено документальное богатство правительственныхъ и общественныхъ учрежденій Россіи? Справедливо возражаетъ проф. Самоквасовъ сторонникамъ децентрализаціи архивнаго дѣла въ Россіи, отстаивающимъ болѣе или менѣе сомостоятельное бытіе архивныхъ комиссій, что „упорядоченіе старыхъ дѣлъ правительственныхъ учрежденій въ Россіи, какъ дѣло государственное, должно всецѣло принадлежать государственнымъ органамъ власти, какъ это принято въ З. Европейскихъ государствахъ, а не частнымъ учрежденіямъ, какими въ существѣ дѣла являются современныя архивныя комиссіи, нуждающіяся въ контролѣ и руководствѣ" (стр. 16—22). И конечно, нѣтъ надобности отстаивать независимое существованіе и современное устройство комиссій изъ за условія плодотворной работы только нѣкоторыхъ тружениковъ и любителей архивнаго дѣла, работа которыхъ можетъ получить только лучшее развитіе при нормальномъ устройствѣ этого дѣла.

Въ противоположность неустроенности Русскихъ архивовъ, книга проф. Самоквасова представляетъ рядъ любопытныхъ свѣдѣній относительно прошлаго и современнаго состоянія архивнаго дѣла въ государствахъ: Франціи, Бельгіи, Италіи и отчасти Германіи. При свѣтѣ сообщаемыхъ книгою данныхъ особенно ярко выступаютъ недостатки нашихъ архивныхъ комиссій.

Акты дѣлопроизводства государственныхъ учрежденій З. Европы хранятся а) въ канцеляріяхъ, б) регистратурахъ и в) въ архивахъ. Первыя хранятъ текущія дѣла; вторыя рѣшенныя, но необходимыя для справокъ по текущимъ дѣламъ; третьи—дѣла старыя, рѣдко или даже и совсѣмъ не требуемыя для справокъ по текущимъ дѣламъ, или дѣла упраздненнаго учрежденія. Государственными архивами въ Западной Европѣ называются хранилища старыхъ дѣлъ, въ которыя стекаются дѣла регистратуръ или упраздненныхъ учрежденій. Первоначально такихъ архивовъ было много, но мало-по-малу произошла централизація архивнаго управленія и архивныхъ матеріаловъ. Появилось общее центральное архивное управленіе, которое вѣдаетъ архивы на всемъ пространствѣ государства; архивы получили опредѣленный штатъ чиновниковъ, обладающихъ спеціальными знаніями, права и обязанности служащихъ опредѣлены были особыми законоположеніями и инструкціями; чиновники получили опредѣленное содержаніе; архивы сосредоточились въ особыхъ, спеціальныхъ помѣщеніяхъ. Въ общихъ чертахъ эта централизація архивнаго дѣла почти одинакова въ перечисленныхъ государствахъ за нѣкоторыми исключеніями.

Такъ, *общее управленіе* провинціальными архивами *во Франціи*, называемыхъ департаментскими, число которыхъ простирается до 87, сосредоточено въ рукахъ министра народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ и главнаго директора національныхъ архивовъ; *непосредственное* въ рукахъ префекта департамента, назначающаго департаментскихъ архивистовъ и имѣю-

щаго ближайшій контроль надъ ихъ дѣятельностію. Кромѣ префекта мѣстные архивы контролируются особыми, состоящими при министрѣ архивными инспекторами и верховнымъ архивнымъ совѣтомъ. Штатъ служащихъ въ департаментскихъ архивахъ различенъ: отъ 10 до 1. *Въ Бельгіи* центральное управленіе государственными архивами сосредоточено при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, а ближайшее поручено директору или главному архивисту королевскихъ архивовъ. Всѣхъ провинціальныхъ архивовъ въ Бельгіи 15-ть; изъ нихъ 8 хранятъ старыя дѣла (до времени 1-й Французской революціи) и 7 новыя. Сверхъ сего учрежденія могутъ имѣть свои регистратуры, которыя въ правѣ, если не имѣютъ своего архивиста, передавать свои дѣла на храненіе въ центральные архивы. Архивы старыхъ дѣлъ непосредственно подчинены главному архивисту столичнаго архива; новыхъ—начальнику провинціи или губернатору. Штатъ служащихъ въ первыхъ составляютъ: одинъ архивистъ-хранитель, одинъ помощникъ, одинъ архивный чиновникъ, одинъ служитель; во-вторыхъ—назначаемый губернаторомъ регистраторъ, или же архивистъ, завѣдующій архивомъ древнихъ актовъ. *Въ Италіи* государственные архивы подчинены министру внутреннихъ дѣлъ и состоящему при немъ архивному совѣту. Вся территорія королевства дѣлится на 10 архивныхъ провинціальныхъ округовъ съ 17 центральными государственными архивами, подраздѣленными на архивы перваго разряда, во главѣ которыхъ стоятъ директора, суперинтенденты, и подчиненные ихъ контрольной и дисциплинарной власти архивы второго разряда, непосредственно управляемые директорами. Штаты различны: отъ 28 до 3 человѣкъ. Служащіе дѣлятся на двѣ категоріи чиновниковъ: 1) архивисты и ихъ помощники, описывающіе, разбирающіе и изслѣдующіе дѣла, важныя въ научномъ отношеніи, 2) регистраторы и ихъ помощники, архивисты, выдающіе архивныя справки и копіи. *Въ Германіи* всѣхъ государственныхъ архивовъ 53; они спеціально отличаются отъ регистратуръ и хранятъ исключительно старыя дѣла, имѣющія научное значеніе. Состоящіе въ штатѣ особые чиновники-архивисты подлежатъ вѣдѣнію главнаго архивнаго управленія, какъ и въ другихъ государствахъ Европы.

Для занятія чиновническихъ должностей въ архивахъ Западной Европы требуется спеціальная подготовка. Во Франціи существуетъ архивный институтъ (L'école royale des chartes), выпускающій архивистовъ-палеографовъ, подготовленныхъ для дѣла упорядоченія, описанія и научной разработки архивныхъ матеріаловъ; они имѣютъ преимущественное право на занятіе должностей департаментскихъ архивистовъ. Въ Бельгіи, Италіи и Германіи наука архивовѣдѣнія съ ея прикладными: палеографіей, дипломатикой, сигиллографіей, археографіей—преподается съ университетской каѳедры, и лица, желающія занять должности архивистовъ, обязаны прослушать университетскій курсъ архивовѣдѣнія, а затѣмъ выдержать испытаніе. Въ Бельгіи, въ особой комиссіи, состоящей изъ 3—5 членовъ, экзаменующійся подвергается испытанію, какъ теоретическому, по политической исторіи среднихъ вѣковъ, новой политической исторіи, внутренней политической исторіи

Бельгіи, по учрежденіямъ среднихъ вѣковъ и новаго времени, такъ и практическому: палеографіи и дипломатикѣ со свѣдѣніями по хронологіи, сигиллографіи и геральдикѣ, средневѣковому Латинскому языку, старому Французскому или старому Фламандскому языку, новому Фламандскому и языку по выбору кандидатовъ, Нѣмецкому, Англійскому, Испанскому или Итальянскому. Кромѣ этого молодые люди, одновременно съ общими курсами университетскаго преподаванія, готовятся къ спеціальному экзамену для поступленія на архивную службу практически, занимаясь работами въ архивахъ въ качествѣ практикантовъ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ опытныхъ архивистовъ. Съ особеннымъ вниманіемъ законъ относится къ знаніямъ лицъ, поступающихъ на архивную службу въ Италіи. Здѣсь для спеціальной подготовки архивистовъ при главныхъ архивахъ суперинтендантствъ учреждены школы палеографіи и археографіи, съ двухлѣтнимъ курсомъ обученія. Эти курсы обязаны слушать прикомандированныя къ архиву лица; по окончаніи курсовъ производятся экзамены письменные и устные; успѣшно сдавшій экзаменъ получаетъ аттестатъ, дающій право слушать высшіе курсы палеографіи въ университетѣ. Чиновническія вакантныя должности въ архивахъ Италіи занимаютъ только прикомандированныя къ архивамъ лица; эта прикомандировка продолжается не болѣе двухъ лѣтъ; по окончаніи ея, прикомандированные обязаны выдержать письменный и устный экзаменъ, если не сдавали экзамена архивной школы. Насколько широка программа экзаменныхъ требованій, видно, напр., изъ того, что прикомандированные къ чиновникамъ первой категоріи обязаны письменно изложить на Итальянскомъ языкѣ какое либо историческое событіе, перевести на Латинскій какой либо отрывокъ изъ классической Итальянской литературы, а равно на Итальянскій отрывокъ изъ классической литературы Нѣмецкой, Французской или Испанской. Кромѣ этого прикомандированные подвергаются устному испытанію, которое производится изъ гражданской исторіи, исторіи литературы и исторіи искусства Италіи отъ паденія Римской имперіи до настоящаго времени; изъ права Римскаго, каноническаго, леннаго и муниципальнаго. Сверхъ этого экзаменующійся обязанъ знать главныя системы и основанія палеографіи и дипломатики различныхъ странъ Европы, особенно Италіи со времени паденія Римской имперіи и тѣхъ преимущественно областей, въ которыхъ находятся архивы, подвергающіе экзамену прикомандированныхъ. И только выдержавшій такой экзаменъ получаетъ штатную должность помощника архивиста, да и то низшаго класса. Для повышенія на должность архивиста, помощникъ, если не обнаружилъ особенныхъ заслугъ, долженъ подвергнуться новому испытанію. Оно состоитъ: письменное—въ перепискѣ, переводѣ на Итальянскій языкъ и дипломатической критикѣ Латинскаго документа до XIV в.; устное—въ знаніи Итальянскихъ древностей среднихъ вѣковъ вообще и въ частности въ знаніи (по отношенію къ области, гдѣ служитъ экзаменующійся чиновникъ) политическихъ учрежденій, политическаго, административнаго и церковнаго дѣленія территоріи, древнихъ законовъ и городскихъ статутовъ, исторіи гражданской, исторіи литературы и искусства, системы монетъ, вѣса и мѣры,

употребляемыхъ въ разныхъ Итальянскихъ провинціяхъ, происхожденія и современнаго состоянія архивовъ, архивныхъ законовъ и правилъ палеографіи и археографіи. Нужно замѣтить, что вакантныя должности помощника архивиста низшаго класса замѣщаются, въ случаѣ надобности, еще и по конкурсному экзамену, болѣе расширенному, чѣмъ обыкновенный. Въ такомъ случаѣ отъ экзаменующихся требуется знаніе какого нибудь восточнаго языка, если этого требуетъ содержаніе хранимыхъ въ архивѣ дѣлъ, и знаніе Востока или Византіи.

Обезпечивая, так. обр., архивное богатство отъ всякой случайности и произвола спеціалистами архивовѣдѣнія, государства З. Европы даютъ чиновникамъ архивистамъ въ провинціи и сравнительно приличное содержаніе. Во Франціи оно неопредѣленно; все зависитъ отъ большей или меньшей состоятельности департамента, генеральные совѣты котораго субсидируютъ архивы. Въ богатыхъ департаментахъ, какъ, напр., Сены, архивистъ получаетъ отъ 8 до 9 тысячъ франковъ въ годъ, но и въ самыхъ бѣднѣйшихъ онъ получаетъ отъ 2500 до 6000 франковъ. Въ Бельгіи содержаніе архивистовъ точно опредѣлено закономъ. Оно колеблется отъ 8000 франковъ до 1600, соотвѣтственно различнымъ степенямъ архивной службы. За особыя заслуги бываетъ и особое вознагражденіе. Въ Бельгіи даже служителя и разсыльные получаютъ 1200—1600 франковъ въ годъ.

Что должны исполнять архивисты въ государственныхъ архивахъ и *какъ,* опредѣляется особыми инструкціями архивной службы, болѣе или менѣе общими для всѣхъ государствъ З. Европы. Эти инструкціи опредѣляютъ время ежедневной службы (до 7 часовъ), мѣсто (въ помѣщеніи архива), кругъ занятій архивиста, взысканія за нерадивую службу (выговоръ, лишеніе жалованья на извѣстный срокъ, отставка), контроль надъ произведенными архивистомъ работами и т. д. Въ Италіи, напр. кромѣ общихъ ревизій работа архивиста контролируется такъ: каждый чиновникъ, подвѣдомственный директору, перваго числа каждаго биместра, отмѣчаетъ въ таблицѣ работы произведенныя имъ въ теченіе истекшихъ двухъ мѣсяцевъ, и эта таблица, засвидѣтельствованная директоромъ и суперъинтендентомъ, отправляется къ министру. Въ Бельгіи главный архивистъ представляетъ въ началѣ каждаго года департаменту внутреннихъ дѣлъ рапортъ о личномъ составѣ своей администраціи, въ которомъ онъ отмѣчаетъ чиновниковъ и низшихъ служащихъ, въ истекшемъ году отличившихся аккуратностію и усердіемъ. Правила строго опредѣляютъ и отношеніе чиновниковъ къ содержащимся въ архивѣ бумагамъ. Никто изъ чиновниковъ и низшихъ служащихъ архива подъ какимъ бы то ни было предлогомъ не можетъ уносить изъ архива документы. (Архивисты обязаны строго наблюдать и за лицами, допущенными къ занятіямъ въ архивахъ. Важныя въ какомъ либо отношеніи бумаги ни въ какомъ случаѣ не выдаются изъ архива; менѣе важныя выдаются, но только, какъ, напр., въ Бельгіи, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ).

Не менѣе точно и подробно законодательство Европейскихъ странъ опредѣляетъ составъ государственныхъ архивовъ, предметы, подлежащіе хра-

ненію и уничтоженію, планы, классификаціи старыхъ дѣлъ и условія публичности, обнародованія государственныхъ бумагъ. Съ какою заботливостію формируются провинціальные государственные архивы въ З. Европѣ, видно, между прочимъ, на примѣрѣ Франціи, хотя она, по мнѣнію проф. Самоквасова, и не можетъ „служить образцомъ для государства, приступающаго къ реформѣ своихъ мѣстныхъ архивовъ, по недостаточности централизаціи архивныхъ учрежденій". Во Франціи въ составъ содержанія каждаго департаментскаго архива входятъ архивы старыхъ провинціальныхъ учрежденій до 1790 г. и новыхъ—дѣлопроизводства дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ департаментскихъ учрежденій. Тѣ и другія образуютъ два отдѣла, изъ коихъ каждый въ свою очередь подраздѣляется на серіи, означаемыя Латинскими буквами, фонды и подфонды. Серія обнимаетъ опредѣленную общую категорію документовъ; напр., серія, означаемая Латинскою буквою T, *образованіе* (начальное, среднее, высшее, свободное преподаваніе, профессіональныя и спеціальныя училища, библіотеки, ученыя общества, древности, музеи, театры, типографіи и книжное дѣло); Латинскою буквою R—*военное дѣло* (организація и пополненіе арміи, ремонты, обозъ и продовольствіе, жандармскія, національная гвардія и пожарные) и пр. Фондомъ называется группа архивныхъ документовъ, принадлежащая одному какому-либо учрежденію или корпораціи, фамиліи, лицу, предмету, напр., волости. Частнымъ фондомъ называется группа бумагъ, составляющихъ, напр., архивъ селенія. Законъ точно опредѣляетъ, въ какомъ порядкѣ раздѣленныя такимъ образомъ дѣла хранить (алфавитномъ, типографическомъ, хронологическомъ), въ какихъ переплетахъ, какъ связывать, по какой общей формѣ описывать, составлять инвентари, печатать. Въ Русскихъ архивныхъ комиссіяхъ это дѣло упорядоченія древнихъ актовъ, ихъ разбора, классификаціи, описанія и изданія описей, не имѣетъ опредѣленнаго *единаго* плана, за исключеніемъ слишкомъ общаго, рекомендованнаго Н. В. Калачовымъ (Труды 1 Археол. Съѣзда стр. 211 и слѣд.); одно время были даже возраженія противъ необходимости единой разработанной инструкціи для одинаковыхъ работъ комиссіи (Москов. Вѣдомости 1887 г. № 359. А. Востоковъ. „Наши архивныя комиссіи"). Во Франціи же эти работы департаментскихъ архивистовъ еще въ концѣ прошлаго вѣка (Конвентъ) были приведены въ связь съ главнымъ національнымъ архивомъ, хранимы по сходнымъ методамъ и подлежали одинаковому разбору. Позднѣйшими министерскими циркулярами точно и подробно опредѣленъ былъ общій планъ классификаціи для департаментскихъ архивовъ, правила разбора и уничтоженія архивныхъ актовъ. Этотъ планъ исчисляетъ всѣ документы, охватывающіе собою жизнь области въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Особенно внушительны министерскія разъясненія по части уничтоженія архивныхъ документовъ, въ основаніяхъ принятыя и въ другихъ государствахъ З. Европы. Въ силу этихъ разъясненій невозможно уничтожить ни одного документа безъ согласія главнаго директора архивнаго управленія и даже министра. Самый поздній циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 1887 г. 12 Августа, выработанный путемъ сношеній со

всѣми министрами и мѣстными правителями, разсмотрѣнный и принятый верховнымъ архивнымъ совѣтомъ, опредѣляетъ „документы сохраняемые" и подробно документы, „подлежащіе уничтоженію".

Инструкція указываетъ, кто долженъ производить выдѣленіе бумагъ, предназначенныхъ къ уничтоженію: именно главный архивистъ, состоящій на службѣ въ центральномъ государственномъ архивѣ. Не имѣя права сами выдѣлять и уничтожать переданныя на храненіе законченныя дѣлопроизводства, регистратуры и архивы дѣйствующихъ учрежденій обязаны передавать эти дѣлопроизводства полностью въ центральные государственные архивы. Здѣсь архивистъ дѣлаетъ подготовительный разборъ бумагъ, производитъ опись документовъ, предназначаемыхъ къ продажѣ по истеченіи извѣстнаго срока и къ храненію; послѣднія означаются штемпелемъ. Инструкція замѣчаетъ: „Отнюдь не должно ежегодно производить уничтоженіе бумагъ архива; должно скорѣе откладывать его какъ можно далѣе. Въ сущности нѣтъ документовъ, которые не могли бы представить непредвидѣнный интересъ; съ другой стороны выручка отъ продажи бумагъ обыкновенно имѣетъ чрезвычайно малое значеніе въ общей сложности рессурсовъ департамента и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть мотивомъ этой продажи. Поэтому, если только помѣщеніе будетъ достаточнымъ для храненія всего архива, лучше не исключать никакой части его". Если бы случилось, что мѣстный архивъ нашелъ нужнымъ уничтожить документы, опредѣленіе которыхъ не вошло въ перечень министерской инструкціи, то объ этомъ префекты департаментовъ должны особо представлять мотивированное ходатайство министру, подкрѣпленное отзывами мѣстной комиссіи и генеральнаго совѣта. Даже бумаги вполнѣ излишнія или не составляющія необходимой части дѣлопроизводства, каковы препроводительныя бумаги, двойныя копіи, бѣлые листы, справки или записки, цѣликомъ внесенныя въ таблицы или регистры сохраняемые, могутъ быть уничтожаемы лишь послѣ представленія о семъ министру, безъ отзыва генеральнаго совѣта. Но это представленіе должно не предшествовать разбору документовъ, а являться его послѣдствіемъ. „Въ сборникѣ документовъ, замѣчаетъ инструкція, можно отдѣлять тѣ, которые слѣдуетъ сохранять, отъ подлежащихъ истребленію не иначе, какъ по тщательномъ пересмотрѣ ихъ одного за другимъ, дающимъ возможность опредѣлить путемъ сравненія ихъ относительныя цѣнность и значеніе". Препровождая опись ненужныхъ бумагъ, которыя окажутся въ какой-либо серіи или какомъ-либо фондѣ и продажу которыхъ желательно разрѣшить, префекты должны были пересылать министру и всю опись этой серіи или этого фонда. Словомъ, никакая продажа и никакое уничтоженіе бумагъ не можетъ состояться по инструкціи иначе, какъ по заявленію мѣстной комиссіи и въ силу разрѣшенія министра". Эта коммиссія образуется префектомъ; въ составъ ея входятъ, въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ, директоръ доменовъ, главный секретарь префектуры и архивистъ. Они составляютъ описи бумагъ, подлежащихъ уничтоженію по извѣстной, опредѣленной формѣ, каковая опись и препровождается въ двухъ экземплярахъ министру народнаго просвѣщенія. Въ описи указываются мотивы исключенія бумагъ. Относительно доку-

ментовъ, которые имѣютъ личный характеръ, снабженныхъ подписями должностныхъ лицъ или содержащихъ въ себѣ факты, свѣдѣніями о которыхъ должна обладать одна администрація, каковы старые паспорты, талоны паспортовъ осужденныхъ, разрѣшенія ношенія оружія, документы, касающіеся преступленій, памятныя записки о судебныхъ пошлинахъ, отпускные билеты, свидѣтельства, выписки о личномъ и семейномъ положеніи и под.,— инструкція замѣчаетъ, что эти документы могутъ быть продаваемы только подъ условіемъ истребленія ихъ посредствомъ изодранія въ клочки на глазахъ делегата администраціи. „Въ случаѣ, если изодраніе будетъ невозможно, слѣдуетъ производить превращеніе въ пепелъ". Что до документовъ I отдѣла департаментскихъ архивовъ, т.-е. имѣющихъ давность за 1790 г., то для уничтоженія таковыхъ, встрѣчающихся въ видѣ исключенія, требуется, сверхъ всего вышеизложеннаго, еще заключеніе главнаго состоящаго при министрѣ инспектора архивовъ, который осматриваетъ эти документы на мѣстѣ. Не менѣе строго относится законодательство къ уничтоженію архивныхъ документовъ и въ другихъ государствахъ Западной Европы.

Не всякимъ документомъ, хранящимся въ архивѣ, можно воспользоваться. Западно-европейское архивное законодательство строго опредѣляетъ условія обнародованія актовъ: времени, съ котораго документъ можетъ поступить въ пользованіе публики; лицъ, имѣющихъ право разрѣшить пользованіе, и мѣста, назначаемаго для чтенія. Во Франціи „документы, не старѣе пятидесяти лѣтъ, сданные въ національный архивъ центральными учрежденіями, могутъ быть сообщаемы публикѣ только съ разрѣшенія министровъ, которые ихъ сдали... Конфиденціальные документы старѣе пятидесяти лѣтъ, касающіеся личности и роли общественныхъ дѣятелей, хранятся въ секретѣ до ихъ кончины. Бумаги существующихъ фамилій, имѣющія только частный интересъ, могутъ быть сообщаемы только съ разрѣшенія этихъ фамилій". Разрѣшеніе пользованія ими даетъ главный хранитель архива; онъ же установляетъ порядокъ и контроль надъ занятіями въ залахъ архива, открытыхъ для публики. Въ Италіи „архивные документы доступны для публики, за исключеніемъ дѣлъ секретныхъ, конфиденціальныхъ и заключающихъ свѣдѣнія о жизни чиновниковъ и другихъ опредѣленныхъ лицъ". Дѣла внѣшней политики и дѣла общаго управленія государствъ, изъ которыхъ составилось Итальянское королевство, доступны частному изученію по 1815 годъ. Уголовныя дѣла доступны публикѣ спустя 70 лѣтъ послѣ ихъ окончательнаго рѣшенія. Дѣла административныя доступны публикѣ по истеченіи 30 лѣтъ со времени составленія послѣдняго акта, закончившаго дѣлопроизводство по данному предмету. И только съ разрѣшенія министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ недоступнымъ дѣламъ можетъ быть дана гласность въ области компетенціи каждаго изъ этихъ министровъ. Изъ помѣщенія государственныхъ архивовъ Италіи „дѣла могутъ быть выдаваемы только въ виду необходимости, обусловленной общественною службой".

Болѣе или менѣе одинаковымъ образомъ архивное законодательство опредѣляетъ условія публичности государственныхъ архивовъ и въ другихъ государствахъ З. Европы, тогда какъ въ Русскихъ архивныхъ комиссіяхъ

это дѣло не обставлено никакими инструкціями, вслѣдствіе чего предоставляется почти полная возможность пользованія всякимъ документомъ и всякому лицу, желающему заниматься въ такъ называемыхъ губернскихъ и историческихъ архивахъ, хотя, быть можетъ, и съ разрѣшенія подлежащихъ хранителей архивовъ. Составленныя изъ разнородныхъ элементовъ и пользующіяся обширнѣйшими правами, наши архивныя комиссіи распоряжаются государственнымъ достояніемъ и дѣйствуютъ не менѣе полномочно, чѣмъ министры З. Европейскихъ странъ.

Подробныя свѣдѣнія сообщаетъ книга профессора Самоквасова и о помѣщеніяхъ государственныхъ архивовъ въ З. Европѣ. Не вездѣ эти помѣщенія одинаковы. Въ тѣхъ странахъ, каковы, напр., Бельгія и Италія, гдѣ произошла полная централизація архивныхъ матеріаловъ и управленія государства, позаботились объ устройствѣ приспособленныхъ для храненія архивныхъ дѣлъ зданій, болѣе или менѣе совершенныхъ, отвѣчающихъ требованіямъ науки и практики архивовѣдѣнія; въ другихъ, какъ, напр., во Франціи, гдѣ архивы регистратуръ содержатся доселѣ на средства генеральныхъ совѣтовъ, помѣщенія архивовъ обусловливаются богатствомъ департамента. Тѣмъ не менѣе всюду, гдѣ сознано великое общественное значеніе архивной службы, зданія прекрасны, отличаются высокими, сухими, свѣтлыми комнатами, безопасными въ пожарномъ отношеніи. Отдѣльные яруса зданій раздѣляются ажурными желѣзными полами, на желѣзныхъ рельсахъ. По срединѣ каждаго изъ ярусовъ находятся проходы, по бокамъ которыхъ располагаются параллельные ряды шкафовъ съ подвижными полками. Окна зданій проливаютъ умѣренный свѣтъ и особымъ образомъ защищаютъ документы отъ выцвѣтанія. Въ концѣ книги Самоквасова приложенъ планъ зданія провинціальнаго архива, составленный докторомъ Бухгардтомъ, управляющимъ Веймарскимъ государственнымъ архивомъ. Зданіе находится недалеко отъ герцогскаго дворца, на окраинѣ густолиственнаго парка, и въ смыслѣ приспособленія для храненія документовъ представляетъ въ своемъ устройствѣ послѣднее слово научнаго опыта.

Архивы правительственныхъ и общественныхъ учрежденій составляютъ достояніе государства, и завѣдываніе ими есть дѣло государственное; поэтому необходимо и будущую реформу архивнаго управленія въ Россіи совершить въ направленіи государственномъ. Такъ, желательно было бы и въ Россіи, какъ на Западѣ, въ основу архивной реформы положить начала централизаціи архивнаго управленія и матеріаловъ; но соотвѣтственно ходу исторической жизни Россіи распредѣленіе матеріаловъ въ Русскихъ архивахъ получилось бы иное, чѣмъ на Западѣ. Именно, очень удобно было бы дѣла до-Екатерининскаго времени, точнѣе, до времени учрежденія губерній (1775 г.), сосредоточить въ особо устроенныхъ центральныхъ архивахъ, а позднѣйшія въ губернскихъ, такъ какъ только съ этого времени стала развиваться новѣйшая историческая жизнь областныхъ учрежденій. Главное затрудненіе въ проведеніи предполагаемой реформы, конечно, будетъ состоять не въ указаніи мѣръ, какъ поставить архивное дѣло, но въ отсутствіи необходимыхъ денежныхъ средствъ; естественно желать проведенія реформы безъ особеннаго

обремененія государственнаго бюджета. Но часть суммъ, которая теперь расходуется на содержаніе помѣщенія, иногда отопленіе и завѣдываніе архивами всевозможныхъ губернскихъ канцелярій, переполненныхъ бумагами стараго дѣлопроизводства, могла бы быть министерствами отчислена отъ своихъ смѣтъ на нужды спеціальнаго архивнаго управленія. Къ участію въ расходахъ на это управленіе могли бы быть привлечены земства и городскія думы, какъ плательщики чиновникамъ архивныхъ учрежденій за трудъ разбора земскихъ и городскихъ архивовъ. Далѣе на нужды архивовъ могла бы быть отчисляема часть доходовъ губернскихъ типографій. Не смотря на все это, безъ затратъ, и на первыхъ порахъ болѣе или менѣе значительныхъ, трудно будетъ, конечно, осуществить предпріятіе государственной важности и значенія.

Если бы предпологаемая реформа архивнаго управленія осуществилась, то этимъ опредѣлилось бы и то, въ какое отношеніе должны были бы стать къ новымъ архивнымъ органамъ существующія губернскія архивныя комиссіи. Въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ представляютъ собою вольныя, свободныя дружины работниковъ, болѣе или менѣе образованныхъ, болѣе или менѣе трудящихся, широко и свободно разбирающихъ, уничтожающихъ и изслѣдующихъ документы отжившаго дѣлопроизводства. При новомъ устройствѣ архивовъ, комиссіи сохранили бы за собою значеніе мѣстныхъ ученыхъ обществъ, *изслѣдующихъ* мѣстную старину, съ тѣмъ характеромъ, съ какимъ и вообще организуются, существуютъ и ведутъ свое дѣло всякаго рода ученыя общества. Но прежде чѣмъ осуществились бы предполагаемыя мѣропріятія, желательно было бы произвести и нѣкоторыя измѣненія въ существующемъ устройствѣ архивныхъ комиссій. И прежде всего, въ виду недостатка мѣстныхъ губернскихъ средствъ и спеціалистовъ архивовѣдѣнія, было бы естественно не спѣшить открытіемъ новыхъ комиссій. Пусть лучше дѣла канцелярій сохраняются до времени общей архивной реформы на своихъ мѣстахъ такъ или иначе. По крайней мѣрѣ открытіе новыхъ комиссій слѣдовало бы производить въ томъ лишь случаѣ, когда нормальное существованіе такихъ комиссій обезпечивается денежными средствами и въ числѣ членовъ учредителей комиссіи будетъ не менѣе одной трети лицъ съ историческимъ образованіемъ или заявившихъ себя историко-археологическими работами.

Что-же касается существующихъ архивныхъ комиссій, то

1) Настоятельная нужда требуетъ, первѣе всего, снабдить ихъ денежными средствами, хотя незначительными, дабы на эти средства тѣ комиссіи, которыя не имѣютъ помѣщеній, могли нанять сносное зданіе для храненія отобранныхъ документовъ, а всѣ вообще—вести архивное дѣло.

2) Освободить комиссіи отъ почтовыхъ расходовъ. Комиссіи исполняютъ дѣло казенное, и естественно имъ пользоваться казенною пересылкою. Это расширить кругъ пересылки старыхъ дѣлъ изъ уѣздныхъ учрежденій въ интересахъ подлиннаго знакомства съ дѣлами, а не по описямъ.

3) На этихъ же основаніяхъ, т.-е. въ виду того, что комиссіи ведутъ казенное дѣло, предоставить имъ право безвозмезднаго печатанія въ губернскихъ типографіяхъ всякого рода бланокъ, описей, каталожныхъ книгъ и вообще „Трудовъ“ комиссій.

4) „Положеніе“ отъ 13 Апрѣля 1884 года слѣдовало бы пополнить новыми правилами относительно а) *состава комиссій*. По „положенію“ въ комиссіяхъ опредѣлены только три должностныхъ лица: предсѣдатель, его помощникъ (и то не всегда) и дѣлопроизводитель. Между тѣмъ широкій кругъ занятій комиссій указываетъ на необходимость учрежденія и другихъ должностей: завѣдующаго архивомъ, библіотекаря, казначея и т. под. Далѣе, такъ какъ комиссіи разбираютъ дѣла губернскихъ учрежденій, то слѣдовало бы въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ комиссій ввести въ ихъ составъ начальниковъ отдѣльныхъ учрежденій губерніи, или отъ нихъ имѣть представителей. Относительно всѣхъ вообще членовъ комиссій слѣдовало бы опредѣлить образовательный цензъ лицъ, имѣющихъ право баллотироваться какъ въ члены комиссій, такъ и на должности предсѣдателя, дѣлопроизводителя и др. Кромѣ этого „положеніе“ желательно было бы дополнить постановленіями, болѣе точно и подробно опредѣляющими а) *кругъ работъ комиссій* и б) сферу *ихъ компетенціи*, какъ въ дѣлахъ археологическаго характера, такъ и архивнаго. Въ первомъ отношеніи слѣдовало бы опредѣлить, кто и какъ долженъ производить раскопки, изслѣдованія и описанія памятниковъ археологическихъ; самыя раскопки кургановъ, городищъ и т. д. нужно бы производить подъ наблюденіемъ особыхъ спеціальныхъ археологовъ, присылаемыхъ отъ Археологическаго Общества, если бы таковыхъ не нашлось въ составѣ членовъ мѣстной комиссіи. Во второмъ—слѣдовало бы дать въ руководство комиссіямъ точную инструкцію по части классификаціи хранимаго матеріала въ историческихъ губернскихъ архивахъ и уничтоженія ненужныхъ бумагъ. Во исполненіе постановленія высочайше утвержденной Архивной Комиссіи отъ 1873 г., высказавшейся противъ уничтоженія актовъ дѣлопроизводства по описямъ, запретить производить такое уничтоженіе.

5) Помимо учрежденія мѣстнаго контроля, хотя бы въ формѣ ревизіоннаго комитета, слѣдовало бы для обозрѣнія на мѣстахъ результатовъ дѣятельности комиссій учредить особую должность инспектора архивовъ, какъ это сдѣлано во Франціи. Если бы почему-либо невозможно было учредить такую должность, то слѣдовало бы поручать такое обозрѣніе, время отъ времени, особо назначаемымъ правительствомъ лицамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ мѣръ уже и осуществляются; но для упорядоченія строя и дѣятельности комиссій нужно бы мѣстныя распоряженія сдѣлать общими и болѣе устойчивыми, путемъ закона. Опасаться того, что излишняя регламентація стѣснитъ свободную дѣятельность безвозмездныхъ тружениковъ комиссій и тѣмъ ее ослабитъ, нѣтъ основаній: порядокъ—душа каждаго дѣла, а отвѣтственности не боятся настоящіе труженики науки; притомъ и самая эта отвѣтственность вытекаетъ изъ необходимости охраны государственнаго достоянія. Словомъ, настоящее положеніе архивныхъ комиссій нуждается въ преобразованіи, какъ вообще все архивное дѣло въ Россіи, въ интересахъ развитія исторической науки и связаннаго съ нимъ народнаго самосознанія.

С. Кедровъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1817—1818 годы *).

Можайскъ, Середа, 10 часовъ вечера.

On dirait ici, à tous les récits que j'entends, que la bataille de Borodino a eu lieu hier. On fait encore peur aux enfants en leur disant: Чу, Французы палятъ! J'ai trouvé ici un portrait soi-disant de Ney, dessiné en crayon rouge avec ce quatrain que je copie.

Можайскимъ княземъ возвеличенъ
Французскій маршалъ Ней;
Можайскъ и былъ всегда отличенъ
Породою свиней.

Pas si bête!

Je suis fâché qu'il fasse tard: je ne verrai pas le champ de bataille de Borodino. Ce sera pour mon retour. Une chose me fait rougir sans cesse: c'est le titre d'excellence qu'on prodigue à mon crachat. On ne veut pas admettre mes raisons, ni se donner la peine de mieux lire mon passeport. J'ai beau dire que tout ce que reluit n'est pas or. Eh bien, soyons or, soyons excellence! J'ai bien été pendant 7 ans excellence en Italie.

*

Смоленскъ, Суббота, ввечеру.

Здѣсь весь генералитетъ въ отсутствіи: поѣхали всѣ въ Вязьму, гдѣ играется свадьба Пашкевича генерала. Онъ женится на Грибоѣдовой. Дворянство здѣшнее хотѣло сподличать, просило у графа Аракчеева позволенія поставить его портретъ въ дворянскомъ собраніи, и

*) См. 2-ую книгу „Русскаго Архива", стр. 451. Въ началѣ 1816 года, младшій Булгаковъ возвратился, наконецъ, въ Москву, къ молодой супругѣ своей и старшему брату. Императоръ Александръ Павловичъ цѣнилъ его служебныя дарованія и трудолюбіе: тесть его (бывшій Валашскій *вестіаръ*) пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ему самому дана пенсія въ 6 т. червонныхъ. Государь двоекратно выражалъ желаніе опредѣлить его посланникомъ въ Данію; но Константинъ Яковлевичъ вмѣсто должности дипломатической испросилъ себѣ Московское почтдиректорство. Такимъ образомъ, братья Булгаковы зажили въ Москвѣ и были почти неразлучны до 1819 года, когда младшій изъ нихъ переѣхалъ въ Петербургъ на туже должность. Старшій занялся хозяйственными дѣлами и управлялъ унаслѣдованными отъ отца ихъ имѣніями, въ Витебской губерніи, куда и ѣздилъ въ 1817 году. Ради этихъ же хозяйственныхъ дѣлъ, въ Августѣ 1818 года, проживалъ онъ въ Петербургѣ. П. Б.

требовали присылки похожаго изъ Петербурга. Сіятельный отвѣчаетъ: я желаю, чтобы изображеніе мое было въ сердцахъ Смоленскихъ жителей, а портрету моему непристойно быть тамъ, гдѣ одинъ государевъ висѣть можетъ.

*

Смоленскъ, 11 Сентября 1817.

Дорога преславная, я не видывалъ подобной никогда. Я думаю десяти ухабовъ не было до Смоленска. Время самое лѣтнее, даже жарко, ночью очень свѣтло отъ мѣсяца. Ѣду себѣ, то ѣмъ, то курю, то Глухова дурачу; а его все рветъ, да рветъ, а какъ не рветъ, такъ вретъ чепуху. Увѣренъ, что «кабы не было этихъ аллей по Бѣлоруссіи, Бонапарте не нашелъ бы дороги въ Москву, потому что не у кого было спросить: мужики по-французски не разумѣютъ, да они же всѣ разбѣжались по лѣсамъ, точно они надѣлали всѣ эти несчастія. Вы съ прошлаго года изволили смѣяться надо мною, а ужъ это *безпремѣнно*, что онъ, шедши все по аллеямъ, дошелъ и до Москвы».

Костровъ очень обрадовался твоему письму и что будетъ служить подъ твоими глазами. Онъ здѣсь, кажется, всѣми любимъ; заключаю это по дружескимъ письмамъ къ нему отъ Паскевича, Писарева, кои здѣсь долго стояли. Здѣсь одинъ губернаторъ уцѣлѣлъ, почти всѣ смѣнены совѣтники; вице-губернаторъ также новый пріѣхалъ, какой-то полковникъ Темировъ, комендантъ и пр., все это новые. Я рѣшаюсь здѣсь провести вечеръ и ночевать, чтобы отдохнуть, въ Велицы мнѣ все равно пріѣхать, что́ до обѣда, что̀ послѣ: все въ тотъ же день не поѣду по деревнямъ; по крайней мѣрѣ, не такъ устану. Не могу нахвалиться не только Костровымъ, но пріемомъ всѣхъ вообще на станціяхъ. Передъ самой Вязьмою, въ Теплухѣ, смотритель новый, солдатъ, служившій въ послѣднюю Шведскую войну, разсказывалъ, какъ возлѣ него былъ убитъ князь Михаилъ Долгоруковъ; а лучшій его анекдотъ, хотя также живописный, это, какъ третьяго дня ген.-м. Панчулидзевъ хотѣлъ его привязать къ колесу за то, что не было лошадей. Лучше пилить сандалъ, чѣмъ быть смотрителемъ за 100 р. несчастныхъ, кои получаютъ. Нѣтъ имъ покою ни днемъ, ни ночью; ихъ же колотятъ. Онъ доказалъ, что ямщики его не слушаютъ, что изъ Вязьмы долго не возвращаются, т. е. часовъ по 10 и по 15. Ты съ нихъ шкуру дери, а я съ тебя, отвѣчалъ безпардонный генералъ. Я сказалъ ему, чтобы заявилъ почтмейстеру Вяземскому; онъ отвѣчалъ, что два раза жаловался Булатову, но что тотъ не входитъ въ это. Мнѣ кажется, дурно дѣлаетъ Булатовъ, что потакаетъ ямщикамъ. Ежели будетъ сюда какой-нибудь объѣздный, то не худо бы ему это разобрать; а бѣдный Горемыкинъ скорѣе рѣшится на колесованіе, нежели тебѣ жаловаться.

Нельзя описать радость, которую вездѣ производитъ отмѣненіе рекрутскаго набора. Я первый это возвѣстилъ на дорогѣ.

*

Велицы, Воскресенье, 10 час. веч.

Наконецъ, я на мѣстѣ! Отъ Смоленска дорога была очень дурна, выключая нѣкоторыя мѣста. Проклятые обозы, коихъ идетъ бездна отъ Смоленска въ Бѣлоруссію, перепортили всѣ дороги. Toute la ville dort déjà à cette heure. J'ai du m'arrêter chez une Juive dans une chambre assez sale, entouré de petits Жиденки qui ronflent. Je suis tenté d'en voler un pour remplir la commission de Sophie Pouchkine. J'ai perdu deux heures de temps à Порѣчье, où les grands dignitaires de la ville, c'est à dire, le городничій, le juge et votre expéditeur, sont venus en corps m'engager à une noce. C'était à crever de rire. La nouvelle mariée est fille de помощникъ de vorte expéditeur, et l'époux est officier de régiment de husards d'Irkoutsk, cantonné dans la ville. — Maintenant je vais me bourrer d'une demie-douzaine de tasses de thé avec roome, et puis je dormirai comme un laquais. Негодные Жидки такъ кричатъ, что мочи нѣтъ. Я на одного закричалъ и жизни не радъ: вдругъ ихъ съ дюжину завизжало во все горло, какъ будто рѣжутъ. Экое отродье!

*

Велицы, 13 Сентября 1817 г.

Я прибылъ сюда вчера, въ 6 часовъ вечера, благополучно. Поѣздка эта совершилась съ невѣроятною скоростію, ибо ежели вычесть 14 часовъ, кои я потерялъ, ночуя въ Смоленскѣ, то я пріѣхалъ изъ Москвы въ Велицы ровно въ 50 часовъ. Дорога и погода славныя, только пыль одолѣла. Сталъ я здѣсь у городничаго и бывшаго опекуна нашего Шестакова. Явился тотчасъ Ефимъ Петровъ, ожидавшій насъ уже два дня здѣсь. Былъ я въ банѣ, а тамъ легъ спать и качнулъ до 10 часовъ утра. Вставши, принимаюсь тотчасъ писать къ тебѣ, любезный братъ, ибо спѣшу тотчасъ въ ближайшую деревню, Хилино. Боюсь, чтобы время не испортилось, да заѣду также къ Богдановичу, гдѣ чинятся наши котлы винокуренные. Ефимъ говоритъ, что въ деревнѣ, слава Богу, все благополучно. Хлѣбъ ужъ весь убранъ. Жаль, что я не ранѣе сюда пріѣхалъ: имѣлъ бы счастіе, коимъ удостоился нашъ писарь въ Чуриловѣ, а именно, принять Государя, проѣзжавшаго нашею станціею. Домъ нашъ почтовый очень хорошъ, построенъ вновь, лошади славныя. Государь былъ очень веселъ и смѣялся фигурѣ засѣдателя Ясенскаго, который все забѣгивалъ и передъ Государемъ вытягивался. Въ Витебскѣ не было ничего, только герцогинѣ Виртембергской дана аренда. Очень близко отъ насъ, въ Суражѣ,

мужикъ подалъ Государю просьбу на тиранства своего помѣщика. Велѣно это разсмотрѣть. Въ Могилевѣ Императоръ изволилъ стоять у губернатора, графа Толстаго, коему пожалована табакерка. Впрочемъ, 30-го никакихъ милостей не было. Вотъ все, что̀ знаютъ здѣсь о проѣздѣ Императора. Слухъ носится, что Государь не прежде 16-го Октября будетъ въ Москву, а сказывалъ это Петръ Ивановичъ Миллеръ, нашъ сосѣдъ.

*

Городня, 15 Сентября 1817.

Сюда ѣхалъ веселъ, а пріѣхалъ на бѣду: въ Граблинѣ былъ третьяго дня пожаръ, ночью, и весь нашъ хлѣбъ въ пяти амбарахъ сгорѣлъ. Это большой ударъ нашему хозяйству; убытку будетъ, конечно, тысячъ на 20. Не повѣришь, какъ это меня сразило. Бѣдный Ефимъ все плачетъ. Строеніе славное, его трудами поставлено, ржи одной было до 700 четвертей, кромѣ овса, соломы и прочаго хлѣба. Я уже просилъ судъ нарядить слѣдствіе, но что̀ пользы? Что̀ сгорѣло, не воротишь. Не доищешься причины. Не хочу вѣрить, чтобы подожгли (это мнѣніе Алексіанова); скорѣе, отъ проклятыхъ трубокъ, кои курятъ солдаты; тутъ же не подалеку была ярмарка, изъ которой всѣ воротились пьяные. Здѣсь на перевозѣ у Алексіанова одинъ пьяный солдатъ даже и утонулъ. Всѣ мнѣ говорятъ, что почти всякій годъ бываютъ отъ трубокъ несчастія, а теперь такая засуха, что и земля сдѣлалась какъ порохъ. Прошлаго года у сосѣда Богдановича также отъ трубки загорѣлись всѣ хлѣбные амбары. Чѣмъ кормить скотъ безъ соломы? Чѣмъ гнать вино безъ хлѣба? Бѣда! Завтра ѣду въ Граблино все лично освидѣтельствовать. Ефимъ, чѣмъ бы меня утѣшить, болѣе только огорчаетъ, говоритъ: ежели бы я не былъ въ отлучкѣ, можетъ быть и бѣды бы не было. Да какъ знать это? Дѣло бабъ и дѣтей плакать; надобно какъ-нибудь помочь этому. Нечего дѣлать, надобно мужикамъ раздѣлить грѣхъ пополамъ. Солому возьму съ нихъ, обложа всякое тягло, а остающееся отъ того года вино, т. е. деньги, кои за него выручатся, употреблю на покупку сколько можно хлѣба; ибо ежели станутъ винокурни, то прощай и доходы наши. Мнѣ должно здѣсь остаться долѣе, нежели я думалъ. Покуда все не учредится, отсюда не уѣду. Не могу тебѣ еще назначить времени, не побывавъ въ Граблинѣ. Здѣсь накопилось до 1000 р., да въ Чуриловѣ и Хилинѣ столько же. Тотчасъ надобно приняться за строеніе. Безъ имѣнія худо, а и съ имѣніями вотъ какія бываютъ бѣды. Здѣсь нашелъ я все очень исправно и войту опредѣлилъ жалованье 60 р. Домъ приходитъ къ окончанію и очень хорошъ, видъ прекрасный. Обѣдалъ у нашего священника. Все хорошо, но только и я и всѣ повѣсивши

носы. Мѣсяца два надобно забыть о доходахъ, а меня человѣка три ждутъ съ деньгами.

*

Село Велицы, 18 Сентября 1817.

Отчего загорѣлось, никакъ добраться не могъ; была ночь, всѣ спали, даже караульные, которыхъ я велѣлъ высѣчь въ присутствіи цѣлой деревни. Мѣры взяты, чтобы впредь избавиться отъ подобныхъ бѣдъ; но эта потеря невозвратная. За строеніемъ дѣло не станетъ: лѣсъ и люди есть, тотчасъ примутся работать. Я объявилъ мужикамъ, что они должны нести часть убытку. Сдѣлалъ раскладку, и съ нихъ со всѣхъ возьму солому для прокормленія скотины зимой; а ужъ рожь, нечего дѣлать, надобно будетъ купить гдѣ-нибудь подешевле, ибо здѣсь она по 18 р. четверть. Остающееся отъ прошлаго года вино опредѣлилъ я на эту покупку, также старыхъ коровъ велѣлъ продать, хоть и дешево; съ Жидовъ корчмарей получилъ тысячъ до 4. Этими ресурсами исправилъ несчастіе, но за то мѣсяца два не получимъ доходовъ.

Надобно сказать спасибо Ефиму: все найдено чисто, въ величайшемъ устройствѣ. Писарямъ далъ по 100 р. единовременно для ободренія ихъ. Войтамъ, коихъ должность очень обширна, опредѣлилъ я по 60 р. жалованья въ годъ, а ключникамъ, у которыхъ ключи отъ всего, по 25 р. Всѣ очень довольны. Безъ этого несчастнаго пожара и я бы очень былъ доволенъ. Какъ быть? Городнянскій домъ очень хорошъ, теперь кладутъ печи. Завтра опять туда ѣду съ здѣшнимъ архитекторомъ, чтобы сдѣлать при себѣ родъ крылечка въ среднемъ дому на бельведерѣ на верху. То хорошо, что все домашнее. Домъ тотъ въ Москвѣ стоилъ бы 25000, а здѣсь и трехъ не стоитъ: плотники, столяры, слесаря, конопатчики, кузнецы, печники—все свои и очень хорошіе. Кирпичи у насъ славно жгутся, надѣлано ихъ до 50.000. Станемъ подводить фундаментъ. Домъ обобъемъ тесомъ, а внутри обои или оштукатурить? Запасовъ домашнихъ послано въ Москву пропасть: сукно этотъ годъ и шире, и тоньше, годится и людямъ, и на полъ. Съ первымъ путемъ явится большой обозъ со всѣмъ этимъ, а, между прочимъ, и туша для Лукьяна Яковлева и Амплея.

*

Сельцо Граблино, 24 Сентября 1817.

Le sultan est à Constantinople! Il ne lui manque que son frère, la sultane et les petits poulets. Tous ces absents font qu'il s'ennuye, quoiqu'il ait continuellement de l'occupation. J'ai trouvé ici un ordre admirable, et le plus grand zèle dans les paysans, surtout ceux qui travaillent aux brasseries de vin; je n'ai pu m'empêcher de faire des cadeaux

en argent pour encourrager ces braves gens. La sueur leur coulait du front. Что помпы тяжелы?—Ничего, me répondaient ils, en souriant et redoublant les efforts: работали мы на чужихъ, а теперь для родныхъ пановъ легче працовать.

Je vous ai écrit de Mojaisk, de Gjatsk, de Smolensk et de Velizi. Dès le lendemain de mon arrivée, je partirai avec Efim pour mes terres. Je m'arrêtai chez l'ex-tuteur Alexianoff, qui est sur la route. Je l'ai trouvé malade des suites d'un complot de ses gens, qui un beau soir tous désertèrent de la maison, las de son mauvais traitement. Il m'a fait bien dîner et bien souper. Après avoir couché une nuit chez lui, nous avons continué le voyage à Хилино. J'ai visité la nouvelle brasserie, c'est un véritable joujou d'enfant et une propreté que je n'ai trouvé nulle part. Il y a beaucoup de bétail, et les greniers sont bien munis de blé, avoine etc. A Хилино seul nous avons 591 четверть de blé et 921 четверть d'avoine. Il n'y a que le bien de Перецъ qui sépare Хилино de Граблино; si nous pouvions acheter cela ou engager Чурилово au lieu de vendre cette terre, nous serions bien dans nos affaires, et nos revenus se doubleraient d'emblée; mais il paraît que Perez est parvenu à arrêter la vente de ses possessions ici съ молотка. Aujord'hui, levé de grand matin, j'ai voulu voir tout de commencement, c'est à dire comment la farine devient vin. C'est curieux, mais je vous avoue que je concois encore mal tout cela. Au reste, nous ne sommes encore qu'au commencement de l'opération, qui ne doit finir que ce soir tard; j'ai laissé tout en fermentation. Pendant que cela se fait, je suis venu ici vous écrire. Hier j'ai été ivre et puis malade, à force de goûter par-ci par-là le vin et les différents degrés de sa force; sans m'en appercevoir, je me suis grisé. Je me suis couché sans souper avec un mal de tête violent. Выспался, и все прошло. Сегодня дѣлалъ я шинкаря: продалъ Жиду до ста ведеръ вина. Въ городѣ есть бочекъ съ 30 вина, теперь большой будетъ расходъ, и выручится денегъ довольно. За то въ постъ мало сойдетъ. Мнѣ очень хочется умножить во всѣхъ частяхъ винокуреніе такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, продавать намъ 40.000 ведеръ. Людей прибавлять не надобно будетъ, а издержки разъ навсегда, котловъ, бочекъ и пр., не такъ важны. Посвятя тысячъ восемь на это, сдѣлаемъ мы себѣ престрашное приращеніе доходовъ; но къ этому приступить нельзя прежде будущаго года, и своего хлѣба не станетъ, надобно купить, и купить во-время, дешево. Нынѣшній урожай былъ плохъ, но все-таки лучше ожиданія. Мы имѣемъ намолоченнаго болѣе 2000 четвертей ржи, слишкомъ 100 четвертей пшеницы и 3600 четвертей овса. Гусарскій полкъ, къ несчастію, выступаетъ отсюда. Если сдѣланы контракты и взяты задатки, мы выручили бы бо-

лѣе 20.000 отъ сѣна и овса. Ежели будетъ сюда, какъ говорятъ, конная артиллерія, такъ хорошо; а безъ нея надобно будетъ со слезами провожать Елисаветградскихъ гусаръ. Tormassow me remercie beaucoup pour le requin que je lui ai envoyé et les калачи.

Письма изъ поѣздки въ Петербургъ.

Черная Грязь, 12 часовъ.

Ѣду изрядно, но грязно; но не была бы и станція такъ названа. Но вы хороши! Уморили со смѣху. Подразни Ѳедора Дмитріевича *). Я нашелъ смотрителя въ сокрушеніи. «Что ты братецъ?»—«Какъ что! Получилъ приказъ отъ почтдиректора готовить для генерала Булгакова 24 лошади (вмѣсто 4!)». То-то надѣлаетъ Ѳедоръ Дмитріевичъ тревоги по Петербургскому тракту. Смотритель такъ и вспрыгнулъ, узнавъ, что генералъ Булгаковъ передъ нимъ, но требуетъ только 4, а не 24 лошади.—Домъ здѣсь игрушка, хоть куда! Хозяинъ хватъ, но плохо идутъ барыши, жалуется.

*

Клинъ, Вторникъ, 5 часовъ пополудни.

Вотъ я и въ Клину, любезный братъ. Все идетъ хорошо. Пыли нѣтъ, не жарко, коляска цѣла, трубка курится. Евсей разсказываетъ балясы. Въ Подсолнечной славно поѣлъ. Обѣ станціи славно устроены. Я входилъ даже на кухню. Вездѣ чисто, а въ Ч. Грязи даже картины, бронзовые часы, портреты Козодавлева, а подъ ними тоже изображеніе Мечникова, тоже, которое у тебя въ рамкахъ краснаго дерева. Успокой Серапина. Ч.-Грязскій смотритель съ пьяна, со сна, съ глупу прочелъ вмѣсто *давать по 4,—двадцать четыре* лошади. Son collégue de Podsolneczna se moque de lui.

*

Торжокъ, часъ пополудни. Середа.

Quoique je ne suis pas à Maroc, je suis entouré de maroquin, qu'on veut à toute force que j'achètte. Vous devinez par ce mauvais calembourg que je me trouve dans la fameuse ville de Torjok. Нельзя жаловаться: до сихъ поръ все идетъ хорошо, любезный братъ. Покуда накрываютъ на столъ и дѣлаютъ маленькую починочку въ коляскѣ, пишу тебѣ строки сіи. Время хорошо; боялись мы дождя поутру, нашли тучи, но Евсеевы вздохи ихъ разогнали, видно. Онъ хромѣетъ, утверждаетъ, что у него въ большомъ пальцѣ лопнула жила (новая болѣзнь, о коей

*) Вѣроятно, Серапинъ, содержавшій почту между Москвою и Петербургомъ и гостинницу въ Петербургѣ, которую знали во всей Россіи. Тогда не было у насъ и шоссейныхъ дорогъ.

можешь сказать Бремеру). Въ Тверь пріѣхалъ въ 4 часа утра. Я уступилъ побѣду сну и, поспавъ два часа съ половиною у пріятеля Galliani [1]), выпилъ кофе и поскакалъ. — Что-то дѣлается у васъ въ Свирловѣ? Впрочемъ, не сомнѣваюсь; но боюсь, что Саша [2]), не узнаетъ другого Сашу по возвращеніи изъ Петербурга.—Тверь очень украсилась. По рѣкѣ сдѣлано гулянье. Въ Завидовѣ (кажется тамъ) атаковала меня мать смотрителева, разсказывая, какъ она въ 12 году ушла безъ башмаковъ за 300 верстъ и все потеряла. Я старался ее утѣшить тѣмъ, что тотъ, отъ котораго она бѣжала, самъ теперь почти безъ штановъ (Bonaparte), а она отвѣчала: ничто ему таковскому сыну! Ежели бы Иванъ Александровичъ [3]) увидѣлъ, какіе мнѣ почеты отдаютъ, онъ бы мнѣ позавидовалъ. Они бы слѣдовали помощнику, а не брату почтдиректора.—Обнимаю всѣхъ васъ душевно. Я надѣюсь, что Серапинъ мнѣ великодушно извинилъ, что Ч.-Грязскій смотритель скотина? По дорогѣ весь народъ пьянъ по случаю праздника Преображенія Господня.

*

Бронницы, Пятница, 4 часа утра.

Коляска начала шалить. Серьезныхъ бѣдъ нѣтъ, но все легонькія починочки, которыя меня однакоже задерживаютъ. Перевариваютъ шину здѣсь, а въ Крестцахъ спицу вставили. Я могу поспѣть въ Петербургъ сегодня, но не хочу перебудить весь домъ у Закревскаго, а потому ночую въ Ижорѣ, а завтра сдѣлаю свое торжественное шествіе въ столицу. Здѣшняя дирекція отъ нашей, какъ земля отъ неба. Ни лошадей, ни ямщиковъ, ни смотрителей, ни дорогъ, даже ни мѣстоположеній, ни веселости, ни кофе—сравнить нельзя между собою. Пожары и поселеніе военное убили у всѣхъ духъ. Я пѣсни не слыхалъ. А ко всему тому и неурожай. Холодно, какъ осенью, дождь мочитъ. Одни видишь болота, да лѣса.

Что-то вы подѣлываете? Мнѣ кажется, что я два мѣсяца изъ Москвы. По дорогѣ говорятъ, что Государь ѣдетъ 30-го Августа въ ночь. Тѣмъ лучше; со всѣмъ тѣмъ лишняго часу не пробуду въ Петербургѣ. Я Евсея увѣрилъ, что въ деревняхъ, гдѣ поселеніе, вербуютъ проѣзжающихъ дворовыхъ, и онъ все пристаетъ, чтобы ѣхать ночью этими мѣстами, говоря сквозь зубы: «Какъ бы солдаты не сшалили что нибудь, не отрѣзали чемоданъ; вѣдь у васъ письма тамъ», тогда какъ чемоданъ у насъ въ коляскѣ.

---

[1]) Гальяни держалъ въ Твери гостинницу, существующую, кажется, до сихъ поръ подъ его именемъ.

[2]) Младенецъ—сынъ К. Я. Булгакова.

[3]) Рушковскій, съ 1819 года почтдиректоръ въ Москвѣ.

Петербургъ, 10 Августа 1818.

Я дотащился или лучше сказать доплылъ до Петербурга, любезный братъ. Что за погода, ты себѣ представить не можешь. Вихрь и дождь проливной; все ѣхалъ, но какъ стала вода пробираться внутрь коляски, не смотря на то, что я въ ней былъ закрытъ со всѣхъ сторонъ, то я долженъ былъ еще кое-гдѣ останавливаться и пережидать еще—не дождя обыкновеннаго, но дождя безсовѣстнаго, проливного. Въ Померанья былъ я часовъ восемь. Между прочими camarades d'infortune нашелъ я тамъ Голицына кн. Александра, стариннаго пріятеля. Людей посадили мы въ мою коляску, а сами, сѣвши въ его коляску, прибыли въ Петербургъ сегодня, во второмъ часу пополудни. Въ Ижорѣ, гдѣ также была дождливая карантина, зазвалъ насъ строитель шоссе Вельяшевъ, который важно насъ накормилъ и напоилъ. У заставы такой дождь пошелъ, что не только лошади не шли, но и люди не шли изъ караульной требовать подорожной. Ужъ климатъ, ай-да Петербургъ! Мнѣ показалось, что Закревскій самъ сжатъ, и для того я думалъ жить у Тургенева; но Закревскій слышать не хотѣлъ, и я у него занимаю три комнаты, гдѣ жилъ Волковъ. Онъ очень мнѣ обрадовался и говоритъ, что умно сдѣлалъ, что пріѣхалъ: ибо весь домъ Гурьевскій на воздухѣ, по случаю женитьбы сына Nicolas на дочери Мар. Антоновны, то надобно ихъ понуждать не письмами, а словами. Я нахожу въ немъ совершенно братское обхожденіе: предложилъ себя во всемъ, уговаривалъ не нанимать экипажа, что у него есть и карета, и дрожки, и все что̀ надобно и пр. Ну самый добрый малый, какимъ мы его знаемъ. Не очень здоровъ, жалуется головою; но, признаться, и дѣла столько, что не знаю, какъ поспѣваетъ. Онъ ничего не зналъ о счастливомъ оборотѣ дѣлъ нашихъ; благодаритъ тебя за доставленіе его писемъ и посылокъ Толстымъ *). Давай имъ знать, когда будутъ случаи или фельдъ-егери сюда: это будетъ очень пріятно Закревскому. Кромѣ его не видалъ я еще никого. Измокъ, усталъ и ѣздилъ къ этому рыскуну—Тургеневу. Вообрази, что и въ эдакую бурю нѣтъ его. На полу Ста̀льшины Considérations, на окошкѣ портретъ Штиллинга, въ гробу лежащаго, кое-гдѣ валяются письма, записочки, далѣе доклады, во всѣхъ углахъ разныя газеты. Книги, которыя онъ въ 1816 году приводилъ въ порядокъ, теперь въ еще большемъ безпорядкѣ. Ну, однимъ словомъ, тотъ же. Я велѣлъ человѣку его выругать и спросилъ: да знаешь ли меня? — Какъ не

*) Арсеній Андреевичъ Закревскій въ это время помолвилъ на дочери Московскаго богача графа Өедора Андреевича Толстаго.

знать!—Кто я?—Да вы Уваровъ.—Ну точно. Такъ скажи, что Уваровъ былъ и что у насъ *ночью* будетъ чрезвычайное собраніе въ Академіи. — Слушаю-съ. — Хотѣлъ заѣхать къ Мартыновымъ, но было жаль и себя, и лошадей. Поѣхалъ домой, проболталъ до перваго часу и теперь ложусь спать. Завтра встану рано, начну негодяемъ Тургеневымъ, а тамъ буду у Несельрода и всѣхъ прочихъ. Tourguéneff m'orientera. Сегодня не видалъ я никого, кромѣ должностныхъ, имѣющихъ дѣла до Закревскаго.

Не смотря на то, что въѣзжалъ сюда очень весело, не смотря на дурную погоду, Петербургъ, при всей своей красотѣ, не имѣетъ той пріятности и разнообразія, которыя представляетъ Москва. Здѣшняя чистота меня поразила: на улицахъ, какъ въ гостиныхъ, только мебелей не достаетъ. Я писалъ Козодавлеву*) очень нѣжное письмо, гдѣ говорю, что не хочу нарушить ни того уединенія и спокойствія, за которыми онъ, вѣроятно, переѣхалъ на дачу, ни обязанностей благодарности за всѣ его милости и благосклонность къ брату; что посылаю письмо и посылку, и буду ожидать его позволенія явиться къ нему чрезъ И. А. Мечникова etc. J'espère que cela fera son effet, et je voudrais pour la première fois aller chez lui avec: радъ стараться. Почитаю весьма любопытный журналъ посольства Ермолова, имъ писанный и присланный Закревскому, а тамъ засну мертвымъ сномъ. Вотъ пять дней, что я не раздѣвался.

11-го Августа.

Спалъ я подлинно богатырскимъ сномъ, не смотря на вихрь и дождь. Казалось, что домъ унесетъ. Я долженъ былъ окутаться шубою Закревскаго: такъ холодно. Одѣвшись, я отправился къ Тургеневу, нашелъ его еще спящаго. Очень обрадовался и удивился моему пріѣзду, ибо ему все было извѣстно очень слегка. Совѣтывалъ держаться Несельрода, который очень расположенъ къ намъ. Я такъ и намѣренъ не прибѣгать ни къ какому другому покровительству, а отдать себя ему и Гурьеву. Болтали мы часа два о всякой всячинѣ; долго это все разсказывать. Поѣхалъ потомъ къ Несельроду. Кто-то передъ нимъ, и онъ подписывалъ бумаги. Я взошелъ, онъ посмотрѣлъ на меня и продолжалъ подписывать. Я вижу въ этомъ и слѣпого, и разсѣяннаго; стою нарочно, онъ опять посмотрѣлъ, узналъ, спрыгнулъ со стула и ну меня обнимать, отправилъ чиновника, посадилъ и ну болтать. Онъ сказалъ, что писалъ тебѣ подробно, но что я хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ; что дѣло пойдетъ на ладъ, что Гурьевъ обѣщалъ при первой своей работѣ все кончить, что онъ очень хорошо расположенъ къ намъ, что только нѣсколько затруднялся дачею денегъ безъ всякаго процента; что онъ, Несельродъ, проситъ все 200, а не 150 т., что

*) Осипу Петровичу, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ.

о залогахъ отъ насъ рѣчи нѣтъ, что можно будетъ обойтись безъ того, что намъ повѣрятъ такъ, что министру финансовъ пріятно сдѣлать для насъ все; что онъ боится только того, что пропасть военныхъ налягутъ на Государя и на него съ такими просьбами etc., etc., etc. Le crayon en main, nous sommes entrés avec le c-te N. dans les plus grands détails. Sur ma dette, calcul fait, il a trouvé qu'un prêt de 200 m. rbles à 5 pour cent aux hypothêques arrangeait presque mieux mon affaire; car ces 200 m. et 100 m. que nous aurions pour les 1000 paysans libérés éteigneraient toute une dette d'un trait, en nous soumettant à des intérêts du durable moindre. Ce soir N. parlera encore a m. Gourieff, auquel il m'annoncera pour demain matin. Je dois aller chez lui à 9 heures et demi et de là passer chez le c-te N., lui rendre compte de mon audience. Moi, je tiens pour le 150 m. sans intérêts, passe même avec hypothêque; mais vous sentez bien, que je n'irai pas là marchander et arrêter une affaire si supérieurement bien acheminée. Le pis allé sera toujours une trouvaille pour nous. Gourieff est le mellieur ami des tous les ministres. On est peut content de sa régie, de ses opérations et de son avarice même. Le c-te N. verra demain ou après demain l'Empereur; il m'a dit qu'il montrerait à l'Empereur votre lettre que je lui ai remise, qu'elle était écrite bien et de manière à être montrée. Enfin je suis très content de c-te N., qui m'a parlé avec une extrême sensibilité et qui veut fortement notre tranquillité. Il m'a répété plus d'une fois: Taisez vous sur l'hypothêque. D'ailleurs l'Empereur connait la probité du comte, il lui croira sur parole. «J'avais projeté à l'Empereur, dit le comte, de vous autoriser à faire cet emprunt sur les revenues de la poste de Moscou, mais l'Empereur, ayant réfléchi un instant, a répondu: «Non, il faut que cela s'arrange avec le ministre des finances; c'est de son ressort!» Et N. n'insista pas et fit très bien, je trouve. Сидѣлъ я больше двухъ часовъ у графа; en me congédiant, il me dit: «Je suis à présent au fait de vos affaires comme des miennes, nous arrangerons cela, et je parlerai encore ce soir à m. G. qui m'a positivement promis avant-hier encore que tout serait fini au premier travail». Vous sentez bien que je n'ai rien omis pour l'attendrir, entr'autres je lui ai dit que le 26 de ce mois nous avions un payement de près de 50.000 r. à faire, que nos créanciers nous menaçaient de mesures rigoureuses, si l'argent n'est pas prêt pour le terme. Каково, сказалъ я ему, ежели пошлютъ описывать имѣніе? Онъ отвѣчалъ: «Allons donc! Nous finirons tout cela avant le départ de l'Empereur». Je lui ai observé que nous souscririons à des termes. Il répondit que non, que la chose arrangée il fallait toucher toute la somme sur-le-champs. En un mot, je ne puis vous dire quel zèle et quelle activité il met dans tout

celà. Voilà donc l'essence de notre longue conversation avec le comte. Я былъ послѣ у Мар. Любимовны[1]) на часочекъ, тамъ меня было задушили; а на нее нашелъ какъ тупикъ отъ радости и удивленія. Je suis charmé que Tourguéneff et le comte N. et Zakrefsky m'approuvent d'être venu ici. J'ai été chez Benner[2]), дома не засталъ; ѣдучи мимо Горголя, заѣхалъ къ нему; онъ очень меня обласкалъ, предлагалъ свои услуги и пр. Скажи Шульгину, что Горголій ему отвѣчалъ и благодаритъ за книги. Горголій сожалѣетъ очень о разнесшемся здѣсь слухѣ, что Брокеръ умеръ скоропостижно въ Москвѣ, что не хочетъ этому вѣрить, не получая отъ меня подтвержденія; хвалилъ очень Брокера[3]).

Ну-съ! Былъ я у Мечникова. Нѣтъ: поѣхалъ въ Стрѣльну, а оттуда къ Осипу Петровичу, отъ котораго узнáетъ, что я здѣсь и вѣрно явится. Былъ я у добраго Калинина, очень меня благодарилъ за твои дружескія сношенія съ нимъ, много болталъ о почтѣ, предлагалъ свои услуги, знаетъ хорошо нашего езуита Рушковскаго и пр. Я не нахожу, чтобы онъ состарился и, кажется, здоровъ. Заѣзжалъ къ Соковнину, не нашелъ его дома. Вотъ моя поѣздка утра сего. Закревскій тащилъ меня куда-то обѣдать съ Марченкою, но я выпросилъ остаться дома, обѣдать съ Шатиловымъ; стану лучше болтать съ тобою, да съ Наташею.

И здѣсь много говорятъ о перемѣнахъ важныхъ, но, повидимому, онѣ не выйдутъ до отъѣзда Государева. Точно то, что Милорадовичъ сюда военнымъ генералъ-губернаторомъ, и онъ принимаетъ поздравленія уже и говоритъ: «Я истреблю воровство, какъ истреблялъ Неевы колонны въ Красномъ». Вязмитиновъ проситъ спокойствія, но его удерживаютъ для предсѣдательства въ Комитетѣ Министровъ и еще что-то. Нѣтъ сомнѣнія, что министерства полиціи и внутреннихъ дѣлъ будутъ соединены; но еще невѣрно, что Кочубей будетъ оными завѣдывать. Козодавлеву предлагаютъ Министерство Юстиціи, но онъ не хочетъ, а Лобановъ не хочетъ быть однимъ изъ областныхъ, коихъ уже называютъ пашами. По симъ и нѣкоторымъ другимъ затрудненіямъ, все, вѣроятно, отложится до возвращенія Государева, которое воспослѣдуетъ въ Декабрѣ. Войска союзныя будутъ выведены изъ Франціи; говорятъ, что одна Пруссія еще противится тому и всѣ Бурбоны, кромѣ самого короля, который желаетъ выступленія войскъ союзныхъ.

Каподистрія уже въ Карлсбадѣ. Здѣсь его все болѣе и болѣе любятъ и уважаютъ; онъ у всѣхъ снискалъ и дѣлаетъ добро всѣмъ. Го-

---

[1]) Мартыновой, ур. Имберъ (Imbert), родной тетки Булгаковыхъ.

[2]) Беннеръ—живописецъ.

[3]) Горголи и Шульгинъ—Петербургскій и Московскій оберъ-полицмейстеры. Записки Брокера см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 г.

сударь на дорогу пожаловалъ ему 5000 червонныхъ. Le comte a dit à cette occasion en riant: il vaut donc deux mille ducats de plus que l'année passée. Il est parti malade. Cette mort de la Stourdza [1]) l'a activement touché. Sévérine est, dit-on, comme une ombre. Съ Государемъ ѣдутъ Ожаровскій [2]) и Чернышовъ; первый женится, а второму, кажется, не сдобровать съ своею женою. Уваровъ уже поѣхалъ въ Карлсбадъ. Кромѣ Нессельрода, никто болѣе, кажется. Аракчеевъ отправляется въ Харьковъ, къ военнымъ поселенцамъ. Марченко остается здѣсь. Бѣдный Алексѣй Орловъ лежитъ; его разбили въ дрожкахъ и больно ушибли голову и плечо. Трубецкой отпущенъ на два года въ чужіе края, ѣдетъ съ женою и дѣтьми. Потемкинъ также. Вообще кого ни хватись, всѣ ѣдутъ въ чужіе края, особливо дамы.

Ужъ для гуляльщиковъ, какъ я, Петербургъ городъ единственный! Наѣвшись плотно и накурившись, видя, что дождь пересталъ, я пошелъ ходить пѣшкомъ; ну, вотъ какъ по паркету, и сухо, какъ будто не было дождя. Государь пріѣхалъ изъ Царскаго Села на сутки. Идучи безъ дѣла, вижу на перспективой афишку: что̀ такое? Un cabinet de cire. Je paye deux roubles et je me trouve tout d'un coup dans une société d'illustres personnages. Je récule de deux pas devant m. Napoléon, qui toise de haut en bas le gouverneur de S-te Hélène, en remettant un papier à Bertrand; plus loin c'est Wellington qui est assis avec Blucher; ils examinent une carte géographique; plus loin ce sont les adieux de Ney avec sa femme et ses enfants; plus loin le petit Crapauléon avec sa mère; ensuite le nigaud de Joseph, qui fuit devant mad. Putifar et qui a les trait de Ruchkofsky; et puis François II, et puis le roi de Prusse, et puis La Valette, qui enlève son mari, et puis Dieu sait qui et quoi. Trois grandes chambres remplies de monde.

Je n'ai pu passer sans émotion devant notre chère école de S-t Pierre, devant Ébénau, qui est toujours là à même place, devant les perruquiers, auxquels nous vendions nos vieux cahiers pour acheter des булки; devant la maison de Hinrichs etc. Je vous assure que j'ai une espèce d'attendrissement en me rappelant de ces moments de notre jeunesse. Что-то ты подѣлываешь? Я жалѣю, что уѣхать долженъ былъ, не окончa дѣло дома съ этимъ дуракомъ Щербатовымъ. Nesselrode dit que ce serait une duperie de lui rendre cette maison. Pour moi, je vous assure, que je n'y tiens pas, surtout quand avec l'aide de Dieu nous aurons bien fini ici. C'est là le grand point. Ты къ этимъ хлопотамъ не привыкъ, да и, бывъ въ Свирловѣ, тебѣ

---

[1]) Т. е. Северпной, урожденной Стурдза.

[2]) Дѣдъ П. А. Черевина, дѣятеля нашихъ дней.

не такъ ловко дѣйствовать. Впрочемъ, надѣюсь, что Тормасовъ и Шульгинъ свое слово сдержатъ, а ежели не такъ, то чортъ съ ними, съ домомъ, а особливо съ Щербатовымъ. Вотъ и Закревскій явился отъ князя Петра Мих.[1]) кричитъ: полно тебѣ, бригадиръ, бумагу марать, ты меня разоришь. Станемъ чай пить.—Станемъ! Я не знаю, писалъ ли тебѣ, что бѣдный Орловъ Алексѣй упалъ съ дрожекъ и очень ушибся. Закревскій говоритъ, что онъ, однакоже, всталъ. Марченко тебѣ премного кланяется. Каподистрія славно устроилъ Батюшкова. Онъ по слабому здоровью опредѣленъ къ Итальянской миссіи; ему данъ чинъ, деньги на проѣздъ, большое жалованье и позволеніе быть въ Одессѣ, сколько захочетъ, и ѣхать къ миссіи, когда захочетъ. Какъ не любить этого Каподистрію? А вотъ и чай! Прощай покуда.

12 Августа.

Фельдъ-егерь ѣдетъ сейчасъ въ Москву отъ Закревскаго; славная оказія, не хочу ее упустить. Я сейчасъ отъ Гурьева, который, болѣе получаса продержавъ меня въ кабинетѣ, очень терпѣливо выслушалъ описаніе положенія нашего, очень, кажется, расположенъ помочь намъ. Много потерялъ времени, разсказывая, какъ недѣльными просьбами истощаютъ казну Государеву, и потомъ, когда надобно помочь истинно нуждающимся, какъ мы, то надобно соваться, чтобы искать деньги. Долго все пересказывать, время драгоцѣнно. Отпуская меня, онъ сказалъ: Il faut finir la chose et la finir avant le départ de l'Empereur. Je travaillerai Mercredi avec S. M.; passez chez moi Jeudi matin, et si j'ai besoin de vous avant, je vous prierai de passer chez moi. Добрый Сверчковъ[2]) тотчасъ меня ввелъ. Кто не бываетъ нуженъ на семъ свѣтѣ? Жена его премилая; оба мнѣ сказали: Écoutez, il faut connaître papa; il est fameux pour la difficulté, mais aussi s'il vous a promis de finir la chose, vous pouvez y compter, et puis Nesselrode a cela à coeur; ma soeur aussi en partant lui en a parlé, et nous l'attaquerons en famille. Закревскій тоже говоритъ, что̀ Сверчковъ. Я Марченку видѣлъ тамъ: много о тебѣ спрашивалъ и тоже повторялъ, что̀ Гурьевъ: вѣчно отказываетъ, потомъ торгуется, но обѣщавъ дѣло дѣлаетъ. Коли такъ, то слава Богу. Ѣду къ Нессельроду, который велѣлъ мнѣ быть къ себѣ послѣ Гурьева. Просителей-то, искателей, лентъ, кого тутъ только не было! Быть призвану—уже милость большая. Былъ я у Осипа Петровича. Видѣлъ его минуту: ѣхалъ въ Комитетъ; звалъ въ Четвергъ обѣдать на дачу. Видѣть его только минуту была одна вѣжливость. Я ему сказалъ, что, по нашей съ то-

[1]) Волконскаго, который тогда былъ начальникомъ Главнаго Штаба, а Закревскій первымъ при немъ дѣятелемъ.

[2]) Алексѣй Вас. Сверчковъ женатъ былъ на дочери Гурьева, Еленѣ Дмитріевнѣ.

бой дружбѣ, всѣ его милости къ тебѣ почитаю себѣ оказанными. Онъ меня *изволилъ поцѣловать*, и «радъ стараться» было тутъ.—Марченко поссорился съ Аракчеевымъ, явно Государю на Тормасова наговорилъ что-то, и Государь такъ былъ сердитъ, что хотѣлъ его отставить, но удержался. Кто-нибудь да хочетъ мѣсто Московскаго, потому что дѣлаютъ каверзы Тормасову. Всѣ удивляются, что Гурьевъ не отказался до времени, потому что денегъ на вояжи фамиліи царской надо кучу, и ихъ вездѣ ищутъ и собираютъ. Я, слава Богу, здоровъ, а признаюсь, что Петербургъ не мой городъ. Немного пожить въ немъ хорошо, а оставаться въ немъ не хотѣлось бы.

*

13 Августа.

Уфъ, ну досталось мнѣ! Два часа битыхъ сидѣлъ у меня Фонтонъ. Ничѣмъ и никакъ не могъ его выжить. Онъ опредѣленъ къ Неапольской миссіи. Счастливецъ! Поутру былъ я у Тургенева, пилъ кофе съ нимъ, потомъ началась у него lanterne magique или кукольная комедія: то одинъ, то другой, то попъ, то солдатъ, то нищій, то мамзель и, между прочими, твой бывшій экзекуторъ, который, видя меня, устыдился, кажется, потому что весь покраснѣлъ. Ищетъ мѣста, но худой это подарокъ. Познакомился я съ Крузенштерномъ морякомъ, а на дняхъ собираемся къ Коцебу на Рюрика, стоящаго на Аглинской набережной. Князя Никиту я еще не видалъ; онъ все еще отправляется въ Лондонъ, гдѣ будетъ покупать лошадей и отправлять ихъ сюда. Нелестная комиссія для его лица; онъ же не знаетъ, я думаю, и толку въ лошадяхъ. Миссія его сдѣлалась непремѣнною, je veux dire permanent, и этому шуту съ новымъ окладомъ и съ сохраненіемъ прежнихъ будетъ всего тысячъ тридцать пять въ годъ. On dit que c'est la princesse Zénéide qui lui a imaginé cette fameuse mission. Такъ холодно, что мерзнутъ пальцы. Право, ходилъ бы въ шубѣ, если бъ не стыдно было; а безъ Закревскаго шубы, коей закрываюсь, я бы замерзъ ночью. Ну ужъ климатъ! Въ Пятницу ѣду съ Тургеневымъ въ Царское Село и Павловское къ Жуковскому, Карамзинымъ и пр., тамъ живущимъ знакомымъ. A propos, я тебѣ писалъ съ дороги изъ Черной Грязи, изъ Клину, изъ Торжка, изъ Валдая и Бронницъ: все ли дошло? По милости Фонтона намаралъ только это. Кажется, довольно; ссылаюсь на мое длинное письмо, первое отсюда; впрочемъ, завтра, я думаю, князь Трубецкой, адъютантъ Закревскаго, ѣдетъ въ Москву; буду писать и съ нимъ. У Шатилова славное фортепіано; мы ввечеру забрались къ нему, бренчали, курили и чай пили. Сережѣ Корсакову письмо вручено; при свиданіи скажи это матушкѣ его. — Пора письмо посылать Калинину, одѣться и обѣдать у Мар.

Люб. Ея дѣти всѣ въ гренадеры годятся, и дочери тутъ же[1]). Лизанька пребольшая[2]) и все-таки смѣшна. Я спросилъ, какое имя дать дочери, ежели еще будетъ у меня; она подумавъ сказала: назовите ее *богиня.* Мартыновъ все тотъ же. Говоритъ все о своихъ визитахъ къ знатнымъ, подаетъ Государю album съ видами здѣшними, поджидая великія и богатыя милости.

*

С.-Петербургъ, 12 Августа 1818.

Послѣ свиданья моего съ Д. А. Гурьевымъ заходилъ я къ гр. Нессельроду, которому все пересказалъ, что̀ было говорено съ тестемъ его. Онъ всѣмъ очень былъ доволенъ и прибавилъ: «Vous avez pris justement la manière dont il faut traiter avec m. Gourieff»; а я ему[3]) сказалъ въ заключеніе: «Votre position est telle que je n'oserai jamais faire des conditions, mais j'abandonne le sort de mes deux familles entièrement aux bontés de v. e. Faites ce que votre coeur vous suggérera, et je suis sûr que l'Empereur ne se refusera à rien de ce que vous lui proposerez. Vous êtes père vous-même, mettez vous à ma place: je suis dans l'alternative de s'abandonner aux créanciers et d'être réduit à la misère après m'être placé dans le monde d'une manière, j'ose le dire, si avantageuse». Il m'écouta avec la plus grande patience, lui, qui hier encore a dit impérieusement à un grand seigneur: c'est peine perdue, je ne donne pas un sous, à moins que vous ne me présentiez un papier signé Alexandre». Впрочемъ, я тебѣ уже разсказалъ все существо разговора и обнадеживанія Гурьева. Гр. Нессельродъ ему еще писалъ какой-то отвѣтъ на просьбу, напомнивъ опять въ P. S. о насъ и послалъ ему въ оригиналѣ письмо твое, мною приложенное, которое, взявъ назадъ, покажетъ завтра Государю и предупредитъ Государя, что Гурьевъ представитъ ему о способѣ намъ помочь. Я рѣшился всѣмъ довольствоваться и не торговаться; ибо этимъ самымъ Репнинъ, искавшій также займу, испортилъ дѣло свое: Гурьевъ взбѣсился и отказалъ очень сухо деньги, на какомъ бы то ни было основаніи. Дѣло въ томъ, что ежели не просить теперь, то прощай надежда: вояжи царской фамиліи истощатъ всѣ наличныя деньги, а Гурьева готовность можетъ охладѣть. Нессельродъ со мною согласенъ въ этомъ, но все обнадеживаетъ, что получимъ 150 т. безъ проценту. Убри, Званцевъ и Шулеповъ тебѣ кланяются; второй очень тебя благодаритъ за какія-то одолженія, ему оказываемыя тобою.

---

[1]) Одна изъ этихъ дочерей, Любовь Андреевна, была за Попандопуло, и сыну ея, Василью Константиновичу, „Русскій Архивъ" обязанъ за просвѣщенное посредство въ полученіи позволенія печатать Булгаковскія письма отъ внучки Александра Яковлевича, Натальи Павловны Всеволожской. П. Б.

[2]) Шумлянская, единоутробная сестра братьевъ Булгаковыхъ.

[3]) Т. е. Гурьеву.

Ну-съ, былъ я, наконецъ, у Бенера, который прельщаетъ всѣхъ нашими портретами, а тебя неизрѣченно благодаритъ за письмо, за начинку его и за твои старанія объ немъ. Я видѣлъ его коллекцію Австрійскаго дома, которая, мнѣ кажется, гораздо превосходнѣе самой Царской: работа лучше и большое сходство. Маленькій Наполеончикъ — совершенный красавчикъ, и Б. говоритъ, что онъ еще лучше портрета. Кто бы думалъ, что чортъ сработаетъ ангела! Бенеръ поѣдетъ въ Ахенъ на конгрессъ и хорошо сдѣлаетъ: будетъ ему работа.—Я былъ у Мар. Любимовны, у коей завтра обѣдаю; послѣ завтра у Марченка съ Закревскимъ и въ Четвергъ у Козодавлева на дачѣ. Какой онъ грибъ старый! Точно Геймъ, когда ему будетъ сто лѣтъ. Я не налюбуюсь на Петербургъ: что̀ за зданія, что̀ за тротуары, столбики чугунные, что̀ за чистота! Дома всѣ были выкрашены вновь къ пріѣзду Прусскаго короля, который en passant надулъ Трубецкого, давъ ему алмазы не Чернаго, а Краснаго Орла. Бульваръ противъ дворца перенесенъ саженъ 20 ближе къ Адмиралтейству; симъ открыли прекрасный видъ на Неву и на биржу. Бульваръ противъ большой фасады Адмиралтейства тоже подвинется въ отсутствіе Государя ближе къ зданію и сдѣлается отъ того улица и шире, и прекраснѣе. Все то, что̀ на Исакіевской улицѣ не займется Лобановымъ домомъ, будетъ застроено родомъ Palais Royal. Скоро откроется у Чернышова дома прекрасный чугунный мостъ. Уголъ Кушелевскаго дома отрѣжется, чѣмъ откроется видъ на Морскую. Однимъ словомъ, со временемъ городъ сей будетъ точно восьмое чудо въ свѣтѣ. Но со всѣмъ тѣмъ я предпочитаю разнообразіе Москвы и вообще Москву, можетъ быть отъ того, что въ ней, а не въ Петербургѣ Московскій почтамтъ, гдѣ я часто мысленно гуляю и курю съ тобою трубку.

Я съ большимъ удовольствіемъ читаю писанный самимъ Ермоловымъ журналъ его посольства въ Персію. Умный, острый и твердый человѣкъ! Онъ обошелся съ Персіянами, точно какъ батюшка съ Турками; только Ермоловъ перещеголялъ своимъ оріентальнымъ слогомъ, которому Персіяне и самъ шахъ надивиться не могли. Они даже думали, что онъ переодѣтый мусульманъ. Онъ Мазаровича хвалитъ въ журналѣ. Развѣ что его нельзя напечатать ради многихъ вольныхъ сужденій. Ермоловъ ненавидитъ и презираетъ Англичанъ и Французовъ; что жъ онъ любитъ?—одну Россію. Этотъ человѣкъ съ большими способами, но и онъ также, я думаю, ложится спать, когда полночь, а я къ тому былъ еще въ банѣ. Евсей меня парилъ немилосердно. Теперь чистъ и я, и ты, то есть тѣло мое и *моя душа*. Вотъ тебѣ и оріентальное открытіе въ любви. Прощай. Важно засну!

С.-Петербургъ, 14 Августа 1818.

Закревскій вручилъ мнѣ сейчасъ первое твое письмо, любезнѣйшій братъ, и я обрадовался, узнавъ, что вы всѣ здоровы. Фонтону я тотчасъ написалъ, что Антонаки въ Москвѣ, ибо онъ съ мѣсяцъ не имѣетъ писемъ отъ него и ждетъ его нетерпѣливо, чтобы ѣхать къ своему мѣсту въ Неаполь. Я пугалъ его, что ты брата долго продержишь въ Москвѣ. Онъ ему нанялъ славную квартиру на преспективой въ нашей Peter-Schule и недорого. Кланяйся ему, равно почтенному Дмитр. Николаевичу[1]); жалѣю очень, что не при мнѣ онъ пріѣхалъ. Васил. Львов. письмо отправилъ я туже минуту къ кн. Вяземскому, ибо каждую Среду отправляются изъ Мраморнаго дворца эстафеты въ Варшаву. Боюсь, что ты принужденъ будешь оставить Свирлово. Здѣсь стужа зимняя, и также всѣ перебираются въ городъ. Я былъ поутру у гр. Нессельрода, насилу дождался выхода оттуда Магницкаго, который, кажется, бьется какъ рыба объ ледъ. Графъ работалъ вчера у Государя и предупредилъ его, что Гурьевъ сегодня будетъ ему докладывать по нашему дѣлу. Я хотѣлъ узнать, поѣхалъ ли Гурьевъ въ Царское Село. Нессельродъ все съ своими шуточками, посмотря на часы, сказалъ: justement à présent m. Gourieff parle de vous, et il trouve— прибавилъ смѣючись—des obstacles... Mais soyez tranquilles, ajouta-t-il, cela s'arrangera; je vous le garantie. Вошелъ Убри, и я, конча свое дѣло, ушелъ. Потомъ былъ я у Тургенева пить кофе; по обыкновенію у него всегда какъ ярмонка: то одинъ, то другой. Здѣсь все готовится къ выѣзду. Съ Нессельродомъ ѣдутъ Стурдза и Сѣверинъ; ихъ рѣшила ѣхать мать Стурдзы и сестра, что̀ за мужемъ, которая здѣсь; все это поѣдетъ вмѣстѣ. Сѣверина я еще не видалъ; тоже ѣдутъ: Гульяновъ, Холщинскій, Сакенъ, а Миллеръ уже тамъ съ гр. Капод. Въ Среду будетъ здѣсь большой парадъ, послѣ котораго Государь поѣдетъ въ Царское Село, откуда, не пріѣзжая уже въ столицу, отправиться изволитъ въ чужіе края. Встрѣтилъ я Полторацкаго. Его свадьба назначена съ большою помпою въ Воскресенье, въ Павловскомъ дворцѣ. Вотъ уже и тащитъ спать Закревскій. Прощай.

Середа.

Въ ночь ѣдетъ Трубецкой. Хотѣлъ кое-что послать женѣ съ нимъ; вмѣсто того не знаю, успѣю ли и писать къ ней. Васил. Романов.[2]) тебѣ очень кланяется; мы сегодня обѣдали у него. Между прочимъ, сказывалъ онъ, что постройка почтамта въ Москвѣ отмѣнена. Козодавлевъ потребовалъ 8 милліоновъ лишку противъ прошлаго года на свое министерство; его и ну рѣзать и отнимать все, что́ могли, всѣ проекты

[1]) Бантышу-Каменскому.

[2]) Марченко.

въ сторону. Голицынъ тутъ сказалъ въ комитетѣ: пусть продастъ почтамтъ *золотого своего орла* (фаворита Рушковскаго), который такъ украшаетъ домъ, и построитъ на эти деньги зданіе. Теперь требовать будутъ утвержденія Государева на составленный бюджетъ. Можетъ быть, самъ вспомня о строеніи семъ, Государь велитъ включить сію издержку въ росписаніе. Впрочемъ, все зависитъ отъ оборота, который дадутъ; но Козодавлеву не очень товарищи благопріятствуютъ. Жаль мнѣ очень будетъ, ежели не состоится эта славная постройка, не для тебя (твой домъ хоть куда!), но жаль для Москвы и подчиненныхъ твоихъ.

Славно мы поѣли и попили у Марченки. Онъ говорилъ, что Майкову [1]) послана табакерка съ вензелемъ, что Государь отказалъ дать ленту, прибавя: это служба не такого рода, чтобы ее такъ награждать; не будутъ ли просить чего-нибудь и для директоровъ лубочныхъ комедій? Ходилъ я пѣшкомъ и былъ на Рюрикѣ, стоящемъ противъ дома канцлера, на Англ. набережной. Красивое судно и наполнено разными любопытными звѣрями и вещами. Видѣлъ я прелестную мантію или родъ пелерины, составленной изъ перьевъ разныхъ птицъ. Это назначено было подаркомъ Государю отъ короля Сандвичскихъ острововъ. Видѣлъ я тутъ разное одѣяніе дикихъ народовъ, обезьянъ, шлюбки дикихъ и пр. Есть тутъ два Алеута, которые въ безпамятствѣ отъ красоты Петербурга. Одинъ сказалъ: «Это вѣрно весь свѣтъ съѣхался вмѣстѣ». Понять не могутъ, какъ можно было построить такой городъ, такіе дома. Я былъ на Рюрикѣ съ Бенеромъ, отъ котораго вотъ письмо. Заѣзжалъ я къ Афросимовой, но дома не нашелъ; надобно будетъ еще разъ и два у нея побывать. Стану одѣваться, пора ѣхать къ Мар. Антоновнѣ. Сегодня ея день, а завтра Нессельродъ везетъ меня къ Гурьевымъ. Теперь онъ, можетъ быть, уже возвращается изъ Царскаго Села. Завтра только узнаю, на чемъ стало; онъ самъ велѣлъ мнѣ быть къ себѣ въ Четвергъ поутру; а можетъ быть увижу у Марьи Антоновны [2]) Сверчкова, но все онъ не успѣлъ видѣться съ тестемъ, а мнѣ хотѣлось бы тебѣ написать съ Трубецкимъ, да онъ поѣдетъ поутру очень рано. Вотъ счастливецъ! Такъ бы, такъ бы и спрыгнулъ къ нему на облучокъ, полетѣлъ въ Москву.

Марья Ант. о тебѣ спрашивала. Она потолстѣла, но все хороша. Изъ Гурьевыхъ не было тамъ никого, кромѣ жениха Коко. Вся его семья переѣзжаетъ сегодня въ городъ съ дачи. Многіе очень о тебѣ спрашивали. Графъ (котораго имя забываю всегда) Полякъ, Киселевъ, Дм. Львовичъ, Тюфякинъ. Дача убрана прелестно Французскими обоя-

[1]) Директору Московскихъ театровъ.

[2]) Нарышкиной, которая тогда уже утратила свое прежнее значеніе.

ми. Только я пріѣхалъ туда въ одиннадцатомъ часу, разлетѣлся было въ домъ городской, что̀ не близко отъ каменнаго театра. Никого не нахожу. Дворникъ: «Господа на дачѣ и сегодня принимаютъ всѣхъ».— «Кучеръ, знаешь Нарышкина дачу по Петергофской дорогѣ?»—«Какъ не знать!»—«Ну, такъ пошелъ туда». Только вмѣсто Дм. Львовича, который на 7-й верстѣ, меня привезъ къ Александру Львовичу, который на 13-й. Надобно было ворочаться. Я разсказывалъ свою бѣду Мар. Ант., которая отвѣчала, смѣючись, что велитъ прибить у себя transparent съ надписью, чтобы впредъ не было такихъ кипроко. Я бы раньше пріѣхалъ домой, думалъ тамъ только показаться; но меня несчастнаго засадили въ вистъ съ м. Кологривовымъ, фл.-ад. Бутурлинымъ и гр. В. В. Пушкинымъ. Слава Богу, что еще выигралъ 10 р.; и то годится, а то меня вистъ что-то не любитъ. Тургеневъ, который вездѣ шаритъ, успѣлъ уже узнать, что я имѣлъ счастіе понравиться Гурьеву, что онъ меня очень хвалилъ. Что̀ мнѣ въ этой похвалѣ? Сработай онъ дѣльце, то вѣчная слава ему! Соковнинъ былъ у меня и меня опечалилъ. Онъ вотъ шесть мѣсяцевъ живетъ и не можетъ добиться толку у Гурьева, а Марченко мнѣ разсказывалъ, что вице-губернаторъ, кажется, Тамбовскій, призванный сюда для дѣла самимъ Гурьевымъ, живетъ двѣ недѣли, всякій день ѣздитъ къ нему, сидитъ отъ 8 часовъ до второго, и до сихъ поръ еще не видалъ Гурьева. Впрочемъ, наше положеніе не то. Я его видѣлъ, имѣю обнадеживаніе, имѣю Нессельрода, который, видя его всякій день, будетъ ему напоминать; Государь милостиво принялъ просьбу твою, все это прекрасно. Начало положено и нельзя лучше. Богъ милостивъ, насъ не оставитъ. Не боюсь я неудачи, но боюсь замедленія; ежели упустятъ Государя, отвѣтъ пойдетъ на 6 мѣсяцевъ. Поэтому очень я радъ, что пріѣхалъ сюда, и всѣ наши одобряютъ также пріѣздъ мой. Ежели быть ужъ бѣдѣ, то-есть отсрочкѣ дѣлу, то все устрою залогъ 1000 душъ и возьму свидѣтельство въ банкѣ, и тогда возьмемъ 100.000 р.; все хорошо, а тамъ и то дѣло устроится.

Четвергъ, полдень, 15 Авг.

NB. *Entre nous.* У Гурьева пережидалъ вѣрно часа полтора, и доложить никто не хотѣлъ, хотя мнѣ и велѣно имъ самимъ быть. Докладчикъ, камердинеръ Чоковъ (кажется), возразилъ мнѣ, какъ будто бы самъ былъ министръ: Дмитрій Александровичъ изволитъ заниматься вчерашними докладами у Государя. Колокольчикъ. Вбѣгаетъ въ кабинетъ Чоковъ, погодя выходитъ: «пожалуйте», говоритъ мнѣ. Вхожу. M. Gourieff s'explique lentement et d'une manière paresseuse. «Но-съ! (et pas ну-съ, comme ma cousine), dit-il, j'ai vu hier l'Empereur. l'Empereur m'a longtemps entretenu sur m-r votre frère, qu'il connait

beaucoup... Но-съ! L'emprunt comme vous le désirez, c'est a dire sans intérêts, ne peut se faire, c'est une chose inusitée depuis que l'Empereur n'a d'autre source où il puisse puiser des sommes que la trésorerie... Mais l'Empereur a voulu venir à votre secours, et voilà comment cela a été arrangé... Но-съ! S. M. a fait elle-même un emprunt au Cabinet, en lui payant des intérêts; de cette manière elle prend des sommes pour les donner à titre de prêt à des personnes qu'elle connait particulièrement et pour des gens de probité... Но-съ! Вотъ такъ пожаловалъ Государь ген.-адъют. князю Щербатову 100 т. р., и это довольно стоило труда... Вотъ такъ и вамъ приказалъ выдать 150 т. р., которые вамъ уплачивать будетъ очень легко, потому что первые три года не будемъ съ васъ взыскивать ничего, а шесть процентовъ легче вамъ платить, чѣмъ десять, а можетъ быть и болѣе, ежели имѣете дѣло съ купцами... Залогу Государь не хочетъ никакого отъ васъ; слѣдовательно вы можете имѣніе ваше заложить, гдѣ хотите, и получить за оное также большую сумму... Но-съ! Voilà ce qui a été arrêté hier.» Je me suis répandu en remercîmens en l'assurant, que son nom serait prononcé dans notre famille comme celui d'un bienfaiteur, que je le supplie de deux grâces encore, qui mettraient le comble à ma tranquillité!...—«Но-съ, что?»—«Pour la fin de ce mois j'ai des forts payements à faire, je conjure votre excellence de finir l'affaire tout-à-fait avant le départ de l'Empereur». Il me répondit: «Cela va sans dire. Lundi j'ai mon travail (et ce sera, je suppose, le dernier) chez l'Empereur; je lui ferai signer l'oukaze». Je fis une profonde révérence et réitérai mes remercîmens, lorsque' il me demanda... «Что вы еще желаете отъ меня? Vous me demandiez deux choses». У меня вонъ изъ головы другая просьба, но вспомнилъ ее къ счастью: «Je supplie encore v. e. que les termes pour la réception des 150 m. r. ne soyent pas éloignés»... Il s'arrête, réfléchit et répondit: «Dès que l'oukaze sera signée, je vous remettrai la somme entière tout d'un coup... Au nom de qui voulez vous que j'écrive l'oukaze?»—«Mais au nom de mon frère, ou de tous les deux».—«Faites-moi une записка et vous me l'apporterai ce soir: je vous fairai faire la connaissance de ma femme». Il me garda très longtemps. Il me dit encore: «Ce qui doit vous faire beaucoup de plaisir (surtout, car on acquiert et on mange des fortunes, nous voyons cela)... но-съ!..: c'est l'opinion que l'Empereur a de vous, messieurs, et particulierement de votre frère, dont S. M. m'a beaucoup parlé». Ensuite il me montra un tas de boites et autres bijoux destinés a partir avec l'Empereur. C'est magnifique! Откланялся, заперъ дверь; кричитъ мнѣ Дм. Ал. вслѣдъ: «Un moment, m-r Bulgakow!» Je reste, et il me dit: «Je vous prie de garder pour vous seul tout ce que je vous ai dit, c'est la volonté de l'Empereur; nous avons des raisons pour cela».

Je le promis et j'ajoutai, que je dirai à tout le monde que v. e. m'avait renvoyé à l'autre semaine, et d'ailleurs je partirai pour Moscou dès que l'oukaze serait signée. Вотъ тебѣ вкратцѣ вся эта исторія. Надобно молчать. Я, вѣроятно, не напишу женѣ, ибо желаю ей сдѣлать сюрпризъ своимъ неожиданнымъ возвращеніемъ къ 26 числу и самъ ей все перескажу лучше. Ну, дай Богъ Государю здравствовать! Хвала Гурьеву и Нессельроду! Только Нессельродъ чудакъ. Вообрази, что онъ, по возвращеніи изъ Царскаго Села, все зналъ, мнѣ не написалъ, меня видѣлъ и не сказалъ ни слова! Каподистрія не утерпѣлъ бы. Размышляя объ этомъ займѣ, я нахожу, что 150 т. безъ проценту, но съ залогомъ то, что 150 т. безъ залога съ процентами. Разница небольшая; а мы точно теперь оживемъ: 1) почти квитъ съ долгомъ, 2) имѣемъ дѣло съ однимъ Государемъ, 3) платимъ вмѣсто десяти шесть процентовъ, 4) нѣтъ переписокъ, скучныхъ разговоровъ, просьбъ, векселей, маклеровъ, лишимся цѣлаго стада этихъ проклятыхъ кредиторовъ. Чортъ съ ними теперь, буду себѣ жить припѣваючи и устроивать имѣніе, примусь за дѣло Фастово и ежели и это кончу, то поѣду предоволенъ. Да! Нессельроду сказалъ я, что верхомъ счастія своего почелъ бы, если бы могъ Государя лично благодарить. Eh bien, me répondit le comte, je vous promet de le dire à l'Empereur après demain, je lui rapporterai vos paroles. Теперь мы квитъ: ты мнѣ далъ первое хорошее извѣстіе, заключавшееся въ Каподистріи письмѣ, а я тебѣ даю послѣднее, коронующее дѣло—квитъ.

Пятница.

Удивительный мнѣ сдѣлалъ пріемъ Козодавлевъ и его Анна Петровна. Щербатовъ и жена его очень любезны. Старый Gavinier играетъ тутъ туже роль, что Рушковскій; все прекрасно, все очень хорошо! Но разсказать всѣ фразы не было бы конца. Много было, и за столомъ пили твое здоровье. Ils sont très intrigués pour savoir le motif de mon arrivée ici. Je met toujours la banque en avant. Kosodavlef m'a dit: «Я протестовалъ противу остановки строенія братца вашего до 1820 году, зная, что онъ это желаетъ». Я отвѣчалъ, что твоя квартира прекрасная, что она остается, а что ты хлопочешь, имѣя только въ виду пользу твоихъ подчиненныхъ и казны, что, впрочемъ, на то была воля Государева; ежели Е. В. угодно будетъ отмѣнить, то нечего, какъ исполнять волю его.

Икру красную подавалъ за столомъ особенно, какъ чудо какое, а полынковое вино бережетъ для себя одного. Я сказалъ О. П., что ты пришлешь ему еще вина, имѣя его много, потому что вытекло до-

рогою его послѣднее. О. П. немного повѣсилъ носъ, боится всѣхъ этихъ перемѣнъ; водилъ меня по цѣлому дому. Узнавъ, что люблю шампанское, славнымъ меня потчевалъ; вины его хороши очень, и ко всякому есть фразочка:это фаворитина Питта славнаго. Посылая Малагу консулу Гишпанскому, вскричалъ: ecco la cara patria! Анна Петр. очень пріятная болтушка и собирается прислать тебѣ въ обмѣнъ рябушки и корюшки. Я провелъ очень пріятно время свое и поѣду еще разъ обѣдать. Ѣздилъ я съ Мечниковымъ, который открылся мнѣ, что ждетъ отъ меня сестры Лизы, а отъ нея мѣсто Калинина! Каковъ! Куда же Калинина?—«Въ сенаторы!» вскричалъ онъ, махнувъ рукою, «въ сенаторы; у него 100 т. наличныхъ денегъ, кромѣ вещей; въ сенаторы его, старика!» Cette prétention de bon Metchnikoff m'a beaucoup amusé. La fille de c-te Golovine se marie avec Frédro le g-l polonais. Ну, прощай; я—человѣкъ! Опять Фонтонъ явился и часъ меня мучилъ; хорошо, что прежде успѣлъ написать; онъ и теперь болтаетъ, а я доканчиваю письмо.

*

Суббота, 17.

Умно очень сдѣлали мы, что рѣшили скоро мою поѣздку сюда; три дня позже было бы уже затрудненіе, ибо нельзя знать, будетъ ли Гурьевъ послѣ этого Понедѣльника еще допущенъ къ Государю. Лобановъ двѣ недѣли этого ждетъ и не можетъ получить. Въ первый докладъ дѣло устроено, положено, во второй подпишется указъ, а тамъ примусь за банковое дѣло; но ежели увижу, что пойдетъ въ завязку, то препоручу Журавлеву, а самъ качай въ Москву! Божья рука все это устроила къ нашему спокойствію. Остается намъ въ Москвѣ жить припѣваючи. Домъ дѣло десятое, но отдавать не слѣдуетъ никакъ по совѣту всѣхъ здѣшнихъ.

Жуковскаго я все еще не видалъ, ибо за дурною погодою отказался съ Тургеневымъ ѣхать въ Царское Село. Въ Москвѣ будемъ опять дуться въ билліардъ, а я здѣсь удивляю своею игрою (c'est le roi borgne dans le pays des aveugles), а Гурьевъ подшучиваетъ надъ Гришей Орловымъ, который со мною пикируется. «Но-съ! говоритъ толстякъ, allons, m. le comte, ne perdez pas courage, croisez votre bille dans cette blouse». Закревскій цѣлый день работаетъ, какъ собака, а въ отсутствіе Государево будетъ отправлять должность Волконскаго. Въ Москвѣ попляшемъ на его свадьбѣ. У него куча фруктъ въ углу, и онъ то одного, то другого поѣстъ, а все ему присылаетъ это невѣста изъ Москвы*).

---

*) Графиня Агрипина Ѳедоровна Толстая.

Мазаровичъ поѣхалъ вчера къ своему посту въ Персію, накупивъ пропасть сыру и всякаго лакомства на дорогу.

Mad. Narichkine M. A. me disait: «Je viens-d'entendre la Catalani, et je suis charmé d'avoir entendu celle-ci aussi. Говорятъ, что она поѣдетъ и въ Москву. Si elle y chantait avec Siborci, la salle d'Apraxine crouerait. Cependant je ne lui ferai jamais l'injure de la comparer à ce taurau. Le beau Kabloukoff, qui c'est marié à Moscou à la c-sse Zavadofsky, va être jugé pour l'affaire avec la Poutiatine. Zakrefsky dit, что ему солдатства не миновать, потому что онъ осмѣлился свидѣтельствовать именемъ Государя, что это не Путятина, а дѣвица Демидова. Хорошъ соколъ! Бѣдному Алексѣю Орлову хуже. Не пустили кровь тотчасъ, а теперь кинулась вся въ ногу, которая пухнетъ и налилась мокротами.

*

18-го. Воскресенье.

Ѣздилъ къ Тургеневу и Сверчкову, отъ котораго слышалъ, что Гурьеву назначено работать съ Государемъ въ Среду, а не завтра, какъ сказывалъ мнѣ Дмитр. Александровичъ. Сегодня ѣду къ нему на вечеръ и узнаю вѣрнѣе отъ него самого, хоть только два дня разницы, но все жаль отсрочки. Я бы въ Среду могъ уже пуститься въ Москву. Такъ и быть. Нессельроде я не видалъ. Разлетѣлся было къ нему, но онъ поѣхалъ очень рано въ Царское Село съ послѣдними докладами, будетъ откланиваться Императрицамъ и, вѣроятно, ночуетъ въ Царскомъ Селѣ. Во Вторникъ или Среду отправляется въ чужіе края. Мы встали сейчасъ со стола; Закревскій пробовалъ новаго повара. Насъ перепоили и я объѣлся. Ты мнѣ далъ двѣ бутылки полынскаго вина на дорогу. Я выпилъ только одну, а другую мы выпили теперь. Марченкѣ очень оно полюбилось. Я ему обѣщалъ, что ты пришлешь ему этого вина. Онъ велѣлъ тебѣ сказать, чтобы ты впредь ранѣе увѣдомлялъ его о желаніяхъ твоихъ, а то ты пишешь ему тогда, какъ дѣло уже рѣшено, и онъ быть тебѣ полезнымъ не можетъ, несмотря на все желаніе.

Можно еще поболтать. Двѣнадцатый часъ, раздѣлся, закурилъ трубочку, давай писать. Гурьева засадила меня съ собою въ вистъ, третья была крикунья Ожаровская, а четвертый молчаливый Dirnberg, посланникъ. 55 рубликовъ съ меня слупили.

Графъ далъ мнѣ довѣренность вмѣсто его подписать условіе съ Пріори, а не худо тебѣ, между тѣмъ, te piquer, рѣшивъ, которое мѣсто удобнѣе: Ключаревское ли или другое, на Москвѣ-рѣкѣ, о коемъ узнать можешь отъ управляющаго учетною конторою въ Москвѣ, твоего знакомца Молдавскаго, забылъ имя, кажется, Савельевъ. Гурьевъ въ

Среду ѣдетъ въ Царское съ докладами. Записку мою отдалъ тестю; по оной напишется указъ или рескриптъ министру финансовъ. Je disai au comte, que m-r Gourieff n'aille pas oublier. «Allons donc, répondit-il: il a lui même très à coeur de finir cela, et je vous répète que vous lui avez donné dans l'oeil».

*

Петербургъ, 19 Августа 1818.

Я обѣдалъ сегодня у Журавлева. Роза Карловна очень тебѣ кланяется. Добрая бабёнка, и они живутъ очень согласно и счастливы. Дѣтки милыя. Онъ всѣмъ ворочаетъ у Лобанова, который его очень любитъ. Только ужасъ, что̀ работы. Съ утра по обѣдъ, а послѣ обѣда до вечера своихъ не видитъ. Онъ говоритъ, чтобы тетушка была покойна. Ей не дадутъ ничего, но и отъ нея требовать ничего не будутъ. Пришли ему свидѣтельство, что она вдова, для пенсіона ея. Театръ два шага отъ меня. Сегодня давали Ораціевъ Шимароза. Изрядно! Театръ красивъ. Сандунова не думаетъ старѣть, за то толстѣетъ. Былъ я у кн. Никиты сегодня. Онъ получилъ свою экспедицію и неохотно ѣдетъ въ Лондонъ, хотя 600 р. на проѣздъ и по 200 р. въ мѣсяцъ. Я ему предсказываю, что когда окончитъ покупку лошадей, то велятъ ему покупать сукно, а тамъ хрусталь, а тамъ бритвы и такъ далѣе. Говорилъ, что жена сѣтуетъ (пишетъ будто бы ему), что онъ забрался въ Лондонъ, а она его и упекла туда, и что уговариваетъ имѣть лучше препорученіе въ Неаполь (я чаю, покупать макароны). Еще не собирается ли она изъ Одессы въ Стокгольмъ? Тургеневу говорилъ я о неизбѣжномъ Попандопуло; онъ сказалъ, что хорошо, но, кажется, ожидаетъ книги его. Нессельродъ мнѣ говорилъ, что онъ никакъ не оставитъ Яковлева-сына, но что вдругъ все нельзя сдѣлать. Il dit que c'est un bon garçon, mais encore ignorant, pour les formes, les langues. Il l'a remi à Polénoff, qui fait maintenant une partie de travail de la chancellerie, et qu'après 6 mois il lui donnera des appointemens et l'enverra à une mission, mais qu'aux missions on envoye des gens qui ont déjà un peu la routine. Le comte s'étonna que Priory ne paraisse pas encore. Il m'a prié de passer chez lui pour mettre de côté votre part de je ne sais quelle liqueur, arrivée de l'étranger.

Петербургъ, 20 Августа 1818.

Нессельрода я вчера проводилъ. При самомъ отъѣздѣ получилъ онъ твое и Пріорево письма, на кои отвѣчать препоручилъ Родофиникину, и очень былъ онъ доволенъ поспѣшностью, съ которою все дѣлается въ Москвѣ. Le comte m'a dit, qu'il y avait à Berlin une école de distillation et qu'il prendrait là un jeune garçon à peu de frais au lieu

de le prendre à Dantzig. Dites cela à m-r Priory. Le comte est parti à la hâte. Il y a trop de formalité, telle que расписываться въ книгѣ; or, le contrat sera signé par moi по данной отъ графа довѣренности. Le comte venait de chez Gourieff auquel il était aller dire adieu. Il m'a dit: mon beau père m'a encore dit que votre oukaze serait signée Mercredi et qu'il l'a rédigé d'après votre записка. — J'ai été le matin voir la vielle et respectable mère de Polética. Elle a été très sensible à cette attention. Я у нея часа два просидѣлъ. Былъ у дочерей князя Петра Алексѣевича въ Институтѣ. On est très content d'elles. Puis j'ai couru les magasins faire quelques emplettes. Il faut apporter des petits cadeaux aux amis de Moscou. Вчера дулся въ вистъ съ Гурьевой.

Сегодня будетъ Государь изъ Царскаго Села, а во Вторникъ возвращается туда почевать.

Петербургъ прекрасенъ, но тоска возметъ въ немъ жить; время же препакостное, сыро и мокро. Здѣсь всѣ съ утра до ночи работаютъ, пишутъ, не съ кѣмъ и побалагурить. Однакоже иной разъ удастся поиграть съ адъютантами (которые славные ребята) въ бостонъ тройной, побренчать на клавикордахъ, да въ запуски покурить трубочку. Очень мнѣ хорошо у Закревскаго, но все не Москва, не почта, не Смердино!

*

Петербургъ, 21 Августа 1818.

Не смотря на дурную погоду, Государь прiѣзжалъ изъ Царскаго Села учить егерей и очень былъ ими доволенъ.

On m'annonce Swertskoff. Il vient à propos, ce bon garçon. Je viens de parler une heure bien agréablement. M-r Gourieff est rentré hier très tard. Il a annoncé à Swertskoff que l'oukaze était signée. C'est trés heureux, car l'Empereur va pour deux jours à Strelna. Il ne viendra ici que pour une grande parade d'adieu et retourne à Czarskoé Sélo pour se mettre en route.

*

Петербургъ, 22 Августа 1818.

Въ вечеру ѣду къ Гурьеву: надобно выпросить копiю съ указа, да стараться скорѣе деньги выручить. 25 т. надобно оставить здѣсь фельдмаршальшѣ Пушкиной, которая, узнавъ, что я здѣсь, начала уже душить меня.—Что же касается до Щербатова *), наплевать хочу я теперь на его жалобы: пусть себѣ подаетъ просьбы кому хочетъ, только чтобы онъ себѣ не расквасилъ самъ носу, а то могу и я оказать ему эту услугу. Покуда касается онъ имѣнiя нашего, я ни слова

*) Этотъ князь Щербатовъ былъ женатъ на племянницѣ Якова Ивановича Булгакова (дочери его брата Петра) и потому заявлялъ притязанiя на Московскiй его домъ.

не говорю; но ежели осмѣлится врать вздоръ и ежели дойдетъ до меня, я ему уши сдѣлаю такія, чтобы онъ походилъ впередъ на осла. Кикинъ на дачѣ. Закревскій ѣдетъ къ нему завтра нарочно узнать. Я ему далъ записку о глупой претензіи стараго камеръ-юнкера на домъ. Прошу Кикина, бывшаго главнымъ посредникомъ, рѣшить это недоумѣніе, съ тѣмъ, что я и спорить не буду противъ того, что онъ скажетъ, полагаясь на его справедливость. Тутъ не казусное дѣло, а за вздорныя просьбы на Государево лицо скажутъ и дурака; есть на это суды.—Годовой отчетъ деревенскій не важенъ. Этотъ несчастный пожаръ надѣлалъ намъ убытковъ. Въ этомъ году только 66.000 доходовъ было, а я считалъ на 85 или 90 т. Хлѣбъ сгорѣлъ, это тысячъ 35 менѣе; да надобно было купить тысячъ на 13 хлѣба на винокурню. Не стану тебѣ всего этого толковать, это для тебя вещь незнакомая, да и скучная; но дѣло въ томъ, что мѣры беру такія, чтобы отсутствіе Чурилова сдѣлать на этотъ годъ нечувствительнымъ въ доходахъ, и я надѣюсь, что они по урожаю будутъ равны съ прошлогодними, ежели не превосходнѣе.

*

23 Августа.

Долго идутъ письма сюда очень. У насъ никогда не доходятъ позже пятаго дня, а здѣсь иной разъ раздаются въ 7-й, 8-й и 9-й день; вообще, правду надобно говорить, нашъ почтамтъ исправнѣе здѣшняго; всѣ въ томъ согласны, а я вижу это опытомъ. Наконецъ, и ты получилъ письмо отъ Нессельрода, но оно немного должно было тебя успокоить. Очень хорошо устроили мы это. Надобно было пріѣхать сюда, а ежели бы это было тремя днями позже, то не сдѣлалось бы ничего до возвращенія государева.

Беннеръ хочетъ немного поправить у меня ротъ въ портретѣ, а у тебя пузо, которое Наташѣ не нравилось. Мы съ нимъ смотрѣли литографію, заведенную здѣсь твоимъ знакомымъ Вѣнскимъ Шилингомъ. Прилагаемый проектъ вырѣзанъ на камнѣ этимъ манеромъ. Я и рисунки тебѣ везу разные и очень похожій портретъ генерала Ермолова.

Этотъ балагуръ Александръ Львовичъ послѣ ужина взялъ Гурьева въ другую комнату и до втораго часу его душилъ. Всѣ разъѣхались. Я все пережидалъ; но, наконецъ, Д. А. пошелъ спать въ маленькую гостиную, и я не могъ поговорить съ нимъ; впрочемъ, онъ прежде мнѣ говорилъ самъ, что выдачу денегъ кончитъ тотчасъ. Князь А. И. Лобановъ, который задаетъ себѣ тоны въ билліардѣ, началъ со мною играть. Гурьевъ просилъ меня его попотчевать, и я у него вы-

9*

игралъ шесть партій съ ряду, а послѣднюю оставилъ его на двухъ. Тьфу, чортъ! сказалъ онъ: il a mangé un chien, посылайте его скорѣе въ Москву! Il joue comme un enragé. Однакоже подъ конецъ менѣе подпускалъ шуточекъ, а сначала горячился, пароли, да à rebours, да 90 и проигралъ мнѣ. Гурьевъ спросилъ: ага, что, это не Мечниковъ, не Нессельродъ?—Какой чортъ, въ одномъ 4 вершка, а въ другомъ полтора, а въ Московскомъ-то 2 аршина 6 вершковъ, какъ не болѣе.

Здѣсь до отъѣзда не будетъ ничего. Вязмитиновъ очень доволенъ графствомъ (съ потомствомъ); ему 100 лѣтъ, а женѣ 90, а дѣтей нѣтъ. А Милорадовичъ очень доволенъ генер.-губернаторствомъ, взялъ профессора Кукольникова учиться законамъ. Бѣдный П. В. Кутузовъ отчаянно боленъ подлѣйшею подагрòю. Вчера едва узналъ Закревскаго, который къ нему поѣхалъ сейчасъ опять.—Третьяго дня была дуэль на пистолетахъ между Потоцкими Léon и Yaroslaw за самый вздоръ; и ссоры не было, но ихъ подбили, говорятъ, добрые люди. Никто никого не ранилъ.—Свита императрицы Ел. Алек. умножена фрейлиною Саблуковой; вотъ бы и Тургеневу тутъ уже какъ-нибудь ѣхать[1]). Императрицѣ Мар. Θеод., которая ѣдетъ черезъ Варшаву, готовятся тамъ же пять баловъ. Сегодня выносъ тѣла князя Ал. Борисовича Куракина въ Невскій монастырь, а тамъ будетъ положенъ въ Павловскомъ. Весь городъ туда ѣдетъ, и думаютъ, что и дворъ почтитъ память его своимъ присутствіемъ. Ежели бы не почта, я бы туда непремѣнно поѣхалъ; но не было ничего заготовлено къ почтѣ.

*

Петербургъ, 25 Августа 1818.

Сегодня положено было обѣдать дома и пробовать еще повара; вмѣсто того получилъ приглашеніе отъ Гурьева обѣдать у него. Тѣмъ менѣе могъ я это отказать, что собрался ѣхать туда на вечеръ именно, чтобы попросить Дм. Алек. скорѣе меня отправить обратно въ Москву. Плотно поѣлъ, столъ славный. Послѣ обѣда на балконѣ, пивши кофе, я нашелъ минуту къ нему подойти и просилъ его довершить начатое и кончить дѣло. Онъ велѣлъ мнѣ быть къ себѣ въ Понедѣльникъ по утру въ девять часовъ, прибавивъ: nous finirons cela tout de suite. Я воспользовался симъ случаемъ, чтобы просить и о Фастѣ. Онъ сказалъ: je ne suis pas au fait de la chose, mais parlez en à m-r Metschnikoff. Этотъ мнѣ обѣщалъ сдѣлать непремѣнно, но я все боюсь, что не состоится до отъѣзда Государева. Дѣло въ томъ, что Мечниковъ не затрудняется просить 2 Анну, какъ Фасть говоритъ въ послѣдней своей запискѣ.

---

[1]) А. И. Тургеневъ думалъ жениться на этой Саблуковой.

[2]) Другъ Булгаковыхъ Фавстъ Петровичъ Макеровскій впослѣдствіи былъ начальникомъ Горнаго Правленія въ Москвѣ (которое помѣщалось въ родномъ ему, бывшемъ Нарышкинскомъ, домѣ, на Моховой).

Марченко сказывалъ, что сегодня въ комитетѣ всѣ строенія безъ изъятія отмѣнены, въ томъ числѣ и Почтамтъ; что ежели бы, вмѣсто понемногу въ годы, потребовалъ ты хоть два милліона, но вдругъ, то дали бы. Я не понимаю этого расчета. Жаль, что не будетъ этого славнаго строенія въ Москвѣ, а М. прибавилъ: дай срокъ, пріѣдетъ Государь въ Москву, опять отмѣнитъ комитетское положеніе. Представленій никакихъ не имѣетъ быть при дворѣ, и я жалѣлъ, что не увижу ни Государя, ни Императрицъ. Только сегодня гуляю пѣшкомъ. У подъѣзда государева вижу толпу людей. — Что̀ такое? Подвозится карета для имнер. Ел. Алек. Я подошелъ. Государыня садится въ карету ѣхать въ Царское Село. Кланяясь народу, увидала меня и подозвала. Я къ каретѣ подбѣжалъ, и она изволила разговаривать со мною минутъ съ пять чрезвычайно милостиво. Спрашивала, давно ли пріѣхалъ, за дѣломъ ли, о женѣ, о твоей прошедшей болѣзни и проч., и я въ восхищеніи, что уѣду отсюда, видѣвъ Государыню, и даже говоривъ съ нею. Императрицу Мар. Ѳед. встрѣтилъ я на Полицейскомъ мосту, но она меня не узнала, кажется. Государя буду ловить въ Понедѣльникъ на большомъ парадѣ.—Вчера въ вечеру былъ я у Голицыной, очень поздно тамъ заболтался, говорилъ много о Москвѣ. Она тебѣ будетъ писать, чтобы благодарить за почтальона, коимъ очень была довольна дорогой. Письмо ей отдали. Она, можетъ быть, опять поѣдетъ въ Москву.—Нечаянно зашелъ я вчера въ театръ; давали Прекраснаго Іосифа Мегюля; очень обрадовался, найдя тамъ Жуковскаго, который очень тебѣ приверженъ и цѣлуетъ тебя. Изъ театра заходилъ къ нему (онъ близко отъ меня), а отъ него пустился къ Голицыной. Вчера, идучи отъ Фонтона (который NB съ женой былъ уже въ театрѣ и оба прыгали на стулѣ отъ радости слышать оперу), попалось мнѣ странное явленіе на перспективѣ. Старикъ съ сѣдою бородою идетъ съ припрыжкою. Андреевская и Георгіевская звѣзды, военный шитый мундиръ, вмѣсто камзола жилетъ атласный синій, безъ шляпы и шпаги, сгорбившись. Вдругъ остановился, началъ кланяться въ землю передъ Казанскою. Увидѣвъ меня, началъ меня крестить и цѣловать. Кто это? Суворовъ! Нѣтъ, кто же? Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, шедшій въ этомъ убранствѣ домой изъ Невскаго монастыря, гдѣ былъ выносъ тѣла князя Куракина. Точно мертвецъ. За нимъ такъ и шла толпа народу, а онъ идетъ, какъ будто танцуя Польскій, но одинъ, даже безъ лакея. Экой чудакъ!

Закревскому ввѣрена должность начальника главнаго штаба на время отсутствія Государя. Князю Якову Ив. Лобанову пожалованъ 1-й Владиміръ. Кожуховъ губернаторомъ въ Курскъ. Меттерниха отецъ умеръ въ Вѣнѣ.

Во Вторникъ ѣдетъ Государь, въ Среду императрица Мар. Ѳедор., а въ Четвергъ императрица Ел. Алексѣевна. Похороны Куракина были великолѣпны. Весь дворъ былъ и великій князь. Службу отправлялъ преосвященный.—Былъ я въ Эрмитажѣ, который показывалъ мнѣ самъ Лабинской. Привезли Государю большой портретъ Велингтона (т.-е. Вилиѳтона), заказанный Жерару. Удивительная работа, во весь ростъ; говорятъ, что только не говоритъ. Я очень радъ, что имѣю теперь понятіе объ этой славной рожѣ. Въ Эрмитажѣ также славный Американскій воронъ, привезенный Сверчковымъ изъ Ріо Жанейро.

*

Петербургъ, 27 Августа 1818 г.

Я явился къ Гурьеву по его назначенію; не тутъ-то было, и этотъ съ утра улизнулъ въ Царское Село. Экая бѣда! Но все снесно, какъ подумаю, что дѣло-то въ шапкѣ; день, другой можно подождать, чтобы было въ карманахъ. Я видѣлъ славный парадъ поутру, 36.000 подъ ружьемъ. Чудо, что за войско. Время было прекрасное. Народу тьма на Семеновскомъ полѣ. Государь былъ доволенъ. Я видѣлъ Государя, ѣдущаго домой въ коляскѣ съ принцемъ Гомбургскимъ, и по поклону, кажется, что онъ меня узналъ. Сегодня большой день для меня. Я праздновалъ его у Марьи Любимовны, обѣдалъ тамъ и съ Resiga da Rusiga пилъ здоровье своей дорогой имянинницы. Мартыновъ согласенъ на все, что хочешь, по 6000 р., хоть и расписки не давай. Сердитъ на кн. Петра Михайл., что не отдалъ Государю какой-то album; онъ было къ Милорадовичу, тотъ за все взялся и ничего не сдѣлалъ, и гнѣвенъ какъ Индѣйскій пѣтухъ.

По всѣмъ вѣроятностямъ, мы выѣзжаемъ съ Закревскимъ въ Четвергъ поутру. Я въ восхищеніи, что пускаюсь въ безцѣнную Москву. Закревскій, кажется, флегматикъ, а одно кричитъ: у тебя то и дѣло письма изъ Москвы; а я, по милости твоего брата, ничего не получаю, а въ другое время говорилъ, что Толстова люди пропиваютъ деньги и письма на почту не отдаютъ. Вольно имъ не адресовать ихъ черезъ тебя. Завтра съ милымъ Закревскимъ, Тургеневымъ и Жуковскимъ обѣдаемъ у Лонгинова. Тургеневъ n'est pas gai. Его всѣ поздравляютъ съ лентою, которой до сей минуты не получилъ, да и не ожидаетъ, а были многія милости вице-губернаторамъ. Рынкевичу 3-го Владимира. Въ Комиссіи прошеній много награжденій отъ Лобанова до послѣдняго. Славному Кикину дали въ третій разъ алмазную Анну, а потомъ сказали, что это ошибкою. Гурьевскіе также награждены. Узнаю подробнѣе завтра отъ Закревскаго, который ночуетъ въ Царскомъ Селѣ. Я встрѣтилъ на улицѣ Козодавлева, завалилъ компли-

ментами: сдѣлайте милость, еще разъ отобѣдайте у меня до отъѣзда вашего завтра.—Невозможно! —Во Вторникъ?—Я далъ слово.—Въ Среду? Нечего дѣлать, а скучно таскаться на дачу: теряешь цѣлый день, а мнѣ въ Четвергъ улизнуть хочется. Наши портреты все гуляютъ. Бепперъ хочетъ надъ моимъ еще поработать одинъ séance. Онъ тебя превозноситъ до небесъ за подписчиковъ и говоритъ всѣмъ: grâce à mon bienfaiteur, le directeur de poste de Moscou, même les Cosaques s'abonnent. Мы втурили и Калинина въ подписчики. Бланкеты тебѣ пришлетъ со мною. Вотъ кто уѣхалъ за Нессельродомъ: Стурдза, Сѣверинъ, Гульяновъ, Холщенской, Сакенъ, а Миллеръ уже тамъ съ гр. К., и фельдъегерь Солонинъ, котораго я у Закревскаго выпросилъ; ему дастъ графъ чинъ. Убри опять остается калифомъ. Шулепову хотѣлось на конгрессъ. Шатонефъ хочетъ ѣхать въ Москву жениться. Je n'ai pas eu le coeur d'aller voir Sévérine, qui est encore inconsolable.

Кто ко мнѣ явился вдругъ въ вечеру?—Добрый Мишò; ужъ онъ цѣловалъ меня, ужъ говорилъ о тебѣ, плакалъ отъ радости, узнавъ, что мы поустроили дѣла наши. Онъ будетъ, можетъ, въ Москву, ежели не помѣшаетъ ему какая-то комиссія, въ которую онъ посаженъ съ вел. кн. Николаемъ Павловичемъ. Какой это безцѣнный малый!

Я былъ сейчасъ у Дмитрія Александровича, онъ далъ мнѣ записку въ Кабинетъ, для полученія денегъ, которыя выдадутъ мнѣ завтра, въ 9 часовъ утра. Я былъ и въ Кабинетѣ; тамъ начальникъ Литке, добрый человѣкъ, предлагалъ и сегодня дать 50 т., но лучше взять вдругъ. Спасибо Гурьеву, который на себя взялъ дать мнѣ всю сумму, хотя я не имѣю отъ тебя довѣренности.

Обязательство подписалъ я одинъ; ты подпишешь также въ Москвѣ, и я его доставлю Гурьеву: такъ условлено у насъ. Все славно; только въ Банкѣ не можетъ дѣло такъ кончено быть вдругъ, но устроимъ и это: никто же въ тюрьму не сажаетъ насъ. Тѣ 100 т. могутъ явиться и послѣ. Sachant que Zakrevsky a besoin d'argent pour la nôce, et connaissant l'ordre qui règne dans ses affaires et sa probité, je lui a offert de notre part ce qu'il veut. Il m'a dit que s'il était dans le cas d'emprunter, il me demanderait sans façons. Каковъ же онъ? Выпросилъ своему тестю будущему ключъ и посаженъ въ члены въ Кремлевскую Экспедицію. Гурьевъ сказалъ мнѣ, что вышелъ отъ Государя во второмъ часу, что послѣ вошелъ Аракчеевъ, но что коляска дорожная была подвезена. Есть манифестъ о рекрутскомъ наборѣ съ 500 по два.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

Императоръ Николай Павловичъ былъ большимъ знатокомъ живописи. Въ большой гостиной С.-Петербургскаго митрополита въ Невской Лаврѣ поражаетъ колоссальная картина работы Боровиковскаго, изображающая св. муропомазаніе Елисаветы Алексѣевны передъ вступленіемъ ея въ бракъ съ Александромъ Павловичемъ. На первомъ планѣ митрополитъ Гавріилъ, совершающій св. таинство и передъ нимъ колѣнопреклоненною великая княжна. Близъ него императрица Екатерина II, цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ супругою, в. к. Александръ Павловичъ, в. к. Константинъ Павловичъ, а вокругъ нихъ придворные. Всѣ написаны въ натуральную величину. Картина въ высшей степени художественна. На вопросъ мой, какъ она сюда попала, покойный митрополитъ Палладій сказалъ: „А вотъ такой же вопросъ сдѣлалъ императоръ Николай Павловичъ митрополиту Серафиму. Послѣдній ему объяснилъ, что она подарена императоромъ Павломъ митрополиту Гавріилу, совершавшему св. таинство. Императоръ долго любовался этою картиной. Замѣтивъ, что картина очень понравилась Государю, митрополитъ предложилъ ее принять. „Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ императоръ, быть ей тамъ, гдѣ поставлена“.

Въ этомъ отказѣ сказалась высокая черта характера Императора, но не вовлекла ли она его въ ошибку? Будь картина эта въ Эрмитажѣ или нынѣ въ Музеѣ императора Александра III, она была бы общимъ достояніемъ; теперь же ею могутъ любоваться лишь не многія лица. Картина эта цѣнна своимъ историческимъ содержаніемъ, точнымъ изображеніемъ историческихъ лицъ, наконецъ, цѣнна, какъ свидѣтельство о высокомъ состояніи Русской живописи еще въ концѣ XVIII столѣтія.

И. Листовскій.

ДАГЕСТАНСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. П. ЕРМОЛОВѢ.

Прочнымъ утвержденіемъ своей власти въ Дагестанѣ, преимущественно въ прибрежной его части, Россія обязана Алексѣю Петровичу Ермолову. Не его, конечно, вина, если, по его отозваніи, преемники его не сумѣли воспользоваться сдѣланнымъ имъ и докончить начатое имъ. Дагестанъ былъ знакомъ Алексѣю Петровичу съ юныхъ лѣтъ: въ чинѣ капитана артиллеріи онъ, во время похода графа Зубова, командуя батареею, «дѣйствовалъ съ успѣхомъ къ большему вреду непріятеля», во время осады Дербента, «вѣковыя стѣны котораго разрушались съ страшнымъ трескомъ» [1]). Замѣтимъ, кстати, что впослѣдствіи онъ исправилъ вредъ, нанесенный имъ городу: цѣлый рядъ его распоряженій, занимающихъ нѣсколько страницъ въ фоліантахъ Кавказской Археографической Комиссіи, доказываютъ его заботливость объ устройствѣ Дербента, который ему многимъ обязанъ своимъ благоустройствомъ и расширеніемъ, особенно по направленію къ морю. Вступивъ въ управленіе краемъ и командованіе войсками, о чемъ онъ объявилъ «всѣмъ новымъ по службѣ товарищамъ» въ приказѣ отъ 12 Октября 1818 г., Алексѣй Петровичъ въ скорости долженъ былъ обратить свое вниманіе на Дагестанъ; какъ извѣстно, цѣлый рядъ походовъ его туда привелъ въ покорность Шамхальство, Мехтулу, Акушу, Казикумухское ханство, владѣнія Уцмія и т. д. Въ письмѣ къ будущему князю М. С. Воронцову отъ 24 Февраля 1817 г. [2]) изъ Тифлиса онъ такъ характеризуетъ принятую имъ систему дѣйствій: «Всѣ подвиги мои состоятъ въ томъ, ... чтобы воспретить какому-нибудь хану по произволу его рѣзать носъ и уши, который въ образѣ мыслей своемъ не допускаетъ существованія власти, если она не сопровождаема истребленіемъ и кровопролитіемъ... Терзаютъ меня ханства, стыдящія насъ своимъ бытіемъ. Управленіе ханами есть изображеніе первоначальнаго образованія обществъ. Вотъ образецъ всего

---

[1]) Записки Ермолова, I, прилож., 2—3, грамота Екатерины II отъ 23 Сент. 1796 г. Погодинъ: Матер. для біогр. А. П. Ермолова, 13—14, 240.

[2]) Архивъ Князя Воронцова, XXXVI, 184—185.

злодѣйскаго самовластія и всѣхъ распутствъ, унижающихъ человѣчество». Слѣдуя этой системѣ, вполнѣ раціональной, но, къ сожалѣнію, не находившей послѣдователей ни въ предшественникахъ, ни въ преемникахъ его по управленію Кавказомъ, Ермоловъ круто измѣнилъ отношенія къ мѣстнымъ Дагестанскимъ владѣтелямъ [1]), и результаты не замедлили сказаться. Интересный примѣръ того, что народъ понялъ его систему и, не смотря на бѣдствія, съ которыми сопряжены военныя дѣла, сумѣлъ отмѣтить ее, какъ мы видимъ въ пѣснѣ, записанной нами въ сел. Дженгутаѣ (Нижнемъ, бывшемъ столицею Мехтулинскаго ханства). Вѣроятно, эта пѣсня составляетъ, въ томъ видѣ, какъ мы ее слышали, только отрывокъ. Вотъ она въ подлинникѣ на Кумыкскомъ языкѣ:

Ермай ярмалаты,
Биланы іоргалаты,
Параулну ялаты,
Джунгутайны талаты [2]), т. е.

«Ермолай началъ дробить, заставилъ (пріучилъ) князей ходить иноходью, Параулъ сжечь, Дженгутай приказалъ разграбить».

Еще болѣе видно пониманіе народомъ политики Ермолова въ пѣснѣ, которая поется про его походъ въ Акушу (1819 г.) въ горномъ Кайтолѣ, Акушѣ и другихъ Даргинскихъ обществахъ. Переводъ ея напечатанъ въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ», изданіи бывшаго Кавказскаго Горскаго Управленія (II, стр. 42—44). Въ виду интереса пѣсни и малаго распространенія изданія, въ которомъ она напечатана, приводимъ ее здѣсь:

«Ермоловъ и шамхалъ ежемѣсячно сходились на границѣ Дарги и совѣтовались, какъ бы покорить ее.

Тамъ, гдѣ ни курица, ни лисица во всю свою жизнь не могли бы отыскать тропинки, чтобы пробраться въ Даргу, Ермоловъ въ 3 часа нашелъ дорогу.

Ермоловъ, въ присутствіи Государя, ѣлъ очень мало, какъ ручной ястребъ, а бросался на враговъ, какъ голодный и разъяренный левъ.

Руками онъ дѣйствовалъ подобно молоту, дробящему камни.

Когда Ермоловъ сидѣлъ, то всѣ беки предъ нимъ стояли, какъ солдаты.

---

[1]) Характернымъ въ этомъ отношеніи является письмо Ермолова къ Ахмедъ-хану. Аварскому въ Актахъ Кавк. Археогр. Ком., VI, 2, 22—23, № 46, отъ 18 Августа 1818 г

[2]) Записано со словъ ротмистра Дагестанскаго коннаго полка И. Б. Нурича.

Ермоловъ, ты внезапно появился въ Даргѣ, съ повозками, наполненными серебромъ, и съ лошадьми, навьюченными сумками съ золотомъ.

Какъ два противные вѣтра сталкиваются въ одномъ мѣстѣ и потомъ разлетаются, такъ точно и Акушинцы, страшась сильнаго и храбраго Ермолова, узнавъ о его приближеніи, собрались въ одну кучу, а едва увидѣли его—разбѣжались въ разныя стороны.

Какъ только Ермоловъ пришелъ въ Акушу, постарѣли и посѣдѣли отъ страха Акушинскіе кадіи и старшины.

Народная память сохранитъ славу объ Ермоловѣ до тѣхъ поръ, пока міръ не разрушится.

Ермоловъ, ни разу не употребляя ни пороху, ни ружей, ни пушекъ, покорилъ нашу Даргу одной острой саблей.

Ермоловъ, развѣ тебѣ не жаль было разорять нашу Даргу, видя слезы и слыша плачъ и рыданіе нашихъ бѣдныхъ женъ и дѣтей?

Ты пріобрѣлъ въ Даргѣ и на всемъ Кавказѣ столь великую славу, какъ Турецкій султанъ.

Ты такъ разорилъ насъ и навелъ столь великій и сильный страхъ на нашъ народъ, какъ шахъ Персидскій (Надиръ).

Бѣдныхъ онъ наградилъ деньгами, а голодныхъ накормилъ хлѣбомъ».

Съ легкой руки Кавказскихъ дѣятелей послѣ Ермолова, думавшихъ утвердить Русскую государственную власть при помощи власти хановъ и высшаго сословія, столь ярко и вѣрно охарактизированныхъ Алексѣемъ Петровичемъ въ выше приведенномъ письмѣ, на него взведено обвиненіе въ жестокости и даже звѣрствѣ. На это обвиненіе отвѣчаетъ отчасти самъ Ермоловъ въ письмѣ къ В. Д. Давыдову отъ 6 Января 1820 года изъ сел. Параула: «Я пріятное лицо мое омрачилъ густыми усами; ибо, не плѣняя именемъ, небезполезно страшить наружностью. Здѣсь всякое безобразіе у мѣста... Я многихъ, по необходимости, придержался Азіатскихъ обычаевъ, и вижу, что проконсулъ Кавказа жестокость здѣшнихъ нравовъ не можетъ укротить мягкосердіемъ. И я ношу кинжалъ, безъ котораго ни шагу. Тебѣ истолкуетъ Раевскій слово канлы, значащее взаимную нѣжность. Онѣ здѣсь освящены закономъ, утверждены временемъ и приняты чистѣйшею нравственностью *)». Многое, что взведено было на Ермолова, было сдѣлано безъ его вѣдома, его подчиненными; самъ же онъ употреблялъ крутыя мѣры только тогда, когда въ нихъ была очевидная необходимость; ложною чувствительностью онъ, конечно, не отличался, да и къ чему привела она впослѣдствіи въ отношеніяхъ къ владѣтелямъ и ханамъ, доказалъ 1843 годъ. Письмо Алексѣя Петровича къ князю Ма-

*) Погодинъ, Матеріалы, 28—9.

датову отъ 11 Сент. 1819 г. ясно доказываетъ, что онъ зналъ не одну только жестокость, какъ говорили его враги. «Одобряю весьма, что возвратили захваченныхъ женщинъ; не говорю ничего и противъ освобожденія плѣнныхъ, ибо полезно вразумить, что Русскіе великодушно даруютъ и самую жизнь, когда не дѣлаютъ упрямой и безразсудной защиты... Внушить войскамъ, чтобы не защищающагося или бросающаго оружіе щадить непремѣнно; при малѣйшей защитѣ истреблять необходимо; отдавшихся, по усмотрѣнію, освобождать, но всегда удерживать бековъ и всякихъ приближенныхъ людей и служителей, принадлежащихъ измѣнникамъ, противъ насъ дѣйствующимъ» [1]). По справедливому выраженію нашего извѣстнаго военнаго историка, «Ермоловъ оставилъ горцамъ ужасъ къ своему имени не жестокостями, а безпрерывными побѣдами, проложеніемъ просѣкъ, разореніями ауловъ и стѣсненіями ихъ территоріи. Чеченцы, Кабардинцы, Лезгины и др. племена не терпѣли ни при комъ столько пораженій, сколько при Ермоловѣ. Вмѣсто прежней системы кротости и довѣрія, которыми горцы всегда пользовались ко вреду нашему, онъ употреблялъ болѣе дѣйствительныя средства, служившія къ обезсиленію неукротимыхъ, полудикихъ и своевольныхъ народовъ» [2]). Наконецъ, свидѣтельство императора Александра I снимаетъ съ памяти великаго правителя Кавказа обвиненіе въ жестокости; въ рескриптѣ отъ 15 Февраля 1824 г. сказано: «Но особенную мою благодарность заслуживаютъ благоразумныя мѣры кротости, принятыя вами для достиженія сей цѣли (успокоенія Дагестана). Онѣ совершенно соотвѣтствуютъ намѣреніямъ моимъ» [3]). По тому же поводу Императоръ писалъ Ермолову: «Лучшій образъ обхожденія съ поселянами покажетъ примѣръ превосходства управленія благоустроеннаго предъ своенравнымъ господствованіемъ Азіатскимъ и чрезъ то болѣе расположитъ сердца жителей къ державѣ, всегда готовой способствовать благу своихъ подданныхъ» [4]). Приведенныя выше пѣсни Дагестанскихъ горцевъ доказываютъ, что слова Александра I оказались справедливы; пѣсни не враждебны Ермолову, виновнику бѣдствій отъ военныхъ дѣйствій, вызванныхъ ханами, и даже подчеркиваютъ его заботливость къ простому люду и иронически указываютъ на его отношеніе къ бекамъ. Много прошло со времени отъѣзда Алексѣя Петровича изъ Кавказа, а добрая память о немъ жива среди горцевъ; уже въ 60-тыхъ годахъ князь Шаховской бесѣдовалъ съ Кабардинцами о немъ: они высоко ставили Ермолова, не смотря на то,

---

[1]) Погодинъ, Матеріалы, 287.
[2]) Н. Ѳ. Дубровинъ, Исторія войны на Кавказѣ, VI, 743.
[3]) Записки Ермолова, II, прилож., 172.
[4]) Жизнь князя Мадатова, 80.

что отъ него Кабарда много потерпѣла; они выразились такъ: «Если бы Ермоловъ встрѣтился одинъ съ двумя абреками, они бы его не тронули» [1]), т. е. изъ уваженія къ его доблести.

Живымъ воспоминаніемъ о Ермоловѣ въ Дагестанѣ осталось его потомство среди жителей селенія Гилли, Т.-Х.-Шуринскаго округа. Почти двадцать лѣтъ тому назадъ А. П. Берже сообщилъ свѣдѣнія объ «А. П. Ермоловѣ и его кебинныхъ женахъ на Кавказѣ» (1816—1827) [2]). Въ этой статьѣ рѣчь идетъ о кебинныхъ бракахъ, заключенныхъ Алексѣемъ Петровичемъ, конечно, для того, чтобы мирить съ собою горцевъ, во время разновременныхъ пребываній его въ Дагестанѣ.

Мы остановимся на кебинѣ, заключенномъ имъ въ 1820 году въ Параулѣ съ Кака-шуринскою жительницею Тотай. Она жила съ Ермоловымъ около 7 лѣтъ и имѣла отъ него сыновей: Аллахъ-Яра, Омара и третьяго, умершаго въ младенчествѣ, и дочь Сапіатъ (Софья-ханумъ, у Берже невѣрно Сатіатъ). По отозваніи Ермолова съ Кавказа, Тотай вернулась въ Дагестанъ, гдѣ вышла за жителя аула Гилли, Гебека, отъ котораго имѣла сына Гокъ-Коза и дочь Ниса-ханумъ, вышедшую за жителя того же селенія Сурхай-Даудъ-оглы. Какъ о матери, такъ и дѣтяхъ, заботился Ермоловъ изъ Россіи. 6 Октября 1855 г. онъ писалъ князю Бебутову въ Дагестанъ: «Случается также доставлять деньги живущей въ сел. Гили дочери моей Софіи, что вы не разъ дѣлали въ одолженіе меня», и проситъ переслать ей 300 р. и матери ея 200 р. [3]). Сыновья отъ Тотай, выписанные въ Россію, крещенные (Аллахъ-Ярь—Северъ, Омаръ—Клавдій) и усыновленные имъ, получили воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ [4]) и пользовались покровительствомъ его друзей. Въ письмѣ отъ 17 Марта 1852 г. Алексѣй Петровичъ благодаритъ князя Воронцова за сыновей, особенно за Клавдія, постояннаго жителя Т.-Х.-Шуры, «столицы незнаменитой», котораго Воронцовъ бралъ себѣ въ адъютанты [5]). Сапіатъ (Софья-ханумъ), умершая въ 1870 году, вышла замужъ за жителя Гилли, Паша-Махай-оглы, уже умершаго, отъ котораго имѣла сыновей: Зайнуддина, Сейфуддина, Зіядздуна и нѣсколько дочерей. Два послѣднихъ сына ея теперь уже покойники, но Зайнуддинъ здравствуетъ и состоитъ старшиною Гиллинскаго сельскаго общества; послѣдняя же дочь Рукіатъ,

---

[1]) Кн. Шаховской, Изъ воспоминаній о Кавказѣ. Воен. Сборникъ, 1876, № 10, 455.

[2]) Русская Старина, 1884, т. XLIII, 523—528.

[3]) Русская Старина, 1872, т. V, № 3, 453.

[4]) Письмо Ермолова къ Кикину отъ 17 Февраля 1843 г., Русская Старина, 1874, № 3, 563.

[5]) Архивъ Князя Воронцова, XXXVI, 412—413.

также живая, замужемъ за сыномъ Гоккоза. Такимъ образомъ, въ глухомъ аулѣ существуетъ внукъ Алексѣя Петровича. По его словамъ, по смерти Ермолова, мать его была извѣщена письмомъ о прекращеніи ей денежнаго пособія, получавшагося ею отъ Алексѣя Петровича. Бумагъ, кажется, кромѣ этого письма, у нихъ нѣтъ. Портретъ дочери Ермолова, Сапіатъ, въ національномъ костюмѣ, сдѣланный, судя по фотографіи, довольно давно и, который намъ удалось достать, поражаетъ сходствомъ ея съ отцомъ *).

Кстати о портретахъ Алексѣя Петровича. Въ г. Пятигорскѣ, въ ванномъ зданіи, носящемъ имя «Ермоловскаго», при входѣ висятъ два его портрета. Оригиналомъ, по крайней мѣрѣ, для одного изъ нихъ, очевидно, послужилъ превосходный портретъ, находящійся во дворцѣ главноначальствующаго гражд. частью на Кавказѣ въ Тифлисѣ, прекрасный снимокъ съ котораго приложенъ къ VI тому Актовъ Кавк. Археол. Комиссіи. Но работа копіи въ «Ермоловскомъ» зданіи ваннъ столь груба и даже ужасна, что, дѣйствительно, вмѣсто львиной головы Ермолова, представляетъ какое-то пугало. На робкое замѣчаніе о томъ, что очень жаль, что въ зданіи, носящемъ знаменитое имя оригинала портрета, сдѣлавшаго столь много и для Кавказскихъ минеральныхъ водъ, виситъ искажающій его обликъ портретъ, ванная дама-кассирша иронически замѣтила: «да развѣ вы его знали?» Очевидно, почтенной дамѣ невѣдомо, что такихъ историческихъ лицъ, какъ А. П. Ермоловъ, можно и не имѣть счастья знать лично, чтобы имѣть въ памяти ихъ обликъ. Нужно надѣяться, что администрація водъ, состоящая подъ главнымъ начальствомъ носителя того же славнаго имени, замѣнитъ портретъ Кавказскаго героя другимъ, болѣе достойнымъ его и его славной памяти.

Евг. Козубскій.

Т.-Х.-Шура, 30 Августа 1900 года.

---

*) Портретъ намъ удалось достать при любезномъ содѣйствіи И. А. Абдулаева.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА КЪ Е. П. ЛЮЦЕНКУ [1]).

Лѣтомъ 1899 года въ нѣкоторыхъ Московскихъ газетахъ было напечатано полученное однимъ изъ Москвичей отъ бѣднаго семейства, проживающаго въ провинціи, письмо Пушкина—къ кому именно, владѣльцы не могли объяснить. Текстъ его слѣдующій:

«Милостивый государь, Ефимъ Петровичъ!

Мнѣ, право, совѣстно за хлопоты, по которымъ ввожу ваше превосходительство. Смирдинъ не сдержалъ своего слова; полагаю въ самомъ дѣлѣ обстоятельства его запутаны. Печатаніе вашей поэмы не можетъ стоить 1500 рублей; онъ ошибается. Отъѣздъ мой въ деревню мѣшаетъ мнѣ взяться самому за это дѣло. Сейчасъ писалъ я барону Корфу, прося его походатайствовать за васъ, какъ за лицеиста. Надѣюсь, что съ своей стороны сдѣлаетъ онъ все возможное.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою.

А. Пушкинъ.

19-го Августа 1835 г.

Написано письмо это на бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ, и на второмъ листкѣ на свѣтъ видны водяныя буквы „А. Г. 1834 г.“ [2]).

Это письмо относится къ одному замѣчательному эпизоду изъ жизни Пушкина, очень важному для оцѣнки его благороднаго характера. Въ концѣ 1835 г. появилась въ продажѣ книжка, страницъ около ста, носившая названіе: „Вастола, или Желанія. Повѣсть въ стихахъ, соч. Виланда. Въ трехъ частяхъ. Изд. А. Пушкинымъ“. Помѣщенное на заглавномъ листѣ имя знаменитаго поэта, естественно, привлекло вниманіе публики и критики: и той, и другой пришлось разочароваться.

Вмѣсто великолѣпныхъ, звучныхъ Пушкинскихъ стиховъ, въ книжкѣ оказались тяжелыя, иногда просто глупыя вирши. Всѣ поняли, что авторъ поэмы—не Пушкинъ, и лишь недоумѣвали, какимъ образомъ приплетено его имя къ безобразному переводу не Богъ вѣсть какой удачной поэмы Виланда, которая даже въ спискѣ произведеній творца граціознаго „Оберона“ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Недоумѣвалъ и Бѣлинскій; но болѣе всего эта странная связь имени Пушкина съ переводомъ Виландовой поэмы пришлась по руку барону Брембеусу (О. И. Сенковскому), который въ первой же книгѣ „Библіотеки для Чтенія“ на 1836 годъ, воспользовавшись удобнымъ и рѣдкимъ случаемъ, постарался съ грязью смѣшать поэта. Изъ-за критики Сенковскаго у Пушкина загорѣлась ссора съ добрымъ знакомымъ С. С. Хлюстинымъ, которая чуть не окончилась поединкомъ. За подробностями этой исторіи отсылаемъ читателей къ сборнику П. И. Бартенева „*А. С. Пушкинъ*“ (часть II, стр. 73—84, Москва, 1885 г.), при чемъ замѣтимъ, что имя переводчика „Вастолы“ тогда еще не было извѣстно.

---

[1]) Эта статья была напечатана мною въ № 7819 „Новороссійскаго Телеграфа“, 24 Мая 1899 года, а здѣсь является съ нѣкоторыми дополненіями. *П. Л.*

[2]) Знаки „А. Г.“, вѣроятно, инициалы дѣда жены Пушкина, Аѳанасія Николаевича Гончарова, владѣвшаго бумажной фабрикой въ Полотняномъ заводѣ, Медынскаго уѣзда Калужской губерніи *П. Л.*

Самъ Пушкинъ въ первой книжкѣ своего „Современника“ оправдался передъ публикой, указавъ ей на истинное значеніе слова „издавать“, и заявилъ, что далъ переводчику „на прокатъ свое имя“, хотя тутъ же признался, что сдѣлалъ бы лучше, „давъ ему изъ своего кармана тысячу рублей“. Фамиліи его онъ не назвалъ и заявилъ лишь, что это „гражданинъ и литераторъ заслуженный, почтенный отецъ семейства, человѣкъ не богатый, но честный и благородный“.

Въ 1888 г. нѣкто „Землякъ изъ-подъ Глухова“ напечаталъ въ „Кіевской Старинѣ“ (№ 1, 3) замѣтку, въ которой, основываясь на какомъ-то печатномъ некрологѣ, утверждалъ, что переводчикомъ „Вастолы“ былъ *Ефимъ Петровичъ Люценко.* Это извѣстіе подтвердили розыски Б. Л. Модзалевскаго („Пушкинъ и Ефимъ Петровичъ Люценко. Историко-литературная замѣтка“. СПб., 1898).

Е. П. Люценко (1776—1854 гг.) съ Августа 1811 года до 20 Августа 1813 г. былъ секретаремъ хозяйственнаго правленія Царскосельскаго лицея и, конечно, зналъ Пушкина мальчикомъ. Онъ много лѣтъ трудился на литературной нивѣ, и въ числѣ его трудовъ находилась „Вастола“, которую Пушкинъ назвалъ своимъ изданіемъ. П. А. Плетневъ въ одномъ изъ писемъ къ Я. К. Гроту („Переписка“ ихъ, т. II, стр. 583) называетъ переводчика „Вастолы“, не упоминая его фамиліи, „бывшимъ учителемъ Пушкина“, вѣроятно предполагая, что въ Лицеѣ онъ былъ преподавателемъ. Очевидно, Пушкинъ позволилъ ему назвать себя издателемъ перевода для того, чтобы бѣдный старикъ-литераторъ получилъ денежную выгоду. Къ нему-то, несомнѣнно, и адресовано, разсматриваемое нами и помѣщенное выше, единственное дошедшее до насъ письмо Пушкина къ этому лицу. Нетрудно объяснить его содержаніе. Поэма, упоминаемая въ немъ,—„Вастола“. Очевидно, Смирдинъ, не смотря даже на хлопоты Пушкина, всячески уклонялся отъ изданія плохихъ стиховъ. „Отъѣздъ въ деревню“—указаніе на предстоявшую Пушкину поѣздку въ Михайловское, куда онъ и уѣхалъ 7 Сентября. Называя далѣе Люценко „лицеистомъ“, Пушкинъ, очевидно, разумѣлъ его бывшую службу въ Лицеѣ. Нужно предполагать, что Смирдина не удалось уломать напечатать поэму, и вотъ Люценко издалъ ее самъ, но заручившись согласіемъ Пушкина дать изданію свое имя.

Вся эта исторія, случившаяся, какъ нарочно, въ очень непріятное для поэта время, доставила Пушкину немало огорченій и чуть не вызвала поединка съ С. С. Хлюстинымъ [1]). Хотя Пушкинъ, столь хлопотавшій по изданію, и имѣлъ нѣкоторое право именовать себя „издателемъ“ поэмы, но по отношенію къ жадно ловившей каждую его строчку публикѣ это было не совсѣмъ благовидно. Къ этому поступку побудило его единственно его доброе сердце. Весь тонъ письма великаго поэта къ своему просителю проникнуть тонкой деликатностью и осторожностью: какъ бы благодѣяніемъ и хлопотами не оскорбить, не дать почувствовать всей тяжести этой вскорѣ такъ дорого обошедшейся поэту услуги. Кто былъ бы способенъ на такую—скажемъ прямо—жертву: поступиться своимъ литературнымъ именемъ, дать себя на съѣденіе Сенковскимъ, ради облегченія нужды своего престарѣлаго собрата по перу! Въ этомъ эпизодѣ особенно ярко обрисовывается благородная душа великаго поэта, когда-то столь оклеветаннаго и только нынѣ оцѣненнаго. Читая произведенія Пушкина, мы воздаемъ ему должное, какъ поэту; но ближе знакомясь съ его жизнью, мы начинаемъ цѣнить въ немъ еще человѣка въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого благороднаго слова [2]). **Николай Лернеръ**.

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1884, II, 441. *П. Б.*

[2]) Покойный другъ Пушкина П. В. Нащокинъ, вспоминая его, съ умиленіемъ говаривалъ про его щедрость въ подаяніяхъ бѣднымъ: менѣе 25 р. онъ совѣстился дать. *П. Б.*

ПУШКИНЪ и РОДЗЯНКО.

Отношенія Пушкина къ малоизвѣстному „наперснику Феба иль Пріапа“, эротическому стихотворцу Аркадію Гавриловичу Родзянко, достаточно разъяснены Н. Ѳ. Сумцовымъ и Н. И. Черняевымъ. Н. Ѳ. Сумцовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о поэзіи А. С. Пушкина посвятилъ этимъ отношеніямъ особую статью, подъ названіемъ: „А. С. Пушкинъ и А. Г. Родзянко“. (*Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина. Харьковъ, 1900*, стр. 327 — 330). Авторъ „*Критическихъ статей и замѣтокъ о Пушкинѣ*“ (*Харьковъ, 1900*), Н. И. Черняевъ, впервыя опубликовывая письмо А. С. Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ отъ 8-го Декабря 1824 г., также говоритъ о Родзянкѣ не безъ обстоятельности и подробности (стр. 65—80). Оба почтенные изслѣдователя постарались представить возможно полную картину отношеній великаго поэта къ „очень маленькой литературной величинѣ“, какъ справедливо называетъ Родзянку проф. Сумцовъ. Задача эта имъ обоимъ весьма удалась; но тѣмъ не менѣе въ сообщеніяхъ ихъ есть нѣкоторая неполнота, мѣшающая точному уясненію истинныхъ отношеній Пушкина и Родзянко. Настоящія строки имѣютъ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что это можетъ дать нѣкоторый новый матеріалъ для сужденія о нравственной физіономіи нашего геніальнаго поэта.

13 Іюня 1823 года, въ концѣ письма къ А. А. Бестужеву изъ Кишенева, Пушкинъ говоритъ: „Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк. Родзянкѣ, ошибаются; онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать временъ слова и дѣла. *Доносъ* на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви“ (*Соч. Пушкина, изд. Лит. Фонда*, томъ VII, стр. 50). 25 Августа того же года Пушкинъ пишетъ изъ Одессы брату Льву Сергѣевичу: „Будетъ *) Родзянка-*предатель*, жду его съ нетерпѣніемъ“ (т. же, стр. 52). Въ напечатанномъ г. Черняевымъ письмѣ своемъ къ самому Родзянкѣ отъ 8 Декабря 1824 года Пушкинъ говоритъ ему: „Злодѣй! Не мѣшай мнѣ въ моемъ ремеслѣ, *пиши сатиры хоть на меня*, но не перебивай мнѣ мою романтическую лавочку“ (Н. И. Черняевъ, стр. 68).

Весьма интересно было бы узнать, что̀ это за *доносъ*, почему Пушкинъ называетъ Родзянку, хотя и полушутя, *предателемъ*, о какой это *сатирѣ* (хотя бы на него, Пушкина, самого), два раза упоминаетъ онъ? Ни г. Сумцовъ, ни г. Черняевъ этими вопросами не задаются.

---

*) Т. е., въ Одессу *Н. Л.*

Въ 1891 г. издатель *„Стихотворенiй Василiя Ивановича Туманскаго“ (СПб., 1881)*, графъ Г. А. Милорадовичъ, выпустилъ въ Черниговѣ въ свѣтъ (къ сожалѣнiю всего въ одной сотнѣ экземпляровъ) *„Письма Василiя Ивановича Туманскаго и неизданныя его стихотворенiя“*. Въ интереснѣйшей этой книжкѣ мы находимъ нѣкоторыя малоизвѣстныя данныя о взаимныхъ отношенiяхъ Родзянки и Пушкина, съ помощью которыхъ нетрудно разрѣшить поставленные мною выше вопросы. 10 Мая 1822 года В. И. Туманскiй писалъ своей двоюродной сестрѣ Софiи Григорьевнѣ Туманской: „Я вспомнилъ, что обѣщалъ тебѣ сказать свое мнѣнiе о сатирѣ Родзянки, итакъ исполню обѣщанiе. Начну признанiемъ, что мнѣ она довольна понравилась, но я напрасно старался знать, отчего и для чего. Во-первыхъ, она противна моему образу мыслей; во-вторыхъ, обращена на людей, которыхъ или совсѣмъ нѣтъ, или такъ мало, что скорѣй одобрять, нежели порицать ихъ должно. Гдѣ взялъ любезный нашъ авторъ свои портреты? Они существуютъ только въ воображенiи его. Неприлично и неблагородно нападать на людей, находящихся уже въ опалѣ царской и, кромѣ того, любезныхъ отечеству своими дарованiями и несчастiями. Я говорю о неудачномъ намекѣ, который находится въ сатирѣ на Александра Пушкина. Эти два его стиха:

И всѣ его права: иль два, иль три поэля,
Гимнъ Занду на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля.

могутъ подать человѣку, не знающему Родзянки, весьма дурное о немъ мнѣнiе; но я увѣренъ, что вся эта сатира не что иное, какъ вспышка человѣка, которому не удалось получить въ винокурнѣ большее число ведеръ въ сравненiи съ сосѣдями и приблизившагося къ 11 вѣку въ обители Малороссiйскаго барства *). Скажу слово о стихахъ. Въ наше время стыдно писать такимъ дурнымъ, неправильнымъ и грубымъ языкомъ. Нѣтъ четырехъ стиховъ сряду, которые бы можно похвалить; вездѣ натяжки, усѣченiя старыя, хотя много мыслей и стиховъ сатирическихъ. Въ заключенiе, вотъ мой приговоръ: эта пiеса недостойна Родзянки. Маленькiе стихи гораздо лучше, но все слогъ, варварской слогъ!“ (стр. 11, 147).

Надо замѣтить, что Туманскiй и его двоюродная сестра (какъ можно видѣть изъ другихъ мѣстъ изданной графомъ Милорадовичемъ книжки) были весьма близко знакомы съ Родзянкой, такъ что сатира, въ которой онъ поносилъ Пушкина, несомнѣнно принадлежала ему. Говоря о „гимнѣ Занду“, Родзянко, по всей вѣроятности намекалъ на оду (1821 г.) „Кинжалъ“, въ которой Пушкинъ говоритъ объ убiйцѣ Германскаго писателя Августа Коцебу студентѣ Карлѣ Зандѣ:

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

---

*) Родзянко тоже проживалъ въ своемъ Полтавскомъ имѣнiи. *Н. Л.*

„Всѣ его *права*", должно быть, намекъ на оду „Вольность", гдѣ Пушкинъ провозглашаетъ ненарушимость правъ гражданина и превозноситъ твердость законовъ. „Два иль три ноэля": упоминаніе о написанномъ Пушкинымъ въ 1818 году сатирическомъ стихотвореніи „Сказки" (Noël), отрывокъ изъ котораго напечатанъ въ изд. Лит. Фонда т. VII стр. LXI. „Въ рукѣ портретъ Лувеля": тоже намекъ весьма прозрачный. Связанный съ этимъ портретомъ эпизодъ очень хорошо извѣстенъ всѣмъ, кто знакомъ съ біографіей Пушкина.

Можно видѣть съ достаточной ясностью, какъ гадокъ былъ весь поступокъ Родзянки. Пушкинъ, что видно изъ письма его къ А. А. Бестужеву, сомнѣвался въ принадлежности этой сатиры Родзянкѣ. Черезъ два съ половиною мѣсяца онъ, хотя на половину и въ шутку, называетъ его предателемъ, и 8 Декабря 1824 г. самъ пишетъ ему: „пиши сатиры хоть на меня". Можно думать, что онъ вскорѣ убѣдился, что авторъ сатиры дѣйствительно Родзянко.

Въ этомъ предположеніи особенно укрѣпляютъ слова историка отечественной войны Михайловскаго-Данилевскаго, говорящаго въ своихъ Запискахъ („Русская Старина", 1890 года, Ноябрь, стр. 504—505) слѣдующее: „Приведу слышанное мною отъ поэта Родзянки о Пушкинѣ. Онъ увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ самъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ въ креслѣ, показывалъ находившимся подлѣ него лицамъ портретъ убійцы герцога Беррійскаго, Лувеля, съ его [1]) надписью: „урокъ царямъ". Родзянко сказывалъ мнѣ еще, что, будучи лѣтъ шесть тому назадъ въ Петербургѣ, онъ находился въ обществѣ молодыхъ людей, собиравшихся для литературныхъ чтеній въ домѣ Всеволожскаго, гдѣ каждый разъ читали стихи противъ государя и противъ правительства. Между прочимъ, онъ видѣлъ тамъ и князя Трубецкаго. Общество сіе называлось лампистами [2]) Онъ присовокупилъ, что, служа въ гвардіи съ 1816 по 1820 годъ, онъ видѣлъ, что духъ-либерализма чрезвычайно усиливался между молодыми людьми, и что слѣдующій стихъ, помѣщенный въ одной изъ его пьесъ:

Гимнъ Занду [3]) на устахъ, въ рукахъ портретъ Лувеля...

не есть вымышленный, но истинно списанъ съ натуры". Михайловскій Данилевскій—свидѣтель, на котораго смѣло можно полагаться. Слова его, какъ и письмо Туманскаго, доказываютъ, что сатира на Пушкина была дѣйствительно произведеніемъ Родзянки, въ чемъ, видимо убѣдился и самъ Пушкинъ. Можетъ быть, Родзянко раскаялся въ своемъ поступкѣ и принесъ Пушкину повинную; ясно, что Пушкинъ великодушно отвѣчалъ ему только упрекомъ, произнесеннымъ какъ бы вскользь: „пиши сатиры хоть на меня". Возможно, что новому сближенію Родзянки съ Пушкинымъ способствовалъ въ Одессѣ въ 1823—1824 гг. В. И. Туманскій; потомъ отношенія ихъ ук-

[1]) Конечно, Пушкина. *Н. Л.*

[2]) У Пушкина „Зеленая Лампа" *Н. Л.*

[3]) У М. Данилевскаго по ошибкѣ: *За́паду. Н. Л.*

рѣпились благодаря дружбѣ Родзянки съ воспѣтою Пушкинымъ Анной Петровной Кернъ. До насъ дошло (Сборникъ *П. И. Бартенева „Пушкинъ“*, ч. II, стр. 125—126) письмо Родзянки къ Пушкину изъ Лубенъ отъ 10 Мая 1825 года (съ приписками А. П. Кернъ), въ которомъ онъ называетъ Пушкина „мотомъ и расточителемъ даровъ поэзіи святой“, и удивляется его генію. Стихи же Родзянки на кончину Пушкина являются искупленіемъ тѣхъ позорныхъ строкъ, которыя породили разсказанную здѣсь исторію, такъ хорошо рисующую благородную, незлобивую душу нашего великаго поэта.

Николай Лернеръ.

Одесса. 10 Августа 1900 года.

*

Въ письмѣ Пушкина, напечатанномъ Н. И. Черняевымъ впервые въ „Русскомъ Обозрѣніи“ (1897 г., № 2), находится и шестистишіе Пушкина къ Родзянкѣ. Раньше, въ неполномъ и нѣсколько искаженномъ видѣ, оно было извѣстно изъ „Воспоминаній А. П. Кернъ, откуда и перепечатывалось въ изданіяхъ „Сочиненій Пушкина“. Надо полагать, что г-жа Кернъ приводила стихи по памяти. Теперь же чтеніе ихъ можно считать окончательно установленнымъ, такъ какъ письмо, найденное г. Черняевымъ, есть подлинникъ, писанный рукой самого Пушкина. Вотъ это чтеніе:

Прости, Украинскій мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Пріапа.
Твоя соломенная шляпа
Покойнѣй, чѣмъ иной вѣнецъ.
Твой Римъ—деревня, ты—мой папа;
Благослови жъ меня, пѣвецъ.

Письмо Пушкина относится къ концу 1824 года.

Стихотвореніе Родзянки на смерть Пушкина было сообщено г. Черняевымъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“ 1897 г., № 5. Въ немъ есть намекъ на дружественныя отношенія Родзянки съ Пушкинымъ.

Любимецъ нашъ, отрада, другъ,
Честь, украшенье полуночи,
Его напѣвовъ жаждалъ слухъ,
Его лица искали очи.

Другая строфа напоминаетъ эпиграфъ, избранный Лермонтовымъ: „Отмщенье, Государь, отмщенье!“

Какъ Цезаря кровавый плащъ,
Бери, кажи ты барда тогу;
Зови къ царю, къ народу плачь,
И месть кричи землѣ и Богу.

В. Б.

РАСПИЛЕННЫЙ САРКОФАГЪ.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, извѣстному и едва ли не единственному въ то время въ Москвѣ скульптору Кампіони, заказанъ былъ графомъ *** саркофагъ. Графъ, ранѣе не покидавшій своей родины и не разлучавшійся съ нѣжно-любимою своею супругою, сбираясь ѣхать за границу, захотѣлъ заранѣе заготовить для себя надгробіе, которое могло бы вмѣстить въ себѣ два гроба, такъ какъ графъ не желалъ быть разъединеннымъ съ своею женою даже послѣ смерти. Но доброму намѣренію мечтательнаго графа не суждено было осуществиться. Узы любви, соединявшія графскія сердца и казавшіяся неразрывными, совершенно неожиданно были порваны и порваны навсегда.

Путешествуя по Европѣ, гдѣ давно уже было забыто крѣпостное право, графъ, человѣкъ образованный и гуманный, на всякомъ шагу только и слышалъ о свободѣ и равенствѣ людей.

По возвращеніи своемъ въ Москву, графъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ либеральныхъ идей, навѣянныхъ ему на Западѣ Европы, былъ просто пораженъ, узнавъ, что въ его отсутствіе, графиня - супруга, остававшаяся дома (къ слову сказать чрезвычайно чванливая и кичившаяся своею родовитостью) пересѣкла на конюшнѣ свою дворню и не пощадила даже графскаго камердинера [1]). Возмущенію графа не было предѣла, и оно послужило поводомъ къ разъединенію съ графинею и не только на этомъ, но даже и на томъ свѣтѣ.

Къ пріѣзду графа саркофагъ уже былъ почти готовъ. Графъ заплатилъ Кампіони полностью всю условленную при заказѣ сумму, что-то около десяти тысячъ рублей, но въ тоже время потребовалъ немедленно саркофагъ распилить пополамъ.

Въ такомъ разрушенномъ видѣ половинки распиленнаго саркофага покоились (да вѣроятно благодаря своей громоздкости цѣлы еще и теперь) на дворѣ когда-то обширнаго владѣнія Кампіони [2]).

---

[1]) Въ старое доброе время господа поснисходительнѣе наказывали своихъ крѣпостныхъ людей дома, но господа болѣе крутого нрава направляли провинившагося слугу съ запискою въ Пожарное депо, которое славилось тѣмъ, что сѣкли въ немъ жестоко. Въ особенности искусство сѣченія процвѣтало при оберъ-полиціймейстерѣ Тимашевѣ и брантъ-маіорѣ Воробьевѣ.

[2]) Относительно еще въ недавнее время, болѣе половины владѣнія Кампіони (въ Москвѣ, на Б. Дмитровкѣ) отошло подъ постройку дома г-жи Леве. Меньшая же половина, вмѣстѣ съ мастерскими и надгробными памятниками, куплена была г-жею Кабановою.

Саркофагъ высѣченъ былъ изъ цѣльнаго куска сѣраго гранита. Въ длину онъ имѣлъ около четырехъ аршинъ, въ ширину около двухъ съ половиною и въ вышину около $1^1/_2$ арш. Орнаментомъ надгробія служили два барельефа, высѣченные на боковыхъ стѣнкахъ. На одномъ барельефѣ изображенъ крылатый геній, лѣвою рукою указывающій на урну, правою же придерживающій потухшій факелъ; какъ символъ угаснувшей жизни. На другомъ барельефѣ видна женская фигура, съ поникшею головою, опирающаяся правою рукою на крестъ. Четыре верхніе угла саркофага украшены головками херувимовъ, а между ними, на боковыхъ стѣнкахъ, образующихъ какъ бы карнизъ надъ барельефами, высѣчено Всевидящее Око, съ расходящимися треугольникомъ лучами. На остальныхъ двухъ стѣнкахъ саркофага видно четыре урны.

Уже лѣтъ десять тому назадъ, по распиленнымъ половинкамъ трудно было судить, насколько художественно была выполнена работа надгробія, по всему вѣроятію не вполнѣ законченнаго. Барельефы, частью отъ времени, частью отъ небрежнаго обращенія съ ними, какъ бы сгладились и вывѣтрились, но все-таки видно, что это далеко не топорная работа.

Какъ разбитъ былъ надгробный памятникъ, точно такъ же разбита была и семейная жизнь графа. Вскорѣ онъ покинулъ жену и дѣтей, сталъ сильно ухаживать, хотя и за далеко не молодою, но сохранившею свою красоту вдовушкою, на которой въ концѣ-концовъ и женился, послѣ смерти своей супруги-графини, такъ неосторожно воспользовавшейся господскими правами.

Прежде нежели поставить точку, несправедливо было бы не сказать нѣсколько словъ въ оправданіе графа, поступившаго такъ круто съ когда то горячо любимою женою. Поводъ, послужившій къ охлажденію къ той, съ которой графъ не желалъ разставаться даже послѣ смерти, вызвавшій окончательный разрывъ въ жизни супруговъ, въ то время, конечно, былъ слишкомъ ничтоженъ. Но нужно имѣть въ виду, что графъ принадлежалъ къ семьѣ, многіе члены которой, носящіе съ нимъ одну фамилію, отличаются эксцентричностью. Не смотря на громкій титулъ и унаслѣдованное громадное состояніе, нѣкоторые изъ ближайшихъ родственниковъ графа ведутъ странную жизнь, близкую къ крестьянской, а есть и такіе, которые даже поженились на дочеряхъ бывшихъ своихъ крестьянъ. Эксцентричностью долженъ быть объясненъ и разрывъ графа съ женою.

Распиленный саркофагъ, вмѣсто того, чтобы въ нѣдрахъ своихъ вѣчно хранить останки графской четы, теперь невольно служитъ печальнымъ памятникомъ когда-то бывшаго крѣпостного права.

КИТАЙ.

I.

Донесеніе Г. Г. Штрандмана А. А. Пеутлингу [1].

(Изъ крѣпости Омской 25 Іюля 1791 года, № 219).

Увѣдомился я, что въ началѣ Іюня мѣсяца проѣхалъ по Киргизской степи къ Вали-хану [2]) изъ Китайскаго города Кульджи небольшой чиновникъ, при тринадцати человѣкахъ Китайцевъ и Калмыковъ, съ письмомъ отъ Кульджинскаго начальника о томъ, что будто сынъ Валиханской, посланный отъ Вали-хана въ Пекинъ, въ Кульджу прибылъ благополучно, и отъ оспы, которою онъ въ пути одержимъ былъ, получилъ совершенное выздоровленіе.

Хотя сіе извѣстіе и составляло по себѣ видъ похожій на справедливость, однако я не думалъ, чтобы горделивые Китайцы съ такимъ маловажнымъ увѣдомленіемъ послали къ Киргизскому хану посольство, а должно туть быть какой-нибудь другой комиссіи. И для того немедленно послалъ я къ Вали-хану одного надежнаго человѣка узнать, зачѣмъ подлинно пріѣзжалъ къ нему Китайскій посланникъ? Которой по возвратѣ объявилъ, что провозилъ онъ [3]) къ хану отъ Кульджинскаго начальника подарки и при томъ письмо, которое содержало въ себѣ: 1) то, что сынъ Валиханской Амзя въ прошедшую зиму прибылъ въ Кульджу благополучно, и по сходѣ снѣга препровожденъ къ Китайскому богдыхану; 2) изъяснялъ онъ на Россію неудовольствіе, будто Россія, вошедъ въ ихъ земли, достаетъ себѣ руды [4]), чрезъ что Китайцы принуждены затворить съ ней торгъ; 3) пишетъ,

---

[1]) Ген.-маіоръ Штрандманъ командовалъ войсками на такъ-называвшихся „Сибирскихъ линіяхъ", а ген.-поручикъ Пеутлингъ правилъ Уфимскимъ и Симбирскимъ намѣстничествомъ.

[2]) Ханъ Средней Орды, которая кочевала въ степяхъ нынѣшнихъ губерній Акмолинской и Семипалатинской, и частію Семирѣченской области.

[3]) Т.-е. Китайскій чиновникъ.

[4]) Очевидно, золотой песокъ въ Пріамурьѣ.

наконецъ, ежели и Вали-ханъ имѣетъ какое неудовольстіе, то оставилъ бы здѣшнія мѣста и приблизился къ Китайскимъ границамъ, гдѣ обѣщеваютъ ему всякое удовольствіе и отдаютъ подвластнымъ его Киргизцамъ подъ кочевье мѣстà, лежащія за Каменными Киргизами, при озерѣ Чаты-Су [1]). Противъ чего Вали-ханъ отозвался тѣмъ, что онъ хотя и имѣлъ прежде на Россію неудовольствіе, но нынѣ всѣмъ доволенъ, и отъ Россійской императрицы получаетъ, какъ денежное, такъ и хлѣбное жалованье [2]), а съ пограничными начальниками находится въ дружбѣ, то и не имѣетъ надобности переселяться въ ихъ земли [3]), при чемъ, подаривъ сихъ посланныхъ весьма мало, отпустилъ обратно, и потому они съ великимъ неудовольствіемъ уѣхали.

Впрочемъ, увѣряетъ сей посланный, что Вали-ханъ, какъ по развѣдыванію его оказалось, такъ и по собственному примѣчанію видно, имѣетъ къ Россіи дружеское расположеніе.

Генералъ-маіоръ Густавъ Штрандманъ.

II.

Изъ-за Зюнгоріи.

Китайцы съ испоконъ вѣковъ отличались высокомѣріемъ, гордостью и презрѣніемъ ко всѣмъ обитателямъ вселенной, не останавливаясь ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей и проявляя часто такое дикое съ сосѣдями вѣроломство, которое возмущало даже привыкшихъ къ варварству Азіатцевъ. Вслѣдствіе этого, не только государства Европы, но и владѣльцы Азіи относились къ нимъ недружелюбно. Послѣдніе, со свойственной имъ горячностью, открыто проявляли къ нимъ озлобленіе. Но хитрые, двуличные Китайцы рѣдко сами вступали съ кѣмъ-либо въ открытую вражду. Они срывали свою ненависть съ тѣхъ, кто, по несчастію, попадалъ подъ ихъ властную руку. По крайней мѣрѣ, ни въ одномъ Азіатскомъ государствѣ не отягчались и не истощались такъ сильно завоеванныя страны, какъ въ Китаѣ, чему особенно рѣзкимъ примѣромъ можетъ служить разореніе въ половинѣ XVIII столѣтія могущественнаго когда-то Зюнгорскаго народа, принужденнаго потомъ искать покровительства у Россіи.

---

[1]) Должно быть Киргизы Сѣвернаго Памира.

[2]) Вали-ханъ получалъ 300 р. жалованья и 50 р. „на хлѣбъ“.

[3]) Китайцы не разъ переманивали на свою сторону владѣльцевъ Киргизскихъ ордъ Малой, Средней и Большой, но всегда неудачно. Киргизы очень хорошо знали объ ихъ коварствѣ. Вотъ и теперь носятся слухи, что Китайцы намѣрены вооружить противъ Россіи магометанскія племена Средней Азіи, но только врядъ ли это имъ удастся. П. Ю.

Необходимо прежде всего припомнить, что Зюнгорцы или Зенгорцы (а попросту Калмыки) располагались на землѣ нынѣшняго Туркестанскаго края, съ частью Великой Татаріи (Китайскимъ Туркестаномъ и Малой Бухаріей). Исповѣдывали они Ламайскую вѣру и вели жизнь кочевую, начиная отъ границъ Поднебесной Имперіи до Сибирскаго рубежа.

Въ XVII столѣтіи Зюнгорцы раздѣлялись на множество тайшей (княжествъ) и не представляли для окружающихъ племенъ той грозной силы, какой достигли они въ половинѣ прошлаго вѣка. Безпрестанныя междоусобія князей до того истощили благосостояніе народа, что въ 1630 году нѣкоторые ихъ роды (Торгоуты, часть Хошоутовъ и Дербетевъ) покинули свои земли и ушли за Уралъ, къ Волгѣ, поселившись по сѣверо-западному побережью Каспійскаго моря, въ нынѣшнихъ Астраханскихъ и Донскихъ степяхъ. Оставшіеся на прежнихъ мѣстахъ Калмыки вскорѣ подпали подъ власть одного изъ своихъ тайшей-Чеченя, который покорилъ много другихъ Зюнгорскихъ князей. Принявшій же послѣ него (около 1692 г.) ханство Контайша еще болѣе увеличилъ владѣнія Зюнгоріи, покоривъ Малую Бухарію съ городами: Кашгаръ, Учь, Аксу, Куца, Яркендъ, Хотонъ и Керея, и, перейдя чрезъ «пустыя степи и пески», отторгнулъ отъ Китая Тибетъ, населенный сроднымъ Калмыкамъ Тангутскимъ народомъ съ главнымъ ихъ духовнымъ владѣтелемъ Далай-Ламой.

Война съ Китаемъ продолжалась непрерывно 40 лѣтъ. Контайша умеръ, не докончивъ ея. Зато сынъ его Галданъ-Черенъ, не менѣе своего отца храбрый, заставилъ смириться сильную и гордую Небесную имперію. «Китайцы немалою цѣною въ 1732 году купили у него миръ» [1]). Наслѣдовавшій ему въ 1746 году сынъ Цебекъ-Доржу вскорѣ уронилъ достоинство Зюнгоріи. По молодости своихъ лѣтъ (ему шелъ 17-й годъ), онъ не въ состояніи былъ разумно править государствомъ, велъ жизнь «худую», дѣлалъ различныя надъ народомъ насилія, дерзко обращался съ старыми совѣтниками отца, и чтобы открыть себѣ полное самовластіе, намѣревался «извести ихъ» и, замѣнить другими «изъ своихъ ближнихъ». Вслѣдствіе этого, зайсанги Зюнгорскіе [2]) собрались въ зарго [3]), низложили Цебека, ослѣпили его и сослали въ Малую Бухарію, гдѣ потомъ онъ былъ умерщвленъ, а вмѣсто него провозгласили ханомъ другого сына Галдана, тридцатилѣтняго Ламу-Доржу, хотя онъ, какъ рожденный отъ наложницы, по

[1]) Рычковъ, Топографія Оренб. губерніи, 1887, стр. 24.

[2]) Дворяне Калмыцкіе.

[3]) Зарго—значитъ судъ, судебное мѣсто.

Калмыцкимъ законамъ не имѣлъ на то права, и ханство должно было перейти къ ближайшему родственнику того же владѣтельнаго рода нойону (князю) Дебачи, или, по крайней мѣрѣ, къ другому князю изъ рода Хоитъ, Амурсананю, сыну дочери бывшаго владѣльца, Контайши.

Видя такое своеволіе зайсанговъ и чувствуя себя послѣ того небезопасными среди своего народа, князья эти бѣжали въ Киргизскую степь, откуда, одинъ изъ нихъ, Дебачи, подговоривъ Кайсаковъ, съ партіей вѣрныхъ ему Калмыковъ, возвратился въ Зюнгорію, нечаяннымъ образомъ напалъ на Доржу, убилъ его, а себя провозгласилъ ханомъ.

Это произвело между Зюнгорцами сильное волненіе. Нѣкоторые изъ нойоновъ, не желая признавать его власти, отдѣлились съ своими улусами. Къ нимъ присоединился и Амурсанань, который собралъ шайку своихъ приверженцевъ и двинулся на Дебачи, но въ первой же стычкѣ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Пекинъ.

Китайцы, помня прежнія обиды, нанесенныя имъ Зюнгорцами, не замедлили воспользоваться этой междоусобицей двухъ претендентовъ на ханство и покровительственно отнеслись къ Амурсананю. Богдыханъ обласкалъ бѣглеца, пожаловалъ его цинь-ваномъ (принцемъ первой степени) и далъ ему для борьбы съ Дебачей многочисленное войской, «обнадеживъ» при этомъ «учиненнымъ быть и настоящимъ въ Зюнгоріи владѣльцемъ».

Въ 1754 г. Амурсанань явился въ Зюнгорію съ Китайскими войсками. Калмыки не могли противостоять силѣ и были разбиты, предводитель ихъ Дебачи едва успѣлъ скрыться въ Турфанъ. Но жители послѣдняго тоже передались Китайцамъ и выдали имъ его головой. Дебачу отправили въ Пекинъ, гдѣ, противъ всякаго ожиданія, богдыханъ принялъ его благосклонно и даже, въ угоду ему, имѣлъ «худое намѣреніе» относительно Амурсананя.

Тѣмъ временемъ, «не получая по обѣщанію богдыханскому власти ханской», а видя лишь, что Китайцы прилагаютъ всѣ старанія къ ослабленію Калмыковъ, и провѣдавъ еще о готовящейся ему опасности, Амурсанань рѣшилъ отложиться отъ Китая и, подговоривъ бывшихъ съ нимъ зайсанговъ, собралъ Калмыковъ, нечаянно напалъ на Китайскій корпусъ, разсѣялъ его, а потомъ быстро отошелъ за р. Или. Въ погоню за нимъ были посланы еще Китайскія войска, онъ разбилъ и ихъ, а себя провозгласилъ главнымъ владѣльцемъ Зюнгоріи.

Китайцы озлобились на него пуще прежняго. Въ 1755 г. захватили и казнили въ Пекинѣ двухъ его сообщниковъ: Хонъ-Чина и

Шидара съ ихъ приближенными, затѣмъ «съ награжденіемъ» освободили изъ-подъ стражи плѣненныхъ ими зайсанговъ и вмѣстѣ съ отборными войсками послали ихъ противъ возмутителя.

Подкупленные Китайскимъ золотомъ, зайсанги успѣли убѣдить и другихъ Калмыцкихъ дворянъ и князей отложиться отъ Амурсананя, ибо-де онъ «не того рода, изъ котораго главные Зюнгорскіе владѣльцы происходили». Амурсананъ, оставленный всѣми, съ небольшой партіей вѣрныхъ ему Калмыкъ, «не возмогши устоять противъ Китайцевъ», въ первой же схваткѣ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ сначала къ Киргизамъ Средней орды, а оттуда пробрался въ Сибирь, гдѣ вскорѣ опасно заболѣлъ оспой и умеръ въ 1757 году.

Китайцы и тутъ не оставили его въ покоѣ. Узнавъ о его кончинѣ, они стали домогаться выдачи его тѣла, «для учиненія надъ нимъ такихъ обрядовъ, по которымъ народъ ихъ видѣлъ бы, какой казни онъ отъ нихъ ожидать имѣлъ, если бы попался въ руки ихъ живой». Но Сибирскій губернаторъ отказалъ имъ въ этомъ домогательствѣ и только «во уваженіе сосѣдственной между обоими государствами дружбы» позволилъ имъ осмотрѣть его тѣло. Два раза на Сибирскую границу пріѣзжали особо назначенные Китайскіе чиновники, которые наконецъ, увѣрились, что показываемый имъ трупъ дѣйствительно принадлежалъ Амурсананю. «И была послѣ великая радость въ Пекинѣ». Не стало ихъ злѣйшаго врага, а съ нимъ вмѣстѣ не стало и многочисленнаго Зюнгорскаго народа, «который и напредъ сего Китайской силѣ могъ сопротивляться».

Послѣ того Китайцы возвратили себѣ всѣ города Малой Бухаріи, завоеванные Контайшой, прошли насквозь Зюнгорскую землю и разорили ее до-чиста. Отягченные безмѣрными поборами и налогами, нѣкоторые изъ зайсанговъ, кочевавшіе по близости нашихъ границъ, «убѣгая совершеннаго расхищенія», поднялись «съ подчиненными своими людьми» и перекочевали къ родичамъ на Волгу, подъ власть могущественной Россіи. А на опустѣлыя земли Зюнгоріи Пекинское правительство переселило своихъ Китайцевъ изъ центральныхъ провинцій имперіи.

Такія дѣйствія Серединной имперіи не прошли безслѣдно. Возмущались ими даже привыкшіе къ варварству сосѣдніе Азіатскіе владѣльцы. Первымъ вступился за беззащитныхъ Калмыковъ Ахметъ-шахъ, эмиръ Афганскій. Придравшись къ тому, что Китайцы захватили и разорили «подвластные» ему Бухарскіе города Кашгаръ и Яркендъ, онъ просилъ отдать за нихъ «въ удовольствіе, завоеванную Зенгорскую землю, гдѣ нынѣ живутъ оставшіе Зенгорцы и поселенные Китайскіе

подданные», объявляя при этомъ, что «если добровольно оную землю не уступятъ, то имѣютъ военною рукою взять» [1]. Богдыханъ ласково принялъ присланныхъ къ нему съ этою цѣлію Афганскихъ пословъ, убѣждалъ ихъ въ своемъ миролюбіи и, «одаривъ дорогимъ платьемъ», отпустилъ «за препровожденіемъ» своего трехсотеннаго конвоя. Между тѣмъ, по отъѣздѣ ихъ, онъ писалъ въ Яркендъ и Кашгаръ, «какъ бы къ своимъ подданнымъ, съ повелѣніемъ».

Это еще болѣе «огорчило» Ахметъ-шаха, и онъ «неотмѣнно» сталъ готовиться къ войнѣ. Въ концѣ 1763 года было собрано до 340 тыс. воиновъ. Но чтобы болѣе обезпечить себѣ успѣхъ и въ тоже время отразить всякую помѣху своему замыслу со стороны сосѣднихъ съ Китаемъ владѣльцевъ, особенно Киргизскихъ ордъ Малой и Средней, переходившихъ туда, гдѣ была выгода, эмиръ отправилъ къ послѣднимъ двухъ гонцовъ, съ просьбой оказать ему помощь, если не войскомъ, то хоть доставкой проходящимъ его отрядамъ лошадей и скота, «за что будетъ плачено серебромъ и золотомъ», а ханы «за такой поступокъ великое награжденіе получатъ» [2]; «сверхъ того, когда Ахметъ-шахъ Китайское государство покоритъ» и будетъ «заселять своими людьми Зенгорскую разоренную землю, тогда-бъ они (ханы) съ подвластными ѣздили къ нимъ на торгъ и обзаводили бы его поселенныхъ скотомъ и лошадьми» [3], и «онъ (шахъ) ихъ (хановъ) во всѣхъ желаніяхъ удовольствовалъ бы».

Между тѣмъ не дремали и Китайцы и обѣщаніями различныхъ выгодъ и наградъ еще съ 1761 года старались склонить къ себѣ Кайсацкія орды. Киргизы были въ нерѣшительности, кому отдать предпочтеніе. Но такъ какъ они состояли въ подданствѣ Россіи, то владѣльцы ихъ обратились за совѣтомъ къ Русскимъ пограничнымъ начальникамъ, которые не замедлили донести объ этомъ необычайномъ событіи въ Петербургъ. Доставленныя свѣдѣнія были доложены государынѣ, и великая императрица не только не нашла нужнымъ отговаривать Киргизовъ отъ ихъ союза съ Афганцами, но даже поощряла эту борьбу туземцевъ съ могущественной Серединной Имперіей.

«Китайцы (какъ говорилось въ указѣ на имя генералъ-маіора Фрауендорфа 16 Декабря 1764 года), оказавъ себя до нынѣ къ здѣш-

---

[1] Изъ донесенія императрицѣ командира на Сибирскихъ линіяхъ, ген.-м. Фрауендорфа, 7 Октября 1763 года.

[2] Изъ указа императрицы Екатерины II хану Малой Орды Нурали 6 Ноября 1764 г.

[3] Доношеніе Фрауендорфа 7 Октября 1763 г. (въ Оренб. центр. архивѣ, столпъ указовъ т. I).

ней сторонѣ высокомѣрными и весьма взмѣрчивыми, при многихъ случаяхъ заслуживають, чтобъ со временемъ за то сокращены были потому надобно желать, чтобъ какіе-нибудь изъ тамошнихъ народовъ попустились на нихъ войною, и чтобъ въ такомъ случаѣ оные отсюда не только приласканіе, но еще и поощреніе имѣли, съ нѣкоторымъ имъ искуснымъ обѣщаніемъ составить и общее дѣло,. . . . При всемъ томъ въ здѣшней уже волѣ останется тогда тамошнія границы такъ далеко расположить и распространить, какъ здѣсь заблаговразсудится и въ томъ надобность признана будетъ, а съ другой стороны и дальнѣйшіе ихъ успѣхи остановить».

Вслѣдствіе этого Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ было предписано командирамъ въ Оренбургской губерніи ген.-поручику Лачинову и на Сибирскихъ линіяхъ ген.-м. Фрауендорфу, Астраханскому губернатору ген.-м. Бекетову и Селенгинскому коменданту ген.-м. Якобію «навѣдываться о могущихъ быть къ участію Китайцамъ сопротивленіемъ умышленіяхъ, лежащихъ въ Великой Татаріи городахъ, покоренныхъ Китайцами, а другихъ, по распространенію въ тамошней сторонѣ ихъ силы, того же несчастливаго жеребія опасающихся, посылая. . . время отъ времени... надежнѣйшихъ въ тамошніе города подъ претекстомъ торговъ съ пристойными наставленіями». Указаны были и маршруты слѣдованія этихъ посланныхъ. Хану Малой Киргизской орды Нурали при особомъ письмѣ было даже послано, въ видѣ награжденія, 200 руб., чтобы онъ вошелъ въ болѣе близкія сношенія съ Афганскимъ эмиромъ. Затѣмъ въ томъ же 1764 году къ Киргизамъ Средней орды съ той же цѣлію отправленъ купецъ Кузнецовъ; въ Бухарскіе городки—одинъ изъ Сибирскихъ торговыхъ магометанъ, а гонцу изъ Астрахани было приказано, чрезъ Рящъ и Астрабадъ, во что бы ни стало добраться до Мешхеда, перваго Афганскаго города.

Тѣмъ временемъ собравшіеся въ г. Туркестанѣ старшины и Киргизы Средней орды (числомъ до 6 тыс. человѣкъ), во главѣ съ ханомъ Абулмаметомъ и султаномъ Аблаемъ, общимъ совѣтомъ рѣшили помогать своему единовѣрцу Ахметъ-шаху и съ такимъ отвѣтомъ отправили къ нему особаго посланца.

Но чѣмъ кончились предпріятія эмира—къ сожалѣнію, въ мѣстныхъ (Оренбургскихъ и Астраханскихъ) архивахъ не сохранилось о томъ указаній. Извѣстно только, что вскорѣ послѣ этого на развалинахъ покоренной Китайцами Зюнгоріи возникло новое «магометанскаго закона» туземное государство Коканское, просуществовавшее до 1868 года, когда было окончательно покорено Русскими.

Китайцамъ не удалось окончательно завладѣть Зюнгоріей; за то чрезъ семь лѣтъ они сорвали злобу съ тѣхъ Калмыковъ, которые воротились къ нимъ изъ Россійскихъ предѣловъ.

III.

Причины бѣгства Калмыковъ въ Китай.

По письму Астраханскаго губернатора И. С. Захарова къ генералъ-прокурору А. А. Беклешову.

До сей поры о причинахъ бѣгства въ 1771 году Калмыковъ въ Китай у насъ имѣются разнорѣчивыя данныя. То говорятъ, что сильно угнетали ихъ приставленные для наблюденія за ними «Русскіе пристава, пользуясь ихъ простотою и отдаленностью отъ средоточія правленія. Жалобы сего смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, Калмыки, наконецъ, рѣшились оставить Россію и тайно снеслись съ Китаемъ [1])». Сами Калмыки причиной удаленія своего выставляютъ «притѣсненія, какимъ ихъ будто бы подвергала Военная Коллегія, въ управленіе ею графомъ Чернышовымъ, и Оренбургское начальство [2])». Отчасти того же убѣжденія держалось и современное Русское правительство. По крайней мѣрѣ, когда въ 1799 году, по проекту отставного капитана Новицкаго, Астраханскимъ гражданскимъ губернаторомъ ст. с. Иваномъ Семеновичемъ Захаровымъ [3]) было сдѣлано представленіе о сдачѣ на откупъ выработку и продажу соли въ Астраханской губерніи, то д. т. с. Беклешовъ (въ письмѣ отъ 4 Октября 1799 г.), указывая на неудобство этой сдачи въ виду того, что «Татары и другіе кочующіе народы, пріобыкшіе издревле доставать безъ денегъ прямо изъ озеръ соль и имѣя, можетъ быть, мало въ употребленіи денегъ, подъ видомъ истребленія корчемства будутъ принуждены покупать оную въ магазейнахъ и чрезъ то могутъ потерпѣть не маловажное для нихъ отягощеніе», между прочимъ, замѣтилъ Захарову: «не сіи ли самыя причины нѣкогда побудили, сихъ народовъ оставивъ жительство въ Астраханской губерніи, удалиться за границу». На это Иванъ Семеновичъ (письмомъ отъ 30 Ноября 1799 г., хранящимся въ дѣлѣ Астрах. губерн. архива за тотъ же годъ, № 268) далъ совсѣмъ другія свѣдѣнія объ истинныхъ

---

[1]) Описаніе Киръ-Кайсая ордъ и степей, Левшина. II. 256. Описаніе Джунгаріи и Вост. Туркестана. 186. Сличи Пушкина „Истор. Пугач. бунта". гл. I, стр. 11 и прил. 8.

[2]) Матеріалы къ исторіи Оренбургской губ. 1877, II, 25.

[3]) Назначенъ губернаторомъ на мѣсто уволеннаго отъ службы т. с. Николая Яковлевича Аршеневскаго изъ Бѣлорусскихъ вице-губернаторовъ высочайшимъ указомъ Сенату 22 Апрѣля 1798 г.; пробылъ въ Астрахани до 1800 г.

причинахъ бѣгства Калмыковъ въ Китай, чѣмъ писалось о томъ ранѣе.

Послѣдній побѣгъ произошелъ отнюдь не отъ притѣсненія въ соли или отъ какихъ-либо другихъ неудовольствій, здѣшнимъ начальствомъ навлеченныхъ; но отъ причинъ политическихъ, воспріявшихъ свое начало съ побѣга въ 1732 году на Кубань владѣльца Калмыцкаго *Дондукъ-Омбо*, гдѣ онъ женился на дочери Кабардинскаго владѣльца *Коргока*, именуемой *Джанъ*, и развелся съ прежнею своей женой Калмычкой *Соломъ*, отъ которой имѣлъ сына *Галданъ-Норбо*. Когда въ 1735 году Дондукъ-Омбо снова былъ вызванъ въ Русскіе предѣлы и въ 1738 г. пожалованъ дѣйствительнымъ ханомъ, то вторая жена его Джанъ, желая упрочить ханство за своими дѣтьми, вознамѣрилась удалить пасынка Галдана отъ престолонаслѣдія и съ этою цѣлію въ томъ же 1738 г. произвела между отцомъ и сыномъ явную вражду. Чтобы прекратить сіе смятеніе, по повелѣнію императрицы Анны Іоанновны, Галданъ былъ схваченъ и, повезенный въ заточеніе, по дорогѣ умеръ. Отъ него остались три сына: *Вебекъ-Доржи*, *Киринъ* и *Аксагалъ*.

По смерти въ 1741 г. Дондукъ-Омбо, «въ народѣ Калмыцкомъ отъ междоусобія и жадности къ властоначалію начались безпокойства», отъ которыхъ 700 кибитокъ изъ рода *Томутъ* ушли за границу. Для прекращенія безпорядковъ императрица Елисавета Петровна прислала (въ Астрахань) тайнаго совѣтника Татищева*), а для управленія Калмыками опредѣлила намѣстникомъ ханства внука перваго хана *Аюки* именемъ *Дондукъ-Дашу*. При семъ распоряженіи вдова хана Дондукъ-Омбы Джанъ въ 1743 г. отвезена въ Петербургъ и тамъ съ дѣтьми своими *Іоной* и *Алексѣемъ* приняла Православіе и имя *Вѣры*.

Во время же избранія въ ханы Дондукъ-Даши, сынъ Галдана-Нарбо, Цебекъ-Доржи, «поставляя себя въ правѣ быть ханомъ по ближайшему наслѣдству», сталъ было добиваться владѣнія Калмыцкаго; «но, не взирая на его притязанія, достоинство сіе Россійскимъ дворомъ утверждено Дашѣ» съ его сыномъ *Убашей*, чѣмъ была отнята у Цебека всякая надежда, на ханство, и онъ оставленъ только первымъ по намѣстникѣ членомъ въ Калмыцкомъ судѣ зорго. «Съ тѣхъ поръ Цебекъ-Доржи положилъ въ душѣ своей отомстить неблагопріятствовавшему ему двору уводомъ Калмыковъ за границу».

---

*) Василій Никитичъ Татищевъ (исторіографъ Петра I), бывшій ранѣе командиромъ Оренбургской комиссіи (съ 1737 по 1739 г.), состоялъ Астраханскимъ губернаторомъ съ 1741 по 1745 г.

Когда въ 1761 году умеръ Дондукъ-Доша и сынъ его Убаша былъ подтвержденъ намѣстникомъ ханства, Цебекъ-Доржи, пользуясь связью родства съ Убашей (оба были женаты на родныхъ сестрахъ), «посредствомъ уговора женъ», сталъ преклонять послѣдняго отторгнуться отъ подданства Россійскаго. Долгое время это ему не удавалось, ибо самъ Убаши «къ таковой измѣнѣ и никогда намѣренъ не былъ». Наконецъ, овладѣвъ «умомъ намѣстника», Цебекъ «умѣлъ обмануть и его блюстителей», и «1771 года Генваря 5-го дня съ большою частью Калмыцкаго народа и имуществомъ онаго, состоящаго во множествѣ скота, золота, серебра, жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и богатыхъ одеждъ, въ числѣ болѣе 70000 кибитокъ [1]), бѣжалъ чрезъ Волгу, Уралъ и вершину Эмбы [2]) и, въ переходъ свой много потерявъ людей, съ малымъ числомъ достигъ крайнихъ ка Западу предѣловъ Китайской имперіи».

Хотя умыселъ сихъ вѣроломцевъ и можно было предузнать, но хитростью своей умѣли они отвратить подозрѣніе и обмануть легковѣрнаго пристава. Когда же дошелъ до свѣдѣнія начальства побѣгъ ихъ, въ то время, за неимѣніемъ достаточныхъ войскъ и по причинѣ зимняго времени, догнать ихъ было уже не можно. «И хотя бы оба сіи измѣнники съ великими трудностями достигли своей природной стороны, но вмѣсто чаемыхъ благъ нашли тамъ свою погибель: ибо въ лучшіе люди лютою Китайскою политикою истреблены, а простые Калмыки, лишенные всего имущества и скота, раздѣлены по разнымъ провинціямъ въ частныя руки». — «Доходятъ слухи, что оплакиваютъ они свое легкомысліе и о благоденственномъ житіи подъ покровомъ Россійскимъ воздыхаютъ; но узъ своихъ разорвать, ниже тайно бѣжать не имѣютъ уже возможности».

«Сіе повѣствованіе, говоритъ въ заключеніе своего письма Захаровъ, почерпнулъ я изъ источниковъ достовѣрныхъ; и изъ онаго, также и изъ образа мыслей нынѣшнихъ Калмыковъ заключаю, что надобно быть весьма важной причинѣ, которая бъ принудила ихъ видимое благоденствіе промѣнять на неосновательную надежду, кольми паче, когда объ устроеніи внутренняго ихъ благоучрежденія воспріяты будутъ должныя мѣры».

(Сообщилъ П. Л. Юдинъ).

---

[1]) Въ прежнихъ печатныхъ источникахъ указывалось только 30 тыс. кибитокъ.

[2]) У Пушкина („Истор. Пугач. бунта" прим. 8 къ гл. I) путь слѣдованія Калмыковъ показанъ на вершины р. Иртыша; въ Матеріалахъ по Исторіи Оренбургской губ. (1877, II, 26) на Сибирь.

терныхъ и возстановлены образы нѣкоторыхъ лицъ, ярко рисующіе обычныя условія жизни посадскихъ людей (купцовъ) въ XVII и XVIII в.

В. Б.

Бесѣды о древней Русской литературѣ **И. П. Хрущова**. Изд. Общ. ревнителей Русск. историч. просвѣщенія въ память Александра III. СПБ. 1900.

Авторъ въ предисловіи указываетъ, что его книга не учебникъ, но предназначена она для обширнаго круга читателей; ея задача пополнить и осмыслить тѣ свѣдѣнія, которыя обычно получаются на урокахъ словесности и изъ различныхъ учебниковъ.

Сочиненіе, предназначаемое для лицъ только знакомящихся съ предметомъ, не можетъ и даже не должно представлять самостоятельной разработки вопроса. Всякія новыя воззрѣнія, не получившія еще признанія въ научномъ мірѣ, не могутъ имѣть въ немъ мѣста. Чтобы сознательно усвоить *новый* взглядъ, надо быть знакомымъ съ тѣмъ, который имъ смѣненъ. Начинающимъ полезно даже до извѣстной степени самимъ пройти тотъ путь, по которому шло развитіе науки. Съ этой точки зрѣнія книгу Хрущова должно признать полезной и отвѣчающей своему назначенію. Совершенно неподготовленному чтеніе ея будетъ, вѣроятно, затруднительно, такъ какъ о многомъ авторъ говоритъ лишь намеками. Но лица, въ основныхъ чертахъ уже знакомыя съ развитіемъ нашей словесности, найдутъ здѣсь немало новыхъ фактовъ, иногда мелкихъ, но всегда характерныхъ, освѣщеніе ихъ съ болѣе широкаго кругозора, чѣмъ въ учебникѣ и значительно число выписокъ изъ старинныхъ памятниковъ. Особенно удачны страницы, посвященныя устной словесности, и среди нихъ характеристика при-Онежскаго края (гдѣ авторъ жилъ нѣкоторое время) и тамошняго говора.

Разумѣется, относительно отдѣльныхъ сторонъ сочиненія можно сдѣлать автору возраженія. Напр., можно усомниться, удобно ли даже въ „популярномъ“ изложеніи говорить о нашей первоначальной лѣтописи, какъ о произведеніи одного лица. Естественно также не соглашаться съ авторомъ въ томъ, какимъ способомъ приводить выписки изъ старинной письменности. Г. Хрущовъ приводитъ ихъ то въ переводѣ, сохраняя подлинныя слова лишь въ особо характерныхъ выраженіяхъ, то въ пересказѣ, постоянно прерывая то и другое своими примѣчаніями. Слово о Полку Игоревѣ, напр., то излагается подлинно, то переводится прозою на современный языкъ, то замѣняется стихотворной передѣлкой Апп. Майкова. (Плачъ Ярославны). Такіе пріемы ведутъ и къ ненужной пестротѣ языка.

Языкъ самого автора чистъ, хотя не вполнѣ свободенъ отъ излишняго употребленія иностранныхъ словъ. Не достаетъ ему истинной простоты. Въ стремленіи къ изобразительности авторъ на каждомъ шагу рѣшается на олицетворенія, дѣлаетъ восклицанія и т. п., чѣмъ запутываетъ чтеніе. Разсказавъ, напр., содержаніе Слова о полку Игоревѣ, онъ заключаетъ: „Міръ, открывающійся передъ нами въ Словѣ, можно передать только музыкой, а не барельефомъ и не картиною“... Къ чему это?

В. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1900 года.

(Годъ 38-й)

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта по случаю исполнившагося 26 Мая 1899 года столѣтія со дня его рожденія. Составилъ А. В. Колчинъ. Цѣна 35 к. Спб. 1900.

Въ сборникѣ г. Колчина напечатаны многія стихотворенія, появившіяся въ прошломъ году по случаю достопамятныхъ Пушкинскихъ празднествъ. Стиховъ было написано болѣе чѣмъ достаточно, но хорошія стихотворенія нетрудно по пальцамъ перечесть. Странно видѣть напечатанными въ одной и той же книжкѣ прекрасную, по истинѣ поэтическую кантату *К. Р.* или вдохновенныя „Три зари" А. С. Ермолова рядомъ съ бездарными, подчасъ безнадежно плохими, зѣвоту наводящими виршами гг. Тана, Жукова, Борисовича. Одинъ „поэтъ", напримѣръ увѣряетъ, что „слышитъ шопотъ мыслей"; другой сочиняетъ какого-то „мѣдно-скачущаго (sic!) коня", Одна поэтесса, безпощадно списала у Лермонтова нѣсколько стиховъ изъ его знаменитой элегіи, посвященной „памяти Александра Ивановича Одоевскаго", но при этомъ по разсѣянности не сослалась на Лермонтова. Въ сборникѣ болѣе 50 стихотвореній; но изъ нихъ можно выбрать, не считая указанныхъ выше, еще два-три мало-мальски сносныя; большинство остальныхъ ниже всякой критики. Напрасно г. Колчинъ воскресилъ въ отдѣльномъ изданіи то, что могло бы кануть безслѣдно въ газетную пучину. Значеніе сборника г. Колчина въ томъ, что онъ свидѣтельствуетъ, какъ слабо отпраздновала Россія Пушкинскіе дни въ 1899 году.

Н. Л.

Т. В. Проскурниковъ. Изъ исторіи Слободской Украины. Городъ Короча при первыхъ царяхъ ихъ дома Романовыхъ Харьковъ 1900. 16°. 28 стр.

Желѣзныя дороги, телеграфныя сообщенія, газетная дѣятельность, быстро стираютъ мѣстныя особенности отдѣльныхъ областей. Въ увлеченіи міровой „злобой дня", забывается любовь къ родимой округѣ, къ городу, въ которомъ суждено было родиться и выврасти. Между тѣмъ изслѣдованія старины пріобрѣтаютъ особенную задушевность, когда къ нимъ приступаетъ человѣкъ, для котораго эта старина—родная; памятники, съ которыми сжился издѣтства, говорятъ рѣчью особенно внятной, и прошлое угадывается по такимъ признакамъ, которыя остались бы незамѣченными пришельцомъ. Вотъ почему надо въ наши дни привѣтствовать проявленіе любви къ своему близкому, мѣстному, конечно, нисколько не противорѣчащей, а напротивъ способствующей развитію болѣе широкаго чувства: любви къ родинѣ въ ея цѣломъ, къ Русскому, къ Россіи.

Маленькая книжка г. Проскурникова написана исключительно по печатнымъ источникамъ, не сообщаетъ ничего существенно-новаго, но даетъ опредѣленную картинку жизни пограничнаго, сторожевого города за два столѣтія. Городъ Короча имѣлъ въ свое время стратегическое значеніе, такъ какъ вблизи отъ него сходились два Татарскихъ шляга (дороги-Муравская и Изюмская), по которымъ производились набѣги Крымцевъ. Первые цари изъ дома Романовыхъ ласкали пограничное населеніе Южной Руси и жаловали въ степной городишко Корочуне только золотыя ризы, образа и церковную утварь. До сихъ поръ Корочаре благоговѣйно чтутъ древніе памятники первыхъ царей. Еще Петръ Великій посѣтилъ Корочу на обратномъ пути изъ подъ Полтавы, и между прочимъ пожертвовалъ изъ собственной казны 3000 р. на построеніе въ Корочѣ каменнаго храма. Въ книжкѣ пересказаны приключенія нѣсколькихъ Корочанскихъ жителей, попадавшихъ въ Крымскій плѣнъ и бѣжавшихъ оттуда.

В. Б.

НАВАРИНСКІЙ БОЙ *).

Занимаясь изученіемъ Англійскаго филэлленизма съ 1821 по 1830 годы и просматривая относящіяся до него сочиненія того времени, я случайно напалъ въ Британскомъ Музеѣ на небольшую книжку, озаглавленную: Life on board a man of war, inclusing a full account of the battle of Navarino by a british seaman. Glasgow, Blackie, Tullarton and Comp. Arch. Tullarton and Comp. Edinburgh and James Duncan. London 1829. 193 in 8°.

Почти половину этой книжки занимаетъ разсказъ о Наваринской битвѣ. По непосредственности и свѣжести чувства, которымъ онъ проникнутъ, онъ кажется мнѣ достойнымъ вниманія не только простыхъ читателей, но и ученыхъ изслѣдователей. Мнѣ именно представляется, что разсказъ этотъ долженъ быть причисленъ къ рѣдкому, но тѣмъ болѣе цѣнному разряду источниковъ для исторіи тѣхъ внутреннихъ процессовъ, изъ которыхъ слагается великое событіе. Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что названная книжка до сихъ поръ оставалась незамѣченной, я позволяю себѣ обратить на нее вниманіе Русскихъ читателей, предложивъ ея переводъ и предпославъ краткія къ ней примѣчанія.

Исторія Наваринской битвы, причины, ее вызвавшія, и самый ходъ ея неоднократно, конечно, описывались современниками, неоднократно также изслѣдовались они позднѣйшими учеными. Не входя въ критическій разборъ этой литературы, ограничусь однимъ замѣчаніемъ. Какъ самые источники, такъ и научная ихъ обработка изображаютъ событіе сверху. Главные уча-

*) Наваринская морская битва произошла 8 (20) Октября 1827 г. Въ ней соединенный Русско-Англо-Французскій флотъ, послѣ 4-хъ часового боя, истребилъ Турецко-Египетскій. Россія желала помочь Грекамъ-единовѣрцамъ въ ихъ борьбѣ за независимость, а Франція и Англія не хотѣли допустить Россію дѣйствовать самостоятельно. У Турціи флота не было, но ей помогалъ ея Египетскій вассалъ, Ибрагимъ паша. Занявъ Наваринскую гавань, Ибрагимъ началъ опустошать Морею, совершая страшныя жестокости. Начальники соединенныхъ эскадръ (Кодрингтонъ съ Англійской стороны, Риньи съ Французской, Гейденъ съ нашей) послали ему требованіе прекратить военныя дѣйствія. Ибрагимъ-паша отказался. Тогда былъ открытъ огонь, хотя война собственно еще не была объявлена. Послѣ пораженія Ибрагимъ-паша согласился на миръ; но султанъ отвергъ всѣ условія. Весною слѣдующаго 1828 года началась сухопутная война, кончившаяся славнымъ для насъ Адріанопольскимъ миромъ. В. Б.

стники событія, съ цѣлью оправдать и объяснить свое поведеніе, дали прежде другихъ его описаніе, и эти описанія стали первоисточниками. Способствуя такъ или иначе подготовкѣ событія, принимая значительное участіе въ его ходѣ, эти лица не могли его видѣть иначе, какъ въ цѣломъ или въ главнѣйшихъ его частяхъ. Тотъ же характеръ носило и построенное на такомъ матеріалѣ изслѣдованіе. По своему существу оно и не должно было отрѣшаться отъ даннаго въ источникахъ направленія. Оно могло только усилить это направленіе, поднявшись еще на высшую точку зрѣнія въ силу тѣхъ высшихъ цѣлей, которыми оно задается.

Изслѣдованіе изучаетъ событіе столько же въ немъ самомъ, сколько въ его общей исторической связи. Оно разсматриваетъ Наваринскую битву, какъ одно изъ многочисленныхъ звеньевъ въ длинномъ ряду явленій, знаменующихъ пробужденіе національностей въ XIX вѣкѣ, или какъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, совокупность которыхъ привела къ освобожденію Греціи изъ подъ владычества Турокъ. Нечего и говорить, что какъ самыя обобщенія изслѣдованій, такъ изложеніе источниковъ носятъ на себѣ печать болѣе или менѣе возвышеннаго умственнаго и политическаго кругозора авторовъ, ихъ частныхъ чувствъ, ихъ нравственныхъ убѣжденій. При такихъ условіяхъ всякій простой, безхитростный и безпристрастный разсказъ о Наваринской битвѣ пріобрѣтаетъ особую цѣнность. Чѣмъ ниже положеніе автора на іерархической лѣстницѣ участниковъ боя, тѣмъ болѣе недоступныхъ раньше изслѣдованію сторонъ дѣла можетъ раскрыть его описаніе, тѣмъ яснѣе представитъ оно событіе внутри его самого, тѣ частичные процессы, на которые въ сущности оно распадалось. Та доля личнаго участія или дѣломъ, или чувствомъ, которая приходится на каждаго изъ дѣятелей, какова бы она ни была по своимъ размѣрамъ, какую бы ничтожнѣйшую дробь по сравненію съ цѣлымъ она ни представляла, достойна изученія не въ меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ руководящая роль адмираловъ или пословъ. Она ничтожна, взятая отдѣльно, по сравненію съ послѣдней, но и послѣдняя въ свою очередь еще болѣе ничтожна по сравненію съ суммою такихъ долей, какъ она.

Авторъ того разсказа, о которомъ идетъ рѣчь, по его собственнымъ словамъ,—простой матросъ, и принялся за перо, чтобы правдивымъ изложеніемъ всего того, что̀ видѣлъ, опровергнуть обвиненія, которыя были возведены на горячо любимаго командою „Генуи“ капитана Диккенсона; въ предисловіи къ своимъ воспоминаніямъ онъ именно обѣщается держаться строгой правдивости въ изображеніи того, что̀ видѣлъ и помнилъ. Своей фамиліи авторъ не называетъ ни въ заглавіи, гдѣ онъ скрывается подъ псевдонимомъ „Британскій морякъ“, ни въ текстѣ, гдѣ ограничивается одною буквою М. Я старался навести справку, что̀ скрывается дальше подъ этою буквою. Въ словаряхъ анонимныхъ писателей свѣдѣній на этотъ счетъ нѣтъ. Вѣроятно, оно по своему скромному виду не сумѣло обратить вниманіе современника, а можетъ быть и прошло мимо ихъ тѣмъ болѣе, что вооб-

ще трудъ ихъ далеко не полонъ. Въ спискѣ же матросовъ, состоявшихъ на „Генуѣ", слишкомъ много именъ начинается на М. Даже если, опираясь на мѣсто изданія книги съ одной стороны, и на такое выраженіе, какъ „мой близкій знакомый, молодой человѣкъ изъ Глазго" (стр. 117) съ другой стороны, — ограничить его матросами, поступившими на „Геную" изъ Глазго и его окрестностей. Тонкость психологическаго анализа и красота описаній мѣстами могутъ ввести въ сомнѣніе, точно ли авторъ простой матросъ, не есть ли это болѣе или менѣе искусная поддѣлка подъ грубый, мѣстами чисто-матроскій стиль. Поводъ къ ней, несомнѣнно, могъ быть. Желаніе автора оправдать капитана Диккенсона проступаетъ по временамъ весьма замѣтнымъ образомъ. Но съ одной стороны цѣлый рядъ такихъ подробностей, на которыя только матросъ могъ обратить вниманіе, а съ другой стороны и главнымъ, конечно, образомъ, изученіе архивныхъ дѣлъ, до „Генуи", относящихся, убѣдили меня въ подлинности сочиненія. Сличая медицинскіе рапорты, я нашелъ, что не только имена всѣхъ раненыхъ сообщаются въ точности, но и детальное описаніе ранъ совпадаетъ со свидѣтельствомъ докторовъ. Можно сказать вообще, что упоминаемыя авторомъ имена суть имена лицъ, дѣйствительно служившихъ на „Генуѣ", какъ видно это изъ корабельныхъ книгъ. Мною замѣчены въ этомъ отношеніи только двѣ неточности: имя одного изъ убитыхъ юнгъ у автора Андерсонъ, тогда какъ по спискамъ онъ именуется Sammet, а затѣмъ Нѣмецъ-матросъ въ разсказѣ именуется De Squaw; такой фамиліи ни въ общихъ спискахъ матросовъ, ни въ перечнѣ убитыхъ не встрѣчается вовсе. Первую неточность объяснить легко забывчивостію автора, тѣмъ болѣе, что фамиліи убытыхъ юнгъ и мѣсто рожденія обоихъ (островъ Мальта) указаны вѣрно. Труднѣе объяснить неточность въ фамиліи матроса-вѣщуна De Squaw. Въ повѣствованіи онъ играетъ видную роль, и ссылаться на то, что авторъ могъ запамятовать его имя, врядъ ли возможно. Тутъ является такого рода предположеніе: въ Англійской арміи и флотѣ существуетъ обычай навербованнымъ иностранцамъ мѣнять фамиліи на Англійскія *); такимъ образомъ у одного и того же лица оказывается двѣ фамиліи, оффиціальная и настоящая. Подъ своей настоящей, но исковерканной фамиліей, De Squaw и можетъ фигурировать у анонимнаго автора.

Сказаннаго достаточно для опредѣленія достовѣрности фактической стороны изложенія. Само собою, нѣкоторую свободу въ раскраскѣ фактовъ допустить нужно, но общій правдивый тонъ изложенія не подлежитъ сомнѣнію. Какъ просто и ясно рѣшается имъ вопросъ о томъ, кто въ дѣйствительности началъ бой! Въ переводѣ своемъ я старался именно сохранить все, что̀ принадлежитъ личнымъ воспоминаніямъ автора, все, что̀ онъ записалъ по своей памяти или по памяти лицъ, себѣ подобныхъ. Литературныя же заимствованія я позволилъ себѣ сократить. Нѣкоторыя сокращенія заполнены отрывками изъ другого тоже почти неизвѣстнаго описанія Наваринской битвы: The battle of Navarino, Malta and other poems by a naval of-

*) Тоже дѣлалось и у насъ до Петра Великаго. П. Б.

ficer. London, 1828. 227 стр. in 8°. Въ описаніи этомъ, принадлежащемъ перу человѣка, хотя въ самой битвѣ участія не принимавшаго, но служившаго на эскадрѣ Кодрингтона и присоединившагося къ флоту немедленно послѣ боя, любопытны не столько самые стихи, сколько обширныя примѣчанія къ нимъ. Въ нихъ содержатся нѣкоторыя новыя, весьма характерныя подробности для исторіи боя. Эти дополненія въ текстѣ заключены въ скобки.

Петръ Погодинъ.

Утромъ 18-го Октября мы обогнули островъ Занте и пошли по направленію къ Наваринской бухтѣ, туда, гдѣ, по нашимъ свѣдѣніямъ, должны были крейсировать союзныя эскадры. Дѣйствительно, вскорѣ онѣ открылись нашему взору, и въ первомъ часу дня мы уже были среди нихъ. Только что мы стали сбавлять парусовъ, какъ на мачтѣ адмиральскаго корабля взвился сигнальный флагъ. «Не стоитъ смотрѣть въ сигнальную книгу Дэви. Я знаю этотъ сигналъ хорошо: онъ значитъ: готовься къ бою», сказалъ нашъ старый капитанъ, и отдалъ приказъ барабанщику и горнисту бить тревогу, а гребцамъ на гичкѣ боцманмата скомандовалъ переодѣться и почиститься. Я былъ въ числѣ гребцовъ и обрадовался этому приказу. Намъ было извѣстно, что мы идемъ на бортъ «Азіи» *) и тамъ узнаемъ, что собирались предпринять адмиралы. Готовиться намъ было недолго, и въ ожиданіи, пока не сойдетъ капитанъ, мы имѣли возможность осмотрѣть эскадры, лежавшія на гладкой какъ скатерть поверхности водъ. Вѣтеръ стихъ, какъ только мы подошли къ Наварину; какъ будто онъ сдѣлалъ свое дѣло, донеся насъ до того мѣста, которому суждено было стать сценою такой кровавой борьбы. Союзный флотъ состоялъ изъ десяти линейныхъ кораблей: 3-хъ Англійскихъ, 3-хъ Русскихъ и 4-хъ Французскихъ, съ фрегатами, корветами и бригами, всего 32 судна. Съ ихъ палубъ было убрано все лишнее, и по всему было видно, что они изготовились къ бою. У Русскихъ были прекрасные большіе корабли, смотрѣвшіе съ иголочки, прочно построенные и чисто выкрашенные, но съ необыкновенно тяжеловѣснымъ такелажемъ, и это придавало имъ неуклюжій видъ.

Мы съ капитаномъ быстро подошли къ «Азіи», поднялись на бортъ и увидѣли, что и тамъ все было готово къ бою: на палубахъ ничего не оставалось, кромѣ артиллерійскихъ принадлежностей, лежали только прибойники, банники, ганшпуги, фитили. Въ углу на верхней палубѣ артиллерійская прислуга поспѣшно готовила пыжи. Орудійные ефрей-

*) „Азія" — адмиральскій корабль, на которомъ находился начальникъ союзнаго флота, сэръ Эдуардъ Кодрингтонъ.

торы чистили казенную часть у пушекъ, марсовые поднимали бортъ-реи. Однимъ словомъ, на всемъ лежала печать грозныхъ приготовленій.

Странное обстоятельство: на борту «Азіи» находился мой близкій знакомый, молодой человѣкъ изъ Глазго, но мнѣ не удалось его видѣть; въ ту пору я даже не зналъ, что онъ тамъ. Я встрѣтилъ, однако, стараго однокашника, который сказалъ мнѣ, что у союзныхъ адмираловъ было наканунѣ совѣщаніе, блокировать ли Турокъ цѣлую зиму, или силою принудить ихъ согласиться на договоръ 6-го Іюля, и что они рѣшились на послѣднее. «Прекрасно», сказалъ Томъ Морѳіэтъ, бывшій вмѣстѣ со мною, «мнѣ бы не хотѣлось качаться здѣсь цѣлую зиму. Лучше дадимъ имъ хорошенькаго тумака, а коли насъ пошлютъ къ чорту, не все ли равно: не нынче, такъ завтра, все равно когда-нибудь помирать нужно. Чѣмъ короче расчеты, тѣмъ лучше, а у меня есть о чемъ посчитаться съ Турками». Томъ и я были большими пріятелями, «спарились», какъ говорятъ моряки. Судьба его жестоко преслѣдовала, а между тѣмъ человѣкъ онъ съ головою и не безъ сердца, хотя и не прочь былъ кутнуть, какъ это случилось съ нимъ на Мальтѣ. Незадолго передъ тѣмъ я узналъ его печальную исторію. Онъ разсказалъ ее мнѣ вечеромъ, когда мы сидѣли на выстрѣла́хъ.

Вотъ она вкратцѣ. Его отецъ былъ купцомъ съ острова Гернсея и одно время владѣлъ нѣсколькими кораблями, занятыми Левантскою торговлею, и дѣла его шли недурно; но по превратностямъ судьбы въ концѣ-концовъ у него осталось лишь одно судно, 150-тонный бригъ. Съ нимъ отправился онъ лично въ Смирну, надѣясь, что счастіе ему улыбнется. Захватилъ онъ съ собою въ плаваніе трехъ сыновей, возрастомъ между 18 и 25 годами. Не успѣлъ онъ, однако, дойти до острова Киѳеры (Чериго), какъ попался съ своимъ бригомъ въ плѣнъ къ Турецкимъ пиратамъ. Тѣ заставили всѣхъ плѣнныхъ, что̀ называется, «прогуляться по дощечкѣ»: съ борта надъ водою была высунута доска, несчастнымъ завязали накрѣпко глаза, ввели ихъ силою на эту доску, проталкивая ихъ впередъ, пока они не свалились въ море. Вѣсть объ этомъ дошла до Гернсея; мать Морѳіэта и раньше была нервно разстроена, вслѣдствіе постигшихъ семью неудачъ, а тутъ она окончательно сошла съ ума и умерла въ домѣ умалишенныхъ. Изъ всей семьи остался въ живыхъ такимъ образомъ одинъ бѣдняга Томъ, тогда еще совсѣмъ мальчикъ. Отчасти по необходимости, отчасти изъ любви къ морю, онъ записался въ матросы на военный корабль и теперь ликовалъ при мысли о близости боя съ тѣмъ народомъ, который былъ причиною разоренія и гибели его семьи.

Вернувшись на «Генуую», мы нашли, что на палубѣ все готово къ дѣйствію. Всѣ сундуки и артельныя принадлежности были снесены въ трюмъ. Заслонки висѣли на выходныхъ люкахъ магазиновъ, двѣ бочки съ боевою водою были принайтованы[1]) на пилерсахъ[2]) на палубѣ, посрединѣ корабля; ящики съ картечью стояли между пушками; пыжи были тутъ же; всѣ переборки сняты, такъ что констапельская[3]) и каютъ-компанія отдѣлялись только Англійскими флагами отъ другихъ частей палубы. Едва мы взошли на бортъ, какъ на насъ накинулись товарищи съ разспросами: имъ хотѣлось поскорѣе знать, какія вѣсти мы привезли съ «Азіи». Наши разсказы мгновенно облетѣли весь корабль и, конечно, слухи только росли, переходя изъ устъ въ уста. Остальную часть дня мы пролежали неподвижно на гладкой поверхности водъ, при мертвомъ штилѣ, подъ палящимъ солнцемъ. Отъ нечего дѣлать мы принялись ловить рыбу. Утро 19-го числа было тихо и прекрасно. На гористыхъ берегахъ Греціи еще лежалъ пеленою туманъ, но его уже разгоняло поднимавшееся солнце. Я стоялъ на палубѣ, мнѣ надо было убрать свою койку, положивъ ее къ бортовой сѣткѣ; но, дѣлая это, я не могъ не любоваться чудной картиной, развертывавшейся передъ нами. Отъ Наваринской гавани насъ отдѣляло не больше трехъ миль, но и съ этого разстоянія входъ въ нее казался настолько узкимъ, что не вѣрилось, что сквозь него можетъ пройти хотя бы одно судно заразъ. Вдали лежалъ островъ Занте; точно громадная плоская доска всплывалъ онъ на поверхности водъ.

Здѣсь и тамъ виднѣлись одинокія торговыя суда, мирно совершавшія свой путь. Наши эскадры ночью собрались вмѣстѣ, по сигналу адмирала держаться тѣснѣй. Всѣ корабли лежали съ убранными парусами, ихъ видъ былъ грозенъ. Когда я стоялъ въ созерцаніи и размышлялъ о томъ, что̀ принесетъ этотъ день (мы разсчитывали, что войдемъ въ гавань 19-го), ко мнѣ подошелъ мой Томъ Мореіэтъ. Мы видѣли, какъ фрегатъ «Дармуѳъ» на всѣхъ парусахъ пошелъ въ гавань, съ послѣдними предложеніями къ Ибрагиму. Съ той минуты мы съ волненіемъ стали ждать, когда онъ покажется обратно: отвѣтъ, который онъ долженъ былъ привести, рѣшалъ вопросъ, вступать намъ въ бой или нѣтъ. Въ тревогѣ и ожиданіи прошло девятнадцатое Октября. Группы офицеровъ и матросовъ стояли на палубѣ и съ жаромъ спорили о томъ, какой оборотъ приметъ битва. Нѣкоторые не сомнѣвались въ томъ, что Турки струсятъ послѣ перваго выстрѣла; другіе,

---

[1]) *Найтовъ*—обвязка, скрѣпа веревкою, счалка; *найтовать* скрѣплять найтовомъ.

[2]) *Пилерсъ*—стойка подъ бимсомъ (а *бимсы*—это балки на которыхъ стелется палуба).

[3]) *Констапельская*—каюта въ самой кормѣ нижней палубы.

наоборотъ, приводили примѣры противнаго. Многіе сожалѣли, что не будетъ призовыхъ денегъ, такъ какъ приказъ былъ, по слухамъ, «жечь, топить и разрушать», а не брать въ плѣнъ. «Вотъ уже солнце заходитъ», сказалъ Шотландецъ, по имени Корри, «а кому-то изъ насъ придется увидѣть завтрашній вечеръ? Что̀ вы скажете, Ди-Скво?» Слова эти относились къ Нѣмцу Ди-Скво, сидѣвшему въ сторонѣ на одной изъ пушекъ. Въ ту минуту Ди-Скво смотрѣлъ, какъ мой товарищъ Томъ Морѳіэтъ игралъ съ другимъ матросомъ въ шахматы, забывъ и думать о томъ, какимъ исходомъ могъ угрожать намъ бой. Ди-Скво по своей привычкѣ не обратилъ вниманія на вопросъ, пока его не повторили, и только тогда повернулъ въ отвѣтъ свое лицо, съ его неземнымъ выраженіемъ, но не къ тому, кто съ нимъ заговорилъ, а къ моему товарищу. Вставши, онъ схватилъ Тома за руку, приподнялъ его, посмотрѣлъ съ серьезнымъ выраженіемъ ему въ глаза и сказалъ: «Морѳіэтъ, прежде чѣмъ наступитъ слѣдующая ночь, вы и я будемъ играть въ другую игру». Потомъ онъ отошелъ, скрестивши руки, и сѣлъ на одну изъ пушекъ, стоявшихъ на бакѣ, въ сторонѣ отъ остальныхъ. Бѣдный Томъ, услыхавши предсказаніе Нѣмца, подошелъ ко мнѣ и спросилъ, что̀ по моему оно могло бы значить. Я зналъ, что мой товарищъ съ остальнымъ экипажемъ вѣрилъ въ слова Ди-Скво, какъ мусульмане въ Коранъ, а потому и отвѣчалъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ, какой только могъ принять на себя, что своими словами Ди-Скво хотѣлъ сказать, что завтра всѣ мы пойдемъ въ дѣло. Томъ сказалъ, что и онъ не думаетъ, чтобы предсказаніе Нѣмца могло имѣть другое значеніе; но по его лицу я увидѣлъ, что желѣзо вошло ему въ сердце, и что онъ говорилъ только пустыя слова, чтобы утѣшить меня.

Солнце уже стало садиться, вершины горъ окрасились въ золотистый цвѣтъ, и тѣни людей, прохаживающихся по палубѣ, значительно удлинились, когда, наконецъ, «Дармуѳъ» показался изъ Наварина. Всѣ его паруса были распущены, но онъ подвигался чрезвычайно медленно: вѣтра почти не было. На «Дармуѳѣ» подняли сигналъ, флагманскій корабль тотчасъ же отвѣтилъ, они переговаривались нѣкоторое время, но уже темнѣло: безъ подзорной трубы трудно было разсмотрѣть намъ сигналы. Капитанъ обратился къ первому лейтенанту и сказалъ: «Что̀, С.? Я остаюсь при прежнемъ мнѣніи; никакого соглашенія Турки не хотятъ; придется намъ завтра вступить въ гавань и выгнать ихъ оттуда. Посмотрите-ка въ сигнальную книгу, увидите, что я правъ». С. взялъ книгу и доложилъ капитану, что адмираломъ былъ поднятъ сигналъ «ждать удобной минуты, войти въ гавань завтра, убрать паруса и лечь на ночь».—«Прика̀жете боцманмату свистать?» спросилъ лейтенантъ.—«Конечно», отвѣчалъ капитанъ. Раздался приказъ, и вслѣдъ

за нимъ рѣзкій свистокъ боцмана и его товарищей живо вызвалъ всѣхъ на верхъ поспорить съ экипажами другихъ кораблей, кто проворнѣй уберетъ паруса. Паруса быстро были закрѣплены, и все готово къ ночи. Наступила первая вахта и мой чередъ идти вверхъ; но я предпочелъ остаться на палубѣ, чтобы насладиться вечернею прохладой освѣжительною послѣ палящаго дневного зноя. Я сѣлъ на пеньку, сложенную на верхней палубѣ, и погрузился въ мечты. Невольно мнѣ вспоминались мирныя сцены тихаго, домашняго очага, который я промѣнялъ на полную безпокойства военную жизнь. Меня вернулъ къ дѣйствительности мой товарищъ Ли. Онъ искалъ меня, чтобы передать мнѣ мою порцію вина, и попросилъ написать ему письмо къ матери. Наливъ чарку и взявши меня за руку, онъ сказалъ: «Дай Богъ завтра встрѣтиться!» Выпивши, онъ налилъ мнѣ, и я выпилъ, повторяя его пожеланіе. «Завтра мы идемъ въ бой, сказалъ онъ; мнѣ хотѣлось бы написать домой письмо съ вашею помощью». Я взялъ фонарь; вмѣсто стола служила мнѣ тулья моей шляпы, вмѣсто стула сложенныя на комбингѣ ядра, и послѣ нѣсколькихъ замѣчаній и совѣтовъ о томъ, что̀ хотѣлъ бы онъ сказать, я началъ и написалъ слѣдующее письмо подъ его диктовку; теперь я списываю его съ подлинника, лежащаго передо мной:

«Дорогія матушка и сестрица! Это письмо оставляетъ меня въ добромъ здоровьѣ и, надѣюсь, найдетъ васъ въ таковомъ же. Не могу сказать, получите ли вы отъ меня когда-нибудь другое: завтра мы идемъ бить Турокъ. Пошлютъ ли меня къ чорту или нѣтъ—поручиться не могу; но не пугайтесь, дорогая матушка, если я завтра отправлюсь на тотъ свѣтъ. Смерть такой долгъ, который всѣмъ приходится платить. Если кто-нибудь изъ вашихъ сосѣдей зайдетъ къ вамъ, скажите Сюзаннѣ Клеръ (здѣсь Недъ запнулся, но потомъ продолжалъ съ видомъ человѣка, дѣлающаго самый тонкій дипломатическій подвохъ), что я не забылъ того дѣльца, про которое она знаетъ, и истертаго четвертака (шесть пенсовъ). Она пойметъ, что̀ вы хотите сказать, хоть вы не понимаете, и будьте къ ней добры, ея отецъ слабаго здоровья и вашъ старый знакомый, и скажите ей, что я привезу домой для нея много рѣдкихъ раковинъ. А затѣмъ, да благословитъ васъ Богъ и да сохранитъ васъ всѣхъ! Но я надѣюсь еще пожить настолько, чтобы видѣть, какъ Туркамъ дадутъ порядочную встрёпку, и тогда поднимемъ якорь, направляясь въ старую Англію. Я остаюсь, дорогая матушка и сестра, вашъ искренно любящій сынъ и братъ Эдвардъ Ли».

Запечатавъ письмо смолою и опорожнивъ бутылку вина, мы пошли внизъ. Я легъ спать и спалъ спокойно до четырехъ часовъ, когда меня разбудилъ боцманскій сигналъ: «обѣ вахты готовь снаряды». По этому

сигналу матросы образовали собою непрерывную цѣпь отъ самаго порохового погреба до главнаго трапа, чтобы удобнѣе было передавать изъ рукъ въ руки ядра до верхней палубы, гдѣ они раскладывались по ящикамъ, стоявшимъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Я былъ съ Мореіэтомъ внизу, гдѣ лежали ядра; видно было, что онъ совсѣмъ палъ духомъ и все размышлялъ о предсказаніи Ди-Скво, какъ на бѣду стоявшаго напротивъ него. Нагнувшись, я замѣтилъ, что въ сору у моихъ ногъ валяется старый ножъ. Я поднялъ его и, отчистивъ отъ грязи, увидѣлъ, что на немъ вырѣзано имя моего несчастнаго товарища. Я передалъ ножъ Мореіэту. Оказалось, что онъ потерялъ его въ погребѣ еще въ Гибралтарѣ. Но онъ не захотѣлъ его взять назадъ, а вернулъ обратно, со словами: «сохрани его на память обо мнѣ и не забывай своего друга, когда его не станетъ». Онъ говорилъ улыбаясь; но какъ только его взоръ встрѣтилъ стоявшаго на палубѣ Нѣмца, черты его лица немедленно приняли свое прежнее грустное выраженіе. Вскорѣ всѣ ящики наполнились ядрами, и все было готово. Солнце только вставало, когда насъ вызвали на палубу готовить паруса. Англійской эскадрѣ удалось удержаться за ночь почти передъ самымъ входомъ въ гавань; но Русскихъ и Французовъ оттянуло мили на четыре въ подвѣтренную сторону. Намъ пришлось взять гальсъ отъ берега, чтобы дать остальнымъ время подойти прежде, чѣмъ мы повернемъ въ гавань. Пока мы тянули боргъ[1]) съ реями, я слышалъ, какъ капитанъ на мостикѣ говорилъ одному изъ своихъ пріятелей: «Слушайте, Фицпатрикъ. Если у васъ есть долги, такъ сегодня, дружище, вамъ придется по нимъ платить».—«Что̀ вы хотите этимъ сказать?» спросилъ тотъ, «я васъ не понимаю».—«Не понимаете меня, эхъ вы, молокососъ! Какъ, развѣ вы не знаете, что въ пылу боя бѣдняки могутъ свести счеты съ своими мучителями. Я самъ видѣлъ, какъ командира того судна, на борту котораго я находился во время боя, такъ и пришибло ударомъ лома къ выходному трапу на шкафутѣ[2]), гдѣ онъ стоялъ; ему показалось, что самъ чортъ далъ пинка. Ну, да и подѣломъ ему было. Дѣйствительно, онъ былъ варваръ». Я содрогнулся при этомъ разсказѣ о преднамѣренномъ убійствѣ; но мнѣ кажется, что случаи такой мести очень рѣдки и въ Британскомъ флотѣ, и въ Британской арміи.

Въ шесть часовъ барабанъ забилъ сборъ. Офицеры выстроили людей, и началась повѣрка, всѣ ли налицо. Лейтенантъ, командовавшій въ томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, молодой человѣкъ, по имени Брокъ,

---

[1]) *Боргъ*—веревочный мотъ или желѣзная цѣпь, на которой висятъ нижнія реи.

[2]) *Шкафутъ*—часть верхней палубы вдоль борта, между средними мачтами.

обратился къ намъ съ нѣсколькими словами: «Сегодня, друзья, мы вступаемъ въ бухту. Я знаю, вы всѣ этому должны быть рады; мнѣ кажется, что крейсировать передъ ней цѣлую зиму вамъ было бы такъ же непріятно, какъ и мнѣ. Такъ войдемъ же въ гавань сегодня и сразимся, какъ подобаетъ Британскимъ морякамъ, а если мы падемъ, что̀ же, и это конецъ нашему крейсированію. Ужъ надѣюсь, коли нужно стрѣлять изъ пушекъ, такъ каждый будетъ на своемъ мѣстѣ!» Барабанъ ударилъ отбой, и матросы легли между пушками уснуть послѣдній разъ, какъ вдругъ пробѣжалъ шопотъ: капитанъ, капитанъ! Тѣ, кто не спалъ еще, вскочили на ноги и стали расталкивать уснувшихъ. «Спите, спите, дѣти; вамъ еще придется поработать до ночи», сказалъ капитанъ и наципочкахъ пошелъ впередъ.

Мы были теперь въ двухъ миляхъ или меньше отъ входа въ Наваринскую гавань. Всѣ паруса были поставлены, когда раздался боцманскій свистокъ къ обѣду, и многіе сѣли за него въ послѣдній разъ. Близость опасности, возможность больше никогда не увидѣть другъ друга, дѣлали сотрапезниковъ угрюмыми, хотя въ обыкновенное время обѣдъ сопровождался веселіемъ и смѣхомъ. Нашлись, впрочемъ, и тутъ шутники, которые старались разогнать мрачное настроеніе обѣдавшихъ обычными морскими остротами, но дѣйствіе послѣднихъ было только минутнымъ. Въ особенности мой другъ Мореіэтъ совсѣмъ упалъ духомъ и, казалось, все размышлялъ о словахъ Нѣмца. Я старался развеселить его. «Не бойся, М., отвѣчалъ онъ, я не струшу. Нѣтъ, нѣтъ! Увидишь, коли останешься цѣлъ, что я могу сражаться не хуже другихъ, и не оставлю своей пушки, пока корабль будетъ держаться на водѣ, или пока не убьетъ меня ядро; но, М., если я не останусь въ живыхъ, въ чемъ я увѣренъ, постарайся повидать Солли У***, объ ней ты часто слышалъ, и скажи ей, что хоть и лежу теперь на днѣ Наваринской бухты, но пока въ моихъ жилахъ билась хотя капля крови, я всецѣло принадлежалъ ей. Ты добрый человѣкъ, обѣщай мнѣ, и я умру спокойно; я знаю, другъ мой, что мнѣ не видать сегодня солнечнаго захода».

Горнистъ заигралъ, сзывая поваровъ за виномъ. Принесли вина, и нашъ старшій сотрапезникъ предложилъ пить въ круговую до конца. Всѣ согласились. Джекъ Борджесъ сказалъ: «Таковъ былъ обычай на «Страшномъ» во время боя; да что съ вами разговаривать! Вѣдь вы еще не знаете, что̀ такое морской бой. Вотъ если бы вы были со мной при Трафальгарѣ, вы бы увидѣли, какъ даютъ по три залпа въ минуту. Мы направляли ихъ въ «Св. Іосифа»; право, словно играли въ кегли или на билліардѣ. Только попроворнѣй приходилось поворачиваться. Ну, да и удовольствіе было не то. Вотъ до вечера увидите,

какъ это дѣлается. Эхъ, что ли выпить круговую? Кто уступитъ мнѣ свою пинту до завтра? Прекрасный случай! Да не говорите всѣ разомъ, не то мнѣ не разслышать». Но на предложеніе это никто ничего не отвѣчалъ, и каждый выпилъ свое вино самъ съ обычными словами: «дай Богъ завтра встрѣтиться». Кончать обѣдъ пошелъ я наверхъ, прихвативъ съ собою котелокъ съ горохомъ. Поднявшись на палубу, я увидѣлъ, что отъ форта, защищавшаго входъ въ Наваринскую гавань, насъ отдѣляло еще съ четверть мили. Вѣтеръ былъ до того слабъ, что едва наполнялъ наши паруса, и больше мили въ часъ мы не могли дѣлать. Вдругъ я увидѣлъ, что одинъ изъ матросовъ отскочилъ отъ пушки и закричалъ: «Начинается, начинается!»—«Что̀ такое? Въ чемъ дѣло?» спросилъ я.—«Развѣ вы не видите двухъ сигналовъ на мачтѣ «Азіи»? Приказъ вступать въ бой. Поглядите на нихъ хорошенько. Въ другой разъ будете знать!»

Въ туже минуту барабанщикъ забилъ «по мѣстамъ». Я бросился бѣжать, что̀ было духу, къ своей пушкѣ. Котелокъ у меня полетѣлъ за бортъ. Всѣ орудія были заряжены двойнымъ зарядомъ. Противъ меня у той же пушки стоялъ Ди-Скво; въ молчаніи ждали мы команды «огонь». Нашъ корабль проходилъ въ ту пору какъ разъ подъ батареями Турецкой крѣпости, и мы боялись, какъ бы Турки не угостили насъ дюжиной тѣхъ пилюль, которыя они готовили для насъ уже дней десять или двѣнадцать. Намъ было видно, какъ Турки съ большимъ хладнокровіемъ поворачивали дула своихъ орудій, наводя ихъ на тотъ или другой корабль. Но на флагштокѣ ихъ батарей не было поднято знамени и, казалось, ко всему происходившему они собирались отнестись скорѣе миролюбиво. Съ берега отвалила даже шлюпка съ Турецкимъ офицеромъ и четырьмя гребцами и направилась къ «Азіи», вышедшей тѣмъ временемъ изъ-подъ выстрѣловъ Турецкихъ батарей и находившейся въ сотнѣ ярдовъ впереди насъ. Я видѣлъ, какъ офицеръ взошелъ на бортъ «Азіи», но, не оставшись тамъ и двухъ минутъ, вернулся назадъ. (Онъ просилъ адмирала не вводить судовъ въ бухту. «Передайте вашему начальнику, гордо отвѣтилъ Кодрингтонъ, что я явился сюда не получать приказанія, а отдавать ихъ, и сумѣю заставить васъ имъ подчиниться. Попробуйте произвести хоть одинъ выстрѣлъ, и я потоплю весь вашъ флотъ, и сдѣлаю это съ удовольствіемъ»).

Мы видѣли, какъ, вернувшись на берегъ, онъ сорвалъ съ головы тюрбанъ и бѣгомъ направился къ крѣпости, гдѣ его ожидалъ столпившійся народъ. Съ его появленіемъ на флагштокѣ крѣпости взвилось красное знамя и загудѣлъ сигнальный выстрѣлъ. По палубамъ у насъ разнеслась команда «къ орудіямъ». «Есть» былъ немедленный отвѣтъ;

всѣ фейерверкеры стояли съ фитилями въ рукахъ, ожидая команды «огонь». Минута была страшнаго напряженія. Царило гробовое молчаніе, и храбрѣйшій затаилъ дыханіе. Тѣмъ временемъ нашъ корабль, подвигаясь постепенно впередъ, миновалъ батареи и пошелъ вдоль линіи непріятельскихъ кораблей. У Турокъ люди тоже стояли наготовѣ при пушкахъ. Наконецъ, раздался свистокъ «отдать якорь и свернуть парусъ». Я былъ посланъ на форъ-марсель *) и стоялъ тамъ вторымъ съ краю. Съ форъ-марселя, какъ съ птичьяго полета, я могъ видѣть всю гавань. Направо отъ самаго берега взбирались строенія города Наварина на склонѣ довольно высокой горы, имѣвшей трехгранную форму. Батарей у непріятеля было немного, но за то всѣ онѣ были внушительны, а сзади нихъ по берегу бѣлѣлись палатки Турецкаго лагеря. Въ гавани кругомъ насъ въ три ряда былъ выстроенъ Турецко-Египетскій флотъ. Въ одну минуту намъ стало ясно, въ какомъ положеніи оказался нашъ корабль: мѣста опаснѣе его не занимало ни одно изъ судовъ союзной эскадры. Оба наши борта подвергались обстрѣлу двухъ линейныхъ кораблей, всѣ пушки которыхъ были направлены на насъ. По носу справа стоялъ еще одинъ двухдечный корабль, а слѣва три фрегата; вредъ отъ ихъ выстрѣловъ могъ быть для насъ большой. Поперекъ нашей кормы тоже стоялъ большой фрегатъ; его продольные выстрѣлы во время боя имѣли на наше судно разрушительное дѣйствіе, прекращенное, наконецъ, вмѣшательствомъ Французскаго корабля, который подошелъ къ нему съ подвѣтренной стороны и освободилъ насъ отъ него. Пока мы были на реѣ форъ-марселя, до нашего слуха донесся звукъ пушечнаго выстрѣла и ружейной перестрѣлки; повернувшись, мы увидѣли одинъ изъ брандеровъ около «Дармуѳа» въ огнѣ.

(Произошло это такъ. Капитанъ Фелау съ «Дармуѳа» послалъ ботъ посмотрѣть, что собираются дѣлать Турецкіе брандеры и попросить ихъ удалиться, такъ какъ они стояли черезчуръ близко къ судамъ союзной эскадры. На ботѣ люди, противъ обыкновенія, были вооружены. Подойдя къ брандеру, часть изъ нихъ вскочила на бортъ съ палашами на-голо. Понятно, по нимъ стали стрѣлять. Съ борта раздался залпъ, убившій лейтенанта и часть матросовъ. «Дармуѳъ» немедленно открылъ ружейный огонь по брандеру. Тотъ вскорѣ взлетѣлъ на воздухъ. Кодрингтонъ, видя это, послалъ флагъ-лейтенанта къ Мохаремъ-бею, прося его не стрѣлять. Бей назвалъ осломъ командира брандеровъ, тотчасъ послалъ за его головой и обѣщался не стрѣлять. Тѣмъ временемъ «Сирена», только что вошедшая въ портъ, послала пу-

*) *Марсель*—второй снизу прямой парусъ.

шечный выстрѣлъ по виновному брандеру и рѣшила дѣло, висѣвшее на волоскѣ. Турецкіе корабли и батареи начали стрѣльбу, и въ два часа 50 минутъ огонь былъ открытъ по всей линіи. Одинъ Могареммъ-бей съ четверть часа сдерживалъ свое обѣщаніе не стрѣлять, но въ концѣ-концовъ и онъ не выдержалъ и сталъ стрѣлять). Мы съ Томомъ, убравши паруса, возвращались къ своимъ пушкамъ въ ту минуту, когда непріятель открылъ по насъ огонь. Схвативъ меня за руку, Томъ воскликнулъ: «Не забывай Мороіэта; прощай, М!..» и со словами «по мѣстамъ, по мѣстамъ» побѣжалъ на главную палубу, гдѣ стояло его орудіе, а я, что было духу, на нижнюю, къ своей пушкѣ. Лейтенантъ Брокъ уже обнажилъ свою шпагу, но запрещалъ намъ стрѣлять до команды. «Ребята, наводи орудія повѣрнѣй и покажи имъ, что значитъ Англичане!» Швырнувъ свою шляпу на палубу, онъ велѣлъ намъ привѣтствовать Турокъ троекратно громогласнымъ кличемъ; мы сдѣлали это отъ всего сердца. «Отойти отъ орудій!» закричалъ онъ тогда и скомандовалъ «огонь». Мгновенно цѣлый залпъ ядеръ съ страшнымъ трескомъ врѣзался въ бортъ Турецкаго адмиральскаго корабля.

«Братцы, пали, что есть мочи!» крикнулъ онъ намъ потомъ. Первый убитый, котораго я видѣлъ, былъ солдатъ морской пѣхоты. Случилось это уже послѣ того, какъ мы выдержали пять или шесть непріятельскихъ залповъ. Онъ стоялъ совсѣмъ рядомъ со мною. Я только что принялъ губку изъ его рукъ и, повернувшись кругомъ, увидѣлъ его у своихъ ногъ, съ головой, совершенно отдѣленной отъ туловища, какъ будто ее отрѣзали ножомъ. Мой товарищъ, Ли, вытащилъ тѣло изъ подъ лафета и бросилъ его подъ нижній трапъ въ серединѣ корабля. Пальба шла непрерывно. Время отъ времени раздавались громкіе побѣдные крики, ихъ не могъ заглушить даже пушечный ревъ. Но отчаянные вопли страдальцевъ покрывали все; точно звонъ похоронныхъ колоколовъ, точно крики злыхъ духовъ войны надъ ихъ кровавою добычей звучали они въ нашихъ ушахъ. Прошло около получаса съ начала боя. Двое юнгъ, состоявшихъ въ услуженіи при офицерской компаніи, Фишеръ и Андерсонъ, одинъ лѣтъ 14, другой лѣтъ 15, остановились у рѣшетчатыхъ люковъ на нижней палубѣ, почти у самаго орудійнаго дула.

Оба они были славныя дѣти и одежду носили такую нарядную: чистенькую курточку и штаны. Красивѣе, въ особенности, Фишера мнѣ рѣдко приходилось видѣть мальчиковъ. Его румяныя щеки цвѣли здоровьемъ, а большіе черные глаза были обрамлены длинными рѣсницами. Стоя, какъ я сказалъ, у ахтеръ-люка*) подъ руку, они махали

---

*) *Ахтеръ-люкъ*—спускъ позади гротмачты.

своими маленькими соломенными шляпами и дѣтскими тонкими голосами принимали участіе въ воинственномъ кликѣ орудійной прислуги. Я заряжалъ пушку и только что крикнулъ Фишеру, чтобы онъ сходилъ въ магазинъ за трубками, какъ вдругъ въ ушахъ моихъ раздался пронзительный крикъ. Повернувшись, я увидѣлъ Фишера безжизненнымъ трупомъ. Андерсонъ также упалъ, раненный, но не смертельно. Его правая нога была оторвана и руки поранены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но онъ думалъ не о себѣ: онъ поползъ къ тѣлу Фишера и, положивши голову на грудь своего мертваго друга, плакалъ, раздирая душу присутствовавшихъ.

Мнѣ и другому матросу былъ отданъ приказъ убрать трупъ. Ядро ударило Фишера въ затылокъ. На его устахъ играла еще улыбка, и румянецъ еще не потухъ на щекахъ. Съ большимъ трудомъ мы оторвали маленькаго Андерсона отъ тѣла его товарища. Онъ умолялъ насъ не отымать отъ него его дорогого Неда. Хоть насъ со всѣхъ сторонъ и окружали опасность и смерть, все же невозможно было не растрогаться этою сценою; но долгъ службы заставилъ насъ употребить силу и оттащить Андерсона отъ трупа. Страданія несчастнаго мальчика еще не кончились. Когда его несли внизъ, кусокъ дерева, отбитый непріятельскимъ ядромъ, перешибъ ему правую руку. Фишера положили въ общей кучѣ убитыхъ, ждавшихъ погребенія въ нѣдрахъ моря.

Битва тѣмъ временемъ пылала съ неослабѣвавшимъ жаромъ. Занимался корабль за кораблемъ и, взлетая на воздухъ, заставлялъ сотрясаться весь корпусъ нашего судна такъ, что всѣ его связи скрипѣли. Къ тому же намъ приходилось выдерживать ужаснѣйшій огонь съ двухъ линейныхъ Турецкихъ кораблей, стоявшихъ впереди «Генуи» и направлявшихъ свои выстрѣлы на нее одну. Огонь ихъ смолкъ не раньше, какъ наши ядра, выпущенныя въ огромномъ количествѣ, снесли ихъ мачты и сорвали обшивку съ ихъ бортовъ, выведя ихъ окончательно изъ строя.

Намъ приказано было стрѣлять двойными зарядами, но мы не слушались: послѣ первыхъ пяти или шести залповъ, я могу сказать навѣрное, что орудіе, при которомъ я находился, постоянно заряжали двумя 32-фунтовыми ядрами съ 32 фунтами картечи, а иногда досыпалось еще сверху прямо пулями. Когда офицеръ остановилъ матроса, клавшаго лишній зарядъ, тотъ отвѣчалъ, утирая кровь и грязь со своихъ глазъ, что онъ хочетъ показать Туркамъ, какія у насъ есть пилюли. На линейномъ кораблѣ, стоявшемъ прямо противъ насъ по траверзу, былъ высокій толстый Турокъ, въ красной фланелевой курткѣ;

онъ орудовалъ у пушки какъ разъ противъ насъ и своею ловкостью причинялъ намъ немало вреда.

Одинъ изъ десантныхъ солдатъ навелъ свой мушкетъ и прострѣлилъ голову нашему громадному противнику; тотъ упалъ, свѣсился изъ люка головою внизъ и висѣлъ такъ, пока другой Турокъ, занявшій его мѣсто, не выкинулъ его тѣла за бортъ. Судя по тому страшному дѣйствію, которое производилъ каждый нашъ залпъ на изящно раскрашенные борта мусульманскаго корабля, мы ждали, что они скоро спустятъ флагъ, и многіе спрашивали: не спустили ли луну со звѣздой? Но Турки были упорны, и никто изъ нихъ во время дѣйствія не спускалъ флага. «Валяй, друзья, во всю!» закричалъ фейерверкеръ нашего орудія, молодой Ирландецъ и замѣчательный наводчикъ: «если они не спускаютъ флага, мы ихъ угостимъ. Ага!» продолжалъ онъ, «вотъ и безподобная цѣль; смотрите, мы зарядимъ одной картечью». Пушку зарядили чуть не по жерло.

Турецкая адмиральская яхта, прекрасный фрегатъ, выстроенный въ Тріестѣ, шелъ мимо насъ, сорвавшись съ якорей. Его головная фигура изображала краснаго льва, держащаго щитъ съ тремя полумѣсяцами; широкая золотая кайма проходила надъ люками, на кормѣ большія статуи вызолоченныхъ геніевъ поддерживали балконъ, также покрытый позолотою. Когда лучамъ солнца изрѣдка удавалось пронизывать густые клубы дыма, они сверкали, переливаясь на блестящей позолотѣ, и все судно сіяло. «Отойти!» закричалъ фейерверкеръ. «Вотъ она, вотъ она! Чортъ меня побери, если я не разобью ея украшеній! Ага, отлично, что она пошла по этому пути. Теперь посмотримъ, чѣмъ я могу ей услужить». Онъ навелъ пушку и, хорошенько взявъ цѣль, выстрѣлилъ. Дымъ разсѣялся, и среди общаго шума я все же слышалъ его торжествующій крикъ: «Я говорилъ! Я говорилъ! Я сдѣлалъ больше, чѣмъ обѣщалъ. Я снесъ ея гикъ*) вмѣстѣ съ расписанными украшеніями». Нѣсколько минутъ спустя, судно загорѣлось и взлетѣло на воздухъ. Оно было совсѣмъ близко къ намъ, такъ что горящія головешки летѣли прямо въ раскрытые люки нашего корабля. Мы чуть не задохнулись въ дыму, до того онъ былъ ѣдокъ. На суднѣ во время его взрыва, должно быть, находилось какое-нибудь ядовитое вещество.

Со шканцевъ былъ отданъ приказъ вызвать людей наверхъ и завести за лѣвый бортъ шпринги, чтобы нашимъ марсовымъ орудіямъ было удобнѣе дѣйствовать по непріятелю. Людямъ, видимо, не хотѣлось оставлять своихъ орудій; но какъ только капитанъ Дикенсонъ спустился на нижнюю палубу и поговорилъ съ ними, шпринги были

---

¹) *Гикъ*—полурея, идущая вдоль судна отъ мачтъ, по нижней кромкѣ паруса.

заведены, и всѣмъ нашимъ пушкамъ открылся полный обстрѣлъ, что скоро сказалось на корпусахъ и такелажѣ нашего непріятеля. Я могу сказать вполнѣ утвердительно, что во время боя, пока корабль былъ на якорѣ, завозы*) дѣлались нѣсколько разъ, и исполнялась эта работа быстро.

Посрединѣ корабля, на палубѣ, стояла бочка съ такъ называемой боевой водой; она была принайтована къ стойкамъ. Одинъ изъ офицеровъ съ передней части палубы, пробираясь на кубрикъ, подошелъ къ бочкѣ, прося, чтобы ему дали напиться. Онъ былъ тяжело раненъ въ правую руку желѣзнымъ осколкомъ, а лѣвая его рука была такъ сильно контужена, что онъ не могъ поднести ко рту кружки. Ди-Скво, орудовавшій около пушки съ неутомимостью и ловкостью, которая была удивительна для человѣка его возраста, взялъ кружку и зачерпнулъ воды, постаравшись, чтобы туда не попали плавающія наверху кровь и грязь. Только что онъ сталъ подносить кружку къ губамъ офицера, какъ самъ упалъ, разорванный въ куски картечнымъ выстрѣломъ. Офицера также сшибло, но не ранило. «Бѣднякъ!» воскликнулъ послѣдній. «Онъ умеръ во время служенія ближнему. Господи, упокой его душу!» Мы помогли офицеру спуститься въ лазаретъ, гдѣ при тускломъ свѣтѣ нѣсколькихъ фонарей кипѣла лихорадочная работа: докторъ съ своими помощниками бинтовали, ампутировали и давали лѣкарства раненымъ. Глухіе стоны, фигура доктора и его помощниковъ, ихъ обнаженныя руки, запачканныя кровью, мертвые и умирающіе кругомъ, одни въ предсмертныхъ судорогахъ, другіе кричавшіе подъ ножомъ операторовъ, представляли ужасное зрѣлище человѣческихъ страданій и ужасающій контрастъ «съ блескомъ и славою побѣдоносной войны». Въ пылу сраженія былъ только одинъ примѣръ трусости. Здоровенный малый, по имени Мэнксменъ, приставленный къ одной изъ пушекъ на нижней палубѣ, при первомъ же выстрѣлѣ сталъ дрожать какъ листъ; улучивъ удобную минуту, онъ спрятался подъ трапомъ кубрика, гдѣ и пролежалъ, пока представленіе не кончилось.

Кажется мнѣ, что было около половины четвертаго, когда вдругъ съ гротъ-мачты оторвался кусокъ паруса и, зацѣпившись, повисъ какъ разъ передъ самымъ дуломъ нашего орудія, закрывъ отъ насъ, такимъ образомъ, самую цѣль. Нужно было оттащить его въ сторону; съ такимъ порученіемъ и послали на палубу меня вмѣстѣ съ другимъ матросомъ. Не могу сказать, чтобы я этому обрадовался; мнѣ почему-то все время казалось, что у пушки я нахожусь въ бо́льшей безопас-

---

*) Завозъ—небольшой якорь съ подачей, съ косякомъ, по которому судно тянется, идетъ завозомъ.

ности, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Какъ ни какъ, а идти, все-таки, было надо. Добравшись до верхней палубы, я увидѣлъ, что разгромъ и побоище тамъ были гораздо больше, чѣмъ на нижней палубѣ. Незадолго передъ этимъ я услышалъ страшный громовой ударъ. Все затрещало, такъ что казалось, будто снесло цѣлый бортъ у корабля. Потомъ я узналъ, что сотрясеніе это произвели два громадныхъ мраморныхъ снаряда, по 120 фунтовъ каждый. Ударивъ въ верхнюю палубу спереди гротъ-люка, они два люка превратили въ одинъ и ранили пять человѣкъ, въ томъ числѣ моего дорогого товарища Тома Морѳіэта; но тогда еще я этого не зналъ. Я увидѣлъ капитана Бэфорста, спускавшагося по ютовому трапу въ ту самую минуту, какъ кусокъ дерева, отщепленный выстрѣломъ, зацѣпилъ за верхъ его шляпы. Онъ снялъ ее, улыбнулся и потомъ, перейдя на шканцы (самое опасное мѣсто на кораблѣ), продолжалъ отдавать свои приказанія съ такимъ же спокойствіемъ, какъ если бы производилъ обыкновенное орудійное ученіе. Было что-то въ высшей степени благородное и вмѣстѣ забавное въ наружности этого старца, который гордо расхаживалъ по палубѣ съ обнаженной шпагой и исковерканной шляпой подъ дождемъ осколковъ и щепъ, и, видимо, былъ совершенно равнодушенъ къ окружавшей его опасности. Мы съ товарищемъ старались изо всѣхъ силъ оттащить мѣшавшій стрѣльбѣ парусъ, но не смогли: парусъ былъ слишкомъ тяжелъ. Такелажъ корабля былъ разорванъ въ куски, поврежденныя реи торчали во всѣ стороны, сбитые подъемные краны валялись на палубѣ, которая сплошь покрыта была всякими щепками, точно полъ въ столярной мастерской. Капитанъ подошелъ къ намъ и сказалъ: «Чортъ побери, выстрѣлъ снесъ Англійскій флагъ, сходи-ка за нимъ на ютъ и скажи Деви дать другой флагъ». Я побѣжалъ и нашелъ Деви смотрѣвшимъ въ подзорную трубку на «Азію», находившуюся въ разстояніи кабеля отъ насъ. Адмиралъ стоялъ на ютовой сѣткѣ съ рупоромъ въ рукахъ и кричалъ: «Генуя, а?»—«Что̀ угодно?» былъ отвѣтъ сигнальнаго офицера.—«Пошлите шлюпку убрать брандеръ; онъ идетъ прямо на насъ».—«Есть, сэръ», отвѣтилъ Деви и повернулся уже уходить, чтобы исполнить приказъ, когда я ему доложилъ, зачѣмъ меня прислалъ капитанъ. Онъ сказалъ мнѣ, что флагъ у него на груди, куда онъ его спряталъ на всякій случай при началѣ дѣйствія, и самъ пошелъ къ капитану.

Когда я вернулся на прежнее мѣсто, я увидѣлъ, что данное мнѣ порученіе спасло меня отъ неминуемой гибели: во время моего отсутствія коечныя сѣтки были разорваны въ куски ударомъ ядра, и бѣднякъ Холмсъ, мой товарищъ по работѣ, упалъ и разбился о палубу. Капитанъ стоялъ на выходномъ трапѣ на шкафутѣ и наблюдалъ за

непріятельскимъ кораблемъ. «Принесли ли вы флагъ, Деви?» спросилъ онъ подошедшаго офицера. «Такъ точно, сэръ», отвѣтилъ Деви, и доложилъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, о приказѣ адмирала. Капитанъ взялъ флагъ изъ рукъ Деви и спросилъ матросовъ: «Кто хочетъ поднять Британскій флагъ на бомъ-брамъ-стенгѣ фокъ-мачты». Молодецъ матросъ, по имени Нилъ, выступилъ впередъ, взялъ его изъ рукъ капитана и, не говоря ни слова, сталъ взбираться по обрывкамъ прострѣленныхъ снастей. Капитанъ затѣмъ отдалъ приказъ шести близъ стоящимъ людямъ, въ числѣ ихъ и мнѣ, снарядить шлюпку и отвезти кабельтовъ*) на «Азію». Мы вскочили въ шлюпку и, сидя въ ней, ждали, пока двое нашихъ товарищей укладывали кабельтовъ. Со шлюпки весь ходъ боя былъ виденъ, какъ на ладони. На наше судно въ ту пору былъ направленъ усиленный огонь двухъ линейныхъ кораблей; одинъ изъ нихъ стоялъ, весь объятый пламенемъ, но не переставалъ стрѣлять. По «Азіи» въ ту пору стрѣляло только одно большое судно и двухпалубный фрегатъ. Я задрожалъ за участь нашего корабля, потому что, несомнѣнно, намъ пришлось бы плохо, если бы борьба продолжалась на такихъ неравныхъ условіяхъ. Я взглянулъ вверхъ и увидѣлъ, что Нилъ уже взобрался на вершину мачты и, обхвативъ ее ногами, прибивалъ молоткомъ флагъ. Я слѣдилъ за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока онъ не спустился на палубу цѣлъ и невредимъ. Я могъ только удивляться хладнокровію и рѣшительности, съ которыми онъ исполнялъ свое опасное порученіе. Кабельтовъ былъ уложенъ на шлюпку; мы отвалили, направляясь къ «Азіи». Поверхность моря была покрыта обломками; мачты и реи плавали на ней, за нихъ цѣплялись сотни несчастныхъ, корабли которыхъ взлетѣли на воздухъ. Многіе изъ нихъ обращались къ намъ съ мольбою о помощи на Турецкомъ языкѣ; ему мы подучились въ бытность въ Смирнѣ. Гребя, мы все время отдавали кабельтовъ, но отъ «Азіи» на разстояніи шести саженей, мы увидѣли, что идти дальше нельзя: кабельтовъ былъ весь отданъ, и до «Азіи» его не хватало. Съ «Азіи» увидѣли наше затрудненіе и старались добросить до насъ конецъ тяжелаго каната, чтобы связать съ нашимъ кабельтовымъ, но это никакъ не удавалось. Тогда Жоржъ Финни, нашъ марсовый старшина, видя, что ничего тутъ не подѣлать, бросился въ воду и проплылъ разстояніе между шлюпкой и кораблемъ. Конецъ былъ выкинутъ изъ люка, и Финни, схвативъ его, поплылъ назадъ къ шлюпкѣ, держа тяжелый канатъ въ одной рукѣ и гребя другой. Мы живо связали канаты морскимъ узломъ и повернули къ «Генуѣ». Адміралъ показался на кормѣ въ простомъ синемъ сюр-

*) *Кабельтовъ*—толстая веревка кабельной работы.

тукѣ и замахалъ намъ платкомъ, чтобы мы гребли во всю. Едва проплыли мы половину пути между «Азіей» и нашимъ собственнымъ кораблемъ, какъ бизань-мачта на «Азіи» упала съ оглушительнымъ трескомъ. Мы видѣли, что всего за минуту передъ тѣмъ адмиралъ стоялъ около нея, и испугались, думая, что онъ погибъ. Нашъ страхъ прошелъ не прежде, какъ мы замѣтили, что онъ появился вновь на видномъ мѣстѣ. На возвратномъ пути мы подобрали десятокъ несчастныхъ утопавшихъ, старавшихся изъ послѣднихъ силъ удержаться на водѣ среди орудійнаго грома и молній, заставлявшихъ сотрясаться во второй разъ древній островъ Сфактерію. Много было между ними Араповъ, совершенно черныхъ, но всѣ были магометанами, судя по оставленнымъ на ихъ бритыхъ головахъ чубамъ, за которые Магометъ, по ихъ вѣрованію, вводитъ ихъ въ рай.

Пока мы были на шлюпкѣ, насъ не задѣлъ ни одинъ выстрѣлъ. Только обломки горящаго дерева, обгорѣвшій рисъ и маслины съ Турецкихъ кораблей обсыпали дождемъ насъ, да около шлюпки ядро размозжило голову молодому, рослому Турку въ ту самую минуту, когда одинъ изъ нашихъ товарищей, по имени Бокли, старался вытащить его изъ воды. Бокли только отвернулся и сказалъ спокойно: «Чортъ меня побери, видѣлъ ли кто когда-либо что-нибудь подобное?»

Хотя и велико равнодушіе Британскихъ моряковъ къ опасности, но съ храбростію Турокъ ничто не можетъ сравняться. Жоржъ Финни, про котораго я говорилъ раньше, вытащилъ изъ воды молодцоватаго Турка, богато одѣтаго. Едва тотъ усѣлся въ шлюпку, какъ уже вынулъ маленькій курительный приборъ, досталъ оттуда трубку, набилъ ее табакомъ, высѣкъ огонь и началъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ пускать клубы дыма. «Посмотрите на этого мошенника», сказалъ Финни, приведенный въ негодованіе такимъ страннымъ равнодушіемъ. «Отлично! Если ему все равно, что его вытащили изъ лапъ водяного, мы отправимъ его туда, откуда онъ явился». Съ такими словами онъ бросился на Турка и, схвативши его, швырнулъ за бортъ съ такой быстротой, что никто не поспѣлъ его остановить. Турокъ, однако, вскорѣ всплылъ на поверхность воды и вскарабкался на обломокъ своего корабля, откуда его сняла шлюбка съ «Альбіона». Я могу привести и другой примѣръ Турецкаго хладнокровія; положимъ, онъ случился не на нашемъ кораблѣ, но мнѣ разсказывали его, ручаясь за достовѣрность. Матросы съ Французскаго фрегата «Альціонъ» подобрали Турка, который, судя по его одеждѣ, занималъ извѣстное положеніе въ Турецкомъ флотѣ. Когда его взяли на бортъ, рука его оказалась совершенно раздробленной и требовала ампутаціи. Онъ пошелъ внизъ по трапу съ такою непринужденностью и спокойствіемъ,

какъ будто бы у него не было царапины, и съ такимъ достоинствомъ, какъ будто бы Французскій фрегатъ былъ взятъ имъ въ плѣнъ. Онъ показалъ доктору свою раздробленную руку и знаками просилъ его отнять ее. Докторъ не отказалъ ему въ этой любезности и, произведя операцію, забинтовалъ оставшуюся часть руки. Вернувшись на палубу, Турокъ немедленно же подошелъ къ борту, бросился въ воду и поплылъ къ своему судну, стоявшему вмѣстѣ съ другимъ противъ того самаго Французскаго фрегата, на бортѣ котораго онъ былъ взятъ. Французскіе матросы, слѣдившіе за нимъ, вскорѣ увидѣли, какъ онъ, подплывши къ кораблю, сталъ взбираться на него съ помощью одной своей руки, но ему не пришлось остаться на немъ и нѣсколькихъ минутъ: судно взлетѣло на воздухъ и, навѣрное, онъ погибъ въ числѣ другихъ при взрывѣ.

Вскорѣ мы благополучно добрались до «Генуи», и я пошелъ на нижнюю палубу, къ той самой пушкѣ, при которой находился въ началѣ дѣйствія.

Приблизительно черезъ полчаса послѣ этого, капитана Бэфорста пронесли въ лазаретъ четверо матросовъ. Онъ былъ смертельно раненъ въ пахъ картечнымъ выстрѣломъ. Одинъ изъ несшихъ его матросовъ оступился и этимъ вызвалъ новыя мученія раненаго. Старый капитанъ нахмурилъ брови и давши молодцу порядочнаго тумака, сказалъ: «Развѣ вы не можете нести меня осторожнѣе?» Мгновенно по всѣмъ палубамъ разнеслась вѣсть о томъ, что капитанъ смертельно раненъ, и пальба пріостановилась минуты на двѣ; матросы глядѣли другъ на друга, какъ будто бы каждому изъ нихъ самому пришелъ конецъ. Потомъ весь экипажъ, какъ одинъ человѣкъ, закричалъ, требуя мести, и слова: «нашъ капитанъ убитъ, нашъ капитанъ убитъ»—заглушили самый орудійный гулъ. Какъ ни ужасенъ былъ раньше бой, онъ сталъ втрое ужаснѣе. Сорокадвухфунтовый снарядъ попалъ въ отверстіе одного изъ нашихъ люковъ, убилъ четверыхъ и ранилъ двоихъ. Нѣкоторыя раны были такъ ужасны, что, казалось, самая смерть была бы лучше.

Я говорилъ раньше, что линейный Турецкій корабль загорѣлся въ то время, когда со шлюпкой мы были около «Азіи». Теперь онъ сплошь былъ объятъ пламенемъ, но все же пушки на нижней палубѣ и часть на средней упорно поддерживали до послѣдней минуты огонь и не переставали причинять намъ большой вредъ, пока самый корабль не взлетѣлъ, наконецъ, на воздухъ съ страшнымъ трескомъ, и цѣлый дождь изъ обломковъ желѣза, дерева и гвоздей не полился на наши люки. Выстрѣлъ, про который я говорю, по своему страшному дѣйствію былъ самымъ разрушительнымъ изъ всѣхъ, направленныхъ по-

нашему кораблю; но и въ среднюю палубу попалъ тоже тяжелый снарядъ, причинившій немало вреда: онъ ударилъ какъ разъ туда, гдѣ стояла орудійная прислуга, и снесъ цѣлый бокъ у пушечнаго люка, оставивъ орудіе ничѣмъ не прикрытымъ. Около половины шестого мнѣ понадобилось сходить въ погребъ за трубками, запасъ которыхъ у насъ уже истощился. Я все еще находился подъ вліяніемъ мысли, что около пушки меньше опасности, а потому бросился стремглавъ исполнять данное мнѣ порученіе. Мнѣ хотѣлось какъ можно скорѣе вернуться назадъ. Проходя мимо главнаго трапа, я увидѣлъ молодого мичмана, по имени Рау. Его только-что ранило обломкомъ дерева. Брюки его разорвались, и видно было, какъ дерево глубоко врѣзалось въ ножные мускулы, но онъ только топнулъ ногою и воскликнулъ: «Ага! Къ чорту! Пустяки! Это простая царапина». Потрясая шпагой, онъ продолжалъ молодцомъ распоряжаться матросами; но когда я возвращался минуты черезъ двѣ изъ погреба, съ ящикомъ полнымъ трубками, я уже увидѣлъ съ ужасомъ, что молодой храбрецъ лежалъ безъ жизни въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ я его оставилъ. Рука его еще держала шпагу. Въ то время, когда я глядѣлъ на безжизненное тѣло, раздался крикъ: «абордажныхъ и пожарныхъ на верхъ», и тревожно зазвучалъ набатный колоколъ. Мнѣ не приходило до той поры въ голову, что и нашъ корабль можетъ загорѣться. Я числился въ абордажной командѣ, и потому мнѣ оставалось одно: не долго думая, бѣжать къ пушкѣ съ ящикомъ для зарядныхъ трубокъ, а затѣмъ броситься, что̀ было духу, на шканцы, у праваго борта, гдѣ требовались абордажные. Я захватилъ на пути пистолетъ и палашъ. Со мной былъ мой товарищъ Ли, также вооружившійся пистолетомъ и томагавкомъ. Добѣжавъ до шканцевъ, мы увидѣли, что горѣлъ гротъ-марсель, развязавшійся и свѣсившійся внизъ. Мичманъ Инскипъ и нѣсколько человѣкъ матросовъ уже стояли на реѣ и работали ножами, отдѣляя отъ нея парусъ. И намъ былъ отданъ приказъ взобраться туда же и помогать работавшимъ. Вскорѣ удалось всю полотняную громаду сбросить въ воду, гдѣ пламя быстро погасло. Стоялъ на марсѣ одинъ мичманъ; въ ту минуту, когда онъ наклонился, чтобы выслушать какое-то приказаніе капитана, непріятельское ядро снесло его съ корабля совершенно. Мнѣ показалось, что онъ упалъ прямо за бортъ, но спустившись внизъ я увидѣлъ, что тѣло головою внизъ повисло, зацѣпившись внутренностями о стойки для шлюпокъ; ужаснѣе этого зрѣлища я ничего не видѣлъ во все время боя. Ли вскочилъ на стойку и однимъ ударомъ отрубилъ тѣ части, которыми держалось безжизненное тѣло; оно тотчасъ же упало въ воду и нашло себѣ могилу между сотнями своихъ несчастныхъ сотоварищей.

Многіе были того мнѣнія, что Турки спустятъ немедленно флагъ послѣ нашего перваго залпа, но расчетъ этотъ оказался невѣрнымъ: мужество этихъ преданныхъ долгу людей было несравненно. Темнѣло уже, но множество Турецкихъ горѣвшихъ кораблей освѣщало всю бухту переливающимся свѣтомъ пожара, свидѣтельствовавшимъ объ отчаянномъ положеніи непріятельскаго флота. Полумѣсяцъ, тѣмъ не менѣе, развивался на мачтахъ горящихъ судовъ; въ теченіе всего дня я ни разу не видалъ, чтобы хоть одно Турецкое судно спустило свой флагъ. Иди оно хоть ко дну, но красный флагъ (кровавый флагъ, какъ называли его наши матросы) съ желтымъ полумѣсяцемъ не переставалъ виднѣться на концахъ мачтъ, иногда чуть не надъ самою водою, пока не скрывался вмѣстѣ съ судномъ окончательно въ нѣдрахъ моря. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда судно загоралось, Турки не прекращали орудійнаго огня до той поры, пока оно не взлетало на воздухъ. Два большихъ корабля, про которые я говорилъ раньше, потеряли всѣ мачты; ихъ якорныя цѣпи были перерѣзаны; теченіемъ ихъ выбросило на маленькій островъ посреди бухты, и они лежали тамъ, по выраженію одного изъ нашихъ матросовъ, какъ двѣ старыхъ лошади, мирно остановившіяся рядомъ на пастбищѣ и положившія головы одна другой на спину.

Было шесть часовъ и темно уже, когда мы стали замѣчать, что огонь непріятеля началъ слабѣть, и тѣмъ сильнѣе возгорѣлось въ насъ желаніе довести сраженіе до конца. Трижды подняли мы побѣдный кличъ и дали страшный залпъ всѣмъ бортомъ, но тотчасъ же услышали, что капитанъ Дикенсонъ, принявшій команду послѣ Бэфорста, отдалъ въ рупоръ приказъ прекратить огонь. «Ха, ха, ха, отбой!» закричалъ молодой фейерверкеръ нашего орудія, по имени Смитъ, «отбой, прежде чѣмъ они не спустили краснаго флага! Сюда, ребята, закатимъ имъ новую порцію пилюль!» Капитанъ Дикенсонъ сошелъ тогда самъ на нижнюю палубу и вновь приказалъ намъ прекратить огонь. Но матросы, къ которымъ онъ обращался, отвѣчали ему въ оправданіе: «орудіе заряжено». Стоило ему отвернуться, орудіе заряжалось опять. Тѣмъ не менѣе, послѣ приказа было дано не болѣе двухъ, трехъ залповъ. Убѣдившись, что непріятель прекратилъ огонь окончательно, мы остановились и, высунувшись изъ люковъ, стали глядѣть на послѣдствія битвы. Чувство ужаса охватило насъ при видѣ разгрома и разрушенія. Страшное зрѣлище избіенія на нашихъ собственныхъ палубахъ представилось также во всей своей полнотѣ нашимъ глазамъ: окровавленная груда тѣлъ подъ ахтеръ-трапомъ привлекла мой взоръ. Уже нѣкоторые матросы стали воздавать послѣдній грустный долгъ своимъ несчастнымъ товарищамъ. Первый, кого погребли

въ водной могилѣ, былъ одинъ контрабандистъ, сосланный въ наказаніе на бортъ нашего корабля служить королю въ дальнемъ плаваніи, вмѣстѣ съ пятью своими товарищами по ремеслу. Всѣ они уцѣлѣли кромѣ него, а у него осталась въ Англіи жена и девять человѣкъ дѣтей. Нѣкоторыя тѣла были до такой степени изуродованы, что невозможно было распознать ихъ. Тѣло Ди-Скво было такъ разможжено, что намъ пришлось его обернуть парою свободныхъ гамаковъ. Я долженъ сознаться, что въ это время я слишкомъ былъ увѣренъ въ непреложность предсказанія Ди-Скво, чтобы льстить себя надеждою, что мой единственный другъ и товарищъ Томъ Мореіэтъ останется цѣлъ, разъ пророчество Ди-Скво исполнилось на немъ самомъ. Я постарался пробраться къ кубриковому трапу[1]). Сцена тамъ была еще ужаснѣе прежняго. Воздухъ былъ полонъ зловонія; раздавались глухіе, подавленные стоны несчастныхъ страдальцевъ. У меня проступилъ на тѣлѣ холодный потъ; мнѣ стало такъ дурно, что я принужденъ былъ присѣсть на одну изъ ступенекъ трапа. Оправившись, я поднялъ фонарь и сталъ разглядывать въ лицо тѣхъ, кто лежалъ распростертымъ; нѣкоторые изъ нихъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывалось, еще дышали; но это было единственнымъ признакомъ ихъ жизни. Я пересмотрѣлъ ихъ всѣхъ, но не могъ найти Тома, какъ вдругъ, въ ту самую минуту, когда я собирался поставить уже фонарь на полъ, до моего слуха долетѣлъ звукъ голоса, который пѣлъ. Голосъ слышался изъ самаго отдаленнаго угла кубрика. Пройдя туда, я увидѣлъ сидящимъ на медицинскомъ ящикѣ морского солдата, по фамиліи Хиллъ. «Вы ранены, Хиллъ?» спросилъ я его, и поднялъ фонарь, чтобы разглядѣть его; у бѣдняка не хватало обѣихъ рукъ: одной отъ локтя, другой отъ плеча. «И еще поете, воскликнулъ я, въ такомъ-то положеніи!» — «А почему нѣтъ? Вы знаете, что мнѣ нужно теперь учиться пѣть былины; такъ вотъ я и не теряю времени: разъ Богу было угодно, чтобы Турки лишили меня обѣихъ рукъ, мнѣ нужно только благодарить Его, что они не лишили меня еще головы» [2]). Мнѣ сдается, что Хиллъ пытался только подражать стариннымъ исторіямъ, которыя я слышалъ много лѣтъ передъ тѣмъ, и я не могу не приписать такую жалкую аффектацію вредному вліянію пѣсень Дидбина и разныхъ мелодрамъ, влагающихъ въ уста нашихъ моряковъ столько ложнаго героизма и томной сентиментальности. Я отвѣтилъ Хиллу, что ему лучше успокоиться, такъ какъ его раны еще свѣжи, и спро-

---

[1]) *Кубрикъ*—низшій жилой ярусъ на кораблѣ, частью подъ водой; тамъ мичманскія каюты и перевязка раненыхъ.

[2]) Прося подаянія, нищіе въ Англіи обыкновенно поютъ.

силъ его, не видѣлъ ли онъ Тома Морѳіэта. «Это не боковый ли на гичкѣ?» спросилъ тотъ: «да вотъ онъ лежитъ сзади васъ; бѣднякъ, онъ уже закоченѣлъ, кажется; гдѣ ему выжить». Я повернулся и, взглянувъ на крышку медицинскаго сундука, тамъ увидѣлъ моего друга, лежащимъ на спинѣ, съ лицомъ бѣлымъ, какъ полотно. Я взялъ его за руку; его губы еще шевелились, но говорить у него не было силъ. Я воскликнулъ: «Томъ, Томъ, скажи мнѣ что-нибудь!» Онъ слабо пожалъ мнѣ руку и вновь зашевелилъ губами, но не могъ произнести ни слова. Желая сколько возможно облегчить ему страданія, я приподнялъ его голову, чтобы подложить подъ нее мѣшокъ, но съ ужасомъ почувствовалъ, что подъ шеей у него зіяетъ большая рана. Въ ту минуту явился боцманъ и приказалъ мнѣ идти наверхъ, въ виду докторскаго запрещенія разговаривать съ ранеными и вообще оставаться въ кубрикѣ. Бросивъ прощальный взглядъ на своего умирающаго товарища, я былъ принужденъ уйти на палубу.

На палубѣ было совсѣмъ темно; только здѣсь и тамъ мерцали тускло свѣчи, поставленныя въ фонари. Когда я вернулся въ каюту къ моимъ товарищамъ, они привѣтствовали меня точно родного брата. Этотъ день сдѣлалъ всѣхъ братьями; нелюбовь и непріязнь были забыты, и многіе, раньше искренно ненавидѣвшіе другъ друга, пожимали теперь руки, какъ близкіе друзья. Я сѣлъ и сталъ осматриваться, не недостаетъ ли кого въ числѣ знакомыхъ лицъ; но невозможно было признать за моихъ товарищей странное сборище, окружавшее меня. По внѣшнему виду, это были какіе-то свирѣпые разбойники. Всѣ были одѣты въ штаны и куртки, съ платками, повязанными вокругъ шеи, съ пистолетами за поясомъ, съ палашами, висѣвшими сбоку. Ихъ лица почернѣли отъ пороха и дыма; у многихъ раненыхъ щепками или обломками дерева былъ наклеенъ на щекахъ пластырь; багровый свѣтъ отъ зарева горѣвшихъ мусульманскихъ кораблей, падая на эти лица чрезъ отверстія иллюминаторовъ, дѣлалъ еще сильнѣе производимое ими впечатлѣніе. Путемъ разспросовъ я узналъ, что изъ моихъ однокашниковъ, кромѣ Тома, убито было двое. Мы сидѣли и говорили о поведеніи экипажа во время битвы и о вѣроятныхъ ея послѣдствіяхъ. Томъ Эллiотъ принесъ вина. «Ребята, сказалъ онъ, вина вдоволь; начинай: давай пить круговую». И мы всѣ выпили въ память нашего стараго добраго капитана и всѣхъ, кто палъ въ этотъ славный день. Я почувствовалъ, что вино оживило меня и пошелъ на палубу посмотрѣть на сцену битвы, при свѣтѣ пожара Турецкаго флота.

Прежде всего, конечно, я сталъ осматривать нашъ корабль. Положеніе его было плачевно, особенно мачтъ и снастей. Посвѣжѣй немного вѣтеръ, и наша бизань и гротъ-мачты были бы за бортомъ.

На палубѣ я не встрѣтилъ никого, кромѣ капитана Дикенсона и боцмана, по имени Колльэ. Первый наблюдалъ за тѣмъ, что̀ дѣлали Турецкія шлюпки у восточнаго берега залива. Ихъ было видно довольно ясно, при свѣтѣ горящихъ Турецкихъ кораблей, и не только ихъ, но весь городъ Наваринъ и палатки Турецкаго лагеря. Колльэ и я взобрались на одну изъ переднихъ пушекъ, чтобы окинуть взоромъ всю гавань. Намъ представились тысячи несчастныхъ, которые плавали, держась за обломки разрушенныхъ кораблей. Изъ громаднаго и величественнаго Турецкаго флота, раньше расположеннаго полумѣсяцемъ, виднѣлось только 15 маленькихъ судовъ, тѣсно прижавшихся къ берегу; остальныя или потонули, или сгорѣли, или были превращены въ щепки.

Изъ всѣхъ судовъ союзныхъ эскадръ пострадала больше всѣхъ «Сирена»; ея форъ и бизань-мачты были за бортомъ, ея гротъ-мачта повисла на снастяхъ вдоль борта. Ея корпусъ былъ страшно изуродованъ выстрѣлами. Русскіе, повидимому, пострадали не особенно много, ни въ снастяхъ, ни въ корпусахъ; бо́льшая часть изъ нихъ сохранила свои брамстенги и, тѣмъ не менѣе, они дѣйствовали въ бою удивительно.

Я продолжалъ смотрѣть на страшное пожарище Турецкаго флота, какъ вдругъ ядро изъ ихъ пушки (пушки были заряжены и стрѣляли сами собой, по мѣрѣ того, какъ огонь до нихъ доходилъ) просвистѣло такъ близко около моего уха, что концы платка, повязаннаго у меня на шеѣ, сами собой поднялись на воздухъ. Въ мои намѣренія совсѣмъ не входило стоять цѣлью для шальныхъ ядеръ, и я спустился внизъ посмотрѣть, что̀ подѣлываютъ мои товарищи. Большинство ихъ развалилось на палубѣ и спало такъ крѣпко, какъ будто на перинахъ съ пуховой подушкой подъ головою, а не на деревянномъ ящикѣ съ картечью. Я сѣлъ на кабельтовѣ, и событія прошедшаго дня одно за другимъ вставали въ моей головѣ; воспоминаніе о нихъ сливалось съ чувствомъ страха насчетъ наступающей ночи. Пока я такъ сидѣлъ, въ забытьи, не въ силахъ будучи успокоить свои нервы и какъ слѣдуетъ уснуть, на нижнюю палубу пришелъ капитанъ и сказалъ: «Ребята, я долженъ вамъ сказать: обстоятельства не позволяютъ подвѣшивать коекъ, пока мы не выберемся изъ этого мѣста. Мы здѣсь въ постоянной опасности; каждую минуту непріятель можетъ пойти на абордажъ; у него еще цѣлая флотилія шлюпокъ, стоящихъ у самаго берега на восточной сторонѣ бухты. Наведите пушки на воду и зарядите ихъ двойнымъ зарядомъ картечи. Вооружитесь палашомъ, пистолетами и томагавкомъ и спите, какъ Богъ пошлетъ. Авось, никто не будетъ такимъ осломъ, чтобы напиться по этому случаю. Потер-

пите еще. Сегодня вы возвеличили морскую славу старой Англіи. Устраивайтесь, какъ умѣете, поудобнѣе; только на случай нападенія будьте тѣмъ, чѣмъ вы были, стойки, храбры и послушны». Часовъ въ 8 вечера пріѣзжалъ къ намъ адмиралъ Кодрингтонъ навѣстить нашего капитана на смертномъ одрѣ. Вскорѣ потомъ засвистали всѣхъ наверхъ. Бизань-мачта почти переломилась, а гротъ была такъ страшно повреждена, что казалось, ни той ни другой не простоять до утра. Вантъ не осталось: всѣ онѣ были снесены выстрѣлами, кромѣ однихъ, да и тѣ были разорваны.

Мы принялись за работу; но усталость наша была такъ велика, что одинъ за другимъ мы стали бросать работу и уходить внизъ. У насъ прямо не хватало силъ починить снасти за эту ночь, если бы даже мы могли надѣяться, что этимъ мы спасемъ бизань-мачту. Наши офицеры были настолько человѣколюбивы, что не лишили насъ того отдыха, въ которомъ мы такъ сильно нуждались.

Я спустился внизъ вмѣстѣ съ другими и легъ на палубу, усталый и измученный. Какое-то тяжкое оцѣпенѣніе овладѣло моими членами; но сномъ нельзя было назвать того состоянія, въ которомъ я находился. То мнѣ грезилась битва, отвратительный кошмаръ, полный ужасовъ боя, пожара, взрывовъ и мертвецовъ, среди которыхъ я узнавалъ своего товарища Мороіэта, покрытаго кровью и устремляющаго на меня мертвенный взоръ, то снились мнѣ тихія и успокоительныя видѣнія моего дѣтства.

А Турецкій флотъ все продолжалъ горѣть, и выстрѣлы ихъ нагрѣвающихся среди пожара пушекъ звучали какъ прощальный салютъ разрушенію прошедшаго дня, и легкій вѣтеръ, подувшій за ночь и свистѣвшій между нашими разрушенными снастями, казалось, оплакивалъ павшихъ храбрецовъ, лежавшихъ теперь во множествѣ въ глубокихъ нѣдрахъ синей воды. Около десяти часовъ я услышалъ жалобный голосъ, прямо подъ нашей кормой, кричащій: «Алла! Магометъ!» Джэкъ Митчелль и я вскочили и за бортомъ увидѣли двухъ Турокъ, плававшихъ на обломкахъ и взывавшихъ о спасеніи къ Богу и Магомету. Помочь имъ мы не могли: былъ отданъ строгій приказъ не пускать на бортъ ни одного Турка. Бѣдняки, казалось, продержаться долго не могли. Минутъ черезъ пять одинъ пошелъ ко дну, за нимъ вскорѣ и другой, и оба скрылись подъ водой, съ подавленнымъ крикомъ: «Алла! Алла!» Митчелль вернулся и легъ на палубу, приговаривая съ притворнымъ равнодушіемъ: «Пусть меня поберетъ чортъ, если стану тревожиться ради всякихъ магометанъ, какіе есть на бѣломъ свѣтѣ!»

Не прошло, однако, послѣ этого и получаса, какъ съ «Азіи» раздался громкій голосъ: «Генуя, сюда!» Лейтенантъ и нѣсколько матросовъ, я въ томъ числѣ, бросились на корму. При лунномъ свѣтѣ мы увидѣли благородную фигуру адмирала, стоявшаго на ютовой сѣткѣ, съ бѣлой шляпой въ рукахъ. Мы были такъ близко отъ «Азіи», что намъ все было видно и слышно. «Генуя, сюда!»—«Сэръ Эдуардъ», былъ немедленный отвѣтъ.—«Развѣ вы не видите, что цѣлый фрегатъ несется на вашъ правый бортъ?» Взглянувъ въ указанномъ направленіи, мы увидѣли, что большой фрегатъ на всѣхъ парусахъ несется на насъ, и дымъ идетъ изъ его люковъ. «Бейте тревогу! Я думаю, что это брандеръ!» Приказъ былъ отданъ. Въ нѣсколько минутъ всѣ были на мѣстахъ, все было готово, какъ для новаго боя; но какъ разъ въ ту минуту, когда фрегатъ сталъ къ намъ приближаться, Русскій флотъ далъ по немъ страшный залпъ съ своихъ бортовъ, и взорванный фрегатъ съ оглушительнымъ шумомъ взлетѣлъ на воздухъ, не причинивъ, однако, союзнымъ эскадрамъ никакого вреда. Наши матросы ворчали, что не пришлось по нему стрѣлять. «Какой срамъ», сказалъ кто-то, «вырывать кусокъ изъ чужого рта. Я бы отдалъ недѣльную порцію водки за удовольствіе навести на фрегатъ наши орудія».

Какъ только забрезжилъ день, всѣ принялись за работу: нужно было чинить корабль. Среди визга пилъ, стука топоровъ и молотковъ, шума отъ поднимаемыхъ новыхъ снастей и оттаскиванія старыхъ, мы услышали звукъ трубы, трубившей сборъ всѣмъ на шканцы. Туда же собрались всѣ офицеры. Капитанъ благодарилъ всѣхъ и каждаго за храбрость. Потомъ началась перекличка.

Я назвалъ свое имя, прислушиваясь съ тревогою къ имени бѣднаго Тома. Наконецъ, выкликнули и его. «Смертельно раненъ, но еще живъ», отвѣтилъ какой-то голосъ. Я съ радостію увидѣлъ, что противъ его имени не было поставлено отмѣтки красными чернилами. Во мнѣ проснулась надежда, что я увижу его еще передъ смертію. Послѣ переклички я пошелъ на кубрикъ, рѣшившись повидать Мореіэта. Когда я спустился подъ полупалубу, предо мною предстала сцена побоища, скрытая раньше мракомъ ночи. Вся верхняя часть палубы была забрызгана кровью и мозгомъ; куски человѣческаго мяса прилипли къ ней, на огболтахъ палубы виднѣлись такіе же отвратительные остатки.

Спускаясь по ахтеръ-трапу, я встрѣтилъ двоихъ матросовъ, несшихъ лазаретный ящикъ, въ которомъ, какъ я догадывался, должно было находиться тѣло одного изъ моихъ товарищей. Я спросилъ, кто это. «Самъ вашъ другъ, Томъ Мореіэтъ, наконецъ скончавшійся!» отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ несшихъ. При этихъ словахъ я не могъ боль-

не сдерживаться и разрыдался. «Положите его, сказалъ я; я зашью его въ свободную койку и похороню его самъ; онъ былъ моимъ другомъ». Они положили его между двумя орудіями и оставили меня.

Я побѣжалъ за койкой внизъ въ столовую, гдѣ всѣ завтракали. «Въ чемъ дѣло? спросилъ одинъ, куда вы идете съ пустой койкой и со слезами на глазахъ, а плачете какъ теленокъ?» Я не отвѣчалъ; взявши парусную иголку и бичевокъ, я пошелъ зашивать тѣло моего бѣднаго товарища въ его характерный саванъ.

Мнѣ пришлось развязать койку сверху и разрѣзать ее вдоль; одинъ, безъ помощниковъ, я не могъ иначе обшить кругомъ тѣла. Рана на затылкѣ, повидимому, была его единственной раной; но вся спина была покрыта отъ нея запекшейся кровью, къ которой прилипла его чистая бѣлая одежда. Его ножъ висѣлъ еще у него за поясомъ, куда привѣшенъ былъ также тотъ наперстокъ, съ помощью котораго онъ чинилъ мое платье на улицахъ Мальты. Наперстокъ я взялъ на память. Положивши тѣло на койку, я сталъ зашивать его, начиная съ ногъ. Пока я былъ занятъ этой работой, кто-то подошелъ сзади. Я все еще плакалъ, а потому не хотѣлъ оборачиваться; но по голосу я узналъ своего товарища Тома Крокера, и объяснилъ ему, чье тѣло я зашиваю. Крокеръ вызвался сходить за молитвенникомъ и прочесть молитвы по усопшемъ. «Томъ, сказалъ онъ, былъ малый, котораго я всегда любилъ, мы вмѣстѣ съ нимъ плавали вокругъ мыса Горнъ цѣлыхъ три года и восемь мѣсяцевъ на старомъ «Тартарѣ»; и хоть я и не священникъ, но будетъ скверно съ моей стороны, если я не устрою отпѣванія его тѣлу».

Крокеръ досталъ молитвенникъ, пока я кончалъ свою работу, и, положивши покойнику въ ноги два 32-хъ фунтовыхъ ядра, мы понесли тѣло къ пушечному люку и положили его тамъ такъ, что оно на половину свѣшивалось надъ водою. Мой помощникъ прочелъ громкимъ голосомъ молитвы, полагающіяся при отпѣваніи, и когда онъ дошелъ до словъ: «тѣло его мы погребаемъ въ нѣдрахъ воды», я выпустилъ изъ рукъ свою ношу, слегка толкнувши ее, и тѣло бѣднаго Тома упало въ воду. Мы смотрѣли, какъ оно постепенно скрывалось подъ волнами, уходя ко дну, а потомъ пошли за работу.

Мнѣ только теперь пришло въ голову, что день былъ Субботній; но какъ не похожъ онъ былъ на тѣ Субботы, которыя я проводилъ дома! Вмѣсто звона колоколовъ, сзывающаго всѣхъ въ храмы, въ нашихъ ушахъ звучали залпы; пушки стрѣляли сами собою; страшные взрывы судовъ потрясали воздухъ! Вмѣсто празднично одѣтаго народа, идущаго спокойно къ церковнымъ службамъ, сотни людей съ лицами, почернѣвшими отъ порохового дыма, ругающихся, шумящихъ

и работающихъ въ окровавленной одеждѣ. Я связывалъ вмѣстѣ съ другими товарищами снасти, какъ вдругъ раздалась команда: «отойти отъ бизань-мачты». Поднялся вѣтеръ, мачта начала трещать, и черезъ нѣсколько минутъ она упала за бортъ съ страшнымъ трескомъ. Въ своемъ паденіи она снесла всю сѣтку на кормовомъ бакбордѣ. Вѣтеръ улегся, и только благодаря этому, уцѣлѣла гротъ-мачта, а то бы и ей не устоять. Турецкія суда время отъ времени въ теченіе цѣлаго дня продолжали взлетать на воздухъ; но наши люди до того къ этому привыкли, что не безпокоились вставать даже отъ ѣды, чтобы поглядѣть на взрывъ, а ограничивались простымъ замѣчаніемъ: «Еще одну св—ь взорвало».

Въ Мальту мы вернулись 29 Октября, если я не ошибаюсь. Народъ насъ привѣтствовалъ кликами. Но какая разница въ томъ, какъ оставлялъ нашъ корабль Мальту недѣлю съ чѣмъ-то тому назадъ и какъ вернулся! Вмѣсто блестящаго военнаго корабля, онъ превратился въ старое негодное судно, съ поломанными мачтами. Его бока были разворочены выстрѣлами и заткнуты кое-какъ пластыремъ, или забиты досками. Головная его фигура также носила широкій слѣдъ, оставленный непріятельскимъ ядромъ съ правой стороны ея груди. Какъ только мы стали отдавать якоря, съ берега показалось множество лодокъ съ солдатами; они прошли вдоль нашего борта, привѣтствуя насъ троекратнымъ кличемъ, на который мы отвѣчали тѣмъ же. Радостно намъ было видѣть славныхъ солдатиковъ, которые, не смотря на проливной дождь, явились привѣтствовать своихъ товарищей по оружію. Я такъ былъ доволенъ, что въ средѣ ихъ почти забылъ о кровавой судьбѣ, которая постигла Тома и которая могла быть и моимъ удѣломъ.

*

Этотъ разсказъ относится ко времени, когда представители Христіанства трехъ исповѣданій, единодушно, подобно нынѣшнему дню, боролись противъ враговъ Христова имени и когда

Среди морскихъ пучинъ
Громада кораблей вспылала,
И палъ *вторично* Наваринъ.

Теперь, конечно, не осталось въ живыхъ никого изъ участниковъ Наваринскаго боя, и лишь десятками можно насчитать его современниковъ. Но имя Наварина долго жило въ преданіяхъ, а Гоголь одѣлъ своего героя во фракъ „Наваринскаго дыму съ пламенемъ“. *П. Б.*

СТИХОТВОРЕНІЯ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, пожертвованныхъ въ 1884 году его сыномъ, Павломъ Васильевичемъ, Императорской Публичной Библіотекѣ, имѣется немало неизданныхъ стихотвореній нашего знаменитаго поэта. Нѣсколько изъ нихъ, небольшихъ по объему, напечатано въ моей книгѣ „Бумаги В. А. Жуковскаго“ (СПб. 1887); изъ другихъ приведены лишь начальныя строки и краткія выдержки. Нижепомѣщаемыя стихотворенія сохранились въ болѣе обработанномъ видѣ.

И. Бычковъ.

Посланіе къ Плещееву *).

(Въ день Свѣтлаго Воскресенія).

Ты правъ, любезный мой поэтъ!
Твое посланіе на Русскомъ Геликонѣ,
При Русскомъ мерзломъ Аполлонѣ,
Лишь именемъ моимъ безсмертіе найдетъ!
Но ахъ! Того себѣ я въ славу не вмѣняю.
А почему жъ? — Читай. И прозу, и стихи
Я буду за грѣхи
Марать, марать, марать, и много намараю.
Шесть томовъ, напримѣръ (а имъ, изволишь знать,
Готовы и титулъ и даже оглавленье);
Потомъ устану я марать,
Потомъ отправлюся въ тотъ міръ на поселенье
Съ фельдъегеремъ-попомъ,
Одѣтый плотнымъ сундукомъ,
Который гробомъ здѣсь зовутъ отъ скуки.
Вотъ вздумаетъ какой-нибудь писецъ
Составить азбучный писателямъ вѣнецъ,
Яснѣй: имъ лексиконъ. Пройдетъ онъ *азъ* и *буки*,
Пройдетъ *глаголь*, *добро* и *есть*,
Дойдетъ онъ до *живете;*
А имя вѣдь мое, оставя лесть,

*) Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ († 1827), приходившійся по матери двоюроднымъ братомъ Марѳѣ Андреевнѣ Протасовой, жилъ въ своемъ имѣньи селѣ Черни (Болховскаго уѣзда, Орловской губ.). Онъ былъ очень образованный человѣкъ, прекрасно зналъ литературу, писалъ Французскіе стихи, сочинялъ комедіи и оперы, принадлежалъ къ членамъ Арзамаса. Съ Жуковскимъ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ. Посланіе писано въ 1812 году.

На этомъ свѣтѣ
Въ огромномъ спискѣ бытія
Ознаменовано сей буквой-раскорякой.
И такъ мой біографъ, чтобъ знать, какимъ былъ я,
Хорошимъ иль дурнымъ писакой,
Мои творенья развернетъ.
На первомъ томѣ онъ заснетъ,
Потомъ воскликнетъ: „Враль безчинный!
„За то, что отъ него здѣсь мучились безвинно
„И тотъ кто вздоръ его читалъ,
„И тотъ, кто, не читавъ, въ убытокъ лишь попалъ,
„За типографію, за то, что имъ наборщикъ
„Корректоръ, цензоръ, тередорщикъ
„Совсѣмъ почти лишились глазъ,
„Я не пущу его съ другими на Парнасъ!“
Тогда какой-нибудь моей защитникъ славы
Шепнетъ Зоилу: „Вы неправы,
И вѣрно долженъ былъ
Имѣть сей авторъ дарованье;
А доказательство—Плещеева посланье!“
Посланье пробѣжавъ, суровый мой Зоилъ
Смягчится, и прочтутъ потомки въ лексиконѣ:
„*Жуковскій.* Не весьма въ чести при Аполлонѣ;
„Но болѣ славенъ тѣмъ, что изрѣдка писалъ
„Къ нему другой поэтъ *Плещеевъ.*
„На счастье Русскихъ стиходѣевъ
„Не Русскимъ языкомъ сей авторъ воспѣвалъ;
„Жилъ въ Болховѣ, съ шестью дѣтьми, съ женою [1]),
„А въ домѣ у него жилъ Осипъ Букильонъ [2]).
„Какъ жаль, что пренебрегъ языкъ отчизны онъ;
„Насъ могъ бы онъ ссудить богатою статьею“.
Вотъ такъ то, по тебѣ, и я съ другими въ рядъ.
Но ухо за ухо, зубъ за зубъ, говорятъ,
Ссылаясь на Писанье;
А я тебѣ скажу: посланье за посланье!

---

[1]) А. А. Плещеевъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Чернышевой († 1817).

[2]) Объ этомъ Букильонѣ, управляющемъ Плещеева, Жуковскій упоминаетъ въ двухъ своихъ стихотвореніяхъ (см. Стихотворенія Жуковскаго, изд. 9-е, т. I, стр. 457—458 и 530—531).

Посланіе къ неизвѣстному лицу [1]).

Хорошо, что ваше письмо коротко; но то дурно, что оно неясно; почему и не могу я

Сказать вамъ, *коротко да ясно*:
Истратили напрасно
Зеленыхъ вы чернилъ!
Какой вамъ злоязычникъ
Меня такъ очернилъ,
Что будто я—какъ въ птичникъ
Кукушка иль сова —
Попался въ плѣнъ опасный
Красавицы прекрасной!
Что будто голова
Моя совсѣмъ вскружилась
Отъ двухъ какихъ-то глазъ,
Что я забылъ Парнасъ
Что Муза раздружилась
И Фебъ въ враждѣ со мной!
Такою клеветой
Обиженъ я жестоко.
Изткоште (пишутъ), *око,*
Смущающее васъ!
И былъ бы я Циклопомъ,
Когда бъ хоть не нарокомъ
Отъ тѣхъ смутился глазъ,
Которымъ повелитель,
Петръ Яковлевъ [2]) правитель
Съ округами Орла.
Но, къ счастью, тутъ нашла
Коса на крѣпкой камень!
Не тронулъ сердца пламень!
Избавилось оно
Отъ новаго постоя!
А служба—вотъ иное!
Но я служу давно.
Кому?—Султану Фебу!
И лѣзу прямо къ небу,
Съ простыхъ чиновъ начавъ!
Я прежде былъ приставъ

---

[1]) Печатается по списку, находящемуся въ бумагахъ Жуковскаго въ тетради № 15 и въ которомъ содержатся двѣ поправки руки кн. П. А. Вяземскаго (см. бумаги В. А. Жуковскаго, стр. 47). Писано тоже въ 1812 году.

[2]) Петръ Ивановичъ, въ то время Орловскій губернаторъ.

Крылатаго Пегаса;
За стойлами Парнаса
Душистыми глядѣлъ.
Но вскорѣ произвелъ,
Не въ очередь, за рвенье,
И прочимъ въ поощренье,
Державный Фебъ потомъ
Меня истопникомъ
Своихъ племянницъ Грацій,
Которымъ нашъ Горацій,
Державинъ, такъ знакомъ.
Не торфомъ, не дровами,
Но глупыми стихами
У Грацій топятъ печь.
Я, не жалѣя плечъ,
Таскалъ стихи Хлыстова, [1])
Но, какъ ни раздувалъ,
Костеръ мой не пылалъ:
Злодѣй водой писалъ!
И принужденъ бывалъ
Кубышкина [2]) сухова
Съ сырымъ Хлыстовымъ жечь,
Чтобъ хоть немного печь
Поразогрѣть Харитамъ!
Досталось и другимъ,
И Русскимъ и чужимъ,
Проказникамъ піитамъ!
Ахъ, часто и своимъ
Уродливымъ твореньемъ,
Съ сердечнымъ сокрушеньемъ,
Я печку затоплялъ!
Мой чинъ на Пиндѣ малъ,
Но жду я повышенья.
И такъ за приглашенье
Идти служить Царю [3])
Я васъ благодарю,
Но съ Фебомъ не разстанусь
За то всегда останусь,
Такъ, какъ и прежде былъ.
Арбеневой [4]) я милъ,

---

[1]) Рукою князя П. А. Вяземскаго поправлено „Хвостова".
[2]) Рукою князя П. А. Вяземскаго поправлено „Кутузова".
[3]) 12 Августа 1812 года Жуковскій вступилъ въ ряды Московскаго ополченія.
[4]) Авдотьѣ Николаевнѣ, племянницѣ поэта и, вѣроятно, его крестницѣ.

За то, что самъ ей душу
Издѣтства подарилъ.
А разъ что̀ полюбилъ,
Къ тому ужъ не нарушу
Любви моей во вѣкъ!
Я, право, человѣкъ,
Когда судить не строго,
Какихъ на свѣтѣ много!...

Начало поэмы: Вельмира [1]).

Вамъ скучно? Разложите
Въ каминѣ огонёкъ,
Сберитеся въ кружокъ,
Дыханье притаите
И слушайте меня.
Чудесную, друзья,
Скажу вамъ сказку я.
Ни грифовъ, ни полкановъ,
Ни чудъ-богатырей,
Ни грозныхъ великановъ,
Ни полуночныхъ фей,
Летающихъ въ коляскѣ
На жукахъ, на совахъ,
На злыхъ нетопыряхъ,
Не будетъ въ этой сказкѣ...

Свѣтланѣ [2]).

Хочешь видѣть жребій свой
Въ зеркалѣ, Свѣтлана?
Ты спросись съ своей душой:
Скажетъ безъ обмана,
Что̀ тебѣ здѣсь суждено.
Намъ душа зерцало!
Все въ ней, все заключено,
Что́ намъ обѣщало
Провидѣнье въ жизни сей!
Милый другъ, въ душѣ твоей
Непорочной, ясной
Съ восхищеньемъ вижу я,
Что *сходна* судьба твоя
Съ сей душой прекрасной!

---

[1]) Писано въ 1812 году.
[2]) Т. е. къ Александрѣ Андреевнѣ Протасовой.

Непорочность, спутникъ твой,
И веселость, генiй,
Всюду будутъ предъ тобой
Съ чашей наслажденiй.
Лишь тому, въ комъ чувства нѣтъ,
Путь земной ужасенъ:
Счастье въ насъ, и Божiй свѣтъ
Нами лишь прекрасенъ.
Милый другъ, спокойна будь!
Безопасенъ твой здѣсь путь.
Сердце твой хранитель.
Все судьбою въ немъ дано:
Будетъ здѣсь тебѣ оно
Къ счастью предводитель!

Обѣтъ *).

Путь жизни мнѣ открытъ,
И вождь мой Провидѣнье.
Твое благословенье
Надежнѣйшiй мой щитъ.
Хранитель генiй мой,
Другъ вѣрный, неизмѣнный,
Будь образъ твой священный
Повсюду предо мной.

Я съ именемъ твоимъ
Готовъ летѣть за славой.
Опасность чту забавой,
Тобой животворимъ.
Достойнымъ въ жизни быть
Любви твоей священной:
Обѣтъ сей неизмѣнной
Клянуся сохранить.

Ты будешь всѣхъ моихъ
Сокрытыхъ мыслей зритель,
Печалей ободритель,
Причина дѣлъ благихъ.
Какихъ искать наградъ?
Съ душою чистой, правой,
Мнѣ будь наградой, славой
Твой благодарный взглядъ.

*) Писано въ 1813 году.

Рай *).

Есть старинное преданье,
Что на вѣки рай земной
Загражденъ намъ въ наказанье
Непреклонною судьбой;
Что дверей его хранитель
Ангелъ съ пламеннымъ мечомъ;
Что путей въ сію обитель
Никогда мы не найдемъ.
Нѣтъ, друзья, вы въ заблужденьѣ!
Есть на свѣтѣ Божій рай,
Есть! И любитъ Провидѣнье
Сей подобный небу край.
Тамъ невидимъ грозный мститель,
Ангелъ съ пламеннымъ мечомъ;
Тамъ трехъ ангеловъ обитель,
Данныхъ міру Божествомъ.
Не страшитъ, но привлекаетъ
Ихъ понятный сердцу взоръ.
Сколь улыбка ихъ плѣняетъ,
Сколь ихъ сладокъ разговоръ!
Въ ихъ пріютѣ неизвѣстно,
Чтò порокъ, чтò суета.
Непорочностью небесной
Ихъ прекрасна красота.
Ты, который здѣсь уныло
Совершаешь путь земной,
Къ нимъ приди — ихъ образъ милой
Примиритъ тебя съ судьбой.
Ахъ, друзья! Кто здѣсь ихъ знаетъ,
Кто имъ жертвуетъ душой,
Тотъ отдать не пожелаетъ
За *небесный* рай — *земной*.

*) Писано вѣроятно въ 1812 или 1813 году.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1819-й годъ [1]).

Село Граблино, 3-го Марта 1819.

Время прехолодное, съ мятелью. Ефимъ мнѣ сдѣлалъ сюрпризъ, пристроивъ возлѣ себя четыре хорошенькихъ комнаты; только нѣтъ двойныхъ рамъ, и вездѣ дуетъ. Перешелъ бы къ нему, но на бѣду дочь его родила дочь Анну, которую я вчера и крестить долженъ былъ. Добрый старикъ, и я очень доволенъ имъ. За барскій рубль радъ удавиться и, надобно правду говорить, этотъ человѣкъ изъ всего дѣлаетъ доходъ.

Я ожидалъ, что строеніе на Кузнецкомъ мосту подвержено будетъ многимъ неудобствамъ, и лучше оставить другимъ попеченіе построить дворецъ и лавку для Наташеньки Сихлеровой, которой прошу кланяться отъ меня[2]). Je ne l'ai pas oublié, quoique les boutiques des Juives ici ne soient pas faites pour rappeler un certain magasin de coin à Moscou. Лучше бы знаться съ Фишерами и Циклерами, чѣмъ съ винокурами и Жидовками; лучше бы побывать въ Горенкахъ и любоваться на Японскихъ розановъ, нежели таскаться по винокуреннымъ подваламъ и съ отрыгательницами ожидать перегару, недогару и браковки вина. Но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Пріѣду и я отдыхать на лаврахъ, осыпанныхъ овсомъ и намоченныхъ виномъ.

Напрасно ты не послалъ Тормасову [3]) чай. Здѣсь всѣ лежачаго бьютъ, а мнѣ пріятнѣе было бы лежачаго напоить чаемъ. Новаго губернатора здѣсь хвалятъ, но какого новаго губернатора не хвалятъ?

---

[1]) См. выше, стр. 105 И въ этотъ годъ А. Я. Булгаковъ разлучался съ братомъ своимъ (тогдашнимъ Московскимъ почтдиректоромъ) сначала для дѣлъ по Витебскому ихъ имѣнію, а за тѣмъ ѣздилъ вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Волковымъ (бывшимъ Московскимъ полицмейстеромъ) лечиться въ чужіе края.

[2]) Знаменитая впослѣдствіи мастерица модъ, еще и въ наши дни содержавшая богатый магазинъ въ Москвѣ на углу Большой Дмитровки и Камергерскаго переулковъ. Черезъ братьевъ Булгаковыхъ много иностранцевъ водворилось и разбогатѣло въ Россіи.

[3]) Московскаго генералъ-губернатора, которомъ были недовольны въ Петербургѣ.

Къ счастію, взялъ я съ собою Метаксовы записки [1]), надъ коими работаю съ удовольствіемъ. Двѣ послѣднія тетради будутъ очень занимательны. Куда только ошибочны произведенія пера Метаксы! Скажи Волкову, что Алексіановъ [2]) навербовалъ шутовъ 8 къ моему пріѣзду, между прочими Жидъ одинъ, у котораго онъ выбрилъ уже половину бороды и который хочетъ идти въ христіанскую вѣру. Онъ смѣется надъ Жидами и дразнитъ ихъ, какъ они молятся на шабашѣ.

*

Городно, 6-го Марта 1819.

Оконча все въ Граблинѣ, пріѣхалъ я сюда, въ Городно, любезный братъ. Первая встрѣча была съ Кузьмою, котораго я, однакоже, нашелъ не пьянаго; состарился. Мы очень другъ другу обрадовались, и онъ меня тронулъ, заговоря тотчасъ о покойномъ безцѣнномъ батюшкѣ. Кузьму здѣсь кормятъ и поятъ, а работы онъ не знаетъ никакой, кромѣ смотрѣть за домомъ новымъ; я въ немъ живу, онъ тепелъ, на прекрасномъ мѣстѣ, только еще безъ мебели. Зала преславная, видъ на озеро, на село, вдали мельница и винокурня. Все бы хорошо, только зима, и я одинъ въ пустомъ большомъ домѣ. Жиды, арендари наши, меня обступили, просятъ убавки съ найма корчемъ; но ежели сдѣлать для однихъ, то всѣ прочіе налягутъ; итакъ я отправилъ ихъ съ отказомъ. Выспавшись хорошенько, поѣхалъ я на лежащій въ виду фольварокъ, мною заведенный прошлаго года и который въ виду дома. Я его назвалъ въ честь Костюши [3]) его именемъ; тамъ нашелъ я множество скотины; быковъ съ 40 въ продажу назначены, и даютъ уже по 50 рубл. Я очень доволенъ стараніемъ лѣкаря, котораго велѣлъ я нанять по случаю болѣзней, бывшихъ здѣсь. Изъ числа 86 больныхъ осталось только 21; 54 челокѣка вылѣчено, умерло человѣкъ 7. Ежели бы я здѣсь жилъ, я бы завелъ госпиталь, ибо въ домахъ трудно лѣчить мужиковъ, а болѣе всего имѣть за ними присмотръ, а онъ очень нерадивъ. Я остался въ Граблинѣ, покуда не спровадилъ все вино самъ, чтобы быть покойному на этотъ счетъ. Завтра поѣду къ Алексіанову, который прислалъ мнѣ сказать, что онъ возвратился изъ

---

[1]) О Метаксѣ многократно говорится въ предъидущихъ письмахъ А. Я. Булгакова. Къ числу разнообразныхъ занятій этого Грека принадлежало и писательство. Здѣсь, вѣроятно, рѣчь идетъ о книгѣ, показанной въ „Росписи“ Смирдина № 3238: „Исторія Греческихъ происшествій... заимствованная изъ соч. Раффенеля и другихъ очевидцевъ съ собственными дополненіями издателя Е. Метаксы. 3 части, Москва, 1824 (25 руб. на подписку).“

[2]) Витебскій помѣщикъ, знаменитый морякъ Екатерининскихъ временъ, контрадмиралъ Алексіано. См. о немъ „Русскій Архивъ“ 1886, III, 477.

[3]) Т. е. въ честь славнаго впослѣдствіи кутилы Константина Александровича.

Витебска. Ежели не найду у него Якубовскаго, отъ коего за вино долженъ получить остальные 9000 р., то пошлю къ нему Ефима Петровича. Это одно удерживаетъ меня еще здѣсь. Въ Великѣ отдамъ въ казначейство остальные 7000 за эти проклятыя пошлины, которыя не очистя, не можемъ получить свидѣтельства для закладу 1000 душъ въ Воспитательный Домъ. Охъ, кабы не пошлины эти, не банкъ, не покупка нѣкотораго числа ржи, коею снабжало насъ Чурилово, не почтовыя деньги, я бы привезъ съ собою тысячъ 25! Какая бы славная сумма для оплаты долговъ нашихъ! Какъ быть, надобно довольствоваться третьею долею. Между прочимъ (какъ говоритъ князь Петръ), купилъ я здѣсь смежныя съ нами пять десятинъ славнаго лѣса, вмѣсто коихъ отмежуютъ намъ 15, moyennant un petit cadeau. Это изъ имѣнія какихъ-то малолѣтнихъ графовъ Толстыхъ, у коихъ опекуны, похожіе, какъ ты видишь, на всѣхъ опекуновъ. Лѣсъ этотъ, въ коемъ березнякъ и строевой, купили мы весь за 250 р. то-есть за ничто. Для насъ и для мужиковъ нашихъ, коимъ я позволилъ рубить, сколько хотятъ, это находка. Однимъ словомъ, все идетъ очень хорошо у насъ, и ежели бы не долги, мы бы были панами зажиточными. Мужики наши достаточны, не изнурены и славятся въ околодкѣ. Въ скукѣ здѣсь работаю я все надъ Метаксою: будетъ, что почитать съ удовольствіемъ. Я два раза читалъ третій томъ Mad. d'Épinay. Есть тутъ письма ея, Гримма и Дидерота, безцѣнныя. Какая шельма Руссо! Батюшка его знавалъ и говорилъ мнѣ не разъ, что Руссо самый развращенный и самолюбивый человѣкъ. Я восхищался дружбою Гримма съ Mad. d'Épinay; такая связь можетъ существовать, а особливо продолжаться, только между мужчинами, и то не дюжинными, какими свѣтъ нынѣ наполненъ. Я почувствовалъ еще живѣе разлуку съ тобою и необходимость опять соединиться съ тобою и съ своими. Куда, должно быть, несносно жить безъ дружбы! Попъ нашъ Марка явился ко мнѣ. И онъ былъ боленъ горячкою; нашъ лѣкарь Жидъ и его вылѣчилъ. Я далъ ему, сверхъ условленныхъ 300 р., 25, за которые очень меня благодарилъ.

Изъ поѣздки въ чужіе края.

Минскъ, 20-го Мая 1819.

Влодекъ, который здѣсь дивизіоннымъ, очень мнѣ обрадовался; я сидѣлъ болѣе часа у него, засталъ его ложащагося спать; онъ меня упросилъ завтра рано у него напиться кофею передъ отъѣздомъ. Государь посылалъ его въ Стутгардъ съ печальнымъ комплиментомъ къ королю *); онъ три дня какъ только воротился; огорченъ исторіею, слу-

*) У Виртембергскаго короля передъ тѣмъ скончалась его первая супруга, сестра нашего государя, Екатерина Павловна, въ первомъ бракѣ принцесса Ольденбургская.

чившеюся на сихъ дняхъ на парадѣ при немъ. Одинъ молодой офицеръ Лит. уланскаго полка вдругъ подошелъ къ полковнику своему и далъ ему двѣ оплеухи. C'était sur la place publique à la parade, cela a fait grande rumeur. Wlodek, quoique à tort, craint que cela ne lui fasse de tort. Il est au reste content de son séjour ici et s'occupe infiniment du service.

A Borissow nous avons vu le gouverneur de Minsk qui attendait le grand-duc Michel revenant de l'étranger; le grand-duc Nicolas était attendu à Орша, où il allait à la rencontre de son frère.

*

21-го Мая.

Влодекъ такъ много меня упрашивалъ, что не могъ ему отказать остаться еще это утро съ нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ взялъ меня за слабую сторону: Comment, mon cher Alexandre, vous me refuserez un déjeuner à la fourchette auquel nous boirons de Champagne à la santé de l'excellent Constantin? Allons donc, et puis Dieu sait où et comment nous nous reverrons. И такъ, мы остаемся утро еще здѣсь. Я рано пришелъ къ Влодеку; онъ только-что всталъ, и мы себѣ наболтались до сыта, а тамъ пришелъ Волковъ, который заспался. Государь будетъ сюда въ Августѣ, а тамъ изволитъ ѣхать въ Варшаву, для осмотрѣнія войска; а сейма не будетъ, какъ говорили. Хилковъ просилъ мѣсто Шульгина. Государь призвалъ его въ кабинетъ къ себѣ, сказалъ ему, что, любя его, не хочетъ лишать армію хорошаго офицера, что лучше ему продолжать службу, что ежели непремѣнно желаетъ это мѣсто, онъ назначенъ будетъ, но что, конечно, не потеряетъ ничего, оставаясь гдѣ теперь. Хилковъ оставилъ свою претензію, и не знаютъ, кто займетъ мѣсто Шульгина. Je verrai ce qu'on dit de celui-ci à Varsowie; mais il passe au reste pour ce qu'il est, brutal, grossier, menteur, sans éducation, le pillard. Wlodek a eu une très belle boîte du roi de Wirtemberg; elle est allé tenir compagnie à la boîte que vous avez eu du roi d'Angletterre. Il m'a dit une chose qui me fait grand plaisir, c'est qu'Anstett est déjà à Carlsbad, où il passera toute la saison. Il dit qu'Anstett lui a demandé avec un intérêt extrême de mes nouvelles. Basile Galitzine vient de passer par ici, il est attaché à la mission d'Anstett.

*

Варшава, 26-го Мая 1819.

Мы прибыли сюда благополучно, ровно въ слѣдующую Субботу, любезнѣйшій братъ. Стать въ трактирѣ—было бы поссориться съ Вяземскимъ, который намъ такъ дружески предложилъ свой большой ка-

бинетъ, въ которомъ мы оба спимъ съ нимъ. Домъ на прекрасномъ мѣстѣ, т.-е. на площади Краковскаго предмѣстья. Мнѣ такъ ясно доказали, что неприлично не представиться великому князю, что я, взявъ шпагу у Гезлера, шляпу у Моренгейма и т. д., одѣлся въ*) и съ Волковымъ представлялся; тутъ Вяземскій былъ для компаніи. В. князь долго держалъ В. въ кабинетѣ и очень его обласкалъ, показываетъ войско, угощаетъ и пр.; со мною былъ очень учтивъ, спрашивалъ, отъ чего я ѣду лѣчиться; я отвѣчалъ: отъ разныхъ недуговъ, в—е в—во. Сказалъ, улыбнувшись: понимаю! Какъ будто полагаетъ, что ѣду болѣе для своего удовольствія. Тутъ видѣлъ я Раутенштрауха, который очень мнѣ обрадовался, Васеньку Апраксина, князя Александра Бор. Голицына, адъютанта вел. князя; онъ и представлялъ. Здѣсь тоже А. П Афросимовъ, скоро ѣдетъ въ Москву; съ нимъ пришлю тебѣ посылку, для доставленія женѣ въ Смердино, ежели она не въ Москвѣ. Меня такъ затормошили и затаскали смотрѣть все, что̀ есть любопытнаго, что не имѣю времени свободнаго. Нашелъ я также во дворцѣ Серакунскаго, и этотъ очень мнѣ обрадовался; онъ и всѣ много о тебѣ разспрашивали. Великій князь много очень говорилъ съ Волковымъ, но о Шульгинѣ ни слова, а очень много хвалилъ Тормасова, называя его самымъ хорошимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Je lui voudrais ajouter: monseigneur, seulement plus de nerf. Wolkoff est traité comme un prince du sang. Demain il y a exercice. Monseigneur lui offre un cheval de selle, pour y assister. Городъ мнѣ нравится, много строятъ, поправляютъ, украшаютъ, множество мѣстъ для гулянья около города, и гдѣ пьютъ кофе, ѣдятъ курчента. Удивительно, однакоже, что всѣ жалуются, что здѣсь скучно. Байковъ тебѣ кланяется; я его принялъ за Станислава Потоцкаго; ну, живой онъ! Вообрази, что Байковъ взялъ для шутки билетъ въ Берлинскую лотерею и получилъ avis, что выигралъ 1000 червонныхъ. Каковъ! Вяземскому велѣлъ я сказать, пріѣхавъ сюда, что молодой университетскій студентъ желаетъ ему вручить лично письмо; но онъ не дался въ обманъ и тотчасъ сказалъ: ну, это Булгаковъ пріѣхалъ! Таскаютъ меня во всѣ стороны. Вотъ наскоро, что̀ я видѣлъ: Lazienki, прекрасно, но запущено; *Belvédère* загородный домъ, строющійся великимъ княземъ. Возлѣ Лазенокъ, на прекрасномъ мѣстѣ, *Bagatelle*—пріятный садикъ съ кіоскомъ, гдѣ гуляютъ, обѣдаютъ, ужинаютъ; это куплено метръ-д'отелемъ Коленкура Chovot за 5000 и устроено очень хорошо. Насъ, нѣсколько Русскихъ, Вяземскій угощалъ тамъ обѣдомъ. *Belliany*—гулянье за городомъ, въ родѣ *семика*, только что ходятъ всѣ въ лѣсу, а не ѣздятъ, какъ у насъ. Le château

*) Одно слово не разобрано.

de l'Empereur, autrefois du Roi, славный видъ; залъ, гдѣ Государь рѣчь говорилъ въ послѣдній сеймъ; *панорама* прекрасная Парижа; tout le monde assure que c'est comme si on y était: узнаешь всякій домъ, les accessoirs et les figures sont faites avec beaucoup de soin. Парижъ собирается и къ вамъ быть, а между тѣмъ здѣсь Индѣецъ. Вчера было первое представленіе. On l'a applaudi avec fureur. Quand il ouvrait la bouche disant qu'il allait avaler le grand boulet de 14 livres, mad. Czernicheff poussa un cri et décampa de la loge, ce qui amusa le public autant que les tours de l'Indien. Une chambre obscure où l'on voit tout Varsovie, et j'ai reconnu Wolkoff qui passait par hazard dans la rue avec le petit Nélédinsky; l'arsénal qui est arrangé d'une manière charmante. Сегодня Вяземскій выпросилъ для насъ Жоконду съ билетомъ. Правду сказать, не вижу я красавицъ здѣшнихъ; но правда и то, что всѣ ловки, одѣты хорошо и обуты безподобно. Жаль, что для этихъ прекрасныхъ *ножекъ* такая гадкая мостовая, безъ тротуаровъ. Теперь здѣсь ярманка, есть на что разориться: въ лавкахъ прелесть; что же касается до женскихъ уборовъ, то, право, не понимаю, какъ можетъ это быть лучше въ Парижѣ. Я кое-что купилъ для Наташи и перешлю тебѣ черезъ Афросимова или Серакунскаго для врученія ей. Чего кто ни покупаетъ, а на ярманкѣ все, даже есть лавка, наполненная чѣмъ? Вся разными Русскими пряниками. Волковъ былъ восхищенъ ученіемъ и сказалъ вел. князю, что Государь, вѣрно, пожаловалъ бы имъ по ф. говядины и по чаркѣ вина.—Быть по твоему, сказалъ в. к., да еще къ тому дневное жалованье. — О здоровьѣ моемъ, что̀ тебѣ сказать? Порядочно, только отдохнувъ здѣсь три дня, еще болѣе чувствую усталость. Вяземскій насъ затормошилъ, то туда, то сюда. Я желалъ бы быть уже на мѣстѣ и начать путную жизнь; поясница и колѣни болятъ, въ дорогѣ отвыкъ отъ ходьбы, но ѣмъ очень аппетитно и сплю хорошо; не дадутъ минуты, и вообрази, что я всталъ въ пять часовъ утра, чтобы писать тебѣ и женѣ.

Сейчасъ адъютантъ великаго князя является звать Волкова завтра на конное ученіе. Эка бѣда! Еще день лишній быть здѣсь.

*

Варшава, 29-го Мая 1819.

Что̀ Волковъ предвидѣлъ, то точно сбылось. Мы здѣсь задержаны. Великій князь чрезмѣрно его обласкалъ, показываетъ ему войска, которыя подлинно чудесныя, особливо кавалерія. Вчера я ѣздилъ на маневры верхомъ, усталъ какъ собака, но менѣе меня разбило, нежели я ожидалъ. J'ai eu un cheval de palais très bien dressé, et j'ai vu une troupe magnifique. Что̀ за лошади, одна къ одной подобраны, а

что̀ полкъ, то шерсть. Le grand-duc a glissé un mót sur Шульгинъ et a dit qu'étant à 1500 verstes de Moscou, il ne pouvait pas le surveiller, et combla de louanges le comte Tormassow. Mais pour Bibikoff, monseigneur le nomma joueür, poltron, mauvais officier.

Здѣсь одинъ Полякъ нарисовалъ портретъ Государя на вахтъ-парадѣ, заставилъ его дать оный гравировать. Я нахожу его похожимъ при первомъ взглядѣ и посылаю тебѣ экземплярчикъ.

Нашъ Вяземскій такъ запотчивалъ насъ, что не даетъ времени и опомниться. Что-то будетъ далѣе, а здѣсь все Москва въ глазахъ моихъ. Волковъ уморителенъ съ своимъ Польскимъ языкомъ. Слыша часто слово będze, онъ вообразилъ себѣ, что это значитъ пожалуста, выговариваетъ же онъ не бендзе, а *пенза*, и всякую минуту все пенза и пенза, принеси, ко̀хана, пенза вилечку, только пенза скорѣе, и теперь всѣ его называютъ Московскимъ Пенза. Ну, братъ, слышалъ я у Вяземскаго славнаго пѣвца *Brice*; ты, я думаю, слышалъ его въ Парижѣ. Какъ хорошо поетъ, что за голосъ! Вася Апраксинъ славный музыкантъ: не зная нотъ, играетъ все и поетъ все, что̀ только разъ слышалъ и пресмѣшной. Les femmes, à vous dire vrai, ne sont pas aussi merveilleuses que je m'y attendais; mais elles ont de la tournure, se mettent très bien et ne marchent pas comme des oies, какъ у насъ.

*

Dresde, ce 6 Juin 1819.

Часто грустно по Москвѣ, и безъ Волкова, я думаю, что вмѣсто удовольствія путешествіе навело бы на меня тоску. Правда и то, что здѣсь начинаются пріятства, ибо въ этомъ кролевствѣ Польскомъ тоска: пески, сосны, Жиды да свиньи; ипщета, лошади дурны, жилища еще хуже. Никому не совѣтую съ Варшавы ѣхать на Бреславль. Мы ѣдемъ мѣстомъ очень любопытнымъ, по слѣдамъ армій нашихъ и большихъ происшествій. Въ Бауценѣ отыскалъ я домъ, гдѣ скончался князь Кутузовъ; хозяинъ разсказалъ мнѣ всѣ подробности. Я вообще довольно обогащаю свой журналъ, который заключаетъ въ себѣ совершенно всѣ наши дѣянія, и я такъ привыкъ, что не могу ни пить кофе, ни понѣжиться, ежели не вписалъ въ журналъ что̀ надобно. Много очень было съ нами и любопытныхъ, и смѣшныхъ происшествій. Волковъ удивительный халапушка. Ночью около Бреславля заѣхалъ почталіонъ въ шинокъ за шнапсомъ, слышитъ музыку, танцы, веселье, паръ съ 8 вальсируютъ въ комнатѣ, гдѣ человѣкъ 40. Гдѣ мой Волковъ? кажется, стоялъ рядомъ со мною. Гляжу, а онъ, подцѣпя крестьянку, изволитъ съ нею вальсировать. Il fallait voir la joie de cette fille d'avoir valsé avec le

commandant der so berühmter Stadt Moscau. Васьками мы очень довольны. Мой Васька говоритъ, что Нѣмцы всѣ дураки. Отчего же?— Да ни одинъ не умѣетъ говорить по-русски.

Въ Карлсбадѣ множество народу; мы пишемъ туда, чтобы намъ наняли двѣ комнатки. Ханыкова [1]) здѣсь нѣтъ, а пріятенъ очень домъ кн. Павла Серг. Голицына, которымъ мы обласканы; жена его премилая, мы у нихъ обѣдаемъ сегодня. Есть еще Крокша, но я и не поѣду туда: ont y fait de l'esprit à outrance. Еще здѣсь Аникѣева, которая собирается въ Россію обратно. Прочіе всѣ разъѣхались. Меньшиковъ [2]) поѣхалъ въ Италію. Этотъ по уши въ книгахъ и работѣ, но очень веселъ, говорятъ; въ Россію не думаетъ возвращаться, чего, право, не понимаю. Онъ Стурдзу здѣсь такъ напугалъ, что этотъ ходилъ какъ угорѣлый. Prenez vos précautions, disait-il à Stourdza; moi j'ai pris les miennes.—Mais comment donc?—Oh, moi d'abord j'ai écrit sur ma porte en gros caractères: Hier wohnt nicht Stourdza. Je ne me soucie pas que les étudians se trompent de porte (они жили въ одномъ домѣ). Здѣсь и въ маленькихъ даже городкахъ, гдѣ мы проѣзжали, вездѣ продаютъ портреты и жизнеописаніе Занда и изображеніе убіенія Коцебу. Завтра начну осматривать достопамятности города. Мы живемъ въ Hôtel de Pologne, на большой Schlossgasse. Мимо насъ безпрестанное гулянье, въ комнатѣ славные клавикорды, и мы бренчимъ.

Какъ насъ трактуютъ вездѣ! Слова Russische Generale имѣютъ чудесное вліяніе: нигдѣ не держутъ насъ минуты, нигдѣ не осматриваютъ. Я не знаю другого Волкова для дороги: попечителенъ, спитъ днемъ, а какъ мы захрапимъ ночью, то онъ караулитъ, всегда веселъ, на все готовъ, исполняетъ всѣ мои капризы, однимъ словомъ, товарищъ славный, только не даетъ мнѣ писать; у него одно слово: «да послѣ напишешь».

*

Карлсбадъ, 13 (25) Іюня 1819.

Тебя, кажется, вся Германія знаетъ; всѣ меня ласкаютъ, какъ Русскаго и какъ брата твоего, а многіе меня принимаютъ за тебя самого, напоминаютъ мнѣ о томъ, о другомъ, и я не могу ихъ переувѣрить, что это точно не ты, а я. Еще обѣдалъ я у принца Мекленб.-Шверинскаго, мужа покойной вел. кн. Елены Павловны. Они очень милы оба брата, а меньшой просилъ меня тебѣ кланяться отъ него. Принцъ сказалъ намъ en confidence, что сынъ его помолвленъ скоро будетъ за сестру нашей вел. кн. Александры Ѳеодоровны. Сего-

---

[1]) Нашего посланника при Саксонскомъ дворѣ.

[2]) Князь Николай Сергѣевичъ Меньшиковъ, братъ адмирала нашихъ дней.

дня звалъ насъ обѣдать Блоомъ *), который и здѣсь живетъ по Петербургскому и все съ Русскими. Онъ познакомилъ меня съ Датскимъ наслѣднымъ принцемъ, у котораго жена прекрасная, да и онъ самъ молодецъ. Ѳ. П. Уваровъ также здѣсь и очень меня обласкалъ; у него родъ балика во Вторникъ. Чье знакомство очень мнѣ было пріятно, это почтеннаго стараго Блюхера, безъ всякой церемоніи. Желтухинъ намъ далъ секретъ: онъ не любитъ, кто станетъ его величать, а кто съ нимъ тотчасъ sans façon, того онъ тотчасъ любитъ. Wolkoff a tout de suite mis en avant son Allemand et ses Kreutz-Bataillions. Voilà notre maître enchanté. Ужо садимся съ нимъ въ вистъ по 5 гульд. Это наша Московская игра; большую и азартную онъ уже бросилъ совсѣмъ, по убѣжденію адъютанта своего, графа Ностица, et le vieux disait lui-même: nous ne jouons pas le grand jeu, nous jouons le petit wiska, on ne permet pas le grand jeu (en montrant Nostitz). Or, ce Nostitz est son aide-de-camp et celui qui lui a sauvé la vie à la bataille de Waterloo, quand le maréchal tomba avec son cheval tué.

Шварценберга я бы не узналъ: такъ онъ опустился, похудѣлъ и состарѣлся; одну ногу тащитъ за собою и ходитъ упираясь на тросточку, сидитъ большею частью и не веселъ. Здѣсь еще графъ Виттъ, кн. Горчакова съ дочерью, Уварова братъ съ женою, Раевская, жена генерала, съ дочерьми, четверо Голицыныхъ, кн. Ѳедоръ, Павелъ, Александръ и Василій, Кампенгаузенъ, Хрептовичева, Меншикова, Любомирскій, Пукалова съ какимъ-то молодымъ полковникомъ, Вас. Давыдовъ, la duchesse de Courlande, т.-е. Sagan, eccelenza etc. etc. Il y a la sœur de Napoléon Élisa Bacciochi avec son mari et son amant et la femme de Jérôme B.; elles sortent fort peu depuis quelque tems et disent que la vue de Schwarzenberg et de Blucher leur fait plus de mal que les eaux ne leur font de bien. Il y a une fort jolie femme, c'est celle de Stürmer. C'est une aimable Française, elle arrive de S-te Hélène où son mari a été commissaire de l'Autriche, comme vous savez. Je n'ai pas encore fait sa connaissance. Mais un homme charmant c'est le g-l Желтухинъ, l'ami de Zakrefsky; à notre grand regret il part cette nuit pour retourner en Russie. То-то же наговорился я объ Италіи съ нимъ. Онъ все время вояжировалъ съ вел. кн. Михаиломъ Павловичемъ, жилъ съ Италинскимъ, Каподистріей. Обласкай его, когда будетъ въ Москву. Я далъ ему письмо къ тебѣ, но онъ не прежде будетъ въ Москвѣ какъ въ Сентябрѣ или въ Октябрѣ. Онъ отдастъ тебѣ посылку отъ меня, которую передай Наташѣ. Это башмаки Дрезденскіе. По до-

*) Бывшій Датскій у насъ посланникъ.

рогѣ сюда встрѣтилъ я Небольсина и, не смотря на ворчаніе почтальона, мы проболтали съ часочекъ на дорогѣ, и я намаралъ тебѣ нѣсколько строчекъ карандашомъ. Я ему нѣчто поразсказалъ о своей дорогѣ для передачи тебѣ. Я никакъ съ Волковымъ не согласенъ, и мѣстоположеніе Карлсбада скучно. Въ глубокой дырѣ, окруженъ дремучимъ лѣсомъ, на высокихъ горахъ. Чтобы видѣть небо, надобно такъ заворотить голову, что шляпа спадетъ. Холодъ все продолжается, и ежели бы не твоя славная шинель, я бы не одинъ разъ, а особливо эту ночь, сильно прозябъ. Какъ часто тебя благодарю. Какіе нищіе эти Нѣмцы! Изъ всего дѣлаютъ себѣ доходъ, за все подавай деньги. Только что мы пріѣхали, явилась передъ домомъ нашимъ музыка съ поздравленіемъ.

Кого я еще здѣсь нашелъ? Помнишь ты у Биронши жила Полячка, ловкая Брыжинская; теперь стала престарая и претолстая, а все еще щеголяетъ. Только какая жалость! У нея эта мерзкая Польская волосяная болѣзнь, которой имя я забылъ, такъ что, дабы скрывать волосы, вся голова у нея, какъ въ мѣшкѣ. Есть еще другая Полька, съ которою странное было приключеніе: около Рима напали на нее разбойники, ограбили ямщика . . . Вотъ можетъ похвастать, что отвѣдала необыкновеннаго фрукту, только что отъ испуга съ тѣхъ поръ стала коса однимъ глазомъ.

Анстета нѣтъ здѣсь, а можетъ будетъ еще; но жаль, что графиня Нессельроде сюда не будетъ. Ренанъ уговорилъ ее ѣхать лучше въ Эмсъ, вѣрно потому, что самъ туда поѣхалъ. И Каподистрія не будетъ. Даммъ, докторъ его, сказывалъ, что онъ беретъ воды въ Виченцѣ, а оттуда поѣдетъ въ Парижъ.—Хитровъ умеръ во Флоренціи и оставилъ, говорятъ, жену *) въ прежалкомъ положеніи, съ долгами и безъ копѣйки. Смерть его была очень мучительна и продолжительна. На сихъ дняхъ ожидаютъ Прусскаго наслѣднаго принца, на котораго наѣхали мы въ Бреславлѣ.

Богатая земля! Изобиліе! Мой Васька набивалъ себя все фруктами. Какъ мы разъ смѣялись! Иду со двора, Васька у воротъ покупаетъ и ѣстъ вишни; черезъ часъ ворочаюсь домой, Васька опять ѣстъ вишни.—Смотри, ты не объѣшься.—Ничевосъ!—Ну охотникъ ты, братъ, до вишенъ? — Не такъ, чтобы я ихъ любилъ! — Да что же ты такъ много ѣшь вишенъ?—Да дїошевы! C'est bien Russe par exemple.

*

*) Елисавету Михайловну, дочь князя Кутузова, въ первомъ бракѣ графиню Тизенгаузенъ.

Карлсбадъ, 3-го Іюля н. с. 1819.

Во Вторникъ давалъ Уваровъ Ѳ. П. славный балъ въ Саксонской залѣ, просилъ меня d'animer; но не было нужды: всѣ были очень веселы и плясали до *двѣнадцатаго часа*, ce qui est ici une débauche sans exemple. J'ai fait quelques tours de valse; il l'a fallu bien, puisque Theodore G. et Ouvaroff lui-même, le p-ce hérédit. de Danemark, la princesse, qui est une très belle femme, les deux pr-sses de Meklenbourg, enfin tout le monde ont dansé et valsé. Нашъ милый старикъ Блюхеръ надѣлъ всѣ ордена, и дабы сдѣлать пріятное хозяину, налѣпилъ большую бриллiантовую Андреевскую звѣзду. Такъ себѣ отличаемся въ Польскомъ, что любо, съ припрыжкою, такъ какъ тотъ Польскій Pan Starosta въ Вильнѣ. Я познакомился съ молодымъ Штюрмеромъ, который очень тебя любитъ и хвалитъ тебя. Ты знаешь, что онъ былъ коммисаромъ Австр. на островѣ Св. Елены, откуда недавно пріѣхалъ. У него жена Француженка, очень хороша собой и мила. Я на балѣ болѣе часа съ нимъ болталъ, а вчера обѣдали у Блоома вмѣстѣ. Онъ мнѣ разсказывалъ очень много любопытнаго о Наполеонѣ, котораго никакъ не могъ видѣть, и Бальменъ также. Этотъ взбѣсился и уѣхалъ оттуда въ Англію. Les commissaires ont attaqué le gouverneur pour qu'il les mène chèz N., car leurs charges les obligeait de voir, que le cher homme est *là*. Enfin N. fit dire qu'il les verrait tous à la fois le matin, quand il est sur la *chaise percée*. Naturellement on ne voulut jamais passer par là. Après bien des pourparlers le gouverneur lui déclara qu'il se verrait obligé d'admettre les commissaires chez lui de force; alors il répondit: je vous déclare sur ma parole d'honneur que si un des commissaires entre chez moi, je lui brûlerai la cervelle de ma main, comme je vous en préviens d'avance; toute la responsabilité pesera sur vous. Gardez moi tant que vous voulez, mais je ne veux voir personne. Онъ тамъ въ заточеніи точно какъ бы во дворцѣ въ Парижѣ, и съ окружающими его обходится чрезмѣрно туго. Бертрандша должна была у него обѣдать въ два часа. Было два часа, ея нѣтъ. Въ ту минуту, что̀ онъ пошелъ за столъ, она явилась. Онъ ей сказалъ, увидя ее: Sortez d'ici, et que ce soit la dernière fois, que vous dînez chez moi; cela vous apprendra à être exacte à l'avenir, cela vaut mieux que jaser politique! Стюрмерша говорила той, что удивляется, зачѣмъ она остается тутъ и зачѣмъ они не переберутся въ Европу. Voulez vous, répondit l'autre, que nous nous exposions au ressentiment de l'Empereur? Что̀ можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ? Боятся въ Европѣ мщенія человѣка, заключеннаго на островѣ Св. Елены!.. Когда будемъ вмѣстѣ, многое тебѣ еще разскажу. Стюрлеръ будетъ

collégue Полетики въ Америкѣ; но, кажется, онъ караулитъ здѣсь Меттерниха, чтобы избавиться отъ этой миссіи, и съ помощію милой жены своей, вѣрно, въ этомъ успѣетъ. Третьяго дня пріѣхала сюда графиня Браницкая; она будетъ пить воды. Я ея еще не видалъ. Сегодня пріѣхалъ Прусскій наслѣдный принцъ, проѣздомъ въ Мюнхенъ. Блюхеръ ему готовилъ праздникъ, который завтра будетъ данъ, ежели принцъ не сегодня же уѣдетъ. Тебѣ очень кланяется старикъ Будбергъ. Я его люблю, и иной разъ подъ вечеръ ходимъ съ нимъ играть въ вистъ. Онъ живетъ съ Рихтеромъ; это новое знакомство, но я тотчасъ его полюбилъ по отзывамъ его о тебѣ. Вчера игралъ я въ *квиндичи* съ Голицыными, Валевскимъ и съ старикомъ почтеннымъ. Они играютъ въ большую, но мнѣ позволили войти съ 3 ч. Зачали играть пополамъ съ Волковымъ и менѣе нежели въ часъ выигралъ я у Блюхера 22, да 40 слишкомъ у тѣхъ, да и полно! Сегодня пошелъ себѣ покупать на выигрышъ. Bloom m'a dit hier que Nesselrode et Capodistria lui avaient corné les oreilles de vous. Nous sommes tous bien d'accord sur cela, c'est que vous devriez être ici avec nous. Je disais à Bloom qu'il traite les Russes comme si c'étaient des Danois. Les deux pr-ces Schwartzenberg me parlent aussi de vous toujours. Voilà Gallitzine qui arrive tout équipé et qui ne me laisse même pas achever la page. Je vous enverrai cette lettre par Wiasemsky.

*

Карлсбадъ, 24-го Іюня (6 Іюля н. с.) 1819.

Я, благодаря Бога, не жалуюсь на свое здоровье: всѣ мнѣ говорятъ, что у меня сдѣлалось совсѣмъ другое лицо. Порядочная жизнь меня оживляетъ сильно. Встаю въ половинѣ шестого, а въ 10 уже сплю; не ужинаю, 15 часовъ въ сутки на ногахъ (compte fait), не чувствую усталости . . . Я этому радъ. Еще человѣкъ, который тебя до небесъ превозноситъ, к тотчасъ ко мнѣ подошелъ, узнавши, кто я: А. П. Ермоловъ [1]), вотъ и карточку прислалъ сейчасъ. Онъ говоритъ, что не забудетъ никогда всѣ твои одолженія. Взявши здѣсь воды, онъ опять возвращается въ Парижъ. Я бываю у Браницкой, которая не можетъ говорить о батюшкѣ покойномъ равнодушно. Она все сердится, зачѣмъ ее сюда привезли. На что мнѣ, батюшка, воды, говорила она мнѣ? У меня одинъ докторъ, одно лѣкарство: Мих. Сем. Воронцовъ [2]). Elle a une adoration pour son beau-fils, mais qui ne l'aime pas. Il est malheureusement impossible ici de s'éloigner de la so-

[1]) Это не Алексѣй, а Александръ Петровичъ Ермоловъ (ум. 1836), бывшій короткое время любимцемъ Екатерины Великой (1786).

[2]) Въ Апрѣлѣ этого года женившійся на ея дочери, гр. Елисаветѣ Ксаверьевнѣ.

ciété: les eaux, le matin, vous exposent à tout le monde. Hier il a fallu être d'une partie de plaisir du prince de Meklenbourg-Schwerin. Demain il y a un thé dansant chez le prince royale de Danemark. Lui et la princesse, qui est charmante, m'ont fait l'honneur de m'engager. Какъ не ѣхать? Я что-то отсталъ отъ дамъ, а болѣе люблю мужскую компанію, а есть здѣсь пріятныя женщины.

Но я не пускаюсь и отсталъ отъ любезничества; болѣе съ Волковымъ, княземъ Ѳедоромъ Голицынымъ, Давыдовымъ В. Л., Ѳ. П. Уваровымъ, Рихтеромъ и пр. Русскими. Пріѣхалъ Еремка Бонапарте, былъ въ нашемъ Нейбрунненѣ, но я его не видалъ еще. Вчера Елизѣ Бачіоки сдѣлался обморокъ, и рвать ее стало, она чуть меня съ ногъ не сшибла; презлая фигура и шатается съ царскою свитою, какъ во время óно. На дняхъ ждутъ Лудовика Б. Ce fera le carnaval de Venise de Voltaire. Добрый нашъ Блюхеръ уѣхалъ. Мы его все подговаривали въ Москву. Ich bin zu alt, отвѣчалъ онъ. Und wenn, ihre Durchlaucht, die Franzosen sollten wieder kommen?—Oh! dann schicken Sie nach mir: ich komme gleich. Карлсбадъ воскресилъ Блюхера, но бѣдный Шварценбергъ плохъ. Ce matin encore il m'a parlé de vous.

*

Карлсбадъ, 8-го Іюля 1819.

Вчера явился сюда Еремка Бонапарте; неважная фигура, рожа зеленая Корсиканская, всѣ за нимъ бѣгаютъ. Вообрази себѣ, за кого идетъ другая Растопчина, моя фаворитка Наташа? Не угадаешь никогда. За Митюшу Пластырника. Я очень радъ этому, и я жду, чтобы графъ мнѣ подтвердилъ. Они, конечно, будутъ счастливы. Оба милые.

Сегодня пріѣхалъ Коновницынъ, министръ военный, который въ Бауценѣ было умеръ, подавившись костью. 52 часа дышалъ съ трудомъ: не шла ни взадъ, ни впередъ. Теперь прошло.

*

Карлсбадъ, 9-го Іюля 1819.

Пишу тебѣ черезъ Вяземскаго, но это письмо пошлю прямо въ Москву. Здѣшній c'est beau меня увѣрялъ, что письма въ Москву доходятъ въ 20 дней. Увидимъ! Экой этотъ Ефимъ, медлитъ съ свидѣтельствомъ; я бы желалъ знать тебя безъ хлопотъ и преслѣдованія кредиторовъ и слышать возвратясь, что долгу у насъ поубавилось, т.-е. 10-процентнаго. Выдумка сестеръ незавидная. Что̀ за эмиграція! Лизанька слишкомъ молода, чтобы одной ѣхать, да и Муравьева сама слишкомъ молода, чтобы ее принимать; а Оленькѣ можно было выбрать другое время гостить у Фаста, а не тогда, какъ ты одинъ. Но съ женщинами труднѣе ладить, нежели со слонами. Я видѣлъ слона въ Дрезденѣ, который съ утра до вечера исполняетъ всѣ приказанія 9-лѣтняго маль-

чика для зрителей, и когда слонъ вмѣсто платка подаетъ шляпу, или не станетъ тотчасъ на колѣни просить прощенія, то мальчикъ его бьетъ. А что̀ женщина и что̀ слонъ? Ты помнишь, что̀ надѣлалъ слонъ въ Венеціи: цѣлый городъ поставилъ вверхъ дномъ. Какъ онѣ сдѣлали глупо, такъ ты умно сдѣлалъ, что имъ не перечилъ. Я пожурю ихъ за это въ свое время, особливо Оленьку, на которую это не похоже. Но полно о мамзеляхъ, поговоримъ о себѣ. Всякій изъ насъ и слонъ, и мальчикъ въ одно время. Я очень нетерпѣливъ знать тебя въ Свирловѣ, только прошу много ходить и не лѣниться, чтобы я нашелъ тебя здороваго; а между тѣмъ помышляй въ будущемъ году быть сюда: это тебя несказанно оживитъ. Для этого рода болѣзней Карлсбадъ спасеніе. Сожалѣю о бѣдной Олсуфьевой, но это можно было предвидѣть. А я слышалъ въ Варшавѣ, что Туркестанову уморилъ Лаптевъ (Фастовъ) отчаяннымъ письмомъ, которое ей написалъ и въ коемъ говоритъ, что онъ себя застрѣлитъ, видя ея равнодушіе къ положенію его, что она можетъ его спасти и пр. Ее это поразило, и она занемогла, но даже больною все просила всѣхъ о Лаптевѣ *). Благодарю за Московскія новости. Наташа мнѣ много пишетъ о тебѣ; я не могу тебѣ описать, какимъ сладкимъ чувствомъ наполняется сердце мое, читая, что̀ ты пишешь о ней, а она о тебѣ. Ничто не можетъ такъ способствовать счастію моему и здоровью, какъ видѣть согласіе и дружбу между вами двумя, которыхъ люблю болѣе всего на свѣтѣ. Я Наташу испыталъ 10 лѣтъ, а между мужемъ и женою одинъ годъ то, что̀ столѣтія съ другими; ее нельзя не любить, особенно же мнѣ. Я столько безчисленныхъ имѣю опытовъ страстной ея любви ко мнѣ и дружбы, и сколько ни шатался по свѣту, не находилъ ни одной ей подобной женщины; у нея есть даже мужскія добродѣтели. Она мнѣ говоритъ, что не выѣхала бы отъ тебя, что ты ее балуешь, какъ ребенка. Балуй, балуй, но не избалуй, смотри, у меня жены. Обрѣсковъ не постигаетъ, что я ей даю такую свободу; но и онъ не постигаетъ, что̀ Наташа.

Il y avait avant-hier un bal chez la pr-ce royale de Danemark. J'y ai été acosté par une dame qui me demanda ce que vous faisiez et comment vous-vous portiez, et elle y mit tant d'intérêt et me parla de vous avec tant de chaleur que je suis resté à coté d'elle tout le tems; cela m'a fait trouver le bal charmant. Je lui ai parlé de mon cher petit neveu, de votre manière de vivre, et j'ai su après que c'etait une c-sse Taun de Vienne. Aujourd'hui le c-te Witt donne un bal. Je me

*) Княжна Варвара Ильинишна Туркестанова, переписка которой съ Кристиномъ памятна читателямъ „Русскаго Архива“, скончалась въ Зимнемъ дворцѣ 20 Мая этого 1819 года.

suis retiré de celui du prince à 10 heures, car je suis tellement fait à mon genre de vie d'ici, qu'a 10 heures je baille déjà. Les étrangers sont très fêtés ici et surtout les Russes. Je ne puis vous dire comme tous ces princes me comblent de bonté, surtout celui de Meklenb.-Schwerin. Le jeune d. de Holstein-Augustenbourg, qui est frère de pr-sse r. de Danemark, est charmant tout-à-fait; il valse comme un ange. J'étais si étonné d'apprendre de lui qu'il allait à Heidelberg finir ses études. A propos d'études, encore une farce tragique. Un étudiant de Iéna arrive à Wisbaden, se présente chez m-r Übel, Regierungs-President et personage civil, lui reproche ses principes anti-libéraux. Celui-ci le fait asseoir et a la patience de montrer avec beaucoup de calme son erreur. L'étudiant, poussé à bout, tire un poignard et port un coup, qui ne fait qu'effleurer l'épaule. Übel, qui est robuste, désarme tout de suite le fanatique. Celui-ci tire un pistolet, veut le tirer dans sa bouche, mais la balle lui passe par-dessus la tête. Il est désarmé et livré à la justice. Каковы? Здѣсь военный начальникъ человѣкъ строгій, шутить не любитъ. Одного студента выслалъ за то, что онъ носилъ принятый ими странный костюмъ, о коемъ я тебѣ писалъ. Здѣсь, сказалъ онъ ему, здѣсь, въ Австріи, надобно отличаться не платьемъ, но поведеніемъ. Другой представилъ паспортъ, въ коемъ онъ наименованъ freyer Akademiker, говоря: съ этимъ паспортомъ цѣлая вселенная мнѣ отверста. Ступай туда, отвѣчалъ полицмейстеръ, гдѣ признаютъ твои правила; а кто въ Австріи, тотъ долженъ признавать ея законы. Въ ту минуту солдаты выпроводили молодца изъ города. Еремей Б. вчера ввечеру уѣхалъ отсюда. Я шелъ мимо, и онъ, сѣвши въ дормёзъ, закричалъ женѣ, державшей сына за руку: adieu, mes trésors! Онъ похожъ очень en laid съ желтою рожею и истасканнымъ тѣломъ на Жихарева. У Элизы все дѣлаются обмороки; намедни упала возлѣ меня, и сегодня ее рвало на Нейнбруннѣ, сидѣла, плакала, окруженная своею свитою. Князь Шварценбергъ слегъ, у него рожа на ногѣ; можетъ, это и къ лучшему, но вообще плохъ онъ и ходитъ, какъ молодой разслабленный Багратіонъ. Русскіе, да и всѣ вообще, оказываютъ ему великое уваженіе. А. П. Ермоловъ мнѣ подтвердилъ (а онъ изъ Парижа пріѣхалъ), что и другая дочь графа Растопчина, моя фаворитка Наташа, помолвлена. Отгадай за кого. За Митюшу Нарышкина. Каковъ! Онъ будетъ очень счастливъ; она прелюбезная, умѣла устоять противъ всѣхъ убѣжденій матери. Графъ даетъ ей 100 т. годового дохода. Эта, небось, не пошла за Француза. Пріѣхалъ Коновницынъ, но я его еще не видалъ. У Браницкой бываю чаще теперь, болѣе ознакомился; она тебя будетъ просить послать какія-то сѣмена дочери ея. Добрая, круглая баба и настоящая Россіянка. Воронцова любитъ какъ любовника.

Вообрази, что Виттъ привелъ сюда на три недѣли дрожки и лошадей изъ-подъ *Буга*. Нѣмцы удивляются пристяжкѣ и думаютъ, что это какой-нибудь Сибирскій звѣрь. Намедни онъ скачетъ, только вдругъ куча народа, и одинъ посмѣлѣе беретъ лошадь за поводъ и останавливаетъ.—Что̀ ты хочешь, братецъ?—Какъ, что̀ хочу? Жизнь вамъ спасти: вы видите, что лошади васъ бьютъ. Виттъ поблагодарилъ, засмѣялся и погналъ еще шибче прежняго, а Нѣмцы со страхомъ и удивленіемъ смотрятъ ему вслѣдъ. C'est une bonne anecdote, n'est-ce pas?—Съ здоровьемъ идетъ порядочно. Волковъ болѣе пьетъ и потому пускается часомъ прежде меня въ Спрудель. Я люблю послѣ дѣлать длинную прогулку, а онъ не жалуетъ ходьбы по горамъ; я же лазю вездѣ и потому завтракаю только въ 10, а иной и въ 11 часовъ, а онъ прежде. Обѣдаемъ всегда дома и ѣдимъ очень умѣренно. Я коротко познакомился съ Ѳ. П. Уваровымъ. Онъ очень основательный, добрый человѣкъ и умно судитъ о вещахъ. Я тебѣ сообщу все это въ свое время. Впрочемъ, журналъ мой ведется очень исправно. Московская книга уже исписана; здѣсь купилъ и пишу уже второй томъ. Нѣтъ вѣрной оказіи, а то бы послалъ вамъ ту книгу.

*

Карлсбадъ, 4-го (16) Іюля 1819.

Въ трехъ недѣляхъ почти, что̀ мы здѣсь, много ежели было четыре дня хорошихъ, а то все холодно и дождь льетъ. Ночью, закрываясь твоимъ капотомъ, вспоминаю тебя и благодарю. Бачіоки была сегодня у водъ въ бархатной собольей шубѣ, а много Поляковъ въ Крымскихъ барашкахъ. Это, видно, проказничаетъ комета, которая всякій вечеръ очень видна здѣсь къ Западу.

Здѣсь Бутягинъ съ женою; но онъ что-то странно себя ведетъ, не знается ни съ однимъ Русскимъ и онымъ не называетъ себя ни на карточкахъ, ни въ печатной описи пріѣзжихъ. Je n'ai pas voulu faire des démarches le premier, ne me souciant pas de sa connaissance. J'ai répondu à sa carte par une carte, et voilà tout. Je le rencontre aux eaux et aux promenades, comme si je ne savais pas que c'est lui.—Nous devions ce matin aller à Marienbad avec Ѳ. П. Уваровъ, le c-te Witt, un Anglais Werry et moi; mais le mauvais tems nous a fait remettre la partie; nous allons jusqu'a Schlakenwald en calèche et de là à cheval pour abréver le chemin et revenir le même jour à Karlsbad. J'ai recu hier une lettre de c-te Rastopchine, qui m'annonce le mariage de ses deux filles avec le comte Eugène Ségur, petit-fils de celui qui était ambassadeur à Pétersb., un beau jeune homme qui aura 60 m. livres de rente avec une belle terre près de Paris. Natalie, ma favorite, est fian-

cée avec Митюша Narichkine; cela me fait le plus grand plaisir. Le comte n'attend que la permission de l'Empereur pour célébrer les deux noces. Il paraît que son fils aîné va mal et lui donne beaucoup de chagrin. Serge, dit-il, est un fléau pour moi, et je trouve que les pères qui ont perdu leurs enfants dans cette dernière campagne ne sont pas les plus malheureux. Изъ знакомыхъ здѣсь еще князь Павликъ Сапѣга; состарился, и онъ меня тѣмъ же попотчивалъ. Жена его, бывшая p-sse Franconi, будетъ сюда изъ Теплица. Коновницынъ велѣлъ тебѣ кланяться. Пріѣхалъ также кн. Ив. Бор. Куракинъ, никуда не ходитъ и все сидитъ подъ окошкомъ, да признаетъ прохожихъ.—Hier il m'est arrivé un tour pendable. Je vois de loin dans la rue l'aide-de-camp d'Ouvaroff, Bekhtéyeff, qui parlait à deux dames, et un autre m-r. Je m'approche doucement et lui donne une tappe sur l'épaule de toutes mes forces; il se retourne brusquement, mais quel est mon étonnement quand au lieu de B. je vois une figure inconnue. Confus, interdit je m'excuse, disant que je l'avais pris pour un des mes amis m-r B.—Ja! répondit il, wenn ich auch einmal sollte sehen den Herrn, dessen Nahmen ich nie werde aussprechen können so werde ich ihm nicht übergeben die Zärtlichkeit (en se grattant l'épaule), mit der sie mich geehrt haben. Il se mit à rire lui-même, les dames aussi, et il me prie de rire en disant: so lachen Sie doch auch, der Spass ist nicht übel. J'appris que c'était un acteur d'ici, grand bouffon. Ce matin il m'apporta une affiche et une grande feuille, par laquelle il m'assure que la direction me dédie les deux journées qu'on donne ce soir et qu'on m'envoye un billet de loge. Далъ два червонца, нечего дѣлать.

*

Карлсбадъ, 8-го (20) Іюля 1819.

Ѣздилъ я съ Ѳ. П. Уваровымъ, Виттомъ и Werry, тебѣ знакомымъ Англичаниномъ, въ Маріенбадъ; верхомъ продули мы верстъ 70. Ну, ужъ и усталъ я; ложась спать вчера, садился въ ванную, которая очень меня освѣжила.

J'y ai vu Menchikoff Nicolas qui m'a dit, qu'il supposait la commission de Marie touchant les souliers déjà faite. Il est devenu un vrai philosophe, étudie la nature, la politique et la littérature allemande surtout. Les eaux de Marienbad lui ont fait avoir des vomissemens de bile gâtée et de sang calciné. Il se sent mieux comme de raison. Cela l'a sauvé d'une fièvre chaude putride, mais il est faible. Il va passer l'hyver à Naples, de là il ira en Gréce, en Sicile, à Constantinople etc. J'ai vu aussi là bas Louis Buonaparte, qui vit très retiré sous le nom de c-te de S-t Leu. Il a l'air bien chétif et malade et était, à ce qu'on dit, en-

core plus mal en arrivant de Rome. Celui-ci n'imite pas Jérôme, qui ne peut pas encore renoncer à sa grandeur passée. На немъ затасканный синій сюртучишка, весь сгорбившись, блѣдный, но глаза умные.

Тебя насмѣшили наши фарсы, такъ вотъ тебѣ еще ingénuité моего Васьки, который не понимаетъ, откуда берутъ столько собакъ и зачѣмъ ихъ таскаютъ на продажу въ сундукахъ. Здѣсь много дѣлаютъ и дешево продаютъ кружева; безпрестанно ходятъ дѣвченки и бабы, предлагая купить *feine Spitzen*, а Васька ихъ гоняетъ, говоря: убирайтесь съ вашими шпицами, куда намъ собакъ на дорогу? Хотя я имъ очень доволенъ, но жалѣю теперь, что тебя не послушалъ; ежели бы не взялъ я его съ собою, намъ бы вездѣ запрягали двѣ лошади вмѣсто трехъ, а гдѣ и четырехъ. Впрочемъ, нельзя мнѣ остаться и одному, когда Волковъ поѣдетъ въ Эгру.

Сюда все наѣзжаютъ: вчера пріѣхала съ большою свитою наша принцесса Витебская-Виртембергская*), а сейчасъ пріѣхалъ Меттернихъ. Въ Германіи есть нѣкоторое волненіе въ умахъ. Я тебѣ писалъ о покушеніи въ родѣ Зандова на одного чиновника въ Висбаденѣ; убійца не хочетъ принимать пищи, желая умереть голодною смертью. Другая новость, всѣхъ занимающая, это заговоръ, открытый въ Берлинѣ и коего цѣлью было сдѣлать изъ всей Германіи одну республику. Изъ цѣлой Германіи заговорщики должны были съѣхаться въ Берлинъ 16-го Октября, чтобы тамъ рѣшить, какъ это привести въ исполненіе. Напрасно не дождались этого срока, чтобы всѣхъ имѣть въ рукахъ. Въ Берлинѣ арестованъ извѣстный профессоръ Jann, какой-то книгопродавецъ Reymann и многіе другіе. Прусскій король въ самое время бала въ Теплицѣ получилъ это извѣстіе. Экой народъ! Развернулись тихіе Нѣмцы. Сюда пріѣхалъ славный сочинитель Pucitta съ пѣвицею Парижскою, mad. Féron. Завтра дастъ концертъ. Нетерпѣливъ я слышать хорошее пѣнье.

*

Карлсбадъ, 14/26 Іюля 1819

Увы, я осиротѣлъ! Волковъ кончилъ здѣсь свой курсъ и выѣхалъ въ Эгру оканчивать науки.

Я познакомился съ Меттернихомъ, который меня очень обласкалъ, тотчасъ много распросилъ о тебѣ. J'espère, dit-il, que m. votre frère ne m'a pas oublié tout-à-fait. Je répondis, qu'un diplomat comme vous ne pouvait pas oublier le congrés de Vienne, encore moins celui qui y avait joué le *principale* rôle! Каково махнулъ? А мы это любимъ таки. Потомъ говорили о Каподистріи, водахъ здѣшнихъ и пр. Онъ очень пріятенъ

*) Супруга младшаго изъ братьевъ императрицы Маріи, жившаго въ Витебскѣ. (Великій князь Михаилъ Павловичъ звалъ его дядюшкой Лупандинымъ, потому что на лбу у него была шишка, по французски loupe).

тенъ и на Нѣмца не похожъ. Князь Шварценберъ выходитъ, но слабъ. Третьяго дня долго мы говорили вмѣстѣ. Я его утѣшалъ надеждою на будущее время. «Вѣрно, когда видалъ я васъ въ 1809 году въ Петербургѣ, вы и не думали, что, командуя арміями всей Европы, вы войдете въ Парижъ, а это случилось же. Богу все возможно, и вы будете здоровы». Il me prit par la main et me dit avec un accent qui me toucha: Non, mon cher m-r B., *je ne suis plus de ce monde.* Меттернихъ ѣдетъ въ ночь въ Теплицъ для переговоровъ съ Прусскимъ королемъ. Весьма важныя сдѣланы открытія касательно Германскаго заговора; они ужасны; все основано на кровопролитіи и обдумано. Студенты первый классъ составляютъ, они токмо слѣпые исполнители приговоровъ второго класса. Всѣхъ классовъ четыре, но 3-й и 4-й неизвѣстны: не знаютъ ни ихъ членовъ, ни власть и обязанности начальниковъ. Ежели бы не открыли это теперь, много пало бы жертвъ въ Августѣ и Сентябрѣ. Надобно думать, что приступятъ къ строгимъ мѣрамъ. Жизнь многихъ царствующихъ главъ въ Германіи подвергалась опасностямъ великимъ. Въ Австріи очень мало заговорщиковъ, студентовъ выгоняютъ безъ церемоніи. Вейгель мнѣ сказывалъ, что Реманъ нанялся къ Демидову на четыре года за 20000 серебромъ; но правда и то, что онъ его на ноги поставилъ. Я часто теперь бываю съ Бутягинымъ; онъ милъ мнѣ потому, что все говоритъ о тебѣ, fratre, и любитъ тебя; жена его ростомъ съ Софью Сергѣевну, умна, мила и веселаго нрава. Я сегодня у нихъ завтракалъ. Выигрышъ Парижскаго процесса стоилъ ему всѣ его бриліанты, да деньгами тысячъ 30. За то получилъ полмилліона чистогану. Каталанша въ Берлинѣ и будетъ къ вамъ въ Москву. Вели ей меня дождаться; ежели найду ее гдѣ нибудь на дорогѣ въ корчмѣ, кинусь въ ноги и буду просить, чтобы потѣшила меня. Вотъ письмо, которое гр. Браницкая проситъ тебя доставить Небольсиной. Меня подзываетъ ѣхать съ собою Ѳ. П. Уваровъ въ Эгру. Ежели не позже поѣдетъ 4-го Августа, то я съ нимъ охотою поѣду.

*

Карлсбадъ, 3 Августа 1819 н. с.

Письмо твое № 7 отъ 23 Іюля получилъ очень скоро, любезный братъ, и оно пришло очень кстати въ минуту, въ которую мнѣ очень грустно было по Москвѣ. Я шелъ домой съ тѣмъ, чтобы разсѣять себя писавши къ вамъ, какъ вдругъ слышу пистолетный выстрѣлъ. Вышло, что молодой Полякъ, именемъ Чіосновскій, племянникъ графа Понятовскаго, застрѣлился недалеко отъ нашего дома. Онъ страдалъ ипохондріею и въ несчастную минуту вмѣсто водъ попробовалъ пороху. Я еще вижу его бѣднаго обагреннаго кровію своею. Тотчасъ явились

доктора, которые стали ему пилить черепъ, чтобы найти причину смерти во внутреннемъ расположеніи головы, ибо въ той же семьѣ еще двое застрѣлились прежде. Это приключеніе еще болѣе меня разстроило. Я сѣлъ писать къ женѣ, чтобы развеселить себя, но не было удачи, покуда не принесли Московскій пакетъ. Увидя твою руку, все прошло, вскочилъ со стула, ну распечатывать, ну читать, ну радоваться.

И у васъ, видно, не безъ проказъ. Здѣсь стрѣляются, а у васъ тонутъ. Жаль бѣднаго Ефимовскаго, онъ былъ порядочный малый. О братѣ его не тоже говорятъ; лучше бы ему утонуть, а еще лучше никому. Во всемъ воля Божія!

Всѣ жалуются на Карлсбадъ кромѣ меня. Ермоловъ, чтобы не сдѣлать какъ Полякъ, вдругъ отсюда уѣхалъ. Дурная погода много вредила дѣйствію водъ; но я всегда шатался, не смотря ни на какое время. Даммъ говоритъ, что это ничего, что я послѣ увижу, какую пользу почувствую отъ водъ. Это одно могло вознаградить скуку быть съ тобою въ разлукѣ, не смотря на безпрестанную разсѣянность, на чрезмѣрное дружеское обхожденіе со мною всѣхъ Нѣмцевъ вообще и особенно нашихъ Русскихъ. Завтра пью послѣдніе стаканы и вѣнчаю лѣченіе свое, которое слѣдовалъ я очень тщательно.

Ты спрашиваешь о Каподистріи. Онъ долженъ быть на обратномъ пути. Генцъ (который тебѣ много кланяется, онъ и графъ Мерси, оба обѣдали со мною у Кауница) сказывалъ мнѣ, что нашъ добрый Каподистрія хуже прежняго. Меттернихъ желалъ съ нимъ видѣться, но К. ему отвѣчалъ à peu près: il m'est impossible d'aller vous chercher, car je ne puis dévier de ma route... Le séjour de Korfu a beaucoup affecté sa morale, et il paraît que son séjour aux eaux près de Vicence a été de trop courte durée pour avoir pu lui faire de bien.

Третьяго былъ я на thé dansant у кн. Шварценберга; онъ давалъ его для 84 лѣтняго duc Albert. Очень было весело, потому что кн. Ѳедоръ Голицынъ взялся анимиривать; и Нѣмцы и мы такъ расплясались что любо. Было жарко, и мнѣ не хотѣлось танцовать, но не могъ отказать доброму фельдмаршалу, который просилъ меня вальсировать съ принцессою Ангальтъ-Кетенскою; мастерица и прекрасная женщина; она сестра de côté gauche короля Прусскаго; а тамъ вальсировалъ я съ нашею Витебскою Виртембергскою принцессою Маріею, съ которою много говорилъ о Велижѣ и Бѣлоруссіи. Меттернихъ воротился изъ Теплица, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ и совѣщанія на счетъ Германскаго заговора, который не шуточенъ; много открыто, но еще болѣе во тьмѣ.

Франценсбруненъ, близъ Эгры, 9 Августа 1819 н. с.

Ну, брать, попался я въ просакъ! Пріѣхалъ сюда молодцомъ за Волковымъ. Вчера вдругъ оказалась пресильная подагра въ обѣихъ ногахъ, такъ что я долженъ лежать въ постелѣ; отъ сего очень неловко писать, но лучше, чтобы ты все узналъ отъ меня самого. Докторъ мой радуется моей подагрѣ какъ будто дѣлу. Теперь выходитъ, что всѣ недуги происходятъ отъ disposition goutteuse, qui cherchait à se faire jour. Il me jure que je serai guéri radicalement et m'a cité plusieurs exemples de l'année passée. Tout cela est très agréable, mais je souffre comme un damné. Мнѣ такую же шерсть кладутъ на ноги, какъ тебѣ въ Петербургѣ я клалъ. Маленькой Небольсинъ ухаживаетъ за мною, какъ братъ; не могу имъ нахвалиться. Добрый мальчикъ! Волковъ поѣхалъ на два дня въ Карлсбадъ; то-то выпучитъ глаза, найдя меня въ постели. Здѣшнее мѣсто мало и довольно скучно. Еремка и Лудовикъ Бонапартъ здѣсь. Послѣдняго привезли на тюфякахъ, а теперь онъ ходитъ, качаясь.

*

6 (18) Августа.

Увы! Пешманъ отсюда отходитъ черезъ два мѣсяца. Онъ вылѣчилъ Элизу Бачіокшу отъ подагры въ груди и желудкѣ, и à force d'argent она согласила его быть ея лейбъ-медикомъ и переселиться въ Тріестъ. Это незамѣнимая потеря для здѣшнихъ больныхъ. Мы всѣ Русскіе даемъ ему славный аттестатъ. Пожалуй, братъ, позови Гизетти и скажи ему, что я не могу его довольно благодарить за Лейпцигскаго банкира Фрезе, который по первому моему востребованію прислалъ мнѣ съ эстафетою, зная, что я боленъ, 265 червонныхъ при самомъ учтивомъ письмѣ. Не забудь же. Увы! Завтра остаюсь одинъ, разлучаюсь съ Волковымъ. Онъ ѣдетъ въ Монпеллье.

Сегодня надѣлъ я сюртукъ въ первый разъ. Время безподобное, я велѣлъ открыть окно и поглоталъ нѣсколько чистаго воздуха. Какъ скоро въ силахъ буду одѣться, то ходить буду часто къ княгинѣ Горчаковой; и она и дочь ея княжна Софи очень милы и добры, а онѣ живутъ въ одномъ домѣ и въ одномъ этажѣ со мною; только перейти черезъ коридоръ.

*

Франценсбруненъ, близъ Эгры, 10 (22) Августа 1819.

Благодареніе Богу! Я могу опять дѣйствовать свободно правою рукою и доставить себѣ ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе къ тебѣ писать.

Докторъ Пешманъ въ страшномъ восхищеніи пишетъ исторію моего лѣченія, которая будетъ помѣщена въ описаніи здѣшнихъ водъ. Онъ не понимаетъ, какъ я существовалъ со всею тою дрянью въ кишкахъ, на легкомъ и въ брюхѣ; а есть люди въ Москвѣ, которые не понимаютъ, зачѣмъ я поѣхалъ сюда, или лучше, которые думаютъ, что я придрался къ здоровью, чтобы порыскать и повеселиться. Знаютъ же они мое сердце! Гдѣ я могу быть счастливѣе Москвы? Тамъ для меня все въ свѣтѣ! По ихнему мнѣ околѣть въ домѣ Шутельворта; но Богъ меня не выдалъ: Онъ мнѣ вложилъ въ душу поѣхать съ Волковымъ, чтобы совершенно переродиться.

Я не могу нахвалиться довольно Русскими, которые здѣсь; всѣ дежурятъ у меня безпрестанно: генер. Эмме, Мантейфель, Реадъ, князя Волконскаго адъютантъ, Любомирскій, а особливо добрый Небольсинъ меня навѣщаютъ цѣлый день; сядутъ около постели, станутъ болтать, такъ, право, забудешь о боли.

*

14 (26) Августа.

Хожу по комнатамъ довольно бодро. Теперь пойдетъ скорѣе выздоровленіе, и я прошу Волкова дорогое время не терять и ѣхать въ Монпеллье, но онъ ждетъ все денегъ моихъ изъ Лейпцига и чтобы я написалъ надпись, приличную для монумента Сергѣя Ивановича Плещеева [1]) въ Монпеллье, но ничего не родится изъ башки моей.

Сегодня былъ у меня, кто же! Старый Шнаубертъ, Іенскій профессоръ и отецъ Московскаго Шнауберта-доктора. Узнавъ, что мы изъ Москвы, онъ пришелъ узнать отъ насъ о сынѣ своемъ и, услыша, въ какомъ онъ ходу въ Москвѣ, старикъ почти плакалъ отъ радости. Я чаю, лѣтъ за 70, а женился на другой женѣ и имѣетъ славнаго мальчика лѣтъ 9. Скажи это Обрѣскову, а онъ передастъ Шнауберту. Старикъ сказывалъ, что Іена лишилась лучшаго профессора препаратовъ, ибо Лодеръ выписалъ его въ Москву, дабы поставить и вычистить кабинетъ, который онъ въ казну продалъ. Скажи это Лодеру и поблагодари его, что и онъ меня наставилъ на Карлсбадъ.

Спасибо доброму барону Б. Б. Кампенгаузену: всякій день сидитъ у меня по часамъ и говоритъ дѣло. Сегодня согласились мы, что безъ всякаго пристрастія Россія земной рай, и подлинно: вездѣ вижу бѣдность, ропотъ, развратъ въ нравахъ и умахъ. Славны бубны за горами. Въ Карлсбадъ пріѣхала гр. Воронцова [2]), мать Ванишина. Ежели Богъ дастъ выздоровѣю, съѣзжу ее навѣстить. Головкинъ прислалъ изъ Швейцаріи курьеромъ Обрѣскова (что дѣлалъ намъ банкъ въ Пе-

[1]) Другъ императора Павла, морякъ С. И. Плещеевъ, род. 1752, ум. 1802.

[2]) Графиня Ирина Ивановна, ур. Измайлова, бабка графа Иларіона Ивановича Воронцова-Дашкова.

тербургѣ) къ Меттерниху. Въ Карлсбадѣ конгрессъ все продолжается насчетъ дѣлъ Германскихъ. Сами министры иностранныхъ дѣлъ, Австрійскій, Прусскій, Баденскій, Ганноверскій, Виртембергскій туда явились, а отъ прочихъ дворовъ министры. Алопеусъ *) хотѣлъ тутъ роль играть, но Меттернихъ его оттеръ, и онъ, поживши подъ видомъ водъ, уѣхалъ опять въ Берлинъ. Неизвѣстно, что̀ рѣшено и какія взяты будутъ мѣры; только по обыкновенію Прусскаго двора не кажется, чтобы думали брать сильныя мѣры, а это придастъ бодрости противной сторонѣ. Удивительно, какъ далеко идетъ ослѣпленіе или фанатизмъ.

*

Франценсбрунненъ, близъ Эгры, 7 Сентября 1819.

Я сочинилъ для Неймана краткую записку жизни моей и особенно болѣзней, которымъ былъ подверженъ съ ребячества. Онъ по этому сообразитъ наставленія свои, какъ мнѣ впредь себя вести, чтобы быть совершенно здоровымъ. Я начинаю привыкать къ Волкова отсутствію. Лишился я и добраго Реада, адъютанта князя Петра Мих. Волконскаго, котораго дружбою я нахвалиться не могу, хотя только здѣсь познакомился съ нимъ. Онъ безпрестанно былъ у меня и всячески меня покоилъ. Принудилъ взять теплый его халатъ, узнавъ, что я онаго не имѣю; однимъ словомъ, нѣтъ попеченія, коего бы онъ не имѣлъ обо мнѣ. Теперь вижу я только барона Кампенгаузена, спасибо и ему: всякій день меня навѣщаетъ, и я провожу часа два въ пріятномъ разговорѣ. Впрочемъ, хотя я много одинъ, но скучно не бываетъ: читаю, пишу письма, журналъ, поправляю Записки славнаго Метаксы, обѣдаю, беру лѣкарства, ванны, завтракаю, пью чай, посвистываю, попѣваю себѣ пѣсенки, и эдакъ время проходитъ нечувствительно.

Какъ скоро силы позволятъ, поѣду во Франкфуртъ, черезъ Лейпцигъ: надобно видѣть тотъ городъ, гдѣ всѣ арміи Европы сошлись на одной площади и гдѣ устроили первую станцію путешествія на Св. Елену. Тамъ или во Франкфуртѣ куплю колясочку, безъ которой обойтись не могу, съ тѣхъ поръ что разлученъ съ Волковымъ. Я все увѣренъ, что найду его въ Парижѣ. Онъ объ этомъ намекалъ. Ему туда смертельно хочется, а есть причины, кои его удерживаютъ отъ этой поѣздки. Я думаю, одна изъ нихъ Софья Александровна: онъ что-то слишкомъ много пестрилъ къ ней бумаги, я думаю все готовилъ ее. Да что̀ тутъ за церемоніи? Я въ Москвѣ еще сказалъ, что легко быть можетъ, что заверну съ визитомъ къ Шредеру и Растопчину; но Волковъ чувствуетъ, что, зная его въ Парижѣ, махнутъ рукою, какъ о

*) Нашъ посолъ при Прусскомъ дворѣ.

пропащемъ человѣкѣ. (Между нами) И онъ мнѣ покаялся, говоря: «Вѣдь я себя знаю, попадусь туда, такъ ужъ не вырвусь, загуляю!» Какъ не имѣть болѣе власти надъ собой? Я и моложе, но ручаюсь (особенно послѣ этой болѣзни), что не позволю себѣ ничего лишняго или вреднаго; а виноватъ, хочется посмотрѣть на этотъ чортовъ городъ.

Какъ я доволенъ своимъ Ваською, не могу тебѣ сказать. Вотъ ты говорилъ, на что̀ брать человѣка: у Волкова есть. Я бы пропалъ! Какой бы наемный могъ замѣнить своего Русскаго? Онъ одинъ славно за мною ходитъ: варитъ кофій, чай, бульонъ, сажаетъ въ ванную, даетъ лѣкарства, одѣваетъ, однимъ словомъ, все дѣлаетъ. Ужъ спасибо ему: въ Россіи все это ему воздастся.

*

7 Сентября, о sia *26 Августа!*

Надѣваю сапоги, фракъ, сюртукъ (капотъ твой несетъ за мною Васька), иду со двора. Какое блаженство видѣть небо, дышать свѣжимъ воздухомъ! Я гулялъ съ часъ, два раза отдыхалъ. Былъ въ паркѣ; встрѣтилъ княгиню и княжну Горчаковыхъ, которыя стали на меня креститься; находятъ, что я похудѣлъ, но лицо гораздо здоровѣе. Я совсѣмъ не усталъ отъ первой этой прогулки, но за то съ какимъ аппетитомъ обѣдалъ!

Скажи Метаксѣ, чтобы къ моему пріѣзду были портреты Ушакова и Али-Паши; тогда примусь тотчасъ печатать первую часть.

*

Франценсбрунъ, близъ Эгры, 9 Сентября 1819 н. с.

Во Франфуртскихъ газетахъ всегда есть статьи изъ Россіи. Я читалъ тамъ смерть бѣднаго Козодавлева. Кого-то вамъ дадутъ? А мнѣ жаль покойника, по хорошему его къ тебѣ расположенію. Тебя вѣрно это искреннѣе огорчило, нежели господина c'est beau! Овдовѣла моя Анна Петровна, осиротѣла наша Сѣверная Почта! Я очень радъ Рибопьеровой лентѣ: къ нему пристанетъ.

Ходя по парку здѣсь, нахожу много грибовъ, славные, осиновые; нагибаюсь, чтобы одинъ сорвать, женщина беретъ меня за руку и говоритъ: Nu! lassen sie bleiben, dass ist ja Gift! Экіе дураки! Я никакъ не могъ ей растолковать, что у насъ это ѣдятъ, и это одинъ изъ лучшихъ сортовъ. Такъ прошу не чваниться грибами Свирловскими; ты видишь, что у насъ осиновые считаются между погаными. Я Керестурію послалъ уже и отвѣтъ на его письмо черезъ тебя, а Метаксѣ напишу на досугѣ. Ужъ даетъ мнѣ работу его мараніе. Cela n'a ni

queue ni tête, et il y a des moments où en vérité je suis presque fâché, que mon ouvrage s'embellira de son nom illustre. Je vous assure que cela sera très intéressant, malgré la stérilité du sujet.

Я что-то не помню полковника Александрова. Ты говоришь, что онъ весельчакъ. Ахъ онъ собачій сынъ, да онъ у меня лавочку перебиваетъ. Нѣтъ, пожди, станемъ шутить вдвоемъ, да ужъ и Чумагу[1]) возьмемъ въ подмастерье! Я вижу по Франкфуртскимъ газетамъ, что Guttenbrunn умре и что продаются съ аукціона его картины.

Я получилъ сію минуту письмо отъ Волкова отъ 5 Сентября изъ Штутгарта; ѣдетъ скоро, хорошо, здорово, но тоскуетъ по мнѣ, какъ голубокъ по голубкѣ. Пишетъ, что Козловскій[2]) гадокъ, умничаетъ, важничаетъ. Онъ обѣдалъ у Константина Бенкендорфа, тамъ и Алопеусъ, тесть его. Онъ тотчасъ ѣдетъ, не представляясь королю.

Это посылаю черезъ Вяземскаго.

*

Франценсбрунъ, 3 (15) Сентября 1819.

Мнѣ эта дыра такъ огадилась, что не вижу минуты отсюда выѣхать. Можетъ быть, отсюда писать уже не буду, то первое письмо будетъ изъ Франкфурта, гдѣ увижу милаго Воронцова[3]) и, конечно, найду письма. Охъ, карману было туго здѣсь! Пешману подарилъ я 30 ℔ при очень ласковомъ письмѣ. Онъ очень доволенъ и еще болѣе старается около меня. Я нанялъ славную коляску до самаго Франкфурта, куда меня доставятъ въ три дня.

*

Franzensbrunn, 13 (25) Septembre 1819.

Увы, я все еще здѣсь, любезный братъ, и сожалѣю, что въ послѣднемъ моемъ письмѣ поторопился извѣстить тебя объ отъѣздѣ своемъ во Франкфуртъ, къ чему все было приготовлено.

Вотъ пять дней, что боль въ лѣвой ногѣ не позволяетъ мнѣ надѣть сапога... Признаться хотѣлъ я все-таки ѣхать, окутавъ ногу какъ нибудь, думая, что лучше побыть лишнее время въ туфлѣ съ милымъ Ванишею, нежели во Франценсбруннѣ, который мнѣ огадилъ. Но докторъ Пешманъ очень меня просилъ этого не дѣлать, тѣмъ болѣе что погода нехороша. Нечего дѣлать! Надобно было убѣдить себя всѣми

---

[1]) Грекъ Трандафилъ Чумага, долго жившій въ Москвѣ и выполнявшій разныя порученія богатыхъ людей; позднѣе онъ былъ довѣреннымъ лицомъ графа С. С. Уварова.

[2]) Т. е. князь Петръ Борисовичъ. См. о немъ въ письмахъ Булгакова изъ Неаполя.

[3]) Т. е. молодаго графа Ивана Илларіоновича, котораго Булгаковъ зоветъ Ванишею.

хорошими причинами и остаться. Не смѣю сказать, что пальцу лучше, чтобы себя не сглазить, но не имѣю еще бодрости попробовать сапогъ. Къ моей бѣдѣ и почтовая экспедиція убралась, ибо всѣ разъѣхались отсюда; писать можно только разъ въ недѣлю, ловя проѣзжающую Прагскую почту. Ну ужъ погодка! Чтеніе, газеты и писаніе—вотъ мои отрады.

Вчера является ко мнѣ незнакомый, говоритъ: je connais les rapports de votre famille avec mon oncle; votre cher frère m-r Constantin m'a toujours témoigné de l'amitié; je sais à présent seulement que vous étiez ici; je viens vous présenter mes hommages, mes services. Кто же это? Поццо-ди-Борго, племянникъ Парижскаго, служащій маіоромъ въ Австрійской арміи и женившійся на богатой Прагской дворянкѣ. Онъ пріѣхалъ изъ Парижа, куда ѣздилъ навѣстить сына, котораго Поццо, министръ, взялъ на воспитаніе. Я очень радъ этой находкѣ, мы поболтали часа два. Онъ не глупъ очень, разсказывалъ много о Парижѣ.

Шредеръ и вся миссія живутъ у Поццо, rue d'Artois. Противъ посольскаго дому есть славный трактиръ, кажется de l'Europe ou des Princes; тамъ намѣренъ я стать (хотя я и не князь). Изъ здѣшняго скучнаго мѣста нечего сказать. Авось Богъ позволитъ, чтобы это было послѣднее письмо; изъ Франкфурта буду писать болѣе, да и духъ будетъ веселѣе. Полетика прибылъ благополучно въ Америку, высадился 23 Іюля въ Mount Vernon, гдѣ положенъ Вашингтонъ. Онъ велѣлъ тотчасъ отрубить сукъ отъ дерева, покрывающаго прахъ славнаго Американца, и сдѣлать изъ него трость съ надписью. Газетчикъ замѣчаетъ, что министръ вѣрно пошлетъ это своему Государю. Вотъ каковъ нашъ Полетика, а Лизанька пусть разъѣзжаетъ по Ефимовскимъ, гдѣ не найдетъ ни Вашингтоновъ, ни Полетиковъ! Меня огорчилъ пронесшійся слухъ о смерти почтеннаго Блюхера. Дай Богъ, чтобы не правда была, но и въ Карлсбадѣ былъ онъ довольно дряхлъ. Читалъ ты въ № 262 Франкфуртской газеты отвѣтъ Растопчина на статью, помѣщенную объ немъ въ Journal des Débats? Cela lui ressemble*).

*

Франкфуртъ, 26 Сентября (7 Октября) 1819.

Я себя зашилъ въ фланель, надѣлъ двѣ пары чулокъ бумажныхъ съ шерстью, такіе же карпетки, сшилъ нарочно сапоги, кои бы годились Голіаѳу, велѣлъ подложить въ подошву какой-то Лейпцигскій войлокъ, отъ котораго, право, горятъ ноги, окутавшись въ твою шинель, перекрестясь, 1 Октября, въ Пятницу, нанялъ покойную коляску, пу-

*) Ни статья, ни отвѣтъ на нее намъ неизвѣстны. П. Б.

стился въ путь по прекрасной погодѣ. Только что выѣхалъ, ожилъ совершенно. Все меня веселило, ухабы не безпокоили. Я поѣхалъ въ Александербадъ, обѣдалъ тамъ, осмотрѣлъ каменныя достопамятности и ночевалъ, думая, что въ первый день не худо себя понѣжить и не надѣяться на храбрость свою. Спалъ, какъ убитый, всталъ бодръ, напился кофе, время опять безподобное, пустился далѣе. 2-го числа обѣдалъ въ *Барейтѣ*, ночевалъ въ *Бамбергѣ*, 3-го ночевалъ въ *Вирцбургѣ*, 4-го въ *Ашафенбургѣ*, а 5-го, около полудня, прибылъ сюда, не постигая причины, послѣдовавшей въ здоровьѣ моемъ и не чувствуя и малѣйшей усталости: все хорошо, все въ порядкѣ. Болей нѣтъ, а маленькая слабость, которую чувствую въ членахъ, всякій день уменьшается.

Здѣсь Голицынъ князь Василій Серг., опредѣленный къ Анстету и съ которымъ я только въ Карлсбадѣ познакомился, гдѣ онъ взялъ съ меня слово, что буду жить у него, принялъ меня какъ стараго друга, далъ лучшую комнату и пр. Ну, ужъ какъ мнѣ обрадовался Ванюша! Какъ мы цѣловались, о тебѣ говорили, и какъ его всѣ любятъ! Онъ ѣдетъ съ матерью 15-го въ Петербургъ, куда отозванъ Государемъ самымъ лестнымъ письмомъ отъ Нессельрода. Мать очень мнѣ обрадовалась. Анстетъ принялъ меня дружески. Я къ нему явился небритый, немытый, въ сюртукѣ, какъ былъ въ дорогѣ; думалъ его найти одного и въ постели, вмѣсто того онъ уже на ногахъ, и у него графиня Воронцова, Ваниша, нѣсколько мужчинъ и кто же еще? Henriette, твоя Вѣнская мученица. Я тутъ провелъ очень весело часть вчерашняго вечера. Анстетъ даетъ для меня обѣдъ (6 числа) и клялся, что ce sera un dîné des malades. Я не вѣрю, но, впрочемъ, меня ничѣмъ не поддѣнешь: я здоровье свое сталъ любить какъ другую жену или брата. Сокомъ вышелъ мнѣ опытъ этотъ. Анстетъ все тотъ же, похожъ тѣломъ и походкою на Людовика XVIII, изволитъ хвастать. Напримѣръ, говорилъ вчера: Je ne sais pas si je vaux quelque chose, mais j'ai formé des sujets distingués à l'Empereur; je laisserai des souvenirs après moi, j'ai d'abord à citer votre frère Constantin, maintenant j'envoye à Pétersbourg Worontzow, autre sujet distingué.

Сію минуту входитъ ко мнѣ Ваниша; прибылъ курьеръ изъ Петербурга, привезъ Анстету пребогатую бриллiантовую Александровскую звѣзду. Кстати обѣдъ, поздравилъ. Государь позволилъ Ванишѣ принять и носить большую Баденскую ленту Цирингена черезъ плечо, со звѣздою. Хотя она иностранная и черная съ желтою каймою (de gustibus non est disputandum!), но все пріятно это въ его лѣтахъ. Онъ меня замучилъ вопросами о тебѣ, и я его люблю душевно, потому что

онъ тебя любитъ душевно. Теперь стану пить кофе, одѣнусь, пойду къ Бетману, возьму денегъ, посмотрю городъ, отобѣдаю у брилліантовой звѣзды и явлюсь къ себѣ дописывать письмо; надобно скорѣе отправить, чтобы васъ успокоить.

*

Франкфуртъ, 29 Сентября (11 Октября) 1819.

Увы, уже и не стало бѣднаго Блюхера. Послѣднія его слова были: «Ну, Ностицъ (адъютантъ и любимецъ его, спасшій ему жизнь передъ Ватерлоо), ты многому у меня выучился; учись же спокойно умереть!» Сказавъ это, закрылъ глаза навѣкъ. Добрый былъ старикъ. Волковъ былъ у него въ большой милости.

*

Парижъ, 5 (17) Октября.

Я пріѣхалъ сюда вчера, любезнѣйшій братъ, т.-е. въ четверо сутокъ изъ Франкфурта, хотя и ночевалъ вездѣ; но Французскіе почтальоны не Нѣмецкимъ чета: дуютъ такъ, что любо. Все, что̀ могу тебѣ сказать, что я очень усталъ, что смотрю на все разиня ротъ, какъ дикій, котораго бы поймали въ лѣсу и ввели бы въ великолѣпный домъ вдругъ. Экой городъ! Какое движеніе. Le comte Rastopchine me demandait ce que je pensais de Paris. Je lui répondis que Paris me paraissait l'encyclopédie mise en action. Le bon Schröder m'a fait trouver à Bondy une lettre qui m'indiquait mon logement. C'est à deux pas de l'ambassade de Russie, hôtel de Prusse, rue Pinon; c'est près de partout. J'ai deux chambres de petite maîtresse, bien meublées, une pour Васька et un petit vestibule, à 50 fr. par semaine. Polética occupait ce même appartement. Schröder est fâché de ne pas me mettre chez lui, mais ils sont tous mal et à l'étroit, même Pozzo lui-même: tout est sacrifié à la représentation seule et rien pour la commodité. Pozzo m'a fait prier de dîner toujours chez lui une fois pour toute.

Графъ Ѳ. В. хотѣлъ меня помѣстить у себя, но я признаюсь, что мнѣ самому пріятнѣе быть у себя самого. Мы съ добрымъ Шредеромъ не успѣли еще наболтаться хорошенько. Его не было дома, какъ я пріѣхалъ. Я тотчасъ поѣхалъ къ Раст., куда и онъ явился, узнавъ, что я пріѣхалъ. Онъ здоровъ и доволенъ своею поѣздкою въ Ахенъ. Фельдъегерь ѣдетъ въ Петербургъ, теперь и я тороплюсь тебя извѣстить о пріѣздѣ моемъ сюда.

Здѣсь Д. П. Татищевъ, который ѣдетъ въ Петербургъ въ отпускъ, но я никого и ничего еще не видалъ: только что ввалился вчера къ вечеру, а теперь восемь часовъ утра.

Здѣсь такая вольница, что удивительно: всѣ партіи ругаются и ругають короля безъ церемоніи, а онъ довольно искусно лавируетъ, не заботясь, что́ будетъ послѣ него. Ультра, кажется, побѣждена либералами совершенно. Деказъ регентъ государства. Король въ него влюбленъ. Открытіе камеры будетъ шумно; со всѣмъ тѣмъ можно ручаться, что все кончится здѣсь одною бранью.

*

Парижъ, 13 (25) Октября 1819.

Я опять былъ съ подагрою, любезный братъ, и хотя рука и не славно дѣйствуетъ, но буду писать покуда могу. Есть минуты, гдѣ я проклинаю это путешествіе къ водамъ, которыя меня всего расшевелили; но какъ выслушалъ я хладнокровно славнаго *Галла*, то не могъ не обрадоваться опять, что имѣлъ этотъ славный кризисъ: оттерплюсь, такъ все пойдетъ по маслу. Галлъ выгналъ еще множество дряни изъ тѣла моего; онъ говоритъ, что все это бездѣлица, что главное для моей пользы уже сдѣлано, что я сложенъ прекрасно. Онъ подозрѣвалъ обструкцію, но, раздѣвъ меня и ощупавъ, ничего не нашелъ и сказалъ: ce qu'il y a à faire avec vous n'est qu'une plaisanterie; laissez moi vous bien nettoyer, les douleurs rhumatiques passeront même d'elles-mêmes alors.

Я мало еще видѣлъ города, но надобно признаться, что это совершенное волшебство. Что́ за вывѣски, что̀ за лавки! Mad. Chabot тебѣ кланяется. Я кое-что купилъ у нея, а въ прочихъ магазинахъ еще ничего; все еще пересматриваю хорошенько, чтобы послѣ рѣшиться, а славности: есть чѣмъ раззориться. Не знаю, какъ бы тебѣ разсказать что̀ я успѣлъ видѣть здѣсь? Potier одинъ ужъ кладъ для меня. Я до слезъ смѣялся, что́ за рожа! Какая игра! 2000 зрителей хохочатъ, а онъ неподвиженъ, какъ камень. Есть пьеса, которая очень для Русскаго любопытна: Le bourguemistre de Sardam. Петръ Великій представленъ тутъ плотникомъ. Potier дѣлаетъ бургомистра. Получаетъ онъ предписаніе арестовать подозрительныхъ людей въ Сардамѣ; первый мыслямъ его представляется Петръ І-й. Arrêtez moi, dit Potier, ce coquin bien nourri; j'ai encore là le coup de poing qu'il m'a donné lui à la taverne! Il faut voir la mine de Potier, quand le marquis de . . . (ambassadeur déguisé en paysan de Louis XIV) s'approcha des bourguemistre et lui dit à l'oreille: prenez garde à ce que vous faites; sachez que c'est le czar de toutes les Russies. Potier s'allonge d'une archine et demeure petrifié, on le croit mort. C'est à mourir de rire. Je vous avoue que si j'habitais Paris, c'est à ce théâtre que je m'établirais.

Mais les ballets sont aussi magnifiques. Je ne puis vous dire comme j'ai été ému par cette sorcière ou plutôt par cette enchanteresse de Bigottini dans le ballet de Nina. Une Nina qui parlerait ou chanterait ne pourait pas émouvoir d'avantage. Quelle musique! Quelle décoration, sur tout au grand théâtre! J'y ai vu les Danaïdes; la dernière scène de l'enfer est si horrible qu'il y a des femmes qui quittent toujours le spectacle. Le défunt Kourakine s'en allait aussi toujours: il ne pouvait voir tous les diables et les tourments qu'ils font subir aux damnés. On monte maintenant Olympia; les habits et décorations coûtent déjà 300 m. francs. On dit que cela surpassera tout ce qu'on a vu jusqu'à présent. Il y a des Anglais qui de Londres ont arrêté des loges pour la première représentation. Il me reste encore à voir Talma, Duchenois, m-elle Mars, Brunet, Martin, et tant d'autres sujets distingués.

Я обѣдалъ три раза у графа Ростопчина, одинъ у Поццо, разъ у Верри, гдѣ дурно, и разъ въ Rocher de Cancale, гдѣ славно, и, разумѣется, вездѣ съ милымъ Шредеромъ, съ которымъ я еще тѣснѣе ознакомился. Пропасть зововъ, къ Демидову, Багратіоншѣ и пр., но не могу еще пускаться. Démidoff est plus cassé, et la princesse plus belle (dit-on, car je ne l'ai pas vu encore) que jamais. Je n'ai pas encore aller chez Гриша Гагаринъ. Татищевъ уѣхалъ вчера въ Петербургъ и будетъ къ вамъ (въ Москву) на двѣ недѣли. Скажи княжнѣ Урусовой, что мы съ нимъ ходили по лавкамъ выбирать ей гостинцы, но дядюшка не хотѣлъ меня слушаться. Я удивился, видя его: онъ не только не состарѣлся, но помолодѣлъ даже. Жену его ждутъ сегодня изъ Мадрида. Здѣсь будетъ она ждать его возвращенія. Мы были у Сергѣя Тургенева, который преисполненъ благодарностью къ тебѣ за опредѣленіе его къ Воронцову.

Сейчасъ Реманъ выходитъ отъ меня. Замучилъ меня вопросами о Москвѣ, въ коей хочется ему основаться навсегда; все тотъ же, и Демидовъ (который весь сгорбился) жалуется на его дистракціи. Реманъ пріѣхалъ изъ Стутгарта. Онъ видѣлъ въ Мангеймѣ *Занда*. Говоритъ, что большая дрянь, совсѣмъ не тотъ герой, о коемъ такъ много кричатъ газеты; онъ даже компрометировалъ много невинныхъ; онъ здоровъ, но рана все еще открыта. Его отправляютъ въ Майнцъ, и тамъ онъ будетъ первое лицо, преданное тамошнему новому уголовному Германскому суду. Желаніе его умереть на эшафотѣ, вѣроятно, исполнится.

Ну что тебѣ сказать о здѣшнихъ полоумныхъ? Ругаются, бранятся, марають бумагу. Кажется, *ультра* совсѣмъ побѣждены; но они

не теряютъ бодрости и все хотятъ свою шайку ввести въ министерство. Деказъ всесиленъ. Открытіе комедій будетъ шумно. Грегуара боятся какъ огня, но все кончится однимъ шумомъ: это ихъ пища. Чудаки! Теперь все вниманіе обратилось на новую трагедію Vêpres Siciliennes. Театръ въ 4 часа уже набитъ.

*

Парижъ, 7 Ноября 1819 (н. ст.).

Я положилъ ѣхать 18-го, на другой день открытія камеръ: зрѣлище достойное наблюденія, но оно отложено до 19-го по болѣзни короля. Но что̀ мнѣ до камеръ и до короля, я все-таки поѣду въ этотъ день, какъ меня ни умаливаетъ милый Шредеръ. Хорошо здѣсь, но въ Москвѣ сто разъ лучше. Спасибо доктору Галлу: я всякій день чувствую, что становлюсь бодрѣе и крѣпче, и всѣ, судя по лицу, также меня поздравляютъ. Ну ужъ задали мнѣ перцу эти воды!

Театры хоть кого съ ума сведутъ; но чудо Парижское для меня не Тальма̀, не Дюшенуа, не Брюнетъ, не Мартенъ, а балеты, а Поатье и особенно m-elle Mars: я ими восхищаюсь. Съ этимъ человѣкомъ забудешь хоть какую грусть, надобно лопнуть со смѣху, а Марсъ восхитительна во всѣхъ движеніяхъ души. Не хотѣлъ, а все говорю про Парижъ; но это связано и со мною. Мой образъ жизни единообразенъ. Когда Шредеръ обѣдаетъ дома, т.-е. у Поццо, то и я тамъ, а когда нѣтъ, то у графа Растопчина; послѣ обѣда въ театръ, а оттуда домой ко мнѣ или къ Шредеру, курить трубочки и болтать о тебѣ, пить чай, а тамъ спать; по утрамъ, когда нѣтъ несносныхъ дождей, рыскаю по городу, смотрю достопамятности. Пялю глаза на лавки, брожу по Palais Royal; купилъ бы все, что̀ вижу, но не рѣшишься, что̀ выбрать, откладываешь до другого раза, и деньги въ карманѣ. Что̀ за славности! Охъ, уходили меня эта болѣзнь въ Францеенсбрунѣ и разлука съ Волковымъ. Много пострадали финансы. Займу у графа или у Шредера. Сдѣлай одолженіе, поищи мнѣ занять по пріѣздѣ моемъ, чтобы честно расплатиться.

Всѣ здѣшніе Русскіе о тебѣ много спрашиваютъ. Всѣ тебя помнятъ и всѣ любятъ. Шписъ говоритъ, что выпросится изъ Петербурга въ Москву нарочно, чтобы съ тобою повидаться. Мы обѣдали съ Шредеромъ у Татищевой, которая вспоминала всѣ твои Вѣнскія шалости; она ѣдетъ черезъ два дня въ Петербургъ и также будетъ въ Москву; стара стала, но еще хорошая и добрая бабенка. Я все увѣряю Шредера, что онъ въ нее влюбленъ. Княгиня Багратіонова недавно переѣхала въ городъ изъ Neuilly, велѣла сказать, что очень желаетъ меня видѣть: дважды былъ у нея, но все не удается ее застать.

У бѣднаго Ремана подагра. Гдѣ же? Въ глазахъ. Экъ куда забралась, негодная! Изъ прочихъ Русскихъ здѣсь: князь Павелъ Петр. Щербатовъ, Сумароковъ, Дурновъ съ женою, сестрою Демидова, который все боленъ и совсѣмъ сгорбился, бродитъ; Свиньины оба брата съ женами и тотъ, что̀ женатъ на Сициліанкѣ; молодой Новосильцовъ, Потемкинъ, что̀ женатъ на Голицыной, Гриша Гагаринъ, высокій Трубецкой, Голицына, princesse Michel, Потемкинъ, камергеръ Кампенгаузенъ, Куракина сумасшедшая, которая въ прежалкомъ положеніи.

Поццо задалъ вчера преславный обѣдъ Русскимъ, живетъ бариномъ, кормитъ славно и вообще пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ. Посольская церковь очень хороша, пѣвчіе поютъ не хуже твоихъ почтамтскихъ. Я молился усердно; одно у Бога прошу, скорѣе съ вами всѣми соединиться и здорову пріѣхать въ Москву.

*

Парижъ, 8 (20) Ноября 1819.

Я было собрался ѣхать послѣзавтра, но герцогиня Орлеанская сказала кн. Кастельчикалла, что желаетъ видѣть меня, стараго знакомаго, и назначила Середу въ полдень. Я не могу не остаться до этого времени. Хлопотно будетъ надѣвать мундиръ; для этого не могъ я рѣшиться и королю представиться.

Здѣсь теперь минута кризиса. Деказъ, видя въ С. Сирѣ противника во многихъ мнѣніяхъ, а въ Делолѣ президента министровъ (мѣсто котораго прочитъ себѣ) сломилъ обоимъ шею и замѣняетъ ихъ своими креатурами. Онъ прибавляетъ еще двухъ новыхъ преданныхъ себѣ министровъ, дабы имѣтъ за собою большинство голосовъ. Это будетъ въ совѣтѣ; но въ камерѣ кажется либералы будутъ имѣть верхъ. Деказъ ненавидимъ всѣми партіями, гордъ и неспособенъ. Можно парировать, что это министерство не удержится полгода. Сумасбродный народъ. Для нихъ годился одинъ Наполеонъ съ прутомъ въ рукахъ.

Посылаю тебѣ при семъ любопытнѣйшія брошюры. Онѣ тебѣ докажутъ, какъ далеко идетъ дерзость, даруемая свободою тисненія. Фафули ею пользуются для ругательства, а не для пользы отечества. Вотъ еще три портрета очень похожіе, хотя одинъ и въ карикатурѣ. Тутъ изображеніе всемогущаго Деказа, который очень хорошъ собою; я сдѣлалъ тебѣ отборную колекцію карикатуръ, потому что большая часть изъ нихъ дрянь. Сейчасъ вышло королевское опредѣленіе. Делоль, С. Сиръ и Луи удалены; на мѣсто перваго Pasquier, бывшій Парижскій префектъ во время Бонапарта. Latour-Maubourg отзывается изъ Лондона и замѣнитъ С. Сира, а Roy сдѣланъ министромъ

финансовъ. Деказъ президентомъ совѣта. Для этой цѣли единственно и послѣдовала вся эта ералашъ, коею никоторая партія не довольна, и всѣ того мнѣнія, что это министерство не продолжится болѣе трехъ мѣсяцевъ. Но оставимъ Фафулей; надобно признаться, что они смѣшны, любезны, но презрительны и мнѣ скоро наскучили. Я сыть Парижемъ! Онъ мнѣ будетъ милъ, когда буду говорить о немъ въ Москвѣ.

*

Смоленскъ, 18 Декабря 1819, поутру.

Спасибо тебѣ, милый другъ, за всѣ твои старанія обо мнѣ и за то, что ты не далъ сердцу твоему восторжествовать надъ разсудкомъ, и поѣхалъ не дождавшись меня. Мнѣ бы невесело было обнять тебя съ мыслію, что можетъ служба пострадать. Ты всѣмъ обязанъ Государю; въ такихъ-то случаяхъ и должно доказывать, что умѣешь всѣмъ жертвовать для него. Оканчивай все скорѣе и возвращайся въ объятья друга твоего. Выѣхалъ я изъ Парижа 21 Ноября; въ семь сутокъ поспѣлъ въ Вѣну, тамъ взялъ двѣ ванны, отдохнулъ 10 часовъ и пустился въ Варшаву, куда прибылъ въ шесть сутокъ, но очень измученъ для того, и для Каталани, и для добраго Вяземскаго. Пробылъ я тамъ почти пять сутокъ. Въ Брестѣ потерялъ сутки отъ поставки коляски на зимній ходъ. Сюда ѣхалъ пять сутокъ. Дорога адская, снѣгу тьма, лошади поганыя, закладывалъ по восьми въ коляску, которую во Франціи везли двѣ лошади. Стужа страшная! Твое отсутствіе умѣритъ мое нетерпѣніе. Я думаю теперь до Москвы ѣхать только днемъ и ночевать вездѣ, дабы поотдохнуть.

Письма въ Петербургъ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ.

Москва, 22 Декабря 1819.

Я не останусь, кто бы ни заступилъ мѣсто Тормасова. Удалюсь въ Бѣлоруссію и займусь дѣлами нашими и долгами. Москва мнѣ сдѣлается ненавистною безъ тебя.

Будь покоенъ насчетъ нашей скромности; но знай, что городъ наполненъ догадками, что ты не воротишься сюда. Мнѣ очень легко отвѣчать всѣмъ, что, не видавшись съ тобой, я не знаю еще истинной причины твоей поѣздки. Рушковскій, какъ шальной, бѣгаетъ, болтаетъ, повторяетъ сто разъ однѣ рѣчи и увѣренъ, что ты вернешься въ три недѣли. Экзекуторъ Строевъ тотчасъ ко мнѣ прибѣжалъ; дайте на себя только хорошенько взглянуть, чтобы написать К. Я., что ей-Богу лучше прежняго съ лица. Всѣ мнѣ это повторяютъ и, дѣйствительно, я бодръ и здоровъ, а право было отъ чего занемочь: отъ безпокойной ѣзды отъ Вязьмы до Москвы.

*

Москва, 24 Декабря 1819.

Я нахожу, что ты отвѣтъ далъ умный и основательный на первое князево [1]) письмо; но ты бы могъ ему въ партикулярномъ письмѣ открыть душу свою; можетъ быть, онъ показалъ бы это письмо Государю, который бы увидѣлъ, что ты слѣдовалъ болѣе обязанностямъ чести, благодарности и рвенію къ службѣ, нежели внушеніямъ сердца твоего, пріемля мѣсто Н. И [2]). Можетъ быть, Государь не захотѣлъ бы тебя перемѣщать; вѣдь тутъ одно твое слѣпое повиновеніе. Не время ли еще этому помочь? Вѣдь здѣшнее мѣсто (кромѣ сердечныхъ причинъ) и выгоднѣе, и независимѣе, и покойнѣе того. Тамъ много будетъ хлопотъ, и осторожный старый Калининъ не избѣжалъ паденія. Другой важный пунктъ—это большая отвѣтственность, которую ты на себя берешь, выставляя Рушковскаго, годнаго при начальникѣ, какъ ты, хорошаго, аккуратнаго исполнителя, но прежалкаго человѣка, яко начальникъ. Онъ уже теперь какъ помѣшанный; его ненавидитъ цѣлый почтамтъ, всѣ разбѣгутся, дѣла запутаются и на тебя налягутъ, и дѣльно: ты ему выпросилъ крестъ, чины, на тебя положились, а онъ ничего не оправдаетъ. Ради Бога, объяснись объ этомъ съ княземъ. Дѣлать добро похвально, но не надобно, чтобы служба могла отъ того терпѣть, а съ Рушковскимъ будутъ бѣды. Фастъ мнѣ намекалъ заступить тебя здѣсь; но я тебя заклинаю не имѣть и помышленія этого, особливо ежели будешь безпрестанно говорить о Рушковскомъ: тогда подумаютъ, что ты его просишь, чтобы открыть мнѣ дорогу. Я не хочу ничего и, не живя съ тобою, будетъ для меня блаженство жить въ Бѣлорусскихъ деревняхъ и устраивать дѣла наши. Ангелы мои стоютъ того, чтобы я о нихъ подумалъ въ будущемъ, а я буду съ тобою видаться всякій годъ. Богъ поможетъ, вступлю опять въ дѣйствительную службу. Одно желаніе имѣю получить отъ нашихъ добрыхъ начальниковъ безсрочный отпускъ, хотя безъ жалованія, дабы тѣмъ избѣжать выборовъ дворянскихъ. Я было очень былъ не въ духѣ; твое перемѣщеніе будетъ для многихъ жестокимъ ударомъ, но теперь я поуспокоился и вижу для тебя въ этомъ славную дорогу. Почтамтскіе всѣ повѣся носъ, какъ будто предчувствуютъ свое несчастье. Въ случаѣ надобности, буду писать къ *любезному брату*, ибо не довѣряю никому. Закревскій велѣлъ тебѣ вручить въ собственныя руки это письмо. Я ему не сказалъ ничего. Скоро, вѣроятно, все это будетъ уже не тайна для публики.

*

---

[1]) Т. е. царскаго друга князя Александра Николаевича Голицына.

[2]) Петербургскаго почтдиректора Николая Ивановича Калинина.

Москва, 25 Декабря 1819.

Поздравляю тебя, любезнѣйшій братъ, и съ наступившими праздниками, и со днемъ твоего рожденія. Мы обѣдали у тестя [1]) на Пречистенкѣ, пили Шампанское. Наташа взяла мою руку, и мы поняли безъ словъ, что оба пьемъ твое здоровье. Ужинать мы будемъ у Чижика [2]). До сихъ поръ большая безтолковщина во времени, которое убивается пріемомъ глупыхъ визитовъ. Не дадутъ мнѣ даже разобраться; полные сундуки все еще стоятъ заперты въ кабинетѣ. Поутру былъ у меня Рушковскій, съ большимъ протестаціемъ обожанія его къ тебѣ. Я отвѣчалъ, что тебя нельзя не любить, но ты имѣешь порокъ одинъ. Вотъ мой Рушковскій вспрыгиваетъ на аршинъ, кричитъ: какъ порокъ? какой порокъ? Тотъ, отвѣчаю я хладнокровно, что братъ дѣлаетъ добро безъ разбору, даже тѣмъ, которые могли бы того не заслуживать.

*

Москва, 28 Декабря 1819.

Вчера долго сидѣлъ я у Закревскаго, который тебя обнимаетъ. Онъ надѣлалъ здѣсь передрягу, перебравъ всѣхъ живущихъ здѣсь офицеровъ безъ службы, велѣлъ ихъ высылать. Васенька Голицынъ тоже долженъ выѣхать. Также далъ приказъ Закревскій о тѣхъ офицерахъ, кои одѣваются не по формѣ; сердитъ на Волкова, что его здѣсь нѣтъ; онъ ожидается всякую минуту. Вообрази, что первое извѣстіе о пріѣздѣ твоемъ въ Петербургъ получила жена отъ Ванюши, который ей репортуетъ все очень исправно. Князь Петръ также пишетъ и не нахвалится тобою. Что тебѣ сказать о Москвѣ? Весь городъ занятъ ревеліономъ [3]) князя Барятинскаго. Онъ прислалъ намъ билеты черезъ Мошкову, которая очень насъ упрашиваетъ; но я, вѣроятно, не поѣду: Наташа не хочетъ, а безъ нея я покуда ни на шагъ. Сегодня, слышу, балъ у Марьи Ив. Корсаковой, а мы всѣ на дѣтскомъ балѣ и театрѣ у Обрѣсковыхъ, гдѣ будутъ наши дѣти.

*

Москва, 28 Декабря 1819.

Знаешь ли, гдѣ тебѣ пишу, любезный братъ? У Закревскаго. Сидѣлъ у него вечеръ, игралъ въ бостонъ съ его, моимъ тестемъ и съ княземъ Сергѣемъ Ивановичемъ. Онъ сказалъ, что отправляетъ фельдъегеря въ Петербургъ въ ночь. Домашніе его пошли ужинать; я же, какъ умница, воздержался, не ужинаю и, засѣвъ въ его кабинетъ,

---

[1]) Т. е. у князя Василья Алексѣевича Хованскаго.

[2]) Т. е. у кн. С. И. Голицына, женатаго на двоюродной сестрѣ Булгаковыхъ, Приклонской.

[3]) Réveillon—встрѣча Новаго года.

пишу тебѣ эти строки. Поутру писалъ тебѣ съ эстафетою; спасибо почтовымъ, что всякій разъ даютъ мнѣ знать. Здѣсь видѣлъ я князя Андрея Петр. Оболенскаго, Мих. Орлова, Дм. Ив. Киселева; всѣ мнѣ говорятъ одно, что я сталъ лучше съ лица. Да и подлинно, чувствую себя хорошо, а еще бы было лучше, ежели бы ты подъѣхалъ. Я увѣренъ, что мы будемъ объ этомъ стараться всѣми силами. У насъ страшные холода; однако же я, окутавшись хорошенько, ходилъ пѣшкомъ съ Наташею. Мнѣ это очень рекомендовалъ Пешманъ, а я ему охотно повинуюсь.

Князь Барятинскій присылалъ очень звать къ себѣ на réveillon, но я не поѣду. Лучшаго не знаю еще веселья, какъ быть въ своемъ кругу или писать тебѣ. Давеча были у меня Озеровы, сперва жена, а тамъ мужъ; сказывали, что Волкова ждутъ къ обѣду, но вотъ и вечеръ, а его нѣтъ еще, а право нужно ему быть здѣсь. Завтра буду писать по почтѣ. Скажи Жуковскому и Тургеневу, что я пришлю имъ доказательства, что и въ Эгрѣ, больной, я ихъ не забывалъ; послѣднему скажи, что братъ его Сергѣй здоровъ и ожидаетъ рѣшенія судьбы своей. Я тебѣ пришлю пакетъ, для доставленія милому Шредеру. Какая это ангельская душа, какое у него чувствительное сердце и благородныя чувства! Я теперь только его узналъ коротко. Какъ онъ тебя любитъ! Бывало, пишетъ мнѣ все ввечеру: venez fumer, prendre du thé et parler du cher Constantin. Чу, тамъ говорятъ уже о жаркомъ; пора печатать, покуда не встанутъ.

*

Москва, 29 Декабря 1819.

Въ почтамтѣ многіе получили копіи съ указа, всѣ повѣсили носъ. Идучи домой, я окутался въ шинель, чтобы никто меня не узналъ. Всѣ въ отчаяньи, лишаясь тебя; никто не могъ тебя замѣнить, а еще менѣе Р., котораго никто не любитъ. Его будетъ дѣло все передѣлать въ свою пользу, но эта обязанность не будетъ одна изъ послѣднихъ. Письмо твое отдали мы ему вмѣстѣ. Онъ оцѣпенѣлъ отъ удивленія; сперва вскричалъ: Ah! mon Dieu, où me cacher des jaloux et des envieux que cela va me donner. Je lui ai répondu, qu'il n'avait qu'à les confondre en remplissant sa charge aussi bien que son prédécesseur. Il ajouta ensuite: Ежели я не буду поддерживаемъ покровительствомъ и совѣтами К. Я., я пропалъ! Какое бремя на мнѣ лежитъ! Однимъ словомъ, И. А. видитъ это съ настоящей стороны. Онъ приписываетъ тебѣ свое назначеніе, называетъ тебя ангеломъ, Богомъ самимъ. За столомъ сидѣлъ на иголкахъ, не ѣлъ, бредилъ; да и подлинно, можно ли было ожидать такого прыжка? Я все думалъ, что ему велѣно будетъ отправлять долж-

ность почтдиректора до времени, чтобы доставить ему возможность оправдать настоящее свое назначеніе; но дѣло кончено, теперь нечего толковать. Я очень удивленъ, что онъ меня прочилъ на твое мѣсто въ случаѣ перемѣщенія твоего: это ужъ точно ни къ селу, ни къ городу. Тебѣ просить обо мнѣ было бы глупо, дерзко, неприлично: кромѣ меня мало ли достойныхъ кандидатовъ? Мнѣ эдакая нелѣпость и въ голову никогда не приходила.

Я не скрываю, любезный братъ, грусти своей. Когда пройдутъ первыя непріятныя впечатлѣнія, я предамся радости, ибо все это клонится къ твоему благополучію. Москва сдѣлалась мнѣ вдругъ ненавистною. Дай мнѣ золотыя горы, я здѣсь не останусь. Смерть добраго Тормасова даетъ мнѣ прекрасный поводъ оставить мое служеніе при главнокомандующемъ. Жду твоихъ писемъ, чтобы взять рѣшеніе.

Ежели видаешь Керестурія, кланяйся ему и отдай прилагаемую здѣсь трагедію Sapho, которую я ему обѣщалъ привезть изъ чужихъ краевъ... Сердце мнѣ ничего не предвѣщало, а то бы я ни за какимъ здоровьемъ не поѣхалъ въ чужіе края. Шесть мѣсяцевъ провелъ бы я съ тобою. Этотъ годъ буду долго помнить.

*

Москва, 31 Декабря 1819.

У Закревскаго будетъ отправленъ фельдъ-егерь. Заготовляю для него это письмо.

Пріѣзжали тесть, Лукьяновъ, Юсуповъ, Исленьевы, Барятинскій, Закревскій и пр. Обѣдать долженъ былъ въ четыре часа, не успѣлъ походить, что̀ мнѣ очень рекомендовано, а послѣ обѣда поѣхалъ къ больному Нарышкину. Ворочаюсь домой, нахожу гостей. Покуда они ужинаютъ, напишу что успѣю.

Горестно мнѣ твое перемѣщеніе по многимъ отношеніямъ. Всѣ здѣсь раздѣляютъ и радость мою, и печаль. Куда ни покажусь, все одни слова: Богъ награждаетъ братца вашего, но для Москвы это потеря, онъ даже незнакомыхъ всякій день одолжалъ. Почтамтскіе въ совершенномъ отчаяніи; у меня сердце сжато, когда я ихъ встрѣчаю; этого нельзя тебѣ описать. Я слышалъ, что многіе помышляютъ объ отставкѣ, и именно Трескинъ. Я не скрою отъ тебя, что назначеніе Рушковскаго всѣхъ удивляетъ, даже самыхъ безпристрастныхъ. Ты самъ знаешь, какъ его не терпѣли; это чувство еще умножилось отъ досады видѣть его повышеніе и отъ грусти лишиться тебя. Я не такъ глупъ и самолюбивъ, чтобы брать за чистыя деньги то, что̀ всѣ твер-

дятъ: зачѣмъ не я тебя замѣнилъ? Но развѣ на свѣтѣ только я да Рушковскій? Ты меня знаешь, я не честолюбивъ и не завистливъ. Будь Р. хоть королемъ! Но я вездѣ вижу тебя и боюсь, чтобы ты не былъ въ отвѣтѣ послѣ; ибо нѣтъ никакого сомнѣнія, что Р. потеряется совершенно и самъ себѣ сломитъ шею. Онъ теперь какъ помѣшанный: двѣ ночи не раздѣвался и не спалъ. Попандопуло увѣрялъ меня, что Р. сказалъ которому-то изъ чиновниковъ почтамтскихъ: «Вы будете моимъ помощникомъ». А тотъ ему отвѣчалъ: «Я? Да я и служить подъ вами не хочу». Р. подлѣе, чѣмъ былъ когда либо. Сто разъ зачиналъ онъ говорить, что его искали ссорить съ тобою и замарать въ твоихъ глазахъ клеветами, выдумками; но я все перемѣнялъ разговоръ, говоря: «Братъ доказалъ вамъ довольно награжденіями, кои для васъ выпрашивалъ, что онъ или презиралъ ваши рѣчи, или не вѣрилъ, чтобы вы могли отозваться объ немъ иначе, какъ хорошо». Разъ выкинулъ онъ эту достопамятную фразу: «Votre adorable frère pourrait convertir un athé, car il n'y a que Dieu seul, qui puisse créer un être aussi parfait, aussi vertueux que m-r votre frère». Ты видишь, что онъ все тотъ же. Не время теперь совѣты давать; но хорошо бы ты сдѣлалъ, имѣя счастье видѣть Государя, объявить ему, что̀ такое Рушковскій. Большая сдѣлана ошибка, что прямо сдѣланъ настоящимъ почтдиректоромъ, а не велѣно исправлять должность. Увидѣли бы, что̀ онъ такое. Руничъ (который вѣрно будетъ бѣситься) и три года отправлялъ эту должность, да ему не дали однакоже мѣста.

Я увѣренъ, что ты съ княземъ поладишь. Это не можетъ быть иначе. Въ Петербургѣ будучи, я неоднократно слышалъ о безпорядкахъ тамошняго почтамта; да и здѣшній былъ хорошъ до тебя, признаться. Я увѣренъ, что ты и тотъ приведешь въ устройство. Все будетъ ладно, кромѣ разлуки нашей, убытковъ твоихъ и безпокойной жизни. Мундиръ придется надѣвать почти всякій день, а въ Москвѣ ты былъ самъ панъ, и хоть цѣлый годъ сиди въ халатѣ съ трубкою во рту. Кругъ знакомыхъ будетъ поневолѣ обширнѣе въ Петербургѣ.

Вотъ опять гости. Какъ мнѣ это надоѣло!

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ *).

Имѣвъ случай довольно часто бесѣдовать съ покойнымъ архимандритомъ Игнатіемъ, настоятелемъ Сергіевой пустыни, что̀ подъ Петербургомъ, я былъ увлекаемъ его простой, безыскусственной рѣчью, каждое слово которой дышало искренностью. Такъ какъ нѣкоторыя черты изъ сообщеннаго имъ имѣютъ историческое значеніе, я счелъ умѣстнымъ передать ихъ печати, и болѣе по увѣренности, что онъ не оставилъ Записокъ. По крайней мѣрѣ, почтенный старецъ говорилъ мнѣ съ соболѣзнованіемъ: „ахъ, если бъ я имѣлъ талантъ писательскій, сколько бы могъ я написать интереснаго изъ бесѣдъ съ высочайшими особами!" Я замѣтилъ ему, что правдивая и простая рѣчь имѣетъ свою цѣнность. Дайте намъ факты, а къ чему намъ ваше краснорѣчіе? Заставьте кого-нибудь писать, а сами передавайте ему все, что̀ помните. Старецъ недолго послѣ того и пожилъ; а потому думаю я, что не могло быть у него Записокъ, хотя замѣчаніе мое заставило его призадуматься. Отъ него узналъ я, что у него хранилось болѣе сотни высочайшихъ телеграммъ, а отъ членовъ высочайшей фамиліи болѣе 500. „Подшили ли вы ихъ по порядку, о. архимандритъ?" спросилъ я. „А вотъ займусь этимъ теперь". Сдѣлано ли это, не знаю. Но телеграммы имѣютъ тоже большую цѣнность, какъ свидѣтельства о благочестіи нашихъ царей. Нельзя не пожалѣть, если они окажутся утраченными.

Предмѣстникомъ архимандрита Игнатія былъ архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ. Что̀ побудило послѣдняго перемѣнить саблю на монашескую рясу, мнѣ неизвѣстно. Но, по словамъ старца, императоръ Николай Павловичъ замѣтилъ Брянчанинова въ числѣ братіи (въ какомъ именно монастырѣ, не помню). „Батюшка! Вѣдь я тебя знаю", сказалъ Императоръ, обратясь къ нему.

„Я Брянчаниновъ, Ваше Императорское Величество!"

„Ну, такъ, такъ, Брянчаниновъ! Какъ мнѣ тебя не знать?"

По пути изъ монастыря Государь обратился съ вопросомъ къ графу Орлову: „Какъ бы намъ Брянчанинова пристроить въ Петербургѣ?"

---

*) См. выше, стр. 136.

„А что же, Ваше Величество, настоятелемъ Сергіевой пустыни можно бы назначить“.

Государь, замѣтно обрадовавшись этой мысли, сказалъ ему: „именно такъ“.

Архимандритъ Игнатій двѣнадцати лѣтъ былъ привезенъ къ Брянчанинову своимъ отцомъ, Московскимъ купцомъ. Тотъ взялъ его къ себѣ въ послушники и, замѣтивъ у него наклонность къ живописи, далъ ему возможность въ ней совершенствоваться.

Между тѣмъ императоръ Николай Павловичъ не переставалъ выражать свое благоволеніе о Брянчанинову и ежегодно, проѣздомъ въ Петергофъ и обратно съ императрицей Александрой Θеодоровной, посѣщалъ его и кушалъ у него чай. Императрица же Александра Θеодоровна всегда заходила въ келію юнаго послушника посмотрѣть на его работу и всегда милостивымъ словомъ поощряла его трудъ.

Талантъ архимандрита Игнатія во всей силѣ обнаружился, когда онъ сталъ преемникомъ о. Брянчанинова по управленію пустыней. Въ пустыни стали по его планамъ воздвигаться замѣчательныя сооруженія; наконецъ, по его же чертежамъ воздвигнутъ храмъ Воскресенія, въ Петербургѣ, на мѣстѣ мученической кончины императора Александра II-го *).

*

Кстати здѣсь передать разсказъ покойнаго архіепископа Херсонскаго Димитрія объ оригинальномъ его путешествіи изъ Кіева въ Петербургъ по волѣ императора Николая Павловича.

При посѣщеніи императоромъ Николаемъ Павловичемъ Кіева, митрополитъ Филаретъ представлялъ ему ученую корпорацію, въ числѣ коей былъ и Димитрій, тогда архимандритъ и ректоръ Кіевской Духовной Академіи. Государь во время представленія неоднократно оборачивался въ сторону Димитрія и смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Всѣ это замѣтили. Прибывъ въ Петербургъ, онъ сказалъ Императрицѣ: „Вотъ я видѣлъ монаха въ Кіевѣ! Я желаю, чтобы онъ непремѣнно благословилъ нашихъ дѣтей“. Вскорѣ Димитрію была объявлена воля Государя прибыть ему въ Петербургъ. Когда былъ онъ введенъ въ кабинетъ Государя, онъ увидѣлъ тамъ царственную чету со всѣми дѣтьми. „Батюшка! сказалъ Государь, мнѣ желательно было очень, чтобы ты благословилъ нашихъ дѣтей“. Смиренно исполнивъ желаніе Императора, Димитрій возвратился въ Кіевъ.

Говорятъ, „глаза—зеркало души“. Въ глазахъ преосвященнаго Димитрія отражались высокія свойства души его: смиреніе, незлобіе, доброта и подъ покровомъ ихъ глубокій умъ. О его добротѣ существуетъ много раз-

---

*) Раскраска главъ этого храма врядъ ли была придумана архимандритомъ Игнатіемъ: она оскорбительно не соотвѣтствуетъ памяти ужаснаго событія. П. Б.

сказовъ. Какъ образчикъ, приведу слѣдующій. Когда онъ былъ архіепископомъ Волынскимъ, разъ приходитъ къ нему дама въ слезахъ, проситъ помочь ей въ крайней нуждѣ. „Вѣрьте—ни копѣйки не имѣю. А вотъ что: я приглашенъ завтра на погребеніе, потружусь на ваше счастье; что дадутъ—то ваше. А вы въ 4 часа придите".

Въ 4 часа дама получаетъ отъ владыки нераспечатанный пакетъ. Но въ скоромъ времени она возвращается съ пакетомъ и взволнованная говоритъ: „Владыка! Да вѣдь тутъ тысяча рублей!"—„Ахъ, ахъ, ахъ, укоризненно замѣтилъ владыка, а мнѣ какое дѣло? Вѣдь я сказалъ вамъ, что потружусь на ваше счастье; ну Господь вамъ послалъ, Его и благодарить вамъ слѣдуетъ".

Смиреніе у него было замѣчательное. Когда вышло „Догматическое Богословіе" пр. Макарія, бывшіе ученики Димитрія узнали въ этомъ произведеніи лекціи Димитрія. Несомнѣнно, онъ самъ это понялъ; но никто и никогда отъ него о томъ не слышалъ. Между тѣмъ, бывшій профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи архимандритъ Никаноръ (скончавшійся архіеп. Херсонскимъ), съ профессорской каѳедры произнесъ, что „Догматическое Богословіе" Макарія есть собственно компиляція лекцій преосв. Димитрія. Это обличительное слово долетѣло до Макарія, что, говорятъ, небезслѣднымъ прошло для Никанора.

*

Отъ природы прямой до рѣзкости, воспріимчивый Никаноръ принималъ къ сердцу близко неправду и служебныя неудачи, и они надломили его духъ. Такъ мнѣ извѣстенъ отъ его родственника, протоіерея о. Александра Бекаревича, одинъ случай, когда у Никанора сорвалось это сознаніе. Онъ съ о. Бекаревичемъ, какъ и родители ихъ, были въ большой дружбѣ. Еще въ Семинаріи, Никаноръ намѣтилъ себѣ путь, которымъ и шелъ до смерти и постоянно уговаривалъ своего друга поступить въ Академію и принять монашество. Но о. Бекаревичъ былъ непоколебимъ: окончивъ семинарскій курсъ, онъ принялъ священство, долгое время былъ полковымъ священникомъ, потомъ служилъ при военномъ госпиталѣ. Преосвященный же Никаноръ не переставалъ упрекать его, что онъ не послушалъ его совѣта. Наконецъ о. Александръ, послуживъ довольно, подалъ ходатайство объ увольненіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о пенсіи, которая его вполнѣ обезпечила. Въ это самое время Никаноръ, уже архіепископъ Херсонскій, присутствовалъ въ Св. Сѵнодѣ. Прощаясь съ о. Александромъ (какъ оказалось, въ послѣдній разъ въ жизни), онъ сказалъ ему: «да, ты былъ счастливѣе меня!»

*

Благолѣпное служеніе въ Сергіевой пустыни, прекрасное пѣніе привлекало туда многихъ иностранцевъ, преимущественно Англичанъ,

жившихъ на дачахъ по сосѣдству съ пустыней. Архимандритъ Игнатій былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Великобританскими послами, а съ лордомъ Непиромъ даже друженъ. Послѣдній просилъ его, въ случаѣ смерти его въ Петербургѣ, похоронить его въ пустыни. Одинъ изъ пословъ, узнавъ отъ своихъ соотечественниковъ, что они ни разу не были въ пустыни, выразилъ имъ свое удивленіе. «Какъ же это? Да тамъ такое богослуженіе, такъ поютъ, что праздника пропустить не хочется, не побывавъ у обѣдни». И вотъ, каждый воскресный день, каждый праздникъ, экипажей десять съ иностранцами подъѣзжало къ вратамъ обители. И замѣтно было, что посѣщенія эти, вызванныя въ началѣ любопытствомъ, все яснѣе и яснѣе выражали другую цѣль: многіе Англичане, по примѣру почтеннаго посла своего, просили также похоронить ихъ въ пустыни, и многіе въ стѣнахъ обители получили вѣчное упокоеніе.

*

Въ 1877 году, когда гвардія отправлялась на войну, архимандритъ Игнатій встрѣчалъ, проходившія мимо пустыни войска съ крестомъ, провожалъ съ молитвой, окроплялъ св. водой и, кажется, благословлялъ крестиками. Въ Петербургѣ никто этого не сдѣлалъ. Конечно, распорядиться слѣдовало митрополиту. И не нашлось, видно, никого, кто бы ему о томъ напомнилъ: у всякаго мысли, знать, вращались въ кругу собственныхъ дѣлъ.

Когда возвращалась гвардія, не помню кто именно былъ присланъ къ архимандриту отъ Государя передать, что его величеству очень пріятно узнать, что онъ благословлялъ гвардію на пути въ Турцію и что Государю онъ доставилъ бы удовольствіе, встрѣтивъ ее также. «Да я счастливъ, если дозволяетъ Государь: мнѣ самому вѣдь это было желательно. Вотъ я и встрѣтилъ».

«На Рождествѣ я самъ-шесть и митрополитъ самъ-шесть обыкновенно являемся во дворецъ славить Христа. Съѣхались мы вмѣстѣ. Государь взялъ меня за обѣ руки и благодаритъ, и много что-то говоритъ, а меня не отпускаетъ и все, я понимаю, благодаритъ меня. Я заѣхалъ къ генералу Б. и передаю.

«А что, говоритъ, вамъ Государь говорилъ?»

— А хоть убейте, ничего не знаю, потому что думалъ все объ одномъ: какъ бы онъ меня поскорѣе выпустилъ, потому: тутъ митрополитъ стоитъ; онъ ему ни слова, а меня такъ благодаритъ. Очень ужъ мнѣ было неловко».

— «Жалко, сказалъ генералъ Б., слѣдовало бы записать».

*

Императоръ Александръ Николаевичъ также посѣщалъ пустынь съ Императрицей. Однажды Императрица, имя которой такъ дорого по воспоминаніямъ о ея глубокомъ благочестіи и любви къ церкви, спросила архимандрита: «Батюшка, трудно я думаю, управляться вамъ съ монастыремъ? Погляжу я: монахи у васъ все молодые».—«Какъ тутъ управляться-то, ваше величество? Придетъ вечеръ, и благодаришь Господа: Его дѣла... а человѣку, тутъ дѣлать нечего». Сейчасъ понявъ глубокій и назидательный смыслъ этой простой рѣчи, Государыня съ глубокимъ монашескимъ поклономъ сказала ему: «благодарю васъ, батюшка».

Бракъ Государя соединяетъ его съ его супругою, какъ и всякій христіанскій бракъ; но Государыня, при священномъ вѣнчаніи на царство ея супруга, черезъ таинство мѵропомазанія получаетъ сугубую благодать и становится вѣрнѣйшею, Богомъ благословенной, споспѣшницею Царя. При этомъ Царь возлагаетъ и на нее вѣнецъ въ символъ того, что она вѣнчается государству и отнынѣ его благо для нея становится выше ея собственнаго.

Уже одно то, что она заботится устроить своему царственному супругу домашній очагъ, гдѣ онъ получаетъ отдыхъ и покой послѣ тяжелыхъ трудовъ своихъ, составляетъ заслугу ея передъ государствомъ; но мы не можемъ не замѣтить случаевъ, когда въ ея участіи выражается непосредственное благодатное воздѣйствіе свыше, когда она становится орудіемъ воли Божіей. Надо принять во вниманіе, что до насъ можетъ дойти развѣ только сотый случай, а потому болѣе единичные случаи должны отмѣчаться въ нашей памяти. Къ числу такихъ случаевъ принадлежитъ назначеніе пр. Филоѳея митрополитомъ Кіевскимъ. Филоѳей, строгій блюститель церкви и аскетъ, былъ самымъ серьезнымъ оппонентомъ покойнаго оберъ-прокурора Св. Сѵнода графа Толстого противъ задуманной симъ послѣднимъ церковной реформы. Потому ли, что онъ былъ слишкомъ неподатливъ, не знаю, но когда скончался митрополитъ Кіевскій Арсеній, Филоѳей не былъ помѣщенъ въ спискѣ лицъ, представленныхъ Государю кандидатами на мѣсто Кіевскаго митрополита. Императрица Марія Александровна, принимавшая близко къ сердцу дѣло церковное, спросила Государя, кто представленъ Сѵнодомъ? Государь показалъ ей списокъ. «Почему же здѣсь не помѣщенъ архіепископъ Тверской Филоѳей? По своей подвижнической жизни и высокому благочестію, онъ всего болѣе удовлетворяетъ этому назначенію», замѣтила Императрица. Тогда толь-

ко Государь обратилъ вниманіе на этотъ крупный пропускъ и тутъ же на полѣ доклада написалъ: «Филоѳея Тверскаго».

Кстати сказать, кому обязаны мы тѣмъ, что реформѣ, по планамъ которой все приходское духовенство, а черезъ него и народная совѣсть, подчинялись оберъ-прокурору, при посредствѣ особыхъ его агентовъ, не дано хода. Исторію эту я слышалъ отъ А. Н. Муравьева. Когда проектъ былъ напечатанъ, экземпляры его были разосланы по епархіямъ, дошелъ одинъ и до А. Н. Муравьева (впрочемъ, добыть ихъ было нетрудно). Прочитавъ проектъ, Андрей Николаевичъ возмутился и написалъ записку, которую и отправилъ къ великому князю Константину Николаевичу. Великій князь былъ вполнѣ церковнымъ человѣкъ: онъ былъ всею душою преданъ церкви, въ совершенствѣ зналъ церковную службу, всѣ уставы церкви *). При своемъ обширномъ умѣ, конечно, онъ сразу далъ настоящую цѣну этому труду. Возмущенный, быть можетъ, не менѣе Муравьева, онъ отправился къ Государю и въ горячихъ выраженіяхъ объяснилъ дѣло. Понявъ хорошо суть его, Государь успокоилъ своего царственнаго брата, сказавъ, что проектъ не будетъ имъ утвержденъ.

Между тѣмъ графъ Толстой представилъ Государю списокъ лицъ, трудившихся надъ составленіемъ проекта, прося удостоить ихъ наградъ. Государь, отложивъ списокъ въ сторону, сказалъ: «Богъ знаетъ что̀ тамъ натворили, да еще за это награждать!»

*

Покойный сенаторъ В. Г. Черноглазовъ передавалъ о двухъ случаяхъ въ его жизни, доказывавшихъ доброту и снисходительность покойнаго императора Александра II. Былъ онъ еще цесаревичемъ, а Черноглазовъ докладчикомъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Предсѣдатель Совѣта, князь Васильчиковъ, назначилъ засѣданіе въ Чистый Четвергъ. «Я буду пріобщаться въ этотъ день и не могу поспѣть къ засѣданію», замѣтилъ цесаревичъ. «Какъ угодно, ваше высочество; но дѣло не терпитъ отлагательства».

Въ Четвергъ состоялось засѣданіе; дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, не оказалось. Засѣданіе окончилось, всѣ разошлись. Черноглазовъ спускается по лѣстницѣ, какъ ему навстрѣчу идутъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

«А что̀, Черноглазовъ, окончилось?» спросилъ цесаревичъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, взглянулъ на свои часы и сказалъ: «Ну, я говорилъ, что не успѣемъ; я прямо изъ церкви».

*) Не можемъ забыть, какъ въ Оріандѣ случилось намъ услышать изъ устъ великаго князя большую молитву на освященіе церкви, которую съ такою любовью онъ строилъ изъ остатковъ сгорѣвшаго дворца своего. П. Б.

Желая познакомиться съ содержаніемъ докладовъ, цесаревичъ пригласилъ Черноглазова вернуться и прочитать ихъ.

Обыкновенно во время засѣданій докладчикъ сидитъ на особомъ стулѣ; но какъ это не было формальное засѣданіе, и великіе князья не заняли своихъ мѣстъ, а сѣли въ концѣ стола, то Черноглазовъ не призналъ за собою права сидѣть и сталъ читать стоя. «Сядьте, пожалуйста», сказалъ цесаревичъ. Черноглазовъ, не прерывая чтенія, глубокимъ поклономъ отвѣтилъ на милостивое къ нему обращеніе цесаревича. Тогда цесаревичъ тихо подошелъ къ стѣнѣ, взялъ стулъ, поставилъ Черноглазову и, взявъ его за плечи, усадилъ. «Вы устанете, сидите».

Второй случай былъ такой. Черноглазовъ жилъ лѣтомъ на дачѣ въ Павловскѣ. Узнаётъ онъ, что въ Павловскѣ вывелась лисица и назначена цесаревичемъ охота. Самъ охотникъ, Черноглазовъ не утерпѣлъ, отправился въ паркъ. Утро было пасмурное, моросилъ дождь. Черноглазовъ въ шинели, подъ зонтикомъ, пробирается по тропѣ. Ему навстрѣчу попадается графъ Ламсдорфъ. «А, Черноглазовъ, пойдемъ! Я тебя поставлю на такое мѣсто, откуда увидишь всю охоту и не встрѣтишь цесаревича». Пошелъ онъ по тропѣ, Черноглазовъ за нимъ. Но едва они отошли нѣсколько шаговъ, какъ очутились передъ цесаревичемъ. Графъ Ламсдорфъ, отдавъ честь, пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, далѣе, а Черноглазовъ встрѣтился глазъ на глазъ съ цесаревичемъ.

«Черноглазовъ! сказалъ милостиво Александръ Николаевичъ, вы видно здѣсь живете?»

Черноглазовъ подтвердилъ.

«Да вы не охотникъ ли?» спросилъ цесаревичъ.

«Охотникъ, ваше высочество. Это и побудило меня осмѣлиться посмотрѣть на охоту».

«Вотъ и прекрасно. А у насъ свободный есть номеръ. Егерь, ружье!»

И такъ, Черноглазовъ не только не видѣлъ неудовольствія на лицѣ цесаревича, но даже принялъ участіе въ охотѣ, которая, однако, была въ тотъ разъ неудачною.

*

Осенью 1859 года случилось мнѣ быть въ Петербургѣ. На Большой Конюшенной сооружалось огромное зданіе Петропавловской лютеранской церкви, мѣсто это почти отъ Невскаго до Финской церкви было отгорожено досчатымъ заборомъ и при немъ устроенъ узенькій деревянный тротуаръ, на которомъ разойтись двоимъ было очень неудобно. На улицѣ была большая грязь. Передо мною, шагахъ въ пя-

тидесяти, шла убого одѣтая дама, изъ разряда называемыхъ салопницъ, а ей навстрѣчу военный, въ шинелѣ. Я замѣтилъ, какъ военный на достаточномъ разстояніи отъ дамы сошелъ съ тротуара на грязную мостовую. Когда онъ поровнялся съ дамой, послѣдняя отдала ему глубокій поклонъ; онъ сдѣлалъ подъ козырекъ. Когда же онъ приближался ко мнѣ, пришлось мнѣ сойти съ тротуара: это былъ императоръ Александръ II-й.

*

Закончу настоящіе разсказы повѣствованіями, характеризующими «доброе старое время».

Вотъ, напримѣръ, Гоголевская сценка въ гор. Мензелинскѣ. Передъ Севастопольской войной былъ назначенъ въ Мензелинскъ окружнымъ начальникомъ молодой человѣкъ В. В. Петровъ. Воспитанникъ Казанскаго университета, умный, наблюдательный Петровъ, бывъ самъ Мензелинскимъ помѣщикомъ, легко подмѣтилъ слабости своихъ собратій. Онъ написалъ въ стихахъ поэму, изобразивъ въ карикатурѣ помѣщиковъ, живущихъ въ уѣздѣ, и каждому послалъ по экземпляру, выбросивъ то, что̀ лично касалось послѣдняго. Утѣха была всеобщая. Каждый восхвалялъ Петрова за забавную шутку и, пожалуй, немало возносился отсутствіемъ у него самого такой смѣшной стороны, которая напрашивалась бы въ ѣдкую сатиру.

Въ городѣ съѣздъ; ѣдутъ помѣщики, а въ карманѣ никто не забылъ взять свой списокъ поэмы. «Ну, братъ», говоритъ одинъ сосѣдъ другому, вынимая изъ кармана свой списокъ, «отдѣлалъ же тебя Владиміръ!» — «Какъ меня? Да онъ обо мнѣ ни слова; а вотъ тебя, нечего сказать, отщелкалъ». Читаетъ. Первый, въ изумленіи, свѣряетъ со своимъ спискомъ; а тутъ подходитъ третій съ самодовольною улыбкой и говоритъ: «Это онъ только меня не тронулъ, потому что мы съ нимъ пріятели»... — «Какъ васъ не тронулъ? Да пріятелю-то, кажется, больше всѣхъ досталось». Читаютъ о пріятелѣ. Пріятель сконфуженъ и въ досадѣ. Такимъ образомъ всѣ убѣдились, что Петровъ никого безъ вниманія не оставилъ. И прежде чѣмъ наступилъ общій смѣхъ, немало прошло минутъ досады и раздраженія.

Что̀ же ожидало Петрова? «Ну, Владиміръ Васильевичъ, встрѣтившись съ нимъ, говоритъ помѣщикъ, слѣдовало бы на тебя сердиться, что ты изъ меня такую карикатуру сдѣлалъ; ну, да за сосѣда все прощается! Ну, душа моя, отдѣлалъ же ты его, вотъ отдѣлалъ!.. Спасибо тебѣ большое: потѣшилъ!» А сосѣдъ его, встрѣчаясь съ Петровымъ, обращается къ нему: «Отпущеніе тебѣ, В. В., грѣха твоего передо мною за сосѣда: вотъ изобразилъ, ну, потѣха! А какъ бы ты видѣлъ его рожу, когда я ему изъ своего списка вычиталъ, что̀ о немъ

говорится, такъ это умереть со смѣху!» И такъ, каждымъ былъ отпущенъ грѣхъ Петрову ради сосѣда.

*

Педагогическій Институтъ, нынѣ упраздненный, выпускалъ такихъ наивныхъ молодыхъ людей, которыхъ можно было сравнить съ институтками того времени. Одинъ изъ воспитанниковъ Института Ѳоминъ опредѣленъ былъ въ сороковыхъ годахъ на службу въ Уфу. Въ Субботу на 6-й недѣли Великаго поста онъ заѣхалъ къ моему брату (сверстнику ему по годамъ, но воспитаннику Университета) и засталъ его за туалетомъ. На вопросъ, куда собирается мой братъ, послѣдній пресерьезно ему отвѣчалъ: «Да вѣдь сегодня Лазарево Воскресенье».— «Такъ что же?»—«Какъ что? Лазаревы имянинницы, надо поздравить». Поблагодаривъ судьбу, избавившую его отъ неловкости передъ Лазаревыми, Ѳоминъ отправился къ нимъ съ поздравленіемъ. Семья Лазаревыхъ состояла изъ старухи матери и трехъ дочерей. Всѣ онѣ, начиная со старухи, отличались умомъ, находчивостью и остротой. Ѳоминъ засталъ всѣхъ въ гостинной. Всѣ его поблагодарили за вниманіе, повторивъ благодарность свою при прощаніи. Наивный Ѳоминъ испытывалъ, конечно, немало удовольствія отъ удачи.

Прошло двѣ недѣли, наступила Ѳомина недѣля. Является отъ Лазаревыхъ къ Ѳомину посланный. «Барышни Лазаревы приказали кланяться и поздравить васъ съ имянинами». Тогда только Ѳоминъ позналъ свою ошибку и шутку моего брата. Въ Понедѣльникъ является къ Ѳомину тотъ же посланный и привѣтствуетъ его тою же стереотипною фразой: «Барышни Лазаревы приказали кланяться и поздравить васъ съ имянинами». Во Вторникъ—тоже, въ Среду—тоже; наконецъ, Ѳоминъ велѣлъ посланному впредь отказывать, что барина нѣтъ дома; но тѣмъ не менѣе, до самаго Воскресенья прислуга докладывала, что посланный съ поздравленіемъ отъ барышень Лазаревыхъ приходилъ.

Въ первый же день, о поздравленіи, посланномъ Лазаревыми Ѳомину, знало почти все небольшое общество Уфы, составлявшее одинъ кружокъ. При живомъ общеніи и почти патріархальномъ бытѣ, Ѳомину приходилось ежедневно встрѣчаться со многими знакомыми, и вопросы, получилъ ли онъ сегодня поздравленіе отъ Лазаревыхъ еще болѣе раздражали его, чѣмъ самое поздравленіе. Эта злосчастная Ѳомина недѣля осталась очень памятною для Ѳомина.

И. С. Листовскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КАСТОРА НИКИФОРОВИЧА ЛЕБЕДЕВА *).

1859.

Никогда господство иностранцевъ не было такъ сильно въ Россіи, какъ теперь. Наглость Колиньоновскихъ назначеній по обществу желѣзныхъ дорогъ и другихъ распорядителей по другимъ обществамъ доходитъ до оскорбительныхъ униженій. Всѣ лучшія, значительныя мѣста предоставляются полку Французовъ, а Русскіе составляютъ рабочія команды. Давайте гласность, давайте конституцію! Благосостояніе народа, честь націи, состоятельность правительства на очереди вопроса.

Дѣла университетскія начинаютъ разъясняться. Число студентовъ, въ продолженіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ, учетверилось, и частыя исторіи молодыхъ людей породили небезосновательныя опасенія, что возрастаніе этихъ корпорацій можетъ образовать силу, а съ нею противодѣйствіе, съ которымъ нужно будетъ справляться тоже силою. Полиція для этого недостаточно. Правительство приняло мѣры по примѣру Николая, но въ другомъ порядкѣ: объявивъ студентамъ, что они не составляютъ корпораціи, а подчинены общимъ постановленіямъ и распоряженіямъ полиціи, которая должна впрочемъ обращаться съ ними со всею учтивостью, правительство не заперло аудиторій, но поставило условіемъ такіе строгіе экзамены, что изъ 350 человѣкъ поступило новыхъ студентовъ, въ Петербургѣ, только 75. Прочіе должны возвратиться во-свояси или выбрать другую дорогу. Для лучшаго исполненія этой педагогической мѣры начальство ввѣрило экзамены учителямъ, которые податливѣе, безъ разсужденій, на исполненіе видовъ правительства.

Цѣль этой мѣры достигается вѣрно; но согласна ли она съ пробужденными надеждами и не безжалостно ли дѣйствуетъ противъ молодыхъ людей, пріѣхавшихъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Петербургъ, можетъ быть съ весьма малыми средствами? И на какую степень становятся университеты, еще такъ недавно выставлявшіе себя публичными залами гласнаго, неумытнаго слова и мысли?

---

*) См. выше, стр. 55.

Впрочемъ, я не обманывался: реакціи ожидать было надо. Я боюсь только, чтобы, сжавъ движеніе во всѣхъ направленіяхъ, реакція эта не произвела взрыва, который начнется и, при стеченіи настоящихъ обстоятельствъ, не знаешь гдѣ остановится.

Мои запутанности съ министромъ *) продолжаются. Разсмотрѣніе положенія и штата Лисинскаго лѣсничества привело къ такимъ непріятнымъ объясненіямъ, что послѣ словъ: «Совѣтъ — это вы», новыя замѣчанія въ родѣ: «Совѣтъ входитъ не въ свои дѣла, онъ вмѣшивается въ управленіе, онъ контролируетъ департаменты» и т. п. имѣютъ значеніе болѣе, нежели неудовольствіе. Министръ не можетъ переварить живой мысли, если она исходитъ не отъ него, всегда занятаго одними экспедіэнтами и фортелями, или черезъ его товарища, который и на помочахъ едва ходить можетъ. Дня не остался бы я съ такими ревнивыми начальниками, но гдѣ найти другихъ? И въ чемъ же заключаются эти живыя мысли? Совѣтъ вполнѣ сознавалъ пользу лѣсничества, какъ практическаго учрежденія, завершающаго воспитаніе Института и приготовляющаго къ предстоящей кондукторамъ и студентамъ дѣйствительной лѣсной службѣ. Положеніе составлено плохо, штатныя назначенія слишкомъ роскошны, и выставленные доводы (зимою Государь и при немъ товарищъ министра бываютъ въ Лисинѣ для охоты почти каждонедѣльно, лѣсничество готово преобразиться въ загородный дворецъ и т. д.), мало идутъ къ дѣлу и шатки; но Совѣтъ утверждаетъ ихъ, съ небольшими измѣненіями, и только считаетъ полезнымъ обратить вниманіе на слѣдующіе предметы: 1) Сумма первоначальнаго штата, 19 тыс. рубл. (1834 года, впрочемъ) возросла до 80 тыс. рубл. Ничего; но расходуйте отчетливо, по смѣтамъ и въ предѣлахъ назначеній. Общее мнѣніе то, какъ говорили мнѣ бывшій вице-инспекторъ Бульмерингъ, частію и бывшій директоръ департамента Норовъ, и какъ я могъ видѣть по расчетамъ о постройкахъ и по смѣтамъ сверхштатныхъ расходовъ, что директоръ лѣсничества, полковникъ Б-манъ, воруетъ напропалую; а смѣнить и ограничить его не смѣютъ: онъ угождаетъ на охотѣ и пользуется высочайшимъ, а за нимъ и всякимъ другимъ вниманіемъ. 2) Для удостовѣренія этихъ расходовъ, Совѣтъ полагалъ отдѣлить хозяйственную часть, предоставя ее независимой конторѣ отъ распорядительной, оставивъ ее во всей полнотѣ директору. Предположеніе произвело бурю. Совѣтъ уступилъ, такъ какъ другого софизма для примиренія я не придумалъ; такъ заведеніе будетъ образовываться постепенно, и до окончательнаго устройства нужно единство. 3) При заведеніи полагается команда, а съ нею плохая услуга, табели, отчетность и пр. Заведеніе не смирительный домъ,

*) М. Н. Муравьевымъ (тогда еще не графомъ). П. Б.

и вольнонаемные лучше и легче команды. Новая буря. Совѣтъ опять уступилъ, такъ какъ, по объявленіямъ директора департамента, наемъ затруднителенъ. 4) За важные проступки предполагалось отдавать въ солдаты, по распоряженію Министерства. Такого закона Совѣтъ допустить не рѣшился. Наконецъ, 5) Смѣты и замѣнъ статей въ расходахъ департаментъ предоставлялъ себѣ. Совѣтъ, по закону, отнесъ это къ министру. Перемѣна принята съ молчаніемъ.

Директоръ жаловался на меня министру, и товарищъ его, обыкновенно тихій и скрытный, взялъ дѣло къ себѣ съ большимъ неравнодушіемъ.

Подобный случай былъ неоднократно. Министръ или затягивалъ дѣло справками, или настаивалъ на передокладѣ, или просто, какъ путаницу по дѣлу о Бѣловѣжской Пущѣ, приказывалъ брать дѣло назадъ. Пусть возьмутъ и это. Но къ чему же упреки и придирчивая ревность? Положимъ, Совѣтъ напуталъ; онъ *вашъ* Совѣтъ, отмѣните его положеніе, вотъ и все.

Нѣтъ, не смѣй мыслить, или вторь моимъ мыслямъ!

Чтò же скажутъ о моихъ другихъ работахъ, уже молча мною представленныхъ, чтобы избавиться личныхъ столкновеній: объ отмѣнѣ пожалованія земель, за которое министръ такъ крѣпко держится, какъ за регалію своего мѣста; о пересмотрѣ военно-уголовнаго устава, составленнаго Капгеромъ, съ которымъ такъ близокъ товарищъ министра? (Посылается на дняхъ).

*

Статья Монитёра о Виллафранкскомъ мирѣ производитъ общій говоръ. Она произвольно толкуетъ произвольное начало и мошенническое окончаніе войны, надсмѣханіе надъ Европейскими конгрессами, и оканчивается слѣдующими надменными словами, достойными автора Napoléon le Petit *): Le seul moyen (d'obtenir des meilleures conditions pour l'Italie) serait la guerre; mais, que l'Italie ne s'y trompe pas. Il n'y a qu'une seule puissance en Europe qui fasse la guerre pour une idée: c'est la France, et la France a accompli sa tâche».

Хорошо положеніе конгресса, заранѣе опороченнаго; хорошо положеніе Австріи, выдавшей безъ всякихъ ручательствъ Итальянскихъ своихъ феодаловъ на слово человѣку, играющему не одними словами. Хорошо и положеніе папы, теряющаго легацію за легаціей, при обѣщаніи гегемона не умалять папскаго достоинства. Итальянская война

*) Т. е. Виктора Гюго. П. Б.

есть важный шагъ демагогіи и народнаго права. Ни то, ни другое не противно Англійскимъ началамъ, но имъ противна гегемонія и устраненіе смутъ на материкѣ. Одно безсиліе Австріи отдалитъ насилія войны и принужденнаго порядка. Трудна задача и Итальянскихъ либераловъ.

*

Читаю я Смита Feldherrn-Stimmen, гдѣ нѣсколько Поляковъ и Русскихъ Нѣмцевъ напали на Паскевича и чернятъ человѣка, конечно небезукоризненнаго, особенно тѣмъ, что онъ счастливъ, а Дибичъ нѣтъ, что онъ заботился о обезпеченіи арміи (а для Толя вопросъ этотъ былъ второстепенный) и, наконецъ, что онъ не имѣлъ никакого довѣрія къ окружающимъ.

Не говорю объ ошибкахъ, о странномъ счастіи Паскевича, о запискѣ Толя, въ которой ein geheimer Verdruss mochte liegen. Я вовсе не партизанъ Варшавскаго князя; долженъ, однако, замѣтить, со словъ невольно и откровенно высказанныхъ пріятелемъ моимъ (бывшимъ дежурнымъ генераломъ Дибича, съ юности ему преданнымъ), сенаторомъ Обручевымъ, что они, Толь, Нейдгартъ, онъ, Бергъ и Ридигеръ, такъ приняли и, можно сказать, мистифировали Паскевича, по прибытіи его 13 Іюня 1831 г. въ Пултускъ, что дружеская бесѣда эта, бывшая въ 1853 г., произвела на меня пренепріятное впечатлѣніе. Я не скрылъ его, и неосторожный разказчикъ, предъявлявшій и подлинные отпуски съ придуманныхъ, хитросплетенныхъ ими отвѣтовъ на вопросы Паскевича, былъ сконфуженъ и оправдывалъ такую выходку штаба превосходствомъ Толя и Дибича предъ новымъ главнокомандующимъ.

Любопытная книга Смита содержитъ въ себѣ записки генераловъ Польскихъ Хржановскаго и Прондзинскаго, довольно умѣренныя, генералъ-адъютанта ***, съ примѣчаніями на поляхъ квартирмейстера Нейдгардта, письма Дибича, очень добросовѣстныя, бѣловую записку интенданта Погодина и двѣ неумѣренныя записки: желчный журналъ Толя (съ 21 Іюля, а не съ 13-го) и оправдательную Паскевича (напечатанную въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. 1859 г., ч. 1).

Книга Смита много бы выиграла въ глазахъ Русскаго, если бы не была разбавлена Нѣмецкими примѣчаніями и объясненіями, безъ которыхъ (представителей ослабѣвающаго Нѣмецкаго господства) не издается въ Германіи ни одного, даже документальнаго сочиненія о Россіи.

*

По примѣру 1834 г., вступающій въ 17-лѣтній возрастъ цесаревичъ наслѣдникъ долженъ 8-го Сентября принести присягу, и къ тор-

жеству этому дѣлаются колоссальныя приготовленія для иллюминаціи города и угощенія обѣдомъ въ Собраніи. Государю всегда удаются свѣтлые дни и, вѣроятно, этотъ праздникъ удастся, какъ всѣ другіе. Для устройства иллюминаціи выписанъ изъ Парижа императорскій декораторъ, кажется, Гобильо и, судя по сдѣланнымъ имъ приготовленіямъ, съ сотнею привезенныхъ имъ Французскихъ работниковъ, иллюминація, дѣйствительно, должна быть невиданная даже для Петербурга, гдѣ этимъ всегда занимались не менѣе нынѣшняго Парижа. Наши артисты, Роллеры, Кавосы, генералъ Константиновъ и вообще распорядители шкаликовъ и фейерверковъ, ропщутъ на это предпочтеніе, отданное Французскому антрепренёру за огромныя деньги и въ ущербъ нашимъ рабочимъ, которые косо поглядываютъ на синеблузниковъ, развѣшивающихъ свои легкія проволочныя цѣпи по Невскому, Морской и по Фонтанкѣ [1]).

Въ Парижѣ я еще понимаю крики: panem et circenses! [2]) Тамъ тѣшутъ толпу, отъ которой все зависитъ. Тамъ же и много денегъ. Но у насъ фунтъ хлѣба въ цѣнѣ удвоили, въ низовыхъ и южныхъ губерніяхъ неурожай, въ Ельцѣ и Болховѣ теперь уже четверть продается по 4 р., и для рабочихъ рукъ есть занятіе посущественнѣе; курсъ же иностранный, и послѣ займа, вмѣсто 405, стоитъ 359 сантимовъ.

Но общество ждетъ милостей, народъ ожидаетъ вольности. Даже опасаются манифестацій, и потому, говорятъ, занимаютъ сборные пункты, гдѣ толпа могла бы дѣйствовать скопомъ. Царицынъ Лугъ весь занятъ палатками, и нѣкоторые изъ нихъ съ командами; на Адмиралтейской помѣстились взводы войскъ. Все это пустые толки. Они замѣчательны только тѣмъ, что возобновляются при всякомъ празднествѣ, и потому желательно бы было поуменьшить эти поводы и пріучать народъ къ постоянному порядку.

Милостей, кромѣ наградъ приближеннымъ, не будетъ; ибо казна бѣдна, а предположенныя возвышенія доходовъ и сбереженія не осуществились. Министерство Финансовъ представляетъ, что положеніе дѣлъ хуже Австрійскаго. Вольность еще не испечена и, судя по начинающемуся повороту воззрѣній, едва ли не останется въ періодѣ броженія [3]). Дрожжи плохи, прокисли, подъемъ слабъ.

---

[1]) Ничего особеннаго не было 8 Сентября, но предосторожности были приняты. Случилось: у Полицейскаго моста свалилось въ Мойку человѣкъ 100, и человѣкъ 10 потонуло и изувѣчилось. Были пьяные крики. Но замѣчательно то, что по главнымъ улицамъ экипажей не пускали. Злые говорили: „Царь съ народомъ—и только“.

[2]) Восклицаніе древней Римской черни: хлѣба и зрѣлищъ! П. Б.

[3]) Объ этомъ смотри въ Запискахъ графа П. А. Валуева, которыхъ изданіе въ „Русской Старинѣ“, къ сожалѣнію, прервано. П. Б.

Все это похоже на комедію. Этотъ цугъ депутатовъ въ Петербургѣ, цугъ въ Царское Село и цугъ отъ станціи, въ придворныхъ экипажахъ, ко дворцу, и пріемъ ихъ тамъ, и обѣдъ ихъ тамъ, и тостъ предводителя Шувалова за здоровье Государя, все это какая-то комедія, напоминающая Версальскіе пріемы 1780 годовъ, съ тою разницею, что тамъ прорывались элементы сильные, покончившіе дѣло взрывомъ, у насъ тянутъ элементы за уши и навязываютъ, вмѣсто взрыва, фіаско, пародію, комедію. Ничему я этому не вѣрю и думаю, что шалитъ и играетъ дѣлами какая-то молодежь, можетъ быть бойкій ген.-адм. съ плеядою молодыхъ своихъ секретарей, или и *, ища популярности, или * подъ веселую руку, желая загладить несчастный миръ широкими преобразованіями.

Ничему я этому не вѣрю. Не вѣрю потому, что не вижу элементовъ. Но преобразованія, но легкомысліе, съ которымъ они предпринимаются, могутъ привести къ другому порядку. Я не предвижу другого исхода, какъ конституцію. Только она образуетъ государственныхъ людей. Безъ нея бываютъ только столоначальники и журналисты, болтуны и писаки. Я очень далекъ отъ того, чтобы не отдать справедливости нашимъ журналамъ, особенно Московскимъ. Публицистика и доктринёрство, даже широкая научность, выражаются въ нихъ превосходно; но до государственной практики, даже до публицистики Times, еще очень далеко. Наша публицистика самостоятельно выражается въ пересмѣяніи; доктринёры, восхваляющіе Англію, похожи на университетскія диссертаціи. Или и то, и другое, и учёность наша черпаются изъ иностранныхъ источниковъ. Оттого все хорошо, гладко, но мало примѣнимо къ дѣлу. Оттого и государственные дѣльцы наши разрѣшаются работами незрѣлыми и плохо прививающимися къ коренному стволу. Историческаго, прочнаго основанія нѣтъ ни здѣсь, ни тамъ. Въ литературѣ это извинительно: она жила стѣсненно, въ опалѣ, въ ежевыхъ рукавицахъ; но государство? Здѣсь этого элемента еще менѣе, ибо основаніе его—произволъ. Николай, одушевленный преданностью Клейнмихеля и его экзекуторовъ, князя Чернышова и его кантонистовъ (три его кантониста, какъ мы называли въ 1836 году Суковкина, Буткова и Нейкера), думалъ внести этотъ произволъ и въ Европейское право, расправляясь съ Турціею и распоряжаясь въ княжествахъ à la cosaque. Александръ II въ эту внутреннюю неурядицу думаетъ внести Европейскія начала современности, современности болѣе нежели переходной, насилуемой и искаженной Наполеономъ III, самымъ неисторическимъ династомъ, какого видывала исторія. И вотъ, по моему понятію, причина фіаско, котораго я ожидаю, ко-

торое уже проявлялось не разъ, и не разъ проявится еще въ самомъ непродолжительномъ времени.

*

Просвѣщенный хозяинъ, графъ Киселевъ, желая устроить рыболовство, снаряжалъ ученыя экспедиціи для обозрѣнія и изученія его на рѣкахъ, озерахъ и моряхъ, избравъ руководителемъ этихъ экспедицій академика Бэра. Ученый натуралистъ объѣхалъ главнѣйшія озера съ притоками, былъ въ Архангельскѣ, въ 1853 отправился въ экспедицію Каспійскую, для изученія важнѣйшаго рыболовства нашего въ этомъ краѣ. Ему предшествовалъ, собственно для административныхъ изученій, чиновникъ М-ва Иславинъ; его сопровождали статистикъ Данилевскій, описатель орудій Шульцъ, учитель Астраханской гимназіи Вейдеманъ и рисовальщикъ Никитинъ. Экспедиція эта, продолжавшаяся три года, стоитъ Мин—ву 15 т. р., и столько же потребуетъ богатое изданіе трудовъ ея. Дѣло весьма важное, дѣлающее честь просвѣщенному министру и обѣщающее государству большую пользу. Экспедиція убѣдилась въ томъ:

1) Что уменьшеніе рыбы вообще есть, но незначительно, и чувствительно оно только въ лучшемъ красномъ сортѣ. 2) Законъ, ограничивающій жиротопленіе (11 Ноября 1846 г.), имѣлъ самыя благія послѣдствія для увеличенія рыбнаго продукта. 3) Необходимо распредѣлить рыбныя богатства съ большею уравнительностію между верховьемъ и низовьемъ Волги, ограничивъ расширеніе ватагъ и вообще нынѣшняго состоянія рыбнаго промысла на устьяхъ ея и вообще на устьяхъ Куры, Терека, у казаковъ Урала. 4) Море и вольный ловъ въ немъ не имѣютъ большаго значенія, ибо все зависитъ отъ прѣсной воды. 5) Необходимы ограниченія, съ назначеніемъ времени лова и орудій и способовъ его производства. 6) Полезно обложить прибыльное рыболовство рѣчное пошлиною, взявъ основаніемъ оной устраиваемыя ватагами и станами помѣщенія. 7) Необходимо ограничить привилегіи Уральскихъ, Астраханскихъ и Кавказскихъ казаковъ въ срокахъ и порядкѣ лова. 8) Необходимо ввести общественный надзоръ, составивъ для сего комиссію изъ представителей, выбранныхъ отъ владѣльцевъ водъ и промысловъ: прибрежныхъ, казны, частныхъ промышленниковъ и представителей городовъ. 9) Полезно преподать наставленіе о лучшемъ соленіи, жиротопленіи и вообще приготовленіи товара (печатая бочки и ящики печатью производителя), о содержаніи плотовъ и выходовъ, пригласивъ для примѣра Голландцевъ; и 10) Начертать постановленіе и издать уставъ.

Экспедиція ставитъ себѣ въ особенную заслугу усвоеніе краемъ соленія сельдей (бѣшенки), милліонами идущихъ въ Волгу. 1.000, упо-

треблявшаяся на жиротопленіе, приносила доходу 12 к.; потомъ, съ уменьшеніемъ жиротопленія, до 35 к., а соленыя стоятъ болѣе 5 р.

Я выражу мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, когда оно созрѣетъ и приготовится; а теперь замѣчу только, что несомнѣнная польза экспедиціи была бы еще значительнѣе, если бы начальникъ оной былъ Русскій, имѣлъ болѣе власти и средствъ и сосредоточивался исключительно на предметѣ дѣла. Нѣмецкій академикъ затруднялся обращеніемъ въ кругу людей, для него едва доступномъ; онъ встрѣтилъ противодѣйствія и пререканія и въ губернаторѣ Васильевѣ, и въ рыбной комиссіи, въ г-нѣ Каразинѣ, и даже въ новомъ директорѣ Заблоцкомъ; и онъ едва не запутался, желая удовлетворить и Мин—во, и Академію, и Географ. Общество, и опасаясь, чтобы открытія и предположенія его не похитили адмиралъ Васильевъ, представившій въ Сентябрѣ 1857 г. о вольномъ ловѣ, Иславинъ, разсматривавшій многіе вопросы экспедиціи, рыбная комиссія, занимавшаяся составленіемъ новыхъ правилъ, и, наконецъ, Деп. Сельск. Хоз., распоряжающійся этимъ дѣломъ. Опасливость Нѣмца простирается даже на г. Данилевскаго!

Замѣчательно, что въ то время, когда комиссія занималась въ Астрахани составленіемъ новыхъ правилъ, экспедиція Бэра писала и представляла свое донесеніе; а когда это донесеніе послано въ Астрахань и тамъ начали передѣлывать проектъ, Министерство вошло въ сношеніе съ Оренбургскими и Кавказскими властями и Астраханскимъ губернаторомъ. Наконецъ, генералъ Муравьевъ приказалъ внесть все дѣло въ Совѣтъ. Дѣло!

Для меня важенъ одинъ вопросъ, за которымъ прочіе уясняются: недалеко ли идетъ экспедиція, принимая на себя лучшее распредѣленіе богатствъ моря, между верховьемъ и низовьемъ? «Осетръ или бѣлуга, доплывшіе до Саратова и тамъ пойманные, сами уже заботились о своей доставкѣ къ этому городу». Едвали это такъ; иначе придется ловить этихъ осетровъ въ Рыбинскѣ или Твери и, пожалуй, близъ устъ потребителя. Начало или законъ о распредѣленіи богатствъ, въ продолжительномъ его дѣйствіи, не согласуется съ ограниченіями, которыя иногда ведутъ къ кривымъ путямъ и искажаютъ естественный ходъ дѣла. Онъ, законъ этотъ, совпадаетъ съ свободою производства, которое укажетъ естественное, лучшее распредѣленіе богатствъ согласно съ общими выгодами. Здѣсь, противъ предположеній экспедиціи, нельзя не замѣтить, что, не смотря на значительное обложеніе приморскаго рыболовства и облегченіе рѣчнаго (неподлежащаго акцизу), первое развилось и развивается до того, что привело экспедицію къ

ограниченіямъ его, а рѣчное постепенно подчиняется его важности. Еслибы осетра выгоднѣе было ловить въ Саратовѣ, а не въ Астрахани, то вольная промышленность не преминула бы перемѣнить мѣсто. Осетра съѣдятъ въ Саратовѣ, а изъ Астрахани онъ пойдетъ въ Римъ. Естественная исторія должна указывать на устраненіе оскудѣнія, но она не въ правѣ замѣнять полицію и препятствовать свободѣ промысла, въ которымъ законъ долженъ опредѣлить право производства, а не порядокъ и мѣстность, избираемые смѣтливостію и предпріимчивостію въ предѣлахъ закона и надзора. Впрочемъ и самая свобода (вольный промыселъ) еще вопросъ.

*

Событія рвутся и тѣснятся, какъ толпа, вырывающаяся изъ душнаго подземелья. Въ нѣдрахъ общества горючіе матеріалы соединяются невидимымъ токомъ и, опасаясь быть объяты всѣ однимъ пламенемъ, прорываютъ то тамъ, то сямъ отверстія, грозящія расшириться въ огнедышущія жерла. На Востокѣ христіанство рѣшаются попрать магометанскія владычества (явленія знаменательныя на Кавказѣ, въ Марокко, на Пейхо въ Китаѣ и въ самой Индіи); въ Италіи народное право готово отстаивать себя предъ цѣлою Европою; въ Германіи открыто образуется національная партія единства и народныхъ вольностей; во Франціи говоръ о свободѣ тисненія громче нежели когда-нибудь.

У насъ торжество совершеннолѣтія наслѣдника и съ нимъ масса пожалованій и важныхъ преобразованій.

Шамиль взятъ въ плѣнъ, и Кавказъ покоренъ до Каспійскаго моря.

Солдатству сокращенъ срокъ до 15 лѣтъ, а на морѣ до 14.

Кредитъ преобразованъ, и процентъ долговыхъ ссудъ возвышенъ до 5, а вкладовъ пониженъ на 2. Тутъ будетъ запутанность, я думаю даже несостоятельность; но пора было приступить къ регулированію операцій, еще въ 1854 г. опороченныхъ Леономъ Фоше́.

Редакціонная комиссія Ростовцова вступила въ пренія съ прибывшими депутатами.

*

Сентябрь. Во Франціи власть, немножко компрометировавшаяся въ Италіи, играетъ съ печатью какъ кошка съ мышкой и если неслыхано и невидано, чтобы мышка съѣла кошку, тѣмъ не менѣе Times замѣчаетъ, что двусмысленныя статьи Débats и Revue des deux Mondes гораздо болѣе вредятъ и безпокоятъ власть чѣмъ всѣ памфлеты и діатрибы

Брюсселя и Джерси [1]). Статьи двухъ журналовъ дѣйствительно замѣчательны и если немного говорятъ въ пользу гражданской храбрости и характера націи, еще пребывающей въ апатіи, за то много говорятъ къ чести Французскаго остроумія, блестящей пересмѣшливости и остатковъ либерализма, лучшимъ выраженіемъ которыхъ теперь является статья Вильменя (въ Courrier du Dimanche): La presse périodique devant le suffrage universel. Знаменитый писатель, со всею учтивостію Аѳинскаго горожанина, опровергаетъ двусмысленные доводы Монитёра, 8-го циркуляра 18 Августа, находя признаніе ихъ ученій порядочной безсмыслицей... C'est trop demander à la docilité du bon sens public. Не менѣе учтиво правительственные органы опровергаютъ эти парламентскія вторженія и если болѣе любезно, нежели справедливо:

quand au *muet asservissement* dont le spirituel journaliste parle en finissant, il y a une réponse bien simple: il n'y a qu'à prier m-r Villemain de relire son articlce, ce qui sera, du reste, un châtiment bien doux,—то справедливо то, что

qu'il est beaucoup moins exact de dire que la presse a joui de la liberté sous la restauration et sous la royauté de 1830, que de dire qu'il y a eu une lutte ardente et sans relâche entre ces deux gouvernements et la liberté de la presse.

Но правъ и г. Вильменъ, говоря о неискренности мѣръ нынѣшней цензуры, долженствующей имѣть вредное вліяніе на публицистовъ, когда-то образцовыхъ: Une censure anonyme d'autant plus sévère qu'elle serait plus vague, d'autant plus redoutée qu'il faudrait la pressentir, la deviner à demi et lui obéir, avant qu'elle ne parle. Прибавьте къ этому молчаливому порабощенію молчаливость загадочнаго Цезаря, и вы поймете все страданіе ума и сердца лучшей части народа, оглушаемаго дикими восклицаніями о торжествахъ и побѣдахъ.

Въ этомъ упаданіи литературнаго и общественнаго преобладанія великой націи я вижу продолженіе реакціи народнаго элемента мѣстнаго, все болѣе и болѣе вырабатывающаго свое достоинство и свою самостоятельность.

*

На дняхъ разговаривалъ я съ Юліемъ Андр. Гагемейстеромъ о предпринятыхъ финансовыхъ реформахъ. Я говорилъ, что все это не зрѣло [2]), не благовременно и напоминаетъ механическое подражаніе

---

[1]) Островъ, гдѣ жилъ не признававшій Наполеона III-го Викторъ Гюго. П. Б.

[2]) Гагемейстеръ какъ бы съ удивленіемъ слушалъ, когда я говорилъ ему, что мѣра погашенія ассигнацій билетами или консолидированіемъ непрерывныхъ доходовъ, даже съ $7^1/_2$%, не удалась графу Гурьеву еще въ 1817 г. Сомнѣваюсь.

западнымъ изворотамъ, особенно Австрійскому министру Бруку. Я говорилъ, что неудача внѣшняго займа, неудача внутренняго займа (непрерывныхъ 4%), неудача продажи государ. имуществъ и неудачи нашихъ промышленныхъ и торговыхъ компаній доказываютъ основательность моихъ воззрѣній. Я говорилъ, что существеннымъ дѣломъ въ настоящее время представляется лучшее учрежденіе государственной смѣты и соединенныхъ съ нею установленій, особенно экономіи въ расходахъ.

Гагемейстеръ сознавался, но относилъ необходимость предпринимаемыхъ мѣръ къ запутанности финансоваго управленія, къ настоятельности возвышенія заграничнаго курса и къ напору крѣпостного вопроса, который требуетъ и земскихъ банковъ, и новой системы податей и налоговъ *). Объ экономіи думать нельзя. Княжевичъ не имѣетъ никакого авторитета.

Такъ, но куда же приведетъ насъ эта безсистемная систематика?

Я знаю Гагемейстера съ 1856 года очень близко. Онъ писатель и спекуляторъ и при разсмотрѣніи лѣсного тарифа, состоя членомъ лѣсной компаніи, предложилъ въ тарифѣ, вмѣстѣ съ Петерсономъ, такія преобразованія, которыя, по донесеніи техника, генерала Бульмеринга, соображались болѣе съ видами компаніи, нежели правительства и флота. Занимаясь учеными изслѣдованіями въ Новороссіи и на Кавказѣ, довольно безпослѣдственными, онъ перешелъ въ Мин. Гос. Им. и здѣсь, какъ и въ Географическомъ Обществѣ, не имѣлъ никакого значенія, иногда обращая вниманіе публики финансовыми статьями, въ смыслѣ проф. Вернадскаго. Я не вѣрю его финансовымъ свѣдѣніямъ и вполнѣ увѣренъ, что онъ дѣла, нашего письменнаго дѣла, не знаетъ и манипуляціи кредита на биржахъ и рынкахъ не понимаетъ. Онъ ни банкиръ, ни чиновникъ. Онъ писатель и едва ли не подставной профессора Вернадскаго, который «Экономическимъ Указателемъ» дѣйствуетъ ловко.

Меня ужасаетъ одно: все это, всѣ эти господа—спекуляторы и притомъ незрѣлые, влекущіеся за болѣе опытными, иностранными, у которыхъ Вернадскіе и Бабсты, Бунге, Тернеры и Безобразовы играютъ роль доброхотныхъ эмиссаровъ. Или все это слѣдствіе натиска

*) Какъ о безсрочныхъ вкладахъ и продолжительныхъ ссудахъ, опороченныхъ Леон. Фоше еще въ 1854 г., такъ и здѣсь, мы шагомъ не хотимъ отстать отъ Брука. См. рескриптъ на имя гр. Гарраха 7 Сентября 1859 г. (Ausb. Z. № 229). Австрія услышала объ этомъ вскорѣ послѣ Сольферино и перемирія.

отъ обилія западныхъ капиталовъ, ищущихъ болѣе выгоднаго помѣщенія?

Въ соединеніи съ такими преобразователями, Ганземаны и consors могутъ привести не только банкротство правительства, но съ обнищаніемъ народа и недовѣріемъ его ко власти рѣшительную революцію съ смутами, ломкою и кровью. Разбиваютъ кабаки, доберутся до палатъ. Но вина падаетъ и падетъ не на этихъ спекуляторовъ (они обманываютъ, не возбраняя дѣлать это и другимъ, если могутъ выдержать соревнованіе), а на то надменное властительство государственнаго Николаевскаго управленія, которое, не отвѣчая самымъ скромнымъ законнымъ требованіямъ, подмывало основанія и, вызвавъ напоръ, приготовило пути ему во всѣхъ направленіяхъ. Вина падетъ на этихъ своекорыстныхъ министровъ, которые, по выраженію Сперанскаго, считаютъ департаменты своими вотчинами и располагаютъ государственнымъ достояніемъ такъ, чтобы или себѣ захватить и откроить побольше или дать своимъ сынкамъ и пришлымъ. Такъ графъ Панинъ получилъ согласіе генерала Муравьева на 3 т. р. аренды Топильскому съ тѣмъ, чтобы сыну Муравьева Леониду дать оберъ-прокурорское мѣсто. Переводили об.-пр. Матюнина въ Москву, но онъ уперся; ссадили Быкова и посадили провіантнаго чиновника Леонида Муравьева, а потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ дали ему 2 т. десятинъ земли. Земля эта имъ продана, говорятъ, за 60 т. р.; ибо отецъ предположилъ отвести ее на Волгѣ, въ богатомъ краю и съ хорошею пристанью. Теперь этотъ разсказъ ходитъ по городу, увы! справедливый, какъ говоритъ ст.-секр. Валуевъ, подписавшій рапортъ Сенату 8 Декабря и получившій награды 5 т. р.

Вина падетъ на этихъ ничтожныхъ магнатовъ, которые, не имѣя ничего, не зная и не понимая ничего, не имѣютъ ни надменности, ни своекорыстія и портятъ единственно потому, что коптятъ небо.

Преступно желать бѣдствій отечеству, какъ многіе желали Севастопольской катастрофы, чтобы проучить управленіе Николая. Но пусть оборвется наша наглая самонадѣянность, если отъ этого можетъ водвориться порядокъ и укрѣпиться благосостояніе!

Дѣло крестьянское разыгрывается, и сила ропота возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Поспѣшная комиссія редакторовъ, состоящихъ изъ умныхъ чиновниковъ и блестящихъ журналистовъ, кончила свои труды, по 21-й губерніи, очень произвольно сгрупированныя и, ставъ лицомъ къ лицу съ вызванными депутатами, докладомъ министра внутреннихъ дѣлъ опорочила ихъ какъ закоренѣлыхъ душевладѣльцевъ,

предписала имъ инструкціею, скрѣпленною Бутковымъ, давать вопросы на отвѣты, которые вѣрнѣе и удобнѣе могли бы быть истребованы отъ вотчинныхъ конторъ; а когда они встали на дыбы и рѣшились подать адресъ Государю, приготовленный уже и къ подписанію въ одномъ изъ собраній ихъ у предводителя Шувалова, генералъ Ростовцовъ, toujours lui, partout lui (ибо онъ внушилъ и докладъ министра, и инструкцію Буткова, и неласковый пріемъ въ Царскомъ Селѣ) вошелъ въ сдѣлку и сообщилъ депутатамъ (всегда называемымъ членами комитетовъ) работы комиссій, торопливо приглашая ихъ представить свои замѣчанія и прибыть, по желанію, для состязаній въ комиссіи. Раздраженіе депутатовъ, въ письменныхъ мнѣніяхъ и въ частныхъ ихъ собраніяхъ, не знаетъ мѣры. Теперь начинается и печатная огласка. На дняхъ изъ Парижа прислана брошюра: Lettre d'un député de comité à m-r président de la commission de la rédaction aide-de-camp général Rostovzeff, Paris, cher Guillaumin et C-ie 1859. Это письмо богатаго владѣльца графа Владиміра Петр. Орлова-Давыдова. Въ немъ между прочимъ онъ пишетъ: Vous vous adressez aux seigneurs en des termes, qu'on a souvent entendus dans votre bouche: «Cédez la terre, messieurs, si vous voulez garder vos têtes»... и далѣе: Et nous mêmes, aurions-nous une tête à trancher ou un coeur à percer, si nous étions capables de reculer devant cette menace indirecte que vous nous faites?

Я не вѣрю исходу крѣпостного дѣла въ смыслѣ царскихъ рескриптовъ и работъ комиссій. Я предполагаю и здѣсь фіаско. Но я долженъ сказать, что генералъ Ростовцовъ ведетъ дѣло превосходно, я хочу сказать превосходно ловко, хитро, смышленно. Я не думаю однако, чтобы онъ удержался; дворянская партія сильна, а она близка дворской. Дворянство же, сколько можно теперь судить, принимаетъ характеръ протеста, и все заставляетъ опасаться, что по закону Русскому, шиворотъ на выворотъ, мы недалеки отъ революціонныхъ движеній въ средѣ сословія дворянскаго въ борьбѣ его съ бюрократіей, изъ которой оно вышло, и съ журналистикой, въ которой ничтожное представительство ея подавлено.

А дѣлу это не поможетъ. Оно уже испорчено. Поможетъ это конституціи? Да.

Читаю я брошюры помощника ст.-секр. Заруднаго о гражданскомъ судопроизводствѣ. Какая канцелярская работа, какая бѣдность размѣровъ, уваженій и часто самыхъ цѣлей! Старикъ графъ Блудовъ окончательно банкрутится. Вообще меня пугаютъ не преобразованія,

по орудія, лица, которыми они совершаются. Для вѣрнѣйшаго упроченія ихъ, Государь дозволилъ гласность, полемику, публицистику. Въ соединеніи съ нею, новые люди должны водворить новый порядокъ. Но кто же эти новые люди, въ какой средѣ они воспитались и выросли, въ какомъ кругѣ дѣятельности вращались и образовались, изъ какихъ чистыхъ источниковъ черпаютъ они свѣдѣнія? А гласность? А публицистика? Гласность и публицистика имѣютъ у насъ право говорить все, чтó не вредно и не поперечитъ правителямъ. Ясное упоминовеніе оффиціальной цифры отчета приводитъ къ двумъ инстанціямъ цензуры, и всякое вѣдомство отстаиваетъ себя запрещеніемъ печатанія. А мы знаемъ, чтò такое отчеты, мы знаемъ и то, какъ легко дать запрещеніе. По судебной части реформы проектируются г. Зарудньмъ. Прочтите его брошюры, которыя II-е Отдѣленіе и Госуд. Совѣтъ, въ увлеченіи нововведеніями, признаютъ за свою работу. По финансамъ— гг. Гагемейстеръ, Ламанскій, Вернадскій и Микшевичъ. Испытавъ неудачу во внѣшнемъ займѣ и въ 4% билетахъ, они 1 Сентября публикуютъ указъ о 5%, съ такими льготами и преимуществами, что хоть въ ротъ клади. Но, объявивъ это, объявивъ, что подписка на 4% дала только 13 м. р. (не говоря какихъ; все это негодныя деньги), министерство продолжаетъ эту подписку до 1860 г. на отмѣненные 4% непрерывные билеты и въ тоже время, обѣщая обмѣнъ ихъ на 5%, удостовѣряетъ, что количество этихъ послѣднихъ будетъ опредѣлено, ограничено. Мудрено имѣть довѣріе къ такимъ крайностямъ, и едва ли онѣ не предвѣщаютъ дальнѣйшее подражаніе Ф. Бруку: закладъ или продажу государственныхъ имуществъ, которымъ г. Микшевичъ посвятилъ обширную статью въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (Августъ, 1 и 2 кн.). Но чтò это за статья? Испещренная цифрами, болѣе нежели гадательными, статья цѣнитъ наши домены въ 4,000 мил. р. и окончательно приходитъ къ выводамъ, что должно постепенно мѣнять казенныя земли на предполагаемыя къ выкупу для освобождаемыхъ крестьянъ, а остатками прибыли погасить весь или въ большей части долгъ процентный. Ну, согласно ли это съ дѣломъ? Насчитывая 4,000 м. безъ соображенія съ живою силою, которая даетъ землѣ цѣнность, и предлагая обмѣнъ съ помѣщиками, авторъ забываетъ одно (потому что ничтожная публицистика тутъ нѣма), что милліоны эти заключаются въ податяхъ, и что тамъ, гдѣ могъ бы быть обмѣнъ, у казенныхъ крестьянъ нѣтъ и 3 дес. надѣла. Но такъ или сякъ, эти 5% билеты и эти продажи страшны мнѣ тѣмъ, что ловкіе капиталисты и спекуляторы воспользуются монополіей своей силы и, перепродавъ потомъ съ высокой преміей, оставятъ всю операцію на нашихъ плечахъ, т. е. придавятъ зем-

ство и земледѣліе еще сильнѣе, а сами съ высокими преміями начнутъ новый родъ спекуляцій. Я боюсь эксплуатаціи Россіи.

*

24 Сентября, въ 3/4 12 пополудни, скончалась мать моя, на 68 году, въ Саратовѣ. Кладу крестъ и записываю это твердою рукою, но прекращаю на время мои труды. Тяжко, Господи, Твое посѣщеніе! Я остался въ неоплатномъ долгу, и послѣднія минуты святой старушки исполнены были ожиданіями, которыхъ я не могъ выполнить. Преклоняю колѣни и молюсь, Господи, за душу усопшей, за насъ ее оплакивающихъ и за себя, виновнаго предъ матерью,—виновнаго безъ помышленія.

3 Октября.

Мать моя, дочь Пензенскаго помѣщика Кожина, родилась въ 1793 году, въ селѣ Знаменскомъ, Ключищѣ тожъ, и, бывъ на воспитаніи у родственниковъ, Племянниковыхъ, въ Пензѣ, почти ребенкомъ, 13 лѣтъ, вышла замужъ за отца, только пріѣхавшаго изъ Петербурга. Она была несчастлива, и въ дѣтской моей памяти—сцена отъѣзда, когда, окруженная малолѣтними 4 сыновьями и дочерью, она истощила все терпѣніе и въ 1817 г. уѣхала со всѣми нами къ отцу своему въ Знаменское. Любившій ее страстно мужъ въ слѣдующемъ году скончался. Черезъ полтора года скончался и дѣдъ. Мать, 25-лѣтняя вдова, осталась въ деревнѣ, въ особомъ флигелѣ, и занималась нами. Она всему учила насъ и пріучала къ простой жизни и большому порядку. Старшіе братья переѣхали въ Пензу, сперва Константинъ, перешедшій съ И. И. Лажечниковымъ въ Казань, а потомъ и Леонидъ. Въ 1822 г. мы всѣ перебрались въ Пензу, и почтенный директоръ, во вниманіе къ службѣ отца, далъ намъ квартиру въ казенномъ домѣ, смежную съ своею. Мать была очень дружна съ женою Лажечникова. Не имѣя никакихъ средствъ (приданое прожито въ первые годы замужества), мать завела пансіонъ, и такъ продолжалось до 1828 года, когда я, по окончаніи гимназическаго курса, поступилъ въ Московскій университетъ.

Я живо помню эти годы, вижу мать съ ученицами, никогда не видывалъ ея утомленною, всегда доброю, всегда преданною семьѣ. Много было нужды и лишеній, но многое скрывалось. Она старалась держать насъ въ порядочномъ кругу и съ удовольствіемъ устраивала домашніе театры, на которые съѣзжалось въ нашу залу много любопытныхъ.

Въ 1824 г. я помню одинъ случай, который часто про себя повторяю. Люди дѣдовскіе, служившіе намъ, были отобраны; а няня,

Прасковья, женщина невоздержная, работала плохо. Разъ, въ Воскресенье, некому было подмести комнату, въ которой послѣ игръ и классовъ дѣтей прибрать всегда было что̀. Мать взяла вѣникъ и нагнувшись стала мести комнату, когда на половинѣ работы пріѣхала ея пріятельница Анна Ѳедоровна Купріянова. Не понимаю, почему я или братъ Леонидъ не избавили мать отъ этой работы. Я всегда попрекаю себя за это.

6 Октября.

Отъ сестры Евлампіи нѣтъ писемъ. Положеніе ея должно быть ужасно. 40 лѣтъ она на нѣсколько дней почти не разлучалась съ матерью; и мы, все семейство, обязаны сестрѣ успокоеніемъ нашей дорогой старушки.

Простота матери и ея скромность, доходившія до уничижительнаго самозабвенія, были слѣдствіемъ продолжительной зависимости ея отъ обстоятельствъ. Но чувства здраваго смысла и вкуса въ ней было много. По преданности ея Провидѣнію, по снисходительности къ свѣту и по любви къ дѣтямъ, это была библейская женщина. Нѣкоторыя письма ея—образецъ превосходныхъ наставленій. Въ отношеніи дѣтей (по крайней мѣрѣ, я это могу сказать про себя) она имѣла даръ провидѣнія. Я ей вѣрилъ вполнѣ и слушался безъ разсужденія.

9 Октября.

Писемъ все-таки нѣтъ отъ сестры. Зять и Мери пишутъ, но коротенько. Мнѣ бы хотѣлось знать подробности кончины. Послѣ смерти людей, близкихъ сердцу, я всегда чувствую какую-то вину за собою: или я сдѣлалъ недолжное, или должнаго не сдѣлалъ. Передъ матерью, въ дѣтствѣ, я виноватъ былъ много. По живости моего характера, я часто причинялъ ей неудовольствіе. Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее лѣтомъ 1857 г., когда, потерявъ Сашу, искалъ утѣшенія, доселѣ ненаходимаго. Я встрѣтилъ ее, какъ въ 1832, въ 40, 43, 47, 52 годахъ,—съ бьющимся сердцемъ любящаго сына. Но кто же могъ думать, что видимся въ послѣдній разъ? И какъ рѣшиться думать это и просить прощенія? Я знаю, что она меня простила и благословила, но мнѣ бы хотѣлось упасть къ ногамъ моей матери, жившей всю жизнь для семейства, любившей меня, какъ, я думаю, не любитъ и жена.

Въ 1832 г. она прокралась ночью къ дверямъ комнаты, посмотрѣть, сплю ли я. Точно также и въ 1857 г. подходила она ко мнѣ и прислушивалась, почиваетъ ли ея генералъ. А подходилъ ли этотъ кандидатъ и этотъ генералъ къ ея спальнѣ?

Молю Тебя, Боже, за упокой души ея. Благодарю Тебя, Боже, за дарованіе мнѣ такой матери. Прими мое моленіе. И ты, отстрадавшая праведница, дай мнѣ въ милости твоей успокоеніе и силу ободренія.

10 Октября.

А писемъ нѣтъ. У меня тяжела голова. Жена нездорова. Хорошо еще—дѣти веселы. Что̀ бы сдѣлать пріятное для усопшей и облегчить тягость сердца?

Вотъ письмо отъ Евлампіи. Бѣдные! Они ѣдутъ ко мнѣ. Пріѣзжайте. Въ груди моей много любви. Я наслѣдовалъ часть материнскаго сердца. Пріѣзжайте. Миръ намъ.

*

Мы очень хвалимся нашими лѣсными богатствами; но едва ли мы такъ богаты этимъ даромъ, какъ обыкновенно думаютъ и какъ подтверждаютъ это гг. Гакстгаузенъ и Тенгоборскій. Въ кругломъ счетѣ лѣса̀ составляютъ 27% нашей площади, доходъ въ среднихъ губерніяхъ до 11 и 9, спускаясь съ степныхъ и южныхъ до 1 к. и менѣе. Прибыль можно считать по $11\frac{1}{2}$ копѣекъ съ десятины (съ казенныхъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что мы не въ первый разъ посылаемъ изучать лѣсную часть за границей, и наше лѣсоводство, въ устройствѣ управленія и въ Институтѣ, носитъ печать Нѣмецкаго происхожденія; но, судя по даннымъ Гелдьта, едва-ли мы что нибудь можемъ оттуда заимствовать при нашихъ пространствахъ и малыхъ способахъ, и если нельзя согласиться съ Шелгуновымъ, который, принаравливаясь къ воззрѣнію генерала Муравьева, рубитъ съ плеча заключеніемъ, что вся лѣсная наука есть еловая метафизика и Нѣмецкій лѣсничій—автоматъ, никуда кромѣ лѣса негодный: то и попытка, хотя отдаленная, по мнѣнію моему, должна ограничиться примѣненіемъ: 1) устройства лѣсной полиціи (разумѣется не въ смыслѣ широковѣщаній Гундслагена-Клаупрехта); 2) введеніемъ лѣсооборота по отдѣльнымъ хозяйственнымъ участкамъ; 3) соединеніемъ охранной стражи съ рубкою отъ казны; 4) начинаніями устройства дорогъ и каналовъ и 5) установленіемъ культуры, призывая ее на помощь самовозобновленію.

Я грущу и скучаю и въ этомъ положеніи все вижу въ черномъ. Прекращеніе дѣлъ банкира Штиглица, частыя банкрутства, общій упадокъ фондовъ и курса и въ воздухѣ разлитые вертёжь и опасенія денежныя и крестьянскія, невольно настраиваютъ душу къ недовѣрію, всегда тягостному. Но особенно рождается это тягостное недовѣріе во мнѣ отъ постояннаго и неумолкающаго предубѣжденія ко мнѣ мини-

стра Муравьева. Сказавъ: «Совѣтъ—это вы», онъ прочелъ мнѣ такую рацею, всегда неравнодушную, о вмѣшательствѣ Совѣта въ дѣла администраціи, о замѣтной систематической оппозиціи неумѣстными инициативами (онъ разумѣлъ здѣсь предположеніе о необходимости лѣсной полиціи, имъ однако утвержденное), которыя Совѣтамъ принадлежать не могутъ и проч.

При совершенной зависимости моей, будучи не въ состояніи отказаться отъ всякой дѣятельности въ службѣ, оставить которую, взявшись за другія занятія черезъ 30 лѣтъ, нѣтъ возможности, я готовъ пойти на угодливость, на слѣпую, страдательную исполнительность, но пробовалъ, и не удалось; послѣдствія вышли противныя, не нравятся ни труды и дѣйствія мои, ни самъ я.

Я считалъ мать мою, въ искреннихъ молитвахъ ея, ангеломъ-хранителемъ и боюсь, чтобы съ кончиною ея Богъ не послалъ мнѣ испытанія и лишенія, невыносимыя для человѣка, обязаннаго семействомъ. Я люблю испытанія и лишенія, прежде я отъ нихъ росъ и развивался; теперь они меня гнетутъ. Но дѣлать нечего. Буду надѣяться на Божью правду и уступать насилію, хотя съ униженіемъ, но безъ уничтоженія.

Когда уединяешься въ себя и обозрѣваешь этотъ волнующійся міръ, въ которомъ нѣтъ уголка, гдѣ бы не кипѣли страсти, гдѣ бы опасенія не отравляли радости и удовольствій и гдѣ бы не было спора, распри, болѣзни, гибели и смерти—сердце сжимается, и умъ отказывается отъ своей силы и своего достоинства, ожидая внезапнаго чуда, возникновенія доселѣ невиданнаго и несостоятельности всего, доселѣ господствовавшаго.

Дѣло въ томъ, что историческое развитіе жизни, владѣвшее естественными ея требованіями, оканчивается и уступаетъ мѣсто раціональному, выработавшемуся опытами вѣковъ и усиліями возмужалой въ этихъ опытахъ науки.

Дѣло въ томъ, что основаніе общества, недвижимая собственность, утратило прежнюю исключительность и значеніе съ распространеніемъ движимыхъ, летучихъ и невещественныхъ цѣнностей, которыя обняли, схватили и преобразили эту собственность, такъ что неподвижность ея улетучилась и носится изъ края въ край, изъ рукъ въ руки по биржамъ и конторамъ.

Дѣло въ томъ, что общественный контрактъ народа устраняется непомѣрнымъ, притязательнымъ развитіемъ личности, и начало порядка,

на которомъ власть соединяла право и обязанность, даетъ мѣсто сознательной свободѣ, при которой общественное мнѣніе, гласность, убѣжденіе рѣшаются водворить благосостояніе всѣхъ и каждаго на основаніи нравственнаго, не менѣе обязательнаго, закона солидарности и экономическаго, вездѣ дѣйствительнаго, начала запроса и предложенія.

Дѣло въ томъ, что Европейское человѣчество находится въ ложномъ положеніи, и отъ безцѣнной короны всемощнаго императора до ничтожной котомки нищаго, всѣ чувствуютъ какую-то тягость, принужденіе, давленіе, и всѣ мало-по-малу уступаютъ, входятъ въ сдѣлки, приготовляются къ перемѣнѣ, а подъ ними и надъ ними народы мятутся, притязательность изощряется, напоръ и стремленіе усиливаются.

Великіе учители, не находя что̀ сказать, объясняли вѣрою: L'homme s'agite, Dieu mène. Богъ нашего времени есть случай, счастіе, удача; а волнуется не человѣкъ, а толпа, и ведутъ толпу къ этому случаю другіе учители, для которыхъ волненіе есть не грѣшное посягательство, а жизнь, долгъ, необходимость. Agito, ergo sum. Бѣдность, матеріализмъ, безвѣріе нуждаются въ новомъ откровеніи.

Много говорятъ о статьѣ «Русской Бесѣды» Павла Якушкина [1]), три раза арестованнаго Псковскою полиціей по подозрѣнію, возбужденному крестьянскою одеждою, надѣтою Славянофиломъ по убѣжденію своего ученія и для удобнѣйшаго собиранія народныхъ пѣсень. Статья эта перепечатана въ «Моск. Вѣд.», въ «Русск. Газетѣ» и (съ Европейскимъ присловіемъ) въ «Русск. Вѣстникѣ» [2]). Изъ Петербургскихъ она напечатана только въ «Сынѣ Отечества»; въ редакціи другихъ министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ, черезъ полицію, запрещеніе.

Жаль, что публицистъ далъ своей статьѣ колоритъ Славянофильской школы; это много вредитъ впечатлѣнію и оправдываетъ Псковскихъ деспотовъ, вѣроятно, и не подозрѣвающихъ существованія этой секты. Жаль также, что Славянофилъ не объяснилъ цѣли и обстоятельствъ своей миссіи, даже содержанія письма редакторовъ «Русской Бесѣды», которое онъ совалъ полицейскимъ въ оправданіе своихъ дѣйствій. Въ Петербургѣ, я это знаю и читалъ въ запискѣ Мих. Ал. Безобразова, а, вѣроятно, и въ Москвѣ, дворянская (крѣпостная) партія

---

[1]) Павелъ Ивановичъ Якушкинъ, помощникъ П. В. Киреевскаго въ собираніи народныхъ пѣсенъ (лѣвый сынъ Орловскаго помѣщика) потерпѣлъ ссылку и скончался 8 Января 1872 года. П. Б.

[2]) Эти предисловія въ обоихъ журналахъ замѣчательны. „Русская Бесѣда", обращаясь къ лицу Вал. Муравьева, надѣется, что онъ наставитъ „*своихъ* чиновниковъ". Это „своихъ" такъ и пахнетъ татарщиной. „Вѣстникъ" толкуетъ о подозрѣніи.

считаетъ его эмиссаромъ народной (едва-ли не республиканской) пропаганды (?).

Это уже не первое дѣло г. Якушкина съ полиціей. И въ Москвѣ онъ, за куреніе сигары на улицѣ[1]), былъ взятъ въ сибирку или арестантскую при полиціи, и Славянофилы очень роптали на гр. Серг. Григ. Строганова, когда онъ выпущеннаго и пришедшаго къ нему съ жалобой Якушкина спросилъ: «вы выпущены, такъ за чѣмъ же вы ко мнѣ пришли?» Арестъ въ Псковѣ, вѣроятно, разсказанъ не такъ. Надобно ожидать дополненій и объясненій отъ обвиняемыхъ. Болѣе нежели кто другой я знаю невѣжество, произволъ и заносчивость полиціи, особенно въ отношеніи простолюдиновъ, какимъ могъ представиться губернскій секретарь въ армякѣ и поддёвкѣ. Но костюмъ, загадочныя занятія и опасливое настоящее время могли дать основательный поводъ квартальному и частному къ аресту. Какъ не дали себѣ отчета полиціймейстеръ Гемпель (бывшій гвардеецъ и подполковникъ) и особенно управляющій губерніею [2]), понять трудно, не выслушавъ ихъ. Но для меня еще труднѣе понять, какъ правительство, читая и печатая такія статьи о своихъ чиновникахъ, не устранитъ ихъ отъ должностей, и, повидимому, одобряя оглашеніе противозаконій, какъ бы отказывается отъ прямой своей обязанности удовлетворять жалобамъ взысканіемъ съ виновныхъ, и отдаетъ своихъ агентовъ на судъ публики. Это не въ порядкѣ вещей. Гласность и публика суть послѣдняя инстанція суда, и правительство поступаетъ очень непослѣдовательно, выдавая своихъ исполнителей, т.-е. себя самого, не исправивъ причинъ порицанія, не удостовѣрясь въ виновности, даже не убѣдясь въ дѣйствительности ихъ. Еще въ 1790 году, и кто же?—Assemblée Constituante, постановило: les juges (а газетная почти повсемѣстная гласность еще важнѣе этихъ судей) ne peuvent, à peine de forfaiture, troubler, de quelque manière que ce soit, les opérations des corps administratifs, ni citer devant eux les administrateurs pour raison de leurs fonctions.

Но для меня важенъ случай съ Якушкинымъ не столько въ отношеніи обиды чиновниковъ, которые, вѣроятно, будутъ жаловаться и искать безчестія съ опубликованіемъ, ни въ отношеніи гласности, захватывающей (правда, безъ именъ) и по выше, сколько въ отношеніи стремленія гласности, партій и Славянофиловъ низвести дѣло—пѣсни, армякъ, бесѣды съ ворами, пьяницами, 3 классные вагоны, учтивость съ ундерами (вотъ гдѣ Русскій типъ сохранился) и проч. въ толпу. Хорошаго тутъ ничего нѣтъ, и фанатизмъ не оправдываетъ послѣдствій,

[1]) При Николаѣ Павловичѣ старику-доктору Гильдебрандту разрѣшено было, въ видѣ милости, куренье на улицѣ. П. Б.

[2]) Валерьянъ Николаевичъ Муравьевъ. П. Б.

тѣмъ болѣе, что фанатизму этому не вѣрятъ, и мелочное самолюбіе не должно забывать интересы общіе.

Должно замѣтить, что Якушкинъ родственникъ министра Муравьева и также въ родствѣ съ Псковскимъ губернаторомъ Муравьевымъ. Игра его зашла немножко далеко, и только враги правительства могутъ не видѣть въ этомъ случаѣ дѣло нарушенія общественной безопасности. Можно быть очень недовольну настоящимъ порядкомъ вещей (по моему, онъ отвратителенъ) но не честно искать его улучшеній въ «струяхъ народности», отъ которыхъ сама «Бесѣда» удалилась въ чистый потокъ общей цивилизаціи, Европейской науки, дѣлающей страницы ея интересными для всякаго просвѣщеннаго человѣка.

Дѣла запутываются все болѣе и болѣе, и финансы, и крѣпостной вопросъ, и печатаніе. Министръ Княжевичъ, послѣ неудачной попытки во внутреннемъ и внѣшнемъ займѣ, нынѣ еще болѣе затрудняемомъ отъ прекращенія дѣлъ барона Штиглица, и такой же неудачи въ продажѣ государственныхъ имуществъ, никѣмъ изъ министровъ не принимаемой, потребовалъ учрежденія особаго комитета для обсужденія финансоваго плана. Вѣрно не въ мочь, и послѣдованіе Фрейгеру Бруку, такъ прославленному въ статьяхъ гг. Гагемейстера и Ламанскаго, привело къ Австрійскимъ послѣдствіямъ. Генералъ Ростовцовъ боленъ и не будетъ присутствовать въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ назначены дѣла, направленныя противъ его комиссій; адресъ депутатовъ требуетъ, по пересмотрѣ ими предварительныхъ трудовъ комиссій (весьма не въ полномъ видѣ и въ сжатыхъ предѣлахъ, по инструкціи Буткова) пересмотра и окончательныхъ ихъ работъ (письмо или проекты Унковскаго, Дубровина, Дм. Хрущова и др. и записка М. Безобразова, предлагающая созваніе выборныхъ и преобразованіе управленія). А между тѣмъ печатаніе книгопродавцемъ Лоскутовымъ матеріаловъ и трудовъ комиссій пріостановлено (оно предполагалось въ 20 т. экземпляровъ) и, вѣроятно, совсѣмъ отмѣнится. Раздраженіе дворянства, т.-е. вызванныхъ членовъ, чрезвычайно, и въ тонѣ ихъ замѣчаній, представленныхъ Ростовцову, слышны ропотъ, порицаніе и открытая готовность на оппозицію.

Министръ Ковалевскій не знаетъ, на какую стать ногу. Анархія цензуры грозитъ разрѣшиться противодѣйствіемъ и хотя литература, по расчетамъ притворнаго страха, кричитъ о стѣсненіяхъ, но притворство это едва ли не предчувствіе, и должно замѣтить, что нѣкоторыя и многія статьи компрометируютъ выказанную терпимость правительства. Это жаль.

Въ Харьковѣ, по глупой мести попечителя студентамъ, по исторіи Салтыкова, предупрежденный *** разсердился и раскричался въ университетѣ. Въ Кіевѣ Государь, бывшій вездѣ, въ университетѣ не былъ. По пріѣздѣ онъ далъ почувствовать министру, что моледежь разнуздывается.

Въ литературѣ свирѣпствуетъ полемика акціонерная, въ которой гласность, доходящая до площадного ругательства, наглость обвиненій могутъ оправдаться развѣ только цинизмомъ молчанія и откровенностью ошибокъ, почти равносильною сознанію. То, что пишутъ Погодинъ въ «Русской Газетѣ», Воскобойниковъ въ «Русск. Вѣстникѣ», Трубниковъ въ «Журналѣ Акціонеровъ» и особенно Серно-Соловьевичъ и Стасовъ въ «С.-Петербургск. Вѣдомостяхъ», во всякомъ порядочномъ государствѣ и порядочномъ обществѣ вызвало бы или изслѣдованіе или дуэль; у насъ это принимается за попытки гласности и выражаетъ еще не крайнюю степень терпимости. Давай Богъ! Грубость сотрется, недобросовѣстность призадумается, туманъ прояснится, и грязь посмоется. Лишь бы это не послужило школою и приготовленіемъ для народныхъ трибуновъ, которые всегда являются въ годы нужды и злоупотребленія сильныхъ капиталами.

*

Въ грустныя минуты мои я читалъ Шиллера, о которомъ теперь такъ много пишутъ. На дняхъ празднуется столѣтіе—29 Октября (10 Ноября) 1759 г. Я написалъ небольшую статью и послалъ ее Гречу для напечатанія въ Сѣв. Пчелѣ въ день Нѣмецкаго праздника, который и у насъ находитъ большое сочувствіе. Я люблю этого поэта и признаю его великое значеніе въ воспитаніи Германскихъ народовъ и чрезъ нихъ всего образованнаго міра. Особенно сильно дѣйствовало на насъ его либеральное направленіе, сливающееся съ идеальнымъ. Въ обоихъ отражается Антей—земной человѣкъ со всѣми современными увлеченіями и идеалами. Идеальность есть основа его таланта. Она возбуждалась дѣйствительностію и облекалась въ живые образы изученіемъ прошедшаго. Я стараюсь выразить эти три элемента его твореній и объяснить ихъ успѣхъ Кантовскимъ ученіемъ объ изящномъ: достиженіемъ цѣли безъ цѣли, т. е. чистотою, непроизвольностію, безкорыстіемъ стремленія. (Сѣвер. Пчела 1859 г. № 236).

*

Дѣло крѣпостное все болѣе и болѣе разыгрывается. Cela chauffe. Если оппозиція дошла до дерзости возражаній депутатовъ и записокъ въ родѣ Мих. Безобразова, то значитъ она сильна или сильно прижата, и строгости правительства приведутъ только къ новымъ выход-

камъ. Безобразова, говорятъ, положено исключить изъ службы, какъ неблагонадежнаго, и выслать, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы. Записка дѣйствительно дерзка. Она говоритъ, разумѣя Ростовцова, что въ объявленіи высочайшихъ повелѣній министры объявляютъ свою волю и имѣютъ такія повелѣнія, на всякій случай, въ запасѣ. Такъ 12 Сентября объявлено благоволеніе депутату Ланскому, а 11-го Государь уже выѣхалъ изъ Петербурга. Затѣмъ онъ предлагаетъ созвать выборныхъ изъ дворянъ и поручить имъ крестьянское дѣло. Записка не имѣетъ никакого значенія и, безъ желанія сдѣлать строгостію манифестацію, достаточно бы было оставить ее безъ вниманія. Кромѣ желанія манифестаціи здѣсь дѣйствовало и нерасположеніе къ Безобразовымъ. Отца, сыновей и даже дочерей вообще не любятъ, и Государь особенно.

Министерство Финансовъ все возится съ своими 5% билетами и вынуждено то пояснить, другое истолковать публикаціями въ газетахъ: такъ еще мало привыкли мы къ этимъ операціямъ и такъ туго идетъ подписка на билеты. А между тѣмъ курсъ не возвышается, всѣ обороты, особенно желѣзныхъ дорогъ, съ истощеніемъ заграничныхъ бумагъ, терпятъ убытки, внутри все дорожаетъ, всѣ въ стѣсненіи, золота, серебра и даже мѣди совсѣмъ нѣтъ, и многіе думаютъ удалиться въ чужіе края, чтобы ожидать окончательнаго устройства дѣлъ. Государь, возвратясь изъ Варшавы, очень скученъ, и въ Гатчинѣ спектакли и пикники развлекали его, а на дняхъ онъ ѣдетъ въ Псковъ на балъ, а потомъ назначены охоты въ Лисинѣ и Финляндіи. Поэтому въ піесѣ «Нарцисъ» (пропущенной III Отдѣленіемъ) публика очень аплодируетъ возгласу: «Что̀ за времена! Золота нѣтъ, серебра нѣтъ, нѣтъ даже мѣди....» и заставляетъ повторять актера. Піеса, вѣроятно, будетъ запрещена.

*

По случаю измѣненія нѣкоторыхъ постановленій Остзейскаго торговаго устава возникли разныя, для 1860 г. довольно средневѣковыя, и между прочимъ объ обязательной въ Ригѣ браковкѣ льна и пеньки. Законъ (т. XI ст. 2345 примѣч. 1 и 2) предоставляетъ министру, по примѣру Петербурга 1844—1860 г., отмѣнить браковку и въ другихъ портахъ, если купечество будетъ просить о томъ. Рижская комиссія (подъ предсѣдательствомъ Валуева), основываясь на ходатайствѣ купечества Рижскаго и иностраннаго, проситъ удержать эту браковку; Петербургскій комитетъ и министръ финансовъ полагаютъ отмѣнить, оставя на волю покупщика и продавца.

Я недостаточно изучилъ этотъ предметъ, но склоняюсь болѣе въ пользу отмѣны, собственно въ видахъ развитія льняного производства. Хотя при нашихъ земельныхъ богатствахъ и при истощительномъ сборѣ пеньки и льна, выдергиваемыхъ съ корнемъ, мы не должны опасаться иностраннаго соперничества ни Америки, ни Египта, но по самому пространству посѣва и образованности производителей наше хозяйство еще не достигло сортовой, правильной обработки, и въ настоящее время, кажется, нужно не столько улучшеніе, сколько увеличеніе производства. Ленъ нашъ дуренъ и братъ, беретъ всегда не качествомъ, а количествомъ, и въ главномъ потребителѣ его, Англіи, цѣны его сравнительно очень низки. Тонна льна стоила: Куртрейскаго 117 ф. стерл., а Рижскаго только 43, тогда какъ Голландскій 79 и даже Ирландскій 70⅓ ф. стерл. Стремленіе къ улучшенію уменьшитъ количество и, можетъ быть, не вознаградя трудъ и затраты, все-таки не достигнетъ цѣнъ даже Ирландскихъ.

Временная мѣра 1844 г. въ Петербургѣ требуетъ всесторонняго изученія, и оканчивающійся оной срокъ въ 1860 г. представляетъ тому поводъ. Купечество наше не пользуется репутаціей добросовѣстности, и бракъ могъ бы служить огражденіемъ; но въ такомъ случаѣ надобно бы браковать всѣ товары. Показанія статистиковъ о количествѣ льна едва ли могутъ послужить точнымъ основаніемъ, ибо бракъ играетъ при этомъ второстепенную роль. Принято, что главный рынокъ для льна—Рига, для пеньки—Петербургъ, а для пакли—Архангельскъ.

По Тенгоборскому, Заблоцкому, Небольсину и Тернеру:

Ленъ—съ 1822 по 1850 г. увеличился отпускомъ отъ 100 до 242% (средн. въ годъ 3,100 тыс. пуд.); съ 1846 по 1850 г., вывезено его 20,700,000 пуд. (въ годъ 4,150 тыс. на 8 милл. руб.), съ 1842 по 1850 г., отпускъ льна изъ Петербурга почти удвоился и съ ⅕ Рижскаго отпуска перешелъ на ⅓ (по выводамъ Тернера), и въ самомъ Архангельскѣ отпускъ его достигъ до $1/_{10}$ всего отпуска Россіи. По изслѣдованіямъ Заблоцкаго отпускъ льна съ 1824 по 1848 г. возросъ вообще на 49% и собственно въ періодъ времени съ 1839 по 1843 г. на 23%, но съ 1844 по 1848 г. возрастаніе это остановилось.

Пенька, по Тенгоборскому, напротивъ уменьшилась отпускомъ на 4%; съ 1846 по 1850 г. вывезено пеньки 14,107 тыс. (въ годъ 2½ милл., на 6 милліон. руб.); по Тернеру, вывозъ пеньки съ 1842 г. увеличивается, и въ 1850—1852 г. вывозъ изъ Риги (951 тыс.) составляетъ половину отпуска изъ Петербурга. По Заблоцкому отпускъ пеньки, уменьшившійся на 10% съ 1829—1833 г., поднялся къ 1838 г.

на 22% и затѣмъ опять уменьшился къ 1843 г. на 5%, и къ 1848 еще на 5%. Чему же вѣрить *)?

Пакля до 1830 г. составляла 5% всего волокнистаго отпуска, а съ 1847 г. уже 14.

Сѣмя—съ 1827—34 г. было въ отпускѣ среднимъ количествомъ 3,600,000, а съ 1849—1853 составляетъ—3,800,000.

*

Ноябрь. Мы все возимся со студентами и цензурой. Студенты Казанскіе, надѣлавшіе шуму аплодированіями проф. Буличу, были (сидѣвшіе на задней скамьѣ аудиторіи) выпровождаемы съ жандармами, и нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавъ сюда, прибитыми къ стѣнѣ, въ студенческой комнатѣ, объявленіями пригласили Петербургскихъ, и одинъ ораторъ съ каѳедры разсказалъ, какъ было дѣло и просилъ объ участіи къ несчастнымъ собратамъ. Участіе обѣщано. Богатые молодые люди (сыновья откупщиковъ) вызвались, если нужно, помочь деньгами, постоянными назначеніями. Собраніе было не шумно, но собраніе это, по выставленнымъ объявленіямъ, очень озабочиваетъ попечителя и министерство. Но они еще болѣе боялись вступительной лекціи исп. дол. экстр.-профессора Русской исторіи Костомарова, бывшей сегодня. Уже выборъ и утвержденіе Саратовскаго изгнанника были торжествомъ университета. Надобно было его отпраздновать и выразить сочувствіе политическому ученому, который, между тѣмъ, издалъ Богдана Хмѣльницкаго и бунтъ Стеньки Разина. Министръ и попечитель приняли мѣры; они пригласили и уговаривали вліятельныхъ студентовъ, откладывали лекцію, позвали на нее графа Сергѣя Строганова и многихъ изъ публики и дамъ. Костомаровъ, не отличающійся ни наружностью, ни дикціей, нашелъ въ аудиторіи болѣе 2 т. слушателей и читалъ о необходимости излагать исторію не государства, но, какъ думалъ Полевой, исторію народа. Энтузіазмъ перешелъ границы. Аплодисменты, шумъ, крикъ, стукъ покрыли все; о порядкѣ нечего было и думать. Когда профессоръ сошелъ съ каѳедры, его подняли на рукахъ и понесли по коридору съ криками ура и vivat.

При такихъ податливыхъ начальникахъ я не удивляюсь разнузданности молодежи, но удивляюсь, почему правительство какъ бы навязывается на эти исторіи и добровольно даетъ имъ поводы.

Надобно ожидать новыхъ исторій изъ Казани, куда поѣхалъ попечителемъ князь Вяземскій. По положенію настоящихъ попечителей, ко-

*) Отпускъ пеньки изъ Петербурга въ 1859 г. составитъ (1, 2 и 3 руки) 1,831,597 пудовъ.

торые не соединяють въ себѣ ни авторитета званія, ни личныхъ достоинствъ, исторіи эти возможны въ Москвѣ, Харьковѣ и Петербургѣ.

Иначе разыгралась цензура. Она давно озабочивала Государя, а отсталую, но сильную, партію Орловыхъ-Паниныхъ раздражала и поставляла въ самое ложное положеніе. Свобода началась съ изданія 2-й части «Мертвыхъ душъ». Обличительная литература впилась вампиромъ въ мѣста и власти. Журналистика хлестала высшія сословія и восхваляла Англійскія начала. Торжественнымъ выраженіемъ были 2 №№ Паруса Аксакова, статьи гг. Громеки (въ «Русск. Вѣстн.») и Погодина (въ «Москов. Газетѣ»), готоваго играть роль демагога, статьи Бабста, начавшаго свое поприще знаменитою Казанскою рѣчью 1855 года и Чернышевскаго, открытаго соціалиста.

Статья Погодина о поѣздкѣ въ Лавру, жалоба Филарета, статья Стасова о Главномъ Обществѣ желѣзныхъ дорогъ, жалоба управленія полуфранцузскаго, и статья Бабста объ изслѣдованіи торговли, жалоба сенатора С-ва (человѣка ничтожнаго, слабоумнаго, разсѣяннаго и пройдохи): вотъ, говорятъ, причины, которыя заставили Государя, по безуспѣшности комитета Муханова, графа Адлерберга и Тимашева, устроить особое, независимое управленіе цензуры, поручивъ его, кажется въ составѣ V Отдѣленія канцеляріи, искателю мѣстъ и денегъ, барону Модесту Корфу.

Посмотримъ, что̀ они сдѣлаютъ. Эти колебанія близки къ отмѣнѣ, какъ это было въ 1842 г. въ Пруссіи, когда я говорилъ о цензурѣ съ извѣстнымъ Гитцигомъ, занимавшимъ тогда мѣсто президента цензурнаго суда. Баронъ Корфъ не организаторъ и безъ всякихъ твердыхъ основныхъ началъ въ убѣжденіи. Онъ обставитъ себя штатами и окладами и постарается сложить отвѣтственность въ строгости и ошибкахъ на мѣстные комитеты, предоставивъ себѣ блескъ и заслугу либерализма въ разрѣшеніяхъ, въ видѣ изъятія нѣкоторыхъ частностей съ модификаціями и аккомодаціями въ типи канцелярской. Учрежденіе комитета цензуры подъ предсѣдательствомъ покойнаго Д. П. Бутурлина вызвало отставку гр. Уварова въ 1849 г. Теперешнее преобразованіе ловкій баронъ направитъ къ соединенію съ просвѣщеніемъ, если шалости студентовъ помогутъ ему устранить Ковалевскаго*).

Я попытаюсь написать барону Корфу о принятіи цензурныхъ мѣръ, подобныхъ 1842 года въ Пруссіи, которымъ, по знакомству моему съ президентомъ Гитцигомъ, я былъ свидѣтелемъ.

Ничего не вышло. Исторія покупки дома Шишмарева (на золото) низвергла новаго министра 12 Декабря.

*

*) Намъ положительно извѣстно, что баронъ М. А. Корфъ приглашалъ С. А. Соболевскаго на должность предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета. П. Б.

Тѣ, которые ревнуютъ о преуспѣяніи нашей образованности съ назиданіемъ, должны были слушать краткій отчетъ о 50-лѣтнихъ работахъ Института Путей Сообщенія, по случаю его юбилея. Хотя отчетъ, какъ всѣ отчеты, самохваленъ и не скупъ на цифры, но изъ него видны ничтожные успѣхи наши на этомъ поприщѣ, самомъ нужномъ, насущномъ для Россіи и пользовавшемся особымъ покровительствомъ государей, подъ начальствомъ то царскихъ родственниковъ, принцевъ Ольденбургскаго и Виртембергскаго, то спеціалистовъ, Французскихъ политехниковъ, Деволанта, Бетанкура и Базена, то царскихъ любимцевъ, графовъ Толя и Клейнмихеля. Замѣчательно, что въ отчетѣ, писанномъ подъ вліяніемъ Чевкина, вся слава улучшеній относится къ послѣднему десятилѣтію, т.-е. ко времени Клейнмихеля, для осмѣянія и порицанія котораго журналистика истощила всѣ намеки...

Прислушайтесь къ отчету. Съ 1809 по 1859 г. Институтъ выпустилъ 1558 человѣкъ, въ инженеры—поручиками 934, подпоручиками 112, прапорщиками 148; въ строительный отрядъ—248; въ другія вѣдомства 86. Это составляетъ по 310 чел. въ годъ. Кажется, достаточно, и есть кому работать. На лицо, въ 1859 году состоитъ 306 человѣкъ (считая въ томъ числѣ переведенныхъ изъ другихъ вѣдомствъ). Т. е. на 50 лѣтъ по 16 человѣкъ на годъ. Прочіе другіе вышли. Корпусъ вербуетъ въ другихъ вѣдомствахъ. Жалкое положеніе! Но отчего это? Оттого же, отчего у насъ нѣтъ ни землемѣровъ, ни лѣсничихъ; оттого, что выпущено изъ 1558 человѣкъ $^2/_3$ поручиковъ, тогда какъ $^2/_3$ слѣдовало, по свойству работъ, выпустить топографовъ или кондукторовъ; оттого, что изъ 306 наличныхъ 29 генераловъ и 237 штабъ-офицеровъ, тогда какъ для команды и начальства надъ работами достаточенъ и почтенный рангъ капитана. Но отчего это? Оттого, что двери Института отворены только для дворянъ, а дворянинъ въ кондукторы не пойдетъ и, идя въ офицеры, норовитъ зашибить лишнюю тысячу; воровство, взяточничество, проявляющіяся уже на школьныхъ скамьяхъ, составляютъ отличительную репутацію нашихъ инженеровъ. Но что̀ же сдѣлали эти 1558 человѣкъ (стоимости содержанія за 50 лѣтъ не показано) въ 50 лѣтъ? 6820 верстъ шоссе, шлюзы въ Шлюссельбургѣ и Новой Ладогѣ, Верхнесвіяжскій бейшлотъ, Королевскій, Онежскій, Бѣлозерскій и Сайминскій каналы, прочные и висячіе мосты въ Нарвѣ, Новѣгородѣ, Бронницахъ, Островѣ, желѣзную дорогу въ Москву, мостъ черезъ Неву, шпицъ въ крѣпости и проч., и проч. Да,—но вы шутите что ли, исчисляя эти работы и забывая, что вы говорите о 50 годахъ и обширнѣйшей въ мірѣ Имперіи, во всемъ бѣдной, но особенно бѣдной путями сообщенія? Мно-

то ли вы сдѣлали для этого, построивъ, въ видѣ образчиковъ, десятокъ мостовъ и настлавъ 6 т. верстъ *) плохого шоссе? Проѣзду нѣтъ между главнѣйшими городами. Вы не попытались придумать національные, мѣстные способы, вы и не подумали о нашихъ путяхъ съ Ноября по Апрѣль и въ Русской земляной землѣ хвалитесь чѣмъ? Земляными работами, которыми хвалятся бездомные нищіе въ Бѣлоруссіи. Хвалитесь вашими библіотеками и музеями, прибавляя, что имъ составляются каталоги. Еще составляются!

Повторяю, и Европѣ, и намъ особенно нужно понизить діапазонъ. Вездѣ самолюбіе и своекорыстіе берутъ верхъ надъ общимъ дѣломъ.

*

Ростовцовъ боленъ, крѣпостное дѣло думаютъ затереть, и общее мнѣніе дворянской партіи назначаетъ въ составители и редакторы гр. Панина. Этотъ переходъ дѣла къ другой крайности можетъ быть полезенъ для ослабленія односторонняго его направленія; но гр. Панинъ дѣла не кончитъ. Гороскопъ его—тянуть все на справку, отлагать, выжидать, медлить. Дѣло, по крайней мѣрѣ, въ началахъ его, требуетъ разрѣшенія твердаго, яснаго постановленія, выхода изъ крѣпостного состоянія крестьянъ и безвыходнаго состоянія правительства. Я думаю, оно не минуетъ генерала Муравьева.

Съ переходомъ цензуры къ бар. Корфу, человѣку весьма гибкому, партія надѣется утвердиться и обузданіемъ печатанія. Не знаю, какъ смотритъ бар. Корфъ на печатаніе, и обнимаетъ ли онъ все могущество и достоинство этой четвертой государственной власти; но, служа видамъ котеріи, новый quasi-министръ приготовитъ смуты и образованіе дѣйствительныхъ партій, изъ которыхъ родятся броженіе, борьба, война, и за ними торжества и пораженія. Литература, журналистика сознали свое значеніе. Я писалъ бар. Корфу, предлагая освободить отъ цензуры извѣстныя сочиненія, извѣстныя корпораціи и извѣстныхъ лицъ и, напротивъ, усилить цензуру для статей и статеекъ, съ ожесточеніемъ осмѣивающихъ агентовъ правительства: ибо дѣйствія ихъ подлежатъ контролю инстанцій, а не печатанію, которое есть послѣдняя инстанція суда, и чиновники, не имѣющіе никакихъ огражденій въ служебномъ уставѣ, сдѣлаются отъ этихъ публичныхъ осмѣяній безстыдными до цинизма. Баронъ Корфъ отвѣчалъ мнѣ, благодаря за сообщеніе. И только.

Сегодня графъ Орловъ-Давыдовъ пригласилъ насъ, для выслушанія его новой (третьей послѣ Reflexions préalables и Lettre d'un député)

*) Во Франціи 36,150 километровъ и 8 т. километровъ желѣзныхъ дорогъ.

записки, подъ названіемъ «Голосъ изъ Россіи и Голоса въ Россіи». Эта первая половина: критика «Голосовъ» Герцена и неприличія сообщеній, ему дѣлаемыхъ, чиновниками, вопреки присягѣ и долгу. Вторая часть, голоса въ нашей литературѣ, въ разговорахъ, въ комитетахъ и на дворянскихъ выборахъ, есть немножко прикрытая, довольно прозрачная апологія дворянства; особеннаго тутъ ничего нѣтъ, много общихъ, иногда благородныхъ фразъ, много Англійскаго. Возражать ему было легко. Что̀ такое у насъ дворянство? Я возражалъ мало. Сочинитель самъ не далъ себѣ отчета, что̀ онъ пишетъ и чего онъ хочетъ. Записка назначается для Государя.

Я все-таки (старъ становлюсь) того мнѣнія, что мы въ открытіи свободныхъ путей идемъ скорѣе и далѣе должнаго. Мнѣ все кажется, что и тарифъ нашъ, и цензура наша понижены не сообразно нашему положенію, что ввозъ иностранныхъ произведеній и привозъ ихъ съ огромнымъ числомъ путешественниковъ (очень благодарныхъ за снисхожденіе Мин. Фин.) переполнили наши рынки и подкосили мѣстныхъ производителей, и что сбитое съ толку журнальными оглашеніями, общественное мнѣніе не знаетъ кого бранить, кромѣ правительства; а оно (ему должно отдать эту справедливость), прислушиваясь къ этимъ требованіямъ, составляетъ проекты за проектами, съ новымъ упятереннымъ составомъ управленія, жалуясь однако, что людей нѣтъ и, при разсмотрѣніи бюджета, останавливаясь на одномъ и томъ же, на сокращеніи настоящаго состава управленія. Точно также и въ предоставленіи разныхъ льготъ лицамъ и сословіямъ, такъ восхитившемъ насъ въ милостивомъ манифестѣ 26 Августа, имѣемъ ли мы мѣру вещи и времени? «Отмѣнить, простить, даровать», все это прекрасно и дѣлаетъ честь благороднымъ сердцамъ; но на чей счетъ эти милости? Я опасаюсь, чтобы онѣ не были на счетъ народа и на счетъ будущаго. Милости на счетъ другого дѣлать легко. Я пришелъ къ этому ропоту, слушая жалобы одного Московскаго купца на застой торговли и читая до дерзости смѣлые разборы нашихъ акціонерныхъ обществъ, бумаги которыхъ всѣхъ, всѣхъ упали, оставляя участниковъ не только безъ дивидендовъ, но и безъ надежды. Тогда какъ «Сельскій Хозяинъ» послѣ перебранокъ приступилъ къ изворотамъ скупа и перекупа, другія совершенно замолкли, а Главное Общество Желѣзныхъ Дорогъ грозитъ даже судомъ, и мой пріятель баронъ Торнау (по торговлѣ съ Персіей) на статью 20 Ноября (С.-Пб. Вѣд.) подалъ жалобу.

Молодое общество бьется и съ образованіемъ каждаго члена организма, какъ ребенокъ, то кашляетъ, то чувствуетъ ознобъ и жаръ,

то боль въ головѣ и желудкѣ. Приведенъ я къ этому ропоту и Еврейскими дѣлами. Этотъ мелочной товаръ тоже понизился въ таксѣ и готовъ наполнить наши лавки.

Я разсматриваю теперь предположенія о поселеніи ссыльныхъ Евреевъ въ Сибири. Бѣдное это племя въ совершенномъ угнетеніи, и это угнетеніе сопровождаетъ его за Якутскомъ и за Байкаломъ. Ихъ селятъ внѣ городовъ, одпихъ, отбирая дѣтей 16 лѣтъ въ кантонисты, и удивляются, что эти истощенные старики не устраиваются, не пашутъ, не обзаводятся домомъ, какъ будто мало для нихъ сдѣлали: перегнали въ необитаемый край и отняли дѣтей (единственныхъ работниковъ), присовокупя и другія (мало!) ограниченія даже въ занятіяхъ. Теперь мы разсматриваемъ другое предположеніе, кажется, лорда (Зап. Сибири) Гасфорда, о воспрещеніи Еврейкамъ слѣдовать за мужьями и, не менѣе странное въ юридическомъ отношеніи, предположеніе лорда Блудова о постановленіи приговоровъ о Евреяхъ по тексту (отмѣненному) Уложенія 1845 г., не примѣняя къ нимъ новыхъ постановленій.

Мы полагаемъ подвести ихъ подъ общія правила. Пусть они пользуются ими хоть на водахъ Вавилонскихъ.

Такъ или иначе, но едва ли мы избѣгнемъ вопроса о свойствѣ владѣнія землями казенными въ юридическомъ отношеніи. Въ хозяйственномъ это общинное владѣніе есть несомнѣнное зло, и всѣ доводы въ пользу его, даже въ популярныхъ статьяхъ «Современника» и въ соціальныхъ потугахъ о необходимостяхъ вѣка, даже въ лучшихъ и благонамѣренныхъ трудахъ соціалистовъ и идеалистовъ, не лучше острыхъ софизмовъ и извинительныхъ мечтаній: ибо, и въ ихъ предположеніяхъ и по извѣстному изъ исторіи ходу земельной собственности, земля пройдетъ разныя стадіи и, между прочимъ, стадію истощительныхъ таксъ съ дохода и для бѣдныхъ, и тогда уже, подавленная напоромъ преобладающей нищеты и безкровности, сдѣлается общиннымъ достояніемъ.

Юридическое значеніе нашихъ крестьянскихъ земель всплываетъ по случаю предположенной генераломъ Муравьевымъ продажи ихъ крестьянамъ въ послѣдствіе требованія преобразованій крѣпостной зависимости.

Читая исторію нашей земельной собственности, до настоящаго времени страждущей подъ игомъ Монгольскаго воззрѣнія на землю, читатель пораженъ безпрестаннымъ повтореніемъ грозныхъ словъ власти: отобрать, отписать, взять въ казну. При множествѣ видовъ этой собственности (ее скорѣе можно бы назвать пользованіемъ), кото-

рыми Монгольское воззрѣніе дѣлилось частію своего верховнаго обладанія, твердое, постоянное владѣніе представляется тѣмъ болѣе невозможнымъ, что и границы владѣній этого Монгольскаго владѣнія были неопредѣленны, и невозбранно нарушались завладѣніями. Екатерина Великая рѣшилась привести это въ законный порядокъ, и рядомъ съ государственною собственностью, удержанною все еще по Монгольскому преданію, установить три главные вида: частный, городской и сельской. Отсюда происхожденіе Дворянской Грамоты, Городового Положенія и (не состоявшихся) сельскихъ грамотъ, которыя предназначались въ проектѣ сельскаго положенія императрицы, хранящемся въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Говоря о послѣднихъ, я убѣдился въ томъ (просматривая законы о мірскихъ оброчныхъ статьяхъ, въ которыхъ яснѣе выражается, безъ участія казны, общественное пользованіе на началахъ самоуправленія), что правительство не знало ихъ и, въ видахъ устройства земельной собственности, окончательно надѣляя крестьянъ 15-десятинною пропорціей по инструкціи 1766 г. и уступая статьи крестьянамъ на основаніи манифеста 28 Іюня 1762 г. и указа 3-го Мая 1783 года, какъ-то: мельницы, рыбныя ловли и прочія, на земляхъ ихъ существующія, указовъ 24-го Ноября 1797, 4-го и 24-го Августа 1801 (№№ 19.967 и 19.990). Это тотъ же порядокъ, который былъ принятъ въ отношеніи жалованныхъ вотчинниковъ въ указѣ 3 Октября 1797 г. (№ 18.195) и городовъ въ 139 п. Гор. Пол., и въ указѣ 16 Декабря 1797 г. (№ 18.240). Я заключаю это изъ общихъ указовъ о платѣ оброка съ земель пожалованныхъ (указъ 3 Октября 1797, № 18.195), и на *этомъ* же основаніи съ земель отчужденныхъ или отрѣзанныхъ, въ пользу разныхъ лицъ и однодворцевъ (27 Авг. 1801, № 19.990) и съ земель, предназначенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ (6 Марта 1803, № 20.655). Изъ этихъ послѣднихъ указовъ я заключаю, что оброчныя статьи уступлены крестьянамъ на томъ же основаніи, какъ вотчинникамъ и городамъ.

Но *общинное начало* и здѣсь, въ безконтрольномъ завѣдываніи, оказалось болѣе нежели несостоятельнымъ. Ими распоряжался сельскій сходъ по точному, однако, указу объ этомъ 28 Марта 1803 года (№ 20.692) предъявляя договоры въ волостныхъ правленіяхъ и записывая въ земскомъ судѣ. Новыя обнаруженныя злоупотребленія были поводомъ къ имянному указу 1805 г. (№ 21.744), который разъяснилъ порядокъ и права мірского схода, потребовавшій уже 30 Іюля 1808 г. (№ 23.188) подписанія его условій утвержденію Казенной Палаты. Порядокъ этотъ удерживался до 1837 г., когда его отстаивалъ комитетъ

губернаторовъ, опасавшійся ропота и неудовольствія крестьянъ за измѣненія, которыя, однако, приняты въ положеніи 1828 г., и такимъ образомъ *самоуправленіе*, дарованное Петромъ 30 Января 1699 за платежъ (какъ давалъ самоуправленіе выборнымъ Іоаннъ Грозный, тоже за платежи, обращая его на свое кормленіе) всѣхъ окладовъ вдвое, кончилось окладными книгами палатъ, обращеніемъ доходовъ по указанію правительства и въ пользу капиталовъ, которыми распоряжается министръ, а наконецъ, и предположеніемъ генерала Муравьева, по старому преданію, объ отборѣ мірскихъ земель и цѣлыхъ статей въ казну.

Но изъ чего эти хлопоты? Въ Западныхъ губерніяхъ и въ Прибалтикѣ, чуждыхъ общинному началу, статей этихъ нѣтъ. Указомъ 1763 объ архіерейскихъ имуществахъ и указомъ Павла 1796 объ отдѣленіи Кіева и его области отъ Малороссіи, положены начала общиннаго пользованія въ этихъ мѣстностяхъ; но мірскія статьи, вопреки ожиданіямъ отъ введенія оброчнаго порядка, образовывались такъ туго, что едва-едва, и при усиленномъ стремленіи къ тому управленія, достигли къ 1858 г. 4-хъ т. р., начавъ въ 1840 съ 200 и заключаясь преимущественно въ губерніяхъ Кіевской (110 ст. 1796 р. дохода) и Ковенской (85 ст. 2' т. р. дохода).

Въ Русскихъ губерніяхъ, по отчетамъ 1839—1858 гг., число статей и доходъ съ нихъ усиливалось постепенно и было лучшимъ предметомъ тщеславныхъ докладовъ. Начавъ съ 103 т. р. дохода, Министерство открывало статьи и увеличивало доходъ:

Въ 1840—10.000 ст., 320 т. р. дохода; 1844—20.560, 529.634 р., 1848—21.513, 661.714; 1853—22.025, до 700.000 р. У колонистовъ—528, у Евреевъ—80, у Калмыковъ—27. 1856—23.995, 848.156 руб. 93½ коп.

1) NB. А недоимка? Она простиралась:

Въ 1845 г.—236 т. р., въ 1848—331⅓ р., въ 1852 г.—361½ т. р., въ 1853—351½ т. р., въ 1854—342⅓ т. р., въ 1856—безъ штрафныхъ.

2) NB. Возвышеніе велико: отъ 100 до 300; но здѣсь, кромѣ заботливости новаго управленія и оглашенія имъ безвѣстныхъ статей, слѣдуетъ имѣть въ виду: a) общее возвышеніе цѣнностей и b) сдѣланные новые надѣлы до 3-хъ м. десятинъ земли.

*

Литература, особенно Московскія Вѣдомости, и студенты продолжают свои шашни и шалости. Сынъ министра, молодой князь Г. . . -ковъ, во время лекціи богослова Палисадова, дозволилъ себѣ играть въ домино, и шумъ играющей молодежи, не смотря на два требованія, заставилъ профессора оставить аудиторію и пожаловаться начальству. Попечитель уже зналъ и приказалъ чрезъ инспектора сдѣлать Г. . . -кову внушеніе. Все это въ порядкѣ вещей. Но студенты-демократы, большинство, требовали, чтобы Г . . . ковъ извинился передъ Палисадовымъ; онъ не соглашался; не согласился явиться и на судъ студенческой сходки въ XI-й аудиторіи. Сходки повѣстками начальство запретило. Палисадову приказано, и онъ объяснился, что прекратилъ лекцію потому, что былъ не въ духѣ. Студенты остаются при своемъ и требуютъ чрезъ депутатовъ, чтобы Г . . . ковъ вышелъ изъ университета. Партіи аристократовъ и демократовъ въ университетѣ довольно рѣзки; послѣдніе не могутъ простить первымъ ихъ заносчивости и неуважительности къ начальству, разговоровъ на иностранныхъ языкахъ и отдѣльности, въ которую они допускаютъ только сыновей богатыхъ откупщиковъ. И справедливо. Но несправедливо самоуправство, и особенно постыдно это снисхожденіе начальства до извиненія студентовъ насчетъ профессора. Московскія Вѣдомости, по соблазну разсказа Якушкина и подложнаго письма Орловскаго губернатора Сафоновича, полемики графа Толстаго противъ Маслова*), ходятъ по всѣмъ рукамъ. Да. Но что̀ же смотритъ правительство? Или оно думаетъ, что все это ничего?

Едва кончился процессъ дѣвицы Шеро, любовницы Парижскаго лавочника, которая украла ребенка судьи Гюа, чтобы мнимымъ его рожденіемъ привязать къ себѣ скучавшаго любовника (она оправдана, m-r Ляшо защитникъ), какъ начался другой процессъ, матери и дочери Lemoine, объ убійствѣ ребенка. Дѣвочка 15 л. Анжелина, воспитывавшаяся дома болѣе нежели небрежно, начитавшись Записокъ Marion de Lorme, романовъ Жоржъ-Занда и фельетоновъ La Presse, развилась преждевременно и, пользуясь свободою и фамильярностію Шалонскаго кружка, набросилась на своего кучера, ничтожнаго и глупаго парня 28 л. Фетиса. Беременность ея едва была замѣтна и скрывалась ею и матерью очень хитро, не смотря на общее подозрѣніе въ провинціальномъ городкѣ и на разглашенія Фетиса, довѣрявшаго тайну портнымъ и музыкантамъ. Цинизмъ дѣвчонки возмущаетъ душу. По примѣру одной героини Жоржъ-Зандъ: elle voulait élever jusqu'à elle l'homme qui lui était inférieur... вотъ что! Дочь оправдана; неизвѣстно,

*) Въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства графъ Толстой гласно сказалъ: „Терпѣть не могу прогорклаго масла." П. Б.

почему ей не опредѣлено, хотя бы путемъ чрезвычайнымъ, года три задержанія въ монастырѣ. Мать за убійство ребенка осуждена на 20 лѣтъ работъ и, не смотря на всѣ увѣщанія несчастной безчестіемъ дочери и матери, осуждена справедливо. Средства, которыя она употребляла противъ беременности до родовъ (tu viens donc me tuer, ma mère) и сожженіе ребенка, исполненныя съ твердостію безчеловѣчія, заслуживали наказанія. А того и гляди ее простятъ: такъ равнодушно было ея поведеніе въ судѣ и такъ подло на помилованіе наше время, несущее съ преступниками большую часть нашей виновности.

У насъ кончился процессъ другого рода: Крымскія грязи генерала Затлера и Комп. Общее мнѣніе то, что главнаго виновника, особенно по ходатайству разсѣяннаго князя Горчакова и считаемаго такимъ же виновнымъ Лидерса, миловать не слѣдовало. Надѣются на помилованіе и Вердеревскаго, и прочихъ.

*

Декабрь. «Царевичъ Алексѣй Петровичъ»*). Это довольно небрежное собраніе матеріаловъ, къ которому не пріучилъ насъ осторожный академикъ Устряловъ. Великій шагъ къ свободѣ печатанія. Это книга, способная произвести соблазнъ, даже посреди всѣхъ настоящихъ соблазновъ печати, какъ при дворѣ, въ кругу нашихъ аристократовъ, такъ въ духовенствѣ и въ Австрійскихъ дипломатіяхъ.

Ничтожный царевичъ не могъ быть орудіемъ даже партіи, особенно старой партіи, подлой, глупой и корыстной, и едва ли не продолженіе процесса и страшные допросы дали дѣлу значеніе государственной измѣны. Были недовольные, мстительные, но заговора не было, и все, чего заслуживалъ пьяный и безхарактерный «рабъ цезаря», «недостойный сынъ» Петра, любовникъ Афросиньюшки и преданный слуга Австрійскаго вице-канцлера—это заточенія, ссылки. Фанатики, каковъ Петръ Толстой, растравляли гнѣвъ грознаго отца. Участія Меншикова и Екатерины не видно, даже не намекается. Подобострастіе архіереевъ и сановниковъ не отвѣчаетъ вызову, сдѣланному имъ судьею-государемъ.

Разработаютъ эту книгу наши демократическіе журналы. Эта «бывшая царица» со всѣмъ монастыремъ, съ ихъ любовниками, этотъ духовный отецъ, говорящій на исповѣди царевичу: да мы всѣ ему смерти желаемъ; этотъ министръ, отзывающійся о Петрѣ, что у него церковь и таинства на свою стать, и этотъ грозный Петръ, пишу-

---

*) Т. е. шестой томъ Исторіи Петра Великаго. П. Б.

щій допросы и добивающій сына 26 Іюня, съ 8 до 11 часовъ въ застѣнкѣ, въ Трубецкомъ раскатѣ, гдѣ къ вечеру онъ и жизнь кончилъ, и эти казни, изувѣченія и ссылки . . . и этотъ гулъ въ народѣ и обществѣ, несущійся до сегодня въ неясныхъ догадкахъ, подозрѣніяхъ и обвиненіяхъ... Картина мрачная, впечатлѣніе глубокое, ощущенія тяжкія.

Посреди этой толпы двѣ энергическія личности поглощають прочія: это Петръ Толстой и царь, хотя многое намекаетъ, что они дѣйствовали подъ чужими вліяніями, и подозрѣніе невольно останавливается на Меншиковѣ и Екатеринѣ, именно потому, что ихъ не видно, а видна колыбель третьей личности, младенца Петра. Постоянный ропотъ царевича на пьянство и пустое утомленіе, приписываемыя имъ вліянію Меншикова, и совѣтъ послѣдняго, когда Алексѣй былъ уже на пути къ побѣгу: и Афроську-то возьми съ собою, мало разработаны историкомъ. Это дурное воспитаніе была первая ошибка царя. Вторая—самое производство процесса, въ которомъ Петръ игралъ роль слѣдователя, сыщика и палача. Третья ошибка—судъ. Видна великая душа Петрова въ обращеніи къ духовному и гражданскому чину и министрамъ: «прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершить . . . клянусь самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтесь; такожъ и не разсуждайте, что тотъ судъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына»... И осужденіе вышло голословное: судьи были невѣжды, безграмотные, подобострастные, и несчастный погибъ подъ ударами нетерпѣливой пытки, и бѣдный, почти юродивый человѣкъ, на котораго никто не полагался, котораго никто не боялся, котораго ничтожность даже стараются скрыть, дѣлается предметомъ обвиненія великаго человѣка, причиною порицанія и даже отвращенія Европейскаго общаго мнѣнія.

Петръ Толстой есть клевретъ, готовый идти до кинжала, до посягательства на этого «звѣря», который, странное дѣло, неохотно кладетъ подъ ножъ голову, опасаясь ѣхать изъ Неаполя и оставить покровительство цезаря. Разъ въ рукахъ Толстого, Алексѣй уже дѣйствуетъ не свободно, и процессъ тащутъ за волосы. Онъ кончается конфискаціей, въ которой львиная часть четвертей, дворовъ и домовъ принадлежитъ *дѣйствительному* тайн. сов. Петру Толстому. Не забыты и всѣ; не забытъ судьбою и Петръ, для котораго отселѣ начинается другая исторія: оплошность, пьянство, интриги, перевороты и вдали виднѣются казни, убійства и другія «Московитскія галантереи».

*

Конногвардейскій солдатъ, пойманный на воровствѣ и привезенный къ дежурному Семеновскому прапорщику Мазараки, просилъ осво-

бодить его и, не получивъ удовлетворенія (отказаннаго самымъ скромнымъ образомъ, говоритъ офицеръ, самымъ грубымъ, говоритъ солдатъ) ударилъ Мазараки въ лицо такъ, что онъ покачнулся на диванъ и едва опомнился. Всѣ инстанціи (въ 24 часа) осудили его на разстрѣляніе, Государь замѣнилъ прогнаніемъ сквозь строй черезъ 1500 человѣкъ, и эта замѣна теперь порицается всѣмъ городомъ, жалующимся на ослабленіе дисциплины и на грубости черни.

Гласный Малковъ, о которомъ дѣло, доведенное весьма неловко до Государственнаго Совѣта, смято... нашелъ себѣ защитника въ сенаторѣ Хрущовѣ, и защита эта, переданная въ Комитетъ Министровъ, навлекла защитнику непріятность. Публика одобряетъ потому, что не любитъ Хрущова, но желала бы добра Малкову, потому что желаетъ зла Игнатьеву и графу Панину.

Темные слухи о какомъ-то Гатчинскомъ покушеніи, о какомъ-то обществѣ «Маріанна». Такіе же слухи объ упраздненіи комиссій Ростовцова и о возложеніи этого дѣла на графа Панина.

Кавказъ покоренъ почти окончательно, и князь Барятинскій пожалованъ въ фельдмаршалы.

Дворянства, въ губерніяхъ, гдѣ назначены выборы, протестуютъ противъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, запрещающаго говорить о крѣпостномъ дѣлѣ.

Вотъ общій говоръ въ день имянинъ цесаревича, 6 Декабря.

Добрый пріятель мой, сенаторъ Обручевъ, назначенъ предсѣдателемъ генералъ-аудиторіата съ оставленіемъ въ званіи сенатора въ деп-тѣ. Этотъ выборъ и это соединеніе замѣчательны. Я вижу тутъ, какъ и въ назначеніи генералъ-аудиторомъ Дмитр. Влад. Философова, вліяніе графа Панина. Онъ сдѣлаетъ изъ военнаго суда департаментъ Сената. Нельзя этого не одобрить; но солдатская юстиція такъ далека отъ настоящей, что такая дикая мысль могла прійти только при несчастномъ положеніи гражданской юстиціи.

*

Читалъ я, между прочимъ, «Записки Фонъ-Визина». Онѣ мало прибавляютъ къ извѣстному изъ 1762, 1801 и 1825 гг., но любопытны, какъ разсказъ человѣка, близкаго къ событію смерти Павла и, кажется, участника въ тайныхъ попыткахъ нашего Tugendbund'а... Попытки конституціонныхъ стремленій у насъ всегда были; но замѣчательно, что всегда являлись доносчики, лазутчики, и всегда Русскіе.

При Аннѣ—Леонтьевъ и Ягужинскій, при Екатеринѣ—Бакунинъ, при Александрѣ—Талызинъ (его участіе, доносъ и отравленіе я узнаю изъ Записокъ Фонъ-Визина въ первый разъ), при Николаѣ—Майборода и Ростовцовъ.

Достается и редактору «Донесенія». Жаль! Эти воспоминанія ставятъ бѣднаго графа Блудова еще въ болѣе ложное положеніе: а онъ, какъ и Ростовцовъ, и безъ того мечется, какъ угорѣлый, чтобы заставить забыть свои увлеченія.

Очень недостаточно разсказаны, если сочинитель уже рѣшился разсказывать, событія 1812 года и особенно назначеніе Кутузова, Березинская оплошность, Іоркская въ Калишѣ сдѣлка. Также недостаточны извѣстія о конгрессахъ Вѣнскомъ, Ахенскомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ, утвердившихъ реакцію до низложенія ея въ 1830 году.

Чужіе края дарятъ насъ любопытными изданіями, но печатаніе еще очень плохо, и надобно ожидать нашихъ цензурныхъ строгостей, чтобы эта часть хорошо организовалась.

*

Конгрессъ собирается въ Парижѣ въ началѣ будущаго Января. Онъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ Европейскій соборъ, вызванный одностороннимъ вмѣшательствомъ Франціи, и какъ судъ, долженствующій измѣнить положенія конгресса 1815. И то и другое недоблестно и едва ли достойно великихъ правительствъ, изъявившихъ согласіе на участіе въ конгрессѣ. Но въ дѣлахъ положительныхъ, что̀ разъ упущено, то невозвратимо. Конгрессу остается покрыть своимъ актомъ, что̀ совершилъ Французскій императоръ. Оно такъ и будетъ. Программа уже вышла въ Парижѣ. Это брошюра, написаная, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ Наполеона: «Le pape et le congrés». Она написана ловко и приходитъ къ заключенію: уединить святого отца, внѣ политическихъ треволненій, въ патріархальную муниципію Рима, принявъ блескъ престола главы католицизма на международный бюджетъ всѣхъ державъ католическихъ. Желательно бы знать, какъ учредить эту патріархальную муниципію, въ которой бы были только миръ, благоденствіе и смиреніе, и согласится ли на это счастье Римъ. Потомъ желательно бы знать, какъ будетъ составляться международный бюджетъ, кто его будетъ контролировать и отвѣчать за недоборы. И наконецъ, это назначеніе жалованья папѣ съ квартирными и столовыми не поставитъ ли его въ необходимость зависимости, горшей нежели настоящая военная помощь, унизя священный характеръ папскаго

престола и всего духовенства? Папы принимали подати, вклады, пожертвованія, но на жалованьѣ они еще не были. Да и самое жалованье, въ наше время, когда рубли равны батальонамъ, при распредѣленіи на части, не дастъ ли многочисленной державѣ бо̀льшее вліяніе на главу церкви и по ней на все духовенство, а за нимъ на всю Италію?

Бѣдный Пій IX! Думалъ ли онъ въ 1847 г., что благодушныя начинанія его proprio motu приведутъ къ такой развязкѣ и могъ ли онъ въ 1858 г. предполагать ее, упорно отказывая въ свѣтскихъ преобразованіяхъ, въ надеждѣ на соперничество могучихъ своихъ quasi-покровителей?

Къ чему придетъ эта секуляризація папы? Увы, время Ватикана прошло, и поэтическія созданія дипломатіи, особенно въ устахъ Наполеона, оскорбительнѣе насмѣшки. Какъ приметъ это смиренный Антонелли и не придетъ ли конгрессъ, призвавъ наитіе Св. Духа, къ Петровскому канону о Синодѣ, проявлявшемуся еще въ XII столѣтіи, дозволивъ XVIII вѣку невозбранно потѣшаться ересью.

Я не думаю, чтобы отъ этого много потеряла религіозность. Реформа Лютера этому доказательство. Но отъ этого потерпитъ монархическое начало, для котораго впрочемъ и самое конфедеративное начало есть плохая опора.

Да, но отказавшись отъ интересовъ времени, папа не можетъ ли, какъ глава конфедераціи, какъ глава духовенства, стать на сторону народовъ?

Ник. Фил. Павловъ, отличный, желчный, аналитическій Русскій умъ, предпринимаетъ изданіе «Нашего Времени». Журналъ долженъ имѣть успѣхъ: нынче желчь болѣзнь эпидемическая. Пророча этотъ успѣхъ знаменитому критику, я запишу на память нѣкоторыя положенія его программы, выражающія современную нашу мудрость. «Науки у насъ не процвѣтаютъ, говоритъ объявленіе 5 Декабря, а между тѣмъ понятія, выработанныя дѣятельностію человѣчества, требуются на каждомъ шагу. Эти требованія возникли *внезапно со всѣхъ сторонъ*... Новый вопросъ поднимается... а у васъ нѣтъ ни запаса *привычекъ*, ни запаса *воззрѣній*, ни запаса *знаній въ уровень съ неожиданнымъ* явленіемъ... Наши отсталые и передовые люди различны только въ покоѣ; но заставьте ихъ дѣйствовать, дайте *частичку власти*... и со дна ихъ души выступитъ на свѣтъ неуваженіе къ человѣческой личности... Вездѣ работа мысли предшествовала явленіямъ, *у насъ явленія опережали мысли*... Журнальной литературы, съ предлагаемыми въ ней окончательными

выводами наукъ недостаточно; если хотите, было бы существенно лучше, если бы серьезное воспитаніе успѣло серьезно ознакомить съ тѣмъ долгимъ процессомъ, которымъ эти выводы добыты; но *что же дѣлать, если жизнь не ждетъ*, если научныя положенія необходимы, какъ насущный хлѣбъ и должно, *поневолѣ*, пускать ихъ въ оборотъ *журнальными статьями?*»

Замѣчательное объявленіе эти написано смѣло и откровенно. Но выписавъ нѣкоторыя строки, я желалъ бы спросить:

Почему эти «требованія возникли внезапно?» Ужъ не искусственны ли они?

Какъ, «не имѣя ни привычекъ, ни воззрѣній, ни знаній», справимся мы съ этими «неожиданными явленіями» и, если справимся, при помощи «журнальныхъ статей», то привьются ли они къ намъ и прочно ли привьются?

Чтобы «у насъ явленія опережали мысли» —это новость, кажется и для мыслившихъ литераторовъ. Весь нашъ недостатокъ именно въ реформахъ a priori.

Я одобряю ваши стремленія; по чѣмъ они искреннѣе, тѣмъ они для меня тягостнѣе. Унизительно думать, что великая нація опредѣляется на опытъ журнальнымъ писателямъ, и народъ въ 60 милл. представляется безъ привычекъ, безъ воззрѣній, безъ знаній, а журналисты вертятъ передъ нимъ какія-то неожиданныя явленія.

Не говоря о другихъ «внезапныхъ» требованіяхъ, возьмемъ одно, можетъ быть самое многознаменательное: отдѣленіе суда отъ управленія, на которомъ кружатся всѣ головы въ Госуд. Совѣтѣ и въ министерствахъ Панина и Ланского. Теоретическая мысль эта выработалась изъ жизни и хотя неизвѣстна Римскому праву, но получила въ наукѣ почетное гражданство. Торжественное выраженіе ея началось съ 1830 годовъ и совершилось даже въ Германіи, въ ея ученыхъ судахъ, а priori—въ 1843 г. Но что̀ же выиграла отъ этого жизнь?

Die vollständige Trennung der Justiz von der Verwaltung ist eine Errungenschaft des Jahres 1848, говоритъ Бёмертъ въ 1859 г. (онъ мнѣ попался подъ руки въ эту минуту); sie ist seit 1849 durchgeführt, mehr freilich in Anerkennung des richtigen Prinzips als weil die frühere Rechtspflege erhätliche Unzuträglichkeiten mit sich geführt oder gar eine begründete Unzufriedenheit hervorgerufen hätte. Im Gegentheil zeigte sich, dass manche theoretisch-unhaltbare Einrichtungen in der

Praxis sich lange Zeit trefflich bewahren und dem ganzen zum Segen gereichen kann.

Это говорится о наукѣ. Что же будетъ сказано о «журнальныхъ статьяхъ»? Г. Павловъ, сколько мнѣ извѣстно, особенно чуждъ наукѣ и особенно не благоволитъ ко власти (даже къ «частичкамъ власти»), которыя, повѣрьте, часто невольно приходятъ въ то положеніе, которое вы въ нихъ порицаете. Павловъ всегда и во всѣхъ положеніяхъ былъ въ противорѣчіи. Онъ въ Россіи явленіе не внезапное, и въ журналѣ его будутъ ученія, или лучше характеристики, не неожиданныя.

Все это замѣчательно и знаменательно. Демократическая партія усиливается новыми представителями гласности и готова на явный разладъ, даже вопреки очевидности. Что же дѣлаетъ консервативная? Ничего. А правительство? Оно высылаетъ М. Безобразова, запрещаетъ Влад. Безобразову писать политическія статьи (въ Р. Вѣстн.), свергаетъ Корфа съ цензурнаго м-ва и изъ дома Шишмарева, уже сторгованнаго на золото, опростаннаго и передѣланнаго, дѣлаетъ старшинѣ думы, сенатору Хрущову, внушеніе за ходатайство, чрезъ посредство Елены Павловны, о гласномъ Малковѣ или лучше противъ генералъ-губернатора; оно увольняетъ Тверского предводителя Унковскаго и готово сдѣлать тоже со всѣми дворянами, не понимающими отмѣны закона министерскими циркулярами.

Конечно, оно разсматриваетъ и положенія о судѣ, о крестьянахъ, о полиціи, о кредитѣ...

Да; а Васька слушаетъ да ѣстъ.

Послѣ процесса Мазараки, которымъ такъ недовольна гвардія, разсказывающая, какъ наказанный отворилъ самъ карету и закурилъ папиросу, теперь офицеры заняты процессомъ капитана Окулова, дерзкаго атлета, съ командиромъ полка Дараганомъ, низенькимъ формалистомъ, обвинявшимъ капитана въ нарушеніи дисциплины «угрожательнымъ движеніемъ». Хроника говоритъ, что Окуловъ, за неприличные семейные намеки, ударилъ его въ лицо. Теперь, когда дисциплина упала, всѣ говорятъ объ ней, и полковой судъ, подъ вліяніемъ общаго нерасположенія къ Дарагану, рѣшилъ отдать поступокъ на очистительную присягу и хлопочетъ объ утвержденіи приговора генералъ-аудиторіатомъ.

Конченное дѣло о покушеніи на убійство мужа своей любовницы Александра Ободовскаго, сужденнаго тоже военнымъ судомъ, едва ли заслуживало приговора въ каторгу. Онъ не злодѣй и могъ бы искупить преступленіе въ молитвѣ монастыря.

Главный недостатокъ человѣка вообще, и нашъ въ особенности, много и неопредѣленно желать, и скоро и нетерпѣливо достигать. Это наша бѣда. Если бы собрать всѣ пожеланія и предположенія нашихъ журналовъ, то едва ли бы одно не уничтожило другое, и едва ли одно изучено достаточно. Во всякомъ случаѣ, эпоха замѣчательная. Сдерживавшееся, и такъ долго, негодованіе выразилось, съ руки Гоголя, въ повѣстяхъ и комедіяхъ, переполненныхъ намековъ и личностей; потомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ же намековъ, обратилось къ обозрѣніямъ чужестраннымъ, особенно Англіи, и, наконецъ, въ 3-мъ №№ Паруса Аксакова и въ Русской Газетѣ Поля вывело наружу наши собственныя язвы, язвы болѣе чувствительно ощущаемыя въ отдаленіи отъ двора, особенно въ Москвѣ; и цензура оказываетъ терпимость, при которой непонятно одно: терпимый современный порядокъ.

Русская Газета запрещается, 21 № Русскаго Вѣстника отбирается (Англійская статья Вл. Безобразова), Московскія Вѣдомости, Современникъ предостерегаются.

*

Работы законодательныя и финансовыя идутъ своимъ чередомъ. Можно только опасаться, что съ окончаніемъ ихъ правительство не будетъ имѣть способовъ исполненія. Упадокъ внутренняго и внѣшняго кредита идетъ все ниже и ниже; монета бѣжитъ на уплаты въ чужіе края, или скрывается богачами, едва не рѣшающимися бѣжать туда же. А лучше ли тамъ? Конечно. Но тамъ происходятъ и приготовляются событія другого порядка. Національный элементъ и демократическая партія берутъ верхъ надъ дипломатіей и династіями, и съ воцареніемъ ихъ все принимаетъ другіе размѣры и значеніе. Если прежде за Пачифико вступилось одно правительство, теперь за Мормара вступится вся Европа. Гражданское право дѣлается публичнымъ, публичное провозглашается народнымъ, естественнымъ, всеміpнымъ.

Изъ Италіи пришли всѣ обновленія. Оттуда идетъ оно и теперь. Конгрессъ будетъ, но онъ постановитъ начала, враждебныя порядку 1815 года. Это было торжество династій, теперь онѣ стали на второмъ планѣ.

Очень много говорятъ и пишутъ теперь о Сибири, по поводу Пріамурскаго края и обѣщаютъ ей блестящую будущность. Я не знаю Пріамурскаго края, и сочиненіе, изданное Иркутяниномъ Соловьевымъ, не даетъ яснаго понятія объ этомъ будущемъ; но мнѣ кажется, и я говорю преимущественно какъ криминалистъ, Сибирь нуждается не столько въ будущемъ, сколько въ настоящемъ. Прошедшее ея отвра-

тительно, и вліяніе его едва ли до сихъ поръ не тяготѣетъ надъ великимъ царствомъ. Отдаленность, малонаселенность и грубость края были, есть и вѣроятно долго будутъ, причиною важныхъ злоупотребленій управленія, недостаточности его для огражденія личностей и достояній, и дурной разработки его богатствъ, служащихъ въ настоящее время болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ подвижнаго его населенія.

Рѣдкій изъ губернаторовъ, начиная съ казненнаго Петромъ князя Гагарина, оставилъ Сибирь не подвергнувшись суду, удаленію, отрѣшенію. Жалобы края, изслѣдованныя сенаторомъ Селифонтовымъ въ концѣ прошлаго столѣтія, потребовали организаціи его; но Селифонтовъ болѣе заботился о своемъ карманѣ и своей любовницѣ, нежели о Сибири, для организаціи которой онъ, впрочемъ, не имѣлъ достаточно ни ума, ни знаній. Какъ теперь, такъ и тогда, правительство думало устроить край предоставленіемъ власти неограниченныхъ правъ, особенно высылать въ дальніе края ябедниковъ и безпокойныхъ людей. По интригамъ губернатора Корнилова, или, лучше, жены его, Фанъ-деръ-Флитъ, вслѣдствіе донесенія графа Головкина, въ 1806 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ тайный совѣтникъ Пестель, никогда не бывавшій въ Сибири, гдѣ вмѣсто его всѣмъ завѣдывалъ Трескинъ, деспотъ, дерзкій и, несомнѣнно, корыстный. Трескинъ или Пестель учредили въ Сибири коммисаровъ (missi regii): мѣра, ощущаемая въ каждой мѣстности нашей обширной имперіи. Но и Трескинъ, и Пестель не избѣжали суда, и генералъ-губернаторомъ назначенъ въ 1819 г. Сперанскій, настоящій организаторъ края. Сперанскій очень вѣровалъ въ форму; ученые и поздно вступающіе въ практику люди, встрѣчаясь съ нею, всегда поражаются ея силою и пользою, и потому основаніемъ своихъ преобразованій, по памяти 1806—1811 годовъ, принялъ формальную учредительность, законность и совѣщательность. Онъ не столько ограничилъ, сколько запуталъ власть, и люди, какъ генералъ Руперть и князь Петръ Горчаковъ, всегда могли и умѣли поставить волю на мѣсто закона. Въ 1840 г. окончено положеніе о ссыльныхъ, измѣнившееся уложеніемъ 1845 г. и правилами 1859, измѣнившими уложеніе. За исключеніемъ штатовъ, вотъ, кажется, все, что̀ законодательство сдѣлало для Сибири. Въ 1842 г. графъ Панинъ думалъ дать тамошнимъ судамъ нѣкоторую независимость, предоставя прокурорамъ общія права, но князь Горчаковъ отстоялъ учрежденія Сперанскаго.

Развитіе золотопромышленности и возвращеніе ссыльныхъ по манифестамъ 1841 и 1856 гг. имѣли важное вліяніе на Сибирь; но я хочу сказать о ней въ другомъ отношеніи.

Англійскій статистикъ Феррусъ и Французскій криминалистъ Лука хвалятъ нашу систему ссылки и поселенія въ Сибири. Было время когда мы дозволяли селить въ ней иностранныхъ преступниковъ. Я' думаю, что системы наши заимствованы изъ Ботани-Бея и имѣли тѣ же три степени: съ самаго установленія ссылки, въ 1750 гг. ссылали въ Сибирь въ работы на рудники, фабрики и заводы, или поселяли, гдѣ кому хочется. Нигдѣ никому не хотѣлось, и всѣ бродяжничали. Съ 1760-хъ гг. начали заселять Барабинскую степь, по мысли и распоряженію губернатора Чичерина, и мѣра эта удалась, довольно въ короткое время. Въ 1783 г. предположено заселить дорогу отъ Якутска къ Охотску [1]), но дѣло не удалось по недобротѣ почвы. Въ 1800 г. (17 Октября 1799) предположено, по мысли кн. Гагарина, заселять Забайкальскій край, собравъ для начала 10 т. семействъ. Народъ этотъ пришелъ, но для водворенія не было сдѣлано никакихъ распоряженій, и войско это разсыпалось въ шайки воровъ и негодяевъ. Для занятій ихъ учреждена Тельминская фабрика и начатъ, вмѣстѣ съ командировкою каторжныхъ, самый трактъ, на которомъ эти работники грабили проѣзжавшихъ изъ Якутска въ Охотскъ. Поселеніе, самыя партіи въ пограничныхъ губерніяхъ—пріостановлены, и въ Сибирь командированъ, въ 1801 г., д. с. с. Лаба, и по его-то представленіямъ началась *первая* система поселеній, по распоряженію мѣстныхъ губернаторовъ, подъ вѣдѣніемъ смотрителей, и Забайкальскій край заселился преимущественно уже при Пестелѣ, въ 1807—1810 гг.

Въ 1811 г. начато заселеніе Туруханскаго тракта (Вторая система Сперанскаго, 1840 г. и третья—1859 г.).

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ (доставленнымъ Ник. Иван. Пущинымъ, командированнымъ въ 1844 г., по докладу моему, для обозрѣнія наказательныхъ учрежденій) и по обнародованнымъ въ журналахъ даннымъ, съ 1823 по 1850 г. въ Сибирь поступило 228.221 чел. поселенцевъ и каторжныхъ (изъ этого числа въ Восточную—117.436 чел.) [2])

*

---

[1]) Каковъ этотъ путь, можно заключить изъ расходовъ, употребленныхъ на перевозку казенныхъ тяжестей: въ 1841 г. за 27 т. пудовъ—203 т. р., въ 1842 г. за 25 т. п.—185 т. р., въ 1843 г. за 23 т. п.—160 т. р. ассигнаціями.

[2]) Изъ проекта засѣдателя Тобольскаго приказа Угрюмовскаго (Моск. Вѣд. 1860 года, № 228) между прочимъ видно, что среднее годовое число ссыльныхъ 9,500 челов., и изъ нихъ задерживается въ дорогѣ 1,260, а изъ нихъ 260 умираютъ, да въ Тобольскомъ замкѣ умираетъ въ годъ 100 чел. По 3-хъ-лѣтней сложности идутъ въ Томскую губернію до 350, въ Енисейскую болѣе 2,500 и въ Иркутскую болѣе 4,600, и партіи достигаютъ до Томска въ 35 дней, до Красноярска въ 116 и до Иркутска въ 177. На нихъ каждогодно расходуется: на заготовленіе вещей 207 т. р., на выдачу кормовыхъ 158,422 р. и на содержаніе подводъ 56,250 р.; всего 422,000 р.

Вотъ и новый годъ на дворѣ. 1859 былъ простой, но очень замѣчательный. Онъ колебалъ и распатывалъ (Високосный 1860 будетъ замѣчательнѣе; онъ будетъ вырывать и ломать). Начавшись громомъ Тюильрійскаго пріема, онъ побѣдоносно довелъ пораженіе Вѣнскаго конгресса до Минчіо и, опасаясь усердія революціи, остановился; въ Ноябрѣ и Декабрѣ закончился обѣщаніями новаго конгресса, обнародовавъ и часть программы о секуляризаціи папской области.

Демократическое начало выступаетъ все смѣлѣе и назойливѣе. Цюрихскій трактатъ подписанъ и не можетъ быть исполненъ. Венеція не хочетъ Австріи, Средняя Италія не хочетъ герцоговъ, папа не хочетъ конфедераціи, Пьемонтъ не хочетъ отдѣльнаго центра, Франція не хочетъ Вѣнскихъ трактатовъ, Англія не хочетъ Французскаго преобладанія. А чего они хотятъ, покажетъ 1860 годъ.

Франція процвѣтаетъ. Слава и матеріальныя богатства дошли до такой степени, что цезарь милуетъ враговъ, хлещетъ сотоварищей самыми произвольными распоряженіями, уздáетъ журналистику и мѣняетъ министровъ. Онъ держится войскомъ, толпою, народомъ и стремится замѣнить «Божію милость» національною волею. Сжимая бойкую націю, онъ тѣмъ не менѣе распространяетъ революціонныя (раціональныя) начала и у себя, въ массахъ, и въ Европѣ. При такой силѣ ему не страшны брошюры Монталямберовъ и Вильменей и, зная матеріальное вліяніе вѣка, онъ смѣло отдѣлывается отъ посланій епископовъ, увѣряя папу, что онъ его «fils dévôt». Серьезной оппозиціи нѣтъ, даже въ наукѣ.

Австрія нисходитъ на степень второклассной державы. Она уже ищетъ покровительства Германіи и не имѣетъ никакихъ партизановъ. Фельдмаршалы и дипломаты ея говорятъ: «мы воевать не можемъ, мы можемъ только протестовать». Она все обѣщаетъ реформы, равновѣсіе расходовъ и мѣстныя соревнованія. При дѣйствіи народнаго начала существованіе ея невозможно. Reichsgesetzblatt издается только на Нѣмецкомъ языкѣ. Венеція и Венгрія готовы для осаднаго положенія. Англія вооружается, и обезоружить ее могутъ только автономія Италіи и свободная торговля.

Пруссія поставила себя превосходно. Глава Германія, она откровенно почитаетъ конституцію и законность, идя, als natürlicher Vertretter des Strebens, durch Zweck entsprechende Institutionen die Kräfte der Nation zu heben und zusammenzufassen, so wie überhaupt durch Massregeln von wahrhafft praktischer Bedeutung die Gesammtheit der

deutschen Interessen wirkzam zu fördern, какъ сказалъ въ рѣчи своей принцъ-регентъ. Въ дѣлахъ внѣшнихъ Пруссія будетъ защищать Вѣнскіе трактаты, владѣя Польшею, съ Австріей и Россіей.

Ты, моя любезная отчизна, въ борьбѣ внутренней. Единственный прочный элементъ нашей жизни, крѣпостное право—пошатнулось и, пошатнувъ все: полицію, судъ, налоги, сословія, школы, готово пошатнуть и два другіе элемента—самодержавіе и православіе. Самодержавіе, подѣлившись властью съ мѣстными комитетами, уже въ открытой войнѣ съ дворянствомъ и подмываетъ существенные столпы своей силы, опираясь на администрацію, на чиновничество, на журналистику свою и иностранную. Православіе, уже столкнувшееся съ газетами, основываетъ новые органы своего противодѣйствія и, благословляя священниковъ освящать обѣты трезвости, готово столкнуться съ администраціей и какъ тамъ, такъ и здѣсь, выступая на свѣтъ, потеряетъ много своей силы, сильной таинственностью.

КОНЧИЛАСЬ ЛИ ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ?

Въ Сентябрьской книгѣ „Вѣстника Европы“ недавно скончавшійся В. С. Соловьевъ, излагая свои мысли по поводу „грозы панмонголизма“, надвигающейся, по его мнѣнію, на цивилизованный Западъ, вспоминаетъ слова своего отца, историка С. М. Соловьева, о будущемъ человѣческаго рода и о концѣ всемірной исторіи, слова, на которыя стоитъ обратить вниманіе. Вотъ эти слова:

„Современное человѣчество есть больной старикъ и всемірная исторія внутренно кончилась“... Иначе сказать: современное человѣчество не только старо̀, но и больно̀; для него остается только смерть. Мало того! Внутренно оно уже умерло; исторія его кончилась; ничего новаго оно уже произвести не можетъ.

Такова была, по словамъ Соловьева-сына, „*любимая* мысль его отца“ „его продуманный и провѣренный взглядъ на исторію“. Мы же позволяемъ себѣ замѣтить, что въ этихъ словахъ В. С. Соловьева слышится голосъ не живого человѣка, не *сына*, а отвлеченнаго мыслителя-*философа;* потому что со стороны любящаго сына по меньшей мѣрѣ странно приписывать отцу, *въ качествѣ „любимой мысли“*, мысль столь безотрадную, какъ выше приведенная. Возводить такую мрачную мысль въ „любимую“ значитъ лишать *отца и семьянина* надеждъ на свѣтлое будущее даже для его ближайшихъ, для его потомства; значитъ лишать *патріота*—любви къ отчизнѣ и вѣры въ нее и, наконецъ, *историка*—любви и вѣры въ предметъ его жизненнаго труда, во все человѣчество. Признать же мнѣніе о близости смерти рода человѣческаго любимою мыслью историка *Русскаго* значитъ сверхъ того обидѣть исторію Русскую. Ужели, спроситъ всякій прочитавшій эти слова, таковъ конечный выводъ сорокалѣтнихъ занятій Русскою исторіей почтеннаго ученаго?..

Допустимъ, что новыхъ народовъ на смѣну старыхъ, точно, нѣтъ; ибо островитянъ, которые съѣли Кука (слово С. М. Соловьева), пожрали Европейцы, а краснокожихъ доѣдаютъ Американцы, недавно перенесшіе свой „имперіалистскій“ аппетитъ и на Старый Свѣтъ (на Филиппины). Истребленіе Негровъ (о неспособности которыхъ къ „обновленію“ исторіи упоминалъ С. М. Соловьевъ) идетъ также довольно успѣшно.

Но дѣло въ томъ, что новыхъ народовъ и не нужно для продолженія историческаго процесса, для того, чтобы спасти всемірную исторію отъ конца (конца во всякомъ случаѣ позорнаго,—все равно,—будетъ ли онъ результатомъ взаимнаго истребленія, или хотя бы и мирнаго всеобщаго истощенія и вымиранія). Не нужно появленія *новыхъ* народовъ на аренѣ всемірной исторіи, потому что соединеніе и *старыхъ* народовъ могло бы предотвратить такой исходъ исторіи, если бы эти народы могли соединиться для общаго, все человѣчество спасающаго дѣла. Такое соединеніе и имѣло искони въ виду христіанство; оно и должно было служить цѣлью христіанской проповѣди. Но возможно ли это соединеніе теперь, если Европейскіе (то-есть не-христіанскіе, хотя и величающіе себя таковыми) миссіонеры приходятъ къ народамъ, у которыхъ еще не изсякла любовь къ отцамъ, и проповѣдуютъ имъ, что они, крестившись, будутъ по смерти наслаждаться зрѣлищемъ вѣчной казни своихъ родителей? Возможно ли при *такой* проповѣди соединеніе народовъ на общее спасительное дѣло?... Конечно, даже старосвѣтскіе и новосвѣтскіе Каннибалы догадались, что такія искреннія проповѣди, годныя еще, быть можетъ, для высококультурной Европы, совсѣмъ непригодны для менѣе развращенныхъ народовъ, а потому они и рѣшились скрывать этотъ столь любезный прогрессивнымъ народамъ догматъ.

Но что сказать объ умахъ „высшаго порядка", о гуманныхъ мыслителяхъ и публицистахъ, которые открыто, въ стихахъ и прозѣ, взываютъ къ Европейскимъ народамъ о необходимости разгрома Китая? Нужна изумительная наивность или же напускная слѣпота для того, чтобы проповѣдывать всемірный походъ противъ цѣлой расы, раздробленіе огромнаго государства, безпощадное истребленіе многолюднѣйшаго народа *христіанскимъ* мечомъ, ради того, чтобы мягкосердые Европейцы не заразились жестокосердіемъ Китайцевъ!

Не глубоко ли печально, что врагъ „средневѣковаго міросозерцанія" (В. С. Соловьевъ) завершилъ свою писательскую дѣятельность гимномъ „наслѣднику меченосной рати" („Драконъ", Вѣстникъ Европы, Сентябрь 1900 г.), воззваніемъ къ возобновленію креставаго похода, кроваваго и безпощаднаго?... Во всякомъ случаѣ, не изъ устъ проповѣдника терпимости ждалось услышать такой призывъ на союзъ, даже на отождествленіе „Креста съ Мечомъ"!...

Да и на чемъ, наконецъ, основаны всѣ эти по меньшей мѣрѣ, преждевременные страхи? На предполагаемой, будущей лишь опасности, не подтверждаемой, а опровергаемой настоящими событіями, когда небольшіе сравнительно отряды разбиваютъ массы Китайцевъ? Нужна горячая вѣра въ пророческій даръ Соловьева, чтобы на основаніи его приходить въ отчаяніе, дрожать за судьбу цивилизаціи и для спасенія ея взывать къ средствамъ, о которыхъ истинное человѣколюбіе должно бы стыдиться даже упоминать. Но тѣ, въ комъ еще не угасла вѣра *во все* человѣчество, тѣмъ подобаетъ вѣ-

ритъ и въ то, что конецъ всемірной исторіи еще не насталъ; что смертный приговоръ надъ человѣчествомъ, еще не произнесенъ безповоротно и безусловно; что отъ доброй воли самого человѣчества, отъ его истиннаго просвѣщенія и полнаго знанія, отъ его живого нравственнаго чувства и неустанной всеобщей энергіи зависитъ не только спасеніе его въ будущемъ, но и возстановленіе истребленнаго въ прошломъ.

Географическое завершеніе всемірной исторіи, то-есть тотъ фактъ, что нынѣ *вся* земля стала ея сценою, иными словами, начало *дѣйствительно всемірной* исторіи Соловьевъ-сынъ принялъ за ея конецъ. Война Европейцевъ и Американцевъ съ Китайцами была первою истинно-всемірною войною, и не простая случайность, что именно Русскому генералу выпала на долю честь командовать соединенными войсками Стараго и Новаго Свѣта. Но за этимъ знаменательнымъ событіемъ должно бы послѣдовать и всемірное посредничество Россіи съ цѣлью всемірнаго объединенія народовъ, подобно тому, какъ и первый призывъ къ установленію мира всего міра исходилъ изъ Россіи. Не сокрушаться, слѣдовательно, надо о томъ, что новыхъ народовъ болѣе не является; а нужно радоваться тому, что старое не поглащается новымъ. Верхомъ же нравственнаго совершенства былъ бы не только отказъ отъ поглощенія стараго новымъ, но и возстановленіе стараго, конечно, не въ его недостаткахъ и порокахъ, не въ томъ видѣ въ какомъ оно было, а въ томъ, въ какомъ оно могло бы и должно бы быть.

***

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

1839.

Въ эту зиму Москва очень веселилась. Пріѣзжала изъ Петербурга прекрасная Французская труппа, на Русской сценѣ шли драматическія представленія, съ извѣстнымъ Мочаловымъ во главѣ, и, наконецъ, посѣтилъ Москву знаменитый піанистъ Листъ (котораго маленькими бюстами украшались барскія гостиныя въ Москвѣ), чтобы давать свои великолѣпные и многолюдные концерты.

Тогда же пріѣзжало придать оживленія Московскому обществу особенно много молодыхъ людей изъ Петербурга. Въ числѣ сихъ послѣднихъ братъ мой и я довольно близко познакомились съ княземъ Павломъ Гагаринымъ и съ княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Они оба были отъявленные повѣсы; но нельзя было не признать ихъ за весьма милыхъ повѣсъ, искупающихъ своею аристократическою наружностью и увлекательными качествами ума и сердца непорядки слишкомъ необузданной молодости. Говорили, что они за свои шалости были высланы изъ Петербурга. Разсказывали про нихъ, какъ, желая подшутить надъ извѣстной въ то время въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ графиней NN, они придумали слѣдующую шалость, которая имѣла для нихъ весьма непріятныя послѣдствія.

Въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ, какіе бываютъ на Петербургскихъ островахъ, когда ихъ берега, какъ корзинки цвѣтовъ, отражаются въ спокойныхъ водахъ красивой Невки, графиня давала на своей великолѣпной дачѣ праздникъ съ танцами и катаньемъ на водѣ въ разнообразныхъ и разукрашенныхъ яликахъ. Въ этотъ самый вечеръ, когда стемнѣло и всѣ ялики съ гостями тихо возвращались со взморья вдоль берега обратно на дачу графини, вдругъ изъ темной какой-то маленькой бухты таинственно вышла къ нимъ навстрѣчу боль-

*) См. выше, стр. 70.

шая лодка, освѣщенная факелами, съ высокимъ черпымъ гробомъ, подвигавшаяся медленно съ похороннымъ пѣніемъ. Всѣ гребцы остановились, а дамы попадали въ обморокъ. Послѣ непродолжительнаго испуга, послышались голоса: «ловите ихъ!» Но траурная лодка успѣла повернуть назадъ и, увидавъ, что за нею гонятся, сбросила гробъ въ воду, потушила факелы и скрылась въ темнотѣ.

Было сдѣлано строгое дознаніе. Открыли виновныхъ, и дошло дѣло до Государя, вслѣдствіе чего проказниковъ выслали изъ Петербурга.

Они, не смотря на испытанныя ими непріятности въ Петербургѣ, все-таки и въ Москвѣ не унялись. Встрѣтивъ какую-то особу изъ простого званія поразительнаго сходства съ графиней NN (все той же знатной Петербургской дамой), Гагаринъ вздумалъ поморочить сплетницу-Москву, зная изъ опыта, какъ Москва любитъ толковать и заниматься всѣмъ тѣмъ, что̀ касается Петербурга. Онъ заказалъ ей самую модную франтовскую шляпку и одежду для прогулки и отправился, взявъ ее подъ руку, гулять на Тверской бульваръ въ то самое время, когда по существовавшему тогда модному обычаю на этомъ бульварѣ высшее Московское общество совершало свою обязательную ежедневную прогулку. Для бо́льшей достовѣрности, князь С. Трубецкой былъ тутъ же и ухаживалъ за означенной молодой особой. Разумѣется, послѣ этого по всей Москвѣ разнесся слухъ, что графиня NN пріѣхала въ Москву, и это дошло до Петербурга, съ разными нелѣпыми комментаріями и добавленіями. Такъ какъ они оба очень ухаживали за графиней въ Петербургѣ, то добрая матушка Москва могла плести по этому поводу сколько ей было угодно.

Не смотря на все, Московское высшее общество приняло шалуновъ очень радушно, въ особенности князя Гагарина, имѣвшаго большой успѣхъ. Онъ былъ находчивъ и смѣлъ, такъ что его остроты охотно передавались во многихъ гостиныхъ. Моя тетушка, княжна Софья Ивановна Мещерская, имѣвшая авторитетъ въ Московскомъ обществѣ и особенно любившая оказывать свое покровительство молодымъ людямъ, всегда съ спеціальною цѣлью ихъ духовнаго исправленія и нравственнаго возрожденія, очень его полюбила, тѣмъ болѣе, что онъ былъ круглымъ сиротою, имѣя только одну сестру, жившую у родственниковъ, весьма рѣзкую и невыдержанную особу, мало съ нимъ имѣвшую общаго. Но, кажется, что проповѣди моей доброй тетушки, къ ея глубокому горю, не имѣли на молодаго князя Гагарина ожидаемаго вліянія. Годъ спустя, однако, онъ женился на одной изъ сестеръ Мартыновыхъ (братъ которыхъ имѣлъ несчастіе

убить Лермонтова) и, кажется, послѣ того оставался все-таки неисправимымъ. Тетушка, отъ избытка къ нему лицепріятія, не желала этого брака, мечтая для него о болѣе блестящей партіи.

Что же касается до князя Сергѣя Трубецкого, то онъ, послѣ несчастнаго брака, отъ котораго у него родилась дочь (вышедшая впослѣдствіи за любимца Наполеона III-го, его министра графа Морни и извѣстная въ то время своей красотой въ Парижѣ), увезъ отъ мужа въ Петербургѣ знаменитую м-мъ Бравура, но былъ настигнутъ посланной за нимъ погоней на пароходѣ за четверть часа до отхода его изъ Одессы въ Константинополь; оба они, арестованные жандармомъ, возвращены обратно въ Петербургъ. Этотъ романъ не лишенъ былъ самыхъ драматическихъ и сенсаціонныхъ эпизодовъ. Послѣ этого князь Сергѣй Трубецкой, какъ мнѣ помнится, служилъ и участвовалъ во взятіи форта Перовскаго, но я его совершенно потерялъ изъ виду.

Разсказанное здѣсь невольно наводитъ на размышленія о тогдашней молодежи, къ которой принадлежали эти молодые люди.

Кому не случалось слышать, а можетъ быть и участвовать въ спорахъ о томъ, какая молодежь лучше: тогдашняя или нынѣшняя? Хотя этотъ вопросъ многимъ кажется празднымъ, потому что не только невозможно на него дать категорическаго отвѣта, но и потому, что рѣшеніе его не измѣнитъ прошлаго и ничему не научитъ въ настоящемъ; но этотъ вопросъ имѣетъ однако, надо полагать, существенный интересъ для нашихъ наблюдателей или философовъ: иначе онъ не возбуждался бы такъ часто и не служилъ бы предметомъ горячихъ споровъ.

Не въ защиту прошлой молодежи будь сказано, но только къ слову скажу, что такія личности, какъ Гагаринъ и Трубецкой были и тогда исключеніями, а потому обобщать и судить тогдашнюю молодежь по такимъ образцамъ было бы несправедливо.

Можетъ быть, причины такихъ явленій въ обществѣ, какъ проказы этихъ неисправимыхъ повѣсъ, отчасти происходили отъ той самой строгости, съ которою во время государя Николая Павловича обращались съ молодежью, а можетъ быть отчасти и отъ той лихости и беззавѣтной удали, свойственныхъ нашей Русской широкой природѣ, слишкомъ расходившейся въ обществѣ еще со временъ Екатерины, и которую государь Николай Павловичъ захотѣлъ сразу укротить, считая своею обязанностью для этого ввести повсюду строгую, почти военную, дисциплину.

Не разрѣшая вопросъ о томъ, какая молодежь лучше, нельзя не признать однако того, что нынѣшняя молодежь какъ-то рано отцвѣтаетъ и теряетъ жизненную энергію, а отъ этого въ ней такъ мало почина, вѣры въ собственное свое дѣло и безучастіе къ духовнымъ жизненнымъ вопросамъ. Отъ этого утилитаризмъ и мелочной расчетъ замѣняютъ въ молодежи всѣ остальныя побужденія. Въ этомъ случаѣ мнѣ кажется, что вновь предпринятая реформа замѣны общеобразовательной системы техническою ничего не можетъ измѣнить.

Возвращаясь къ зимѣ 1839 года, я долженъ сказать, что такъ какъ сестра моя была на возрастѣ, то родители считали обязательнымъ для себя жить открытымъ домомъ и давать балы, на которыхъ большею частью на мою долю приходилось вести танцы. Матушка на этихъ балахъ умѣла всѣхъ обворожить своею любезностью, соединенной съ большимъ достоинствомъ. Сестра много танцовала, но жениховъ для нея на лицо не оказывалось.

Я помню, что въ это время просилъ ея руки человѣкъ не молодой, а именно князь Долгорукій, извѣстный въ обществѣ подъ названіемъ bancal (иначе сказать, кривоногій). Онъ не нравился сестрѣ, и она ему отказала. Хотя онъ былъ человѣкъ несомнѣнно весьма образованный и ученый, издавшій въ то время довольно почтенный трудъ о Русскихъ дворянскихъ родахъ, но пользовался репутацій завистливаго, мелочного, скупаго и вообще человѣка непріятнаго характера. Онъ впослѣдствіи подтвердилъ по отношенію къ намъ и нашему семейству слухи, носившіеся о мелочности его характера: въ отместку намъ за отказъ моей сестры онъ обошелъ почти совершеннымъ молчаніемъ родъ князей Мещерскихъ въ напечатанной имъ Родословной Книгѣ, не пощадивъ такимъ образомъ въ своемъ злопамятствѣ даже нашихъ предковъ.

Въ это время на горизонтѣ Московскаго общества появились новыя звѣзды: нѣсколько красавицъ молодыхъ дѣвицъ, въ числѣ ихъ дочь сенатора Жихарева, вышедшая за моего двоюроднаго дядю князя Элима Петровича Мещерскаго, у которыхъ была дочь, вышедшая за Павла Демидова князя Сандонато, отца нынѣшняго владѣтеля Демидовскаго набабства. Затѣмъ появились три сестры Ушаковы, одна другой красивѣе; одна изъ нихъ вышла за Мартынова, большого кутилу, прозваннаго неизвѣстно почему шлёпомъ (онъ былъ старшій братъ убійцы Лермонтова); другая вышла за Нарышкина, почетнаго опекуна, а третья за князя Черкаскаго, извѣстнаго коннозаводчика. Объ остальныхъ я не буду говорить, потому что я упомянулъ о нихъ недавно, описывая Московское общество, которое можно назвать блестящимъ.

Что̀ касается до молодыхъ людей, посѣщавшихъ общество, то большинство ихъ составляли офицеры 6-й легкой кавалерійской дивизіи, стоявшей въ Москвѣ. Ее можно было прямо назвать молодой гвардіей: до такой степени она была переполнена молодыми людьми, принадлежащими къ лучшимъ семействамъ. Изъ четырехъ полковъ этой дивизіи составъ офицеровъ въ особенности отличался въ гусарскомъ полку принца Лейхтенбергскаго; изъ него большая часть офицеровъ начала свою службу въ арміи, чтобы затѣмъ, черезъ три года, перейти въ гвардію. Когда я самъ сдѣлалъ тоже и перешелъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, то я имѣлъ немалое удовольствіе встрѣтиться съ тѣми молодыми людьми, принадлежавшими одной и той же дивизіи, съ которыми такъ часто видался въ Москвѣ на балахъ въ эту зиму. Это были: двое братьевъ графовъ Блудовыхъ (сыновья министра), князь Голицынъ (сынъ почетнаго опекуна), Борисъ Полторацкій (сынъ извѣстнаго генерала Полторацкаго, любимца великихъ князей Константина и Михаила Павловичей, бывшаго долго губернаторомъ въ Ярославлѣ), князь Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ и другіе офицеры, имена которыхъ я запамятовалъ.

Въ эту зиму пріѣхалъ къ намъ изъ Италіи и поселился въ нашемъ домѣ дорогой гость, любимый нами всѣми младшій братъ отца, нашъ дядя Николай Ивановичъ. Онъ въ этотъ годъ женился на княжнѣ Трубецкой. Сынъ ихъ, князь Эммануилъ, впослѣдствіи женившійся на княжнѣ Долгорукой (сестрѣ княгини Юрьевской), будучи уже полковникомъ и флигель-адъютантомъ, былъ однимъ изъ героевъ въ послѣдней Турецкой кампаніи, гдѣ онъ командовалъ батареей и гдѣ умеръ геройской смертью на Шипкѣ. Какъ замѣчательный офицеръ, онъ далеко бы пошелъ по службѣ. Солдаты такъ любили своего командира, князя Эммануила Николаевича, что за его о нихъ заботы воздвигли сами, вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ въ этой батареѣ офицерами, памятникъ ему изъ гранита на томъ самомъ мѣстѣ на Шипкѣ, гдѣ этотъ герой былъ сраженъ. Рисунокъ этого памятника я препроводилъ въ свое время къ его единственной дочери, когда она подросла.

Въ Москвѣ для меня и моего брата, князя Бориса, дни летѣли за днями съ необычайной быстротой. Сезонъ кончился не безъ того, чтобы мы съ братомъ нѣсколько разъ не влюблялись по уши въ божественныхъ созданій, съ которыми танцовали.

Впрочемъ, на брата моего уже тогда одна изъ нихъ, княжна Софья Васильевна Оболенская, произвела такое глубокое впечатлѣніе, что онъ рѣшился (разумѣется подъ величайшею тайной, какъ водится)

мнѣ повѣдать свою любовь. Я выслушалъ его со вниманіемъ, обѣщалъ сохранить эту великую тайну, но, признаюсь, въ душѣ подумалъ, что эта страсть такъ же, какъ и многія другія, которыхъ я былъ нѣмымъ свидѣтелемъ, пройдетъ; но я не зналъ тогда, что я ошибаюсь, что это чувство брата къ княжнѣ болѣе серьезно, чѣмъ я полагалъ, и что эта кручина его не покинетъ до благословенія нашихъ родителей на бракъ, которое послѣдовало только три года спустя.

Очень естественно, что послѣ сдѣланнаго мнѣ братомъ признанія и вслѣдствіе моей горячей къ нему привязанности, я старался сблизиться съ княжною. Я сталъ незамѣтно за нею слѣдить и вскорѣ убѣдился, что дѣйствительно въ ней было что-то особенное, не встрѣчающееся обыкновенно въ тѣхъ миловидныхъ по молодости своей дѣвушкахъ, которыхъ по обыкновенію называютъ хорошенькими. Ея черные большіе глаза, то бархатные, ласкающіе и задумчивые, то свѣтящіеся искрами при малѣйшей шуткѣ, имѣли что-то особенное и подкупающее. Она была средняго роста, гибкая и стройная, съ весьма тонкой таліей. Цвѣтъ лица ея былъ смуглый, съ легкимъ румянцемъ. Она страстно любила танцовать и была очень мила, когда въ вихрѣ вальса граціозно развѣвались ея свѣтло-каштановые длинные кудри, которые принято было тогда носить на вискахъ. Она имѣла много природнаго ума, находчивости и любила тонко пошутить и посмѣяться надъ ближнимъ съ невиннымъ юморомъ, придававшимъ много прелести ея разговору. Люблю я вспоминать о чарахъ молодости этой прелестной дѣвушки, будущей моей невѣстки, сдѣлавшейся впослѣдствіи такой любящей женой моего обожаемаго брата и такой нѣжной матерью.

Весной мы всѣ отправились на лѣто въ деревню, но уже не въ Ошейкино, а въ Лотошино, покинутое тогда дѣдомъ моимъ и бабушкой, чтобы предоставить отцу, какъ новому владѣльцу, полную свободу дѣйствій по управленію.

Я былъ полковымъ ремонтёромъ, и мнѣ предстояло путешествіе въ южныя губерніи, для покупки лошадей. Исполненіе такого порученія было связано съ денежною отвѣтственностью за каждую ошибку, т.-е. за каждую забракованную полковымъ командиромъ лошадь; а въ этомъ послѣднемъ случаѣ мой отецъ, по добротѣ своей, взялъ отвѣтственность на себя, такъ какъ я самъ на это не имѣлъ денегъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, отецъ мой порѣшилъ обратиться къ хорошему своему пріятелю, Николаю Николаевичу Миллеру, большому знатоку въ лошадяхъ, коннозаводчику и помѣщику Тамбовской губерніи, съ просьбою содѣйствовать мнѣ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, для меня

совершенно новомъ. Дѣйствительно, вполнѣ изучить лошадь и по наружному виду опредѣлить качества ея выносливости, легкости и силы, это цѣлая наука, которую предстояло мнѣ изучить. Я, съ письмомъ отъ отца и снабженный казенными деньгами, отправился въ Тамбовскую губернію къ г-ну Миллеру, съ большимъ рвеніемъ желая приняться за дѣло, имѣющее для меня особый интересъ, какъ большого любителя лошадей и всякаго спорта.

Г. Миллеръ былъ почтенный старичокъ, бывшій главноуправляющимъ у моего дѣда, и на свои честныя сбереженія купившій у моего дяди, князя Сергѣя Ивановича, прекрасное его имѣніе Буртасъ, въ Тамбовской губерніи. Онъ жилъ въ помѣстительномъ деревянномъ одноэтажномъ помѣщичьемъ домѣ, въ самой простой обстановкѣ, былъ большой хлѣбосолъ и пріятель всѣхъ коннозаводчиковъ Тамбовскихъ и Харьковскихъ.

Имѣніе Н. Н. Миллера находилось на рѣкѣ Киріянѣ, въ Тамбовскомъ уѣздѣ, по сосѣдству съ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣстій той губерніи, селомъ Знаменскимъ-Киріяномъ (Загряжчина тожъ), нѣкогда помѣстьемъ Загряжскаго, большого пріятеля князя Потемкина, который во времена Екатерины, бывши у своего друга въ гостяхъ, подарилъ ему въ день его ангела нѣсколько тысячъ десятинъ прилегающей къ его помѣстью богатѣйшей степи, называемой и теперь еще Потемкинской и гдѣ до сего времени осталось много цѣлины, т.-е. никогда непаханной земли. Я не зналъ, что двадцать лѣтъ спустя буду частымъ и желаннымъ гостемъ села Знаменскаго.

Странная судьба постигла это, поистинѣ, барское помѣстье. Оно досталось сперва отъ Загряжскаго графинѣ де-Местръ, дочери Загряжскаго, которая, не имѣя дѣтей и близкихъ родственниковъ, оставила его по духовному завѣщанію покойному тестю моему по первой моей женѣ, графу Сергѣю Григорьевичу Строгонову, вслѣдствіе особаго къ нему благоволенія и тѣсной дружбы ея къ его отцу, бывшему барону Строгонову. Покойный графъ Сергѣй Григорьевичъ, желая въ пятидесятыхъ годахъ выдѣлить свою дочь, а мою первую жену, предложилъ намъ обоимъ выборъ между этимъ имѣніемъ и домомъ въ Петербургѣ. Мы, не зная о доходности того и другого имущества, предпочли, по неопытности, домъ, дававшій, какъ оказалось, только пятнадцать тысячъ дохода, чѣмъ и ограничилось все приданое, которое причиталось ей изъ Строгановскаго майората, считавшагося милліоннымъ. Это невѣрное мнѣніе, распространенное въ обществѣ, стоило мнѣ впослѣдствіи очень дорого: я поплатился за него своимъ собственнымъ состо-

ніемъ. Послѣ того графъ отдалъ это имѣніе сыну своему, графу Павлу Сергѣевичу, котораго я впослѣдствіи, будучи съ нимъ въ тѣсной дружбѣ, часто навѣщалъ въ его Знаменскомъ имѣніи.

По случаю моего пріѣзда, Н. Н. Миллеръ собралъ къ себѣ многочисленныхъ своихъ сосѣдей, отличавшихся такими Гомерическими аппетитами, можно сказать, степными, что я почувствовалъ тогда предъ подобными здоровьями все свое ничтожество. Изъ всѣхъ его сосѣдей симпатичнѣе всѣхъ мнѣ показался помѣщикъ Полетика съ своимъ семействомъ. Я послѣ моей женитьбы, 20 лѣтъ спустя, зналъ его брата, полковника конной гвардіи, который былъ женатъ на воспитанницѣ бывшаго барона Строгонова. Идалія Полетика была извѣстна въ обществѣ, какъ очень умная женщина, но съ весьма злымъ язычкомъ, въ противоположность своему мужу, котораго называли Божьей коровкой.

Достаточно отдохнувъ послѣ путешествія на перекладной изъ Москвы въ Тамбовъ, я отправился съ Н. Н. Миллеромъ въ тарантасѣ по всѣмъ конnoзаводчикамъ Воронежской и Тамбовской губерній, почти на два мѣсяца, при чемъ въ это время я едва успѣлъ себѣ усвоить только элементарныя познанія премудреной науки, которую можно назвать коновѣдѣньемъ. Но я достигъ, однако, во время прохожденія мною этого курса ученія двухъ убѣжденій: во-первыхъ, что на свѣтѣ нѣтъ ни одной лошади, которая не имѣла бы, какъ и человѣкъ, какого-нибудь недостатка, и, во-вторыхъ, что, подобно Греческому философу, «чѣмъ болѣе я учусь, тѣмъ болѣе прихожу къ убѣжденію, что я ничего не знаю». По моему мнѣнію нѣтъ человѣка, способнаго никогда не ошибаться въ выборѣ лошади. Не менѣе того, выборъ мой былъ сдѣланъ, и лучшими лошадьми на этотъ разъ оказались лошади заводовъ Лисаневича, Иванова и Попова.

Осенью я сдалъ въ полкъ мой ремонтъ, и результатъ оказался до такой степени удовлетворительнымъ, что моему отцу ничего не пришлось доплатить; ибо изъ 50 лошадей забраковано было только двѣ, вслѣдствіе чего я получилъ новое порученіе на покупку бóльшаго числа ремонтныхъ лошадей.

Во время моего продолжительнаго странствованія по заводамъ съ моимъ старичкомъ Миллеромъ, дѣлая по 60 верстъ не кормя на его собственныхъ лошадяхъ (что̀ весьма рѣдкія лошади вынесутъ), я удивлялся его способности спать въ дорогѣ въ тряскомъ тарантасѣ. Онъ никогда не вытягивался и не клалъ головы на подушку, а, сидя прямо и не опираясь спиной, только наклонялъ голову, которая болталась во

всѣ стороны на шеѣ, какъ на рессорѣ, и въ этомъ положеніи онъ могъ крѣпко спать очень продолжительное время. Хотя совсѣмъ тутъ было некстати, но я не могъ при этомъ не припоминать Гоголя, который гдѣ-то говоритъ про мальчика, имѣвшаго способность постоянно спать въ передней во всѣхъ положеніяхъ человѣческаго тѣла, въ которыхъ неудобно и невозможно спать. Мнѣ тѣмъ болѣе некстати было тогда думать о Гоголевскомъ мальчикѣ, что я самъ, сдѣлавъ основательную пробу спать по этому способу, впослѣдствіи усвоилъ его, признавая его рѣшительно лучшимъ въ тряскихъ безрессорныхъ экипажахъ.

Вернувшись обратно въ Буртасъ, я горячо благодарилъ добраго Миллера за руководство и помощь, и затѣмъ, отправивъ купленный ремонтъ съ военной своей командой въ полкъ, поѣхалъ къ семейству въ Лотошино, гдѣ засталъ любезнаго гостя, нашего сосѣда изъ села Асташева, Андрея Николаевича Муравьева, пріѣхавшаго къ намъ погостить на нѣсколько дней.

Авторъ незадолго передъ тѣмъ изданнаго извѣстнаго «Путешествія по святымъ мѣстамъ», сдѣлавшаго ему въ то время заслуженную репутацію одного изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ, очень ко мнѣ благоволилъ, что̀, признаться, льстило немало моему самолюбію. Такъ какъ онъ по лѣтамъ мнѣ въ отцы годился, то, разумѣется, въ его дружбѣ ко мнѣ была большая доля отеческаго попеченія и покровительства.

Никто не можетъ отрицать, что трое братьевъ Муравьевыхъ: Николай Николаевичъ Карскій, Михаилъ Николаевичъ Виленскій и Андрей Николаевичъ по способностямъ своимъ и по заслугамъ были люди, какъ говорится, недюжинные, а поэтому я имѣю нѣкоторое право гордиться ихъ благоволеніемъ и даже дружбой.

Обладая чрезвычайно нѣжнымъ и преданнымъ сердцемъ, Андрей Николаевичъ никогда не могъ забыть свою первую любовь къ графинѣ Чернышовой, которая предпочла ему его брата Николая Николаевича Карскаго, и поэтому всю жизнь онъ остался холостымъ. Николай Николаевичъ въ своихъ Запискахъ говоритъ объ этомъ оригинальномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трагическомъ эпизодѣ своей жизни.

Необыкновенная доброта Андрея Николаевича не вязалась съ холодной, одинокой его жизнью холостяка; привязанность, жертвы и заботы о другихъ составляли его существенную и духовную потребность.

Андрей Николаевичъ постоянно занимался серьезными предметами, бо́льшею частью религіозными, богословскими, церковными и пр., и, кромѣ того, поддерживалъ обширную переписку со многими высокопоставленными лицами нашего духовенства; письма къ нему Московскаго митрополита Филарета напечатаны. Не смотря на свои серьезныя занятія, онъ любилъ молодежь, собиралъ ее часто у себя, шутилъ съ нею и даже дурачился, но никогда не упускалъ случая касаться въ бесѣдахъ своихъ съ молодыми людьми предметовъ религіозныхъ или нравственныхъ.

Онъ доводилъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи свое попеченіе о нравственности своихъ любимцевъ до того, что мнѣ памятенъ остался тотъ случай, когда онъ передъ образами взялъ съ меня обѣщаніе сохранить чистоту мою и дѣвственность.

Среди молодежи, его посѣщавшей, у него были любимцы, въ числѣ которыхъ были я, кавалергардъ Ахматовъ (бывшій впослѣдствіи оберъ-прокуроромъ Св. Синода), артиллеристъ Исаковъ (бывшій впослѣдствіи главноуправляющимъ военноучебныхъ заведеній) и другіе, а до меня, какъ я слышалъ, любимцами его, между прочими, были: лейбъ-гусаръ И. Н. Гончаровъ и кавалергардъ А. Б. Козаковъ, бывшій также любимцемъ почтенной старухи, графини Орловой-Чесменской.

При этомъ надо замѣтить, что Андрей Николаевичъ, служившій самъ когда-то въ военной службѣ, сохранялъ слабость къ военнымъ людямъ, и поэтому фавориты его должны были быть непремѣнно изъ военныхъ. Такъ, напримѣръ, онъ зналъ насъ еще дѣтьми и любилъ также моего старшаго брата Бориса; но любимцемъ его былъ я, потому что я былъ военный; младшаго же моего брата Ивана онъ не жаловалъ, прозывая его графомъ Бенкендорфомъ (тогдашній шефъ жандармовъ)...

Надо сказать вообще, что злословіе не пощадило А. Н. Муравьева за его слабости и мелочность, а того и другого у него въ характерѣ было много. Онъ, напримѣръ, очень любилъ подарки и даже часто ихъ выпрашивалъ; любилъ почетныя встрѣчи, ради его устроенныя; часто участвовалъ въ крестныхъ ходахъ, гдѣ, благодаря его огромному росту, онъ не могъ не быть всѣми замѣченъ, тѣмъ болѣе, что всегда шелъ непосредственно за митрополитомъ или архіереемъ; любилъ носить костюмы, въ особенности схожіе съ военными. Не смотря на свой уже почтенный возрастъ и на то, что его средства не позволяли ему держать лошадей, онъ до ребячества любилъ кататься

верхомъ, хотя ѣздокъ былъ очень плохой, совершая подобныя прогулки въ сопровожденіи одного изъ своихъ любимцевъ. Всѣхъ чаще приглашалъ онъ меня, вѣроятно потому, что я верхомъ ѣздилъ лучше другихъ.

За страсть его кататься на чужихъ лошадяхъ въ щегольскомъ экипажѣ, онъ разъ былъ наказанъ его хорошимъ знакомымъ въ Петербургѣ, владѣльцемъ превосходнаго рысака, человѣкомъ, повидимому, весьма неразборчивымъ въ выборѣ своихъ шутокъ. Этотъ его знакомый долго уклонялся отъ исполнѣнія его желанія покататься въ его саняхъ по Невскому проспекту; наконецъ, онъ уступилъ его настоятельной просьбѣ, но съ тѣмъ, чтобы онъ не замучилъ его любимую лошадь, а для этого во время прогулки взадъ и впередъ по Невскому проспекту давалъ бы, пройдясь пѣшкомъ, нѣсколько разъ отдохнуть его лошади. Отправляя въ условленный съ Андреемъ Николаевичемъ день и часъ свои сани къ нему на квартиру, онъ предварительно призвалъ къ себѣ своего кучера и приказалъ ему всякій разъ, когда Андрей Николаевичъ будетъ на Невскомъ садиться въ сани, этому препятствовать, не показывая о томъ виду, то вдругъ подавая лошадь впередъ, то осаживая ее назадъ. Оказалось, что кучеръ такъ добросовѣстно исполнилъ приказаніе своего хозяина, что, когда Андрей Николаевичъ въ самомъ людномъ мѣстѣ крикнулъ кучера, чтобы всѣ присутствующіе видѣли его щегольской выѣздъ, и хотѣлъ сѣсть, то, занесши ногу въ сани, чуть не потерялъ равновѣсія и не упалъ при всѣхъ на улицѣ, такъ какъ внезапно лошадь дернула впередъ, и онъ оставался съ поднятой ногой передъ пустымъ пространствомъ въ самомъ непріятномъ и глупомъ положеніи, что̀ при его громадномъ ростѣ придавало картинѣ немало комизма. Подобныя сцены съ промежутками возобновлялись нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока, потерявъ терпѣніе, Андрей Николаевичъ рѣшился пѣшкомъ отправиться домой, а кучера, который притворялся, что онъ не можетъ справиться съ лошадью, возвратилъ хозяину съ великою благодарностью.

Таковы были мелочи въ характерѣ этого не только добрѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, но и замѣчательнаго ученаго, богослова и литератора.

Впрочемъ, мы знаемъ за многими извѣстными по своему таланту людьми подобныя мелочи или недостатки, несоотвѣтствующіе ихъ умственному развитію. Таковъ ужъ видно человѣкъ. Доживши даже до старости, какими бы онъ не былъ одаренъ способностями, даже геніальными, и какъ ни умудренъ опытомъ, онъ все-таки, въ извѣстномъ от-

ношеніи, остается ребенкомъ. Что же касается до Андрея Николаевича, то его душевныя качества, свѣтлый его умъ и возвышенные его идеалы заставляли забывать о его маленькихъ недостаткахъ, которые можно назвать почти дѣтскими.

На этотъ разъ Андрей Николаевичъ пробылъ у насъ въ Лотошинѣ цѣлую недѣлю, такъ что мы имѣли достаточно времени, чтобы вдоволь и въ сласть накататься верхомъ. Узнавъ отъ меня, что я по прошествіи установленнаго срока намѣренъ перейти въ гвардію, онъ сталъ меня уговаривать и усиленно просить моихъ родителей, чтобы я непремѣнно перешелъ въ кавалергардскій полкъ, а пи въ какой-нибудь иной, такъ какъ это его любимый полкъ и что онъ, по его мнѣнію, отличается отъ всѣхъ прочихъ изящностью и добропорядочностью своихъ офицеровъ. Къ этому онъ прибавилъ, что онъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ находится съ командиромъ этого полка генераломъ Фитингофомъ, и что всѣ хлопоты по этому дѣлу онъ съ радостью беретъ на себя, такъ что вскорѣ, уѣзжая въ Петербургъ, онъ, не теряя времени, переговоритъ обо всемъ съ генераломъ, который несомнѣнно будетъ этимъ очень доволенъ, а онъ (Андрей Николаевичъ) мнѣ обо всемъ подробно напишетъ. Впослѣдствіи, къ крайнему его сожалѣнію, это предположеніе не осуществилось, потому что въ данное время въ этомъ полку не было вакансій, и я тогда перешелъ въ лейбъ-гусарскій полкъ, сохранивъ, однако, при этомъ съ Андреемъ Николаевичемъ все тѣже прежнія добрыя отношенія.

Въ это же самое лѣто пріѣзжалъ къ намъ въ Лотошино новый мой знакомый, съ которымъ я часто встрѣчался у Николая Михайловича Орлова и съ которымъ подружился. Это былъ бывшій тогда его товарищъ по университету, студентъ Полонскій, составившій себѣ впослѣдствіи репутацію одного изъ нашихъ недюжинныхъ поэтовъ.

Это былъ молодой человѣкъ, весьма добрый, весьма общительный, но до нельзя простодушный. Онъ уже тогда любилъ писать стихи, но они мнѣ тогда казались или простымъ риѳмоплетствомъ, или какъ-то выходили у него до такой степени туманными, что не было никакой возможности добиться въ нихъ смысла. Онъ писалъ стихи, посвященные моей сестрѣ; но, кажется, одна только тетушка Софья Ивановна Мещерская, гостившая тогда у насъ, по добротѣ своей имѣла терпѣніе выслушивать его чтеніе и даже его поощряла.

Онъ впослѣдствіи несомнѣнно сдѣлалъ успѣхи; но, не смотря на мою дружбу къ нему, я долженъ сознаться, что никогда и послѣ того не могъ признать въ его стихотвореніяхъ признаковъ большого даро-

ванія, хотя риѳмы у него, надо сознаться, были почти безукоризненны. Но что̀ такое риѳма въ сравненіи съ прочими достоинствами настоящей поэзіи даровитаго автора? Никто, кажется, не можетъ отрицать, что въ поэзіи вдохновенье, высокая мысль, глубокое истинное чувство и изящность формы отодвигаютъ далеко на задній планъ какую-нибудь не совсѣмъ безукоризненную риѳму.

Какъ-то странно судятъ у насъ наши рецензенты и критики о нашихъ поэтахъ, а вслѣдствіе того и молва объ ихъ талантахъ часто у насъ капризна и ни на чемъ не основана. Такъ, напримѣръ, современникъ Полонскаго, одинъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ, графъ Алексѣй Толстой, не имѣлъ столько апологистовъ, сколько имѣлъ ихъ Полонскій, которому одинъ Говоруха-Отрокъ посвятилъ до десяти статей, кромѣ статей Страхова и другихъ.

Не могу по этому случаю не припомнить нѣсколько стиховъ его, всегда мнѣ казавшихся особенно бездарными въ его стихотвореніи философскаго содержанія, подъ названіемъ «Умирающій», гдѣ онъ говорить о страданіяхъ и кончаетъ такъ:

Прощай!... Уже враги невѣдомаго духа,
Ничтожные, какъ прахъ, опасные, какъ ядъ,
Проникли въ кровь мою, внѣдряются, спѣшатъ
Хозяйничать... Негодные для слуха,—
Непризванные помогать
Мнѣ звуками природу наполнять,—
Негодные къ тому, чтобъ я, источникъ зрѣнья,
Съ ихъ помощью въ цвѣта преображать
Могъ невѣсомаго эѳира сотрясенья,
Случайные враги пока еще живыхъ,
Присущихъ мнѣ частицъ, освобождаютъ ихъ —
То медленно, то быстро и всецѣло—
Отъ подневольной службы въ пользу тѣла...

А далѣе:

Такъ, собственнаго разложенья
Свидѣтель, я гляжу на всѣ его мученья,
Какъ на слѣпое роковое мщенье
Стихійныхъ, вѣчныхъ силъ; за то, что я живу
Во времени и жить ихъ заставляю... и т. далѣе.

Какъ могутъ апологисты Полонскаго восторгаться такой поэзіей, я не понимаю? Если подобное стихотвореніе можетъ нравиться такимъ знатокамъ дѣла, какъ Говоруха Отрокъ, Страховъ, Басаргинъ и другіе, то я, какъ совершенно несогласный съ ними, предпочелъ бы, чтобы съ ними не спорить, признать себя лишеннымъ всякаго эстетическаго чувства и пониманія.

Всякій согласится, что для истиннаго поэта міръ явленій или дѣйствительность ежедневная, преходящая и случайная, какъ бы не должны существовать. Для него существуетъ лишь дѣйствительность поэтическая, преображенная, т. е. обнаружившая свою истинную и вѣчную сущность. А въ подобномъ стихотвореніи Полонскаго я ничего подобнаго не вижу, не говоря о томъ, что изящность формы здѣсь уже совершенно отсутствуетъ. Какъ-бы то ни было, въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, Полонскій былъ молодой человѣкъ замѣчательно-кроткій, добрый, простодушный. Впослѣдствіи онъ сдѣлался преданнымъ другомъ моего семейства; поэтому я всегда объ немъ вспоминаю съ дружественнымъ чувствомъ, совершенно независимо отъ того, каковъ-бы ни былъ размѣръ его лирическаго таланта.

Засимъ насъ также посѣтила въ Лотошинѣ самая близкая пріятельница моей матушки, съ которой она лѣтъ двадцать сохраняла непрерывныя сношенія, т. е. до самой своей смерти, а именно графиня Жюльвекуръ, бывшая вдова полковника Кожина. Она была побочной дочерью Николая Сергѣевича Всеволожскаго, вышла очень молоденькой за полковника Кожина, который вскорѣ умеръ, не оставивъ дѣтей, а затѣмъ, много лѣтъ спустя, вышла за путешественника по Россіи, Французскаго легитимиста графа Жюльвекура.

Дружба моей матушки, весьма строгой въ выборѣ знакомыхъ, каждому была понятна, кто зналъ графиню Лидію Николаевну. Трудно было встрѣтить болѣе кроткую и привѣтливую личность. Она подъ самою скромною наружностью скрывала всестороннее образованіе и рѣдкія въ женщинѣ солидныя познанія. Правда, что ея любезность напоминала любезность лицъ аристократическаго Французскаго общества прошлаго времени, но рѣчь ея исходила изъ собственнаго своего ключа и затѣмъ текла невозмутимо, какъ струя чистой зеркальной воды.

Дружба графини къ моей матери была чуть ли не преобладающая въ ея жизни привязанность. Она на много лѣтъ пережила обожаемую мою мать и, овдовѣвши во второй разъ, поселилась и проживала въ большомъ одиночествѣ въ Москвѣ, гдѣ я ее часто посѣщалъ до ея недавней кончины. Я любилъ бесѣдовать съ этой милой и умной старушкой. Вспоминаю, что она мнѣ передавала между прочимъ нѣчто характеризующее постоянное настроеніе духа и набожность моей матери. Такъ она, напримѣръ, въ минуту сердечнаго дружескаго признанія говорила ей, что кается передъ Господомъ Богомъ въ одномъ большомъ согрѣшеніи, отъ котораго никакъ избавиться не можетъ.—«Въ

чемъ же онъ состоитъ, этотъ ужасный грѣхъ?» спросила графиня.— «Какъ же? отвѣчала она, Господь Богъ требуетъ, чтобы Его одного обожали на свѣтѣ, а я обожаю также и своего мужа, и эта мысль меня мучаетъ....» Такова была чистота и таково было религіозное настроеніе этой святой женщины, которое ее никогда не покидало.

Мужъ Лидіи Николаевны, графъ Жюльвекуръ, сдѣлавшись руссофиломъ, былъ однинъ изъ числа первыхъ и рѣдкихъ въ то время Французовъ, искренно возмущенныхъ несправедливыми толками, распространенными на Западѣ о Россіи и о Русскихъ вообще. Онъ первый задался цѣлью исправить эту несправедливость, возстановить истину доступными для него средствами, измѣнить общественное мнѣніе во Франціи въ пользу Россіи и способствовать сближенію этихъ народовъ. Онъ въ этомъ смыслѣ помѣщалъ статьи въ разныхъ Французскихъ журналахъ и, такъ какъ онъ былъ самъ поэтомъ, то издалъ въ стихахъ переводъ нашихъ народныхъ пѣсенъ въ сборникѣ подъ названіемъ «Балалайка»; но сколько мнѣ помнится, это изданіе не имѣло большого успѣха.

Я вскорѣ долженъ былъ оставить семью, чтобы вернуться въ Коломну на службу. Засталъ я дядю не въ веселомъ настроеніи духа: онъ только что получилъ извѣстіе, что его произвели въ генералъ-маіоры, а не въ генералы при свитѣ.

Въ бесѣдѣ дядя мнѣ подробно разсказалъ причину этой немилости слѣдующимъ образомъ. На царскомъ смотру въ Бородинѣ, когда нашъ полкъ стоялъ развернутымъ фронтомъ и, передъ самымъ пріѣздомъ Государя, дядя, находясь на лѣвомъ его флангѣ, равнялъ полкъ, онъ замѣтилъ въ первомъ эскадронѣ поручика Фролова, который небрежно сидѣлъ на лошади, поставивъ ее бокомъ къ фронту. Дядя послалъ къ нему тотчасъ своего адъютанта сказать, чтобы онъ сталъ какъ слѣдуетъ передъ своимъ взводомъ; но поручикъ Фроловъ оставался глухъ къ переданному ему приказанію и только повернулъ лошадь еще болѣе въ сторону. Время терять было невозможно: съ минуты на минуту ждали Государя. Дядя, взбѣшенный такимъ неповиновеніемъ, самъ поскакалъ мимо всего фронта къ противоположному флангу полка и, доскакавъ до Фролова, крича на него своимъ страшнымъ голосомъ, осадилъ свою лошадь такъ близко, что головы обѣихъ лошадей почти сошлись вмѣстѣ. Въ это мгновенье Фроловъ размахнулся своей саблей и нанесъ ударъ прямо передъ собой, такъ что ударъ пришелся по темени между ушами лошади. Ударъ нанесенъ былъ невѣрно или, лучше сказать, рукою очевидно человѣка нетрез-

ваго, ибо даже концомъ сабли онъ не достигъ сѣдока, на котораго ударъ былъ направленъ. Все это было дѣломъ одного мгновенья. Отъ этого удара лошадь дяди поднялась и бросилась въ сторону; а поручикъ Фроловъ, какъ будто человѣкъ совершившій свое дѣло, очень хладнокровно, пошатываясь на сѣдлѣ, зложилъ саблю въ ножны, преспокойно повернулъ лошадь, обошелъ правый флангъ полка и молча шагомъ отправился подъ арестъ въ нашу штабъ-квартиру.

Возвратившись домой послѣ смотра, который прошелъ превосходно, дядя долго колебался, прежде чѣмъ принялъ окончательное рѣшеніе, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ. Чувство сожалѣнія къ участи молодого человѣка, который во время совершеннаго имъ поступка былъ положительно въ состояніи невмѣняемости, наконецъ, взяло верхъ и вмѣсто того, чтобы подать по начальству рапортъ о случившемся (вслѣдствіе котораго поручикъ Фроловъ неминуемо былъ-бы отданъ подъ военный судъ и разжалованъ въ солдаты), дядя предпочелъ потребовать отъ него, чтобы онъ подалъ отъ себя прошеніе объ отставкѣ, приказавъ оставаться ему подъ арестомъ до ея полученія. Дядя мнѣ передалъ при этомъ, что онъ зналъ, что рискуетъ, поступивши такимъ образомъ и подвергаясь, можетъ быть, этимъ получить отъ ближайшаго начальства выговоръ, но что онъ предпочелъ эту мѣру по двумъ причинамъ: во-первыхъ, какъ сказано, чтобы не погубить на вѣкъ молодого человѣка, а во вторыхъ, чтобы не давать повода злымъ языкамъ раздуть чрезмѣрно важность этого случая.

Но оказалось, что дядя упустилъ изъ виду существованіе у насъ жандармовъ и стало-быть тайной полиціи, въ то время особенно зорко наблюдавшей за всѣмъ происходящимъ при большомъ скопленіи войскъ, какъ это было на Бородинскомъ полѣ во время маневровъ.

Поступокъ поручика Фролова дошелъ до слуха самого Государя, который очень строго отнесся къ неисполненію своимъ любимымъ флигель-адъютантомъ служебной обязанности, т. е., что не подано рапорта начальству о такомъ изъ ряду вонъ выходящемъ случаѣ нарушенія военной дисциплины. Отсюда немилость Государя и производство дяди просто въ генералъ-маіоры, а не въ свиту его величества. Вскорѣ послѣ этого я узналъ дальнѣйшую исторію поручика Фролова, по выходѣ его въ отставку. Онъ оказался настоящимъ алкоголикомъ, въ пьяномъ видѣ нѣсколько разъ стрѣлялъ въ свою прислугу и, наконецъ, покусился на жизнь собственной матери. Несчастный кончилъ жизнь сосланнымъ по суду на каторгу.

Для дяди моего начались его горькія испытанія. Послѣ его производства въ генералъ-маіоры о немъ какъ будто забыли, оставивъ его въ этомъ чинѣ командиромъ армейскаго полка, что̀ не было обычно въ то время въ порядкѣ службы и составляло исключеніе. Затѣмъ, когда открылись двѣ вакансіи командировъ двухъ кавалерійскихъ полковъ въ гвардейскомъ корпусѣ (лейбъ-гвардіи гусарскаго и его высочества уланскаго) то, не смотря на его личное представительство о томъ, чтобы ему дали командованіе лейбъ-гусарскимъ полкомъ (что̀ почему-то весьма не понравилось командиру гвардейскаго корпуса, великому князю Михаилу Павловичу), его назначили командиромъ гвардейскаго уланскаго полка. Спустя не болѣе года послѣ того, какъ онъ принялъ этотъ полкъ, стряслась надъ нимъ другая бѣда: на него неожиданно обрушился гнѣвъ великаго князя Михаила Павловича.

Дѣло было такъ. За то что офицеръ его полка опоздалъ на ученье, дядя приказалъ его посадить подъ арестъ на 24 часа, что̀ на другой день, по принятому порядку, значилось въ приказѣ по полку. Такъ какъ великій князь имѣлъ обыкновеніе всегда прочитывать всѣ полковые приказы, то, освѣдомясь объ этомъ, онъ пришелъ въ большое негодованіе по поводу слабости этого взысканія, не соотвѣтствующаго, по его мнѣнію, тяжести проступка. Онъ потребовалъ объясненія отъ моего дяди, при чемъ замѣтилъ, что не на 24 часа слѣдовало посадить виновнаго офицера за подобный проступокъ, а на 24 дня. Дядя, извѣстный всѣмъ своею строгостью по службѣ, обидѣлся этимъ замѣчаніемъ и отвѣчалъ, что онъ полагалъ, что г.г. офицеры избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, чему, по его мнѣнію, могъ бы уподобиться такой продолжительный арестъ за проступокъ, могущій произойти иногда по независящимъ отъ виновнаго причинамъ.

Нѣсколько дней спустя, къ немалому удивленію и великому огорченію этого закаленнаго служаки и, можно сказать, суроваго по строгости своей командира, явился въ приказѣ великаго князя по гвардейскому корпусу строгій выговоръ полковому командиру уланскаго его высочества полка, за поступокъ, могущій причинить послабленіе военной дисциплины въ гвардейскомъ корпусѣ. Нелегко людямъ бываетъ переносить даже заслуженныя послѣдствія недостатковъ; какое же долженъ ощущать горькое чувство тотъ, кто осуждается и наказуется громогласно за недостатки, въ немъ никогда не существовавшіе и никѣмъ незамѣченные? Такъ именно было съ дядей. Онъ всего менѣе могъ ожидать выговоровъ за недостатокъ строгости, могущей, какъ ему было сказано, даже нарушить дисциплину въ гвардейскомъ корпусѣ. Этотъ нравственный ударъ его сразилъ. Онъ послѣ того былъ

похожъ на человѣка разочарованнаго, потерявшаго вѣру во все, во что̀ онъ вѣрилъ въ продолженіе всей его жизни. Жаль было смотрѣть на него въ то время. Онъ совершенно упалъ духомъ и оставался равнодушнымъ ко всему окружающему. Поэтому онъ вскорѣ вышелъ въ оставку и поѣхалъ въ деревню, откуда уже никогда не возвращался.

Въ то время, какъ я прибылъ въ полкъ, дядя находился въ ожиданіи, длившемся цѣлый годъ, о назначеніи его командиромъ гвардейскаго полка, о которомъ я говорилъ выше. Погостивъ у него нѣсколько дней, я простился съ нимъ, чтобы отправиться въ мой эскадронъ, находившійся уже на зимнихъ квартирахъ въ большомъ селеніи въ окрестностяхъ Коломны. Погода была ужасная. Хотя отчасти я уже свыкся съ жизнью армейскаго офицера, но тогда я испыталъ всѣ ея непривлекательныя стороны. Дѣйствительно, жизнь субалтернаго армейскаго офицера на зимнихъ квартирахъ въ деревняхъ мало чѣмъ отличается отъ жизни арестанта, присужденнаго къ одиночному заключенію, и тому офицеру, который не можетъ пріобрѣсти книгъ, или непривыченъ читать, дѣйствительно остается только одно: спиваться съ круга отъ тоски. Въ кавалеріи въ особенности, гдѣ признано, что для однообразія въ выправкѣ и обученіи людей, въ выѣздкѣ лошадей и пр., и пр., вся власть должна сосредоточиваться въ одномъ лицѣ, а именно, въ лицѣ эскадроннаго командира, субалтерный офицеръ не имѣетъ для развлеченія даже и фронтовыхъ занятій. По хозяйственной же части его участіе еще менѣе можетъ быть допускаемо, что̀ весьма понятно, такъ какъ экономическая часть и отчетность требуютъ еще болѣе сосредоточенія ихъ въ рукахъ хозяина, или, иначе сказать, эскадроннаго командира. Кромѣ того, въ той мѣстности, гдѣ находится эскадронъ, часто не бываетъ помѣщичьихъ имѣній; но если бъ онѣ и были, то зимою помѣщики почти никогда въ своихъ помѣстьяхъ не остаются, стало быть офицеры лишены бываютъ всякаго общества. Единственнымъ развлеченіемъ остается картежная игра, но для этого надо имѣть свободныя деньги, а у армейскаго офицера ихъ никогда не бываетъ; такъ, напримѣръ, у насъ въ полку мнѣ не случалось никогда видѣть игорнаго стола. Можно легко себѣ представить поэтому, какую неприглядную жизнь и какую тоску должны переносить эти молодые люди на зимнихъ стоянкахъ.

Я, какъ и прежде бывало, спасался отъ этой томительной и повальной скуки чтеніемъ запасенныхъ мною книгъ. Эти книги были преимущественно историческаго содержанія; были также путешествія, а изъ легкой литературы романы Бальзака, имѣвшіе тогда большой успѣхъ. Помню, что я тогда прочелъ путешествіе по Индіи Жакмо-

на, много писавшаго подробностей о ненавистномъ въ Индіи владычествѣ Англичанъ и о Санкритскихъ древностяхъ духовнаго содержанія. Затѣмъ я тогда имѣлъ время прочесть многочисленные томы мемуаровъ Людовика XVIII-го и чрезвычайно интересную переписку короля Іосифа съ его братомъ, Наполеономъ I-мъ. Таковы странныя свойства нашей памяти, что изъ всего читаннаго мною тогда почти ничего не изгладилось изъ моей памяти, хотя съ тѣхъ поръ прошло 60 лѣтъ. Причина тому, я полагаю, не столько впечатлительность моей молодой памяти, сколько то одиночество, въ которомъ я находился, и полное отсутствіе всякихъ развлеченій.

Зимою я не безъ труда выхлопоталъ себѣ во время праздниковъ 20-дневный отпускъ въ Москву. По пріѣздѣ туда, я нашелъ все, такъ сказать, на своемъ мѣстѣ, т.-е. въ обществѣ я не засталъ никакихъ измѣненій, кромѣ развѣ пріѣзда въ Москву Л. А. Лазарева съ его молодой женой, урожденной принцессой Биронъ-Курляндской. Эта молодая особа, очень красивая и замѣчательно любезная, всѣхъ обворожила, и въ томъ числѣ моего отца, стараго пріятеля мужа ея.

Съ того времени г-жа Лазарева, со свойственными ей тактомъ и умомъ, предприняла сватовство своего брата, принца Калиста Бирона, на моей сестрѣ, что̀, два года спустя, и увѣнчалось успѣхомъ, послѣ пріѣзда принца въ Москву.

Я вспоминаю, что въ это время, въ честь пріѣзда г-жи Лазаревой, былъ данъ большой балъ г-жею Деляновой, сестрой мужа ея Лазарева, въ ея домѣ (въ Армянскомъ переулкѣ), принадлежавшемъ когда-то нашимъ предкамъ, князьямъ Мещерскимъ *). Лазаревъ просилъ меня отъ имени своей сестры Деляновой, съ которой я тогда мало былъ знако̀мъ, пригласить къ ней на балъ нѣсколько танцоровъ изъ моихъ товарищей-офицеровъ и взять на себя трудъ самому управлять танцами. Я, разумѣется, по знакомству съ Лазаревымъ, не могъ отказаться и потому послалъ пригласительные билеты нѣсколькимъ моимъ пріятелямъ, какъ-то двумъ графамъ Блудовымъ, князю Голицыну, ротмистру Сталькe (гусаръ и хорошій танцоръ, родомъ изъ Венгерцевъ, вступившій въ нашу службу) и другимъ. Балъ былъ очень блестящъ и оживленъ. Я успѣшно велъ танцы. Героиней бала разумѣется, была, пріѣхавшая въ первый разъ въ Россію красавица, молодая г-жа Лазарева.

---

*) Домъ этотъ пріобрѣтенъ Деляновыми отъ кн. Натальи Андреевны Мещерской (ур. гр. Матвѣевой), внучки боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева; рядомъ съ церковью, въ этомъ переулкѣ, находится и роскошная часовня, гдѣ стоитъ гробница Матвѣева.

Мнѣ помнится, что на этомъ балѣ былъ случай, никѣмъ незамѣченный, но который меня очень разсмѣшилъ. Въ началѣ танцевъ, послѣ обычныхъ представленій хозяйкѣ (которая была вдовою), я замѣтилъ одного молодого человѣка, подходившаго по очереди ко всѣмъ моимъ товарищамъ, въ томъ числѣ и ко мнѣ, и весьма внимательно съ нами разговаривавшаго. Такъ какъ онъ себя не называлъ, то никто изъ насъ не зналъ, кто именно былъ этотъ любезный нашъ новый знакомый. Очередь, наконецъ, дошла и до ротмистра Стальке, человѣка огромнаго роста, брюнета, съ безконечно-длинными усами, стоявшаго въ задумчивости возлѣ меня. Молодой человѣкъ сперва заговорилъ съ нимъ на Русскомъ языкѣ, на которомъ г. Стальке довольно плохо говорилъ; но, замѣтивъ, что г. Стальке ему не отвѣчаетъ, онъ обратился къ нему по-французски, съ тѣми шаблонными вопросами, съ которыми обращаются обыкновенно къ незнакомцамъ, когда по необходимости бываешь вынужденнымъ ихъ занимать разговоромъ. Такъ, напримѣръ, я слышалъ, что онъ у него спрашивалъ: любитъ ли онъ театръ, охотно ли ѣздитъ въ оперу и т. п.; но, повидимому, всѣ эти вопросы казались довольно докучливыми колоссу съ длинными усами: онъ только посматривалъ сверху внизъ на маленькаго незнакомца и нехотя бормоталъ ему какіе-то невнятные отрицательные отвѣты. Это, однако, не обезкуражило молодого человѣка, и я слышалъ, какъ онъ обратился къ нему съ новымъ вопросомъ о томъ, видѣлъ ли онъ, какъ прекрасно въ настоящее время идетъ на сценѣ опера «Робертъ-Дьяволъ»? На этотъ послѣдній вопросъ нашъ колоссъ наклонился надъ нимъ и, покачавъ головой, промычалъ ему подъ самое ухо глубокимъ басомъ какой-то продолжительный звукъ, похожій на тотъ, которымъ пугаютъ дѣтей, въ родѣ прр-пр-пр-р!.. сдѣлавъ при этомъ значительную гримасу въ знакъ отвращенія. Это произошло такъ быстро и неожиданно для молодого человѣка, что онъ съ ужасомъ отъ этого чудовища попятился назадъ и скрылся въ толпѣ окружавшихъ насъ танцоровъ. Я вскорѣ узналъ, что этотъ молодой человѣкъ былъ никто иной, какъ молодой Деляновъ, сынъ хозяйки дома, только что кончившій съ отличіемъ курсъ кандидатомъ въ Московскомъ университетѣ. Мы не знали тогда, что этотъ скромный молодой человѣкъ сдѣлаетъ такую видную карьеру и будетъ пользоваться такою громкою извѣстностью въ Россіи, какъ министръ народнаго просвѣщенія.

Балъ кончился блестящимъ и веселымъ ужиномъ, за которымъ я сидѣлъ возлѣ героини бала, молодой г-жи Лазаревой, имѣвшей возлѣ себя съ другой стороны молодого графа Уварова (сына бывшаго министра), съ которымъ я уже въ то время сошелся такъ, что дружба наша не измѣнялась до его преждевременной кончины.

Къ этому времени относятся также болѣе тѣсныя дружескія сношенія нашего семейства съ семействомъ Мухановыхъ, имѣвшихъ въ Москвѣ свой домъ на Остоженкѣ. Послѣдняя изъ этого семейства, Прасковья Алексѣевна, состояла всю свою жизнь въ тѣсной дружбѣ съ моей тетушкой, Марьей Ивановной Гончаровой. Я тогда не могъ, по молодости лѣтъ, знать и цѣнить по достоинству эту превосходную личность, и она высоко стояла въ моемъ мнѣніи какъ-то инстинктивно, потому только, что была другомъ тетушки. Съ братомъ ея, Николаемъ Алексѣевичемъ Мухановымъ, я былъ знакомъ гораздо ближе, чѣмъ съ нею. Онъ принадлежалъ къ той плеядѣ всесторонне образованныхъ и умныхъ людей, которыми отличалось въ тогда Московское общество. Перечисляя въ умѣ своемъ современниковъ Н. А. Муханова, даровитыхъ и образованныхъ личностей, жившихъ въ одно и тоже время въ Москвѣ, я не могу не подивиться ихъ многочисленности. Таковы, напримѣръ, изъ стариковъ: Николай Николаевичъ Муравьевъ, Александръ Михаиловичъ Тургеневъ, Николай Сергѣевичъ Всеволожскій; затѣмъ люди среднихъ лѣтъ, какъ: П. Я. Чаадаевъ, М. Ѳ. Орловъ, Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ, Александръ Сергѣевичъ Цуриковъ, князь П. И. Трубецкой, князь Михаилъ Александровичъ Голицынъ, А. С. Хомяковъ, и изъ болѣе молодыхъ людей: братья Аксаковы, Юрій Самаринъ, графъ Алексѣй Толстой, молодой Тургеневъ и проч. Въ любой столицѣ Европы подобныя личности были бы не только замѣчены, но и заслужили бы всеобщее вниманіе. Поживъ столько на свѣтѣ и посѣтивъ столько разъ почти всѣ Европейскія столицы, я могу сказать это на основаніи собственнаго опыта. Многіе изъ этихъ лицъ впослѣдствіи оставили Москву и переѣхали въ Петербургъ, въ томъ числѣ и Н. А. Мухановъ, бывшій при особѣ государыни Маріи Александровны, а позже товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

О НОВОМЪ ИЗДАНІИ СОЧИНЕНІЙ БѢЛИНСКАГО *).

О Бѣлинскомъ спорили страстно и упорно. Одна часть нашей печати превозносила его, какъ великаго Русскаго писателя, окружала его имя славословіемъ; писатели другого направленія, наоборотъ, отрицали всякое значеніе у Бѣлинскаго и доходили до того, что называли его „мелкимъ фельетонистомъ“. Это различіе оцѣнки происходитъ отъ различія точекъ зрѣнія.

Если смотрѣть на Бѣлинскаго снизу, изъ міра запросовъ и потребностей „толпы“, дѣятельность его должна показаться необыкновенно значительной. Всю жизнь боролся онъ съ торгашествомъ въ литературѣ, съ грубостью, съ пошлостью, со всѣмъ, что̀ казалось ему зломъ. Своимъ читателямъ онъ открылъ многое, прежде имъ неизвѣстное, разъяснилъ, растолковалъ, что̀ такое вдохновеніе, творчество, геній, народность; можетъ быть, понятія, предлагаемыя Бѣлинскимъ не были особенно глубоки, но во всякомъ случаѣ они безконечно глубже и достойнѣе тѣхъ, которыя были въ общемъ ходу до него.

Но сто̀итъ подойти къ Бѣлинскому съ тѣми же требованіями, съ какими обращаемся мы къ Пушкину, Тютчеву, Хомякову, чтобы отношеніе наше невольно измѣнилось. Мы тщетно будемъ спрашивать, что̀ новаго открылъ намъ Бѣлинскій, чѣмъ важно для насъ его міропониманіе, чему можемъ у него учиться *мы, теперь*. Его міровоззрѣніе было тусклымъ, неяснымъ для него самого; тѣ мысли, которыя онъ проповѣдывалъ, были высказаны задолго до него и притомъ гораздо полнѣе и болѣе мѣтко (хотя, можетъ быть, и съ меньшимъ жаромъ и не столь общепонятно). Тому, кто наслаждается нашими великими поэтами, кто, какъ читатель и ученикъ, причастенъ думамъ міровыхъ мыслителей, чего ему искать въ статьяхъ Бѣлинскаго?

Можно различно относиться къ созданіямъ слова. Можно ждать отъ нихъ тѣхъ высокихъ наслажденій, какія даетъ истинное искусство и поученія дѣйствительной мудрости, философіи. Это тѣ созданія, о которыхъ сказалъ Фетъ въ своей оцѣнкѣ стиховъ Тютчева:

---

*) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ двѣнадцати томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова, т. I и II. Спб. 1900.

Здѣсь духа мощнаго господство,
Здѣсь утончённый жизни цвѣтъ.

Но возможно другое служеніе словомъ, къ которому тоже не должно относиться съ пренебреженіемъ, но котораго все же нельзя смѣшивать съ дѣятельностью поэта, vates.

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ. Полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?

Воздадимъ должное Бѣлинскому, который трудился много и не безплодно. Но если мы вздумаемъ вводить его во храмъ, какъ жреца, мы только сами же оскорбимъ его этимъ.

Эти два разныхъ понятія о назначеніи писателя нигдѣ, можетъ быть, не сказались такъ ярко, какъ въ знаменитой перепискѣ самого Бѣлинскаго съ Гоголемъ. На откровенное, душевное письмо Гоголя Бѣлинскій отвѣчалъ злобно, желчно. „Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ), не молитвы (довольно она твердила ихъ), а пробужденіе въ народности чувства человѣческаго достоинства, правá и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью“... Ясно, что Бѣлинскій просто не понялъ, чтò читалъ. Гоголь не сомнѣвался, что просвѣщеніе, гуманность, законы, сообразные со здравымъ смысломъ, могутъ быть полезны; но онъ видѣлъ, что выше ихъ, слѣдовательно важнѣе, слѣдовательно первѣе ихъ: проповѣдь и молитва, именно мистицизмъ, именно ученіе церкви. Гоголь говорилъ о вѣчномъ, а Бѣлинскій кричалъ ему съ яростью: „Да если бъ вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ“. Чтò было возражать Гоголю? Его отвѣтъ исполненъ глубокаго величія: „Душа моя изнемогла... Быть можетъ, въ вашихъ словахъ есть часть правды... Мы ребенки передъ нашимъ вѣкомъ. Вы и я равно виновны передъ нимъ.. Точно такимъ образомъ, какъ я упустилъ изъ виду современныя дѣла, такъ упустили и вы *вѣчныя*. Я слишкомъ усредоточился, вы слишкомъ разбросались“. Гоголь былъ правъ до конца. Бѣлинскій всегда видѣлъ только современное, только временное, а для вѣчнаго и внѣвременнаго онъ былъ слѣпъ.

Истинное достоинство Бѣлинскаго въ его личности, въ страстности его увлеченій и рѣчи. Въ сущности говоря, даже трудно сказать, чему именно хотѣлъ учить Бѣлинскій. Въ своихъ юношескихъ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“ онъ на каждой страницѣ противорѣчитъ себѣ. Назвавъ „холодность“ а „безстрастіе“ поэта „высочайшимъ зенитомъ художественнаго совершенства“, онъ тотчасъ же хвалитъ Веневитинова за то, что онъ „обнималъ природу не холоднымъ умомъ, а пламеннымъ сочувствіемъ“, и требуетъ, чтобы комедія была „плодомъ горькаго негодованія, возбуждаемаго униженіемъ человѣческаго

достоинства". И вся позднѣйшая дѣятельность Бѣлинскаго состоитъ изъ такихъ же противорѣчій. Не надо вспоминать непремѣнно „Бородинскую годовщину" и переписку съ Гоголемъ: и безъ нихъ этихъ противорѣчій слишкомъ много, и они слишкомъ явны. Бѣлинскій велъ борьбу не за опредѣленные идеалы, а вообще за идеалъ. Значеніе рѣчь его получала отъ ея страстности. Эта же страстность дала Бѣлинскому то вліяніе, которое въ нѣкоторомъ отношеніи чувствуется и теперь. Можетъ быть, тому способствовало и то, что сочиненія Бѣлинскаго долгое время были подъ запретомъ; но нельзя отрицать, что Бѣлинскимъ зачитывались, что имъ увлекались, у него учились. Какъ цѣльная, сильная личность, какъ учитель, къ словамъ котораго прислушивались три поколѣнія, Бѣлинскій всегда будетъ достоинъ изученія, и статьи его будутъ всегда перечитываться, какъ важныя историческія свидѣтельства. Но нелѣпо выставлять Бѣлинскаго, какъ гордость нашей словесности, нелѣпо говорить „великій Бѣлинскій" въ томъ же смыслѣ, какъ мы говоримъ „великій Пушкинъ".

Все сказанное, можетъ быть, было бы лишнимъ въ данномъ случаѣ, если бы новое изданіе сочиненій Бѣлинскаго не открывалось предисловіемъ, въ которомъ Бѣлинскому оказываются почести гораздо бо̀льшія, чѣмъ какихъ когда либо удостоивался Пушкинъ. „Бѣлинскій (говоритъ редакторъ новаго изданія, г. С. Венгеровъ) есть *основа*, *первоисточникъ*, *краеугольный камень всей новой Русской литературы*, живое воплощеніе всѣхъ тѣхъ новыхъ началъ, которыя сдѣлали Русскую литературу важнѣйшимъ факторомъ новаго направленія Русской гражданственности"... „Непреходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно *біеніе сердца, безспорно самаго благороднаго, когда либо бившагося въ Русской груди*, что въ нихъ сказалась *никѣмъ* другимъ недостигнутая высота настроенія, сила и глубина чувства"... „Печать необыкновенно высокаго духа Бѣлинскаго лежитъ на *каждой* строчкѣ имъ написанной". А если этого вамъ покажется мало, то вотъ и еще: „И какъ вѣрующій, заглядывающій въ минуту поисковъ душевнаго утѣшенія въ Псалтирь, находитъ въ ней слова успокоенія, хотя они сказаны совсѣмъ по иному поводу, такъ и сочиненія Бѣлинскаго, раскрытыя въ любомъ мѣстѣ, даютъ источникъ великаго наслажденія всякому, волнующемуся вопросами морали, назначенія литературы и выясненія истинныхъ задачъ человѣческаго существованія". Все это дѣйствительно напечатано въ предисловіи, на стр XII—XIII.

Послѣ этого не удивительно, что и пріемы изданія сочиненій этого „великаго праведника литературы Русской" (выраженіе изъ того же предисловія) совершенно особенные. Г. редакторъ замыслилъ не болѣе не менѣе, какъ собрать „все, что̀ когда либо вышло изъ подъ пера Бѣлинскаго". Г. редактору, видимо, невдомекъ, что безчисленное множество записокъ, счетовъ, подписей, вышедшихъ изъ подъ пера Бѣлинскаго, затеряно или уничтожено, такъ что задача, поставленная новому изданію, прямо таки невозможна. Но

этого мало. „Все, что когда либо вышло изъ подъ пера Бѣлинскаго“ займетъ первые десять томовъ, а томъ XI „будетъ посвященъ письмамъ“ (см. предисловіе, стр. IX). Какъ это понимать? Развѣ письма Бѣлинскаго не принадлежатъ къ числу такихъ вещей, которыя вышли изъ подъ его пера?

Посмотримъ теперь, какъ выполняется программа изданій въ вышедшихъ двухъ первыхъ томахъ. „Исполняя главный пунктъ нашей программы“, говоритъ г. Венгеровъ, „давать все, что когда либо вышло изъ подъ пера Бѣлинскаго, мы значительнѣйшую часть настоящаго (перваго) тома отводимъ первымъ попыткамъ Бѣлинскаго на литературномъ поприщѣ“. Изъ числа этихъ попытокъ 150 страницъ занято переводами Бѣлинскаго съ Французскаго. Плоховато зная языкъ, работая исключительно ради насущнаго хлѣба, Бѣлинскій по заказу издателей переводилъ съ Французскаго плохенькія повѣсти. Языкъ этихъ переводовъ тяжелъ; совершенно обычны такія выраженія, какъ: „сія поэзія путешествій есть добыча, завоевываемая постояннымъ, разнообразнымъ чтеніемъ“ (т. I, стр. 211); содержаніе повѣстей совершенно ничтожно. У кого достанетъ мужества читать теперь „Воздушные замки молодой дѣвушки“, „Страсть къ альбомамъ“, „Графъ и Альдерманъ“ и т. под. Еще естественно, когда печатаютъ каждую строку, уцѣлѣвшую отъ Пушкина; она можетъ быть дорога́, если не для изученія его поэзіи, то для его біографіи, или для знакомства съ развитіемъ его языка. Но неужели самые рьяные поклонники Бѣлинскаго, даже самъ г. Венгеровъ, сравнившій его сочиненія съ Псалтирью, будутъ утверждать, что Бѣлинскаго можно изучать какъ *стилиста?* Кто станетъ по юношескимъ переводамъ изучать развитіе языка Бѣлинскаго? А какое иное значеніе могутъ они имѣть? Развѣ только достиженіе пресловутой „полноты“ изданія. Но лучше всего, что и полнота-то все-таки не достигнута: въ изданіе все-таки не вошелъ романъ Поль-де-Кока „Магдалина“, переведенный Бѣлинскимъ. „Перепечатывать Магдалину“, заявилъ г. Венгеровъ, „не считаю нужнымъ“. Но если можно было выпустить Магдалину, можно было столь же легко освободить изданіе отъ груза и другихъ переводовъ, приведя два - три образца и приложивъ ихъ точный перечень.

Послѣ полноты очень заботитъ г. редактора „провѣренность и полнота текста“. Изданіе Бѣлинскаго 1859—61 г. (К. Т. Солдатенкова), считавшееся до сихъ поръ самымъ обстоятельнымъ, грѣшило въ томъ отношеніи, что текстъ тамъ былъ воспроизведенъ весьма произвольно: не только не сохраненъ былъ очень характерный во многихъ мѣстахъ курсивъ Бѣлинскаго, но и самая статья подвергалась урѣзываніямъ по личному усмотрѣнію Н. Х. Кетчера, наблюдавшаго за изданіемъ. Г. Венгеровъ задумалъ воспроизвести статьи Бѣлинскаго въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ печатались въ его время. Иныя изъ введенныхъ имъ поправокъ къ прежнимъ изданіямъ заслуживаютъ вниманія, но и въ этомъ отношеніи у него не достало чувства мѣры. Такъ подъ частями статей онъ перепечаталъ помѣтки „продолженіе слѣдуетъ“, которыя дѣлались въ журналахъ; а соблюдая правописаніе Телескопа и

Молвы тщательно возстановлялъ чтенія то „грѣза“, то „греза“, то „скаска“, то „сказка“ и т. д. Кому это можетъ быть нужно и что это даетъ, кромѣ излишняго труда корректорамъ,—непонятно.

Впрочемъ стремленіе, какъ къ полнотѣ изданія, такъ и къ „правописанію подлинника“ проистекаетъ, повидимому, изъ почтенныхъ побужденій; это просто усердіе не по разуму. Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ „историко-литературныхъ комментаріяхъ съ объясненіемъ непонятныхъ уже теперь намековъ и неясностей“, которыми счелъ нужнымъ снабдить свое изданіе г. Венгеровъ. Примѣчанія эти занимаютъ десятки страницъ (въ первомъ томѣ 70 стр., во второмъ 82 стр.) и представляютъ самую пеструю энциклопедію. Нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ собой цѣлыя статьи. Такъ, примѣчаніе къ „Дмитрію Калинину“ занимаетъ 15 страницъ, изъ которыхъ двѣ страницы составляютъ перепечатку отрывка изъ Лермонтова; общее примѣчаніе къ Литературнымъ Мечтаніямъ занимаетъ 17 стр., да еще къ нему присоединены, какъ приложеніе, „статьи Надеждина“, занявшія почти шесть печатныхъ листовъ (92 стр.). Примѣчанія въ шесть стр. (напр., 257-ое во II т.) не рѣдкость!

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ этой энциклопедіи, весьма разнообразны. Наиболѣе почтенную сторону составляютъ біографіи и перечень произведеній тѣхъ писателей, имя которыхъ почему либо упомянуто Бѣлинскимъ (т. е. выписки изъ другихъ изданій, предпринятыхъ г. Венгеровымъ, какъ „Словарь“, „Русскія Книги“ и т. п.). Но попутно можно узнать и много иного. Такъ, въ одномъ мѣстѣ г. Венгеровъ разсказываетъ, что до 1898 г. онъ не читалъ Поль-де-Кока, хотя былъ знакомъ съ нимъ теоретически (т. I, стр. 152). Тутъ же г. Венгеровъ „сознается откровенно“, что его иногда „немало смущали“ статьи г. Медвѣдскаго (стр. 151). Не столь откровенно, но все же довольно ясно сознается г. Венгеровъ, что онъ незнакомъ съ Римской исторіей, такъ какъ утверждаетъ, будто Нибуръ „оставлялъ въ сторонѣ эпоху Римскихъ царей“ (т. II, стр. 120). О Шевыревѣ г. Венгеровъ сообщаетъ, что къ нему „до сихъ поръ *всѣ мы* относимся отрицательно“ (т. I, прим. 142). Любопытно было бы знать, отъ чьего имени сказано это „мы“. Тотъ же вопросъ можно повторить, когда г. Венгеровъ утверждаетъ, что баллада Жуковскаго „Вадимъ“ *уже малоизвѣстна* (т. I, прим. 50). Кому, однако? Право, г. Венгеровъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы говорилъ только отъ своего лица.

Громадное мѣсто въ примѣчаніяхъ отведено вопросу о томъ, имѣлъ ли какое-нибудь вліяніе на Бѣлинскаго Надеждинъ. Г. Венгеровъ утверждаетъ, что никакого (въ видѣ доказательства и приведено шесть листовъ статей Надеждина). Главный доводъ г. Венгерова состоитъ въ томъ, что у Надеждина не было безкорыстной любви къ критической дѣятельности. „Этого одного достаточно“, заключаетъ г. Венгеровъ, „чтобы безъ всякаго колебанія лишить его титула учителя Бѣлинскаго“. Почему же? А вотъ почему: „Раньше

чѣмъ внушить тѣ или другія идеи въ той или другой сферѣ умственной дѣятельности, надо же передать самую любовь къ предмету" (т. I, стр. 406). Странная схоластика! Живое дѣло вліянія одного ума на другой становится въ зависимость отъ какихъ-то выдуманныхъ правилъ. Впрочемъ, временами вліяніе Надеждина г. Венгеровъ признаётъ, именно тамъ, гдѣ надо защитить Бѣлинскаго, сдѣлать его неотвѣтственнымъ за высказанные имъ взгляды. Такъ, по поводу историческихъ разсужденій въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ", г. Венгеровъ спѣшитъ указать, что въ этомъ проявленіи „квасного патріотизма" „ярко сказалось вліяніе Надеждина" (т. I, стр. 427).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Венгеровъ осмѣливается быть несогласенъ съ Бѣлинскимъ, онъ спѣшитъ оговорить это въ примѣчаніяхъ, и рядомъ съ мнѣніемъ Бѣлинскаго излагаетъ свое. Такъ, Бѣлинскій выразился, что Карамзинъ смотрѣлъ на жизнь какъ на подвигъ. Г. Венгеровъ спѣшитъ оговорить: „Современные историки литературы относятся къ нему трезвѣе" (т. I, пр. 78). Вообще, Карамзина примѣчанія не щадятъ. Бѣлинскій упрекаетъ Карамзина, что онъ не былъ подготовленъ къ своему путешествію. Г. Венгеровъ на этотъ разъ выступаетъ защитникомъ Карамзина, но отъ его защиты не поздоровится. „Бѣлинскій, сказано въ примѣчаніяхъ (т. I, прим. 85), примѣняетъ къ Карамзину мѣрку Веневитинова, Киреевскаго, Одоевскаго, Станкевича, съ которыми Карамзинъ, конечно, не выдерживаетъ никакого сравненія". Бѣлинскій посмѣлъ сказать, что Гнѣдичъ былъ истинный поэтъ. Г. Венгеровъ заявляетъ: „Отзывъ малопонятный. Гнѣдичъ, помимо перевода „Иліады", никакого значенія не имѣетъ" (т. I, прим. 100). Къ оцѣнкѣ Батюшкова г. Венгеровъ дѣлаетъ примѣчаніе: „мнѣніе, съ которымъ трудно согласиться", и, въ видѣ обширной выписки изъ какой-то своей статьи, приводитъ свое собственное мнѣніе о Батюшковѣ. (Т. I прим. 94). Въ другихъ примѣчаніяхъ г. Венгеровъ отъ себя сообщаетъ, что Баратынскій былъ поэтъ неважный (т. I, прим. 271), что „Венеціанская Ночь" Козлова, вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, банальна (т. I, прим. 270), что Жуковскій уже давно „переведенъ во второй рангъ творческой литературы" (т. II, прим. 92—93). Г. Венгеровъ споритъ даже съ общими мнѣніями Бѣлинскаго, напр., о томъ, начинаютъ ли геніи новую эпоху, или завершаютъ кончившуюся (т. II, прим. 233).

Одни и тѣже мнѣнія повторяются въ примѣчаніяхъ десятки разъ, съ назойливымъ постоянствомъ. Цифрами сноcокъ пестрѣютъ страницы. Г. редакторъ ни на мигъ не рѣшается оставить читателя безъ указки, и все ему поясняетъ, все истолковываетъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ учительскихъ примѣчаній. „Вполнѣ вѣрная характеристика" (I, 91); „Превосходнѣйшая параллель" (II, 108); „Не въ бровь, а прямо въ глазъ" (I, 186-тоже II, 327); „Вотъ это настоящій неистовый Виссаріонъ" (I, 120); „Критерій народности никогда не покидаетъ Бѣлинскаго" (I, 87, тоже I, 146); „Очень уже сильно сказано" (I, 152); „Очень темно выражено" (I, 183); „Конечно, единственно-правильное пониманіе принципа народности" (I, 178—179); „Тутъ уже почти взятъ надлежащій тонъ" (II, 92); „Вполнѣ правиль-

ное отношеніе Бѣлинскаго къ Далю" (II, 55) „Бѣлинскій совершенно правильно относится тутъ къ Богдановичу" (I, 64) и т. д., и т. д. Да что же это? Критическое изданіе „великаго писателя", или учебникъ для среднихъ школъ?

Любопытно и то, что, наполняя примѣчанія такими, никому ненужными поученіями, г. Венгеровъ оставляетъ безъ всякихъ объясненій то, что̀ настоятельно требуетъ поясненія, или хоть оговорки. Въ изданіи приведено одно мѣсто изъ статьи г. Н. Рыбкина, гдѣ описывается тетрадь съ переписанными Бѣлинскимъ стихами (т. I, стр. 3). Среди этихъ стиховъ было извѣстное стихотвореніе Баратынскаго къ Аврорѣ Шерваль („Выдь, дохни намъ упоеньемъ"). Подписано оно было, какъ и въ Полярной Звѣздѣ 1825 г., гдѣ оно впервые появилось, буквами „Б—ій". Г. Рыбкинъ дѣлаетъ предположеніе, что стихи принадлежатъ самому Бѣлинскому. Г. Венгеровъ не оговариваетъ ничѣмъ этого мнѣнія, хотя казалось бы, это было нужнѣе, чѣмъ сообщать, на которомъ году г. редакторъ началъ читать Поль-де-Кока. Или, можетъ быть, г. Венгеровъ, писавшій цѣлыя статьи о Баратынскомъ, не знаетъ, кому принадлежитъ стихотвореніе „Аврорѣ Ш"?...

Въ изданіи воспроизведена и самая тетрадочка, съ переписанными Бѣлинскимъ стихами. Бѣлинскій переписалъ тамъ, между прочимъ, извѣстное стихотвореніе Полежаева „Живой мертвецъ"; въ свое время оно появилось въ печати безъ имени автора и съ подписью —ъ—ъ. Г. Венгеровъ относится вообще благосклонно къ Полежаеву, но за подписью—ъ—ъ онъ, видимо, его не узналъ, и нѣсколько разъ ставитъ юному Бѣлинскому въ вину, что онъ, при всемъ своемъ эстетическомъ чутьѣ, вписалъ въ свою тетрадочку стихи неизвѣстнаго —ъ—ъ, какого-то „кричаще романтическаго Живого Мертвеца". Во всякомъ случаѣ, въ тѣхъ безчисленныхъ примѣчаніяхъ, на которыя такъ щедръ г. Венгеровъ, псевдонимъ —ъ—ъ не раскрытъ.

Таковы два тома новаго изданія. Послѣ „кричаще романтическаго" предисловія редактора, въ которомъ было заявлено желаніе собрать все, что̀ вышло изъ-подъ пера Бѣлинскаго, оказалось, что собрано не все, а многое изъ собраннаго (переводы) никому не нужно. Оказалось, что значительная часть книгъ будетъ посвящена личнымъ воспоминаніямъ и размышленіямъ г. редактора, что вмѣстѣ съ сужденіями Бѣлинскаго будутъ печататься и сужденія г. Венгерова. Какъ малымъ дѣтямъ, читателямъ Бѣлинскаго хотятъ запретить мыслить самостоятельно; примѣчанія каждую минуту стараются наставить ихъ, какъ понимать то или другое мѣсто, соглашаться съ авторомъ, или не соглашаться, какъ относиться къ такимъ-то лицамъ. Неужели же это и есть изданіе, „удовлетворяющее требованіямъ историко-литературной обстоятельности?" Неужели же г. Венгеровъ думаетъ, что такимъ образомъ онъ дѣйствительно выполняетъ свой замыселъ: „дать изданіе, достойное памяти великаго писателя"?

Валерій Брюсовъ.

ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ П. В. ШУМАХЕРУ.

50, rue de Douai Paris, Понедѣльникъ, (14) 2-го Января 1878.

Я, точно, передъ вами виноватъ, любезнѣйшій Петръ Васильевичъ: не отвѣчалъ на ваше первое письмо (съ приложенными стихами). Небольшимъ извиненіемъ служитъ мнѣ то, что я прохворалъ не хуже васъ и тою же хворостью: подагрой. Ровно 6 недѣль вылежалъ и высидѣлъ я дома съ распухшими до безобразія колѣнями и т. п.; да и до сихъ поръ ноги служатъ мнѣ плохо, и планъ мой, прибыть въ Петербургъ, упалъ въ воду. Ваши двѣ посылки аккуратно достигли рукъ моихъ, и я съ удовольствіемъ прочелъ ваши новыя стихотворенія. (Особенно мнѣ понравились: «Русская пѣсня» и «Бывало»). Если Бокъ, точно, соглашается печатать новое изданіе, то я съ удовольствіемъ беру на себя корректуру; я сегодня же напишу къ нему въ Берлинъ и вступлю въ сношенія. Нынѣшней весной онъ, какъ вамъ извѣстно, отказалъ мнѣ. Не премину васъ увѣдомить, какъ только получу отъ него отвѣтъ.

Надѣюсь, что мое письмо застанетъ васъ еще въ Петербургѣ, хотя не безъ смущенія замѣчаю, что ваше письмо помѣчено 2-го Декабря. Вашъ комиссіонеръ, котораго я на этотъ разъ даже въ глаза не видѣлъ, не торопился, какъ видно.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и отъ души желаю вамъ, мой collega и по литературѣ, и по подагрѣ, всего хорошаго на семъ свѣтѣ, начиная со здоровья. Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Г-ну П. В. Шумахеру.

Адресъ на конвертѣ: Russie, S-t Pétersbourg. Monsieur Polejaieff. Въ С.-Петербургъ, Галерная ул., рядомъ съ Сенатомъ, въ контору Полякова, Ивану Матвѣевичу Полежаеву.

(Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго П. И. Щукину).

ПОПРАВКИ.

Въ Воспоминаніяхъ графа Н. Г. Постица слѣдуетъ читать не Манькина, а Манюкина.

Въ статьѣ „Происхожденіе А. А. Фета“ на стр. 536-й должно читать: „Любовь Неофитовна Шеншина, родная сестра Аѳанасія Неофитовича“.

На стр. 534-й надо пропустить со словъ „дѣло о усыновленіи“ до новой строки.

На стр. 529 й въ примѣчаніи надо читать П. И. Борисовъ (а не Борисовы).

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1900 года.

(Годъ 38-й)

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы **1890, 1892, 1893, 1894, 1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы **1898** и **1899** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

11.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Академіи Наукъ. Томъ первый. Изданіе второе. СПб.

Второе изданіе перваго тома редактировано еще покойнымъ Л. Н. Майковымъ, такъ что является его послѣдней работой. Въ предисловіи редактора сказано, что при перепечаткѣ перваго тома онъ счелъ долгомъ принять во вниманіе замѣчанія, сдѣланныя ему, какъ въ печати, такъ и въ видѣ частныхъ сообщеній, и что постояннымъ сотрудникомъ его былъ В. И. Саитовъ.

Существенныхъ перемѣнъ въ пріемахъ изданія не сдѣлано. Важнѣйшее измѣненіе состоитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣненъ порядокъ расположенія стихотвореній. Въ первомъ изданіи порядокъ этотъ внутри каждаго года былъ совершенно произвольнымъ, на что и указывалось критикой. Стихи, явно относящіеся къ концу года, стояли въ началѣ, и наоборотъ. Теперь въ двухъ годахъ (1815 и 1817) расположеніе стиховъ совершенно измѣнено, впрочемъ, безъ объясненія причинъ. Къ послѣднему году прибавлено одно, случайно пропущенное прежде стихотвореніе (Къ портрету Молоствова).

Стихи попрежнему напечатаны со всѣми позднѣйшими, часто недоконченными поправками. Въ одномъ замѣчаніи, прибавленномъ ко второму изданію, Л. Н. Майковъ самъ сознается, что, поправляя свои стихи въ 1825 году, Пушкинъ „не всегда доводилъ до конца передѣлку той или другой піесы: случалось, что онъ зачеркивалъ какой-либо неудачный стихъ, но не замѣнялъ его новымъ, и вслѣдствіе того другой оставался безъ парной строи съ соотвѣтствующей риѳмой“. (Стр. 10).

Врядъ ли такая форма стихотвореній можетъ считаться ихъ окончательной обработкой. Такъ безъ своей риѳмы остались въ „Моемъ завѣщаніи друзьямъ“ стихи:

Друзья, вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней.

(Впрочемъ, второй стихъ случайно риѳмуется съ мужскимъ созвучіемъ слѣдующаго четверостишья). Л. Н. Майковъ сдѣлалъ къ этому мѣсту во второмъ изданіи примѣчаніе: „По чередованію риѳмъ, стихи 61 и 63 должны бы риѳмовать между собой, но они читаются во *всѣхъ* рукописяхъ піесы въ томъ видѣ, въ какомъ здѣсь напечатаны“ (стр. 145). Здѣсь несомнѣнное недоразумѣніе, потому что немного раньше (стр. 142) указано, что въ Пушкинскомъ автографѣ стихи эти имѣли свое созвучье, а именно читались:

Друзья, вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней;
Моимъ подругамъ завѣщаю
Воспоминаніе ночей.

Въ примѣчаніяхъ во второмъ изданіи собрано нѣсколько новыхъ матеріаловъ, въ общемъ незначительныхъ. Преимущественно проведены новыя сближенія между стихами Пушкина и произведеніями другихъ авторовъ. Многія изъ этихъ сближеній слишкомъ натянуты. Такъ въ „Городкѣ“ къ стиху

Не весь я предамъ тлѣнью

сдѣлано примѣчаніе, что въ немъ можно видѣть пародію стиховъ Державина:

часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить.

Сходство здѣсь, кажется, ограничивается словами *тлѣнъ* и *тлѣнье*.

В. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1820-й годъ [1]).

Москва, 1 дня 1820.

Поздравляю тебя съ Новымъ годомъ, любезный братъ. Онъ скучно для меня начинается. Вчера встрѣтили мы его у меня, пили, цѣловались. Всѣ молчали, вздыхали и понимали другъ друга; ужъ я взялъ на себя разсѣять эту грусть, а Попандопуло мнѣ помогъ. Барятинской [2]) меня мучилъ быть на его маскарадѣ, ничѣмъ не могъ отговориться, онъ прислалъ мнѣ даже платье полное волшебничье. Я ѣздилъ туда, но право не могъ тамъ быть болѣе получаса: ничто меня не веселило. Воротясь домой, надѣлъ свое платье и маску на Попандопуло и послалъ его туда; онъ воротясь увѣрялъ насъ, что никто его не узналъ, особливо хозяинъ, который отъ роду его не видалъ. Марицѣ и всѣмъ дамамъ надавалъ я Парижскихъ étrennes [3]), но все что-то не клеилось, у всѣхъ одно на умѣ: ты! Фастъ, который все охаетъ не впопадъ, тутъ вдругъ развернулся и ну насъ бранить, что мы Новый годъ хотѣли встрѣтить пригорюнившись. Были мы у тетушки, которая только что плачетъ и твердитъ: теперь меня похороните, кончилось мое благополучіе. Были у меня почтамскіе, на нихъ смотрѣть нельзя. Никол. Иванов. проситъ тебя Христомъ Богомъ, чтобы ты ему препоручилъ отвезти Марицу [4]) въ Петербургъ; не откажи, ему братъ, сего послѣдняго утѣшенія, онъ какъ убитый, да еще Семенъ Алексѣевичъ. У меня былъ нямъ-нямъ [5]): и смѣшонъ и жалокъ; онъ все не вѣритъ, что онъ заступить долженъ твое мѣсто. Сегодня былъ у меня во всей формѣ въ саняхъ въ одну лошадь, шубенка, круглая шляпа, а *клака* подъ сидѣньемъ; ходитъ, говоритъ, бредитъ, все одно твердитъ: cette place était pour vous; elle est pour vous, vous y serez, ma santé ne résistera pas. Что онъ говоритъ, весь городъ мнѣ твердитъ, такъ что надоѣло всѣхъ опровергать и, право, для этого носу никуда

---

[1]) См. выше, стр. 197.

[2]) Князь Иванъ Ивановичъ, отецъ фельдмаршала.

[3]) Т. е. праздничныхъ подарковъ.

[4]) Т. е. супругу Константина Яковлевича.

[5]) Т. е. И. А. Рушковскій.

не кажу. Иной воображаетъ себѣ, что я хитрю, какъ будто не въ томъ же указѣ сказано и о тебѣ, и о Рушковскомъ. Юсуповъ, Яковлевъ, губернаторъ, П. П. Нарышкинъ, Огаревъ, Апраксинъ, однимъ словомъ, кто меня ни видитъ: да ужъ ежели взяли братца, такъ зачѣмъ не замѣнить его вами? Идетъ ли Р. быть тутъ? и тому подобное. Я бы желалъ хуже не быть здѣсь. Р. замучился однимъ бѣганіемъ сверху внизъ. Хочетъ жить, спать и писать въ твоемъ кабинетѣ, а въ прочія всѣ комнаты помѣстить экспедицію; то-то отдѣлаетъ домъ! Почталіоны приходили его поздравлять; онъ велѣлъ справиться, сколько ты имъ давалъ; отвѣтъ былъ 300 р. О, это много, баловство, нѣтъ! Да я еще не настоящій почтъ-директоръ, сообщенія нѣтъ *), доходы еще собираю, отпустите почталіоновъ, пусть придутъ въ Пасху. Ленекеръ ему объявилъ, что служилъ только для тебя, а что теперь ни за что не останется съ нимъ. Однимъ словомъ, я право не знаю, какъ онъ управится, и когда сталъ я ему говорить о чрезвычайномъ устройствѣ здѣшняго почтамта, о порядкѣ, въ коемъ онъ все находитъ (въ чемъ и князь тебѣ даетъ справедливость), то онъ отвѣчаетъ: да было, было то всето, то евто при К. Я.; а теперь oh, les jaloux! Вотъ евто не будутъ такъ стараться, вездѣ я не поспѣю, я и такъ ночи не сплю, не могу ни на кого положиться! и пр. Да вѣдь, И. А., тѣже чиновники, и у васъ власть таже, соблюдайте только что̀ учреждено, отличайте тѣхъ которыхъ братъ отличалъ, ввѣряйтесь имъ же. Вздыхаетъ, бѣгаетъ, проситъ совѣтовъ у меня. Васъ любятъ въ почтамтѣ по братцѣ и за васъ лично; совѣтуйте мнѣ, просите братца меня не оставлять, я погибну — et voilà l'homme pour une place aussi éminente et honorifique! Ты знаешь, что я никогда не любилъ Р., ибо я все прощаю кромѣ *неблагодарности*, сего гнуснаго порока; ты знаешь, что я тебя упрекаю за добро оказанное ему, ибо онъ недостоинъ былъ отличія по всѣмъ уваженіямъ, но я, право, говорю тебѣ безъ пристрастія и не увеличивая ничего. Ты можешь вѣрить моимъ словамъ: назначеніемъ его весь городъ не доволенъ, и онъ самъ себѣ шею сломитъ и скоро или сойдетъ съ ума, или же занеможетъ отъ безпрестаннаго волненія. Иностранцевъ ѣдетъ въ Петербургъ. Письмо это кладу въ стаканъ, который онъ тебѣ вручитъ въ собственныя руки. Пивши изъ него, вспоминай меня, любезный братъ. Другіе два стакана отдай отъ меня друзьямъ нашимъ, Тургеневу и Жуковскому, обнявъ ихъ за меня.

Мое почтеніе почтенному гр. Каподистріи; но напрасно думаетъ онъ меня перетащить въ Петербургъ: онъ и меня и дѣтей моихъ (особливо Ольгу) слишкомъ любитъ, чтобы желать совершеннаго моего раз-

*) Т. е. офиціальной бумаги изъ Петербурга.

зоренія. Долгъ этотъ меня терзаетъ, мнѣ будетъ служить отрадою уничтожать его; тянулъ, тянулъ, а право приходится, что нечѣмъ жить или жить въ долгъ.

*

Москва, 2 Января 1820.

Рушковскій не знаетъ что̀ дѣлаетъ. Александръ Ивановичъ Татищевъ, генералъ кригсъ-комисаръ, самъ былъ у него просить открытый листъ для себя; онъ былъ довольно глупъ, чтобы отказать, говоря, что, не видя подорожной, онъ не можетъ дать и листа. Тотъ плюнулъ и уѣхалъ. Климово дѣло буду стараться устроить, но Шульгинъ безтолковъ, прежде поговорю съ Шафонскимъ [1]) и Закревскимъ, а тамъ налягу на усача, который говорится больнымъ для того, что ему велѣно подавать рапорты Дурасову. Въ Москвѣ совершенная анархія, а Волковъ не ѣдетъ; это на его умъ не похоже, и Закревскій пишетъ ему ругательное письмо. Московскій почтамтъ конечно Брегетовы часы, но не Р. тоже ихъ заводитъ, и жаль, что все это славное устройство исчезнетъ. Этотъ человѣкъ слишкомъ ненавидимъ и неспособенъ; а ты пожалуй забудь о Калининѣ, а думай о себѣ. Тебя зарѣзали, такъ покрайней мѣрѣ выставь себя, а что тамъ все идетъ дурно, это не новое. Вѣдь не станутъ же судить Калинина за это? Всѣ знаютъ, что въ Петербургѣ Московскую почту разносятъ три дня, что тамъ отдача писемъ и пріемъ денегъ совершенная каторга.

Сдѣлай одолженіе, выбей изъ головы Каподистріи мысль меня тащить въ Петербургъ: я не поѣду, хоть дадутъ 10 тыс. жалованья. На мнѣ лежитъ священная обязанность устроить дѣла и обезпечить участь дѣтей нашихъ. Право, это для меня не пожертвованіе: съ женою и дѣтьми будетъ мнѣ тамъ хорошо, а тебя могу навѣщать всякій годъ. Тебѣ нельзя сюда не быть, это самая законная причина взять жену, дѣтей и устроить дѣла твои со мною. Этого тебѣ нельзя отказать. Письма твои буду распечатывать, иныя отправлять къ тебѣ, а о другихъ тебѣ доносить. Напримѣръ, Милашевичъ рекомендуетъ тебѣ Маджи Кинетозографа; письмо удержу у себя и тебя замѣню у этого штукаря. *Ей, не распинайся за Рушковскаго: ужъ тебѣ плакать отъ этого урода. Возьми свои мѣры заранѣе!*

Комендантъ явился [2]), сидѣлъ цѣлый вечеръ у меня вчера, а сегодня (Воскресенье) вмѣстѣ обѣдали у Закревскаго, не нарадуются другъ другу. Охъ ты мнѣ съ твоею экономіею! Тебѣ ли знаться съ этою барынею? Она не дастся тебѣ никогда; твое дѣло проживать, да разстрои-

[1]) Правитель канцеляріи Московскаго главнокомандующаго. Климъ—слуга Булгакова, поступившій въ полицію.

[2]) Т. е А. А. Волковъ возвратился изъ чужихъ краевъ.

вать себя, да дѣлать добро другимъ, а не себѣ. Ты батюшкинъ образъ. Дай-ка мнѣ забраться туда въ Городню *). Вотъ я развѣ тебѣ накоплю пенендзовъ.

Сегодня обокрали покойнаго Тормасова, вытащили часы малахитовые, вазы и другія вещи, разбивъ стекла изъ саду.

Такъ Р. и въ Питерѣ не жалуютъ. Вотъ человѣкъ заслужилъ себѣ репутацію Богъ знаетъ какъ и чѣмъ! По всему видно, что ему не сдобровать. Мнѣ такъ весь городъ жужжитъ въ уши, что я его мѣсто заступлю, что пожалуй и вотрутъ мнѣ это въ голову, а конечно это одно въ свѣтѣ можетъ перемѣнить мои намѣренія. Я именно по всѣмъ этимъ болтовнямъ вездѣ защищаю Рушковскаго. Я очень понимаю, что его назначили, дабы избавиться кучи искателей и покровительствуемыхъ. Кто знаетъ, что̀ будетъ? Можетъ быть, какой нибудь благодѣтель объявитъ Государю твое раззореніе, послѣдовавшее отъ безпредѣльнаго твоего усердія къ волѣ его, и все то, что̀ мы натерпѣлись. Что̀ Богу угодно, то и будетъ; но у меня это въ первый и послѣдній разъ ротъ произноситъ.

*

Москва, 5 Января 1820.

Я не сомнѣваюсь, что ты будешь любимъ и въ Петербургѣ и что все пойдетъ хорошо, но тебѣ надобно приготовиться къ трудамъ и ко всякимъ убыткамъ. Здѣсь всѣ безутѣшны и городскіе, и почтамтскіе. C'est la grande nouvelle du jour. Нѣтъ сомнѣнія, что Московскій почтамтъ придетъ въ совершенный упадокъ. Самъ Рушк. это говорилъ мнѣ. Это стыдно; я ему замѣтилъ, что прекрасные чиновники тѣже, власть его таже, что̀ была у тебя, что ты оставилъ ему не дюжинные часы, а *Брегетъ*, что ему надобно только не уронить ихъ на полъ, а заводить всякій день исправно. На это спросилъ онъ у меня, какіе у васъ часы? Брегетовы. Ну вамъ и надобно бы ввѣрить мѣсто братцево, вы съ Брегетомъ умѣете обходиться. Я просилъ его не смѣяться надо мною, что это ни къ селу, ни къ городу и пр.; ибо не вѣрю словамъ его, а ими думаетъ онъ вывѣдать изъ меня, что̀ ему хочется.

*

Москва, 8 Января 1820.

Я очень порадовался подробностямъ придворнаго маскарада; но воля твоя, когда самъ Государь столь милостивъ и спрашиваетъ, не разстраиваетъ ли тебя перемѣщеніе въ Петербургъ, зачѣмъ не сказать правду? Записку князя Ал. Ник. возвращаю при семъ. Зачѣмъ

*) Витебское имѣнье братьевъ Булгаковыхъ.

также ты не изъявилъ желанія ѣхать за женою и дѣтьми? Я все не могу увѣриться, что ты уже сюда не будешь; но правда и то, что съ такимъ ангеломъ, какъ нашъ Государь, и языкъ не поворотится просить что нибудь за себя.—Я былъ у Малиновскаго, который ѣдетъ къ вамъ черезъ нѣсколько дней, и онъ поетъ общую пѣсню: зачѣмъ не васъ на мѣсто К. Я.?

*

Пишу тебѣ, любезный братъ, изъ деревни княгини Натальи Петровны[1]). Я нашелъ ее въ такомъ положеніи, что она мени не узнала; сегодня пришла въ чувство и очень мнѣ обрадовалась; тебя проситъ, чтобы ты у князя Лобанова похлопоталъ объ отпускѣ ея брата сюда. Сдѣлай это черезъ Журавлева. Кн. Дм. Ив. самъ любитъ и почитаетъ княгиню. Я Богу благодаренъ, что могу ее успокоивать и быть ей полезнымъ въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Я привезъ съ собою ея любимаго лѣкаря, Николая; ей тотчасъ стало лучше. Я здоровъ, слава Богу, хоть очень горестно было мое свиданіе съ больною. Теперь все идетъ хорошо. Скоро возвращусь въ Москву. Обнимаю тебя душевно. Не могу болѣе писать, ибо отправляю Китова въ Москву за нужнымъ лѣкарствомъ. Прощай.

Чуприно, 12 Января 1820.

Я подалъ мою просьбу въ отставку отъ Московскаго мѣста[2]) Дурасову. Она будетъ послана къ Кочубею по возвращенію моемъ въ Москву, а въ Коллегіи [3]) хочу остаться, о чемъ буду тебѣ писать въ свое время. Я рѣшился теперь это сдѣлать, ибо, такимъ образомъ, преемникъ Тормасова (еще не назначенный теперь) не можетъ думать, что я иду прочь отъ него. Мы не знаемъ, кто будетъ еще.

*

Москва, 24 Января 1820.

Я поѣздку свою кончилъ благополучно и тебѣ могу это ввѣрить: княгинѣ Куракиной спасъ я точно жизнь, привезя къ ней Николая. Она теперь почти здорова, за исключеніемъ слабости; какъ этой не быть послѣ нервической горячки у 62-лѣтней женщины? Я исполнилъ долгъ любви и совѣсти моей, а болѣе всего возвратилъ спокойствіе моей женѣ. Есть добрые люди, которые меня раздираютъ, относя все на счетъ интереса; время все покажетъ, но чего не узнаетъ никто, кромѣ тебя никогда (и знай это про себя) есть, что я отклонилъ расположеніе княгини отдать намъ свое имѣніе мимо ея брата, у котораго

---

[1]) Эта княгиня Куракина—родная тетка жены А. Я. Булгакова. Мужъ ея, князь Степанъ Борисовичъ, бросилъ ее и женился на Измаиловой. Дѣтей у нея не было.

[2]) Т. е. отъ мѣста чиновника особыхъ порученій при Московскомъ главнокомандующемъ.

[3]) Т. е. въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

у самого много дѣтей. Она сдѣлала завѣщаніе въ пользу Петра Петровича Нарышкина, о чемъ не знаетъ никто, да и никто не узнаетъ до поры до времени. Я всегда презиралъ сплетни и болтовню пустыхъ людей, а заглядывалъ въ свою совѣсть и ею руководствовался во всѣхъ дѣлахъ жизни, за то хожу la tête haute и внутренно всегда веселъ.

Поздравь Лонгинова отъ меня. Какъ я былъ тронутъ воспоминаніемъ Государыни Е. А. объ отцѣ! Ты знаешь мое къ ней обожаніе; я не завистливъ, ты меня знаешь, но часто завидую счастью Лонгинова исполнять волю этого ангела. Безъ моихъ обстоятельствъ я бы за счастіе себѣ поставилъ цѣлый вѣкъ безъ всякаго награжденія ей служить.

*

Москва, 24 Января 1820.

Стыдно будетъ не сладить со столь славно учрежденнымъ мѣстомъ; но ты знаешь нравъ и расположеніе, неблагопріятное чиновниковъ къ нему [1]). Чего бы держаться столь хорошаго образца, каковъ ты? Онъ бросился къ Ключареву, ставя его выше всего, просилъ быть его наставникомъ во всемъ, между тѣмъ пѣвчихъ уничтожилъ и хочетъ также уничтожить твою прекрасную школу для почталіонскихъ дѣтей, дѣло столь полезное. Онъ не деликатится, какъ ты тамъ, и все коверкаетъ по своимъ тѣснымъ мыслямъ. Я лично имъ не нахвалюсь, въ глаза мнѣ смотритъ, угождаетъ; но я, право, вижу, что онъ самъ идетъ къ гибели своей, ругаетъ почталіоновъ, грозитъ солдатствомъ и пр. Но оставимъ его. Многіе столь увѣрены въ скоромъ его паденіи, что за этимъ не выходятъ въ отставку.

Голицына [2]) назначенію всѣ рады, а вральманы сѣтуютъ только, что онъ едва умѣетъ подписывать имя свое по-русски, увѣряя, что приказанія его по полкамъ пишутся по-французски. Экіе дураки! Я радъ, что у него честный человѣкъ, каковъ Шафонскій, а дѣло сторона теперь. Тетушка читаетъ твое письмо къ ней и плачетъ, говоря: «онъ меня называетъ матерью; что̀ можетъ быть выше блаженства имѣть такого сына?» Твое письмо очень ее порадовало, но она не хочетъ жить въ почтамтѣ, который ей огадился. Вѣрю и понимаю.

Закревскій одинъ изъ тѣхъ, которые не могутъ нарадоваться твоему перемѣщенію; я его извиняю: кому не весело быть съ тобою? Но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Какой это добрый малый; онъ, подлинно, истинный тебѣ другъ.

*

---

[1]) Т. е. Рушковскому.

[2]) Князя Дмитрія Владимировича.

Москва, 26 Января 1820.

И у насъ не безъ баловъ. Въ мое отсутствіе былъ маскарадъ у Корсаковой; иные хвалятъ, иные все еще смѣются собачьей комедіи, бывшей тамъ и составленной изъ мужчинъ и даже дамъ. Башиловъ, какъ собачка, прыгалъ черезъ обручъ и чуть не такъ, то А. М. Пушкинъ, ну его бичомъ, а онъ ну лаять! C'est vrai que c'est ridicule.— Гр. Толстой готовитъ 2 Февраля маскарадъ; это прощальный праздникъ для дочери, ибо Закревскій уже ѣдетъ 6-го; еще будетъ балъ въ Пятницу у Исленьевыхъ. Я уговорилъ Наташу къ обоимъ ѣхать, ибо признаться хочу, чтобы полюбовались наши дамы Парижскими уборами, кои я привезъ. Здѣсь ничего подобнаго не видно. Это меня будетъ веселить, а танцовать, какъ бывало, не смогу теперь.

Всѣмъ нашимъ друзьямъ разъ навсегда бью челомъ. О Куракиной я тебѣ писалъ уже подробно. Сегодня послалъ я ей вина, подарочки безцѣннымъ дѣвушкамъ, за нею ходящимъ, а ей самой Парижскіе пасьянсы и игры, чтобы ее разсѣять. Я очень радъ, что Чернышовъ [1]) прощенъ.

*

Москва, 28 Генваря 1820, Середа.

Вчера было рожденіе княгини Хованской, много было гостей. Князь увѣрялъ, что Гурьевъ имѣлъ ударъ. А я вынулъ письмо твое и читалъ, что ты 23-го числа игралъ въ вистъ съ Нессельродомъ, который бы вѣрно зналъ о несчастіи семъ. Выйдетъ, что это Московская врака, а Гурьеву долго жить, по примѣтамъ простолюдиновъ. Меня тоже вѣдь похоронили, а какъ пришли мои письма, то стали увѣрять, что это ты подписался подъ мою руку, чтобы успокоить Наташу. Все приберутъ!

Я Ваншино [2]) мастерство на билліардѣ знаю: былъ свидѣтелемъ, какъ онъ во Франкфуртѣ во *всѣ* игры обыгрывалъ Бетмана. Какъ я доволенъ знать тебя окруженнаго столькими друзьями! Поработавши, какая отрада съ ними отдыхать и дѣлить время. Вмѣсто портретовъ, у тебя сами оригиналы. Вотъ и Жуковскій подъѣхалъ. Поцѣлуй его за меня: пусть пьетъ въ мою голову изъ стакана и кувшинчиковъ, ежели Журавчикъ ихъ уже не опорожнилъ. Я сдѣлалъ ящикъ и отправляю тебѣ Изабеевъ портретъ [3]); съ прочими не послалъ, боялся, чтобы его не испортили; тутъ будетъ и рожа Потье, передъ каминомъ

---

[1]) Графъ Григорій Ивановичъ; что̀ именно сдѣлалъ онъ, не видно.

[2]) Т. е. графа И. Л. Воронцова-Дашкова.

[3]) Портретъ, писанный извѣстнымъ художникомъ Изабе.

сидящая. Я желаю окружить тебя вещами, напоминающими тебѣ брата; буду посылать понемногу мелочи.

Я никогда не сомнѣвался, что все пойдетъ хорошо въ Петербургѣ, и что заслужишь вниманіе Государя, хорошее расположеніе князя и благодарность публики.

И у насъ, братъ, холодно очень. Майковъ *) одинъ увѣряетъ, что 12 градусовъ. Бѣдные актеры говорятъ, что 25, а кучера и форейторы, что 33.

И здѣсь баламъ нѣтъ конца; всѣ дни взяты до первой недѣли, а Исленьевы чуть не плачутъ, что не могутъ дать бала; а помнишь, въ наше время бывало такъ по два и три бала въ одинъ день. Я объ этомъ времени говорю теперь, какъ Французы объ Аустерлицкомъ сраженіи. Passò quel tempo! Я жену уговариваю немного пуститься; хочется показать славности, которыя я ей привезъ изъ Парижа. Признаться, наши дамы очень, очень позади отъ Француженокъ; гадко на нихъ смотрѣть: не щеголеваты и даже неопрятны, а ежели чисто и хорошо, или богато, то не къ лицу, а это главное.

Кланяйся князю Ѳедору Голицыну отъ меня. Вотъ весельчакъ! По его милости и въ Карлсбадѣ было очень весело. Да ужъ молодцы Русскіе! Онъ, бывало, говаривалъ Нѣмцамъ: знай нашихъ! Ежели увидишь ты у князя П. Мих. Волконскаго адъютанта его, Евгенія Андреевича Реада, обласкай его и поблагодари за меня: онъ истинно-братски со мной обошелся во Франценсбруннѣ, не отходилъ отъ меня и даже отдалъ мнѣ свой теплый халатъ. Храбрый и добрый малый.

Юсуповъ повѣсилъ носъ. Славное Архангельское сгорѣло отъ неосторожности людей, а другіе говорятъ отъ скупости, потому что для убереженія картинъ, а болѣе дровъ, велѣно было топить галлерею стружками, а отъ стружекъ до пепла долго ли? Картины и библіотека только частію спасены; первыя вырѣзывали изъ рамокъ, кидали изъ оконъ, а книги будутъ депареллированы. У славной группы Кановы Amour et Psyché разбиты ноги и руки. Вотъ тебѣ и производство въ антики.

*

Москва, 29 Генваря 1820.

Жуковскаго обними за меня. Мало знаю людей, кои бы такъ были мнѣ по душѣ, какъ онъ, и знакомство наше испеклось въ одномъ горнилѣ съ дружбою вдругъ. Пусть пьетъ въ мою голову! Наташа

*) Директоръ Московскаго театра.

все хлопочетъ о Блюхерѣ; онъ уже вышитъ совсѣмъ и удался, но все толкуетъ, какъ его оправить получше, а между тѣмъ я тебѣ посылаю Парижскій подсвѣчникъ: это первый, который при мнѣ вышелъ; мы гуляли съ Шредеромъ, зашли къ mad. Giroux au Coq Honoré и купили его тамъ.

*

Москва, 31 Генваря 1820.

Поутру ѣздилъ съ Закревскимъ смотрѣть Волкова труды, Ланкастерскую школу въ военно-сиротскомъ отдѣленіи. Послѣ въ залѣ приготовленъ былъ великолѣпный déjeuner à la fourchette; ну ѣсть, ну пить! Очень было весело. Петрушѣ Апраксину пришла мысль сдѣлать сборъ въ пользу бѣдныхъ солдатскихъ дѣтей, а я сказалъ Закревскому опредѣлить въ сборщицы жену его; такъ и сдѣлалось: Аграфена Ѳедоровна пошла съ тарелкою около стола и шуткою да набрала 800 р., что̀ очень было пріятно... Послѣ обѣда пѣсенки и пляски. Волковъ такъ развернулся, что подцѣпилъ Закревскую и ну вальсировать. Я пріѣхалъ домой въ два часа; ну, какой ужъ теперь обѣдъ, посмотрѣлъ какъ жена обѣдаетъ, да пошелъ, покуривши, спать. Въ шесть часовъ одѣлся и поѣхалъ на свадьбу къ Пушкиной. Мать, невѣста, сестра выли немилосердно, какъ это водится, но послѣ церемоніи всѣ развеселились и какъ ни въ чемъ не бывало *).

Давъ слово Закревскому быть къ нему ввечеру непремѣнно, я отъ Пушкиныхъ поѣхалъ къ нему. Онъ давалъ мнѣ читать всѣ бумаги, полученныя имъ отъ Ермолова, который покорилъ еще область, населенную народомъ храбрымъ и наиболѣе насъ ненавидящимъ; называетъ онъ ихъ, кажется, Акушинцами. Что за умница этотъ Ермоловъ и какъ онъ пишетъ хорошо! Кажется, партикулярное письмо къ пріятелю, а хоть возьми и печатай безъ поправки. Извѣстный чудакъ князь Мадатовъ тутъ отличился.

*

Москва, 2 Февраля 1820.

Меня сильно порадовалъ разговоръ твой съ княземъ касательно деревни и денегъ на заведеніе; въ этихъ случаяхъ не должно церемониться, а говорить правду и описывать свое положеніе, какъ оно есть; другой такъ еще и увеличиваетъ, да самъ докучаетъ, а тебѣ въ ротъ кладутъ, то зачѣмъ бѣгать государевыхъ милостей, когда оныя заслуживаешь? Будь увѣренъ, что это останется между нами. Ты знаешь, что я не болтливъ; но я прошу тебя и впредь, когда случится тебѣ

---

*) Это была свадьба графини Софьи Алексѣевны Мусиной-Пушкиной съ княземъ Иваномъ Леонтьевичемъ Шаховскимъ.

писать о чемъ-нибудь требующемъ молчанія, то прибавь слова *между нами*, ибо часто случается, что вещь, которая мнѣ кажется ничтожною, можетъ, по неизвѣстному мнѣ обстоятельству, пребывать тайной, и я невольно сдѣлаю нескромность.

Знаешь ли, что мысль маскироваться Наполеономъ не одинъ разъ приходила мнѣ на умъ, но здѣсь это выполнить трудно; а между тѣмъ въ Москвѣ разсказываютъ, что одинъ гвардейскій офицеръ, увидя Кологривова на лѣстницѣ, схватилъ его за воротъ и закричалъ: «вяжите его!» думая, что коронованный колодникъ бѣжалъ съ острова Елены. Довольно глупо это говорить, но еще глупѣе вѣрить, какъ будто маску можно принять за лицо. Знаешь ли, что̀ послѣ завтра будетъ у Татищевой въ маскарадѣ? Карета парою, съ лакеемъ, кучеромъ и господиномъ. Говорятъ, что надъ этимъ работаютъ уже цѣлый мѣсяцъ. Вотъ какова наша Москва! Ежели увидишь князя Дм. Вл., скажи слово въ пользу Обрѣскова, которому я не разъ совѣтовалъ быть въ ладахъ съ Шульгинымъ; ну гдѣ ему съ нимъ тягаться? Мы видѣли, что и Тормасовъ съ нимъ не могъ сладить и сдѣлался ужъ точно жертвою этой ссоры: она его упекла на тотъ свѣтъ. Ш. клянется, что какъ пріѣдетъ князь, такъ и отставка выйдетъ, что это его столько же интересуетъ, какъ и тебя, а Шафонскій предупрежденъ. На подъемъ ежели и дадутъ тебѣ, то будетъ мало: ты знаешь, что министрамъ, ѣдущимъ въ Мадридъ и въ другія отдаленныя мѣста, даютъ по 10 т., и что тебѣ изъ Москвы въ Петербургъ врядъ дадутъ ли и половину; но надобно, чтобы столовыя устроились.

Татищевъ напрасно теперь не ѣдетъ сюда: онъ бы увидалъ, какъ его прелестная племянница Урусова танцуетъ на балахъ, коихъ она украшеніе. Въ нее влюбленъ молодой богачъ и красавецъ Новосильцовъ, племянникъ Орловыхъ; мать, которая его боготворитъ, сказала, какъ говорятъ, что ежели онъ черезъ годъ не перемѣнитъ своихъ мыслей, то позволяетъ ему жениться. Онъ адъютантомъ у Сакена.

Кланяйся Сергѣю Тургеневу. Бывало, Шредеръ все вооружался противу его либерализма, и у нихъ вѣчные споры.

Закревскій имѣлъ вчера предлинный со мною разговоръ. Я ему объяснялся, какъ истинному другу обоихъ братьевъ. Всѣ на одномъ помѣшаны, то-есть, что мнѣ должно было быть твоимъ замѣстителемъ здѣсь. Что̀ Богу угодно, то и будетъ. Фастъ, Чижикъ, Обрѣзковъ и Осиповъ у меня ужинали вчера; мы поиграли въ вистъ, были очень веселы за ужиномъ. Я расшибся и далъ имъ два кувшинчика Зельцерскаго ликеру; такъ отбрили, что хоть бы Журавлеву, да Турге-

неву, и крошекъ не осталось. Натурально рѣчь была безпрестанно о тебѣ. Мы послали грамоту за общимъ подписаніемъ просить Наташу быть, но она отвѣчала, что голова болитъ.

Сейчасъ получилъ я изъ Парижа отъ графа Растопчина бюстъ его; очень схожъ, и я радъ, что доѣхалъ въ цѣлости. Вообрази, на меня взвалили обузу: избрали меня директоромъ Благороднаго Собранія на твое мѣсто; я было отказываться, но подлинно не стоитъ труда: скоро закроется Собраніе, а тамъ я уѣду въ деревню. Новые мои товарищи, А. С. Кологривовъ, губернаторъ и вице-губернаторъ, князь Андрей Гагаринъ и я. Уже начали меня душить просьбами о билетахъ.

Каподистріи письмо самое дружеское; я его буду завтра благодарить, ибо чувствую цѣну письма отъ человѣка, толико дѣлами озабоченнаго; тебѣ пришлю это письмо на прочтеніе, ибо о тебѣ говорено тутъ столько же, сколько обо мнѣ. Какой добрый, почтенный человѣкъ! Мнѣ пріятно было видѣть, какъ Ермоловъ его описываетъ въ письмѣ своемъ къ Закревскому.

*

Москва, 3 Февраля 1820 г.

Экъ, я заспался! Почти 12 часовъ. Вчера изъ маскарада графа Толстого воротился я въ три часа. Это страшная débauche для меня, но нельзя было отказать неотступной просьбѣ Закревскаго. Я убрался съ женою до ужина, балъ продолжался до шести часовъ. Закревскій веселитъ жену свою, но самому уже надоѣли эти балы. Онъ ѣдетъ 8-го числа. Это посылаю съ его фельдъ-егеремъ, а при семъ и портретъ, о коемъ я тебѣ писалъ; теперь мы квиты за славный государевъ портретъ Жерарда.

Вчера была смѣшная маска. Вошелъ въ залу стогъ сѣна, сталъ по срединѣ, а изъ него вдругъ вышли четыре старика пресмѣшные во Французскихъ кафтанахъ. Наташа была очень хорошо одѣта, блеснула. Я не понимаю, какъ послѣ семи родовъ быть еще такъ хорошей. Вотъ что дѣлаетъ Парижскій корсетъ, шляпка и платье! Куда скучно: сегодня надобно ѣхать обѣдать къ генералу князю Хованскому, который угощаетъ Закревскаго, а ужо въ Собраніе. Пошли уже душить новаго директора о билетахъ.

*

Москва, 10 Февраля 1820.

Волковъ сейчасъ отъ меня, въ большихъ хлопотахъ: третьяго дня была дуэль между Бакунинымъ, свитскимъ офицеромъ, и Сомовымъ, служащимъ въ водяныхъ коммуникаціяхъ. У Бакунина прострѣлена нога

и боятся, что придется пилить ногу. Секундантомъ былъ Гриша Корсаковъ. Это бѣситъ Волкова, который долженъ былъ обо всемъ донести. Ты спросишь, за что дрались? Все вышло изъ пустяковъ. Сомовъ, бывши въ Собраніи Благородномъ, изъявлялъ сожалѣніе, что не былъ у Татищевой въ маскарадѣ; на это отвѣчаетъ Бакунинъ: да ты бы мнѣ сказалъ, я бы тебя представилъ Татищевой, на что Сомовъ возразилъ: ты, братъ, слишкомъ молодъ самъ, чтобы представлять другихъ. Разошлись, пошли обѣдать. Б. одумался и послѣ обѣда даетъ пощечину Сомову, принявъ въ обиду слова его. Этотъ, также одумавшись, вызываетъ того на другой день на дуэль. О Бакунинѣ не жалѣютъ; говорятъ, что онъ уже разъ пять дрался и что называется *bretteur*. Закревскій говоритъ, что слѣдовало бы всѣхъ дравшихся и секундантовъ тотчасъ арестовать. Волковъ не можетъ конечно предупредить безпорядки, кои происходятъ даже въ Петербургѣ подъ глазами Императора; но все ему досадно, что эта мода заводиться хочетъ и здѣсь. Совершенная напасть проклятыя эти дуэли! Вотъ тебѣ на! Является надоѣдала Метакса. Онъ мнѣ далъ выписку изъ письма Мазаровича, который ему пишетъ тоже, что̀ тебѣ; мы это однакоже напечатаемъ въ Московскихъ газетахъ.

*

Москва, 12 Февраля 1820.

Я все сомнѣвался, чтобы у тебя былъ такой прекрасный кабинетъ, какъ здѣсь. По описанію тревоги, воспослѣдовавшей отъ нерадѣнія живописцевъ и людей, вижу что у тебя сдѣлалось было повтореніе Юсуповской бѣды въ Архангельскомъ; пожаръ тамъ имѣлъ тотъ же самый поводъ, только что топлено было стружками. Страховъ уже писалъ, и все устроено у насъ. Татищева, у которой былъ маскарадъ, намъ не знакома; это жена Алексѣя, брата Ростислава Евгр., одна дочь уже за Савеловымъ, племянникомъ Д. А. Гурьева. Этотъ Савеловъ вдругъ пріѣхалъ потихоньку изъ деревни, явился маскированный къ тещѣ, танцуя польскій съ нею, убѣдилъ ее идти въ послѣднюю комнату, говоря, что долженъ ей сообщить тайну безъ свидѣтелей. Долго не соглашалась, наконецъ пошла; онъ снялъ, маску, и она узнала зятя своего. Туже фарсу сдѣлалъ онъ и съ женою своею.

Представь себѣ, что есть люди, которые и директорству моему завидуютъ; этотъ же Обрѣзковъ говоритъ: ну братъ, повезло тебѣ. А я отвѣчаю: да того и гляди, что повезло меня въ Бѣлоруссію. У насъ ligue offensive противъ Юсупова, какъ нѣкогда бывало противъ Людовика XIV *). Жаль только то, что Кашкинъ просится въ принцы, а

*) Князь Н. Б. Юсуповъ былъ въ то время начальникомъ такъ называемой Кремлевской Экспедиціи, т. е. завѣдывалъ Кремлемъ и дворцами.

Башиловъ въ Мальбруги! Съ такими соперниками нашъ разслабленный завоеватель сладитъ легко.

*

Москва, 17 Февраля 1820.

Сегодня ровно два мѣсяца, что ты отправился въ Петербургъ; сію минуту (семь часовъ утра) и Марица пустилась въ путь, любезнѣйшій братъ. Признаться, я не думалъ, что она встанетъ такъ рано; въ пять часовъ меня разбудили, сани уже были заложены, я тотчасъ одѣлся и поѣхалъ въ почтамтъ. Хотя экипажи были уже заложены и все съ вечера уложено, однакоже дотянулись сборы до семи часовъ. Я первый пріѣхалъ; виноватъ, Мельниковъ былъ уже тутъ, потомъ явился Рушковскій съ растрепанною головою, Попандопуло съ завязанною щекою и почтенная наша тетушка. Дали дѣтямъ позавтракать. Между тѣмъ являлись безпрестанно присылки разныхъ лакомствъ на дорогу, такъ что ежели бы все взять съ собою, то очень было бы обидно для трактирщиковъ по Петербургскому тракту. Дѣтская набита была людьми, приходившими прощаться съ няньками, кои, по Русскому обыкновенію, натурально выли и не жалѣли слезъ, а глядя на нихъ и дѣти. Саша, весь обшитый во фланель, расхаживалъ тутъ съ твердымъ духомъ, повторяя: пора ѣхать! а Соня говоритъ, что ѣдетъ въ Пубухъ къ папѣ. Марица, дѣти здоровы, слава Богу; время хорошо, Климъ выздоровѣлъ отъ своей простуды. Поѣздка начинается благополучно. Ежели будутъ вставать всякій день такъ рано, то на шестой день могутъ попасть въ Петербургъ. Я полагаю, что по худымъ дорогамъ до Твери успѣютъ ночевать только въ Клину, но и это будетъ хорошо; впрочемъ, нагнано много людей для починки дороги, ибо сегодня выѣзжаетъ Голицынъ*) изъ Петербурга. Я очень радъ, что Волковъ, краса почталіоновъ, ѣдетъ съ нашими. Повозки, признаться, тяжелы; но нечего дѣлать. Столько хорошихъ лошадей только-что сдвинули съ мѣста, но какъ оботрутся полозья, то легче поѣдутъ. Вчера былъ у меня прощальный ужинъ для Марицы, мы пили Шампанское, для счастливаго свершенія дороги. Были всѣ Голицыны, всѣ наши, Фастъ съ женою, Обрѣзковы, мой Небольсинъ, Осиповъ, Лунинъ, Попандопуло, «радъ стараться», Поповъ; вдругъ явился очень кстати только-что пріѣхавшій Керестури. Онъ намъ описалъ домъ твой волшебнымъ зáмкомъ; говоритъ, что все отдѣлано со вкусомъ, что домъ покоенъ, тёплъ, великъ. Это весьма пріятно обитать такой домъ. Сачи тотчасъ началъ его разспрашивать о твоихъ биліардныхъ

*) Новый Московскій главнокомандующій, князь Дмитрій Владимировичъ, преемникъ Тормасова.

играхъ, но при Керестури билліардъ не былъ еще поставленъ. Сачи все твердитъ: О, io con questi guocatori gran signori! Sapete farò gran dinari. Сестрамъ [1]) далъ я наставленіе, коимъ дали мнѣ обѣщаніе сообразоваться; повѣрь, что онѣ тебя душевно любятъ, да были бы иначе извергами. Для тебя все это нѣкоторое бремя, котораго бы я охотно тебя избавилъ, ежели бы не ѣхалъ въ деревню. Ежели представится, паче чаянія, другой женихъ, каковъ былъ Полетика, то надобно Лизаньку отдать замужъ, и даже употребить власть старшихъ братьевъ, чтобы ее къ тому склонить.

*

Москва, 19 Февраля 1820.

Здѣсь слухъ носится о болѣзни новаго короля Аглинскаго. Онъ, говорятъ, съ радости, что промѣнялъ шляпу на корону, такъ повеселѣлъ, что напился пьянъ, отчего причинилось воспаленіе въ желудкѣ; но, кажется, давно бы пора быть этому воспаленію, ежели причина та только.

Потоцкую[2]) чрезвычайно всѣ хвалятъ; я, ея не зная, очень желаю, чтобъ она выздоровѣла, для нея лично и для Воронцовыхъ.

Вечеръ вчерашній провелъ я очень пріятно съ Фастомъ у Волкова. Онъ былъ дежурнымъ въ Собраніи, но скоро оттуда пріѣхалъ, ибо было только 200 печальныхъ посѣтителей, которыхъ утѣшалъ печальный Юсуповскій оркестръ. Объ * * *, старомъ хрычѣ, разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Онъ говѣлъ, играетъ въ карты; докладываютъ, что пришелъ священникъ.—Пусть взойдетъ! — Входитъ. — * * * говоритъ ему: ты, батюшка, пришелъ меня исповѣдывать; вотъ тебѣ десять рублей, а грѣхи тѣже, какъ и прошлаго году; въ которомъ часу завтра причащаться? Экой негодный старичишка! Попу слѣдовало бросить ему деньги въ лицо и уйти. Какъ послѣ этого имѣть почтеніе къ старости, когда старики развращеннѣе молодыхъ и гнусно себя ведутъ, и хуже все, что * * * разсказываетъ это самъ.

Вотъ, сударь, отчетъ въ моемъ поведеніи. Вчера ввечеру былъ я съ Фастомъ у Татищева, гдѣ очень весело провелъ вечеръ, играли Дм. и Серг. Павловичи, Урусовъ, Фастъ и я въ квиндичи, моя дрянная пятирублевая кава одолѣла ихъ, и я выигралъ 115 р. Годится! Дм. Павл. опять много говорилъ о тебѣ; велѣно мнѣ было все это слушать.

---

[1]) Т. е. единоутробнымъ сестрамъ Шумлянскимъ. Младшій братъ позднѣе ихъ обѣихъ устроилъ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ онѣ и свѣковали.

[2]) Сестра княгини Елисаветы Ксаверьевны Воронцовой, графиня Екатерина Ксаверьевна Потоцкая, вскорѣ умершая.

Il m'a dit: votre frère en est au point à traiter d'égaux Nesselrode et Capodistrias; mais il a trop d'esprit pour le faire. Une belle carrière s'ouvre à lui, онъ выслужитъ и себѣ, и тебѣ. Tatischeff va me donner ses archives de Naples et de Sicile, j'aurai de plaisir à relire tout cela; presque tout y est de mon ouvrage.

*

Москва, 28 Февраля 1820.

Меня привелъ въ недоумѣніе Дмитрій Павловичъ, отъ котораго я сейчасъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ во всѣ подробности дѣлъ нашихъ. Я ему говорилъ о намѣреніяхъ моихъ; выслушавъ меня очень внимательно, сказалъ онъ мнѣ почти слѣдующее. Vous aurez beau faire, vous dépenserez à la campagne tout comme en ville (съ чѣмъ я несогласенъ вовсе). Il y a longtemps que j'ai une idée que je voudrais bien voir réaliser. Quoi donc? De vous avoir avec moi, l'avantage serait réciproque pour tous les deux. Je vous demanderai pour moi conseillier d'ambassade, je vous garantie un traitement de 20 m. r. Ma maison est grande, vous y serez défrayé de tout, l'équipage n'est pas nécessaire, l'éducation de vos enfant vous coûtera beaucoup moins qu'ici, vous pourrez alors ne pas toucher à vos revenues et les employer à l'aquittement des dettes qui restent, trois ans seront bientôt passés. Si je quitte l'Espagne, vous m'y remplacerez, à moins que vous ne vouliez me suivre dans ma nouvelle destination, vous en aurez le choix alors. Къ сему прибавилъ все, что̀ только могло бы меня обольстить. Я отвѣчалъ, что все это слишкомъ важно, чтобы дать отвѣтъ тотчасъ, что надобно обдумать, а паче всего съ тобою посовѣтоваться; что ежели бы дѣло шло о Вѣнской миссіи, я бы могъ скоро рѣшиться, но что отдаленность Гишпаніи меня пугаетъ. Et qui sait, dit-il, si un jour nous ne finirions pas par aller à Vienne etc. Selon moi il y a plus de *contre* que des *pour*, mais je veux savoir ce que vous en pensez, et que vous me disiez aussi les idées là-dessus de c-te Capodistrias que je garderai naturellement pour moi seul et pour ma propre direction. Tatitcheff a des grands moyens, un homme comme cela ne saurait rester oisif, il ne lui a manqué toujours que de se bien entourer. J'ose croire que je ne serais inutile ni à lui, ni surtout au service, et un séjour de quelque temps dans un bon climat me ferait de bien. Il y a surtout appuyé sur cette considération pour me déterminer, quoique je ne me trouve pas dans le cas de lui accorder un grand poids. On peut se menager partout, surtout quand on n'a que 39 ans non révolus. Скажи, любезный братъ, что̀ ты объ этомъ думаешь?

Здѣсь умеръ Ал. Ал. Чесменскій водяною въ груди; это сынъ графа Ал. Гр. Орлова. Онъ отъ живой жены женился на Жеребцовой;

первая жена спрятана, женитьба послѣдняя не признана, онъ отъ грусти началъ чахнуть, сдѣлался какъ спичка и, наконецъ, умеръ, оставя весьма запутанныя дѣла. Слава Богу, что дѣтей нѣтъ (кажется, нѣтъ).

*

Москва, 25 Февраля 1820.

Хотя князя Голицына могу уже не почитать моимъ начальникомъ, потому что просьба моя объ отставкѣ уже въ Петербургѣ, однакоже я къ нему явился; не было дома, я дожидался. Пріѣхавъ и увидѣвъ меня, онъ меня повелъ въ кабинетъ, посадилъ возлѣ себя и чрезвычайно милостиво разговаривалъ, по крайней мѣрѣ съ часъ, вошелъ во всѣ наши семейныя подробности. Je lui ai dit que c'était bien malheureux pour moi de devoir quitter le service au moment où l'Empereur donnait un aussi digne chef à la ville. Je suis persuadé, m'a-t-il répondu, que nous nous serions convenus. Le comte Kotchoubey m'avait déjà prévenu que vous quittiez le service, et je vous avoue que d'après ce que vous m'avez dit je ne puis qu'approuver les motifs qui vous y forcent; d'ailleurs, même ici il aurait fallu vous employer autrement, et d'après le grade que vous avez, vous ne pouviez plus être confondu avec un m-r Zagriajsky et les autres employés qui sont agrégés à ma chancellerie. Много говорилъ о Москвѣ, о главныхъ здѣшнихъ лицахъ по службѣ, Волковѣ, Шульгинѣ, о Шафонскомъ, о жителяхъ, службѣ, взяткахъ. Князю, кажется, все очень извѣстно, и свѣдѣнія его основательны. Говорилъ много о тебѣ, что ты уже всѣхъ въ Петербургѣ привлекъ къ себѣ; потомъ взялись за Каподистрію, котораго онъ очень любитъ, о Полетикѣ, о страшномъ злодѣйствѣ, совершенномъ теперь въ Парижѣ, о Французахъ и пр. Я замолвилъ словечко объ Обрѣзковѣ; онъ отвѣчалъ: Je puis vous assurer que les personnes qui servent bien l'Empereur, n'auront pas à s'en repentir. Съ Шафонскимъ обошелся онъ откровенно и благородно. Онъ ему объявилъ, что новъ въ должности своей, что многому долженъ будетъ учиться, что онъ полагается совершенно на его честность и на доброе имя, коимъ онъ, Ш., пользуется, что рѣшеніе обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ отдаетъ ему покуда на произволъ, а которыя важнѣе, о тѣхъ ему докладывать; что онъ ему предоставляетъ право распечатывать всѣ пакеты на его имя, что онъ не упуститъ ничего, чтобы выпрашивать награжденія сообразно трудамъ и ревности его, что сдѣлаетъ его извѣстнымъ самому Государю и оснуетъ счастіе дѣтей его; чтобы канцелярія была составлена изъ хорошихъ людей, что не довольно, чтобы правитель канцеляріи не бралъ, надобно, чтобы и прочіе были бы чисты. Я увѣренъ, что Ш. оправдаетъ ожиданія князя, но признаться, отвѣтственность не шуточ-

ная. Какой человѣкъ не подверженъ ошибкамъ? А князь хочетъ, чтобы онъ за все отвѣчалъ въ замѣну неограниченной довѣренности. Я увѣренъ впрочемъ, что Ш. не ударитъ лицомъ въ грязь, а жалованья ему будетъ на первый случай, какъ князь мнѣ сказалъ, 6000, при квартирѣ. Это славно! Какъ-то князь будетъ ладить съ Шульгинымъ! Этотъ, по злобѣ къ Бибикову, не далъ ему знать, какъ другимъ полицеймейстерамъ, чтобы явился къ князю, и онъ князя видѣлъ только сегодня. Я полагаю, что Бибикову не сдобровать, ибо знаю, что князь предложилъ одному военному мѣсто полицеймейстера въ Москвѣ; кого же сбыть? Я полагаю, что Бибикова. Послѣ долгой конференціи, пріѣхалъ домой, раздѣлся, одѣлся во фракъ и поѣхалъ въ Россійской трактиръ, гдѣ всѣ уже сидѣли за столомъ; но извинили меня à cause du motif. Обѣдало насъ 12 человѣкъ, 13-й Фастъ измѣнилъ; были: два Татищевыхъ, Юсуповъ, Ст. Ст. Апраксинъ, Урусовъ, Власовъ, кн. Андр. Петровичъ Оболенскій, Боголюбовъ, Долгорукій l'enfant prodigue, кн. Сергѣй Гагаринъ и я. Обѣдъ славный, но не мой genre: все одна рыба. Всякій привезъ свое вино, изъ этого вышло страшное смѣшеніе винъ. Я мало и ѣлъ, а было весело, много болтали. Юсуповъ всѣ свои старые обыкновенные анекдоты повторялъ. Тамъ покурили трубочки, а тамъ и по домамъ.

Quels grands yeux ils ont fait tous, quand je leur ai raconté la terrible et malheureuse fin du d. de Berry! А Масальскій, который подалъ въ отставку и ѣдетъ въ чужіе края, уже раздумываетъ, какъ бы остаться въ Сенатѣ и не ѣхать изъ Россіи; все твердитъ: O, à présent les massacres vont commencer partout; mais n'est-ce pas, qu'ici il n'y a rien à craindre? Князь Дм. Волод. сказывалъ, что поѣдетъ въ Собраніе, т. е. въ концертъ; ну и я пущусь, коли такъ. Въ Собраніи было слишкомъ 500 человѣкъ, и натурально князь Д. В. обращалъ на себя всеобщее вниманіе; иные, какъ здѣсь водится, безъ всякаго стыда забѣгали и смотрѣли ему въ глаза, какъ смотрятъ на шкуру человѣка, покрытаго чешуею и котораго мы тогда отыскивали въ Бюфонѣ. Выслушавъ довольно дурное пѣнье какой-то мамзели и какого-то мусье (оба, кажется, Нѣмцы, и я не могъ никакъ съ Дм. Павл. добраться, на какомъ они языкѣ пѣли), поѣхалъ я съ Волковымъ къ нему; тамъ былъ фамильный рублевый вистъ. Софья Александровна *) очень тебя благодаритъ за табакъ прекрасный и говоритъ, что этого ей па шесть мѣсяцевъ. Ежели точно это такъ, отвѣчалъ я, то братъ берется быть вашимъ табачнымъ поставщикомъ.

У меня не идетъ изъ головы ужасный конецъ бѣднаго герцога Беррійскаго; кажется передо мною! Давно ли я его видѣлъ! Экіе злодѣи!

*) Супруга А. А. Волкова, дочь Марьи Ивановны Корсаковой.

Это будетъ имѣть большое вліяніе и на дѣла. Теперь король убѣдится, что не слѣдовало миловать Бонапартистовъ и что Французовъ должно содержать сурово. Ненависть роялистовъ еще болѣе увеличится, и смерть принца этого несчастнаго будетъ служить поводомъ къ всеобщему гоненію всего того, что не ихъ партіи; ни они, ни либералисты не стоютъ алтына, всѣ жадны къ почестямъ и алчутъ богатства. Видѣлъ я вблизи славныхъ этихъ патріотовъ! Замѣтилъ ли ты, что либералисты вызываютъ на поприще своихъ и грозятъ всѣмъ Бурбонамъ тою же участью, которая постигла принца убіеннаго. Имъ бы только имѣть раздоры, да было бы о чемъ говорить. Экой народъ! Я ожидаю графское [1]) письмо, а то, которое для Ревіера, я тебѣ возвратилъ. Теперь принуждены будутъ сближаться съ Орлеанскою отраслію, у которой много дѣтей мужскаго поколѣнія.—Я самъ думаю, любезный братъ, что лучше бы тебѣ получать деньгами и не затрудняться управленіемъ деревни, ежели отберутъ ее отъ Калинина. 270 душъ на пашнѣ, ежели земли довольно, могутъ быть и гораздо болѣе 12 тыс. въ годъ. Заводить это трудно, а какъ есть, уже то хорошо. Ежели будутъ проситься на оброкъ, не пускай, ибо наживешь хлопотъ и безпрестанныя недоимки. Оставь на старомъ положеніи. Управляющимъ не затрудняйся; ежели все устроено, то и староста можетъ наблюдать, чтобы полевыя работы отправлялись какъ должно. Слышу отъ всѣхъ, что твой домъ игрушка; а сказывалъ мнѣ правитель канцеляріи А. А. Балашова, Соковнинъ, бывшій у тебя, что есть и прекрасная домовая церковь; ты объ этомъ и забылъ написать.

Вечеръ провелъ я у Дмитрія Павловича, съ которымъ еще довольно наговориться не могу. Вся эта семья Урусовыхъ премилая, все это пляшетъ и рѣзвится; вторая дочь Софья[2]) совершенная красота, еще лучше старшей, такая же высокая и ловкая, но свѣжесть удивительная. Весело смотрѣть на согласіе, которое царствуетъ въ этой семьѣ, и какъ всѣ стараются угождать новопріѣзжему дядюшкѣ.

*

Москва, 2 Марта 1820.

Вчера день былъ взбалмошный: никуда не поспѣлъ и занятъ былъ обѣдомъ, который давалъ я Дмитрію Павловичу. Хотѣлось отличиться. Онъ меня кормилъ и поилъ и квартировалъ четыре года, какъ брата или сына, то хотѣлось ему заплатить, сколько силъ стало. И подлинно, обѣдъ и вина были славные. Насъ было: оба Татищева, Урусовъ, Обрѣзковъ, Чижикъ (ну ужъ покушалъ!), тесть, Соковнинъ, Метакса;

---

[1]) Т. е. отъ графа Растопчина изъ Парижа.

[2]) Это позднѣе княгиня Радзивилъ. Князь Александръ Михаиловичъ Урусовъ (дѣдъ нынѣшняго нашего посла въ Парижѣ) женатъ былъ на сестрѣ Д. П. Татищева, Екатеринѣ Павловнѣ.

а Волковъ и Фастъ по несчастію были отозваны прежде. Мы праздновали въ одно время Катенькино рожденіе. Экъ время летитъ! Ужъ и этой крошкѣ 9 лѣтъ! Вчера былъ я на дурномъ и скучномъ обѣдѣ у Юсупова, который угощалъ новаго главнокомандующаго и Татищева; этотъ признался, что Юсупову должно бы у меня поучиться, какъ хорошо угостить. Нашлась бутылка Венгерскаго батюшкинова; лучшій поводъ было найдти оказію выпить ее. Чижикъ хватилъ три рюмки и былъ въ куражѣ.

*

Москва, 3-го Марта 1820.

Вчера былъ для меня день самый благодатный, любезный братъ. Письмо твое, № 36, несказанно меня обрадовало безподобными своими начинками: ты не могъ мнѣ доставить бо́льшаго удовольствія, какъ давъ сладкое сердцу препорученіе объявить почтамскимъ о выпрошенныхъ тобою милостяхъ. Съ роду я такъ скоро не одѣвался, какъ въ тотъ день и тотчасъ побѣжалъ въ почтамтъ. Къ первому пошелъ Трескину; радость его была написана на лицѣ. Я ему замѣтилъ, что лестно быть предметомъ особеннаго имяннаго указа и не быть смѣшану съ прочими получившими пенсіоны. Да, отвѣчалъ онъ, это конечно удвоиваетъ милость царскую; но что сказать намъ о нашемъ благодѣтелѣ? Нѣтъ словъ, Богъ ему все воздастъ! Я всѣмъ сказалъ, чтобы радость уже была совершенная, что ты получилъ столовые, и всѣ крестятся и поздравляютъ меня. Минутъ десять спустя, весь коридоръ былъ полонъ: всѣ меня поджидали, и всѣ меня поздравляли за тебя. Потомъ пошелъ къ Калембетамъ. Касіяна я разцѣловалъ; этого и брата его я еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ поздравлялъ; они чрезвычайно довольны, но указъ былъ имъ извѣстенъ черезъ Серапина. Тутъ нашло множество людей, и я прочелъ имъ сообщеніе въ Капитулъ объ орденахъ разнымъ чиновникамъ и о 30 тыс. для раздачи между бѣдными почтамскими чиновниками. Это такая была картина, которую описать тебѣ нельзя. Кто крестится, кто плачетъ, кто стоитъ какъ вкопаный, кто тотчасъ бѣжитъ вонъ, чтобы товарища поскорѣе обрадовать. Теперь, идя въ кабинетъ, нашелъ я Макарова, который со страхомъ спросилъ меня, правда ли, что и ему крестъ, что онъ вѣрить въ почтамтѣ не хотѣлъ слуху этому. Я ему прочелъ сообщеніе въ Капитулъ, и онъ внѣ себя отъ радости. Кажется, что̀ старѣе человѣкъ, то болѣе наружныя отличія его радуютъ. Ужъ благодарилъ, благодарилъ, хвалилъ тебя и говорилъ, что одно только твердятъ въ почтамтѣ, что одно у всѣхъ желаніе—но я тебѣ этого не скажу: они хотятъ несбыточное. Впрочемъ никто въ свѣтѣ тебя замѣнить не можетъ, любезный братъ. Ну ужъ день, буду я его помнить, тебѣ премного спасибо! A propos, я разсудилъ, что не хорошо бы было всѣмъ сказать мимо

Рушковскаго. Я къ нему зашелъ послѣ и войдя сказалъ: Je viens vous annoncer une nouvelle qui vous fera grand plaisir, car cela regarde votre famille, vos nouveaux enfans. Qu'est-ce que c'est? Il y a des recompences pour quantité d'employés de la poste d'ici. Онъ весь перемѣнился въ лицѣ, повторяя: voyons! voyons! Первое слово о Трескинѣ было. «Хорошо! Стало быть, онъ болѣе получаетъ теперь, нежели я, бывши помощникомъ почтдиректорскимъ. Хорошо, очень хорошо!» Ну скажи, братъ, должно ли это было быть первое его восклицаніе? И можетъ ли человѣкъ, столь любящій свои выгоды, пожертвовать своими доходами? Какъ думать только о себѣ? Какъ будто хотѣлъ дѣлать тебѣ упрекъ и сказать: вотъ мнѣ не выпросилъ братецъ никакую прибавку, какъ мы служили вмѣстѣ. Неблагодарный! А чинъ? А крестъ? А хорошая рекомендація? Экой пострѣлъ! Его очень поразили всѣ эти милости, и у него сорвалось съ языка сказать: «Ну что же мнѣ теперь дѣлать остается? Братецъ отнялъ у меня всѣ средства, онъ наградилъ всѣхъ на долгое время; мнѣ нечего будетъ дѣлать. Какъ будутъ они служить? Тово-то евто?» Я его увѣрилъ, что добро всегда можно дѣлать, когда есть охота, и помѣстилъ тутъ все то, что̀ ты мнѣ писалъ въ № 3, т. е., что, живя столь скромно, не имѣя семьи, онъ можетъ доходы свои обратить на дѣланіе добра великому числу неимущихъ, коими почтамтъ наполненъ. На это сказалъ онъ: «Вотъ и объ нихъ подумалъ К. Я. и имъ 30 тыс., такъ на что имъ еще давать?» Я ему доказалъ, что 30 тыс. немного, что и 100 тыс. разошлись бы легко, что все это вещь единовременная, а ежели бы превратилась въ годовую милость, то тогда для бѣдныхъ почтамтъ былъ бы царство небесное. Но онъ этого или не понималъ, или понимать не хотѣлъ и перемѣнилъ разговоръ. Сколько я замѣтилъ, пенсіоны были ему не по душѣ, а выборъ чиновниковъ къ крестамъ онъ одобрялъ также, кажется, сожалѣя, что не предоставлено ему награжденіе Кривошапкина; онъ мямкалъ: «Нечего дѣлать, нечего. Для стат. совѣт. надобно экзаменъ тово-то; безъ экзамена нельзя тово-то чинъ дать, да и крестъ этотъ-то, Владимира на шею, вотъ евто-то, не дадутъ».

При сей вѣрной оказіи, я ему далъ предлинный урокъ, сказавъ: En substance, mon frère est tellement adoré ici, que quiconque serait assez infâme pour oser élever la voix contre lui, donnerait de lui-même l'opinion la plus défavorable, se ferait détester de tout le monde... et même (прервалъ онъ тотчасъ, risquerait de se mettre mal à Pétersbourg), car enfin et S. M., et le prince, et le département, et tout le monde aime, cherit, respecte К. Я. «Et comment faire autrement?»—Tant mieux, ai-je répondu, que les bons l'aiment par inclination et reconnaissance et que

les mauvais l'aiment par calcul, car mon frère fait du bien même à ses ennemis et aux malveillans. Однимъ словомъ, я говорилъ съ нимъ болѣе часа, и все это происходило при Лукьянѣ и Рудинѣ, которые туда пришли послѣ. Списать я не далъ никому указовъ, хотя Трескинъ меня и просилъ дать списать. Я сказалъ, что Кривошапкинъ все везетъ вслѣдъ за письмомъ твоимъ. Вотъ тебѣ сокращенное описаніе прекраснѣйшаго этого дня, для тебя, для меня и для почтамтскихъ! Это великое благополучіе быть такъ любиму, какъ ты. А вся эта любовь ихъ обращается на меня. Я ихъ люблю душевно, ибо тутъ много честныхъ и способныхъ людей, знающихъ эту службу и привыкшихъ къ ней.

И такъ тебѣ 12 т. столовыхъ! Слава Богу, это славно; не надобно забывать, что сенаторамъ дается столовыхъ только 3 т.; ты избавишься хлопотъ управленія деревнею, и это хорошо, или обѣщаешься экономничать, и это хорошо. Теперь домъ твой оживился, и ты болѣе будешь до́ма, пойдетъ билліардная война и вистъ, а тутъ и куреніе. Поздравляю и съ 20 почталіонами, отъ этого все пойдетъ живѣе; вообще, вступленіе твое въ Петербургъ ознаменовывается славностями, да и впредь, кромѣ хорошаго, нечего ожидать. Ниже въ письмѣ ты говоришь, что тебѣ возвращается деревня. Такъ ли? А я думалъ, что тебѣ будутъ производить по 12 т.; но и то и другое хорошо.

Вчера былъ у я Боргондіо; она, кажется, добрая бабёнка, безъ церемоній и прихотей. У насъ большіе толки. Она предлагаетъ пѣть въ Собраніи съ тѣмъ, чтобы мы роздали 1000 билетовъ по 10 р., за что на слѣдующій Вторникъ будетъ пѣть въ Собраніи gratis для членовъ. Положено быть Собранію въ Субботу, чтобы объ этомъ толковать, а завтра званы мы обѣдать съ Татищевымъ къ Юсупову, тутъ будетъ и Боргондіо. Татищевъ все откладываетъ ѣхать: дорога адская. Представь себѣ, что графъ П. А. Толстой, ѣхавшій въ свой корпусъ, дотащился въ двое сутокъ только до Серпухова и, по физической невозможности слѣдовать далѣе, бросилъ тамъ повозки и вчера воротился на перекладныхъ въ Москву. Дм. Павловичъ всякой день все говоритъ про сдѣланное мнѣ предложеніе, о коемъ я тебѣ писалъ. Я сказалъ, что отдаленность Гишпаніи пугаетъ мою жену, что я тебѣ писалъ и ожидаю твоего мнѣнія.

Здѣсь все обѣды, да обѣды для новаго начальника. Въ Воскресенье было у Юсупова, въ Понедѣльникъ—у кн. Николая Щербатова, во Вторникъ—у П. М. Лунина, сегодня—у Власова, въ Пятницу—у нашего дорогого Черткова, которому не могъ я отказать.

*

Москва, 4 Марта 1820.

Я сейчасъ только съ обѣда отъ Юсупова; насъ было восемь человѣкъ: князь Дм. Влад., Татищевъ. Боргондіо съ капельмейстеромъ пѣла послѣ обѣда. Голосъ прекрасный и прекрасная метода, чтò простѣе поетъ, то пріятнѣе ея пѣніе; но я себѣ издавна далъ слово никогда не судить съ одного раза: послушаемъ еще. Юсуповъ былъ нахмуренъ: у него умпраетъ сынокъ трехъ лѣтъ отъ зубовъ, и теперь былъ консиліумъ у него.

*

Письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову *).

Varsovie, le 14 Juillet 1819.

Je prends la liberté, mon aimable monsieur Boulgakoff, de vous demander votre bienveillance pour madame Gentile Borgondio, célèbre cantatrice, que vous avez peut-être entendu à la cour de Vienne, où elle est engagée. Elle va faire un petit séjour à Moscou et vous porte cette lettre. C'est un talent distingué et une femme très agréable par la simplicité de ses manières et sa complaisance à se faire entendre dans les salons. Pour cette foi-ci je suis fâché de ne pouvoir joindre à ma lettre une de votre frère; mais vous en avez déjà du recevoir plusieurs par mon entremise. Présentez, je vous prie, mes hommages à madame et partagez vous les amitiés dont ma femme me charge pour vous deux. Si vous n'en avez pas trop, recevez aussi une accolade que je vous donne de tout mon coeur. Wiasemski.

*

Москва, 5 Марта 1820.

Воля твоя, не вѣрю твоимъ обѣщаніямъ не дѣлать долговъ. Старая привычка! Подумай самъ, чтò ты здѣсь убухалъ. Право, стыдно будетъ, съ твоими прекрасными доходами, не сводить концы съ концами. Ну куда бы ты дѣвался, ежели бы не попалъ на сіи единственныя въ Россіи мѣста, доставляющія столь большіе оклады и выгоды квартиръ и дровъ? Я вѣрю желанію твоему, но сомнѣваюсь въ исполненіи, а на тестя своего ты никакъ не считай: имѣя страшные долги и платя по 18 процентовъ, развязка не можетъ быть иная, какъ нищета.

---

*) Это письмо 1819 года вѣроятно было привезено въ Москву пѣвицею Боргондіо. Многія письма князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову, полученныя нами отъ младшаго сына сего послѣдняго, Михаила Александровича, помѣщены въ отрывкахъ въ Русскомъ Архивѣ 1879 года. Подлинники ихъ тогда же переданы нами сыну писавшаго князю Павлу Петровичу. Надѣемся увидѣть полное ихъ изданіе вмѣстѣ съ отвѣтами Булгакова въ одной ихъ книгъ „Остафьевскаго Архива“. П. Б.

Газеты страхъ какъ теперь любопытны по заключающимся въ нихъ подробностямъ. Алексѣй Мих. Пушкинъ, выходя изъ Аглицкаго клуба, гдѣ проигралъ четыре робера, встрѣчается на лѣстницѣ, не помню съ кѣмъ-то; тотъ ему говоритъ: Слышалъ ты? Что? Какъ что, ты не знаешь? Убитъ дюкъ де-Берри! Ну чортъ его дери! отвѣчаетъ проигравшійся и садится въ сани. А у васъ такъ умираютъ скоропостижно отъ извѣстія этого. Василій Львовичъ такъ былъ пораженъ, что опять боленъ подагрою, а Кристинъ былъ двое сутокъ, какъ помѣшанный и все смѣшивалъ Ангіенскаго съ Берри. Жаль бѣдную Браницкую; но ты писалъ о семъ, какъ о слухѣ, только ходящемъ по городу, авось либо и неправда. Она въ Карлсбадѣ не одинъ разъ мнѣ говорила: скажи мнѣ сынъ, кого хочетъ только, я пойду пѣшкомъ къ ней уговаривать ее идти за сына! Я бы никогда не вообразилъ себѣ, чтобы дѣла Рузумовскаго[1]) были въ столь худомъ положеніи. Хорошо еще, что нѣтъ дѣтей.

*

Москва, 6 Марта 1820.

Славный задалъ обѣдъ Чертковъ новому градоначальнику. Жаль только, что досталось мнѣ сидѣть возлѣ П. М. Лунина: кричитъ, говоритъ, толкаетъ, ѣсть не даетъ, все хулитъ, едва дышетъ, а обжирается, хотя продолжаетъ истекать кровію; когда нибудь, да сидя за столомъ умретъ, походитъ на тѣнь. Я Ивану Васильевичу[2]) сказалъ, что тебѣ нельзя было забыть Набокова; онъ тутъ же былъ, и хозяинъ меня съ нимъ ознакомилъ; кажется, тихій, дикій и хорошій человѣкъ. Послѣ обѣда Ив. Ив. Дмитріевъ, взявъ меня за руку, также подвелъ къ Набокову, рекомендуя очень его. Я изъявилъ сожалѣніе, что ты уже не въ Москвѣ, но что, при случаѣ, ты конечно его не забудешь. Набоковъ очень доволенъ тобою и разсказывалъ Ив. Ив., что, въ короткое твое управленіе почтамтомъ здѣшнимъ, ты ему далъ 500 квартирныхъ и 25 сажень дровъ, что Ключаревымъ дана ему была *одна* сажень, которую онъ, стыдясь принять, ему возвратилъ. Ахъ, à propos! Вчера былъ у меня или третьяго дня Павелъ Ивановичъ Ивановъ, Останькинскій учитель, просилъ помѣстить его въ канцелярію князя Дм. Волод. Послѣ обѣда, князь, напши кофе, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и такъ ласково сказалъ: eh bien, que direz vous, m-r B., что я обрадовался и началъ просить о Пав. Ив., сказавъ, что онъ бѣдный, но честный и способный человѣкъ. Князь спросилъ, есть ли ваканція. Я отвѣчалъ, что есть двѣ. Dans ce cas, отвѣтилъ князь, je le prends avec plaisir chez moi; puisqu'il est pauvre, il sera bien chez moi, car les ap-

[1]) Т. е. князя Андрея Кириловича, знаменитаго любовника царственныхъ особъ.
[2]) Т. е. Черткову.

pointemens des employés sont augmentés considérablement; dites à votre recommandé de se présenter chez Schafonsky pour être installé chez moi. Сегодня придетъ Пав. Ив. за отвѣтомъ, и я очень радъ, что могу ему дать этотъ скорый и благопріятный отвѣтъ. Тесть мой, который слышалъ этотъ разговоръ, началъ меня некстати расхваливать князю, увѣряя его, что я бы не вышелъ отсюда, ежели бы зналъ, что онъ будетъ начальникомъ, тогда какъ я князю самъ объявилъ, что мнѣ оставаться нельзя было, даже зная, что онъ будетъ назначенъ сюда. Чертковъ, слыша страшныя похвалы, подошелъ спросилъ князя: Кого это вы хвалите? Зятя моего Б-ва. Тогда Ив. Васил., оборотясь, сказалъ Голицыну: я васъ увѣряю, что за этихъ двухъ братьевъ весь городъ постоитъ; всѣ вамъ скажутъ одно и тоже. Ну, право, прстыдилъ, тѣмъ болѣе, что вмѣсто насъ двухъ было тутъ наконецъ все собраніе.

Наша переписка, какъ говорится кипитъ. Экое блаженство! Знать подробно все, чтò съ нами происходитъ! А ты знаешь даже, чтò со мною было ежедневно въ чужихъ краяхъ; бывало, Волковъ и Шредеръ не постигали моего терпѣнія и исправности все записывать; но имъ Богъ не далъ брата (во всемъ пространствѣ слова), съ которымъ бы все хотѣлось дѣлить, особенно время, упражненія, досуги, ощущенія и пр. Всякій разъ, чтó, бывало, пишу, такъ какъ будто разговариваю съ тобою.—Воля твоя, Каталани чудесная пѣвица, но она меня не плѣнила, а намедни Боргондіо, взявъ только три ноты, доставила мнѣ великое удовольствіе; струны ея идутъ къ сердцу, и чтò простѣе она поетъ, то лучше это. Завтра будутъ у насъ пренія, дать ли ей и давать ли впредъ залу нашу отличнѣйшимъ талантливымъ перваго разбора; а то, пожалуй, станутъ требовать и театральные скрипачи.

Съ Мяснымъ дѣлаютъ славные фарсы у pr. Boris (скажи это Меньшикову): нарядили хорошенькаго мальчика въ женское платье и влюбили въ него или въ нее Мяснаго, такъ что онъ четыре дня не давалъ отбою милой дамѣ, цѣловалъ руки, игралъ ногою подъ столомъ, дѣлалъ ея партію. La mistification a été si complette que beaucoup de personnes croient qu'il le fait exprès pour amuser les dames.

*

Суббота.

Я теперь изъ шумнаго собранія. Дѣло шло, дать ли Боргондіо нашу большую залу или нѣтъ. Да какъ, да что, да полѣзетъ мужикъ съ бородою! (какъ будто ихъ не бывало, даже въ присутствіи самого Государя, который танцовалъ съ женами бородачей; разумѣется, мужикъ не пойдетъ, а купецъ), да загадятъ залу! и пр. и пр. Я сказалъ, что не вижу причины не дать залы, чтобы послушать отличный та-

лантъ, что ихъ бываетъ 10, положимъ 20 въ 100 лѣтъ, изъ нихъ 3 могутъ быть въ Москвѣ. Зачѣмъ въ пять лѣтъ не отдать одинъ разъ залы Каталанпшѣ, Роде и Боргондіо, которая изъ благодарности готова пѣть въ слѣдующій Вторникъ gratis для членовъ. Балотировали, и въ 54 шарахъ былъ одинъ черный. Рѣшено залу для отличнѣйшихъ артистовъ въ *Европѣ* отдавать съ тѣмъ, что они будутъ пѣть одинъ разъ для Собранія. Это будетъ служить правиломъ впередъ, и всѣ одобрили. Боргондіо дадутъ 1000 билетовъ внизъ по 10 р., а на хорахъ, 500 по 5 р. Я ѣздилъ объявить ей, и она въ большомъ восхищеніи, ибо имѣла отвращеніе пѣть въ театрѣ.

Я просилъ Шаликова упомянуть о прибытіи ея въ Московскихъ газетахъ; прочти, какой онъ намаракалъ панегирикъ, сравниваетъ съ Каталанпшею. Это родитъ во всѣхъ жезаніе ее слышать, и у насъ вѣрно умножится число членовъ: общая выгода! Однакоже положено, что, не смотря на вызовъ Боргондіо пѣть даромъ, мы сдѣлаемъ ей подарокъ, а Чертковъ предложилъ, кромѣ того, сдѣлать для нея денежную подписку; тутъ же въ минуту подписались на 1300, и вѣрно накопится до 5000

*

Москва, 8 Марта 1820.

Отзывы Государя очень лестны, они должны тебя радовать и ободрять ревность твою. Вообще вступленіе твое въ Петербургѣ славно. Кривошапкинъ говоритъ, что и департаментъ послалъ тебѣ депутацію, ты и тамъ успѣлъ уже выходить имъ слишкомъ 30 тыс., на бѣдныхъ чиновниковъ; а Жулковскій былъ довольно благороденъ, чтобы сказать всѣмъ, что тебѣ одному симъ обязаны почтамскіе. Ты писалъ не возобновлять билета въ Аглицкой клубъ, а попалъ въ члены общества иностранныхъ купцовъ; это чуть не лучше ли? Я увѣренъ, что чрезъ годъ и Петербургской почтамтъ не будетъ уступать здѣшнему. Насъ довольно удивило, что тамъ не было, да и нѣтъ еще, комнаты для присутствія.

Французы вездѣ поспѣютъ: ужъ мерзкой Лувель литографированъ*). Эка харя гадкая! Кто-то тебѣ это выслалъ? Спасибо за присылку этого изверга; я радъ, что онъ не похожъ на одного изъ нашихъ знакомыхъ, а Французское лицо. Василью Львовичу буду бояться показать рожу эту, а то подагра подымется у него въ горло, а можетъ быть и въ мозгъ!

*

---

*) Молодой А. С. Пушкинъ, вѣроятно, бывалъ тогда въ Петербургѣ у К. Я. Булгакова и, можетъ быть, у него досталъ себѣ портретъ Лувеля. Пушкинъ показывалъ этотъ портретъ знакомымъ въ театрѣ, что и было однимъ изъ поводовъ къ высылкѣ его изъ Петербурга.

Москва, 11 Марта 1820.

Вчера Голицынъ турнулъ славно полицію: далъ на башнѣ, которая противъ его дома, сигналъ пожара флагомъ, посмотрѣлъ на часы; черезъ три минуты Мясницкая пожарная команда явилась уже тутъ, на площади другія двѣ черезъ пять минутъ, а прочія, смотря по отдаленности, но не позже 12 минутъ. Онъ былъ очень доволенъ, да и подлинно, эта часть въ совершенствѣ. Лошади—не лошади, а львы. Съ Бибиковымъ имѣлъ онъ экспликацію; онъ подалъ въ отставку, представленъ на его мѣсто нѣкто Бѣлкинъ, коего хвалятъ.

Мысль твоя о заведеніи частныхъ конторъ для пріема писемъ не въ одномъ почтовомъ дворѣ—прекрасная! Я именно, говоря съ Ив. Ив. Дмитріевымъ о почтахъ, тоже ему сказалъ; это особенное было бы благодѣяніе въ городѣ столь обширномъ, какова Москва. Недурно бы и это завести, чтобы принимались письма всюду, во всякое или въ назначенное время, во всѣ дни, а то выходитъ, что по Понедѣльникамъ и Четвергамъ страшная тѣснота для отдачниковъ писемъ въ Петербургъ. Еще не худо бы было заставить платить почту тѣхъ, которые письма получить должны, а не тѣхъ, которые ихъ писали; а то часто люди письмо бросятъ, а деньги пропиваютъ. Конечно, найдутъ многія другія важнѣйшія неудобства; ты ихъ со временемъ откроешь и искоренишь, а тебѣ будетъ за это публика благодарна, а себѣ сдѣлаешь ты памятникъ на вѣчныя времена. Въ государствѣ столь обширномъ, какова Россія, скорое сообщеніе, особенно посредствомъ почтъ, есть вещь весьма важная; ужъ страшное разстояніе есть зло великое, а ежели прибавить къ этому еще другія затрудненія, то еще хуже будетъ.

Ожидаю конецъ представленія Марицы; конечно Государыни, которыя столь милостивы, ее обласкаютъ. Я желаю, чтобы она покороче ознакомилась съ Закревскою; она предобрая и безъ всякихъ претензій. Здѣсь это какъ-то не клеилось. Петербургъ ихъ сблизитъ, а паче всего дружба, существующая между мужьями.

Доброму Каподистріи всегда говори о мнѣ; онъ, надѣюсь, увѣренъ въ душевной преданности обоихъ братьевъ. Понимаю, братъ, что Вейтбрехтъ тебѣ бремя болѣе, чѣмъ другіе; авось-либо соскучась, станетъ проситься въ Москву. Ты здѣсь сдѣлалъ привычку быть окруженному людьми счастливыми, довольными, съ веселыми лицами, а тутъ вдругъ этакой ипохондрикъ. Будетъ съ тебя и прочихъ скукъ, авось-либо это и устроится какъ-нибудь.

Билеты Боргондіо идутъ славно. Я роздалъ ихъ до полутораста, Негри 400, экономія Собранія болѣе 200, кромѣ того, что̀ взято у ней самой. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ 1000 билетовъ внизъ и 500 на хоры разберутся. Потемкинъ хотѣлъ, чтобы она прежде всего пѣла у него и приготовилъ ей серьги въ 5000 р., но она извинилась и не хотѣла пѣть нигдѣ прежде своего концерта. Князь Дм. Волод., который, кажется, большой охотникъ до Итальянскаго пѣнія, сказалъ ей, что онъ беретъ всѣ билеты, которые у нея останутся. Онъ хочетъ выписать сюда Одесскую Итальянскую оперу. Вотъ тебѣ и афиша; а ежели удастся концертъ завтра, въ чемъ не сомнѣваюсь, то хочется мнѣ сдѣлать маленькую статью, которую буду просить Пезаровіуса помѣстить въ Инвалидѣ. Ежели бы послушалась меня Боргондіо и поѣхала бы сама домовъ въ 20, которые я ей назначилъ, я увѣренъ, что она собрала бы до 20.000 р.; но она говоритъ, что это тоже самое, что̀ прикладывать пистолетъ къ горлу.

*

Москва, 12 Марта 1820.

Мы въ восхищеніи отъ вчерашняго концерта. Послѣдняя арія съ хорами особенно всѣхъ плѣнила. Страшное было стеченіе слушателей: внизу 1246, да на хорахъ 500, всего 1746 особъ, слѣдовательно сборъ составилъ 15.960; нѣтъ, конечно, залы въ Европѣ, которая по довольно умѣренной цѣнѣ 10 и 5 р. могла въ одинъ вечеръ столько принести. Боргондіо натурально очень довольна, но такъ оробѣла, увидя предъ собою этотъ свѣтъ, что сначала не смѣла вдаваться въ большія предпріятія, но послѣ ободрилась, да и наканунѣ, ѣздя цѣлый день по холоду, немного простудилась. Во Вторникъ поетъ въ Собраніи, просится ко мнѣ на вечеръ, желая возблагодарить за всѣ мои старанія о ней, но я бы желалъ это избѣжать, ибо все-таки надобно будетъ подарить что-нибудь.

*

Москва, 15 Марта 1820.

Не буду я никогда въ состояніи описать тебѣ восхищеніе мое, читая встрѣчу твою съ Государемъ на набережной. Что̀ бы не далъ я, чтобы быть свидѣтелемъ оной! Я отсюда вижу, какъ все происходитъ. Какъ этого ангела не любить, тогда какъ все должно къ тому побуждать! Да и не думаю, чтобы были подобные изверги. Есть ли земля счастливѣе, спокойнѣе нашей? Вездѣ ужасы, налоги, бѣдность, непослушаніе, раздоры междоусобные, партіи; мы ничего этого не знаемъ, живемъ себѣ припѣваючи. Есть, конечно, нѣкоторыя злоупотребленія, но земля населена не ангелами, а людьми, а люди подвержены страстямъ. То-то ты, я думаю, пообѣдалъ хорошо въ тотъ день!

слова: He bien, êtes-vous content de moi? J'ai fait tout ce que vous avez désiré не выходятъ изъ моей головы, и это Государь говоритъ своему подданному. Не даромъ называютъ Государя въ Вѣнѣ le grand magicien. Письмо твое не только сдѣлало меня надолго веселымъ, но, кажется, придало здоровья.

Сегодня обѣдалъ я у князя Мих. Петр. Голицына съ кн. Дм. Волод. Голицынымъ, было человѣкъ 12. Славный обѣдъ, славныя вещи, славныя картины. Видѣлъ я эту Корреджіеву Богородицу, съ ребенкомъ I. X., за которую онъ заплатилъ 80 т. Необъятная цѣна! Картина хороша, но, право, не стоитъ этой цѣны. Сачи былъ тутъ и вралъ взапуски съ Тончіемъ. Сачи зналъ князя Дм. Влад. мальчикомъ и нѣкогда растолковалъ ему passage одинъ изъ Горація. Князь ему это напомнилъ и вспоминалъ даже texte. Концертъ Боргондіо въ театрѣ былъ прежалкій, но и она чудесница. Въ Субботу объявила, что будетъ въ Воскресенье пѣть, ни къ кому билетовъ на ложу не возила; правда и то, что по этимъ дорогамъ 40 визитовъ въ городѣ, какъ Москва, не объѣздишь въ четыре дня, а она боялась еще простудиться и дурно пѣть во Вторникъ у насъ въ Собраніи. Она пѣла лучше намеднишняго, какъ будто нарочно. Послѣднюю арію заставили ее повторить, и она еще лучше пропѣла второй разъ, ибо одобреніе это ее очень польстило. Къ несчастію, еще было два съѣзда сегодня у графа Потемкина и у Хомутова, то весь beau-monde сегодня раздѣлился на двѣ части, и никто въ концертъ не поѣхалъ. Въ Четвергъ поетъ она у княгини Бѣлосельской, а въ Пятницу ѣдетъ въ Петербургъ.

*

Москва, 17 Марта 1820.

Концертъ Боргондіо въ Собраніи вторничный былъ славный; она все болѣе и болѣе нравится. Послѣ послѣдней аріи пошелъ я въ ея комнату съ кн. Дм. Волод., который очень ее уговариваетъ здѣсь остаться пѣть Танкреда, но она спѣшитъ къ вамъ. Мы написали ей похвальное письмо, за общимъ подписаніемъ, при коемъ препроводили серьги въ 2000. Она очень была довольна.

Вчера князь въ концертѣ вдругъ мнѣ говоритъ: J'ai une mauvaise nouvelle à vous dire. Видя, что это меня сконфузило, онъ, взявъ за руку, прибавилъ: mauvaise pour moi; c'est à dire, le c-te Kotchoubey m'informe que votre congé vous est accordé; je vous en écrirai.

*

Москва, 21 Марта 1820.

Обѣдалъ у Татищева. Онъ по этой адской дорогѣ пріѣхалъ изъ Ростова въ 22 часа; но за то братъ его и слегъ отъ усталости. Мать отъ радости его видѣть послѣ 15-лѣтняго отсутствія лишилась чувствъ; но это посѣщеніе, вѣрно, продлитъ жизнь этой старушкѣ. Я объявилъ Дм. Павл., что ѣхать съ нимъ дѣло несбыточное; онъ не могъ самъ не убѣдиться причинами, а еще главнѣйшихъ не могъ я ему и сказать.—Мнѣ привезли славнаго поенаго теленочка изъ деревни; ужъ какъ Наташа тебя вспоминаетъ: нѣтъ, да нѣтъ! Такъ какъ я говѣть буду на Страстной, то рѣшились мы въ Воскресенье сдѣлать у себя пиръ и main-basse на этого четвероногаго молодца. Звалъ Татищева и позову всѣхъ нашихъ; буду просить Рушковскаго, который желаетъ быть представленъ Дм. Павловичу. Наташа твердитъ: Все хорошо, а Константина нѣтъ! Какъ бы онъ поѣлъ! Мнѣ хочется послать тебѣ ломоть въ письмѣ.

*

Москва, 19 Марта 1820.

Мы сидимъ въ Субботу съ Наташею, играемъ вдвоемъ въ patience des dames. Бьетъ одиннадцать часовъ. Карета—кто это? Тургеневы! Онъ очень смѣялся, что ты его называешь со звѣздою путешествующимъ, а я Вяземскому пишу, что Т. съ неба звѣзды хватаетъ, и что Владимирскую уже подцѣпилъ. Они у насъ обѣдаютъ en petit comité во Вторникъ. У матери-то тѣсно, негдѣ; онъ остановился у Оберъ-Шальмè № 12. Александръ все тотъ же, но болѣе разсѣянъ, чѣмъ когда либо.—Гишпанская новость твоя важна. Королю слѣдовало это сдѣлать, вступая изъ заточенія на престолъ, мужествомъ и любовію подданныхъ ему пріобрѣтенный. Время упущено, теперь это слабость и принужденіе. Онъ потеряетъ во мнѣніи всѣхъ и себѣ приверженныхъ, и инсургентовъ. Я бы оставилъ на его мѣстѣ престолъ молодой женѣ, поскакалъ бы въ Кадиксъ, заступилъ бы мѣсто Фрейра, сѣлъ на коня, показался бы народу и войску, усмирилъ бы бунтовщиковъ, объявилъ бы всеобщее прощеніе, а послѣ бы уже сказалъ: дѣти мои, для устраненія на предбудущія времена всякой причины къ раздору между нами, я созываю кортесы; давайте вмѣстѣ разбирать, составимте конституцію полезную для всѣхъ. Татищеву очень моя мысль понравилась. Онъ впрочемъ доволенъ мѣрою взятою королемъ, хотя она и внушена ему страхомъ однимъ, т. е. бунтами начинавшимися и въ Галиціи. Дм. Павл. полагаетъ, что всѣмъ будетъ польза отъ этого. Ненавистная болѣе именемъ, нежели дѣломъ инквизиція вѣрно уничтожится, страшныя монастырскія имѣнія и доходы будутъ взяты

въ казну. Кто бы думалъ, что государственные доходы въ Гишпаніи составляютъ 140, и церковныя 180 милліоновъ въ годъ! Теперь увидимъ мы въ Гишпаніи (вѣроятно) въ маломъ видѣ то что происходитъ во Франціи: что болѣе будетъ король уступать, то болѣе будутъ недовольные требовать. Vidremo, а газетчикамъ раздолье. Дм. Павл. собирается въ концѣ Свѣтлой недѣли къ вамъ.

Такъ, какъ здѣсь разсказываютъ дуэль Ланскаго съ Анненковымъ, то послѣдній гнусно поступилъ: Ланскому досталось стрѣлять первому, онъ выстрѣлилъ на воздухъ; тутъ А. слѣдовало бросить пистолетъ и поцѣловать столь великодушнаго соперника, а онъ, вмѣсто того, пять минутъ въ него мѣтился и положилъ наповалъ. Чего же смотрѣли секунданты? Ихъ обязанность именно стараться, пользоваться всѣми средствами, чтобы примирить ссорющихся. Графа Панина очень винятъ; увѣряютъ даже, что онъ и поджогъ и Анненкова. Я съ трудомъ могу этому повѣрить.

*

Москва, 1-е Апрѣля 1820.

Тургеневы у насъ обѣдали во Вторникъ. Ужъ покушалъ Александръ! Была славная молочная каша; подаютъ ему во второй разъ и увѣряютъ, что онъ въ дистракціи отказалъ этого блюда; онъ взялъ еще, и такъ полюбилось, что повторилъ атаку, хотя было по нашему счету три, а по его двѣ. Послѣ обѣда, вѣрно бы заснулъ, ежели бы не сталъ дѣлать куры женѣ и играть съ Костею. Его, право, закормятъ здѣсь до Середы: на Ѳоминой званъ на обѣды.

*

Москва, 2 Апрѣля 1820

Бывало, зовутъ на стерлядь, а теперь зовутъ на Тургенева. Сегодня у добраго Карпова обѣдаемъ; послѣ обѣда я на вечеръ къ тестю, гулянье на его улицѣ, съ нами будетъ и князь Дм. Волод., у коего, говорятъ, въ Воскресенье балъ, дабы ознакомить княгиню съ здѣшними домами. Въ Понедѣльникъ звалъ Митюша Нарышкинъ на Тургенева; смотри, какъ его откормимъ!

*

Москва, 5 Апрѣля 1820.

Здѣсь у насъ погода прекрасная, за то какое множество каретъ и лошадей на гуляньѣ, то-есть подъ Новинскимъ. Нить начиналась уже на Никитской, шла (и все въ два ряда) по Поварской, потомъ объѣхала сторонами качели, на Арбатъ, до Арбатскихъ воротъ. Моей лѣнтяйкѣ Наташѣ былъ вчера порядочный моціонъ: по утру пѣшкомъ, тамъ обѣдали у Барятинскаго, потомъ возили Тургенева подъ

качели, въ моей Офенбахской коляскѣ, а въ вечеру были на славномъ балѣ у князя Дм. Волод.; всякой былъ какъ дома, оба хозяева очень ласковы, и всѣ были прошены въ фракахъ. Наташѣ хотѣлось и ѣсть и спать, и мы, какъ умные люди, отретировались до ужина въ первомъ часу. Князь почти не танцовалъ, а потому и пріятно мнѣ, что сдѣлалъ это отличіе Наташѣ. Она была очень авантажна въ Парижскомъ corset à la Sevigné; на головѣ былъ тюрбанъ, хотя и здѣшній, но я увѣрилъ, что привезенъ мною изъ Парижа, и всѣ одно твердятъ: ou ne trouve pas de ces choses ici. Въ мундирахъ было трое: сенаторъ Мухановъ, Рушковскій и славный камеръ-юнкеръ Горчаковъ, въ шитомъ мундирѣ, напудренный. Я разговаривалъ съ княземъ; онъ подошелъ и началъ очень плодовито разсказывать князю, все что въ послѣднихъ газетахъ, говоря все m-r le comte, а иной разъ mon prince. Князь и княгиня звали насъ на всѣ слѣдующія Воскресенія. Вся эта недѣля взята, и я почти всюду званъ по несчастію: завтра Собраніе, въ Среду у княгини Бѣлосельской, въ Пятницу у графини Бобринской, въ Четвергъ у Власова, а въ Воскресенье, опять у князя Дмитрія Володимировича.

*

Москва, 27 Апрѣля 1820.

Ты начинаешь, любезный братъ, письмо свое описаніемъ нечаянной вечеринки, собравшейся у тебя и которая очень удалась. Мнѣ казалось, что и я на ней былъ! Но не всегда будетъ мерещиться; авось либо и мы будемъ обыгрывать гостей въ биліардъ, только не въ бѣшеную. Скажи Ванюшѣ, что у меня еще на сердцѣ тѣ два червонца, которые я пропаривалъ, надѣясь на его богатырство, въ Англ. клубѣ вольнаго города Франкфорта противъ Голицына, который не только хуже его играетъ, но и хромаетъ еще въ добавку. Я нарочно упражняюсь въ бильярдѣ понемногу, а ежели меня разгнѣваютъ, то и кій свой повезу въ Петербургъ. Вчера Сачи боялся необыкновенно играть съ Лунинымъ, бросилъ кій на полъ; маркеръ кинулся подымать, а Сачи ему говоритъ: не подымай, оставь! Это *собака*, это я долженъ подымать; потомъ вдругъ началъ играть желтою, сдѣлалъ свою бѣлую и обрадовался; опять маркеръ говоритъ: вы играли не своимъ, а желтымъ, а Сачи, обращаясь къ публикѣ: Voyez-vous ce que c'est! Je l'ai fait exprès, cet imbécile ne m'a pas compris (le marqueur); allez faire avec la blanche ce que j'ai fait! Pas même sur 100 coups un, et avec la jaune je l'ai fait сбника, et pourquoi? Pourquoi! Parce que cela ne compte pas. De sorte que il paraît qu'il y a un *diable* dans tout cela. Ну же позабавилъ онъ насъ всѣхъ!—Всѣ поднялись въ Карлсбадъ. Отсюда ѣдетъ множество, и между прочимъ и слав-

ная М. И. Корсакова, которая зиму хочетъ провести въ Вѣнѣ. Я Пушкиныхъ это лѣто не видалъ, стыдно къ нимъ и показаться; но не думаю, чтобы старуха пустилась въ такую даль къ водамъ, да и нѣтъ примѣра, чтобы кто нибудь въ Карлсбадѣ вылѣчился отъ 70 лѣтъ. Закревскаго прошу въ Карлсбадъ не пускать, а чтобы былъ все время въ Петербургѣ. Я таки и не вѣрю этому вояжу, потому что Толстые собираются въ Іюнѣ въ Петербургъ, къ нимъ въ гости. Книги переплетчикъ принесъ. Прошу ихъ отдать почтенному Джунковскому, подписавъ что̀ заблагоразсудишь. Ему вѣрно будетъ пріятно, въ первомъ томѣ найти портретъ переводчика; онъ можетъ быть и знавалъ батюшку, а ты скажи ему, что батюшка работалъ надъ этимъ въ Семибаменномъ замкѣ, гдѣ сидѣлъ 27 мѣсяцевъ, слѣдовательно ровно по одному тому въ мѣсяцъ. По манускрипту видно, съ какою легкостію батюшка переводилъ, да въ тюрьмѣ мало было и разсѣянности. Посылаю съ сими книгами и оставшіеся у меня комплекты Броневскаго книги; старайся это сбыть, а въ ящикѣ кстати случилось мѣсто пустое. Вотъ и билетъ, на коемъ означишь имя подписчика. Я могу добыть еще экземпляровъ съ десятокъ, не возьмутъ ли Воронцовы и кой-кто еще пріятную эту книгу? А Броневскій—добрый, бѣдный и раненый офицеръ. При сей вѣрной оказіи, ежели имѣешь каналъ къ Шишкову А. С., то доведи до его свѣдѣнія, что подписчики ропщутъ на Броневскаго, что 4-я часть не выходитъ, а сочинитель далъ ее Шишкову давно для одобренія, а онъ видно и забылъ, что она у него, а мы лишены пріятнаго чтенія. Тутъ будетъ и моя статья о Фрегатѣ «Венусъ», славномъ подвигѣ всего ея экипажа и Д. П. Татищева. Еще сунулъ я въ ящикъ 2-ю часть Озерова сочиненій. Костя учился по ней Дм. Донскаго роль играть.

У Волкова пробылъ отъ пяти часовъ послѣ обѣда до десяти вечера, наболтался, накурился, напился чаю, поигралъ шесть роберовъ, разбранилъ коменданта, который два робера подарилъ за ничто и не ужинавши пошелъ домой, по прекрасному времени. Два Александра сражались противъ двухъ Петровъ; но Озеровъ и Апраксинъ, насъ пересилили, а все виноватъ комендантъ. Волковъ передѣлываетъ заново свой ордонансъ-гаузъ; будетъ хорошо, а лучше то, что казнѣ не стоитъ ни гроша, но ты знаешь, Волковъ умѣетъ выманивать что̀ захочетъ; все это сдѣлано изъ денегъ, пожертвованныхъ добрыми людьми.

Ну насилу отдѣлался отъ обѣда Митюшина*). Въ 12 часовъ крестили. Я дунулъ и плюнулъ, а маленькій Ѳедоръ передъ тѣмъ, что

*) Т. е. Дмитрія Васильевича Нарышкина, женатаго на дочери графа Растопчина Натальѣ Ѳедоровнѣ.

его окунуть, видно отъ страху... Бальменша, которая его держала въ рукахъ, очень сконфузилась, а мамушка, старая дѣвка, чуть не заскакала отъ радости, увѣряя, что это очень хорошій знакъ. Обѣдало 36 человѣкъ, обѣдъ знатный, а старухъ-то что? Бездна! Было вѣрно столѣтій съ 20! Гдѣ они выкопали всѣхъ этихъ Нарышкиныхъ? Одной лѣтъ съ полтораста. Я подозрѣваю, что это была мать Петра Великаго. Еще въ вистъ засадили послѣ обѣда. Насилу отдѣлался, но нельзя было отказать старому другу Митюшѣ и внуку графа Ѳ. В.

*

Москва, 29 Апрѣля 1820.

Досадно мнѣ будетъ очень, ежели Воронцовъ уѣдетъ, и я его не увижу; вотъ шестой годъ, что я лишенъ этого удовольствія, а люблю его, право, душевно; ты мнѣ, кажется, только-что не живешь съ нимъ, а то все вмѣстѣ, чему нимало не дивлюсь; говорятъ, что и жена его премилая. И другая Головина идетъ за Поляка же. Меня увѣряли, что обѣ сестры католички [1]).

Волкова я дней шесть не видалъ. Все ѣду, да не доѣду. Вчера заѣхали мы къ тестю на часокъ, чтобы оттуда на вечеръ къ Волкову, но тамъ засеквестровали на цѣлый вечеръ. Князь нездоровъ: совѣстно было отказать. Играли въ вистъ до упаду, и княгиня, прошу не прогнѣваться, изволила выиграть 8 роберовъ сряду. Съ нѣкотораго времени играетъ цѣлый день въ вистъ. Сегодня постараюсь забраться къ милому заттетанданту [2]).

*

Москва, 3 Мая 1820.

Какъ-то у васъ, а наше гуляніе 1-го Мая было прекрасное. Погода такая, что лучше желать нельзя, въ лѣсу все зелено, и очень пріятный запахъ отъ травы. Народу бездна, 5600 каретъ, а всѣхъ экипажей болѣе 8000. Все было, однакоже, порядочно. Князь Дм. Волод. былъ верхомъ, съ превеликою свитою, а я ѣздилъ въ коляскѣ своей съ женою, Катею и Костею. Нагулялись славно. Вечеромъ сидѣлъ у насъ долго Сергѣй Тургеневъ, котораго отъѣздъ еще не назначенъ. Кого ни спроси, всякій куда-нибудь да ѣдетъ; скоро Москва опустѣетъ. Комендантъ плачетъ, что останется одинъ, а онъ насъ перепугалъ третьяго дня: такъ занемогъ вдругъ, что послали за докторомъ. Сдѣлалась у него такая страшная боль въ ухѣ и всей правой сторонѣ головы, что всего свело. Тотчасъ поставили муху шпанскую, ноги въ воду и дали слабительное. На другой день стало легче, вчера всталъ и надѣлъ сюртукъ, но жалуется, что слабъ.

---

[1]) Дочери гр. Головиной, оставившей столь любопытныя Записки, графини Прасковья Николаевна Фредро и Елисавета Николаевна Потоцкая.

[2]) Шуточное прозваніе Московскаго коменданта А. А. Волкова.

Очень сожалѣю о приключеніи съ Татищевымъ; ему не должно никогда ходить одному по улицамъ: онъ и слѣпъ, и разсѣянъ; хорошо еще, что дешево отдѣлался и что глазъ не повредили, а прочее скоро пройдетъ. Я вчера сказалъ это Урусовымъ, которые ничего не знали, и радъ этому; а то у насъ пожалуй скажутъ, что Дмитрій Павловичъ убился до смерти. Княжны обѣ ахнули и нахмурились, но я ихъ успокоилъ и замѣтилъ имъ, что когда Дм. Павл., бывало, у нихъ за столомъ сиживалъ между двухъ племянницъ, то такихъ бѣдъ не случалось. Бью челомъ разбитому. Очень благодаренъ Разумовскимъ за память ихъ, надѣюсь лично ихъ видѣть. Ты хорошо сдѣлалъ, что уничтожаешь подъѣздъ подъ домъ твой, всѣ признаютъ это неудобство, и я здѣсь знаю домовъ пять-шесть большихъ, въ коихъ туже сдѣлали перемѣну: у Козицкой, въ Англ. клубѣ, у Прозоровской и пр. Вѣрю, что много хлопотъ у тебя, но еще болѣе ихъ понимаю по описанію, дѣлаемому тобою, помощниковъ твоихъ. Нельзя тебѣ съ ними оставаться; не упускай оказіи новыхъ штатовъ, буде оные состоятся. А между тѣмъ благодарю тебя за всѣ подробности. Здѣсь пока дѣло слабо, именно навыворотъ.

*

Москва, 4 Мая 1820.

Въ проѣздъ мой въ Варшавѣ г-жа Шимановская, дама очень любезная и большая музыкантша, подарила мнѣ коллекцію своихъ музыкальныхъ сочиненій. Тутъ есть, между прочимъ, прекрасный котильонъ. Посылаю это Марицѣ. Пусть займется въ свободное время, ежели (чего боюсь) она не бросила совершенно музыку. Вас. Львовичъ всякій разъ посылаетъ тебѣ поклоны. Куда старымъ сталъ! Намедни обѣдали мы у него и, противъ обыкновенія, довольно плохо; только за то нахохотались: все его мистифировали. Были тутъ: Серг. Тургеневъ, Солнцевъ, Шаликовъ, Ал. Мих. Пушкинъ, Филимоновъ, Карнѣевъ и пр. Стали говорить, что племянникъ его, поэтъ и повѣса (говорятъ), былъ призванъ къ Милорадовичу, который ему мылъ голову за какіе-то стихи. Пушкинъ весь сконфузился, но еще больше, когда я сталъ его увѣрять, что Ал. П. далъ слѣдующій отвѣтъ графу Милорадовичу: Я эти стихи знаю, в—у с—у не солгали; они точно написаны Пушкинымъ, только не мною, а Вас. Львовичемъ Пушкинымъ, дядею моимъ. Нашъ Вас. Львов., какъ громомъ убитый, сталъ на всѣхъ поглядывать и, наконецъ, сказалъ: D'abord je doute très fort que mon neveu ait pu dire une pareille chose et... et, s'il l'a dit, le c-te Miloradovitz ne l'aurait pas cru, j'espère. Вѣдь меня всѣ знаютъ, я не *либераленъ*; меня знаетъ и Ив. Ив. Дмитріевъ, и Карамзинъ, je n'écrie pas de ces vers...—А Буяновъ? воскликнулъ я.—Ну, что Буяновъ, répond l'ac-

cusé, c'est une mauvaise plaisanterie.—Mauvais, oui, возразилъ Алексѣй Мих., mais pas plaisant. Разскажи это Жуковскому и Тургеневу, ударивъ челомъ обоимъ отъ меня.

С. Тургеневъ къ чему-то сказалъ: Mais oui, la révolution doit faire le tour du globe. Je vois la figure de mon Василій Львовичъ s'allonger; il me prend à l'écart et me dit: Vous avez entendu, mon cher, ce que votre ami T. a dit? Qu'en dites-vous?—Que voulez-vous que je dise? C'est un adage assez connu, et malheureusement je crois qu'il est assez fondé: voyez l'Espagne!—Je vois mon bon В. Л. très peu satisfait de ma réponse; mais après avoir réflechi un peu, il ajouta d'un air un peu victorieux: c'est bel et bon, mais il y a du chemin à faire pour venir à nous. Nous sommes loin! He! N'est-ce pas? He! — C'est vrai, lui répondis-je, nous sommes loin; mais si le trajet se faisait par mer, si la révolution s'embarquait à Cadix et allait débarquer droit à Kronstadt?—Malgré tout mon sérieux et l'extrême crédulité de notre bon Pouchkine, he, mon cher, dit-il d'un ton tout-à-fait triomphant et en riant aux éclats, me regardant cependant dans les yeux pour épier un souris, he, mon cher, on ne met pas une révolution en caisse comme des oranges! Je finis par rire moi-même de bien bon coeur, ne pouvant plus continuer la plaisanterie. Je vois d'ici que vous en riez aussi et tous ceux de votre société qui connaissent notre goutteux.

Wiasemsky me mande un mot de l'infatigable Pradt, qui vient encore d'imprimer une brochure sur l'Espagne et dit de Ferdinand VII: C'est un prince sans un soldat, un écu, une idée. Je réponds à Wiasemsky: Et qu'est ce Pradt? Un prêtre sans religion, un écrivain, qui a trop de bile, trop d'idées et pas assez d'argent.

*

Семердино, 14 Мая 1820.

О твоемъ несчастномъ преступникѣ письмо твое къ князю Голицыну [1]) меня тронуло: видно, что ты перо обмакивалъ въ сердце твое. Какъ ни виноватъ экспедиторъ, ты обращаешь на него сожалѣніе. Я увѣренъ, что князь въ оригиналѣ покажетъ письмо Государю, а Государь воспользуется божественнымъ правомъ, даннымъ ему, смягчать всякій приговоръ. То-то будетъ для тебя праздникъ! Ты выполнишь и долгъ начальника и, какъ самъ говоришь, долгъ человѣка. Вотъ настоящій либерализмъ!

Спасибо Сашкѣ [2]): стало быть мнѣ у него хорошо, ежели портретъ мой виситъ у его постели; я надѣюсь, что онъ тутъ и останет-

[1]) Т.-е. къ князю А. Н. Голицыну, главному начальнику почтоваго управленія.

[2]) Мальчику, сыну К. Я. Булгакова.

ся. У насъ была старуха графиня Скавронская въ Неаполѣ. Лазаронцы ее называли la madre di Moscovia (сынъ ея былъ тамъ министромъ). Она была очень капризна и непостоянна въ дружбѣ: вдругъ полюбитъ, спишетъ съ тебя портретъ, поставитъ въ спальную, а тамъ въ уборную, гостиную, залу и, наконецъ, на чердакъ, по мѣрѣ, что̀ любовь проходитъ; но мы съ Сашкой будемъ всегда какъ два любовника.

*

Сельцо Семердино, 9 Мая 1820.

Для меня биржа есть одна изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ въ Петербургѣ. Богъ дастъ, пошатаемся и мы. У насъ апельсины по 7 р. десятокъ, а хорошіе и по 10. Наташа у меня смертельная охотница. Я привезъ сюда маленькую толику провизіи и хорошо сдѣлалъ. Ты пишешь, что пришло съ ними два корабля, то вѣрно подешевѣютъ. О, любезная Сицилія! Тамъ мы ими объѣдались. Съ Татищевымъ обѣдали мы въ Мессинѣ подъ однимъ деревомъ, у коего сучья ломались отъ множества апельсиновъ, а хозяинъ этого загороднаго дома намъ божился, что на этомъ одномъ деревѣ было одинъ разъ болѣе 6000 апельсиновъ; и такъ, здѣсь это дерево принесло бы 6000 рубл., а за 6000 р. можно бы, я думаю, скупить апельсины цѣлой Мессины, ежели не всего острова. За то во Флорѣ (саду въ Палермо) Карповъ покойный возметъ, бывало, березку, цѣлуетъ ее и плачетъ, что она одна въ цѣломъ саду, тщедушна и не растетъ.

Долго сидѣлъ у меня Лунинъ, который справедливо огорчается тѣмъ, что ему сажаютъ на шею одного оберъ-прокурора за другимъ. Теперь опредѣленъ отставной Новосильцовъ (тотъ, что̀ большое женино имѣніе пробухалъ на спекуляціяхъ и мериносахъ) за оберъ-прокурорскій столъ, и князь Яковъ Ив. Лобановъ сказывалъ, что онъ будетъ скоро сдѣланъ настоящимъ оберъ-прокуроромъ. Зачѣмъ дѣлать такое оскорбленіе Лунину безъ всякаго повода? Онъ, право, заткнулъ бы за поясъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ здѣшнихъ. Ежели же никакъ его не хочетъ имѣть князь Дм. Ив., то зачѣмъ и чинъ ему далъ; старшинство же нарушать въ службѣ не должно. Пусть Лобановъ доставитъ ему мѣсто губернаторское въ какую бы то ни было губернію. Лунина цѣль отойти, только съ честію, и, послужа немного, выйти въ отставку. Онъ богатъ и можетъ обойтись безъ службы, но она потеряетъ способнаго человѣка, а ненадобно вѣрить всему, что̀ говорятъ злоязычники; полагаю, что и правда, онъ былъ тогда молодъ, отецъ не давалъ содержаніе нужное. Это все не извиненіе, конечно; но правда ли все, что́ говорятъ такъ неопредѣлительно объ немъ? Сколько мы

видимъ записныхъ мошенниковъ, служащихъ какъ ни въ чемъ не бывало. Я обѣщалъ Лунину написать откровенно Журавлеву и просить его объяснить князю Дм. Ив.; но ты ему можешь все это передать и попросить нашего стараго пріятеля при случаѣ молвить словечко. Кому не даютъ теперь губернаторскихъ мѣстъ? Не лучше ли предпочесть человѣка, имѣющаго состояніе и хорошаго дворянина?

Ну, братъ, ежели ты учредишь дилижансъ между Москвою и Петербургомъ, то окажешь важную услугу множеству людей и оставишь прочный памятникъ своего почтдиректорства. Повѣрь, что и наша братья будетъ ѣздить, да первый князь Петръ. Иной и безъ нужды поѣдетъ въ Петербургъ, сколько такихъ найдутся! Право стыдно, что это давно не существуетъ. Это придастъ страшный кругъ дѣятельности въ сообщеніяхъ между столицами. Бери деньги и учреждай скорѣе: дѣло благое, полезное; надобно стараться, чтобы не стоила болѣе 50 р. поѣздка. А какъ всѣ кинутся, привыкнутъ и убѣдятся въ пользѣ учрежденія, то тогда смѣло надбавляй. Зимою еще кое-какъ, а лѣтомъ великое дѣло дорожный экипажъ. Всѣ тебя будутъ благодарить и благословлять. Давай съ Богомъ и не жалѣй денегъ Потоцкаго и Воронцова [1]). Ваши обѣды стоятъ Лондонскихъ министерскихъ обѣдовъ, на которыхъ, съ рюмкою въ рукахъ, рѣшаются государственныя дѣла. Скажу, какъ Закревскій: важно!

Чего еще хочется Боголюбову? Ему иное дѣлать не должно, какъ поселиться въ Москвѣ и быть благороднымъ Иваномъ Савельичемъ. Многіе дадутъ ему квартиру и столъ, а онъ проживай себѣ свои 5000 р.; а въ клубъ, конечно, его не возмутъ.

А мы откуда теперь? Да изъ Владимирской губерніи. Вотъ у насъ какія совершаются путешествія. Возлѣ нашего лѣса ручей, черезъ который мы перешли раза три, а за онымъ ручьемъ уже и губернія Владимирская. Я одною ногою могу, не бывши Родоскимъ колоссомъ, стать на Московскую, а другою на Владимирскую губернію.

*

Сельцо Семердино, 10-го Мая 1820.

Здѣсь проводимъ мы время очень пріятно: не увидишь, какъ день пройдетъ. Въ послѣднее время домъ Шутельвортшинъ [2]) былъ несносенъ: вонь, сырость и крысы. Бывало, онѣ только визжали и возились подъ поломъ, а ужъ, наконецъ, стали и показываться, бѣгать по насъ сон-

---

[1]) Это учрежденіе было частное; въ немъ главнымъ пайщикомъ были графъ М. С. Воронцовъ (по мысли котораго оно и заведено) и его своякъ графъ Потоцкій.

[2]) Гдѣ нанималъ квартиру въ Москвѣ А. Я. Булгаковъ.

ныхъ; долго ли съ брюхатою женщиною сдѣлаться бѣдѣ и испугаться. Хозяйка мнѣ говорила своимъ сладкимъ голосомъ: Mais, А. Я., prenez un petit chat seulement, et ils s'enfuiront tous.—Non, madame, отвѣчалъ я ей, pour des rats, comme les vôtres, il faudrait *un loup* et pas un petit chat, et même un loup très affamé et très courageux.

*

Семердино, 15 Мая 1820.

По благодарности, отданной въ приказѣ, вижу, что Государь былъ доволенъ парадомъ; эдакаго зрѣлища въ Москвѣ, а особливо въ Семердинѣ, не увидишь.—И такъ, Татищевъ не ѣдетъ въ Гишпанію. Желаю очень, чтобы ему дано было другое назначеніе, а тамъ уже ничему пособить нельзя: бомба лопнула. Жаль бѣднаго короля, который лично обожаетъ нашего Государя. Не надобно обманываться мнимымъ энтузіазмомъ, оказываемымъ ему народомъ или, лучше сказать, бунтовщиками. Несчастный Лудовикъ XVI никогда не слыхалъ столькихъ восклицаній, какъ въ тотъ день, какъ народъ его о . . . . или, что̀ тоже, надѣлъ на него трехцвѣтную кокарду. Вотъ что пишу я и Вяземскому, который все твердитъ: надѣюсь на Гишпанцевъ, надѣюсь, что они не обагрятъ кровью столь хорошаго начала. Будьте покойны, в. сіятельство, найдутся и тамъ Мараты и Робеспьеры! Такой мгновенный переходъ къ демократизму не естественъ, особливо въ народѣ, коего спѣсь слыла всегда пословицею. Я вижу по газетамъ, что многія провинціи противятся конституціи, что народъ нигдѣ ни во что не мѣшается, и что все дѣлается нѣсколькими людьми дерзкими, голыми, но умными. При сей Гишпанской оказіи прошу кланяться Дмитрію Павловичу и Юліи Александровнѣ, и напомнить ей, какъ мы ѣздили съ Шредеромъ и съ нею смѣяться Potier, и какъ она одинъ разъ скупила у Giroux всѣ игрушки. Что это за Черная рѣчка? Это не Калабрское Lago Nero, гдѣ мы въ домѣ г-на Ultra don Paolo Galotti узнали, что Robert Damas изволилъ ретироваться.

Не люблю Весталку. Въ Парижѣ восхищался декораціями и всѣмъ, кромѣ Весталки, а пѣла mad. Fay, и я радовался, когда стали ее закапывать въ мать сыру землю. Откуда взялась молнія, и Весталка сохранена на му́ку ушей нашихъ. Куда жаль, что оперная зала теперь закрыта въ Парижѣ и журналисты подпускають шуточки надъ залою Favart, которая не можетъ замѣнить Ришельевскаго театра. Тутъ любовался я Нинѣ Биготини. Я очень благодаренъ Рушковскому за доставленіе мнѣ Фр. газетъ. Съ тѣхъ поръ, что̀ я былъ у этихъ шутовъ, газеты еще сдѣлались для меня любопытнѣе. А ужъ подлинно шуты! Тебѣ, я чаю, недосугъ подробно читать пренія въ камерѣ. Я очень

смѣялся спорамъ, бывшимъ въ засѣданіи 27 Апрѣля. Дѣло шло о налогѣ на сахаръ. Наконецъ, министръ финансовъ входитъ на каѳедру и говоритъ: Il faudrait imposer d'autres denrées. Quel autre impôt substituer à celui du sucre? *En est-il un plus doux?* Каковъ балагуръ государственный! Всѣ разсмѣялись, а министръ какъ будто ста милліонами умножилъ государственные доходы. Avouez que notre ministre Gourieff est plus grave que cela. Ce serait digne tout au plus d' Александръ Львовичъ. Ежели увидишь Каталаншу или Боргондіо, кланяйся обѣимъ отъ меня, также и мужу первой, безподобному дураку *Валабрегу*. Зачѣмъ и съ кѣмъ поѣхалъ молодой Пушкинъ въ Крымъ? *) Хитровъ скоро кончилъ препорученіе свое, но хорошо ли? Вологодскую его ревизовку надобно было тогда опять перереревизировать. И нашъ Постниковъ пріѣхалъ опять играть въ бильярдъ въ камерѣ депутатовъ (такъ называютъ Аглицкій клубъ, а отдѣленіе—камера перовъ). Товарищъ его зайка Волконской поѣхалъ къ водамъ на Кавказъ. По твоимъ разсказамъ вижу, что Мартыновъ все тотъ же. Онъ работаетъ чрезвычайно скоро, ему бы дѣлать виды Петербурга и окрестностей, не чваниться, сбавить цѣны и продавать чужестранцамъ; всякій изъ нихъ, особливо министры при отъѣздѣ, стали бы покупать ихъ, какъ souvenir. Жаль бѣдную Мар. Любимовну: семья большая, а кто въ Парижѣ купитъ виды Петербургскіе? За эту же цѣну можно купить картину очень изрядную Вернета и другихъ живописцевъ. Я подпишусь на Свиньина изданіе. Въ деревнѣ все весело читать, а нѣтъ пустой книги, въ коей бы не нашлось что-нибудь хорошаго.

Вчера была у насъ свадьба въ деревнѣ. Я не имѣлъ понятія о всѣхъ этихъ церемоніяхъ; это умора, что за фарсы! Невѣсту какъ будто покупаютъ. Жениховы уполномоченные кладутъ гривенники на кусокъ хлѣба, а уполномоченные невѣсты не берутъ, говоря: Что̀ она уродъ что-ли? Она баба плотная, хорошая работница. Возьми свою гривну, гривну наживешь скоро, а невѣсту выкармливай 16 лѣтъ. Тамъ станутъ все прибавлять болѣе, а тамъ перепьются, а тамъ сговоръ, а тамъ и обрученіе, а невѣста все покрыта полотенцемъ и все воетъ какую-то женскую пѣсню. Сегодня приходили молодые, не съ конфетами, а съ яицами. Наши крестьяне всѣ предобрые. Сегодня подарилъ я одному новую избу, его вся развалилась отъ ветхости; надобно было видѣть его радость и благодарность. Мнѣ хочется, чтобы у всѣхъ были избы хорошія, и я ихъ выкрашу: тогда видъ на деревню будетъ прекрасный.

*

*) А. С. Пушкинъ былъ высланъ изъ Петербурга не въ Крымъ, а въ Екатеринославъ, 5 Мая этого 1820 года.

Семердино, 16 Мая 1820.

Бородачъ, принесшій мнѣ твой пакетъ изъ Троицкой экспедиціи[1]), не менѣе доволенъ меня: онъ придерживается нѣсколько горячаго, а я ему поднесъ стаканъ вина и подарилъ, кромѣ того, цѣлковый, прося его, однакожъ, напиваться всегда возвращаясь отъ меня домой, а не ѣдучи ко мнѣ. Старикъ пресмѣшной и не дуракъ. Я смѣялся его сумѣ, которая, кажется, еще старѣе его; онъ сталъ самъ шутить и увѣрять, что ей болѣе ста лѣтъ, и что ежели бы сложить всѣ деньги, употребленныя на ея починку, то можно бы было купить девять сумокъ, но не соблюдена бы была экономія.

Радъ я, что Дм. Павл. не имѣетъ болѣе на лбу аттестатовъ задумчивости своей; и еще болѣе, что не пускается за Пиренеи; въ этомъ путешествіи одно только пріятно—*перепутье*: можно между Рейномъ и Гаронною найти нѣкоторый городишко, въ коемъ время проводится не такъ-то скучно; оттуда, право, не захочется въ Мадридъ.

Тургеневъ такъ привыкъ спать, что до обѣда и во всякое время у него привычка, говоря, хлопать глазами и закрывать ихъ; il a l'air de dire: je veux voir si je pourrais dormir; mais comme ça ne va pas, il faut attendre que j'ai dise. Мы также нашли перемѣну въ немъ, т.-е. въ наружности, а душа все таже, а это главное. Спитъ, спитъ, да, наконецъ, и выспится; прошу же отдѣлаться отъ злого сердца! Скажи ему, что Шушка его стала здѣсь еще рѣзвѣе и часто объ немъ вспоминаетъ. Каподистрія будетъ жить на Каменномъ Острову; это вѣсть хорошая для Петербургскихъ жителей и для пріѣзжихъ.

По дѣломъ вору и му́ка! Хотя Тистльвуду[2]) и не бросятъ кошки въ лице, но я радъ, что ему надѣнутъ на шею орденъ веревки и завяжутъ покрѣпче. Злодѣяніе ихъ ужасно. Каково Кастльрегу читать въ газетахъ, что одни хотѣли, отрубя ему голову, *посолить* да сберечь въ банкѣ спиртовой, какъ рѣдкость? Я желаю, чтобы въ Англіи прибѣгнули къ тѣмъ же почти мѣрамъ, какъ и во Франціи: тогда всѣ господа либералисты согласились бы, что свобода тисненія, неограниченная, личная свобода и прочіе бирюльки вредны, ежели и умный, хладнокровный и любящій отечество свое Англичанинъ принужденнымъ нашелся ихъ отвергнуть. Называй насъ, какъ хочешь, а *счастливѣе* насъ нѣтъ никого въ Европѣ. Vous êtes mécontent, m-r, ai-je demandé à quelqu'un? Comment! Voulez vous donc que ce soit comme en Angleterre,

[1]) Т. е. съ почты изъ Сергіевскаго Посада, по близости котораго сельцо Семердино.
[2]) Извѣстный заговорщикъ, казненный въ Лондонѣ 9 Мая н. с. 1820 года.

en France, en Allemagne ou en Espagne? Laissez leur faire les expériences, et quand ils auront réalisé votre rêve, alors nous n'aurons que la peine de les imiter. На что̀ отвѣчалъ онъ очень утѣшительною пословицею: Souvent de l'excès de mal naît le bien; voyez Moscou, elle est plus belle que jamais. Beau raisonnement! Parce que votre femme est jolie, tuez la pour en épouser une plus jolie encore.

*

Семердино, 19 Мая 1820.

Сегодня Духовъ день (17-го), время прекрасное опять, и мы, вставъ рано, рѣшились ѣхать къ обѣднѣ къ Троицѣ, собрались вдругъ и пустились. Бо́льшую часть дороги ѣхали, но много шли и пѣшкомъ. Пріѣхали туда, стали пить чай; вдругъ заблаговѣстили, мы пошли къ обѣднѣ, отслушали, отпѣли молебенъ, потомъ шатались по монастырю. Народу было множество. Ванюшка состряпалъ намъ славный обѣдъ, поѣли плотно, накупили дѣтямъ игрушекъ и воротились сюда благополучно въ половинѣ шестого. Дѣти въ радости, и по цѣлой деревнѣ такая музыка, что хоть уши заткнуть: я накупилъ множество дудокъ и роздалъ по всѣмъ крестьянскимъ дѣтямъ; ребятишки бѣгаютъ, да кто кого передудитъ!

Я радъ, что и Марица довольна нотами, да и занимается ими, хотя и въ ущербъ твоихъ ушей. Je lui recommande le cotillon dédié à la pr Wiajemsky et qu'elle mette beaucoup du sentiment dans le commencement; quand madame Chimanofska le jouait elle-même, elle avait les yeux au septième ciel; il faut donc que Marie les ait au moins au troisième. Въ добавку Пушкинскаго анекдота о племянникѣ его, сообщалъ я тебѣ еще другой, коему поводомъ было сказанное С. Тургеневымъ que la révolution fait le tour du globe; но тутъ Вас. Льв. восторжествовалъ, и мнѣ не удалось его помистифировать.

Что ты мнѣ говоришь, помню ли я Кураева? Развѣ онъ не моимъ былъ камердинеромъ? И не эдакихъ славныхъ мужей помнятся имена и дѣянія! Только, какъ очутился онъ въ Кронштадтѣ? Я думалъ, что онъ батюшкою былъ посланъ на поселеніе, что, обокравъ тамъ колодниковъ, товарищей своихъ, онъ бѣжалъ въ Камчатку, откуда вплавь пустился на Курильскіе острова; что тамъ, сѣвши на Англійское судно, явился въ Лондонѣ, давъ себѣ имя Тистльвуда, сдѣлалъ заговоръ столь извѣстный. Я радовался, что бездѣльникъ этотъ будетъ, наконецъ повѣшанъ; а ты пишешь мнѣ, что онъ въ Кронштадтѣ и ожидаетъ освобожденія своего, какъ нѣкоего дара небеснаго. Безъ шутокъ странно, что Кураевъ въ Кронштадтѣ; но еще страннѣе, что онъ до сихъ поръ не повѣшенъ. Въ Москвѣ, когда буду, соберу свѣдѣнія и

тебѣ сообщу; а я тоже твоего мнѣнія отъ него отказаться, дать ему и свободу, но растолковать начальству, что нашъ рыжій Кураевъ прежде умѣлъ красть, нежели говорить и что онъ не уступитъ никакому Тистльвуду, Лувелю или Картушу. Кажется мнѣ, что покойный батюшка, не видя никакого средства его исправить, отдалъ его въ солдаты не въ зачетъ или отправилъ на поселеніе. Справлюсь въ Евсеѣ, архивѣ нашемъ. Ему всѣ домашніе анекдоты извѣстны.

*

Семердино, 21 Мая 1820.

Охъ жаль бѣды случившейся въ Царскомъ Селѣ! Для меня зданіе величаво и прекраснаго стариннаго вкуса; я все желаю, чтобы это было все исправлено, и чтобы Государь приказалъ все отдѣлать, точно какъ было прежде, чѣмъ и память этого несчастія изгладится. Но откуда взялся огонь въ куполѣ церкви? Это странно! Хорошо, что не ночью сдѣлался пожаръ. Ежели погорѣли деревья въ саду, то это деньгами не воротишь, на это надобно время.

Я свои билеты Скванчіевскіе отыскалъ. Не тутъ-то было! Угадалъ только 42000 №, но сотни, десятки и единицы не подходятъ къ моимъ; только тѣмъ утѣшаюсь, что часовщику бѣдному, а не Юсупову достался большой солитеръ. Эхъ Боргондіо, испугалась запаху Каталани! Давай Богъ ноги. Москвичи любятъ побѣжденныя трудности; но только теперь всѣ разъѣзжаются, а не всякій поѣдетъ нарочно въ Москву, чтобы дорого заплатить за двѣ или три аріи. Какъ время летитъ! Суворова, нѣкогда красавица, уже въ бабушки вступаетъ; того и гляди, что у насъ будутъ съ тобою внучки.

*

Семердино, 24 Мая 1820.

Время прекрасное, и мы, позавтракавши, поѣхали на славную Фряновскую фабрику, принадлежащую Лазареву и которая въ 6 верстахъ отъ насъ, а купилъ по содѣйствію Карнѣева гр. Потемкинъ, т. е. промѣнялъ за 700 душъ въ Калугѣ. Здѣсь 150 становъ, и доходу до 200 тыс. въ годъ; дѣлаютъ бархаты, парчи, штофы. Мы тутъ гуляли до 3 часовъ и воротились, какъ голодные волки, домой.

A propos, вотъ что пишетъ мнѣ Евсей о Кураевѣ: «Кураевъ посланъ былъ Яковымъ Ивановичемъ за побѣги изъ Бѣлоруссіи трехъ разъ, отданъ на каменную работу вѣчную; а въ *прочемъ* за нимъ никакихъ дѣлъ *не находилось* и ничего мнѣ *не состоитъ* въ вѣдомости моей!» Понимай это и разбирай какъ хочешь.

*

Семердино, 28 Мая 1820.

Благодарю за письмо отъ графа Ростопчина. Онъ пишетъ, что у нихъ теперь настоящій кризисъ между ультрами и либералистами. Вотъ четыре стиха прибитые ко дворцу тѣмъ человѣкомъ, котораго взяли подъ стражу, хотя Journal des Débats и говоритъ: ils sont si infâmes que la plume se refuse de les transcrire.

Précurseurs de notre vengeance,
Ces pétards que vous redoutez,
Tyrans! annocent à la France
L'échafaud que vous méritez.

Каковы господа Фафули? Графъ на приглашеніе короля новаго [1]), а особливо графа Семена Романовича, ѣдетъ въ Лондонъ, откуда возвратясь переберется во Флоренцію на житье.

*

Семердино, 1 Іюня 1820.

Кончилась теперь печальная церемонія; бѣднаго моего Володю повезли въ Хотьковъ монастырь, гдѣ онъ будетъ положенъ вмѣстѣ съ Варенькою. Надобно было посылать за гробомъ въ Москву, ибо порядочнаго по близости нѣтъ. Нарочный вчера очень поздно только воротился, и я былъ въ безпокойствіи, потому что тѣло начинало уже портиться. Сегодня въ 6 часовъ утра меня разбудили: приходскій священникъ явился. Володю вынесли тихонько во флигель, гдѣ его и отпѣли совсѣмъ, такъ что Наташа и не знаетъ ничего [2]). Жаль было разстаться съ милымъ этимъ мальчикомъ; къ тому же еще меня, право, растрогало участіе крестьянъ и всѣхъ дворовыхъ. Володя былъ очень счастливъ и всѣми любимъ, хотя и не очень любезничалъ. Сходство, которое всѣ у него находили съ покойнымъ батюшкою, дѣлало его еще драгоцѣннѣйшимъ для меня, но Божья воля была отнять его у насъ. Пусть она исполняется, а я не ропщу.

Ты сдѣлалъ глупость, но самъ себя выдаешь и каешься: то и не смѣю бранить. Какъ у тебя достаетъ время бывать у Чернышевой? И куда ее занесло? Къ Таврическому дворцу, т. е. въ Петербургскую Нѣмецкую Слободу.

Я очень радъ, что Государь изволилъ одобрить проектъ о дилижансахъ. Для бѣдняка не шутка ѣхать въ Петербургъ скоро, да и на рессорахъ. Иной безъ нужды раза два въ годъ съѣздитъ въ Петер-

[1]) Англійскаго короля Георга IV-го.

[2]) Супруга А. Я. Булгакова, Наталья Васильевна, была въ это время больна.

бургъ. Во 1-хъ дешево, во 2-хъ спокойно, а въ 3-хъ безопасно, въ 4-хъ скоро, въ 5-хъ въ компаніи. А l'ouvrage, г-нъ предсѣдательствующій, faites diligence et faites des diligences!

*

Семердино, 4 Іюня 1820.

Согласенъ я съ тобой, что Вяземскій очень милъ, только куда лѣнивъ онъ писать! Ежели бы я писалъ какъ онъ, я не покидалъ бы никогда пера. Тургеневъ такъ же милъ, какъ Вяземскій, да, кажется, хочетъ на него походить тѣми же пороками. Такой же лѣнивецъ! А дистракціи его безподобны. Потому только вспомнилъ, что у Потоцкой есть ноги, что въ тотъ же день, какъ дремалъ у тебя на балконѣ, ходилъ съ нею въ саду: это безподобно. Я очень любопытенъ знать, много ли соберетъ Каталани; а что она понравится, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: люди любятъ все, что̀ удивляетъ и что̀ пріѣхало издалека.

Въ одинъ день съ Володею умеръ въ Москвѣ Дм. Ив. Киселевъ. Это большая потеря для цѣлой семьи. Онъ былъ изворотливъ и заботился обо всѣхъ своихъ. Имѣнія почти нѣтъ, семья большая. Года три, какъ онъ все кряхтѣлъ и былъ боленъ безпрестанно. Но смерть бѣдной Марьи Ив. Высоцкой ужасна. Ей предписаны были фюмигаціи изъ air fixe, запрещено было строго имѣть огонь въ комнатѣ. Только она, находя, что не такъ что-то сдѣлано, велѣла дѣвкѣ посмотрѣть. Та принесла свѣчку, подошла слишкомъ близко къ больной и зажгла ее. Вся кожа слѣзла, и бѣдная Марья Ив. испустила духъ въ страшныхъ мученіяхъ, тогда какъ была надежда къ выздоровленію, потому что вышло было изъ тѣла ея болѣе 20 бутылокъ воды. Пишетъ также князь Петръ, что Конст. Марковичъ Полторацкій упалъ съ подмостковъ своего строенія, противъ дома Благороднаго Собранія и раздробилъ себѣ плечо, такъ что отчаеваются въ жизни его. Экія бѣды въ нашей Москвѣ!

Семердино, 6 Іюня 1820.

Вашимъ прощальнымъ обѣдамъ нѣтъ конца, но лучше, ежели бы не было начала отъѣзду дорогого Воронцова. Я понимаю, что ты очень будешь чувствовать его отсутствіе. У тебя маленькій кругъ знакомыхъ, но за то отборный, дружескій. Лучше такъ, нежели быть знакомымъ съ цѣлымъ городомъ; да тебѣ бы и подумать нельзя знаться со всѣми.

Я совершенно согласенъ съ тобою насчетъ казни Занда. Зачѣмъ дѣлать изъ этого государственное дѣло, и обманывать штудентовъ, ускоривъ время казни? Пусть бы любовались на смерть своего героя. Ренанъ мнѣ говорилъ, что онъ такъ, пустой мальчишка, который многихъ напрасно очернилъ и компрометировалъ; а старый одинъ про-

фессоръ во Франценсбруннѣ описалъ мнѣ его тоже, какъ героя и рѣдкаго человѣка, хуля однакоже его преступленіе. Однакоже по газетамъ кажется, что онъ умеръ съ твердостію; впрочемъ, человѣкъ съ обыкновеннымъ духомъ не пустился бы столь рѣшительно на злодѣйское такое предпріятіе.

За таблицу платы на станціяхъ, отъ одной до 40 лошадей, отъ одной до 40 верстъ—спасибо: это вещь нужная всякому путешественнику, и мнѣ скоро пригодится.

*

Семердино, 7 Іюня 1820.

Для меня задача, какъ и второй концертъ Каталани былъ такъ полонъ. Цѣна дорогая, но это показываетъ чрезмѣрную роскошь Петербурга; въ Москвѣ, гдѣ гораздо болѣе богатства, не сберетъ она, я думаю, столько, а тамъ хоть не ѣсть сутки, да ѣхать слушать Каталани! Желаю ей большихъ успѣховъ и барышей, потому что она добрая женщина и вездѣ поетъ въ пользу бѣдныхъ, да и нельзя у нея отнять великаго таланта. Мишо безподобенъ! Я его вижу отсюда, плачущаго и кричащаго: Angelina, grazie! Хоть и не понимаетъ, что значитъ «благодатный, и ты возвратился» *), но у него это все въ душѣ. Итакъ, я увижу добраго Воронцова въ Москвѣ; съ 1813 года лишенъ я сего удовольствія; познакомлюсь съ доброю его женою, которую всѣ очень хвалятъ. Это что за претензія? Не только Разумовской, но никому Каподистрію не уступай, да и ему самому вѣрно веселѣе у тебя, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ.

Благодарю Ванишу и тебя за кресла, но буду ли часто ими пользоваться? Захочется быть все съ тобою, да и спектакль, я думаю, не завидный у васъ; но все вѣрно лучше нашего Московскаго, гдѣ тотъ же актеръ и скачетъ, и смѣется, и поетъ, и пляшетъ. Нашъ жестокій Майковъ говоритъ больнымъ: хоть умри, да играй! Бѣдный Кондаковъ такъ и сдѣлалъ: игралъ больной въ Семирамидѣ, да и умеръ на сценѣ. А Майковъ сказалъ: Ну такъ что жъ? Я дамъ вдовѣ бенефисъ.

Перечитывая первую часть Записокъ Метаксы, которую переписалъ было на-бѣло для печатанія, дѣлалъ я много перемѣнъ и множество дополненій: описалъ подробнѣе Босфоръ и Царьградъ. Мнѣ хочется выбрать у тебя хорошенькій видъ Царьграда и гравировать, а во второй части будетъ видъ Неаполя; иной охотнѣе купитъ книгу, ради картинокъ, но она сама по себѣ очень будетъ занимательна. Я помню, что въ статьѣ Али-Паша я говорю, что нельзя ручаться, что-

---

*) Изъ стиховъ Державина на возвращеніе императора Александра изъ чужихъ краевъ.

бы этотъ придирчивый и честолюбивый человѣкъ, воспаля воображеніе свое славою и побѣдами Александра Македонскаго, не захотѣлъ соединить остатки древнихъ Греческихъ царствъ, отнявъ оныя у Порты и пр. Теперь читаю въ газетахъ, что Али-Паша возсталъ явно противъ Порты и хочетъ принять крещеніе, дабы склонить на свою сторону Грековъ. Того и гляжу, что Бетера поскачетъ къ нему, чтобы быть его министромъ иностранныхъ дѣлъ или фельдмаршаломъ.

Суббота 12 го.

Въ Москвѣ 9-го числа шелъ отъ 8 часовъ утра до 10 вечера проливной дождь. Много было бѣдъ, нѣсколько человѣкъ утонуло; потопило сады и огороды, сорвало плотины и мельницы, унесло мосты и пр. Одинъ буточникъ, видя себя окруженнаго водою, которая все подымалась, вскарабкался на трубу и, разбирая доски своей будки, тутъ же поставилъ себѣ плотъ, на которомъ пустился на Божью волю и очутился совсѣмъ въ другомъ кварталѣ. Въ народѣ необыкновенную эту воду приписываютъ необыкновенному происшествію, случившемуся наканунѣ, въ 12 верстахъ отъ Москвы по Можайкѣ. Всѣ туда бѣгутъ и всѣ объ этомъ только и говорятъ. Вотъ какъ я это слышалъ. Деревенская дѣвка приходитъ въ лѣсъ, дабы выполнить то, что̀ приказано ей было во снѣ ангеломъ. Она находитъ тутъ другую женщину, которую всячески старается выпроводить, дабы дѣлать свое дѣло, т.-е. копать землю и найти образъ Николая Чудотворца; но та сама ее всячески отводитъ. Наконецъ, дѣвка, наскуча говорить напрасно, открываетъ ей, что она видѣла сонъ, который ей велитъ нѣчто сдѣлать; но какое было ея удивленіе, когда женщина отвѣчаетъ ей, что она пришла именно также по велѣнію ангела и разсказываетъ (не зная подробностей сна другой) именно точно тоже? Да и не можетъ быть иначе, потому что онѣ, будучи изъ разныхъ мѣстъ, сошлись именно у березы, возлѣ которой, по сказанному ангеломъ, должна была быть верба и большой дикій камень. Все это нашлось, и обѣ женщины, по точному приказанію ангела, стали копать не лопатами, а колышкомъ и руками. Наскуча напраснымъ копаньемъ, пошли домой. Одна, однакоже, думала все объ этомъ и, увидя тотъ же сонъ, сказала отцу, который взялъ товарищей и пошелъ на мѣсто съ топорами и лопатами. Но земля была столь тверда, что лопаты ломались. Мужики пошли домой, а отецъ сказалъ дочери: дѣлай сама какъ знаешь, а мы пойдемъ домой. Дѣвка, не находя того сопротивленія, продолжала работу и дѣйствительно нашла образъ Николая Чудотворца, взяла было его, но такъ испугалась, увидя выступившую изъ-подъ него воду, что бросила и ушла домой. Сказала отцу; онъ упре-

калъ ей, что не принесла образа домой, пошелъ съ нею за нимъ и нашелъ тутъ образъ плавающимъ на водѣ, составившей порядочный ручей. Отецъ перекрестился, приложился къ образу, выпилъ воды и умылся въ ней. У него болѣла давно рука, и онъ тотчасъ почувствовалъ облегченіе. Это разнеслось; народъ сталъ туда бѣгать и пить оной воды, говорить объ исцѣленіяхъ членовъ и пр. Дошло до Серафима[1]), который вытребовалъ къ себѣ эту дѣвку съ отцомъ, слушалъ ея разсказы, послалъ на мѣсто изслѣдовать. Сказываютъ, что мнѣніе преосвященнаго построить на этомъ мѣстѣ церковь. Все это довольно странно, но не сверхъестественно, то-есть основаніе; ибо полагаю, что многое прибавлено. Когда узнаю что-нибудь основательнаго, тебѣ напишу, а теперь сообщаю какъ самъ слышалъ.

*

Москва, 13 Іюня 1820.

Надобно тебѣ разсказать всѣ мои вчерашнія похожденія. Воронцовъ живетъ не въ своемъ домѣ, а у князя Ѳедора Голицына. Я туда—дома нѣтъ, скоро будетъ. Я опять къ нему въ два часа: былъ, да поѣхалъ въ Грановитую Палату. Экая досада! Уже пора обѣдать. Поѣхалъ къ Чижику, куда вскорѣ явился и Воронцовъ. Очень мы другъ другу обрадовались, но не могли тутъ путно поговорить. Я въ восхищеніи отъ графини: c'est une figure dans mon genre, avec des traits assez gros; elle a quelque chose d'enchanteur, de bon, de bienveillant. Первое слово о тебѣ. Обѣдъ задалъ Чижикъ [2]) царскій (безъ 4-хъ сотенъ не обошлось, ежели не болѣе). Кушанье, вина и фрукты дивные, мороженое, ликеры, конфекты, однимъ словомъ, всѣ гонёры! Даже музыка играла и пѣвчіе пѣли. Пили Шампанское; одинъ князекъ наливалъ графу, а другой графинѣ. Обѣдали: Léon de Yacovleff [3]), князь Петръ, Рушковскій, Митюша N, Бальменша, генералъ Титовъ, Сачи, человѣкъ съ 20. Много говорили о дилижансахъ. Титовъ хочетъ, чтобы его теперь же вписали къ первому отправленію дилижанса. Левъ сталъ шутить, что уже первое мѣсто имъ выговорено, а Титовъ отвѣчаетъ: нѣтъ, братецъ, еще тебѣ надобно прежде писать, да кланяться князь Дмитрію Ивановичу [4]), да просить у него отпускъ. Воронцовъ хотѣлъ быть ко мнѣ, чтобы видѣть Наташу, которая отъ усталости не могла обѣдать у Голицыныхъ, но я его отговорилъ, зная, что пропасть у него дѣлъ передъ отъѣздомъ, а условились, что ввечеру у него буду.

---

[1]) Тогдашняго Московскаго (позднѣе Петербургскаго) митрополита.

[2]) Т. е. князь Сергѣй Ивановичъ Голицынъ.

[3]) Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ (дядя Герцена).

[4]) Т. е. министру юстиціи, князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

Экое горе! Не дают писать. Я было принялся, явился Лукьянъ*), и просидѣлъ болѣе часа. Очень сталъ хилъ и почти не видитъ. Ввечеру былъ у меня тесть; стали садиться ужинать, я оставилъ тамъ жену, а самъ поѣхалъ къ Воронцову, нашелъ его въ рубашкѣ: писалъ въ ту минуту къ тебѣ, запечаталъ пакетъ и отдалъ мнѣ, для доставленія тебѣ. Другое письмо отъ графини. Ну, братъ, наговорился я тутъ съ ними досыта. Я короче съ нею познакомился: прелестная женщина, и мы тотчасъ поладили. Они тебя любятъ душевно, о тебѣ болѣе и рѣчь была. Во второмъ часу заѣхала за мною Наташа. Онъ, узнавъ, что она тутъ, накинулъ скорѣе сюртукъ на себя и выбѣжалъ къ ней на улицу. Тутъ мы распрощались: онъ въ 5 часовъ утра поѣхалъ сегодня въ Андреевское, откуда возвратится въ Генварѣ. Къ этому дню буду я опять здѣсь. Воронцовъ нашелъ меня гораздо лучше, нежели въ 1813 году; да я подлинно началъ было опять процвѣтать, но Володина болѣзнь и смерть очень меня разстроили. Авосьлибо это послѣднее огорченіе, и я въ Петербургѣ ворочу все, что́ здѣсь потерялъ въ это несчастное время.

Здѣсь только и разговору, что о дѣвкѣ, видѣвшей сонъ; она сидитъ въ тюрьмѣ, и тамъ всякій день страшная толпа любопытныхъ ее видѣть. Иные говорятъ, что она научена какимъ-то священникомъ и дьячкомъ, кои на мѣстѣ собираютъ вклады на церковь; другіе, что она невинна и подлинно видѣла сонъ, что̀ очень быть можетъ. Дѣло еще разбирается, и обо всемъ репортовано Кочубею; но толпа, идущая и ѣдущая на Можайскую дорогу, все не убавляется, и всякій день новые разсказы о чудесахъ, сдѣланныхъ водою тою. И теперь Лукьянъ разсказывалъ, что купчиха одна, страдавшая родильницею, исцѣлилась. Тесть мой ѣздилъ туда и говоритъ, что болѣе 3000 народа. Княгиня Багратіонова, больная, послала за водою, а мужъ все носитъ этой воды въ карманѣ. Чѣмъ-то все это кончится? А народъ здѣсь болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, любитъ чудесное, особливо какъ замѣшается тутъ и богомолье. Съ Воронцовыми, между прочимъ, много толковали мы о Каталани. Графиня въ восторгѣ отъ нея, но и Воронцовъ того же мнѣнія, что́ и я (soit dit en secret), что нѣтъ пріятности въ голосѣ, который скорѣй можно назвать инструментомъ; но со всѣмъ тѣмъ радъ бы ее слушать еще у васъ, а въ Москвѣ не удастся. Сонная дѣвка, Каталани, наводненіе и дилижансы— вотъ предметы общихъ разговоровъ въ городѣ. Всѣ хозяева чинятъ, бѣлятъ, чистятъ домы къ Государеву пріѣзду. Городъ очень украшается. Земляные валы около Китая срыты. Теперь, ѣдучи въ Ильинскіе ворота, на обѣ стороны площади видишь, а налѣво прелестный

*) Не Лукьянъ ли Павловичъ Яковлевъ?

видъ на Москву-рѣку, и все Замоскворѣчье теперь открыто. Да и наша Слобода теперь начинаетъ отстраиваться, но дома все мелкіе.

*

Москва, 14 Іюня 1820.

Воронцовъ мнѣ пересказалъ все, что̀ касается до васъ, и нельзя сомнѣваться въ успѣшномъ окончаніи. Также сказывалъ онъ мнѣ о касающемся до графа Ростопчина, коему король сказалъ: c'est une punition que je vous inflige pour vous être si longtems refusé à venir à Londres. Lawrence будетъ его писать.

Жаль бѣдную Малышеву: въ бытность мою въ Парижѣ она уже была больна. Впрочемъ, всѣ пошли по матери; ты помнишь, что прекрасная Каверина умерла въ чахоткѣ; старшая дочь, бывшая за Олсуфьевымъ, и другая въ дѣвушкахъ также; теперь еще больна тѣмъ же послѣдняя, меньшая, и всѣ одна другой лучше. Чахоточнымъ, кажется, въ Англіи запрещается идти замужъ, и законъ этотъ прекрасный.

Наконецъ, я сегодня видѣлъ Волкова рано поутру, долго у него сидѣлъ; онъ послалъ къ тебѣ il decreto siggilato и жалѣетъ, что печать такъ проста и подла; на ней вырѣзанъ только вензель Благороднаго Собранія. Я любовался отдѣлкѣ и устройству ордонансъ-гауза, который прежде бывалъ хуже всякой конюшни. Писаря сперва какъ собаки спали, гдѣ случится: подъ столомъ, на сундукѣ, на полу. Теперь у всякаго своя кровать съ тюфякомъ, подушками, одѣялами, стулъ, столъ, шкафчикъ. Прежде ѣли кто лукъ, кто хлѣбъ, а кто ничего; теперь заведена артель, сдѣлана столовая особенная, учебная комната, гдѣ книги, карты и пр.; все это стоитъ Государю ничего. Право, весело служить у такого начальника. Зато и любятъ его какъ отца, хотя онъ съ нѣкотораго времени и сталъ очень строгъ. Я знаю еще *другого* такого же начальника, который тоже принялся за строгость, и спасибо ему за это. Свѣтъ наполненъ его добрымъ сердцемъ, однимъ добромъ дышащимъ; но пусть знаютъ, что онъ добръ для добрыхъ, а для дурныхъ самъ дуренъ.

У Щ . . . ва, нашего бывшаго соперника, есть дочь 16 лѣтъ, прелестная собою и, казалось, святое дитя; но въ тихомъ омутѣ черти водятся: она бѣжала съ какимъ-то Радичемъ, вторымъ томомъ Буянова, который ее увезъ и скрылся неизвѣстно куда. Говорятъ, что они обвѣнчались, и желательно, чтобы это было правда. Отецъ и мать ей написали, что проклинаютъ; но дѣло уже сдѣлано. Князь Александръ все въ Малороссіи и отъ стыда сюда не ѣдетъ. Видно, дочь въ матушку.

*

Семердино, 19 Іюня 1820.

J'ai reçu un très aimable lettre de Worontzoff avant son départ de Moscou; il m'assure que sa femme m'aime autant que moi je l'aime. Je ne vois pas que cela puisse être, mais cela fait plaisir à entendre. Она обѣщается писать изъ Бѣлой Церкви. Жаль, что Алекс. Львовичъ ѣдетъ, а Марья Алексѣевна несносна своими претензіями всякаго рода. Разъ въ Москвѣ со мною побранилась за то, что тотчасъ я къ ней не явился. Я все молчалъ, какъ столбъ; она врала, врала! Наконецъ, самой стало стыдно, и я къ ней пересталъ ѣздить. Въ бытность Государя въ Москвѣ она сама подошла ко мнѣ и задрала разговоръ Неаполемъ, зная, что я его очень люблю. Celle-là abuse de la permisson d'être capricieuse.

Въ Москвѣ говорятъ, что Дурасовъ идетъ прочь, и что князь Дм. Волод. ожидаетъ меня, чтобы атаковать идти на его мѣсто; но я не пойду въ губернаторы съ 25.000 р. жалованья; а 25.000 р. дохода, право, составили бы мое благополучіе. Желанія мои очень умѣренны, но я никогда не возмусь за то, что не выполню съ отличіемъ. Чтобы за чертями смотрѣть, надобно быть черту самому, знать ихъ пакости и уловки. Князь силъ своихъ не жалѣетъ; служба, конечно, выигрываетъ, но злоупотребленій онъ не искоренитъ: поле слишкомъ пространно и слишкомъ заросло крапивою.

Забылъ я тебѣ сказать, что у Троицы наѣхали мы Сакена *), но я его видѣть не могъ: онъ былъ у ректора и осматривалъ Лавру подробно. Поѣхалъ въ Александровъ, смотрѣть корпусъ графа Толстого.

---

*) Т. е. князя Сакена, бывшаго Парижскаго губернатора.

УЧЕНІЕ СЛАВЯНОФИЛОВЪ *).

Москва, 12 Апрѣля.

Свободная воля, данная Богомъ—вотъ отличіе человѣка отъ бездушной природы, вотъ что образуетъ изъ него существо нравственное. Для природы нѣтъ нравственнаго вопроса, но для человѣка онъ существуетъ вслѣдствіе свободной воли, которая можетъ сдѣлать его и добрымъ и злымъ, и уронить и возвысить. Отсюда безконечная дѣятельность духа человѣческаго, вѣчное стремленіе впередъ, вѣчное созиданіе себя. Отсюда эта смѣсь свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ въ человѣчествѣ и человѣкѣ. Для человѣка, какъ бы низко ни палъ онъ, всегда есть возможность подняться, лишь бы воля въ немъ не переставала дѣйствовать. Всего хуже, апатія, усыпленіе, уныніе, отсутствіе воли; тогда теряетъ человѣкъ свое значеніе и достоинство.

Нравственный подвигъ жизни предлежитъ не только человѣку, но и народамъ,—и каждый человѣкъ, и каждый народъ совершаютъ его непремѣнно *самостоятельно;* въ противномъ случаѣ не совершаютъ вовсе. Самостоятельность каждаго не исключаетъ возможности взаимнаго согласія, но, разумѣется, согласія свободнаго, независимаго. Гдѣ же нѣтъ самостоятельности духа, тамъ рабство духа и подражательность; тамъ нѣтъ дѣятельности, а одна суетливость.

Нравственное дѣло должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней принудительной силы. Ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ вторженіе грубой силы въ нравственные вопросы. Тамъ, гдѣ грубая сила думаетъ подкрѣпить истину, она подрываетъ ее, ибо вноситъ сомнѣніе въ ея собственной, внутренней силѣ; такъ что лучше для истины имѣть грубую силу себѣ врагомъ, чѣмъ сподвижницей.

*) Ученіе такъ называемаго славянофильства, имѣющаго столь важное *историческое* значеніе, нигдѣ не изложено такъ послѣдовательно и ясно, какъ въ краткихъ передовыхъ статьяхъ газеты „Молва", которую издавалъ въ Москвѣ С. М. Шпилевскій. Статьи эти безъ подписи. Можно думать, что писалъ ихъ К. С. Аксаковъ; но въ собраніи его сочиненій ихъ нѣтъ. „Молва", выходившая еженедѣльно съ 13 Апрѣля по 28 Декабря 1857 года, нынѣ принадлежитъ къ числу книжныхъ рѣдкостей. Читатели не посѣтуютъ на эту перепечатку. П. Б.

Одно есть оружіе нравственной истины—это свободное убѣжденіе, это—*слово*. Вотъ единственный мечъ духа. Вспомнимъ прекрасные стихи поэта, обращенные къ человѣку:

И ты, когда на битву съ ложью
Идешь за правду думъ твоихъ,
Не налагай на правду Божью
Гнилую тяжесть латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула—ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ;
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ *).

Слово—это знамя человѣка на землѣ. Созданное изъ звука самимъ человѣкомъ, все проникнутое сознаніемъ, оно одухотворяетъ міръ видимый, воплощаетъ міръ невидимый. Здѣсь-то, въ этой области слова, достойно совершается, или совокупное стремленіе человѣчества, или борьба мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда искатели истины спорятъ и разнорѣчатъ между собою.

Споръ и борьба—это неотъемлемая принадлежность самостроющагося человѣчества. Люди ищутъ истины, и ищутъ ее розно. Не всякій взоръ одинаково ясенъ; не всякій взоръ устремленъ въ одну сторону; много есть добросовѣстныхъ заблужденій, ложныхъ толкованій и разныхъ искаженій. Самый свѣтъ Божественной истины Христіанской иногда смутно и невѣрно отражается въ туманахъ неяснаго пониманія, въ умѣ, возмущенномъ страстями. Отсюда идетъ въ человѣчествѣ борьба но эта борьба мыслей, повторяемъ, должна совершаться лишь въ области свободнаго убѣжденія, въ области слова.

Въ нашемъ отечествѣ также идетъ умственная борьба, также сталкиваются убѣжденія.

Выходя на поприще общественнаго слова, мы тѣмъ самымъ уже беремъ на себя долгъ высказывать наши убѣжденія откровенно и прямо, и стремиться къ ихъ возможно-полному и ясному проявленію.

У насъ въ литературѣ еще недовольно цѣнятъ достоинство слова, и встрѣчаются примѣры не совсѣмъ приличнаго съ нимъ обращенія. У насъ не всѣ понимаютъ, что добросовѣстное глубокое убѣжденіе уже по однимъ этимъ качествамъ всегда заслуживаетъ уваженія. Какъ скоро оно ошибочно, оно требуетъ добросовѣстнаго опроверженія, требуетъ спора дѣльнаго, а не выходокъ, отличающихся неприличнымъ тономъ, дешевыми грубыми насмѣшками, и сверхъ того часто наполненныхъ разными искаженіями и клеветами, взводимыми на противника. Преслѣдованіе и негодованіе могутъ возбуждать лишь неправда, недобросовѣстность и всякія лживыя притязанія.

*) Это—измѣненные нѣсколько стихи Хомякова: „Давидъ“. П. Б.

Пожелаемъ же, чтобы наша общественная борьба, совершающаяся въ словѣ, приняла вездѣ приличный видъ, достойный нравственнаго значенія человѣческой мысли.

Мы не отвергаемъ шутки, не отвергаемъ даже насмѣшекъ, эпиграммъ, сарказмовъ; но все это можетъ быть въ предѣлахъ приличія, а главное: вездѣ должна быть добросовѣстность; мнѣнія противниковъ не должны быть искажаемы.

Въ нашемъ общественномъ сознаніи есть воззрѣнія, есть направленія, есть слѣдовательно знамена, есть борьба. Странно было бы отвергать это. Странно также было бы желать какого-то сближенія между противоположными сторонами. Когда сойдутся въ мысляхъ совершенно свободно, тогда сблизятся; не сойдутся—не сблизятся. Но никакихъ уступокъ въ своихъ убѣжденіяхъ, ради сближенія, быть не должно. Это было бы смѣшеніе и взаимное ослабленіе, въ пользу какого-то нравственнаго комфорта и умственной лѣни. Нѣтъ, пусть каждая сторона, безъ всякой насильственной уступки и безъ всякого насильственнаго упорства, исчерпаетъ всѣ силы свои, всю глубину своей мысли; тогда можетъ явиться полная и окончательная побѣда, тогда борьба можетъ дойти до яснаго и плодотворнаго результата.

Благословимъ же борьбу! Пусть будетъ она крѣпка, безпощадна, честна и добросовѣстна.

*

Москва, 19 Апрѣля.

Народъ есть та великая сила, та живая связь людей, безъ которой и внѣ которой отдѣльный человѣкъ былъ бы безполезнымъ эгоистомъ, а все человѣчество—безплодною отвлеченностью. Разъединяющій эгоистическій элементъ личности умѣряется высшимъ началомъ живого союза народнаго, другими словами: великодушіемъ общиннаго элемента. Въ общинномъ союзѣ не уничтожаются личности, но отрекаются лишь отъ своей исключительности, дабы составить согласное цѣлое, дабы явить желанное сочетаніе всѣхъ. Онѣ звучатъ въ общинѣ, не какъ отдѣльные голоса, но какъ хоръ.

Община, этотъ высшій нравственный образъ человѣчества, является въ несовершенномъ видѣ на землѣ. Христіанство освятило и просвѣтило общину, дотолѣ неясно сознаваемую или предчувствуемую народами. И община стала идеаломъ недосягаемымъ, къ которому предстоитъ вѣчно стремиться. Уже великая заслуга въ томъ, какъ скоро поставленъ такой идеалъ и къ нему стремятся. Невозможность достигнуть полнаго осуществленія общины на этой землѣ не должна

останавливать. Нельзя быть совершеннымъ христіаниномъ, но дѣло человѣка—вѣчно стремиться къ этому идеалу.

Начало общины есть, по преимуществу, начало Славянскаго племени и въ особенности Русскаго народа, давшаго ему кромѣ слова община (вполнѣ Русскаго, но нѣсколько книжнаго) иное, жизненное наименованіе: *міръ*.

Въ народѣ необходима самодѣятельность. Нравственный подвигъ народа совершается всѣмъ народомъ. Странно было бы, въ этомъ случаѣ, раздѣленіе народа на ведущихъ и ведомыхъ. Точно: инымъ дается сила вразумленія, а другимъ сила вниманія; но это не люди распредѣляютъ, а Провидѣніе. Къ тому же внимающій не есть бѣлая бумага, которая не знаетъ и не судитъ о томъ, что̀ на ней пишутъ. Внимающій много даетъ вразумляющему; онъ нерѣдко вдохновляетъ его. И говорящій и слушающій дѣлаютъ одно общее дѣло, одинъ—разумно передавая, а другой—разумно принимая; ихъ связуетъ одна общая идея, переходящая отъ одного къ другому и уравнивающая ихъ. Таже связь въ болѣе частномъ видѣ существуетъ между писателемъ и читателемъ, какъ было это высказано печатно въ одномъ Русскомъ журналѣ въ началѣ прошедшаго года. Лишь дары Провидѣнія не передаются, а истина—достояніе общее. Но дары, скрытые нѣкоторое время, могутъ раскрыться. Внимающій, какъ скоро пробуждается въ немъ даръ слова, становится вразумляющимъ. Изъ этого взаимнаго безпрепятственнаго обмѣна мыслей, изъ перемѣннаго даянія и принимания, слагается общій нравственный подвигъ народа.

*

Москва, 26 Апрѣля.

Просвѣщеніе—вотъ цѣль человѣка. Самое слово: просвѣщеніе, объясняетъ его смыслъ. Это озареніе, проникновеніе свѣтомъ. Возвышенное стремленіе къ свѣту изъ мрака есть свойство нравственной природы человѣческой, есть жажда безсмертной души. Кто захочетъ незнанія, кто захочетъ тьмы!... Точно такъ же, какъ солнце есть общее достояніе, такъ точно просвѣщеніе есть достояніе всѣхъ людей.

Непонятенъ страхъ просвѣщенія. Это тоже, что̀ страхъ свѣта. Но свѣта истина не боится: только ложь ищетъ тьмы. Тотъ слабо вѣритъ, кто думаетъ, что вѣра крѣпка невѣжествомъ. Шатко то убѣжденіе, которое боится гласности, ищетъ опоры для себя въ устраненіи противорѣчій. Истина сама есть свѣтъ; она, какъ солнце, не требуетъ *для себя* свѣта. Пусть разсѣятся только туманы, её облегающіе, и солнце истины засіяетъ всѣми лучами своими.

Но что же значитъ озариться свѣтомъ? Что значитъ просвѣщеніе?

Просвѣщеніе не есть лишь одно пріобрѣтеніе, добытыхъ другими, свѣдѣній и знаній. Можно ли назвать человѣка, наполнившаго свою голову одними свѣдѣніями, человѣкомъ просвѣщеннымъ? Нѣтъ, этого еще мало; это еще не просвѣщеніе. Человѣкъ похожъ тогда на шкапъ съ книгами; но какая польза шкапу отъ того, что въ немъ стоятъ ученыя, исполненныя истинъ, книги? Можно ли назвать шкапъ—просвѣщеннымъ?

И такъ, мало одного простого пріобрѣтенія знаній. Нужно, чтобы отъ того произошла перемѣна въ самомъ человѣкѣ; необходима его собственная дѣятельность, пріемлющая, цѣнящая и владѣющая этими знаніями; нужна производительная сила ума; нужно, чтобъ знанія лежали, не какъ зерна на пескѣ, но привели бы въ движеніе почву и дали плодъ.

Эта производительная сила ума есть его главная сила; безъ нея, умъ—одно вмѣстилище знаній, неподвижно лежащихъ въ немъ, знаній, которыя можно показывать, какъ библіотеку, но не болѣе. Такое просвѣщеніе безсильно. Рядомъ съ такимъ просвѣщеніемъ, невѣжество (не по убѣжденію, но по случайнымъ обстоятельствамъ), исполненное производительной самородной силы и только ждущее, чтобъ плодотворно ороситься благодатнымъ дождемъ духовнаго посѣва, — радуетъ болѣе душу.

*

Москва, 3 Мая.

Россія!.. Какія разныя ощущенія пробуждаетъ это имя въ цѣломъ мірѣ. Россія, въ понятіи Европейскаго Запада,—это варварская страна, это страшная, только матеріальная сила, грозящая подавить свободу мысли, просвѣщеніе, преуспѣяніе (прогрессъ) народовъ. Для Азіатскаго Востока Россія—это символъ грознаго величія, возбуждающаго благоговѣніе и невольно привлекающаго къ себѣ Азіатскіе народы. Для Америки имя Россіи знаменуетъ крайнюю ей противоположность, но въ тоже время самобытное, юное государство, которому, вмѣстѣ съ нею, принадлежитъ будущность міра. Еще иначе отзывается это великое имя въ сердцахъ и Греческаго и Славянскихъ народовъ. Оно возбуждаетъ въ нихъ ничѣмъ непобѣдимое сочувствіе единовѣрія и единоплеменности, и надежду на ея могущественную помощь, на то, что, въ Россіи или чрезъ Россію, рано или поздно, прославитъ Богъ, предъ лицемъ всего свѣта, истину вѣры православной, и утвердитъ права племенъ Славянскихъ на жизнь общечеловѣческую.

Но какъ отзывается это драгоцѣнное имя въ насъ самихъ? Россія... это имя отзывается разно и въ сердцахъ Русскихъ людей. Исключаемъ простой народъ; онъ и Россія—одно; онъ есть разумная стихія Россіи. Мы говоримъ о себѣ, о такъ называемыхъ образованныхъ или переобразованныхъ Русскихъ. Разно звучитъ имя Россіи и въ ихъ сердцахъ... Одни говорятъ, что Россія создана Петромъ, что она начала жить человѣческою жизнію только полтораста лѣтъ, что до Петра это была какая-то грубая, дикая масса, представлявшая одно броженіе безъ мысли, не имѣвшая въ себѣ своихъ задатковъ жизни, своихъ началъ, своего пути и стремленія, шатавшаяся изъ стороны въ сторону; что надъ этимъ хаосомъ раздалось повелительное слово Петра: «да будетъ»! что, по мановенію державнаго Преобразователя, Россія воспріяла жизнь, заимствованную имъ отъ Западной Европы. Вся исторія до-Петровская является, въ глазахъ ихъ, чѣмъ-то ненужнымъ, годнымъ лишь для возвеличенія дѣлъ Петровыхъ. Другіе напротивъ думаютъ, что Россія до-Петровская имѣла (не могла не имѣть) свои начала, свой путь, свое стремленіе, что эти древнія начала суть залогъ ея преуспѣянія въ будущемъ, что живая связь съ стариною, съ преданіемъ необходима; что, лишенное корня, дерево не приноситъ плодовъ, а можетъ только походить на тѣ дѣтскія игрушечныя деревья, на вѣтвяхъ которыхъ натыканы плоды, созрѣвшіе на иныхъ живыхъ вѣтвяхъ; что такія наружныя украшенія не прочны и могутъ веселить только дѣтскіе взоры; что для своего просвѣщенія, для оживленія и преуспѣянія (прогресса), Россія должна обратиться, не къ формамъ конечно, но къ своимъ древнимъ основнымъ началамъ, къ жизненнымъ сокамъ корней своихъ. Это уже невозможно для срубленнаго дерева, но для человѣка, и слѣдовательно народа, къ счастію, это возможно.

Вслѣдствіе такого двойного пониманія, являются и два направленія, оба желающія блага Россіи, но разно её понимающія,—направленія, между которыми идетъ борьба мысли, въ той или другой умственной сферѣ, широко обхватывая собою и бытъ, и языкъ, и исторію, и всѣ области разумной жизни человѣка. Одно направленіе извѣстно подъ неточнымъ именемъ Западнаго, другое — подъ неточнымъ именемъ Славянофильскаго.

Всѣмъ сердцемъ отвергая первое направленіе, всѣмъ сердцемъ слѣдуемъ второму.

*

Москва, 10 Мая.

Народность есть личность народа. Точно такъ же, какъ человѣкъ не можетъ быть безъ личности, такъ и народъ безъ народности. Если же и можетъ встрѣтиться человѣкъ безъ личности, народъ безъ народности, то это явленіе жалкое, несчастное, безполезное и себѣ и другимъ. Личность не только не мѣшаетъ, но она одна и даетъ возможность понять вполнѣ и свободно другого человѣка, другія личности. Такъ точно и народность одна даетъ возможность народу понять другія народности. Гдѣ исчезаетъ она, - тамъ исчезаетъ, матеріально или нравственно, самъ народъ. Народность—это есть живая, цѣльная сила, имѣющая въ себѣ нѣчто неуловимое, какъ жизнь. И духъ, и творчество художественное, и природа человѣческая, и даже природа мѣстная, все принимаетъ участіе въ этой силѣ. Народная пѣсня, какъ бы ни была она доступна всему остальному человѣчеству, все-таки отзовется чѣмъ-то особеннымъ въ душѣ того человѣка, для котораго она своя, народная пѣсня.

Иные скажутъ: народность ограниченна, въ ней можетъ быть исключительность. Но исключительность есть уже злоупотребленіе. Для того, чтобъ избавиться отъ народной исключительности, не нужно уничтожать свою народность, а нужно признать всякую народность.

Да, нужно признать всякую народность; изъ совокупности ихъ слагается обще-человѣческій хоръ. Народъ, теряющій свою народность, умолкаетъ и исчезаетъ изъ этого хора. Поэтому нѣтъ ничего грустнѣе видѣть, когда падаетъ и никнетъ народность, подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, подъ давленіемъ другого народа. Но въ тоже время какое странное и жалкое зрѣлище, если люди сами не знаютъ и не хотятъ знать своей народности, замѣняя ее подражаніемъ народностямъ чуждымъ, въ которыхъ мечтается имъ только обще-человѣческое значеніе!

Каждый народъ пусть сохраняетъ свой народный обликъ (физіономію): только тогда будетъ имѣть онъ и человѣческое выраженіе. Неужели же захотятъ сдѣлать изъ человѣчества какое-то отвлеченное явленіе, гдѣ бы не было живыхъ, личныхъ, народныхъ чертъ? Но если отнять у человѣчества личныя и народныя краски, то это будетъ безцвѣтное явленіе, до котораго можно дойти только чрезъ отвлеченное представленіе о безразличномъ человѣчествѣ, чрезъ искусственное собраніе правилъ, подъ которыя народъ долженъ подводить себя, стирая притомъ свою народность. Это будетъ уже своего рода офиціальное,

форменное, казенное человѣчество. По счастію, оно невозможно, и идея его можетъ явиться только какъ крайняя, и притомъ нелогическая отвлеченность въ умѣ человѣческомъ.

Нѣтъ, пусть свободно и ярко цвѣтутъ всѣ народности въ человѣческомъ мірѣ; только онѣ даютъ дѣйствительность и энергію общему труду народовъ.

Да здравствуетъ каждая народность!

*

Москва, 17 Мая.

Впередъ! Стремитесь, не слабѣя, не останавливаясь, все далѣе и далѣе впередъ!

Съ полнымъ убѣжденіемъ произносимъ слова эти, слова стремленія и дѣятельности. Но одного чувства, убѣжденія мало для человѣка, ему нужно ясное пониманіе, отчетъ мысли.

Что значитъ *впередъ?* Есть ли это только движеніе далѣе и далѣе, не разбирая пути, на которомъ стоитъ человѣкъ? Въ такомъ случаѣ человѣкъ былъ бы, какъ бы метательнымъ орудіемъ какой-то имъ владѣющей силы, которая мчитъ его куда-то; человѣкъ не былъ бы свободенъ, не имѣлъ бы суда надъ собою, не владѣлъ бы своимъ направленіемъ. Если путь ложенъ и ведетъ его къ заблужденіямъ, долженъ ли онъ стремиться впередъ? Не долженъ ли онъ стать на иной путь, какъ скоро ясно ему стало, что онъ не туда идетъ?

И такъ, человѣческое *впередъ!* не значитъ все далѣе и далѣе, куда бы то ни было, по одной чертѣ, разъ (хотя и ошибочно) избранной. *Впередъ къ истинѣ!* прибавимъ мы, и это прибавленіе освобождаетъ насъ отъ тѣснаго, путевого пониманія *впередъ!* Здѣсь уже нѣтъ рабскаго слѣдованія пути, разъ избранному. Здѣсь одна цѣль—истина. Одинъ путь хорошъ, который ведетъ не отъ нея, а къ ней. Если путь ложенъ, то человѣкъ не затруднится его бросить и вступить на иной путь.

Очень часто стремленіе *впередъ къ истинѣ* можетъ не сходиться съ стремленіемъ *впередъ* по одной дорогѣ, ибо дорога можетъ быть ложна.

Не разъ слышалось обвиненіе на Славянофиловъ, что они хотятъ возвратиться назадъ, не хотятъ идти впередъ. Но это обвиненіе несправедливо, и оно разрѣшается отчасти тѣмъ, что̀ сейчасъ нами сказано. Если понимать *впередъ* и *назадъ*, безъ отношенія къ истинѣ, тогда

и то и другое стремленіе обращается уже въ *силу,* становится *динамическимъ*, невольнымъ и для разумнаго существа недостойнымъ. Но такого пониманія никто, конечно, не приметъ. А если нѣтъ, то и вопросъ становится совершенно иначе.

Развѣ Славянофилы думаютъ идти назадъ, желаютъ отступательнаго движенія? Нѣтъ, Славянофилы желаютъ идти, но не просто впередъ, а впередъ къ истинѣ и, конечно, никогда назадъ отъ истины. Ихъ антагонисты, думаемъ, желаютъ тоже идти, не просто впередъ, а впередъ къ истинѣ. И та и другая сторона не ставитъ себя въ зависимости отъ избраннаго ею пути. Славянофилы утверждаютъ только то, что самый путь ошибоченъ, и что къ истинѣ должно идти другимъ путемъ. Значитъ ли это возвращеніе назадъ? Вопросъ и споръ можетъ быть о томъ, чей путь истиненъ, но не можетъ быть и рѣчи о желаніи возвратиться назадъ.

Но Славянофилы думаютъ, что истиненъ тотъ путь, которымъ Россія шла прежде.

Да, они думаютъ, что истиненъ этотъ путь, но не забудьте: *путь*. Развѣ путь есть неподвижное состояніе? Развѣ на пути можно остановиться? Путь непремѣнно идетъ куда-нибудь впередъ, путь есть безконечное движеніе; и воротиться на прежній путь не значитъ отказаться отъ стремленія впередъ, а значитъ идти впередъ, лишь по иному направленію.

И такъ, Славянофилы думаютъ, что должно воротиться не къ *состоянію древней Россіи* (это значило бы окаменѣніе, застой), а къ *пути древней Россіи* (это значитъ движеніе). Гдѣ есть движеніе, гдѣ есть путь, тамъ есть впередъ! Тамъ слово назадъ не имѣетъ смысла.

Славянофилы желаютъ не возвратиться назадъ, но вновь идти впередъ прежнимъ путемъ, не потому, что онъ прежній, а потому, что онъ истинный.

И такъ, опять не можетъ быть рѣчи о возвращеніи назадъ. Этотъ упрекъ самъ-собою снимается съ Славянофиловъ. Споръ можетъ быть лишь объ истинѣ путей, лишь о томъ, какое *впередъ* есть впередъ къ истинѣ

*

Москва, 24 Мая.

Древняя Русь для насъ есть не только предметъ изученія или историческаго воспоминанія. Древняя Русь неразрывно соединена съ нашимъ настоящимъ и будущимъ, соединена тою живою связью, какою соединенъ корень съ вѣтвями дерева.

Иные скажутъ: «Древняя Русь отжила свой вѣкъ, прошла». Нѣтъ, еслибъ это было такъ, то это значило бы, что Россія отжила свой вѣкъ. Послѣдующее только тогда живо, когда оно вытекаетъ изъ живого предыдущаго и утверждается на немъ, какъ плодъ его жизни.

«Но Россія отбросила свой прежній путь, путь древней Руси. И такъ, древняя Русь прошла», повторятъ намъ.

Нѣтъ, не прошла древняя Русь, и путь прежній не брошенъ. Точно, была минута въ исторической жизни Россіи, когда произошелъ переворотъ, когда Россія отказалась и отъ пути своего, и отъ своей нравственной самостоятельности, когда захотѣла она оторваться отъ всей своей предыдущей жизни. Да, была такая минута, полтораста лѣтъ тому назадъ, и точно, разрывъ совершился. Но *не вся* Россія оторвалась отъ своего прошедшаго, и слѣдовательно, связь съ прошедшимъ, связь съ древней Русью все же не утрачена. Верхняя часть Россіи точно бросила прежній путь и пошла инымъ, не своимъ путемъ; но другая часть Россіи стоитъ на прежнемъ пути, лишь остановленная въ своемъ движеніи. Для верхнихъ слоевъ точно прошла древняя Русь, для нихъ только, но не для всей Россіи.

Сорванный со стебля цвѣтокъ увядаетъ, оторванныя отъ дерева вѣтви сохнутъ. Люди верхнихъ слоевъ Россіи въ полтораста лѣтъ не произвели ничего самобытнаго въ общемъ дѣлѣ человѣчества и представляютъ блѣдное явленіе безъ корня, безъ опоры. Они отстали отъ своихъ и не пристали къ чужимъ; они доселѣ повторяютъ съ голоса только рѣчи другихъ народовъ. Никакое солнце истины и просвѣщенія не дастъ жизни, не согрѣетъ этихъ, разлученныхъ съ роднымъ деревомъ вѣтвей; безполезно обливаетъ ихъ оно лучами своими! Простой народъ, по разнымъ условіямъ, по своему положенію, находящійся доселѣ въ тѣни, въ сторонѣ отъ просвѣщенія, тѣмъ не менѣе хранитъ въ себѣ силу жизни, ибо не оторвался отъ родного дерева.

Человѣкъ—не природа органическая. Вѣтви не могутъ самовольно оторваться отъ своего ствола; за то, разъ оторванныя постороннею силою, онѣ не могутъ возвратиться къ родному дереву и вновь процвѣтать на немъ. Человѣкъ можетъ самъ оторваться отъ своей самобытной жизни, но за то онъ можетъ и воротиться къ ней.

Для той части Россіи, которая отказалась отъ древней Руси, возможенъ возвратъ. Было уже объяснено, что это не значитъ шагъ назадъ, что это есть возвращеніе къ пути, что это значитъ *идти впередъ прежнимъ путемъ*, не потому, что онъ прежній, а потому, что онъ

истинный. Твердо держаться своихъ основныхъ, коренныхъ началъ: это не только не мѣшаетъ, но это только и даетъ возможность идти впередъ. Уходя высоко въ небо вѣтвями, дубъ уходитъ глубже и глубже корнями въ землю.

Вотъ почему говоримъ мы, что предметъ и цѣль нашихъ желаній не состояніе древней Россіи, не извѣстный ея возрастъ въ ту или другую эпоху, но путь древней Россіи, но свободное ея возрастаніе изъ себя самой. Приведемъ здѣсь кстати прекрасныя слова поэта, обращенныя къ Россіи:

О, вспомни твой удѣлъ высокой,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси *)!

Верхняя часть Россіи, оторвавшись отъ жизни, попала на путь отвлеченной мысли; путемъ мысли только можетъ она вернуться къ Россіи. Мысль, по своей разумной логической силѣ, всегда способна исправить ошибки, дѣлаемыя въ ея области, и выдти на прямую дорогу. Это возможно и въ настоящемъ случаѣ. Совершивъ свой косвенный путь и сознавъ Россію, эта отвлеченная часть Русскаго народа, вернувшись, сознанную мысль Россіи принесетъ къ цѣльности жизни, хранимой простымъ народомъ, и вновь соединится съ нимъ. Великое дѣло жизни и мысли должно быть общимъ дѣломъ не однихъ верхнихъ слоевъ, а *всей* Россіи.

Тогда лишь будетъ возможно въ Россіи истинное, то-есть самостоятельное просвѣщеніе.

*

Москва, 31 Мая.

Москва, наша древняя столица, есть и теперь истинная столица всей Россіи.

Москва явилась на свѣтъ въ періодъ Кіевской Руси; она помнитъ еще времена усобицъ. Укрѣпившись въ послѣдствіи времени, она переломала всѣ государственныя перегородки, выстроенныя князьями на Русской землѣ и дѣлившія всю Русь на удѣлы. Она освободила Россію отъ Татаръ. Въ Москву созывали Русскіе цари выборныхъ отъ всей земли Русской на земскіе соборы или земскія думы. Въ 1612 году, когда Россія была разорвана на части врагами, когда Москва была въ рукахъ Поляковъ и все государственное устройство Россіи было разбито въ дребезги, когда, казалось, все было потеряно,—тогда

*) Изъ стиховъ А. С. Хомякова „Къ Россіи“.

народъ самъ поднялся на защиту Русской земли. Въ Нижнемъ Новгородѣ заговорилъ мясникъ, Козьма Мининъ, что надо отдать послѣднюю копѣйку и идти всѣмъ подъ Москву, стать крѣпко за Православную вѣру и Русскую землю. На умѣ и въ душѣ у всего народа было тоже,—и вотъ, по голосу Минина началось великое дѣло. Выбрали князя Пожарскаго воеводою и пошли подъ Москву. Въ эти тяжелыя времена 1612 года не разъ выражается въ рѣчахъ народныхъ любовь къ Москвѣ, и признается она отъ всего народа столицею всей Россіи. Богъ благословилъ Русское дѣло побѣдою. Народъ освободилъ свою столицу и выбралъ себѣ новаго царя, Россія вновь возстала изъ праха и стала сильнѣе и обширнѣе прежняго. Земскіе соборы продолжали созываться царями въ Москвѣ.

Наконецъ наступилъ извѣстный переворотъ. Въ 1703 году былъ основанъ Санктпетербургъ, который и былъ провозглашенъ отъ Петра царствующимъ градомъ.

Но Москва не перестала быть столицею Россіи.

Полтораста слишкомъ лѣтъ прошло съ основанія Петербурга. Въ теченіе этихъ лѣтъ было народное событіе, былъ новый 12-й годъ. Замѣчательно, что въ эту минуту выдвинулась впередъ, вмѣстѣ съ народомъ, и древняя столица; Москва вновь пострадала за Россію, вновь занята была врагами, сгорѣла и вновь отнята была у враговъ. Славное воспоминаніе 1812 года неразрывно связано съ Москвою,

Москва есть древній Русскій городъ, имѣющій въ тоже время всю силу и живость современности. Москва! Это такое имя, на которое отзовутся со всѣхъ далекихъ концовъ Россіи. Слава Богу, что у насъ есть такой городъ, есть такое имя.

Москва имѣетъ важное, существенное значеніе и для той части Россіи, которая отдѣлилась отъ древнихъ, народныхъ началъ. Эта отвлеченная часть Россіи соединена съ Москвою благороднѣйшею стороною своей дѣятельности. Въ Москвѣ преимущественно идетъ умственная работа; въ ней—древнѣйшій Русскій университетъ. Въ ней силенъ интересъ мысли и науки. И если въ настоящее время слѣдуетъ намъ освободиться отъ умственнаго плѣна и возвратиться къ духовной самостоятельности, то попытки къ этому освобожденію возникаютъ въ Москвѣ; здѣсь пытается мысль выйти на самостоятельную дорогу, и, если вновь станетъ, наконецъ, Русскій умъ на свой настоящій путь, и мы, оторвавшаяся часть отъ Русской народности, вновь придемъ къ ней, и просвѣщеніе будетъ народнымъ: то этою нравствен-

ною побѣдою Россія будетъ обязана дѣятельности мысли, возникшей въ Москвѣ.

Столицѣ прилично страдать за страну, для которой она столица; на столицу естественно падать самымъ тяжелымъ ударамъ враговъ. Прошедшая чрезъ столько испытаній, чрезъ столько опасностей, вытерпѣвшая столько вражескихъ ударовъ, начавшая, десять лѣтъ тому назадъ, VIII-ое столѣтіе своего существованія, Москва, исполненная Русскихъ силъ, есть истинная наша Русская столица. Права ея на это титло скрѣплены ея многими тяжелыми страданіями за Россію,— и всенароднымъ признаніемъ.

*

Москва, 7 Іюня.

Простой народъ есть основаніе всего общественнаго зданія страны. И источникъ вещественнаго благосостоянія, и источникъ внѣшняго могущества, источникъ внутренней силы и жизни, и наконецъ мысль всей страны—пребываютъ въ простомъ народѣ. Отдѣльныя личности, возникая надъ нимъ, могутъ, на поприщѣ личной дѣятельности, личнаго сознанія, служить съ разныхъ сторонъ дѣлу просвѣщенія и человѣческаго преуспѣянія; но тогда только могутъ онѣ что нибудь сдѣлать, когда коренятся въ простомъ народѣ, когда между личностями и простымъ народомъ есть непрерывная живая связь и взаимное пониманіе.

Находясь на низшей ступени лѣстницы житейской, внѣ всякихъ почестей и наружныхъ отличій, простой народъ имѣетъ за то великія блага человѣческія: братство, цѣльность жизни, и (такъ какъ мы, говоря о простомъ народѣ, разумѣемъ Русскій)—бытъ общинный.

Напрасно думаютъ, что простой народъ есть безсознательная масса людей. Если бы это было такъ, то онъ былъ бы тоже, что неразумная стихія, которую можно направить и въ ту и въ другую сторону. Нѣтъ, простой народъ имѣетъ глубокія, основныя убѣжденія— условіе существованія для всей страны. Защищая эти убѣжденія, онъ, точно, въ силѣ своей равняется стихіи; но это стихія разумная, имѣющая нравственную волю; это стихія—только по дружному, цѣльному своему составу и дѣйствію. Есть прекрасное выраженіе на Руси для такого проявленія народной силы: *стали всѣ, какъ одинъ человѣкъ*. Русская исторія показываетъ намъ, какъ глубока и тверда основа Вѣры въ Русскомъ народѣ, какъ отстаивалъ онъ святость своихъ православныхъ убѣжденій.

Напрасно также думаютъ, что простой народъ есть какой-то слѣпой поклонникъ обычая, что онъ, передъ чѣмъ бы то ни было, рабствуетъ духомъ. Правда, онъ не представляетъ легкаго подвижного явленія, то въ ту, то въ другую сторону направляемаго вѣтромъ; какъ все истинное и дѣйствительное, онъ крѣпокъ на ногахъ и не шатается изъ стороны въ сторону; онъ понимаетъ, что преданіе, что преемство жизни есть необходимое условіе жизни; онъ связуетъ, поддерживаетъ, а не рветъ нить жизни, идущую изъ прошедшаго въ будущее. Простой народъ есть стражъ преданія и блюститель старины; но въ тоже время онъ не есть слѣпой рабъ ея. Да и было же время, когда старина была новизною. Простой народъ принимаетъ новое, но не скоро, не легкомысленно, не изъ презрѣнія къ старинѣ, не изъ благоговѣнія къ новизнѣ. То, что онъ приметъ,—приметъ онъ самобытно, усвоитъ прочно и перенесетъ въ свою жизнь. Легкомысленныя личности, для которыхъ жизнь есть непрерывный маскарадъ, или убѣжденія которыхъ, если и постоянныя, не имѣютъ корня въ странѣ самой и плаваютъ въ какой-то отвлеченной атмосферѣ,—какъ ошибаются онѣ, принимая обдуманность народа, его мѣрный и вѣрный шагъ, среди прыгающихъ и бѣгущихъ около него, отдѣльныхъ личностей, за какую-то неподвижность или, по крайней мѣрѣ, за косность. Это показываетъ только, что народа не понимаютъ. У насъ же, въ Россіи, неохота, недовѣрчивость, съ какою народъ принимаетъ новое, имѣетъ свою историческую законную причину, свое законное оправданіе.

Но, начавши говорить: «простой народъ», мы потомъ стали говорить: «народъ». Это не случайно и не безъ причины, ибо простой народъ, точно, есть *просто народъ*, или народъ собственно.

Слово: народъ, употребляется въ двоякомъ смыслѣ; или оно означаетъ всѣхъ, въ союзѣ народномъ живущихъ, безъ различія сословій, и въ такомъ случаѣ соотвѣтствуетъ болѣе слову: нація; или же оно означаетъ простой народъ, низшее сословіе, которое есть народъ собственно. Понятно и законно употребленіе этого слова и во второмъ случаѣ. Простой народъ не имѣетъ никакихъ отличій, никакого другого званія, кромѣ званія человѣка и христіанина, а потому и зовется или *человѣкомъ*,—во множествѣ *людьми* (въ лѣтописи: *людіе*; впослѣдствіи слово «люди», получило свое особое значеніе), или *крестьяниномъ* то есть христіаниномъ, или же наконецъ: *народомъ*, что̀ также есть имя кровнаго, но еще болѣе, духовнаго союза человѣческаго. Вотъ причина, по которой названіе народа остается преимущественно за низшимъ сословіемъ.

И такъ, у простого народа нѣтъ никакихъ отличій или титуловъ, кромѣ званія человѣческаго или христіанскаго. О, какъ богата эта бѣдность! И, стоя на низшей степени, какъ высоко стоитъ онъ!

Нося званіе только человѣка, только христіанина, онъ съ этой стороны, есть идеалъ для всего человѣческаго и христіанскаго общества.

Какъ скоро верхніе классы смотрятъ на свои отличія и преимущества (хотя и не во зло употребляемыя), не какъ на причину гордости и превосходства надъ другими, но какъ на требуемыя временемъ, порожденныя несовершенствомъ міра сего, явленія, какъ скоро, забывая о нихъ, чувствуютъ въ себѣ только человѣка и христіанина,— тогда становятся и они народомъ.

У насъ значеніе простого народа имѣетъ свою особую сторону, ибо онъ только и сохраняетъ въ себѣ народныя, истинныя основы Россіи; онъ только и не разорвалъ связи съ прошедшимъ, съ древнею Русью. Часто гордо смотрятъ на него люди такъ называемаго образованнаго или свѣтскаго, Русскаго общества, пренебрегаютъ имъ, называютъ его *мужиками*, обративъ это слово въ брань. Красуясь надъ нимъ и высоко на него посматривая, они забываютъ, что только простой народъ составляетъ условіе и ихъ существованія. Извѣстно прекрасное (сдѣланное Русскимъ писателемъ) сравненіе простого народа съ корнями дерева, на которомъ шумятъ и величаются листья, мѣняющіеся каждый годъ, тогда какъ корни—все одни тѣже.

Красуйтесь въ добрый часъ,

говорятъ корни листьямъ:

Но помните ту розницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.

*

Москва, 14 Іюня.

Наука постигаетъ предметъ въ его внутренней цѣлости; стройность системы непремѣнно присутствуетъ въ наукѣ, ибо эта стройность лежитъ уже въ предметѣ самомъ. Какъ идея, какъ разумное явленіе предметъ становится собственностію разума человѣческаго.

Наука есть то оружіе, съ которымъ человѣкъ ведетъ благородную войну съ природою, покоряя её своему знанію. Наука освобождаетъ, въ тоже время, его собственный духъ отъ тѣсноты и темноты: *невѣжда—несвободенъ*, сказалъ великій мыслитель Германіи.

Много сдѣлалъ старый сосѣдъ нашъ, Западъ, на поприщѣ науки изумительныя, титаническія работы уже свершены имъ. Но жаръ его, не остываетъ; съ удвоенною силою напрягаетъ онъ свои мышцы. Взрывая горы, пролагая новые пути водамъ, лучъ солнечный обращая въ кисть живописца, онъ вооружился противъ времени и пространства, и эти древнія силы отступаютъ передъ нимъ. Паръ мчитъ человѣка съ необычайною быстротою по желѣзному пути; въ одно мгновеніе слово, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ тысячеверстное пространство. То волшебство, которое въ сказкахъ тѣшило дѣтское воображеніе, становится теперь дѣйствительностью. Ужъ не выражалось ли въ этихъ сказкахъ предчувствіе будущихъ дѣлъ человѣка? И все это совершается силою науки... Не закопалъ Западъ въ землю талантовъ, данныхъ ему отъ Бога! Россія признаётъ это, какъ и всегда признавала. И сохрани насъ Боже отъ умаленія заслугъ другого! Это—худое чувство; въ немъ выражается внутреннее сознаніе собственной несостоятельности. Россія чужда этому чувству и свободно отдаетъ всю справедливость Западу.

Но она не истощится въ одномъ безплодномъ удивленіи, не обоготворитъ никого и ничего, кромѣ Бога. Отдавая справедливость Западу, она не отказывается отъ собственнаго взгляда, отъ собственнаго подвига. Искренно сочувствуя всему хорошему, она нс закроетъ подобострастно глазъ своихъ на то, что̀ дурно. Она не отдаетъ никому свободы своего сужденія.

Кто болѣе уважаетъ науку? Тотъ ли, кто принимаетъ её отъ другого,—въ извѣстную эпоху и въ извѣстной формѣ, какъ законъ къ точному исполненію, или тотъ, кто въ мысляхъ о наукѣ вообще подвергаетъ науку (сообщаемую ему въ извѣстную эпоху и въ извѣстной формѣ) испытующему взгляду, ничего въ области разума не хочетъ принять безъ повѣрки разума и надѣется самъ сдѣлать что-нибудь? Собственная дѣятельность должна возбуждаться въ человѣкѣ, при видѣ дѣятельности другого человѣка. Вотъ что сказалъ Русской поэтъ:

Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Инаго генія полетъ *).

Что̀ скажутъ западнымъ народамъ ихъ покорные подражатели? Западные народы не имѣютъ никакой нужды въ собственномъ блѣд-

*) Стихи Н. М. Языкова, П. Б.

номъ спискѣ. Имъ нуженъ народъ, который скажетъ имъ свое слово, для нихъ новое.

Западъ и самостоятельная Россія могутъ спорить, соглашаться, бесѣдовать другъ съ другомъ. Но о чемъ будетъ Западъ говорить съ Россіею подражательной? Даже удивленіе ея не имѣетъ для него цѣны.

Россія уже полтораста лѣтъ исполняла, относительно Запада, роль переписчика и рабскаго переводчика на свой языкъ. Но это списыванье прописей, надѣюсь, должно было наконецъ надоѣсть Русскому уму, не лишенному самостоятельности.

Думаемъ, что у Россіи есть что сказать человѣчеству въ свой чередъ, что у нея есть свое слово.

*

Москва, 21 Іюня.

Изящное искусство есть дѣятельность духа человѣческаго, представляющая истину въ образѣ, или другими словами: дѣятельность художественная. Въ искусствѣ мысль является не какъ мысль, постигаемая лишь умомъ (принимаемъ это слово въ смыслѣ формы), но какъ образъ, видимый очами, доступный слуху, наружно или внутренно; въ поэзіи напр., мы видимъ описываемые предметы и звуки въ воображеніи. Задача искусства состоитъ въ томъ, чтобъ образъ, въ которомъ выражается мысль, былъ вполнѣ достоинъ этого высокаго содержанія: не на столько вещественъ, что присутствіе заключающейся въ немъ мысли не чувствуется, и не на столько прозраченъ, что мысль сквозитъ сквозь него, какъ мысль, и образъ самый почти исчезаетъ изъ глазъ. А если исчезнетъ образъ, то исчезнетъ и искусство. Только тогда, когда соблюдена середина между тусклою вещественностью и прозрачною тонкостью формы, созданіе искусства можетъ быть художественнымъ.

Итакъ, искусство имѣетъ дѣло съ образами, съ внѣшнимъ міромъ. Обращаясь къ міру внѣшнему, оно встрѣчаетъ въ немъ яркія краски, въ которыхъ отпечатываются и природа и народность. Если и въ наукѣ элементъ народный неизбѣженъ и составляетъ необходимое условіе для того, чтобъ сдѣлать что-нибудь въ области общей истины: то въ искусствѣ, имѣющемъ дѣло съ внѣшнимъ міромъ, съ наружными красками, элементъ народный есть часть самой задачи, необходимо входитъ въ каждое истинное его созданіе.

Художественная дѣятельность человѣка выражается въ разныхъ видахъ. Архитектура, скульптура, живопись, музыка и наконецъ поэ-

зія: вотъ извѣстные виды искусства. Поэзія есть искусство въ словѣ, и, конечно, самое высшее изъ всѣхъ искусствъ, ибо здѣсь матеріалъ самый есть созданіе духа человѣческаго. Слово, всегда и вездѣ у человѣка подъ рукою, не требуетъ никакихъ тяжелыхъ наружныхъ усилій и, уже по существу своему, всегда готово стать соразмѣрнымъ художественнымъ образомъ для истины, лишь бы художникъ коснулся его. Слово простирается надъ всѣми вѣками и народами, и поэзія, или искусство въ словѣ, не исчезнетъ, пока не исчезнетъ въ человѣчествѣ художественная сила.

Но слово, при всей своей духовной природѣ, есть тоже внѣшній міръ; оно носитъ на себѣ выраженіе времени, мѣста и, наконецъ, всего болѣе—народа. Человѣчество говоритъ не однимъ языкомъ: состоя изъ народовъ, оно говоритъ языками народовъ. Слово есть по преимуществу народное явленіе. Народъ говоритъ однимъ языкомъ. Единство языка есть связь народная; по языку узнается, къ какому народу принадлежитъ человѣкъ. Языкъ и народъ такъ тѣсно связаны между собою, что *языкъ* есть синонимъ *народа*, и, собственно въ Церковно-славянской рѣчи, *языкъ* употребляется въ смыслѣ народа. Каждому изъ насъ знакомо выраженіе «нашествіе двадесяти языкъ».

Въ словѣ всего болѣе выражается необходимое соединеніе общечеловѣческаго съ народнымъ. Общечеловѣческаго слова нѣтъ, а есть слово народное; но слово народное можетъ быть понятнымъ всякому человѣку, въ силу общечеловѣческаго своего значенія.

И такъ, слово непремѣнно народно; а слѣдовательно и высшее искусство, искусство въ словѣ, поэзія, для котораго слово не есть средство, но часть самого его творческаго созданія, необходимо соединено съ народностью.

Такъ оно и есть. Всѣ безсмертныя созданія поэзіи, доступныя всему человѣчеству, носятъ на себѣ живую печать народности. Великая, ни съ чѣмъ несравнимая Иліада Гомера, три тысячи лѣтъ дающая наслажденіе всему роду человѣческому, есть вполнѣ *народное* созданіе, носящее на себѣ всѣ живыя краски народности, и эпохи тѣхъ временъ, и природы тѣхъ мѣстъ.

Истинная поэзія (какъ и всякое изящное искусство) народна, но это не значитъ, чтобъ предметомъ поэзіи должно быть только народное. Напротивъ: предметомъ поэзіи можетъ быть весь міръ, все человѣчество. Народность заключается въ самомъ созерцаніи, въ самомъ созданіи поэзіи. Народность поэзіи распредѣляется конечно не по предметамъ. Всѣ произведенія Шекспира вполнѣ народны, хотя предметы

его поэзіи разнообразны въ высшей степени; никто не скажетъ, напримѣръ, что трагедія Отелло есть произведеніе Африканской народности, Гамлетъ Датской, и т. д. Всѣ они суть созданія Шекспира и Англійской народной поэзіи, созерцающей весь Божій міръ. На все смотритъ и долженъ смотрѣть человѣкъ, но пусть не перестаетъ онъ быть самимъ собою: иначе онъ ничего не увидитъ.

Народна ли наша поэзія? Мы говоримъ здѣсь о поэзіи, явившейся послѣ Петровскаго переворота. Народна ли она? Къ сожалѣнію, мы должны отвѣчать: нѣтъ. Она представляетъ такое же подражательное явленіе, такое же отраженіе чужихъ мыслей и образовъ, также чужда народа своего, какъ и всякая наша дѣятельность. Личныхъ талантовъ встрѣчается у насъ довольно, между ними есть великіе таланты; но созданія ихъ народу чужды и суть большею частію пересозданія иныхъ народныхъ созданій, подогрѣтыя блюда, приготовленныя чужими руками. Народъ не знаетъ ихъ и не признаетъ конечно, развѣ какъ въ наукѣ, въ исторіи литературы. Истинное произведеніе поэзіи, непремѣнно народное, должно быть таково, чтобъ оно могло нравиться не нѣкоторымъ только, а всему народу, который чувствуетъ, что онъ въ немъ выражается.

Теперь же, когда въ духѣ Русскомъ проснулось стремленіе къ самостоятельности, такъ удивляющее большинство нашего общества, которое стоитъ еще на подражательномъ пути, когда началась самостоятельная работа мысли (ибо ей, свѣтлой по существу, подобаетъ первой начинать дѣло) работа, преслѣдуемая бранью и всякими насмѣшками со стороны людей, стоящихъ еще на прежней дорогѣ; теперь, почему не думать, что и поэзія наша ступитъ на дорогу народную, на которой вполнѣ будетъ она истинною поэзіею и общечеловѣческимъ достояніемъ?

Повторяемъ: истинное, общечеловѣческое созданіе поэзіи, какъ и всякаго искусства, необходимо народно.

*

Москва, 28 Іюня.

Общественное мнѣніе есть великое благо и великая сила; оно составляетъ нравственную свободную повѣрку всѣхъ дѣйствій человѣческихъ, подлежащихъ суду общественному. У общественнаго мнѣнія нѣтъ дѣлопроизводства; оно не наказываетъ, не сажаетъ въ тюрьму, не принимаетъ принудительныхъ мѣръ. Свободное, оно и относится ко всему свободно, вооруженное лишь нравственною силою.

Естественно, что общественное мнѣніе драгоцѣнно для правительства, которому нужно знать, чего желаетъ и какъ думаетъ страна, имъ управляемая.

Но для того, чтобъ общественное мнѣніе могло существовать, нужны два условія. Первое состоитъ въ томъ, чтобъ общественное мнѣніе высказывалось непринужденно и безъ стѣсненія. Второе—въ томъ, чтобъ само общество представляло нравственный союзъ, имѣющій одни и тѣ же общія начала и основанія, которыя только и могутъ сообщить цѣлость и единство; безъ единыхъ нравственныхъ началъ общество существовать не можетъ. Отсюда является необходимость общественной нравственности.

Общественная нравственность состоитъ въ соблюденіи и огражденіи нравственныхъ началъ общества. Всякій, нарушающій эти начала, въ обществѣ оставаться не долженъ. Въ противномъ случаѣ, если въ общество будутъ входить люди, не признающіе нравственныхъ его началъ, или оскорбляющіе ихъ, тогда, стало-быть, само общество, допуская въ себя такихъ людей, не можетъ сказать, что оно основано на нравственныхъ началахъ; тогда оно должно сознаться, что равнодушно къ нимъ, что оно, слѣдовательно, лишено общественной нравственности, а съ нею и общественнаго суда и общественнаго мнѣнія.

Къ сожалѣнію, должно признаться, что при многихъ отдѣльныхъ нравственныхъ личностяхъ, общественная нравственность у насъ понимается и проявляется мало. Гдѣ тѣ пороки, тѣ нарушенія нравственныхъ началъ, которыя заставили бы наше общество произнести свой необходимый правдивый судъ? И взяточникъ, и плантаторъ, и развратникъ, всѣми признанные за такихъ, если только они богаты, или чиновны, или знатны, и позовутъ общество къ себѣ на пиръ, развѣ общество не поѣдетъ къ нимъ и тѣмъ самымъ развѣ оно не ободряетъ разврата и неправды, не узаконяваетъ ихъ? Веселясь у презрѣннаго и развратнаго богача, или важнаго человѣка, могущаго оказать покровительство, развѣ не говоритъ оно ему: «Ты хорошъ для насъ со всѣмъ твоимъ развратомъ и награбленными деньгами. Ты нашъ; ты принадлежишь къ нашему обществу.» Гдѣ же единство нравственныхъ началъ, если тотъ, кто отвергаетъ ихъ, остается въ обществѣ? Въ чемъ же разница тогда между соблюдающими и нарушающими нравственныя начала? Разница эта исчезаетъ. Слѣдовательно, общество не имѣетъ нравственныхъ началъ, ни общественной нравственности, ни общественнаго суда, ни общественнаго мнѣнія. Протягивая

руку человѣку безнравственному, принимая его въ свою среду, общество ободряетъ его порокъ и поддерживаетъ его на пути беззаконія. Между тѣмъ какъ, если бы оно отвергло его, оно произнесло бы надъ его дѣлами во всеуслышаніе свой спасительный судъ и само въ себѣ почувствовало бы крѣпость. Эта-та общественная крѣпость необходима нашему обществу.

Богато убранныя залы порочнаго хозяина наполняются гостьми, и въ числѣ этихъ гостей встрѣчаются люди честные и достойные, которымъ противны развратъ и другіе явные пороки хозяина. Отчего же очутились здѣсь эти честные люди въ гостяхъ у хозяина, ими презираемаго? Оттого, что порочный хозяинъ богатъ и чиновенъ, оттого, что залы его хорошо убраны, ярко освѣщены, и угощаетъ онъ отлично, и оттого, что все общество туда ѣдетъ. А поѣхали ли бы и эти честные люди, и все общество въ гости къ такимъ порочнымъ хозяевамъ, еслибъ эти хозяева были люди небогатые, нечиновные, не съ связями? Конечно нѣтъ. И такъ, золотомъ или покровительствомъ пріобрѣтены эти гости, и въ числѣ ихъ многіе честные люди, наполняющіе залы порочнаго человѣка.

Все это показываетъ недостатокъ общественной нравственности. Иные говорятъ: я не перестаю быть честнымъ человѣкомъ отъ того, что пойду въ гости къ безчестному; но это своего рода эгоизмъ. Надобно помнить, что въ каждомъ изъ насъ, кромѣ личнаго человѣка, есть человѣкъ общественный, и что личное мое достоинство мнѣ не извиненіе, если я ѣду на балъ къ человѣку порочному или развратному и своимъ присутствіемъ поддерживаю его развратъ и порокъ въ обществѣ. Здѣсь я нарушаю общественную нравственность. Должно не только не быть «губителемъ», но и не «сидѣть на сѣдалищѣ губителей».

Повторяемъ: мало одной личной нравственности, необходима нравственность общественная.

*

Москва, 5 Іюля.

Европа—самая малая изъ пяти частей свѣта, и въ тоже время она повелительница всего остального земного шара. Умъ, просвѣщенный христіанскою вѣрою, поставилъ ее во главѣ человѣчества. И вотъ, эти «бѣлые люди» переплываютъ моря, переходятъ горы, проникаютъ въ пески Африканскіе и полярные льды. *Жажда знанія*—главный ихъ двигатель. А чего поищешь, то и найдешь.

Но во всемъ есть своя опасность. Гордость можетъ привиться къ успѣху, къ сознанію силъ и достоинствъ своихъ. Европа стала сим-

воломъ просвѣщенія, истины. Слово «Европейскій» есть уже похвала. Подъ Европою разумѣется само человѣчество. Всѣмъ остальнымъ народамъ, по мнѣнію Европы, слѣдуетъ идти лишь Европейскимъ путемъ; своего пути у нихъ быть не можетъ. Сѣверо-Американскіе Штаты есть совершенное созданіе Европы; это тѣже Англичане, не смотря на то, что находятся въ Америкѣ. И поэтому слова наши относятся и къ нимъ.

Мы думаемъ, что это исключительное присвоеніе Европою титла человѣчества несправедливо. У міра одно равносильное названіе—міръ. Человѣчеству равно только человѣчество. Конечно, не даромъ впадаетъ Европа въ эту гордость; она заявила права свои на почетное мѣсто, ею занимаемое, а другія страны ихъ не заявляютъ; но онѣ могутъ заявить ихъ, и лишать ихъ заранѣе этихъ правъ жестоко и неправедно. Просвѣщеніе, распространяемое Европейцами въ другихъ странахъ, часто соединялось съ истребленіемъ народностей, съ дикими безчеловѣчными мѣрами; народы чуждые обращались въ рабовъ Европы, во внѣшнемъ или во внутреннемъ отношеніи. Грустно видѣть, какъ цѣлыя племена гибнутъ отъ враждебнаго столкновенія съ Европейскими народами. Образованная Америка смотритъ на Негровъ какъ на животныхъ.

Есть возможность иного просвѣщенія, соединеннаго съ уваженіемъ къ каждой народности. Есть нѣчто высшее Европы—это весь родъ человѣческій

*

Москва, 13 Іюля.

Славяне имѣютъ странную судьбу въ исторіи человѣчества. Индо-Европейское племя, древніе жители земного шара, говорящіе древнимъ языкомъ, многочисленные, надѣленные и умственными и художественными дарами и мужествомъ, они доселѣ занимаютъ мѣсто далеко не соотвѣтствующее ихъ назначенію. Всѣ Славянскія племена находятся подъ властію народовъ чуждыхъ, исключая лишь одно племя Русское, которое, какъ бы въ вознагражденіе за то, создало самую огромную монархію міра, но которое, въ свою очередь, находится въ верхнихъ сословіяхъ своихъ подъ нравственнымъ игомъ Западной Европы.

Странная судьба!... Но исторія не стоитъ; настоящая минута не есть приговоръ навсегда. Если теперь такъ, то нельзя сказать, что такъ и всегда будетъ.

Не смотря на просвѣщенное господство Германскихъ племенъ, Славяне Германскіе проникаются болѣе и болѣе пробудившимся чув-

ствомъ народности; они принялись за просвѣщенную дѣятельность, и на этомъ благородномъ поприщѣ они утверждаютъ свою народность. Языкъ, это драгоцѣнное знамя народа, прежде всего обращаетъ на себя ихъ вниманіе, и въ живомъ употребленіи, и въ ученомъ изслѣдованіи; потомъ народная пѣсня, наконецъ, исторія и вообще наука.

Неся тяжкое иго Турціи, Славяне Дунайскіе едва только начинаютъ вступать на поприще просвѣщенной дѣятельности. Такова Сербія. Но Болгаре еще просятъ у повелителей своихъ самыхъ первыхъ, насущныхъ правъ человѣка, права молиться по своей вѣрѣ, права существовать безбоязненно.

Надобно признаться, что непонятное явленіе представляетъ Турція. Классическая земля, населенная благородными потомками древнихъ Грековъ, просвѣщеніе которыхъ доселѣ входитъ, какъ необходимая живая часть, въ просвѣщеніе образованной Европы, съ другой стороны населенная трудолюбивымъ и умнымъ племенемъ Славянскимъ, эта классическая земля и племена на ней живущія, племена Христіанскія, находятся подъ властію Магометанскаго племени Турецкаго, дикаго, невѣжественнаго и вдобавокъ безсильнаго.

И это явленіе происходитъ въ виду просвѣщенной и могущественной Европы, позволяющей существовать такому безобразному, беззаконному владычеству, каково владычество Турціи надъ Греками и Славянами.

Но такова сила эгоистическаго расчета, что Греки и Славяне, братья по Христіанской вѣрѣ, не пробуждаютъ даже и сочувствія въ Западныхъ народахъ Европы.

Одна Россія смотритъ съ глубокимъ сочувствіемъ и съ искреннею любовію на своихъ страдающихъ и угнетенныхъ братьевъ по вѣрѣ, и между ними на Славянъ, какъ, сверхъ того, на братьевъ по крови.

Благоденстіе единовѣрныхъ и единокровныхъ племенъ для Россіи должно быть всегдашнею заботою, священнымъ долгомъ.

Да, Славяне живы, исторія жива, а потому жива и надежда на будущее. Мысль народности пробудилась сильно въ Россіи, освобождая ее отъ нравственнаго ига Западной Европы. Мысль народности пробудилась во всѣхъ племенахъ Славянскихъ и устремляетъ ихъ юныя силы на славныя дѣла духа человѣческаго.

Дай Богъ силъ, дай Богъ успѣха на этомъ благомъ поприщѣ!

*

Москва, 26 Іюля.

Людское мнѣніе имѣетъ иное значеніе, чѣмъ мнѣніе общественное. Едва ли найдется человѣкъ, который бы сказалъ, что онъ пренебрегаетъ мнѣніемъ общественнымъ; и очень много такихъ, которые съ гордостію скажутъ, что презираютъ людское мнѣніе.

Разница заключается въ томъ, что подъ *общественнымъ* мнѣніемъ разумѣется мнѣніе людей, связанныхъ въ одно цѣлое; однимъ словомъ, мнѣніе людей, какъ общества, имѣющаго всегда правду въ основѣ своего существованія. Подъ *людскимъ* же мнѣніемъ разумѣется мнѣніе людей, отдѣльно понимаемыхъ, другими словами, мнѣніе людей, просто какъ множества или какъ толпы. Съ людскимъ мнѣніемъ нераздѣльно связано понятіе о людскихъ пересудахъ, толкахъ, слухахъ.

Понятно послѣ этого, почему такъ розно уважается мнѣніе общественное и мнѣніе людское.

Но справедливо ли полное пренебреженіе къ людскому мнѣнію и, нераздѣльно съ нимъ, къ людскимъ толкамъ?

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣніе людское и толки становятся въ противоположность съ нравственнымъ убѣжденіемъ человѣка, тогда вступить въ борьбу съ людскимъ мнѣніемъ есть дѣло вполнѣ достойное. Но если такого столкновенія нѣтъ, если мнѣніе людское стоитъ на одной нравственной почвѣ съ дѣйствіями человѣка, и лишь по недоразумѣнію обвиняетъ его напрасно, впадая въ заблужденіе, тогда совершенно несправедливо было бы сказать: что̀ мнѣ за дѣло до людского мнѣнія! Въ первомъ случаѣ, гдѣ безъ всякаго недоразумѣнія происходило сознательное столкновеніе и борьба съ людскимъ мнѣніемъ, это было высокое мужество. Во второмъ случаѣ, гдѣ является ошибка и недоразумѣніе, это непростительное равнодушіе.

Прежде всего, ошибка сама по себѣ не должна оставаться неисправленною, и человѣкъ къ ней равнодушенъ быть не долженъ, какъ къ неправдѣ или несправедливости, хотя бы и случайной.

Далѣе: въ ошибку вводятся здѣсь многіе люди, и вслѣдствіе этой ошибки впадаютъ въ несправедливость, въ ложныя сужденія.

Наконецъ: всякая добрая о комъ-нибудь слава въ обществѣ есть общественное достояніе и общественная польза. Честный человѣкъ одною частною жизнію своею, кромѣ частной пользы, имъ приносимой, приноситъ общественную пользу. Наоборотъ, худая слава при-

носитъ общественный вредъ; болѣе или менѣе падаетъ она на общество, и какъ та очищаетъ нравственную атмосферу, такъ эта заражаетъ.

Поэтому честный человѣкъ, какъ скоро не вынужденъ нравственными причинами вступить въ открытое противоборство съ людскимъ мнѣніемъ, не долженъ быть къ нему равнодушенъ. Человѣкъ долженъ дорожить своею доброю славою, и не тольно быть, но и слыть честнымъ.

Кромѣ равнодушія, источникомъ пренебреженія къ людскому мнѣнію можетъ служить ложно понятое смиреніе. Еслибъ человѣкъ, будучи честнымъ и добрымъ, старался изъ смиренія казаться въ обществѣ безчестнымъ и злымъ, то это обнаружило бы только, что человѣкъ заботится болѣе о себѣ, чѣмъ о другихъ; ибо, рѣшаясь на такую неправду изъ смиренія, онъ вводитъ въ заблужденіе своихъ ближнихъ и присоединяетъ еще одну худую славу ко многимъ подобнымъ въ обществѣ, увеличиваетъ этотъ вредный капиталъ.

Кромѣ того, сколько пороковъ и низкихъ презрѣнныхъ страстей укрываются за этимъ восклицаніемъ: чтó мнѣ до людского мнѣнія!..

Низокъ тотъ человѣкъ и виноватъ въ отношеніи личномъ, кто, будучи порочнымъ, надѣваетъ личину добродѣтели. Не братолюбивъ тотъ человѣкъ и виноватъ въ отношеніи общественномъ, если, будучи честнымъ, равнодушно слышитъ, или съ умысломъ распространяетъ о себѣ противоположные слухи.

Важнѣе всего быть на дѣлѣ человѣкомъ нравственнымъ, это—обязанность личная человѣка. Потомъ, будучи честнымъ, надобно и слыть такимъ; это обязанность общественная человѣка.

И такъ, не должно никогда быть равнодушну къ людскому мнѣнію: должно или бороться съ нимъ, или дорожить имъ, и ни въ какомъ случаѣ не вводить оное въ заблужденіе.

Добрая слава человѣка есть не только его личное, но и общественное достояніе; поэтому онъ обязанъ дорожить ею.

*

Москва, 2 Августа.

Слава—высокій удѣлъ! Въ славѣ нѣтъ мелкихъ житейскихъ расчетовъ и выгодъ. Она идетъ нерѣдко наперекоръ житейскому благополучію. Перешагнуть за предѣлы времени и пространства, невидимо присутствовать и дѣйствовать въ разныхъ концахъ міра, быть извѣстнымъ не по причинѣ случайнаго личнаго знакомства, по причинѣ лучшей негибнущей стороны своего существа, по причинѣ сво-

ихъ подвиговъ, важныхъ для людей, ощущать себя не личностію ограниченною, но силою общею, это высокое и великое наслажденіе!

Но тогда только это высокое наслажденіе славы можетъ быть законнымъ и чистымъ, когда слава не составляетъ цѣли человѣка.

Желать славы, какъ славы, не имѣя въ себѣ уже заранѣе искренняго стремленія къ тому или другому подвигу, есть мелкое самолюбивое чувство и вѣрная порука, что нечѣмъ заслужить славы. Слава есть вѣнецъ, награда; какъ же хотѣть награды, какъ награды, прежде самого дѣла? Стремленіе къ славѣ, только какъ къ славѣ, безъ всякаго стремленія къ какому-нибудь подвигу, произвело Герострата.

Первымъ стремленіемъ человѣка должно быть стремленіе къ благу, къ высокому подвигу, который потомъ уже и даетъ славу. Подвигъ твердой воли, творчество художественнаго генія, свѣтъ лучезарной мысли, всеувлекающая сила слова и другіе таланты, все это даетъ славу и побѣждаетъ время и пространство.

Чувство славы не есть только личное чувство; оно можетъ быть чувствомъ и цѣлаго народа. И если сладка человѣку, какъ лицу, *его* слава, то несравненно слаще ему она, какъ слава *его народа*. Эта слава падаетъ на человѣка лишь какъ на единицу великаго цѣлаго; но тѣмъ живѣе и чище наслаждается ею человѣкъ. Это ощущеніе себя не уничтоженнымъ, но объятымъ всею совокупностью народа, жить жизнію и радоваться радостію народною—есть высокое наслажденіе, свободное уже отъ всякой эгоистической примѣси.

Слава Россіи, настоящая слава настоящей Россіи, должна быть для всякаго Русскаго дороже своей собственной.

Древняя Русь не отвергала славы, она дорожила своею славою, ибо дорожила своею честью. Такъ говоритъ она устами доблестнаго князя Изяслава:

Богъ внегда русскыя землѣ и русскихъ сыновъ въ безчестьѣ не положилъ есть; на всѣхъ мѣстахъ честь свою взимали суть. Нынѣ же, братье, ревнуимо тому вси: у сихъ земляхъ, и передъ чюжими языки, дай ны Богъ честь свою взяти!...

Повторяемъ теперь за древнею Русью эти слова.

*

Москва, 9 Августа.

Война часто является необходимостью и даже долгомъ для государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, требуя отъ народа разнообразныхъ и необычныхъ усилій, она будитъ въ немъ и нравственныя и физическія силы, и часто обновляетъ его существо. Припомнимъ стихи поэта:

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила;
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли,—водамъ равны,
Что̀ вкругъ обнесены горами,
Дубровой, непробудно спятъ
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнный производятъ гадъ *).

Таково свойство войны, какъ войны. Но какое важное значеніе получаетъ война тогда, когда ведется она за дорогое всему народу начало, или съ тѣмъ, чтобъ смыть съ себя временное униженіе, не подобающее великому народу, или чтобъ наказать другое государство за вѣроломство и обиду! Человѣкъ долженъ прощать личныя обиды свои, но государство прощать обидъ, ему нанесенныхъ, не можетъ, не должно; ибо оно не есть отдѣльная личность: оно есть защита и охрана множества личностей, оно есть щитъ и внѣшнее изображеніе народа. Какъ же можетъ государство сносить обиды, нанесенныя цѣлой странѣ, которую оно охраняетъ?

Конечно, война есть явленіе, основанное на силѣ и насиліи; на войнѣ не убѣждаютъ, а побѣждаютъ одинъ другого. Война, взаимное истребленіе людей, есть явленіе, противное существу духа человѣческаго, показывающее несовершенство его нравственнаго состоянія. Но человѣчество еще далеко отъ степени такого совершенства, и потому война еще нужна. Пусть, вырывая народы изъ обыденной колеи и становя ихъ въ необыкновенное состояніе и отношеніе другъ къ другу,—война заставляетъ ихъ короче узнать и самихъ себя, и другъ друга.

Недавняя война важна была для Россіи тѣмъ, что открыла ей глаза на многое, обличила ложныхъ друзей и указала истинныхъ. Изъ всѣхъ державъ, самая древняя наша союзница была Австрія. «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», говоритъ народъ. Но если оказывается, что старый другъ этотъ никогда другомъ не бывалъ, или

*) Стихи Ломоносова.

былъ другомъ лживымъ и коварнымъ, пословица принимаетъ другой смыслъ.

Наши вѣрные друзья—это народы Славянскіе, и вообще народы угнетенные; они понимаютъ, быть можетъ неясно, что одно изъ внутреннихъ коренныхъ убѣжденій Русской земли есть оправданіе и признаніе всякой народности.

Съ другой стороны, горячо встрѣтясь на полѣ битвы, Россія и Франція, въ лицѣ храбрыхъ своихъ войскъ, полюбили другъ друга и тѣсно, дружески сблизились взаимнымъ уваженіемъ.

Союзы государствъ тогда прочны, когда основываются на взаимномъ влеченіи управляемыхъ этими государствами народовъ.

*

Москва, 16 Августа.

Желѣзныя дороги составляютъ одно изъ важнѣйшихъ открытій нашего вѣка. Быстрота сообщеній, какую онѣ съ собой приносятъ, не только усиливаетъ существующую дѣятельность, но возбуждаетъ въ ней много новыхъ сторонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣняя прежнія условія сообщеній, измѣняетъ ходъ событій самихъ. Будь желѣзная дорога отъ Москвы до Севастополя, высадка Англо-Французскихъ войскъ была бы невозможна въ Крыму.

Желѣзныя дороги стали существенною необходимостью всякаго образованнаго государства.

Желѣзныя дороги, усиливая быстроту сообщеній, кладутъ въ то же время рѣзкое раздѣленіе между собой и остальными путями, и вмѣстѣ съ тѣмъ роняютъ эти пути. Шоссе, или, какъ выражается народъ, *каменка*, все же находится въ разрядѣ обыкновенныхъ путей и разнится отъ нихъ лишь несравненно большимъ удобствомъ для ѣзды. По шоссе ѣздятъ тѣже экипажи, и съ той же упряжью, какъ и по остальнымъ путямъ. Плохая телѣжонка бѣдняка сворачиваетъ съ проселка, часто грязнаго и не ѣздовитаго, на шоссе, и ѣдетъ по немъ свободно и легко, и бѣднякъ радъ бываетъ, когда выберется на каменную дорогу. Къ тому же, самая быстрота, проистекающая отъ удобства ѣзды по шоссе, не представляетъ слишкомъ большой разницы съ обыкновенною ѣздою. Совсѣмъ иное желѣзная дорога; на ней нѣтъ мѣста инымъ экипажамъ, кромѣ паровоза, и частная ѣзда по ней невозможна; не смотря на то, выгоды, представляемыя желѣзною дорогою, такъ велики, что, гдѣ есть только какая нибудь возможность, она предпочитается остальнымъ путямъ. На протяженіи желѣзныхъ дорогъ ки-

пить сообщеніе и дѣятельность. Должно помнить, что желѣзныя дороги важны не только въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, но и какъ средство сближенія и столкновенія людей, способствующее обмѣну мыслей, чувствъ, духовной дѣятельности, однимъ словомъ, онѣ важны въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; а это отношеніе всегда будетъ главнымъ и первымъ.

Ясно, что желѣзныя дороги, усиленно привлекая къ себѣ движеніе, ослабляютъ движеніе внутреннее, въ сторонѣ лежащее, или подчиняютъ его себѣ: такъ что всѣ остальные пути принимаютъ направленіе къ желѣзнымъ дорогамъ и, теряя свое самостоятельное теченіе, впадаютъ въ нихъ, какъ малыя рѣки въ рѣки большія.

Такимъ образомъ, желѣзныя дороги представляютъ своего рода централизацію, хотя это слово не совсѣмъ вѣрно, ибо онѣ привлекаютъ движеніе и дѣятельность не къ центру, а къ протяженію, къ окраинамъ тѣхъ пространствъ, по которымъ проходятъ.

Вотъ невыгодная, такъ сказать, деспотическая, сторона желѣзныхъ дорогъ. Эта невыгодная сторона можетъ тогда только исчезнуть, или по крайней мѣрѣ ослабѣть, когда желѣзныя дороги пролягутъ вездѣ и всюду и частою, мелкою сѣтью переплетутъ всю страну.

До тѣхъ поръ, очевидно, что при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, государство должно быть крайне внимательнымъ; потому что ошибочное направленіе, неосторожно данное первымъ желѣзнымъ дорогамъ, можетъ принести великій вредъ странѣ.

Чтобы устранить, по возможности, невыгоду, выше указанную, могущую произойти отъ желѣзныхъ дорогъ, надобно положить за правило, чтобы стараться не о соединеніи двухъ какихъ нибудь отдаленныхъ центровъ прямою и кратчайшею линіею, а о томъ, чтобы не обходить и не выбрасывать изъ протяженія желѣзной дороги ни одного второстепеннаго и даже хотя сколько нибудь замѣчательнаго центра, такъ чтобы большая желѣзная дорога составилась изъ соединенія малыхъ желѣзныхъ дорогъ. Держась такого правила, государство сильно оживитъ существующую дѣятельность страны, поддерживая выработанные ею свободно и самобытно, въ теченіе долгихъ лѣтъ, центры ея дѣятельности и движенія; а не нанесетъ удара этимъ центрамъ и не заставитъ людей насильственно устремиться къ пустымъ пространствамъ, не возбудитъ искусственной дѣятельности, никогда не дающей здоровыхъ и прочныхъ плодовъ. Въ этомъ случаѣ, Западная Европа можетъ быть для насъ полезнымъ примѣромъ.

Недостатокъ нашей большой желѣзной дороги именно заключается въ томъ, что она построена съ цѣлью соединить Москву съ Петербургомъ и что многіе, по дорогѣ лежащіе города, обойдены ею и, слѣдовательно, устранены отъ ея движенія и дѣятельности; ибо боковыя желѣзныя дороги никогда не вознаградятъ прямого сообщенія. А между тѣмъ путь изъ Москвы къ Невскимъ берегамъ, проложенный издавна народомъ и государствомъ, не обходилъ эти города. Желѣзныя дороги должны быть примѣнены къ существующимъ путямъ, созданнымъ жизнію и потребностями цѣлой страны (какъ это было совершенно справедливо сказано въ одной статьѣ, посвященной вопросу о желѣзныхъ дорогахъ), а не сочинены въ кабинетѣ отдѣльными лицами, хотя бы и учеными, но отвлеченныя соображенія которыхъ не могутъ равняться съ смысломъ и догадкою цѣлой страны.

Въ настоящее время предполагается провести въ Россіи нѣсколько желѣзныхъ дорогъ. Было разсуждаемо о ихъ направленіи. Мы уже говорили, что направленіе, даваемое желѣзнымъ дорогамъ, очень важно и можетъ принести столько вреда, сколько и пользы. Въ одномъ Русскомъ журналѣ, въ статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ, было высказано много глубоко справедливаго о томъ, что дорога изъ Одессы въ Ригу должна идти черезъ Москву; было обращено вниманіе на нравственное значеніе Русской столицы, которое такъ понятно всякому Русскому; но, кромѣ того, было указано на ея промышленное значеніе, и приведены и съ этой стороны, очевидныя, несомнѣнныя доказательства. Стоитъ взглянуть на карту Россіи, и всякій увидитъ, какъ изъ Москвы во всѣ стороны тянутся дороги, какой законный центръ и въ жизненномъ и въ географическомъ отношеніи представляетъ Москва; эти дороги прокладывались въ теченіе вѣковъ всѣмъ народомъ Русскимъ. Говорятъ, что нужнѣе всего соединить Сѣверо-Западный край Россіи съ Южнымъ краемъ и хлѣбными губерніями. Но столица Россіи тоже не бездѣлица; черезъ нее стоитъ проложить желѣзную дорогу, соединяющую вышесказанныя мѣстности. Мы не говоримъ здѣсь о другихъ причинахъ, высказанныхъ въ упомянутой статьѣ о желѣзныхъ дорогахъ.

Если же дорога изъ Одессы въ Ригу будетъ проведена не черезъ Москву и соединитъ Черное и Балтійское моря, то этотъ великій древній путь между Чернымъ и Балтійскимъ моремъ, путь, который привлечетъ къ себѣ самую сильнѣйшую дѣятельность и движеніе, будетъ обходить Москву, столицу Россіи!...

Государство должно улучшать и усиливать, быстротою сообщеній, пути, проложенные цѣлою страною.

*

Москва, 23 Августа.

Трудъ есть долгъ человѣка, есть его нормальное состояніе на землѣ. Только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнію. Каковъ бы ни былъ трудъ: вещественное ли это обработываніе земли, работа ли это напряженной мысли—все равно. *Въ потѣ лица снѣсти хлѣбъ свой*—вотъ удѣлъ и долгъ человѣка.

Жизнь не есть удовольствіе, какъ думаютъ нѣкоторые: жизнь есть подвигъ, заданный каждому человѣку, жизнь есть трудъ. Худо, если человѣкъ изъ талантовъ, ему Богомъ дарованныхъ, дѣлаетъ себѣ легкое самоуслажденіе, а не смотритъ на нихъ какъ на тяжелые долги, которые онъ обязанъ выплатить съ лихвою.

Все человѣчество трудится. Всюду кипитъ трудъ, разнообразно совершаемый народами, отдѣльными лицами. Худо тѣмъ, которые нарушаютъ законъ труда, данный человѣчеству, и праздно наслаждаются плодами чужихъ трудовъ.

Благословенъ трудъ, и да всякій совершаетъ его всею свободною совокупностью силъ своихъ! Не всѣмъ, однако, людямъ данъ удѣлъ вольнаго труда. Мы видимъ, напримѣръ, въ Америкѣ Негровъ, работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ. Мы видимъ это, и сердце наше скорбитъ... Трудъ святъ и воленъ по существу своему. Вольный трудъ споръ и плодоносенъ; съ нимъ миръ и спокойствіе. Твердо уповаемъ, что Господь благословитъ и всѣхъ людей своихъ благословеніемъ вольнаго труда *).

*

Москва, 30 Августа.

Одежда есть одно изъ выраженій духа человѣческаго. Самый образъ свой человѣкъ сдѣлалъ измѣнчивымъ и подчинилъ владычеству идеи. Духъ вѣка, духъ народности выражается въ одеждѣ, самомъ естественномъ, простомъ и свободномъ проявленіи смысла человѣческаго.

Одежда есть въ тоже время дѣло народнаго и личнаго вкуса, дѣло эстетическаго чувства. Принужденіе не должно имѣть мѣста въ дѣлѣ одежды; странно было бы насиловать вкусъ народа или человѣка. Очень естественно, что въ одеждѣ своей человѣкъ можетъ быть во-

*) Писано прежде чѣмъ начались правительственныя работы по раскрѣпощенію помѣщичьихъ крестьянъ. П. Б.

ленъ, какъ въ своей прическѣ, въ походкѣ, въ манерахъ и т. п. Одежда должна только подлежать общественному мнѣнію, не имѣющему въ себѣ ничего насильственнаго.

Верхніе классы Россіи давно уже носятъ одежду иностранную. Полтораста лѣтъ тому назадъ введена она была въ Россіи; какимъ образомъ—объ этомъ говоритъ исторія.

Славянофиловъ упрекаютъ въ томъ, что они хотѣли бы воротиться къ Русской одеждѣ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, мнѣніе ихъ неясно понято. Славянофилы вовсе не желаютъ, чтобъ Русская одежда была *введена*: въ такомъ случаѣ они предпочли бы лучше иностранное платье, чѣмъ Русское, *насильно вводимое*. Славянофилы желаютъ лишь одного: *чтобъ всякій могъ одѣваться, какъ кто хочетъ*, и чтобъ Русское платье было дозволено въ Россіи, какъ дозволено въ Россіи платье иностранное. Такимъ образомъ была бы снята съ Русской одежды полуторастолѣтняя опала. Тогда для всякаго, кто *пожелаетъ* носить Русскую одежду, *можно* будетъ надѣть ее.

Вотъ все, что желаютъ Славянофилы въ вопросѣ объ одеждѣ.

*

Москва, 6 Сентября.

Англія есть лучшій плодъ Западной гражданственности. Эта страна представляетъ намъ сочетаніе спокойствія съ свободнымъ гражданскимъ устройствомъ; всякое дальнѣйшее усовершенствованіе происходитъ въ ней мирнымъ путемъ, въ умственной области убѣжденія, посредствомъ публичныхъ преній, письменныхъ или изустныхъ. Въ Англіи является намъ полная свобода слова, полная свобода всякаго совѣщанія. Тамъ безпрестанно собираются *митинги* (сходки), для разсужденія о какомъ угодно вопросѣ, митинги, состоящіе изъ всѣхъ, кто только хочетъ и можетъ принять въ нихъ участіе. И нигдѣ не уважается такъ законъ, какъ въ Англіи.

Англія не даромъ представляетъ такое величавое явленіе. Вглядясь въ нее, увидимъ, что въ ней сильно религіозное и нравственное начало. Англійскіе романы даютъ живое понятіе объ Англинскомъ обществѣ; между ними мы не встрѣчаемъ безумныхъ, горячечныхъ и безнравственныхъ романовъ Французскихъ, въ которыхъ самая душа является какою-то чувственностью, самое добро становится соблазномъ. Семейное, общественное и религіозное начало слышатся во всѣхъ Англинскихъ романахъ. Въ тоже время эта Англія, такъ быстро идущая впередъ, есть чтительница старины, хранительница преданія.

И понятно! Для того, чтобъ дереву расти, развиваться и подниматься вверхъ, ему не нужно отрываться отъ корней своихъ; напротивъ, чѣмъ крѣпче его корни, чѣмъ тѣснѣе связаны съ ними вѣтви общимъ жизненнымъ сокомъ, тѣмъ выше растетъ дерево, тѣмъ шире раскидываетъ оно тѣнь свою. Какая простая истина, но какъ многіе у насъ ея не понимаютъ!

И такъ, съ одной стороны, нравственное начало, семейное, общественное, религіозное; съ другой стороны, уваженіе къ старинѣ и къ преданію: вотъ источникъ спокойной свободы Англіи.

Англія недавно вела съ нами войну. Война прекратилась; тѣмъ не меньше, отношенія Англіи къ Россіи едва ли могутъ быть названы искренно-дружественными. Но ничто не помѣшаетъ намъ отдать ей справедливость. Ужели же нѣтъ въ Англіи недостатковъ? Есть, и недостатки важные. Но намъ полезно сперва узнать, что въ ней есть истиннаго и добраго.

*

Два слова о народномъ обученіи*).

Человѣкъ, пріобрѣтая различныя познанія, не обнимаетъ, однакоже, всего круга знанія, со всѣми его подробностями. Это невозможно вполнѣ ни для кого; возможно приблизительно для очень немногихъ. Бóльшею частію человѣкъ узнаетъ основательно только какой-нибудь одинъ предметъ, много два или три; но онъ спасается отъ односторонности тѣмъ, что получаетъ *свѣдѣніе* о другихъ предметахъ; случается еще чаще и такъ, что человѣкъ обо всемъ получаетъ только свѣдѣніе, энциклопедическое знаніе. Этихъ общихъ свѣдѣній человѣкъ самъ оправдать и доказать не можетъ; онъ принимаетъ ихъ на основаніи *просвѣщеннаго довѣрія*, соединяющаго всѣхъ образованныхъ людей. Это-то просвѣщенное довѣріе и составляетъ атмосферу просвѣщенія, необходимую для совокупныхъ трудовъ, для совокупнаго пользованія въ области знаній. Не всякій даже изъ ученыхъ людей (разумѣется, не изъ математиковъ) можетъ доказать, напримѣръ, что солнце больше земли, отстоитъ отъ нея на такое-то пространство; между тѣмъ онъ нимало въ томъ не сомнѣвается.

Слова, теперь сказанныя мною, очень нужны для рѣшенія вопроса о народномъ обученіи, особенно въ Россіи. Посмотримъ же теперь на положеніе этого вопроса у насъ. Наше образованное обще-

*) Эта и слѣдующая статьи появились въ „Москвѣ“ съ подписью К. С. Аксакова. И. Б.

ство, каково бы оно ни было, имѣетъ, однакоже, внутри себя самого это просвѣщенное довѣріе. Здѣсь рѣчь не о томъ, полезно или безполезно намъ наше современное просвѣщеніе; но, по крайней мѣрѣ, никто изъ нашего образованнаго общества не подумаетъ, что его обманываютъ, когда заговорятъ ему о шарообразной фигурѣ земли, хотя бы онъ понималъ это столько же, сколько всякій необразованный крестьянинъ. Это просвѣщенное довѣріе—великая сила; только оно одно можетъ давать полноту отдѣльному непремѣнному частному труду, только оно одно можетъ утолить ненасытную безъ того личную жажду знанія, только оно одно даетъ цѣлость и единство труду человѣческому. Теперь вспомнимъ, что общество наше отъ народа оторвано, что желаннаго довѣрія въ дѣлѣ просвѣщенія между нашимъ обществомъ и народомъ не имѣется. Между тѣмъ общество наше, запивая трюфели Шампанскимъ, глотая устрицы и вертясь въ полькѣ, не смотря на вихрь своихъ просвѣщенныхъ забавъ и на кучу безкорыстныхъ заботъ, вспомнило о народѣ (что̀ показываетъ рѣдкое великодушіе!) и вздумало его чему-нибудь поучить. Здѣсь и задается задача. Какъ тутъ быть?

Общество наше, при отсутствіи довѣрія и живой связи между нимъ и народомъ, можетъ: 1) или передавать ему знанія такимъ образомъ, чтобы они сами за себя отвѣчали и себя доказывали, т.-е. въ наивозможнѣйшей полнотѣ, какъ ученому: тогда только народъ можетъ принять ихъ. Но это, очевидно, затруднительно, даже просто невозможно *). Или 2) знакомить народъ въ общихъ понятіяхъ съ результатами науки и т. д. Но отсутствіе союза между обществомъ и народомъ уничтожитъ всякую пользу, всякій плодъ такого образованія; ибо для того необходимо *довѣріе*, которое при настоящемъ положеніи невозможно. Мы предполагаемъ безполезность даже и въ такомъ случаѣ, когда бы народные учебники были написаны удовлетворительно. Но мы полагаемъ, сверхъ того, невозможнымъ, чтобы могли существовать такіе учебники, при современномъ состояніи нашего общества. Какъ бы мы ни были умны и образованы, мы для народа написать ничего не можемъ, ибо до сихъ поръ сами мы неясно народъ понимаемъ, и едва только на̀чалъ въ насъ оживать и шевелиться Русскій человѣкъ. Но, какъ сказалъ я, главная причина невозможности—*отсутствіе довѣрія;* это дѣлаетъ безполезнымъ всякій подобный трудъ.

---

*) Спѣшимъ оговориться, что отдѣльно тому или другому крестьянину можно передавать свѣдѣнія, какъ ученому; но тогда онъ можетъ пользоваться существующими учеными сочиненіями. Здѣсь же рѣчь идетъ о сочиненіяхъ для всего народа, имѣющихъ въ виду народное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, популярное обученіе.

Нужно ли упоминать здѣсь о Сельскомъ Чтеніи и другихъ книгахъ для народа; народъ всѣхъ этихъ книжекъ читать никогда не станетъ. Вообще мы, *образованные люди*, охотно идемъ въ учители Русскаго народа, тогда какъ мы недавно стали годиться въ его ученики.

Наконецъ, 3) народъ можетъ принимать отъ насъ общія свѣдѣнія, можетъ пріобрѣтать необходимое для того довѣріе: присоединяясь въ настоящее время къ намъ, т.-е. отрываясь отъ себя самого, теряя свою самостоятельность, этотъ путь соединенія идетъ черезъ трактиры, галстухи, жилеты, бритье бороды, черезъ мѣщанство, въ которое изъ народа идутъ, черезъ лакейство, въ которое изъ народа берутъ. Но такой путь, вѣроятно, нежелателенъ и для тѣхъ, кто думаетъ образовывать народъ.

Первый путь невозможенъ, по крайней мѣрѣ, въ той степени, въ какой нужно.

Второй путь—безполезенъ.

Третій путь—дуренъ.

Какъ же быть?—Вотъ на это наше мнѣніе.

Народъ бы и самъ, вѣроятно, учился (вспомнимъ его прекрасную пословицу: ученье свѣтъ, а неученье тьма), но мы заслонили отъ него просвѣщеніе даже тѣмъ, что мы себѣ оное взяли. Изъ нашихъ рукъ, каковы они теперь, народъ не приметъ просвѣщенія. Этому удивляться нельзя, да и жалѣть объ этомъ нечего. Наше дѣло теперь не въ томъ, чтобъ учить его, а въ томъ, чтобъ не препятствовать ему учиться, и мы должны объ этомъ подумать. При настоящемъ положеніи наше дѣло можетъ выразиться только однимъ: предложеніемъ народу средствъ просвѣщенія, но не просвѣщенія самаго, нами выбраннаго и обработаннаго для народа. Это средство есть единственное: грамотность Церковно-славянская и Русская; объ ней надобно заботиться и вмѣстѣ о составленіи деревенскихъ библіотекъ, состоящихъ изъ книгъ, и безъ того требуемыхъ народомъ, т.-е Евангелія, Апостола и вообще Церковно-славянскихъ книгъ. Къ нимъ прибавилъ бы я Собраніе Русскихъ Лѣтописей: ибо я увѣренъ, что народъ сейчасъ признаетъ свое сродство съ ними, узнаетъ себя въ нихъ и будетъ читать ихъ охотно. Сюда можетъ присоединиться ариѳметика въ своихъ основаніяхъ, какъ грамотность. Грамота и ариѳметика въ своихъ основаніяхъ предлагаются не въ силу довѣрія, котораго нѣтъ, а въ наивозможнѣйшей полнотѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ предлагаются для всякаго.

Если же мы думаемъ сообщить просвѣщеніе народу и съ другихъ сторонъ его, просвѣщеніе вообще, то для этого должны мы обратиться не къ народу, а къ себѣ, себя переучить и возстановить союзъ съ народомъ, безъ котораго невозможно довѣріе и невозможно сообщеніе просвѣщенія.

Замѣчаніе за „замѣтку" г. Даля.

Г. Даль говоритъ въ своей «Замѣткѣ о грамотности» (Санкт.-Пет. Вѣд. № 245), что онъ возстаетъ не противъ грамотности, а противъ злоупотребленій ея. Злоупотребленій конечно никто защищать не станетъ. Но для избѣжанія злоупотребленій, г. Даль совѣтуетъ не запрещать грамоты, нѣтъ,—а совѣтуетъ не стараться о ея распространеніи. Онъ выражается такъ: «Грамотность по себѣ не есть просвѣщеніе, а только средство къ достиженію его; если же она употреблена будетъ не на это, то она вредна. Языкъ и руки конечно также первые злодѣи наши и также могутъ послужить на худое; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ихъ должно было отнять или откинуть: они даны намъ Богомъ и потому на своемъ мѣстѣ, а грамота дается людьми и потому можетъ быть и не всегда въ пору и кстати». Нельзя воздержаться отъ нѣкотораго удивленія. Если г. Даль опасается злоупотребленій отъ грамоты, и въ силу возможности этихъ злоупотребленій полагаетъ, что грамота можетъ быть не всегда въ пору и кстати, то такія же точно злоупотребленія можетъ производить, по словамъ самого же г. Даля, языкъ (языкъ, то есть, слово человѣческое): отъ чего же языкъ (опять по словамъ г. Даля) всегда на своемъ мѣстѣ? Отчего же такая разница? Вѣдь возможность вреда одинакова и тамъ и здѣсь: и тамъ и здѣсь возможно злоупотребленіе. Г. Даль говоритъ, что языкъ и руки даны Богомъ, а грамота—людьми. Это тоже какъ-то странно. Все доброе, и прежде всего свѣтъ, отъ Бога; только зло и тьма не отъ Бога. Грамота есть благо, есть дѣло разума, дѣло свѣта, Божіе дѣло. Да и что же наконецъ грамота, какъ не тоже слово, не тотъ же языкъ, лишь перенесенный на бумагу?... Нѣтъ мы не можемъ согласиться съ г. Далемъ. Мы знаемъ, что дары духа—Божьи дары. Мы за всякою обѣднею слышимъ, что «всякое благое даяніе и всякой совершенный даръ исходитъ свыше отъ Отца свѣтовъ». А грамота есть такой даръ.

Далѣе г. Даль говоритъ: «Не думаю, чтобы слѣдовало принимать какія либо мѣры для лишенія народа грамотности *); но можетъ быть

*) Еще бы это! Объ этомъ (даже и отрицательно) страшно подумать. Это все равно, если бы г. Даль сказалъ: „не думаю, чтобы слѣдовало принимать какія либо мѣры для лишенія народа человѣческихъ правъ"!...

не для чего, въ настоящую пору, слишкомъ старательно распространять ее, заботиться объ ней почти исключительно, видѣть въ ней одно благо и спасеніе». Намъ кажется, что г. Даль (невольно, конечно) усиливаетъ мнѣніе противниковъ своихъ; безъ того возражать противъ нихъ было бы трудно. Кто же думаетъ, скажите, заботиться о грамотности *почти исключительно?* Безъ сомнѣнія, многое есть и кромѣ грамотности, о чемъ должно заботиться относительно народа. Но рѣчь теперь не о томъ. Вопросъ долженъ быть поставленъ просто: нужна ли грамотность народу, или нѣтъ? Нужно ли распространять ее, или нѣтъ? Г. Даль думаетъ, что въ настоящее время не нужно. Но, боясь сколько нибудь не такъ передать его мысли, выписываемъ опять его собственныя слова: «И такъ я утверждаю, что у насъ есть заботы и обязанности, относительно народа, гораздо важнѣйшія и полезнѣйшія, чѣмъ указка и перо. Умственное и нравственное образованіе можетъ достигнуть значительной степени безъ грамоты; напротивъ, грамота, безъ всякаго умственнаго и нравственнаго образованія и при самыхъ негодныхъ примѣрахъ, почти всегда доводитъ до худа. Сдѣлавъ человѣка грамотѣемъ, вы возбудили въ немъ потребности, коихъ не удовлетворяете ничѣмъ, а покидаете его на распутіи. Два ближайшія къ народу сословія, къ сожалѣнію грамотныя (?!) подаютъ этотъ гибельный примѣръ *). Напередъ исправьте это, и тогда налегайте на грамотность. До того пусть грамота бредетъ насколько сама сможетъ: намъ не до нея».

«Что вы мнѣ отвѣтите на это, продолжаетъ г. Даль, если я вамъ докажу *именными списками*, что изъ числа 500 человѣкъ, обучавшихся въ 10 лѣтъ въ девяти сельскихъ училищахъ, 200 человѣкъ сдѣлались *извѣстными* негодяями?»

Г. Даль заключаетъ такъ:

«Повторяю: не запрещайте никому учиться грамотѣ, помогайте даже въ этомъ, кому хотите; но не смѣшивайте грамоты съ образованіемъ, средства съ цѣлію, не проповѣдуйте грамоты какъ спасенія, не приносите никакихъ жертвъ для всеобщаго водворенія ея: рано!»

И такъ, не смотря на странную неясность нѣкоторыхъ выраженій, мы можемъ заключить, на основаніи словъ самого г. Даля, что г. Даль только что *не запрещаетъ грамотности*, но не считаетъ нужнымъ что нибудь дѣлать для ея распространенія, въ настоящую пору. Такого рода мнѣніе проистекаетъ у г. Даля, конечно, изъ того, что

*) Не ошибка ли это? Туда ли поставлено: „къ сожалѣнію". Не хотѣлъ ли г. Даль сказать: „къ сожалѣнію подаютъ"?

онъ видитъ злоупотребленія грамотности. Справедливо на нихъ негодуя, онъ несправедливо обвиняетъ за нихъ самую грамотность, ибо не считаетъ нужнымъ теперь ея распространеніе. Отвѣтъ же на вопросъ г. Даля намъ не кажется труднымъ. Если изъ 500 выучившихся грамотѣ, 200 стали негодяями, то это показываетъ только, что условія жизни, подъ которыми живутъ они, способствуютъ къ такой порчѣ. Это показываетъ только на легкую возможность злоупотребленія грамоты. Такъ и нападайте на злоупотребленія, на источникъ ихъ, а не на то добро, которое во зло употребляется, которое въ томъ нисколько не виновато и которое, напротивъ, всего скорѣе и можетъ исправить злоупотребленія, отъ него возникающія. Слово, божественный даръ (а грамота писанное слово), употребляется часто во зло; но неужели вы пожелаете нѣмоты? Напротивъ: слово только и можетъ исправить злоупотребленія слова.

А г. Даль, если и не запрещаетъ грамоты, то считаетъ, что не нужно ничего дѣлать для ея распространенія. Ибо что̀ значатъ эти слова: «не приносите никакихъ жертвъ для всеобщаго водворенія ея?» Это значитъ: не отымайте у себя для этой цѣли ни времени, ни денегъ, то есть просто: не дѣлайте ничего для всеобщаго водворенія грамоты. Намъ кажется, что бояться для народа грамотности это какое-то оскорбительное недовѣріе къ народу.

Грамотность есть средство просвѣщенія, а не просвѣщеніе самое. Именно поэтому-то, думаемъ мы, и должно распространять ее. И свѣтъ есть только средство, а не цѣль; но прежде всего мы желаемъ свѣта, не справляясь о томъ, что̀ онъ освѣтитъ. Грамотность также безстрастна, какъ свѣтъ, какъ Божій день. О самомъ просвѣщеніи еще можетъ быть рѣчь, ибо оно можетъ быть ложное и истинное; но и здѣсь, вѣруя въ силу истины вообще и въ разумъ Русскаго народа, мы не побоимся и ложнаго просвѣщенія, не говоря объ истинномъ. О грамотности же и рѣчи быть не можетъ, какъ не можетъ быть рѣчи о свѣтѣ. Нѣтъ того времени, нѣтъ той поры, когда бы не нужно было свѣта. Злоупотребленіе ничего не доказываетъ. Чего не употребляетъ во зло человѣкъ? Какое благо не дѣлается предлогомъ къ злу? Но изъ этого не слѣдуетъ нападать на самое благо.

Недавно напечаталъ я статью «о народномъ обученіи». Тамъ говорю я, что мы можемъ предлагать народу только грамотность и вообще только средства просвѣщенія. Я говорю, что народъ не приметъ самаго просвѣщенія изъ нашихъ рукъ, что мы, образованные люди, при оторванности нашей отъ народа, не пользуемся его довѣріемъ,

что мы должны прежде всего обратиться къ самимъ себѣ и постараться, поработавши надъ нашимъ собственнымъ истиннымъ образованіемъ и вышедши изъ отвлеченности и отчужденности отъ нашего народа, заслужить народное довѣріе. Повторяю и теперь мои мысли: но считаю нужнымъ прибавить: я говорилъ, что народъ не приметъ отъ насъ просвѣщенія, что наши усилія будутъ безполезны, жалки. Въ тоже время, думаю я, очень естественно и понятно, что тѣ, которые думаютъ иначе, думаютъ, при всей отвлеченности нашего общества, сдѣлать пользу народу сообщеніемъ просвѣщенія (съ возможностію чего, при настоящихъ условіяхъ, я совершенно не согласенъ, ибо я думаю, что не мы народу, а онъ намъ можетъ сдѣлать пользу), естественно, что тѣ будутъ стараться предлагать ему наше просвѣщеніе и даже писать для народа. Это ошибочно, но пусть такъ! Народъ и будетъ судьею въ этомъ дѣлѣ. Но противъ одного мы рѣшительно вооружаемся: противъ того, чтобъ не вздумали навязывать народу, какъ нибудь насильно, своего просвѣщенія, своихъ книжекъ, писанныхъ для народа. Насиліе, по существу своему, есть всегда зло.

Возвращаемся къ вопросу о грамотности. Мы думаемъ, что грамотность есть благо всегда и во всякую минуту, что слѣдовательно распространіе ея всегда должно быть желанно, должно быть предметомъ заботы всѣхъ тѣхъ, кто можетъ содѣйствовать этому распространенію. Великое дѣло Кирилла и Меѳодія, грамота наша, водворившаяся со времени Св. Владимира на Русской землѣ (къ счастью, тогда не думали, что это: *рано!...*), для того и существуетъ, чтобъ распространяться какъ можно шире и обнять весь народъ Русскій благодатнымъ свѣтомъ своимъ.

Рано! восклицаетъ г. Даль.

Всегда пора! отвѣчаемъ мы ему.

Москва, 1857. Декабря 4.

ПИСЬМА Ѳ. И. ТЮТЧЕВА КЪ П. Я. ЧААДАЕВУ.

Предлагаемыя письма являются важными данными для характеристики отношеній, существовавшихъ между Тютчевымъ и Чаадаевымъ. Познакомились они лично лишь по возвращеніи Тютчева въ Россію, т.-е. уже въ 40-хъ годахъ: но, несомнѣнно, Тютчевъ, внимательно слѣдившій за Русской литературой, не могъ не читать „Философическаго письма“ 1836 года. При всей противоположности склада ума и убѣжденій, Тютчевъ и Чаадаевъ взаимно цѣнили и уважали другъ друга, хотя почти ни въ чемъ не соглашались, и постоянно готовы были спорить.

И. Аксаковъ въ „Біографіи Ѳ. И. Тютчева“ передаетъ: „Особенно забавно было видѣть Чаадаева и Тютчева вмѣстѣ и слушать ихъ споръ. Чаадаевъ утверждалъ, что Русскіе въ Европѣ какъ бы незаконнорожденные; Тютчевъ доказывалъ, что Россія особый міръ, съ высшимъ политическимъ и духовнымъ призваніемъ, передъ которымъ долженъ со временемъ преклониться Западъ... Чаадаевъ не могъ не цѣнить ума и дарованій Тютчева, не могъ не любить его, не могъ не признавать въ Тютчевѣ человѣка вполнѣ Европейскаго, болѣе Европейскаго, чѣмъ онъ самъ, Чаадаевъ; передъ нимъ былъ уже не послѣдователь, не поклонникъ Западной цивилизаціи, а сама эта цивилизація, самъ Западъ въ лицѣ Тютчева... Чаадаевъ глубоко огорчался и даже раздражался неприличнымъ, непостижимымъ именно въ Тютчевѣ заблужденіемъ, аберраціей, руссоманіей ума...“ (Біогр., стр. 70).

М. Жихаревъ, въ біографіи П. Я. Чаадаева, подтверждаетъ эти свѣдѣнія. „Наиболѣе несогласные съ Чаадаевымъ, говоритъ онъ, были съ нимъ и наиболѣе дружными. Рѣшительный его противникъ Ѳ. И. Т(ютчевъ) часто говаривалъ: „l'homme que je contredis le plus et aussi celui que j'aime le mieux“. Ихъ споры между собой доходили до невѣроятныхъ крайностей. Разъ, среди Англійскаго клуба, оба пріятеля подняли такой шумъ, что клубный швейцаръ, отъ нихъ въ довольно почтенномъ разстояніи находившійся, серьезно подумалъ и благимъ матомъ прибѣжалъ посмотрѣть, не произошло ли въ клубѣ небывалаго явленія рукопашной схватки и не пришлось бы разнимать драку“. („Вѣстн. Евр.“ 1871, т. V).

Чаадаевъ былъ очень ревностнымъ читателемъ политическихъ статей Тютчева и даже разъ собирался писать возраженіе. Конечно, возраженіе осталось неконченымъ, какъ и большинство замысловъ Чаадаева. Кстати ска-

зать, изъ Остафьевскаго Архива теперь стало извѣстнымъ, что и А. И. Тургеневъ писалъ „Замѣчанія на книжку Тютчева" (т.-е. на первую его статью въ Аугсбургской газетѣ, видимо, тоже вышедшую отдѣльнымъ изданіемъ. О. А., т. IV, стр. 301). Тургеневъ тоже, признавая силу мысли Тютчева, относился къ его взглядамъ отрицательно. Онъ называлъ мнѣнія Тютчева „восточными проектами, противоевропейскими и, слѣдовательно, антихристіанскими и античеловѣческими". Это — „политическія затѣи, коихъ невѣжественная Европа все еще боится, и оттого лишнія войска у нея и у насъ". (О. А., т. IV, стр. 324 и 327).

О взаимныхъ отношеніяхъ этихъ трехъ лицъ сохранился разсказъ, довольно незначительный, но все же характерный. Чаадаевъ однажды, когда у него былъ Тютчевъ, прочелъ ему длинное письмо, написанное имъ къ А. И. Тургеневу въ видѣ нравоучительной и нѣсколько укорительной грамоты. Прочитавъ ее, Чаадаевъ спросилъ, не правда ли, что это напоминаетъ письмо Ж. Ж. Руссо къ Парижскому архіепископу? — „А что же, вы послали это письмо къ Тургеневу?" спросилъ Тютчевъ.—„Нѣтъ, не послалъ", отвѣчалъ Чаадаевъ (Русск. Арх. 1875 г., стр. 68).

Закончимъ нашу замѣтку изображеніемъ внѣшняго облика Ѳ. И. Тютчева, какъ онъ описанъ въ стихахъ графини Е. П. Растопчиной, относящихся впрочемъ къ болѣе позднему времени (1858 г.):

. . . тощій, престарѣлый,
Жизнью сломленный поэтъ,
Въ комъ *душа убила тѣло*
И горитъ духовный свѣтъ.
На лицѣ умно-прекрасномъ,
На измученныхъ чертахъ
Есть разсказъ о горѣ страстномъ,
О мучительныхъ борьбахъ.

В. Б.

1.

S-t Pétersbourg, ce 13 avril 1847.

Me voilà donc enfin en possession, cher monsieur Чаадаевъ, du beau cadeau que votre amitié a bien voulu me faire. J'en ai été flatté et touché plus que je ne puis vous le dire. En effet, moi qui ne m'attendais qu'à une modeste litographie, je vous laisse à penser avec quelle reconnaissante surprise j'ai reçu quelque chose d'aussi complètement satisfaisant et d'aussi obligeamment personnel que le beau portrait que vous m'avez envoyé... Je suis, pour parler la langue du pays, comme un homme qui ne s'attendait qu'a un simple Stanislas et qui se voit décoré d'une S-te Anne au cou, en diamants... Encore une fois, agréez en mes plus sincères remercimens. Le portrait est très bien, très ressemblant et d'une ressemblance qui fait grand honneur à l'intelligence du peintre. Cette ressemblance est assez frappante pour m'avoir suggéré la

réflexion qu'il y a certains types humains qui sont comme les médailles de l'humanité: tant ils paraissent avoir été frappés avec soin et intelligence par le Grand Artiste et tant ils se distinguent du type ordinaire de sa monnaie courante.

Votre portrait, cher monsieur et ami, ne m'aurait rien laissé à désirer s'il avait pu me donner tous les renseignemens que j'aimerais à avoir sur vous, sur l'état actuel de votre santé, en un mot, sur tout ce qui a rapport à votre personne physique et morale. Que serait-ce, si dans un de vos moments de loisir, vous lui veniez en aide, et le mettiez à même de m'apprendre sur vous tout ce que me laisse ignorer son silence obligé... en dépit de sa ressemblance.

Les dernières nouvelles que nous avons eues de vous, nous ont été, si je ne me trompe, apportées par *Popoff* à son retour de Moscou, et elles étaient loin d'être aussi satisfaisantes que je les eusse désirées... quant à ce qui concerne votre santé... Est-ce que vous ne vous décideriez donc pas d'entreprendre l'été prochain quelque chose de plus éfficace que tout ce que vouz aves fait jusqu'à présent pour cet objet? Et pourquoi, par exemple, ne songeriez vous pas sérieusement à essayer des eaux de l'Allemagne au retour de la belle saison, si tant est que la belle saison songe cette année à revenir parmi nous?... Je suis convaincu que dans la disposition de santé où vous êtes, le voyage en lui-même, c'est-à dire un déplacement physique et moral, serait déjà un bon commencement de cure, et ferait peut-être à lui seul tous les frais de la guérison... Pensez y, cher monsieur Чаадаевъ, et faites un génereux effort dans l'interêt de la plus belle des causes, qui est celle de la santé.

Maintenant, après vous avoir parlé de l'essentiel, j'aimerais bien vous parler à loisir de quelques unes de nos préoccupations littéraires et autres de l'hiver dernier, telles que les lettres de Gogol, votre Сборникъ-monstre de Moscou etc.; mais hélas on cause mal à six cents verstes de distance, et quoiqu'on en dise la causerie épistolaire est une chose presque aussi fatigante qu'une partie d'echecs par lettres... J'ai, d'ailleurs, l'espoir, que d'une manière ou d'autre, nous nous verrons dans le courant de l'été prochain, et c'est pourquoi je vous prie de considérer cette lettre comme le reçu du beau cadeau que vous m'avez fait, bien plus que comme une expression tant soit peu complète de l'amitié et de l'affection de votre tout dévoué T. Tutchef.

Переводъ.

С.-Петербургъ, 13 Апрѣля 1847 г.

Наконецъ-то, дорогой Петръ Яковлевичъ, въ моихъ рукахъ прекрасный подарокъ, вручаемый мнѣ вашей дружбой. Я былъ польщенъ и тронутъ болѣе, чѣмъ могу то выразить. Въ самомъ дѣлѣ, я могъ ждать только скромной литографіи; судите же, съ какимъ признательнымъ удивленіемъ я получилъ прекрасный портретъ, вами посланный мнѣ; этотъ подарокъ удовлетворяющій всѣмъ желаніямъ и столь обязательно обращенный именно ко мнѣ...[1]). Говоря здѣшними выраженіями, я сравню себя съ человѣкомъ, ждавшимъ просто Станислава и вдругъ получившимъ Анну на шею съ бриллiантами. Еще разъ примите выраженія моей сердечнѣйшей благодарности. Портретъ очень хорошъ, очень похожъ, и притомъ это сходство такого рода, что дѣлаетъ великую честь уму художника. Это сходство настолько поразительно, что у меня невольно возникла мысль, нѣтъ ли особаго типа людей, являющагося какъ бы медалями въ человѣчествѣ: настолько онъ отличается отъ обычнаго типа людей, который можно тогда сравнить съ ходячей монетой, и настолько кажется онъ дѣломъ рукъ и вдохновенія Великаго Художника.

Вашъ портретъ, дорогой другъ и любезный Петръ Яковлевичъ, удовлетворилъ бы окончательно всѣ мои желанія, если бы онъ вдобавокъ могъ сообщить мнѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я желалъ бы имѣть о васъ, о теперешнемъ состояніи вашего здоровья и вообще обо всемъ, что̀ имѣетъ отношеніе къ вашей тѣлесной и духовной жизни. Почему бы вамъ въ одинъ изъ свободныхъ часовъ не прійти къ нему на помощь и не дать мнѣ возможности узнать о васъ все, что̀ скрыто отъ меня его вынужденнымъ безмолвіемъ... не смотря на все его сходство.

Послѣднія извѣстія о васъ, если не ошибаюсь, были намъ доставлены Поповымъ [2]) при его возвращеніи въ Москву, и были они далеко не такъ удовлетворительны, какъ я того желалъ... по крайней мѣрѣ, что̀ касается ва-

---

[1]) Чаадаевъ, вѣроятно, доставилъ Тютчеву какой-то особый портретъ, нарочно для него работанный художникомъ. Литографическій портретъ, о которомъ упоминается въ письмѣ, Чаадаевъ разсылалъ очень многимъ. Есть извѣстіе, что посредникомъ по раздачѣ этого портрета въ Петербургѣ и за границей Чаадаевъ избралъ именно Тютчева. Было даже высказано предположеніе, что Тютчевъ, по свойственной ему безпечности, не исполнилъ порученія (Русск. Арх. 1875 г., стр. 69). Это, повидимому, невѣрно. Такъ, по поводу портрета, доставленнаго Ф. Ф. Вигелю, возникла у него переписка съ Чаадаевымъ, приведшая къ обмѣну письмами, довольно непріятнаго содержанія. (Письмо Вигеля еще не напечатано, отвѣтъ Чаадаева см. „Вѣстн. Евр.“ 1871, т. VI).

[2]) Александромъ Николаевичемъ, товарищемъ Ю. Ѳ. Самарина, младшимъ пріятелемъ А. С. Хомякова.

шего здоровья. Не рѣшитесь ли вы предпринять наступающимъ лѣтомъ что-нибудь болѣе существенное, чѣмъ все, что вы дѣлали до сихъ поръ въ этомъ направленіи? Почему, напримѣръ, серьезно не подумаете вы о томъ, чтобы съ возвращеніемъ хорошей погоды испробовать Нѣмецкія воды, если только хорошая погода въ этомъ году намѣрена возвратиться къ намъ?.. Я убѣжденъ, что при вашемъ состояніи здоровья уже само путешествіе, то-есть просто перемѣна мѣста и настроенія, было бы уже добрымъ началомъ лѣченія и, можетъ быть, взяло бы на самого себя всѣ труды по исцѣленію. Подумайте объ этомъ, дорогой Петръ Яковлевичъ, и сдѣлайте мужественное усиліе во имя лучшаго изъ благъ, здоровья [1]).

Теперь, сказавши все существенное, я охотно поболталъ бы съ вами вволю о литературныхъ и другихъ нашихъ занятіяхъ прошедшей зимы, каковы „Переписка“ Гоголя [2]), вашъ „Огромный Московскій Сборникъ“ [3]) и т. под.; но увы! плохо говорится на разстояніи шести сотъ верстъ, и, чтобы тамъ ни утверждали, болтовня въ письмахъ утомляетъ почти столько же, какъ партія въ шахматы по перепискѣ. Къ тому же у меня есть надежда, что такъ или иначе, мы свидимся въ продолженіе этого лѣта. Вотъ почему прошу васъ смотрѣть на это письмо болѣе какъ на извѣщеніе о полученіи прекраснаго подарка, сдѣланнаго вами мнѣ, чѣмъ какъ на выражнніе, хотя бы и не полное, дружественныхъ чувствъ и неизмѣнной любви преданнаго вамъ

Ө. Тютчева.

2.

J'ai eu grand plaisir l'été dernier à revoir l'Allemagne et Paris et me suis presque apitoyé sur moi-même à raison du plaisir que j'éprouvais. Ah oui, la différence est grande comme agrément et facilité d'existence entre ces deux mondes, et cette différence a encore énormément grandi dans ces dernières années... Tous ces pays-là maintenant que le réseau des chemins de fer est terminé, vous font au premier moment l'effet d'un conte de fée. Je n'ai pas eu moins de plaisir à revoir des montagnes et cette fois j'ai réussi à faire l'ascension du Rhigi... mais, que diable, allé-je vous parler du Rhigi dans les circonstances actuelles. Eh bien, mon cher ami, ce que j'ai été seul ou presque seul

---

[1]) Чаадаевъ не воспользовался этимъ совѣтомъ, можетъ быть, потому, что не располагалъ достаточными для того денежными средствами.

[2]) „Переписка съ друзьями“ Гоголя вышла въ этомъ 1847 г. (Цензурн. разрѣшеніе 18 Авг. 1846 г.). Мнѣніе Чаадаева о ней изложено имъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, нѣсколько разъ напечатанному (между прочимъ въ „Русск. Арх.“ 1866 г.). Письмо это написано 29 Апрѣля 1847 г., т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ полученія письма Тютчева; въ концѣ есть приписка: „Поклонитесь Тютчеву“.

[3]) Московскій Сборникъ 1847 года (статьи Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ, Чижова) вышелъ въ свѣтъ книгою большаго объема.

à prévoir depuis bien des années, ce qui a été pour moi l'objet d'une préoccupation assez sérieuse pour en paraître ridicule, tout cela maintenant est là, sous les yeux de tout le monde, palpable, réel, éclatant, le souci, la préoccupation exclusive et absorbante, et bientôt la grande catastrophe de la génération actuelle; car bien qu'on soit maintenant arrivé en présence même de l'événement, il y a peu, très peu de personnes qui en saisissent toute la portée et en pressentent toutes les conséquences. Ce qui a commencé cette année-ci c'est une lutte, une des plus grandes luttes consignées dans l'histoire de l'humanité, longue, bien longue hélas, car elle remplira toute la seconde moitié de ce siécle, et la génération qui l'a commencée ne la verra pas s'achever. Aprés bien des épreuves et bien des vicissitudes le dernier mot restera à la Russie, je le sais... Mais ce sera une Russie grandement différente de ce quelle est maintenant, car elle sera redevenue elle-même et cependant elle se sera associée à tant d'autres élements qui la complèteront et la transformeront que son nom même en sera modifié. Ce ne sera plus un empire, ce sera un monde.

Ici pour le moment on paraît avoir une conviction plus raffermie et des résolutions plus arrêtées. Toute cette déplorable école, qui depuis trente ans n'a cessé de faire fausse route et n'aurait pas mieux demandé que de continuer dans la même voie, à présent qu'elle se trouve acculée à l'absurde et à l'impossible; tous ces gens, en qui l'instinct national est néant et l'intelligence très médiocre, sont visiblement déconcertés par tout ce qui se dit et se remue autour d'eux, et il faut éspérer que l'on ne tardera pas à les tirer d'embarras de la seule manière dont ils peuvent en sortir...

Переводъ.

(1853) [1].

Прошлымъ лѣтомъ пережилъ я великое наслажденіе: побывалъ снова въ Германіи и въ Парижѣ; я почти разжалобился самъ надъ собой, по поводу испытаннаго удовольствія, О, да! въ пріятностяхъ и удобствахъ жизни разница между этими двумя мірами велика, и она еще безконечно выросла за эти послѣдніе годы. Теперь, когда сѣть желѣзныхъ дорогъ закончена, всѣ тѣ страны производятъ на васъ въ первое мгновеніе такое же впечатлѣніе, какъ фантастическая сказка [2]). Не меньшимъ удовольствіемъ было для меня увидать

---

[1]) Читатели припомнятъ письма Ѳ. И. Тютчева за тѣ же годы къ его супругѣ печатавшіяся въ „Русск. Арх." за 1897—99 гг.

[2]) Еще въ 1847 году Ѳ. И. Тютчевъ писалъ: „Ахъ, не станемъ проклинать желѣзную дорогу... Для меня въ особенности это просто благодѣяніе, ибо воображеніе мое успокоивается относительно самого страшнаго моего врага—пространства".

снова горы, и на этотъ разъ мнѣ удалось совершить восхожденіе на Риги... Но, чортъ возьми! Неужели я буду говорить о Риги при современныхъ обстоятельствахъ. Да, дорогой другъ мой, все то, что̀ я одинъ или почти одинъ, предвидѣлъ уже столько лѣтъ тому назадъ, все то, что̀ для меня было предметомъ настолько серьезныхъ думъ и занятій, что это уже казалось смѣшнымъ; все это теперь свершилось, все это предстало передъ взорами всего міра, животрепещущимъ, дѣйствительнымъ, сверкающимъ! Теперь—это забота и исключительная, всепоглощающая дума для всѣхъ, а скоро это будетъ великой катастрофой современнаго поколѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы стоимъ теперь лицомъ къ лицу съ самимъ событіемъ, но еще немногіе, очень немногіе понимаютъ все его значеніе и предчувствуютъ его слѣдствія. Что̀ начинается въ этомъ году,—то борьба, и одна изъ величайшихъ, когда-либо отмѣченныхъ въ исторіи человѣчества, долгая, увы! очень долгая, ибо она наполнитъ собой всю вторую половину этого вѣка, такъ что поколѣніе, начавшее ее, не увидитъ ея заключенія. Много будетъ превратностей и испытаній, но послѣднѣе слово останется за Россіей, я знаю это... Но то будетъ Россія безконечно непохожая на современную; она преобразуется сама въ себѣ и кромѣ того восприметъ въ себя такъ много составныхъ частей, которыя ее пополнятъ и видоизмѣнятъ, что самое имя ея станетъ нѣсколько инымъ *). И то не будетъ уже имперія—то будетъ особый міръ.

Здѣсь въ настоящее время, какъ кажется, господствуютъ убѣжденія болѣе узкія и замыслы болѣе ограниченные. Вся эта злополучная школа, которая въ теченіе тридцати лѣтъ только и дѣла дѣлала, что шла ложными путями и которая ничего лучшаго и не просила, какъ продолжать идти той же дорогой,—теперь видитъ себя упершейся въ нелѣпость и невозможность. Всѣ эти люди, въ которыхъ чувство народности отсутствуетъ и способности которыхъ весьма умѣренны, по всѣмъ видимостямъ сбиты съ толку тѣмъ, что̀ говорится и движется вокругъ нихъ; надо надѣяться, что они безъ особаго замедленія будутъ выведены изъ своего затруднительнаго положенія тѣмъ единственнымъ способомъ, который для нихъ возможенъ.

3.

Ici nous sommes toujours sous le poids des mêmes incertitudes. La mission du comte Orloff n'a eu d'autre résultat que de mettre en évidence ce qui n'est un secret pour personne, les niais excepté... Les puissances allemandes ne veulent s'engager vis à vis de nous à rien

---

*) Тютчеву въ то время казалось близкимъ выполненіе его завѣтныхъ надеждъ (См. его письмо отъ 26 Янв. 1853 г., гдѣ онъ напоминаетъ о предсказаніи на 1853 годъ и говоритъ о взятіи Константинополя). Говоря о измѣненномъ имени Россіи онъ, можетъ быть, вспоминалъ свои стихи о Христовоиъ алтарѣ въ храмѣ св. Софіи:

Пади предъ нимъ, о, царь Россіи
И встань какъ Всеславянскій царь!

d'autre qu'à une neutralité provisoire. Voilà le résultat net des dernières trente années de l'action de notre diplomatie. Il est tel qu'il devait être et, si on ne l'a pas prévu plus tôt, c'est qu'il paraît que la meilleure manière de s'apercevoir de l'existence d'un mur c'est d'aller s'y casser la tête. Que va-t-il arriver maintenant, va-t-on rester au pied du mur, ou essayera-t-on de le renverser? Je crois que même à présent encore *nul* ne le sait et qu'il n'y a d'autre détérmination prise que celle de laisser agir la Providence ou la fatalité. Les envoyés de France et d'Angleterre nous quittent apres-demain. L'un avec le cordon de S-t Alexandre, l'autre avec un coup de pied.

Ces jours-ci l'Empereur a reçu en audience particulière les trois missionaires de la paix qui sont des quakers. En réponse à l'adresse qu'ils lui ont présenté il a bien voulu leur développer toute l'historique de cet embrouillamini oriental et les a si bien convaincu de notre bonne foi et de la malice de nos ennemis, qu'ils en ont versé des larmes... Après quoi ils sont allés chercher leurs chapeaux chez le suisse où ils les avaient laissés. En nous quittant, ils comptent se rendre à Constantinople pour exhorter le Grand Turc. Et de là ils se transporteront auprès de Napoléon III pour le prêcher à son tour... Voilà assurément des gens qui mériteraient de réussir.

Je viens de passer la soirée avec l'ancien secrétaire de la légation anglaise lord Napier, un des Anglais les plus intelligents et les plus spirituels que j'aie rencontré. Il reconnaît tout ce qu'il y a d'absurde et de faux dans la conduite du cabinet de son pays, mais il déclare en même temps, lui qui a quitté Londres il y a huit jours, qu'il ne fait que subir la toute puissance du courant qui emporte l'opinion anglaise dans ce sens là... C'est un de ces malentendus qui ne s'éclaircissent que sur les ruines d'un monde...

Переводъ.

(1853).

Здѣсь насъ давитъ тягость все той же неопредѣленности. Порученіе, выполненное Орловымъ, имѣло только одно послѣдствіе: сдѣлало очевиднымъ то, что могло быть тайной лишь для глупцовъ. Германскія государства не хотятъ обязаться по отношенію къ намъ ничѣмъ инымъ, какъ условнымъ нейтралитетомъ. Вотъ чистѣйшее послѣдствіе дѣятельности нашей дипломатіи за послѣдніе тридцать лѣтъ. Оно таково, какимъ и должно было быть; а если его не предвидѣли заранѣе, то это потому, что лучшій способъ убѣдиться въ существованіи стѣны состоитъ въ томъ, чтобы разбить себѣ объ нее голову.

Что же произойдетъ теперь? Останутся ли у подножья стѣны или попытаются ее опрокинуть? Думается мнѣ, что даже теперь *никто* этого еще

не знаетъ и что единственное принятое рѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобы отдаться на волю Провидѣнія или рока. Французскій и Англійскій послы покидаютъ Петербургъ завтра. Одинъ съ Александровской лентой, другой съ толчкомъ ноги въ спину.

На этихъ дняхъ Государь принялъ въ частной аудіенціи трехъ проповѣдниковъ мира, изъ квакеровъ. Отвѣчая на поднесенный ими адресъ, онъ благоволилъ раскрыть передъ ними всю историческую необходимость этихъ Восточныхъ смутъ и такъ глубоко убѣдилъ ихъ въ нашей правотѣ и въ коварствѣ нашихъ враговъ, что они проливали слезы... Послѣ того отправились они за своими шапками, оставленными у швейцара. Покидая насъ, они намѣрены явиться въ Константинополь и убѣждать султана. А оттуда переправятся они къ Наполеону III, чтобы проповѣдывать и ему. Поистинѣ люди, заслуживающіе успѣха.

Я только что провелъ вечеръ съ прежнимъ секретаремъ Англійскаго посольства, съ лордомъ Непиромъ, однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и остроумныхъ Англичанъ, какихъ я только встрѣчалъ. Онъ признаетъ всю ложь и всю нелѣпость въ образѣ дѣйствій кабинета своей страны, но въ тоже время онъ заявляетъ (а онъ восемь дней тому назадъ какъ всего выѣхалъ изъ Лондона), что правительство только поддается неодолимой силѣ потока, увлекающаго въ этомъ направленіи Англійское общественное мнѣніе. Это одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которое можетъ разъясниться только на развалинахъ міра.

4.

S-t Pétersbourg, 20 Février 1855.

Nous avons certainement quelque peu abusé des manifestes dans ces derniers temps. Ce n'est pas que notre pauvre Empereur défunt eut jamais donné dans la phrase, bien loin de là. Il a poussé, on peut le dire, l'horreur de la phrase jusqu'à l'excès; car c'est cette horreur de la phrase qui plus que toute autre chose lui a fait vouer une haine personnelle de toute la presse en général. Mais il y avait malheureusement un tel désaccord entre ses instincts intimes et le faux système, le système inepte et anti-national dans lequel la Russie, gouvernement, cabinet et ce qu'on appelle, la société roulent depuis quarante ans, que ces manifestes de l'empereur Nicolas, presque toujours écrits par lui-même et par lui seul, exprimaient bien la pensée de son coeur, mais ne pouvaient jamais être considerés comme le programme sérieux de la politique de son cabinet. Et voilà ce qui a du nécessairement discréditer la valeur de ses paroles plus encore dans le pays même qu'à l'étranger. Il n'en saurait être ainsi des premières paroles que son successeur adresse à la Russie, et il doit être permis jusqu'à preuve du contraire de les accepter avec une confiance moins découragée. Or, ce

qui ne peut manquer de recommander ce manifeste à la bienveillance du pays et ce qui par contre-coup ne manquera pas de déplaire au dehors, c'est la netteté du dernier paragraphe. Il y a certainement de la dignité en présence de cette coalition ou plutôt de cette conspiration que des gouvernements de contrebande ou des gouvernements fourvoyés et terrifiés organisent contre la Russie; il est certainement digne et honorable de répondre à tous ces cris de rage par la déclaration positive que l'on maintiendra et que l'on poursuivra l'œuvre de Pierre-le-Grand, de Catherine II et des deux derniers empereurs.

Qu'une pareille déclaration compromette ou non le succès des conférences, c'est la dernière des considérations; car la paix qui pourrait résulter de ces conférences (et je tiens pour probable qu'une paix momentanée en sortira) ne sera pour l'Autriche, la France et l'Angleterre qu'un mensonge de plus ajouté à tous les autres mensonges. Il est peut-être nécessaire que la Russie passe par cette dernière épreuve d'une paix mensongère et impossible pour voir ruiné jusque dans ses derniers fondemens le système de politique qui quarante ans pesa sur elle et que l'on peut à juste titre au point de vue du sentiment national considérer comme une longue et persévérante apostasie.

*

С.-Петербургъ, 20 Февраля 1855 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что за послѣднее время мы немного злоупотребляли манифестами. Это не значитъ, чтобы бѣдный нашъ покойный Государь когда-либо вдавался въ фразу — вовсе нѣтъ. Отвращеніе передъ фразой онъ простиралъ, можно сказать, до излишества; именно это отвращеніе къ фразѣ болѣе, чѣмъ что̀ другое, возбуждало въ немъ чисто-личную ненависть къ печати въ ея цѣломъ. Но къ несчастью существовало величайшее несогласіе между его внутренними склонностями и той ложной системой, безсмысленной и противонародной, въ которой вся Россія, ея правительство, министры и то, что̀ называютъ обществомъ, вертятся вотъ уже сорокъ лѣтъ: и манифесты императора Николая, почти всегда писанные имъ самимъ и однимъ имъ, дѣйствительно выражавшіе его сердечныя помышленія,—никогда нельзя было разсматривать какъ настоящую программу правительственной политики. И это-то непремѣнно должно было обезцѣнивать его рѣчи еще болѣе внутри самой страны, чѣмъ за границей. Этого не должно быть, начиная съ первыхъ же словъ, обращенныхъ къ Россіи его преемникомъ: пока мы не получимъ доказательствъ противнаго, мы имѣемъ право принимать ихъ съ менѣе разочарованнымъ довѣріемъ. Между прочимъ, что̀ особенно должно вызвать сочувствіе всей страны къ манифесту и съ другой стороны, конечно, очень не понравится за рубежомъ, это—откровенность послѣдняго параграфа. Поистинѣ есть достоинство и величіе, стоя лицомъ къ лицу передъ этой ко-

алицей или лучше сказать передъ этимъ заговоромъ, образованнымъ противъ Россіи правительствами контрабандистовъ, или правительствами, сбитыми съ пути и запуганными, есть поистинѣ достоинство, что-то заслуживающее уваженія,—въ такихъ обстоятельствахъ на всѣ яростные крики отвѣчать спокойнымъ увѣреніемъ, что будутъ сохраняться и развиваться желанія и виды Петра Великаго, Екатерины II и двухъ послѣднихъ императоровъ *).

Можетъ ли такое объявленіе затруднить успѣхъ совѣщаній о мирѣ — это конечно самое послѣднее изъ соображеній; ибо миръ, который могъ бы быть слѣдствіемъ этихъ совѣщаній (а я считаю возможнымъ, что они поведутъ къ временному миру), будетъ лишь новой ложью для Австріи, Франціи и Англіи, прибавленной ко всей ихъ прошлой лжи. Быть можетъ, даже необходимо для Россіи пройти черезъ это послѣднее испытаніе, испытать лживый и невозможный миръ, чтобы увидѣть, наконецъ, какъ до глубочайшихъ основаній разрушится та политическая система, которая тяготѣла надъ ней сорокъ лѣтъ, и которую, съ точки зрѣнія народнаго чувства, можно не обинуясь назвать долгимъ и упорнымъ отступничествомъ.

„Silentium", стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева.

Пользуемся случаемъ сдѣлать маленькое библіографическое указаніе. П. В. Анненковъ въ біографіи Станкевича, упомянувъ о стихотвореніяхъ Красова, помѣщавшихся въ „Молвѣ" и имѣвшихъ большой успѣхъ, замѣчаетъ: „Любопытно, что въ томъ же 1835 году „Молва" напечатала „Silentium" Ѳ. Тютчева, произведеніе глубокаго, поэтически - философскаго характера, не обратившее, однакоже, на себя должнаго вниманія". Это указаніе, что „Silentium" впервыя было помѣщено въ „Молвѣ" 1835 года, перешло и въ біографію Тютчева, составленную Аксаковымъ, а оттуда и въ другія статьи о Тютчевѣ. Но въ „Молвѣ" 1835 года „Silentium" не оказывается, такъ что въ указаніи Анненкова явно приходится признать опечатку. Издатели „Сочиненій Тютчева" 1900 года не сумѣли ее исправить, и въ библіографическихъ примѣчаніяхъ сказано, что „Silentium" впервыя напечатано въ Пушкинскомъ „Современникѣ" 1836 г. Въ дѣйствительности „Silentium" было напечатано въ „Молвѣ" *1833 года* и притомъ со значительными отличіями отъ чтенія, извѣстнаго теперь. Вотъ это первоначальное чтеніе:

Silentium!

1. Молчи, скрывайся и таи
И мысли и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
Встаютъ и кроются онѣ,
5. Какъ звѣзды мирныя, въ ночи—
Любуйся ими—и молчи!...

*) Тютчевъ говоритъ о слѣдующихъ словахъ манифеста Александра II: „Да, руководимые и покровительствуемые призвавшимъ насъ къ сему великому служенію Провидѣніемъ, утвердимъ Россію на высшей степени могущества и славы, да исполняются черезъ насъ постоянныя желанія и виды августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и незабвеннаго нашего родителя".

Какъ сердцу высказать себя?..
Другому какъ понять тебя?..
Пойметъ ли онъ, чѣмъ ты живешь?..
Мысль изрѣченная есть ложь...
Взрывая, возмутишь ключи—
Питайся ими —и молчи!..

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй.
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно-волшебныхъ думъ...
Ихъ оглушитъ житейскій шумъ,
Разгонятъ дневные лучи..
Внимай ихъ пѣнью и молчи!..

Въ „Современникѣ“ 1836 года въ стихотвореніи были сдѣланы перемѣны, частью удалившія его отъ принятыхъ Русскихъ размѣровъ (не считая измѣненія знаковъ препинанія, можетъ быть, не зависѣвшаго отъ автора).

Стихи 1—5 стали читаться:

Молчи, скрывайся и таи
И *чувства* и мечты свои.
Пускай въ душевной глубинѣ
Встаютъ и *заходятъ* онѣ
Безмолвно, какъ звѣзды въ ночи.

Стихи 16—17, какъ и теперь:

Ихъ *заглушитъ наружный* шумъ,
Дневные *ослѣпятъ* лучи.

Послѣдняя поправка вызвана, конечно, невѣрностью ударенія: *днéвные*. Что же касается выраженія *безмолвно*, введеннаго въ 4-мъ стихѣ, то оно необыкновенно соотвѣтствовало общему смыслу стихотворенія. Заглавіе еще сохраняло знаменательный восклицательный знакъ: „Silentium!“.

Въ 1854 году, перепечатывая свои стихи въ преобразованномъ „Современникѣ“, Тютчевъ нашелъ нужнымъ вправлять ихъ въ точные размѣры. Въ „Silentium“, въ стихахъ 4—5 онъ вернулся къ первоначальному чтенію, впрочемъ замѣнивъ нѣкоторыя слова. Стихи эти съ тѣхъ поръ стали читаться:

И *всходятъ и зайдутъ* онѣ,
Какъ звѣзды *ясныя* въ ночи.

Исторія „Silentium“ важна въ томъ отношеніи, что показываетъ, съ какимъ тщаніемъ иногда Ѳ. И. Тютчевъ обработывалъ свои стихи, дважды мѣняя даже то, что̀ уже было напечатано.

Въ томъ же году „Молвы“ впервыя были напечатаны два перевода изъ Шекспира: „Любовники, безумцы и поэты“ и „Заревѣлъ голодный левъ“. Во второмъ изъ нихъ послѣдній стихъ читается такъ:

Выпускаютъ мертвецовъ

(а не „высылаютъ“, какъ въ изданіи 1854 года и теперь).

В. Б.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКАГО КЪ ПРИХОДСКОМУ ДУХОВЕНСТВУ.

При разборѣ старыхъ книгъ Воронежской семинарской библіотеки, случайно попалась связка бумагъ XVIII в., по всѣмъ признакамъ входившихъ раньше въ составъ консисторскаго архива. Какимъ образомъ попали эти бумаги въ библіотеку, неизвѣстно; но, судя по тому, что почти всѣ бумаги, вошедшія въ эту связку, имѣютъ историческій интересъ, можно предполагать, что онѣ были когда-то отобраны изъ консисторскаго архива любителемъ мѣстной старины, служившимъ въ Воронежской семинаріи. Особенное вниманіе обращаетъ на себя одно большое дѣло, относящееся ко времени управленія Воронежской епархіей св. Тихона Задонскаго. Дѣло это очень характерно и для приходскаго духовенства, и для самого св. Тихона.

Отношенія св. Тихона къ приходскому духовенству вѣрно охарактеризованы въ извѣстной книгѣ свящ. Лебедева „Святитель Тихонъ Задонскій и всея Россіи чудотворецъ" (С.-Пб. 1865), стр. 40—56. Здѣсь отмѣчены главные недостатки тогдашняго духовенства, съ которыми пришлось бороться святителю всѣми находившимися въ его распоряженіи мѣрами. Особенно вооружался святитель противъ невѣжества и небрежнаго отношенія духовенства къ своему служенію. Возстановивъ семинарію, св. Тихонъ старался дать хотя элементарныя понятія о богословскихъ предметахъ и тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя не прошли духовной школы. Между прочимъ, съ этою цѣлью онъ въ первый же годъ своего пребыванія на Воронежской каѳедрѣ разослалъ по церквамъ такъ-наз. реестръ „о седьми св. тайнахъ", что́ требуется отъ священника для исполненія его обязанностей. Этотъ реестръ онъ приказалъ прибить по церквамъ на пристойномъ мѣстѣ. Требуя отъ ставленниковъ элементарныхъ познаній въ богословіи, онъ въ особыхъ указахъ выражалъ свое сѣтованіе на невѣжество духовенства и настойчиво требовалъ каждому священнику и діакону имѣть у себя Новый Завѣтъ, „дабы и сами знали волю Божію, и могли, по возможности, исполнять и другихъ научать" (9 Авг. 1763 г.). Еще болѣе приходилось бороться св. Тихону съ страшною небрежностью духовенства къ церкви и богослуженію. Въ этомъ случаѣ онъ являлся строгимъ пастыремъ, каравшимъ провинившихся и монастырскимъ заключеніемъ, и денежными штрафами, и отрѣшеніемъ отъ должности. Изъ наказаній, бывшихъ въ то время въ ходу, святитель не практиковалъ только тѣлесныхъ по отношенію къ священникамъ, такъ какъ эти наказанія унижаютъ священный санъ (указъ 23 Сентября 1764 г.). Чтобы понять, насколько необходимы были тогда самыя строгія мѣры взысканія, необходимо вспомнить нѣкоторые случаи, разсказанные о. Лебедевымъ въ вышеуказан-

ной книгѣ. Хорошимъ дополненіемъ къ этой книгѣ является брошюра М. Н. Руднева „Резолюціи и распоряженія св. Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, по архивнымъ документамъ Тульской д. консисторіи“ (Тула, 1898). Но еще болѣе поразительнаго сообщаетъ намъ вышеуказанный неизданный документъ, къ описанію котораго мы и переходимъ.

Въ 1765 году была произведена ревизія приходскихъ церквей Сокольскаго, Романовскаго[1]) и Бѣлоколодскаго уѣздовъ. Вотъ что обнаружила эта ревизія. Въ соборной церкви г. Сокольска „на св. престолѣ одежда сверху суконная, а со сторонъ голевая, антиминса губа мала, крестъ на престолѣ серебреной чернъ, *въ запасныхъ св. тайнахъ воскъ и около ево пристало много мелкихъ крупицъ* [2]), подъ св. потиромъ литонъ крашенинной, у царскихъ вратъ завѣса суконная, *во святомъ мѣрѣ воскъ*, церковное *вино скислое, надъ жертвенникомъ и по всему олтарю, и на стѣнахъ, и въ церкви во иконостасѣ на св. образахъ поутины много, въ церкви-жъ и трапезѣ на помостѣ сору* и перьевъ (?) много, и книгъ, устава нѣтъ. Изъ данныхъ вашимъ преосвященствомъ реестра и краткаго увѣщанія, *что всякому человѣку отъ младенчества до смерти* всегда въ памяти содержать, выстановленныхъ въ церкви, такожъ и вѣдомости, оные священники и діаконы Новыхъ Завѣтовъ не имѣютъ; на *папертн близъ самыхъ дверей, скотскаго калу много*, церковь ограждена, а двери не затворяются“. Противъ этого отчета помѣтка рукою св. Тихона: „Управителей въ консисторію. Попа на полгода въ Семилуцкій монастырь, безъ священнослуженія, церковниковъ плетьми въ консисторіи высѣчь и діакона“. Въ Казанской городской церкви:... „Крестъ на престолѣ мѣдный чернъ, покрывало на престолѣ крашенинное, запасныя святыя тайны въ оловянномъ ковчегѣ шашломъ избиты и въ нихъ одинъ живой червь“... Помѣтка св. Тихона: „Попа въ консист., съ церковниковъ 50 коп. штр.“ Въ церкви села Воскресенскаго: на престолѣ одежда кумачная, *сверху окапана много воскомъ, и мѣстами изпробита, на ней пыли много*... въ запасныхъ св. тайнахъ *една часть мала сплѣсневала*, потиръ оловянной *малъ и чернъ, дискосъ оловянной, отъ ветхости агнца мало видно, тарелочки черны*, вино церковное скислось“. Помѣта: „попа въ консист.“ Въ церкви с. Козминки на св. престолѣ одежда сверху окапана воскомъ, *ветха и дырава*, на св. антиминсѣ, въ коемъ храмѣ имѣетъ власть священнодѣйствовать, не написано, литонъ выбойчетой ветхъ и дыравъ, два креста серебряные *весма черны*, звѣзда серебряная *отъ нечистоты позеленѣла, лжица оловянная черна*, у царскихъ вратъ завѣса кумачная ветха, трое ризъ шелковыхъ всѣ *подраны*, книгъ устава, толковаго воскреснаго евангелія не имѣется, во иконостасѣ на св. образахъ *поутины много, въ алтарѣ и въ церкви на помостѣ сору много*; изъ данныхъ вашимъ преосвященствомъ реестра, краткихъ увѣщаній и всѣхъ книжицъ, такожъ и Новаго Завѣта, онъ, попъ, не имѣетъ; поученія въ воскресные и праздничные дни на литургіи не всегда читаетъ, церковь не ограждена, *оная* церковь весма ветха, отчего *и служить въ ней опасно;* опредѣленныхъ дьячка и

---

[1]) Сокольскъ и Романовъ—бывшіе города близъ нынѣшняго Липецка. Н. Б.

[2]) Подчеркнуто рукою св. Тихона.

пономаря не имѣется, а службу правитъ онъ, попъ, съ дѣтми своими". Помѣтка: „попа въ консисторію и здѣтми". Въ с. Крутомъ: „во оной церкви на св. престолѣ одежда спереди *кумачная*, а со сторонъ *крашенинная, ветха, на ней пыли и сору много,* губа антиминсная *мала*, литонъ кумачной, на немъ *крупицъ много*, покрывало крашенинное *ветхое*, на немъ *пыли* и сору много, *ковчегъ* оловянной *нечистъ*, въ немъ святыя запасныя тайны *всѣ избиты шашломъ и въ нихъ два живыя черва*; а оныя св. тайны по закладываніи изсушаетъ на солнцѣ, а не на престолѣ, какъ уставъ повелѣваетъ, а въ дароносицѣ една часть, и та безъ *положенной бумажки*, дискосъ, звѣзда и копье весьма *черны*, потирная губа мала и *черна*, на жертвенникѣ одежда крашенинная ветха и *на ней пыли и сору много, елея* не имѣется, у царскихъ вратъ завѣса холщавая, ризъ двое и то ветхіе..., въ церкви на св. образахъ и *по стѣнамъ пыли и паутины много*, во оной церкви мірскихъ образовъ клетками по полкамъ *весма много*, чтеніе въ никогда *не читаетъ*, преждеосвященныхъ литургіевъ не служивалъ и *служить не умѣетъ* и т. д.". Помѣтка: „попа въ консист., діакона и дьячка высѣчь плетми".

Ограничимся для примѣра приведенными выписками. Всего въ рукописи описана 51 церковь. Изъ нихъ только шесть остались безъ помѣтокъ святителя, хотя неисправности указываются и въ нихъ. Почти во всѣхъ описяхъ указывается на грязное содержаніе алтаря и на небрежное отношеніе къ св. дарамъ.

Въ одной изъ дальнѣйшихъ бумагъ рукописи читаемъ слѣдующее: „1765 года, Сентября 21 дня, въ духовной преосвященнаго Тихона, Воронежскаго и Елецкаго, консисторіи города Воронежа, Покровской церкви священникъ Іаковъ Баженовъ, предъ образомъ Божіимъ по священству своему и по присяжной должности, такъ какъ ему на Страшномъ Судѣ Христовѣ стать, показалъ, что нижеписанныхъ селъ въ церквѣхъ запасные св. тайны, при осмотрѣ ево, подлинно въ таковомъ небреженіи имѣлись, какъ отъ него въ поданной вѣдомости показано, а имянно Богоявленскаго (села) въ Богоявленской (церкви) одна часть мохомъ поросла, Тафина въ Архангельской всѣ четыре части цѣлыя нераздроблены и въ нихъ три черва живыя, Крутого въ Пятницкой всѣ избиты шашаломъ, и въ нихъ два живыя черва, а въ дароносицѣ одна часть и та безъ подложенной бумажки, Шехмани въ Богоявленской большими частми поросли мохомъ, избиты шашломъ, Лосиной Луки въ Димитріевской поросли мохомъ и многіе истлѣли"...

Въ концѣ вышеописанной вѣдомости, представленной свящ. Іаковомъ Баженовымъ, положена слѣдующая резолюція рукою святителя Тихона:

„Поповъ подъ нумерами 2, 3, 15, 20, 25, 28, 31, 34, 40, попа Ѳому, 50, сыскавъ въ консисторію и выписавъ неисправности, представить, гдѣ книжицъ нѣтъ, написать на коштъ ихъ самихъ поповъ, и имъ разослать чрезъ духовное правленіе; прочихъ поповъ звать по очереди, чтобъ не было остановки; дьяконовъ и клириковъ не звать въ консисторію ради затрудненія, а высѣчь ихъ по селамъ самому посланному отъ мене попу Покровскому Георгію, ради исправленія церквей, которому написать инструкцію въ сихъ пунктахъ:

1) Учить, какъ таины святыя заготовлять.

2) Показывать по служебнику, какъ преждеосвященныя служить.

3) При немъ бы всякъ попъ отправилъ святую литургію.

4) Олтарь какъ въ чистотѣ имѣть, показать, и при немъ бы очищенъ былъ: 1) а имянно престолъ очистить, на которомъ только должно быть антиминсу въ чистомъ литонѣ; на антиминсѣ Евангелію, кресту одному или двумъ, ковчегу и дароносицѣ съ святыми тайнами. Кромѣ того, ничему не должно быть. 2) На жертвенникѣ только одни святыя посуды на посланной пеленѣ, а имянно: потиръ, дискосъ, блюдца, лжица съ воздухомъ и покровцами, покрыты пеленою же. Кромѣ того, ничего.

5) Посуды, какъ можно, вычистить и крестъ, и пр.

6) Изъ олтаря свѣчи, огарки и прочее вонъ приказать вынесть.

7) Гдѣ быть образамъ въ олтарѣ, показать. То-есть на горнемъ Спасителеву быть, по бокамъ Крестителеву и Богородицыну.

8) Иконостасъ очистить отъ пыли и сору и пр.

9) Мостъ вымыть въ олтарѣ и церкви.

10) И въ прочемъ благообразіе показать, и чтобъ такъ всегда содержали, подписку взять и въ консисторію представить.

11) Дать ему, ради всякаго писма и счета, копеиста.

12) Брать ему съ села до села по двѣ подводы съ двумя проводниками.

13) За труды брать позволяется съ самихъ священно и церковнослужителей, а не изъ казны церковной, отъ каждаго села малоприходнаго и убогаго по десяти алтынъ, съ средняго по сороку копѣекъ, съ великоприходнаго по полтинѣ; больше не требовать.

14) Гдѣ ветхость есть въ чемъ-нибудь, попу съ прихожанами объявлять, чтобъ было починено, и буде не будетъ починено, церковь имѣетъ быть запечатана, а прихожане къ другому селу опредѣлятся.

15) Поповъ судомъ Божіимъ устращать, чтобы помнили свое званіе, и показывать, какову быть должно іерею.

16) Да и прихожанъ увѣщевать, чтобъ къ церкви и къ славословію Божію усердіе имѣли и прочее, что въ инструкціи пишется. Августа 19 дня 1765 года. Епископъ Тихонъ.

Муро и елей во всякой чистотѣ держать и были бъ ящики устроены на сія. Просфоры, вино были бъ исправны, изъ служебника показывать".

*

Таково было состояніе приходскихъ церквей въ Воронежской епархіи. Какъ могли дѣйствовать подобные отчеты на святителя Тихона? Не они ли отчасти привели его къ мысли отречься отъ управленія Воронежской епархіей и удалиться на покой? *)

П. Никольскій.

Воронежъ. 27 Сентября 1900 г.

*) Отъ покойнаго профессора И. Д. Бѣляева мы слышали, что поводомъ къ удаленію святителя Тихона сначала въ Толшевскій (1767), а потомъ въ Задонскій монастырь была одна его проповѣдь, произнесенная имъ въ Зимнемъ дворцѣ. П. Б.

ДВА СЛОВА ОБЪ АРХІЕПИСКОПѢ РЯЗАНСКОМЪ ГАВРІИЛѢ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1898 года помѣщены Записки графа М. Д. Бутурлина, который, изображая Рязанскую общественную жизнь былаго времени, пишетъ о Новосильцовѣ, тогдашнемъ губернаторѣ, о Меропѣ Александровнѣ, его женѣ, и о другихъ лицахъ. Все это весьма правдиво и читается съ удовольствіемъ. Но на стр. 563 (выпускъ 8-й) подъ рубрикой: „Нападеніе на архіепископа“ сообщено нѣсколько неточныхъ свѣдѣній. Истина дорога, когда дѣло касается такихъ лицъ, какъ архіепископъ Гавріилъ (память о которомъ чтится до сихъ поръ въ Рязанской епархіи) и митрополитъ Филаретъ, великій святитель Русской церкви...

Подробно разсказано, какъ, послѣ обѣдни въ Рязанскомъ женскомъ монастырѣ, преосвященный Гавріилъ, губернаторъ Новосильцовъ и все общество, бывшее у обѣдни, приглашены были игуменьею въ ея келью, кушать чай, и какъ едва всѣ заняли мѣста, какой-то незнакомый никому человѣкъ (по одеждѣ принадлежавшій къ духовному званію) взошелъ въ горницу и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ бы желая подойти подъ благословеніе владыки. Достопочтенный архипастырь, всегда вѣжливый ко всякому, всталъ съ мѣста навстрѣчу незнакомцу, дабы осѣнить его, какъ вдругъ этотъ негодяй ударилъ со всего размаха архіерея по головѣ такъ сильно, что старикъ упалъ на полъ. Петръ Петровичъ (губернаторъ Новосильцовъ) бросился его поднимать“ и т. д. „Преступникъ былъ схваченъ“, пишетъ графъ, Бутурлинъ, „и будучи признанъ въ состояніи умопомѣшательства медицинскимъ осмотромъ, былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ. Преосвященный Гавріилъ увѣдомилъ было о случившемся съ нимъ митрополита Филарета съ коимъ давно находился въ перепискѣ, но, не получая, какъ разсказывали мнѣ, никакого отвѣта отъ митрополита, понялъ будто бы, что это молчаніе соотвѣтствуетъ совѣту проситься на покой, что̀ онъ и сдѣлалъ“. Послѣ этихъ словъ сдѣлано въ выноскѣ примѣчаніе графа Д. Н. Толстого: „Извѣстіе о молчаніи митрополита, которое принято преосвященнымъ Гавріиломъ за совѣтъ удалиться, мнѣ неизвѣстно, но кажется невѣроятнымъ“. Замѣчаніе графа Толстого совершенно справедливо. Не такой человѣкъ былъ митрополитъ Филаретъ, чтобы затрудниться высказать мнѣніе, когда таковое было необходимо

Въ Чтеніяхъ Общества Любителей Исторіи и Древности за 1868 г., помѣщены письма митрополита Филарета къ архіепископу Гавріилу. Въ нихъ,

на стр. 206 подъ № 77, помѣщено письмо митрополита Филарета отъ 25 Октября 1857 г. слѣдующаго содержанія:

„Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ! Сейчасъ я получилъ письмо ваше отъ 23 дня и не отлагаю ни на часъ отвѣта. Искренно скорблю о нанесенномъ вамъ оскорбленіи. Происшествіе такъ странно, что однимъ вѣроятнымъ изъясненіемъ онаго представляется безуміе Варлаама. Но какъ бы то ни было, невольное это или произвольное безуміе, васъ могла обезпокоить нечаянность приключенія; но съ окончаніемъ онаго, безпокойство ваше должно прекратиться. По разсужденію древняго философа, ударомъ отъ осла не должно тревожиться".

Затѣмъ митрополитъ вспоминаетъ подобный же случай, бывшій съ покойнымъ митрополитомъ Новгородскимъ Серафимомъ, котораго при выходѣ въ переднія комнаты, для выѣзда въ Св. Сунодъ, одинъ раскольникъ ударилъ по головѣ. Владыко перенесъ ударъ, безумецъ былъ задержанъ; но то вѣрно, что на оскорбленномъ не осталось никакой тѣни.

Изъ письма этого видно, что митрополитъ Филаретъ совсѣмъ не остался безучастнымъ къ увѣдомленію преосвященнаго Гавріила объ этомъ прискорбномъ событіи и отвѣчалъ ему въ тотъ же день.

Въ Запискахъ Н. В. Сушкова, о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московскаго, на стр. 149 упомянутъ этотъ случай съ архіепископомъ Гавріиломъ, какъ образецъ того, какъ участіемъ своимъ въ скорби ближняго Филаретъ поддерживалъ и укрѣплялъ оскорбленныхъ. На стр. 76, въ приложеніе № 31 къ этимъ Запискамъ напечатано письмо митрополита Филарета, и текстъ его тождественъ съ вышеприведеннымъ.

Сказаннаго, кажется, достаточно для возстановленія истины. Позволимъ только прибавить еще нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ жизни преосвященнаго Гавріила. Онъ удалился на покой въ древній Льговъ монастырь, въ 12 верстахъ отъ города Рязани, построенный на красивомъ живописномъ берегу р. Оки, гдѣ въ молитвѣ и дѣлахъ благотворенія доживалъ остальные годы своей жизни. Скончался онъ 7 Апрѣля 1862 года. Глубокое уваженіе паствы, благоговѣніе къ его праведной жизни перешли за нимъ и въ стѣны монастыря. Сохранилось о немъ немало разсказовъ. Древній монастырь стоитъ на высокомъ крутомъ берегу р. Оки, который съ годами отмывается полою водою, и оставалось только нѣсколько аршинъ до каменной ограды и береговой башни монастыря; опасность угрожала и имъ, когда преосвященный переѣхалъ на покой въ этотъ монастырь. На слѣдующую же весну нанятъ былъ подрядчикъ, который пригналъ барку бутоваго камня, свалилъ его въ разрѣзъ прибоя волнъ, и волны Оки, вмѣсто того, чтобы отмывать гору, стали къ искусственно-образованной преградѣ наносить песокъ, который и заросъ тальникомъ, и теперь вдоль всего берега противъ монастыр-

ской ограды зеленѣетъ лугъ, весь берегъ заросъ кустарникомъ и обвалы прекратились.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, намъ случилось ѣхать на пароходѣ мимо монастыря, и мѣстные жители указывали на зеленѣющій берегъ, передавая, что прекратились обвалы его по молитвамъ покойнаго архіепископа; а то, говорятъ, монастырю угрожала тоже опасность, какъ разрушился древній монастырь, Аграѳенина Пустынь, который, по преданію, построенъ былъ княгиней Агрипиной, женою Олега Рязанскаго.

Недавно вышла въ Рязани книга: „Церковная Лѣтопись с. Городковичей Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи" (изданіе Рязанскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта) протоіерея Молчанова, родственника преосвященнаго Гавріила. Изъ Лѣтописи этой видно, что село Городковичи—родина преосвященнаго Гавріила, что въ 1837 г. имъ построенъ былъ деревянный храмъ надъ могилами родителей, вмѣсто стараго развалившагося, а затѣмъ въ 1862 г. онъ положилъ основаніе и новому каменному храму, оставивъ по смерти своей весь наличный капиталъ, до 4000 рублей, и все послѣ него имущество, которое было продано: за карету, возокъ, рясы, столовое серебро и имущество было выручено 666 рублей. Не роскошно же жилъ преосвященный...

Въ одной изъ залъ Рязанскаго архіерейскаго дома, стѣны которой украшены портретами архіереевъ Рязанскихъ, начиная отъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, митрополита Стефана Яворскаго и до современныхъ намъ архипастырей, помѣщенъ портретъ и преосвященнаго Гавріила, съ кроткимъ и благодушнымъ выраженіемъ лица.

Рязанскій архіерейскій домъ есть бывшій дворецъ Рязанскихъ князей. Въ концѣ прошлаго столѣтія, при преосвященномъ Палладіи, къ нему сдѣланы значительныя пристройки, но они не сгладили характера древности первоначальнаго зданія. Комнаты и переходы древняго дворца, съ небольшими характерными окнами, сохранили свой первобытный видъ и, обращенныя теперь въ ризницу, представляютъ собою цѣнный музей историческихъ древностей. Драгоцѣнныя митры (Стефана Яворскаго, преосвященнаго Смарагда и другихъ) разнаго рода сосуды и прочія драгоцѣнныя и древнія венцы заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія и описанія.

А. Мансуровъ.

Село Починки.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Д. В. БАРТЕНЕВА[1]).

Вскорѣ послѣ того, какъ Гривицкій редутъ былъ взятъ нашимъ полкомъ [2]), совмѣстно съ Румынскими войсками, разнесся слухъ, что Плевненскія позиціи будетъ объѣзжать августѣйшій главнокомандующій. Полкъ нашъ, послѣ дѣла 30-го Августа, смѣнился съ позиціи первой линіи и сталъ на отдыхъ во вторую линію бивуакомъ, за деревней Гривицей; а 31-я пѣхотная дивизія [3]) заняла позицію въ первой линіи. Служба нашего полка заключалась въ ежедневномъ прикрытіи «Гривицкой осадной батареи», въ постройкѣ и возведеніи саперныхъ работъ, т. е. редутовъ, люнетовъ, батарей и проч., а также въ запрудѣ рѣчки Гривицы (притокѣ рѣки Вида) плотиною для того, чтобы остановить ходъ водяныхъ мельницъ подъ городомъ Плевною. На эти работы полкъ выходилъ чуть не въ полномъ своемъ составѣ, за исключеніемъ частей въ нарядѣ. Землю приходилось таскать на плотину очень длинными и узкими «саперными» мѣшками: работа трудная и очень утомительная.

Нашимъ полкомъ временно командовалъ подполковникъ Тихоновъ, вмѣсто убитаго при штурмѣ Гривицкаго редута, 30-го Августа, полковника и флигель-адъютанта, Н. П. Шлиттера. Часовъ въ двѣнадцать нашему полку велѣно было собраться у моста бивуакированія, ставъ шпалерами, и ожидать прибытія великаго князя Николая Николаевича Старшаго. Въ часъ, или около этого, вдали показался и великій князь. Онъ быстро ѣхалъ въ коляскѣ, запряженной четверкою крупныхъ лошадей, и вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ въ коляскѣ начальникъ штаба, генералъ-адъютантъ, А. А. Непокойчицкій. Вступя въ линію бивуакированія полка, коляска поѣхала шагомъ, и его императорское высочество здоровался съ людьми, говоря: «Здорово, молодцы Архангелогородцы, спасибо вамъ за доблестную службу». Всеобщее «ура» было

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года II, 75 и 172.

[2]) 17 пѣхотный Архангелогородскій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича полкъ.

[3]) 5 пѣхотная и 31 пѣхотная дивизіи составляли 9-й армейскій корпусъ.

отвѣтомъ на слова его императорскаго высочества. Поравнявшись съ моей первой линейной ротой и замѣтивъ въ рядахъ меня, его высочество спросилъ: «какъ твоя фамилія?»—«Бартеневъ, ваше высочество!»—«Не родственникъ ли тебѣ морякъ Бартеневъ?»—«Никакъ нѣтъ, ваше высочество!» Коляска съ великимъ княземъ продолжала, между тѣмъ, ѣхать шагомъ вдоль нашихъ войскъ, расположенныхъ шпалерами.

Затѣмъ его высочество отдалъ приказаніе командующему полками выдать людямъ по чаркѣ спирта *).

Отдохнувшіе нижніе чины нашего полка выглядывали бодро и смотрѣли вполнѣ молодцами, а потому его высочество, обратясь къ командующему полками, изволилъ сказать: «Какіе они молодцы у тебя! Съ такими и служить-то любо». Проѣхавъ расположеніе нашего полка, коляска стала подыматься на крутую гору и по дорогѣ въ селеніе Порадимъ, гдѣ была расположена въ то время главная квартира Государя Императора.

Спустя два часа послѣ проѣзда его высочества, опять показалась другая коляска, но запряженная парой въ дышло. При подъемѣ въ гору лошади остановились и никакъ не брали ея въ гору; тогда наши солдатики, предполагая и въ этой коляскѣ начальство, бросились помогать, схвативъ руками за колеса, но коляска ничуть не подавалась впередъ. Одному изъ солдатъ пришла мысль перемѣнить въ упряжкѣ лошадей, и ихъ стали перепрягать, т. е. лѣвую пристяжную на правую сторону и на оборотъ. Окончивъ перепряжку лошадей, тронули, и крутой подъемъ былъ взятъ въ одинъ мигъ. Какъ оказалось, въ коляскѣ сидѣлъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, который запретилъ нашимъ солдатамъ докладывать о немъ командующему полкомъ. Его Высочество тоже ѣхалъ въ селеніе Порадимъ. За труды солдатъ Великій Князь далъ на водку три рубля, а подавшему идею о перепряжкѣ одинъ рубль особенно. Когда узналъ объ этомъ случаѣ командующій полкомъ, то коляска уже далеко была отъ мѣста расположенія нашего полка. Нижніе чины за недокладъ ему о проѣздѣ Великаго Князя получили строгій выговоръ.

Еще одинъ разъ пришлось нашему полку видѣть августѣйшаго главнокомандующаго: это передъ выступленіемъ полка съ Плевненскихъ позицій на Балканы, въ передовой отрядъ генералъ-адъютанта І. В. Гурко. Его высочество, обратясь къ полку, сказалъ: «Я надѣюсь, Ар-

---

*) Во время войны солдатамъ выдавался спиртъ, а не водка, какъ въ мирное время.

хангелогородцы, что и на Балканахъ вы окажетесь такими же молодцами, какими были и подъ Плевной. Прощайте!» Могучее «ура» было отвѣтомъ на эти милостивыя слова. Нашъ полкъ и тамъ поддержалъ свою славу.

*

28-ое Ноября 1877 года было днемъ паденія Плевны. Я, какъ участникъ и очевидецъ этого знаменитаго боя, могу сказать, что рѣдко можетъ быть сраженіе столь ожесточеннымъ, какъ этотъ бой.

Наканунѣ, или кажется за два дня до боя, нашу 1 бригаду [1]) 5-й пѣхотной дивизіи, т. е. 17-й пѣхотный Архангелогородскій и 18-й Вологодскій полки, сняли съ ихъ позицій у деревни Гривица, гдѣ была наша осадная батарея, и обходнымъ движеніемъ, черезъ линію Румынскихъ войскъ, велѣли занять позицію на лѣвомъ берегу рѣки Вида, сначала у деревни Демиркіой, а затѣмъ у деревни Дольній-Нетрополь, между 3-й гренадерской дивизіей и Румынскими войсками. Наша бригада заняла участокъ позиціи отъ Дольняго Нетрополя до батареи во входящемъ углѣ, откуда позиція Нетропольскаго отряда поворачивала почти подъ прямымъ угломъ на Востокъ; но такъ какъ прибывшія съ бригадой 5-й пѣхотной дивизіи двѣ батареи были 4-хъ фунтовыя [2]), то на участкѣ нашей бригады были оставлены двѣ дальнобойныя батареи, бригады Кантильи (4-й Румынской дивизіи).

Нашъ Архангелогородскій полкъ занялъ подъ позицію какъ самую деревушку Дольній-Нетрополь, такъ и впереди ея ложементовъ, а Вологодскій полкъ сталъ у насъ въ резервѣ.

Съ 27 на 28 Ноября наступила очень темная ночь, про какую говорятъ: «что зги не видать», и вдали, гдѣ протекала рѣка Видъ, слышался какъ бы плескъ воды и какъ будто люди перебѣгали съ фонарями, а затѣмъ послышались удары топоровъ и скрипъ колесъ отъ каруццъ.

Вдали на Турецкихъ высотахъ, виднѣлось множество огней отъ костровъ, чего прежде не бывало въ такомъ количествѣ. Передъ разсвѣтомъ вся мѣстность передъ нашими позиціями покрылась такимъ густымъ туманомъ, что въ ста шагахъ нельзя было ничего разглядѣть. Въ условленное время раздался залпъ изъ всѣхъ орудій, окружавшихъ

---

[1]) 1 бригадой 5-й пѣх. дивизіи въ то время командовалъ командиръ 18-го Вологодскаго полка М. А. Рыкачевъ, нынѣ директоръ Главной Физической Обсерваторіи, генералъ-маіоръ.

[2]) 6-я батарея 5-ой и 4-я батарея 31-й артиллерійскихъ бригадъ.

Плевну, который на время освѣтилъ всю мѣстность заревомъ, на подобіе вспыхивающей молніи; а затѣмъ наступило полное затишье, и весь лагерь погрузился въ полное безмолвіе, сливаясь съ тишиной окружающей мѣстности. Тишина и безмолвіе продолжались недолго; мало-по-малу опять стали слышаться вдали подозрительные звуки, и такъ до самаго разсвѣта. Чуть стало свѣтать, наша стрѣлковая цѣпь замѣтила Турокъ и начала съ ними перестрѣлку учащеннымъ огнемъ; но затѣмъ, видя превосходство Турецкихъ силъ, стала, отстрѣливаясь, отступать къ деревнѣ Дольній Нетрополь, а Турецкая передовая цѣпь, все расширяясь, повернула къ позиціямъ 3-й гренадерской дивизіи. Какъ оказалось послѣ, Османъ-паша сдѣлалъ эту демонстрацію для узнанія нашихъ главныхъ силъ, и рѣшилъ произвести прорывъ правѣе, т.-е. со стороны гренадеръ. У Сибирцевъ, правѣе насъ стоявшихъ, былъ поданъ сигналъ на обѣдъ, и уже стали было раздавать обѣдъ изъ котловъ людямъ, какъ Турки, стремительно подойдя къ укрѣпленіямъ Сибирцевъ, опрокинули роту, прикрывающую батарею, и она была взята; а потомъ и Сибирскій полкъ былъ выбитъ изъ своихъ укрѣпленій, но затѣмъ учащенная стрѣльба цѣпи и неровные залпы показали, что моментъ столкновенія съ врагомъ насталъ. Еще нѣсколько мгновеній, и начался страшный рукопашный бой, грудь съ грудью, уже не перерываемый выстрѣлами Сибирцевъ. Какъ звѣри, съ громкимъ крикомъ «Алла» бросались Турки на ожидавшіе ихъ штыки; послышался лязгъ и бряцанье оружія, раздались первые стоны и предсмертные крики умирающихъ; а Турки между тѣмъ, какъ могучая лавина, ломились одинъ за другимъ, и задніе постоянно смѣняли переднихъ; такимъ образомъ нападающіе обновлялись новыми силами. Не ожидавшіе подобной стремительности Турокъ, Сибирцы стойко защищались, и видно было, что гренадеры умѣли умирать, отстаивая чуть не каждую пядь земли и орошая ее своею кровью. Но вотъ къ Сибирцамъ подоспѣла помощь, и бой разгорѣлся еще съ бо́льшей силой. Солнце пронизало туманъ и освѣтило блистающее оружіе и самую картину боя: пули то и дѣло зловѣще свистали тамъ и сямъ. Отъ грохота орудій земля такъ и дрожитъ, а артиллерійскій бой разгорается все болѣе и болѣе. Повсюду мелькаютъ санитары, унося тяжело раненыхъ, а легко раненые идутъ сами, опираясь на ружья и оставляя на своемъ пути лужи крови; запахъ крови такъ и стоитъ въ воздухѣ...

Нашъ Архангелогородскій полкъ, подъ начальствомъ полковника П. *), открылъ огонь изъ ложементовъ, во флангъ Туркамъ; но

*) Полковникъ А. И. Пантелѣевъ, нынѣ Иркутскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ.

мы сами очутились подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Летучій перевязочный пунктъ [1]) около насъ весь переполненъ ранеными. Гранаты одна за другой, съ зловѣщимъ шипѣніемъ и воемъ, пролетаютъ надъ нашими головами, разрываясь тутъ же надъ нами въ воздухѣ, не достигнувъ цѣли... Тоскливо и жутко становится отъ ихъ поющаго и душу томящаго заунывнаго воя... Находясь такимъ образомъ, что̀ называется, подъ разстрѣломъ, невольно завидуешь доли и участи гренадеръ! Въ самый разгаръ боя, къ нашему командиру подъѣзжаетъ ординарецъ генералъ-адъютанта Ганецкаго [2]) и передаетъ приказаніе выдвинуть въ бой нашъ 3-й баталіонъ (3-мъ баталіономъ командовалъ подполковникъ Митарновскій, нынѣ умершій). Раздалась команда, и люди, перекрестившись, бѣглымъ шагомъ вошли въ сферу боя, подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля чуть ли не со всѣхъ сторонъ; но, занявъ наиболѣе поражаемое пространство, баталіонъ вдругъ былъ остановленъ новымъ ординарцемъ генерала Ганецкаго и получилъ приказаніе отступить опять къ своимъ позиціямъ, у деревни Дольній Нетрополь, потерявъ много убитыхъ и раненыхъ. До сихъ поръ я понять не могу, чѣмъ мотивировался подобный образъ дѣйствій, но на самомъ дѣлѣ это было такъ. Неужели нежеланіе пріобщать къ общему дѣлу 28 Ноября нашу бригаду, одну изъ всѣхъ частей войскъ, принимавшую участіе въ боѣ гренадеровъ, въ этотъ знаменательный день? Ничѣмъ инымъ объяснить этотъ эпизодъ нельзя... Вдругъ изъ батареи при деревнѣ Дольній Нетрополь выносится во весь карьеръ дальнобойная Румынская батарея, снимается съ передковъ и открываетъ пальбу по Туркамъ во флангъ, и видно было, что прицѣлъ взятъ вѣрно, потому что каждый выстрѣлъ изъ орудія производилъ страшную сумятицу среди Турокъ, а ихъ артиллерія хотя и усиленно отвѣчала на ихъ огонь, но прицѣлъ былъ невѣренъ, и масса гранатъ дѣлала постоянно то перелетъ, то недолетъ, падала на мягкую землю и совсѣмъ не разрывалась. Вообще, можно сказать, что въ этомъ дѣлѣ Румынская батарея дѣйствовала лихо и съ полнымъ знаніемъ своего дѣла; что же касается до ихъ пѣхоты, то того нельзя про нее сказать, такъ какъ мы хорошо познакомились съ ней, въ особенности при совмѣстномъ дѣлѣ, при взятіи Гривицкаго редута (Абдулъ-Керима), 30 Августа 1877 года. Все слабѣе и слабѣе становился натискъ Турокъ, и вотъ у каменнаго моста черезъ рѣку Видъ взвился бѣлый флагъ... Между тѣмъ смотримъ, а со стороны Гривицы бѣгутъ части войскъ 16-й пѣхотной дивизіи [3]) и занимаютъ Турецкія укрѣпленія со

[1]) Главный перевязочный пунктъ былъ у деревни Дольній Дубнякъ.
[2]) Командиръ гренадерскаго корпуса.
[3]) Ею командовалъ покойный М. Д. Скобелевъ.

стороны праваго берега рѣки Вида, чтобы лишить Турокъ возможности занять свои позиціи обратно. Мы видѣли этотъ маневръ какъ на ладони, и надо отдать справедливость, съ какою отчетливостью это было продѣлано: точно въ мирное время на маневрахъ!

Едва Турки успѣли выкинуть бѣлый флагъ, какъ всѣ войска потянулись къ Видинскому мосту, близъ котораго стало происходить разоруженіе Турецкихъ войскъ Плевненскаго обложенія. Куда ни посмотришь, все фанатичныя лица Турецкихъ солдатъ (аскеровъ), съ озлобленіемъ бросающихъ на земь свое оружіе. Армія Османа-паши сдалась въ количествѣ 40 тысячъ человѣкъ, 10 пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 2000 оберъ-офицеровъ и 77 орудій; вотъ трофеи побѣды нашихъ войскъ!.. Вся мѣстность отъ моста и почти до самой Плевны усыпана патронами и оружіемъ самыхъ разнообразныхъ видовъ и типовъ: тутъ и магазинное ружье системы «Винчестеръ», «Пибоди-Мартини» и даже игольчатыя ружья системы «Дрейзе», въ перемежку съ саблями, ятаганами и прочимъ оружіемъ; тамъ и сямъ валяется всякая боевая аммуниція; у самаго берега рѣки Вида стояли еще неразряженныя послѣднимъ выстрѣломъ артиллерійскія орудія, въ моментъ сдачи Плевны.

Но вотъ толпа солдатъ куда-то стремится: это везутъ раненаго Османа-пашу, и его окружаетъ наше высшее начальство и гг. офицеры... Онъ разговариваетъ съ ними по-французски, но говоритъ слабымъ голосомъ; видно, рана въ ногу даетъ себя знать, и лицо у него очень блѣдно. Подъѣзжаетъ къ нему на бѣломъ конѣ и нашъ М. Д. Скобелевъ, Акъ-паша *), и, какъ мнѣ говорили тогда близъ стоявшіе офицеры, послѣ взаимныхъ похвалъ другъ другу въ храбрости, Османъ-паша спросилъ у Скобелева, почему онъ бралъ «Зеленыя горы», когда стратегическій и тактическій ключъ Плевненской позиціи, Гривица, уже была взята? Отвѣтъ Скобелева такъ и остался, къ великому сожалѣнію, неизвѣстнымъ. Прошло еще немного, и Османа-пашу повезли навстрѣчу нашему главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу Старшему, а затѣмъ къ Государю Императору.

Наконецъ наступила ночь, темная и южная ночь, а войска наши расположились на отдыхъ; повсюду зажглось безчисленное множество костровъ, для которыхъ топливомъ послужили Турецкія повозки и другая деревянная утварь (это въ первый разъ; до сихъ поръ позволялось безпрепятственно развести огонь на позиціи); въ воздухѣ была страшная сырость, а туманъ отъ рѣки подымался густыми клубами и окутывалъ всю мѣстность; то и дѣло слышался трескъ ружейныхъ вы-

*) Акъ-паша по-турецки „Бѣлый генералъ“.

стрѣловъ, а иногда и цѣлый взрывъ, то въ костеръ подъ-часъ попадали брошенные Турками патроны вмѣстѣ съ горючимъ матеріаломъ; были отъ этого и несчастные случаи, но, слава Богу, все-таки рѣдкіе.

На другой день, къ мѣсту бивуакированія нашего полка подъѣхалъ генералъ-адъютантъ Ганецкій и, обращаясь къ полку, сказалъ: «Благодарю васъ, Архангелогородцы; отчасти и вамъ я обязанъ, что получилъ Георгія на шею; благодарю васъ». Послѣ отъѣзда Ганецкаго полкъ нашъ подошелъ къ самой Плевнѣ, и мы тамъ ночевали, сторожа часть Турецкихъ военно-плѣнныхъ. По дорогѣ къ городу Плевнѣ то и дѣло, что попадались трупы какъ людей, такъ и лошадей. Вотъ вправо отъ дороги какая-то масса на землѣ—это убитый конь осколкомъ гранаты, вся его внутренность страшно вскрыта и зіяетъ, а внутри ея все какъ будто вылощено и отполировано. Тутъ же невдалекѣ и тоже на землѣ лежитъ Турокъ-офицеръ, по всей вѣроятности ординарецъ какого-нибудь паши, не успѣвшій передать приказаніе, какъ свалила его и коня наша граната; голова у него вся разможжена, и изъ зіяющей раны выпалъ мозгъ кусками, а отъ лужи крови образовалось темное пятно... Вотъ лежитъ другой трупъ и остеклѣвшими глазами смотритъ прямо на небо. Въ воздухѣ такъ и стоитъ трупный запахъ... У самаго каменнаго моста лежатъ трупы нашихъ солдатъ съ отрѣзанными носами, ушами и вырѣзкой на груди и рукахъ—это слѣды Турецкаго звѣрства и безсильнаго мщенія! Говорили, что это «секретъ» гренадеровъ, который былъ весь вырѣзанъ, передъ прорывомъ Турецкихъ войскъ.

Вездѣ, куда ни посмотришь, война оставляла свой кровавый слѣдъ У берега рѣки Вида валялись трупы Турокъ въ своихъ синихъ курткахъ, въ перемѣшку съ трупами лошадей и буйволовъ, и все это въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, наводящихъ ужасъ и тоску. Завернувши за одинъ изгибъ холма, дорога стала подыматься въ гору, и тутъ вся она завалена новыми жертвами войны. Всюду одна и таже страшная картина ужасовъ войны. Особенную жалость возбуждала одна лошадь, у которой нога была перешиблена въ трехъ мѣстахъ и просто болталась на вѣсу, а умное животное всѣхъ поражало жалобнымъ взоромъ, какъ бы прося проходящихъ избавить ее отъ мученій; но ни у кого не хватило духа ее пристрѣлить. Вотъ на землѣ лежитъ смертельно раненый баши-бузукъ; всѣ его внутренности валяются на землѣ, перемѣшавшись съ грязью, лицо его землистаго цвѣта, и изо рта клубится бѣлая пѣна, глаза налились кровью, и онъ съ невыразимой ненавистью смотритъ на всѣхъ проходящихъ... Какъ могъ человѣкъ жить съ подобной раной, это болѣе чѣмъ удивительно, да еще

цѣлые сутки! Въ Турецкихъ редутахъ мы видѣли массу гранатъ изъ нашей осадной батареи, лежащихъ на землѣ и не разорванныхъ. Приходилось проходить мимо военно-плѣнныхъ, которые по-восточному сидѣли поджавъ подъ себя ноги, и на лицахъ у всѣхъ было уныніе и полная покорность судьбѣ. Турокъ на своей природѣ—ярый фаталистъ.

Городъ Плевна представлялъ собою лазаретъ грандіозныхъ размѣровъ: чуть не въ каждомъ домѣ и на дворѣ есть больные и раненые, а на дворахъ нѣкоторыхъ домовъ свалены цѣлыя груды труповъ, издававшихъ невыносимый запахъ; къ нашему счастью, настала холодная погода, и многіе трупы, что называется, застыли, а то развилась бы заразная эпидемія. Куда ни взглянешь, на всѣхъ стѣнахъ у домовъ видны слѣды бомбардировки, а многіе изъ нихъ и совсѣмъ разрушены; жалкій видъ представляла и главная мечеть, и одинъ изъ ея «минаретовъ» былъ сбитъ болѣе, чѣмъ на половину. Болгарскій храмъ превращенъ Турками въ военный арсеналъ и весь заваленъ былъ патронами для ружей и снарядами для орудій. Вообще хаосъ и безпорядокъ на каждомъ шагу такъ и напоминалъ о военномъ времени. По улицѣ то и дѣло носятся вѣтромъ листки изъ разорванныхъ Корановъ. Улицы во многихъ мѣстахъ забарикадированы всякимъ хламомъ и изломанными каруццами. Во многихъ Турецкихъ домахъ разрушены кровли и сломаны рѣшетки у оконъ. Поистинѣ грустное впечатлѣніе производило подобное разрушеніе! По улицамъ города то и дѣло проходятъ Болгары и радостно благодарятъ наши войска, говоря: «Вы наши избавители!» При этомъ многіе изъ нихъ совершали крестное знаменіе.

На третій день по взятіи города Плевны нашъ полкъ отправился обратно на свою первоначальную позицію въ деревню Гривицу.

Черезъ нѣсколько дней Государь Императоръ объѣзжалъ Плевенскія позиціи и заѣхалъ къ осадной батареѣ, гдѣ близъ нея былъ выстроенъ нашъ полкъ шпалерами. Проходя по фронту нашего полка, Его Императорское Величество изволилъ сказать: «Благодарю васъ, молодцы Архангелогородцы; при васъ началась осада Плевны и при васъ окончилась. Мое вамъ Русское спасибо!»

Простоявъ еще немного подъ Гривицей, полкъ нашъ попалъ въ передовой отрядъ генерала-адъютанта Гурко и былъ двинутъ форсированнымъ маршемъ къ Балканамъ.

Такимъ образомъ окончилось знаменитое въ военной исторіи паденіе Плевны.

Д. Бартеневъ.

ШУТОЧНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. Е. ИЗМАИЛОВА *).

Инструкція женѣ моей, Тверской вице-губернаторшѣ.

1.

Хоть ты и очень мнѣ мила,
Однакоже отнюдь не смѣй входить въ дѣла,
Ни по которому Палаты отдѣленью:
Не твоему, а моему вѣдь управленью
Палата здѣшняя поручена.
Вицъ-губернаторшѣ нѣтъ дѣла до вина:
Въ моемъ распоряженьи власти,
Вино, и хлѣбъ, и соль,
И деньги, и контроль.
Я не вхожу въ дѣла по вашей женской части
И слушаться въ дѣлахъ казны не стану дамъ.
Не Ева ты, я не Адамъ.
Не дамъ прельстить себя изгибистому змѣю.
Льстецовъ, наушниковъ и сплетниковъ всѣхъ въ шею!
Смотри жъ, пока живемъ въ Твери,
Ни съ кѣмъ не говори
Ни про уѣздное правленье,
Ни про палатскія дѣла, опредѣленья.
Не говори о томъ ни съ кѣмъ, нижѐ со мной:
Не долженъ говорить мужъ о дѣлахъ съ женой.
Противно это учрежденью
О управленіи губерній, наставленью,
Палатамъ данному. Въ уставѣ о винѣ
Не сказано, чтобъ мужъ давалъ отчетъ женѣ.

---

*) За сообщеніе этого стихотворенія приносимъ благодарность Петру Ивановичу Щукину. П. Б.

2.

Не будь, сударыня, болтлива,
Не будь горда, властолюбива,
А также и хвастлива.
Коль станешь говорить при комъ, то не спѣши,
Скороговоркою въ собраньяхъ не смѣши;
Не то, такъ прозовутъ насмѣшники чечоткой,
Сорокою или трещоткой.
Съ торговокъ барынямъ примѣры стыдно брать;
Имъ должно говорить порядочно, не врать.
Кто старѣе тебя, тѣхъ выше не садися,
Всегда имъ мѣсто уступай;
Вицъ-губернаторствомъ пустымъ не возносися
И дамою себя отнюдь ты не считай.
Учтиво, ласково со всѣми обходися.
Хоть первый я въ Тверской губерніи поэтъ,
И въ храмъ безсмертія мной кончена дорога,
Но я горжусь ли тѣмъ? Нѣтъ, нѣтъ!
При томъ таланты всѣ имѣемъ мы отъ Бога,
Чины жъ даютъ Сенатъ и Государь.
Но дѣло не въ чинахъ: хорошій секретарь
И даже регистраторъ
Но мнѣ почтеннѣе, чѣмъ самохвалъ—вицъ-губернаторъ.

3.

Изъ сплетницъ ежели составишь штатъ себѣ,
Которыя придутъ къ тебѣ
Съ улыбкой цѣловать тебя и въ ручки, въ плечи
И станутъ говорить тебѣ на счетъ другихъ
Нарочно злыя рѣчи,
Чтобъ попросила ты меня о чемъ для нихъ,
Дать мужу, напримѣръ, чинокъ иль награжденье,
Племянника опредѣлить,
Для кума покривить душой въ опредѣленьи,
Иль какъ-нибудь кого по службѣ притѣснить,
То не прогнѣвайся: взбѣшуся,
На старости съ тобою разведуся,
(Серьезно говорю)
А сплетницъ кофеемъ горячимъ обварю.
Пусть жалуются—хоть Царю!

4.

Передъ гостями
Не осыпай меня смѣшными похвалами,
Не говори:
„Какъ мучится мой мужъ въ Твери!
Одышка сдѣлалась отъ дѣлъ, насилу дышетъ,
А бѣдненькій съ утра до полуночи пишетъ,
За дѣломъ онъ всегда.
Повѣрь другимъ—бѣда!
Способностью къ дѣламъ давно онъ всѣмъ извѣстенъ.
А какъ уменъ, какъ добръ, какъ честенъ!
Ужъ не возьметъ ничто ни отъ кого.
За то у насъ нѣтъ ничего...
Долги... А какъ берутъ другіе!
Такой-то, напримѣръ, купилъ недавно домъ,
Признаться, пополамъ съ грѣхомъ,
И строится теперь. Да бревна-то какія!"
Подобныхъ пустяковъ отнюдь не говори!
Не должно говорить намъ о себѣ словами.
А чѣмъ? Дѣлами!
Ей-ей не дураки въ Твери.
Хорошъ ли кто? Всѣмъ это видно.
А дуренъ, такъ да будетъ ему стыдно!
А всякій плутъ и самохвалъ,
Хоть будь онъ генералъ,
Повѣрь, у всѣхъ останется не только что въ презрѣньѣ,
Но даже въ омерзеньѣ.

25 Октября 1827 года.

О ДУХОВНОМЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ М. С. ЩЕПКИНА.

Всѣ имѣющіяся въ печати свѣдѣнія о происхожденіи и предкахъ нашего знаменитаго артиста Мих. Сем. Щепкина весьма скудны и не вполнѣ ясны. Въ біографіяхъ его мы находимъ лишь указанія на то, что родился онъ въ крѣпостной зависимости у графа Гаврила Семеновича фонъ-Волкенштейна, но что прадѣдъ его былъ священникомъ.

Поэтому всякое новое извѣстіе, касающееся происхожденія Щепкина, намъ кажется, не лишено нѣкотораго интереса.

Помѣщаемъ ниже, выданное въ 1806 г. отцу его, Семену Григорьевичу Щепкину, удостовѣреніе о принадлежности его къ духовному состоянію, изложивъ прежде попытку его выйти изъ крѣпостной зависимости [1]). Происхожденіе этого документа, какъ сообщалъ братъ его, Абрамъ Семеновичъ Щепкинъ, было таково.

Какъ извѣстно изъ Записокъ Михаила Семеновича, отцу его у графа Волкенштейна жилось прекрасно: онъ былъ управляющимъ всѣми имѣніями графа, пользовался его расположеніемъ и довѣріемъ. Но когда подросли у Семена Григорьевича дѣти, онъ сталъ задумываться о дальнѣйшей ихъ жизни, которую имъ предстояло вести въ крѣпостной зависимости. Зная, что никто въ родѣ Щепкиныхъ не былъ прежде крѣпостнымъ и всѣ всегда были свободными, Сем. Григ. задумалъ и себѣ съ дѣтьми вернуть свободу. Въ то время другая вѣтвь Щепкиныхъ тоже вышла уже изъ духовнаго состоянія: Степанъ Петровичъ Щепкинъ [2]), въ царствованіе императрицы Екатерины II, находился въ гражданской службѣ, самъ владѣлъ крѣпостными и имѣлъ въ Москвѣ домà (его потомство въ началѣ XIX столѣтія получило дворянство). И такъ, Семенъ Григорьевичъ, рѣшившись отыскивать себѣ свободу, написалъ роднымъ и просилъ ихъ прислать какіе нибудь документы, свидѣтельствую-

---

[1]) Вопросъ, какимъ образомъ человѣкъ духовнаго званія могъ сдѣлаться крѣпостнымъ? Въ глухую старину нашу, взаимныя отношенія не опредѣлялись точно. Такъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ Шереметевскихъ крестьянъ бывшаго села Иванова (нынѣ города Иваново-Вознесенска) были свои крѣпостные люди (см. „Русскій Архивъ“ 1898, II, 177, „Памятную книжку крестьянина“ А. Ф. Полушина). П. Б.

[2]) Отецъ профессора Московскаго университета Павла Степановича Щепкина.

щіе о принадлежности его къ духовному званію. Въ отвѣтъ на его просьбу и прислали ему удостовѣреніе, которое было явлено 11 Іюля 1806 г., въ Мещовскомъ уѣздномъ судѣ. Семенъ Григорьевичъ, составивъ прошеніе, готовъ было начать уже дѣло; но въ это время графъ узналъ о намѣреніи Щепкина, отговорилъ его подавать прошеніе и далъ обѣщаніе въ скоромъ времени отпустить его на волю со всѣми дѣтьми помимо суда.

„Графъ Волкенштейнъ, разсказываетъ Абрамъ Семеновичъ Щепкинъ [1]), при всей добротѣ и при всемъ благорасположеніи своемъ къ окружающимъ его людямъ, въ самомъ дѣлѣ былъ не что иное, какъ помѣщикъ, который поддерживалъ систему крѣпостного состоянія и былъ проникнутъ чувствомъ раболюбія въ самой высшей степени и какъ скоро замѣчалъ въ человѣкѣ своемъ желаніе избавить личность свою отъ его притязаній, это невольно приводило его въ негодованіе. Графиня принадлежала къ числу самыхъ раболюбивыхъ созданій. Я увѣренъ, что при одной мысли, что она могла остаться безъ толпы горничныхъ и лакеевъ она упала бы въ обморокъ. Для нихъ (графа и графини) не было высшаго наслажденія, какъ видѣть передъ собой толпу рабовъ преданныхъ, послушныхъ и готовыхъ съ радостью выполнять всѣ ихъ желанія“.

Изъ сказаннаго выше можно видѣть, что съ тѣхъ поръ, какъ графъ узналъ о намѣреніи Сем. Григ. искать себѣ свободу, между ними все было кончено: Щепкинъ не только не получилъ обѣщанной графомъ свободы, но и лишился своего прежняго положенія.

«1806 года Іюня дня, мы, нижеподписавшіеся, свидѣтельствуемъ, что находящійся въ услуженіи у господина бригадира графа Гаврила Семеновича фонъ-Волкенштейна въ Курскихъ его деревняхъ Семенъ Григорьевъ, сынъ Щепкинъ, природою изъ духовнаго званія. Отецъ его Григорій Ивановъ сынъ Щепкинъ, Калужской губерніи и епархіи, Мосальскаго уѣзда, села Спасскаго, что̀ на рѣчкѣ Перекшѣ, церкви Преображенія Господня, сынъ священника Ивана Алексѣева, у котораго священника Алексѣева отецъ и дѣдъ [2]) въ этомъ же селѣ Спасскомъ священниками, и онъ, Алексѣевъ, кромѣ сего сына своего, Григорія Щепкина, имѣлъ еще пятерыхъ сыновъ, изъ которыхъ Петръ, Максимъ и Гаврила священниками же; изъ нихъ Петръ и Гаврила померли, а Максимъ и теперь въ живыхъ, Аѳанасій дьячкомъ, Трифонъ въ военной службѣ; оба они померли. Сихъ дѣтей его дѣти и внучата мужеска и женска пола, будучи происхожденія по природѣ свободнаго, находятся въ разныхъ состояніяхъ; но никто изъ нихъ у помѣщиковъ

[1]) „Атеней“ 1858 г. № 51.

[2]) И прадѣдъ Ѳедоръ Прокопьевъ Щепкинъ. Онъ священствовалъ въ самомъ началѣ XVII столѣтія.

ни по какимъ укрѣпленіямъ не состоятъ. Вышеуказаннаго Семена Щепкина отецъ Григорій Щепкинъ въ подобное ему, Семену, услуженіе вступилъ, помянутаго графа фонъ-Волкенштейна къ отцу, полковнику, графу же Семену Егоровичу фонъ-Волкенштейну, имѣвшему деревни свои въ томъ же Мосальскомъ уѣздѣ, въ сосѣдствѣ самаго села Спасскаго, гдѣ рожденъ. А когда и согласно ли волѣ своей, или по какому иному случаю, мы не знаемъ и даже не помнимъ; но отъ предковъ своихъ слыхали, что онъ, Григорій, къ тому графу фонъ-Волкенштейну въ услуженіе вступилъ съ малолѣтства, и болѣе находился въ Курскихъ его деревняхъ, гдѣ и женатъ былъ, въ удостовѣреніе чего сіе свидѣтельство ему, Семену Щепкину, за подписаніемъ своимъ и дали. При всемъономъ происхожденіе того Григорія Щепкина и по дѣламъ въ архивахъ губернскаго города Калуги и уѣзднаго города Мосальска духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ значится.

Къ сему свидѣтельству подписали.

Священникъ Александръ Петровъ. Секретарь Степанъ Щепкинъ. Священникъ Максимъ Ивановъ. Священникъ Егоръ Гавриловъ. Дьяконъ Семенъ Васильевъ. Попадья Евдокія Петрова. Попадья Марія Петрова. Солдатка Анна Иванова. Протоіерей Иванъ Баталинъ.

*

Приведенный документъ въ копіи того времени находится въ настоящее время въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ, въ недавно открытомъ тамъ отдѣлѣ Мих. Сем. Щепкина. Въ отдѣлѣ этомъ предполагается собрать все относящееся до нашего знаменитаго артиста: письма, рукописи, портреты, вещи и т. п. Нельзя не пожелать, чтобы лица, имѣющія таковые предметы, принесли ихъ въ даръ Музею, для пополненія этого Щепкинскаго отдѣла.

Щ.

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

1841.

Наступилъ, наконецъ, роковой для насъ всѣхъ 1841 годъ, въ который мы такъ неожиданно и такъ трагически лишились нашей обожаемой матери.

Ничто, казалось, не предвѣщало приближенія такого ужаснаго удара судьбы. Семья въ обычное время отправилась въ Лотошино. Матушка, которая очень поправилась здоровьемъ послѣ двухкратнаго леченія на Карлсбадскихъ минеральныхъ водахъ, куда она ѣздила два года сряду, казалось совершенно избавилась отъ своихъ страданій печени и имѣла добрый и веселый видъ. Отецъ въ этомъ году предпринялъ множество хозяйственныхъ построекъ; дѣло у него кипѣло, какъ всегда; старшій братъ мой, князь Борисъ, во всемъ ему помогалъ, такъ что Лотошино, вопреки прежнимъ порядкамъ, превратилось въ центръ кипучей дѣятельности.

Я въ это время находился въ Коломнѣ, гдѣ начались весеннія полковыя занятія подъ командою моего дяди, который не получалъ еще въ то время своего новаго назначенія изъ Петербурга. Дни шли за днями среди этихъ ежедневныхъ занятій. Жизнь моя была бы слишкомъ однообразна, если бы дядя не познакомилъ меня въ это время съ одной помѣщицей, г-жей Губерти, проживавшей въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ верстахъ въ пяти отъ города.

Г-жа Губерти была женщина лѣтъ пятидесяти, но на видъ казалась гораздо моложе, чѣмъ она видимо очень дорожила, употребляя для этого довольно замѣтныя вспомогательныя косметическія средства. Дама она была очень образованная, бывавшая много въ большомъ свѣтѣ и привыкшая, повидимому, чтобы за ней ухаживали. Она была очень начитанная, любила Англійскую литературу и снабжала меня постоянно

*) См. выше, стр. 292.

книгами. Дядя поощрялъ мои поѣздки къ г-жѣ Губерти, полагая, какъ я думаю, что для молодого человѣка общество такой образованной и свѣтской дамы весьма полезно. Я самъ любилъ ѣздить къ этой гостепріимной барынѣ, доставлявшей мнѣ въ моей однообразной жизни въ уѣздномъ городѣ самое пріятное развлеченіе, не говоря уже о томъ, что мѣстоположеніе усадьбы, въ которой она проживала, было одно изъ самыхъ живописныхъ въ Московской губерніи. Домъ стоялъ на краю крутого и высокаго берега Оки-рѣки, при сліяніи ея съ Москвой-рѣкой, стало быть въ самомъ широкомъ ея мѣстѣ, гдѣ обѣ рѣки образуютъ фигуру въ родѣ дельты или острова, на которомъ красуется со своими золотыми куполами богатый Голутвинъ мужской монастырь.

Объ этомъ монастырѣ я не могу говорить, не вспомнивъ весьма оригинальный случай, въ достовѣрности котораго я не сомнѣваюсь, потому что о немъ мнѣ передавалъ одинъ изъ правдивѣйшихъ людей, а именно графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, бывшій Московскій генералъ-губернаторъ.

Графъ мнѣ сказывалъ, говоря о богатсвѣ и красотѣ Голутвина монастыря, что въ царствованіе государя Александра Павловича, распущенность въ немъ монашеской братіи дошла до того, что она окончательно вышла изъ повиновенія, и архимандритъ вынужденъ былъ просить епархіальное начальство о помощи, а митрополитъ прислать комиссію, чтобы разобрать дѣло и уговорить иноковъ; но и это не помогло, и бунтъ обнаружился явный. Тогда для водворенія порядка вызвана была военная сила, которая съ трудомъ справилась съ бунтовщиками, вслѣдствіе чего потребовалось въ продолженіе цѣлаго года держать военный караулъ внутри монастыря. Подобный примѣръ едва ли представляется въ исторіи нашихъ Русскихъ монастырей.

Возвращаясь къ описанію необыкновенной красоты мѣстоположенія усадьбы г-жи Губерти, я долженъ дополнить, что съ балкона кромѣ Голутвина монастыря и граціозныхъ изгибовъ двухъ рѣкъ, орошающихъ безконечную даль, виденъ городъ Коломна съ его древнимъ кремлемъ какъ на ладони и кромѣ того нѣсколько монастырей и много селъ, расположенныхъ въ этой плодородной долинѣ.

Я впослѣдствіи посѣтилъ красивѣйшія страны въ Европѣ, но никогда не могъ забыть этой восхитительной картины, можетъ быть, отчасти потому, что это — свое, а то — чужое; а можетъ быть и потому, что къ своему родному примѣшивается еще тутъ какое-то и религіозное чувство... Въ объясненіе надо сказать, что посѣщенія мои

имѣли мѣсто обыкновенно въ свободное отъ занятій время, т.-е. въ Субботу вечеромъ. Этотъ чудный видъ съ огромной вышины крутого и обрывистаго берега какъ-то особенно дѣйствовалъ на душу во время всеобщаго звона колоколовъ, сзывающихъ молящихся ко всенощной. Далекій гулъ, долетавшій до меня въ тихій весенній вечеръ, придавалъ этому живописному виду, во время солнечнаго заката, что-то поистинѣ торжественное.

Въ послѣднее мое посѣщеніе г-жи Губерти передъ отъѣздомъ моимъ въ Москву, со мной произошелъ на паромѣ, на которомъ мнѣ всякій разъ приходилось переѣзжать Оку, очень непріятный случай, такъ что я могъ бы легко поплатиться жизнью.

Переѣздъ изъ города до мѣста можно было свободно сдѣлать въ 20 минутъ по хорошей дорогѣ, въ особенности на моемъ добромъ рысакѣ, если бы не паромъ на Окѣ, задерживавшій меня всякій разъ по крайней мѣрѣ на полчаса. Я пользовался этой прогулкой какъ удобнымъ случаемъ, чтобы удовлетворить свою обычную страсть къ наѣздничеству, и большею частью совершалъ ее одинъ въ бѣгункахъ. Когда я подъѣхалъ къ парому, онъ былъ свободенъ; я въѣхалъ на него и крикнулъ на перевозчиковъ, чтобы они не мѣшкали; они засуетились и, положивъ перекладину впереди парома передъ моею лошадью, впопыхахъ не заложили перекладины сзади, чего я и не замѣтилъ. Когда нашъ паромъ находился уже на серединѣ широкой рѣки, лошадь моя стала проявлять явные признаки нетерпѣнія: бить ногою и, фыркая, топтаться на мѣстѣ. Я довольно равнодушно ее успокоивалъ, не предвидя опасности, когда она вдругъ стала пятиться назадъ. Моментально я спрыгнулъ съ дрожекъ, чтобы взять ее подъ уздцы, но не успѣлъ этого сдѣлать, какъ уже мои дрожки съѣхали съ парома въ воду... Въ эту минуту бросились къ лошади паромщики, отъ которыхъ испуганная лошадь сдѣлала еще шага два назадъ, и къ ужасу моему ея заднія ноги вдругъ оказались въ рѣкѣ... Тяжесть дрожекъ совершила катастрофу: лошадь почти навзничь упала въ воду, погрузилась съ головой и какъ свинецъ пошла ко дну... Все это произошло въ одно мгновеніе; сначала образовался только на поверхности воды небольшой водоворотъ въ видѣ воронки, потомъ показалась масса пузырей, зарябилась большими кругами вода; все исчезло, и любимой лошади моей не стало!.. Счастливъ я былъ, что соскочилъ во-время; иначе, по всей вѣроятности, я подвергся бы той же участи, что̀ и моя бѣдная лошадь.

Послѣ случившагося, ничто не нарушало тишину чуднаго лѣтняго вечера вокругъ нашего парома, стоявшаго безъ движенія среди

широкой рѣки. На такой глубинѣ спасать или вытащить мою лошадь было немыслимо; я приказалъ перевозчикамъ продолжать путь къ противоположному берегу, къ которому причаливъ, отправился пѣшкомъ къ г-жѣ Губерти съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. Эта добрая, умная женщина умѣла разсѣять мое грустное настроеніе и, давъ свой экипажъ для моего обратнаго пути въ Коломну, отпустила меня почти совершенно утѣшеннымъ.

На другой день мы выступили съ полкомъ на маневры въ Москву, и обстоятельства такъ сложились, что я, къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ болѣе никогда не видался съ г-жей Губерти.

По окончаніи маневровъ, дядя наконецъ получилъ свое назначеніе командира гвардейскаго полка, а я, не безъ душевнаго волненія простившись съ нимъ, отправился въ Лотошино, гдѣ съѣхалось все семейство ко дню рожденія нашей дорогой матушки.

Продолжая въ хронологическомъ порядкѣ мой разсказъ о малѣйшихъ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ памятному для меня дню никѣмъ неожиданнаго несчастія, я долженъ сказать, что общее семейное свиданіе наше было на этотъ разъ какъ-то особенно радостно. Въ торжественный день матушкина рожденія всѣ были въ праздничномъ настроеніи, преисполненномъ мира и согласія. Замѣтно было, что въ постоянно спокойныхъ чертахъ этой милой, доброй матери сіяла особенная радость. Живя исключительно, можно сказать, только семьей и только для одной семьи, она видимо наслаждалась въ эти минуты любовью мужа и дѣтей, которыми она была окружена.

Къ этому дню пріѣхалъ къ намъ дядя, князь Сергѣй Ивановичъ Мещерскій и съѣхались сосѣди. Крестьяне наши также съ своей стороны проявляли участіе свое въ нашемъ семейномъ праздникѣ, толпясь цѣлый день на базарной площади, что̀ противъ дома и церкви.

Стояли превосходные осенніе дни, и было тепло, какъ бываетъ въ дни такъ называемаго бабьяго лѣта.

Послѣ всѣхъ удовольствій, придуманныхъ моимъ отцомъ по случаю праздника для развлеченія нашего общества, когда стемнѣло, мы всѣ пошли смотрѣть на фейерверкъ, приготовленный на обширной базарной площади, между церковью и селомъ. Дамы смотрѣли съ балкона, а мы пошли на площадь, гдѣ стояла уже густая толпа народа.

Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случахъ, пришлось ждать, потому ли, что пиротехники не находились еще на своихъ мѣстахъ, или по какой-либо другой причинѣ. Наконецъ, первая сигнальная и,

какъ оказалось, роковая ракета поднялась высоко къ темно-синему небу. Всѣ взоры были на нее устремлены и слѣдили за ея полетомъ а затѣмъ и за ея паденіемъ. Вдругъ всѣ остолбенѣли: огненныя остатки роковой ракеты быстро опустились внизъ надъ селомъ и врѣзались въ соломенную крышу ближайшаго къ площади крестьянскаго дома... Моментально крыша вспыхнула. Мы всѣ вмѣстѣ съ толпой бросились къ мѣсту пожара; но когда мы приблизились, изба была уже объята пламенемъ. Вопли и крики оглушали воздухъ. Мы съ братомъ были тогда молоды и энергичны, народу было много, работа закипѣла; но при появившемся откуда-то вѣтрѣ, не смотря на всѣ наши усилія, мы не могли отстоять сосѣднія избы, и шесть дворовъ до тла сгорѣло.

Когда пожаръ былъ потушенъ, и мы возвратились измученные домой, то узнали, что матушка нездорова, удалилась въ свои комнаты и просила ее не безпокоить. Оказалось, что только что происшедшій несчастный случай до того поразилъ ее, что она послѣ того почувствовала себя настолько дурно, что слегла въ постель. Такъ печально кончился этотъ день семейнаго праздника, начатый нами столь весело и радостно.

Испугъ совершенно разстроилъ нервную систему матушки, а ея впечатлительность и необыкновенно нѣжное сердце были причиной того, что она себя стала упрекать, въ чемъ она вовсе была неповинна: какъ будто изъ ея прихоти или для доставленія ей удовольствія пострадало столько крестьянскихъ семей, оставшихся теперь безъ крова. Она живо представляла себѣ отчаяніе этихъ бѣдныхъ людей, ихъ негодованіе на своихъ господъ, безпріютность бѣдныхъ ребятишекъ и справедливый ропотъ ихъ матерей.

Разумѣется, на другой день были приняты всѣ мѣры, чтобы подать надлежащую помощь пострадавшимъ; но это немного утѣшило нашу больную, и она нескоро успокоилась. Матушка медленно поправлялась, но черезъ недѣлю она пожелала сама навѣстить погорѣльцевъ и посмотрѣть на строявшіяся для нихъ новыя избы. Хотя это посѣщеніе погорѣльцевъ было предпринято слишкомъ рано матушкою, судя по не окрѣпшему еще состоянію ея здоровья, но отговорить ее отъ этого никто не могъ; многіе полагали даже, что это можетъ ее разсѣять и принести пользу, успокоивъ ее нравственно. Это послѣднее предположеніе отчасти оправдалось: матушка стала бодрѣе и начала навѣщать погорѣльцевъ ежедневно.

Съ изумительной быстротой всѣ новыя избы и дворы были поставлены и окончены вполнѣ, оставалось только снабдить ихъ домаш-

нею утварью и всѣмъ необходимымъ. Это послѣднее было сдѣлано особою заботой доброй нашей матушки, которая съ любовью входила сама во всѣ мелочи домашняго крестьянскаго хозяйства.

Видя матушку, повидимому, на пути къ полному выздоровленію, я долженъ былъ подумать о моемъ возвращеніи въ полкъ, чтобы не имѣть непріятностей за просрочку отпуска.

Никогда не могу забыть моихъ прощаній съ ней! Я долженъ былъ выѣхать очень рано, чтобы на почтовыхъ въ тотъ же день поспѣть въ Коломну. Снарядивъ меня въ дорогу и снабдивъ наканунѣ отъѣзда всѣмъ возможнымъ, матушка, не смотря на ранній часъ, встала, чтобы меня проводить. При прощаніи ея голосъ звучалъ какъ-то особенно, ея материнскія ласки и вниманіе тронули меня до слезъ. Она долго смотрѣла мнѣ вслѣдъ, пока я не скрылся изъ ея глазъ. Мнѣ хорошо помнится, что тяжела мнѣ была эта разлука; но той тоски душевной, которую зовутъ предчувствіемъ, и которое такъ часто бываетъ предъ большимъ несчастіемъ, я совершенно не имѣлъ. Кто могъ думать, что это было послѣднее свиданіе въ нашей жизни и что я не увижу ея болѣе въ живыхъ?!..

Пріѣхавъ въ Коломну, я представился новому полковому командиру, только-что принявшему нашъ полкъ, полковнику Сѣраковскому. Онъ былъ лѣтъ шестидесяти, изъ Поляковъ и, какъ показался мнѣ, довольно большой формалистъ, человѣкъ мало симпатичный и вообще личность безцвѣтная.

Полкъ былъ уже расположенъ на зимнихъ квартирахъ. Нашему эскадрону досталось стоять въ самыхъ отдаленныхъ отъ города селахъ, а моему взводу въ какой-то отдѣльной деревушкѣ, среди лѣса, въ страшной глуши. По пріѣздѣ мнѣ указали на лучшую избу въ деревушкѣ, какъ на назначенную для меня квартиру. Войдя, я былъ пріятно удивленъ обширнымъ размѣромъ горницы, ея чистотой и, въ довершеніе, тепломъ и уютностью. Я тотчасъ же занялся устройствомъ своего новаго жилища: распорядился внести свои вещи и размѣстилъ ихъ такъ, что изъ одной моей помѣстительной горницы создалъ очень удобныя три комнаты, или, собственно сказать, три угла, изъ которыхъ одинъ былъ занятъ спальной, другой моимъ кабинетомъ съ письменными принадлежностями и книгами, а изъ третьяго образовалась столовая. Я, вѣроятно, не сталъ бы утомляться до такой крайности, устраивая свою отшельническую квартиру, еслибъ не былъ увѣренъ, что мнѣ въ ней придется провести всю зиму. Странно, однако, что эта увѣренность нисколько меня не страшила и не озабо-

чивала, а напротивъ, мнѣ такое абсолютное одиночество въ этой глуши даже нравилось, какъ послѣ бури тихое пристанище. Это чувство не покидало меня и на слѣдующій день. Я всталъ въ какомъ-то особенно жизнерадостномъ настроеніи, въ которомъ не могъ отдать себѣ отчета. На дворѣ было тихо и свѣтло, выпалъ первый снѣгъ.

Такое состояніе духа продолжалось цѣлый день. На душѣ было какъ-то особенно радостно и хорошо. Часто я задумывался надъ этимъ своего рода психическимъ явленіемъ и, не находя ему положительно никакого объясненія, невольно отнесъ его къ разряду случающихся предчувствій какой-нибудь, можетъ статься, неожиданной радости. Но, увы, мнѣ не могло и въ голову придти тогда, что это явленіе было нѣчто совершенно противоположное, собственно не предчувствіе счастливаго событія, а что-то загадочное, не имѣющее названія и не поддающееся никакому логическому объясненію; скажу даже, скорѣе состояніе сверхъестественное.

Вечеромъ того же дня вошелъ ко мнѣ въ избу человѣкъ, покрытый грязью, въ почтальонской формѣ и съ сумкой черезъ плечо. Это былъ посланный фельдъегерь, который мнѣ подалъ письмо. Я остолбенѣлъ. Письмо было отъ брата, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня о тяжкой болѣзни матушки и торопилъ скорѣе пріѣхать. Зловѣщее чувство рокового исхода проникло въ мою душу. Мною овладѣлъ ужасъ. Однако, это минутное впечатлѣніе скоро разсѣялось, подъ вліяніемъ еще присущаго во мнѣ счастливаго настроенія. Я поспѣшилъ отогнать отъ себя тяжелую, думу и съ полной надеждой на спасеніе нашей дорогой страдалицы, быстро собрался въ дорогу. Черезъ полчаса я скакалъ уже по дорогѣ къ моему эскадронному командиру, чтобы предварить его о моемъ внезапномъ выѣздѣ, а затѣмъ въ городъ, чтобы получить отпускъ отъ командира полка Сѣраковскаго. Тутъ ожидали меня обычныя при полученіи отпусковъ проволочки, а между тѣмъ мое нетерпѣніе все росло.

Пріѣхавъ въ городъ послѣ полуночи, я уже не могъ видѣть командира полка, вслѣдствіе чего провелъ въ ужасномъ волненіи безсонную ночь и выѣхалъ только на другое утро, а въ Москву прискакалъ къ вечеру. Отсюда мнѣ оставалось еще до Лотошина 120 верстъ по грунтовой дорогѣ на вольныхъ лошадяхъ, которыя хотя и быстро мчали меня по невылазной грязи, но все-таки не могли успокоить и удовлетворить мое нетерпѣніе.

Въ четыре часа утра, наконецъ, измученная тройка моя остановилась передъ подъѣздомъ. Весь домъ былъ погруженъ въ глубокій

мракъ. Гдѣ-то мерцалъ тусклый огонекъ, а въ какой именно онъ былъ комнатѣ, я не могъ опредѣлить, почему и не зналъ, куда мнѣ направиться. Большая у входа дверь не была заперта. Я вошелъ въ темную переднюю, снялъ съ себя шубу и съ замираніемъ сердца направился въ столовую, откуда совсѣмъ неожиданно услыхалъ тихій, неизвѣстный мнѣ, мужской голосъ. Со страхомъ направился я туда. Всѣ въ домѣ погружены были въ глубокій сонъ, и никто не проснулся отъ шума моихъ шаговъ. По мѣрѣ того, какъ я осторожно въ потьмахъ шелъ по просторной передней, гробовой басъ въ сосѣдней залѣ слышался все яснѣе. Я тихо отворилъ дверь, и моимъ глазамъ предстала картина ужасной дѣйствительности. Среди полуосвѣщенной залы стоялъ гробъ покойницы, въ ногахъ которой горѣла тусклая свѣча. Въ противоположномъ углу слышался протяжный голосъ чтеца, останавливавшагося съ удареніемъ на каждомъ стихѣ псалма. Отъ этого неожиданнаго удара я застылъ на мѣстѣ; потомъ, неудержимо сдѣлавъ нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ, я бросился къ ней; но ноги мои вдругъ подкосились, и я упалъ на колѣни, а затѣмъ потерялъ сознаніе.

Сколько времени я находился въ этомъ положеніи, не знаю, а помню только, что, открывши глаза, я увидѣлъ брата Бориса, сидѣвшаго возлѣ меня на стулѣ: онъ примачивалъ мою голову холодной водой. Я крѣпко обнялъ его. Чтецъ продолжалъ читать. Мы подошли къ гробу. Дорогая покойница наша совсѣмъ не измѣнилась: тоже ясное, тихое и кроткое выраженіе, отражавшее всю ея жизнь. Еслибъ не впалые немного глаза, можно было подумать, что она заснула. Но, увы, она дѣйствительно заснула, но только сномъ праведнымъ и вѣчнымъ, олицетворяя въ себѣ въ это время тотъ вѣчный покой, о которомъ мы молимся въ нашихъ заупокойныхъ молитвахъ.

Въ этотъ поздній часъ, когда я стоялъ съ братомъ у ея гроба, никто мнѣ не мѣшалъ долго смотрѣть на эти любимыя, безмятежныя черты. Мало-по-малу воскресло въ моей памяти все ея безупречное и безоблачное прошлое. Мнѣ тогда сдѣлалось еще яснѣе прежняго, что душа ея не можетъ не поступить въ селенія праведныхъ. Но гдѣ же, подумалъ я, ея душа въ эту минуту? При этомъ я вспомнилъ, что церковь наша допускаетъ мысль, что послѣ смерти душа не переселяется тотчасъ, а витаетъ на землѣ три дня.

Сопоставляя только-что сказанное мнѣ братомъ о днѣ и часѣ кончины усопшей съ днемъ и часомъ, когда овладѣло мной необычайно-восторженное душевное настроеніе въ моемъ недавнемъ уединеніи, то состояніе, которое можно бы назвать *блаженнымъ,* я тотчасъ подумалъ (и остаюсь въ этой увѣренности до сихъ поръ), что душа моей

покойной матери меня посѣтила и навѣяла на меня испытываемую ею уже тогда небесную радость, какую предвкушаютъ праведники.

Послѣ этого жгучая сердечная боль, которую ощущалъ я ранѣе, успокоилась. Мысль о томъ, что душа моей матери, такъ нѣжно меня любившей при жизни, посѣтила даже меня въ моемъ одиночествѣ, чтобы смягчить жестокій ударъ судьбы, разлучающій меня съ нею, и впередъ уврачевать мою рану, въ эту минуту эта мысль еще больше сблизила меня съ нею и этимъ меня ободрила и утѣшила.

Я вовсе не склоненъ къ предразсудкамъ и не былъ никогда спиритомъ, да въ то время лжеученіе о спиритизмѣ еще не было изобрѣтено; но то явленіе, о которомъ я здѣсь упоминаю, убѣдило меня въ существованіи духовнаго общенія или вліянія на меня души отшедшей покойной матери, а стало быть *въ сношеніи душъ отшедшихъ родныхъ съ нами.*

Со слезами горячо помолясь объ упокоеніи и спасеніи души новопреставленной, я послѣдовалъ за братомъ, который отвелъ меня въ мою комнату, гдѣ передалъ мнѣ всѣ подробности о болѣзни и кончинѣ матушки.

По словамъ брата, болѣзнь ея продолжалась собственно только три дня, но съ самаго начала приняла очень острый характеръ. Прибывшій докторъ объявилъ, что у больной горячка съ осложненіями и что надо опасаться воспаленія въ мозгу. Повидимому, больная схватила сильную простуду, посѣщая ежедневно пѣшкомъ на селѣ, въ сырую и холодную осеннюю погоду, нашихъ погорѣльцевъ. Вскорѣ бѣдная страдалица начала стонать отъ боли въ головѣ и часто терять сознаніе; вѣроятно, въ это время начался процессъ воспаленія мозга. Когда она приходила въ себя, то отрывочно и много говорила.

Изъ всего, что̀ мнѣ передавалъ братъ о томъ, что̀ говорила тогда матушка, врѣзалось въ моей памяти особенно слѣдующее. Обращаясь къ отцу и жалуясь на душевную тоску, которую она ощущала, она прибавила очень внятно: «Никто не знаетъ, какъ тяжела передъ смертью тяжесть совершенныхъ нами въ жизни грѣховъ». Надъ такими словами невольно задумаешься. Если, относительно говоря, эта праведница изнемогала, умирая подъ бременемъ накопившихся на ея совѣсти грѣховъ, то что же на смертномъ одрѣ ожидаетъ насъ, грѣшныхъ?

Матушка на третій день своей болѣзни пріобщилась Св. Таинъ, послѣ чего успокоилась и вскорѣ тихо скончалась.

Въ бесѣдѣ съ братомъ о нашей дорогой покойницѣ, я провелъ остатокъ ночи, а утромъ пришлось мнѣ пережить тягостныя минуты свиданія съ остальными членами семьи. Отецъ поразилъ меня: до такой степени онъ былъ неузнаваемъ. А на бѣдную сестру нашу было больно смотрѣть.

Во время погребенія я, должно быть, былъ такъ духовно сосредоточенъ, что не помню никого изъ присутствовавшихъ родственниковъ и знакомыхъ, кромѣ развѣ одного лица, находившагося постоянно возлѣ меня, а именно, моего добраго пріятеля, поэта Полонскаго. Онъ даже въ своихъ Воспоминаніяхъ упоминаетъ о кончинѣ моей матери.

Послѣ похоронъ мы всѣ отправились на зиму въ Москву, гдѣ поселилась съ нами, для сожительства и нравственной поддержки моей одинокой сестры, сестра моего отца, княжна Софья Ивановна. Лучшей руководительницы и друга, какова была тетушка Софья Ивановна, нельзя было найти для бѣдной взрослой сестры. Весьма начитанная и умная, она имѣла веселый и ровный характеръ и такое любвеобильное сердце, что, разъ кого полюбивши, предавалась тому всей душой

Нашъ домъ совершенно измѣнился: изъ веселаго и шумнаго онъ преобразился въ тихую и молчаливую обитель; всѣ мы сидѣли по своимъ угламъ. Постоянно ощущалось нами всѣми отсутствіе того добраго домашняго генія, который всѣхъ соединялъ и оживлялъ духовнымъ своимъ вліяніемъ и любовью.

Отецъ измѣнился больше всѣхъ. Куда дѣвалась его кипучая дѣятельность! Онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у своего камина, глядя на пылавшій огонь, вѣчно сосредоточенно и молчаливо.

Наши родственники и знакомые пріѣзжали навѣщать отца въ это время; но онъ мало интересовался ихъ разговорами, такъ что за ихъ участіе къ нему приходилось тетушкѣ и сестрѣ оказывать имъ должную признательность особымъ къ нимъ вниманіемъ.

Одно было лицо, посѣщенія котораго доставляли отцу истинное утѣшеніе. Это былъ почтенный и извѣстный тогда въ Москвѣ генералъ Николай Евгеньевичъ Лукашъ, другъ дѣтства моего отца. Человѣкъ онъ былъ весьма образованный и глубоко-религіозный, которому отецъ могъ открыть наболѣвшую душу и подѣлиться горемъ. Будучи весьма знакомъ съ религіозными литературами всѣхъ странъ, онъ самъ обладалъ особымъ даромъ слова, когда говорилъ о вопросахъ богословскихъ или нравственныхъ. Онъ часто занималъ отца чтеніемъ

вслухъ книгъ религіознаго содержанія, на которомъ я почти всегда присутствовалъ, при чемъ познакомился съ проповѣдями извѣстныхъ тогда знаменитыхъ западныхъ проповѣдниковъ, каковы Граппіеръ и Равиньянъ, болѣе другихъ мнѣ понравившіеся.

Почтенный Николай Евгеньевичъ получилъ свое образованіе въ высшей военной школѣ колонновожатыхъ, учрежденной Н. Н. Муравьевымъ, о которой я имѣлъ уже случай говорить; отсюда его дружба съ его сыновьями, Муравьевымъ-Карскимъ и братомъ его Муравьевымъ-Виленскимъ. Н. Е. Лукашъ былъ блестящимъ въ свое время офицеромъ генеральнаго штаба, дѣлалъ Турецкую и Польскую кампаніи, отличился при взятіи Варшавы, первый вскочивши на брешь, за что получилъ Георгіевскій крестъ. Впослѣдствіи онъ былъ въ Москвѣ начальникомъ штаба 6-го корпуса, которымъ командовалъ генералъ Нейдгартъ; но до вступленія моего на службу въ этотъ корпусъ, онъ вышелъ въ отставку и былъ замѣненъ генераломъ Анненковымъ, тѣмъ самымъ, который былъ впослѣдствіи Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, а затѣмъ государственнымъ контролёромъ.

Генералъ Лукашъ былъ женатъ первымъ бракомъ на княжнѣ Гедеоновой, послѣдней этого княжескаго рода Гедеоновыхъ. Она отличалась рѣдко встрѣчаемой античной красотою, хотя и была небольшого роста. Она боготворила своего мужа; можно было сказать, что ихъ чета представляла идеалъ супружеской жизни. Но, къ несчастью, она носила въ себѣ зародышъ того неумолимаго недуга, который никогда никого не щадитъ изъ своихъ жертвъ. Бѣдный Николай Евгеньевичъ долго не хотѣлъ вѣрить, что у жены его чахотка и, въ надеждѣ ее вылѣчить, прибѣгалъ за совѣтомъ ко всѣмъ бывшимъ тогда знаменитымъ докторамъ, но, разумѣется, безуспѣшно. Наконецъ, онъ обратился къ какому-то иностранцу-доктору, только-что пріѣхавшему въ Россію, который обѣщалъ ее вылѣчить новымъ, имъ самимъ изобрѣтеннымъ способомъ, а именно курсомъ лѣченія однимъ только чистымъ воздухомъ. Больная, какъ утопающій хватается за соломинку, разумѣется, охотно согласилась подвергнуться этому новому лѣченію. Не смотря на то, что уже зима была на дворѣ, докторъ тотчасъ приступилъ къ своему дѣлу. Николай Евгеньевичъ жилъ тогда въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ извѣстнаго чудака Осташевскаго (нынѣ домъ Полякова), гдѣ былъ тотъ удивительный садъ съ гротами, фонтанами, лабиринтами и цѣлой этнографической выставкой фигуръ въ натуральную величину, который тогда пользовался извѣстностью въ Московскомъ обществѣ. Въ этомъ-то саду всю зиму въ открытой бесѣдкѣ прожила чахоточная женщина, возвращаясь въ домъ только на

ночлегъ. Въ началѣ лѣченія какъ будто дышалось легче, самочувствіе было лучшее, но это продолжалось недолго, и ранней весной ея не стало.

Николай Евгеньевичъ былъ сраженъ. Его спасла отъ отчаянія его глубокая вѣра. Это-то пережитое имъ ужасное горе и сблизило отца моего съ нимъ послѣ тяжелой его собственной утраты.

У покойной жены генерала Лукаша было нѣсколько дѣтей, которыхъ постигла также участь матери, кромѣ младшей ея дочери, красотой своей не уступавшей своей красавицѣ-родительницѣ. Эта дочка, которую, сколько мнѣ помнится, звали Екатериной Николаевной, одна въ семьѣ не была одержима смертельнымъ недугомъ. Она вышла замужъ за господина Комарова и прожила на свѣтѣ довольно долго. Одна изъ ея дочерей вышла замужъ за моего пріятеля, графа Павла Андреевича Шувалова, героя послѣдней Турецкой войны, впослѣдствіи бывшаго нашимъ посланникомъ въ Берлинѣ и генералъ-губернаторомъ въ Варшавѣ.

Въ эту зиму пріѣхалъ въ Москву и былъ приглашенъ моимъ отцомъ остановиться у насъ въ домѣ второй сынъ безсмертнаго нашего исторіографа, Александръ Николаевичъ Карамзинъ, служившій, какъ и старшій его братъ, Андрей Николаевичъ, въ гвардейской конной артиллеріи. Они считались съ нами въ близкомъ родствѣ, потому что нашъ родной дядя, князь Петръ Ивановичъ Мещерскій, былъ женатъ на ихъ сестрѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ Мещерской.

Этотъ неожиданный гость какъ нельзя болѣе кстати пріѣхалъ въ нашу печальную среду оживить ее своимъ добродушнымъ, естественнымъ и прирожденнымъ юморомъ и развлечь глубокую нашу семейную грусть.

Я буду впослѣдствіи имѣть еще случай говорить о столь для меня дорогомъ семействѣ Карамзиныхъ, въ каждомъ членѣ котораго живо отражалась, какъ въ зеркалѣ, чистота души покойнаго исторіографа, мыслителя и патріота. Скажу теперь только, что въ Александрѣ Николаевичѣ всѣ отличительныя душевныя свойства незабвеннаго его отца болѣе ярко выступали, чѣмъ въ остальныхъ его братьяхъ. Я полагаю, что еслибъ Александръ Николаевичъ не размѣнялъ свои блестящія умственныя способности, такъ-сказать, на мелкую монету, онъ несомнѣнно, при своихъ дарованіяхъ и познаніяхъ, составилъ бы себѣ имя на любомъ поприщѣ.

Впрочемъ, надобно сказать, что очень часто большія дарованія не пробиваютъ себѣ дорогу къ извѣстности и славѣ, даже не отличаются отъ посредственностей, ихъ окружающихъ, не по своей собственно

винѣ. Большею частью и семейство (какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ) не бываетъ тому причиной, а виновато тутъ общество, въ особенности въ столицахъ, среди котораго молодой человѣкъ воспитывается и развивается.

Въ ежедневномъ водоворотѣ Петербургской жизни большого свѣта для серьезнаго труда времени быть не можетъ. Среди легкомыслія, праздности и вѣчно безплодной, хотя и остроумной критики всего окружающаго въ Петербургскомъ обществѣ Александръ Николаевичъ, не смотря на свои дарованія, невольно и безъ труда достигъ лишь того, что былъ корифеемъ Петербургскихъ гостиныхъ. Въ этомъ мірѣ молодой человѣкъ жилъ не тѣми идеалами, которыми жилъ его знаменитый отецъ, создавшій трудъ, сдѣлавшій его имя незабвеннымъ. Мнѣ, признаюсь, вчужѣ жаль всегда видѣть, какъ у насъ большія дарованія пропадаютъ даромъ подъ вліяніемъ гибельныхъ общественныхъ условій. Насколько же я болѣе сожалѣлъ объ этомъ, когда тѣсная дружба моя съ Александромъ Николаевичемъ, начавшаяся тогда и просуществовавшая нѣсколько десятковъ лѣтъ, дала мнѣ возможность близко его узнать и оцѣнить.

Его наружность была очень симпатичная. Выше средняго роста, атлетическаго сложенія, бѣлокурый, съ сильнымъ юношескимъ румянцемъ на щекахъ, съ большими, какъ небо, синими глазами, выражавшими вполнѣ отличительныя черты его характера, откровеннаго до крайнихъ предѣловъ, яснаго, незлобиваго, но съ постоянно готовой добродушной насмѣшкой на устахъ, онъ бы представлялъ собою новѣйшій типъ героя нашего времени, если бы не нѣкоторая грубоватость его манеръ и чрезмѣрная прямолинейность, чтò, впрочемъ, нѣкоторыхъ женщинъ къ нему привлекало. Доброта его сердца преобладала надъ всѣми его качествами, за что, какъ это всегда водится, онъ много поплатился на своемъ вѣку.

Мы сблизились не только по общности нашихъ вкусовъ, свойственныхъ нашимъ лѣтамъ, какъ-то къ поэзіи, къ разнаго рода спортамъ, къ Цыганскимъ пѣснямъ и т. п.; но дружеская наша привязанность лежала глубже, а именно въ задушевномъ чувствѣ, въ общности убѣжденій и въ сходствѣ нашихъ міровоззрѣній.

Странныя бываютъ у юношей фантазіи! Я помню, напримѣръ, что въ то время одна изъ пріятнѣйшихъ для насъ минутъ была та, когда всѣ, послѣ ужина у отца, расходились по своимъ угламъ, а мы съ нимъ вдвоемъ уединялись въ общей гостинной нашей холостой квартиры во флигелѣ нашего дома для товарищеской бесѣды. Какъ будто мы давно не видались и не могли наговориться до сыта! По заведенному порядку, мы въ это время надѣвали оба халаты, сади-

лись другъ противъ друга за столъ, на который ставили намъ два стакана и объемистый графинъ свѣжей воды. Съ пахитосками или трубками въ зубахъ мы просиживали въ разговорахъ цѣлыя ночи; за симъ, съ разсвѣтомъ, отправлялись пѣшкомъ на прогулку за-городъ, дѣлая иногда верстъ по десяти, послѣ чего, запасшись теплыми калачами, возвращались домой, гдѣ ждалъ насъ гостепріимный самоваръ. Въ началѣ подобныя ночи, которыя можно было вполнѣ справедливо назвать безумными, мы проводили изрѣдка; но потомъ, войдя во вкусъ, побились объ закладъ о томъ: кто изъ насъ выдержитъ бо́льшее число сряду подобнаго рода безсонныхъ ночей, при чемъ каждый изъ насъ имѣлъ право за другимъ зорко слѣдить, чтобы онъ не заснулъ гдѣ-нибудь украдкой отъ товарища. Это преслѣдованіе другъ друга въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ было довольно забавно. Цѣлыхъ три дня и три ночи длилось такое испытаніе или, лучше сказать, истязаніе, при чемъ мы держали въ тайнѣ наше соревнованіе, чтобы отецъ не помѣшалъ намъ исполнить нашъ безразсудный поединокъ, такъ что мы принимали каждодневно участіе въ порядкѣ нашей обыкновенной жизни, какъ ни въ чемъ не бывало. На четвертый день, я теперь не припомню, что́ именно заставило насъ наконецъ прекратить наше ребяческое состязаніе: благоразуміе ли, или просто переутомленіе.

Таковы были тогда, хотя и пустыя и, можетъ быть, для здоровья вредныя, но невинныя наши юношескія шалости!.. Часто насъ къ тому побуждала неудержимая страсть производить опыты надъ физическою нашею силою.

Александръ Николаевичъ по своимъ дѣламъ прожилъ въ Москвѣ до весны и скоро сдѣлался совершенно какъ бы членомъ нашей семьи. Семья же наша жила очень замкнутою жизнью по случаю глубокаго траура. Она собиралась каждый вечеръ въ кабинетѣ у нашего овдовѣвшаго отца, гдѣ Александръ Николаевичъ всегда присутствовалъ вмѣстѣ съ нами, развлекая его и насъ непринужденной и всегда умной бесѣдой.

Вслѣдствіе этой интимной жизни у нашего тихаго семейнаго очага, онъ очень полюбилъ мою сестру. Я это узналъ отъ него и думалъ, что рано или поздно мы породнимся съ нимъ; но видно, какъ часто случается въ жизни, не судьба была этому осуществиться. Лѣтъ восемь спустя, онъ женился на прелестной княжнѣ Наталіи Васильевнѣ Оболенской.

Скоро мы всѣ разъѣхались на лѣто: семейство въ Лотошино, Карамзинъ въ свое Нижегородское имѣніе Макетелемъ, а я въ Петербургъ, чтобы перейти въ гвардію.

МОСКОВСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

1.

Письмо главнаго надзирателя Воспитательнаго Дома И. А. Тутолмина къ почетному опекуну И. Н. Баранову*).

М. г. Николай Ивановичъ!

Великодушно извините, ваше превосходительство, что я къ вамъ не писалъ; поистинѣ не было время. Какъ вы изъ Москвы выѣхали, вскорѣ получилъ отъ Государыни повелѣніе отправить въ Казань обоего пола старшихъ воспитанниковъ; Августа 31-го ихъ выпроводилъ, а 2-го Сентября пожаловали гости. Объ оныхъ ни отъ кого не былъ предувѣдомленъ. Армія наша ретируется чрезъ Москву и, говорятъ, идетъ преслѣдовать непріятеля, который будто поворотилъ на Коломну; конецъ нашихъ у Воспитательнаго Дома, а непріятель вступаетъ въ городъ. Сіе происходило пополудни въ 4 часа, и въ Кремль вошелъ. Войска наши кабаки разбили, народъ мой перепился; куда ни сунусь, все пьяно: караульщики, рабочіе, мужчины и женщины натаскали винà ведрами, горшками и кувшинами. Принужденъ въ квартирахъ обыскивать; найдя, вино лилъ, а ихъ билъ и привелъ въ нѣкоторый порядокъ; а непріятель уже въ городѣ по всѣмъ улицамъ фланкируетъ и около Москвы цѣпь обводитъ. Нечего дремать. Пустился я по своему прешпекту и на Солянкѣ дожидаюсь вышнихъ непріятельскихъ начальниковъ, но не идутъ. Сказалъ Зейпелю и экономскому сыну за переводчика, самъ-третей полетѣлъ въ Кремль. Пройдя Варварку, повернулъ въ яблошные ряды, взглянулъ къ Лобному мѣсту, вижу: изъ Спасскихъ воротъ густыя колонны идутъ на площадь. При-

*) Числа нѣтъ. Писано изъ Москвы въ Казань, куда отвезъ дѣтей Воспитательнаго Дома и гдѣ оставался почетный опекунъ Н. И. Барановъ. (См. о немъ „Русск. Архивъ“ 1870 г.). Иванъ Акинѳіевичъ Тутолминъ не имѣетъ еще своей біографіи, каковой заслуживаетъ этотъ скромный и вполнѣ достопамятный дѣятель. Изъ краткаго извѣстія о немъ въ Словарѣ Бантыша-Каменскаго знаемъ, что за свои неимовѣрные труды получилъ онъ орденъ Св. Анны I-й степени, скончался на 64 году жизни, 17 Сентября 1815 года, и что надгробный памятникъ ему въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ поставленъ на частныя пожертвованія Москвичей. П. Б.

бавя шаговъ въ Спасскіе ворота, въ которыхъ очень стѣснены взводы, кое-какъ продрались въ Кремль. Отойдя отъ воротъ шаговъ 50, навстрѣчу намъ генералъ; я приступилъ къ нему, сказавъ о себѣ, спросилъ, кто войсками начальствуетъ? Онъ спросилъ: на что?—Просить его покровительства для Воспитательнаго Дома, салвогвардію. Онъ отвѣчалъ очень учтиво: отъ императора назначенъ губернаторъ графъ Дюронель, оборотилъ свою лошадь и повелъ насъ къ Ивану Великому. Навстрѣчу ему жандармской поручикъ; онъ ему приказалъ: «онаго чиновника доставьте къ губернатору».

Съ тѣмъ мы и пошли на площадь противъ Сената. Онъ велѣлъ намъ на одномъ мѣстѣ стоять, чтобъ насъ онъ не потерялъ, а мы его, и самъ поскакалъ по всему Кремлю искать губернатора. Возвратясь сказалъ: Нѣтъ здѣсь; онъ поѣхалъ на Тверскую въ намѣстническій домъ. Мы туда промаршировали. По многимъ исканіямъ добрели къ губернатору; уже темно. Я его прошу о салвогвардіи; онъ тотчасъ тому жъ поручику приказалъ, чтобъ онъ сказалъ жандармскому полковнику дать мнѣ 12 жандармовъ при одномъ офицерѣ. Полковникъ онаго жъ поручика нарядилъ и на походѣ изъ взвода отчелъ 12, и мы пошли въ Домъ. Казанскую церковь прошли, повернули въ Никольскую. Уже большой грабежъ начался въ рядахъ; прошу поручика, хотя они конные, а мы пѣшіе, прибавить ходу. И такъ достигли до Дому. Слава Богу, никого еще не было.

Уже для нихъ приготовлено ѣство сахарное и питье веселое; но они сказали, что «мы желаемъ напередъ успокоить своихъ лошадокъ, а послѣ будемъ просить и для насъ». Я на конюшню; казенныхъ лошадей выкинулъ, ихъ помѣстилъ; они чрезъ полчаса пришли кушать, пили и ѣли аппетитно. Поблагодаря, я имъ предложилъ квартиру докторскую, въ которой приготовлены были постели. Они, поблагодаря: «нынѣ поздно, мы на сѣнцѣ ляжемъ, а завтра будемъ васъ просить о квартирахъ». Поставили посреди кор-де-ложскаго двора одного часового, сказавъ мнѣ: «будьте покойны». Съ тѣмъ съ нами и распрощались. Какой покой!

Всю ночь на дворѣ, всѣ сами были караульные. Въ эту же ночь начались пожары, но не такъ сильны. 3-го числа тожъ у насъ въ домѣ до крестовыхъ воротъ на кор-де-ложскомъ дворѣ, въ кор-де-ложи и въ квадратѣ покойно; но кой-часъ за крестовые и водяные ворота и въ окружномъ строеніи, грабятъ, оставятъ какъ мать родила. Бѣднякъ бѣжитъ: ваше превосходительство, ограбили!—Что жъ дѣлать, такъ тому и быть. Жандармы говорятъ: мы въ Домѣ стережемъ, а за воротами сами не смѣемъ; не приказано.

4-е число въ вечерни вся Москва объята пламенемъ такъ, что нашъ Домъ отъ огня былъ какъ въ котлѣ, при сильномъ вѣтрѣ. Нельзя отдать нашимъ трудамъ, что мы всю ночь и на другой день до 10 часовъ въ потѣ лица были. Нѣтъ возможности всѣхъ страховъ и ужасовъ описать; но Провидѣніе Божіе насъ отъ гибели спасло. При ономъ сгорѣла вся аптека съ лѣкарствами доктора Таненберга, домъ инвалидной, Шереметевой *), у корпуса одинъ уголъ загорѣлся; то спасло, что онъ весь со сводами; а конюшни, сараи, погреба и заборы сгорѣли.

5-го числа въ 2 часа Наполеонъ поѣхалъ по городу смотрѣть свои злодѣянія, по набережной доѣхалъ до Воспитательнаго Дома, спросилъ, что это за зданіе? Ему сказали: Воспитательный Домъ.—Почему онъ не горѣлъ?—Его избавилъ онаго начальникъ своими подчиненными. Тутъ же на мѣстѣ послалъ ко мнѣ генералъ-интенданта всей арміи, графа Дюмаса (я прежде съ нимъ видѣлся). Прискакалъ въ домъ, спросилъ: гдѣ вашъ генералъ? Я былъ въ безсмѣнной стражѣ. Подошелъ къ нему. Что вамъ угодно?—« Я присланъ къ вамъ отъ императора и короля, который вашего превосходительства приказалъ благодарить за трудъ и за спасеніе вашего дома, при томъ его величеству угодно съ вами лично познакомиться». Я, поблагодаря, принялъ равнодушно, но тѣмъ очень былъ обрадованъ, что весь Домъ онымъ окуражился.

6-го числа въ 12 часовъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ императора статсъ-секретарь Делорнь; я встрѣчаю его; онъ мнѣ говоритъ, что присланъ отъ государя просить, чтобъ я былъ къ нему. Присланнаго я зналъ въ Москвѣ назадъ пять лѣтъ, который у Александра Дмитріевича Хрущова ежедневно бывалъ. Поцаловались. Посадя его, стали говорить какъ знакомые; я обрадовался, что онъ по русски говоритъ, какъ Русской. Распрашивалъ про все семейство Хрущова; наконецъ, взявъ меня за руку, сказалъ тихо: «поѣдемъ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ ему пріятнѣе». Сѣли на дрожки, а его верховую за нами. Пріѣхали въ Кремль; онъ ввелъ меня въ гостиную, подлѣ большой тронной. Тутъ много армейскихъ и штатскихъ, всѣ заняты. Не болѣе 10 минутъ отворилъ Делорнь двери. Пожалуйте къ императору. Я вошелъ. Делорнь показалъ: вотъ государь. Онъ стоитъ промежъ колоннъ у камина. Я большими шагами, не доходя въ десяти шагахъ, сдѣлалъ ему низкой поклонъ онъ съ мѣста подошелъ ко мнѣ и сталъ отъ меня въ одномъ шагу.

*) Это доселѣ существующее небольшое инвалидное учрежденіе на дворѣ Воспитательнаго Дома, основанное Марьей Петровной Шереметевой, дочерью придворнаго шута временъ Анны Іоанновны Лакосты (который завелъ фабрику въ Ярославлѣ и разбогатѣлъ) и вдовою Θедора Владимировича Шереметева. Во 2-мъ бракѣ она была за Тютчевымъ и скончалась въ 1807 году. П. Б.

Я началъ его благодарить за милость караула и за спасеніе Дома. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Намѣреніе мое было сдѣлать для всего города то, что̀ я теперь только могу сдѣлать для одного вашего заведенія. Скажите мнѣ, кто причиною зажигательства Москвы?» На сіе я сказалъ: Государь! Можетъ быть, начально зажигали Русскіе, а впослѣдствіи Французскія войска. На то сердито отозвался: «Неправда, я ежечасно получаю рапорты; зажигатели Русскіе, пойманные, они на самомъ дѣлѣ доказываютъ достаточно, откуда происходятъ варварскія повелѣнія чинить таковые ужасы. Я бы желалъ поступить съ вашимъ городомъ, такъ какъ поступалъ съ Вѣною и Берлиномъ, которые и понынѣ неразрушены; но Россіяне, оставивши сей городъ почти пустымъ, сдѣлали безпримѣрное дѣло: они сами хотѣли предать пламени свою столицу и, чтобъ причинить мнѣ временное зло, разрушили созиданіе многихъ вѣковъ. Я могу оставить сей городъ, и весь вредъ самимъ себѣ причиненный останется невозвратнымъ. Внушите о томъ императору Александру, которому безъ сомнѣнія неизвѣстны таковыя злодѣянія. Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ; воины мои умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска до Москвы я болѣе ничего не находилъ, какъ одинъ пепелъ». Потомъ спросилъ онъ меня, извѣстно ли мнѣ, что въ день вшествія Французскаго войска въ столицу выпущены были изъ темницъ колодники и правда ли, что полиція съ собою увезла пожарныя трубы? На сіе я сказалъ, что̀ я слышалъ. Отвѣчалъ мнѣ на сіе, что дѣло сіе не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Я съ нимъ обо всемъ полчаса говорилъ. Онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ какъ вкопаный. Фигура его пряма, невеликъ, бѣлъ, полонъ, носъ съ маленькимъ горбомъ, глаза сверкаютъ, похожъ больше на Нѣмецкое лицо, широкоплечистъ, бедры и икры полныя. Отпустя меня, подтвердилъ еще, чтобъ о семъ писалъ къ своему императору Александру и послалъ бы рапортъ чрезъ одного изъ своихъ чиновниковъ, котораго онъ велитъ препроводить до своихъ форпостовъ, что̀ я и исполнилъ, отправилъ 7-го Сентября, но отвѣту не имѣлъ; а какъ непріятель оставилъ Москву, то отъ Государыни и Рухинъ мой возвратился ко мнѣ [1].

Вашъ домъ въ сильный пожаръ 4-го Сентября сгорѣлъ и ограбленъ [2]. Въ Москвѣ больше не осталось домовъ, какъ восьмая часть,

---

[1]) Императрица Марія Ѳеодоровна, узнавшая отъ этого Рухина объ ужасахъ, постигшихъ Москву, умоляла Государя заключить миръ съ Наполеономъ. (См. въ 3-мъ томѣ біографіи барона Штейна, соч. Перца). П. Б.

[2]) Домъ Н. И. Баранова, съ садомъ, находился въ Брюсовскомъ переулкѣ. (Позднѣе принадлежалъ Д. П. Шипову). П. Б.

и то разграблены. Никакъ нельзя описать, какіе ужасы и страхи происходили. Наконецъ взяли у меня половину квадрата, все окружное строеніе для раненыхъ и больныхъ, въ оныхъ помѣстили 3000. Ежедневно помирало отъ ранъ и поносовъ отъ 50-ти до 80-ти человѣкъ. Совсѣмъ меня загадили: гдѣ спали, ѣли, испражнялись. Каковы же нынѣ отдѣленія! А въ кор-де-ложи полковникъ съ 300 жандармовъ квартировалъ, и Совѣтъ былъ занятъ. Было преставленіе свѣта; одинъ Всевышній наставилъ, подкрѣпилъ и спасъ.

Благодареніе Богу! 7-го Октября Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы въ 5-ть часовъ съ главною своею арміею, которая потянулась по Калужской дорогѣ, а обозы тяжелые отправились по Смоленской; въ Москвѣ же остался маршалъ герцогъ Тревизскій съ малымъ числомъ войскъ, которыя съ 9-го числа начали перебираться въ Кремль, гдѣ прежде того производимы были злодѣйственныя приготовленія для взорванія на воздухъ находящихся въ Кремлѣ зданій. 10-го числа, по наступленіи ночи, въ Воспитательномъ Домѣ снятъ Французскій караулъ, и всѣ Французскія войска вышли изъ Кремля и оставили городъ. Въ 11-ть часовъ загорѣлся Кремлевскій дворецъ, а во 2-мъ часу ночи первой сдѣлался жестокой ударъ, подорвавшій и разрушившій арсеналъ, каковыхъ было пять ударовъ; оные слышны были за 80 верстъ, коими разрушены пристройка къ Ивановской колокольнѣ, нѣкоторыя башни и часть Кремлевской стѣны; соборы жъ промысломъ Божіимъ остались цѣлы, но самымъ хищнымъ образомъ разграблены.

Еще гораздо ужаснѣйшихъ происшествій надлежало бы ожидать, если бы не было дождя, который во всю ночь сильно шелъ. Отъ ударовъ сихъ въ Воспитательномъ Домѣ было наичувствительнѣйшее потрясеніе; хотя предварительно открыты были окна, однако во многихъ мѣстахъ разбились стекла, выбились рамы и двери и обвалилась штукатурка, что̀ подѣйствовало и въ оставшихъ въ городѣ домахъ. Дѣти не были слишкомъ встревожены, потому что я заблаговременно о семъ предупредилъ какъ ихъ, такъ и служащихъ, и всѣ мы по совершеніи бѣдствій и ужасовъ остались живы. Нѣтъ возможности всего описать. Я очень нездоровъ, а притомъ отъ Государыни перепиской чрезвычайно замученъ.

При усерднѣйшемъ почитаніи свидѣтельствую вамъ, равно и милостивой государынѣ В. А. и П. Н. *), нелестнѣйшее почитаніе, съ како-

*) В. Н. должно означать супругу Н. И. Баранова, а П. Н.—его дочь, Прасковью Николаевну, впослѣдствіи Шишкину (мать товарища министра иностранныхъ дѣлъ, Николая Павловича Шишкина). П. Б.

вымъ на весь вѣкъ имѣю счастіе быть, милостивый государь всепокорнѣйшимъ слугой Иванъ Тутолминъ.

Писано въ Ноябрѣ 1812.

II.

Донесеніе И. А. Тутолмина императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ 11 Ноября 1812 года *).

1812. Августа 31, въ Субботу, загородный домъ Воспитательнаго Дома, состоящій за Новодѣвичьимъ монастыремъ и за Москвою-рѣкою, передовыми нашими казачьими войсками разграбленъ.

1-го Сентября, въ Воскресенье, войска наши, вошедшія въ Москву, разбили питейные домы; простой народъ бросился въ оные, таская вино ведрами, кувшинами и пьянствовали. Всѣ присутственныя мѣста и большая часть жителей, имѣющихъ состояніе, выѣхали еще за нѣсколько дней изъ города.

2-го Сентября, въ Понедѣльникъ, проходили Москву Россійскія войска, а вслѣдъ за оными въ 4 часа пополудни вступило въ Москву непріятельское Французское войско, такъ что послѣднія Русскія войска проходили набережную Воспитательнаго Дома, а непріятельскія были уже въ Кремлѣ. По вступленіи непріятеля въ Москву, главный надзиратель Воспитательнаго Дома, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Акинѳіевъ Тутолминъ, ожидая отъ непріятеля всѣхъ насилій и жестокостей, дабы спасти Домъ съ сиротами, пошелъ съ твердымъ духомъ въ Кремль съ двумя чиновниками, служащими ему переводчиками. Въ Кремлѣ, по многому перехожденію, доведенъ онъ былъ до опредѣленнаго отъ Наполеона губернаторомъ, графа Дюронеля, коему объяснивъ объ оставленномъ на попеченіи его Воспитательномъ Домѣ съ грудными и малолѣтними дѣтьми, просилъ его принять изъ единаго человѣколюбія оный Домъ подъ свою защиту. Дюронель приказалъ ему дать 12 человѣкъ конныхъ жандармовъ съ офицеромъ. Съ сими гостями отправился Тутолминъ въ Домъ, которые и были на содержаніи Дома. Какъ въ сей день, такъ и въ слѣдующіе, Французскія войска входили въ городъ и выходили изъ онаго; осталось же ихъ тогда до 50,000.

Съ самаго перваго вечера начались пожары, но и день ото дня увеличены были разосланными по всему городу зажигателями, бросавшими во всѣ дома и церкви зажигательные составы, въ низкія мѣста изъ рукъ, а въ высокія изъ пистолетовъ. Съ пожарами вмѣстѣ

*) Тутолминъ пишетъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. П. Б.

начались грабежи, смертоубійства и всякаго рода жестокости и поруганія отъ непріятельскихъ войскъ, по безчеловѣчію своему не внемлющихъ ни гласу совѣсти, ни просьбамъ и слезамъ несчастныхъ жителей. Грабежи сіи продолжались до того времени, пока у бѣдныхъ жителей ничего уже не осталось, и они, будучи лишены домовъ и жилищъ, пищи и одежды, принуждены были искать себѣ насущнаго хлѣба у самаго непріятеля.

3-го Сентября, во Вторникъ, пожаръ и грабежи продолжались. Русскіе больные и раненые помѣщены были въ Екатерининскомъ и Александровскомъ училищахъ и оставлены были безъ пищи, безъ присмотру, и даже мертвыя тѣла не похоронены. Тутолминъ, узнавъ о томъ сего числа и не имѣя никакой возможности оказать имъ пособіе, предписалъ Оппелю, главному больницы для бѣдныхъ лѣкарю, не оставить ихъ безъ призрѣнія.

Того же числа пріѣхалъ въ Воспитательный Домъ генералъ-интендантъ Дюмасъ и, осмотрѣвъ домъ, распорядилъ тутъ возлѣ лабазъ строить печи для печенія хлѣбовъ. И хотя на другой день пришедшіе солдаты съ офицерами разломали деревянныя строенія и конюшни, выкинувъ изъ нихъ экипажи, изъ коихъ нѣкоторые ободрали, а другіе увезли, но пекарню дѣлать не разсудили.

4-го Сентября, въ Среду, былъ самый жесточайшій пожаръ; весь городъ былъ объятъ пламенемъ, горѣли храмы Божіи, превращались въ пепелъ великолѣпныя зданія и домы; отцы и матери кидались въ пламя, чтобы спасти погибающихъ дѣтей, и дѣлались жертвою ихъ нѣжности. Жалостные вопли ихъ заглушались только шумомъ ужаснѣйшаго вѣтра и обрушеніемъ стѣнъ. Все было жертвою огня. Мосты и суда на рѣкѣ были въ огнѣ и сгорѣли до самой воды. Воспитательный Домъ находился въ величайшей опасности, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ пламенемъ. Всѣ окрестныя строенія пожираемы были ужаснымъ пожаромъ; пламя разливалось рѣками повсюду; вихрь отрывалъ клубы огня и переносилъ на другія дальнія строенія, кои тотчасъ загорались: весь городъ былъ въ огнѣ, и ночь не различалась свѣтомъ со днемъ. Въ Воспитательномъ Домѣ воспитанники съ вѣниками и шайками разставлены были по дровамъ, куда какъ дождь сыпались искры, которыя они гасили. Неоднократно загорались въ Домѣ рамы оконичныя и косяки; главный надзиратель съ подчиненными гасилъ, раскидывая сосѣдственные заборы и строенія, загашая водою загоравшіяся мѣста, и такимъ образомъ спасъ Домъ съ воспитанниками, служащими и пришельцами. Только что одинъ деревянный домъ

и аптека сгорѣли. Когда главный надзиратель пожарными трубами старался загашать огонь, тогда Французскіе зажигатели поджигали съ другихъ сторонъ вновь аптеку и тотъ домъ; наконецъ, нѣкоторые изъ стоявшихъ въ домѣ жандармовъ, сжалившись на тщетные ихъ труды, сказали главному надзирателю: оставьте, приказано сжечь. Итакъ, домъ тотъ и аптека обратились въ пламя, а послѣ въ пепелъ. Изъ инвалиднаго дома Шереметевой всѣ вещи расхищены, а нѣкоторыя взяты были живущими въ домѣ жандармами.

При сихъ ужасныхъ обстоятельствахъ прибѣгнули въ Воспитательный Домъ въ великомъ числѣ несчастные жители Москвы и просили пристанища и покрова. Главный надзиратель Тутолминъ всѣхъ ихъ успокоивалъ, елико возможно было. Раненыхъ же нашихъ, приползывающихъ въ домъ, принималъ рядовыхъ въ свои больницы, а трехъ офицеровъ къ себѣ. Между прочими бѣдными приведена была также престарѣлая, лишенная зрѣнія и отягченная болѣзнями княгиня Катерина Михайловна Голицына*) съ поручицею Бауверъ, лишенныя всего имущества и нѣсколько дней бывшія безъ пищи, коихъ помѣстилъ онъ со вдовами.

Послѣ столь ужаснаго пожара, Домъ оставался въ величайшей опасности, ибо не переставали ходить Французскіе зажигатели около Дома. И для того главный надзиратель учредилъ изъ подчиненныхъ своихъ безпрестанные днемъ и ночью около Дома обходы и во всѣхъ мѣстахъ приготовилъ воду. Таковыми мѣрами избавилъ онъ Домъ отъ огня. Между тѣмъ безпрестанно пріѣзжали и приходили къ Дому толпы Французскихъ мародеровъ, кои искали пищи для злобныхъ и развращенныхъ ихъ сердецъ, грабительствомъ и всякаго рода буйствами, не смотря на имѣющійся въ домѣ караулъ жандармовъ, который и самъ не слишкомъ могъ во всей силѣ выполнять свою обязанность, и потому что отъ начальства имъ позволено было грабительство. Почему, дабы симъ людямъ изъяснить, какое заведеніе есть Воспитательный Домъ, и дабы убѣждать ихъ къ жалости къ невиннымъ сиротамъ, главный надзиратель поставилъ у воротъ переводчиковъ, собравъ ихъ изъ служащихъ въ домѣ и постороннихъ, во время пожара прибѣгнувшихъ къ его покровительству, знающихъ Французскій языкъ; и еще до вступленія злодѣевъ у всѣхъ воротъ выставилъ доски съ Французскими надписями: «сіе заведеніе есть домъ несчастныхъ и сирыхъ дѣтей». Изъ Дома нельзя было выйти за ворота безъ того, чтобы не

*) Это была вдова князя Павла Ѳедоровича Голицына, урожд. Чебышева. П. Б.

быть ограбленнымъ. Въ городѣ учреждены были Французскіе начальники, кои были: первый губернаторъ графъ Дюронель, на мѣсто котораго поступилъ послѣ герцогъ Тревизскій, маршалъ Мортье; комендантъ графъ де-Милліо, генералъ-интендантъ арміи Дюмасъ и интендантъ города Лессепсъ.

5-го Сентября, въ Четвертокъ, пополудни въ 2 часа, Наполеонъ, прогуливаясь по городу, смотря на свои злодѣянія, ѣхалъ по набережной мимо Воспитательнаго Дома; противъ онаго остановясь, спросилъ, что̀ это за зданіе, которое отъ пожара сохранено? Ему отвѣчали, что это Воспитательный Домъ, спасенный отъ предстоявшей ему гибели начальникомъ онаго съ своими подчиненными. Наполеонъ велѣлъ генералъ-интенданту Дюмасу ѣхать въ Домъ, найти главнаго надзирателя и объявить ему свое благоволеніе. Дюмасъ, прискакалъ въ Домъ и объявилъ главному надзирателю: «Я присланъ къ вашему пр—ву отъ императора, который приказалъ благодарить васъ за трудъ и спасеніе вашего Дома отъ огня. Его величеству угодно съ вами лично познакомиться». Старикъ Тутолминъ, человѣкъ духа неустрашимаго, равнодушно принялъ оное; но утѣшился тѣмъ, что весь Домъ отъ онаго приведенъ въ ободреніе.

6-го числа Сентября, въ Пятницу, Наполеонъ прислалъ за Тутолминымъ статсъ-секретаря своего, Делорма. Сей Делормъ жилъ много лѣтъ прежде въ Москвѣ и былъ нарочно для того въ Москву присыланъ, чтобы онъ зналъ Русскій языкъ, входилъ въ дома и давалъ вѣсти Наполеону; слѣдовательно, это былъ лазутчикъ. Тутолминъ отправился къ Наполеону въ Кремлевскій дворецъ. Какимъ образомъ принятъ онъ былъ Наполеономъ и о чемъ имѣлъ съ нимъ разговоръ, о томъ отъ 7-го Сентября донесъ Государю Императору съ нарочнопосланнымъ въ Петербургъ. А сверхъ того Наполеонъ дѣлалъ Тутолмину слѣдующіе вопросы: Великое ли число дѣтей въ Домѣ? На какое время запасено продовольствіе, и откуда снадбить можно Домъ съѣстными припасами на зиму? Тутолминъ подалъ вѣдомость о числѣ дѣтей. Наполеонъ, разсмотрѣвши оную, съ улыбкою сказалъ: «Вы увезли въ Казань большихъ дѣвицъ». Потомъ Тутолминъ отвѣчалъ: «Я имѣю продовольствія только на мѣсяцъ, хотя обыкновенно Домъ дѣлаетъ подрядъ на цѣлый годъ, но по неимѣнію мѣста запасается только на одинъ мѣсяцъ. Подрядчикъ же теперь уѣхалъ изъ Москвы, слѣдовательно Домъ лишенъ всѣхъ способовъ къ полученію запасовъ». Вдобавокъ спросилъ Наполеонъ: «Откуда городъ получаетъ съѣстные припасы?». Тутолминъ отвѣчалъ: «Хлѣбъ изъ Украинскихъ, скотину изъ Малороссійскихъ, а мелкую живность изъ ближайшихъ областей.

Хлѣбъ доставляется по большей части на баркахъ весною, а часть онаго привозится и сухимъ путемъ зимою». Еще спросилъ Наполеонъ, какой шаръ Англичанинъ Шмитъ дѣлалъ на пагубу его войска и его самого, прибавивъ, что такое варварство просвѣщенному народу непростительно. Тутолминъ отвѣчалъ: «Я о томъ ничего не знаю». На сіе возразилъ Наполеонъ: «Мнѣ извѣстно, что шаръ дѣлался въ 7 верстахъ отъ Москвы, но за неприведеніемъ въ дѣйствіе, сожженъ, а оставшіяся же горючія вещества употреблены на сожженіе Москвы». Наконецъ сказалъ онъ: «Какъ безчеловѣчно поступили Русскіе, оставивъ 10000 раненыхъ солдатъ безъ пищи и призрѣнія! Повторяю вамъ еще: напишите о всѣхъ происшествіяхъ Москвы къ своему императору Александру, и отправьте съ донесеніемъ чиновника своего. Я дамъ ему пропускъ черезъ свои форпосты».

Въ этотъ же день пріѣхали въ Домъ для помѣщенія 300 жандармовъ съ полковникомъ и офицерами и помѣстились въ корделожѣ. Сѣно и овесъ у всѣхъ обобрали, а также и лошадей отняли, лучшихъ въ строевую службу, а поменьше въ обозы. Экипажи изъ сараевъ повыбросали, иные взяли подъ свой обозъ. Должно было сихъ гостей довольствовать съѣстными припасами, доколѣ сами непріятели не увидѣли, что не остается чѣмъ питать себя и дѣтей.

8-го Сентября, въ Воскресенье, смотритель Вдовьяго Дома Мирицкій пришелъ въ Воспитательный Домъ въ рубищѣ; ибо, какъ онъ съ семействомъ ограбленъ, такъ и Домъ Вдовій, что въ Кудринѣ, ограбленъ и сожженъ, гдѣ сгорѣло до 700 человѣкъ Русскихъ раненыхъ, изъ коихъ нѣкоторые только могли спастись, т.-е. тѣ, кои имѣли силы выползти *). Того же числа генералъ-интендантъ Дюмасъ пріѣхалъ въ Домъ и объявилъ повелѣніе Наполена, чтобы осмотрѣть внутренность Воспитательнаго Дома; по осмотрѣ Дома взялъ онъ планъ онаго съ собою.

9-го Сентября, въ Понедѣльникъ, Дюмасъ прислалъ обратно планъ, раздѣливъ въ немъ карандашомъ квадратъ на равныя половины; и велѣно было главному надзирателю сказать, что половина квадрата

*) Кудринскій Вдовій Домъ сгорѣлъ 3-го Сентября, во Вторникъ, не отъ сосѣдственныхъ дворовъ, но отъ явнаго зажигательства Французовъ, которые, видя, что въ томъ Домѣ Русскихъ раненыхъ было около 3000 человѣкъ, стрѣляли въ оный горючими веществами, и сколько смотритель Мирицкій ни просилъ сихъ варваровъ о пощадѣ Дома, до 700 раненыхъ нашихъ въономъ сгорѣло; имѣвшіе силы, выбѣжали и кой-куда разбрелись Въ Домѣ тихо отправляли въ церкви службу; всѣ исповѣдывались и причащались, готовясь на смерть.

и окружное строеніе все займется Французскими ранеными и больными, и чтобы непремѣнно оныя зданія очистить.

10-го Сентября, во Вторникъ, главный надзиратель, черезъ статсъ-секретаря Делорма, подалъ Наполеону письмо объ отмѣненіи намѣренія учредить госпиталь въ квадратѣ, но на оное никакого письменнаго рѣшенія не получилъ. И какъ по отправленіи взрослыхъ дѣтей въ Казань многія въ квадратѣ отдѣленія остались пусты, то сіе подало Французскому начальству поводъ и мысль помѣстить въ домѣ лазаретъ. Посему и просьба о нестѣсненіи дѣтей и объ отмѣненіи сего намѣренія осталась безуспѣшна; сказали главному надзирателю, что Наполеонъ, получа отъ него письмо, отозвался: «Чего онъ хочетъ? Когда у него много пустыхъ комнатъ, слѣдовательно онъ не стѣснится». А въ отраду приказалъ въ квадратъ однихъ только раненыхъ помѣщать, а больныхъ въ окружное строеніе, и раздѣлить заборомъ отъ дѣтей, и особые сдѣлать въѣзды.

12-го Сентября, въ Четвертокъ, Наполеонъ черезъ статсъ-секретаря своего прислалъ двухъ сиротъ для помѣщенія оныхъ въ Домъ, которыя послѣ того по его повелѣнію два раза были свидѣтельствованы, какъ оныя содержатся? Сироты и въ бѣдности находящихся родителей дѣти присылаемы были отъ городскихъ начальниковъ, какъ-то: отъ генералъ-губернатора герцога Тревизскаго — 9, отъ коменданта графа де-Миліо—9 и отъ Французскаго начальства—2; всего 22 человѣка; сверхъ того поступило въ Домъ подкидышей—23.

13-го Сентября, въ Пятницу, начали привозить Французскихъ раненыхъ и больныхъ въ окружное строеніе.

14-го Сентября, въ Субботу, присланъ былъ инженерный офицеръ съ рабочими солдатами, который и началъ отдѣлять половину квадрата, почему дѣти и перемѣщены всѣ въ одну половину. Впослѣдствіи сіи больные на половинѣ своей оставшіяся вещи расхитили, попортили, книги изорвали, шкафы, столы, стулья сожгли въ печахъ. Для лучшаго порядка главный надзиратель при входѣ на свою половину поставилъ караульныхъ и далъ предписаніе своимъ переводчикамъ изъ служащихъ и постороннихъ, имѣвшихъ пристанище въ Домѣ, чтобы они чередовались безотлучно у воротъ и приходящимъ и приводимымъ раненымъ показывали дорогу на ихъ половину; но учтиво бы удерживали всѣхъ тѣхъ, кои будутъ входить на дѣтскую. Желающихъ же видѣть заведеніе провожали бы къ нему, главному надзирателю. Сверхъ того, для безопасности отъ пожара, соблюденія спокойствія и удаленія злоумышленниковъ, главный надзиратель учредилъ

ночные обходы, употребивъ къ тому своихъ чиновниковъ съ переводчиками, кои поочередно всякую ночь три раза обходили всѣ мѣста квадрата.

15-го Сентября, въ Воскресенье, начался въ квадратъ привозъ раненыхъ, коихъ содержали они отъ себя; и оныхъ въ обоихъ госпиталяхъ, т.-е. въ квадратѣ и окружномъ строеніи, по наполненіи было ежедневно до 300, а во все время болѣе 2000 человѣкъ; умирало ихъ ежедневно въ квадратѣ отъ 20-ти до 50-ти, итого до 1500, которыя тѣла похоронены были за квадратомъ на пустырѣ къ городовой стѣнѣ города Китая, въ чертѣ Воспитательнаго Дома; въ окружномъ же строеніи умирало оныхъ ежедневно отъ 15-ти до 30-ти, итого до 1000 тѣлъ, которыя положены изъ онаго строенія за чертой Воспитательнаго Дома. Хотя для предосторожности на тѣла и сыпана известь, но за недостаткомъ небольшое количество. Главный надзиратель, для отвращенія заразительныхъ болѣзней, хоронилъ оныя тѣла своими людьми, безъ чего они бы валялись по коридорамъ и площадкамъ; ибо приставники больницъ весьма часто мѣнялись, отъ чего совсѣмъ не было порядка (впослѣдствіи, когда Москва очистилась отъ непріятеля, тѣла сіи были вырыты и за городомъ сожжены).

По учрежденіи Французскихъ госпиталей, начальство ихъ прислало для оныхъ караулъ, который занялъ крестовую и докторскія комнаты.

Спустя нѣсколько времени, главный надзиратель началъ относиться къ Французскому начальству о недостаткахъ въ съѣстныхъ припасахъ, для того, чтобы они не покусились отобрать изъ Дома съѣстные припасы или принудить довольствовать ихъ команды пищею. Хотя Домъ въ запасахъ большой нужды еще не претерпѣвалъ, но нужно было получить позволеніе для посылки по деревнямъ чиновниковъ своихъ, для закупки хлѣба, для того, чтобъ при семъ случаѣ увѣдомить войска наши о непріятелѣ и настоящемъ его положеніи. Къ несчастію, главному надзирателю дома, по требованію его, дали пшеницы 100 центеровъ, да крупъ гречневыхъ 20 центеровъ, предоставивъ ему сыскать для молонья пшеницы мельницы и объ оныхъ донесть; почему отправленъ экономъ, чтобъ осмотрѣть мельницы близъ города; довольно ихъ найдено, но крѣпкія заняты были Французскимъ мелевомъ, а порченыя праздны. Когда о томъ главный надзиратель отнесся къ Французскому начальству, то дано было отъ онаго позволеніе молоть на испорченныхъ, изъ которыхъ на одной, исправя оную, пшеница была смолота.

По прошествіи 10 дней, главный надзиратель вторично возобновилъ требованіе свое, по которому позволили ему покупать хлѣбъ внутри своихъ форпостовъ. А какъ въ близъ лежащихъ деревняхъ Французами все уже было обобрано, то и не могъ онъ успѣть воспользоваться симъ позволеніемъ, а приступилъ еще съ новою просьбою къ генералъ-интенданту, который отозвался, что сіе принадлежитъ до интенданта города Лессепса, а когда онъ къ сему отнесся, то сей отвѣчалъ, что не имѣетъ на то приказанія, и хотѣлъ доложить о томъ герцогу Тревизскому, маршалу Мортье; но сей, отозвавшись сначала невозможностью, наконецъ, по убѣжденію, позволилъ главному надзирателю послать своихъ чиновниковъ по деревнямъ для отысканія хлѣба снабдивъ ихъ письменнымъ видомъ, каковой и главный надзиратель отъ себя самъ долженъ былъ дать. При семъ Лессепсъ предварялъ его главнаго надзирателя, чтобъ онъ взялъ отъ начальства денегъ ассигнаціями для его расходовъ; но онъ не имѣлъ въ нихъ нужды, будучи снабженъ отъ Опекунскаго Совѣта достаточною суммою денегъ. Это была ихъ зловредность, чтобъ ссужать его своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число и ими даже выдавали своимъ войскамъ жалованье. По просьбѣ стоявшаго въ домѣ съ жандармами полковника, который къ главному надзирателю принесъ кучу сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій, просилъ размѣнять на 25-рублевыя, но онъ выбожился, что у него ихъ нѣтъ, а такія же сотенныя; но принужденъ одну размѣнять на 25-рублевыя, въ намѣреніи поднести оную Государынѣ Императрицѣ; но въ бытность генералъ-адъютанта Павла Васильевича Кутузова, по просьбѣ его, отдалъ ему, для отправленія къ Государю Императору.

Сентября 28, въ Субботу, оставшіеся въ Москвѣ Французскіе лицедѣи, въ домѣ Познякова, на Большой Никитской, дали комедію, о чемъ по городу и печатными объявленіями на Французскомъ языкѣ повѣстили.

2-го Октября отправилъ главный надзиратель своихъ чиновниковъ для отысканія по деревнямъ хлѣба, имѣя, однакожъ, болѣе въ виду чрезъ таковый случай дать извѣстіе войскамъ нашимъ, что Французскія войска изъ Москвы значительнымъ числомъ стали выходить и обозы отпускать, равнымъ образомъ извѣстить обо всѣхъ въ ней происшествіяхъ. Вслѣдствіе чего, отправленъ былъ для сего надворный совѣтникъ Данилевскій съ тремя чиновниками, переводчикомъ, двумя унтеръ-офицерами и 3-ми унтеръ-офицерами, которые выѣхавъ на Петербуржскую дорогу, въ 12 верстахъ отъ Москвы встрѣтились съ казачьимъ отрядомъ, подъ командою генералъ-майора Иловайскаго, ко-

торый въ то время имѣлъ съ непріятелемъ перестрѣлку. Посланные препровождены были къ командующему ихъ корпусомъ, генералу Винценгероду, который распрашивалъ ихъ подробно обо всѣхъ происшествіяхъ Московскихъ; опасаясь же, чтобы какимъ-нибудь образомъ не дошло до непріятеля свѣдѣніе о нахожденіи такъ близко Русскихъ войскъ, не рѣшался онъ сначала отпустить ихъ въ Москву, но напослѣдокъ, въ уваженіе недостатка въ хлѣбѣ для Воспитательнаго Дома, оставя въ залогъ у себя четырехъ, остальныхъ съ Данилевскимъ пять человѣкъ отпустилъ съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы по доставленіи хлѣба въ Воспитательный Домъ, паки съ вѣрными извѣстіями о непріятелѣ вскорѣ возвратились бы къ нему. Оные чиновники, купивъ ржи $5\frac{1}{2}$ четвертей, прибыли благополучно въ Домъ, съ такимъ объявленіемъ, что оставшіе остались по деревнямъ скупать съѣстные припасы.

10-го Октября, рано поутру, Тутолминъ отправилъ тѣхъ же чиновниковъ къ генералу Винценгероду, гдѣ на пути встрѣтились съ своими казаками отъ Москвы по Петербуржской дорогѣ въ 12 верстахъ, въ селѣ Никольскомъ, отъ которыхъ узнавъ, что корпусный начальникъ Винценгеродъ взятъ въ плѣнъ непріятелемъ въ Москвѣ, на другой день и съ оставленными прежде возвратились въ Москву.

По истинному недостатку съѣстныхъ припасовъ, интендантъ Москвы, Лессепсъ, доставилъ 8 коровъ и 4 барановъ. Сверхъ того, посылалъ онъ, Тутолминъ, въ поля за картофелемъ, котораго за выбраніемъ непріятелемъ не находили, а приносили капусту; и за тою не иначе можно было посылать, какъ съ Французскими провожатыми, которыхъ Тутолминъ съ трудомъ могъ выпрашивать. По недостатку муки, онъ долженъ былъ довольствовать Домъ умѣреннымъ образомъ; но Домъ не имѣлъ, однакожъ голода, такъ какъ многіе изъ жителей въ городѣ, кои принуждены были питаться одною намоклою пшеницею, насыпанною въ баркѣ, которая во время пожара сгорѣла и сѣла на дно.

Между тѣмъ Французское начальство, видя себя и жителей угнетенныхъ и нуждающихся во всемъ, стало выдавать разныя провозглашенія, отъ 19-го и 29-го Сентября.

5-го Октября, Суббота. Присланные отъ Французскаго начальства комиссары заняли въ Домѣ хлѣбни для печенія хлѣбовъ на ихъ войско. Съ сего числа поспѣшнымъ образомъ начальство ихъ начало вывозить изъ госпиталей, въ Домѣ Воспитательномъ учрежденныхъ,

своихъ легко раненыхъ и выздоравливающихъ изъ Москвы по Можайской дорогѣ, а на мѣсто ихъ изъ другихъ госпиталей наполняли въ домѣ лазареты.

6-го Октября, въ Воскресенье, бо́льшая часть Французскаго войска стала готовиться къ отбытію изъ Москвы.

7-го Октября, въ Понедѣльникъ, выступили войска непріятельскія изъ Москвы, съ коими отправился и самъ Наполеонъ, въ пять часовъ утра, по Калужской дорогѣ; а тяжелые обозы отправлены по Смоленской. Того же числа всѣ жандармы вышли въ походъ; въ Москвѣ же оставалось Французскихъ войскъ не болѣе 3000, подъ начальствомъ маршала Мортье, къ которому предъ выходомъ жандармовъ отнесился Тутолминъ чрезъ письмо съ просьбою, чтобы онъ приказалъ стоящему офицеру на караулѣ при лазаретахъ охранять и Воспитательный Домъ.

8-го Октября, во Вторникъ, Тутолминъ, не получивъ отвѣта на письмо свое о караулѣ, повторилъ свою просьбу чрезъ письмо къ интенданту Лессепсу.

9-го Октября, въ Среду, Лессепсъ прислалъ къ Тутолмину адъютанта своего для устройства порядка въ караулѣ. Письмомъ симъ, между прочимъ, онъ просилъ Тутолмина принять Французскихъ раненыхъ и больныхъ, въ Воспитательномъ Домѣ находящихся, въ свое попеченіе, равномѣрно и жителей въ Москвѣ Французской націи, коихъ онъ присылалъ къ Тутолмину въ Домъ для помѣщенія, и онъ не имѣлъ возможности ихъ не принять.

Того жъ числа объявилъ Тутолмину служившій въ Домѣ лѣкарь изъ иностранцевъ Науманъ, что онъ принятъ во Французскую службу въ штатъ Наполеона по медицинской части, и его Тутолминъ не имѣлъ возможности удержать *).

10-го Октября, въ Четвертокъ, по наступленіи ночи, въ Воспитательномъ Домѣ снятъ Французскій караулъ, и всѣ Французскія войска, по совершеніи варварскаго своего намѣренія съ Кремлемъ, очистили весь городъ. О чемъ отъ 12-го Октября Государынѣ Императрицѣ донесено.

11-го Октября, въ Пятницу, вступилъ въ Москву съ казаками генералъ-маіоръ Иловайскій 4-й, коему Тутолминъ сообщилъ пись-

*) Сей Науманъ родомъ изъ Жидовъ, изъ той части Польши, которая отошла къ Пруссіи, и опредѣлился въ Домъ незадолго до вступленія непріятеля въ Россію.

менно о нахожденіи въ Домѣ Французскихъ раненыхъ и больныхъ, и просилъ его объ охранительномъ караулѣ. Между тѣмъ вскакали въ домъ казаки, сопровождаемые толпою крестьянъ, коихъ наканунѣ того дня Французы заманили въ Москву, обѣщая отпустить имъ соли, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ при семъ случаѣ воспользоваться ихъ лошадьми, и ворвавшись въ окружное строеніе, вооружили крестьянъ отнятымъ у больныхъ и раненыхъ Французовъ оружіемъ, ограбили оныхъ Французовъ и расхитили все имущество жившихъ въ томъ строеніи служителей, чему свидѣтелемъ былъ жившій въ домѣ тайный совѣтникъ Повалишинъ. Спустя четыре дня, Иловайскій пріѣхалъ въ домъ. Тутолминъ не преминулъ сказать ему, что воинамъ Русскимъ, прибывшимъ сюда для установленія порядка и спокойствія, неприлично поступать такъ, какъ поступали его казаки, которые сдѣлали въ домѣ великое безпокойство и безпорядки, при чемъ свидѣтели были генералъ-маіоры Бенкендорфъ и Чернышъ*). Иловайскій отозвался, что ему это очень непріятно; а потомъ предъ Тутолминымъ приличнымъ образомъ извинялся.

Того жъ 11-го числа ввечеру вошелъ съ гусарскимъ полкомъ генералъ-маіоръ Бенкендорфъ, который снабдилъ Домъ Воспитательный карауломъ и оказывалъ всевозможное Дому пособіе, по принятой имъ на себя въ городѣ должности коменданта.

22-го Октября, во Вторникъ, Бенкендорфъ выступилъ изъ Москвы въ походъ съ своимъ отрядомъ. На мѣсто гусарскаго караула поставленъ въ домѣ полицейскій, которая въ Москву уже пріѣхала.

Съ того числа начали вывозить изъ Дома Французскихъ раненыхъ и больныхъ и 25-го Октября совсѣмъ Домъ отъ нихъ очистили; остались одни только раненые офицеры, числомъ 10 человѣкъ, да при нихъ служители. Всѣ мѣста, въ коихъ помѣщены были непріятельскіе лазареты, наполнены всякою нечистотою и мерзостью, и все въ нихъ поломано и сожжено; въ печахъ безпрестанный былъ огонь, ибо они не знаютъ закрывать трубъ.

24 Октября, въ Четвертокъ, прибылъ въ Москву главнокомандующій графъ Растопчинъ. И тогда начали городъ очищать: мертвыхъ лошадей, коихъ по улицамъ валялось нѣсколько тысячъ, вывозить за городъ. Жители начали пріѣзжать въ Москву, чтобы узнать о своихъ домахъ и увидѣли ихъ или обращенными въ пепелъ, или хотя отъ

*) Любопытно, что такъ названъ знаменитый впослѣдствіи князь Александръ Ивановичъ Чернышовъ. П. Б.

пожара уцѣлѣвшими, каковыхъ очень немного, но совершенно разграбленными, искали своихъ имуществъ, кои для сохраненія многіе зарывали въ землю или закладывали въ стѣны и подвалы; но увидѣли, что отъ хищной руки непріятеля ничего не укрылось. Въ церквахъ сокрытыя въ землю церковныя достоянія не пощажены отъ расхищенія, и самыя церкви обращены были, по безбожію врага, въ конюшни, кухни и скотскія бойни. Въ Воспитательномъ Домѣ дѣти, какъ малолѣтныя, такъ возрастныя, оставленныя за болѣзнями и по времени выздоровѣвшія, также изъ воспитанницъ учительницы и помощницы и всѣ постороннія благородныя молодыя женщины, дѣвицы и мужчины, имѣвшіе прибѣжище въ Домѣ, во все время, благодареніе Всевышнему, пребыли благополучны, такъ что на невинность ихъ не сдѣлано было никакихъ покушеній. Казну онъ Тутолминъ всю спасъ, подаривъ изъ оной 2000 рублей разнымъ непріятельскимъ чиновникамъ, что̀ принесло дому немалую пользу. Хотя же многіе Французы-чиновники пріѣзжали въ Домъ, чтобъ видѣть заведеніе онаго; но всѣ они просили на то его Тутолмина позволенія и были имъ допускаемы, коихъ онъ или самъ водилъ, или поручалъ водить его подчиненнымъ. Таковыхъ посѣтителей изъ Французскихъ чиновниковъ въ Домѣ было довольное число, и всѣ они, при разстроенномъ положеніи Дома, весьма хвалили заведенный порядокъ и чистоту и отдавали преимущество во всемъ заведенію сему противъ Вѣнскаго. По очищеніи Москвы отъ непріятеля оставалось въ Домѣ Воспитательномъ непріятельскихъ раненыхъ и больныхъ офицеровъ 8, рядовыхъ 1098; при нихъ приставниковъ 10, при офицерахъ людей 12, всего 1132 человѣка; да ружей 335, пистолетовъ 5, тесаковъ 113, сабель и палашей 38, сумъ 351, барабановъ 9, кирасовъ 4, сѣделъ 2, что̀ все отъ нихъ было отобрано.

Больницы для бѣдныхъ и Павловская были заняты непріятельскими же больными и ранеными. Въ Александровскомъ училищѣ по 11-е Ноября было Русскихъ раненыхъ 337 человѣкъ, во время пребыванія непріятеля въ Москвѣ прислано отъ ихъ начальства въ Домъ 22 человѣка обоего пола младенцевъ.

III.

Частное письмо чиновника Московскаго Воспитательнаго Дома, Петра Иванова, 16 Ноября 1812 года.

Французы вступили Сентября 2-го пополудни въ 6-мъ часу съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Наполеонъ остановился въ Кремлѣ, во дворцѣ. Поставили пикеты по всѣмъ заставамъ и по улицамъ, и по набережной разсыпалась конница. Начали стрѣлять, кто имъ попа-

дется; наши вооруженные метали ружья и тесаки, а кто бросить, того кололи. Не прошло часа ихъ вступленія, какъ зажгли съ начала Гостиной дворъ отъ Варварки. Главный надзиратель Воспитательнаго Дома, видя опасность, взялъ съ собою архитектора Жилярдія и экономскаго помощника Зейпеля, пошелъ просить отъ нихъ караула, для охраненія Дома. Отпустили жандармовъ, т. е. конной гвардіи 12 человѣкъ, и при нихъ капитанъ. Главный надзиратель ихъ съ собою привелъ и тотчасъ приказалъ дать овса и сѣна лошадямъ, а жандармамъ приготовить столъ. Послѣ сего у Рождества на Стрѣлкѣ зажгли поповъ домъ. Мы всѣ бросились на пожаръ, и жандармы всѣ съ нами; трубъ въ Москвѣ не было, кромѣ нашихъ 4-хъ, ибо вся полиція и съ трубами уѣхала во Владиміръ. Мы пробыли на пожарѣ всю ночь, и главный надзиратель съ нами; жандармы съ нами заливали трубами. Два дома сгорѣли, а прочіе отстояли. На другой день начали грабить, какъ въ домахъ, такъ и святыя церкви; въ Среду и Четвертогъ зажгли всѣ ряды, Зарядье, Гимназію, аптеку Воспитательнаго Дома, церкви и всѣ домы вокругъ Воспитательнаго Дома, такъ, что рамы въ квадратѣ нѣсколько разовъ загорались; но поспѣшили затушить, и Домъ Воспитательный отъ пожару избавленъ. Потомъ прислали въ Воспитательный Домъ 80 человѣкъ гвардіи, съ полковникомъ и 3-мя капитанами, 4-мя поручиками и 2 прапорщиками и докторомъ, и требовали квартиръ; потомъ пріѣхалъ губернаторъ, и многіе съ нимъ чиновники, пошли по всѣмъ покоямъ и кладовымъ, въ Совѣтъ, въ церковь и въ алтарь въ шляпахъ и съ собаками. Въ комнатахъ Совѣта назначено стоять жандармамъ; тотчасъ начали рубить столы, конторки, ящики, двери отбивать, выбрасывать, въ архивѣ тюки съ дѣлами пороли, книги портили; больницу у жандармовъ сдѣлали въ комнатахъ, гдѣ бухгалтерія. Полковникъ ихъ, увидя въ кладовой мѣдную посуду, велѣлъ къ себѣ нѣсколько оной принесть. Москва такъ обругана, что смотрѣть на нее сердце замираетъ. Въ церквахъ ставили лошадей, святыя иконы кололи и жгли; которая церковь не сгорѣла, такъ вся ограблена; ризы, плащаницы жгли на выжигу, вѣнцы, оклады плавили въ слитки. Потомъ привезли въ Домъ Воспитательный раненыхъ и больныхъ. Отняли все окружное строеніе и половину квадрата и дворъ онаго перегородили. Больныхъ было до 3000, изъ коихъ до 2000 померло; хоронили въ Домѣ у кузницы, къ стѣнѣ города Китая лежащей, а другихъ кидали въ колодцы. По прибытіи въ Москву полиціи, приказано ямы разрывать и тѣла возить за заставу въ кучу и жечь, чтобъ не было на весну заразы. Теперь въ Воспитательномъ Домѣ раненыхъ и больныхъ 10 офицеровъ и 10 денщиковъ на содержаніи Дома, при нихъ докторъ и лѣкарь.

Французы выѣхали изъ Дома въ Кремль 10 Октября въ 3 часа пополудни, а изъ Кремля выѣхали въ 7 часовъ; оставили зажигателей, кои зажгли сначала дворецъ, потомъ грановитую палату, арсеналъ; потомъ начало рвать подкопы; взорвало на воздухъ пристройку къ Ивановской колокольнѣ съ большими колоколами, потомъ взорвало новую угольную башню водовзводную, потомъ арсеналъ отъ Троицкихъ воротъ. Такъ были сильны удары, что въ Воспитательномъ Домѣ рамы изъ оконъ выскочили, множество истрескалось стеколъ, и трещины по дому показались. Въ окружномъ строеніи и вездѣ въ домѣ, гдѣ стояли Французы, перегородки выломали и выбросили за окошки, мебель всю кололи и жгли, кіоты, образа, все выбросили; мука, крупа все разграблено Французами. Таскали хлѣбъ и свои: взять было негдѣ; а въ Домъ Воспитательный напущено несчастныхъ и бѣдныхъ погорѣлыхъ людей множество. Наполеонъ приказалъ дать въ Домъ пшеницы 500 пудовъ, и мололи на мельницѣ за 15 верстъ, а то такъ пришло, что нечѣмъ бы кормить дѣтей. Намъ и погорѣвшимъ дали пшеницы, парили и варили, тѣмъ и кормились. Мука была пудъ 10 рублей и 8, крупа 4 рубля четверикъ; это только во время пребыванія Французовъ, и то только можно было достать отъ жандармовъ. Крестъ съ Ивана Великаго сняли и съ собой увезли. При Французахъ не пущали въ Кремль никого, и ворота были кругомъ затворены и завалены: по вступленіи нашихъ они остались также: никого не пущаютъ и что̀ тамъ дѣлается, не знаемъ. Два раза былъ я раненъ отъ Французовъ, штыкомъ въ ногу и саблей по лѣвой рукѣ, а битъ отъ нихъ былъ безъ счету. Сей народъ суть варвары злонравные, хуже звѣрей, народъ презлой, хитрой и лукавой. Французы навезли изъ города разныхъ сокровищъ, мѣховъ дорогихъ, разныхъ винъ бочками, рому, Шампанскаго, Цимлянскаго, нагнали овецъ, телятъ и праздничали у насъ въ Домѣ. Комиссаръ Рухинъ былъ посыланъ въ Петербургъ къ Государынѣ; подорожная дана ему отъ Наполеона, за его подписаніемъ; онъ тамъ пробылъ болѣе 3-хъ недѣль, жандармы его провожали до Черной Грязи; Государыня ему пожаловала 150 рублей. Наши войска вступили въ Москву, сначала казаки, 12 Октября былъ въ Домѣ караулъ изъ казаковъ, казаковъ смѣнили гусары, а потомъ прибыли пѣхотные полки.

(Сообщено Н. И. Щукинымъ).

М. П. ПОГОДИНЪ.

Первые его шаги на ученомъ поприщѣ.

№ 137. Копія.

Въ собраніи Отдѣленія словесныхъ наукъ, бывшемъ 27 Октября 1823 года, въ присутствіи декана Отдѣленія, проф. Мерзлякова, гг. профессоровъ Гаврилова, Давыдова, Ульрихса, адъюнкта Каменецкаго и лектора Пельдта, происходило слѣдующее:

Слушано своекоштнаго кандидата Михаила Погодина прошеніе о томъ, что родомъ онъ сынъ губернскаго секретаря Петра Погодина, обучался въ Московской губернской гимназіи разнымъ языкамъ и наукамъ и, кончивъ курсъ ученія, въ 1818 году поступилъ въ Московскій Университетъ студентомъ, и слушалъ лекціи гг. профессоровъ Словеснаго Отдѣленія; а въ 1821 году Іюня 20 удостоенъ степени кандидата, и за сочиненную диссертацію по тому же отдѣленію награжденъ золотой медалью. Въ томъ же 1821 году, Іюля съ 5 числа, продолжалъ заниматься предметами того же отдѣленія, особенно же Россійской исторіей, статистикой и географіей; нынѣ же, желая подвергнуть себя испытанію, для полученія степени магистра, проситъ Отдѣленіе допустить его къ означенному испытанію, свидѣтельство же на званіе кандидата и на полученіе медали представляетъ въ подлинникахъ. Опредѣлено: допустить означеннаго кандидата Погодина къ экзамену, а со свидѣтельствъ, имъ представленныхъ при дѣлахъ Отдѣленія, оставивъ копіи, возвратить ему подлинники.

Вслѣдствіе означеннаго опредѣленія, Отдѣленіе и приступило къ строгому испытанію кандидата Погодина. Ему предлагали неопредѣленное количество словесныхъ вопросовъ: изъ Славянской словесности и теоріи изящныхъ искусствъ—профессоръ Гавриловъ, изъ Россійскаго краснорѣчія и поэзіи—проф. Мерзляковъ, изъ Латинской слов. и древностей Римской исторіи—проф. Давыдовъ, изъ древней и новой исторіи—проф. Ульрихсъ, изъ Россійской слов.—адъюнктъ Побѣдоносцевъ, изъ географіи—адъюнктъ Каменецкій, и изъ Французской сло-

весности—лекторъ Пельтъ. Продолженіе испытанія отложено до перваго имѣющаго быть собранія.

Ноября 19-го 1823 года продолжаемо было начатое 27 Октября 1823 г. строгое испытаніе. Погодину предложено было неопредѣленное число словесныхъ вопросовъ въ предметахъ, въ коихъ не былъ онъ еще экзаменованъ, а именно: въ статистикѣ и Россійской исторіи проф. Каченовскимъ. Потомъ, основываясь на § 32-мъ Положенія о производствѣ въ ученыя степени, члены Отдѣленія приступили къ письменному испытанію въ наукахъ, къ факультету принадлежащихъ. Въ присутствіи собранія, изъ числа вопросовъ, вмѣстѣ смѣшанныхъ и заблаговременно приготовленныхъ, испытуемый избралъ по жребію слѣдующіе два вопроса: 1) Какъ раздѣляется торговля Россійская? 2) Exponatur origo ordinis equestris apud Romanos, quid requisitum fuerit, et quis eques esset, demonstrentur praeterea insignia equitum, manus et annuus ritus, qui transvectio dicebatur. На сіи вопросы, рѣшенныя кандидатомъ Погодинымъ, подъ наблюденіемъ адъюнкта Каменецкаго, равно какъ и на всѣ словесные, отвѣчалъ онъ весьма удовлетворительно, и чрезъ то доказалъ отличные успѣхи свои во всѣхъ учебныхъ предметахъ, коими занимался. Вслѣдствіе сего члены Отдѣленія опредѣлили: въ силу § 33 Положенія, назначить испытуемому, для сочиненія диссертаціи, тему: *О началѣ Россійскаго государства.*

Января 17-го 1825 года члены Отдѣленія разсматривали диссертацію. Диссертація единогласно одобрена и признана сочиненіемъ, заслуживающимъ похвалу; опредѣлено: предложить Совѣту, дабы благоволено было напечатать оную вмѣстѣ съ тезисами и, въ силу § 105 Университетскаго Устава, просить о назначеніи дня для публичнаго защищенія оной.

Въ публичномъ собраніи Отдѣленія словесныхъ наукъ, бывшаго 11 Марта сего 1825 г., подъ предсѣдательствомъ г-на ректора Университета, Прокоповича Антонскаго, въ присутствіи декана Отдѣленія, проф. Мерзлякова, ординарныхъ профессоровъ Гаврилова, Каченовскаго, экстраординарнаго профессора Ивашковскаго и адъюнкта Снегирева, происходило слѣдующее.

На основаніи § 107 Университетскаго Устава и § 33 Положенія о производствѣ въ ученыя степени, своекоштный кандидатъ Михаилъ Погодинъ защищалъ сочиненную имъ и одобренную членами Отдѣленія диссертацію изъ темы: *О началѣ Россійскаго государства; главнымъ предметомъ должно быть сравненіе двухъ извѣстнѣйшихъ показаній о*

происхожденіи Руси, противъ возраженія, какъ постороннихъ состязателей, такъ и членовъ Отдѣленія, и въ отвѣтахъ оказалъ свои знанія и способности. Опредѣлено: представить Совѣту, что какъ вышеизложенный кандидатъ Погодинъ съ успѣхомъ совершилъ весь ходъ испытанія, предписываемаго Положеніемъ о производствѣ въ ученыя степени, то члены Отдѣленія и находятъ его достойнымъ степени магистра; при чемъ препроводить и копіи съ журналовъ, въ коихъ помѣщено производство его испытанія. Сверхъ того, донести Совѣту, что по справкѣ, учиненной вслѣдствіе сообщенія изъ Совѣта отъ 3-го Іюля 1822 года, подъ № 504, оказалось, что оный Михайло Погодинъ сынъ губернскаго секретаря, въ настоящей же ученой степени утвержденъ въ Іюнѣ 1821 г. Подписалъ Мерзляковъ. Секретарь Петръ Побѣдоносцевъ.

(Извлечено изъ архива Московскаго Университета).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ВОСПОМИНАНІЕ О М. П. ПОГОДИНѢ.

Профессоръ С. П. Шевыревъ умѣлъ заражать студентовъ Словеснаго Отдѣленія любовью къ древней Русской письменности. Подъ его воздѣйствіемъ я занимался, въ свободное отъ лекцій время, составленіемъ подробнаго азбучнаго указателя къ лѣтописямъ и всѣмъ словеснымъ произведеніямъ до XIII вѣка, не собственныхъ именъ только, но и вышедшихъ изъ употребленія словъ. (Карточками этого указателя наполнилось 17 большихъ ящиковъ отъ сигаръ). Вѣроятно, Шевыревъ сказалъ о томъ Погодину, который тогда (1850) уже не былъ профессоромъ. Нежданно-негаданно для меня, пріѣхалъ въ мою убогую комнату Михаилъ Петровичъ, посмотрѣлъ на мою работу, похвалилъ усердіе и позвалъ къ себѣ. Вскорѣ послѣ того, привезли мнѣ отъ него цѣлый возъ его «Москвитянина» за 10 лѣтъ. Можно судить, въ какомъ я былъ восторгѣ. Года черезъ три появился во «Временникѣ Общества Исторіи и Древностей» мой Указатель къ «Москвитянину». Мнѣ отпечатали его и отдѣльно, и я повезъ его на Дѣвичье Поле. Погодинъ, взглянувъ на заглавіе, разразился бранью: не было означено «издаваемый М. П. Погодинымъ». Мнѣ удалось не обидѣться его гнѣвною вспышкою, а онъ скоро убѣдился въ искренности моего уваженія къ его трудамъ. Это чувство не замедлило перейти въ душевную привязанность къ грубому только съ виду, но даровитому и добросердечному старцу. Въ теченіи слишкомъ двадцати лѣтъ посчастливилось мнѣ пользоваться его расположеніемъ и участіемъ въ обсто-

ятельствахъ моей жизни. Несчестное число разъ ѣздилъ я на Дѣвичье Поле, и никогда не уѣзжалъ отъ Михаила Петровича безъ нравственной и умственной для себя пользы. Часто случалось мнѣ быть свидѣтелемъ великодушныхъ порывовъ его широкаго сердца и его добрыхъ дѣлъ. При мнѣ получилъ онъ увѣдомленіе о томъ, что мѣдный заводъ въ Пермской губерніи, выстроенный на его деньги, сгорѣлъ въ день открытія. Погодинъ только перекрестился. Скупой на мелочи, онъ былъ щедръ на помощь. При мнѣ же раскричался онъ на человѣка, предлагавшаго ему купить за пониженную цѣну вексель одного изъ его пріятелей, за котораго онъ поручился. «Заплатить полностью»— было его непремѣннымъ рѣшеніемъ. Собственныя же обстоятельства его были вовсе не блестящія. «Москвитянинъ» издавался почти въ убытокъ, книги не шли съ рукъ; получалъ онъ пенсію 1800 р. въ годъ, а домъ съ флигелями, гдѣ жило многое число родныхъ его и бѣдныхъ, принадлежалъ покойной первой его супругѣ, и слѣдовательно дѣтямъ. Къ концу жизни было у него всего 25 т. р. (какъ самъ онъ говорилъ мнѣ), и только за годъ до кончины великій князь Константинъ Николаевичъ исходатайствовалъ ему 5000 р. «для ученыхъ изданій». На восьмомъ десяткѣ лѣтъ возраста продолжалъ онъ неутомимо трудиться, сохраняя живую любознательность къ успѣхамъ Русскаго просвѣщенія и вовсе чуждый старческой брюзгливости. Будучи кореннымъ Русскимъ человѣкомъ, находился онъ въ пріятельскихъ связяхъ со многими иностранцами въ Москвѣ. А какъ вѣренъ былъ онъ въ дружбѣ, съ какою нѣжною заботою относился даже къ дѣтямъ и внукамъ пріятелей своей молодости! Оттого-то сношенія его обнимали, можно сказать, всю Россію, а въ Москвѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ, у него были чуть не ежедневные посѣтители.

Въ послѣдній разъ видѣлся я съ М. П. Погодинымъ въ концѣ Октября мѣсяца 1875 года. Онъ заѣхалъ ко мнѣ въ одну изъ Субботъ, чтобы вмѣстѣ побывать въ Англійскомъ клубѣ, помѣщавшемся тогда на Тверской, въ домѣ Малькіеля, на углу Глинищенскаго переулка, противъ булочной Филиппова. Сходя съ пролетки, указалъ онъ мнѣ пальцемъ на ворота Мятлевскаго (нынѣ Бахрушинскаго) дома и сказалъ «Вонъ тамъ я родился». Дня черезъ два послѣ этого онъ читалъ послѣднюю рѣчь свою въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, схватилъ простуду и 8-го Декабря 1875 года тихо скончался. Судьба пощадила его: онъ не дожилъ до Берлинскаго конгресса.

На голосъ родины всѣ чувства въ немъ звучали.
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ, и въ живыхъ;
Съ любовью провѣрялъ народныя скрижали,
Не гордо мудрствуя, но вслушиваясь въ нихъ.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Въ 9-мъ выпускѣ, стр. 6, 2-я строка снизу, вмѣсто *бабка* надо *прабабка.*

На стр. 136-й, строка 17-я снизу вмѣсто *придворные* надо: *сподвижники еликой царицы.*

На оберткѣ 10-го выпуска вмѣсто *П. С. Мостовскаго* надо *И. С. Листовскаго.*

На стр. 189-й сказано, что участниковъ Наваринскаго боя никого болѣе нѣтъ, Это невѣрно: въ славномъ бою участвовалъ графъ Гейденъ, нынѣ генералъ-адъютантъ, адмиралъ, начавшій службу 17 Ноября 1820 года.

На стр. 292 й, на 10-й строкѣ, значится: *съ княземъ Павломъ Гагаринымъ.* Этого князя Гагарина звали не Павломъ, а Львомъ; онъ былъ мичманомъ флота и племянникомъ князя Александра Сергѣевича Меньшикова.

На стр. 292-й, снизу на 1-й строкѣ: *изъ темной какой-то маленькой бухты.* Лодка съ мнимымъ покойникомъ шла изъ Черной Рѣчки въ Малую Невку.

На стр. 294-й строка 7-я: *увезъ отъ мужа въ Петербургъ знаменитую м-мъ Бравура.* Г-жа Бравура вышла замужъ за г-на Никольсъ, одного изъ двухъ хозяевъ Англійскаго магазина на углу Невскаго и Малой Миллionной (Nichols & Plincke). Ея никто не увозилъ. У нея же была дочь Лавинія, которая вышла замужъ за Жадимировскаго. Ее-то и увезъ князь Сергѣй Васильевичъ Трубецкой.

На стр. 294-й, строка 9: *на пароходѣ за четверть часа до отхода его изъ Одессы въ Константинополь.* Посланный въ погоню за княземъ Трубецкимъ настигъ его въ одномъ изъ Кавказскихъ береговыхъ городовъ, на берегу, когда онъ собирался отправиться дальше моремъ.

На стр. 294-й, строка 13. *Послѣ этого князь Трубецкой служилъ.* Онъ былъ лишенъ дворянства и опредѣленъ рядовымъ сперва въ Петрозаводскъ, а потомъ въ Оренбургъ и, наконецъ, прощенъ. Разсказываютъ, что онъ, въ коронацію Александра Николаевича, будучи рядовымъ, развезъ знакомымъ визитную свою карточку: Serge Troubetzkoy, né prince Troubetzkoy.

На стр. 299-й, строка 10: *полковника конной гвардіи.* Полетика былъ полковникомъ кавалергардскаго полка.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1900 года.

(Годъ 38-й)

«Русскій Архивъ» въ 1900 году выходитъ по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884**, **1887**, **1888** и **1889** получаются, со всѣми приложеніями, по **5** р. за каждый годъ, съ пересылкою по **6** р. Годы **1890**, **1892**, **1893**, **1894**, **1895** по **6** р., съ пересылкою по **7** р. Годы **1898** и **1899** по **8** р., съ пересылкою **9** р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

Открыта подписка на 1901-й годъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1900

12.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Письма и бумаги Суворова. Изъ „Суворовскаго Сборника“ Императорской Публичной Библіотеки. Издалъ В. Алексѣевъ. С.П.Б. 1901. 8-ка, XXIV, 40 и XVI стр. Выпускъ первый. Цѣна 1 рубль

Привѣтствуемъ это изданіе, начатое извѣстнымъ переводчикомъ Греческихъ и Римскихъ классиковъ В. А. Алексѣевымъ. Въ предисловіи разсказана исторія Суворовскихъ писемъ, при чемъ очень любопытно оправданіе такъ называемой перлюстраціи, ради которой однако многія мѣста въ письмахъ остаются непонятными. Примѣчанія, которыми снабжены письма Суворова, составлены весьма отчетливо. Образцомъ въ этого рода трудной работѣ могли бы служить издателю письма Суворова къ его дочери, напечатанныя покойнымъ А. Ѳ. Бычковымъ въ 7-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1866 года. Въ настоящемъ выпускѣ напечатано всего 24 письма Суворова, слѣдов. надо полагать, что выпусковъ будетъ много: сборникъ Имп. Публичной библіотеки состоитъ изъ 15 томовъ. Въ архивахъ правительственныхъ и частныхъ хранится также немало писемъ Суворова. Недавно нашлось ихъ довольно въ бумагахъ, оставшихся послѣ адмирала князя Меншикова; а въ Парижѣ пріобрѣтено кѣмъ-то 39 Французскихъ писемъ Суворова къ принцу Нассау. Трудъ В. А. Алексѣева сложенъ, и нельзя не пожелать ему должнаго успѣха.

Родъ Татищевыхъ. 1400 — 1500. Историко-генеалогическое изслѣдованіе С. С. Татищева. С.П.Б. 1900 б. 8-ка. XXVI и 399 стр. съ большою родословною таблицею и литографированнымъ снимкомъ родословной тетради Разряднаго Архива, съ изображеніемъ медали, выбитой въ память пятисотлѣтія Татищевскаго рода, съ азбучнымъ указателемъ личныхъ именъ и сборникомъ генеалогическихъ документовъ. Татищевы происходятъ прямо отъ Рюрика и владѣли Смоленскимъ княжествомъ, которое въ концѣ XIV вѣка отошло къ Литвѣ, и послѣдній его князь (Василій Юрьевичъ, носившій имя князя Соломерскаго), поступивъ въ службу Великаго Князя Василія Дмитріевича, былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, провѣдалъ про измѣну Новгородцевъ, „тайно нощію“ поймалъ ихъ посадника и отослалъ его въ Москву, за что и получилъ имя Тать-ищева.

Въ новой Русской исторіи прославился изъ Татищевыхъ птенецъ Петра Великаго, историкъ и государственный дѣятель Василій Никитичъ, а въ XIX столѣтіи дипломатъ графъ Дмитрій Павловичъ (близко знакомый читателямъ „Русскаго Архива“ по письмамъ А. Я. Булгакова) и составитель настоящей книги, успѣвшій такъ много сдѣлать для Русской исторіографіи за царствованія Александра и Николая Павловичей.

Родословная составлена еще тщательнѣе и толковѣе, нежели извѣстная книга князя Н. Н. Голицына объ его родѣ. П. Б.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(39-й годъ изданія)

Вступающему въ тридцать девятый годъ своего изданія „Русскому Архиву“ не подобаетъ „хвалиться“ предъ читателями „ревностью и постоянствомъ“; онъ можетъ и долженъ выражать лишь радость о томъ, что мысль и дѣло, для которыхъ онъ начатъ въ 1863 году (въ то время, когда вслѣдъ за внутреннимъ обновленіемъ Россіи стали дѣйствовать враждебныя ей силы на окраинахъ), мысль и дѣло Русскаго самосознанія плодотворно двинулись впередъ и находятъ себѣ выраженіе въ повременныхъ изданіяхъ, разсчитанныхъ на многочисленныхъ читателей и въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ работъ по исторіи Русскаго государства и Русскаго просвѣщенія.

Живо сочувствуя успѣху этихъ твердыхъ шаговъ исторической любознательности, „Русскій Архивъ“ продолжаетъ и нынѣ свой посильный трудъ, стараясь сохранять вѣрность своему первоначальному направленію, т. е. отыскивая въ рукописяхъ показаній доселѣ не оглашенныхъ, а въ сообщаемыхъ статьяхъ предпочитая по возможности цвѣтистому и хлесткому дѣльное и строгое.

Въ 1901-мъ году „Русскій Архивъ“ по прежнему посвященъ будетъ обнародованію историческихъ достопамятностей родной старины и ея изученію во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Условія подписки на „Русскій Архивъ“ остаются прежнія: **9** р. за **12** книжекъ съ пересылкою въ Россіи и **12** р. съ пересылкою въ чужіе края.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 до 5 часовъ: Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ**.

ЗАПИСКИ МАРКИЗА ПАСТОРЕ О 1812 ГОДѢ*).

Свидѣтель великихъ событій, я тѣмъ самымъ обязанъ запечатлѣть свои воспоминанія о нихъ. Попытаюсь сдѣлать это. Въ иныхъ случаяхъ меня упрекнуть, быть можетъ, въ предубѣжденномъ освѣщеніи или въ невѣрномъ изображеніи происшествій; иногда, можетъ быть, эти упреки будутъ заслуженными. Но я заранѣе прошу всѣхъ, въ руки кого могутъ попасть эти Записки, помнить, что есть большая разница между тѣмъ, какъ вещи дѣйствительно происходятъ, и какими ихъ изображаютъ намъ, и вѣрить, что моимъ единственнымъ желаніемъ было разсказывать обо всемъ, что̀ я зналъ, именно то, что́ я зналъ, не внося никакихъ поправокъ. Прошу также извинить меня, если мнѣ придется часто говорить о себѣ самомъ. Можетъ показаться, что такія воспоминанія, по меньшей мѣрѣ, не у мѣста среди столь значительныхъ событій; но я пишу не столько для того, чтобы создать историческій трудъ, сколько съ цѣлью сохранить для себя самого въ преклонномъ моемъ возрастѣ слѣды тѣхъ происшествій, о которыхъ годы заставятъ меня позабыть. Вполнѣ понятно при этомъ, что у меня возникло желаніе собрать свѣдѣнія о той порѣ своей жизни, когда я могъ дѣйствовать сознательно, отдавая себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ.

Бюллетени достаточно опредѣленно намѣчали путь императора. Выѣхавъ изъ Парижа въ Маѣ, онъ прибылъ въ Дрезденъ, а затѣмъ

*) Французскій подлинникъ этихъ Записокъ (Mémoires sur la Russie) изданъ П. И. Щукинымъ, съ принадлежащей ему рукописи, въ недавно вышедшей пятой части его превосходнаго сборника „бумагъ, относящихся до Отечественной войны 1812 года“. Краткую біографію маркиза Пасторе находимъ въ большомъ словарѣ Ларуса. Маркизъ родился въ 1791 г., скончался въ 1857 г. Отецъ его былъ перомъ Франціи при Людовикѣ XVIII; самъ онъ долго оставался легитимистомъ, не захотѣлъ служить Людовику-Филипу и управлялъ имѣніями графа Шамбора; но позднѣе передался Наполеону III-му и получилъ мѣсто въ Сенатѣ. Въ 1812 году исполнялъ онъ должность гражданскаго интенданта Бѣлоруссіи. Писалъ онъ стихи и романы; но Записки его, кажется неизвѣстны во Франціи. Они писаны, вѣроятно, во время или вскорѣ послѣ Крымской войны, когда Французамъ подобало вспоминать про свой походъ въ Россію, и не были до сихъ поръ оглашены, можетъ быть, ради того, чтобы не оскорблять Поляковъ-единовѣрцевъ. П. Б.

черезъ Познань и Торнъ въ Гумбиненъ, маленькій, довольно красивый городокъ, бывшій центромъ какого-то управленія въ Восточной Пруссіи. Главная квартира нѣсколько дней оставалась тамъ. Оттуда начался походъ арміи. Выѣхавъ изъ Гумбинена, императоръ 13 Іюня прибылъ на берега Нѣмана. Общеизвѣстно, какъ онъ лично производилъ изслѣдованія мѣстности, и какъ послѣ одной неудачной попытки вся армія переправилась черезъ рѣку, заняла Ковну и вступила на непріятельскую землю.

Извѣстіе о приближеніи Французовъ императоръ Александръ получилъ въ Вильнѣ на балу. Онъ былъ пораженъ столь быстрымъ маршемъ и удалился за Днѣпръ, гдѣ поспѣшно присоединился къ своимъ войскамъ.

Я не сумѣю сказать, каковы были чувства Литовцевъ, когда они увидѣли, что Русскія войска удаляются, уступая мѣсто нашимъ. Видимая подвижность этого народа является слѣдствіемъ глубокаго притворства; они высчитываютъ свое легкомысліе и задолго подготовляютъ свою горячность. Ставя выше всего холодное мужество и физическую храбрость, они считаютъ себя свободными отъ обязанности имѣть другія доблести, хотя умѣютъ при случаѣ притворяться, что они у нихъ есть. Какъ мнѣ показалось, этотъ народъ вовсе не похожъ на его изображеніе, сдѣланное Рюльеромъ *). Слабохарактерные, преданные въ жертву всѣмъ злополучіямъ, которыя влечетъ за собою эта слабость, жаждущіе одновременно и блеска, и покоя, они изъ гордости отказываются отъ спокойной жизни, а изъ нужды попадаютъ въ рабство. Рвеніе ихъ, никогда не предвидящее препятствій, тотчасъ же испаряется, какъ только препятствія открываются ихъ взору. И вотъ они поочередно то провозглашаютъ Станислава королемъ, то отвергаютъ его, слѣдуютъ за Барскими конфедератами и бросаютъ ихъ на погибель, принимаютъ и предаютъ Костюшко. Подобнымъ же образомъ имъ не будетъ стоить труда нарушить въ дни нашихъ несчастій тѣ самыя обязательства, которыя когда-то они принимали на себя съ такимъ восторгомъ. Презрѣнный народъ, двѣ трети котораго состоятъ изъ рабовъ, находящихся на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ наши домашнія животныя, а остальная часть хвалится своимъ богатствомъ лишь для того, чтобы вырывать подачки, говоритъ о чести, чтобы добиваться орденовъ, и все еще кичится своей древней свободой, чтобы повыгоднѣе ее продать.

---

[1]) Рюльеръ, извѣстный наиболѣе по своей книгѣ о восшествіи на престолъ Екатерины Великой, писалъ также о Польшѣ и, по враждѣ къ Россіи, пристрастно. П. Б.

Быть можетъ, не безполезно будетъ кинуть взглядъ на состояніе Европы въ ту пору, когда совершился переходъ черезъ Нѣманъ. Этотъ взглядъ выяснитъ лучше, чѣмъ бы я то могъ сдѣлать иначе, каковы были наши средства и каковы должны были быть наши надежды.

Англія еще разъ отвергла мирныя предложенія, и ея непрекращающіеся происки уже начинали волновать нѣкоторые дворы Европы; однако, все еще оставалось спокойнымъ. Австрія, соединенная съ Франціей недавними узами, готова была, какъ казалось, содѣйствовать ей. Пруссія, руководимая, быть можетъ, инымъ чувствомъ, но связанная новымъ договоромъ, соединилась съ нами. Рейнскій союзъ, которымъ самовольно распоряжался его покровитель [1]), выслалъ подъ наши знамена все потребованное у него количество войскъ. Великое герцогство Варшавское, безъ труда уступая могущественному давленію, уже искало нунціевъ, избирало маршаловъ, подготовляло союзный сеймъ. Данія со своимъ государемъ была на нашей сторонѣ и поклялась хранить къ Англіи вражду, которая достаточно оправдывалась бомбардировкой Копенгагена. Природный врагъ Россіи, Швеція, наша давняя союзница на Сѣверѣ, какъ казалось, уже однимъ выборомъ того человѣка, котораго она призвала на престолъ [2]), добровольно становилась въ зависимость отъ насъ. Наконецъ, для Турціи, управляемой государемъ еще не вполнѣ утвердившимся на престолѣ, тревожимой Россіей и постоянно подвергающейся угрозамъ Вехабійцевъ, не оставалось, повидимому, иной опоры, кромѣ насъ, иной потребности, кромѣ войны, и иного средства спастись отъ гибели, какъ способствовать нашимъ побѣдамъ. Съ другой стороны, Италія, столько столѣтій одержимая духомъ партій, наслаждалась, наконецъ, покоемъ, который былъ ей такъ необходимъ и всѣми выгодами котораго пользовались мы. А Испанія готова была сама, во всемъ своемъ составѣ, подчиниться, наконецъ, нашей власти.

Въ такихъ обстоятельствахъ наши войска перешли ту рѣку, которая была узкимъ рубежомъ между землями подчиненными Россіи и странами признававшими вліяніе Франціи.

Исчислять здѣсь наши силы было бы трудно, да, пожалуй, и безполезно. Довольно будетъ нѣсколькихъ словъ, чтобы изобразить наше положеніе. Уже давно не случалось Французамъ, при всей ихъ привычкѣ къ побѣдамъ, идти на войну съ бо́льшей увѣренностью и отвагой. Только нѣсколько генераловъ, да нѣсколько маршаловъ, на-

[1]) Т.-е. Наполеонъ. П. Б.

[2]) Бернадотъ, избранный наслѣдникомъ Шведскаго престола. П. Б.

столько пресыщенныхъ наградами и пожалованіями, что имъ не оставалось больше ничего желать, отказались было исполнять свой долгъ и просили отпустить ихъ на покой, который былъ ими заслуженъ перенесенными трудами и лишеніями, и которому скопленныя богатства должны были придать особую пріятность. Но всѣ остальные были воспламенены одинаковымъ рвеніемъ, всѣ наперерывъ добивались разрѣшенія идти въ походъ, чтобы раздѣлять труды кампаніи, или, лучше сказать, ея выгоды и награжденія. Военное управленіе уже высчитывало, что̀ можно потребовать съ побѣжденныхъ, а гражданскія власти обдумывали новое административное устройство, которое нужно будетъ ввести въ отнятыхъ областяхъ. Офицеры были окружены во время самаго похода пышной роскошью, послѣдствія которой мы сейчасъ увидимъ. За арміей, движеніе которой уже было замедлено восемью стами орудій, тянулось, въ видѣ безполезнѣйшей свиты, двадцать тысячъ человѣкъ одной прислуги, двѣ или три тысячи каретъ, да тридцать или сорокъ тысячъ выѣздныхъ лошадей. Кромѣ того, тащилась еще толпа людей безъ опредѣленныхъ занятій, безъ настоящаго пристанища, безъ всякой должности при войскѣ, въ надеждѣ воспользоваться одновременно и оплошностями побѣдителей, и несчастіями побѣжденныхъ. Вотъ почему заготовленные для насъ съѣстные припасы были истреблены съ ужасающей скоростью, съ небрежностью и безпорядкомъ, еще болѣе ужасными. Вотъ почему войска такъ часто бывали задерживаемы въ ихъ передвиженіяхъ. Вотъ почему общественная польза, безпрестанно противополагаемая тысячамъ частныхъ, сдѣлалась смѣшнымъ предлогомъ, пустымъ словомъ, ненавистнымъ выраженіемъ, которымъ пользовались безъ истинной необходимости и отъ котораго отказывались, даже не оправдываясь. Всѣ эти несчастные люди, о которыхъ мы говоримъ, безпрестанно повѣствовавшіе о собственномъ безстыдствѣ той грубой рѣчью, которую они совершенно напрасно называли солдатскимъ языкомъ, въ концѣ-концовъ добились особаго вліянія. Силой, или съ чьего-нибудь разрѣшенія, они брали себѣ все, что̀ хотѣли, и умѣли до извѣстной степени внушать къ себѣ почтеніе нашимъ вождямъ, чтобы черезъ то обкрадывать насъ безнаказанно.

Изъ Ковны армія двигалась чрезъ Бумчешки (Bumscheschky), Шишморы (Schischmory), Соболешки (Soboleschki) и Риконты (Riconti) до Вильны. Разстояніе между этими двумя городами всего двадцать восемь миль; но дорога, идущая по нагроможденнымъ кучамъ песку, подчиняющаяся всѣмъ неровностямъ гористой мѣстности, которыя нигдѣ не попытались выравнить, должна была быть и, дѣйствительно, оказалась тягостной. Стояли уже сильные жары, и наши лошади, не

привыкшія къ такимъ дорогамъ, уже падали въ громадномъ числѣ. Армія оставила ихъ за собой отъ 7 до 8 тысячъ; когда черезъ три или четыре дня послѣ этого я проѣзжалъ по той же мѣстности, чтобы присоединиться къ императору, эти наваленные трупы на далекое разстояніе распространяли губительную заразу. Обратно черезъ Нѣманъ я перешелъ въ началѣ Іюля. Я нашелъ, что Восточная Пруссія переполнена мародерами, которые, надѣясь на болѣе легкую поживу, нарочно медлили на пути и пользовались страхомъ, наводимымъ ихъ вооруженіемъ и ихъ численностью, чтобы опустошать деревни. Были придуманы особыя военныя порученія, были пущены въ дѣло летучіе отряды и, по прошествіи нѣкотораго времени, эти грабежи поуменьшились.

Русскіе между тѣмъ отступали передъ нами. Они дали намъ перейти черезъ Нѣманъ, они позволили намъ утвердиться въ Вильнѣ не оказавъ никакого сопротивленія, если не считать той легкой стычки, въ которой былъ взятъ въ плѣнъ Октавъ де-Сегюръ. Императоръ вступилъ въ Вильну однимъ изъ первыхъ. Онъ поселился тамъ на узенькой улицѣ, сзади университета, и приказалъ вступить въ городъ своей гвардіи, главной квартирѣ и нѣкоторымъ частямъ войскъ. Вильну не грабили; городскія должностныя лица продолжали исполнять свои обязанности, и все продолжало идти обычнымъ порядкомъ. Первою заботой герцога Бассано, по полученіи императорскаго приказа, было заняться устройствомъ Литвы, какъ казалось, уже находившейся въ нашей власти. Вестфальскій король, вмѣстѣ съ генераломъ Ренье, пошелъ на Гродну, а герцогъ Тарентскій къ Мемелю; главная же армія направлялась на Вильну. Почти все теченіе Нѣмана было въ нашихъ рукахъ.

Императоръ, созвавъ Литовцевъ на всеобщее народное собраніе, давалъ имъ возможность постановить рѣшеніе самостоятельно, собрать собственное войско, ввести самоуправленіе; временному правительству онъ сохранилъ свободныя учрежденія. Было учреждено четыре интендантства, во главѣ каждаго изъ нихъ поставленъ совѣтъ изъ природныхъ Поляковъ, къ которымъ, какъ президентъ, присоединялся Французъ. Интенданты были еще подчинены правительственной комиссіи, образованной изъ знатнѣйшихъ Литовцевъ. Къ нимъ былъ назначенъ императорскій комиссаръ *), обязанность котораго состояла

*) Г. Биньонъ, Французскій резидентъ въ Варшавѣ, получилъ должность императорскаго комиссара. Шассенонъ былъ назначенъ въ Гродну, Сольнье—въ Минскъ, Кошле—въ Бѣлостокъ; Николаи остался въ Вильнѣ; всѣ четверо въ званіи интендантовъ. Де-Нуе такимъ же образомъ получилъ назначеніе въ Ковну.

въ томъ, чтобы блюсти наши выгоды, быть органомъ возможныхъ запросовъ и въ первое время знакомить комиссію съ совершенно новымъ строемъ управленія.

14-го Іюля въ Вильнѣ совершилось присоединеніе Литвы къ Федераціи великаго герцогства Варшавскаго. Уполномоченные составили актъ о присоединеніи, утвердилъ его король Саксонскій; императоръ изъявилъ согласіе. Весь обрядъ происходилъ въ самомъ соборѣ. Я выпишу здѣсь отрывокъ изъ моего собственнаго письма, написаннаго на другой день и, какъ кажется, точно передающаго тѣ чувства, которыми всѣ тогда были одушевлены.

«Мнѣ было любопытно посмотрѣть, какъ приметъ извѣстіе о своемъ освобожденіи тотъ самый народъ, который двѣ недѣли тому назадъ разными празднествами привѣтствовалъ императора Александра. И вотъ къ полудню я прибылъ въ Виленскій соборъ, гдѣ должны были служить обѣдню. Тамъ же собралась большая часть мѣстной знати, мужчины съ саблями на боку и женщины въ бѣлыхъ платьяхъ съ кокардами національныхъ цвѣтовъ, лиловаго и краснаго. Немного погодя, явились представители Варшавской федераціи и члены Виленской юнты. Нѣкоторые изъ нихъ были въ церемоніальной одеждѣ; большинство же предпочло старинный народный костюмъ: коротко остриженныя или обритыя головы, зашнурованный тафтяной кафтанъ, длинную саблю, висящую спереди и особый поясъ (отличительный знакъ шляхетства) тканный, изъ золотой, украшенной драгоцѣнными каменьями матеріи. Ихъ встрѣтили два Виленскихъ епископа, Греческій и Латинскій; мѣстная гвардія поставила свои знаки въ притворъ, и служба началась.

Виленскій соборъ довольно хорошъ. Его образуютъ три корабля (три трапезы); хоры ничѣмъ не отдѣлены. Съ внутренней стороны собора надъ входомъ, который сдѣланъ по образцу дверей Римскаго Пантеона, поставленъ замѣчательный органъ, а въ глубинѣ четыре колонны Тосканскаго ордена окружаютъ алтарь довольно безвкусной работы. Слѣва отъ него подымается епископское мѣсто, вокругъ котораго стояли молодые офицеры почетной Польской гвардіи. Какъ разъ напротивъ туже обѣдню, которую служилъ Латинскій епископъ, совершалъ по чину своей церкви и Греческій архимандритъ въ сослуженіи съ другими священниками. Казалось, что въ это мгновеніе были забыты, какъ всѣ вѣроисповѣдныя распри, такъ и всѣ политическія разномыслія. По обѣ стороны размѣстились другъ возлѣ друга знатные Поляки, тщеславные и гордые своей старинной одеждой и вызы-

ваемыми ею воспоминаніями. Легкомысленный и чуждый истиннаго благоговѣнія, хотя и набожный, народъ этотъ присутствовалъ съ величайшимъ вниманіемъ на службѣ, освящавшей его свободу. По окончаніи обѣдни, одинъ изъ уполномоченныхъ отъ Варшавы поднялся съ своего мѣста и, положивъ поклонъ передъ алтаремъ, во всеуслышаніе прочиталъ привѣтственное посланіе отъ федераціи, представителемъ которой онъ былъ, и актъ, въ которомъ предлагалось присоединеніе. Народъ, всегда любящій новизну впечатлѣній, хотя и не понималъ точно значенія слова свобода, но зналъ по крайней мѣрѣ, что дѣло шло о какой-то перемѣнѣ. Женщинамъ представлялся случай говорить объ отечествѣ, чести и преданности долгу; лицъ, принадлежащихъ къ знати, ласкала надежда на происки при выборахъ, честолюбивыя мечты о вновь открывающейся карьерѣ и виды на бо́льшую независимость и на возвращеніе къ стариннымъ феодальнымъ правамъ. Вотъ почему всѣ съ какимъ-то изступленіемъ разразились рукоплесканіями; послѣ же рѣчи Сѣраковскаго всѣ ринулись къ скамьѣ представителей и наперерывъ подписывали свои имена. Когда же, послѣ хвалебныхъ и благодарственныхъ моленій, тѣ въ порядкѣ вышли изъ храма и понесли актъ присоединенія къ герцогу Бассано, можно было быть увѣреннымъ, что всѣ, не взирая на различныя сердечныя помышленія, одушевлявшія ихъ, готовы были воскликнуть: «И у насъ тоже есть отечество!»

Войска наши за это время продолжали свой осторожный и тщательно скрываемый путь. Изъ Вильны можно было идти и на Петербургъ, и на Москву, и никто не зналъ, какое направленіе будетъ выбрано. Изъ Вильны въ Витебскъ есть двѣ дороги, и, точно такимъ же образомъ, ничего никому не было сообщено заранѣе, по которой изъ нихъ должно идти. Авангардъ, ушедшій еще недалеко отъ Вильны, во Вторникъ уже началъ свои первые переходы, но для насъ еще сохраняли тайну. Въ городъ не доходило никакихъ извѣстій, и въ самое то время, когда на нашихъ аванпостахъ происходила легкая перестрѣлка, мы были на балу, которымъ графъ Пацъ хотѣлъ отпраздновать присоединеніе Литвы къ общей федераціи. На этомъ балу пожелалъ быть императоръ. Онъ долго разговаривалъ съ дамами, говорилъ имъ о патріотизмѣ, повторялъ, что любовь, которую онъ внушаютъ мужчинамъ, должна возбуждать въ нихъ чувство чести, дѣлалъ имъ комплименты по поводу національныхъ цвѣтовъ, которыми они были украшены. Во время исполненія Польскихъ танцевъ (другихъ въ тотъ вечеръ вовсе не было) онъ дѣлалъ видъ, что восхищенъ воодушевленіемъ, наполняющимъ ихъ сердца, которое онъ искусно восхвалялъ,

чтобы тѣмъ его усиливать. На другой же день Пацъ былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ. Онъ былъ изъ очень видной Литовской семьи. Предки его были великими канцлерами и великими гетманами королевства и княжества; въ наслѣдство получилъ онъ громадныя богатства. Къ намъ онъ примкнулъ во время Польской кампаніи, участвовавъ нѣкоторое время въ нашихъ войскахъ въ теченіе Испанской войны и теперь состоялъ при главномъ штабѣ съ чиномъ полковника. Императору хотѣлось дать Литовцамъ доказательство своего къ нимъ уваженія, и по счастливому случаю выборъ палъ на человѣка выдающагося и своимъ происхожденіемъ, и личными качествами, и богатствомъ.

Императоръ выѣхалъ изъ Вильны въ ночь съ 15 на 16 Іюля, а на слѣдующій день наша маленькая главная квартира получила приказъ тоже выступать. Куда же мы идемъ? спрашивали мы другъ друга посреди ночи. «Слѣдуйте, господа, по тому пути, по которому направился императоръ», отвѣчали намъ. — Но идемъ ли мы на Петербургъ или на Москву? Пойдемъ ли мы на Витебскъ и Полоцкъ, сѣверной или южной дорогой?—«Слѣдуйте, господа, по пути императора», былъ единственный отвѣтъ, котораго мы могли добиться. Насталъ день, но мы попрежнему ничего не знали. Пройдя еще 5 или 6 миль, мы узнали, наконецъ отъ нѣкоторыхъ болѣе свѣдущихъ офицеровъ, что идемъ на Витебскъ. То было строго охраняемой тайной. Въ тоже самое время бригада Кольбера направлялась по дорогѣ къ Минску, изъ Бобрадъ-Орши (de Bobrad) Orsza, черезъ которую она прошла не безъ труда и опасности. Чтобы лучше обмануть непріятеля, въ то время, какъ мы двигались на Свенчани (Swenziany) и Постови (Postowy), другой отрядъ былъ отправленъ къ Витебску по южной дорогѣ на Лаваришки и Лазовку. Изъ этихъ двухъ дорогъ южная была несравненно болѣе удобной, и движенія по ней было гораздо больше; но именно ее занималъ непріятель. Его удалось обмануть, и сначала его обошли; но невозможно было избѣгнуть тѣхъ бѣдствій, которыя онъ готовилъ намъ, сжигая и истребляя все передъ нами; пришлось терпѣть нѣкоторыя лишенія. Въ этой странѣ существовали только земляныя, да деревянныя дороги; ихъ то размывали дожди, то разрушали Русскіе. Пѣхотѣ приходилось раскидывать лагерь въ водѣ; конницѣ не хватало фуражу. При такихъ-то условіяхъ мы въ двѣнадцать дней сдѣлали переходъ изъ Вильны въ Витебскъ. Съ непріятелемъ столкнулись мы неподалеку отъ Глубокова, гдѣ императоръ провелъ два дня. Русскіе отступали передъ нами, но медленно.

Императоръ Александръ издалъ манифестъ, въ которомъ, признавая очищеніе Русскими Литвы, давалъ обѣщаніе, что Французы не перейдутъ черезъ Двину. И, дѣйствительно, едва графъ Себастіани, преслѣдовавшій непріятельскій авангардъ, подошелъ къ Дриссѣ и сталъ противъ укрѣпленнаго лагеря, раскинутаго Русскими на обоихъ берегахъ рѣки, какъ ночью онъ подвергся нападенію. Защищался онъ слабо, сначала даже былъ оттиснутъ на нѣсколько мгновеній; но подошедшія силы поправили дѣло, и мы удержали за собой свои позиціи. Король Неаполитанскій подошелъ къ Дриссѣ, перешелъ черезъ рѣку и двинулъ свою конницу на правый берегъ. Герцогъ Тревизскій и герцогъ Истрійскій установили въ Ушатскѣ (Uschatsck) центръ военныхъ дѣйствій. Вице-король, опершись на Камень (Kamen), послалъ туда графа Груши́, который двинулъ отряды подъ Сѣнну (Sienno). Когда же императоръ явился въ Бѣшенковичи (маленькій городишко на Двинѣ), Русскіе одновременно очистили какъ укрѣпленный лагерь на Дриссѣ, такъ и позицію подъ Бѣшенковичами. Обращенные впервыя въ бѣгство подъ Островнымъ (Ostrowno), они расположились въ разстояніи полумили позади этой деревни. Пѣхоту они раскинули въ лѣсу, тянувшемся по обѣ стороны дороги; батарею постановили на небольшомъ холмѣ, подымавшемся у самой дороги и закрытомъ лѣсомъ, что̀ давало ему двойное преимущество (онъ былъ скрытъ отъ взоровъ и позволялъ различить непріятеля издалека); конницу помѣстили на крыльяхъ, чтобы она могла прикрывать отступленіе въ случаѣ неудачи и чтобы ее легче было двинуть въ дѣло въ случаѣ, если побѣда окажется на ихъ сторонѣ; всѣ остальныя войска были разставлены эшелонами.

Позиція была хороша, но недостаточна. Итальянскій вице-король атаковалъ ее съ своимъ отрядомъ, и Пире, Бретонскій дворянинъ изъ стариннаго рода, адъютантъ принца Невшательскаго и бригадный генералъ, окончательно овладѣлъ ею, съ тѣми двумя полками, которые были подъ его начальствомъ. Непріятель построился вновь на равнинѣ, гдѣ съ одной стороны онъ опирался на Двину, а съ другой на сосѣдній лѣсъ, но былъ вторично прогнанъ и, постоянно отступая, сначала пытался утвердиться передъ Витебскомъ, потомъ отступилъ за него. Городъ Витебскъ былъ очищенъ вечеромъ 27-го и на восходѣ солнца 28-го числа. Къ этому-то дѣлу относится тотъ случай, когда двѣ сотни стрѣлковъ, слишкомъ стремительно залетѣвшіе впередъ, выдерживали въ теченіе болѣе часа натискъ Русской конницы и дали возможность подойти другимъ войскамъ. Императоръ спросилъ ихъ, какого они полка.—Девятаго, отвѣчали они, и три четверти изъ насъ уроженцы Парижа.

Отступая, Русскіе не переставали тревожить насъ. На слѣдующій день послѣ нашего вступленія въ Витебскъ мы стали бивуакомъ на берегу Двины, и казаки доходили до самой средины рѣки, безнаказанно понося насъ; они отваживались на большее: ночью они прокрались въ нашъ лагерь и увели двухъ или трехъ человѣкъ около самаго амбара, въ которомъ спали я, г. Дарю и нѣсколько офицеровъ императорскаго дома. Съ восходомъ солнца мы продолжали путь; по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, намъ становились все сильнѣе слышны еще не смолкшіе пушечные залпы и особенно довольно оживленная, ружейная перестрѣлка. Наконецъ, мы подошли къ Витебску на разстояніе полу-мили или и того меньше. Императоръ сидѣлъ во рву и затвракалъ съ такимъ же спокойствіемъ, какъ въ любомъ другомъ мѣстѣ, а казаки изъ любопытства или, чтобы показать свою отвагу, подскакивали къ намъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, поразсмотрѣть императора и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить намъ свое пренебреженіе. Тутъ въ первый разъ случилось намъ видѣть казаковъ.

Въ Витебскѣ между тѣмъ было великое смятеніе. Генералъ-губернаторъ ускакалъ верхомъ, и небольшое число еще оставшихся старшихъ офицеровъ послѣдовало его примѣру. Жители города были объяты смертельнымъ безпокойствомъ: цѣлыхъ два дня они только и слышали вокругъ себя, что стукъ оружія, и въ концѣ концовъ ихъ покидали на произволъ судьбы тѣ, на чью защиту они тщетно уповали. Толпами сходились они въ одни и тѣже дома, словно собравшись въ большомъ количествѣ они были въ бо́льшей безопасности. Наконецъ, въ городъ вступилъ генералъ Коленкуръ, приказалъ собрать дворянство, спросилъ, кому поручено управленіе городомъ, и заставилъ выбрать депутацію для поднесенія императору, когда онъ прибудетъ, ключей города *).

Витебскъ почти не былъ разграбленъ: въ немъ оказалось еще довольно значительное количество съѣстныхъ запасовъ, которыми и

*) Во главѣ этой депутаціи стоялъ бригадиръ, графъ Храповицкій (Chrapowick), бывшій прежде фаворитомъ Екатерины, а въ то время находившійся въ отставкѣ. Подъ вліяніемъ испытаннаго страха и сильныхъ впечатлѣній, пережитыхъ имъ при видѣ императора среди его войскъ, а также подъ вліяніемъ усталости отъ цѣлаго ряда разнообразнѣйшихъ хлопотъ и затрудненій, которыя въ подобное время не могли не возникнуть въ дѣлѣ городского управленія, онъ черезъ три дня послѣ представленія депутаціи помѣшался. Его жена, милая и образованная женщина, тоже была охвачена величайшимъ страхомъ, такъ что цѣлый день она провела на порогѣ своего дома, предлагая вина всѣмъ проходящимъ солдатамъ, и думала, что иначе она могла подать поводъ къ грабежу ихъ дома, который хотѣла спасти.

воспользовались, чтобы освѣжить продовольствіе войскъ. Географическое положеніе Витебска дѣлаетъ его важнымъ мѣстомъ. Онъ лежитъ на равномъ разстояніи отъ Петербурга и отъ Москвы и служитъ обычнымъ мѣстомъ сношеній между Эстоніей и Ингріей съ Литвою, и между Ливоніей и Украйной. По волѣ Екатерины II и благодаря выгодамъ своего положенія, Витебскъ сдѣлался охотно посѣщаемымъ торговымъ городомъ, для котораго естественными складочными предмѣстьями служили Домбровно, Лепель, Невель и Шкловъ. Его собственныя суда ходили въ Балтійское море по Двинѣ, въ Черное по Березинѣ и Днѣпру, а торговыя сношенія его распространялись отъ Архангельска до Одессы и отъ Лейпцига до Москвы.

Это завоеваніе уже не было похоже на предыдущее. Витебскъ уже съ давнихъ временъ составлялъ принадлежность имперіи царей; ставъ столицею Бѣлоруссіи, онъ воспринялъ особенности другихъ Русскихъ областей и ихъ духъ подчиненія. Но въ цѣляхъ императора было выгодно какъ можно шире раздвигать предѣлы Польши; потому онъ сдѣлалъ видъ, что, по его мнѣнію, эта мѣстность еще лежитъ въ ея границахъ, и слово *завоеваніе* онъ замѣнилъ словомъ *освобожденіе.*

Въ то время какъ армія отдыхала и снова выступала въ походъ, императоръ занимался введеніемъ новаго управленія, какъ въ Витебской, такъ и въ Могилевской губерніяхъ *).

Ему хотѣлось придать нѣкоторый блескъ возрожденію Польши, и для того употребилъ онъ средство почти всегда достигающее цѣли: обаяніе громкихъ именъ. Къ содѣйствію въ устройствѣ новаго управленія были вызваны: одинъ изъ князей Сапѣговъ, князь Огинскій, графъ Пржеческій (Prseziecki), графъ Тизенгаузенъ, графъ Косаковскій. Съ тѣмъ же расчетомъ произведены были выборы и въ Витебскѣ. Къ участію въ губернской комиссіи были призваны: князь Павелъ Сапѣга,

---

*) Образъ управленія, принятый для Вильны, не былъ примѣненъ въ Витебскѣ. Въ Литвѣ, какъ мы видѣли выше, властью завѣдывала всеобщая комиссія (comission générale): интендантства получали распоряженія отъ нея и передавали ихъ супрефектамъ. Въ Могилевѣ интендантъ былъ поставленъ въ отношенія съ окружными комиссіями (comissions d'arrondissement), которыя имѣли право дѣлать ему свои представленія. Въ Витебскѣ въ самой губернской комиссіи (comission du gouvernement), которой первоначально предполагалось дать имперскаго комиссара, предсѣдателемъ являлся интендантъ, который и вступалъ въ прямыя сношенія съ двѣнадцатью супрефектами, ему непосредственно подчиненными. Я не сумѣю сказать, какими соображеніями было вызвано это видоизмѣненіе, а такъ какъ самое дѣло имѣетъ мало значенія, то довольно будетъ упомянуть о немъ, не доискиваясь причинъ.

князь Радзивилъ, графъ Борхъ, Литовецъ изъ семьи выдающейся своимъ состояніемъ, Шадурскій и Вейсенгофъ, родъ которыхъ почитался въ сѣверныхъ областяхъ; наконецъ, нѣкто Серитъ, простой дворянинъ, но изъ уважаемой семьи, многочисленные члены которой пользовались большимъ довѣріемъ мѣстнаго населенія. Меня назначали интендантомъ, и въ мою провинцію князь Нершательскій назначилъ губернаторомъ генерала Шарпантье.

Было тогда два довольно значительныхъ препятствія, которыя должны были помѣшать всѣмъ начинаемымъ предпріятіямъ. Во-первыхъ, въ странѣ царилъ самый крайній безпорядокъ, распространяемый возстаніемъ крестьянъ, убѣжденныхъ тайными агентами революціи, что свобода, о которой шла рѣчь, состоитъ именно въ безудержномъ произволѣ. Во-вторыхъ, денежныхъ средствъ не было вовсе, а безъ нихъ обойтись было чрезвычайно трудно. Власть государя въ силахъ была уничтожить первое препятствіе, и оно было уничтожено. А что̀ предпринято было противъ второго, я сейчасъ скажу.

Дворяне Витебской губерніи по собственному побужденію обратились къ императору, надѣясь, что ему удастся подавить эти безпорядки, наконецъ раздражавшіе ихъ, такъ какъ они посягали уже на ихъ права. Императоръ принялъ ихъ просьбу и приказалъ мнѣ обнародовать вмѣстѣ съ комиссіей и отъ ея имени прокламацію, которую онъ лично поправилъ и въ которой нѣсколько строкъ продиктовано имъ самимъ. Губернатору было поручено послать по деревнямъ летучіе отряды, которые должны были выполнить двоякое назначеніе: подавить крестьянское возстаніе и перехватать мародеровъ. Благодаря ужасу, повсюду внушаемому этими войсками и благодаря суровости нѣкоторыхъ дворянъ, можетъ быть получившихъ на то приказъ, скоро было подавлено это мимолетное возстаніе, которымъ наши враги не сумѣли воспользоваться, послѣ того какъ возбудили его.

Менѣе удачною была попытка улучшить финансовое положеніе страны.

Русскимъ правительствомъ для порядка денежнаго обращенія была принята особая система, которая будто бы оправдывалась цѣлымъ рядомъ примѣровъ. На помощь къ ходячей монетѣ была призвана монета идеальная. Недостатокъ денежныхъ знаковъ былъ пополненъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ С.-Петербургскаго банка стоимостью въ 5, 10, 20, 50 и 100 рублей; а по соображеніямъ, можетъ быть, менѣе справедливымъ и менѣе благовиднымъ, правительство употребило всю свою власть, чтобы распространить эти билеты въ присоединенныхъ про-

винціяхъ и обмѣнивать ихъ на естественныя цѣнности. Это было бы еще зломъ терпимымъ, если бы количество выпущенныхъ билетовъ не превысило стоимости находящейся въ обращеніи звонкой монеты. Но Русское правительство безъ всякихъ ограниченій воспользовалось тѣмъ правомъ, которое многія правительства воображаютъ себѣ присущимъ: оно насиловало довѣріе народа, принуждая его принимать въ уплату обмѣнные денежные знаки, стоимость которыхъ ничѣмъ не была обезпечена. Почти немедленно пришлось ему стать жертвой этой добровольной ошибки и видѣть, какъ его билеты пали сначала на 50%, потомъ на 65, на 75 и, наконецъ, когда появленіе Французовъ удвоило всѣ страхи, на 78 и даже на 82%. Новое управленіе Бѣлоруссіей не было въ силахъ вернуть этимъ бумагамъ какую бы то ни было законную цѣну, потому что назначеніе имъ опредѣленной стоимости повело бы къ ихъ полному обезцѣниванію. Между тѣмъ надо было предвидѣть, что императоръ въ своихъ расчетахъ со страной будетъ платить этими банковыми билетами по ихъ номинальной цѣнѣ, а населеніе согласится ихъ принимать лишь по дѣйствительно стоимости. Дѣйствительно, въ концѣ концовъ добились, что императоръ сталъ ихъ принимать по обычному курсу дня и такъ, какъ это дѣлалось въ Литвѣ, т. е. съ узаконенной потерей 75%, платя по рублю металлическому за четыре рубля кредитныхъ. Но этого еще было недовольно: въ торговыхъ сдѣлкахъ ихъ не хотѣли принимать по такому расчету. Кромѣ того цѣлью всѣхъ надеждъ было тогда возрожденіе королевства Польскаго, и въ виду этого приходилось помышлять о пріисканіи средствъ, которыя могли бы вернуть странѣ ея старинное богатство. Я съ своей стороны предлагалъ финансовую систему, подобную предпріятію Лоу съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, вызываемыми требованіями времени и мѣста; я просилъ разрѣшенія испытать ее постепенно, примѣняя ея дѣйствія къ соляной торговлѣ, достигшей въ Витебскѣ громадныхъ размѣровъ. Но замыселъ мой былъ непроченъ въ самомъ его основаніи. Императоръ не одобрилъ его; онъ приказалъ мнѣ идти обычнымъ путемъ и постараться довести курсъ до признанной высоты 75%. Приказаніе это было выполнено довольно счастливо, не смотря на представлявшіяся трудности; какъ только положеніе дѣлъ нѣсколько окрѣпло, бумаги поднялись до 73 и 72%.

Намѣреніемъ императора въ то время было провести зиму въ Витебскѣ, дать тамъ отдыхъ войскамъ, образовать запасные склады припасовъ, сосредоточить операціонную линію на Двинѣ и заняться изъ Витебска или изъ Вильны преобразованіемъ и устроеніемъ королевства Польскаго. Дней десять всѣ появлявшіеся приказы исходили изъ

этихъ соображеній, и мы уже могли думать, что этотъ тридцатидневный походъ привелъ къ великимъ дѣйствительнымъ послѣдствіямъ. Но мы увлекались нашимъ злымъ рокомъ. Самохвальство короля Неаполитанскаго одержало верхъ надъ волей императора и надъ совѣтами истинной мудрости. Витебскъ былъ оставленъ, армія снова выступила въ походъ и двинулась на Смоленскъ. Императоръ выѣхалъ изъ Витебска 12 Августа и направился по назначенной дорогѣ. Главная квартира послѣдовала за нимъ на другой день.

Считая съ этого дня и вплоть до вторичнаго вступленія арміи въ Смоленскъ на ея обратномъ пути, я уже не могу говорить о ея передвиженіяхъ, какъ личный свидѣтель. Поэтому я не буду слѣдить шагъ за шагомъ за ея походомъ и остановлюсь немного на той странѣ, которую я узналъ лучше и, на тѣхъ событіяхъ, которыя я могъ ближе видѣть.

Витебскъ былъ прикрытъ отъ приближенія непріятеля первымъ и шестымъ корпусомъ, расположенными тогда по Двинѣ. Командовавшій ими герцогъ Реджіо, раненый въ 16-й или 17-й разъ, принужденъ былъ передать командованіе графу де-Гувіону, кирасирскому полковнику, бывшему въ глазахъ арміи однимъ изъ самыхъ выдающихся начальниковъ. 18-го Августа онъ атаковалъ непріятеля сразу въ нѣсколькихъ пунктахъ, опрокинулъ его, прогналъ съ позицій и взялъ у него двадцать орудій. Эта побѣда рѣшила участь Полоцка и части Литвы, нѣкоторое время еще сохранявшей свободу, а графъ де-Гувіонъ получилъ маршальскій жезлъ. Послѣ этого я былъ освобожденъ отъ казаковъ, державшихъ меня въ Витебскѣ почти въ осадѣ, и мнѣ представилась возможность принять нѣкоторыя другія мѣры и сдѣлать попытку придать управленію Литвы больше закономѣрности. Впрочемъ спокойствіе продолжалось недолго. То тѣ казаки, которыхъ графъ Витгенштейнъ поставилъ на лѣвомъ крылѣ, вторгались въ сѣверныя области и грабили ихъ; то изъ Порѣчья (des environs de Porjätsche) спускались отряды другихъ казаковъ, высланныхъ Русской арміей на правое крыло, и прерывали сообщеніе между Витебскомъ и Смоленскомъ. Эти послѣдніе постепенно исчезали, по мѣрѣ того какъ Французская армія, подвигаясь впередъ, принуждала Русскихъ отступать все далѣе внутрь страны. Но почти тогда же возобновила свои предпріятія (словно отстроченныя болѣе чѣмъ на мѣсяцъ) армія Витгенштейна, отдохнушая и усиленная свѣжими подкрѣпленіями. Немного времени спустя, она стала сильнѣе насъ, благодаря постепенному усиленію своихъ силъ и уменьшенію нашихъ, по небрежности

и злонамѣренности герцога де-Беллюна (de Bellune), отказавшагося идти на помощь ко 2-му корпусу, по излишней стремительности графа де-Гувіона, не пожелавшаго дождаться герцога де-Беллюна, когда тотъ уже подходилъ, наконецъ и благодаря личнымъ способностямъ своего главнокомандующаго. Вскорѣ армія Витгенштейна заняла Себежъ (Siebej), Ржежицу (Rzezitza), Люцинъ (Lucyn), Динабургъ и Друю (Druja), вернула себѣ Полоцкъ, принудила Французскую армію биться отступая къ Сіенно (Sienno) и наконецъ, распространяя свои крылья до Улы (Ula) и до Суража (Suraj), захватила и Витебскъ въ первыхъ числахъ Ноября.

При этой смѣнѣ успѣховъ и неудачъ управленіе должно было быть и, дѣйствительно было, довольно затруднительно. Въ странѣ совершенно для меня новой, среди населенія, коего языкъ мнѣ не былъ знакомъ и обычаи были мнѣ чужды, покинутый всѣми тѣми членами коммиссіи, которые должны были помогать мнѣ и направлять меня, я на каждомъ шагу встрѣчалъ величайшія затрудненія и постоянно возрождающіяся препятствія. Прежде всего на мнѣ лежала забота добывать пропитаніе для двѣнадцати тысячъ человѣкъ гарнизона и для трехъ тысячъ больныхъ, и это въ городѣ, изъ котораго выйти было невозможно. Мои соотечественники помогали мнѣ плохо, жители страны служили еще хуже, ко дню нашего прибытія прошлогодняя жатва была уже истреблена, а новая еще не созрѣла. Все это взятое вмѣстѣ представляло мнѣ порою такія трудности, что по большей части мнѣ удавалось ихъ предолѣть только благодаря счастливымъ случайностямъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, наибольшимъ изъ препятствій была злонамѣренность Поляковъ. Говоря при нихъ выше, я, можетъ быть, невольно поддался вліянію сохранившагося во мнѣ нерасположенія къ нимъ; но вѣдь это чувство было мнѣ внушено никѣмъ инымъ, какъ ими же, и было ими вполнѣ заслужено. Я не сумѣю объяснить точно, каковы были ихъ тайныя помышленія; потому что трудно проникнуть въ душу такихъ людей, у которыхъ притворство составляетъ основную черту характера, но во внѣшнемъ ихъ поведеніи нельзя было не замѣтить рѣзкаго противорѣчія между ихъ рѣчами и ихъ поступками. Стоило заговорить съ ними о причинахъ и событіяхъ войны, слова: побѣда, возрожденіе, свобода, самопожертвованіе не сходили съ ихъ устъ. Но какъ только доходило дѣло до того, чтобы дѣйствительно принести какую-либо жертву, эти недавно еще столь пылкіе люди оказывались глухи на всѣ просьбы, или отвѣчали извиненіями, такъ какъ просто отказать у нихъ не хватало смѣлости. Если же,

наконецъ, настоятельная необходимость принуждала насъ закономъ устанавливать тѣ жертвы, которыя они должны были принести, они закрывались броней безнадежной бездѣятельности, громоздили промедленіе на промедленіе, на всякій доводъ отвѣчали ложью, на всякую угрозу жалобой, и то, что̀ они должны были исполнить въ концѣ-концовъ, исполняли только тогда, когда къ этому принуждали ихъ силой оружія. Таковы были они, когда Русскіе отступали; когда же непріятель показался снова, все измѣнялось. Находясь подъ властью страха, дрожа отъ малѣйшаго извѣстія, они снова бросались ко мнѣ, искали въ насъ опоры, умоляли о защитѣ, пышно выставляли на видъ все, что̀ они могли предоставить въ наше распоряженіе, клялись отдать своимъ защитникамъ все, чѣмъ только они владѣли, и переходили всякія границы до такой степени, что нѣкоторые алчные люди конечно тѣмъ пользовались. По минованіи опасности, они забывали про свои обѣщанія, или сами громко обвиняли себя въ низости, свидѣтельствуя тѣмъ о своей скупости и вѣроломствѣ. Прибавлять ли къ этой картинѣ еще другія подробности? Разсказывать ли, что люди, въ странѣ которыхъ мы возстановили спокойствіе, торговлю которыхъ мы обезпечили, а имущество охраняли, что эти самые люди окажутся готовыми къ мятежу тотчасъ же, какъ увидятъ, что наша сторона слабѣйшая; что они заведутъ съ Русскими тайныя сношенія, которыя не сумѣла предотвратить вся бдительность нашей полиціи, и предадутся сами, чтобы предать и насъ, предать врагу, котораго они сами боялись, со стороны котораго имъ нужно было ждать всего худшаго, но который казался имъ менѣе страшнымъ, потому что былъ дальше. «Обращайтесь съ Бѣлоруссіей какъ съ союзницей, а не какъ съ завоеванной страной, сказалъ мнѣ императоръ; а во всемъ остальномъ поступайте, какъ вамъ покажется лучше». Кажется, никому еще не было предоставлено бо́льшей свободы; но и никогда не бывало приказанія, которое было бы выполнить труднѣе.

Это не значитъ, чтобы Поляки были трусы; я не былъ бы правъ, еслибъ сказалъ это, потому что у меня нѣтъ никакихъ причинъ такъ думать. Въ битву они вступаютъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ, какъ и Русскіе, а иногда и съ блестящей, чисто-Французской отвагой. День сраженія для нихъ—день торжества. Кто хочетъ видѣть Поляка въ самыхъ благопріятныхъ для него условіяхъ, тому надо воспользоваться именно этимъ мгновеніемъ. Но храбрость Поляка, хотя и бываетъ пламенною, никогда не бываетъ искреннею. Они дерутся не щадя себя, но напередъ раньше разсчитавъ, за кого для нихъ выгоднѣе драться.

Истинный ихъ характеръ (да будетъ мнѣ позволено вернуться къ нему) является плодомъ многихъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Отъ богатаго князя до послѣдняго, самаго незамѣтнаго слуги въ Литвѣ и въ Бѣлоруссіи—всѣ рабы. Правительство, столь же деспотичное, какъ Азіатскихъ государствъ, заставляетъ дрожать всѣхъ подвластныхъ ему. Вельможи, даже тѣ, которые насчитываютъ въ своихъ имѣніяхъ восемь или десять тысячъ крестьянъ, соперничаютъ другъ предъ другомъ въ низости и угодничествѣ, чтобы только на нихъ не посмотрѣли косо при дворѣ, который ихъ презираетъ и всячески угнетаетъ. Вокругъ нихъ тѣснится толпа менѣе знатнаго дворянства, то, что̀ Поляки называютъ «шляхта околична». Алчные паразиты и корыстные льстецы, они живутъ на счетъ тѣхъ, кого они окружаютъ въ церкви, за кѣмъ они слѣдуютъ на гуляньяхъ, за кого они стоятъ въ игрѣ и съ кѣмъ они курятъ и молчатъ съ утра до вечера. Воля правительства соединила власть въ рукахъ двухъ или трехъ представителей государя, Русскихъ, оставивъ Полякамъ пустые титулы, что̀ въ значительной мѣрѣ упрочиваетъ постыдное положеніе дѣлъ. У большинства изъ этихъ дворянчиковъ есть имѣньица или, лучше сказать, нѣсколько крестьянъ; потому что степень богатства здѣсь высчитываютъ по количеству рабовъ, говоря, что у такого-то шестьдесятъ, сто, тысяча, десять тысячъ душъ, чтобы означить, что у него на шестьсотъ, на тысячу, на десять или сто тысячъ рублей приносящаго доходъ капиталу. Въ число это никогда не включаются женщины, которыхъ здѣсь ни во что не цѣнятъ.

Ниже шляхты околичной стоятъ горожане или, вѣрнѣе, купцы; они всѣ или Жиды, или Русскіе, и въ общемъ счетъ ихъ надо класть отдѣльно, такъ какъ они ни въ какомъ случаѣ не являются частью народа. Знать, пользуясь ихъ услугами, обращается съ ними, какъ съ существами низшаго порядка, считаетъ себя вправѣ нарушать заключенные съ ними договоры, грабить ихъ, не платя за свои покупки, прогонять ихъ палочными ударами, когда они посмѣютъ слишкомъ докучать своими справедливыми требованіями. Попивая кофе, любуясь новымъ платьемъ, слушая музыкальный инструментъ и забывая, что все это получено при посредничествѣ купцовъ, дворянинъ просто не можетъ себѣ представить, какъ можно быть купцомъ, не можетъ понять, что существуетъ особая дѣятельность, называемая торговлей.

Еще ниже горожанъ стоятъ крестьяне. Нѣтъ надобности изображать ихъ положеніе. Думаю, довольно будетъ сказать, что къ Польскимъ вельможамъ можно примѣнить все, въ чемъ обвиняли Амери-

канскихъ плантаторовъ. Рабство по землѣ, обязательство посвящать помѣщику часть своего времени, необходимость получить его разрѣшеніе, чтобы вступить въ бракъ, запрещеніе жениться на дѣвушкѣ изъ другого имѣнія, потому что ея дѣти отошли бы къ другому владѣльцу (а на дѣтей здѣсь смотрятъ какъ на приплодъ въ конскомъ заводѣ), наказанія, предоставленныя на усмотрѣніе помѣщика, при чемъ по его приказу могутъ быть совершаемы и тѣлесныя мучительства, на которыя жаловаться некому; наконецъ, назначеніе человѣка, состарившагося въ одномъ ремеслѣ, на совершенно новую должность, напримѣръ, отдача его въ солдаты или въ матросы, не взирая на то, что онъ отрывается отъ родной семьи: все это свершается не подъ однимъ только Американскимъ небомъ, все это можно найти и въ хладныхъ пустынныхъ Бѣлоруссіи. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что иные помѣщики всѣ таки заботится о своихъ крестьянахъ, по естественному ли чувству человѣколюбія или, скорѣе, по разсчету и изъ сознанія собственной выгоды. Обычай установилъ между ними родъ безмолвно-признаннаго договора. Я уже говорилъ, что здѣсь богатство исчисляется числомъ душъ, а не десятинъ; каждый крестьянинъ равенъ приблизительно десяти франкамъ годового дохода, но онъ въ силахъ обработывать только опредѣленный участокъ земли и нуждается для этого въ различныхъ пособіяхъ: ему нужна соха, быки, изба, одна или двѣ лошади и нѣсколько подводъ (quelques podwods, voitures de transport). Все это долженъ ему дать помѣщикъ, и если онъ этого не дѣлаетъ, крестьянинъ считаетъ себя вправѣ тоже ничего не дѣлать, не работаетъ, не производитъ дѣтей и преспокойно умираетъ: жизнь для него вовсе не такое благо, чтобы особенно за нее держаться, и онъ превосходно знаетъ, что смерть его принесетъ убытокъ помѣщику. Мщеніе у него въ рукахъ, онъ хочетъ отомстить,—и мститъ.

Грустно наблюдать эту іерархію рабства, это постепенное вырожденіе человѣка на общественной лѣстницѣ. Но, можетъ быть, еще болѣе грустно наблюдать вырожденіе всего народа подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ: въ дворянствѣ—отсутствіе нравственной твердости и силы духа, въ купечествѣ и въ городскомъ населеніи—паденіе честности и чувства чести, наконецъ, у крестьянъ—потерю природной смѣтливости и самой любви къ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что вовсе нерѣдко попадаются среди нихъ исключенія; но эти исключенія только сильнѣе даютъ чувствовать всю коренную разницу между большинствомъ этихъ сѣверныхъ людей и жителями болѣе теплыхъ странъ.

Нравы народа являются одновременно и причиной, и слѣдствіемъ указанныхъ обстоятельствъ, и неудивительно, что здѣшніе нравы лю-

бопытны сами по себѣ. Угодно вамъ познакомиться съ жизнью богатаго Польскаго дворянина? Въ городѣ, вставъ съ постели, онъ принимаетъ по утрамъ кого-нибудь изъ своихъ крестьянъ: согнувъ колѣни и упираясь лбомъ въ землю, они приносятъ ему печальныя жалобы или униженные подарки. Помѣщикъ куритъ, завтракаетъ, приказываетъ одѣть себя и, въ сопровожденіи ливрейныхъ слугъ, сначала забавляетъ свою скуку церковной службой, а потомъ прогуливаетъ ее по улицамъ. Въ часъ онъ возвращается домой обѣдать, если онъ женатъ, а въ противномъ случаѣ идетъ обѣдать къ своимъ друзьямъ. Это тоже обычай: холостяки не живутъ своимъ домомъ и считаются постоянно приглашенными на обѣдъ ко всѣмъ, у кого они вообще бываютъ. Иногда въ обѣденный часъ неожиданно появляются пять или шесть лицъ, на которыхъ не разсчитывали, и садятся за столъ; впрочемъ, обѣдъ ради этого не мѣняется: всѣ его приправы и все его содержаніе образуетъ неизмѣнно кислый супъ или супъ изъ пива и сыра, гусь, начиненный печеными яблоками, вареная баранина, рубленая капуста, а больше всего приготовленныя на тысячи ладовъ яблоки. Часа въ два, приблизительно, ложатся отдохнуть, а часовъ около четырехъ обмѣниваются взаимными посѣщеніями. Гость входитъ, цѣлуетъ руку у хозяйки дома, прикасается губами къ локтю хозяина и садится; ему тотчасъ подаютъ яблокъ и сладкаго миндалю; въ угощеніи принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, а остатки бросаютъ на середину комнаты. Женщины болтаютъ между собой, а мужчины играютъ въ безконечную игру. Около шести часовъ подаютъ чай; напившись чаю, опять принимаются за игру. Въ девять часовъ накрываютъ къ ужину; гости, пришедшіе часа четыре или пять часовъ тому назадъ, обыкновенно остаются и на ужинъ, а послѣ него всѣ расходятся. Тутъ начинается иная картина, не менѣе любопытная. Большею частью всѣ родственники живутъ вмѣстѣ, такъ что въ одномъ домѣ живетъ нѣсколько семействъ. И вотъ, поужинавъ, всѣ, кромѣ хозяевъ дома, ложатся въ перемежку, гдѣ придется, кто на полъ, кто на стулья или на диваны, и такъ почиваютъ до утра *). Въ деревнѣ весь день

*) Однажды ночью возвращался я съ развѣдокъ за городомъ; мнѣ надо было отдать какія-то приказанія одному изъ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Привязавъ свою лошадь по срединѣ двора, я подымаюсь по лѣстницѣ. Въ первой прихожей, маленькой комнаткѣ, футовъ девять и десять въ длину и ширину, на двухъ столахъ спали двѣ служанки, а два мужика подъ столами. Слѣдующей комнатой была столовая; тамъ четверо или пятеро полуголыхъ слугъ валялось на разостланныхъ овчинахъ. Въ залѣ на диванчикѣ, фута въ два длиною, помѣстилась племянница хозяина съ двумя своими подругами. Я вхожу въ спальню. Здѣсь на огромныхъ постеляхъ лежатъ подъ оленьими шкурами два брата, рядомъ съ своими женами; на полу, около каждой кровати, по горничной; тре-

занимаетъ у мужчинъ охота, а отдыхъ отъ нея, разсказы о своихъ приключеніяхъ, да необходимость бросить хоть бѣглый взглядъ на полевое хозяйство, наполняютъ короткій вечеръ. Развѣ же это тѣ люди, которые могутъ стряхнуть съ себя ненавистное иго или разбить свои позорныя цѣпи? Заговорите съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ о славѣ, а онъ будетъ говорить о деньгахъ; напомните ему великое слово: свобода, онъ вамъ отвѣтитъ: покойно и такъ!

Второе сословіе образуютъ въ сущности Жиды, потому что они одни занимаются торговлей и промышленностью. Вѣрные своей международной и все до мелочей предусматривающей религіи, они представляютъ наблюдателю меньше мѣстныхъ особенностей. Обычай, допущенный въ ихъ сѣверныхъ сектахъ, требуетъ, чтобы отецъ женилъ своего сына еще груднымъ ребенкомъ на взрослой дѣвушкѣ и жилъ бы съ ней, какъ съ своей собственной женой. Кажется, это единственное отличіе, которое стоитъ отмѣтить; въ остальномъ они совершенно сходны съ своими Нѣмецкими собратьями. Грязные и по скупости, и по особому вкусу, хищные по стремленію къ наживѣ, плутоватые по природѣ, они въ тоже время вездѣ являются самыми дѣятельными, самыми ловкими, но и наименѣе стѣсняющимися изъ гражданъ. Въ Бѣлоруссіи все попало въ ихъ руки. Сапожникъ, обувающій васъ, и лѣкарь, васъ пользующій, барышникъ, у котораго вы нанимаете лошадь, и банкиръ, у котораго вы учитываете вексель, все это Жиды. Правительство, постоянно преслѣдующее ихъ и постоянно въ нихъ нуждающееся, временно имъ покровительствуетъ и сохраняетъ ихъ, какъ богатый рудникъ, изъ котораго оно, по своему усмотрѣнію, извлекаетъ громаднѣйшія суммы денегъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднему сословію. Несчастное и грубое существованіе мужиковъ возбуждаетъ больше сожалѣнія, чѣмъ любопытства, и больше отвращенія, чѣмъ сожалѣнія. Нѣсколько разъ приходилось мнѣ проводить цѣлые дни или цѣлыя ночи у нихъ въ избахъ,

---

тій братъ улегся тоже на полу, у печки. Еще дальше идетъ кабинетъ; туда втиснуто пятеро человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ двое грудныхъ, съ ихъ няньками и кормилицами. Вдобавокъ къ этому, надо еще вообразить полнѣйшій безпорядокъ: клавесины, заставленные блюдами и остатками ужина, залу, забросанную только-что снятыми принадлежностями мужского и женскаго платья, комнату, гдѣ смѣшиваются всевозможные запахи, гдѣ въ одну кучу свалены бумаги, книги, съѣстные припасы и пышные женскіе уборы. Вообразивъ все это, можетъ быть, составишь себѣ понятіе о зрѣлищѣ, представившемся мнѣ въ домѣ богатаго Польскаго пана; можетъ быть, поймешь и то впечатлѣніе, какое это зрѣлище произвело на человѣка, привыкшаго къ болѣе утонченнымъ нравамъ и къ болѣе благороднымъ обычаямъ.

я наблюдалъ ихъ нравы и дѣлалъ попытки говорить съ ними на ихъ собственномъ языкѣ, такъ что я буду говорить о нихъ не съ чужихъ словъ.

Говоря вообще, потребности у этихъ людей весьма ограниченны. Изба богатаго крестьянина представляетъ собою зданіе, бо́льшее въ ширину, чѣмъ въ длину, и состоящее всего изъ трехъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ, въ той, которая находится справа, обыкновенно хранятся запасы на зиму; въ землю ихъ не зарываютъ. Вторая, куда ведетъ входная дверь и въ которую свѣтъ проникаетъ только черезъ эту дверь, назначена для того, чтобы въ дурную погоду служить пристанищемъ для домашняго скота, или вообще для тѣхъ животныхъ, которыхъ крестьяне выкармливаютъ; изъ нея же входъ ведетъ въ погребъ, а вѣрнѣе сказать, въ большую земляную яму, гдѣ берегутъ зимой овощи и гдѣ стоятъ бочки съ водкой. Наконецъ, третья комната, занимающая правую сторону дома, служитъ постояннымъ мѣстопребываніемъ всей семьи. Даже и въ зажиточномъ домѣ обстановка очень скудна: столъ, деревянныя скамьи, идущія вокругъ стѣнъ, двѣ грубыя, повѣшанныя въ углахъ полки, на которыхъ стоятъ переносныя божницы въ мѣдныхъ ризахъ (les chapelles portatives de cuivre), составляющія для этихъ дикарей предметъ суевѣрнаго почитанія; нѣсколько сосновыхъ лучинъ, обструганныхъ и заостренныхъ, замѣняющихъ свѣчи, нѣсколько глиняной посуды и, наконецъ, огромная печка во всю вышину избы, служащая одновременно очагомъ, кроватью и кухней, вотъ и все. Весь дымъ изъ печи идетъ въ самую комнату и образуетъ у потолка густое облако, выходя только черезъ три или четыре маленькихъ отверстія, шириною въ футъ, нарочно сдѣланныя съ этой цѣлью на такой вышинѣ въ стѣнѣ. Самую избу строятъ изъ неотесанныхъ стволовъ древесныхъ; ихъ просто кладутъ одинъ на другой, скрѣпляя замазкой изъ глины и моха; но она далеко не плотно заполняетъ щели, такъ что въ стужу воздухъ снаружи безъ труда проникаетъ въ жилье.

Люди, живущіе въ этихъ хижинахъ, невысоки ростомъ, безобразны, но крѣпкаго сложенія. Лѣтомъ они носятъ рубаху, штаны и особаго рода холстяной зипунъ, подпоясанный веревочкой. Зимой холстъ замѣняется бѣленой шерстяной матеріей, выдѣланной здѣсь же въ Литвѣ или въ Украйнѣ; сверху надѣвается полудубленая овчина. Женщины одѣваются почти такъ же и отличаются отъ мужчинъ только меньшей силой да нѣсколько инымъ родомъ безобразности, можетъ быть, еще болѣе отвратительнымъ. И тѣ и другіе прячутся въ круглый чепецъ такого же рода, какъ вся остальная одежда. И тѣ и другіе за

исключеніемъ праздниковъ, когда женщины надѣваютъ иногда сапоги, носятъ туфли, сплетенныя изъ древесной коры, на подобіе того какъ у насъ плетутъ ивовыя корзины для укладыванія тюковъ при перевозкѣ; выше ноги завертываются широкими полосами холста, укрѣпленными крѣпко стянутой бечевкой, что даетъ ногѣ отъ колѣна до лодыжки вездѣ равную толщину, а слѣдовательно и равное безобразіе. Въ такомъ видѣ эти люди работаютъ въ полѣ, въ такомъ видѣ сидятъ они въ своихъ избахъ и спятъ на своей общей кровати — на печкѣ. Рѣдко бываетъ, чтобы одежду мѣняли раньше, чѣмъ она развалится въ клочки; эта ужасающая грязь служитъ причиной столь частыхъ среди нихъ заразныхъ заболѣваній.

Извѣстно, что умственный кругозоръ подобныхъ существъ весьма ограниченъ. Но тѣ немногія идеи, которыя есть у нихъ, какъ бы врождены и непоколебимы. У нихъ вовсе нѣтъ страстныхъ или нѣжныхъ чувствъ, но стремленіе къ выгодѣ и потребность суевѣрій встрѣчаются у нихъ всегда и вездѣ. Тотъ же самый человѣкъ, котораго никакимъ образомъ не заставишь понять самомалѣйшее измѣненіе въ способѣ выращивать домашнихъ его животныхъ, прекрасно умѣетъ запрашивать цѣну за продаваемые имъ припасы, подмѣнивать ихъ качество или приносить сразу меньшее количество, чтобы воспользоваться ощущаемой въ нихъ нуждой, такъ что рынки ихъ очень многимъ напоминаютъ Европейскіе. За то церкви у нихъ совершенно особенныя. Я говорю не только о католическихъ церквахъ, но и о Греческихъ, гдѣ алтарь бываетъ закрытъ отъ вѣрующихъ особыми вратами, отверзающимися лишь въ опредѣленныя мгновенія, и гдѣ безчисленное число иконъ, развлекая молящагося невнимательно, придаетъ, можетъ быть, особую ревность тому, чья вѣра горяча, и сообщаетъ служенію особенное великолѣпіе. Въ храмахъ обоихъ вѣроисповѣданій безпрестанно видишь рядомъ съ болѣе умѣренными толпу крестьянъ, на двадцать разныхъ ладовъ бросающихся на земь и ударяющихся о помостъ храма грудью и головой; женщины, еще болѣе суевѣрныя, зачастую остаются распростертыми на полу до самаго конца службы, сложивъ руки крестомъ и упираясь лицомъ въ землю, и это въ самые жестокіе холода. Впрочемъ такая излишняя набожность имѣетъ и свои хорошія и разумныя стороны. Нигдѣ не видалъ я, чтобы исповѣдывались и причащались чаще, чѣмъ въ этой странѣ. Говѣніе предполагаетъ по крайней мѣрѣ намѣреніе и желаніе выполнить обязанности человѣка и члена общества. Я не думаю, чтобы религія могла утѣшать этихъ полудикарей, они для этого недостаточно ее понимаютъ; но она ихъ занимаетъ, ставитъ ихъ какъ бы въ какое-то отношеніе къ благому существу и, не постигая его,

они ему молятся, взывая къ иной власти, кромѣ власти своего пана. Въ ихъ мышленіи (если только можно дать такое имя грубому сочетанію ихъ существованія и ихъ чувствованій) жить значитъ быть въ неволѣ; свобода и рабство для нихъ отличаются лишь постольку, поскольку бываютъ хозяева добрые и жестокіе.

Постоянно тревожимые грознымъ врагомъ, никогда не удалявшимся отъ насъ болѣе какъ на 15 миль, часто подвергаясь нападеніямъ и не имѣя надежды на помощь ни откуда, забытые великой арміей и не получая о ней никакихъ извѣстій, мы должны были бороться съ самыми разнообразными препятствіями. Витгенштейнъ готовился взять обратно Полоцкъ и ежедневно получалъ подкрѣпленія черезъ Невель и Великія Луки, тогда какъ силы у графа Гувіона постепенно ослабѣвали. Какая-то эпидемическая болѣзнь распространилась среди Нѣмецкихъ солдатъ, и они умирали въ громадномъ числѣ. Мнѣ трудно было опредѣлить, какое чувство владѣло ими: одновременно было и безсиліе, и любовь къ родинѣ, усталость въ борьбѣ съ опасностями и твердость предъ лицомъ смерти. Но чувство это дѣйствительно существовало; по мѣрѣ того какъ оно распространялось, расходилась и болѣзнь, въ которой важное значеніе имѣли именно душевныя страданія. Wo ist das Haus, wo stirbt man (гдѣ тотъ домъ, въ которомъ умираютъ)? спрашивали другъ друга солдаты-Баварцы, уже знавшіе, что немало ихъ собратій полегло въ одномъ мѣстѣ. Имъ указывали, они шли къ этому дому, входили, садились въ порядкѣ одинъ за другимъ около испустившихъ духъ товарищей и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока сами не умирали съ тѣмъ же равнодушіемъ и тѣмъ же спокойствіемъ. Другіе изъ нихъ, забывая всѣ соображенія и всѣ опасенія, просто подчинялись желанію вернуться на родину. Шесть тысячъ этихъ самыхъ Баварцевъ одинъ за другимъ перешли черезъ Нѣманъ съ ранцами и съ оружіемъ. Куда вы? спрашивали ихъ въ разныхъ мѣстахъ.—«Я иду въ Баварію». Такъ ты дезертируешь?—«Нѣтъ, я иду въ Баварію». И они шли; а полиція, всегда недостаточная въ арьергардѣ арміи, потому что всегда слишкомъ слабая, ничѣмъ не могла остановить ихъ на пути.

У Русскихъ же привычка къ рабству, особенно неодолимая, какъ кажется, вытравила всѣ другія чувства вплоть до любви къ самой жизни, которая даже и не была ихъ собственностью, и они съ каждымъ днемъ становились все смѣлѣе, возбуждаемые ложными и правдивыми извѣстіями, приходившими изъ Петербурга. Полоцкая армія усилилась летучими отрядами, и это давало имъ возможность часто дѣлать выгодныя вторженія въ занятыя нами мѣста, чѣмъ они искусно и пользо-

вались. Шесть разъ приходилось намъ стоять на стражѣ въ предмѣстьяхъ, какъ на аванпостахъ. Довольно долгая бездѣятельность Витгенштейна, казавшаяся робостью, на дѣлѣ была ничѣмъ инымъ, какъ мудрой медлительностью полководца, призывающаго себѣ на помощь новыя подкрѣпленія и тянущаго время, чтобы сдѣлать враговъ жертвой безпощадной жестокости мѣстнаго климата. Выждавъ мгновеніе, Витгенштейнъ перенесъ свое правое крыло изъ Козяни (Kosiany) въ Колодуйю (Kolodųja) и Сиротину, приблизился къ своему центръ черезъ Ромчино и двинулся на Полоцкъ. Маршалъ Гувіонъ придвинулъ свои аванпосты къ городу и сдѣлалъ всѣ распоряженія для обороны.

Дѣло было жестокое. Побѣдители въ битвѣ подъ стѣнами, Русскіе уже воображали себя господами Полоцка; имъ, дѣйствительно, позволили войти въ него, но едва они это сдѣлали, какъ бой возобновился съ новымъ ожесточеніемъ. Каждая улица была полемъ сраженія, каждый домъ—крѣпостью неприступной, если только въ ней удавалось засѣсть нѣсколькимъ Французамъ. Тѣмъ не менѣе, Русскіе подвигались впередъ. Внезапно улицы пустѣютъ, путь кажется свободнымъ; непріятель, построившись фронтомъ, направляется на большую площадь. Правильная по своему построенію, украшенная съ одной стороны большой іезуитской церковью, а съ другой губернаторскимъ домомъ, застроенная довольно большими домами и соединенная широкой улицей съ мостомъ черезъ Двину, эта площадь была важною позиціей. Русскіе прошли на нее боковыми улицами и словно надѣялись передохнуть тамъ; но въ то самое мгновеніе, какъ они выступали на площадь, главная улица, ведущая къ Двинѣ, вдругъ задрожала отъ поспѣшныхъ шаговъ, и залпы трехъ батарей оказались направленными на нихъ; градъ пуль изъ монастыря и губернаторскаго дома производилъ опустошенія въ ихъ рядахъ, въ тоже время роты солдатъ съ ожесточеніемъ ударили на нихъ съ двухъ сторонъ. На мгновеніе они подались, но тотчасъ же, оправившись, стали отвѣчать на выстрѣлы. Щадя кровь своихъ старыхъ солдатъ, генералъ ставитъ во главѣ атаки новобранцевъ. Живая перестрѣлка вскорѣ сопровождается почти рукопашнымъ боемъ. Внезапно показывается огонь, нѣсколько домовъ становятся добычей пламени, часть іезуитскаго монастыря взлетаетъ на воздухъ. Бой продолжается на развалинахъ, переходитъ, наконецъ, на главную улицу, гдѣ Французы отступили къ своимъ батареямъ; убійственная картечь послѣдовательно истребляетъ все, что осмѣливается приблизиться. Трижды Русскіе ополченцы, образовывавшіе фронтъ атаки, устремлялись на орудія, трижды они были отбиты; ихъ отвага истощается, они останавливаются и отказываются идти еще разъ.

Кто-то изъ Русскихъ генераловъ, возмущенный ихъ неповиновеніемъ, подскакиваетъ туда, распоряжается поставить сзади нихъ ихъ собственную артиллерію и отдаетъ приказъ стрѣлять. Стоя между двумя смертями, разстрѣливаемые съ одной стороны своими же собственными пушками, осыпаемые ядрами съ другой стороны изъ двойной линіи орудій, Русскіе съ отчаяньемъ безнадежности рѣшаются на послѣднее усиліе. Старые солдаты устремляются вмѣстѣ съ новобранцами, увлекаютъ ихъ; вотъ они уже овладѣваютъ нѣсколькими изъ нашихъ орудій, огонь возобновляется съ моста, и страшные залпы вносятъ опять въ ихъ ряды нѣкоторый безпорядокъ. Но, не смотря на то, они остаются побѣдителями. Наши солдаты, изнемогая отъ усталости и отъ лишеній, покрытые ранами, отступаютъ. Но это не бѣгство; Гувіонъ, занимая позиціи за Двиной, еще грозитъ, посылаетъ нѣсколько свѣжихъ отрядовъ противъ аванпостовъ и, собравъ вмѣстѣ всѣхъ солдатъ, оставшихся у него между Соменцомъ (Somenez) и Радишками (Radischky), еще кажется непріятелю грозной силой.

Таково было это Полоцкое дѣло, продолжавшееся три дня и стоившее такъ дорого для обѣихъ сторонъ. Я не сумѣю сказать, каковы были наши потери. Мнѣ извѣстно, однако, что три дня раньше Витгенштейнъ получилъ 15.000 человѣкъ ополченцевъ-новобранцевъ, а на другой день послѣ боя 12.000 изъ нихъ полегли или въ самомъ городѣ, или передъ его стѣнами; о потеряхъ, которыя должны были понести другія части войскъ, я не говорю.

Разсказавъ всѣ эти мелкія подробности, я долженъ напомнить, что лично самъ не былъ очевидцемъ этого кроваваго дѣла. Я описываю все согласно съ тѣмъ, какъ мнѣ передавали нѣкоторые офицеры; просто повторяю ихъ разсказы.

Взятіе Полоцка имѣло весьма важное значеніе. Стоя по обѣимъ сторонамъ Двины, онъ былъ ключомъ къ этой рѣкѣ; по взятіи Полоцка, неминуемо должны были пасть Десна, Дружа, Дрисса, Динабургъ и самъ Витебскъ. Оба генерала одинаково сознавали это. Побѣдитель Витгенштейнъ тотчасъ же потребовалъ новыхъ войскъ; побѣжденный Гувіонъ тоже потребовалъ ихъ, но только какъ подкрѣпленій (помощи онъ не хотѣлъ). Герцогъ Беллюнъ находился въ то время въ Смоленскѣ; если бы онъ тотчасъ двинулся, и притомъ по указанному ему направленію, на Позечи (Pozetschy), Вели и Иваново, съ Русской арміей было бы покончено. Тѣснимая съ Сѣвера герцогомъ Тарентскимъ, съ Юга—маршаломъ Гувіономъ, съ Востока—герцогомъ Беллюномъ, имѣя съ Запада отъ себя Литву, всю находившуюся въ нашихъ рукахъ,

она принуждена бы была положить оружіе. Но герцогъ Тарентскій не получилъ во̀-время извѣщенія, но герцогъ Беллюнъ завидовалъ славѣ, которой покрылъ себя Гувіонъ 18 Августа, и вообще одержанной имъ побѣдѣ; онъ отказался послать ему войска и заявилъ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ приказа императора. Такъ прошло двѣ недѣли. Наконецъ, Русскіе узнали, что Москва очищена, и поспѣшили снова напасть на насъ. Въ тоже самое время герцогъ Беллюнъ, получившій жестокій выговоръ отъ императора, рѣшился выступить; вѣрный, однако, своему намѣренію только помочь Гувіону, а вовсе не поддержать его, онъ выбралъ путь будто бы, по его словамъ, ближайшій, и направился черезъ Бабиновичи и Сіенну. Гувіонъ узнаетъ объ его образѣ мыслей и боится, что ему придется уступить командованіе герцогу Беллюну, какъ старшему. Послѣ нѣсколькихъ поспѣшныхъ распоряженій, онъ самъ способствуетъ желанію Русскихъ—вступить въ бой. Дождавшись лишь двухъ бригадъ изъ арміи герцога Беллюна, онъ принялъ сраженіе, если не ошибаюсь, у Ошаца (Oschatz) и былъ разбитъ. Пораженіе было полное, и все искусство генерала только до извѣстной степени помогло войскамъ возстановить строй и отступить въ нѣкоторомъ порядкѣ сначала на Камень, потомъ на Лепель; а герцогъ Беллюнъ расположилъ свою главную квартиру въ Сіеннѣ.

Мы между тѣмъ оставались сравнительно спокойными въ Витебскѣ (въ концѣ Октября*) 1812 года). Полное невѣдѣніе о всѣхъ происходящихъ событіяхъ, въ которомъ мы находились, давало мнѣ возможность разувѣрять всѣхъ въ ихъ подозрѣніяхъ. Торговые люди, обыкновенно наиболѣе освѣдомленные, распространяли только слухи, клонящіеся къ нашей пользѣ. Взятіе Полоцка, произведшее сначала страшное впечатлѣніе, начало казаться понемногу не такимъ важнымъ, такъ какъ я всѣхъ увѣрилъ, что со стороны Гувіона то было искуснымъ маневромъ, имѣющимъ цѣлью притиснуть непріятеля къ рѣкѣ. Со всѣхъ сторонъ высчитывали наши побѣды. Еще недавно увѣряли насъ, что авангардъ вступилъ въ Тверь; тотчасъ затѣмъ онъ оказывался въ Новгородѣ, а, наконецъ, говорили и о Петербургѣ. Скоро это перестало быть смутнымъ слухомъ: сообщали точныя подробности; извѣстно было, откуда былъ сдѣланъ приступъ, знали, какъ Англичане, высадивъ экипажъ нѣсколькихъ судовъ, нашли возможность поставить батарею и какъ она была взята; называли ворота, въ которые въѣхалъ .императоръ; указывали дни, недѣли и числа мѣсяца. Сначала, и

*) 30-го Октября.

допуская обращеніе этихъ слуховъ, я самъ не довѣрялъ имъ, потомъ былъ уже смущенъ, началъ колебаться; наконецъ, находясь въ положеніи человѣка, котораго увѣряютъ въ исполненіи его желаній, я уже готовъ былъ увѣровать со всѣми вмѣстѣ, какъ вдругъ я замѣтилъ, что тѣ самыя Русскія бумаги, которыя мнѣ стоило такого труда удержать на высотѣ общепринятаго курса (съ потерею 75%), поднялись съ поразительной скоростью (до 58 и 55%); этого было даже слишкомъ много, чтобы зародить сомнѣнія. Почти въ тоже самое время я узналъ, что маршалъ Гувіонъ довольно поспѣшно отступаетъ, а что непріятель наступаетъ, двигаясь по обоимъ берегамъ Двины. Я приказалъ просить маршала не оставлять насъ окончательно безъ защиты и поручилъ значительному числу шпіоновъ наблюдать, насколько то было возможно, за непріятелемъ.

Уже отдѣльные его отряды господствовали въ Городкѣ (Horodek), на правомъ берегу, а главныя силы арміи утвердились въ Бѣшенковичахъ. Атака была неминуемой и казалась очень близкой. Мы порѣшили удвоить заботы и бдительность.

Однажды *) я лично производилъ рекогносцировку дороги и позицій передъ городомъ. Вернувшись, я застаю губернатора. Милостивый государь, говоритъ онъ мнѣ, вотъ приказъ отъ герцога Беллюна очистить это мѣсто.—«И какъ же вы намѣрены поступить?» говорю я ему въ отвѣтъ. Немного смущенный, онъ возражаетъ: Я?.. Но я исполню приказъ.—«Такъ что выйдете изъ города раньше, чѣмъ онъ подвергнется нападенію?»—Такъ приходится... Ну, а вы, добавилъ онъ, развѣ вы не пойдете съ нами? Я возразилъ: «По счастью, мнѣ не отъ кого получать приказа, кромѣ императора; онъ приказалъ мнѣ быть здѣсь, онъ поручилъ мнѣ Витебскъ, и я только тогда выйду отсюда, какъ меня къ тому принудитъ непріятель». И мы остались оба, но непріятель слишкомъ скоро принудилъ насъ выйти.

Шпіоны, которымъ мы щедро платили, сообщали намъ довольно вѣрныя свѣдѣнія. Непріятель находился въ восьми миляхъ отъ насъ; герцогъ Беллюнъ, отступая, оставилъ за собой бригаднаго генерала Кастекса (Castex) съ двумя полками легкой кавалеріи, чтобы обслѣдовать движеніе Русскихъ, или, если это окажется возможнымъ, остановить ихъ. Генералъ извѣстилъ насъ объ этомъ и предупредилъ, что если къ вечеру шестого числа онъ не будетъ въ Витебскѣ, или не пришлетъ намъ письменнаго сообщенія, то это должно означать, что онъ принужденъ былъ отступить.

*) 3-го Ноября.

Положеніе было критическое. У насъ оставалось всего восемьсотъ человѣкъ гарнизона, всѣ изъ полка Берга. Армія, которая должна была защищать насъ, отступала; врагъ надвигался съ двухъ сторонъ. Намъ предстояло испытать много опасеній, и мало надеждъ могли мы сохранить. Въ такомъ ожиданіи провели мы все шестое число и слѣдующую ночь. Внезапно все было рѣшено. Въ семь часовъ утра оживленная перестрѣлка разбудила тѣхъ изъ насъ, кто пытался немного отдохнуть послѣ утомительной неувѣренности минувшаго дня и долгихъ ночныхъ безпокойствъ. Я сѣлъ на коня и уѣзжая увидалъ, что ко мнѣ бѣжитъ бо́льшая часть Поляковъ, занимавшихъ какія-либо должности. Страхъ ихъ въ эту минуту былъ совершенно понятенъ. На сколько умѣлъ, я успокоилъ ихъ. Призвавъ мѣстнаго коменданта и полицеймейстера, я потребовалъ у нихъ отчета, что̀ произошло.—Непріятель занялъ предмѣстья на правомъ берегу, отвѣчали они, сегодня ночью его впустили Жиды; онъ ввелъ туда кавалерійскій форпостъ изъ жандармовъ и форпосты легкой пѣхоты; онъ расположился у моста и готовитъ правильное нападеніе на насъ. Такъ мнѣ говорили, а свиставшія надъ нами пули слишкомъ явно подтверждали это печальное донесеніе. Въ тоже время прибылъ и генералъ.—Вы видите, сказалъ онъ мнѣ, вы помѣшали мнѣ очистить городъ, а теперь непріятель принудитъ насъ выйти.—«Нападая на насъ, онъ исполняетъ свой долгъ, отвѣчалъ я; мы исполнимъ свой, оставаясь здѣсь и обороняясь». Тогда же я приказалъ вывезти изъ города остатки нашего имущества (казна и часть лазарета уже выѣхали наканунѣ съ членами военнаго управленія). Обозъ двинулся въ путь, а я поскакалъ галопомъ къ гимназической больницѣ. То было самымъ возвышеннымъ мѣстомъ города на берегу рѣки Двины; тамъ-то были помѣщены батареей двѣ только пушки, еще остававшіяся у насъ. Съ платформы мнѣ былъ виденъ непріятель. Построившись на другомъ берегу рѣки, онъ осыпа̀лъ насъ залпами тѣмъ легче, что мы были открыты; напротивъ того, наши орудія стрѣляли вверхъ слишкомъ высоко и не причиняли ему никакого вреда. Я подозвалъ одного изъ канонировъ, чтобы указать ему на это; но въ то самое время, какъ онъ подбѣгалъ ко мнѣ, его поразила ружейная пуля, и онъ палъ.

Тутъ прибылъ къ намъ генералъ со своими адъютантами. Мысль о томъ, что городъ потерянъ, до такой степени волновала его, что я не сумѣю этого передать.—«Сожженъ ли мостъ?» спросилъ я у него.—«Я приказалъ сжечь», отвѣчалъ онъ.—«Но вѣдь, кажется, приказаніе ваше не исполнено?»—«Его должны были исполнить». Не совсѣмъ успокоенный этимъ отвѣтомъ, я спустился внизъ, чтобы удостовѣриться

лично. Ядра гаубицъ уже свистѣли въ серединѣ города; я подъѣзжаю къ мосту: онъ невредимъ.—«Капитанъ, говорю я начальнику мѣстнаго поста, почему вы не подожгли моста?» Онъ подбѣгаетъ и беретъ мою лошадь подъ уздцы, чтобы отвѣчать. Это артиллерійскому офицеру, а не мнѣ... произноситъ онъ и падаетъ мертвымъ. Мостъ былъ прямой, враги стояли на другомъ его концѣ и стрѣляли съ прицѣла. Я удаляюсь и снова возвращаюсь къ генералу Пуже. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы мы продолжали обороняться, но было уже не время: у насъ оставалось не больше двадцати человѣкъ на коняхъ, при орудіяхъ находились солдаты не обученные артиллерійскому дѣлу; приходилось уступать. Гарнизонъ собрался на площади и началъ удаляться въ направленіи, противоположномъ тому, откуда угрожали намъ враги. Казалось все благопріятствовало нашему отступленію. Меня безпокоило только одно: мы покидали въ госпиталѣ двѣсти больныхъ, а военныя событія достаточно доказали намъ, что пощады ожидать трудно. Сначала я рѣшилъ было остаться съ больными; но и Французы, и сами мѣстные жители отговорили меня. Ваша голова имѣетъ цѣнность, сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, и всѣ васъ знаютъ. Первый же ударъ сабли или пистолетный выстрѣлъ будетъ направленъ на васъ; васъ убьютъ, и вы ни на мигъ не успѣете быть полезнымъ для больныхъ. Доводы были вѣрны, я понялъ это и отказался отъ своего намѣренія. Въ то самое время, какъ мы удалялись съ площади, увидалъ я, что изъ іезуитской церкви выходитъ нѣсколько человѣкъ извѣстнѣйшихъ мѣстныхъ жителей. «Господинъ интендантъ, сказали они мнѣ, мы покидаемъ васъ; мы возвращаемся къ тому правительству, котораго не любимъ, но мы будемъ молиться Богу за васъ. Спасайтесь отъ враговъ, которые будутъ васъ преслѣдовать; не забывайте насъ, а мы всегда будемъ помнить о васъ. Если вамъ придется когда нибудь покинуть свою Францію, возвращайтесь къ намъ: Витебскъ всегда будетъ счастливъ видѣть васъ». Я сказалъ въ отвѣтъ, обращаясь къ меру: «Милостивый государь, если Витебскъ почитаетъ себя чѣмъ либо обязаннымъ мнѣ, то я немедленно потребую тому доказательства. Здѣсь въ госпиталѣ оставляю я двѣсти больныхъ. Кормите ихъ—они несчастны; защищайте ихъ—они всѣми покинуты. Помните, что они въ восьми стахъ миляхъ отъ родины, что имъ не на кого опереться, что у нихъ нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни и что они пришли сюда и подвергались всякимъ опасностямъ только затѣмъ, чтобы освободить и защитить васъ». «Клянусь вамъ, отвѣчалъ мнѣ меръ, что если намъ не помѣшаютъ тому силой, мы будемъ заботиться о всѣхъ ихъ нуждахъ». Не требуя большаго, я уѣхалъ. Нѣкоторые изъ нихъ плакали, и я тоже плакалъ. Я вовсе однако не любилъ своей жизни въ Витебскѣ: я зналъ

въ немъ только бѣды да безпокойства; но въ ту минуту меня глубоко тронуло доказательство ихъ сочувствія ко мнѣ.

Шавардесъ, которому поручена была площадь, желалъ остаться въ городѣ съ небольшимъ отрядомъ еще на нѣсколько мгновеній, чтобы выслѣдить непріятельскія движенія и поджечь мостъ. Это былъ человѣкъ храбрый до безразсудства, иногда слишкомъ далеко увлекаемый пыломъ своего южнаго сердца; но онъ былъ на прекрасной лошади и легко могъ догнать насъ; поэтому мы рѣшились отправиться безъ него. Впереди шла пѣхота съ двумя нашими орудіями; человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ верхомъ, слѣдовали за ней, а генералъ Пуже и я, мы шли сзади всѣхъ. Уже выходя изъ города, я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ, какъ будто прятавшихся отъ меня. Я нагналъ ихъ; то были агенты и военные врачи изъ госпиталя, тѣ самые, кому военный комиссаръ поручилъ оставаться при больныхъ. Какъ? Вы здѣсь? сказалъ я имъ, что же вы дѣлаете?—«Изъ города выступаютъ, господинъ интендантъ, и мы тоже выступаемъ изъ него». Ну а больные?—«Они въ госпиталѣ». А кто позаботится о нихъ? Кто будетъ ходатайствовать за нихъ? Вы вѣдь получили приказъ оставаться.—«Нѣтъ».—Военный комиссаръ долженъ былъ дать вамъ этотъ приказъ, а если онъ этого не сдѣлалъ, то я его даю: вы останетесь. «Нѣтъ, мы вовсе не останемся, воскликнули они всѣ разомъ; въ наши обязанности не входитъ жертвовать своей жизнью». Тысячи шумныхъ криковъ присоединились къ этимъ словамъ, произнесеннымъ директоромъ госпиталя. Я выхватилъ изъ кармана пистолетъ и приставилъ ему дуло къ груди. «Еще одинъ шагъ, сказалъ я ему, и я убью васъ. Первый изъ васъ, кто попытается идти за нами, будетъ встрѣченъ оружіемъ. Возвращайтесь на свое мѣсто». Они повернули назадъ, и наше отступленіе совершилось.

Мы вышли изъ Витебска въ довольно хорошемъ порядкѣ; миляхъ въ четырехъ предъ нами отрядъ въ двѣсти человѣкъ сопровождалъ посланный мною утромъ обозъ, такъ что мы образовали его арьергардъ. Мы шли по той же дорогѣ, которую онъ выбралъ, по единственной дорогѣ, еще остававшейся для насъ свободной: изъ Витебска въ Смоленскъ черезъ Рудню и Жуково. Едва мы отошли съ милю отъ города, какъ вдругъ нагоняетъ насъ въ галопъ ускользнувшій отъ враговъ жандармъ; онъ сообщаетъ намъ, что все оставленное въ городѣ взято, что мостъ не успѣли поджечь во̀ время и что непріятель гонится за нами. Дѣйствительно черезъ нѣсколько мгновеній мы завидѣли его кавалерію. Мы строимся колонной; они приближаются и, опредѣленно узнавъ насъ, посылаютъ свою кавалерію направо, чтобы за-

ставить насъ повернуть фронтъ. «Генералъ, говорю я тогда Пуже, они хотятъ отрѣзать намъ дорогу: необходимо не допускать ихъ до этого. Я пошлю въ бой первые ряды изъ сопровождающихъ обозъ. Задержите ихъ здѣсь, а я даю вамъ слово, что тамъ они не отрѣжутъ насъ». Онъ соглашается, и я скачу вмѣстѣ съ Рели, моимъ другомъ и школьнымъ товарищемъ, случайно бывшимъ со мной. Проѣхавъ съ милю, мы встрѣтились съ офицеромъ перваго полка; я отдаю ему приказъ, съ тѣмъ чтобы онъ передалъ его тотчасъ же; затѣмъ я проникаю въ пустой амбаръ около маленькаго мостика, бывшаго на дорогѣ. Рели выходитъ на минуту... я остаюсь одинъ съ лошадьми. Вдругъ подымаются крики; я оборачиваюсь, вижу съ другой стороны моста скачущихъ галопомъ казаковъ. Я зову Рели; онъ прибѣгаетъ полураздѣтый; вскочивъ на лошадей, мы скачемъ, а пики враговъ почти достаютъ до круповъ нашихъ лошадей. Въ ста шагахъ открывается передъ нами ровъ, черезъ который необходимо переѣхать. Съ одной стороны почти отвѣсный холмъ, съ другой глубокая рытвина, выкопанная въ пескѣ; на неровной, усѣянной ямами дорогѣ—остановившаяся телѣжка съ порохомъ, которую ослабшія лошади могли тащить лишь съ великимъ трудомъ; рядомъ—поваленное и покрытое снѣгомъ дерево; между ними оставался узкій проходъ. Мгновенно представилъ я себѣ какъ препятствіе, такъ и небходимость преодолѣть его, какъ трудности, такъ и окружавшія меня опасности. Меня спасла моя лошадь; она взлетѣла на стволъ дерева, оттолкнулась отъ него, перелетѣла черезъ пороховой ящикъ и уже на другой сторонѣ холма продолжала свою стремительную скачку. Я спасался бѣгствомъ, но не могъ постигнуть, какимъ образомъ подверглись мы этому преслѣдованію, что сталось съ войсками, съ артиллеріей и съ генераломъ Пуже, который долженъ былъ задержать непріятеля сзади. Нагнавшіе меня адъютанты объяснили мнѣ все: на него напали Русскіе; онъ хотѣлъ ввести свои орудія въ колонну, но медленность этого маневра дала казакамъ возможность ворваться въ ряды; всѣ солдаты Берга положили оружіе. Одинъ изъ этихъ адъютантовъ былъ человѣкъ отважный и преданный долгу; дважды старался собрать онъ нѣсколько человѣкъ бѣглецовъ. Но какъ только повертывали мы фронтъ и, обнаживъ сабли, рѣшались ждать непріятеля, гнавшагося за нами на разстояніи ружейнаго выстрѣла, оказывалось, что мы одни, что всѣ бывшіе сзади насъ бѣжали. Въ силу необходимости мы бывали принуждены слѣдовать за ними.

Такъ сдѣлали мы десять миль въ девять часовъ. Была непроглядная ночь; всѣ мои люди заблудились, и со мной оставалось только нѣсколько человѣкъ гражданскихъ чиновниковъ. Я остановился въ

избушкѣ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Казалось, темнота должна была скрыть меня отъ преслѣдователей, и я почиталъ себя въ безопасности. Въ скоромъ времени, однако, прибылъ одинъ изъ нашихъ и сообщилъ, что за нимъ гнались по пятамъ. Жиды, которыхъ было немало по деревнямъ, узнали мою форму и указали мой путь. Бѣглецы сами указывали его. Итакъ мы не могли быть спокойны. Я взялъ мужика, какъ проводника, и мы отправились. Была полночь; рѣзкій холодъ (отъ 16 до 18 градусовъ) сковывалъ воздухъ, ледяной вѣтеръ крутилъ снѣжные вихри; земля такъ была покрыта снѣгомъ, что ничего нельзя было различить. Вокругъ меня нѣсколько выбившихся изъ силъ, отчаявшихся человѣкъ начинали роптать, временами переходя отъ жалобъ къ угрозамъ. Мой проводникъ изслѣдовалъ землю палкой, ложился, чтобы сыскать слѣды, которыя трудно было бы усмотрѣть и днемъ и, какъ казалось, зачастую совершенно терялъ надежду найти вѣрную дорогу. Самъ я былъ измученъ и многодневной безсонницей, возбужденной постоянными безпокойствами, и долгимъ голоданіемъ, вызваннымъ крайней необходимостью; преслѣдуемый, какъ звѣрь, блуждая въ снѣжной равнинѣ, зная, что голова моя оцѣнена врагомъ, почти потерявшій всякую надежду, я въ молчаніи велъ съ собою эту толпу бѣглецовъ. Сердце мое, осаждаемое грустными воспоминаніями, съ горечью сравнивало теперешнее наше положеніе съ прежнимъ; то будущее, въ которомъ, какъ казалось, ждали меня счастье, богатство и всякаго рода благополучіе—съ бѣдствіями и даже прямо съ смертью.

Въ концѣ-концовъ проводникъ сообщилъ намъ, что мы спасены. Онъ разыскалъ дорогу, и мы пошли въ ближній зàмокъ попросить убѣжища и гостепріимства, которое и было намъ оказано. Часа черезъ два мы выѣхали оттуда, и тотчасъ же появились казаки, искавшіе насъ. Но потому ли, что имъ указали на ложный слѣдъ, или потому, что пятьсотъ червонцевъ, обѣщанныхъ за мою голову, показались имъ слишкомъ дешевой платой за подобный трудъ, только они покинули насъ въ пятнадцати миляхъ отъ Витебска. Оттуда мы шли въ Смоленскъ по совершенно неизвѣстной намъ дорогѣ, живя добровольными подачками отъ мужиковъ, то принимаемые ими, то прогоняемые съ презрѣніемъ, когда я смиренно вымаливалъ у нихъ состраданія, немного сѣна для лошади и немного хлѣба для себя самого, сохраняя еще гдѣ-то въ глубинѣ души надежду на лучшее положеніе и на болѣе счастливыя времена.

Мы жили въ Витебскѣ въ такомъ невѣдѣніи, что воображали императора еще въ Москвѣ. Но за нѣсколько миль отъ Смоленска разсказы крестьянъ навели насъ на правду, а немного дальше мы

встрѣтились съ корпусомъ вице-короля, направлявшагося къ самому Витебску. Мы поспѣшили въ Смоленскъ, мы вошли въ эти полуразрушенныя укрѣпленія, прошли мимо домовъ, недавно роскошныхъ, а теперь представлявшихъ собою однѣ развалины, да груды мусора.

Вотъ мы тамъ. Министръ немедленно повелъ меня къ императору. Но сначала должно было повидать князя Невшательскаго, какъ старшаго генерала арміи.—«Вы здѣсь, сказалъ онъ мнѣ, а зачѣмъ?»—Чтобы сообщить горестную вѣсть, монсиньёръ: Витебскъ взятъ.—«Витебскъ взятъ? А корпусъ вице-короля направился туда?»—Корпусъ вице-короля двигается въ этомъ направленіи, монсиньёръ, но Витебскъ взятъ.—«Это немыслимо!» сказалъ онъ. Я хотѣлъ возразить, но онъ три или четыре раза повторилъ: «это немыслимо», а потомъ добавилъ: «Во всякомъ случаѣ, зачѣмъ вы это разсказываете мнѣ? Если вамъ угодно, ступайте, сообщите объ этомъ сами императору». Я покорился судьбѣ и пошелъ наверхъ.

Въ то самое мгновеніе, когда я входилъ въ пріемный залъ, къ императору прибылъ одинъ изъ адъютантовъ генерала Пуже. Онъ разсказалъ ему про общій ходъ дѣлъ, и въ теченіе тѣхъ немногихъ минутъ, что̀ онъ тамъ оставался, я любовался, словно забавною игрою, какъ всѣ сгарали отъ любопытства узнать привезенныя имъ новости. Наконецъ, императоръ приказалъ позвать меня. Я вошелъ такъ, какъ пришелъ, то-есть съ отстегнутой шпагой въ рукѣ и въ черномъ суконномъ чепцѣ вмѣсто шапки. Императоръ былъ вдвоемъ съ королемъ Неаполитанскимъ и, обратившись ко мнѣ, заговорилъ довольно спокойно:—«Ну, что же, вамъ хочется сдѣлать всю кампанію до конца? Вамъ хочется быть съ нами? Вы возвращаетесь? Ахъ, Боже мой!»—Государь, отвѣчалъ я, я въ томъ не виноватъ.—«Знаю, отвѣчалъ онъ; ну, однако, разскажите мнѣ, какъ все это случилось». Я разсказалъ ему обо всемъ, насколько возможно было, вкратцѣ. Когда я кончилъ, король Неаполитанскій спросилъ меня съ нѣкоторымъ усиліемъ, кто были тѣ негодяи-солдаты, которые сдались такимъ образомъ?—Ваше величество, сказалъ я ему съ величайшимъ смиреніемъ, это былъ полкъ Берга. Онъ не выразилъ удивленія и не спрашивалъ меня больше.

Обернувшись къ императору, я отвѣчалъ сначала на его вопросы о продовольствіи, каково оно было и въ какомъ количествѣ. Того, что̀ было въ запасныхъ магазинахъ, сказалъ я, могло достать дней на десять для всей арміи, а отдѣльному корпусу на всю зиму.

— «Стоило вамъ большого труда собрать его?» спросилъ онъ.—Отчасти, отвѣчалъ я, потому что враги были постоянно близко.—«Такъ; но вѣдь васъ защищалъ Гувіонъ».—Государь, простите меня, сказалъ

я, но господинъ Гувіонъ не могъ нами заниматься: ему достаточно было заботиться о собственной оборонѣ.—«А мѣстные жители?»—Мѣстные жители въ концѣ-концовъ стали нѣсколько довѣрять намъ. Администраторы, назначенные, вмѣстѣ со мной, вашимъ величествомъ, всѣ разошлись, и ихъ отсутствіе часто затрудняло нашъ походъ.—«Какъ, сказалъ онъ, вы оставались совсѣмъ одни?»—Совсѣмъ, отвѣчалъ я, и прошу ваше величество извинить меня, если въ такомъ положеніи не сумѣлъ выполнить всѣхъ вашихъ намѣреній.—«Нѣтъ, нѣтъ, все хорошо. А каково было настроеніе народа и знати?»—Свобода не значитъ для нихъ ничего. Если и было у нихъ увлеченіе, то оно относилось только къ вашему величеству.—«Скажемъ прямо: будутъ ли они противъ меня?»—Нѣтъ, государь.—«О, бо́льше мнѣ и не нужно!»

Послѣ того его вопросы перешли на разныя отрасли управленія; но затѣмъ онъ вернулся къ самому дѣлу, ко взятію города.—«Но какъ же могло случиться, говорилъ онъ, что Гувіонъ не остановилъ Витгенштейна?»—У него было, отвѣчалъ я, самое бо́льшее—тридцать тысячъ человѣкъ.—«Неправда, быстро возразилъ онъ, у него было пятьдесятъ тысячъ, а у Витгенштейна двадцать».—Я могу сказать вашему величеству лишь то, что̀ я знаю; но мнѣ это извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, отъ шпіоновъ, черезъ постоянныя донесенія; наконецъ, благодаря тому, что во всемъ этомъ я не могъ не быть заинтересованъ самъ. У маршала Гувіона было только тридцать тысячъ человѣкъ, а у Витгенштейна пятьдесятъ.—«Меня опять обманули!» воскликнулъ онъ въ первую минуту; потомъ, возвращаясь къ прежнему ходу мыслей, спросилъ: «А Викторъ?»*). Я молчалъ.—«Что же Викторъ?» повторилъ онъ.—Государь, сказалъ я ему, мнѣ не подобаетъ судить его дѣйствія; я могу ввести въ заблужденіе ваше величество и ошибаться самъ.—«Нѣтъ, говорите».—Ваше величество! Уже около мѣсяца Витебскъ былъ въ самомъ опасномъ положеніи; каждый день мы обращались къ герцогу Беллюну съ представленіями; каждый день маршалъ Гувіонъ просилъ у него подкрѣпленій; мы указывали ему короткій и вѣрный путь, чтобы зайти въ тылъ непріятельской арміи. Но герцогъ Беллюнъ не рѣшился выступить; чтобы помочь намъ, онъ ждалъ приказа отъ вашего величества. Когда же онъ, наконецъ, нашелъ возможнымъ двинуться впередъ, маршалъ Гувіонъ началъ битву и проигралъ ее. Одинъ изъ нихъ теперь въ Щерiѣ (Tsezereja), а другой въ Новомъ Лепелѣ (New Lepel).

—«Несчастные! сказалъ императоръ съ негодованіемъ. Нѣтъ, Викторъ неспособенъ командоватъ даже полкомъ или дивизіей. Какъ, не

*) Викторъ—герцогъ де-Беллюнъ.

идти на помощь! Позволить прорвать линію! Посмотрите, какъ они приносятъ себѣ въ жертву благо моего войска! Какая глупость! Какое незнаніе самыхъ началъ военнаго искусства!» Говоря такъ, онъ приблизился къ картѣ, разложенной на столѣ. «И таковы они всѣ! Я слишкомъ высоко ихъ поставилъ; они служатъ только поневолѣ и губятъ всѣ мои планы! Даву́ на половину помѣшанъ и ни на что больше негоденъ. Викторъ въ Смоленскѣ безполезно истребляетъ заготовленные запасы. Ожеро̀ не желаетъ двигаться и воображаетъ, что оказываетъ милость повинуясь мнѣ. Однако, они должны мнѣ повиноваться! Они знаютъ, кто я; а мнѣ извѣстно, что̀ такое они! Да, между ними нѣтъ ни одного, кому можно было бы поручить хоть что-нибудь. Вѣчно все надо дѣлать самому. Ну и хорошо! Я буду все дѣлать самъ; но пусть они хоть исполняютъ, пусть повинуются! О, пусть они берегутся! Я вѣдь сумѣю обойтись и безъ нихъ! Ну, посмотрите,—добавилъ онъ,—какой планъ не удался изъ-за нихъ. Вице-король въ Витебскѣ, Гувіонъ въ Динабургѣ, Макдональдъ въ Ригѣ держали въ своихъ рукахъ всю Двину. Въ Могилевѣ и Смоленскѣ Даву́ и Ней прикрывали Днѣпръ. Викторъ пошелъ бы въ Оршу, Ренье въ Минскъ, Понятовскій въ Полоцкъ, Шварценбергъ съ Нѣмцами въ Украйну. А изъ Вильны въ теченіе зимы я устроилъ бы всю эту страну, далъ бы отдохнуть арміи и принудилъ бы ихъ повиноваться. Что за невѣжество, что за невѣжество! повторилъ онъ еще два или три раза, стуча кулакомъ по столу. О, Боже мой, и они хотятъ еще меня обманывать!» Послѣ этихъ словъ онъ обратился ко мнѣ. — «Не оставили вы что-нибудь въ Витебскѣ?» спросилъ онъ меня.—Нѣсколько человѣкъ больныхъ, увести которыхъ мнѣ было невозможно; но они въ безопасности. Городской голова честью поклялся мнѣ защищать ихъ, заботиться о нихъ, кормить. Я долженъ назвать его имя вашему величеству. Это Богомолецъ (Bohomolce); мнѣ пріятно засвидѣтельствовать передъ вами мое чувство уваженія и признательности къ нему.

— «Я очень радъ,» сказалъ императоръ. Король Неаполитанскій присоединился ко мнѣ, подтверждая мои похвалы. Понемногу императоръ успокоился и вернулся къ свойственному ему роду бесѣды.

— «Что̀ за страна вашъ Витебскъ?» спросилъ онъ у меня. «Городъ я хорошо разсмотрѣлъ, но окрестности?» — Очень печальная, отвѣчалъ я; страна, ея учрежденія, жители: все это варварство, хотя и украшенное.—«Я это знаю,» подхватилъ онъ. Черезъ нѣсколько словъ онъ продолжалъ: «Подумайте немного; меня обвиняютъ въ честолюбіи. Словно честолюбіе могло меня завести сюда! Я веду чисто - политическую войну. Что̀ могъ я выиграть, придя сюда, въ такой климатъ, въ такую страну? Здѣсь нѣтъ ничего, что̀ стоило бы самой худшей мѣстности

во Франціи. А вотъ для нихъ представлялись совсѣмъ иныя выгоды. Польша, Германія все для нихъ заманчиво, для дикарей все хорошо. Да, уже одно солнце, грѣющее шесть мѣсяцевъ въ году, составляетъ новое удовольствіе. Ихъ нужно останавливать, а не меня. Нѣмцы ничего въ этомъ не понимаютъ, не смотря на всю ихъ философію».

Бесѣда продолжалась еще нѣкоторое время въ такомъ же духѣ. Потомъ императоръ спросилъ меня, не утомленъ ли я. Я былъ утомленъ и тотчасъ сознался въ этомъ; тогда онъ отослалъ меня отдыхать, говоря, что позоветъ завтра. Когда я вышелъ, всѣ были поражены оказанной мнѣ благосклонностью, и цѣлый рядъ лицъ на этотъ разъ узналъ меня. На другой день я ждалъ; но императоръ получилъ дурныя вѣсти, и вновь встрѣтился я съ нимъ уже значительно позже, неподалеку отъ Березины.

Смоленскъ — одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Россіи. Долго онъ служилъ поводомъ раздора и войнъ между царями и Польскими королями. Его положеніе на Днѣпрѣ, его близость къ плодороднымъ областямъ и Юга и Сѣвера, его стратегическое значеніе — все въ достаточной степени оправдывало тѣхъ, кто придавалъ важность обладанію имъ. Но когда я ирибылъ въ него (10 Ноября), въ немъ не оставалось никакого слѣда его вѣкового процвѣтанія. Наши опечаленные взоры встрѣчали на каждомъ шагу сгорѣвшіе дома, разрушенные дворцы и поваленныя деревья. Въ нашихъ душахъ возникало тягостное предчувствіе; невольно приходило на мысль, что варвары, поступавшіе такъ съ своими собственными городами, будутъ, быть можетъ, призваны въ прекрасныя страны нашей Европы и что-это будетъ, быть можетъ, продолженіемъ этого самаго похода и слѣдствіемъ лживой и несправедливой политики.

Странное зрѣлище представлялъ тотъ родъ торговли, который возникъ посреди этихъ развалинъ, покрытыхъ снѣгомъ, подъ стѣнами когда-то жилыхъ домовъ. Въ одномъ мѣстѣ города, гдѣ сходились четыре главныя улицы, наши солдаты, особенно же гренадеры старой гвардіи, устроили настоящій базаръ. Тамъ можно было найти невѣроятнѣйшія вещи, все, чего желаетъ роскошь, и все, чего требуетъ нужда. Тутъ маркитантка предлагала часы, перстни, ожерелья, серебряныя вазы, а иногда и драгоцѣнные камни. Въ другомъ мѣстѣ гренадеръ продавалъ водку или шубы. Подальше солдатъ изъ обозной прислуги заманивалъ купить полное собраніе сочиненій Вольтера или «Письма къ Эмилію» Демустье. Стрѣлокъ выставилъ на продажу лошадей и кареты; кирасиръ держалъ лавочку, гдѣ продавались платье и обувь. Трудно вообразить болѣе удивительное зрѣлище. Въ тѣ дни, продолжая надѣяться, мы еще настолько хладнокровно относились къ

событіямъ, что нерѣдко ходили на базаръ погулять, послушать крики, споры и пререканія торгующихъ и покупателей.

Было великимъ зломъ, что эти безпорядки терпѣлись. Офицеры, нуждаясь не меньше другихъ, отправлялись на эти рынки за всѣмъ, что̀ имъ было потребно и отдавали въ обмѣнъ все, что̀ уже не было необходимымъ. Они держали себя, какъ равный съ равнымъ со всѣми, съ кѣмъ имѣли дѣло, и черезъ то солдаты потеряли всякую почтительность, всякое уваженіе къ офицерамъ, видя въ нихъ такихъ людей, съ которыми они спорили и дѣлили барыши и убытки.

Запасы, собранные въ Смоленскѣ, были не особенно значительны. Они были истреблены очень скоро. Вице-король со своимъ корпусомъ возвратился въ городъ. Г. де-Барагей (H. de Baraguey d'Hilliers) драгунскій полковникъ, командовавшій другимъ корпусомъ, допустилъ свой аріергардъ сдаться въ плѣнъ. Витгенштейнъ, прогнавшій насъ изъ Витебска, надвигался на наше правое крыло, и нельзя было знать, въ силахъ ли его задержать Гувіонъ и герцогъ Беллюнъ. Въ областяхъ по правому берегу Двины, со стороны Порѣчья, въ дни нашей удачи, всѣ старанія генерала Шарпантье (лучшаго, самаго рѣшительнаго и самаго неподкупнаго администратора, какой только былъ въ великой арміи) едва могли установить спокойствіе; теперь эта страна вновь вооружалась противъ насъ. Приходилось покинуть Смоленскъ. Авангардъ образовалъ герцогъ Абрантесъ, умъ котораго уже мѣшался въ значительной степени; за нимъ шли остальные корпуса; князь Московскій, бывшій тогда только еще герцогомъ Эльхингенскимъ *), велъ арьергардъ. Такъ выступили мы вечеромъ 13-го Ноября.

Съ этой минуты начались настоящія бѣдствія похода. До сихъ поръ движеніе арміи, хотя и совершалось довольно безпорядочно, все-таки еще не было отступленіемъ; слишкомъ сильные холода еще не давали себя чувствовать (они начались только 7 Ноября), и разныя потребности, правда, настоятельныя, въ общемъ все-таки удовлетворялись. Солдаты еще слушались приказаній начальниковъ, а вожди еще помышляли о благѣ войска. Но скоро общее благо позабылось совершенно, дисциплину стали презирать, нужда настоящаго мгновенія восторжествовала надъ всѣми другими соображеніями; въ души, куда не могъ найти доступа страхъ, проникло чувство безнадежности; даже къ храбрости стала примѣшиваться боязнь. Въ отдѣльности каждый изъ насъ страдалъ отъ такихъ бѣдствій, которыя мы легко бы одолѣли, если бъ были соединены. Счастье, что этотъ великій урокъ по крайней мѣрѣ не прошелъ даромъ. Здѣсь предъ нашими взорами открывались истинные характеры людей. Здѣсь сразу пропадали все

*) Ней. П. Б.

величіе, всѣ доблести, которымъ не такъ давно еще дивился міръ: человѣкъ становился человѣкомъ и только имъ всецѣло. Но здѣсь же обнаруживали себя и неколебимыя души, высокія сердца; и почти всегда (я говорю это съ нѣкотораго рода гордостью) спокойствіе и твердость духа были неразлучны съ благородствомъ чувствъ. Тотъ оставался твердымъ, кто умѣлъ быть добрымъ. Сохранять надежду: вотъ въ чемъ была первая награда за добродѣтель, какъ и ея прямое право.

Начиная описаніе этихъ ужасныхъ сценъ, я не могу не вспомнить 39-го бюллетеня, продиктованнаго императоромъ въ Ошмянѣ (Ossmiana), который распространилъ великій ужасъ по смятенной Франціи. Я не могъ бы сказать ничего больше, если бы мнѣ предстояло нарисовать общую картину отступленія. Но то, что̀ я намѣренъ разсказать, не могло войти въ эту картину: это—подробности болѣе или менѣе достопамятныя и приключенія болѣе или менѣе любопытныя. Не трудно понять, что воспоминаніе о нихъ будетъ всегда цѣнно тому, кто умѣлъ сохранить его.

Изъ Смоленска мы выступили вечеромъ 13 Ноября и, отойдя отъ него двѣ мили, мы провели ночь на краю довольно глубокаго оврага, въ который дорога спускалась; сначала намъ казалось, что этотъ оврагъ окажется непроходимъ для нашей артиллеріи. Холодъ былъ уже довольно жестокъ, и первая ночь, проведенная на бивуакахъ, дала себя намъ почувствовать. Въ Смоленскѣ было намъ довольно плохо, но все-таки мы были тамъ въ закрытомъ мѣстѣ; а теперь—колющій разрѣженный воздухъ и твердая промерзшая земля, на которую намъ приходилось ложиться, заставляли насъ мечтать, какъ о пріютѣ всѣхъ наслажденій, о теплой комнатѣ, о простыхъ деревянныхъ полахъ, на которые мы роптали въ городѣ. Вторая ночь не отличалась отъ первой. Весь день шелъ снѣгъ большими хлопьями, такъ что вечеромъ надо было его разметать и разгребать, копая себѣ ложе на ночь. Какое-то предчувствіе или какая-то стыдливость побудили имѣвшихъ кареты не пользоваться ими; будущее доказало намъ, что это было разумно.

Въ три дня мы пришли въ Красное (Kransnoï), деревушку, отстоящую отъ Смоленска миль на 18, а отъ Витебска на 30. Мы уже бросили цѣлый рядъ каретъ и повозокъ; холодъ былъ жесточайшій; дорога, плохо содержимая и въ обыкновенное время, была еще болѣе разрушена дождемъ и снѣгомъ. Отъ недостатка фуражу и утомленія погибла, или по меньшей мѣрѣ выбилась изъ силъ, большая часть нашихъ лошадей. Если на пути попадался оврагъ или крутой подъемъ, тотчасъ же двѣ-три кареты останавливались, и происходила ужаснѣйшая путаница. Кареты высокопоставленныхъ лицъ старались объѣхать образовавшееся препятствіе справа; запряженныя лучшими лошадьми, заѣзжали впередъ и нарушали установленный порядокъ. Слѣ-

довало давать дорогу артиллеріи, но это не соблюдалось. Кучера щелкали хлыстами, лошади рвались впередъ, конюхи дрались съ караульными, ряды спутывались между собой, кареты прицѣплялись къ обознымъ повозкамъ, берлины къ артиллерійскому поѣзду; особенно тяжелая карета, которая должна была отстать, вдругъ дѣлала усиліе, догоняла болѣе легкія, ушедшія впередъ, и тутъ же теряла всѣ колеса. Кавалеристы, попавшіе въ эту сумятицу, били саблями направо и налѣво по пѣхотинцамъ и конюхамъ, путавшимъ движеніе; офицеры пролагали себѣ путь ударами кулака или шпаги. Если на бѣду подоспѣвалъ сюда кто либо изъ служащихъ лично при императорѣ съ мулами, съ переносными кузницами и мебелью, то все прямо опрокидывалось, чтобы только очистить дорогу. Восклицанія, ругательства, звуки ударовъ, окрики караульныхъ офицеровъ, не достигавшіе никакой цѣли, вопли тѣхъ, кто метался безъ толку—довершали картину ужасающаго безпорядка. Движеніе впередъ совершенно прекращалось, обозную стражу разгоняли силой, и быстро появлялись казаки, никогда не терявшіе насъ изъ виду, уставляли маленькія пушки безъ лафетовъ, которыя они возили съ собой съ саняхъ, гнали въ галопъ все, что еще могло скакать, остальное жгли, а солдатъ, пытавшихся защищать, поражали ударами пики. Это происходило съ нами у каждаго оврага, въ частности же у оврага, перерѣзывающаго дорогу подъ самымъ Краснымъ. Въ этомъ мѣстѣ была взята въ плѣнъ, пожалуй, четвертая часть нашего экипажа, и то не было единственнымъ, испытаннымъ нами, несчастьемъ. Насъ ожидали болѣе тяжелыя потери.

Я говорилъ, что нашъ авангардъ велъ герцогъ Абрантесъ. Вечеромъ 16-го числа онъ прошелъ черезъ Красное и занялъ ворота у Синжакскихъ воротъ (à la porte de Sinjaki); князь Екмюльскій догналъ его и соединился съ нимъ въ тотъ же вечеръ; императоръ же съ гвардіей вошелъ въ Красное. Сзади насъ былъ вице-король съ боевымъ корпусомъ, а еще дальше герцогъ д' Эльхингенъ. Вице-король выполнилъ приказъ императора, взорвалъ укрѣпленія Смоленска и большими дневными переходами пришелъ на соединеніе съ нами. Всѣ думали, что онъ еще далеко. Въ этотъ вечеръ казаки почти не показывались вблизи отъ насъ*). Въ Красномъ нашлось нѣсколько домовъ, гдѣ можно было переночевать, церковь, изъ кото-

*) Нѣкоторые изъ нихъ пытались нанести ударъ и попались въ плѣнъ. Когда пришло извѣстіе объ этомъ, мы были у императора: „Казаки взяты въ плѣнъ! воскликнулъ король Неаполитанскій, ахъ бездѣльники! Да это, навѣрное не казаки! Казаки не таковы, чтобы ихъ можно было взять въ плѣнъ“. Онъ пошелъ посмотрѣть ихъ и, выходя, все повторялъ: „Нѣтъ, казаки для того слишкомъ храбры; эти же бездѣльники не настоящіе казаки. Покажите-ка мнѣ ихъ, покажите; но я слишкомъ увѣренъ, что это не они.“

рой можно было сдѣлать госпиталь, да немного муки для солдатъ, и всѣмъ казалось, что мы вошли въ землю обѣтованную!

Въ семь часовъ утра вдругъ послышался очень сильный шумъ. Всѣ встаютъ, зовутъ, спрашиваютъ. Господа, говорятъ намъ, вице-король подвергся неожиданному нападенію въ милѣ отъ Краснаго. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и уже едва держится. Императоръ съ гвардіей только что выступилъ, чтобы освободить его. Какъ, императоръ выступилъ, восклицаетъ министръ, лошадь мнѣ! И онъ отправляется въ свой чередъ. Мы остались въ Красномъ одни съ немногими отсталыми, съ больными, да съ двумя или тремя сотнями людей, нашедшими возможность прибыть туда. Не прошло и четверти часа, какъ перестрѣлка послышалась со всѣхъ сторонъ. Непріятель тотчасъ же узналъ о движеніи императора и попробовалъ отрѣзать ему отступленіе. Село Красное подверглось нападенію. Двѣ батареи, поставленныя на холмахъ, осыпали насъ ядрами, а стрѣлки находились на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ первыхъ домовъ. Опасность была великая; но не менѣе великое присутствіе духа сумѣло справиться съ нею. Всѣ взялись за оружіе; тѣ изъ больныхъ, которые могли ходить, пришли защищать себя; и вотъ со всѣхъ сторонъ слабый, но непрерывный огонь сталъ отвѣчать непріятельскому огню. Впрочемъ невыгода нашего положенія была очень замѣтна. Русскія ядра падали все съ большей силой и въ большемъ количествѣ; часть нашихъ людей была ранена; приходилось подумывать, какъ бы выбраться оттуда; но вдругъ непріятельскіе стрѣлки удаляются, батареи смолкаютъ, атака прекращается, и тѣ, которые черезъ мгновеніе могли бы быть побѣдителями, своимъ поспѣшнымъ отступленіемъ открываютъ намъ присутствіе императора. Онъ возвратился побѣдителемъ; путь былъ свободенъ, и вице-король освобожденъ. Но опасность была только отсрочена: непріятельскія войска, шедшія за нами справа и слѣва, обогнали насъ въ эту ночь и готовы были во мгновеніе отрѣзать насъ отъ авангарда. Необходимо было остановить это угрожающее движеніе. Императоръ прибылъ въ половинѣ одиннадцатаго, а въ одиннадцать мы уже выступали.

Путь изъ Краснаго идетъ по шоссе, пересѣкающему болото и соединяющемуся съ обыкновенной дорогой въ равнинѣ; мѣстность тамъ ровная, усѣянная нѣсколькими группами деревьевъ. Первымъ прошелъ Кольберъ съ легкой кавалеріей и провелъ обозъ императорской главной квартиры. Императоръ слѣдовалъ за нимъ съ главнымъ штабомъ старой гвардіи. Далѣе былъ герцогъ Тревизскій*) съ небольшой артиллеріей и молодой гвардіей, бывшей еще въ добромъ порядкѣ. Въ

*) Мортье. П. Б.

самую минуту выступленія, неизвѣстно откуда взявшаяся толпа отсталыхъ ринулась въ середину рядовъ и побѣжала, надѣясь догнать переднихъ. Они пробѣгали среди самаго нашего главнаго штаба, и такъ великъ былъ страхъ, внушаемый казаками, показавшимися близъ шоссе, что они не обращали больше вниманія ни на маршаловъ, ни на князя Невшательскаго, ни на кого бы то ни было въ свитѣ. Очень скоро они возвратились съ величайшей поспѣшностью. Отрядъ казаковъ заскакалъ впередъ по дорогѣ и, какъ казалось, собирался защищать ее. Императоръ приказываетъ остановиться; онъ ставитъ гвардію въ боевой порядокъ, отряжаетъ направо всю кавалерію, чтобы прикрывать ее и чтобы угрожать нѣсколькимъ сотнямъ (qulques pulks) казаковъ, показавшимся тамъ, и дѣлаетъ общее движеніе въ ту сторону. Внезапно непріятель открываетъ на лѣвой сторонѣ батарею, которая была скрыта на разстояніи двухъ третей выстрѣла, и посылаетъ на насъ часть кавалеріи съ того же фланга; въ тоже время казаки видны справа и съ фронта и атакуютъ насъ съ тылу по шоссе. Императоръ тотчасъ же измѣняетъ фронтъ боя, бросаетъ молодую гвардію и тяжелую кавалерію направо, чтобы удерживать Русскихъ съ этой стороны, покидаетъ на дорогѣ отсталыхъ (которые по своему числу казались сильнымъ корпусомъ), посылаетъ подкрѣпленіе къ заднимъ войскамъ, а самъ со старой гвардіей устремляется налѣво. По сигналу офицеры собираются и образуютъ кругъ. «Господа, говоритъ императоръ, будь вы иные люди, будь вы сыны иного народа, я, можетъ быть, постарался бы разными способами возбудить вашу храбрость, или скрыть отъ васъ опасность. Но вы—Французы. Взгляните же на наше положеніе. Не мнѣ надо служить! Надо спасать насъ всѣхъ, спасать имперію, Францію! Опасность равно грозитъ всѣмъ намъ; соединимся всѣ, чтобы преодолѣть ее. И такъ, господа, помните, что благо всѣхъ есть благо каждаго изъ насъ!» Офицеры возвращаются въ ряды, батальоны строятся въ линію, движеніе начинается, колонна устремляется впередъ, готовая вступить въ дѣло. Кольберъ, призванный съ своими уланами, и Лефевръ Денуэттъ съ остатками легкой кавалеріи ударяютъ въ непріятеля и разсѣеваютъ его. Между тѣмъ Русскія батареи продолжаютъ насъ громить ядрами. Ихъ постоянной мишенью былъ императоръ, котораго они тотчасъ хорошо узнали; выстрѣлы назначались для него. Онъ видѣлъ это, но спокойно и невозмутимо, съ тростью въ одной рукѣ и съ подзорной трубкой въ другой, внимательно наблюдалъ и направлялъ движенія съ дѣйствительно замѣчательнымъ хладнокровіемъ. — Государь, говорилъ ему князь Невшательскій, ваше величество здѣсь на слишкомъ открытомъ мѣстѣ; слѣдуетъ вамъ уйти отсюда.—«Ба, ба, возразилъ онъ, уже давно ни одной пули не пролетало у меня между ногъ; хочу посмотрѣть,

узнают ли они меня попрежнему». Онъ говоритъ, а повторяющійся свистъ вокругъ насъ и выстрѣлы, съ каждымъ мгновеніемъ направляемые все вѣрнѣе, доказывали только, какъ правы мы были, опасаясь за него. Я стоялъ по лѣвую руку князя Невшательскаго, предъ гренадерскими офицерами.—«Отойдите отсюда, сказалъ мнѣ князь, вы мѣшаете дѣлать распоряженія».—Но, монсиньёръ, возразилъ я, куда же мнѣ дѣться?—«Вотъ сюда, по мою правую руку». Я повиновался и перешелъ на правую сторону. Одинъ изъ батальонныхъ командировъ перваго полка бросается на мое мѣсто, чтобы принять приказаніе, но, не успѣвши еще дослушать его, вдругъ падаетъ, пораженный пулей. Но намъ уже удалось установить наши батареи; ихъ залпы заставили замолчать непріятельскія, атаки кавалеріи были удачны; стоявшіе передъ нами казаки стали опасаться, что они окажутся отрѣзаны справа и слѣва, и по всѣмъ видимостямъ готовились отступить; путь былъ открытъ.—«Мортье, сказалъ императоръ герцогу Тревизскому, теперь это ваше дѣло: прогоните мнѣ тотъ народъ». При этомъ онъ подалъ сигналъ къ выступленію, и мы двинулись на ночлегъ къ Синжаки.

День подъ Краснымъ былъ предисловіемъ и какъ бы предвѣстникомъ Березинскаго дня. Потери, понесенныя нами 17-го и 18-го числа въ людяхъ, въ артиллеріи и въ лошадяхъ, были очень тяжелы. Здѣсь была взята у насъ почти треть нашихъ повозокъ, здѣсь походная казна потеряла два милліона золотомъ, а одинъ фургонъ съ трофеями затонулъ. Здѣсь вице-король положилъ также часть лучшихъ своихъ войскъ, истребленныхъ при неожиданномъ нападеніи и въ кровавой схваткѣ, послѣдовавшей затѣмъ. Здѣсь, наконецъ, погибла значительная часть молодой гвардіи, съ которой герцогъ Тревизскій въ продолженіе цѣлаго дня выдерживалъ натискъ непріятеля, чтобы не выпустить изъ нашихъ рукъ Красное и сохранить намъ сношенія между различными частями арміи.

Можетъ быть, стóятъ нѣкотораго вниманія та бодрость и веселость, которыя сохранялись среди насъ почти во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Мы испытали, и каждый день продолжали ихъ испытывать, жестокія лишенія и такія бѣдствія, которыхъ никакъ не могли предвидѣть. Недавно еще столь блестящее положеніе наше со дня на день становилось все печальнѣе. Бѣды казались намъ необходимой дорогой къ удачѣ; не имѣя возможности жить настоящимъ, мы жили мечтами въ будущемъ. Пока въ душѣ тлѣетъ надежда, въ сердцѣ есть и веселость; большинство изъ насъ долго не теряло ни той, ни другой. Я не хочу сказать, чтобы эти два свойства всегда оставались на одной и той же степени, чтобъ они не подвергались разнымъ перемѣнамъ; но въ продолженіе всего этого долгаго отступленія ни одно событіе, какъ бы оно ни было грустно и безнадежно, не прошло безъ

того, чтобы у кого-нибудь не нашлось остраго словца, забавнаго анекдота или веселой книжки. Можетъ быть, къ обычному представленію о характерѣ Французовъ, прибавитъ лишнюю черточку слѣдующій разсказъ. Въ день Березинскаго боя, въ то самое время, когда всѣмъ казалось, что возвращеніе во Францію намъ отрѣзано, въ отчаяннѣйшемъ положеніи, въ какомъ только случалось бывать войску, окруженные со всѣхъ сторонъ, безъ оружія, безъ средствъ къ жизни и безъ возможности обороняться, мы мирно читали, почти подъ самымъ непріятельскимъ огнемъ, нѣсколько пѣсень одной знаменитой поэмы и, смѣясь, давали другъ другу обѣщаніе жить какъ добрые христіане, если когда-нибудь суждено намъ будетъ вновь увидать родину.

Императоръ подъ Краснымъ слишкомъ ясно почувствовалъ, до какого зла дошло нарушеніе дисциплины и порядка. 19-го Ноября издалъ онъ приказъ въ этомъ духѣ, и въ теченіе всего этого дня армія, или, по крайней мѣрѣ, боевой корпусъ, представляла собою зрѣлище грозное и внушительное. Мы шли по большой дорогѣ, ведущей изъ Смоленска въ Вильну черезъ Минскъ. До Толочина (Tolotczin) она старательно обсажена въ два ряда деревьями. Внѣ дороги, по правую и лѣвую сторону, шла кавалерія, на которой лежала забота прикрывать насъ. Передъ нами шли два батальона пѣхоты съ двумя орудіями, образуя обычный авангардъ, всякимъ войскомъ выставляемый впереди себя; непосредственно за нимъ ѣхали императорская карета, карета князя Невшательскаго, какъ старшаго генерала и карета графа Дарю, главнаго интенданта арміи; всѣ остальныя были перемѣщены назадъ. За авангардомъ слѣдовалъ боевой корпусъ; во главѣ шелъ императоръ одинъ; за нимъ слѣдовали старшій генералъ и главный интендантъ, которые шли вмѣстѣ, и герцогъ Фріуль, великій маршалъ императорскаго двора, шедшій за своими санями. Герцогъ Венсенскій, великій шталмейстеръ, впереди сопровождалъ карету. Еще дальше шелъ маршалъ герцогъ Данцигскій, командующій гвардіей, съ обнаженной шпагой въ рукѣ; гвардія шла за нимъ, выравнявшись какъ въ дни парада. Солдаты, вновь подчиненные дисциплинѣ, маршировали правильнымъ строемъ въ образцовомъ порядкѣ. Однообразный и ровный шагъ словно сливалъ воедино множество разнообразныхъ движеній, и глубокое молчаніе, царившее надъ этой необъятной толпой, нарушалось только отрывистыми и твердыми криками команды; въ опредѣленные промежутки времени офицеры повторяли команду по рядамъ, и отъ гвардіи она переходила послѣдовательно ко всѣмъ шедшимъ сзади частямъ войскъ. Непріятель наблюдалъ за нами издали, но наше спокойное и мѣрное движеніе производило на него такое впечатлѣніе, что въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ не тревожилъ насъ. И дѣйствительно, невозможно было отдѣлаться отъ особаго вол-

ненія, созерцая это новое зрѣлище. Казалось, что вся армія была единымъ тѣломъ, и то было уже не отступленіе, а добровольный и самоувѣренный маршъ; то была уже не толпа людей, потерявшихъ всякую надежду, разобщенныхъ между собой, доведенныхъ отъ всякихъ лишеній до унынія; нѣтъ! Это были доблестные воины, подчиненные строжайшей дисциплинѣ, подъ начальствомъ искуснѣйшаго изъ вождей. Но самая эта дисциплина стала казаться слишкомъ тяжелой для офицеровъ; тѣ, которые должны бы были хранить ее, первые начали ослаблять ее; весь этотъ прекрасный порядокъ вдругъ исчезъ, и мы вернулись къ тому же самому злу, котораго попытались избѣгнуть.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за Синжакомъ уже выходишь изъ собственной Россіи и попадаешь въ Бѣлорусскія области, присоединенныя къ имперіи царей не больше столѣтія. Первая деревня, встрѣчающаяся въ этомъ направленіи, это Ляды (Ljady); туда мы пришли въ жестокій морозъ. Дорога идетъ здѣсь вдоль маленькой рѣчки, опоясывающей деревню; небрежность, издавна господствовавшая въ этой отрасли общественнаго управленія, привела къ тому, что путь былъ перерѣзанъ крутымъ спускомъ, въ пять или шесть футовъ. Покрывавшая его гололедица, снѣгъ и ледъ, дѣлали проходъ болѣе чѣмъ затруднительнымъ. Сначала подошелъ легкій обозъ, потомъ артиллерія; всѣ лошади попадали, люди испытали такое же приключеніе, и это мѣсто задержало наше движеніе часа на три или четыре. Я разсказываю только это незначительное само по себѣ происшествіе лишь затѣмъ, чтобы показать, какъ много разныхъ обстоятельствъ, издали кажущихся самыми пустыми, могли пріобрѣсти роковое значеніе въ томъ положеніи, въ какомъ мы находились.

Ляды были для насъ какъ бы убѣжищемъ, и одно время казалось, что судьба наша съ минуты нашего прибытія нѣсколько улучшилась. Со времени Смоленска деньги совершенно утратили для насъ цѣну, и по правдѣ сказать, это далеко не въ малой степени изумляло насъ. Образованный человѣкъ можетъ очутиться въ полуварварскомъ состояніи, дѣти Юга могутъ быть заброшены въ сѣверные льды; люди, воспитанные въ богатствѣ и могуществѣ, могутъ впасть въ бѣдность и несчастье: они не предвидѣли этого, но могли все это представить себѣ. Сердце ихъ страждетъ, но умъ ихъ не изумленъ; обладая бодростью, они не теряютъ надежды; имѣя деньги, они ищутъ средствъ, какъ бы выйти изъ затруднительнаго положенія. Но вдругъ наступаетъ такое положеніе, что деньги оказываются лишенными власти, условные знаки потерявшими свою цѣну; съ поясомъ, набитымъ монетами, приходится умирать отъ нужды и голода; солдатъ, идущій рядомъ съ вами, не обращаетъ вниманія на предлагаемый ему кошелекъ; крестьянинъ, которому протягиваете вы другой, такимъ же образомъ

отвергаетъ его, и этотъ человѣкъ, лишенный всего на свѣтѣ, предпочитаетъ свой черный хлѣбъ и полусвареный картофель, которымъ питается, всему этому золоту, обезпечивающему надолго ему довольство. Все это нарушаетъ всякіе расчеты, путаетъ всѣ соображенія, короче сказать, доводитъ до отчаянья, потому что извращаетъ всѣ понятія, и именно такимъ образомъ шли мы до Лядъ.

Эта деревня была первой, гдѣ мы нашли нѣсколько человѣкъ жителей, правда, очень разсѣянныхъ, очень перепуганныхъ, но настолько бодрыхъ и разсудительныхъ, чтобы не разбираться при нашемъ приходѣ, ждать насъ и предпочесть дурное обращеніе въ теченіе пятишести дней поджогу своихъ собственныхъ жилищъ. Откуда-то вынырнули Жиды, а съ ними появились всѣ потребности жизни. Въ Россіи имъ запрещено жить; но едва мы вступили въ дозволенныя имъ мѣстности, какъ они предстали предъ нами, исполненные какимъ-то особымъ рвеніемъ, а довольно значительныя денежныя пожертвованія побудили ихъ употребить въ нашу пользу всю ихъ оживленную торговую дѣятельность и всѣ средства, которыми они могли располагать.

Въ Лядахъ долженъ былъ прекратиться также и пожаръ, истреблявшій по нашему пути города и деревни. Императоръ, возмущенный сожженіемъ Москвы, приказалъ поступать подобнымъ же образомъ со всѣми Русскими поселеніями. До самаго того времени, какъ мы вернулись въ Бѣлоруссію, приказъ выполнялся съ такимъ усердіемъ, извинить которое могутъ только суровые морозы. Въ Бѣлоруссіи императоръ прекратилъ это опустошеніе и издавалъ приказы, что въ будущемъ подобныя неистовства будутъ наказываться. Къ сожалѣнію, эти приказы не выполнялись.

Въ Ляды и въ слѣдующія за ними Росіены мы пришли въ жестокій морозъ. Внезапно наставшая оттепель дала намъ понятіе о пыткѣ иного рода. Снѣгъ, какъ шедшій непрерывно съ неба, такъ и покрывавшій землю, превращался въ воду; земля растворялась; густая грязь, размѣшанная шагами громадной толпы, въ концѣ концовъ сдѣлала путь какъ бы совершенно непроходимымъ. Такъ погибло много лошадей, оставлено много повозокъ, брошено много орудій; всѣ тѣ, кто по благоразумію положили свои экипажи на полозья, потеряли сразу и то, что они везли и то, на чемъ везли.

Мы остановились въ девяти миляхъ отъ Дубровны. Я въѣхалъ туда рано поутру и нашелъ тамъ кое-какіе остатки Витебскаго гарнизона и нѣсколько человѣкъ чиновниковъ, бѣжавшихъ сюда.—«Господа, сказалъ я имъ, я болѣе ничего для васъ не значу и ничего не могу для васъ сдѣлать. Теперь у насъ все стало общимъ и надежда, и опасность; будемъ же помогать другъ другу и постараемся спастись. У меня есть еще пятьсотъ рублей; если вамъ нужно, подѣ-

лимтесь; вотъ все, что́ я могу сдѣлать». Почти всѣ отказались, и съ тѣхъ поръ вновь пришлось мнѣ увидать лишь шесть человѣкъ изо всѣхъ тѣхъ, которые составляли когда-то многочисленный кругъ служащихъ въ обширной странѣ *)

Императоръ во все время отступленія находилъ нужнымъ съ особой твердостью сопротивляться просьбамъ и убѣжденіямъ окружающихъ. Какъ только попадалось намъ удобное мѣсто отдыха, менѣе другихъ опустошенная деревня, болѣе значительный складъ припасовъ, у насъ у всѣхъ тотчасъ являлось желаніе остаться тамъ. «Одинъ денёкъ, говорили мы, это такъ немного—одинъ день! А мы такъ устали и такъ многое перенесли!» Переходя изъ устъ въ уста, эти слова достигали, наконецъ, до императора. «Господа! отвѣчалъ онъ, одинъ день—это очень много. Нельзя останавливаться. Идемте!» Случалось, что онъ шелъ первымъ во главѣ всѣхъ насъ. Жестокій опытъ слишкомъ хорошо показалъ ему, сколько бѣдствій можетъ принести одинъ день промедленія, и онъ пользовался этимъ дорого доставшимся знаніемъ.

А сколько причинъ было у насъ торопиться! Кутузовъ гнался за нами, постоянно тревожилъ нашъ арьергардъ и каждый день дѣлалъ новые попытки остановить насъ. На правомъ крылѣ арміи графъ Витгенштейнъ, заперевъ подъ Сіенной маршала Гувіона, готовился обрушиться на насъ. Съ лѣвой стороны надвигался черезъ Бобруйскъ адмиралъ Чичаговъ, которому князь Шварценбергъ не посмѣлъ загородить дорогу. Витебскъ и Смоленскъ были въ рукахъ непріятеля; Минскъ и Могилевъ со дня на день должны были попасть въ его власть. Вся дорога была усѣяна партизанами и казаками. Морозы усиливались съ страшной быстротой. Потери наши росли съ каждымъ днемъ... А мы хотѣли остановиться! А мы помышляли о тихомъ отдыхѣ при холодѣ, неслыханномъ даже и въ здѣшнихъ странахъ, при полномъ отсутствіи съѣстныхъ и военныхъ припасовъ!

Послѣ Дубровны мы пришли въ Оршу. Это маленькій, довольно цвѣтущій городокъ на Днѣпрѣ, гдѣ есть іезуитская коллегія; Украинскимъ купцамъ она служитъ складочнымъ мѣстомъ. Прибывъ туда, мы вообразили себя спасенными. Послѣ Москвы все время одна надежда

---

*) Мы нашли въ Дубровнѣ даже вино; у насъ оказалась хорошая комната съ окнами, деревянныя доски для спанья и печь, чтобы согрѣть воздухъ. Мы пророчили себѣ одну изъ прекраснѣйшихъ ночей, какія только бывали у насъ за долгое время. Но въ пять часовъ послышались ужасные крики, а прискорбное: „ура! ура!“ объяснило намъ точно, въ чемъ было дѣло. Въ одно мгновеніе всѣ были на ногахъ, и гвардія взялась за оружіе. Перестрѣлка длилась съ полчаса, а затѣмъ казаки удалились вмѣстѣ съ небольшимъ отрядомъ пѣхоты, который былъ съ ними, чтобы поддерживать ихъ. Намъ очень хотѣлось вернуться въ городъ, но императоръ уже всталъ и послѣ немногихъ возраженій, какія можно было ему сдѣлать, отдалъ приказъ къ выступленію.

смѣнялась другой, и мы въ каждомъ городѣ, къ которому подходили, уповали найти отдыхъ и безопасность. Гжатскъ, Вязьма, Смоленскъ, Орша являлись послѣдовательно цѣлью и предѣломъ всѣхъ усилій. Это, между прочимъ, немало способствовало тому, чтобы такъ долго поддерживать въ насъ твердость духа, необходимую въ нашемъ положеніи.

Наконецъ, мы перешли въ Оршѣ въ послѣдній разъ черезъ Днѣпръ, и каждый изъ насъ радостнымъ крикомъ привѣтствовалъ тотъ другой берегъ, на которомъ (въ томъ мы не сомнѣвались) насъ уже не будутъ преслѣдовать. «Немало рѣкъ переходилъ я въ моей жизни, говорилъ генералъ Дюма, главный интендантъ арміи, сорокъ лѣтъ служившій въ Гудзоновомъ заливѣ и на Коромандельскомъ берегу, подъ стѣнами Москвы и Александріи, въ Мадридѣ и Берлинѣ, въ Лондонѣ и Вѣнѣ, немало рѣкъ переходилъ я въ моей жизни, но ни одну изъ нихъ не переходилъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ эту». Днѣпръ въ самомъ дѣлѣ казался естественной гранью между Россіей и Польшой, и мы надѣялись, что онъ остановитъ усилія непріятеля и ярость его преслѣдованія. Случилось не совсѣмъ такъ.

Императору довелось проѣхать сквозь множество лошадей и повозокъ, толпившихся во главѣ войсковыхъ колоннъ, и онъ съ негодованіемъ разсматривалъ пушки и зарядные ящики, брошенные за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, тогда какъ цѣлая толпа бездѣльниковъ и отбившихся отъ рядовъ солдатъ беззастѣнчиво гарцовала на краденыхъ лошадяхъ. При въѣздѣ въ Оршу онъ сталъ у самого входа на мостъ и съ тростью въ рукѣ, въ продолженіе двухъ часовъ, выполнялъ обязанности главнаго вагенмейстера. Повозки въѣзжали на мостъ одна за другой; онъ спрашивалъ у каждой, чья она, силой своей невѣроятной памяти удерживалъ въ головѣ число, сколько кому ихъ принадлежитъ, пропускалъ одни изъ нихъ, а другія останавливалъ, приказывалъ жечь, а лошадей отъ нихъ отдавать артиллеріи. Маршаламъ было предоставлено двѣ повозки, главнымъ офицерамъ по одной, князю Невшательскому шесть, и въ этомъ же родѣ другимъ. Кто имѣлъ право ѣхать верхомъ, удерживалъ за собой лошадь, другіе же должны были уступить ее и идти пѣшкомъ. Если бы такой пересмотръ былъ доведенъ до конца съ неизмѣннымъ рвеніемъ, у артиллеріи оказалось бы почти достаточное число лошадей. Но по прошествіи двухъ часовъ императору надоѣло это занятіе, и онъ ушелъ, передавъ свое мѣсто князю Невшательскому; тому его новая должность надоѣла еще скорѣе. Переходя отъ одного къ другому по нисходящимъ ступенямъ, обязанность эта была наконецъ поручена простому офицеру генеральнаго штаба; тутъ настала ночь, и всѣ желающіе проѣхали безъ затрудненія. Безпорядокъ начался вновь.

Въ Оршѣ мы нашли нѣкоторые запасы. Тамъ была собрана кое-какая живность и устроены магазины, стараніями Португальскаго маркиза д'Алорна, одного изъ потомковъ Браганцскаго дома. Онъ былъ сторонникомъ революціи въ своей странѣ. Человѣкъ знатнаго рода, умный, благородный, онъ прожилъ безъ блеска, прошелъ въ мірѣ безъ славы и умеръ жалкимъ образомъ, ибо никогда не приходилось ему выполнять обязанности, соотвѣтствующія его рѣдкимъ дарованіямъ. Въ то время онъ былъ губернаторомъ Могилевской области; его любили мѣстные жители, обожали солдаты, и онъ былъ на виду у императора. Онъ присоединился къ нашему походу. Представитель Лиссабонскихъ державцевъ умеръ подъ Эльбингомъ за чужого государя.

Послѣ нашего выступленія изъ Смоленска, особенно же послѣ Краснаго, императора мучило вполнѣ понятное безпокойство. Герцогъ Эльхингенъ, который велъ нашъ арьергардъ, находился въ очень большомъ разстояніи отъ насъ; сообщенія съ нимъ были прерваны, и было слишкомъ много причинъ опасаться, что его уже ослабшее войско болѣе не въ силахъ противустоять постояннымъ натискамъ непріятеля. Внезапно въ Оршу прибылъ офицеръ съ сообщеніемъ, что маршалъ идетъ за нимъ слѣдомъ. Цѣлый рядъ блестящихъ и искусныхъ маневровъ, кровавыя битвы и удачныя стычки дали ему возможность пробиться. Десять разъ переходилъ онъ черезъ Днѣпръ, шелъ безъ отдыха, бился безпрестанно въ теченіе дня, пятнадцать часовъ сряду и на протяженіи переходовъ въ двадцать миль. На всѣ стороны его войско было обращено фронтомъ; когда онъ не могъ побѣдить, онъ обманывалъ врага, офицеровъ ободрялъ обѣщаніями, солдатъ примѣромъ; всегда, среди самыхъ жестокихъ лишеній, сохранялъ онъ силу духа, мужество, твердую волю. Онъ догонялъ насъ съ шестью тысячью человѣкъ, изнемогавшихъ отъ голода, холода и усталости, нуждавшихся во всемъ, не имѣвшихъ даже оружія, чтобы обороняться, и все же, наконецъ, онъ догналъ насъ. Императоръ былъ сердечно обрадованъ, увидавъ его вновь, и громко сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ пожертвовалъ бы провинціей, чтобы только сохранить его. Герцогъ не былъ добрымъ человѣкомъ, но онъ былъ способнымъ и знающимъ; его возвращеніе возбудило чувство удовлетворенія во всей арміи. Подобные люди служатъ хорошо, но имъ удается добиться только *уваженія.* Часто они даютъ доказательства своей даровитости, выказываютъ храбрость, проявляютъ иногда и силу духа; чего же имъ недостаетъ? Повидимому, очень немногаго; но это немногое есть то величіе, которое создаетъ славу, которое даетъ ее, привлекаетъ, заслуживаетъ.

Изъ Орши мы направились черезъ Бавани, Лолочевское и Кокановъ на Минскую дорогу. Это одна изъ красивѣйшихъ дорогъ, какія только я видѣлъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ то былъ одинъ изъ печальнѣйшихъ переходовъ. Часовъ въ пять или шесть утра, еще темной ночью, при жестокомъ морозѣ, нужно намъ было покидать свой костеръ или свою хижину и опять пускаться въ походъ. Глубокій мракъ, окружавшій насъ, снѣгъ, засыпавшій намъ головы, оледѣнѣлая почва, по которой скользили наши ноги, потребность въ пищѣ, возрождающаяся съ новой силой въ мигъ пробужденія, наконецъ, общее изнуреніе каждаго изъ насъ, неувѣренность въ томъ, что̀ насъ ожидаетъ и увѣренность въ рядѣ страданій, избѣжать которыхъ намъ было невозможно, все это вмѣстѣ взятое вливало въ душу такое отчаянье, изобразить которое я не умѣю. Выносить его было ужасно, но было бы мучительно и пересказывать его. Цѣлымъ роемъ возникали воспоминанія юности и счастья. Воспоминанія эти были горьки какъ все, что̀ отрѣшено отъ надежды. Милые образы представлялись нашему уму только какъ погибшія слишкомъ рано мечты давней юности, отнынѣ не имѣющей будущаго, и наше сердце сжималось больнѣе при мысли о прошломъ счастьѣ, чѣмъ при созерцаніи окружающихъ бѣдствій. Понемногу однако эти горестныя впечатлѣнія ослабѣвали. День разсвѣталъ, вставало и для насъ солнце, какъ будто согрѣвая и душу, какъ тѣло; путь становился нѣсколько болѣе свободнымъ, случай доставлялъ намъ какое нибудь пропитаніе, силы наши немного оживали, съ силами возвращалась къ намъ бодрость, съ бодростью—надежда. Тогда въ нашихъ размышленіяхъ вновь появлялась нѣжность, въ своихъ сожалѣніяхъ мы находили и утѣшеніе. Мы натягивали крѣпче въ своей мысли тѣ связи, которыя соединяли насъ съ жизнью, и когда послѣ часа или двухъ такихъ мечтаній, на какой-нибудь покатости мы сталкивались одинъ съ другимъ, то говорили охотно о прошломъ и даже о будущемъ, чтобы только не говорить о настоящемъ. Мы пересказывали другъ другу подробности и приключенія похода, и здѣсь-то собралъ я свѣдѣнія о пребываніи императора въ Москвѣ и о началѣ отступленія, которыя и попытаюсь изложить теперь.

*

Взятіе Смоленска распространило среди Русскихъ родъ ужаса. Ихъ главнокомандующій г. де-Толли предпринялъ отступленіе. Князь Кутузовъ, его преемникъ, измѣнилъ планъ кампаніи, и къ этому времени можно было бы отнести начало тѣхъ пріемовъ обороны, которыя, заманивая впередъ, противополагали непріятелю естественныя препоны.

Армія вошла въ святой городъ 14 Сентября вечеромъ, почти не встрѣтивъ сопротивленія. Можно понять, съ какой радостью вступали солдаты въ этотъ большой и богатый городъ, гдѣ можно было отдохнуть отъ всей усталости послѣ такихъ трудовъ и долгихъ лишеній. Не смотря на то, первое время царилъ образцовый порядокъ. Король Неаполитанскій прошелъ съ авангардомъ черезъ городъ, не причинивъ ему ни малѣйшаго ущерба. Затѣмъ прибылъ императоръ съ гвардіей и въѣхалъ въ городъ верхомъ. Улицы были безлюдны, дома покинуты жителями. Онъ былъ пораженъ этой пустынностью и спросилъ, позаботились ли образовать муниципальное управленіе. Генералъ Дюма̀ отвѣчалъ отрицательно. Тогда императоръ приказалъ позвать человѣка, котораго онъ замѣтилъ въ окнѣ: то былъ Нѣмецъ-аптекарь, явившійся дрожа всѣмъ тѣломъ. Императоръ спросилъ у него, какъ удобнѣе всего воспользоваться громадными запасами Москвы, особенно же пожелалъ узнать, неужели не осталось никого, кому можно было бы поручить заботы по муниципальному управленію. Нѣмецъ отвѣчалъ на вопросы этого рода довольно неопредѣленно, и императоръ приказалъ генералу Дюма̀ отобрать отъ этого человѣка всѣ свѣдѣнія, какія только можно отъ него узнать, и въ тотъ же вечеръ принести ему для подписи бумагу объ устройствѣ Московскаго муниципалитета.

Насталъ вечеръ, но генералъ Дюма̀ не принесъ ничего. Онъ сообщилъ, что тѣ изъ сколько нибудь выдающихся мѣстныхъ жителей, которые остались въ городѣ, съ упорствомъ отказывались какъ бы то ни было приспособляться къ обстоятельствамъ и заявляли, что предпочтутъ прямой грабежъ грабежу организованному. Императоръ потерялъ терпѣніе; давно уже онъ съ трудомъ удерживалъ армію, жаждувшую добычи, и теперь онъ уступилъ ея желанію. Съ жаждою золота, вина, мѣховъ солдаты разсыпались по всѣмъ направленіямъ. Начался грабежъ, а часа черезъ два за нимъ послѣдовалъ пожаръ. Растопчинъ приготовилъ для него все, но далъ исполнителямъ своей воли приказаніе зажигать огонь только тогда, когда городъ будетъ преданъ въ руки солдатъ. Варварское это приказаніе было выполнено въ точности, и въ одинъ мигъ океанъ пламени окружилъ и тѣхъ изъ мѣстныхъ жителей, у которыхъ достало духу остаться на родномъ пепелищѣ, и нашихъ солдатъ, и офицеровъ, располагавшихъ мирно пользоваться болѣе удобными условіями жизни. Въ продолженіе пятнадцати часовъ каждому изъ нихъ раза два или три приходилось перемѣнять квартиру, ходить изъ дома въ домъ, ища убѣжища. Это великое бѣдствіе началось среди ночи и нигдѣ не встрѣтило себѣ противодѣйствія. Императоръ, помѣстившійся въ Кремлѣ, былъ тамъ окру-

женъ пламенемъ и спасся съ трудомъ. Сначала онъ удалился въ Петровское (à Péterskoë), и всѣ бывшіе съ нимъ должны были пробираться по огненной улицѣ. Петровское предмѣстье по которому надо было пройти, было все въ огнѣ, и вывезти экипажи было не легко.

Одно время огонь какъ будто утихъ, но тотчасъ возобновился съ новой силой. Наконецъ онъ погасъ, и тогда можно было воспользоваться тѣми запасами, какіе Москва заключала въ себѣ. Запасы эти были громадны; сахарные заводы, особые склады съѣстныхъ припасовъ, запасы, заготовленные на зиму во всѣхъ частныхъ домахъ, Калужская мука, водка и вино изо всей страны, суконные, полотняные и мѣховые магазины—все это обезпечивало снабженіе арміи, навѣрное, еще на шесть мѣсяцевъ. Но дурное управленіе расточило все въ одно мгновеніе. Генералъ Дюма̀, главный интендантъ арміи, былъ изнуренъ болѣзнью и направлялъ ходъ этой громадной машины дрожащей рукой. Алчность воспользовалась слабостью; гибельное отсутствіе порядка вызвало новый грабежъ, который если и былъ менѣе яростнымъ, чѣмъ предыдущій, все же оказался не менѣе злополучнымъ. Головы сахару, цибики чаю, бутылки вина выбрасывались какъ попало на улицу. Каждый офицеръ поручалъ своимъ солдатамъ сдѣлать запасы для него лично; каждый генералъ посылалъ какого нибудь офицера грабить и на его долю. Вездѣ вмѣсто разумнаго пользованія явились губительныя злоупотребленія, и черезъ одинъ мѣсяцъ Москву уже необходимо было намъ очистить, хотя бы ради одного наступившаго недостатка въ припасахъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ упомянуть, что эти разграбленные запасы, сваленные на частныя повозки, инымъ изъ насъ дали возможность спасти свою жизнь при отступленіи. Многіе изъ насъ у Березины были слишкомъ счастливы, если имъ удавалось сыскать для поддержанія своихъ силъ кусокъ Московскаго сахару и выпить хоть немного Московскаго кофе.

Изъ грабежей оказался самымъ полезнымъ (если дозволено будетъ употребить это слово) грабежъ мѣховъ. Несомнѣнно, немало драгоцѣнныхъ мѣховъ было потеряно по пути, но за то многимъ достались болѣе или менѣе удобныя шубы, спасшія имъ жизнь. Довольно забавное зрѣлище являло въ нашемъ походѣ это соединеніе новой одежды съ прежнимъ костюмомъ. Тамъ на каскѣ кирасира была надѣта муфта, здѣсь гренадерская форма выглядывала изъ подъ шубы съ шелковой розовой подкладкой, подальше офицеръ завертывалъ свой шитый золотомъ мундиръ въ едва обдѣланную шкуру съ мѣхомъ.

Императоръ назначилъ герцога Тревизскаго Московскимъ губернаторомъ. Г. Лессепсъ, бывшій прежде Французскимъ генеральнымъ консуломъ, былъ сдѣланъ интендантомъ, и одной изъ первыхъ заботъ

новаго управленія, послѣ учрежденія муниципалитета, было распредѣленіе помощи, предоставленной императоромъ оставшимся въ Москвѣ Французамъ.

Въ это время наши войска еще подвигались впередъ; одни шли по Калужской дорогѣ, другія по Тверской. Король Неаполитанскій, командовавшій первыми, имѣлъ нѣсколько авангардныхъ дѣлъ съ непріятелемъ. Его пораженіе на этомъ театрѣ войны было неважной неудачей; но его знали хорошо, и гораздо больше боялись его дерзкой храбрости, чѣмъ его благоразумія. Старались вовсе не побѣдить его, а обмануть. Ему были предложены разныя мирныя предложенія, и онъ пошелъ на эту уловку. Онъ убѣдилъ императора въ томъ, во тчо самъ вѣрилъ, что онъ можетъ заключить нѣкій договоръ, будто бы желаемый непріятелемъ, и оба тратили драгоцѣнное время на пустые переговоры. Короля увлекъ блескъ той роли, которую онъ могъ сыграть въ этомъ дѣлѣ, и льстивыя похвалы, намѣренно расточаемыя ему тѣми изъ Русскихъ, которые говорили съ нимъ. Императоръ, опьяненный успѣхами, гордясь тѣмъ, что онъ помѣчаетъ Москвой приказы по внутреннему управленію имперіей, привыкшій предписывать условія мира въ непріятельскихъ столицахъ, хотѣлъ и тутъ идти своимъ обычнымъ путемъ. Онъ воображалъ, что въ Москвѣ еще изобиліе припасовъ всякаго рода, а генералъ Дюма изъ страха скрывалъ отъ него грозящую нужду. Онъ воображалъ, что другіе корпуса арміи свободно выполняли всѣ предписанныя имъ движенія, а князь Невшательскій по душевной слабости не говорилъ ему ни о медлительности Шварценберга, ни о промахахъ герцога Беллюна, ни о битвахъ Гувіона. Онъ воображалъ, что враги разсыпались передъ нимъ во всѣ стороны, что силы ихъ уничтожены и всѣ надежды погибли, а Лелорнь-д'Идевиль, нашъ сотоварищъ, секретарь-переводчикъ, который долженъ былъ знать Россію, гдѣ онъ жилъ, и Русскихъ, чей языкъ онъ понималъ, изъ ложнаго честолюбія повторялъ ему, что казачество составляетъ не больше двухъ полковъ, что сильные морозы наступятъ еще очень нескоро, что Русская печать наполнена упреками, обращенными къ Александру, и что Петербургскій Сенатъ на колѣняхъ молилъ его о мирѣ.

Всѣ эти блестящія мечтанія разсыпались прахомъ въ одно мгновеніе. Непріятели видѣли, что зимніе холода наступаютъ; черезъ многочисленныхъ шпіоновъ они знали, что запасы наши пришли къ концу; и вотъ внезапно они прервали тѣ полу-переговоры, которымъ такъ трудно было довѣрять, и вынужденное знакомство съ запасомъ тѣхъ средствъ, которыми могла располагать армія, показало наконецъ императору, что должно выступать. Было уже слишкомъ поздно, что-

бы сдѣлать это успѣшно; но какъ бы то ни было, а выступать было необходимо. Отряды, посланные на Тверь и Тулу, возвратились къ главному ядру арміи, авангарды были подняты и перемѣнили направленіе; вице-король оказался въ авангардѣ и направился по Калужской дорогѣ къ Боровску; герцогъ Эльхингенъ двинулся на Кубинку (Kubjiskoë) и Можайскъ; императоръ съ гвардіей шелъ слѣдомъ за вице-королемъ, а герцогъ Тревизскій остался въ Москвѣ, съ приказомъ взорвать Кремль и затѣмъ очистить позицію, которая потеряла свое значеніе и защищать которую было совершенно невозможно.

Выступленіе изъ Москвы было похоже на тріумфъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлась добыча побѣдителей; гордость, какую они ощущали, унося всѣ эти вещи, можетъ быть, превышала самое удовольствіе владѣть ими. Обозъ главной квартиры составлялъ тогда болѣе десяти тысячъ повозокъ. Все это множество экипажей было исключительно взято въ Москвѣ, гдѣ въ каждомъ домѣ ихъ было по нѣскольку. У каждаго солдата была поклажа, у каждаго офицера фургонъ, или дрожки (droski), или телѣга (wursk), или коляска, или берлинъ, запряженные болѣе или менѣе значительнымъ числомъ лошадей. Въ этихъ повозкахъ были напиханы какъ попало мѣха, сахаръ, чай, книги, картины, актрисы Московскаго театра... Всѣ предметы, награбленные солдатами, перешли въ руки офицеровъ; взамѣнъ того деньги офицеровъ перешли въ руки солдатъ. Когда позднѣе вся наша поклажа была разграблена, бѣдность тѣхъ, кто долженъ былъ приказывать, и кажущееся богатство тѣхъ, кто долженъ былъ повиноваться, способствовали не въ малой степени возникновенію безпорядка въ арміи и ослабленію дисциплины.

Это выступленіе длилось три дня; главная квартира была уже въ Боровскѣ, когда обозъ продолжалъ еще тянуться. Прибывъ сюда, императоръ узналъ, что непріятель занялъ позицію подъ Малоярославцемъ. Онъ явился въ Городню, а потомъ и въ самый Малоярославецъ; 24-го числа онъ атаковалъ его 4-мъ корпусомъ, поручивъ главное начальствованіе князю Экмюльскому. Днемъ 25-го числа все шло хорошо до самаго вечера, но въ пять часовъ непріятель очистилъ холмы, окружавшіе равнину сзади, и сталъ громить нашихъ солдатъ. Было сдѣлано нѣсколько приступовъ въ этомъ направленіи, но безъ успѣха. Императоръ въ нетерпѣніи хотѣлъ попытаться лично. Часть генеральнаго штаба, не послѣдовавшая за нимъ, съ минуты на минуту ждала приказа соединиться съ нимъ; но вдругъ увидали, что онъ возвращается въ галопъ; за нимъ гнался рой казаковъ.—«Въ путь, господа!» сказалъ онъ, подъѣзжая. Казаки, тѣснившіе его, остановились, но онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ отступленіе. Онъ нашелъ непріятельскую позицію болѣе сильной, чѣмъ то думалъ раньше, и не хотѣлъ

принимать новаго сраженія. На мѣстѣ онъ оставилъ князя Экмюльскаго какъ арьергардъ, а самъ вернулся сначала, 26-го числа, въ Боровскъ, потомъ 27-го въ Верею и бросился на проселочную дорогу, ведущую въ Можайскъ. Этимъ путемъ обыкновенно не пользовались, онъ былъ труденъ для похода, и именно съ этого времени надо считать потери арміи. Сначала онѣ были незначительны, но подготовляли послѣдовавшія за тѣмъ событія.

Главная квартира перешла въ Можайскъ, потомъ въ Гжатскъ (Ghias), потомъ въ Вязьму, гдѣ она была 2-го Ноября. Послѣ Вязьмы вице-король и князь Экмюльскій имѣли стычку съ непріятелемъ подъ Дорогобужемъ, куда вступили 7-го числа и гдѣ сразу начались сильные морозы. Наконецъ 9-го числа прибыли въ Смоленскъ, куда императоръ вошелъ пѣшкомъ: ему показалось, что по гололедицѣ онъ будетъ идти пѣшкомъ быстрѣе и увѣреннѣе, чѣмъ его лошади, падавшія на каждомъ шагу. Окружающіе почли долгомъ послѣдовать его примѣру. На этотъ разъ генеральный штабъ вступилъ въ Смоленскъ безъ лошадей, безъ повозокъ и почти что безъ свиты. Вице-король тотчасъ былъ отряженъ на Витебскъ, а князь Экмюльскій на Могилевъ. Армія между тѣмъ соединялась и, сколько можно было, отдыхала. Всѣ покорно ждали вѣстей или приказаній, которыя опредѣлили бы дальнѣйшій ходъ дѣла.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ армія вышла изъ Смоленска. Битвы подъ Валутинымъ (Valoutino), Можайскомъ и Малоярославцемъ умножили славу нашего оружія. Гжатскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Можайскъ и святая Москва не существовали болѣе. Но и самъ императоръ и вся армія встрѣтили уже невѣдомыя имъ препятствія; нашъ походъ уже не былъ побѣдоносным, и тайное предчувствіе, прозрѣвая въ туманѣ грядущаго, говорило намъ, что отнынѣ потребуется отъ насъ нѣчто больше, чѣмъ сила, можетъ быть большее, чѣмъ храбрость.

Таковы были разсказы, занимавшіе насъ въ долгіе переходы. Повѣствовать о нашей славѣ, о нашихъ завоеваніяхъ—то было почти единственное наслажденіе, которое могло развлечь насъ при печальномъ однообразіи пути *).

---

*) Однажды генералъ Клапаредъ, командовавшій главной квартирой, гдѣ мы находились, выбралъ для нашей остановки на ночь болото, расположенное по сторонамъ нашей дороги; оттепелью усиливалась его природная сырость. Мы разложили огонь и попробовали заснуть. Ночью между тѣмъ морозъ достигъ прежней степени; снѣгъ, падавшій большими хлопьями, замерзъ, и на другое утро, въ минуту пробужденія, многіе изъ насъ увидали себя закованными въ ледяной корѣ, которую необходимо было ломать, чтобы получить возможность подняться на ноги.

Надо присоединить къ тѣлеснымъ страданіямъ то уныніе, которое поневолѣ западало въ сердце отъ неожиданной и непредвидѣнной неудачи, и то безпокойство, которое всегда внушали людямъ, плохо оберегающимъ себя, казаки, умѣющіе оберегать себя особенно искусно. Тогда не трудно будетъ понять, какъ тягостна должна была намъ показаться дорога отъ Орши до Борисова. А въ Борисовѣ ждали насъ новыя обстоятельства и новыя опасности.

Князь Шварценбергъ сдѣлалъ движеніе на Варшаву, вмѣсто того чтобы идти къ намъ на помощь. Адмиралъ Чичаговъ воспользовался... *) безъ труда, двинулся черезъ Смолевичи (Smolewitczy) къ Борисову, откуда онъ вытѣснилъ генерала Домбровскаго (Dombrousky) и занялъ позицію на рѣкѣ, не смотря на неудачу, которую онъ потерпѣлъ подъ Ложницей (Loschniza). Онъ растянулъ свои крылья, занялъ высоты и ждалъ насъ, стоя твердой ногой и намѣреваясь оспаривать у насъ проходъ. Онъ зналъ о нашемъ положеніи, зналъ, сколько бѣдствій испытали мы, сколько понесли потерь, зналъ, что мы уже были лишены средствъ, какъ нападать, такъ и обороняться, что Кутузовъ гнался за нами и подступалъ къ намъ съ лѣва, а Витгенштейнъ тѣснилъ насъ съ права. Гибель наша казалась неизбѣжной.

Мы прибыли туда 25-го числа и тотчасъ бросились вправо. Каждый изъ насъ могъ понять и каждый изъ насъ понималъ тогда грозившую намъ опасность. Трудно составить себѣ представленіе о печальномъ видѣ арміи. Эта картина еще у меня передъ глазами. Главная квартира остановилась. Императоръ, спавъ не болѣе часу, сѣлъ верхомъ и отправился на развѣдки. Ждали его приказаній. Было одиннадцать часовъ вечера. Надъ нами висѣла непроглядная ночь, до крайности рѣзкій морозъ давалъ себя чувствовать. Всѣ мы сидѣли на площади Борисова, печально задумчивые, бросая грустные взгляды на все окружающее, всматриваясь во взоры другъ другу, чтобы въ нихъ найти надежду, но находя въ нихъ только тупую покорность судьбѣ. Отъ времени до времени, справа или слѣва отъ насъ, слышалась пушечная пальба, напоминая намъ о ужасѣ нашего положенія и на мгновеніе нарушая угрюмое молчаніе, въ которое тотчасъ же послѣ этого мы снова впадали. Наши солдаты были изнурены усталостью, голодъ лишилъ ихъ мужества, холодъ—бодрости; половина изъ нихъ была безоружна. Кавалерія была уничтожена, самъ священный эскадронъ болѣе не существовалъ; вся артиллерія погибла; пороху не хватало. При такихъ-то обстоятельствахъ, послѣ пятинедѣль-

*) Въ подлинникѣ это мѣсто спутано. П. Б.

наго похода, требовалось переправиться черезъ быструю и трудно переходимую рѣку, брать непріятельскія позиціи и одолѣвать три арміи, ждавшія насъ и готовыя нанести намъ послѣдній ударъ. Немало разсѣялось тогда надеждъ, немало храбрыхъ пало духомъ, и только одинъ видъ той долины, по которой течетъ Березина, и окружающихъ высотъ, усыпанныхъ врагами, вливалъ ужасъ въ души тѣхъ, кого менѣе страшила смерть, чѣмъ невозможность вернуться на родину.

Императоръ видѣлъ опасность и искалъ способовъ бороться съ ней. Второй и третій корпуса, тѣ самые, которые такъ плохо защищали Витебскъ и Бѣлоруссію, были тогда отброшены Витгенштейномъ къ нашему правому крылу; но то были еще свѣжія войска, сохранившія оружіе и всѣ военные припасы; найдены были ружья, пушки, порохъ, и храбрость начала воскресать во всѣхъ сердцахъ. Весь день 25-го числа, императоръ маневрировалъ, а 26-го, готовясь двинуться на Студзянцу (Studzianca), онъ приказалъ позвать къ себѣ графа Палена (Pahlin), маіора кавалергардовъ и адъютанта Русскаго императора. «Вы видите, сказалъ онъ ему, въ какомъ положеніи нахожусь я: три арміи тѣснятъ меня со всѣхъ сторонъ, у меня нѣтъ больше ни военныхъ припасовъ, ни средствъ прокормленія; отступленіе мнѣ отрѣзано. Скажите же вашему государю, что вы видѣли меня въ такомъ положеніи и что я сумѣю изъ него выйти. Если же онъ попытается предписывать мнѣ законы, я также поступлю съ Петербургомъ, какъ онъ поступилъ съ Москвой». Графъ Паленъ отправился, и движеніе началось.

Непріятели, владѣя холмами, уставили батареи, перекрестному огню которыхъ подвергалось все теченіе Березины; по всему правому берегу они раскинули стрѣлковъ и кавалерію, мѣшавшую нашимъ стрѣлкамъ и перехватывающую (?) ихъ. Герцогъ Реджіо послалъ нѣсколько отрядовъ, переправившихся черезъ рѣку вплавь; они напали на Русскихъ стрѣлковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Было наведено два моста, и второй корпусъ тотчасъ же перешелъ на тотъ берегъ, ударилъ въ Русскихъ и послѣ довольно живого усилія оттѣснилъ ихъ къ Борисову.

Казалось, что возможность перехода черезъ рѣку обезпечена. Но необходимо было располагать временемъ, чтобы совершить тотъ переходъ, а враги тѣснили насъ со всѣхъ сторонъ. Кутузовъ дѣлалъ послѣднія усилія прижать насъ къ Березинѣ и поставить насъ между Волынской арміей и своей. Витгенштейнъ, сдерживаемый до того времени вторымъ и шестымъ корпусами, старался протиснуться между нашими войсками и соединиться для нападенія на насъ съ адмираломъ Чичаговымъ. Надо было пользоваться временемъ, торопиться. Пере-

ходъ длился два дня и кончился только 27-го числа въ то время, когда Двинская и Волынскія арміи, пользуясь отступленіемъ девятаго корпуса, бывшаго аріергардомъ, уже выполнили свое соединеніе и развертывали новыя силы подъ Студзанцемъ. 26-го числа и утромъ 27-го было уже трудно переходить по мосту, такъ какъ на немъ собралось множество экипажей, повозокъ и телѣгъ, а кругомъ толпилась необозримая толпа. Вечеромъ 27-го переходъ былъ болѣе чѣмъ опасенъ. Непріятельскій огонь съ ужасающей быстротой уже очищалъ мосты. Мы сами могли перейти одинъ изъ нихъ только бѣгомъ, прячась за кареткой, которая въ свою очередь мчалась со всей ей доступной быстротой, чтобы увернуться отъ ядеръ.

28-го утромъ часть войскъ еще оставалась на лѣвомъ берегу, когда одновременно Двинская армія на лѣвомъ берегу атаковала девятый корпусъ, а Волынская на правомъ берегу второй. Обѣ арміи были отражены послѣ кроваваго боя, и герцогъ Эльхингенъ покрылъ себя славой. Герцогъ Реджіо, раненый, удерживалъ непріятеля со стороны Борисова. Герцогъ Беллюнъ перешелъ черезъ рѣку съ небольшимъ числомъ экипажей. Армія соединялась, и въ этотъ разъ замыслы, усилія и злоба враговъ снова разбились о мужество Французовъ.

Изъ Зембина, гдѣ мы находились, мы могли равнымъ образомъ воспользоваться двумя дорогами: Минской, ведущей черезъ Борисовъ и Смолевичи, и Виленской черезъ Молодечное. Вѣрнѣе сказать, настоящей дорогою была только Минская, но идя по ней пришлось бы проходить черезъ лѣса и удлиннять нашъ путь на три дня. Императоръ выбралъ болѣе трудный и болѣе смѣлый путь, двинулся по проселочной дорогѣ, черезъ болота и лѣски, но по новой странѣ, по мѣстностямъ, болѣе богатымъ, болѣе благопріятнымъ для нашего похода.

Вице-король былъ въ авангардѣ, онъ проходилъ первымъ и очищалъ дорогу. Герцогъ д'Абрантесъ шелъ за нимъ съ восмью стами человѣкъ, составлявшими единственный остатокъ того корпуса, которымъ онъ командовалъ. Добравшись до шоссе, которое пересѣкало гать, шедшую на протяженіи пяти или шести миль по непроходимому болоту, онъ отправляетъ по нему свои шестьсотъ человѣкъ, а гать приказываетъ сжечь. Графъ Груши́ спѣшитъ къ нему, чтобы воспрепятствовать этому, напоминаетъ ему, что сзади идутъ императоръ и вся армія. Герцогъ Абрантесъ отвѣчаетъ холодно, что, сжегши гать, самъ онъ будетъ въ большей безопасности, а все остальное для него безразлично. Груши́ настаиваетъ и, наконецъ, во время этого препирательства, подходятъ первые люди изъ боевого корпуса. Герцогъ Абрантесъ при приближеніи императора уступаетъ. Нельзя безъ содро-

ганія подумать, какое ужасающее несчастье причинилъ бы подобный поступокъ. Будь это сдѣлано, никому изъ насъ не пришлось бы вновь увидать Францію.

Первые дни похода послѣ Березины мы, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда либо страдали отъ голода. Наши жалкіе запасы вышли, а случая возобновить ихъ намъ еще не представлялось. Въ самый день переправы, мы втроемъ отправились къ генералу Лаборду просить ужина. Онъ далъ намъ, что̀ было у него у самого: то былъ супъ изъ вареннаго овса съ кусками жира, плававшими въ ледяной водѣ. На третій день, послѣ пяти или шести-часовой ходьбы, падая отъ усталости и отъ голода, я купилъ на вѣсъ золота лепешку изъ навоза, смѣшаннаго съ небольшимъ количествомъ ячневой крупы, и положилъ на нее полуиспорченную свекольную кожуру. То было бы единственной моей пищей, если бы генералъ Шарпантье, бывшій недавно Витебскимъ губернаторомъ, а теперь считавшійся начальникомъ генеральнаго штаба перваго корпуса, не далъ мнѣ немного хлѣба и притомъ бѣлаго хлѣба, показавшагося мнѣ тончайшимъ кушаньемъ, какое только я когда либо пробовалъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, лишенія наши начинали становиться менѣе жестокими, и въ деревняхъ, черезъ которыя намъ случалось проходить, мы находили все больше и больше нужнаго намъ. Говоря *мы*, я разумѣю офицеровъ, принадлежавшихъ къ императорскому дому и къ генеральному штабу, или тѣхъ, кто сохранилъ еще достаточно денегъ, чтобы по какой бы то ни было цѣнѣ покупать все необходимое. Остальные продолжали страдать до Кенигсберга, и страданія эти были ужасны. Я самъ испыталъ ихъ и видѣлъ, что у другихъ они достигали до невыносимой степени. Я самъ видѣлъ (говорю это съ нѣкоторымъ стыдомъ), я самъ видѣлъ, какъ Русскіе плѣнники доходили по послѣднихъ крайностей подъ вліяніемъ раздирающаго голода, который одолѣвалъ ихъ, потому что съѣстныхъ припасовъ не было и для нашихъ собственныхъ солдатъ. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ бросился на тѣло только что испустившаго духъ Баварца, разорвалъ его ударами ножа и пожиралъ окровавленныя внутренности трупа. Мнѣ кажется я еще вижу передъ собой и дорогу, и лѣсъ, и то дерево, у корней котораго произошла эта ужасающая сцена. О если бъ я могъ изгладить ее изъ воспоминанія, подобно тому, какъ я могъ тогда убѣжать отъ этого зрѣлища! Надо говорить все до конца. Русскіе принадлежатъ къ иному роду людей, чѣмъ тѣ, которые живутъ у насъ на глазахъ. Это иная порода, это существа доведенныя до тупоумія, выродившіяся, не знающія благодарности; но каковы бы они ни были,

мыслимо ли все-таки подумать, что въ мірѣ можетъ быть такое положеніе вещей, которое доведетъ человѣка до подобныхъ преступленій?

30-го мы пошли на Плезецтиченицы. Выйдя изъ нихъ, мы покинули свой прежній путь и направились проселочными дорогами въ самую глубь неизвѣстныхъ степей. Все это время Витгенштейнъ, зная о направленіи нашего марша, старался не отставать отъ насъ и продолжалъ искать случая отрѣзать намъ отступленіе. Часть его авангарда бросилась въ деревню, куда только что прибылъ раненый герцогъ Реджіо со своими адъютантами, со своими людьми и съ небольшимъ числомъ солдатъ, шедшими впереди арміи. Русскіе хотѣли взять его, но встрѣтили сопротивленіе, и завязался бой. У Русскихъ было двѣ пушки, которыя не причинили особаго вреда. Маршалъ выдержалъ осаду въ томъ домѣ, который онъ занималъ, и мужественно защищался вплоть до той поры, когда прибытіе нашихъ солдатъ принудило Русскихъ отступить. И на этотъ разъ онъ былъ раненъ отскочившимъ осколкомъ бревна, но и на этотъ разъ онъ вполнѣ достигъ того, чего желалъ, и отбилъ непріятеля. Эта стычка была, кажется, единственной, и 3-го Декабря мы довольно спокойно вошли въ Молодечное послѣ марша въ сорокъ миль и дневного перехода въ десять часовъ, силы на который дала намъ надежда прибыть туда.

Вице-король еще былъ тамъ; императора ждали. Мы переночевали тамъ, а на другой день утромъ, полагаясь на командовавшаго тамъ генерала, отправились въ путь, съ полнымъ довѣріемъ и съ сознаніемъ своей безопасности. Обозъ со своимъ прикрытіемъ выступилъ приблизительно на полчаса раньше насъ, и мы ускоряли шаги, чтобы догнать его. Уже соединившись съ драгунами изъ обозной стражи, которые въ числѣ около пятидесяти шли по шоссе, мы подходили къ самымъ повозкамъ, какъ вдругъ раздаются неожиданные крики, и тотъ холмикъ, у подножья котораго мы проходили, покрывается казаками. Цѣлой толпой они устремляются внизъ; часть изъ нихъ бросается между прикрытіемъ и нами и отрѣзаетъ намъ путь; другая часть скачетъ въ карьеръ на обозъ, разгоняетъ стражу, сражаетъ нѣсколько человѣкъ солдатъ, обращаетъ остальныхъ въ бѣгство и увлекаетъ нѣсколько повозокъ князя Невшательскаго и г. Дарю и одинъ изъ фургоновъ самого императора. Генералъ Дюма былъ боленъ и лежалъ въ берлинѣ; онъ только и успѣваетъ, что сѣсть на коня. Одинъ изъ его адъютантовъ рядомъ съ нимъ раненъ въ ногу. Въ тоже время мы видимъ, какъ уносится въ галопъ его берлинъ и тотъ экипажъ, гдѣ сложены были остатки правительственныхъ бумагъ,

а также переплеты съ договорами и печати въ позолоченыхъ ящикахъ, вполнѣ готовые на случай заключенія мира. Какъ слѣдовало хвалить ту мудрую предусмотрительность, благодаря которой на другой же день послѣ Краснаго мы сожгли всѣ книги и бумаги, которыя могли бы дать непріятелю точное понятіе о дѣйствительномъ положеніи нашихъ финансовъ, имперіи и арміи! Сожиганіе это заняло три часа, и въ это время, поочередно прочитывая и бросая въ огонь различные листы, я ознакомился съ такими вещами, которыхъ вѣроятно никто никогда не узнаетъ и о которыхъ я не хочу даже писать. Въ числѣ бумагъ были тайныя финансовыя книги; изъ нихъ видно было за цѣлый рядъ лѣтъ истинное положеніе потребностей и суммъ, бывшихъ въ распоряженіи, поступленій и расходовъ. Тамъ же былъ списокъ войскъ, гдѣ выяснялись наши дѣйствительныя силы и подводились имъ итоги. Тамъ же былъ протоколъ особаго приказа, долженствовавшій объединить все множество тѣхъ распоряженій, которые не были ни прямыми законами, ни декретами и т. д. и т. д.

Въ то время, какъ часть казаковъ разгоняла стражу и захватывала обозъ, другіе заскакали впередъ и старались окружить насъ. Кирассирскій капитанъ, случившійся среди насъ, принялъ на себя командованіе; мы сдвинулись въ колонну, спустились въ оврагъ, оперли свой тылъ на маленькій лѣсокъ, однимъ словомъ, приняли самый рѣшительный видъ, такъ что непріятеля взяло раздумье, и онъ далъ время подойти посланному вице-королемъ отряду, который и освободилъ насъ.

Остатокъ дня былъ довольно благополученъ. Вечеромъ мы пришли въ Зоекевичи (Soekewitszy). По счастливѣйшему стеченію обстоятельствъ, мнѣ и одному изъ моихъ товарищей удалось, придя на почтовый дворъ, найти пару лошадей. Въ Сморгонахъ добыли мы не безъ труда сани, и мы продолжали свой путь въ этихъ саняхъ, тѣснясь другъ къ другу, такъ какъ они были слишкомъ малы, и дѣлясь единственной шубой, которая была у насъ для защиты отъ двадцати-семиградуснаго мороза. Иногда, если намъ попадались хорошія лошади, мы мчались быстро, иногда едва не проваливались на рѣкѣ подъ ледъ, если за неимѣніемъ почтаря намъ приходилось самимъ править ночью въ темнотѣ. На каждой почтѣ мы спорили, чтобы добыть лошадей; когда насъ заставляли ждать, мы съѣдали все, что намъ попадалось, но мы были поражены, рады, счастливы, опьянены восторгомъ, что въ какихъ нибудь три часа дѣлали шесть или восемь миль, обыкновенно занимавшихъ цѣлый день; что намъ нечего было опасаться, кромѣ казаковъ, на появленіе которыхъ мы смотрѣли съ пренебреженіемъ, и что наконецъ-то, въ томъ городѣ, куда мы пріѣдемъ,

будетъ у насъ и возможность отдохнуть, и средства для борьбы съ холодомъ, и увѣренность, что мы не умремъ голодной смертью.

Анатолій Монтескью, Эммануель Лекутё и Талуэ ѣхали по тому же пути одновременно съ нами. Двое послѣднихъ были ранены, первый же получилъ послѣ Смоленска порученіе отвезти во Францію депеши и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы проѣхать. Онъ везъ новыя распоряженія и приказаніе извѣстить о прибытии императора.

На двухъ станціяхъ передъ самой Вильной мы повстрѣчались на пути съ лучшими въ мірѣ войсками. То была дивизія въ двѣнадцать тысячъ, совершенно свѣжихъ солдатъ, прибывшихъ изъ Италіи. Какъ только они соединились съ арміей, ихъ поставили въ аріергардъ. Но дурной примѣръ и общій страхъ имѣли на нихъ такое вліяніе, что черезъ какихъ нибудь пять дней подъ знаменами не оставалось и трехсотъ человѣкъ: всѣ остальные, говоря языкомъ того времени, были окончательно деморализованы и потеряли вѣру въ себя.

Всѣ вмѣстѣ мы прибыли въ Вильну. Николаи, бывшій тамъ интендантомъ, принялъ насъ съ любезнѣйшей добротой.

Какъ и всѣ въ арміи, я думалъ, что мы сколько нибудь отдохнемъ здѣсь. Но императоръ въ Молодечномъ объявилъ, что оставляетъ главнокомандующимъ короля Неаполитанскаго, а самъ отправился дальше и въ часъ ночи проѣхалъ Ошмяны, гдѣ казаки, предупрежденные своими шпіонами, дважды прокричали ура: безъ четверти въ часъ и четверть второго ночи. Въ Вильну императоръ прибылъ 6-го Декабря подъ самимъ строгимъ инкогнито; оттуда онъ выѣхалъ съ эскортомъ легкой кавалеріи изъ Неаполитанской гвардіи, которая получила приказъ отъ герцога Бассано отправиться на Ковенскую дорогу и думала, что сопровождаетъ простого правительственнаго гонца. Въ Парижъ императоръ возвратился черезъ Варшаву и Лейпцигъ. Король Неаполитанскій, самъ подчиняясь общей деморализаціи, безъ приказанія прибылъ въ Вильну *), безполезно оставался тамъ три дня, истратилъ всѣ съѣстные припасы мѣстныхъ жителей, не коснувшись магазиновъ, отказался неизвѣстно почему утвердить раздачу 140.000 одеждъ и богатыхъ за-

*) Я могу разсказать здѣсь одно происшествіе, которое даетъ представленіе о жестокости морозовъ. Въ тотъ день, когда долженъ былъ прибыть король Неаполитанскій, въ восемь часовъ утра, на площади выстроено было двѣсти человѣкъ легкой кавалеріи его боевой гвардіи. Онъ пріѣхалъ только въ пять часовъ вечера. Около тридцати человѣкъ лежало мертвыми вмѣстѣ съ ихъ лошадьми, а на другой день изъ этого эскадрона не оставалось въ живыхъ и шестидесяти человѣкъ. Сколько мнѣ помнится, морозу въ тотъ день было 28½°.

пасовъ, сохранившихся въ складѣ, и въ концѣ концовъ приказалъ очистить городъ, не имѣя на то не только важныхъ причинъ, но даже какого бы то ни было явнаго повода, который могъ бы оправдать подобное рѣшеніе.

Еще десятаго Декабря я былъ у г. Дарю и спрашивалъ, не извѣстно ли ему, каковы распоряженія на завтра, и есть ли какое нибудь основаніе въ распускаемыхъ на этотъ счетъ слухахъ. Онъ увѣрилъ меня, что никакого основанія нѣтъ, и я уже спокойно вернулся къ себѣ, какъ вдругъ послышался бой барабана. На всѣхъ улицахъ играютъ генералъ-маршъ, смятеніе увеличивается со всѣхъ сторонъ. Мы бѣжимъ, г. Дарю уѣзжаетъ.—«Эй, монсеньёръ, сказалъ я ему, что это значитъ?»—«Мы выступаемъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, казаки уже вошли въ городъ, защищаться здѣсь невозможно, король помѣстился на окраинѣ предмѣстья, выжидая пока армія пройдетъ; мы должны просоединиться къ нему». И мы отправились къ королю.

Въ домѣ, который онъ занималъ, было только двѣ комнаты. Онъ былъ въ одной изъ нихъ втроемъ съ княземъ Невшательскимъ и г. Дарю. Въ другой комнатѣ мы всѣ разлеглись на полу вокругъ единственнаго стула, на которомъ сидѣлъ герцогъ Данцигскій. Черезъ часъ мы выступили. Съ нѣкоторымъ затрудненіемъ перебрались мы черезъ ту ужасную гору, на которой погибли остатки нашего обоза и гдѣ все его прикрытіе уже представляло довольно жалкое зрѣлище, такъ какъ движеніе было остановлено разными помѣхами для экипажей и вообще трудностями пути. Въ часъ ночи мы продолжали нашъ невѣрный и необезпеченный путь, въ сугробахъ снѣга, не оставляющаго точныхъ слѣдовъ, среди столь глубокаго мрака, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Часа въ три или четыре мы (я и г. де-М.) вошли въ какую-то жалкую хижину, уже раскрытую съ двухъ сторонъ, но въ которую влекъ насъ свѣтъ. Чтобы проникнуть въ нее, пришлось перешагнуть черезъ окоченѣлыя тѣла пяти-шести солдатъ, умершихъ внутри нея, у самой двери. Огонь разложенный ими погасъ; вмѣстѣ съ нимъ исчезъ послѣдній остатокъ тепла и жизни, еще поддерживавшій ихъ. Они испустили духъ, а ихъ бездыханные трупы продолжали сохранять образъ скорби близъ той жаровни, которая была послѣдней поддержкой ихъ жизни. Подальше нѣсколько человѣкъ сидѣло въ рядъ на бревнѣ около огня, тепло котораго почти пропадало въ разрѣженномъ и тяжеломъ воздухѣ, не доходя до насъ. Я сѣлъ въ послѣднемъ ряду, около двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ размѣшивалъ дрова, а другой, сколько казалось, подчинялся какой-то сонливости. Я задремалъ, какъ вдругъ легкій шумъ возбудилъ мое вниманіе. Я повертываюсь и вижу, что этотъ самый человѣкъ распро-

стертъ на землѣ. «Боже мой! вскричалъ я, что случилось?» «О, ничего, ничего, спокойно отвѣчаетъ мнѣ мой сосѣдъ, ему было слишкомъ холодно». Говоря такъ, онъ подымаетъ трупъ, бросаетъ его назадъ и самъ садится на его мѣсто. Надо сознаться: мы дошли до той степени огрубѣлости, что это ужасающее зрѣлище произвело на меня незначительное впечатлѣніе. Я постарался снова заснуть и забылъ объ этомъ несчастномъ, думая о себѣ самомъ.

Разсвѣло. Въ хижину насъ вошло тридцать человѣкъ, вышло двадцать четыре; но особенно ужасно, что таково было приблизительно обычное отношеніе погибшихъ къ оставшимся въ живыхъ послѣ каждой ночевки. Каждый вечеръ соединялъ у одного и того же огня, или подъ однимъ и тѣмъ же деревомъ, пятерыхъ, изъ которыхъ одинъ къ утру долженъ былъ стать жертвою голода, холода и страданій. Оставшіеся въ живыхъ могли высчитывать, какъ то дѣлали мы, на сколько еще дней могло достать у нихъ силъ, когда у нихъ станетъ меньше силы чѣмъ бодрости, и когда, наконецъ, придется имъ разстаться съ жизнью. О, какъ горько было это тайное и глубокое ощущеніе, предвѣщавшее намъ нашъ срокъ, указывавшее намъ, что онъ сокращается послѣ каждаго утомленія, послѣ каждаго новаго лишенія! Сколько разъ бросали мы грустные взгляды на эту чужую землю, думая, что никто не услышитъ нашего послѣдняго прости, что мы умремъ одиноко и что на нашу долю не достанется того послѣдняго взгляда, того прикосновенія руки, которыя утѣшаютъ еще сердце, когда уста уже не могутъ произнести ни слова.

Разсвѣло. Мы снова пустились въ путь. Надѣясь перегнать въ Ковно ядро арміи, я удвоивалъ переходы, проѣзжалъ мимо деревень, въ которыхъ дѣлались остановки, и старался добраться до Соболешки. Утренняя мгла еще лежала, когда я пускался въ путь; когда наступали вечерніе сумерки, я все еще подвигался впередъ. Я падалъ отъ усталости и отъ лишеній. Вдругъ мимо меня проѣзжаютъ сани, запряженные одной лошадью. Мнѣ показалось, что я узналъ въ нихъ солдатскій мундиръ, и я униженно попросилъ мѣстечка, обѣщаясь хорошо заплатить за него. Этотъ солдатъ былъ кирасирскимъ офицеромъ. Онъ что-то отвѣчалъ мнѣ и дозволилъ мнѣ изъ милости помѣститься полустоя на запяткахъ его саней. На другой день для продолженія путешествія у меня было немного побольше мѣста.

Наконецъ, 14-го Декабря утромъ, мы добрались до Ковно. Армія была уже тамъ, и уже дѣлались приготовленія для переправы ея черезъ Нѣманъ.

Выйдя изъ Ковно, армія направилась къ Тильзиту. То было естественное и искусно задуманное движеніе. Оно давало двойную выгоду:

мы избѣгали возвращенія черезъ Преннъ, гдѣ непріятель уже долженъ былъ находиться, и имѣли возможность приблизиться къ герцогу Тарентскому, который, получивъ во-время нужныя свѣдѣніе, могъ составить арьергардъ арміи или по крайней мѣрѣ подойти къ намъ и прикрывать отступленіе. Я выѣхалъ изъ Ковно одинъ и, видя съ моста, что армія направляется вправо, рѣшилъ самъ направиться влѣво. Конечно, этимъ я подвергалъ себя нѣкоторымъ опасностямъ, но за то избѣгалъ затрудненій, неизбѣжныхъ при движеніи вмѣстѣ съ толпой, при чемъ я надѣялся, что мнѣ легче будетъ добывать себѣ пропитаніе. Къ тому же дорога была мнѣ знакома, и я направился по ней. Черезъ часъ мимо меня проѣхали сани, которыми правили Поляки.

Я купилъ въ нихъ мѣсто, сѣлъ и заснулъ, радуясь, что буду продолжать мое путешествіе такъ удобно. Проходитъ нѣсколько минутъ, я просыпаюсь; мы покинули дорогу и мчались, приближаясь къ Нѣману, среди обширной снѣжной равнины, гдѣ отъ времени до времени попадались кучки деревьевъ; кругомъ не было никакихъ признаковъ, по которымъ я могъ бы возвратиться на обыкновенную дорогу. Я хочу остановиться, но сани все мчатся; я говорю, тѣ дѣлаютъ видъ, что не слышатъ. Скоро сани подъѣзжаютъ къ довольно большой хижинѣ. Дверь отворяется, меня заставляютъ войти, и я оказываюсь посреди дюжины человѣкъ, одѣтыхъ въ Русскіе мундиры и болтающихъ между собой на этомъ непонятномъ для меня языкѣ. Я тотчасъ выражаю желаніе выйти; мои Поляки, которые на этотъ разъ прекрасно слышатъ меня, уговариваютъ меня остаться; я настаиваю, мнѣ отказываютъ. Тогда я выхватываю шпагу, единственное оружіе, которое у меня тогда оставалось, и прежде чѣмъ кто либо изъ нихъ успѣваетъ взяться за свою, пробиваюсь сквозь нихъ и бросаюсь въ поле. Я былъ свободенъ. Но что̀ предпринять? Наступала ночь, я былъ одинъ среди безконечнаго снѣга и не зналъ, куда направить свои шаги. Я сначала шелъ наудачу и по неожиданно счастливой случайности наконецъ увидалъ, что невдалекѣ отъ меня идетъ нѣсколько человѣкъ. Я спросилъ у нихъ по-польски, гдѣ дорога; они мнѣ объяснили и, слѣдуя по указанному направленію, я часа черезъ два вышелъ недалеко отъ Пренна въ деревушку; полагаю, что то были Козлы.

Было поздно. Деревня была уже занята людьми изъ арміи и нѣсколькими солдатами Швейцарскаго полка, шедшими изъ порученныхъ имъ складовъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, ночевавшій въ одной комнатѣ со мной, велъ съ собой еще довольно молодую женщину, которая три дня тому назадъ разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Она очень страдала, и ея ослабѣвшій желудокъ не могъ переваривать овсяныхъ лепешекъ, составлявшихъ единственное пропитаніе ея соотe-

чественниковъ. У меня оставался еще кусочекъ бѣлаго хлѣба; правда, никакихъ другихъ припасовъ у меня не было, но я не очень страдалъ, а она страдала, и я отдалъ ей мой бѣлый хлѣбъ. Въ ея благодарностяхъ была конечно сила добродѣтели; потому что, вскорѣ послѣ того, крестьянинъ, жившій въ этомъ домикѣ, предложилъ мнѣ картофелю. Я его купилъ и отдалъ сварить и послѣ ужина радостно улегся на охапкѣ соломы, которую добрые Швейцарцы дали мнѣ близъ теплой печки.

Изъ Козелъ я отправился черезъ Пильвискъ и Вилковишки въ Гумбиненъ и Кенигсбергъ. Мнѣ не забыть никогда того удовольствія, какое испыталъ я, когда до моего слуха долетѣли звуки Нѣмецкихъ словъ, когда я получилъ возможность пользоваться этимъ языкомъ и уже не былъ припужденъ прибѣгать къ Польскому, который я зналъ слишкомъ плохо, чтобы вполнѣ выражать свои мысли. Мнѣ казалось, что я обрѣлъ друзей, союзниковъ, что я наконецъ воскресалъ для будущаго и для надежды. Мнѣ казалось, что я уже видѣлъ землю Франціи, потому что я вышелъ изъ Россіи.

Армія между тѣмъ продолжала свой путь къ Тильзиту; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она подвергалась нападенію, но все же постоянно подвигалась впередъ. Наконецъ она пришла въ Кенигсбергъ, гдѣ и оставалась до первыхъ чиселъ Января 1813 года. Она заняла тогда позиціи по тремъ линіямъ, отъ Нѣмана къ Вислѣ и отъ Люблина къ Данцигу. Главная квартира была въ Кенигсбергѣ, герцогъ Тарентскій стоялъ въ Тильзитѣ, а свѣжая дивизія, приведенная генераломъ Гёделетомъ—на Прегелѣ, отъ Тапіау до Интербурга. Князь Шварценбергъ въ Бѣлостокѣ и генералъ Ренье въ Брестѣ удерживали въ своей власти Бугъ и прикрывали герцогство Варшавское. Первый корпусъ въ Торнѣ, второй въ Маріенвердерѣ, третій въ Эльбингѣ и четвертый въ Маріенбургѣ занимали восточную Пруссію за Прегелемъ; пятый въ Варшавѣ и шестой въ Плоцкѣ образовывали вторую линію позади седьмого корпуса и Австрійской арміи. Герцогъ Кастильоне командовалъ одиннадцатымъ корпусомъ въ Берлинѣ, а графъ Раппъ девятымъ—въ Данцигѣ. Благодаря этому движенію, Германія была прикрыта съ Сѣвера и съ Востока, и надо было думать, что она окажется неуязвимой, пока согласна будетъ способствовать своей собственной оборонѣ. Король Неаполитанскій клялся и увѣрялъ Ла-Муссея, Французскаго резидента въ Данцигѣ, отдавшагося подъ его покровительство, что онъ ни въ какомъ случаѣ не покинетъ своей позиціи безъ боя и что онъ ждетъ только полнаго преобразованія арміи, которое уже началось. Но 30-го Декабря генералъ Іоркъ заключилъ договоръ съ графомъ Витгенштейномъ и перешелъ на сторону непріятеля со всѣмъ своимъ отрядомъ. Герцогъ Тарентскій, у котораго для обороны

оставалось всего на всего шесть тысячь человѣкъ, поспѣшно отступилъ въ Кенигсбергъ; Русскіе преслѣдовали его. Главная квартира была перенесена въ Эльбингъ, гдѣ подверглась нападенію. Оставшись побѣдителемъ въ кровавомъ дѣлѣ, король Неаполитанскій оказался однако слишкомъ слабымъ, чтобы удержаться въ этомъ мѣстѣ; онъ покинулъ Восточную Пруссію, отступилъ въ Маріенвердеръ, потомъ въ Бромбергъ, и пришелъ наконецъ въ Познань. Герцогъ Тарентскій отвелъ въ Данцигъ остатки своего войска и заперъ ихъ тамъ, укрѣпивъ островъ Ногатъ. У генерала Раппа было тогда около 25,000 человѣкъ. Въ городѣ было съѣстныхъ припасовъ на годъ, и онъ былъ обнесенъ искусными укрѣпленіями; генералъ приготовился къ осадѣ. Князь Экмюльскій занялъ позицію у Бромберга, Саксонскія войска двинулись къ Глогау, и линія арміи еще разъ утвердилась на Югѣ. Генералъ Ренье и князь Шварценбергъ помѣстились между Пултускомъ и Остроленкою, Варшавская конфедерація призвала всѣхъ гражданъ подъ ружье, и можно было думать, что Польша защищена отъ непріятельскаго вторженія и что силы, собранныя Австрійскимъ императоромъ со стороны Галиціи, успѣютъ во время выполнить соединительное движеніе.

При такихъ-то обстоятельствахъ вице-король принялъ на себя командованіе арміей. Но ни его искусства, ни его храбрости недостаточно было, чтобы съ ослабленными и потерявшими въ себя вѣру войсками защитить ту страну, которая сама не хотѣла защищаться. Измѣна генерала Іорка и отступленіе герцогаго Тарентскаго, бывшее ея слѣдствіемъ, позволили соединиться Русскимъ арміямъ—Курляндской, Двинской и Московской. Онѣ вторгнулись въ Пруссію и направили всѣ свои усилія на одно мѣсто, между тѣмъ какъ Волынская армія вошла въ великое герцогство. Вице-король усилилъ гарнизоны Торна и Модлина, чтобы занять теченіе Вислы, устье которой обезпечивалъ намъ Данцигъ. Потомъ онъ отозвалъ свое правое крыло, оставивъ князя Шварценберга и князя Понятовскаго на Пѣлицѣ и подъ Краковымъ, а генерала Ренье сзади нихъ, такъ чтобы прикрывать Дрезденъ. Еще позже онъ покинулъ линію Вислы, удерживать которую не позволяло ему занятіе Варшавы, наконецъ и линію Одера, и отступилъ въ Познань, изъ Познани во Франкфуртъ, изъ Франкфурта въ Берлинъ.

Русскіе съ жаромъ пользовались всѣми преимуществами своего положенія. Они уже были увѣрены въ Пруссакахъ и извлекали выгоду изъ ихъ измѣны, пока еще тайной, и тѣмъ болѣе опасной, что о ней никто не зналъ. Русскіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ перешли черезъ Одеръ по льду и напали на наши войска, у которыхъ отсутствіе кавалеріи и артиллеріи почти не оставляло средствъ ни нападать, ни защищать-

ся. Чтобы бороться съ успѣхомъ, имъ нужно было опираться на болѣе укрѣпленныя точки, чѣмъ Берлинъ и Франкфуртъ, и соединиться съ войсками, подходившими изъ Франціи. Оставивъ сильные гарнизоны въ Шпандау, Штеттинѣ, Кюстринѣ и Глогау, мы очистили линію Одера. Вице-король покинулъ Берлинъ, который черезъ два часа послѣ того былъ занятъ непріятельскими войсками, перешелъ въ Лейпцигъ, гдѣ выдержалъ кровавый бой, разставилъ по Эльбѣ корпуса 1-й, 2-й, 7-й и 11-й, и оперся своимъ тыломъ на Магдебургъ, гдѣ были сосредоточены генераломъ Лористономъ значительныя силы. Онъ держался тамъ съ перемѣннымъ счастіемъ и неодинаковымъ успѣхомъ, но всегда проявляя неизмѣнную храбрость и все тоже искусство, до того мгновенія, когда его прибытіемъ рѣшилось сраженіе при Люценѣ, склонивъ побѣду на нашу сторону. Эта кампанія подтвердила слова, которыя были сказаны о немъ императоромъ во время отступленія изъ Москвы: Видите ли? Это второй принцъ Евгеній; мы всѣ дѣлали ошибки, онъ одинъ свободенъ отъ нихъ.

Здѣсь оканчиваются воспоминанія, которыя могъ я сохранить объ этомъ достопамятномъ походѣ. Посланный сначала въ Данцигъ съ новымъ порученіемъ, а потомъ въ Берлинъ, я, проѣзжая черезъ Пруссію и въѣзжая въ ея столицу, не могъ не предвидѣть, что со всѣхъ сторонъ вспыхнетъ возстаніе. Ненависть и желаніе мести обнаруживались открыто; угрозы плохо скрывались, и жестокое «vae victis» раздавалось повсюду. Деревенскіе жители, населеніе Берлина, высшее сословіе и самъ наслѣдникъ престола громко требовали отмщенія за свое долгое порабощеніе *).

---

*) Всѣмъ это было извѣстно и, не смотря на то, Французскій посолъ, г-нъ де-Санъ-Марсанъ, отказывался вѣрить гибельному расположенію Пруссіи. Онъ полагалъ, что доброе согласіе и союзъ должны были остаться навсегда, и онъ поддерживалъ герц. де-Бассано въ этой гибельной увѣренности. Тщетно его засыпали настойчивыми указаніями и не давали ему покоя совѣтами; онъ не вѣрилъ, или не хотѣлъ ни во что вѣрить и продолжалъ наслаждаться своимъ спокойствіемъ. Наконецъ, наслѣдный принцъ выразился открыто: когда пришло извѣстіе объ измѣнѣ генерала Іорка, онъ при всемъ дворѣ заявилъ, что одобряетъ его поведеніе, находитъ его разумнымъ и справедливымъ, и что будь онъ королемъ, онъ пожаловалъ бы генералу Іорку орденъ Чернаго Орла. Рѣчь эта была произнесена слишкомъ публично, чтобы можно было на нее не обращать вниманія. Король издалъ приказъ объ арестѣ наслѣднаго принца на пятнадцать дней, но черезъ день онъ вышелъ и одинъ показался въ большой ложѣ Оперы, при чемъ былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, причину которыхъ мы слишкомъ хорошо знаемъ и на которую мы, можетъ быть, обидѣлись бы, будь мы достаточно сильны, чтобы еще внушать почтеніе этому раздраженному народу.

Въ это самое время мы оставили Берлинъ и отступили во Францію. Обсерваціонные корпуса уже перешли черезъ Рейнъ и подвигались впередъ; Бамбергъ, Юрцбургъ, Франкфуртъ были главными квартирами; собиралась новая великая армія. Императоръ созвалъ подъ знамена новый наборъ, составленный изъ почетной гвардіи, и двинулъ въ дѣло національную гвардію. Война возобновлялась на Рейнѣ съ новой силой, въ то время какъ жестокіе морозы заставили ее прекратиться на Эльбѣ, и когда Пруссія, Австрія и Швеція собирались обратить свое оружіе противъ насъ. Литовцы, изъ низости, старались позабыть блескъ свободы, который глаза ихъ не могли вынести: несчастный и презрѣнный народъ, умѣющій только помогать побѣдителямъ. Будь со стороны Литовцевъ немного больше храбрости и немного больше вѣрности со стороны генерала Іорка, это остановило бы всѣ наши несчастія. Можетъ быть, законная, но не разумная жажда мести и робкая политика Германскихъ государствъ довершили все остальное. Они призвали сѣверныхъ жителей въ нѣдра своей страны, на улицы своихъ городовъ. Настанетъ, можетъ быть, день, и онъ даже недалекъ, когда они почувствуютъ, какъ тяжело это иго новыхъ владыкъ. Если опытъ этихъ двухъ армій (?) не доказалъ жителямъ Ингріи и Украйны, или народамъ Сибири, какъ коротка дорога отъ Рейна до Днѣпра и что они безъ труда могутъ совершить этотъ путь: то мы сами возстановимъ эти естественныя преграды, которыя должны раздѣлять столь различныя страны и столь непохожихъ людей, и Европа, послѣ этихъ жестокихъ потрясеній, отдохнетъ отъ своей славы въ своемъ истощеніи *).

*

Историческая критика оцѣнитъ значеніе этихъ любопытныхъ записокъ, которыя писаны умнымъ и многоопытнымъ Французомъ для потомства, но, очевидно, не были приготовлены имъ къ изданію въ свѣтъ. Русскіе читатели благодарны за нихъ Петру Ивановичу Щукину, помѣстившему ихъ въ подлинникѣ, съ пріобрѣтенной имъ во Франціи рукописи, въ V-й книгѣ своего сборника: „Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 года“ (Москва, 1900, стр. 216—271). П. Б.

---

*) Полуясные намёки, писанные старикомъ-маркизомъ въ то время, когда Французы, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, снова воевали съ Русскими. П. Б.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ ВЪ ВИЛЛЯНОВѢ.

1805.

(Изъ книги Mémoires de la comtesse Potocka, publiés par Kazimir Stryensky, Paris, 1897, глава VII, стр. 88—94.)

Однажды вечеромъ, когда мы спокойно, по домашнему, пили чай, подали мужу моему письмо, содержаніе котораго, повидимому, его смутило; но какъ я настойчиво желала узнать, откуда оно, то онъ сказалъ, чтобъ я отгадала, кто тотъ чужестранецъ, которого мы увидимъ на слѣдующій день. Кого я ни называла, угадать мнѣ не удалось. Могла ли я вообразить, что надо было готовиться къ пріему императора Александра и его свиты?

Чѣмъ чаще приходилось мнѣ видать вѣнценосцевъ, тѣмъ болѣе убѣждалась я, что они не подозрѣваютъ производимыхъ ими стѣсненій и затрудненій: имъ столько говорятъ съ самой колыбели о счастіи ихъ принимать, что они даже не догадываются, какъ присутствіе ихъ стѣснительно.

Люди наши отличились, благодаря сосѣдству большого города[1]); все удалось даже лучше, нежели могли думать, и въ два часа мы были готовы. Я пригласила дядю моего князя Понятовскаго[2]), а также и сестру его графиню Тышкевичъ[3]), прося ихъ помочь мнѣ за царскимъ банкетомъ.

Императоръ прибылъ въ четыре часа. Онъ былъ молодъ и красивъ, высокъ ростомъ; но обращеніе его показалось мнѣ скорѣе щеголевато, нежели благородно-изящно, а манеры лишены простоты, пріобрѣтаемой почти всегда исключительнымъ положеніемъ и привычкою повелѣвать. Онъ казался стѣсненнымъ. Его необычайная вѣжливость заключала въ себѣ что-то банальное, и все, даже самый его узкій мундиръ, придавало ему видъ скорѣе привлекательнаго офицера, чѣмъ молодого монарха. Его сопровождалъ князь Адамъ Чарторыжскій. Говорили, что Государь, подъ вліяніемъ этого друга, не знавшаго другой страсти, кромѣ страсти къ родинѣ, возымѣлъ рѣшимость возстановить Польшу. Вѣрно то, что Пруссаки, тогда хозяева Варшавы, помѣшали императору проѣхать черезъ этотъ городъ изъ опасенія энтузіазма, который могъ возбудиться его присутствіемъ, такъ какъ громко утверждали, что онъ объявитъ себя королемъ Польскимъ. Этому-то обстоятельству мы и обязаны, что онъ къ намъ заѣхалъ.

---

[1]) Т. е. Варшавы. П. Б.

[2]) Князя Іосифа. П. Б.

[3]) Графиня Марія-Терезія Винцентъ-Тышкевичъ. П. Б.

Командовавшій въ Варшавѣ Прусскій генералъ Калькрейтъ получилъ приказаніе выѣхать навстрѣчу къ императору и провожать его до границы: предосторожность, которая никого не обморочила, а многихъ заставила смѣяться. Не знаю, какимъ образомъ удалось моему мужу освѣдомится у его величества относительно лицъ, имѣвшихъ быть приглашенными къ столу. Князь Чарторыжскій и генералъ Калькрейтъ одни удостоились этой чести. Остальная свита обѣдала въ другой гостиной. Князь Понятовскій отказался, и моя тетушка прибыла безъ него. Насъ всего было за столомъ шесть человѣкъ. Отдѣльный кувертъ положенъ былъ во главѣ стола; казалось, что это смутило императора, и онъ придвинулъ свое кресло ближе къ моему стулу. Онъ мало ѣлъ и много говорилъ. Разговоръ его былъ простъ и скроменъ. Нельзя было предположить, что онъ одаренъ большими способностями, но не возможно было не признать въ немъ возвышенности мыслей и безконечной сдержанности. Не было рѣчи о тогдашнихъ обстоятельствахъ, но генералы его свиты не отличались такою же скромностью: они просили у насъ порученій въ Парижъ, воображая, что имъ придется туда торжественно вступить. Черезъ мѣсяцъ по отъѣздѣ нашего великаго гостя, мы узнали, что онъ былъ разбитъ подъ Аустерлицомъ и поспѣшилъ уѣхать въ Петербургъ.

Но возвращаюсь къ нашему обѣду. Онъ длился очень долго. Александръ былъ тугъ на ухо и, какъ всѣ молодые глухіе, люди любилъ, чтобы говорили съ нимъ тихо. Не смѣя просить повторенія имъ сказаннаго, съ нимъ говорили очень громко.

Когда перешли изъ залы въ гостиную, онъ оставался тамъ еще добрыхъ два часа, все время стоя: увѣряли, что онъ до того былъ затянутъ въ своемъ мундирѣ, что всякое другое положеніе было ему неудобно. Около полуночи наконецъ онъ удалился, избравъ изъ двухъ для него приготовленныхъ комнатъ ту, которая была проще. На слѣдующій день нужно было встать очень рано, присутствовать за завтракомъ его величества и съ нимъ проститься. Здоровье мое вовсе не соотвѣтствовало этому усилію. Уже почти садясь въ карету, императоръ спросилъ меня весьма ласково, нѣтъ ли для него возможности чѣмъ либо выразить намъ его благодарность. Мнѣ сильно захотѣлось, видя его въ такомъ добромъ расположеніи, попросить у него Польши; но взглядъ моего мужа удержалъ этотъ патріотическій порывъ и заставилъ вернуться въ предѣлы, предписанные обычаемъ и этикетомъ, который не допускаетъ какой бы то ни было импровизаціи, и одно изъ положительныхъ правилъ котораго заключается въ томъ, чтобъ никогда не испрашивать у властителей ничего кромѣ лишь того, въ чемъ они заранѣе рѣшились не отказывать. Пришлось удовольствоваться обращеніемъ къ Александру съ просьбою занести его имя въ большую Виллановскую книгу, гдѣ всѣ иностранцы оставляютъ подобное воспоминаніе. Онъ благоволилъ подписаться на первой страницѣ. Мы были далеки отъ мысли, что имя Наполеона въ той же книгѣ очутится скоро рядомъ съ именемъ Русскаго императора.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1820-й годъ [1].

Москва, 5 Сентября 1820.

Наскуча безконечными сборами, я рѣшился ѣхать одинъ въ Москву [2]). Посмотря въ домѣ, я побѣжалъ къ сосѣду Фасту пѣшкомъ, а то отъ сидѣнія и качанія дурь взяла; нашелъ его окруженнаго его клопами и играющаго въ карты съ нѣжною подругой. Очень натурально обрадовались другъ другу; онъ ну разсказывать Московское, а я Петербургское. Государь былъ очень доволенъ Москвою и сказалъ князю [3]), уѣзжая: «Я очень сожалѣю, что не хорошо расчелъ; надобно бы въ Москвѣ пробыть недѣли двѣ; теперь нечего дѣлать, какъ ѣхать!» У Фаста просидѣлъ я часа три. Иду домой; попадаются дрожечки открытыя, пара сѣрыхъ лошадей. Кучеръ говоритъ: это онъ! а баринъ кричитъ: Стой, стой! А, да, это онъ! Это c'est beau! [4]) Выходитъ, а тамъ меня тащитъ къ себѣ, а тамъ опять выходитъ; наконецъ сажусь къ нему. Какими судьбами?»—А! Я былъ вотъ и вотъ у васъ, у васъ; у васъ говорятъ: пошелъ къ Фасту Петровичу, я сюда-сюда, и говорю кучеру: смотри пристально, когда увидишь А. Я., то того, тотчасъ остановись». Гдѣ мнѣ пересказать все, что̀ онъ наговорилъ. Разсказывалъ царское пребываніе, царское путешествіе; тутъ замѣчательна фраза: »Все обошлось хорошо, очень хорошо, но выслушайте пожалуйста, какое счастіе, вотъ и у меня есть *домовой*, какъ у Сократа, который мнѣ шепнулъ на ухо, не послушавъ этого *чертенка* [5]), по-

---

[1]) См. выше, стр. 323. Въ Іюлѣ и Августѣ 1820 года А. Я. Булгаковъ ѣздилъ въ Петербургъ навѣстить своего брата.

[2]) Изъ сельца Семердина, что̀ близъ Троицкой Сергіевой Лавры. Тамъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, Булгаковъ и его семейство проводили по нѣскольку мѣсяцевъ. По службѣ Булгаковъ былъ тогда не у дѣлъ. Онъ занимался хозяйствомъ и возобновленіемъ отцовскаго дома въ Нѣмецкой Слободѣ.

[3]) Князю Д. В. Голицыну, котораго Булгаковъ въ дальнѣйшихъ письмахъ называетъ принцемъ-регентомъ (намёкъ на Англійскаго принца-регента, въ 1820 году вступившаго на престолъ подъ именемъ Георга IV-го).

[4]) Т. е. Рушковскій, тогдашній Московскій почтдиректоръ.

[5]) Въ подлинникѣ вмѣсто имени пустое мѣсто. Это Мерзгофъ. См. ниже, стр. 554.

слать Неронова все устроить, но такъ, что, повѣрьте, я былъ самъ въ *восхищеніи* отъ своихъ распоряженій» и пр. и пр. Рушковскій очень исхудалъ, и правая рука еще въ бо̀льшихъ упражненіяхъ, нежели прежде; она при всякой фразѣ должна побывать за ухомъ, за галстукомъ и на носу, что̀ уже по штату, не считая другихъ чрезвычайныхъ поѣздокъ.

Князя Петра*) я еще не видалъ; въ Англійскомъ клубѣ говорятъ, однакоже, о его bon mot. Рѣчь была о болѣзни папы, а князь на это сказалъ: «и это уже рѣшенная вещь, что папою сдѣлали сына Наполеонова». Всѣ засмѣялись, а онъ прибавилъ: «Конечно, чтобы не было у него дѣтей; это и очень хорошо придумано». Мнѣ кажется, что начало процесса королевы Англійской болѣе въ ея, нежели въ его пользу. Увидимъ. Ну, прощай, любезный почетный членъ Вольного Общества любителей Россійской словесности. У Шульгина, къ которому ужо̀ поѣду, вышла уже распря съ новымъ полиціймейстеромъ Бѣлкинымъ. Экой баламутъ! Брокера и Бибикова выковырнулъ, какъ-то съ этимъ кончитъ?

*

Москва, 6 Сентября 1820 г.

Какъ бы найти новаго у насъ? Петровское-Разумовское купилъ князь Юрій Владим. Долгорукій за 300 т., и дешево. Намедни было трагическое происшествіе въ Кремлѣ. Волковъ невольно причиною былъ. Въ караульнѣ закричали «вонъ!» увидя коменданта; молодой офицеръ Зубовъ, братъ служившаго у тебя и только что помолвленный на прекрасной невѣстѣ, спалъ. Услыша колокольчикъ и крикъ «вонъ!», онъ вдругъ всталъ, кинулся со-сна съ лавки, поскользнулся и наткнулся на штыкъ солдатскаго ружья, но такъ несчастливо, что оный прошелъ до самаго сердца, и онъ тутъ же испустилъ духъ. Какой горестный конецъ! Страшно подумать, что у всякаго эдакъ смерть на носу, а иной живетъ такъ, какъ будто ему не умирать и отчетовъ не давать ни въ чемъ. Этотъ бѣдный Зубовъ былъ въ сраженіяхъ невредимъ, и гдѣ же находитъ смерть? Prédestination! Что̀ ни говори, Турки правы.

Шульгинъ поссорился съ Бѣлкинымъ по дѣлу фальшивыхъ бумажекъ. Князь Дм. Влад. послалъ Бѣлкина въ Коломну схватить тамъ еще участниковъ (всѣхъ ихъ человѣкъ съ 40), что̀ и было выполнено исправно. Возвратясь и не находя князя, который былъ въ деревнѣ

---

*) Это кн. Петръ Алексѣевичъ Хованскій (1760—1830), братъ Булгаковскаго тестя, кн. Василія Алексѣевича. Онъ женился на Екатеринѣ Пекешъ и былъ съ нею несчастливъ.

у матери, онъ подаетъ рапортъ Шульгину, который ему отвѣчаетъ: «Я васъ не посылалъ, дѣло это мнѣ неизвѣстно. Трактуйте и рапортуйте тому, который васъ посылалъ» и пр. и пр. Какой чудакъ!—И Москва, сударь, украшается: вдоль по стѣнѣ Кремлевской отъ Иверской до Боровицкихъ воротъ дѣлается гулянье, которое не хуже будетъ Прудовъ [1]). Бове очень трудится, и то, что̀ уже есть, понравилось Государю. Вотъ и живописецъ явился не портретъ мой писать, а комнаты расписывать. Вотъ третьяго приводятъ, и одинъ другого безтолковѣе и хуже; я думаю, что кончу тѣмъ, что все *отложу* до будущаго года.

*

Москва, 7 Сентября 1820 г.

У меня какъ lanterne magique: одинъ уходитъ, другой приходитъ; не дадутъ написать порядочно. Какъ меня поразило твое письмо № 115! Я ожидалъ несчастія такого рода по началу письма твоего, но думалъ, что это оборвется на старикѣ; вмѣсто того умерла Афр. Дмитр.[2]) Хоть я до нея не большой былъ охотникъ, но все жаль, и какъ человѣка не станетъ, то забываешь о порокахъ его и даже недостаткахъ. Богъ съ нею, а какъ бы теперь съ Марицею управиться! Говорить конечно не должно. Они такъ нерадивы писать при всей любви своей, что Марицу не должно удивлять молчаніе матери ея. Какъ же ты пошлешь Костаки[3]), она догадается, что что-нибудь да не такъ. Не лучше ли обождать? Что-то напишетъ старикъ? Жаль бѣднаго старика. Это горе, присовокупивъ къ разстроеннымъ его дѣламъ, нанесетъ ему ужасный ударъ.—Волковъ потащилъ меня въ театръ, гдѣ очень дурно давали Водовоза. Былъ я въ ложѣ у князя Дм. Владим., просидѣлъ у него два акта. Много говорили. Жаловался, что не выходитъ его представленіе, тогда какъ по другимъ губерніямъ вездѣ милости, и прибавилъ: «c'est l'à-propos qui fait le mérite de toutes ces choses, car au fond il n'y a pas de grâces conséquentes; je veux écrire au prince Wolkonsky en le priant de rappeler à l'Empereur. Волкову вмѣсто аренды хочется лучше 50 т. р. единовременно, и доказалъ мнѣ, что это лучше. Онъ очень былъ обласканъ Государемъ и очень часто и много говорилъ съ нимъ, особенно по военно-сиротскому отдѣленію. Государь все изволилъ говорить: «у насъ въ Петербургѣ», а Волковъ отвѣчалъ: «какъ изволите приказать, такъ исполню въ точности, но вотъ почему я такъ дѣлаю». Государь выслушивалъ съ большою ми-

---

[1]) Т.-е. Прѣсненскихъ, куда перевезли царскую рыбу изъ стариннаго пруда, черезъ который протекала Неглинная, и гдѣ теперь Театральная площадь.

[2]) Варлаамъ, тёща К. Я. Булгакова.

[3]) Костаки завѣдывалъ имѣніями Варлаамовъ.

лостью и вниманіемъ и соглашался съ нимъ. Волковъ очень радъ отданному ему старшинству, а то имѣлъ 900 полковниковъ на шеѣ, и Нейдгартъ бралъ у него шагъ, что̀ очень обидно. Князь П. Мих. отказалъ было Волкову доложить по сему, отшучивался, говоря: «Ну, что̀ тебѣ? Ты все генералъ-маіоръ и комендантъ Московскій». Волковъ жаловался Меньшикову, тотъ какъ-то намекнулъ объ этомъ въ Вознесенскѣ, кстати пришлось. Шульгина не могу никакъ поймать. Онъ сердитъ, что Бѣлкина мимо его посылали слѣдствіе дѣлать по фальшивымъ бумажкамъ; онъ и теперь опять усланъ въ Тамбовъ по тому же дѣлу. Это не очень лестно для Ровинскаго и Обрѣзкова: это бы ихъ дѣло, ибо у Бѣлкина своя часть постоянная въ Управѣ.

*

Москва, 9 Сентября 1820.

Я еще здѣсь, любезный другъ, и все пластаюсь съ мастеровыми, бранюсь съ утра до вечера, а пользы мало. Гнуснѣе рода людей не знаю, надобно все быть съ палкою; я здѣсь одинъ, и только и есть утѣшеніе, что письма твои.

Вчера былъ я въ Аглицкомъ клубѣ, такъ много игралъ въ бильярдъ и усталъ, что не видалъ минуты, какъ бы добраться до постели, за то и проспалъ лакейскимъ сномъ до 10 часовъ, упустилъ хорошее время: боюсь, явится Seccatori. Поблагодари, прежде чѣмъ забуду, Мерзгофа за меня. Его-то Рушковскій называлъ чертенкомъ; я, писавши тебѣ разъ, оставилъ бѣлое мѣсто, не могши вспомнить имя его. Мерзгофъ теперь прислалъ мнѣ кучу чиненыхъ перьевъ, за которыя я ему очень благодаренъ. Вотъ ужъ и началось: теперь имѣлъ я посѣщеніе Броневскаго, онъ очень тебѣ благодаренъ и сегодня же ѣдетъ въ Тулу; вслѣдъ за нимъ явился Метакса, воспѣвать le sue miserie: выгоняютъ изъ квартиры; попрошу Обрѣзкова, чтобъ смягчилъ хозяйку, до полученія Метаксою несчастныхъ призовыхъ денегъ. Къ тому же и жена у него очень больна. Что̀ дѣлать? Далъ этому несчастному 100 р. Спасибо, что скоро ушелъ.

Чертковъ еще не являлся. Мы вчера съ Волковымъ въ театрѣ и въ клубѣ, сидя вмѣстѣ, все говорили о тебѣ и его тутъ же вспоминали. Милый человѣкъ Чертковъ; за то такой дикарь къ тѣмъ, которыхъ онъ недругъ. Ты говоишь о Сачи, какъ объ игрокѣ; это дрянь. Въ клубѣ теперь человѣкъ 10 лучше его играютъ. Есть какой-то барончикъ, играющій по 500 р. партію. Il a l'air d'un chevalier d'industrie. Сначала прикидывался плохенькимъ, а тамъ и сталъ обыгрывать. У Кикина выигралъ 7000, у Посникова 3000, у Танѣева 2000 и такъ далѣе. Я не видалъ его игры, потому что всѣ перестали съ

нимъ играть. У него метода все пускать противника впередъ очковъ 15, тамъ сравняется, пустить опять до 40, а тутъ и кончить партію; въ серединѣ партіи надѣлаетъ биль самыхъ непростительныхъ, зато къ концу играетъ по-тюревски [1]), и этого я не видалъ.

Закревскій и Рушковскій въ реестры внесены, послѣдній внесъ и деньги, а тотъ нѣтъ; развѣ не отдалъ ли тебѣ, а ты сочинителю [2]). Благодарю Фонтона за память. Je l'embrasse et baise la main blanche et potelette de sa femme. Какъ бишь она Marie или Fanny? Что наша утѣшенная вдова? Я думаю, кушаетъ любимые крендели, поетъ любимыя пѣсенки и пляшетъ любимый танецъ покойнаго своего мужа! И она попалась въ Бальменши, только, я думаю, терпѣливѣе будетъ сносить вдовство свое... Скажи Тургеневу, что дѣло нашей попадьи [3]) все еще не кончено, хотя просьба ею подана куда слѣдуетъ, и она, бѣдная, больна при смерти. Я ее вчера навѣстилъ и далъ ей денегъ; ее все увѣряютъ попы, что она имѣетъ сильнаго ходатая (Тургенева), но все еще нѣтъ пенсіона; но послано ли хоть представленіе въ Петербургъ? Это милому Александру должно быть извѣстно. Рушковскій прислалъ журналы. Они очень теперь любопытны, особливо гнусный процессъ этой скаредной королевы. Мнѣ кажется, что лучше имѣть голову отрубленную, какъ несчастный Людовикъ XVI, нежели быть судимою, обезчещенною какъ королева Англійская, не смотря на привѣтствія черни. Людовикъ отъ времени выигрываетъ во мнѣніи, а ее въ будущія времена ставить будутъ на сцену во всѣхъ процессахъ сего рода [4]). Ежели изъ ничтожнаго слуги хотѣла она сдѣлать славное историческое лицо, то, конечно, услугу сію оказала она Бергами. Пусть лучше вмѣсто королевы воспоютъ филистеры своего земляка. Говорятъ здѣсь, что Беррійская герцогиня родила сына, но не вѣрю; ты бы это зналъ и вѣрно бы написалъ. У насъ послѣ дождя сдѣлался такой зной, какъ въ Іюлѣ; на улицѣ душно и, вѣроятно, будетъ гроза. Хорошо бы недѣльку тепла, скорѣе бы все въ домѣ просохло. Губернаторъ Дурасовъ сказывалъ мнѣ, что получилъ письмо отъ брата изъ Варшавы. Аракчееву приготовлены комнаты во дворцѣ, и великій князь назначилъ къ нему на ординарцахъ гвардейскихъ офицеровъ: почесть, которая не была отдана и королю Виртембергскому во время пребыванія его въ Варшавѣ. Бѣдный офицеръ, убившійся, точно Зубовъ, но не братъ того, что играетъ хорошо на клавикордахъ.

---

[1]) Тюревъ—билліардный игрокъ.

[2]) Это была подписка на сочиненіе Броневскаго.

[3]) Вдова священника, который былъ духовникомъ супруги Булгакова.

[4]) Супруга Георга IV-го, принцесса Брауншвейгская, родная сестра такъ-называемой Зельмиры, погибшей у насъ въ замкѣ Лоде (родной бабки нашей великой княгини Елены Павловны).

М. И. Корсакова проводитъ зиму въ Вѣнѣ, а теперь должна быть въ Парижѣ. Волковъ ей переслалъ уже 65 т. Качай, валяй! А бѣднаго Башилова мальчикъ его, имъ взятый отсюда, такъ обокралъ, что оставилъ его только въ той рубашкѣ, въ которой онъ спалъ: все унесъ. Однакоже его въ Парижѣ поймали и приговорили къ висѣлицѣ, не смотря на всѣ старанія Башилова уменьшить наказаніе. Баіокша умерла: вотъ и бѣдный мой Пешманъ какъ ракъ на мели, оставивъ для нея выгодное мѣсто въ Франценсбруннѣ. Явился Grandisson Голохвастовъ; прошу у него позволенія печатать при немъ письмо, а тебя обнимаю.

*

Москва, 10 Сентября 1820 г.

Вчера былъ бенефисъ Бернарделли, поѣхалъ туда, гляжу Майковъ. Ба! Давно ли пріѣхали? Сегодня.—А Ив. Васильевичъ?—И онъ тоже.—А Сачи?—И его привезли. Но ни Черткова, ни Сачи не нашелъ въ Аглицкомъ клубѣ, куда ѣздилъ я на ихъ счетъ. Въ театрѣ просидѣлъ я возлѣ Волкова, и все болтали. Теперь онъ очень занятъ принцемъ Прусскимъ [1]), ѣздилъ съ нимъ часа три по городу; Москва очень ему полюбилась. Воротились въ пятомъ часу домой, и Волковъ, къ досадѣ не самолюбія, не честолюбія, но желудка проголодавшагося, не былъ принцемъ удержанъ обѣдать и долженъ былъ идти въ трактиръ. «Молчи же, принцъ», сказалъ себѣ на умѣ комендантъ, «я тебѣ это заплачу». Послѣ показывалъ принцу Французскія пушки и сказалъ между прочимъ: «Voici, monseigneur, les canons Prussiens». —«C'est étonnant! Comment les a-t-on eus?», отвѣчалъ тотъ, нѣсколько замѣшкавшись. «Ну, квитъ теперь», подумалъ себѣ нашъ Сашка [2]). Отъ Шульгина повѣстка, являться завтра четыремъ классамъ, чтобы представиться его высочеству, но я не поѣду: завтра не бритовный мой день, и кромѣ того не хочется. Пошелъ я къ бѣдной попадьѣ, обрадовать ее чтеніемъ Тургенева письма къ преосвященному. Спасибо доброму Александру; пусть довершитъ свои старанія, а чтобы сдѣлать праздникъ въ семьѣ совершеннымъ, я далъ ей 50 р.

Вчера былъ у Урусовыхъ. Татищева ожидаютъ сюда къ 20-му числу; онъ поѣдетъ сперва къ брату въ Кострому, а потомъ къ матери объявить ей о кончинѣ брата ея Аршеневскаго.

Кто ни пріѣзжаетъ, всѣ хвалятъ домъ; да и подлинно будетъ хорошъ. Ты помнишь, что сзади есть высокая аллея въ саду и начинается у самаго дома, отчего очень темно; я велѣлъ у деревьевъ

---

[1]) Это будущій императоръ Вильгельмъ I-й.

[2]) Волкова звали Александромъ. Его супруга была дочь М. И. Корсаковой.

снять маковки сажени на двѣ, и теперь стало очень свѣтло, а изъ мезонина прекрасный видъ на Андроньевъ, раскольничью церковь и пр.

*

Москва, 12 Сентября 1820.

Малиновскій *) мучилъ Юсупова (le directeur des plaisirs de monsieur le prince de Prusse), чтобы имѣть его посѣщеніе; возили его въ Архивъ, гдѣ очень было ему скучно, и откуда уѣхалъ черезъ ¾ часа, спѣша въ Нѣмецкій театръ, который все-таки не такъ скученъ, какъ Архивъ.

*

Семердино, 15 Сентября 1820.

Время безподобное, и мы все на воздухѣ, цѣлое утро работали всѣ на гумнѣ: я молотилъ, ворошилъ, сметалъ и сгребалъ; только что не вѣялъ, дѣти даже таскали снопы. Вотъ у насъ какъ у деревенскихъ! Для тебя это Арабская грамота. Время чудное! Я думаю, однакоже, что въ Пятницу или въ Субботу пущусь въ Москву съ Наташею, показать ей дворецъ нашъ.

*

Семердино, 17 Сентября 1820.

Скоро вышли и Стурдза, и Северинъ; но это награждаютъ не ихъ, а Каподистрію. Я слышалъ, что Кривцовъ женится на Вадковской, племяницѣ графа Чернышова; она, мнѣ помнится, прекрасная. Хорошо, что ты пересмотрѣлъ письмо Свиньина о дилижансахъ, а то онъ немного возметъ соврать.

Подлино гадокъ этотъ процессъ королевы Аглицкой. Въ нонѣшнемъ свѣтѣ, какъ будто все клонится къ истребленію почтенія къ престоламъ и лицамъ царскимъ. Эдакого соблазна не видано! Карлсрусская служанка теряетъ чувства, принуждена будучи публично повторять мерзости, и кого же? Коронованной особы! А эта безстыдная, непотребная Каролина тутъ какъ будто не объ ней рѣчь. Ну можетъ ли одинъ Англичанинъ послѣ этого въ церкви призывать ея имя: оно какъ бранное слово теперь. Мнѣ очень понравилось слово маркиза (не помню имя), который, понуждаемъ будучи грязью и каменьями черни кричать vive la reine, сказалъ: et bien, vive la reine et puissent vos femmes et vos filles lui ressembler. Спасибо тебѣ, маркизъ!

Гуляемъ по крестьянскимъ работамъ и имъ даже помогаемъ, читаемъ Катенька чтецъ хоть куда, а особливо по-русски; вырѣзываемъ картины, это фаворитное упражненіе всѣхъ. Я теперь списываю ста-

*) Директоръ Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ; а князь Н. Б. Юсуповъ—начальникъ такъ называемой Кремлевской Экспедиціи.

тью для помѣщенія въ Сынѣ Отечества, по просьбѣ Броневскаго и Греча. Я выбралъ статью касающуюся до Али-Паши. Она очень любопытна. Метакса самъ ея не узнаетъ. У него все очень голо и сухо. Я прибавилъ много размышленій, да и дополнилъ во многихъ мѣстахъ новыми прибавками. Пришлю тебѣ подъ открытою печатью, прося доставить Гречу, а тамъ надобно будетъ подумать о подпискахъ для бѣднаго Метаксы.

Ба, вотъ и мой фаворитъ! Знаешь ли кто? Старостинъ внукъ Данилка! Я его люблю безъ ума. Онъ похожъ на Сашку лицомъ, хотя и въ грубомъ видѣ; но чтò странно, по несходству сановъ и воспитанія, это то, что у него всѣ ухватки, жесты коверканья, смѣхъ и особливо одинъ голосъ съ моимъ милымъ Сашкою. Только плачетъ не такъ. Я его сбросилъ съ кучи соломы, и онъ не плакалъ, но заревѣлъ какъ осленокъ. Ежели сходство не измѣнится (чего нельзя ожидать), но я этого мальчика возму къ себѣ. У него сестры всѣ красавицы. Олинька и Лизанька должны ихъ помнить, ихъ штукъ съ пять.

*

Москва, 20 Сентября 1820.

О чемъ грустить Жуковскій [1])? Я бы радовался посмотрѣть бѣлый свѣтъ, онъ же не оставляетъ никакихъ залоговъ въ Россіи. Вольный казакъ! Милую Фонтоншу прошу пожурить; elle peut faire des malades, même des malheureux, mais ce n'est pas à elle à avoir le spleen, et si cela continue, je viendrai donner le fouet à son mari. Каковъ же Кривцовъ! Excusez du peu, но я не Кампенгаузенъ и радуюсь когда слышу о милостяхъ, Государемъ оказываемыхъ [2]).

И такъ Нессельроде ѣдетъ дипломатировать въ Тропау. Ну, преосвященный отче Прадтъ! Чини свое перо скорѣе и описывай и этотъ конгрессъ! Колонны Исакіевскаго собора походятъ на басню, и эти чудовища будутъ на воздухѣ вокругъ средней главы. Чудо! Рѣчь Государя въ Варшавѣ достопамятна и преисполнена прекрасныхъ правилъ. Вотъ катихизисъ царямъ и народамъ, а Полякамъ очень искусно даетъ sur le nez.

*

Москва, 21 Сентябрь 1820.

Ну ужъ удивился я проколотому письму. Оно отъ Шмита, ты врядъ знаешь ли его. Онъ оставался въ Москвѣ послѣ ухода Французовъ въ Голицынской больницѣ, доставилъ Растопчину разныя свѣдѣнія касательно Французской арміи, жилъ потомъ у Волкова, кото-

---

[1]) В. А. Жуковскій ѣхалъ тогда въ первый разъ за границу.

[2]) См. о томъ въ письмѣ Карамзина къ Дмитріеву отъ 20 Сентября 1820.

рому надѣлалъ неудовольствія, бывалъ часто у Варламовыхъ и у всѣхъ насъ, потомъ опредѣленъ въ нашъ Нѣмецкій легіонъ, былъ въ походѣ противъ Французовъ, скрылся, очутился у Турокъ, кажется выслан Строгоновымъ изъ Царьграда по разнымъ подозрѣніямъ[1]). Волконской писалъ Волкову по приказанію Государеву, требуя свѣдѣній о Шмитѣ. Я Волкову сочинилъ отвѣтъ, въ коемъ описано все поведеніе Шмита. C'est tout bonnement un aventurier et assez gauche même; je ne savais pas du tout de sa correspondence, et j'espère que c'est la première et dernière fois qu'il m'écrit. Il me dit qu'il c'est fait médecin et que cela lui a réussi, qu'il traite, guerit les Arabes et que quand il en meurt, personne ne lui en demande raison. Вотъ тебѣ и весь Шмитъ, который, какъ видишь, не похожъ на нашего школьнаго и важнаго Ив. Ѳед. Шмита.

Рѣчь государева прекрасна [2]) во всѣхъ отношеніяхъ; твердость, умъ, нравственныя правила все тутъ отмѣнно. Довольны ли сю Поляки, не знаю, но это не главное. Кто ѣдетъ съ Нессельродомъ въ Троппау изъ канцелярскихъ?

*

Москва, 23 Сентября 1820 г.

Наши Пушкины все въ Валуевѣ, копятъ бѣдные чѣмъ жить зимою, и не прежде будутъ въ городъ, какъ въ Октябрѣ. Вчера видѣлъ я въ клубѣ пріѣхавшаго отъ тетушки своей Вас. Льв. Пушкина. Его перетрусилъ такъ племянникъ его (что у Инзова на покаяніи), что онъ отъ него отнѣкивается и отвѣчалъ: je ne sais rien de lui, et même nous ne nous écrivons pas. Вас. Льв. былъ въ Калугѣ, гдѣ гостилъ дня три у Шаховскихъ. Она брюхата, между прочимъ и похорошѣла... Въ Калугѣ довольно весело, есть даже театръ. Но Софія не потеряла Пушкинской привычки: купила за 200 тыс. деревню, дающую 35 тыс. годового дохода, кромѣ того что тутъ домъ и церковь каменныя. L'eau va à la mer.

Извѣстія теперь любопытны, особливо Палермскія; тамъ всѣ актеры мнѣ очень знакомы. А Лондонскій процессъ гадокъ: верховное судилище, каковъ парламентъ, преобразился въ управу благочинія. Какой будетъ этому конецъ? Здѣсь только и разговору что объ этомъ, а у меня только и въ головѣ теперь поскорѣе отдѣлать домъ.

Происшествіе, о коемъ много говорятъ, это свадьба странная: Дарья Никол. Лопухина [3]) обвѣнчалась... не съ Лодеромъ, нѣтъ, а съ гу-

---

[1]) Тотъ Шмитъ, который въ 1812 году приготовлялъ воздушный шаръ въ подмосковномъ селѣ Воронцовѣ.

[2]) На второмъ Польскомъ сеймѣ.

[3]) Д. Н. Лопухина держала пансіонъ для дѣтей обоего пола. У нея учился баронъ А. И. Дельвигъ.

вернеромъ дѣтей своихъ. Нѣкто Opperman весьма ловкій, говорятъ, интриганъ; увѣряютъ, что онъ на это не иначе согласился какъ получа прежде 200 тыс. наличными деньгами. Всѣ бѣсятся на этомъ свѣтѣ.

*

Семердино, 5 Октября 1820.

Сидимъ вчера ввечеру съ Наташею, дѣти слушаютъ, какъ я имъ читаю отрывокъ изъ журнала «Благонамѣреннаго». Вдругъ входитъ Васька: «Митька пріѣхалъ изъ Москвы!» «Des lettres de Constantin», говоритъ Наташа. Приноситъ цѣлую шкатулку отъ глухого Евсѣя, между всякою всячиною твои два пакета съ №№ 130 и 131. Дѣтямъ объявлено продолженіе чтенія впередъ, а я ну тѣшиться твоими письмами.

Мысль о помѣщеніи Фаста въ Комиссію построенія Московскаго собора очень хороша. Поговорю съ нимъ въ Москвѣ; да хорошо дать бы мѣсто, которое назначили, Руничу, а Руничъ еще ничего не знаетъ о себѣ.

Не повѣришь, какъ меня опечалило извѣстіе о бѣдномъ Велеурскомъ. Онъ, кажется, прекрасный молодой человѣкъ. Экія болѣзни! Я отчаяваюсь въ выздоровленіи. Каково бѣдной невѣстѣ! Какъ будто она ему принесла несчастіе.

Рѣчь Государева еще лучше по-русски. Этакихъ рѣчей отъ роду не бывало. Такія правила и чувства лучше всякой конституціи; теперь всѣ бросили мысль о мнимо-готовящейся вольности у насъ, а рѣчь эта много сдѣлала добра у насъ. Вяземскій лѣнтяй, я ему написалъ не письмо, а двѣ строки:

Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь.
. . . . и баста!

Князь Шаликовъ потѣлъ пять дней надъ переводомъ рѣчи Государевой для Московскихъ газетъ *). Не знаю, чѣмъ-то кончилъ.

Я получилъ письмо отъ гр. Ростопчина, котораго Карбонары заставили отложить поѣздку во Флоренцію. Онъ остается въ Парижѣ, собирается опять въ Лондонъ, когда будетъ тамъ Воронцовъ, а весною собирается въ свои деревни, и черезъ Кіевъ въ Москву на короткое время. Онъ вспомнилъ, что, въ разговорахъ нашихъ въ Парижѣ, я ему говорилъ о изобиліи сѣна у насъ въ Бѣлоруссіи. Онъ пишетъ, что велѣлъ мнѣ привести славнаго жеребца и пять кобылъ для заведенія завода лошадинаго. Спасибо! C'est bon à prendre et à garder: у него лошади дивныя, подарки султана Селима во-время оно;

*) Карамзинъ писалъ Дмитріеву 19 Окт. 1820: „Надобно выдрать уши милому князю Петру", т. е. князю П. И. Шаликову. П. Б.

это можетъ сдѣлать значительный доходъ со временемъ. Наташѣ шлетъ онъ славнаго быка и 4 коровы Голландскія. Я ему писалъ: «Sans devenir vâche elle-même, Natalie a la passion des vâches et s'en occupe beaucoup à la campagne. Il est tout-à-fait galant et même généreux, car c'est un objet de 15 m. r. Авось либо съ легкой руки пойдетъ и у насъ славная порода.

*

Семердино, 26 Октября 1820.

Стало, Государь былъ доволенъ въ Варшавѣ; но правду сказать (я самъ его видѣлъ), войско Польское удивительно во всѣхъ отношеніяхъ. Раутенштраухъ умретъ съ радости. То-то будетъ примѣривать ленту и носить съ кокетствомъ; перещеголяетъ молодого Кутайсова, который шесть мѣсяцевъ дулся на сенатора Багратіона за то, что онъ (думая ему угодить) отшпилилъ булавку, державшую со многимъ другимъ ленту въ позиціи угодной сіятельнѣйшему графу.

Какъ поразила меня смерть бѣдной Юсуповой! *) Кровь съ молокомъ, молода, богата, все не помогло! Бѣдная эта Юсупова не могла ни одного раза родить, бывши 4 или 5 разъ брюхатою. Можетъ быть, и подлинно виноваты были акушеры. Это срамъ! Нѣтъ ихъ хорошихъ въ обѣихъ столицахъ. Лучше бы убавить докторовъ, да завести парочку хорошихъ акушеровъ. Жаль, жаль бѣдную Юсупову! Еще не Саблукова ли кинулась въ Неву отъ жестокостей Тургенева, еще не онъ ли вытащилъ ее изъ воды багромъ? У насъ, кинувшись въ Яузу, можно замараться, а утопиться никогда.

Неужели королеву Англійскую оправдаютъ? Чего добраго, радикальные возведутъ на престолъ Bergami. И у насъ есть удалой Варѳоломей мусьè Боголюбовъ, а этотъ Варѳоломей еще удалѣе нашего: не откажется ни отъ чего. Сицилійское дѣло кончилось хорошо. Сицилія столь разнствуетъ отъ Неаполя всѣмъ, что ей нужна особенная конституція, а независимость ея будетъ независимость въ родѣ Польской—на словахъ, а не на дѣлѣ. Я люблю очень, что этотъ головорѣзъ Али-паша хотѣлъ тоже дать конституцію Албаніи; кажется, онъ кончитъ еще хуже Наполеона. Какъ онъ не уберется куда-нибудь! Но, видно, отливаются волку лютому слезы горькія!

Статья наша очень кстати попала въ «Сынъ Отечества». Она подлинно интересна. Теперь штурмую я С.-Мавру. Ее беретъ нашъ Сенявинъ, бывшій тогда капитаномъ. Это даетъ мнѣ поводъ дѣлать размышленіе объ этомъ достойномъ лицѣ; я приглашаю читателей

---

*) Это была княг. Прасковья Павловна (ур. княжна Щербатова), супруга князя Бориса Николаевича Юсупова; онъ женился вторично на Зенаидѣ Ивановнѣ Нарышкиной.

себѣ Записками Броневскаго, въ коихъ Сенявинъ является на поприщѣ пространнѣйшемъ, достойномъ великаго его духа, способностей и славы Русскаго флага.

Меня очень пріятно заняла и насмѣшила антикритика на Воейкова, разбиравшаго поэму молодого Пушкина. Писано чрезвычайно остро и колко до жестокости. Krivtzow aura les rieurs pour lui; je ne le croyais pas de cette force, il raisonne même très-bien sur la littérature russe. Кажется, Воейковъ будетъ довольно уменъ, чтобы молчать и симъ прекратить бой, конечно не равный. Я читалъ женѣ, и она смѣялась, какъ и я. Пришли намъ поэму Руслана, ежели она напечатана; я ея не читалъ еще.

Ну, поспѣваетъ восьмое чудо въ свѣтѣ! Евсей пишетъ, что въ Воскресенье не будетъ уже работника ни одного въ домѣ, что все кончится къ этому дню. И такъ, въ Субботу мы отправляемся въ Москву, куда сегодня посылаемъ обозъ послѣдній. Атакуютъ меня со счетами, страшно подумать!

*

Семердино, 31 Октября 1820.

Мнѣ кажется, что при Государѣ не было бы этой исторіи въ Семеновскомъ полку, который всегда былъ отборный; видно Шварцъ, пользуясь отсутствіемъ Императора, слишкомъ много себѣ позволялъ, или мучилъ людей, думая перещеголять другіе полки. Всѣ пакости дѣлаются у насъ иностранцами. Свой своему поневолѣ братъ. Нашъ солдатъ очень терпѣливъ, и тутъ не былъ онъ никѣмъ подстрекаемъ. Жаль, что такой видный полкъ будетъ разкассированъ, но этотъ примѣръ нуженъ. Я думаю, Шварца тѣмъ болѣе ненавидѣли, что онъ заступилъ мѣсто Потемкина, котораго очень любили.—Да и въ Москвѣ многіе вострятъ зубы на дилижансы, не у васъ однихъ; всѣ спрашиваютъ, когда пойдутъ они въ ходъ; вся Москва собирается въ Петербургъ, кто за 95, кто за 45. Заводите: это слишкомъ полезно, чтобы не идти хорошо, а тогда заведутся и по другимъ трактамъ, особливо по Рижскому.

*

Москва, 5 Ноября 1820.

Вчера оставилъ я тебя вдругъ*), любезный братъ, чтобъ ѣхать въ баню. Ну ужъ бани! Реманъ въ восхищеніи, все хвалитъ Москву и все бранитъ Парижъ, превозноситъ Русскихъ. Voilà, dit-il, un homme qui, malgré sa barbe, eût fait un excellent ministre de l'intérieur. Этотъ почтенный Лепешкинъ, потерявъ все во время Французовъ, не получа никакого вознагражденія изъ казны, дѣятельностію и умомъ опять под-

*) Т. е. перервалъ письмо.

нялся и вездѣ жертвуетъ собою для блага общаго: въ тюремномъ замкѣ, въ ямѣ, для постройки мостовъ, кладбища, вездѣ его труды и деньги. И подлинно, о баняхъ сихъ говорилъ бы журналъ des Débats, какъ о чудѣ; а здѣсь никто и не замѣчаетъ ихъ. Тутъ каменнаго строенья на 400 сажень, вода проведена изъ средины Москвы рѣки, т. е. за версту, большимъ подземнымъ каналомъ, раздѣляющимся потомъ на 1200 трубъ; есть котелъ главный, вмѣщающій въ себѣ 900 ведеръ воды, и эта горячая вода идетъ въ разныя направленія; всѣ гидравлическія машины очень прочны, сдѣланы самимъ Лепешкинымъ; ежедневно бываетъ въ раздачѣ до 5000 билетовъ, солдатъ пускаютъ безденежно. Хозяинъ самъ насъ угощалъ тутъ же въ чистенькой комнатѣ (какихъ много) съ диванами, зеркаломъ, ковромъ и пр., чаемъ, а тамъ было съ позволенія Ремана и Шампанское: пили здоровье почтеннаго хозяина матушки Москвы. Ну для Rehmann encore un verre à la santé de bon ami Constantin Boulgakow, dit Wolkoff, quoique je serai un peu malade et fâché contre Constantin qu'il ne me répond pas. У Лепешкина есть пріятель, также мужикъ съ бородою. У нихъ 25 лѣтъ братская такая любовь, что не узнаешь, который хозяинъ: что̀ одинъ прикажетъ, другой всегда одобритъ, все общее, не могутъ быть другъ безъ друга. Любо на нихъ смотрѣть. Однимъ словомъ, я такъ былъ восхищенъ всѣмъ вчера, что не могу не дать тебѣ хотя короткаго понятія о добрыхъ сихъ людяхъ и о заведеніи ихъ. Реманъ a prie note de tout cela et retournera un jour là-bas pour observer en détail l'établissement.

Въ городѣ нѣтъ ничего новаго кромѣ исторіи князя Долгорукова, dit l'enfant prodigue; онъ проигралъ какому-то Квашнину 3000 р., не платилъ, тотъ ему пишетъ; онъ разорвалъ его записку, сказавъ человѣку: я не долженъ былъ никогда твоему господину. Такъ какъ это было въ клубѣ Агл., то К. обратился къ старшинамъ, прося по статутамъ исключить Долгорукова изъ клуба. Старшина Ев. Ив. Марковъ поѣхалъ уговаривать Долгорукова, а тотъ и тому отперся, увѣряя, что онъ даже и не игралъ никогда съ Кв., на котораго напалъ Марковъ. Кв., чтобы пристыдить Д., поѣхалъ къ нему, нашелъ его съ женою и дѣтьми за завтракомъ. Правда ли, что вы мнѣ, князь, не должны 3000?—Правда!—Вы говорили, что со мною даже никогда не играли?—Не игралъ! Кв. развернувшись да хлопъ его въ щеку, а Долгор. позвалъ людей, растянулъ Квашнина, да прибилъ немилосердно. Не знаю, чѣмъ эта мерзкая исторія кончится.

Сейчасъ былъ Васил. Львовичъ, который тебѣ много кланяется. Сегодня ждутъ княгиню Вяземскую изъ Варшавы; а онъ самъ будетъ позже, прежде къ вамъ, а тамъ сюда, а тамъ въ чужіе края, гово-

рятъ, оставя здѣсь княгиню. Узнаю что нибудь отъ нея, а онъ лѣнивецъ не пишетъ ни слова. Братъ княгининъ Васенька Гагаринъ былъ въ горячкѣ, освободился отъ нея, рано выѣхалъ, объѣлся и теперь, говорятъ, на смертномъ одрѣ; не на радость пріѣзжаетъ сестра.

*

Москва, 8 Ноября 1820.

Благодарю очень за Руслана и Людмилу. Это рѣдкость здѣсь, и Васил. Львовичъ такъ и кинулся вчера на нее, а ты успѣлъ не только ее отыскать, но и переплесть. Я еще не читалъ, да между нами сказано, небольшой охотникъ до стиховъ. Наташа любитъ сказки, а особливо les contes des fées; она очень хвалитъ поэму, но жалѣетъ, что есть кое-гдѣ вольные стихи.

Точно, всѣ обрадуются вашей зимѣ, потому что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія дилижансовъ. Всякой говоритъ объ нихъ по своему: иные превозносятъ до небесъ, другіе говорятъ, что это большой подрывъ для казны, что съ дилижансомъ будутъ посылать важныя суммы, чѣмъ избавятся заплаты процентныхъ денегъ въ казну и пр. Въ Агл. клубѣ одинъ вопросъ: Читалъ ты въ Инвалидѣ? Что? Какъ что: съ 1-го Ноября пойдутъ дилижансы. Боголюбовъ не поѣхалъ съ Татищевымъ, чтобы отвѣдать дилижансы; enfin c'est la chose à la mode. А бѣдный Яблонскій, не дождавшись дилижансовъ, отправился на тотъ свѣтъ. Бутягинъ будетъ умножать ваше общество; онъ таки для многаго годится, а она преумная, даромъ, что кажется отродье Макеровскихъ или Ефимовичевыхъ.

Я увѣренъ былъ, что графиня Строганова тебѣ понравится, во всѣхъ отношеніяхъ почтеннѣйшая женщина, и Вася очень счастливъ попасть въ такую семью *). Ну братъ, что здѣсь завистниковъ! Je rompe des lances pour Basile tous les jours. Hier les Obreskoff me disaient: ну что̀ ты его превозносишь, все сдѣлалось отъ того, что онъ кн. Голицынъ! Да Голицыныхъ, отвѣчалъ я, столько на свѣтѣ, что можно ими вымостить Невскій проспектъ; зачѣмъ же дали именно Васѣ преимущество? Отъ поведенія его, отъ добрыхъ правилъ. Ужъ мнѣ эти кумушки!

Дмитрій Каменскій купилъ за 95 тыс. домъ Лобанова у Никитскихъ воротъ, отдѣлалъ его съ большимъ вкусомъ и давалъ намедни для имянинъ своихъ обѣдъ и ужинъ; сестры живутъ съ нимъ. Они умно устроили свои дѣла; а своякъ его, косой Загряжскій, совсѣмъ раз-

---

*) Говорится о графинѣ Софьѣ Владимировнѣ Строгановой, дочь которой графиня Аделаида Павловна выходила за молодаго князя Василья Сергѣевича Голицына, коего мать (Приклонская)—двоюродная сестра Булгаковыхъ.

зорился, взявъ еще болѣе за женою своею *). У Каменскаго видѣлъ я Ремана, который все еще въ восхищеніи отъ бани намеднишней и отъ хозяина-бородача. J'aime mieux, dit-il, ce brave homme, et il a plus d'esprit que toute la chambre des députés de Paris. Я видѣлъ тамъ Малиновскаго, который совсѣмъ оплѣшивѣлъ и бьетъ тебѣ челомъ безволосымъ.

Я сейчасъ отъ Волкова, у котораго обѣдалъ. Далъ ему слово ѣхать съ нимъ въ театръ; представляютъ Добріеву Собаку; говорятъ, что это любопытно. Тутъ собака играетъ главную роль; однакоже она въ первое представленіе заупрямилась и не все сдѣлала, подошла къ плошкамъ и чуть не прыгнула на музыкантовъ.

*

Москва, 9 Ноября 1820.

Собака вчера славно сыграла свою роль: прибѣжала на сцену, взяла въ зубы веревочку, звонила колокольчикомъ, вырвала у женщины фонарь изъ рукъ и указывала ей дорогу къ мѣсту, гдѣ убитъ ея господинъ, потомъ по сценѣ преслѣдовала убійцу, кидаясь на него. Пьеса впрочемъ довольно не значуща, а иные злые люди вызывали послѣ пьесы собаку.

Здѣсь на Вяземскую опять сплели исторію, которую Вас. Львов. разсказывалъ мнѣ съ трепетомъ и таинственностію, читая въ глазахъ, вѣрить ли этому или нѣтъ. Вяземская конечно кокетничать не откажется, но я поручусь въ вѣрности ея къ мужу. Святоши и смиренькія сто разъ хуже. Куда ея дамы не любятъ, чего не выдумаютъ! Эта исторія такъ глупа, что я тебя избавляю отъ разсказыванія; героемъ въ ней генералъ Альбрехтъ. Вас. Львов. очень обрадовался, что я позволилъ ему этому не вѣрить. Старымъ стала!

Процесъ Лондонскій кончился по желанію радикалистовъ, т. е. обезчестіемъ короля и королевы и униженіемъ престола и парламента. Мерзкое дѣло. C'était en vérité un piège tendu au roi, et il a donné dedans, écoutant sa haine contre sa femme, et elle ne méritait que le plus profond mépris.

Я посылаю тебѣ гостинцу, посылаю вещь, которой нѣтъ ни у кого въ Москвѣ еще, кольми паче у васъ: вчера только привезли первую и еще не продается; но что тебя мучить загадками? Я не Французскій журналъ. Посылаю тебѣ 5 фунтовъ славнѣйшей икры свѣжей!

*

---

*) Анастасьей Ивановной Бибикинской, которая, овдовѣвъ, вышла за памятнаго Москвѣ Геннадія Владимировича Грудева. Сестра ея, Елисавета Ивановна, была за упомянутымъ выше Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ.

Москва, 11 Ноября 1820.

Вяземская была здѣсь сутки и поѣхала въ свою подмосковную. Не могла меня отыскать, имѣетъ коммесіи отъ мужа. Скоро будетъ опять сюда на житье. Онъ же явится черезъ шесть недѣль. Милорадовичъ будетъ въ отчаяніи, а можетъ быть и Тургеневъ: Ольга Потоцкая идетъ замужъ за Голицына Александра, Варшавскаго.

*

Москва, 16 Ноября 1820.

Вчера я у Волкова обѣдалъ; вдругъ является Баратовъ, старъ, худъ, сѣдъ, но все также буфонитъ, все говоритъ объ талантахъ своей 16 лѣтней дочери, которая по его словамъ большая уже музыкантша и различаетъ мазурки отъ экосеза. Его дѣла очень плохи: Тамбовскіе мужики взбунтовались, не платятъ оброкъ, подали Государю жалобу, что онъ ихъ угнетаетъ; кажется 70 р. съ тягла небольшой оброкъ, вотъ полтора года, что онъ ничего не получаетъ, жить нечѣмъ, онъ теперь старается продать эту деревню и отдаетъ почти за ничто. При всемъ этомъ также ходитъ журавлемъ, представляетъ дурачка, говоря: comme on voit que je suis un homme d'esprit.

Сегодня ожидаютъ графиню Орлову, которая чрезмѣрно огорчена смертію своей нянюшки; она за нею смотрѣла какъ за матерью, давала сама лѣкарство и ночи не спала. Теперь везетъ ея тѣло сюда, чтобы предать землѣ; здѣсь многіе ее цыганятъ: что за любовь къ нянюшкѣ! Почему же нѣтъ? Конечно иной и родную мать свою не почитаетъ, тому это покажется странно. Графиня во всѣхъ отношеніяхъ препочтенная женщина.

На дняхъ была свадьба молодого Всеволожскаго, чтò былъ у Закревскаго адъютантомъ, съ меньшою кн. Трубецкою. За нею теперь 1000 душъ и на 100 тыс. приданаго, а тамъ дадутъ еще другія 1000 душъ, а женихъ съ трудомъ могъ у отца оттянуть материнское имѣніе.

*

Москва, 19 Ноября 1820.

У насъ баламъ нѣтъ конца, но я ни на одномъ еще не былъ. Тургеневъ молодецъ: станетъ на всѣхъ и ногъ его и желудка! Всѣхъ уконтентуетъ, кромѣ нашей попадьи, которая все еще пенсіи не получила, и все еще умираетъ. Очень меня радуетъ то, чтò сказалъ Голицынъ; онъ вѣрно обратитъ себѣ въ урокъ расточительность отца и не разстроитъ никогда свое состояніе, чтò еще было бы непростительнѣе, ибо имѣніе женино, а не его. Онъ напротивъ того употребитъ хорошо богатство свое. Я не воображалъ, что такъ много, да и никто этого не воображаетъ, а говорить не стану: подлинно, иной лопнетъ.

Обрѣзковъ говоритъ, что вчера у Апраксина только и рѣчи, что о побѣгѣ Наполеона, о коемъ разсказываетъ подробно Гамбургская газета. Всему вѣрятъ! Да онъ бы посмотрѣлъ, что̀ говоритъ о томъ самъ газетчикъ: wahrscheinlich ist das eine Erfindung; а они всѣ плачутъ и перетрусились. Въ журналѣ Свиньина Данилевскій говоритъ съ похвалою о книгѣ «Русскіе и Наполеонъ Бонарте», которую я издалъ въ 1813 году.

Тесть велѣлъ явиться на экстраординарный обѣдъ, *имъ* заказанный въ отдѣленіи, гдѣ будетъ много шуму. Апраксинъ по старой привычкѣ выѣзжаетъ съ проектомъ. Хочетъ, чтобы его баллотировали; онъ хочетъ нарушить первое правило, цѣль учрежденія отдѣленія: хочетъ предложить, чтобы члены отдѣленія не были принуждены быть членами Благороднаго Собранія. Какой вздоръ! Какъ будто 50 р. разоритъ кого нибудь. Ежели поѣду, буду бурлить противъ этой глупости. 1-е потому, что это глупость, 2-е потому, что я директоръ Благороднаго Собранія. Вотъ всѣ наши новости, наши глупости.

Сегодня нѣтъ балу, какъ всякое Воскресенье, у принца-регента. Въ отдѣленіи намедни онъ прихрамывалъ, былъ въ госпиталѣ, неловко ступилъ; видно, вытянулъ жилу. Je pense, disait-il, que revenant à la maison il faudra me faire couper la botte, car je sens que mon pied enfle; такъ и сдѣлалось. Жаль князя, (хотя это и бездѣлица), но болѣе еще балу. Волковъ получилъ приказъ государевъ касательно Семеновскаго полка. Здѣсь всѣ находятъ, что рѣшеніе самое справедливое, но никто его не предусмотрѣлъ, всякій полагалъ по своему; жалѣютъ только бѣдныхъ унтеръ - офицеровъ, особенно тѣхъ, коимъ доставалось очень скоро въ офицеры. Въ этомъ числѣ и бѣдный Николушка Щербатовъ, выслужившій два года въ своемъ чинѣ. Лучше бы отца разжаловать въ прохвосты; но надобно думать, что послѣ сей справедливой строгости Государь ихъ помилуетъ. Государевы изрѣченія трогательны и тверды. Я полагаю, что ты мнѣ пришлешь этотъ приказъ. Теперь никто объ этомъ полку не жалѣетъ. Здѣсь мнѣніе Государя имѣетъ ужасный вѣсъ; да и подлинно, избрано лучшее средство.

*

Москва, 22 Ноября 1820.

Вчера обѣдалъ я въ отдѣленіи. Le motif de m-r Apraxine a passé. Да какъ быть иначе, когда даютъ обѣдъ въ 1500, и г-да въ лентахъ ходятъ около стола и кланяются въ поясъ, чтобы быть ихъ мнѣнія. Я тебѣ писалъ, въ чемъ дѣло. Я положилъ черный шаръ и сказалъ Ст. Ст., что я не его мнѣнія; что, нарушая законъ, коимъ всякій членъ отдѣленія обязанъ быть членомъ и Благороднаго Собранія, они нарушаютъ главную цѣль учрежденія отдѣленія; что 50 р. никого

не разорять, что прежде слѣдовало это обдумать; что или тогда дѣлали дурно, или теперь. Зачѣмъ не дѣлать всякому, что̀ онъ хочетъ? Хорошо, да зачѣмъ вы не говорили это при учрежденіи отдѣленія? Вы сами разрушаете ваше твореніе. Много было крику, всѣ остались недовольны, и большинство было не значущее. Теперь Агл. Клубъ говоритъ: вотъ и доказали старшины отдѣленія, что цѣль ихъ не была нимало поддержать Благородное Собраніе, а только подорвать Агл. Клубъ. Послѣ обѣда учрежденъ еще новый законъ по предложенію князя Юрія Волод. Долгорукова, а именно: всякій членъ Благороднаго Собранія можетъ быть, *безъ балотировки*, членомъ отдѣленія. Не думаю, чтобы это придало блеску отдѣленію, въ коемъ, напротивъ того, принимали съ разборчивостію въ члены. Ты помнишь, что Лупина офицера не приняли въ отдѣленіи, а теперь онъ будетъ членомъ безъ всякой протекціи. Однимъ словомъ, кутермятъ, да и только. Помѣшались на обѣдахъ: въ Четвергъ обѣдъ въ росписномъ, по 25; тамъ тоже выкинутъ что нибудь новаго. Тесть мой играетъ роль гофмаршала на сихъ обѣдахъ. Я отъ будущаго отказался, а вчера надобно было видѣть, какъ князь Вас. Алекс. провожалъ стерлядь въ полтора аршина; два человѣка несли ее на лоткѣ, а онъ подводилъ ее и рекомендовалъ принцу-регенту, Юсупову, Долгорукову и пр. матадорамъ, приговаривая: Каковъ мусье? Самъ покупалъ, два часа назадъ была жива, ну теперь ступайте, рѣжьте! Cela fait peine à voir un homme de cet âge, de ce rang, le предводитель de la noblesse, faire le maître d'hôtel. Le p-ce régent m'a accosté hier, nous avons parlé entr'autre de Basile, dont il m'a dit du bien sans le connaître et moi avec connaissance de cause.

Какъ бы процессъ королевы ни кончился, она все ошельмована... и, я думаю, всѣ послы за безчестіе сочтутъ дѣлать ей привѣтствіе малѣйшее; это докажетъ не ея невинность, но худой духъ, царствующій въ Англіи. Останутся ли министры? Увидишь, что это начало всякихъ бѣдствій для Англіи.

*

Москва, 29-го Ноября 1820.

Вчера былъ я на балѣ у кн. Дмитрія Владим. и даже танцовалъ кадриль съ его дочерью. Княгинѣ дѣлались обмороки, и она до ужина удалилась въ свои комнаты, а послѣ ужина всѣ тотчасъ разъѣхались. Я увидѣлъ тутъ послѣ 17 лѣтъ молодого Демидова, сына Ник. Никитича, онъ адъютантомъ у князя; въ Неаполѣ зналъ я его 8 лѣтъ, его называли Полпшка, и я его дразнилъ, что какъ привезутъ въ Россію, то будутъ называть Полушка. Сколько напустить онъ можетъ полу-

шекъ! Онъ говорятъ весь въ батюшку и деньги не соритъ [1]). Николай Долгорукій всякій разъ танцуетъ котильонъ съ княжною Гол.; вотъ и довольно, чтобы думали, что женится [2]); мнѣ не кажется, чтобы онъ много ей нравился. Барышни смѣются, что онъ танцуетъ зажмуря глаза и въ ссорѣ съ кадансомъ. Онъ было женился во Флоренціи на дочери гр. Бутурлиной (Лили); но маменька, узнавъ это, послала ему имянной указъ возвратиться въ Россію.

Волковъ отправилъ своего Никол. Иванов. въ Одессу за Пашею, котораго отдаетъ въ пансіонъ, учреждаемый Бибиковымъ, что̀ женатъ былъ на Муромцевой. Всѣ хвалятъ это заведеніе. Кн. Дмит. Влад. сказывалъ вчера о многихъ перемѣщеніяхъ въ миссіяхъ нашихъ и спрашивалъ, пишешь ли ты объ этомъ; я отвѣчалъ, что нѣтъ, ибо и ты пишешь объ этомъ какъ только о слухахъ Петербурскихъ.

Графиня Бобринская въ траурѣ по братѣ, но я думаю не вытерпитъ и вѣрно дастъ въ зиму хоть одинъ балъ.

Сегодня былъ въ собраніи выборъ двухъ дворянъ для изслѣдованія по высочайшему повелѣнію здѣшней думы городской. Мертваго и кн. Долгоруковъ, бывшій здѣшній губернаторъ, выбраны были для засѣданія въ семъ комитетѣ сверхъ назначенныхъ Государемъ князя Дм. Владим., Циціанова, губернатора и Шульгина.

*

Москва, 30 Ноября 1820.

Сегодня первое собраніе; кажется, не будетъ многолюдно. Я не поѣду вѣроятно, тѣмъ болѣе, что не мое дежурство, а Юсупова и князя Мих. Петр. Гол.; въ Субботу новозаписавшихся было только *четверо.* Князь Юрій Владим. Долгорукій выѣзжаетъ съ новыми проектами, чтобы учредить при собраніи Французскій спектакль и тѣмъ привлекать народъ; это пустяки, но у насъ безъ новизмъ ни на часъ.

Волковъ отыскиваетъ портретъ покойнаго Тормасова. Государь велѣлъ оный прислать для Эрмитажа; у Тормасова стоялъ прекрасный и схожій портретъ, но не знаютъ, куда онъ дѣвался послѣ его кончины.

*

Москва, 2 Декабря 1820 г.

Хорошая была мысль ѣхать въ дилижансѣ въ Стрѣльну: такимъ образомъ узналъ ты недостатки въ экипажѣ и можешь имъ пособить, а бѣда имѣть ноги скорчивши, особливо въ большомъ переѣздѣ. Первый транспортъ прибылъ сюда чрезвычайно скоро, я ѣздилъ смотрѣть

[1]) Это Анатолій Николаевичъ Демидовъ, вдова котораго Матильда, племянница Наполеона I-го, доселѣ здравствуетъ.

[2]) Князь Н. В. Долгорукій дѣйствительно женился на дочери Московскаго генералъ-губернатора, княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Голицына.

повозки и обо всемъ разспросилъ. Вчера былъ я званъ обѣдать къ князю Дмитр. Владим., гдѣ только и рѣчи было, что о дилижансѣ; узнавъ, что я ихъ видѣлъ, всѣ меня обступили и разспрашивали о всѣхъ подробностяхъ. Смерть бѣдной графини Апраксиной всѣхъ поразила; но князь сказывалъ, что она сама виновата: родивши очень хорошо, простудилась двѣ недѣли послѣ *).

То, что̀ тебѣ говорила графиня Нессельроде, сказывалъ мнѣ вчера князь Дм. Влад., только вмѣсто Лайбаха называлъ Венецію, и что туда будутъ еще короли Сардинскій, Неапольскій и вел. герц. Тосканскій. Мнѣ кажется, что моего Фердинанда не выпустятъ изъ Неаполя, или не впустятъ назадъ, ежели тайно уѣдетъ. Я все это не понимаю никакъ. Ежели то, что̀ бываетъ въ Неаполѣ, не нравится, то на что имъ согласіе связаннаго кандалами Карбонаріевъ короля? Зачѣмъ не дѣйствовать силою? Тогда и король скажетъ: что̀ намъ дѣлать противъ силы? Уступимъ ей! Французы не хотѣли второй разъ Людовика XVIII, да вѣдь дали же его Франціи, и онъ царствуетъ. Положимъ, что правила, господствующія въ Неаполѣ, не могутъ быть терпимы; зачѣмъ же тѣже правила терпятся въ Гишпаніи и Португаліи? За тѣмъ, что Австрійцы, которыхъ Итальянцы терпѣть не могутъ, боятся бунтовъ въ Венеціи, Миланѣ, а можетъ и Флоренціи. Но польза Австріи еще не есть польза всеобщая. Отвѣтъ Фердинанда можно напередъ предвидѣть: онъ не въ томъ положеніи, чтобы говорить правду. Судить хорошо я не могу, не зная тайнъ кабинетовъ, а по вѣроятіямъ. Я такъ думаю, и князь со мною согласился. Объ исторіи Тургенева съ Лобановымъ не слыхалъ ни отъ кого; но правда и то, что давно не былъ въ Аглинскомъ клубѣ, а услышу, то сообщу тебѣ, какъ ее здѣсь разсказываютъ. Экая горячка этотъ Лобановъ, а кажется мужику за 60 лѣтъ. Братъ его кн. Яковъ такъ иначе поступаетъ: все шутитъ, играя вездѣ въ билліардъ, а вчера и попрыгалъ у Каменскаго съ Barbe Пушкинъ. У Каменскаго была лотерейка, я за 10 р. выигралъ serre-papier бронзовый и еще другую бронзовую фигурку Робинсонъ Крузе для навѣшиванья на немъ часовъ и колецъ; это былъ лучшій lot, а оба сто̀ятъ 155 р. Пушкины увѣрены, что я тутъ сфальшивилъ, тогда какъ и не я карту выдергивалъ, а молодая жена Ржевскаго. Послѣ танцовали, и я кадриль проплясалъ. Потомъ показывалъ штуки ventriloque, изрядно, но все это не Парижскій Le Comte. Домъ Каменскій славно отдѣлалъ, щитъ былъ очень хорошъ. Они живутъ очень согласно и счастливо, съ ними и обѣ сестры его живутъ. Отъ главнокомандующаго взманилъ меня Ив. Ив. Дмитріевъ; онъ сѣлъ въ мою карету, и мы поѣхали

*) Это была графиня Елена Антоновна (дочь Неаполитанскаго посланника Серра Капріоли), супруга графа Степ. Өедор. Апраксина.

къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской, которая наконецъ дала мнѣ отъ мужа письмо. Она немного потолстѣла, и это идетъ къ ней; все такая же хохотушка, живетъ съ матерью, а онъ будетъ сюда къ новому году.

Помнишь ты мѣсто на Кузнецкомъ мосту, которое отдавалъ намъ покойный Тормасовъ для выстройки дому съ лавками? Ну! Теперь Дм. Павл. Татищевъ тутъ строить хочетъ. Урусовъ послалъ ему смѣту въ 500 т. р.; но за то и доходъ будетъ огромный, а въ городѣ прибавится прекрасное зданіе.

*

Москва, 7 Декабря 1820 г.

Я провелъ прекрасный вечеръ вчера у Лунина. Ну, братъ, какъ Ричи поетъ, заслушаться надобно. Nous étions en petit comité, и онъ, видя все страстныхъ охотниковъ, не жалѣлъ ни своего, ни женинаго голоса, пѣлъ разъ съ 8; давно я такъ не ликовалъ въ музыкѣ; ужъ меня такъ тѣшили, что послѣ ужина дали даже трубку, и я, покуривая, слушалъ славную музыку. Je le prendrai au mot, et certes j'irai le voir souvent. Lui Ricci a l'air très comme il faut, malgré la langue de vipère de Bogolouboff qui prétend qu'il aura été chanteur à quelque théâtre d'Italie.

Москва, 10 Декабря 1820.

Вчера, оставя тебя*), поѣхалъ я къ Волкову, тутъ нашелъ я Башилова, и три Александра пустились въ Chaperon Rouge; но, увы, пьесу давали не въ театрѣ de l'Opera Comique, но въ театрѣ Пашкова на Моховой. Башиловъ, какъ истинный Парижанинъ, держалъ Французскую брошюрку въ рукахъ и немилосердно критиковалъ переводъ, хулилъ голоса, машины, оркестръ etc. и, наконецъ, отъ усталости замолчалъ. Народу было тьма, и это было главное для Медвѣдевой и Окуневой. Мы трунили надъ Волковымъ, потому что въ пьесѣ баронъ-волокита называется волкомъ. Потомъ поѣхали къ Волкову, болтали, трубка за трубкою и не видали, какъ ударило часъ.

У Настасьи Дм. Афросимовой былъ ударъ на этихъ дняхъ, а она все не теряетъ военной дисциплины въ домѣ: велитъ дѣтямъ около себя дежурить по ночамъ и записывать исправно и ей рапортовать по вечерамъ, кто самъ пріѣзжалъ, а кто только присылалъ спрашивать о ея здоровьѣ. Ежели сдѣлается съ нею несчастіе, то жалка будетъ бѣдная ея дочь; но я полагаю, что безъ матери скорѣе она выйдетъ замужъ, нежели при ней. Всѣ этой маменьки боятся смертельно; да и есть чего, признаться. Въ Воскресенье у насъ балъ въ Собраніи для Государева рожденія. Чтобы не было пусто, мы приглашаемъ 250 купцовъ съ ихъ семьями, а то мало еще записавшихся вновь.

---

*) Булгаковъ хотѣлъ сказать: перервавъ писаніе письма къ тебѣ.

Каменскій Дм. Ник. меня перервалъ, долго просидѣлъ, звалъ обѣдать къ себѣ, а онъ ѣдетъ въ Полтаву, разсказывалъ, что Булгари присвоиваетъ себѣ неправильно и мимо ближайшихъ родственниковъ имѣніе умершаго князя Кантемира, который тѣмъ менѣе могъ сдѣлать завѣщаніе въ пользу Булгари, но онъ былъ въ сумасшествіи, и имѣніе его въ послѣднія 18 лѣтъ управлялось опекою. Говорятъ, что Каподистрія хлопочетъ за Булгари; но видно, онъ не знаетъ дѣла подробно. Впрочемъ и я повторяю только слова Каменскаго, который хотя и ближе родня Булгари и Кантемиру, но хлопочетъ для бѣдныхъ родственниковъ: они не въ силахъ тягаться, не имѣя ни средствъ, ни покровительства.

*

Москва, 13 Декабря 1820.

Я обѣдалъ вчера у князя Дмитр. Влад. Рушковскій сѣлъ возлѣ меня, заговорилъ. Сказывалъ, что получилъ родъ реприманда за дилижансы; оправдывался, хотя я право не судья ему. Чудакъ! На хорахъ за обѣдомъ пѣла Каталаніевское ура пѣвица здѣшняго театра Вѣтрошинская. Рушк. такъ зарапортовался, что̀ началъ аплодировать; но болѣе меня насмѣшило, что онъ мороженое ѣлъ вилкою, а между тѣмъ разсказывалъ о дилижансахъ, такъ что́ все мороженое падало на штаны несчастнаго генерала Гурки, возлѣ него сидѣвшаго.

Въ Субботу былъ у насъ пиръ, хоть куда. Играли въ три стола: одинъ вистъ сотенный, другой 50, а третій, нашъ, 30. Въ первомъ отличились: Фастъ, Карнѣевъ, кн. Оболенскій, что̀ женатъ на Нелединской, и Керестури. Во второмъ фигурировали тесть, Дм. Нарышкинъ, Лунинъ и Спичинскій, этотъ самъ назвался и явился съ Чижомъ; нечего дѣлать! А въ нашемъ тридцатномъ вистѣ были: кн. Хованская, Осиповъ, Башиловъ, Чижъ и я. Сверхъ того были: Волковъ, Соф. Серг. Обрѣзкова и нѣкоторые другіе, не игравшіе. Былъ Ричи. Какъ всѣ разъѣхались, онъ сѣлъ за клавикорды и долго насъ восхищалъ своимъ пѣніемъ.

Вчерашній день былъ тяжелъ для меня. Поутру ѣздилъ поздравлять князя, потомъ не могъ не ѣхать во Вдовій Домъ, гдѣ начальникомъ добрый Нарышкинъ; тамъ слушалъ я обѣдню, и было посвященіе 7 вдовицъ въ сердобольныя сестры; учрежденіе прекрасное, но куда трудно выполнить всѣ обязанности, которыя самыя христіанскія! Клятва, ими приносимая, прекрасная. Послѣ было тутъ молебствіе; преосвященный надѣлъ на нихъ кресты, ихъ отличающіе отъ обыкновенныхъ вдовицъ. Мы позавтракали; тутъ были князь Дм. Влад., члены Опекунскаго Совѣта и нѣкоторые друзья П. П. Глядь на часы: часъ! Ѣхать въ Слободу и воротиться къ князю обѣдать, далеко. Я къ

Чижу; просидѣлъ у него до половины третьяго, отогрѣлся, а тамъ трое въ каретѣ (свою отпустилъ я домой) графа Ѳ. А. Толстого поѣхали на обѣдъ, гдѣ было 120 человѣкъ, всѣ въ шитьяхъ, славный coup d'oeil. Я бы взялъ себѣ только брильянты, которые были на трехъ матадорахъ: Юсуповѣ, Кутайсовѣ и Обольяниновѣ, и былъ бы богатъ. Конечно имѣли они на себѣ на милліонъ! Дома я отдохнулъ, выпилъ чаю, а въ девятомъ часу поѣхалъ въ Собраніе. Чтобы оное наполнить, позвали мы 200 купцовъ съ семьями ихъ. Всѣхъ было до 800 человѣкъ, записалось еще до 500 человѣкъ, между коими до 200 мужчинъ. Кажется, пойдетъ хорошо. Танцовали довольно. Засидѣлся, застрялъ я у Митюши.

Москва, 14 Декабря 1820.

Тебѣ много кланяется гр. Бобринская*). Домъ ея сталъ еще лучше; пристроенная галлерея совсѣмъ въ новомъ родѣ и совершенная прелесть, напоминаетъ очень Помпею и древнія зданія внутри. Отъ нея пустился я къ Лунинымъ, гдѣ была славная музыка, по обыкновенію, а сверхъ того Лобановъ К. Яков. насъ ужасно смѣшилъ. Чудесно поетъ этотъ Ричи, а голосъ въ родѣ Стефана Мондини, славная метода. Любо слушать мужа съ женой. Когда она была брюхата въ первый разъ, Метернихъ сказалъ ей: «Les enfants crient en venant au monde; mais le vôtre, madame, chantera, j'en suis sûr».

Въ Собраніи въ Воскресеніе танцую Польскій, человѣкъ на меня смотритъ, прохожу еще разъ, мнѣ кланяется, а въ третій, со мною заговорилъ. Не знаю, кто это, но когда сказалъ «le général votre frère a assisté avec le prince Galitzine à notre expédition de Pétersburg», я догадался, что это S-te Maure. Заговорилъ меня, а сегодня читаю его и въ газетахъ. Да только и разговора здѣсь, что о дилижансахъ.

Москва, 16 Декабря 1820.

Князь Дм. Влад. съ женою и Катерина Влад. Апраксина съ мужемъ ѣдутъ въ первыхъ числахъ Января въ Петербургъ къ свадьбѣ; а Чижъ, кажется, нѣтъ и говорилъ мнѣ: «pourquoi voulez-vous que j'y aille, si *on* ne m'engage pas? Je lui ai répondu: mais pourquoi irez vous? Puisque les promis, aussitôt mariés doivent venir ici, et ce sera nommément pour vous voir». Онъ замолчалъ. Ему, я думаю, надоѣдаютъ всеобщіе вопросы: И всякій дѣлаетъ свои заключенія. Итакъ, кажется, что скоро наши воротятся изъ Троппау, а здѣсь плели басню, что Святой Союзъ уничтоженъ, что всѣ пойдутъ на Турокъ, коихъ положено выгнать изъ Европы, что Прусскій король съума сошелъ и пр. Замѣчательно то, что всѣ эти басенки сочиняются Петербургскими жителями, сюда пріѣзжающими, видно на смѣхъ добрымъ Москвичамъ.

*) Вдова перваго графа Бобринскаго, гр. Анна Владимировна. Ея домъ нынѣ гр. Васильева-Шиловскаго, на углу малой Дмитровки и Страстной площади.—Домъ Луниныхъ—на Никитскомъ бульварѣ, нынѣ Госуд. Банка.

Москва, 21 Декабря 1820.

Я все любуюсь на Беннерову коллекцію, хочется везти князю Дм. Владим. показать и попросить подписаться. Я не полагаю, чтобы всѣмъ такъ перенлели, какъ мнѣ, и очень благодаренъ за эту galanterie Беннеру, которому буду писать. Карнѣевъ подпишется въ Петербургѣ. Однакоже я не всѣмъ равно доволенъ. Цари, т. е. первые четыре, лучше гравированы всѣхъ. Марья Павл. и особливо Катер. Павл., которая была королева, слишкомъ en negligé. Ник. Павл. и Мих. Павл. не хороши. Анна Ѳедоровна теперь очень не у мѣста; жаль, что нѣтъ покойныхъ вел. княгини Александры Павл. и Елены Павловны. Впрочемъ все прекрасно. Я не нарадуюсь на портретъ императрицы Елисаветы Алексѣевны. Точно она! Нѣтъ-ли лишняго одного экземпляра у Беннера? Очень бы меня одолжилъ имъ, а то жаль изъ книги вынуть. Наташа тоже любовалась коллекціей этой. Буду чваниться ею: это первый экземпляръ и вѣрно будетъ первымъ нѣсколько времени.

*

Москва, 24 Декабря 1820.

Завтра праздникъ; не знаю, съ женою ли буду обѣдать tête-à-tête или поѣду къ тестю. Этотъ очень не въ духѣ. По вѣтрености и скорости своей во всемъ взялъ нѣкоего богача Ляпунова подъ опеку за расточительность и суровость съ крестьянами, на призрѣніе сына и пр.; все это сдѣлалъ по однимъ словамъ Афросимовой. Ляпуновъ, коимъ ворочаетъ какой-то крючокъ, послалъ Государю письмо съ свидѣтельствами отъ матери, жены и сына, что его оклеветали, онъ обратился къ Сенату, куда предоставилъ свидѣтельство за подписаніемъ 90 дворянъ сосѣдей, родныхъ и пр., что онъ порядочнаго поведенія. что отъ имѣнія своего продалъ только 400 душъ, что ежели отдавать въ опеку всѣхъ тѣхъ дворянъ, которые продали 8-ю или 10-ю часть своего имѣнія, то виновною найдется вся Россія. Болѣе по злобѣ, нежели по состраданію и желая опорочить доносы опеки, Ляпуновъ послалъ 80,000 р. въ деревню свою, кажется Рязанскую, въ коей мужики пострадали отъ неурожая, съ тѣмъ, чтобы эта сумма была между ними раздѣлена. Кого тесть ни назначаетъ въ опекуны, никто не идетъ. Это все еще ничего, но тесть трусить, ибо Ляпуновъ велѣлъ ему сказать, что онъ собирается его побить, а ты знаешь, какъ мы храбры! Вотъ каково не обдумывать свои дѣянія, а еще сказывалъ мнѣ подъ секретомъ, что хочетъ взять въ опеку графа Гудовича, сына фельдмаршала, что женатъ на кн. Голицыной, о чемъ будто-бы проситъ его княгиня Нат. Николаевна, мать Гудовичевой. Безъ проказъ ни на день! Что же дѣлать съ нимъ самимъ? Онъ пробухалъ все имѣ-

ніе дѣтей своихъ и материнское даже отдалъ имъ съ долгомъ, который до сихъ поръ еще не очистилъ, а другихъ какъ строго судитъ! Хорошъ и другой старикъ *. Намедни Шульгину пеняетъ, зачѣмъ не былъ въ театрѣ, гдѣ только что не живетъ... Ш. отвѣчаетъ: дѣла слишкомъ много ваше сіятельство. — У Безбородки болѣе было дѣла, а онъ ѣздилъ всякій день! Безбородко былъ великій человѣкъ, отвѣчаетъ Ш., а я человѣкъ глупый, съ вами умными людьми мнѣ не тягаться, вотъ съ новаго года буду свободнѣе, стану вамъ дѣлать компаніи въ театрѣ и (мигнулъ мнѣ нарочно) заведу здѣсь славный . . . . на манеръ Парижскаго * отвѣчалъ: вотъ это умно, похвально, я тебѣ готовъ помогать; а тутъ собралось около человѣкъ 20 слушателей (это было въ Бл. Собр.). Экой старый хрычь! Какъ уважать такого человѣка?

Москва, 27 Декабря 1820 г.

Вчера былъ славный балъ у князя Дм. Влад., болѣе 500 человѣкъ. Старуха Тургенева *) такъ разрядилась, что любо; на пальцѣ былъ подаренный Александру перстень, и она по милости его еще чаще нюхала табакъ. Однакоже я рано пріѣхалъ домой, но къ несчастію поймала меня тутъ Бѣлосельская и звала сегодня на балъ. Завтра думаю не ѣхать въ собраніе, потому что опять у Исленьевыхъ, а тамъ и полно. Вчера обѣдали мы у кн. Сергія, который трактовалъ рекомендованныхъ ему двухъ вояжировъ Англичанъ изъ Петербурга. Княгиня не выходила, нездорова, но однакоже послѣ обѣда явилась. Кажется рѣшено, что князь одинъ поѣдетъ въ Петербургъ, куда прибудетъ къ самой только свадьбѣ.

Въ Субботу было у меня множество твоихъ почтамтскихъ; всѣ толкуютъ одно, не могутъ привыкнуть къ твоему отсутствію, а тамъ явился и самъ Рушковскій in fiochi estremi, но въ претензіи, что у Одинцова и прочихъ экспедиторовъ одно съ нимъ шитье на воротникѣ, а какъ сдѣлается очень грустенъ, то ему и скажутъ: да за то нѣтъ, в. пр., шитья на клапанахъ, вотъ. Очень хорошо! Но вотъ на клапанахъ, вотъ евто, на клапанахъ-то, не такъ-то видно, рука или шляпа-то закрываютъ клапаны — вотъ какая бѣда! Не перемѣните ли вы это? Дайте Московскому почтдиректору шитье по всѣмъ швамъ и шитую шляпу и сапоги! Отъ меня ѣдетъ. Куда вы? Ѣду къ Черткову Ив. Вл. Такъ вы знакомы и съ нимъ? Нѣтъ, но вотъ, видите, К. А. всегда къ нему ѣздилъ самъ, то вѣдь евто-то и я также самъ поѣду къ нему. А у Дм. Васил., котораго знаетъ, вѣрно оставилъ только карточки. Экій чудакъ! Вчера былъ на балѣ, разсказывалъ всѣмъ смерть Христофа Гаетскаго.

*) Екатерина Семеновна, мать славныхъ братьевъ Тургеневыхъ.

Москва, 28 Декабря 1820 г.

Вчера плясали мы у кн. Бѣлосельской; балъ огромный, нарядный. Я вспомнилъ Тургенева, котораго видѣлъ тутъ отличающагося. Боголюбовъ въ большихъ хлопотахъ, всѣхъ разувѣриваетъ, что не женится, а мнимая невѣста чуть не плачетъ, что даютъ ей такого муженька. Онъ въ пять минутъ успѣлъ мнѣ наговорить тьму новостей. Мнѣ дѣла до него нѣтъ, да и всѣ его и здѣсь знаютъ довольно, однакоже я совѣтовалъ ему не говорить другимъ bon mot Гурьевой: онъ вредитъ нашему другу. Боголюбовъ разсказывалъ мнѣ, что Гурьева, разбирая Реману свои болѣзни, прибавила: Ajoutez à tous ces maux les Carbonari, les Magnitsky et les Tourguéneff que j'ai sur l'estomac et que je ne puis digérer. Это касается до Николая, слѣдовательно и до Александра. Сказывалъ также, что княгиня Ловичъ выкинула и смертельно больна, хотя Вяземская говоритъ, что первое только справедливо, а второе нѣтъ. Между прочими вздорными новостями помѣстили ту, что тебя въ Царьградъ на мѣсто Строгонова.

Москва, 31 Декабря 1820 г.

Вчера у Пушкиныхъ занимались мы проектомъ въ пользу доброй гр. Бобринской. У нея трауръ; хотя бы и желала, не можетъ она насъ веселить, то мы хотимъ ей сдѣлать, что̀ называется douce violence. Дочь ея (также одна изъ заговорщиковъ) позоветъ ее къ себѣ на чай, а тамъ скажетъ въ 9 часовъ: Maman, allons chez vous! Графиня у дома своего на крыльцѣ найдетъ Дмитрія Давыдова, одѣтаго въ ливрею ея швейцара. Онъ скажетъ ей: позвольте доложить; ее впустятъ. Наташа Волконская будетъ представлять ее. Настоящую Бобринскую будутъ представлять мнимой, которая скажетъ: mes amis m'ont menagé une surprise, je suis enchantée, madame, que vous soyez de la partie. Тамъ будутъ играть родъ фарса: Le couronnement de la rosière, которую будетъ представлять Софья Шаховская съ своимъ большимъ пузомъ. У всякого будетъ своя роль, я еще не знаю, во что попаду. Общество будетъ самое отборное; всѣ intimes между собою, то вѣрно и весело будетъ. День еще не взятъ. Вчерашній балъ у Пашкова былъ отказанъ по случаю смерти кн. Ник. Оболенскаго, что̀ женатъ былъ на Мельгуновой; это несчастіе многимъ и сегодня помѣшаетъ ѣхать на маскарадъ princesse Boris; между прочимъ и княгинѣ Вяземской, которая вдвойнѣ чувствуетъ смерть своего cousin. Бѣдная вдова осталась съ 7 ребятами и брюхата 8-мъ. Что-то родится изъ сегодняшняго маскарада, а вотъ недѣлю, что только и говорятъ что объ немъ. Старуха Афросимова бросила лѣкарства, прогнала докторовъ и явилась вдругъ, какъ тѣнь, на балъ къ Исленьевымъ; но эта себя укатаетъ скоро: не подъ лѣта дѣлать эти фарсы.

СМОЛЕНСКАЯ КРѢПОСТНАЯ СТѢНА ПО ПОВОДУ ТРЕХСОТЛѢТНЯГО ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

1600 — 1900.

I.

Постройка стѣны.

Смоленскъ, одинъ изъ древнѣйшимъ городовъ Россіи, служа долгое время пограничнымъ городомъ, пережилъ много бѣдствій. Его крѣпостная стѣна, освященная потоками крови, свидѣтельствуетъ о томъ. До постройки каменной стѣны городъ былъ окруженъ землянымъ валомъ. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ приказалъ укрѣпить Смоленскъ каменною стѣною. Заготовка матеріала и наблюденіе за постройкой стѣны были возложены на князя Василія Андреевича Звенигородскаго, Семена Владимировича Безобразова, дьяковъ Перфильева, Шипилова и строителя городового мастера Ѳедора Савельевича Коня. Они прибыли въ Декабрѣ 1595 года и, выслушавъ въ соборномъ храмѣ молебенъ, получивъ благословеніе архіепископа Смоленскаго Ѳеодосія, приступили къ заготовкѣ матеріаловъ. Для того были отписаны въ казну всѣ кирпичные заводы въ окрестностяхъ города и въ его уѣздѣ. Известковый камень, изъ котораго выложены основанія стѣны и башенъ высотою въ сажень, доставлялся изъ Старицы, за 342 версты отъ Смоленска; известь обжигали въ селѣ Верховьѣ, Бѣльскаго уѣзда, за 200 верстъ отъ мѣста постройки. Лѣсъ и для фундамента дубовыя сваи вывезены весною 1596 г. изъ дворцовыхъ селъ Смоленскаго уѣзда. Весною 1596 г. прибылъ въ Смоленскъ шуринъ царя, бояринъ Борисъ Годуновъ, которымъ было назначено мѣсто для стѣнъ, башень и рвовъ. Возвратясь въ Москву, Годуновъ сказалъ царю, что Смоленскъ будетъ *ожерельемъ Россіи.* „Но въ этомъ ожерельѣ“, замѣтилъ князь Трубецкой, „могутъ завестись насѣкомыя, коихъ мы не скоро выведемъ“ *). Слово достопамятное! говоритъ лѣтописецъ. Оно сбылось, ибо Смоленскъ, нами украшенный, сдѣлался твердынею Литвы. Были собраны каменщики изъ ближнихъ и дальнихъ городовъ государства. Начатая постройка вскорѣ была пріостановлена, вновь возобновлена по вступленіи на престолъ Бориса Годунова и окончена въ 1600 г. Въ ра-

*) Въ „Степенной Книгѣ“ Латухина и въ „Никон. Лѣтописи“ VIII.

бочихъ рукахъ недостатка не было, по причинѣ страшнаго голода, постигшаго государство въ эти годы. За работами наблюдалъ князь Симеонъ Ивановичъ Долгоруковъ. Каждый рабочій получалъ въ день 16 копеекъ.

Сохранилось преданіе, что кирпичъ для сооруженія стѣны доставлялся не на лошадяхъ, а людьми слѣдующимъ образомъ. Отъ кирпичныхъ заводовъ рядами разставлялись люди до мѣста постройки и передавали одинъ другому, изъ рукъ въ руки, по одному или по два кирпича. Приходилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насыпать подъ бутъ большое количество земли. Такъ близъ Авраміевскаго монастыря со стороны Покровской улицы, современные намъ рабочіе, при выемкѣ земли на глубинѣ шести аршинъ, наткнулись на замѣчательно хорошо сохранившіяся въ чисто-глинистой (красной) почвѣ сосновыя бревна, расположенныя въ землѣ клѣткообразно; они представляютъ собою „рѣжу", которая всегда кладется при засыпкѣ глубокихъ рвовъ для болѣе плотной уляжки насыпаемой земли. Такія бревна продолжаютъ встрѣчаться въ томъ же мѣстѣ и при дальнѣйшемъ углубленіи въ землю, на седьмомъ и восьмомъ аршинѣ усадебной почвы [1]). При устройствѣ фундамента для центральной станціи электрическаго трамвая, лѣтомъ 1900 года, близъ архивной башни Смоленскаго Окружного Суда, обнаружилось, что для укрѣпленія фундамента крѣпости, вдоль Днѣпра, вбивали цѣлыми рядами дубовыя сваи, пространство между ними заполняли землей, камнями, мусоромъ, бревнами, потомъ горизонтально клались толстыя, въ нѣсколько сажень длиною, бревна, въ нихъ врубались поперечныя бревна и образовывалось нѣчто въ родѣ срубовъ, наполняемыхъ опять таки землей, камнями и бревнами; въ это укрѣпленіе снова вбивались сваи и т. д., пока, наконецъ, не выводили цементированный фундаментъ, облицованный тесаннымъ известнякомъ, а въ серединѣ состоящій изъ большихъ и малыхъ камней, связанныхъ замѣчательно крѣпкимъ цементомъ [2]). Въ этомъ мѣстѣ крѣпостная стѣна была проложена черезъ кладбище. Вырыто было нѣсколькихъ десятковъ сосновыхъ и дубовыхъ гробовъ, выдолбленныхъ изъ цѣлой колоды, при чемъ въ нихъ сдѣланы разныхъ размѣровъ углубленія: для головы и туловища пошире, а для ногъ—уже. Судя по найденнымъ вещамъ, кладбище это существовало до постройки каменной стѣны.

Не смотря на громадность сооруженія, стѣна была окончена въ четыре года. Она имѣетъ видъ неправильнаго многоугольника и окружаетъ южную часть города на протяженіи 5 верстъ 80 саж.; толщиною стѣна $2^1/_2$ саж., а вышиною до 7 саж. Стѣна на всемъ протяженіи имѣла зубцы, а на зубцахъ устроена была кровля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ внутри стѣны устроены были проходы и лѣстницы для всхода (взлазы) на стѣну и въ башни крѣпости. Бойницы устроены въ три яруса: въ нижней части въ видѣ амбразуръ, въ средней—въ видѣ углубленія (печуръ) въ стѣнѣ, гдѣ свободно могли помѣститься орудіе и нѣсколько человѣкъ воиновъ, и верхнія на стѣнѣ между

[1]) „Смолен. Вѣстн.", 1900 г., № 9.
[2]) „Смолен. Вѣстн." 1900 г. № 101.

зубцами ея. Кирпичъ довольно большихъ размѣровъ, весьма твердый и по качеству много выше кирпича современнаго производства. Стѣна окружена рвомъ, который въ настоящее время во многихъ мѣстахъ засыпанъ. Существовавшіе до постройки крѣпости земляные валы также вошли въ число укрѣпленій. Въ настоящее время они остались лишь на пространствѣ между королевской крѣпостью и надворотной Благовѣщенской церковью, внутри крѣпости. Въ восточной сторонѣ стѣны таковые валы срыты въ 1898—1900 г. и добытой землей засыпаны рвы близъ стѣны, а распланированныя мѣста проданы городомъ подъ постройку разнымъ лицамъ.

Кромѣ того были устроены подземные ходы (слухи), для предупрежденія со стороны непріятеля взрыва и разрушенія стѣны посредствомъ минъ. Остатки этихъ ходовъ до сихъ поръ замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

При поворотахъ стѣны, а также и на срединахъ, было 36 башень, круглыхъ и четыреугольныхъ, изъ которыхъ по настоящее время уцѣлѣло лишь 17. Всѣ остальныя были взорваны въ 1611 и 1812 гг. и разобраны по ветхости.

Для сообщенія города съ слободами и пригородными селеніями было устроено въ башняхъ 9 воротъ и нѣсколько „фортокъ" для пѣшеходовъ. Названія воротъ слѣдующія. Для сообщенія съ посадами за Днѣпромъ пять воротъ: средніе, Фроловскіе, нынѣ Днѣпровскіе, на Востокъ отъ нихъ Лазаревскіе и Крылошанскіе и на Западъ Пятницкіе и Пятницкіе водяные. Такое обиліе воротъ въ сѣверной части стѣны объясняется тѣмъ, что эта часть стѣны, благодаря близости Днѣпра, была наименѣе доступна непріятелю при осадѣ города, а также тѣмъ, что заднѣпровская же часть города имѣла въ то время довольно большое населеніе. Для сношенія съ посадами восточной стороны были устроены ворота Авраамієвскіе, нынѣ заложенныя, и Ельнинскіе, нынѣ Никольскіе, и Капышецкіе; послѣднія въ настоящее время заложены. Сношеніе съ западной стороной было черезъ устроенныя въ стѣнѣ „фортки", которыя при осадѣ города задѣлывались наглухо или обращались въ бойницы.

II.

Крѣпостная стѣна при осадѣ города Сигизмундомъ III.

Узнавъ о намѣреніяхъ Польскаго короля Сигизмунда III-го завладѣть Смоленскомъ, бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шеинъ принялъ мѣры къ защитѣ города, приказалъ сжечь всѣ прилегающіе къ городу посады и умножилъ число ратныхъ людей окрестнымъ населеніемъ. Собранные ратные люди и боевыя орудія распредѣлены были по стѣнѣ, башнямъ и воротамъ. Въ Сентябрѣ 1610 г. король явился съ войскомъ къ Смоленску. Въ ночь на 25-е Сентября Литовцы подкрались къ крѣпостной стѣнѣ, и въ трехъ мѣстахъ имъ удалось взорвать Авраамієвскіе и Копытецкіе ворота, но встрѣтивъ мужественный отпоръ осажденныхъ, они принуждены были отступить*).

*) Карамзинъ, основан. на Запискахъ Жолк., т. XII, прим. 442.

Неудачна была попытка и въ ночь на 27-е число овладѣть Фроловскими и Пятницкими воротами.

Враги пытались взорвать крѣпость посредствомъ подкоповъ, но осажденные въ устроенные подземные „*слухи*" узнавали о мѣстахъ тайной работы, дѣлали контръ-мины и взрывали Польскіе подкопы съ людьми на воздухъ. 21 Ноября 1610 г. Полякамъ удалось подкопомъ взорвать одну изъ башень и съ нею часть крѣпостной стѣны [1]). Черезъ образовавшійся проломъ они три раза возобновляли приступъ, но каждый разъ были отражаемы осажденными съ большими потерями.

Такимъ образомъ осада города продолжалась 20 мѣсяцевъ, и во все это время горсть храбрыхъ защитниковъ подъ начальствомъ Шеина отражала приступы враговъ.

Между тѣмъ, по недостатку жизненныхъ припасовъ, у осажденныхъ появилась цынготная болѣзнь, которая сильно опустошила городъ. Защитниковъ не оставалось и 8 тысячъ, но они и не думали о сдачѣ. Сигизмундъ терялъ надежду овладѣть городомъ; но случай помогъ ему. Къ нему явился тайно одинъ изъ жителей города, нѣкто Андрей Дѣдешинъ, и указалъ слабое мѣсто крѣпости. Король приказалъ войскамъ для вида отступить отъ города, чтобы отвлечь вниманіе осажденныхъ, и въ ночь на 3-е Іюня 1611 г. въ указанномъ мѣстѣ стѣна была разрушена пушечными ядрами. Черезъ образовавшійся проломъ непріятель ворвался въ Смоленскъ, и завязалась ожесточенная, кровопролитная рѣзня.

Карамзинъ такъ описываетъ эту битву: „Бились долго въ развалинахъ, на стѣнахъ, въ улицахъ, при звукѣ всѣхъ колоколовъ и святомъ пѣніи въ церквахъ, гдѣ жены и старцы молились. Ляхи, вездѣ одолѣвая, стремились къ главному храму Богоматери, гдѣ заперлись многіе изъ гражданъ и купцовъ съ ихъ семействами, богатствомъ и пороховою казною. Уже не было спасенія: Россіяне зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ съ дѣтьми, имѣніемъ и славою! Отъ страшнаго взрыва, грома и треска непріятель оцѣпенѣлъ, забывъ на время свою побѣду, и съ равнымъ ужасомъ видя весь городъ въ огнѣ, въ который жители бросали все, что̀ имѣли драгоцѣннаго, и сами съ женами бросались, чтобы оставить непріятелю только пепелъ, а любезному отечеству примѣръ добродѣтели. На улицахъ и площадяхъ лежали груды тѣлъ сожженныхъ. Смоленскъ явился новымъ Сагунтомъ, и не Польша, но Россія могла торжествовать сей день, великій въ ея лѣтописяхъ" [2]).

Въ то время, какъ въ городѣ происходила битва, Польскій отрядъ Мальтійскаго кавалера Новодворскаго взорвалъ часть стѣны, прилегающей къ Фроловскимъ воротамъ, и черезъ проломъ ворвались въ городъ свѣжія

---

[1]) Соч. Берхъ, ч. I, стр. 56.

[2]) „Ист. Гос. Рос." Карамзинъ, т. XII.

войска непріятеля. Самая ожесточенная рѣзня происходила у подошвы соборнаго холма въ западной его сторонѣ. До настоящаго времени улица въ этой части города носитъ названіе „Рѣзницкой". Поляки не щадили и мирныхъ гражданъ. Почти всѣ жители были перебиты. Доблестный бояринъ Шеинъ на одной изъ башень продолжалъ защищаться отъ враговъ, не желая пережить паденія города; но слезы жены, дочери и сына измѣнили его рѣшеніе: онъ сдался Потоцкому и, какъ плѣнникъ, былъ отправленъ въ Литву. Но не дешево обошлась побѣда Полякамъ: едва третья часть непріятеля осталась въ живыхъ. Древній Смоленскъ перешелъ подъ власть Польши.

Овладѣвъ Смоленскомъ, Сигизмундъ III озаботился исправленіемъ крѣпости на мѣстѣ пролома; устроено было земляное укрѣпленіе неправильной фигуры, извѣстное до настоящаго времени подъ именемъ „Королевской крѣпости". Исправлены были также разрушенныя мѣста стѣны и башни.

III.

Михаилъ Ѳедоровичъ отправилъ въ 1631 году подъ Смоленскъ войско, подъ начальствомъ князя Д. Черкасскаго. Но попытка не была удачна. Въ 1632 г. царь вновь прислалъ подъ Смоленскъ стотысячное войско, подъ начальствомъ боярина Шеина. Въ началѣ дѣло осады шло довольно удачно. Послѣ упорной битвы Русскимъ удалось пробить въ одномъ мѣстѣ стѣну, но встрѣтивъ довольно сильное сопротивленіе, наши войска принуждены были отступить. На мѣстѣ образовавшагося пролома было устроено полукруглое земляное укрѣпленіе, извѣстное подъ именемъ „Шеинаго вала".

Въ Августѣ 1633 г. на помощь осажденнымъ явился Польскій король Владиславъ съ 20-ю тысячною арміею. Шеинъ принужденъ былъ отступить и расположиться лагеремъ близъ города. Собравъ всѣ свои войска, Шеинъ засѣлъ въ окопахъ, но будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, принужденъ былъ сдать всѣ воинскіе снаряды и обозъ Полякамъ и вернуться съ остатками войска въ Москву, гдѣ былъ оклеветанъ въ измѣнѣ и казненъ.

Наконецъ, царю Алексѣю Михайловичу удалось навсегда присоединить Смоленскъ къ Россіи. Онъ самъ съ войскомъ прибылъ подъ Смоленскъ и осадилъ его. 16-го Августа 1654 г. сдѣланъ первый приступъ, отбитый съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ. Но 10 Сентября осажденные сдались Русскимъ. Польскія войска, выходя изъ города, клали свои знамена къ ногамъ царя. Возвративъ Смоленскъ, царь приказалъ исправить крѣпостную стѣну, укрѣпить ее бастіонами и палисадами и оставилъ часть войска въ Смоленскѣ.

IV.

Крѣпостная стѣна въ царствованіе Петра Великаго.

Въ Февралѣ 1692 г. окольничій Ивашка Головинъ донесъ царямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, что крѣпостная стѣна и башни пришли въ ветхость и грозятъ паденіемъ, чему составлены были подробная опись и чертежъ съ обозначеніемъ мѣстъ, требующихъ поправки. Опись и чертежъ отосланы въ Приказъ Княжества Смоленскаго.

5-го Мая того же года рухнула отъ ветхости Воскресенская водяная башня съ проѣзжими воротами и при паденіи разрушила близъ стоявшій деревянный домъ полковника Московскихъ стрѣльцовъ Иванова, при чемъ были убиты стрѣлецъ Игнашка Васильевъ съ женой. Кирпичъ отъ упавшей башни былъ разобранъ, а Головинъ, донося объ этомъ случаѣ царямъ, пишетъ: „И сквозь тоё упалую башню учинился проѣздъ, и я, холопъ вашъ, велѣлъ то упалое кирпичье разобрать и въ загородную сторону въ томъ мѣстѣ у башни поставить острогъ; да и иныя, государи, башни, которыя, по тому прежнему моему, холопа вашего, осмотру, объявились некрѣпки, и около тѣхъ башень живутъ во дворѣхъ всякихъ чиновъ люди съ великимъ страхованіемъ, и опасно, государи, того жъ, чтобъ и тѣ въ скоромъ времени не упали и людей не побили и о томъ, что̀ вы, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, вся великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, укажи́те. А сію, государи, отписку изъ Смоленска къ вамъ, великимъ государемъ, къ Москвѣ послали мы, холопы ваши, Смоленскія приказныя палаты съ приставомъ съ Кирюшкою Мая въ 6 день и велѣли подать въ Приказѣ Княжества Смоленскаго думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову съ товарищи *).

Въ Москвѣ было рѣшено починить стѣну и башни. Для составленія смѣты присланъ изъ Москвы подмастерье каменнаго дѣла Гуръ Вахрамѣевъ. Осмотрѣны кирпичные сараи и приступлено къ заготовкѣ матеріаловъ. На мѣстѣ рухнувшей башни построена новая.

По составленной Вахрамѣемымъ смѣтѣ, требовали починки почти всѣ башни, подошвенные бои (амбразуры), печуры, средніе бои и бойницы, верхніе бои. Кромѣ того необходимо было исправить входныя каменныя лѣстницы въ башни и на стѣну, а также въ Королевской крѣпости въ подошвенномъ бою четыре тайника. Вмѣстѣ съ починкою стѣны исправляются и земляныя укрѣпленія кругомъ крѣпости, а для прикрытія моста черезъ Днѣпръ, по приказанію Петра Великаго, на правомъ берегу рѣки въ 1706 г. сдѣланъ земляной кронверкъ. Кромѣ того были устроены подъ нѣкоторыми башнями крѣпостной стѣны пороховые погреба съ двойнымъ помостомъ изъ

*) Смолен. Епарх. Вѣдом. 1883 г., № 20.

бревенъ, засыпанныхъ землею на 11 фут. толщины; двери и окна въ погребахъ подѣланы кривыя, по рисунку, составленному самимъ Петромъ [1]).

Въ 1696 г. 10-го Августа надъ Смоленскомъ разразилась сильная буря, которая на крѣпостной стѣнѣ и на башняхъ ея разметала всю кровлю и стропила, а по стѣнѣ во многихъ мѣстахъ выломала зубцы. Многіе обывательскіе дома были разрушены до основанія [2]).

По повелѣнію Петра I поврежденія крѣпостной стѣны были вскорѣ исправлены. 8-го Іюля 1722 г., въ первомъ часу пополудни, отъ неосторожности канонира, взорвало одну изъ крѣпостныхъ башень, гдѣ хранился порохъ. Башня эта находилась между Днѣпровскими воротами и Оленьевою трубой. Башню разобрали, а проломъ задѣланъ [3]).

Въ царствованіе Анны Іоанновны на содержаніе Смоленской крѣпости отпускалось въ годъ: на ремонтъ крѣпости 1185 р. $72^1/_4$ к., на жалованье служащимъ и мастеровымъ 661 р. $33^1/_3$ к., на оружіе и аммуницію 1 р. $35^1/_2$ к. и на продовольствіе 49 р. 50 к. [4])

V.

Крѣпостная стѣна въ 1812 году.

Съ расширеніемъ границы Россіи на Западѣ, Смоленскъ отодвинулся внутрь страны, а вмѣстѣ съ симъ и крѣпость города, необерегаемая, приходила въ упадокъ и постепенное разрушеніе. Но въ 1812 г. крѣпостной стѣнѣ пришлось еще разъ принять удары отъ двунадесяти языковъ и ороситься кровью доблестныхъ Русскихъ воиновъ. Еще разъ многострадальная стѣна-матушка явилась оборонительницею и помощницею при защитѣ древняго Смоленска.

Генералъ Раевскій занялъ городъ, укрѣпилъ земляной кронверкъ и расположился съ своимъ корпусомъ на Краснинскомъ предмѣстьѣ. Королевскую крѣпость занялъ Паскевичъ съ своимъ отрядомъ, а у Малаховскихъ воротъ стоялъ Коновницынъ. По крѣпостной стѣнѣ были разсыпаны Виленскій полкъ и нѣсколько сотъ нижнихъ чиновъ, вышедшихъ изъ лазаретовъ. 4-го Августа непріятель подступилъ къ городу и пытался атаковать Королевскій бастіонъ, но всѣ приступы были отбиты.

5-го Августа сраженіе продолжалось цѣлый день. Непріятель окружилъ городъ съ восточной и южной сторонъ, пытался нѣсколько разъ взять крѣпость приступомъ, но каждый разъ былъ отражаемъ. Наполеонъ приказалъ бомбардировать городъ. Ядра и пули сыпались градомъ и производили пожары и разрушенія въ крѣпости.

---

[1]) „Дѣянія Петра Великаго“, Голиковъ, т. II.

[2]) Донес. Петру I-му Смолен. воеводы Салтыкова.

[3]) „Исторія города Смоленска“, Мурзакевича. 1804 г. стр. 191.

[4]) Полн. Собр. Закон. т. VIII.

Въ ночь на 6-е число Русскія войска покинули Смоленскъ, который представлялъ уже только груды развалинъ и пепла.

При выходѣ изъ города рота полковника Глухова взяла съ собой древній чудотворный образъ Смоленской Богоматери изъ надворотнаго храма.

Вотъ какъ описываетъ страшную картину разрушенія Смоленска одинъ изъ Русскихъ офицеровъ: „Я видѣлъ ужаснѣйшую картину; я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Погубленіе Лиссабона не могло быть ужаснѣе. 4-го числа непріятель устремился къ Смоленску и былъ встрѣченъ подъ стѣнами его горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5-го числа отъ ранней зари до поздняго вечера, двѣнадцать часовъ, продолжалось сраженіе предъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Русскіе не отступали ни на шагъ мѣста; дрались какъ львы. Французы, или лучше сказать Поляки, въ бѣшенномъ изступленіи лѣзли на стѣны, ломились въ ворота, бросались на валы и въ безчисленныхъ рядахъ тѣснились около города по ту сторону Днѣпра. Наконецъ утомленный ратоборствомъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. Злодѣи тотчасъ исполнили приказъ изверга. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенемъ,— и все, что̀ можетъ горѣть, запылало!.. Опламененныя окрестности, густой. разноцвѣтный дымъ, багровыя горы, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками: вотъ что представлялось нашимъ глазамъ, что̀ поражало слухъ, что̀ раздирало сердца!.. Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки Русскіе шли въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тянулся съ ранеными...

Въ глубокіе сумерки вынесли изъ города икону Смоленской Божьей Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе. Блескъ пожаровъ освѣщалъ оное. Между тѣмъ чернобагровое облако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту ко мраку и ужасъ къ ужасу. Смятеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунагими, и матери теряли дѣтей своихъ. Казаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобы Смоленскъ былъ взятъ непремѣнно 5-го числа, однакоже Русскіе отстояли его грудью, и 5 числа городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано, о превратность судьбы!.. то, что̀ удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали добровольно!.. Главнокомандующій имѣлъ на то причины. Теперь Смоленскъ есть огромная куча пепла...“ *).

Въ залѣ Смоленскаго Дворянскаго Собранія помѣщена картина, подаренная Государемъ Императоромъ въ 1853 г., изображающая битву подъ

*) Письма Русскаго офицера, Ѳ. Н. Глинки.

Смоленскомъ 5 Августа 1812 года. Жители въ смятеніи, кругомъ огонь; вотъ мать старается укрыть своихъ дѣтей, одинъ спасаетъ имущество, другой—старика-отца, жену, дѣтей, войска спѣшатъ къ мѣсту приступа непріятеля и т. д.

Утромъ 6-го Августа Наполеонъ въѣхалъ въ Смоленскъ черезъ Никольскіе ворота и среди догоравшихъ строеній проѣхалъ къ надворотному храму Богоматери, съ балкона котораго наблюдалъ за движеніемъ Русскихъ войскъ. По его приказанію были втащены въ храмъ двѣ пушки, которыя Наполеонъ самъ съ балкона наводилъ на Покровскую гору, гдѣ находились Русскія войска.

12-го Августа Наполеонъ выѣхалъ изъ Смоленска, приказавъ сдѣлать запасы съѣстныхъ припасовъ для арміи. Но по отсутствію добровольнаго привоза припасовъ, чиновники принуждены были ѣздить по губерніи и скупать хлѣбъ. И въ этомъ мѣстѣ встрѣтилось препятствіе: поселяне и помѣщики не продавали хлѣба, и приходилось добывать его грабежомъ съ боя.

28 Октября возвратился въ Смоленскъ Наполеонъ, не грознымъ завоевателемъ, а бѣглецомъ съ остатками своей великой арміи. Въ ночь на 5 Ноября непріятель поспѣшилъ оставить городъ. Наполеонъ приказалъ взорвать крѣпостныя башни. Снова громадное зарево освѣтило городъ, снова послышались взрывы, и 8 крѣпостныхъ башенъ взлетѣло на воздухъ. Мины подложены были подо всѣ башни, но взорвать ихъ всѣ не удалось. Вслѣдъ за покинувшими городъ Французами онъ былъ занятъ отрядомъ 20-го егерскаго полка подъ начальствомъ маіора Горихвостова. Русскимъ удалось отнять фитили къ заложеннымъ минамъ, извлечь изъ подъ башенъ „до 15 бочекъ пороху“, такимъ образомъ спасти остальныя башни отъ разрушенія, а вмѣстѣ съ симъ прекратить въ городѣ пожаръ.

Улицы Смоленскаго были завалены трупами, на уборку которыхъ потребовалось болѣе 3-хъ мѣсяцевъ.

5 Ноября возвращена въ Смоленскъ икона Богоматери - Одигитріи. Ровно три мѣсяца она находилась среди войскъ. Наканунѣ Бородинской битвы икона Богоматери была обносима по всѣмъ рядамъ войскъ, и передъ нею совершаемы были молебствія, по одержаніи надъ непріятелемъ побѣдъ. Ежегодно 5-го Ноября, въ воспоминаніе изгнанія непріятеля изъ Смоленска, во всѣхъ храмахъ города совершается торжественное богослуженіе, а наканунѣ этого дня всенощное бдѣніе, съ особою торжественностію въ надворномъ храмѣ Богоматери, предъ иконою Одигитріи. 1812 годъ извѣстенъ среди жителей и по настоящее время подъ именемъ года „Розоренья“.

VI.

Крѣпостная стѣна послѣ 1812 г. и по настоящее время.

По свидѣтельству историковъ г. Смоленска, крѣпостная стѣна до 1812 г. была настолько прочна, что на всемъ ея протяженіи совершались крестные ходы. Но годъ отъ году приходила она въ ветхость и разрушеніе, чему также немало способствовало расхищеніе камней и кѣрпичей мѣстными обывателями. До 1844 г. крѣпостная стѣна находилась въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства, но по неимѣнію особыхъ средствъ для поддержанія столь дорогого историческаго памятника, мѣръ къ сохраненію стѣны никакихъ не принималось.

Въ 1844 г. стѣна была передана въ вѣдѣніе гражданской власти. Изъ описи, произведенной въ этомъ году, видно, что уцѣлѣвшія башни не имѣли крышъ, половъ и потолковъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ трещины, а стѣна во многихъ мѣстахъ грозитъ паденіемъ.

Въ Маѣ 1862 г. стѣна рухнула на пространствѣ десяти сажень. Начали изыскивать средства къ поддержанію; предложено было взять поддержку стѣны городскому обществу, но послѣднее отказалось за неимѣніемъ свободныхъ средствъ. По осмотру крѣпостной стѣны въ 1867 г, оказалось, что требуется исправить стѣну на протяженіи 907 саженей и разобрать 530 саженей, кромѣ того разобрать 3 башни, на каковую работу было дано особое повелѣніе 20 Іюля 1867 года, съ тѣмъ, чтобы полученный отъ разборки матеріалъ былъ проданъ, а вырученная сумма употреблена на поддержку остальныхъ частей стѣны. Не успѣли разобрать и 30 саж. стѣны, какъ 11-го Іюня 1868 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе пріостановить дальнѣйшее разрушеніе крѣпости. Государь Императоръ Александръ Николаевичъ начерталъ по сему дѣлу на докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ 7-го Іюня 1868 г., слѣдующія достопамятныя строки:

„Смоленская городская стѣна, представляющая собою одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ отечественной исторіи, назначена къ сломкѣ. Было-бы желательно болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ, подобно Смоленской стѣнѣ, особое историческое значеніе“.

Въ томъ же году по высочайшей волѣ, командированъ въ Смоленскъ для осмотра крѣпостной стѣны академикъ-архитекторъ К. Я. Маевскій, которымъ и былъ представленъ 16 Іюля 1868 г., подробный рапортъ осмотра стѣны.

Изъ этого рапорта между прочимъ видно, что стѣна не столько пострадала отъ непріятеля, сколько отъ разборки стѣны мѣстными учрежденіями и жителями. К. Я Маевскій высказалъ, что поврежденіе заключается лишь въ облицованныхъ слояхъ кирпича, главная же масса совершенно прочна, и что вообще оставшуюся часть стѣны легко привести въ прочное

состояніе, употребляя для реставрированія ея ежегодно не болѣе 2500 р., и такимъ образомъ, въ продолженіи 30 лѣтъ, можно будетъ достигнуть сохраненія, опять на столѣтія, этого древне-историческаго памятника, украшающаго городъ. Кромѣ того К. Я. Маевскій указалъ о вредѣ разломки стѣны и продажи полученнаго матеріала; при такомъ способѣ сохраненія стѣны „исчезнетъ стѣна, служащая украшеніемъ города и памятникомъ древности, да и денегъ не будетъ, такъ какъ при отсутствіи въ городѣ большихъ сооруженій, цѣнность строительнаго матеріала не велика, и исправлять одну часть стѣны на счетъ уничтоженія другой, нераціонально и можетъ послужить поводомъ къ поврежденію частей остающихся".

Впредъ до изысканія средствъ, по мнѣнію К. Я. Маевскаго, было бы достаточно ограничиться слѣдующими мѣрами: а) отбить немедленно тѣ выпучившіяся въ стѣнѣ части, которыя угрожаютъ опасностью; б) поврежденный цоколь и отбитыя безъ надобности мѣста, равно и тѣ проломы, которые должны остаться, исправить въ томъ видѣ, какъ они были, не нарушая характера древняго стиля, употребивъ для этого оставшійся отъ разобранія стѣны камень; в) укрѣпить съ южной стороны оврагъ или же отвести воды его въ болѣе безопасный и удаленный оврагъ.

Кромѣ того К. Я. Маевскій предложилъ: „воспретить самымъ строгимъ образомъ разборку стѣнъ и окружающихъ валовъ. Башни приспособлять, по его мнѣнію, подъ архивы полезно; но не слѣдуетъ при этомъ измѣнять видъ башенъ и первоначальный характеръ, какъ-то было сдѣлано въ приспособленныхъ подъ архивы (Губернскаго Правленія), гдѣ амбразуры съ наружной обдѣлкой выломаны и устроены весьма некрасивыя окна".

Таковое мнѣніе архитектора К. Я. Маевскаго было повергнуто Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ на высочайшее воззрѣніе, и высочайше повелѣно министерству войти въ ближайшее соображеніе о средствахъ, на которыя могутъ быть отнесены издержки по исправленію крѣпостной стѣны.

25 Февраля 1869 г. Смоленское губернское земское собраніе, разсмотрѣвъ предложеніе г. губернатора о принятіи земствомъ расхода на приведеніе крѣпостной стѣны въ первоначальное положеніе, постановило: ассигновать на исправленіе крѣпостной стѣны на 1869 г. 2500 р. изъ запаснаго капитала и вносить таковую сумму въ смѣту губернскихъ сборовъ въ 1870 и 1871 гг., съ тѣмъ, чтобы и расходованіе этихъ денегъ, и наблюденіе за производствомъ работъ зависѣло отъ губернской управы, которая въ очередныхъ собраніяхъ обязана представлять отчеты по сему предмету.

Такимъ образомъ въ 1869 г. крѣпостная стѣна переходитъ въ вѣдѣніе губернскаго земства. Въ 1869 г. губернское земство кромѣ ассигнованныхъ собраніемъ 2500 р. на исправленіе стѣны получило еще отъ Губернскаго Правленія 1453 р. $85^1/_4$ коп., вырученныхъ за проданные матеріалы, всего 3953 р. $85^1/_4$ коп.

Въ 1869 г. произведены слѣдующія работы: 1) отбиты выпучившаяся и угрожающая паденіемъ каменная и кирпичная кладка; 2) обдѣланъ на поврежденныхъ мѣстахъ цоколь; 3) задѣланы трещины и исправлены всѣ поврежденія въ Волковской башнѣ; 4) исправлены водопроводныя трубы чрезъ Пятницкій и Георгіевскій ручьи; 5) заложены семь проходовъ между башнями Веселухою и Казанскимъ проломомъ, и обдѣлано пять проходовъ, и 6) исправлены и выкрашены желѣзныя крыши на 5 башняхъ между башнями Веселухой и Никольскими воротами. Работы обошлись 3,035 руб. 26 к.

Въ 1870 г. никакихъ исправленій въ крѣпостной стѣнѣ произведено не было.

Въ 1871 г. было приступлено къ исправленію Ильинскаго пролома, но работа не могла быть окончена, вслѣдствіе рано наступившихъ морозовъ.

Но въ засѣданіи губернскаго земскаго собранія 9 Декабря 1871 г. постановлено: 1) никакой суммы на поддержаніе Смоленской стѣны въ смѣту не вносить; 2) ходатайствовать предъ правительствомъ объ ассигнованіи изъ суммъ Государственнаго Казначейства на поддержку Смоленской стѣны особой суммы, по усмотрѣнію правительства и о разрѣшеніи открытія по Россійской Имперіи на этотъ предметъ подписки.

На открытіе Всероссійской подписки правительство не согласилось, къ принятію же на счетъ государственнаго казначейства исправленія крѣпостной стѣны министерство препятствій не встрѣтило, но съ тѣмъ однако, чтобы составлены были подробныя смѣты неотложнымъ работамъ и самое разрѣшеніе исчисленнаго на сей предметъ кредита было испрошено по установленному порядку отъ Комитета Министровъ.

Въ 1874 г. земское собраніе поручило управѣ войти въ сношеніе съ предсѣдателемъ Московскаго Археологическаго Общества сдѣлать заключеніе по вопросу объ отпускѣ правительствомъ денегъ на исправленіе крѣпостной стѣны. Въ Маѣ 1876 г. пріѣзжалъ для осмотра стѣны покойный предсѣдатель Археологическаго Общества графъ Уваровъ, вмѣстѣ съ архитекторомъ археологомъ Артлебеномъ. По смѣтѣ, выработанной симъ послѣднимъ на возобновленіе стѣны, необходимо до 135 тысячъ рублей.

Въ 1881 г. городскимъ управленіемъ былъ возбужденъ вопросъ о передачѣ крѣпостной стѣны въ вѣдѣніе города, на что согласилось и земское собраніе и постановило ходатайствовать о семъ предъ правительствомъ.

Въ 1885 г. земствомъ былъ произведенъ ремонтъ башни у Никольскихъ воротъ и отобранъ по обѣимъ сторонамъ крѣпостной стѣны кирпичъ угрожавшій паденіемъ, на что израсходовано 106 рублей.

1) Въ 1886 г. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ вновь командировало академика архитектора К. Я. Маевскаго для осмотра крѣпостной стѣны, и сей послѣдній подробнымъ рапортомъ и запиской выяснилъ положеніе стѣны

2) Въ 1886 г. губернское земство устроило изгороди около проломовъ крѣпостной стѣны на Казанской горѣ и близъ усадьбы ремесленнаго училища; въ 14 мѣстахъ около стѣнъ возведены заборы, задѣланы досками съ засыпкою землею проломы при Шейненскомъ земляномъ бастіонѣ и, съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, разобрана на протяженіи 6-ти аршинъ угрожавшая паденіемъ часть стѣны противъ торговыхъ бань Чумакова, на каковыя работы израсходовано 399 р. 13 коп., изъ суммъ крѣпостной стѣны.

Наконецъ въ 1888 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе, которымъ, между прочимъ, опредѣлено: 1) существующія въ г. Смоленскѣ древнія крѣпостныя сооруженія изъять изъ вѣдѣнія мѣстнаго губернскаго земства и передать въ завѣдываніе Смоленскаго губернатора; 2) охраненіе, надзоръ и приведеніе означенныхъ сооруженій въ безопасное положеніе возлагается на особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и финансовъ, города и земства и двухъ техниковъ мѣстнаго Губернскаго Правленія. Затѣмъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ разъяснилъ, что приглашеніе членовъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и финансовъ, а также отъ города и земства зависитъ отъ усмотрѣнія г. губернатора, по соглашенію съ подлежащими учрежденіями.

По тому же высочайшему повелѣнію: „Императорской Археологической Комиссіи предоставляется командировать, на свои средства, для участія въ занятіяхъ коммиссіи, одного изъ своихъ членовъ, а также въ случаѣ надобности, и другихъ лицъ по ея усмотрѣнію". Въ составъ комиссіи введенъ инженеръ-архитекторъ К. Я. Маевскій.

Отпускъ суммъ на исправленіе крѣпостной стѣны возложенъ на Государственное Казначейство. Суммы ассигнованы съ 1-го Января 1888 г. на 30 лѣтъ, съ отпускомъ по 4 тысячи р. въ годъ и единовременно 18 тысячъ рублей, при чемъ въ распоряженіе комиссіи обращены „имѣющіеся въ наличности и могущіе получиться при производствѣ ремонтныхъ работъ матеріалы, а равно и суммы, вырученныя отъ продажи сихъ матеріаловъ".

Общая стоимость возобновленія стѣнъ исчислена въ 141, 410 р.

10-го Декабря 1888 г. земской управой былъ переданъ матеріалъ отъ крѣпостной стѣны, а 10 Января 1889 г. переданъ предсѣдателю комиссіи по охраненію остатковъ древней крѣпостной стѣны капиталъ, принадлежащій стѣнѣ, заключающійся въ наличныхъ деньгахъ и билетахъ государственнаго банка, всего 2370 р. 47 коп. Также отосланы дѣла, приходо-расходные журналы и планы, относящіеся до крѣпостной стѣны.

Въ Маѣ 1889 г. было приступлено къ работамъ, къ каковому времени длина уцѣлѣвшихъ частей крѣпостной стѣны, за исключеніемъ башенъ и земляныхъ бастіоновъ, составляла 3 версты 317 саженъ.

Работы начались съ принятіемъ мѣръ противъ причинъ, способствующихъ разрушенію стѣны. Стѣна на всемъ своемъ протяженіи была покрыта

растительностью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ береза и рябина достигали высоты 5 саженей. Корни этихъ деревьевъ внѣдрялись въ кирпичную кладку и разрушали ее, образовывались трещины въ стѣнѣ. Трещины, благодаря вывѣтриванію и другимъ причинамъ, увеличивались въ размѣрахъ, и стѣна грозила паденіемъ. Для устраненія этой причины стѣна на всемъ протяженіи была очищена отъ растительности, дерна и корней растеній.

Затѣмъ разрушеніе стѣны происходило еще отъ просачиванія дождевой воды, которая наполняла всѣ углубленія и трещины, а при замерзаніи ледъ расширялся и разрушалъ кладку, вслѣдствіе чего трещины увеличивались, а также образовывались опучины, которыя отваливались отъ стѣны. Для устраненія таковыхъ причинъ во многихъ мѣстахъ стѣна покрыта покатымъ бетономъ и устроены лотки для стока воды. Близъ Шеинскаго пролома стѣна разобрана на протяженіи 45 сажень, такъ какъ исправленіе ее въ этомъ мѣстѣ признано, вслѣдствіе ветхости, совершенно невозможнымъ.

Чтобы предупредить подмываніе фундамента стѣны и башенъ устроены стоки для отвода воды; фундаментъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленъ. также исправлены амбразуры, трубы водоотводныя, задѣланы трещины въ стѣнѣ и башняхъ. Вообще, всѣ поврежденныя части стѣны приведены въ крѣпкое состояніе цементнымъ растворомъ. Приведено нѣсколько башенъ въ безопасное состояніе. Затѣмъ ежегодно производится частями исправленіе и бальзамированіе крѣпостной стѣны: поверхность стѣнъ очищается, возобновляется покатый полъ изъ кирпича на известковомъ растворѣ, устраиваются для отвода воды лотки, трещины и другія поврежденія задѣлываются кирпичами и заливаются цементомъ.

Благодаря участію правительства въ сохраненіи столь дорогого памятника не только для Смоленска, но и всей Россіи, крѣпостная стѣна еще долгое время будетъ напоминать о пережитыхъ городомъ Смоленскомъ невзгодахъ.

VII.

Башни и проломы крѣпостной стѣны.

Изъ 36-ти башенъ, сооруженныхъ по приказанію Бориса Годунова, уцѣлѣло по настоящее время лишь 17. Вотъ названія бывшихъ и уцѣлѣвшихъ башенъ:

1. *Днѣпровская* четыреугольная съ проѣзжими воротами, въ старину носила названіе Фроловской. Въ ней висѣлъ набатный колоколъ. По ветхости башня эта въ 1727 году разобрана, а на мѣстѣ ея устроена деревянная церковь во имя Рождества Богородицы. Въ храмѣ этомъ помѣщена была икона Богоматери Одигитріи, которая раньше помѣщалась надъ воротами Днѣпровской башни. Въ 1803 году на мѣстѣ деревянной церкви устроена каменная двухпрестольная церковь во имя иконы Смоленской-Одигитріи (28 Іюля) и Спасъ-Нерукотвореннаго образа (16-го Августа). На Западъ отъ храма слѣдующія башни.

2. *Водяная* четыреугольная: взорвана въ 1722 году по неосторожности канонира.

3. *Иверская* четыреугольная: въ 1803 г. обращена въ тюремную церковь, въ 1812 году взорвана Французами, въ 1815 г. снова возобновлена во имя Николая Чудотворца, въ 1865 г. церковь была поновлена и освящена во имя святителя Тихона Воронежскаго, а въ 1881 г. обращена въ домовую церковь при городской Пестрикова и Ланина богадѣльнѣ.

4. *Верженова* круглая; разобрана по ветхости въ 1782 г.

5. *Пятницкая* четыреугольная съ проѣзжими воротами; разобрана по ветхости.

6. *Никулинская* иначе Микулинская, круглая; взорвана Французами въ 1812 г. при бѣгствѣ изъ г. Смоленска.

7. *Богословская* четыреугольная; взорвана въ 1812 г.

8. *Безыменная* четыреугольная; взорвана въ 1812 г.

9. *Шеинская* круглая; разобрана по ветхости въ 1830 г. Эта башня послужила убѣжищемъ боярина Шеина, по взятіи Смоленска Поляками въ 1611 г.

10. *Гуркина* четыреугольная.

11. *Круглая* башня, разбитая Поляками въ 1611 г. На этомъ мѣстѣ устроенъ по повелѣнію Сигизмунда III земляной бастіонъ. Въ 1874 г. внутри земляного укрѣпленія устроенъ городской публичный садъ, любимое мѣсто прогулокъ жителей города Смоленска. Садъ названъ по имени бывшаго губернатора Лопатина—Лопатинскимъ. Близъ сада разстилается площадь, на которой стоитъ памятникъ доблестнымъ защитникамъ города въ 1812 г. Памятникъ открытъ въ 1814 г.

12. *Копытинская* четыреугольная съ заложенными проѣзжими воротами.

13. *Бублейка* четыреугольная.

14. *Топинская* иначе *Громовая* круглая. Въ этой башнѣ въ настоящее время помѣщается архивъ Губернскаго Правленія.

15. *Донецъ* четыреугольная.

16. *Касандаловская* или Артишевская круглая; взорвана въ 1812 г.

17. *Безыменная* четыреугольная; взорвана въ 1812 г.

18. *Молоховская* четыреугольная, съ проѣзжими воротами, съ земляным равелиномъ для прикрытія воротъ, взорвана въ 1812 г. На мѣстѣ этой башни въ воспоминаніе благодѣяній, оказанныхъ г. Смоленску, императоромъ Николаемъ I сооружена въ 1840 г. церковь на доброхотныя пожерт-

ванія жителей города. Храмъ освященъ во имя Благовѣщенія Богородицы, въ память того, что находившаяся надъ Молоховскими воротами икона Богоматери, послѣ разрушенія башни, найдена невредимою. Наружный видъ храма соотвѣтствуетъ древности крѣпостной стѣны. Фасадъ представляетъ четыреугольную одноглавую башню съ зубцами и проѣздными воротами. Вышина церкви до креста $19^1/_2$ саж., основаніе квадратное осьмисаженное. Въ храмѣ къ стѣнѣ прикрѣплена мраморная доска съ надписью: „Николаю I отъ вѣрныхъ жителей города Смоленска, въ знакъ вѣчной признательности за оказанныя монаршія щедроты 16 Апрѣля 1841 г. Въ настоящее время церковь эта въ вѣдѣніи военнаго вѣдомства.

19. *Маховая* четыреугольная. Въ ней помѣщается губернскій архивъ.

20. *Грановитая* круглая, разбитая Шеиномъ въ 1634 г.; на мѣстѣ ея насыпанъ земляной бастіонъ, подъ именемъ Шеинова пролома. При Петрѣ I-мъ подъ валомъ былъ устроенъ пороховой погребъ.

21. *Антифоновская* четыреугольная; разобрана по ветхости въ 1819 г.

22. *Евстафьевская* круглая. Въ ней съ 1889 г. помѣщается водопроводный резервуаръ городского водопровода.

23. *Ельнинская* или *Никольская* четыреугольная съ проѣзжими воротами. Въ 1898 г. рядомъ съ башней въ стѣнѣ устроенъ прямой проѣздъ, а ворота въ башнѣ заложены.

24. *Зимбулка* четыреугольная.

25. *Домоченская* или *Шембелка*—круглая.

26. *Воронина* четыреугольная.

27. *Золотарная* или *Заалтарная*, иначе *Бѣлуха*, круглая.

28. *Авраамiевская* четыреугольная съ заложенными воротами. Въ ней помѣщается архивъ.

29. *Веселуха* тожъ *Городецкая* и *Орелъ*, круглая.

30. *Познякова*, иначе *Роговка*, четыреугольная.

31. *Лучинская* извѣстная въ настоящее время подъ именемъ *Веселухи*. Въ 1870 году башня эта была исправлена на средства, пожертвованныя строителями Московско-Смоленской желѣзной дороги А. М. Варшавскимъ и М. П. Фридландомъ, въ размѣрѣ 4 тысячъ рублей. Отдѣлку башни взялъ на себя за означенную сумму академикъ архитектуры В. И. Сычуговъ, которымъ были произведены слѣдующія работы: задѣланы всѣ выбоины и трещины въ стѣнѣ; устроены полы и лѣстницы въ 4-хъ этажахъ башни; въ верхнемъ этажѣ, находящемся между зубцами, устроенъ фонарь чистой столярной отдѣлки съ бѣлыми стеклами; оштукатурены внутри стѣны башни;

снаружи башня окрашена краскою и надписью „Веселуха“ изъ выпуклыхъ буквъ; на верху башни, на прочно укрѣпленномъ шпилѣ, помѣщенъ флагъ съ гербомъ. Съ верхняго этажа башни открывается живописный видъ на г. Смоленскъ. Со временемъ внутренняя отдѣлка башни пришла въ разрушеніе.

32. *Гольцевская* или *Стефановская* четыреугольная. Взорвана въ 1812 г.

33. *Крылошевская* четыреугольная съ проѣзжими воротами, называвшимися Рачевскими; по ветхости разобрана въ 1782 г.

24. *Костыревская* или *Черепаховая*, круглая; разобрана по ветхости въ 1833 г., а въ 1835 г. по повелѣнію императора Николая I возобновлена въ меньшихъ размѣрахъ.

35. *Лазаревская* четыреугольная, взорвана въ 1812 г.

36. *Волкова* четыреугольная; въ ней съ 1877 г. помѣщается судебный архивъ.

Въ стѣнѣ существуетъ нѣсколько проломовъ: одинъ образовался во время осады города бояриномъ Шеиномъ въ 1632 году; другой во время осады королемъ Сигизмундомъ III въ 1611 г.: три въ 1812 году и нѣсколько проломовъ на мѣстѣ разобранныхъ башенъ и стѣны. Отъ храма Богоматери на Западъ проломъ ведетъ на вновь выстроенный въ 1897 г. чугунный мостъ черезъ р. Днѣпръ. Далѣе на Западъ проломъ на мѣстѣ Верженовой башни; затѣмъ на мѣстѣ Пятницкихъ воротъ. При поворотѣ стѣны на Югъ существуетъ довольно большой проломъ: въ этомъ мѣстѣ часть стѣны взорвана Французами; затѣмъ Казанскій проломъ, королевская крѣпость; на Югѣ: Ильинскій или Губернаторскій проломъ, проломъ при зданіи городской управы, близъ памятника подполковнику Энгельгардту; Шеиновъ проломъ; на Сѣверѣ: проломы на мѣстѣ Гольцевской и Крылошевской башенъ; отъ Костыревской до Волковой башни стѣна разобрана, и на мѣстѣ этомъ устроена въ 1889 году водопроводная городская водокачка, а въ 1900 году станція электрическаго трамвая.

VIII.

Преданіе о башнѣ Веселухѣ (она-же Городецкая и Орелъ).

Среди жителей г. Смоленска существуетъ слѣдующее преданіе о башнѣ Веселухѣ или, какъ впослѣдствіи ее назвали, Городецкой, а также Орелъ.

Вскорѣ послѣ завоеванія Смоленска въ 1611 г. Поляками, почью на городской стѣнѣ близъ башни Веселухи стали появлятся странныя привидѣнія, которыя въ разныхъ странныхъ видахъ и одеждахъ бѣгали по стѣнѣ, пѣли, играли и плясали, наводя этимъ страхъ на окрестныхъ жителей. Въ концѣ 1750 г. въ Смоленскѣ появился изъ Польши нѣкто Змѣявскій, безъ всякихъ средствъ, но вскорѣ сдѣлался богачемъ, важнымъ лицомъ въ г. Смоленскѣ и носилъ титулъ графа. Самозванецъ-графъ по стариннымъ бумагамъ открылъ причину появленія привидѣній близъ башни Веселухи. Близъ баш-

ни Веселухи за крѣпостной стѣной былъ прорытъ подземный ходъ, на протяженій 200 саженей. Многіе мошенники, по взятіи Смоленска Поляками, пользовались этими подземельями; они служили имъ убѣжищемъ. Чтобы удобнѣе производить грабежи и сдѣлать свое убѣжище неприступнымъ, они переодѣвались въ разные костюмы и со стѣны пугали суевѣрныхъ жителей города, которые называли это мѣсто проклятымъ.

Змѣявскій, желая удостовѣриться въ истинѣ сего, отправился съ преданными себѣ людьми ночью къ башнѣ Веселухи, осмотрѣлъ ее и нашелъ, что въ ней былъ деревянный полъ съ потайной дверью. Кромѣ того вблизи стѣны съ загородной стороны обнаружена желѣзная дверь, ведущая въ подземный ходъ. Открывъ дверь, спутники графа спустились по каменнымъ ступенямъ въ подземелье и, изслѣдовавъ его, донесли графу, что подземный ходъ выше человѣческаго росту и ведетъ къ другому выходу, запертому также желѣзною дверью. Осмотрѣвъ внимательно мѣстность, графъ черезъ нѣсколько дней купилъ у города все пустое поле, прилегающее къ башнѣ и устроилъ при выходѣ изъ подземелья кирпичный сарай. Входы въ подземелье замаскировали кирпичемъ, а подземелье расширили и въ нимъ устроили плавильныя печи съ трубами, проведенными черезъ печь кирпичнаго сарая. Графъ для отвода какого либо подозрѣнія началъ торговать кирпичемъ; но въ подземельѣ въ потайныхъ комнатахъ производилась фабрикація иностранной золотой и серебряной монеты, преимущественно Польской. Въ теченіе 15 лѣтъ перечеканивались Русскіе рубли съ прибавкой въ большемъ количествѣ лигатуры. Ежегодно перечеканивалось до тысячи фунтовъ разной монеты, отчего получались огромные доходы. Передѣланную монету отправляли главнымъ образомъ въ Польшу, тамъ монету вымѣнивали на ассигнаціи, а послѣднія на иностранную монету, которую и отправляли для переплавки. Если курсъ монетъ не представлялъ никакой выгоды для размѣна на Русскіе рубли, то ихъ подвергали переплавкѣ.

Въ этомъ подземельѣ томился около 15 лѣтъ Смоленскій дворянинъ Алексѣй Егоровичъ Велеринскій. Самозванецъ-графъ, желая завладѣть богатымъ имѣніемъ Велеринскаго, увлекъ его жену, пообѣщавъ на ней жениться. На Велеринскаго въ лѣсу напали замаскированные люди, избили его и полуживого помѣстили въ подземной комнатѣ, заковавъ въ цѣпи. Змѣявскій, получивъ имѣніе, которое передала ему жена Велеринскаго, отказался на ней жениться и выгналъ ее вонъ изъ дома. Она обратилась въ юродивую и извѣстна была среди жителей Смоленска подъ именемъ „Ивановны“, но никто не зналъ ея происхожденія.

Болѣе 15 лѣтъ производилась фабрикація монетъ. Змѣявскій сильно разбогатѣлъ, занималъ въ городѣ довольно высокое положеніе и нерѣдко за отлучкою губернатора исправлялъ его должность.

Наконецъ незаконная фабрикація была открыта слѣдующимъ обстоятельствомъ. Бывшій камердинеръ Велеринскаго, а затѣмъ служившій Змѣяв-

скому, помогавшій послѣднему въ различныхъ незаконныхъ продѣлкахъ, на склонѣ лѣтъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти, поступилъ въ мужской Троицкой монастырь послушникомъ, гдѣ провелъ семь лѣтъ въ постѣ и молитвѣ. При жизни онъ не рѣшался открыть поступки Змѣявскаго, боясь мщенія послѣдняго. Но послѣ его смерти было найдено предсмертное показаніе, въ которомъ онъ подробно изложилъ продѣлки и преступленія Змѣявскаго.

Баталіонъ солдатъ оцѣпилъ кирпичный сарай Змѣявскаго и башню Веселуху. По сдѣланному въ рукописи описанію найдена была у башни Веселухи желѣзная дверь, прикрывающая ходъ въ подземелье. Солдаты спустились съ заженными фонарями въ подземелье, и здѣсь было арестовано человѣкъ двадцать рабочихъ. Въ отдѣльной комнатѣ, запертой крѣпкою дверью, найденъ въ углу спящій старичокъ, одѣтый въ рубище и закованный въ цѣпи. Это былъ Велеринскій. Цѣпи тотчасъ были сняты, и узника вынесли на поверхность земли. Отъ дѣйствія свѣжаго воздуха и дневного свѣта, бѣдный страдалецъ впалъ въ обморокъ и въ таковомъ видѣ былъ доставленъ въ домъ губернатора.

При осмотрѣ подземелья найдены были разные инструменты, необходимые для расплавки металловъ и чеканки монетъ. Въ особой комнатѣ обнаружено нѣсколько мѣшковъ съ золотыми и серебряными монетами, куски олова, композиція для лигатуры и т. п. Въ шкафу и сундукѣ найдены разнаго рода наряды, уродливыя маски, лошадиные хвосты, различныхъ животныхъ рога и т. п. Въ эти костюмы наряжались рабочіе и пугали жителей съ городской стѣны.

Змѣявскаго въ то время не было въ Смоленскѣ; онъ жилъ въ своемъ имѣніи, куда посланъ былъ баталіонъ солдатъ. Змѣявскій былъ арестованъ вмѣстѣ со своими дворовыми людьми, преданъ суду, и всѣ преступники понесли должное наказаніе.

По распоряженію правительства кирпичный сарай былъ сломанъ, а подземелье засыпано землей.

Велеринскій вскорѣ оправился, нашелъ свою единственную дочь, которая 15 лѣтъ тому назадъ была подкинута купцу Кубышкину его камердинеромъ, спокойно прожилъ остатокъ жизни и на рукахъ дочери и ея мужа отошелъ въ вѣчность. Таково преданіе.

Хранитель древностей Смоленскаго историко-архіологическаго музея

Василій Грачевъ.

Смоленскъ, 5-го Ноября 1900 г.

ИНЗОВЪ ВЪ ЮЖНОЙ БЕССАРАБІИ.

. . . „Спаситель Молдаванъ,
Бахметьева намѣстникъ,
Законовъ провозвѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ“. . .
(Пушкинъ).

Сохранявшій для Россіи ввѣренный его попеченію драгоцѣнный талантъ Пушкина, Иванъ Никитичъ Инзовъ (т. е. Иной Зовъ, родился въ 1768 или въ 1777 г.), воспитанникъ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, дослужившись на военной службѣ чина генерала-отъ-инфантеріи, съ 1818 г. и до самой смерти (умеръ 27 Мая 1845 г.) посвятилъ себя мирной гражданской дѣятельности на Югѣ Россіи вообще и въ Бессарабіи въ частности.

Инзову сначала, какъ „главному попечителю“ или начальнику, затѣмъ какъ „предсѣдателю попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южной Россіи [1]), по словамъ Н. Н. Мурзакевича, „Россія обязана водвореніемъ въ пустынныхъ равнинахъ Бессарабскаго буджака (нѣкогда Solitudines Getarum) трудолюбивыхъ, единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ Славянъ-Болгаръ“.

Пользуясь личнымъ посѣщеніемъ Бессарабіи императоромъ Александромъ I въ Маѣ 1818 г., Инзовъ, чрезъ посредство гр. Каподистріи, исходатайствовалъ высочайшій указъ отъ 29 Декабря 1819 г., а затѣмъ такъ-наз. грамоту отъ 12 Марта 1820 г., по которымъ безправнымъ Задунайскимъ переселенцамъ, по преимуществу Болгарамъ (такъ-назыв. „бѣженарамъ“, т. е. бѣглецамъ), дарованы широкія права и привиллегіи иностранныхъ колонистовъ [2]). Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе 27 лѣтъ, Инзовъ не переставалъ заботиться о развитіи и процвѣтаніи устроенныхъ имъ Болгарскихъ колоній въ южной Бессарабіи.

---

[1]) Положеніе о попечительствѣ издано 22 Марта 1818 г.: мѣстопребываніе попечительства опредѣлено въ Екатеринославѣ 5 Февраля 1819 г. Положеніе о попечительномъ комитетѣ издано 1 Іюля 1833 г., съ мѣстопребываніемъ въ Одессѣ.

[2]) Грамота эта, т. е. актъ на пергаментѣ, за подписью министра вн. д., гр. Кочубея, была положена на храненіе въ алтарѣ церкви „главнаго селенія“ Табакъ, а въ 1838 г. перенесена въ соборъ нынѣшняго Болграда.

Имѣя свое мѣстопребываніе съ 1820 г. въ Кишиневѣ [1]), а съ начала 1834 г. (или 1831 г., по Мурзакевичу) въ Одессѣ, Инзовъ неоднократно посѣщалъ Болгарскія колоніи въ Бессарабіи, въ томъ числѣ Болградъ, въ которомъ жили подвѣдомственные Инзову чиновники, ближайшіе исполнители его предначертаній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непосредственные начальники Болгаръ, такъ-назыв. попечители или управляющіе, и находилось „Управленіе Задунайскими переселенцами" (съ 1833 г. [2]). „Несторъ новой Россіи", А. А. Скальковскій, отмѣтилъ слѣдующія посѣщенія Инзовымъ Болграда: при закладкѣ собора 23 Іюня 1833 г., при освященіи его 15, 16 и 17 Октября 1838 г., наконецъ, въ 1840 г. Между прочимъ, обиліе въ колоніяхъ древесныхъ насажденій (такъ-наз. „плантацій") и садовъ, изъ которыхъ лучшимъ доселѣ считается общественный садъ въ Болградѣ, отчасти также можно отнести къ заботливости Инзова", который (по Мурзакевичу) любилъ ботанику и большая библіотека котораго состояла, между прочимъ, изъ сочиненій ботаническихъ...

Инзовъ обращался съ Болгарами по отечески. Болгары чрезвычайно его любили и почитали. Портретъ Инзова, по словамъ д-ра Иречка, можно было найти въ каждой хижинѣ. Въ память Инзова одна Болгарская колонія была названа „Иванова" (основана въ 1822 г., нынѣ село Аккерманскаго уѣзда), а сооруженная въ ней прекрасной архитектуры каменная церковь освящена „во имя св. Крестителя Іоанна". „Въ 1840 г., говоритъ А. Скальковскій, когда этотъ сановникъ (т. е. Инзовъ), уже совершенно согбенный тяжкимъ недугомъ, возвращался изъ Болграда въ Одессу, онъ пожелалъ присутствовать въ колоніи Ивановой при освященіи воздвигнутаго въ ней храма. Для этой церемоніи и двухдневнаго народнаго праздника, Болгаре выносили

---

[1]) Въ Іюнѣ 1820 г. Инзовъ былъ назначенъ „полномочнымъ намѣстникомъ" Бессарабской области; съ 17 Іюня 1822 г. до Мая 1823 г. онъ также исправлялъ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора.

[2]) Вотъ имена попечителей и управляющихъ Болгарскими колоніями: 1) Бывшій начальникъ Болгарскаго ополченія въ Турецкую войну ротмистръ Дмитрій Ватикіоти, за смертью въ началѣ 1820 г. не успѣвшій вступить въ должность; въ память его названа колонія „Дмитріева". 2) Камчатскаго пѣхотнаго полка подполковникъ, бывшій адъютантъ и любимецъ Инзова, Малевинскій, отъ 13 Марта 1820 до 1826 г.; „Малевинская" улица въ Болградѣ. 3) Колл. с. Мердеръ 1826—1832 г., братъ извѣстнаго Карла Карловича Мердера, наставника цесаревича, умеръ въ Болградѣ и похороненъ на мѣстномъ кладбищѣ, гдѣ Болгары поставили ему „скромный, но приличный памятникъ". 4) Управляющій, кол. с. Михаилъ Григорьевичъ Бутковъ, съ 30 Ноября 1833 г. по 23 Ноября 1844 г., братъ академика Павла Григ. Буткова, сдѣлалъ столь много для пользы и благоденствія Болгарскихъ колонистовъ, что въ высшей степени заслужилъ ихъ любовь и расположеніе" (Скальковскій), бывшій цинутный (уѣздный) комиссаръ, родомъ изъ Харькова, не весьма молодой, хворый, холостой, честный, хотя и богатый (Вигель); „Бутковская" улица въ Болградѣ. 5) Подполковникъ Иванъ Арендаренко, послѣдній управляющій Болгарскими колоніями въ южной Бессарабіи (до 1856 г.), не пользовавшійся расположеніемъ Болгаръ (по Иречку), умеръ и похороненъ въ Аккерманѣ.

его въ особаго рода креслахъ, дабы присутствіе столь любимаго ихъ попечителя украсило это собраніе. Это было уже послѣднее его посѣщеніе Болгарскихъ колоній."

Любовь къ Инзову Бессарабскихъ Болгаръ лучше всего доказываетъ основаніе кладбищенской церкви въ Болградѣ. „Когда доблестный старецъ, говоритъ тотъ же историкъ, разбитый параличомъ и страдая безконечными недугами, но бодрый духомъ и вѣрою христіанскою, собирался въ Воронежъ помолиться у мощей святителя Митрофана, онъ призвалъ въ Одессу къ одру своему г. Буткова и Болградскихъ старшинъ, чтобы проститься съ ними; а они воспользовались этимъ случаемъ, чтобы испросить у него позволеніе соорудить на кладбищѣ церковь во имя святителя, къ мощамъ и заступничеству котораго отправлялся Иванъ Никитичъ. Получивъ на то согласіе страдальца, Болградское общество приступило немедленно къ работѣ, употребивъ на то строевые матеріалы, оставшіеся отъ соборнаго храма, и базарный доходъ, простиравшійся до 1000 рубл. сер. въ годъ. Новый храмъ этотъ освященъ въ Апрѣлѣ 1844 года". Таково происхожденіе круглой „изящной Римской архитектуры" (въ формѣ Пантеона) церкви во имя св. Митрофанія на кладбищѣ въ Болградѣ.

Вскорѣ затѣмъ, въ Ноябрѣ 1846 г., пришлось Болгарамъ перенести подъ своды этого храма смертные останки благодѣтеля своего, И. Н. Инзова, умершаго въ Одессѣ 27 Мая 1845 г. Гробница Инзова находится у южной стѣны храма. На мраморной доскѣ, съ рельефнымъ изображеніемъ креста и виньеткой изъ различныхъ воинскихъ эмблемъ (оружіе, щитъ, орелъ), вырѣзана слѣдующая надпись:

„Здѣсь покоится прахъ
раба Божія
Іоанна Никитича Инзова,

генерала-отъ-инфантеріи, главнаго попечителя и предсѣдателя попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи. Генералъ Инзовъ родился 23 Декабря 1777 года, скончался въ Одессѣ 27 Мая 1845 года.

Онъ далъ поселенцамъ новую жизнь въ новомъ ихъ отечествѣ. Благодарные Болгарскіе колонисты пожелали перенести въ нѣдра своего поселенія прахъ виновника ихъ благоденствія, для сохраненія имени его въ памяти народной. По высочайшему соизволенію, усердіемъ Болгарскихъ колонистовъ, бренные останки генерала Инзова перевезены изъ Одессы и преданы землѣ въ церкви во имя святителя Митрофанія, въ колоніи Болградѣ, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 года".

До сихъ поръ мѣстные старожилы вздыхаютъ о „дядо" Инзовѣ, о времени такъ-называемой первой Россіи" (т. е. до 1856 г.). Въ Болградѣ (какъ и въ Кишиневѣ) одна улица досслѣ носитъ названіе „Инзовской". Существуетъ мысль о постановкѣ памятника Инзову въ Болградѣ.

Нѣкогда распространенный портретъ Инзова въ настоящее время составляетъ рѣдкость. Онъ изданъ былъ литографіей А. Брауна, въ Одессѣ, съ подписью художника Solferino [1]). По наружному виду своему, традиціонная „Николаевская" шинель, бакенбарды,—Инзовъ типичный служилый вель-

[1]) Портретъ Инзова любезно предоставилъ въ наше распоряженіе Я. А. Иванченко.

можа Николаевскаго времени: приподнятыя брови придаютъ нѣсколько мечтательное выраженіе физіономіи этого „добраго мистика“, по выраженію Пушкина *).

А. П. К.

Гор. Болградъ, Бессар. губ.

*

Въ историческихъ преданіяхъ съ благодарностью поминается имя Инзова: онъ пригрѣлъ молодаго поэта и облегчалъ ему тяжесть ссылки, когда тотъ долженъ былъ провести почти три года

Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ. П. Б.

*) Пособія при составленіи настоящей замѣтки: А. Скальковскій—Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новоросс. краѣ, 1845 г.—Записки Ф. Ф. Вигеля въ „Р. Арх.“ 1892 г. XII, 103, 150, 1893 г., VII, 63, X, 120. Ср. также „Р. Арх.“ 1897 г. II, 114, 1900 г. II, 400.—Записки Н. И. Мурзакевича въ „Р. Стар.“ 1887 г., II, 285.—К. I. Иречекъ, Исторія Болгаръ, Одс. 1878 г., 677, 685.—Брокгаузъ, Энциклоп. Словарь XIII, 194.

ИЗЪ МОЕЙ СТАРИНЫ.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго *).

1841.

Мною было получено письмо отъ Андрея Николаевича Муравьева, съ выраженіемъ его глубокаго соболѣзнованія по случаю кончины моей матери и съ извѣщеніемъ о томъ, что, по словамъ генерала Фитингофа, командира кавалергардскаго полка, нельзя ожидать въ скоромъ времени вакансій въ его полку, по случаю большого въ этомъ году поступленія офицеровъ къ нему изъ Гвардейской Школы. Муравьевъ увѣдомлялъ меня объ этомъ съ какимъ-то особеннымъ сердечнымъ сожалѣніемъ, какъ о постигшемъ насъ обоихъ несчастіи, оказалось потому, что, вслѣдствіе этого, поступивъ въ другой гвардейскій полкъ, я не буду, по всей вѣроятности, находиться подъ его крылышкомъ и рѣже буду съ нимъ видѣться.

Я привыкнулъ уже къ мысли объ опредѣленіи моемъ въ кавалергарды и въ подробности составилъ себѣ впередъ картину своего пребыванія на службѣ именно въ этомъ полку. Извѣстіе, полученное отъ Муравьева, разстраивало мои планы и мечтанія.

Приходилось избрать другой гвардейскій полкъ и снова хлопотать о переводѣ; ибо срокъ требуемый закономъ, т. е. три года пребыванія въ арміи передъ переводомъ въ гвардію, скоро для меня наступалъ, и тратить время по пустому не было расчета. Мой выборъ палъ тогда на лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, вслѣдствіе моего знакомства со многими офицерами этого полка, какъ то двумя братьями графами Блудовыми, братьями Абаза и пр., и кромѣ того по блестящей репутаціи, которой этотъ полкъ пользовался вполнѣ заслуженно.

---

*) См. выше, стр. 292.

Получивъ отъ отца на этотъ переводъ разрѣшеніе и обѣщаніе выдавать мнѣ на содержаніе десять тысячъ рублей въ годъ, я тотчасъ подалъ прошеніе и сталъ собираться къ отъѣзду въ Петербургъ.

Послѣ потери матушки меня, признаюсь, тянуло въ Петербургъ. Эта неизбѣжная и обязательная разлука съ Москвой, гдѣ въ нашемъ домѣ все мнѣ напоминало такъ живо покойную, казалось мнѣ, должна была ослабить столь тяжелыя для меня чувства.

Хорошій пріятель моихъ родителей, покойный нашъ поэтъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, по добротѣ своей, имѣя сына Павла Петровича однихъ со мною лѣтъ, предложилъ моему отцу дать мнѣ пріютъ у себя въ домѣ, чтобы, до разрѣшенія поданнаго мною прошенія, на первыхъ порахъ не оставаться мнѣ осиротѣлому среди многолюдной нашей Пальмиры.

Князь Петръ Андреевичъ занималъ тогда въ Петербургѣ помѣстительный домъ на углу Литейной и Сергіевской, гдѣ въ бельэтажѣ помѣщался онъ съ княгиней и сыномъ Павломъ, а во второмъ этажѣ жила его дочь Марья Петровна Валуева, супруга Петра Александровича Валуева, бывшаго впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ.

По пріѣздѣ моемъ къ нимъ въ Петербургъ, князь Петръ Андреевичъ и княгиня приняли меня, какъ родного сына; въ особенности послѣдняя, необыкновенная общительность и веселость которой составляли, на первый взглядъ, разительную противоположность характеру ея мужа.

Князю Петру Андреевичу было лѣтъ за пятьдесятъ; съ маленькой просѣдью и довольно блѣднымъ цвѣтомъ лица, росту выше средняго, плотный и здоровый, онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Сквозь золотые очки взглядъ его небольшихъ голубыхъ глазъ былъ проницательный; невозмутимое выраженіе его лица не совсѣмъ согласовалось съ умнымъ и немного насмѣшливымъ взглядомъ, къ которому лучше подходила его тонкая и насмѣшливая улыбка. Онъ держался очень прямо, что при его невозмутимости придавало ему видъ довольно гордаго и холоднаго человѣка.

Я скоро сдѣлался въ семьѣ своимъ человѣкомъ. Такъ какъ всѣ въ домѣ спали очень долго утромъ, а князь вставалъ очень рано, то онъ мнѣ предложилъ приходить всякій день къ нему пить кофе. Князь былъ очень начитанный человѣкъ, и поэтому его бесѣда была очень интересна, хотя рѣчь его была всегда какъ-то отрывиста и сжата.

Онъ очень строго относился къ поэзіи, хотя самъ, со свойственнымъ ему юморомъ и даромъ импровизаціи, часто шалилъ въ стихахъ, если можно такъ выразиться. Замѣчательно, что, независимо отъ серьезныхъ его стихотвореній, которыя всѣмъ извѣстны, небольшія шутливыя импровизаціи одинаково ему удавались, какъ на Русскомъ, такъ и на Французскомъ языкѣ.

По этому поводу, чтобы не забыть, запишу здѣсь маленькую его Французскую импровизацію, очень граціозную, которая какъ-то осталась у меня въ памяти.

Дѣло было такъ. На одномъ изъ многочисленныхъ вечеровъ во дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ государь Николай Павловичъ любилъ проводить осенніе мѣсяцы, блистали тогда своей красотой и изяществомъ двоюродныя сестрицы: графиня Фикельмонъ и г-жа Захаржевская. Вечеръ былъ теплый и тихій. Луна освѣщала, какъ днемъ, небольшой садъ, устроенный еще покойной Государыней Екатериной возлѣ дворца, съ ручейками, каскадами и граціозными на нихъ мостиками. Этотъ прелестный видъ соблазнилъ государыню, и она среди вечера предложила гостямъ пройтись по саду. Скоро всѣ гости разошлись по дорожкамъ среди цвѣтниковъ въ разныя стороны.

Во время этой прогулки князь увидалъ г-жу Захаржевскую, высокую, стройную, освѣщенную луной; она стояла вся въ бѣломъ на срединѣ круглаго и крутого мостика и, низко склонясь на его перила, смотрѣла на свою собственную тѣнь, отражавшуюся въ зеркальной водѣ пруда. Князь, проходя мимо, былъ пораженъ этой дивной картиной и подъ впечатлѣніемъ волшебнаго видѣнія написалъ нижеслѣдующія строки:

Un fois il était une lune,
Un jour il était un pont,
Et sur ce pont était une
Cousine de madame Fiquelmont.
Elle était belle, élle etait blanche.
A mourir d'amour et de peur,
On dirait une avalanche,
Un amandier aux chastes fleurs,
Un blanc fantôme, qui se penche
Et vous saisit au fond du coeur!

Въ числѣ мелкихъ и неизданныхъ стихотвореній князя было написано, какъ мнѣ помнится, по-русски другое, очень милое, шутливое стихотвореніе, въ которомъ, какъ обыкновенно, у него среди этихъ шутокъ сквозили сердечныя нотки. Посвящено оно было семейству нашего посла Убри, въ бытность князя во Франкфуртѣ. Но, къ сожа-

лѣнію, я его не вполнѣ хорошо помню и поэтому не могу здѣсь передать.

Съ единственнымъ сыномъ князя, княземъ Павломъ Петровичемъ, я тотчасъ сошелся пріятельски и надолго. Онъ съ молоду былъ остроумнымъ добрякомъ, любимцемъ всѣхъ его знавшихъ и, въ сущности, большимъ повѣсой. Онъ искренно хотѣлъ остепениться, въ чемъ благодушно признавался своимъ знакомымъ; но всѣ его старанія были тщетны, и даже послѣ окончанія имъ университетскаго курса долгое время всѣ продолжали его называть Павлушей. Это былъ совершенный типъ вѣчно-безпечнаго и веселаго студента, типъ, который называется въ Германіи *буршемъ*. Однако, это не помѣшало ему впослѣдствіи сдѣлаться дѣловымъ человѣкомъ, занимать видныя и отвѣтственныя должности, какъ, напримѣръ, должность попечителя Казанскаго учебнаго округа, а позже предсѣдателя главнаго цензурнаго комитета въ Петербургѣ.

Лѣтъ десять спустя послѣ нашей товарищеской жизни въ Петербургѣ, онъ вступилъ въ бракъ съ знаменитой тогда Петербургской красавицей, вдовою Бекъ, рожденной Столыпиной, которая раздѣляла съ Анастасьей Николаевной Мальцевой особое благорасположеніе покойной государыни Маріи Александровны.

Я говорилъ выше, что у князя Петра Андреевича, кромѣ сына, была тогда въ живыхъ единственная дочь Марья Петровна. Она вышла за П. А. Валуева 18 лѣтъ, по любви. Это-то и былъ тотъ самый молодой человѣкъ, котораго, вмѣстѣ съ его пріятелемъ Александромъ Скарятинымъ, покойный государь Николай Павловичъ назвалъ «les jeunes gens modèles». Это прозвище (примѣрныхъ молодыхъ людей), данное покойнымъ Государемъ, осталось за ними надолго. Мнѣ помнится хорошо, что они дѣйствительно заслуживали, по справедливости, это лестное названіе, какъ по изящной наружности, такъ и по строго-правильной жизни, мало свойственной молодымъ людямъ Петербургскаго общества того времени.

Марья Петровна Валуева была замѣчательно миловидна, свѣжа, стройна и умственно развита. Ее, къ сожалѣнію, портилъ только курносый носикъ, полученный ею по наслѣдству отъ ея отца. Вслѣдствіе этого недостатка, въ свѣтѣ, гдѣ она считалась въ числѣ львицъ, ее прозывали «la jolie laide», иначе миловидной дурнушкой.

Слухи носились въ большомъ свѣтѣ, что бракъ Марьи Петровны, не смотря, повидимому, на самыя благопріятныя условія, былъ не совсѣмъ счастливый; говорилось это потому, вѣроятно, что ее съ му-

жемъ почти никогда въ свѣтѣ не видали вмѣстѣ. Въ сущности говоря, если дѣйствительно эти слухи были вѣрны, то скорѣе причина этому была все таже, которая повсюду разстраиваетъ въ большомъ свѣтѣ семейное счастіе, а именно—недостатокъ средствъ. Объ этотъ-то подводный камень разбивались въ большинствѣ самые прочные супружескіе союзы. Когда не достаетъ матеріальныхъ средствъ, чтобы поддерживать свое положеніе въ свѣтѣ, содержать домъ прилично и дѣлать непомѣрныя траты на постоянно свѣжіе туалеты для жены, мужья ищутъ часто пополненія въ картежной игрѣ, такъ какъ вообще игра создаетъ, для постояннаго игрока, какое-то искусственное богатство. При выигрышѣ вѣдь такъ легко и неубыточно уплатить залежалый счетъ модистки или портного, хотя бы въ тысячу рублей. Такимъ образомъ мужъ бываетъ всякій день до обѣда на службѣ, а вечеромъ до утра за картами. Въ Петербургѣ я нерѣдко видалъ подобные примѣры; теперь игра въ карты замѣняется игрой на биржѣ. Дорога жизнь въ столицѣ, а тянуться за другими необходимо!.. Средствъ недостаетъ, слѣдовательно ихъ приходится добывать тѣмъ или другимъ путемъ.

Касаясь такого важнаго соціальнаго вопроса, я долженъ оговориться. Разумѣется, нельзя приведенный мною случай обобщать и заключать по нему, что въ столичномъ обществѣ не можетъ быть счастливыхъ браковъ.

Я утверждаю только вслѣдствіе собственныхъ наблюденій, что тамъ, гдѣ, какъ въ столицѣ, роскошь повсюду распространена, гдѣ жизнь непомѣрно дорожаетъ, и гдѣ большинство общества должно жить выше своихъ средствъ, тамъ начало несчастныхъ браковъ въ концѣ-концовъ сводится къ самой реальной и прозаической причинѣ: къ недостатку денегъ! Отсюда общій нравственный гнетъ, раздраженіе, несогласіе, ссора, потомъ неудачи въ искусственныхъ способахъ удовлетворить роковую потребность въ деньгахъ и, наконецъ, разрывъ.

Возвращаюсь къ прелестной Марьѣ Петровнѣ Валуевой, съ которой я въ это время познакомился. Сознаюсь, что я не менѣе другихъ ея поклонниковъ находился подъ вліяніемъ ея оригинальной красоты и чарующихъ голубыхъ глазъ. Она мнѣ на это отвѣчала откровенностью и дружбой.

Часто я встрѣчался у нея съ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, однимъ изъ самыхъ усердныхъ ея поклонниковъ, молодымъ офицеромъ, веселымъ и въ высшей степени пріятнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ я впослѣдствіи былъ въ близкомъ родствѣ и большой дружбѣ.

Въ этомъ году лѣто было знойное; по обыкновенію, всѣ, кто только не былъ связанъ службой, оставляли Петербургъ. Вяземскіе всѣ разъѣхались на лѣто въ разныя стороны, а Марья Петровна отправилась въ Ригу, гдѣ мужъ ея только-что получилъ мѣсто какую-то должность.

Я оставался одинъ, и хотя любезные хозяева меня уговаривали жить у нихъ, предоставляя мнѣ свой домъ въ полное мое распоряженіе, но я предвидѣлъ, что соскучусь безъ нихъ, такъ что, поблагодаривъ ихъ за гостепріимное предложеніе, рѣшился самъ выѣхать куда-нибудь хоть на короткое время.

Я отправился въ штабъ, чтобы узнать, долго ли мнѣ еще ожидать своего прикомандированія и на сколько времени мнѣ можно было бы отлучиться, не подвергаясь отвѣтственности.

Къ немалому моему изумленію, я узналъ, что прежде возвращенія полковъ изъ лагеря, т. е. не ранѣе глубокой осени, мое дѣло не получитъ разрѣшенія.

Тогда блеснула у меня счастливая мысль: поѣхать поблизости на морскія купанья въ Ревель, которыя мнѣ очень рекомендовалъ мой Московскій докторъ. Мысль эта тѣмъ болѣе оказалась удачною, что именно въ то время находились въ Ревелѣ на морскихъ купаньяхъ дядя мой, князь Петръ Ивановичъ, съ женой, и семейство Карамзиныхъ, составлявшіе для меня большую приманку.

Оказалось, что я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ, и что нашелъ въ Ревелѣ не только радушный пріемъ моихъ родственниковъ, но и очень пріятное общество. У Карамзиныхъ собирались по вечерамъ совершенно запросто, и за самоваромъ проводили время въ оживленной бесѣдѣ. Они меня познакомили со всѣми Русскими, пріѣхавшими на купанье, и со многими туземцами, такъ-называемыми теперь Остзейскими баронами.

Большинство этихъ бароновъ были очень приличные молодые люди, или отслужившіе нѣкоторое время въ рядахъ нашихъ войскъ, или вступавшіе къ намъ въ военную службу и бо́льшею частью прекрасно говорившіе по-русски. Такъ я познакомился въ то время съ Германомъ Бенкендорфомъ, съ графомъ Бреверномъ-де-ла-Гарди (впослѣдствіи начальникомъ Московскаго военнаго округа), съ графомъ Паленомъ, съ графомъ Штакельбергомъ, съ графомъ Фрицемъ Гейденомъ (впослѣдствіи Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ) и пр.

Этотъ послѣдній былъ, однако, не изъ Остзейскихъ бароновъ, такъ какъ онъ младшій сынъ нашего извѣстнаго Наваринскаго героя, графа Гейдена, который былъ Голландскимъ уроженцемъ.

Съ нѣкоторыми изъ моихъ новыхъ Нѣмецкихъ знакомыхъ я потомъ часто встрѣчался въ жизни и на службѣ, хорошо ихъ узналъ и, не смотря на мое, съ молоду, предубѣжденіе противъ Нѣмцевъ, былъ съ ними въ большой дружбѣ. Это люди съ такими честными, прямыми характерами, не допускавшими и малѣйшей тѣни двуличія или лицемѣрія, и нерѣдко съ удовольствіемъ вспоминаешь теперь, что всю свою жизнь съ ними былъ на «ты».

Въ числѣ посѣщавшихъ часто Карамзиныхъ была генеральша Бибикова (рожденная Мятлева), замѣчательно любезная и пріятная женщина (ея мужъ находился при особѣ великаго князя Михаила Павловича). Затѣмъ я былъ представленъ графинѣ Паниной, женѣ министра юстиціи, весьма доброй и милой женщинѣ, и старику графу Блудову, съ его дочерью Антуанетой, сдѣлавшейся извѣстной въ обществѣ своимъ умомъ, начитанностью и горячимъ патріотизмомъ. Отецъ ея, графъ Блудовъ, любилъ говорить и говорилъ хорошо. Я слушалъ его съ особеннымъ удовольствіемъ за вечернимъ чаемъ у Карамзиныхъ. Онъ былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ и всегда разнообразенъ; нельзя было не удивляться его колоссальной памяти и запасу его знаній. Рѣчь его не лишена была часто нѣкотораго паѳоса, свойственнаго Французской литературѣ начала прошлаго столѣтія.

Это послѣднее напоминаетъ мнѣ о томъ, какъ я въ первый разъ видѣлъ графа Блудова и узналъ о его пребываніи въ Ревелѣ.

Это случилось такъ. Въ день моего пріѣзда, я, какъ-то по естественному влеченію, тотчасъ отправился пѣшкомъ отыскивать лучшій видъ на открытое море. Придя ко взморью, гдѣ устроены были купальни, я пошелъ вдоль отлогаго, красиваго песчанаго, но твердаго берега, весьма удобнаго для прогулки. Было совершенно тихо, но море довольно было взволновано, повидимому, отъ бывшаго ночью свѣжаго вѣтра. Большія волны катились одна за другой съ открытаго моря на песчаный берегъ и умирали у моихъ ногъ. Я никогда не видалъ этой картины. Она меня очаровала. Любуясь на этотъ чу́дный видъ, я задумался и все шелъ впередъ безцѣльно передъ собой, когда вдругъ, среди неумолкаемаго и довольно оглушительнаго шума волнъ, я услыхалъ крики: «Шактасъ, Шактасъ!»... Я остановился, вызванный этими криками къ дѣйствительности изъ заколдованнаго круга моихъ мечтаній. Всматриваясь въ даль, я увидалъ довольно плотнаго господина

въ шляпѣ съ большими полями, направлявшагося мнѣ навстрѣчу; съ нимъ была молодая дама; онъ кидалъ въ море подобранныя на берегу палки, за которыми большая собака, въ родѣ водолаза, бросалась въ волны. Очевидно, это былъ Шактасъ. Приблизившись незамѣченнымъ, я внятно услыхалъ, что, бросая палку въ море, этотъ господинъ очень громко говорилъ своей собакѣ по-французски: «Va donc, Chaktas, goûter de l'onde amère comme un second Thélémaque!» (ступай же, Шактасъ, отвѣдай горькихъ морскихъ волнъ, какъ второй Телемакъ). На такомъ безлюдномъ и уединенномъ берегу оригинальное воззваніе къ Шактасу вызвало мое любопытство и заставило постараться узнать впослѣдствіи имя этого незнакомца. Въ тотъ же вечеръ, посѣтивъ Карамзиныхъ, я узналъ отъ Софіи Николаевны, хорошо освѣдомленной о всѣхъ находившихся въ Ревелѣ Русскихъ пріѣзжихъ, что по всѣмъ признакамъ мой незнакомецъ былъ никто иной, какъ старикъ графъ Блудовъ, въ сопровожденіи своей дочери Антуанеты.

Вообще я доволенъ былъ, что познакомился съ Ревелемъ. Жизнь здѣсь, во время морскихъ купаній, очень похожая на жизнь за границей на минеральныхъ водахъ, имѣетъ положительно большую прелесть: таже беззаботная жизнь, далеко отъ всего, что̀ дома могло васъ тревожить, мучить или огорчать, и тоже чувство свободы и независимости среди новой для васъ природы и привѣтливаго, хотя чуждаго для васъ, населенія. Если къ этому, для полнаго вашего благополучія, еще присоединится самочувствіе значительнаго улучшенія здоровья, то надо отличаться черною неблагодарностью, чтобы навсегда не сохранять объ этомъ мѣстѣ доброй памяти.

Когда я пріѣхалъ въ Ревель изъ Петербурга, мое здоровье было далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, такъ что я самъ на себѣ испыталъ все вліяніе и послѣдствія подобнаго возрожденія.

Такъ какъ дѣйствительно въ жизни отъ серьезнаго до смѣшного бываетъ одинъ только шагъ, то не могу не припомнить мимоходомъ, что послѣ полдюжины принятыхъ морскихъ ваннъ, мнѣ такъ легко дышалось и силы мои такъ возстановились, что со мной былъ слѣдующій случай, возобновлявшійся нѣсколько разъ.

Дача, гдѣ я жилъ, находилась верстахъ въ двухъ отъ предмѣстья города, гдѣ жили Карамзины; меня раздѣлялъ отъ нихъ великолѣпный паркъ, съ аллеями изъ вѣковыхъ каштановъ, превосходно содержанный, извѣстный подъ названіемъ Катеринненталя, въ глубинѣ котораго стоитъ старинный дворецъ временъ Елисаветы. Ежедневно посѣщая вечеромъ Карамзиныхъ, я любилъ совершать эту прогулку пѣшкомъ, въ особенности въ лунныя ночи.

Какъ-то разъ, пройдя пыльный форштатъ и войдя въ широкую аллею Катериненталя, я почувствовалъ, съ одной стороны, такой подъемъ физическихъ и духовныхъ силъ, а съ другой—широкая дорога, по которой ходили одни пѣшеходы, была такъ гладко утрамбована, что желаніе пробѣжаться по ней начало меня преслѣдовать до такой степени, что я не выдержалъ искушенія. Прежде, однако, чѣмъ пуститься въ карьеръ, я тщательно оглянулся кругомъ, чтобы избѣгнуть свидѣтелей моего бѣшенаго порыва, хотя ничего не имѣвшаго въ себѣ преступнаго, но, мнѣ казалось, постыднаго для взрослаго человѣка, да еще для офицера, носящаго эполеты. Паркъ въ этотъ часъ былъ совершенно пустъ, въ немъ не было ни души; тишина царила торжественная. Убѣдясь въ этомъ и захвативъ обѣ фалды моего сюртука, съ истиннымъ наслажденіемъ пустился я бѣжать что есть духу, до полнаго насыщенія.

Хорошо, думалъ я про себя, продолжая путь уже мѣрнымъ шагомъ, что морскія купанья не на всѣхъ имѣютъ одинаковое дѣйствіе; а то, пожалуй, всѣ пріѣзжіе въ Ревель больные превратились бы въ сплошное общество скороходовъ. И, несомнѣнно, тогда возникло бы между ними неизбѣжное соревнованіе! Подобная картина не лишена была бы настоящаго комизма.

Окрестности Ревеля предоставляютъ охотникамъ до гулянья много хорошихъ прогулокъ, преимущественно вдоль морского берега. Мнѣ случалось не разъ ихъ узнать и любоваться ихъ прекрасными видами, сопровождая верхомъ Елисавету Николаевну Карамзину, примѣрную амазонку, съ которой пріятно было дѣлиться, во время этихъ прогулокъ, путевыми впечатлѣніями.

Для развлеченія пріѣзжей публики, были устраеваемы еженедѣльные рейсы пароходовъ, доставлявшихъ желающимъ возможность посѣтить Гельсингфорсъ, по ту сторону Финскаго залива, и вернуться на другой день обратно.

Однажды мы цѣлымъ обществомъ воспользовались этимъ, чтобы посмотрѣть этотъ лучшій изъ Финляндскихъ городовъ, воспользоваться его порто-франко, чтобы закупить что-нибудь на память и посѣтить нѣкоторыхъ нашихъ знакомыхъ, насъ приглашавшихъ къ себѣ. Одна изъ нихъ, Финляндская уроженка, вдова, г-жа Аврора Демидова, урожденная Шерналь, вышедшая впослѣдствіи за старшаго изъ Карамзиныхъ, Андрея, тогда еще знаменитая красавица, хотя ей уже было за 30 лѣтъ, проводила все лѣто въ своемъ помѣстьѣ, называемомъ *Трескенда*, вмѣстѣ со своимъ сыномъ Павломъ Демидовымъ, мальчикомъ лѣтъ восьми, необычайной красоты и рѣзвости.

Упомянувъ объ этой почтенной особѣ, я долженъ о ней сказать нѣсколько словъ, такъ какъ она съ самыхъ моихъ юныхъ лѣтъ занимаетъ значительное мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ. Какая странная судьба, полная горькихъ испытаній, постигла эту милую, всѣми любимую и достойную женщину, которую я съ юныхъ лѣтъ привыкъ видѣть и уважать, какъ любимую подругу моихъ обѣихъ тетушекъ, когда онѣ были еще дѣвицами.

Обѣ сестрицы Шернваль были замѣчательной красоты. Эмилія Карловна и Аврора Карловна, хотя и принадлежали къ небогатому дворянскому семейству въ Финляндіи, но получили хорошее образованіе. Первая изъ нихъ вышла замужъ за одного изъ самыхъ видныхъ и богатыхъ жениховъ въ Россіи, графа Мусина-Пушкина. Сестра же ея Аврора Карловна, не уступавшая ей въ красотѣ смуглая брюнетка, потерявши, неожиданно, своего жениха изъ туземцевъ въ Финляндіи, пріѣхала погостить въ Москву къ своей сестрѣ графинѣ Мусиной-Пушкиной, гдѣ провела нѣсколько лѣтъ. Здѣсь она была снова просватана за Русскаго молодаго человѣка Муханова, но и тутъ ее постигло несчастіе: до свадьбы ея женихъ скончался. Много лѣтъ спустя, она вышла за извѣстнаго богача Павла Николаевича Демидова, съ которымъ прожила недолго. Затѣмъ въ 50-хъ годахъ она, по влеченію своего сердца, вышла вторымъ бракомъ за Андрея Николаевича Карамзина, но недолго продолжалось ее счастье!.. Вспыхнула Турецкая война, мужъ ея отправился въ походъ и въ первомъ же дѣлѣ былъ убитъ, и бѣдная Аврора Карловна второй разъ овдовѣла, проживши съ любимымъ мужемъ не болѣе четырехъ лѣтъ. Такова была судьба этой кроткой, милой и изящной женщины, которой довелось еще и пережить своего единственнаго сына.

Насъ предупреждали о томъ, чтобы мы не покупали въ Гельсингфорсѣ контрабанды, потому что таможня въ Ревелѣ очень строга, но это предупрежденіе только раздразнило наши аппетиты и желаніе испытать счастіе. Когда же мы, въ качествѣ пріѣзжихъ туристовъ, посѣтили всѣ магазины, то были такъ поражены необыкновенной дешевизной всего этого заграничнаго фарфора, бронзы, матерій и проч. изящнаго заграничнаго производства, что самые благоразумные изъ насъ не могли противустоять столь большому искушенію и не купить хотя бы такіе предметы, которые можно было попрятать въ карманы, чтобы скрыть ихъ отъ пытливыхъ взоровъ таможенныхъ чиновниковъ.

Я помню, что графиня О. соблазнилась покупкой цѣлаго чуднаго чайнаго сервиза и попросила каждаго изъ насъ, мужчинъ, взять въ

карманы хоть по одному предмету, въ чемъ, и разумѣется, невозможно было, такой прелестной барынѣ, отказать. Бѣдному и добрѣйшему графу Льву Сологубу достался чайникъ, и графъ, по своей обычной разсѣянности и непрактичности, приказалъ своему человѣку спрятать его въ шинель. Человѣкъ, по глупости, или отъ излишняго усердія, не нашелъ лучшаго мѣста, какъ вшить чайникъ подъ подкладку въ самую спину шинели своего барина, не извѣстивъ объ этомъ сего послѣдняго. Когда же, возвратясь въ Ревель, мы накинули на себя верхнее платье и съ парохода всѣ сошли на пристань, то пришлось намъ проходить торжественно вереницей между двумя рядами таможенныхъ стражниковъ. Мы шли очень чинно, со средоточеннымъ видомъ, какъ вдругъ одинъ изъ стражниковъ схватилъ сзади графа за капюшонъ его шинели, подъ которымъ торчалъ острымъ горбомъ злополучный чайникъ. Въ это мгновеніе графъ почувствовалъ такой страшный стыдъ отъ того, что онъ изобличенъ на мѣстѣ преступленія передъ всей публикой, что, даже не обернувшись назадъ, бросился бѣжать, оставивъ въ рукахъ таможеннаго стражника свою шинель съ чайникомъ. Разумѣется, графиня была въ отчаяніи отъ случившейся съ графомъ Львомъ Сологубомъ забавной, но вмѣстѣ съ тѣмъ трагической, катастрофы; но отъ этого сочувствія ему не полегчало, какъ говорится, и онъ долго ее не могъ забыть.

У Авроры Карловны, я встрѣтился со многими ея знакомыми, находившимися въ Гельсингфорсѣ. У нея я былъ представленъ графинѣ Закревской, женѣ графа Арсенія Андреевича, бывшаго министра, при которомъ впослѣдствіи я состоялъ адъютантомъ. Она была женщина умная, бойкая и имѣвшая немало приключеній, которымъ была обязана, какъ говорили, своей красотѣ. При ней была ея единственная дочка Лидія, 18 лѣтъ, хорошенькая, живая и остроумная шалунья, игравшая впослѣдствіи нѣкоторую роль въ моей жизни.

У нея же я познакомился со всѣмъ семействомъ графа Армфельда, у котораго было четыре дочери, всѣ безъ исключенія одинаковой свѣжести и замѣчательной красоты. Старикъ графъ Армфельдъ играетъ важную роль въ новѣйшей исторіи Финляндіи и поэтому заслуживаетъ особаго вниманія. Онъ, будучи столько лѣтъ статсъ-секретаремъ Финляндіи, своею ловкостью, хитростью и вкрадчивостью, умѣлъ поставить первый краеугольный камень Финляндской автономіи, внушить Финляндцамъ духъ сепаратизма и отдѣлить ее отъ Россіи, въ отношеніяхъ административномъ, финансовомъ и политическомъ. Надо сознаться въ томъ, что много неимовѣрной ловкости, терпѣнія и усилій должно было графу Армфельду употребить, чтобы скрыть свои тайные

планы и цѣли отъ такого зоркаго глаза, какимъ обладалъ покойный государь Николай Павловичъ, и въ тоже время отъ такого прямолинейнаго и недовѣрчиваго человѣка, какимъ былъ въ то время графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, Финляндскій генералъ-губернаторъ.

Впрочемъ, способъ, избранный графомъ Армфельдомъ, чтобы обойти графа Арсенія Андреевича, былъ одинъ изъ самыхъ употребительныхъ: онъ сумѣлъ всецѣло пріобрѣсти благорасположеніе его супруги, графини, властвовавшей вполнѣ надъ своимъ мужемъ. Поэтому вѣроятнѣе всего, что всеподданнѣйшіе доклады графа Закревскаго заслоняли истину и мѣшали Николаю Павловичу усмотрѣть тайную цѣль, къ которой стремился его статсъ-секретарь по дѣламъ великаго княжества Финляндскаго, графъ Армфельдъ. Хотя сей послѣдній съ перваго взгляда походилъ на тонкаго дипломата; но его пріятная наружность, безхитростные глаза, добродушная улыбка и подкупающая, истинно-Французская, любезность, не подавали повода подозрѣвать въ немъ такого отъявленнаго врага Россіи.

Послѣ того, что я графу былъ представленъ у Авроры Карловны, я также въ первый разъ познакомился съ графиней Растопчиной, извѣстной нашей талантливой поэтессой. Она была тогда лѣтъ 25-ти, очень живая и умная; ея разговоръ походилъ на блистательный фейерверкъ. Я помню, что во время первой моей съ ней бесѣды, я, признаюсь откровенно, какъ новичокъ, былъ ослѣпленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очарованъ этимъ блескомъ ея остроумія, которое лилось въ ея рѣчи, какъ изъ неисчерпаемаго источника. Блескъ ея ума могъ соперничать развѣ съ блескомъ ея обыкновенно задумчивыхъ и томныхъ глазъ, когда она хотѣла кому нибудь нравиться. Небольшого роста, брюнетка, съ очень правильными и тонкими чертами, при смугломъ цвѣтѣ лица, съ большими глазами и длинными темными рѣсницами, она, къ сожалѣнію, была очень близорука и поэтому постоянно должна была носить лорнетку, которая заслоняла и мѣшала видѣть всю прелесть ея глазъ. Одаренная необыкновенною памятью, она знала иностранныя литературы, какъ свою отечественную. Ко всѣмъ ея дарованіямъ и привлекательной наружности если добавить еще отзывчивость и пламенную ея любовь къ нравственнымъ идеаламъ, то получится типъ такой героини романа, лучше котораго едва ли могъ бы создать самый талантливый поэтъ или романистъ. Такова была графиня Растопчина, когда я съ ней познакомился.

У графини Растопчиной я былъ представленъ одной изъ тогдашнихъ львицъ Петербургскаго общества: княгинѣ Юсуповой (рожденной

Нарышкиной), по своей красотѣ, богатству и положенію въ обществѣ считавшейся звѣздой большой величины. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе какого-то несчастнаго случая, она прихрамывала, что не мѣшало ей однако страстно любить танцы и въ нихъ не проявлять никакой хромоты. Впослѣдствіи, самъ имѣя удовольствіе очень часто съ ней вальсировать, я убѣдился въ этомъ и удивлялся ея ловкости.

Княгиня раньше познакомилась съ моей покойной матерью заграницей и поэтому приняла меня очень привѣтливо. Впрочемъ замѣтно было, что она отличалась большою благосклонностью ко всѣмъ и вообще замѣчательною кротостью характера. Мужъ ея, князь Юсуповъ, былъ гораздо старше нея, весьма своеобразнаго характера; не смотря на свое громадное состояніе, онъ былъ чрезвычайно расчетливъ. Это ему не мѣшало однако давать, въ продолженіе зимы, два или три многолюднѣйшихъ бала, на которые съѣзжался рѣшительно весь Петербургъ. У князя былъ одинъ только сынъ, тогда лѣтъ десяти, который находился при матери. Онъ былъ замѣчательно хорошъ собою, носилъ длинные волосы въ кудряхъ и, показывая смолоду большія музыкальныя способности, походилъ на настоящаго артиста-виртуоза. Онъ игралъ очень хорошо на скрипкѣ.

Наше общество, проживши недѣли двѣ въ Гельсингфорсѣ, наконецъ рѣшилось отправиться обратно въ Ревель, кромѣ нѣкоторыхъ молодыхъ товарищей, увлекшихся удовольствіями Гельсингфорса. Въ томъ числѣ былъ Андрей Николаевичъ Карамзинъ, который отложилъ свой отъѣздъ на нѣсколько дней, плѣненный чарами графини Растопчиной.

Возвратясь въ Ревель, я поселился въ гостепріимномъ домѣ Карамзиныхъ. На дачѣ, гдѣ я занималъ верхній этажъ, помѣстилось только что пріѣхавшее изъ Москвы семейство князя Александра Петровича Оболенскаго, почетнаго опекуна Московскаго Опекунскаго Совѣта, Московскаго старожила и одного изъ самыхъ почетныхъ и всѣми уважаемыхъ представителей многочисленнаго семейства Оболенскихъ. У князя было шесть сыновей и четыре дочери въ живыхъ. Князь Сергѣй Александровичъ, его второй сынъ, красавецъ собой, былъ моимъ товарищемъ по полку, гдѣ я началъ службу. Изъ трехъ сыновей князя, бывшихъ тогда при немъ въ Ревелѣ, я подружился болѣе всего съ княземъ Дмитріемъ, который впослѣдствіи сдѣлалъ блестящую карьеру. Какъ воспитанника училища Правовѣдѣнія, его очень протежировалъ герцогъ Ольденбургскій; къ тому же къ нему была благосклонно расположена великая княгиня Елена Павловна, такъ что онъ скоро достигъ должности статсъ-секретаря. Онъ несомнѣнно былъ человѣкъ спо-

собный; но за массою канцелярской работы и общественныхъ обязанностей, онъ не имѣлъ времени читать и поэтому былъ немного одностороненъ. Онъ по всей вѣроятности получилъ бы должность министра юстиціи, если бъ не постигла его преждевременная кончина.

Въ Сентябрѣ насталъ конецъ моего пріятнаго пребыванія въ Ревелѣ, въ продолженіи котораго морскія ванны совершенно возстановили мое здоровье. Я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, получивъ извѣщеніе, что прикомандированіе меня къ лейбъ-гусарскому полку уже состоялось.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ предстояло прежде всего просить представиться командиру гвардейскаго корпуса, его высочеству, великому князю Михаилу Павловичу. Исполнивъ для этого всѣ надлежащія формальности, я скоро получилъ повѣстку о назначеніи дня и часа моего представленія.

Такъ какъ я много слышалъ различныхъ разсказовъ о непомѣрной строгости великаго князя и объ его взыскательности по службѣ, доходившей до мелочей, то я, признаюсь, не безъ нѣкотораго волненія отправился въ Михайловскій дворецъ къ назначенному часу.

Великій князь былъ огромнаго роста, плотный и нѣсколько сутуловатый, въ высокой прическѣ, какъ ее тогда носили, и съ большими, весьма проницательными, голубыми глазами.

Онъ вышелъ въ общую пріемную, гдѣ, кромѣ являющихся, были всѣ полковые адъютанты гвардейскихъ полковъ, находившихся въ Петербургѣ. Онъ былъ въ сюртукѣ, въ сопровожденіи генерала Кноринга и начальника штаба; говорилъ громко, отрывисто и повелительно и, дошедши до меня, спросилъ мою фамилію. На мой отвѣтъ онъ, обратясь къ генераламъ, тутъ находившимся, сказалъ: это должно быть племянникъ князя Сергѣя Ивановича Мещерскаго, служившаго въ Московскомъ гвардейскомъ полку? Я разумѣется отвѣчалъ обычнымъ: «такъ точно, ваше высочество!» и былъ очень доволенъ, что этимъ ограничилось мое представленіе.

Обошедши всѣхъ, великій князь вернул я на свое мѣсто и, обратясь ко всѣмъ присутствующимъ, началъ разсказъ о всемъ имъ замѣченномъ во время его вчерашней прогулки, такъ какъ онъ имѣлъ обыкновеніе совершать таковую ежедневно по улицамъ Петербурга, пѣшкомъ. Онъ разсказалъ, какъ онъ встрѣтилъ офицера такого-то полка, который шелъ въ калошахъ. При этомъ онъ обратился къ старшимъ присутствующимъ съ вопросомъ: какимъ образомъ офицеры до сихъ

поръ не знаютъ, что это имъ запрещено *)? Не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ свой разсказъ, что на такой-то улицѣ онъ встрѣтилъ солдата, такого-то полка, въ пьяномъ и растерзанномъ видѣ. Затѣмъ на такой-то улицѣ онъ встрѣтилъ унтеръ-офицера, такого- то полка, въ полурастегнутой курткѣ; а затѣмъ, на такой-то улицѣ—офицера такого-то полка, не по формѣ одѣтаго и въ длинныхъ волосахъ, и проч. и проч. Все это было сказано въ формѣ повѣствованія, не лишеннаго даже интереса. При этомъ старшіе начальники считали, разумѣется, своимъ долгомъ молча обнаруживать свое удивленіе или негодованіе. Адъютанты тѣхъ полковъ, о нижнихъ чинахъ или офицерахъ которыхъ великій князь упоминалъ, вѣроятно должны были передать объ этихъ безпорядкахъ своимъ командирамъ по принадлежности. Мнѣ говорили, что такимъ точно образомъ всякій день происходили эти утреннія представленія.

Затѣмъ пріемъ кончился, и мы всѣ разошлись.

Отправившись въ Царское Село для представленія моего въ полкъ, я нашелъ весьма вѣжливый пріемъ со стороны полкового командира, генерала Плаутина и очень пріятельскій пріемъ со стороны офицеровъ.

Генералъ Плаутинъ сдѣлалъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе. Онъ былъ высокаго роста, плотный, красивый собою, съ добродушнымъ выраженіемъ лица и весьма мягкимъ и симпатичнымъ голосомъ. Какъ говорятъ, онъ былъ любимъ своимъ полкомъ не менѣе своего предшественника генерала Хомутова.

Дивизіонерами въ то время въ полку были полковники: князь Щербатовъ, замѣчательный ѣздокъ и щеголь; полковникъ Герсдорфъ, громаднаго роста, женатый на богачкѣ Бернардаки и, какъ я узналъ впослѣдствіи, неутомимый и невозмутимый игрокъ, и наконецъ третьимъ былъ полковникъ Бухаровъ, настоящій типъ стараго гусара прежняго времени, такъ вѣрно и неподражаемо описаннаго Денисомъ Давыдовымъ въ его извѣстномъ стихотвореніи. Съ виду Бухаровъ былъ толстый человѣкъ, съ длиннѣйшими усами и красносизымъ носомъ. Вѣчно добродушный собутыльникъ, дорогой и добрѣйшій товарищъ, онъ былъ любимъ всѣми офицерами полка.

---

*) Говорили, что этотъ офицеръ, замѣтивъ великаго князя, сталъ во фронтъ и отдалъ ему честь. Великій князь, обративъ вниманіе, что офицеръ въ калошахъ, подошелъ къ нему близко и громко ему крикнулъ: „Калоши!... На гауптвахту!...“ Когда великій князь удалился, этотъ офицеръ отправился на гауптвахту, отдалъ тамъ свои калоши, а самъ преспокойно отправился домой.

Изъ эскадронныхъ командировъ въ то время любимыми въ полку были: князь Абамелекъ и Ломоносовъ. Первый впослѣдствіи женился на дѣвицѣ Деляновой. Мнѣ довелось, спустя 40 лѣтъ, съ нимъ сродниться, когда одна изъ его дочерей, очень хорошенькая собой, вышла за моего племянника князя Сергѣя Борисовича, сына моего старшаго брата. Рѣдко было встрѣтить человѣка болѣе симпатичнаго, каковъ былъ князь Семенъ Давыдовичъ. Его доброта и веселость были, кажется, неисчерпаемы; хотя онъ, бывало, часто и вспылитъ, но въ его гнѣвѣ чувствовалось такое добродушіе и снисхожденіе, что возбуждался скорѣе смѣхъ, чѣмъ какое либо другое чувство; весьма находчивый и умный, въ товарищескомъ кругу онъ былъ незамѣнимъ. Онъ и въ старости оставался все тотъ же. Я помню, что лѣтъ 45 спустя, когда мы оба уже были въ почтенныхъ лѣтахъ, я, бывши въ Петербургѣ, навѣстилъ его въ большомъ домѣ Лазарева, на Невскомъ проспектѣ, гдѣ онъ занималъ верхній этажъ и куда приходилось взбираться по довольно высокой и крутой лѣстницѣ.

Пробывъ у него довольно долго въ товарищеской бесѣдѣ о прошломъ, когда я съ нимъ простился, онъ сталъ меня провожать черезъ всѣ комнаты. Мы дошли до передней, я еще разъ съ нимъ простился; но онъ продолжалъ за мною идти; когда же мы вышли на площадку лѣстницы, то я остановился и, обращаясь къ нему, сталъ ему выговаривать, что онъ не по товарищески, провожая меня, предается какимъ то Китайскимъ церемоніямъ.—«Нѣтъ, братецъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я нарочно вышелъ, чтобы поглядѣть, хорошо ли ты, въ твои годы, будешь сходить съ лѣстницы.» Я расхохотался на эту плутовскую уловку, тѣмъ болѣе, что я тогда еще могъ побѣдоносно выдержать подобное испытаніе. Изъ числа моихъ товарищей по полку, память о покойномъ князѣ Семенѣ Давыдовичѣ Абамелекъ несомнѣнно одна изъ самыхъ мнѣ дорогихъ. Я любилъ покойнаго князя въ особенности за его истинно-хрисітанское и доброе сердце. Непомѣрная доброта бывала даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ неудобною. Такъ мой племянникъ, женатый на его дочери, разсказывалъ мнѣ, что князь вообще очень любилъ маленькихъ дѣтей и всякій день, какая ни была бы погода, рано утромъ приходилъ къ нему пѣшкомъ, чтобы присутствовать при утреннемъ чаѣ дѣтей. При этомъ онъ не заходилъ ни къ матери, ни къ отцу, а прямо направлялся въ дѣтскую, вѣчно съ какой нибудь игрушкой въ карманѣ. Онъ присутствовалъ при ихъ играхъ, въ которыхъ принималъ живое участіе. Если же при немъ нянюшка, бывало, выскажетъ ребенку по какому нибудь поводу какое либо указаніе или маленькое наставленіе, что въ этомъ случаѣ не такъ надо поступить, то князь

Семенъ Давыдовичъ никогда не пропускалъ случая при этомъ добавить дѣтямъ: «впрочемъ, если вы этого не хотите дѣлать, то вы можете этого и не дѣлать.» Разумѣется, такая крайне либеральная система воспитанія гораздо болѣе нравилась дѣтямъ, чѣмъ родителямъ, которые неоднократно вынуждены были высказаться ему по этому поводу со всею откровенностью. Но онъ не любилъ этихъ замѣчаній, хотя бы изложенныхъ въ самыхъ мягкихъ формахъ. «Всегда бывало, говорилъ мнѣ племянникъ, онъ вспылитъ и заявитъ намъ, что мы, родители, никакого понятія не имѣемъ о правильной системѣ воспитанія».

У князя была сестра г-жа Баратынская, весьма талантливая писательница и авторъ многихъ превосходныхъ переводовъ въ стихахъ, преимущественно первостепенныхъ Англійскихъ поэтовъ. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что, не смотря на ея впечатлительность, на изящество формъ въ ея стихотвореніяхъ и блескъ ея ума, она никогда не могла написать ни единаго оригинальнаго собственнаго стихотворенія.

Изъ болѣе любимыхъ старшихъ офицеровъ въ полку былъ, какъ я говорилъ выше, ротмистръ Ломоносовъ, съ которымъ я и познакомился тотчасъ по прибытіи въ полкъ. Мнѣ посчастливилось въ полку случайно узнать, что продается по случаю отъѣзда поручика Всеволода Сипягина чудная его лошадь, которую онъ поручилъ продать ротмистру Ломоносову за 3000 рублей. Медлить было нечего. Я поѣхалъ къ ротмистру, представился ему и въ два слова купилъ знаменитаго «Ускока», на которомъ и служилъ все время моего пребыванія въ полку, считаясь въ немъ, скажу безъ самохвальства, однимъ изъ хорошихъ ѣздоковъ. Старикъ Ломоносовъ, видя во мнѣ не только страстнаго охотника до службы, но и человѣка неторгующагося и не жалѣющаго денегъ, когда дѣло идетъ о пріобрѣтеніи хорошаго коня, сразу полюбилъ меня. Съ тѣхъ поръ я сдѣлался всегда желаннымъ у него гостемъ. Онъ былъ человѣкъ серьезный, умный, начитанный, любознательный, весьма привѣтливый и, какъ истинно-Русскій человѣкъ, славился въ полку своимъ хлѣбосольствомъ.

Ломоносовъ былъ изъ числа тѣхъ старшихъ офицеровъ, которые никогда не отлучались изъ Царскаго Села и жили своею внутреннею полковою жизнью. Онъ стоически противустоялъ всѣмъ соблазнамъ и весельямъ столицы, возводилъ это воздержаніе до принципа, группировалъ вокругъ себя союзниковъ изъ молодежи, на которую онъ имѣлъ большое вліяніе, и даже не долюбливалъ тѣхъ, которые увлекались соблазнами Петербурга и слишкомъ часто туда отлучались.

Одаренный необыкновенною памятью, Ломоносовъ олицетворялъ въ себѣ живую хронику полка. Онъ зналъ въ подробности не только всѣ походы и всѣ сраженія, въ которыхъ лейбъ-гусарскій полкъ когда нибудь участвовалъ, но зналъ по фамиліи всѣхъ бывшихъ полковыхъ командировъ и почти всѣхъ выдающихся офицеровъ нашего полка. Онъ мнѣ разсказывалъ, между прочимъ, въ подробности о поразительномъ по своей неожиданности и роковомъ по своимъ послѣдствіямъ событіи, происшедшемъ въ полку за годъ передъ тѣмъ, а именно: о дуэли между двумя задушевными пріятелями, княземъ Долгорукимъ и княземъ Яшвилемъ. Они оба принадлежали къ Ломоносовскому ученію, т. е. дѣлили время вмѣстѣ, никогда не заглядывая въ Петербургъ, проводя безконечно-длинные зимніе вечера за картами.

Князь Долгорукій, сынъ князя Николая Андреевича Долгорукаго, всѣми любимаго Харьковскаго генералъ-губернатора, кончившаго жизнь такъ плачевно (самоубійствомъ изъ-за какого-то недочета казенныхъ денегъ), былъ красивый молодой человѣкъ, блестящаго ума и съ большими связями въ высшемъ свѣтѣ. Поэтому онъ, отрекаясь отъ свѣта, гдѣ онъ игралъ весьма видную роль, приносилъ гораздо бо́льшую жертву изъ-за принципа товарищества, чѣмъ князь Яшвиль, который, не смотря на свои несомнѣнныя качества ума и сердца, былъ некрасивъ, неуклюжъ и далеко не пользовался въ Петербургскомъ обществѣ одинаковымъ съ княземъ Долгорукимъ положеніемъ. Разумѣется, это послѣднее не могло помѣшать существованію между ними самой искренной и тѣсной дружбы. Для этихъ неразлучныхъ друзей жизнь текла невозмутимо, когда неожиданное обстоятельство ее нарушило. Князь Яшвиль, бывъ разъ въ Петербургѣ по дѣлу, опоздалъ вернуться съ вечернимъ поѣздомъ въ Царское Село и, не зная гдѣ провести этотъ вечеръ, отправился въ Русскій театръ, гдѣ нежданно и негаданно для него самого влюбился по уши въ какую то-молоденькую актрису.

Будучи довольно застѣнчиваго десятка, онъ тщательно скрывалъ свою первую жгучую страсть даже отъ своего друга Долгорукаго, который по вечерамъ страшно скучалъ одинъ безъ своего обычнаго партнера и за каждую отлучку дѣлалъ ему довольно горькіе упреки, на которые Яшвиль давалъ ему объясненія, ссылаясь на какіе-то неотложныя дѣла. Это огорчало Долгорукаго, которому однако совершенно случайно довелось наконецъ узнать истину.

Это случилось уже передъ самымъ лагеремъ, именно въ то время, когда офицеры всегда въ сборѣ обѣдають ежедневно вмѣстѣ въ арте-

ли и когда отсутствіе каждаго товарища замѣтнѣе для всѣхъ и требуетъ болѣе предосторожностей, времени и денежныхъ тратъ на наемъ троекъ и пр., чтобы всегда во время попадать на службу. Повидимому влюбленнаго Яшвиля ничто не останавливало: не только упреки его пріятеля и друга, но даже и страхъ оказаться неисправнымъ по службѣ офицеромъ. Онъ изъ Краснаго Села продолжалъ безпрестанно скакать въ Царское Село, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

Тогда Долгорукій, у котораго языкъ, какъ говорятъ, былъ какъ бритва, для исцѣленія своего пріятеля, началъ на него дѣйствовать сарказмами. Онъ долго преслѣдовалъ Яшвиля разными шутками, между прочимъ представляя его Аполономъ Бельведерскимъ и побѣдителемъ сердецъ, что къ Калмыцкому типу лица и вообще наружности его вовсе не шло и могло только возбуждать смѣхъ. Яшвиль, всегда находчивый, отвѣчалъ ему какъ умѣлъ, но добродушно и безъ всякой злобы, отъ всей души прощая своему другу его сарказмы.

Какъ-то разъ случилось такъ, что Яшвиль возвратился изъ Петербурга въ лагерь во время артельнаго обѣда. Офицеровъ за столомъ сидѣло много, когда вошелъ Яшвиль и сѣлъ на свое обычное мѣсто возлѣ Долгорукаго. Рѣчь за столомъ зашла о Петербургѣ, о театрѣ и о выдающихся актрисахъ. Долгорукій вмѣшался въ разговоръ и своимъ авторитетнымъ, обычнымъ для него, тономъ началъ расточать такія колкости насчетъ той самой актрисы, въ которую Яшвиль былъ влюбленъ, что послѣ его словъ наступило неловкое молчаніе. Всѣмъ какъ-то сдѣлалось не по-себѣ; чувствовалось, что Долгорукій зашелъ слишкомъ далеко. Но скоро разговоръ опять оживился, и обѣдъ кончился, какъ всегда, обильными струями выпитаго Шампанскаго, послѣ чего всѣ разошлись по своимъ угламъ на послѣобѣденный отдыхъ.

Недолго пришлось князю Яшвилю отдохнуть сномъ праведнымъ послѣ обильной трапезы; онъ услыхалъ вдругъ знакомый ему голосъ его пріятеля князя Долгорукаго, который вошелъ къ нему безъ доклада и громко его предварилъ, что онъ къ нему пришелъ, чтобы поговорить съ нимъ объ одномъ важномъ дѣлѣ. Сначала князь Яшвиль принялъ это за новую шутку пріятеля и, не раскрывая глазъ, повернулся на другую сторону, прося князя оставить его въ покоѣ и не мѣшать ему, такъ какъ онъ до смерти спать хочетъ. Но когда Долгорукій вновь настойчиво повторилъ имъ сказанное, Яшвиль, протирая глаза, сѣлъ на постель, устремилъ на Долгорукаго недоумѣвающій вопросительный взглядъ и, посторонясь немного, пригласилъ друга своего сѣсть на постель.

Тотъ присѣлъ на край постели и медленно, съ разстановкой, началъ свою рѣчь слѣдующимъ словами: «Я пришелъ къ тебѣ сказать, что я передъ тобою виноватъ, такъ какъ я умышленно оскорбилъ тебя и что я готовъ дать тебѣ удовлетвореніе. Я знаю, что ты его не требуешь и требовать не будешь только потому, что ты стѣсняешься давно установившейся нашей прежней дружбой; но я поэтому-то къ тебѣ и пришелъ, чтобы развязать тебѣ руки и объяснить тебѣ, что ты этимъ не долженъ стѣсняться, а обязанъ отплатить мнѣ за нанесенную тебѣ обиду».

—«Да я совсѣмъ не обиженъ!» вскрикнувъ, прервалъ его Яшвиль.

—«Положимъ», продолжалъ задумчиво, но раздраженнымъ голосомъ Долгорукій, «что ты не чувствуешь обиды; но это не снимаетъ съ меня обязанности, какъ честнаго человѣка, дать тебѣ удовлетвореніе».

—«Какъ!» вскричалъ Яшвиль, «ты въ самомъ дѣлѣ хочешь, чтобъ я съ тобой стрѣлялся? Помилуй Богъ!.. Ты, я полагаю, съ ума сошелъ. Ты вѣрно не выспался. Ступай спать и оставь меня въ покоѣ! Я тебѣ опять повторяю, что я не обижаюсь и забылъ даже, оскорбилъ ли ты меня или нѣтъ. За что же мнѣ стрѣляться? Это чепуха какая-то!...

—«Нѣтъ», возвышая голосъ, сказалъ Долгорукій; «ты видно не хочешь меня понять. Слушай: изъ молодыхъ офицеровъ въ полку мы съ тобою старшіе. Разговоръ за обѣдомъ происходилъ при всѣхъ. Что подумаютъ о насъ и какое будутъ питать къ намъ уваженіе всѣ эти молодые товарищи, если оскорбленіе, мною тебѣ учиненное, не будетъ имѣть удовлетворенія и останется безъ послѣдствій? Нѣтъ, это такъ остаться не можетъ: мы должны стрѣляться.»

На это Яшвиль очень хладнокровно ему повторилъ нѣсколько разъ: «Нѣтъ, я положительно тебѣ повторяю, что я съ тобою стрѣляться не буду.»

—«Что же», сказалъ ему на это презрительно Долгорукій, «ты трусишь что ли???...»

Яшвиль вспыхнулъ.—«Пойдемъ!» сказалъ онъ спокойно и началъ одѣваться, не говоря ни слова. Онъ тотчасъ внутренно рѣшилъ, что если дѣйствительно дѣло дойдетъ до поединка, во что онъ еще не вѣрилъ, то онъ будетъ стрѣлять на воздухъ.

Пока Яшвиль одѣвался, Долгорукій, сидя передалъ ему весьма хладнокровно и невозмутимо, что онъ уже принесъ съ собою два за-

ряженныхъ пистолета. Затѣмъ онъ объяснилъ, что онъ полагалъ бы за лучшее не подвергать товарищей непріятностямъ и потому стрѣляться безъ секундантовъ; что онъ думаетъ стрѣляться въ 15 шагахъ и что первый выстрѣлъ принадлежитъ оскорбленному, т. е., стало-быть, что Яшвиль долженъ стрѣлять первый.

—«Я на все согласенъ», сказалъ Яшвиль съ неменьшими равнодушіемъ и невозмутимостью; «мнѣ все равно, какія будутъ условія».

Пріятели отправились вмѣстѣ какъ будто на прогулку. Никто изъ тѣхъ лицъ, которыя могли ихъ встрѣтить, не обратилъ на нихъ вниманія, видая ихъ постоянно вмѣстѣ и зная, что они друзья неразлучные. Отойдя недалеко отъ мѣста, Долгорукій остановился въ поросшихъ не вдалекѣ кустарникахъ, и, отыскавъ въ нихъ небольшую площадку, предложилъ Яшвилю остановиться тутъ. Яшвиль молча кивнулъ головой. Долгорукій отмѣрилъ 15 шаговъ, отмѣтилъ разстояніе сухими сучьями и, вынувъ изъ кармановъ пару заряженныхъ пистолетовъ, подалъ ихъ Яшвилю для выбора. Яшвиль, не глядя, взялъ первый пистолетъ, ему попавшійся.

Оба стали на свои мѣста. Долгорукій съ опущеннымъ пистолетомъ потребовалъ, чтобы Яшвиль первый выстрѣлилъ. Яшвиль молча покорился и, приподнимая медленно пистолетъ, тотчасъ спустилъ курокъ, полагая, что пуля уйдетъ въ землю. Долгорукій зашатался и упалъ. Пуля ударила о большой камень, незамѣтный на поверхности земли, и рикошетомъ попала прямо въ сердце Долгорукому. Онъ былъ убитъ наповалъ.

Можно себѣ представить ужасъ и отчаяніе князя Яшвиля, когда, подбѣжавши къ нему, чтобы его поддержать, онъ убѣдился, что Долгорукій уже перестал дышать и что онъ держитъ въ своихъ рукахъ безжизненный трупъ своего любимаго друга!

Такъ ужасно и трагически кончилась эта небывалая дуэль между закадычными друзьями, которая останется навсегда памятна въ лѣтописяхъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.

Нельзя въ настойчивости князя Долгорукаго на этотъ безумный поединокъ, стоившій ему жизни, не видѣть *предопредѣленія*, въ полномъ смыслѣ этого слова. Замѣчательно то обстоятельство, что оба, отецъ и сынъ Долгорукіе, окончили жизнь насильственной смертью.

Князь Яшвиль подвергся суровому наказанію: онъ былъ разжалованъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ, гдѣ я съ нимъ въ 1845 го-

ду познакомился, подружился и совершилъ вмѣстѣ Даргинскую экспедицію.

Вслѣдствіе моей дружбы съ Яшвилемъ, я узналъ всѣ подробности этого несчастнаго дѣла изъ двухъ источниковъ: т.-е. первый разъ я слышалъ о немъ отъ Ломоносова, а впослѣдствіи—изъ устъ самого Яшвиля.

Несомнѣнно, что строгость, съ которою князь Яшвиль былъ наказанъ за эту несчастную дуэль, была вызвана тѣмъ, что она произошла безъ секундантовъ, и что въ такомъ случаѣ смерть князя Долгорукаго имѣла всѣ признаки убійства, хотя слѣдствіе показало, что слѣды на камнѣ и видъ приплюснутой пули несомнѣнно доказывали противоположное.

Въ довершеніе полной характеристики этого незабвеннаго товарища и рѣдкаго человѣка и во исполненіе своего нравственнаго долга, я добавлю, что князь Яшвиль, глубоко потрясенный посланнымъ ему Провидѣніемъ испытаніемъ, принялъ его настоящимъ христіаниномъ и рѣшился искупить свое невольное преступленіе, наложивъ на себя добровольно всѣ труды и лишенія солдатской жизни, на которую онъ былъ приговоренъ, не позволяя себѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ никакого отъ нихъ уклоненія, не смотря на то, что начальники его уговаривали воспользоваться ихъ разрѣшеніемъ. Онъ въ продолженіе всего времени отказывался отъ всѣхъ льготъ и облегченій, ему предлагаемыхъ офицерами Куринскаго пѣхотнаго полка, въ которомъ онъ служилъ и гдѣ онъ снискалъ общую любовь и уваженіе.

Онъ все время жилъ съ солдатами въ землянкахъ, носилъ солдатскую одежду и питался солдатскою пищей. За храбрость онъ получилъ Георгія и часто сопровождалъ полкового командира, извѣстнаго своею храбростью генерала Козловскаго (его очень полюбившаго) въ частыхъ рекогносцировкахъ, въ качествѣ ординарца, когда онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ Даргинскую экспедицію онъ былъ произведенъ въ офицеры, а за симъ, за блестящую и отмѣнную свою храбрость, былъ возвращенъ прежнимъ чиномъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, которымъ онъ даже командовалъ много лѣтъ спустя, по общепринятому служебному порядку, прокомандовавъ предварительно нѣсколько лѣтъ армейскимъ кавалерійскимъ полкомъ.

ЗАМѢТКИ КЪ БІОГРАФІИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

I.

Въ воспоминаніяхъ князя А. В. Мещерскаго (Р. Арх. 1900 г. LX. 80—81) сообщается, что у Лермонтова было въ Малороссіи имѣніе, и видно, что онъ нерѣдко даже бывалъ тамъ, ибо хорошо говорилъ по малороссійски и неподражаемо умѣлъ разсказывать Малороссійскіе анекдоты. Гдѣ было это имѣніе? Положительно отвѣчать на этотъ вопросъ я не могу; но вотъ что сохранила мнѣ память изъ временъ моего дѣтства.

Верстахъ въ 7 отъ моего родного села Смоши находится значительное мѣстечко Переволочно (Полтавской губ., Прилуцскаго уѣзда) на р. Удаѣ. Почти при самомъ въѣздѣ въ мѣстечко, по Роменской дорогѣ, расположена прекрасная усадьба, въ которой домъ, впрочемъ, построенъ или перестроенъ позднѣйшимъ владѣльцемъ и сохранился весьма старинный тѣнистый садъ. Усадьба эта, а также извѣстное число крестьянъ и десятинъ земли, принадлежала Арсеньевымъ, и я хорошо помню разсказы, что сюда наѣзжала нѣкогда очень важная старая барыня, Арсеньева же; и это относится къ 30—40 годамъ. Весьма соблазнительно думать, что именно здѣсь было имѣніе, о которомъ упоминаетъ князь А. В. Мещерскій, не Лермонтова, конечно, а его бабушки, которой онъ былъ единственнымъ прямымъ наслѣдникомъ.

Правда, какихъ либо преданій о пребываніи Лермонтова въ нашихъ краяхъ слышать мнѣ не приходилось; но не было такихъ преданій и о проѣздѣ Пушкина черезъ г. Прилуки по дорогѣ изъ Одессы въ Михайловское, и о пребываніи его въ д. Верескунахъ, имѣніи Н. И. Величка (подъ м. Ичнею), а между тѣмъ онъ тамъ былъ. Вѣроятно, Лермонтовъ ѣзжалъ въ Малороссію съ своею бабушкою.

Я, впрочемъ, помню Переволачанское имѣніе уже во владѣніи Р. Н. Милорадовича, который купилъ его у наслѣдниковъ Арсеньевой; потомъ оно перешло къ его сыну—Н. Р. Милорадовичу, довольно долго бывшему Прилукскимъ предводителемъ дворянства, а теперь принадлежитъ одному изъ его братьевъ.

Такъ какъ въ церкви м. Переволочны, вѣроятно, сохранились какіе нибудь документы, относящіеся въ 30 — 40-мъ годамъ, то мое предположеніе во всякомъ случаѣ могло бы быть провѣрено.

II.

Кстати сообщить, что верстахъ въ 20 отъ Переволочны, въ томъ же уѣздѣ, въ м. Срѣбномъ, находилось небольшое имѣніе лица, сыгравшаго нѣкоторую роль въ жизни Лермонтова и, между-прочимъ, сдѣлавшаго первыя

распоряженія послѣ его безвременной смерти—Антона Карловича Зельлица. Это былъ заслуженый офицеръ, хотя и не богатый, но пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Онъ былъ очень веселаго характера, постоянно шутилъ. любилъ острить, говорилъ очень громко, почти кричалъ. Умеръ онъ давно: но я хорошо его помню. тѣмъ болѣе что мои родители были въ свойствѣ съ нимъ, и мы часто посѣщали знаменитое по красотѣ мѣстоположенія м. Срѣбное.

III.

На стр. 82 князь А. В. Мещерскій пишетъ, что онъ сидѣлъ „подъ зеленымъ дубомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ (Лермонтовъ) простился съ жизнью", т. е по всей вѣроятности на мѣстѣ роковой дуэли, такъ какъ Лермонтовъ былъ убитъ наповалъ. Между тѣмъ въ настоящее время показываютъ мѣсто дуэли, обозначенное двумя камнями, на косогорѣ, вдали отъ деревьевъ, при чемъ однако сомнѣваются, что оно опредѣлено правильно. Возможно, конечно, что зеленые дубы, когда-то здѣсь росшіе, вырублены; а видъ съ этого мѣста дѣйствительно соотвѣтствуетъ тому, о которомъ говоритъ князь Мещерскій.

IV.

Когда я учился въ Кіевѣ. я встрѣчалъ на улицахъ немолодого, но все еще красиваго, статнаго офицера, въ Черкесскомъ платьѣ. Это былъ Н. С. Мартыновъ. Когда онъ проходилъ мимо кого либо, кто его еще не зналъ, тому шопотомъ называли его, указывали и пр.; словомъ, это была одна изъ достопримѣчательностей Кіева (о чемъ, впрочемъ, уже сообщилъ раньше Н. С. Лѣсковъ, тоже учившійся въ Кіевѣ, въ одномъ изъ своихъ воспоминаній). Мартыновъ обыкновенно ходилъ съ какой-то дамой, не очень молодой, небольшаго роста и достаточно черноватой; при нихъ было двое дѣтей. Объ этомъ тоже ходили какіе-то разговоры. Жилъ онъ въ сохранившемъ и до сихъ поръ свой видъ домѣ Калиты, противъ золотыхъ воротъ. Кстати, передамъ объ одномъ случаѣ съ Мартыновымъ; о томъ разсказалъ мнѣ мой отецъ, который, кажется, самъ даже былъ свидѣтелемъ этого случая. Послѣ обѣдни въ церкви Кіево-Печерской Лавры, митрополитъ Филаретъ вышелъ съ крестомъ, къ которому всѣ стали прикладываться. Мартыновъ, передъ тѣмъ разговаривавшій съ дамами, подошелъ за ними ко кресту и, наскоро продѣлавъ подобіе крестнаго знаменія, хотѣлъ, въ свою очередь, поцѣловать крестъ. Не такъ! громко замѣтилъ ему митрополитъ. Мартыновъ сконфузился, правильно, но очень скоро перекрестился и снова наклонился ко кресту. Не такъ! снова сказалъ митрополитъ и прибавилъ: Спаситель заповѣдалъ намъ креститься такимъ образомъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь". При этомъ митрополитъ весьма истово перекрестился. Мартыновъ въ свою очередь такъ же истово прочелъ молитву и перекрестился. Тогда святитель, глубоко вздохнулъ, сказалъ „такъ", далъ поцѣловать крестъ и удалился въ алтарь.

Объ этомъ случаѣ долго шумѣлъ въ то время весь Кіевъ.

V.

Епископъ Неофитъ, въ мірѣ Н. В. Неводчиковъ, секретарь у извѣстнаго А. С. Стурдзы, разсказывалъ мнѣ, съ его словъ, что, когда тѣло Лермонтова перевезено было въ Тарханы, какой-то мѣстный семинаристъ произнесъ на могилѣ его собственные стихи, неуклюжіе какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Не повезло Лермонтову и въ другомъ случаѣ: въ такъ называемомъ Лермонтовскомъ гротѣ въ Пятигорскѣ находятся тоже чьи-то ужасные стихи, посвященные его памяти.

VI.

Дядя мой А. К. Крыжицкій не разъ декламировалъ стихотвореніе, какъ дьяволъ создалъ губернскаго секретаря, и приписывалъ эти стихи Лермонтову. Я отчасти помню это стихотвореніе и сильно сомнѣваюсь въ его принадлежности Лермонтову. Судя по слогу и фактурѣ стиха, оно скорѣе сложено въ концѣ XVIII или началѣ XIX в.; но все же интересно было бы получить относительно его какія либо указанія отъ знатоковъ апокрифической литературы того времени. Передаю это стихотвореніе, какъ помню, съ пропусками, иногда безъ ритма и пр.

Однажды ада царь
Въ своемъ дворцѣ сидитъ,
Цѣпями шевелитъ
И мыслитъ о Творцѣ:
Какъ могъ создать Онъ свѣтъ изъ ничего?
И даже создалъ Онъ и меня самого (?!).
Давай составлю человѣка,
Какого не было отъ вѣка.

Какъ создавалъ дьяволъ истуканъ человѣка, я не помню,

Чортъ что-то сунулъ, дунулъ, плюнулъ:
Истуканъ зашевелился,
Всталъ и поклонился.

Далѣе слѣдовала ласкательная рѣчь чорта къ своему созданію, оканчивавшаяся такимъ его нареченіемъ:

Да будетъ сія тварь
Губернскій секретарь!
Секретарь головкою кивнулъ
И обѣ ручки протянулъ,
Чтобъ взять съ него за то,
Что создалъ онъ его.

Послѣднихъ стиховъ я не помню, но смыслъ ихъ былъ таковъ, что разгнѣванный сатана далъ затрещину губернскому секретарю, который отъ нея перелетѣлъ на землю, отчего-де и повелись у насъ губернскіе секретари. Легко замѣтить, что въ данномъ случаѣ авторъ стихотворенія воспользовался довольно распространеннымъ бродячимъ мотивомъ.

Ал. Маркевичъ.

Одесса, 8 Октября 1900 г.

СУВОРОВЪ.

(Опытъ характеристики).

Жизнію монахъ примѣрный,
Духомъ чистъ отъ всякой скверны,
— Потому непобѣдимъ, —
Онъ изъ храма шелъ на битву,
Съ боя снова на молитву,
Словно Божій Херувимъ.
Съ виду старецъ юродивый,
Невысокій, некрасивый,
Духомъ грозный исполинъ!
Онъ на клячѣ, подъ рогожей,
Все-таки былъ воинъ Божій,
Дивной рати властелинъ *).

Великаго Русскаго полководца прежде всего отличаетъ *чистота духа*, которая вмѣстѣ съ его благочестіемъ была главною причиною его непобѣдимости. Человѣкъ необыкновенно чистой жизни, хотя и не анахоретъ, Суворовъ былъ чистъ отъ всякой скверны своего вѣка— «вѣка искательствъ, подслуживанія, лести и кривыхъ путей». «Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ, говоритъ онъ, пріобрѣло мнѣ грубость при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило сердце отъ познанія свѣтскихъ наружностей. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ, моимъ сверстникамъ часто не угоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей». Онъ же съ гордостью замѣчаетъ, что «всѣ степени до сего бралъ безъ фавора», что̀ и было причиною его сравнительно-поздняго возвышенія, и слѣдитъ за собою—«ка̀къ бы не затуманилъ меня весь этотъ ѳиміамъ: теперь вѣдь пора рабочая» (во время похода въ Италію). При этомъ Суворовъ отличался замѣчательнымъ безкорыстіемъ: «нашъ Суворовъ въ бѣдахъ и во всемъ съ нами въ паю, только не въ добычѣ», говорили солдаты.

Суворовъ отличался простымъ, добрымъ сердцемъ, свойственнымъ мягкой, милосердной Славянской природѣ. Въ письмахъ къ «Суворочкѣ» мы видимъ горячее, нѣжное чувство отца къ дочери. Какъ добрый помѣщикъ, Суворовъ, наприм., приходитъ въ ужасъ, что у его крестьянина «всего одна корова»... Въ солдатѣ онъ видитъ себѣ по-

*) Н. Н. Романовичъ: „Русская Старина въ родной поэзіи", Новгородъ, 1890 стр. 358.

добнаго младшаго товарища («братецъ»), а не боевой матеріалъ, «пушечное мясо». Суворовъ не сердился, не бранился, не любилъ наказаній и осуждалъ палочную щедрость, а также и тѣхъ начальниковъ, которые «понимаютъ дисциплину въ кичливости, а субординацію въ трепетѣ подчиненныхъ». Строгій къ самому себѣ, Суворовъ вообще былъ снисходителенъ къ подчиненнымъ. «Грѣшниковъ (т. е. преступившихъ свой долгъ) простите», пишетъ онъ изъ подъ Кинбурна. Между прочимъ онъ считаетъ обязанностью начальника «совершать людямъ благодѣйствіе», т. е., заботиться о своихъ подчиненныхъ. Простота и чистота сердца, вѣроятно, были причиною нерасположенія Суворова къ дипломатическимъ переговорамъ, когда, по его же выраженію, приходится «выставлять лисій хвостъ, не показывая волчьихъ зубовъ».

Кротости, милосердія, человѣколюбія Суворовъ держался и въ чисто-боевой сферѣ своей дѣятельности. Согласно своему афоризму «готовься въ войнѣ къ миру, а въ мирѣ къ войнѣ», Суворовъ любилъ «не меньше оружія поражать противника человѣколюбіемъ» (изъ приказа по войскамъ 16 Мая 1778 г.) и къ силѣ прибѣгалъ какъ къ крайнему средству. «Буйства Башкирцевъ и иныхъ безъ кровопролитія сокращены, по паче императорскимъ милосердіемъ», говоритъ въ своей автобіографіи Суворовъ, у котораго среди возставшихъ даже были друзья (Ногаецъ Муса-бей, «достойной» Ксавьеръ Пулавской). Не смотря на взглядъ на конфедератовъ какъ на мятежниковъ, взглядъ даже и въ настоящее время какъ-бы оправдывающій всякія жестокости (прокламація къ Бурамъ лорда Робертса), Суворовъ предписываетъ «содержать плѣнныхъ ласково и человѣколюбиво», не забывать «миръ на Израиля» и до глубины души возмущается варварскою жестокостью одного подполковника Русской службы, Нѣмца, который, «къ стыду Россіи», приказывалъ отрѣзывать кисти рукъ у плѣнныхъ конфедератовъ... «Не мщеніемъ, а великодушіемъ покорена Польша: такъ удобно покорить и Францію», писалъ Суворовъ по окончаніи Польской войны и, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, жители Польской столицы поднесли Суворову эмалированную табакерку съ надписью: «Warszawa—zbawcy swemu». Къ этому же времени относятся замѣчанія Суворова, вошедшія и въ его военный катихизисъ: «Обывателя не обижай; онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ», «непріятель сдался—пощада»; «побѣдителю прилично великодушіе» (послѣднее изъ приказа) и т. п. Говорить ли послѣ этого о крайней жестокости Суворова, молва о которой, пущенная въ ходъ Польскими эмигрантами, къ сожалѣнію, подъ видомъ «крайней расточительности человѣческою кровью», повторяется и донынѣ, и притомъ

въ Русской газетѣ *)? Таково ужъ ремесло войны; притомъ особенная кровопролитность нѣкоторыхъ Суворовскихъ штурмовъ (Измаилъ, Прага) объясняется тѣмъ, что онъ однимъ ударомъ рѣшалъ дѣла, исполненіе которыхъ для другихъ потребовало бы нѣсколькихъ повтореній. Никто сильнѣе самого Суворова не чувствовалъ всѣхъ ужасовъ войны и не имѣлъ бо́льшаго права говорить о нихъ: «Я проливалъ кровь потоками; я прихожу въ ужасъ отъ этого; но я люблю моего ближняго, я никого не сдѣлалъ несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертельнаго приговора, не задавилъ ни одной козявки», говоритъ онъ.

«Родство и свойство мое съ долгомъ моимъ: Богъ, государь и отечество», говоритъ Суворовъ въ письмѣ къ зятю. Суворовъ былъ образцовымъ и притомъ безкорыстнымъ исполнителемъ того, что̀ онъ считалъ своимъ служебнымъ долгомъ: въ погоню за Пугачевымъ, напр., онъ отправился такъ налегкѣ, что, по выраженію Императрицы, «кромѣ своего усердія къ службѣ, иного экипажа при себѣ не имѣлъ». Извѣстенъ также отвѣтъ Измаильскаго героя всемогущему Потемкину: «Я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и государя, никто меня наградить не можетъ». Вся дѣятельность Суворова имѣетъ значеніе высшаго подвига на благо родины въ Евангельскомъ смыслѣ: «Смерть моя для отечества»... «Умирай за домъ Богородицы' за Матушку, за пресвѣтлѣйшій домъ», говорилъ Суворовъ и всю жизнь свою носился по Россіи и за рубежомъ ея, съ тревогой истинно-Рус-

---

*) При этомъ приводится замѣчаніе, что „одно взятіе Измаила стоило жизни 41 тысячи Русскихъ", между тѣмъ какъ число всѣхъ Русскихъ силъ, бывшихъ подъ Измаиломъ слѣдуетъ искать „между 28 и 31,000", а убитыхъ и раненыхъ не болѣе 10,000 (Петрушевскій I, 383, 396). Послѣ упоминанія о томъ, что „благодаря *рѣдкому счастью* Суворову не пришлось помѣрять силъ своихъ ни съ однимъ военнымъ геніемъ въ родѣ Фридриха II или Наполеона", и послѣ выраженія „*сожалѣнія*" о томъ, что „геній Суворова пришелъ въ наименѣе нужное для родины время", не явился въ „оборонительные моменты нашей исторіи", въ статьѣ указывается далѣе, что „почти всѣ кампаніи, въ какихъ участвовалъ этотъ великій полководецъ, признаются *правдивою* исторіей *или маловажными или даже вредными* съ точки зрѣнія истинныхъ интересовъ Русскаго государства" (курсивъ нашъ). Далѣе по мнѣнію газеты, Суворовъ явился выраженіемъ коренной черты Русскаго характера—„способности исполненія". Такія и подобныя указанія, правда, смягчаются замѣчаніями въ родѣ того, что „побѣдителей не судатъ", что „не вся, конечно, героическая дѣятельность Суворова отличается этою безплодностью" (замѣчаніями, которыя придаютъ статьѣ, выражаясь языкомъ Суворова, характеръ „двоякій и перемѣнчивый"). Впрочемъ, статья заканчивается замѣчаніемъ, что „значеніе Суворова шире круга однихъ военныхъ людей. Какъ крупный дѣятель народной исторіи, онъ даетъ уроки и всему обществу", т. е. заканчивается тѣмъ, о чемъ и слѣдовало бы преимущественно говорить въ печатномъ общественномъ органѣ („Недѣля", 1900 г., № 20, статья: „Юбилей побѣдъ("·

скаго «богатыря». «Подозрѣніе—мать премудрости»... Горячій патріотизмъ Суворова виденъ и изъ слѣдующихъ словъ его при выѣздѣ изъ Варшавы: «Милостивъ Богъ къ Россіи, разрушатся крамолы, и плевелы исчезнутъ».

Въ этой сторонѣ личности Суворова нельзя не отмѣтить еще одной черты, которая проходитъ черезъ всю жизнь его, съ дѣтства до могилы: это глубокое, горячее благочестіе, въ чисто-народномъ православномъ духѣ, безъ тѣни исключительности или фанатизма. Суворовъ благовѣститъ въ колокола, читаетъ Апостола и поетъ на клиросѣ, строго соблюдаетъ уставы Православной церкви, посты, праздники, съ чисто-народными обрядами: кутья, масляница, качели и т. п.; молитвою онъ начинаетъ и оканчиваетъ битву. «Слава въ вышнихъ Богу», произнесъ онъ подъ Крупчицами, послѣ Рымникской побѣды. «День молиться, день поститься, взять на третій Измаилъ». Въ Италіи онъ посѣщаетъ соборы и принимаетъ благословеніе отъ католическихъ епископовъ, на С.-Готардѣ слушаетъ молебенъ престарѣлаго капуцина и т. п. Во время троекратной опалы («Матушка, я прописной!») Суворовъ обнаруживаетъ смиреніе и долготерпѣніе Іова и даже собирается поступить въ монастырь. Когда ему угрожала продажа алмазовъ съ аукціона, Суворовъ сказалъ: «Я ихъ заслужилъ, Богъ далъ, Богъ и возметъ, и опять дать можетъ». Видя для себя практическую дѣятельность закрытою, Суворовъ обращается къ Государю съ просьбою дозволить ему «отбыть въ Нилову Новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить свои краткіе дни въ службѣ Богу». Суворовъ не думалъ, что «мечъ и крестъ одно», какъ видно, между прочимъ, и изъ предсмертныхъ словъ его: «Долго гонялся я за славой,—все мечта; покой души у престола Всемогущаго».

Приведемъ, наконецъ, заключительныя слова автобіографіи Суворова, какъ бы исчерпывающія все нравственное содержаніе его личности. «Потомство мое прошу брать мой примѣръ: всякое дѣло начинать съ благословеніемъ Божіимъ, до издыханія быть вѣрнымъ государю и отечеству, убѣгать роскоши, праздности, корыстолюбія, и искать славы чрезъ истину и добродѣтель, которыя суть моимъ символомъ».

Другая выдающаяся сторона духовной личности Суворова—непреклонная воля, несокрушимая *мощь духа*, которая нашла себѣ наиболѣе выпуклое выраженіе въ чисто-боевой сферѣ его дѣятельности и дѣлала его, какъ полководца, грознымъ исполиномъ духа и властелиномъ надъ своими войсками. Какъ бы для бо̀льшаго оттѣнка чисто-духовнаго качества этой мощи, Суворовъ съ дѣтства отличался слабымъ, хилымъ здоровьемъ, уподобляясь, по собственному выраженію, «настоящему скелету, лишенному стойла ослу, бродячей воздушной

тѣни»; онъ олицетворялъ собою духъ бодрый въ немощной плоти, которую онъ закалилъ соотвѣтствующимъ образомъ жизни и дожилъ до 70 лѣтъ. Къ этому присоединялась малопривлекательная внѣшность Суворова, не представлявшая ничего рыцарскаго, эффектнаго: Суворовъ участвовалъ въ бою нерѣдко въ одной полотняной рубахѣ и исподнемъ платьѣ, ѣздилъ на простомъ Донскомъ конѣ или въ простой кибиткѣ, для избѣжанія встрѣчъ, иногда прикрываясь рогожею и т. п.

Трудно указать военное качество, котораго Суворову бы не доставало, говоритъ его историкъ, и объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя опасности, контузіи, раны, которымъ онъ подвергался. Суворовъ тонулъ въ Вислѣ, при чемъ расшибъ себѣ грудь, «въ боку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади мордочку отстрѣлили», писалъ онъ, между прочимъ, изъ-подъ Кинбурна и т. п. Въ пылу боя Суворовъ не разъ превозмогалъ свою болѣзнь (подъ Туртукаемъ, при Рымникѣ), т.-е. доходилъ до полной побѣды духа надъ физическою немощью. По свидѣтельству Моро, Суворовъ «обладалъ стойкостью выше человѣческой».—«Попробуйте сдвинуть этотъ камень; не можете? Ну, такъ въ той же мѣрѣ и отступленіе невозможно». «Ройте мнѣ могилу, я не переживу этого дня»,— вотъ выраженія Суворовской стойкости, въ результатѣ которой были, между прочимъ, двѣ его знаменитыя побѣды при Треббіи и Нови. Тѣже качества Суворовъ воспиталъ и въ своихъ войскахъ. По отзывамъ иностранцевъ-очевидцевъ, Русскіе «стоятъ какъ стѣна», «дерутся какъ отчаянные», обладаютъ «твердостью и устойчивостью бастіоновъ», при чемъ ихъ особенно смутилъ хохотъ Русскихъ солдатъ подъ жерлами пушекъ, хохотъ, «какимъ смѣются Клопштоковы черти» (при Рымникѣ); подъ Измаиломъ храбрость Русскихъ дошла до «совершеннаго отрицанія самосохраненія», а въ Альпахъ Суворовъ съ своими войсками «преодолѣлъ и самую природу», по выраженію императора Павла, и т. п.

Неограниченное нравственное владычество Суворова надъ своими войсками, доходившее до полнаго себѣ подчиненія коллективной воли множества людей, тѣмъ болѣе изумительно, что тогдашняя Русская армія состояла изъ крѣпостныхъ, и при томъ худшаго разбора. По выраженію историка Суворова, тайна этого господства заключалась въ томъ, что Суворовъ самъ былъ «солдатъ-фельдмаршалъ», т.-е. зналъ душу Русскаго человѣка и умѣлъ на нее воздѣйствовать. Вспомнимъ Суворовскія одобрительныя прозвища: «огонь», «орелъ», «соколъ»; «чудо-богатыри», вспомнимъ чисто-народныя выраженія, какими онъ вселялъ въ своихъ солдатъ мужество и бодрость: «Молодцы, ребята, заманивай ихъ, заманивай; спасибо, ребята, что догадалися... Ухъ, махни, головой тряхни», говорилъ онъ отступающимъ солдатамъ при Нови. «Что̀ съ дѣвушкой сдѣлалось, что̀ съ красной случилось?»

говорилъ онъ пріунывшимъ солдатамъ во время перехода черезъ Альпійскія выси... И войска обожали своего «батюшку-Суворова», считали его чуть ли не сверхъестественнымъ существомъ. Когда Суворовъ отдыхалъ послѣ штурма Праги, въ лагерѣ не слышно было ни малѣйшаго шума. «Онъ не спитъ, когда мы спимъ, и въ жизнь свою еще не проспалъ ни одного дѣла», говорили солдаты.

Въ нравственномъ владычествѣ надъ своими войсками заключается одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ военной системы Суворова. Къ этому надо присоединить всестороннее знаніе своего противника и построенное на этомъ знаніи умѣнье. «Непріятелю время давать не должно, пользоваться, сколько можно, его наималѣйшею ошибкою и брать его всегда смѣло съ слабѣйшей стороны; но надлежитъ, чтобы войска своего предводителя разумѣли»—вотъ сущность Суворовской военной системы, высказанная имъ въ автобіографіи и нашедшая затѣмъ полное свое выраженіе въ его военномъ катихизисѣ. Отсюда его «три воинскія искусства: первое—глазомѣръ, второе—быстрота, третье—натискъ», при чемъ «быстрота и натискъ—душа настоящей войны» («одна минута рѣшаетъ исходъ баталіи, одинъ часъ успѣхъ кампаніи, одинъ день судьбы имперіи»); а самый опасный врагъ—«проклятая немогузнайка», т.-е. всякое сомнѣнье, нерѣшительность, колебаніе. Отсюда его знаменитая «тактика обстоятельства»; отсюда же, наконецъ, и требованіе: «каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ, тайна есть только предлогъ, болѣе вредный, чѣмъ полезный»... Вотъ почему, между прочимъ, Суворовъ никогда не скрывалъ отъ солдатъ предстоявшихъ трудностей и опасностей, вообще требуя отъ нихъ не слѣпого, а осмысленнаго исполненія устава, подобно Петру Великому, котораго онъ называлъ «Прометеемъ». «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ надо его взять: такова воля Матушки-государыни». «Намъ давнымъ-давно туда пора, помилуй Богъ пора! Поляки копаются какъ кроты въ землѣ», говорилъ Суворовъ своимъ солдатамъ. Такимъ образомъ главную основу всей военной системы Суворова составляетъ «человѣкъ и его духовная сила», т.-е. тѣ духовныя качества, которыми въ такой степени обладалъ и самъ Суворовъ, этотъ «полководецъ-психологъ», по мѣткому выраженію г-на Ю. Б.

Въ этой нравственной чистотѣ и мощи духа Суворова, по народно-философскому воззрѣнію, заключается высшее и притомъ самое важное знаніе, которое, однако, не только не исключаетъ, но предполагаетъ глубокій умъ, умѣнье. Прошла пора объяснять успѣхи Суворова однимъ счастьемъ, хотя бы и счастьемъ генія, «повелѣвавшимъ своимъ счастьемъ». «Сегодня счастье, завтра счастье и всегда счастье! Помилуй Богъ! Дайте сколько-нибудь и ума!» говорилъ Суворовъ.

Суворовъ отъ природы обладалъ крѣпкимъ, смѣтливымъ умомъ

который онъ расширилъ настойчивымъ и притомъ всестороннимъ образованіемъ и самообразованіемъ, такъ что по всей справедливости стоялъ наравнѣ съ вѣкомъ, называемымъ «философскимъ». «Что до моихъ наукъ, они состоятъ въ математикѣ, части философіи, географіи, исторіи, языкахъ Нѣмецкомъ, Французскомъ, Италіанскомъ, Польскомъ, Турецкомъ, съ малою частью Арабскаго и Персидскаго, и Финскомъ», говоритъ онъ въ автобіографіи. Суворовъ интересовался преимущественно философской стороной исторіи, между прочимъ, выписывалъ Энциклопедію, одно время держалъ у себя чтеца (Нѣмецкаго студента, котораго называлъ Филиппомъ Ивановичемъ, хотя его имя было совсѣмъ другое) и даже устраивалъ родъ научныхъ бесѣдъ. Переписка Суворова съ корифеями Русской литературы, между прочимъ, свидѣтельствуетъ о бывшей у него потребности художественныхъ наслажденій, хотя лично ему не доставало художественнаго вкуса. Суворовъ былъ глубокимъ знатокомъ военныхъ наукъ, въ томъ числѣ инженернаго и отчасти морского дѣла. Не входя въ оцѣнку Суворова, какъ военнаго писателя, кромѣ его знаменитаго военнаго катихизиса, получившаго выразительное названіе «Науки побѣждать» (въ редакціи 1796 г.) и помѣстившагося всего на нѣсколькихъ печатныхъ страничкахъ, укажемъ на рядъ его лаконическихъ реляцій, иногда въ стихотворной формѣ, писемъ, отзывовъ о современныхъ ему Русскихъ полководцахъ, въ которыхъ съ особенною яркостью отразился его оригинальный, живой, мѣткій умъ, а также и общая энергія его духа.

Вотъ наиболѣе извѣстныя изъ нихъ:« Слава Богу, слава вамъ; Туртукай взятъ, и я тамъ» (Румянцову); «подлинно мы были вчера vene, vide, vince, а лишь такъ первоучинка» .. (изъ подъ Туртукая же Салтыкову). «Я на камушкѣ сижу, на Очаковъ я гляжу»; «нѣтъ крѣпче крѣпости, отчаяннѣе обороны какъ Измаилъ, падшій передъ высочайшимъ трономъ Ея Императорскаго Величества кровопролитнымъ штурмомъ» (Потемкину); «сіятельнѣйшій графъ, ура, Прага наша» (Румянцову), «я съ войсками сюда прибылъ; 24 часа на размышленіе—воля; первый мой выстрѣлъ — уже неволя; штурмъ—смерть, что оставляю вамъ на размышленіе» (сераскиру Измаильской крѣпости). «Каменскій знаетъ военное дѣло, да оно его не знаетъ; Суворовъ не знаетъ военнаго дѣла, да оно его знаетъ, а Салтыковъ ни съ военнымъ дѣломъ не знакомъ, ни самъ ему не извѣстенъ» и т. п. Рѣчь Суворова въ военномъ совѣтѣ на Альпахъ свидѣтельствуетъ о той нравственной силѣ его слова, до какой доходилъ онъ какъ военный ораторъ. «Помощи ждать неоткуда, надежда только на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ; только въ этомъ и спасеніе.... Спасите честь Россіи и ея Государя, спасите его сына!» И съ этими словами престарѣлый полководецъ въ слезахъ бросился къ ногамъ ве-

ликаго князя (Константина Павловича). Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ къ дочери рисуется любовь Суворова къ природѣ; онъ устроилъ въ своемъ домѣ такъ называемую «птичью горницу». «Какъ весело на Черномъ морѣ, на лиманѣ: вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики, по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, осетры,—пропасть!»

Глубокій умъ Суворова выразился въ дальновидной оцѣнкѣ современныхъ ему политическихъ событій, а также въ чисто-народномъ взглядѣ его на госпиталь и медицину—взглядѣ, отчасти напоминающемъ также взглядъ Пирогова и воззрѣнія современной медицинской науки на значеніе гигіены. По мнѣнію Суворова, уступка Варшавы—«Прусскому королю въ руки хлыстъ»; Карманьольцы (т. е. Французы) по знатнымъ ихъ успѣхамъ могутъ простирать свой шагъ на Вислу... Всемилостивѣйшая Государыня, я готовъ съ побѣдоносными войсками вашего императорскаго величества ихъ предварить». Приготовленія Директоріи къ высадкѣ въ Англію Суворовъ называлъ «репетиціею траги-комической военной драмы, которая никогда не будетъ разыграна»; «Карманьольцы бьютъ Нѣмцевъ; отъ скуки будутъ бить Русскихъ, какъ Нѣмцевъ» говорилъ Суворовъ и, къ сожалѣнію, слова его оказались пророческими... «Бойся богадѣльни: Нѣмецкія лекарствицы, издалека тухлыя, сплошь безсильны и вредны; Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ; у васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки». «Здоровому питье—воздухъ, больному—тожъ воздухъ и ѣда» (изъ Катехизиса); «блюденіе (здоровья) въ *естественныхъ правилахъ*», (*причины* умножающихся болѣзней вѣдать непремѣнно» (изъ приказовъ) и т. п. Самыя странности и такъ называемыя причуды Суворова, бывшія въ духѣ вѣка, отчасти слѣдствія веселаго характера, отчасти наслѣдственная черта историческаго «юродства», по отзыву современника, «исходили изъ расчетовъ ума тонкаго и дальновиднаго»; многія изъ нихъ, помимо своей забавности, выражаютъ извѣстную мысль или личное чувство Суворова. Таковы, наприм., пѣніе пѣтуха въ лагерѣ, т. е. пѣніе самого фельдмаршала, наглядное представленіе Польской депутаціи, «Императрица вотъ какая большая, а Суворовъ вотъ какой маленькій», освященіе жезла и прыжки фельдмаршала черезъ рядъ стульевъ, со словами: «такого-то (слѣдуетъ имя) обошелъ» и т. п.

Какъ общественный дѣятель, Суворовъ, кромѣ того, обладалъ твердымъ, независимымъ характеромъ—особенностью, развитію которой въ Русскихъ людяхъ не благопріятствовали историческія условія. Усвоивъ многія недостатки эпохи, говоритъ его историкъ, онъ однако не пропитался ими до глубины нравственныхъ основъ; сгибалъ передъ обстоятельствами шею, но не гнулъ ни передъ кѣмъ волю; былъ по-

лонъ благоговѣйнаго почтенія и преданности своему Государю, но правдолюбіе и моральную стойкость считалъ не противорѣчіемъ, а непремѣнною ихъ принадлежностью... «Тамерлановъ походъ мнѣ не важенъ, хоть до Пекина», говорилъ Суворовъ о походѣ въ Персію, и составлялъ планъ похода на Константинополь и будущей кампаніи противъ Франціи. «Пудра не порохъ, букля не пушка, коса не тесакъ, и я не Нѣмецъ, а природный Русакъ» или: «косой не колоть, буклей не палить, пудрой не стрѣлять», выражался онъ по поводу Прусскихъ нововведеній въ Русской арміи, со всѣми ихъ «чудесами», и даже въ присутствіи Императора повторялъ на смотру: «Да будетъ воля твоя» и т. п. Эти-то свойства Суворова, въ соединеніи съ его военною славою, и сдѣлали его лицомъ, привлекавшимъ къ себѣ особенное вниманіе современниковъ и дорогимъ для потомства. Послѣ этого можно ли серьезно выставлять на первый планъ «способность исполненія», т. е. простую служебную исполнительность Суворова? Суворовъ никогда не годился въ слѣпые исполнители чужой воли и во всякое дѣло вносилъ собственныя воззрѣнія; объ этомъ наглядно свидѣтельствуютъ и его три опалы.

Надо ли распространяться о недостаткахъ Суворова, которые онъ и самъ замѣчалъ? «Я иногда растеніе не тронь-меня, иногда электрическая машина, которая засыплетъ искрами, но не убьетъ», говорилъ о себѣ Суворовъ. Рѣзкія выходки неудовольствія, зависти, ненависти, хотя у Суворова совершенно искренни, замѣчаетъ его историкъ, но имѣютъ значеніе только узоровъ на картинѣ его жизни, а не самого фона, и притомъ мелкіе недостатки не должны заглушать большихъ его достоинствъ.

Суворовъ какъ бы олицетворялъ въ себѣ нравственную мощь Русскаго народа, которому онъ принадлежалъ также и по своему происхожденію, и по своей близости къ народу, и по своему простому образу жизни: сынъ Русскаго помѣщика, дѣтство свое (въ царствованіе Анны Іоанновны) и часы досуговъ проводилъ въ своей родовой деревнѣ, среди Русскаго народа; фельдмаршалъ игралъ въ бабки съ деревенскими мальчиками, спалъ на сѣнѣ, похлебка и каша составляли его обычную пищу и т. п. «Я только военный человѣкъ и иныхъ дарованіевъ чуждъ», писалъ о себѣ Суворовъ; война его «оживляла», ратное поле служило для него «отдыхомъ», и не случайно величайшій Русскій полководецъ принадлежалъ тому героическому XVIII вѣку, когда, по выраженію поэта, «Россія молодая, въ *бореньяхъ* силы напрягая, мужала съ геніемъ Петра». (Суворовъ, сынъ крестника Петра, поступилъ въ военную службу по совѣту питомца Петра, ген. Ганнибала, началъ военное поприще при дочери Петра, Елисаветѣ, и затѣмъ уже возвысился «въ стаѣ славной Екатерининскихъ орловъ»).

Отчасти вліянію того же вѣка надо приписать и нѣкоторыя черты гуманности Суворова.

Какъ геній, Суворовъ возвышается надъ временемъ: онъ поистинѣ «безсмертенъ», какъ его называлъ Сардинскій король *). Какъ Русскій военный геній, онъ олицетворяетъ въ себѣ черты, сложившіяся исторически: его дѣла и рѣчи воскрешаютъ передъ нами великіе образы Александра Невскаго, Святослава «Варяга», какимъ былъ и Суворовъ по своему отдаленному предку. Въ ближайшія къ намъ годины тяжелыхъ испытаній дѣйствуютъ ученики Суворова (Кутузовъ, Багратіонъ, Милорадовичъ, Платовъ), вспоминается «тѣнь» великаго полководца, «Измаильскій штыкъ», доселѣ существуетъ Русская «Суворовская школа». Какъ міровой геній, Суворовъ чувствуетъ свое родство съ другими міровыми геніями и, подобно великимъ поэтамъ, оставляетъ своего рода «памятникъ»—самоопредѣленіе. Называя себя «вождемъ вождей», какъ его называли современники и какимъ онъ былъ фактически, Суворовъ говоритъ: «Методикъ подо мною, я выше правилъ; я не уступалъ Юлію Цезарю, наставнику моему, до Кобрина; я лучше покойнаго Прусскаго короля (т. е. Фридриха II): я милостію Божіею баталіи не проигрывалъ»... Съ великими военными геніями у Суворова можно замѣтить совпаденіе и во внѣшнихъ пріемахъ, и въ выраженіяхъ, и даже въ мѣстѣ дѣйствія. Подобно Леониду, на замѣчаніе о числѣ враговъ Суворовъ отвѣтилъ: «все же ихъ не столько, чтобы заслонить намъ солнце», и Рымникскіе побѣдители, подобно Мараѳонскимъ, увѣнчали себя зелеными вѣтвями; подобно Эпаминонду, Суворовъ замѣтилъ: «Адда, Треббіа, Нови—родныя сестры», съ тѣмъ однако различіемъ, что, вмѣсто «двухъ дочерей» Эпаминонда, Суворовъ оставилъ послѣ себя цѣлое потомство дочерей и сыновей. Битва при Треббіи происходила на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за 218 л. до нашей эры Ганнибалъ разбилъ на голову Римлянъ. Наконецъ, Суворовъ повторилъ и Ганнибаловскій переходъ черезъ Альпы—«вѣнецъ военнаго поприща Суворова», далеко оставившій за собою прославленный «Анабазисъ».

Современники вполнѣ оцѣнили эти подвиги «графа Рымникскаго», «графа Священной Римской имперіи» (т. е. Австрійской имп.), фельдмаршала (графъ и фельдмаршалъ «двухъ имперій»), «князя Италійскаго», «генералиссимуса», «Россійской арміи побѣдоносца», «кузѣна короля» (Сардинскаго), которому приказано было отдавать «императорскую честь», у котораго въ церкви села Кончанскаго находилась цѣлая витрина различныхъ высшихъ орденовъ, которому, наконецъ, луч-

*) „Русскій Инвалидъ“, сообщаетъ что генералиссимусъ Суворовъ до настоящаго дня офиціально, приказомъ по военному вѣдомству, не исключенъ изъ списковъ умершихъ.

шіе Русскіе поэты слагали оды, эпистолы, а народъ — свои безъискуственныя пѣсни... Мы можемъ сказать только, что доселѣ ни одинъ лучъ его военной славы не померкъ, ни одинъ, такъ сказать, лепестокъ его побѣднаго вѣнка не увялъ. Велико историческое значеніе этой дѣятельности, этихъ подвиговъ Суворова, направленныхъ къ разрѣшенію самыхъ жизненныхъ задачъ Русскаго народа, Русскаго государства, каковы собираніе Русской земли (Польскія войны), достиженіе естественныхъ границъ (Турецкія войны), идейная борьба или «борьба вооруженныхъ мнѣній», какъ были названы коалиціонныя войны и т. п. Никто глубже Суворова не сознавалъ истинныхъ задачъ Русскаго народа; поэтому и несправедливо ставить ему въ вину тѣ или иныя отклоненія. Суворовъ терпѣть не могъ служить для другихъ, «мартышкинымъ каштаннымъ котомъ», т. е. вытаскивать каштаны для другихъ Русскими руками. Еще въ Польскую войну Суворовъ замѣтилъ, что «союзники ѣздятъ на Россійской шеѣ», что Россія затѣмъ работала въ Голландіи на Англію, какъ въ Италіи трудилась на пользу Австріи, и онъ, какъ извѣстно, составлялъ планъ будущей кампаніи противъ Франціи, даже въ свой катихизисъ включилъ статью «о вѣтреныхъ безбожныхъ Французахъ, которые дерутся колоннами и которыхъ надо бить колоннами же»... Скорѣе можно считать «несчастьемъ», что Суворову не суждено было выполнить свои планы, помѣрить свои силы съ Наполеономъ: можетъ быть, мы тогда не знали бы 1812-го года и Турецкихъ войнъ истекающаго столѣтія. По крайней мѣрѣ, приблизительно такъ думалъ одинъ Французскій полководецъ (Макдональдъ), который, указывая Русскому посланнику на окружавшихъ Наполеона лицъ, замѣтилъ: «Не видать бы этой челяди Тюильрійскаго дворца, если бы у васъ нашелся другой Суворовъ»...

Но значеніе Суворова выше одной военной сферы. Какъ общественный дѣятель, Суворовъ является однимъ изъ величайшихъ и привлекательнѣйшихъ лицъ Русской исторіи, составляетъ національную драгоцѣнность. Одинъ Англійскій лордъ замѣтилъ, что «Суворовъ въ тактикѣ есть тоже самое, что̀ Рембрандтъ въ живописи»..: Vice versa позволительно сказать, что Суворовъ въ Русскомъ военномъ искусствѣ есть тоже самое, что̀ Глинка въ музыкѣ, Пушкинъ въ поэзіи.

Хотя, по словамъ Суворова, «дѣло лучше описанія», но дѣянія и жизнь Суворова еще ждутъ своихъ Плутарховъ и Ксенофонтовъ. Въ этомъ долгъ и одна изъ задачъ начавшагося второго столѣтія памяти Суворова.

А. П. К.

КЪ БІОГРАФІИ ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА САЛТЫКОВА.

Въ бумагахъ покойнаго настоятеля церкви Св. Николая Чудотворца Министерства Народнаго Просвѣщенія, протоіерея Θеофана Семеновича Разумовскаго, хранилась современная копія духовнаго завѣщанія графа Петра Ивановича Салтыкова, доставшаяся покойному протоіерею отъ тестя его, Орловскаго священника Іакова Остромысленскаго. Намъ же этотъ документъ переданъ дочерью отца Θеофана и супругой преемника его, протоіерея Θеодора Сергѣевича Левашова, Анной Θеофановной.

Сынъ Московскаго военнаго губернатора, графа Ивана Петровича Салтыкова (ум. 14 Ноября 1805 г.), графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ служилъ сначала дѣйствительнымъ камергеромъ при высочайшемъ дворѣ, потомъ былъ поручикомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. За тяжкую рану, полученную имъ въ Аустерлицкомъ сраженіи, награжденъ Св. Георгіемъ 4-го класса. Въ 1812 году онъ сформировалъ собственный гусарскій полкъ (Московскій), и въ томъ же году скончался отъ горячки, которою онъ заразился въ лазаретахъ, навѣщая ежедневно своихъ больныхъ солдатъ.

По свидѣтельству М. П. Погодина, графъ П. И. Салтыковъ, „умирая, завѣщалъ всѣхъ своихъ крестьянъ, въ числѣ 20 т. душъ, отпустить на волю. Возникшее по поводу этого завѣщанія дѣло длилось очень долго и рѣшено не согласно съ волею завѣщателя“. (*Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1888. I, 3*).

Николай Барсуковъ.

1 Ноября 1900 г. С. Гіёвка,

*

Во имя Животворящей Нераздѣльной Троицы Отца, и Сына, и Святого Духа. По случаю вторженія непріятеля въ предѣлы Россіи, угрожая ей потрясеніемъ спокойствія и благоденствія, я, по примѣру соотечественниковъ моихъ, присоединяя себя къ вооружившимся на защиту отечества и отраженіе злоумышляющаго врага, на сей конецъ признаю нужнымъ сдѣлать распоряженіе движимому и недвижимому имѣнію моему нижеслѣдующее.

1. Недвижимое имѣніе мое, доставшееся мнѣ по наслѣдству, такъ и пріобрѣтенное мною во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ оныя состоятъ и сколько числомъ душъ по 6-й ревизіи за мною значатца, какъ мужеской, такъ

и женской родъ, съ ихъ дѣтми и имуществомъ, безъ всякаго исключенія, обращаю въ вѣдомство казенное, въ состояніе вольныхъ хлѣбопашцевъ.

2. Хотя крестьяне мои и обратятся въ вольное состояніе, но прежде, однакоже, возлагаемыя на нихъ мною новыя обязанности должны ненарушимо быть выполнены. Домъ, имѣющійся въ селѣ Мареинѣ, назначаю жильемъ для воспитанія бѣдныхъ юношей всякаго состоянія, преимущественно же дѣтей вдовъ, потерявшихъ мужей своихъ за отечество на полѣ брани. Число воспитанниковъ не ограничиваю, но сіе установитца по усмотрѣнію. На ихъ ученіе и безбѣдное содержаніе назначаю навсегда казенный окладъ оброка мною уволенныхъ крестьянъ Московской и Калужской губерній.

3. Купленные крестьяне на имя мое, кои равно содѣлываютца свободными, но дабы хозяева ихъ отъ сего не пришли въ упадокъ, крестьяне мои обязаны будутъ внести денги владѣльцамъ по справедливости, сколько должно будетъ по расцѣнкѣ.

4. Имѣнія, состоящія Симбирской губерніи, содѣлаваются равно свободными, однакожъ не прежде, какъ по уплатѣ моего долга, сколько его окажетца, какъ въ казенномъ мѣстѣ, такъ и частнымъ лицамъ. Но дабы сею обязанностію не отяготить крестьянъ, въ помощь сему назначаю въ продажу все движимое мое имѣніе, какъ домы Московскіе съ мебелью, конскіе заводы, всѣ вещи въ Мареинѣ находящіяся, винокуренные заводы съ мѣдною посудою, такъ и протчіе заводы, въ имѣніяхъ моихъ находящіеся, серебренные сервизы, словомъ все, что̀ въ продажу поступить можетъ. По сему предмету управляющему вотчинами моими Феодору Щеткину доставить со всѣхъ имѣній движимыхъ и недвижимыхъ на продажу и на очистку моего долга назначенныхъ. Для выполненія сего назначаю годъ времени со дня извѣщенія о смерти моей, то-есть дабы въ составъ сего поступили годовые доходы со всѣхъ моихъ имѣніевъ безъ исключенія, и съ самаго имѣнія, на содержаніе воспитательнаго дома назначенное.

5. Каменное строеніе въ селѣ Порѣцкомъ назначаю убѣжищемъ моимъ крестьянамъ, всѣмъ, кои пожелаютъ имѣть прибѣжище, обезпечивая ихъ содержаніе выручаемыми доходами съ мелницавъ, находящихся во всей волости Порѣцкой.

6. Пчелники господскіе, собранный съ нихъ воскъ и доходъ посвящаю церкви Божіей.

7. Отданные мнѣ подъ сохраненіе восемнадцать тысячъ рублей денегъ господиномъ маіоромъ и кавалеромъ Московскаго гусарскаго полку Колокольцевымъ, преимущественно предъ всѣми моими кредиторами, поставляю себѣ должнымъ правиломъ завѣщать, чтобы при

первомъ его востребованіи изъ доходовъ или движимыхъ вещей, золота и серебра, возвратить всю означенную сумму сполна, какъ деньги мнѣ не бывши мнѣ принадлежащія; но по случаю войны и обязанности моей къ полку могутъ быть издержаны; почему и завѣщаю выполнить сіе въ точности, безъ задержанія и не доводя его ни до какихъ затрудненіевъ. Возлагаю сіе выполненіе непосредственно на довѣрителей сей духовной, такъ и на управляющаго вотчинами моими, Симбирской губерніи крестьянина Өедора Щеткина, сдѣлавши полное удовлетвореніе, во увѣреніе сего взять квитанцію.

8. Всѣ бриліанты, хранящіеся у жены господина штабсъ-ротмистра Московскаго гусарскаго полка Брока, за сдѣланную мною ему подушевной суммы, исключая имѣющагося у него моего обязательства на 50 тысячъ рублей, такъ и за самое его ко мнѣ усердіе, оказанное во все время со мною его пребыванье, а паче въ военное время противу Французовъ, предоставляю ему и дѣтямъ его въ ихъ собственность, безъ всякаго на сіи вещи искапія отъ наслѣдниковъ моего рода.

9. Крестьянину моему Өедору Щеткину, желая вознаградить его ко мнѣ усердіе, вѣрность въ дѣлахъ и дѣятельность во всѣхъ порученіяхъ, содѣявши его свободнымъ, назначаю ему, изъ вырученной имъ суммы доходовъ, десять тысячъ рублей.

10. Дворовые люди, служившіе покойнымъ моимъ родителямъ и мнѣ, по старости ихъ, или другимъ какимъ неспособностямъ отъ двороваго служенія, удалены въ разныя деревни на господское содержаніе. Люди сіи, не имѣя своихъ домовъ, ни ремесла, ниже знанія обработыванья полей, дабы не ввести сихъ людей въ нищету, безъ всякихъ способовъ къ сыисканью трудами своими хлѣба насущнаго, возлагаю на довѣрителя моего духовнаго завѣщанія, устроить ихъ существенность безбѣдныымъ образомъ доставленіемъ имъ пропитанія, кои ко благу ихъ усмотрѣно будетъ удобнѣйшими. Сіе духовное завѣщаніе не прежде должно имѣть свое дѣйствіе, какъ по вѣрному удостовѣренію о моей смерти, а до событія въ ономъ воли Божіей все должно оставатца въ прежднемъ повиновеніи и состояніи. Для распоряженія сего духовнаго завѣщанія, избираю душеприкащиками моими: господина камергера князя Сергѣя Николаевича Гагарина, Московскаго гусарскаго полка маіора и кавалера Колокольцова, штабсъ-ротмистра онаго-жъ полка Брока. Что сіе духовное завѣщаніе писано по согласію моему душевному, въ здравомъ разумѣ и въ свѣжей памяти, въ томъ свидѣтельствую.

На подлинномъ подписано его сіятельства рукою тако: По случаю смутныхъ обстоятельствъ, показавшихся въ Москвѣ по приближенію непріятеля къ границамъ Московской губерніи, присутственныя мѣста, гдѣ должно бы заявить сію духовную, были бездѣйствующими; почему

въ концѣ завѣщанія сказываю и въ подачѣ оной куда слѣдуетъ вѣрю подать управляющему моему Симбирскими моими вотчинами, крестьянину села Порѣцкаго Ѳедору Степанову Щеткину; по приложенному же при сей моей духовной реестру во ономъ означеннымъ людямъ дать награжденіе изъ выручаемой суммы отъ продажныхъ вещей. Къ сему моему духовному завѣщанію собственноручно подписуюсь: графъ Петръ графа Иванова сынъ Салтыковъ.

По сему духовному завѣщанію, что оное дѣйствительно писано въ разумѣ и памяти, въ томъ свидѣтельствую маіоръ и кавалеръ Колокольцовъ. Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь Московскаго гусарскаго полка подполковникъ и кавалеръ Алексѣй Александровъ сынъ Наумовъ. Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь Московскаго гусарскаго полка подполковникъ и кавалеръ Дмитрій Николаевъ сынъ Мордвиновъ и руку приложилъ.

Реестръ нижезначущимъ людямъ, а именно.

Иностранцы: 1) Василій Васильевъ Шрейдеръ — пять тыс. рубл. 2) Крестьянъ Филистеръ—двѣ т. р. 3) Иванъ Аро—три т. р. 4) Иванъ Миллеръ—тысячу р.

Люди мои: 5) Тимоѳей Семеновъ Кратовъ, тысячу р. 6) Василій Еврейской—двѣ т. р. 7) Илья Глотовъ—двѣ т. р. 8) Иванъ Шапошниковъ—пятьсотъ р. 9) Дороѳей Береза —пятьсотъ р. 10) Николай Заведей—триста р. 11) Петръ Бубновъ—тысячу р. 12) Степанъ Петровъ—четыреста р. 13) Андрей Ивановъ—четыреста р. 14) Мартынъ Григорьевъ—четыреста р. 15) Петръ Соловьевъ—двѣсти р. 16) Гаврила Головлевъ—двѣсти р. Въ семъ реестрѣ шестнадцать человѣкъ. Графъ Петръ графа Иванова сынъ Салтыковъ.

Н. П. ГИЛЯРОВЪ О ПУШКИНѢ.

(По поводу отзыва „Московскихъ Вѣдомостей“).

Въ 320 № „Московскихъ Вѣдомостей“ нынѣшняго года напечатана замѣтка подъ заглавіемъ: „Все ли вокругъ насъ темнѣетъ?“. Въ ней находится слѣдующая фраза о Пушкинѣ: „Напрасно думать, что Пушкина прежде щелкалъ только Писаревъ. Не говоря уже о Добролюбовѣ или г. Скабичевскомъ, вообще о „либералахъ“, у Славянофила Гилярова-Платонова, напр., въ статьѣ 1871 года, мы читаемъ, при общемъ „пренебрежительномъ“ тонѣ (кавычки въ подлинникѣ), что Пушкинъ по содержанію „не далеко ушелъ“ отъ своихъ предшественниковъ (Соч. Гилярова-Платонова, 2 т., стр. 480). Въ 1880 году, послѣ рѣчи Достоевскаго, Гиляровъ - Платоновъ заговорилъ совсѣмъ другимъ языкомъ“.

Не всякій читатель пойдетъ справляться съ сочиненіями Гилярова. Многіе повѣрятъ на слово неизвѣстному автору помянутой статьи и конечно поймутъ, что наименованіе „Славянофила“ придано Гилярову для того, чтобы его выставить представителемъ мнѣній этого направленія, подобно тому, какъ „либералы“ олицетворены Писаревымъ. Хотя оцѣнка Пушкина есть какъ бы частный вопросъ и не можетъ самъ по себѣ доказывать тождества или близости этихъ направленій; но это только такъ кажется для читателя невнимательнаго. Для болѣе внимательнаго явствуетъ другое: „Пушкинъ“, по мнѣнію автора статьи, „не столько поэтъ, сколько наиболѣе полный представитель національнаго міросозерцанія“. Такимъ образомъ, славянофилы оказываются единомысленны крайнимъ либераламъ въ дѣлѣ „щёлканія“ національнаго, иначе ортодоксальнаго, міровоззрѣнія. По крайней мѣрѣ, такими они были до 1880 года въ лицѣ ихъ представителя, по словамъ составителя статьи.

По сдѣланной мною справкѣ съ изданіемъ сочиненій Н. П. Гилярова (за каковое нельзя достаточно благодарить К. П. Побѣдоносцева) оказывается однако не совсѣмъ то, что можно бы заключить изъ приведенныхъ выраженій относительно характера всей статьи Гилярова и того отдѣльнаго выраженія, которое изъ нея приведено. Статья эта писана была съ цѣлью убѣдить Московское Городское Управленіе стать во главѣ дѣла сооруженія памятника Пушкину. Конечно странно допустить мысль, что авторъ ея сталъ бы выражаться „пренебрежительно“ о томъ, кому онъ желалъ бы воздвигнуть памятникъ, да еще всенародный. На первыхъ же стро-

кахъ статьи встрѣчается, напр., такой отзывъ о Пушкинѣ: „Онъ величайшій изъ Русскихъ поэтовъ и одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Европейскихъ“; на 480 стр. читаемъ слѣдующее: „Да, Пушкинъ есть творецъ Русскаго языка; творецъ того языка, которымъ всѣ мы говоримъ и пишемъ; который въ его устахъ, первыхъ, сталъ дѣйствительнымъ полнымъ орудіемъ всенароднаго единства“. Пока „пренебрежительности“, кажется, незамѣтно. Но ее усматриваетъ авторъ „замѣтки“ „Московскихъ Вѣдомостей“ во фразѣ, на той же страницѣ находящейся: „Не содержаніе было причиной (успѣховъ Пушкина); оно не далеко уходило отъ предшественниковъ и не могло поразить“. Какой бы ни былъ смыслъ этой фразы, но во всякомъ случаѣ уже, a priori, трудно предполагать, чтобы пишущій статью съ той цѣлью, какую преслѣдовалъ Гиляровъ, хотѣлъ ей придать смыслъ „умалительный“ для заслугъ и значенія лица, которому онъ желаетъ соорудить памятникъ. Пока не будетъ доказано, что эта фраза какъ бы случайно сорвалась съ его пера и тѣмъ высказала невольно для писавшаго затаенный въ немъ злой умыселъ, естественнѣе постараться ее понять въ смыслѣ согласномъ съ самой цѣлью статьи. И, дѣйствительно, по прочтеніи всей статьи смыслъ фразы становится вполнѣ яснымъ: Гиляровъ избралъ темой для своихъ доводовъ въ пользу сооруженія памятника *заслугу Пушкина, какъ творца обще-русскаго культурнаго языка.* Избралъ онъ ее не потому, чтобы онъ думалъ, что весь Пушкинъ этой заслугой исчерпывается; но только потому, что онъ считалъ, что такаго конкретнаго результата, какъ сооруженіе памятника, всего удобнѣе достигнуть, основавъ дѣло на той сторонѣ дѣятельности Пушкина, о которой разномысліе невозможно: ибо установленный имъ языкъ одинаково дорогъ и для либерала, и для Славянофила, и для всякаго, имѣющаго потребность въ вполнѣ выработанномъ орудіи мыслей. Если онъ въ данномъ случаѣ какъ бы суживалъ многостороннее значеніе Пушкина, то, конечно, не по тому, чтобы онъ его не понималъ; послѣдующія его статьи доказываютъ противное; и хотя онѣ писаны послѣ знаменитой рѣчи Достоевскаго, но ничѣмъ не доказано, чтобы смыслъ ихъ былъ заимствованъ у Достоевскаго. Выставляя, такимъ образомъ, Пушкина какъ „творца языка“, Гиляровъ хотѣлъ оттѣнить именно какъ бы магическое впечатлѣніе, произведенное на современниковъ появленіемъ этого своего рода откровенія въ области слова, вовсе необъяснимое однимъ содержаніемъ того, о чемъ онъ пѣлъ и говорилъ, такъ какъ предметы, имъ выдвигаемые, сами по себѣ не могли поразить неожиданностью, ибо они были почерпнуты изъ обычнаго круга понятій и представленій; т.-е. „предметы“, „сюжеты“, а не то, какъ онъ ихъ обработалъ. На предшествующихъ 480-ой страницахъ Гиляровъ проводитъ ту мысль, что Пушкинъ, какъ сынъ своего вѣка и среды, невольно вращался въ сферѣ представленій, средѣ и вѣку свойственныхъ; съ ними онъ выступилъ на литературное поприще, какъ съ предметами творчества, но не ими онъ поразилъ современниковъ, а именно тѣмъ, въ какую словесную форму онъ ихъ облекъ; внутренній же процессъ исканія и развитія его болѣе зрѣлыхъ идеаловъ, не вполнѣ „де“ въ немъ успѣвшихъ развиться, вслѣд-

ствіе ранней смерти, шелъ-„де“ въ немъ своимъ чередомъ. Но не благодаря этому завладѣлъ онъ умами, какъ нѣкій чародѣй, а благодаря волшебству языка, проявленія котораго Россія ждала болѣе ста лѣтъ, и до него не находила. Изъ этого, кажется, ясно, что слова Гилярова вовсе не имѣютъ цѣлью „щёлканья“ ни Пушкина, ни выражаемаго имъ національнаго міровоззрѣнія, и тѣмъ менѣе въ унисонъ съ Писаревымъ и Добролюбовымъ. Если же дѣйствительно можно въ комъ усматривать желаніе „щёлкнуть“, то, конечно, не въ Гиляровѣ—„щёлкнуть“ Пушкина, а въ авторѣ замѣтки „Московскихъ Вѣдомостей“—„щёлкнуть“ Гилярова, а въ немъ единомысленныхъ ему такъ называемыхъ Славянофиловъ. Не даромъ же помянутъ онъ съ придачей изобрѣтеннаго Бѣлинскимъ предиката, который особенно любезенъ всѣмъ противникамъ этого Православно Русскаго направленія, такъ какъ предикатъ этотъ даетъ возможность затемнять передъ обществомъ суть того, что желательно дискредитировать. Хорошо еще, если бы въ одномъ этомъ выражалась солидарность мнимо-консервативнаго нигилизма съ общеизвѣстной воинствующей его формой. Къ сожалѣнію, они сходятся въ болѣе существенномъ—въ тождествѣ результатовъ дѣятельности: одни открыто ниспровергаютъ народное міровоззрѣніе, а другіе извращаютъ это воззрѣніе, превращая его изъ народнаго въ „національное“; упраздняютъ же его оба.

Д. Х.

1900 года Ноября 20 дня.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Въ „Запискахъ К. Н. Лебедева“ Иркутскій губернаторъ *Трескинъ* ошибочно названъ *Траскинымъ*. Сказанному о немъ надобно противопоставить отзывы барона Штейнгеля въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1900 года.

*

Въ X-ой кн. стр. 190-я, 5-я строка снизу, вмѣсто *Маренъ* слѣдуетъ *Марьнъ*.

Тамъ же, стр. 192-я, строка 22-я снизу, вмѣсто *изткоште* слѣдуетъ *изткните*.

*

Прочитывая № 5-й „Русскаго Архива“ за текущій годъ, въ статьѣ „Автобіографія Суворова“ я встрѣтилъ на 12-й страницѣ сноску, изъ которой оказывается, что техническое выраженіе текста „. . . . компутовыхъ хоронгъ . . . .“ не можетъ быть объяснено.

Смѣю привести нижеслѣдующее объясненіе.

Компутъ — по-польски *komput* (отъ Латинскаго computare — считать), значитъ счетъ, списокъ чего-нибудь, наприм., людей.

Компутовы — списочный, состоящій въ спискѣ, штатный.

Хоронгъ (множественное число, въ автобіографіи написано неправильно) въ единственномъ числѣ—*хоронгевъ*, по-польски *chorągiew*. Буквальное значеніе: хоругвь, знамя, значекъ; соотвѣтствуетъ въ настоящее время штандарту, Въ Польскомъ войскѣ (до конца XVIII в.) это слово означало боевую кавалерійскую единицу неопредѣленной численности. Польская шляхта пользовалась преимуществомъ служить, во время войны, на конѣ, въ кавалеріи. Начальникомъ кавалерійскаго отряда былъ vexillator, хорунжій; по-польски chorąży, у котораго въ мирное время сохранялось знамя. Каждый повѣтъ (powiat), уѣздъ или земля имѣли своего хорунжаго. Во время войны повѣтовая (уѣздная) или земская шляхта собиралась въ полномъ боевомъ снаряженіи къ своему хорунжему, къ своему знамени, составляла боевую единицу—хоронгевъ, и именовалась названіемъ повѣта (уѣзда) или земли: хоругвь Ошмянская, Пинская. Въ XVIII вѣкѣ оказалась необходимость имѣть постоянную конницу. Въ нее поступали по найму. Поступившимъ велись списки, снаряженіе получалось отъ правительства. Изъ нихъ составили штатные конные отряды, т.-е. *компутовыя хоронгви.*

Алексѣй Морель.

СОДЕРЖАНІЕ
ТРЕТЬЕЙ КНИГИ
«РУССКАГО АРХИВА»
1900 года
(выпуски 9, 10, 11 и 12).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
КЪ „РУССКОМУ АРХИВУ“
1900 года*).

*) „Русскій Архивъ“ состоитъ изъ трехъ книгъ, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Римская цифра Указателя означаетъ книгу, Арабская—страницу.

*

*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ“

на **1901** годъ

въ составъ которой войдетъ **роскошно-иллюстрированное изданіе in folio:**

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

ИЛИ

„МЕРТВЫЯ ДУШИ“

Поэма **Н. В. Гоголя,** въ 2-хъ частяхъ.

Съ 355 иллюстраціями, **10** геліогравюрами и портретомъ **Н. В. Гоголя** на стали.

Изданіе выйдетъ въ теченіе 1901 **г. въ 12-ти ежемѣсячныхъ выпускахъ.**

Въ предлагаемомъ нами роскошномъ изданіи **„Мертвыхъ Душъ“** читатель найдетъ обширную галлерею типовъ, цѣлую серію пейзажей и видовъ средней полосы Россіи, вереницу реальныхъ бытовыхъ сценъ и тонко подмѣченныхъ художникомъ типичныхъ чертъ Русской жизни первой половины минувшаго столѣтія,—однимъ словомъ, цѣлую художественную поэму, дорисовывающую и наглядно выясняющую намъ образы поэмы Гоголя.

Создать представляемое нашимъ изданіемъ чрезвычайно сложное и разнообразное цѣлое было бы не подъ силу одному художнику,—и это достигнуто было только благодаря соединеннымъ усиліямъ **многихъ талантливыхъ иллюстраторовъ, каковы: Андреевъ, Аѳанасьевъ, Бажинъ, Быстренинъ, Далькевичъ, Козачинскій, Маньковскій, Пироговъ, Самокишъ-Судковская, Соломко и Хохряковъ,** — которые подъ общимъ руководительствомъ **П. П. Гнѣдича,** въ теченіе пяти лѣтъ работали надъ выполненіемъ этой трудной задачи, каждый соотвѣтственно характеру и средствамъ своего таланта.

Надѣемся, что изданіе наше будетъ встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ, а благодаря **умѣренной цѣнѣ и льготнымъ условіямъ разсрочки** — явится доступнымъ для всѣхъ почитателей Гоголя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—12** р.; 2) **въ Москвѣ,** въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и **въ Одессѣ,** въ книжн. магазинѣ **„Образованіе“** (Ришельевская, 12)—**13** руб. **Съ доставкой въ СПБ. и съ пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи—14** руб. Съ перес. за **границу—16** руб. Разсрочка допускается въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Первый выпускъ **„Мертвыхъ Душъ“,** для ознакомленія съ изданіемъ, **продается отдѣльно за 1** р. съ перес. — Иллюстрированное объявленіе, съ условіями подписки и разсрочки платежа, высылается безплатно.

Требованія и деньги адресовать: въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, въ СПБ. М. Морская, № 22.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

«Русскій Архивъ» въ 1901 году будетъ выходить по прежнему **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1900 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» 1884, 1887, 1888 и 1889 получаются, по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р. Годы 1890, 1892—1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Годы 1898 и 1899 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.